

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВОСЬМОИ

ТОМЪ XXX

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ ХХХ

1887

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1887

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАВРЬ, 1887 г.

	СТР.
I. Природа и человекъ въ средней Азіи. (Путевые очерки и впечатлѣнія). Гл. I — III. Н. В. Сорокина.	5
II. Записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго. Часть третья. Гл. V и VI. (Продолженіе)	48
III. Последніе дни царствованія Екатерины II. Письма княгини Анны Александровны Голицыной	82
IV. Три центра кустарей П. С. Усова	110
Иллюстраціи: Улица въ селѣ Богородскомъ, Нижегородской губ. Горбатовскаго уѣзда. — Ворсма. — Фабрика Завьяловыхъ въ Ворсми. — Видъ села Павлова.	
V. Дочь Густава I. К. Якубова.	135
VI. О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. А. Н. Труворова.	142
VII. Бенкендорфъ и Дубельтъ П. П. Каратыгина	165
VIII. Психопатка. (Быль изъ недавней старины) А. А. Танкова.	180
IX. Покушеніе на жизнь тверскаго архіепископа Меодія. Н. П. Розанова.	198
X. Русскій дипломатъ стараго времени. А. Б—на.	205
XI. Археологическій (VII) съѣздъ въ Ярославль. П. П.	214
XII. Критика и библиографія: В. А. Бильбасовъ. Первые политическія письма Екатерины II. Спб. 1887. В—а. — Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейножь, т. I, часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887. С. Т—ва. — Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый Комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кievскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть VII. Томъ I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ. 1886. М. Г—наго. — Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Естественно-историческая часть. Отчетъ нижегородскому губернскому земству. Работа, исполненная подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора Петербургскаго университета В. В. Докучаева. (Изданіе нижегородскаго губернскаго земства). Спб. 1884—1886. П. У. — Восточные народы и греки. Историческіе рассказы по Геродоту. Составлено профессоромъ Вильгельмомъ. Переводъ съ нѣмецкаго языка Ивана Виноградова, преподавателя Вяземской гимназіи. Москва. 1887. Е. Г. — Холерный годъ. 1830 — 1831. Историческая монографія, составленная по печатнымъ матеріаламъ и устнымъ рассказамъ современниковъ П. Каратыгинимъ. Спб. 1887. В. З.	222
XIII. Загравичныя историческія новости	234
XIV. Слѣсь: Пещеры при церкви св. Іліи, въ Черниговѣ. — Монеты XVI вѣка. — Научный и историческій отдѣлъ Екатеринбургской выставки. — Рѣдкія книги и рукописи на нижегородской ярмаркѣ. — Нижегородское древлехранилище. — Некрологи: Р. В. Бернгарда, С. М. Макаровой, Е. Марлиттъ.	242
XV. Забѣтки и поправки: По поводу статьи г. Путилова «Могила іеромонаха Арсенія». П. А. Мордовскаго.	247
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Екатерины II, въ 1794 году. — 2) Карнавалъ короля Геронима. Историческій романъ Г. Бенига. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть четвертая. Гл. XVIII. Часть пятая. Главы I—V. (Продолженіе).	

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II ВЪ 1794 ГОДУ.
Съ портрета того времени, сдѣланнаго съ патуръ карандашомъ Шубинимъ.
(Подлинникъ въ Эрмитажѣ).

дозв. ценз. спс.. 25 септембра 1887 г.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(Путевые очерки и впечатлѣнія).

I.

ТОЯЛА ЧУДНАЯ весенняя погода, когда я и товарищъ мой, зоологъ, выѣхали изъ Оренбурга, направляясь въ пустыни Средней Азіи.

Оставить цивилизованный край, для того чтобы цѣлые полгода пожить безпокойной бивуачной жизнью, представлялось неособенно привлекательнымъ; но, стоило только вспомнить, какія чудеса, какіе нравы, какія страны придется встрѣтить,—и вся не-приглядная сторона путешествія ступшеывалась, отодвигалась на задній планъ, и каждый изъ насъ спѣшилъ уложиться, старался пораньше выбраться изъ Россіи, раздражался всякимъ промедленіемъ...

Въ силу всего этого, мы весело болтали, сидя въ покойномъ тарантасѣ. Какъ-то особенно легко дышалось. Чувство полнѣйшей свободы заставляло чуть не прыгать на мѣстѣ.

А кругомъ разстилалась зеленѣющая равнина. Солнце садилось въ тучу. Косые лучи обливали всю даль теплымъ розовымъ свѣтомъ. Края облаковъ, громоздившихся на западѣ, горѣли ослѣпительнымъ блескомъ. Оренбургъ скрывался за пригоркомъ. Только бѣлая колокольня виднѣлась на горизонтѣ.

Пусто было кругомъ. Ни одного пѣшехода, ни одной повозки не виднѣлось нигдѣ, насколько хваталъ глазъ.

Не успѣли вдоволь наговориться, какъ уже стало темнѣть. Степь закуталась въ сумеркахъ, дорога еле виднѣлась.

Надо было подумать о ночлегѣ. Подъ этимъ, конечно, не подразумевалась остановка, — совсѣмъ нѣтъ; слѣдовало только въ тарантасѣ сдѣлать кое-какія перемѣненія.

Въ такихъ дальнихъ путешествіяхъ, каково было наше, когда разстоянія считаются тысячами верстъ, экипажъ превращается въ постоянное жилище. Само собою разумѣется, что привыкаешь видѣть въ немъ все необходимое на извѣстныхъ, заранѣе избранныхъ мѣстахъ: ящики съ провизіей, положимъ, должны стоять тамъ-то, кожаная подушка—лежать такъ-то, пледъ, шуба, шарфы, все принаровлено такъ, чтобы днемъ позволяло свободно двигаться, свободно вставать съ мѣста, вылѣзть и опять садиться.

На ночь—все измѣняется. Шуба и теплое платье, вообще, вытаскиваются на свѣтъ Божій, подушка кладется нѣсколько иначе, чтобы было поудобнѣе прикорнуть, а ящики съ провизіей заталкиваются подалеже подъ козлы. Такимъ образомъ, въ тарантасѣ дѣлается просторнѣе и является полнѣйшая возможность расположиться даже съ нѣкоторымъ комфортомъ.

То же самое было и въ тотъ вечеръ, когда мы выѣхали изъ Оренбурга. Наше походное жилище должно было не разставаться съ нами до самаго Самарканда, шутка ли!

Понятно, что мы съ необыкновеннымъ стараніемъ озаботились снаряженіемъ этого движущагося кабинета.

Правда, много было хлопотъ съ зоологическими банками, бутылочками, инструментами, ружьями и проч., тѣмъ не менѣе, съ наступленіемъ темноты, все пришло въ желанный порядокъ. Я закутался въ ергаки, совершивъ уже одно путешествіе въ Кара-Кумы, и съ удовольствіемъ улегся, въ надеждѣ отдохнуть нѣсколько отъ утомительнаго хлопотливаго дня.

Подулъ вѣтеръ изъ-подъ тучи. Пыль налетѣла вихремъ.

— Непогода будетъ! заявилъ ямщикъ, останавливая тройку и вытаскивая изъ-подъ себя зипунъ. Человѣкъ, взятый нами изъ Оренбурга въ качествѣ лакея, послѣдовалъ его примѣру. Нѣкоторое время продолжалась возня. Слышно было какъ лошади пофыркивали, звякалъ колокольчикъ, гармонично звенѣли бубенчики.

Наконецъ, возня на козлахъ кончилась, тарантасъ снова заступалъ по твердой и гладкой дорогѣ, колокольчикъ залился неумолкаемой трелью, и мы понеслись куда-то въ просторъ и темноту.

Изрѣдка холодный вѣтеръ распахивалъ воротникъ шубы и дулъ въ лицо. Еще полчаса и дождевая капля щелкнула въ лобъ. Застегнули кожаный фартукъ, опустили зонть. Измученные сборами, мы отлично вздремнули.

Очнулись—стоимъ. Прямо въ глаза ударилъ свѣтъ отъ фонаря. Полосатый мокрый столбъ торчалъ у крылечка съ навѣ-

сомъ, а передъ нами переминался съ ноги на ногу писарь со станціи.

Дождь пересталъ. Съ крыши звонко стекала вода. Большая лужа передъ окномъ отражала освѣщенный четырехъ-угольникъ, занавѣски и даже густую герань съ красными цвѣтами.

Надо было доставать подорожную и, слѣдовательно, немного потревожиться, а затѣмъ—опять покрякиванье ямщиковъ, стукъ колесъ, подчасъ порядочные толчки и крѣпкій безмятежный сонъ.

Все пространство между Оренбургомъ и Губерлинскими горами имѣло теперь, весною, совсѣмъ другой видъ; не то, что въ сентябрь, когда мы возвращались изъ Кара-Кумовъ. Зеленая трава ковромъ покрывала степь. Въ каждой лоцинкѣ еще стояла снѣговая вода. Цѣлыя тучи дичи съ шумомъ проносились надъ нашими головами.

Приходилось то и дѣло останавливаться. Зоологъ съ ожесточеніемъ палилъ изъ двухстволки и подбиралъ убитыхъ птицъ. Скоро стало тѣсно отъ наваленныхъ куликовъ, утокъ разныхъ сортовъ, даже орловъ и ястребовъ,—не было никому пощады.

Не успѣешь отъѣхать версту, слышишь—«стой!»

— Что еще?

— Погодите, погодите!

Зоологъ схватываетъ ружье, присѣдаетъ, ползетъ, прячется за камень или кустъ.

Въ ясномъ небѣ торопливо снуетъ какая-то птичка.

Вдругъ—залпъ, птичка падаетъ.

Торжествующій натуралистъ поспѣшно хватается добычу и съ восторгомъ несетъ, разсматривая крылья.

— Ахъ, какой интересный *Carpimulgus!* разсуждаетъ онъ. Однако, какъ странно, что до сихъ поръ летаетъ; обыкновенно козодой показывается въ сумеркахъ и прячутся съ восходомъ солнца. И замѣйте, есть разница въ опереніи, сравнительно съ нашимъ видомъ.

И приходится слушать цѣлую лекцію о *Carpimulgus*.

По неволѣ увлекаешься, знакомишься съ фактами, мнѣ неизвѣстными, и зорко приглядываешься къ полету каждой птицы.

Незамѣтно бѣжитъ время.

Между тѣмъ, мы въѣзжаемъ въ Губерли. Холмистая мѣстность дѣлается все выше и выше. Стали попадаться крутые спуски, трудные подъемы. И чѣмъ дальше подвигаемся, тѣмъ красивѣе горы. Далеко на горизонтѣ виднѣются отлогія отдѣльные возвышенности; онѣ жмутся другъ къ другу, сливаются подножіями, опираются боками. Сюда ближе горы круче, скалистѣе; бѣловатая обнаженія сверкаютъ на солнцѣ.

Мы въехали на высокоую вершину, отъ которой начинается по-

катость къ ближайшей станціи. Отсюда открывается прелестная панорама. Горы большія и маленькія, крутыя и плоскія, съ круглыми и острыми верхушками—какъ на ладони. Видны почти всѣ ущелья, почти всѣ долины. Особенно красивы переливы свѣтлыхъ и темныхъ тоновъ зелени, когда солнце то померкнетъ отъ набѣжавшаго облака, то брызнетъ цѣлымъ снопомъ лучей на зеленѣющій откосъ. Каждый часъ, каждую минуту, съ переменною освѣщенія мѣняется общій видъ панорамы.

Дорога извиристо подымается на пригорокъ. На его вершинѣ стоитъ телеграфный столбъ, точно забѣжавшій впередъ, чтобы взглянуть вдаль—не видна ли станція?

Тройка бойкихъ лошадокъ «однимъ духомъ», по выраженію казака, сидящаго важно на козлахъ въ картузѣ съ синимъ околышемъ, внесла насъ на холмъ и помчалась дальше.

На поворотѣ выглянула бѣлая церковь изъ-за густой зелени ивыняка, сверкнула крестомъ на синемъ небѣ.

Мы покатили по улицѣ. Станица была оживлена, благодаря какому-то празднику. Разукрашенные казачки въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ осадили насъ у станціи, предлагая пуховые платки, извѣстные всей Россіи и даже Европѣ. Цѣлую зиму сидятъ женщины надъ вязаньемъ тонкой шерсти и продаютъ свое рукодѣлье чрезвычайно дешево. Платокъ въ 4 аршина (въ квадратѣ), проходящій сквозь кольцо совершенно свободно, стоитъ рублей 12; меньшіе по размѣру продаются за 6, 5 даже 3 рубля серебромъ.

Этимъ пользуются купцы. Они закупаютъ такой товаръ большими партіями и везутъ въ Оренбургъ. Здѣсь, подъ названіемъ «оренбургскихъ шалей» сбываютъ ихъ за 25 и 30 руб. сер., въ Петербургѣ и Москвѣ за нихъ заплатишь 50 и 75 руб., а въ Парижѣ, говорятъ, они цѣнятся въ сотни франковъ. Барышъ, какъ видите, хорошій.

Пока мы торгуемся съ женщинами, тройка готова. Нѣсколько казаковъ держатъ лошадей.

— Ты, Кирюха, мотри коренную-то придерживай вначалѣ, а то подхватить, замѣчаетъ станціонный смотритель, почтеннаго вида старикъ.

— Знамъ, что дѣлать!.. не учи! ворчить парень, разбирая возжи и оправляясь на козлахъ.

— То-то «знамъ». Мотри!

Лошадей пустили. Коренная, почувствовавъ свободу, взвилась на дыбы, рванула и, поддержанная пристяжными, понеслась какъ стрѣла по улицѣ.

Давно уже мелькнула мимо насъ послѣдняя хата станицы, давно прогребѣлъ подъ колесами мостикъ, перекинутый черезъ какой-то ручей, а мы все летимъ. Ямщикъ только кнутомъ поводитъ, да смотреть впередъ не раздавить бы кого.

Но вот лошади замѣтно устаютъ. Коренная перешла на быструю рысь; только пристяжныя попрежнему скачутъ, гремя звонкими бубенчиками.

Проѣхали еще версты двѣ. Ямщикъ остановился, слѣзъ съ козелъ и началъ оправлять сбрую.

Отъ тройки шелъ густыми клубами паръ, широко раскрытыя ноздри учащенно дышали.

Дорога пролежала по берегу неширокой рѣчки. Справа и слѣва отвѣсно подымались скалы. Въ ущельяхъ густо разрослись деревья. Желто-зеленые листочки молодыхъ, только что распустившихся, беревокъ рельефно выдѣлялись на темномъ фонѣ сосѣднихъ кустовъ. Между вѣтвями сверкала вдали рѣчка, окаймленная высокимъ зеленымъ камышомъ. Кругомъ было такъ тихо, что слышалось журчанье ручейка, протекавшаго поперекъ дороги; изъ каменистой щели утеса, нависшаго надъ нами, пробиралась тонкая струйка воды и гдѣ-то падала невидимымъ каскадомъ.

Въ сторонѣ отъ дороги возвышался каменный столбъ.

— Это что за столбъ? спросилъ я у ямщика.

— А кто его знаетъ.

— Развѣ ты не здѣшній?

— Для-ча нездѣшній? здѣшній, и родился тутъ.

— Развѣ ты ничего не слышалъ отъ стариковъ, почему столбъ поставили?

— Нѣтъ, не слышалъ

— Можетъ быть, это какой нибудь пограничный?

— Можетъ быть и пограничный. Мы почему знамъ. Мало ли чего на свѣтѣ дѣлается, всего не узнашь, только мозгъ засоришь, коли обо всемъ знать. Знай только то, что надо знать.

На этомъ разговоръ и кончился.

Мы выѣхали изъ ущелья. Солнце поднялось уже высоко и начинало припекать порядочно. Ямщикъ упорно молчалъ, зоологъ пересталъ стрѣлять, такъ какъ ничего на пути не попадалось.

Наконецъ, горы разступились, вдали мелкнули строения, церковь и пожарная каланча. Налѣво сгруппировались старья, уродливыя деревья, послѣднія деревья Европейской Россіи. Вотъ и рѣка Уралъ съ деревяннымъ широкимъ мостомъ. Мы въѣзжаемъ въ Орскъ.

Небольшая площадь, на которой возвышается просторная соборная церковь, застроена множествомъ маленькихъ деревянныхъ лавочекъ. Почва устлана толстымъ слоемъ сѣна, соломы и навоза. Толпы киргизовъ снуютъ взадъ и впередъ, пѣшкомъ и верхомъ на коренастыхъ небольшихъ лошадакахъ. Кое-гдѣ видны меланхолическія фигуры верблюдовъ, на которыхъ покачиваясь развѣвajúть киргизскія красавицы съ плоскимъ сальнымъ лицомъ и узкими

глазками. Изъ кабака слышны веселая пѣсня, непечатная брань, возгласы и хохоть. Все это вмѣстѣ взятое представляетъ пеструю и шумную картину.

На станціи, гдѣ мы остановились, нельзя было ничего достать, чтобы утолить голодь. Явилась необходимость отправиться въ гостиницу, гдѣ, по увѣренію зрителя, можно достать все во всякое время. Мы пошли отыскивать.

Трехэтажный деревянный трактиръ, неуклюже сбитый изъ потемнѣвшихъ толстыхъ бревень и украшенный громадной синей выѣвской, угрюмо стоитъ на базарной площади и замѣняетъ жителямъ Орска клубъ, гдѣ можно поѣсть, выпить и узнать новости. Тамъ собираются торговцы, туда заглядываютъ богатые киргизы, сюда же попадаютъ проѣзжіе люди (въ родѣ насъ), которымъ негдѣ иначе пообѣдать. Все это доставляетъ возможность обмѣниваться мыслями, слушать разговоры о торговлѣ, политикѣ, городскихъ сплетняхъ.

По скользкой крутой лѣстницѣ взобрались мы во второй этажъ и, такъ какъ всѣ комнаты или «залы» были заняты, то намъ предоставили въ полное распоряженіе маленькое отдѣльное помѣщеніе, съ поломаною мебелью и грязнымъ поломъ. За то на стѣнѣ висѣли двѣ картины весьма интереснаго содержанія: первая, какъ гласила надпись, изображала «персипскихъ охотниковъ», сражающихся съ африканскимъ слономъ, другая—ловлю «жоко—бразильской обезьяны на островѣ Борнео».

Какъ видите, подобныя произведенія нашего отечественнаго искусства могутъ понравиться хоть кому, и мы занимались разсматриваніемъ всѣхъ этихъ разукрашенныхъ уродовъ съ большимъ вниманіемъ, пока, наконецъ, не получили долго ожидаемаго обѣда. Быть можетъ, въ другое время, у себя въ Казани, такого супа мы бы и не стали ѣсть, но здѣсь онъ показался намъ очень вкуснымъ.

Утоливъ голодь, надо было потолкаться по базару и купить многое, необходимое въ дорогѣ. Дѣлалось это въ виду того, что на станціяхъ до самаго Ташкента нельзя ничего найти ни за какія деньги, а въ Иргизѣ, Казалинскѣ, Туркестанѣ и другихъ попутныхъ городахъ, если случайно что нибудь и найдется, то за это возьмутъ въ три-дорога.

Такимъ образомъ, пришлось еще больше и ближе ознакомиться съ базарной жизнью Орска и еще разъ убѣдиться, что этотъ городокъ весьма похожъ на всякій маленькій уѣздный городъ и ничего оригинальнаго не имѣетъ, исключая киргизовъ и неразлучныхъ съ ними верблюдовъ.

Уже вечерѣло, когда мы размѣстились опять въ нашемъ тарантасѣ и, напутствуемые благими пожеланіями зрителя, двинулись въ киргизскую степь. Долго оглядывались мы назадъ, прощаясь съ Европой. Не скоро придется намъ вернуться сюда об-

ратно. Да и кто знает, суждено ли всем увидѣть снова эту церковь, пожарную каланчу, грязный базар?..

Ровной скатертью развѣтывалась передъ нами степь. Множество мелкихъ бассейновъ воды, масса дичи и здѣсь встрѣчались намъ чуть не на каждомъ шагу.

Въ лицо дулъ теплый южный вѣтеръ. Солнце садилось чисто. На небѣ невидно было ни одного облачка. Съ шумомъ пронеслась вереница дикихъ утокъ, цѣлая туча скворцовъ.. Высоко въ воздухѣ перекикались орлы, невидимые для глаза. Гдѣ-то въ сторонкѣ заливался жаворонокъ.

Въ послѣдній разъ мелькнулъ вдали Орскъ. Губерлинскія горы синей полоской тянулись на сѣверо-западѣ и постепенно ступевывались въ вечернемъ туманѣ.

Степь со всѣхъ сторонъ охватила насъ.

Мы были въ предѣлахъ Азіи.

Все пустыннѣ и пустыннѣ становится мѣстность. На пространствѣ десятковъ верстъ не видно никакихъ поселковъ. Изрѣдко на далекомъ горизонтѣ черной точкой выгянетъ почтовая станція.

Подъѣзжаете. Бревенчатый домъ, да длинные сараи для лошадей неуютно торчатъ среди голаго поля. На заднемъ дворѣ стоятъ высокія горы потемнѣвшаго камыша, которымъ кормятъ здѣсь скоть; въ сторонѣ черной дырой зияетъ колодець, весьма часто—безъ воды. Нѣсколько полусгнившихъ труповъ павшихъ лошадей, нѣсколько скелетовъ и изломанныхъ почтовыхъ телѣгъ довершаютъ картину.

А кругомъ — просторъ и безотрадность степи. Солнце сдѣлало уже свое дѣло—все мертво, пыльно и сухо.

Отъ станціи до станціи подвигались мы на югъ, пока не добрались до небольшого мѣстечка съ громкимъ названіемъ фортъ Кара-Бутакъ. Когда-то здѣсь содержался передовой отрядъ нашъ, на обязанности котораго лежало наблюдать за непокойными кочевниками, готовыми при всякомъ удобномъ случаѣ поднять голову; теперь времена ужъ не тѣ, и фортъ представляетъ собою группу невзрачныхъ домовъ и полуразрушенныхъ построекъ, расположенныхъ на берегу крутого оврага. Передъ почтовою станціей, на площади стоятъ длинныя одноэтажныя казенныя заведенія съ красными желѣзными крышами и бѣлыми стѣнами, — это лазаретъ и всякія «управленія». Нѣсколько семействъ военныхъ и чиновниковъ, заброшенныхъ судьбою въ эту тущобу, развлекаются картами, чтеніемъ запоздалыхъ газетъ и воспоминаніями прошлаго, Никакая другая жизнь, конечно, здѣсь немыслима.

Когда мы подъѣхали къ высокому крыльцу почтовой станціи, тамъ стояло рядомъ два экипажа: одинъ — старый загрязненный гарантасъ съ бѣлымъ парусиннымъ верхомъ, другой — обыкновен-

ная перекладная. Военный господинъ, въ высокихъ сапогахъ и форменномъ сюртукѣ неопредѣленнаго цвѣта, укладывалъ въ повозку тощій изодранный чемоданъ, саблю въ чехлѣ и подушку въ ситцевой наволочкѣ. Какая-то дѣвушка помогала ему.

Сѣдой курчавый ямщикъ запрягалъ коренную и сильно суетился около телѣжки.

— Живѣе, старый хрѣнъ! кричалъ сирымъ басомъ офицеръ, — чтобъ въ минуту было готово!

Увидавши насъ, онъ приподнял свою бѣлую запыленную фуражку, храбро подошелъ и съ необыкновенною развязностью затараторилъ:

— Имѣю честь кланяться, господа путешественники. И вы тоже въ средне-азіятскія владѣнія отправляетесь? очень хорошо!.. а нѣтъ ли у васъ папирозъ?

Я вышелъ изъ тарантаса, досталъ портъ-сигаръ и подаль.

— Благодарю васъ. Очень благодарю. Поистоялся, все зелье вышло. Пойдемте на крыльцо, пока станутъ животныхъ выводить. Потолкуемъ... Позвольте узнать, откуда ѣхать изволите?

Я сказалъ.

— Бываль-съ и въ вашихъ мѣстахъ. Въ юности тоже вѣдь въ университетѣ штудировалъ права всякія. Но, сообразивъ, что защитники дорогого отечества имѣютъ больше всѣхъ право на все — бросилъ храмъ науки. Сядемте-ка рядкомъ, да потолкуемъ ладкомъ.

Такъ какъ вечеръ былъ очень хорошій, то я согласился на предложеніе незнакомца помѣститься на ступеньку крыльца и послушать его странную рѣчь.

— А вы откуда? рѣшился и я обратиться съ вопросомъ.

— Изъ Оренбурга. Переведенъ теперь въ Ташкентъ. Во время послѣдней войны за Балканами былъ, Константинополь видѣлъ, въ лазаретѣ пролежалъ и побѣдоносно возвратился въ матушку Россію. Затѣмъ, получивъ приказъ отправиться въ азіятскій Парижъ, захватилъ приличную сумму серебрянниковъ, кои спустилъ въ два вечера, благодаря интригамъ товарищей, и вотъ никакъ не могу добраться до мѣста назначенія. Для сокращенія расходовъ на дорогу бросилъ даже своего деньщика; пусть, какъ птица небесная, кормится и до Ташкента прилетитъ.

Офицеръ докурилъ папиросу и забарабанилъ пальцами по периламъ крыльца, глядя куда-то вдаль. Физиономія его носила слѣды кутежей самыхъ отчаянныхъ; по всему лицу, какъ на картѣ желѣзныхъ дорогъ, распозались во всѣ стороны рѣзкія линіи морщинъ. Рыжіе щетинистые усы были какіе-то смятые, глаза — впалые, мутные. Трудно было даже приблизительно сказать, сколько лѣтъ незнакомцу? На вискахъ и въ рыжей небритой бородѣ сквовила уже сѣдина, а спина довольно сильно изогнулась дугой.

— Въ Оренбургѣ,—продолжалъ онъ,—случился со мной казусъ. Сажу это я на квартирѣ и думаю: гдѣ бы взять коверъ-самолетъ, чтобы безъ прогоновъ пролетѣть двѣ тысячи верстъ?.. Въ карманахъ пусто, въ желудкѣ — тоже, въ папиросницѣ — не больше... Вдругъ входитъ деньщикъ, мой вѣрный Санчо-Пансо, и говоритъ: «Ваше благородіе». — Чего тебѣ? — «Когда же мы выѣзжаемъ?» — Убирайся къ чорту, пока морда цѣла. — «Оно такъ-то такъ, а все-таки ѣхать нужно». — Пошелъ вонъ, говорю. — «А вы не извольте сердиться, ваше благородіе, а лучше у меня дурака спросите совѣта, я научу». — Что же это ты, скотина, смѣешься надо мною, что ли? — «Боже сохрани смѣяться, ваше благородіе; а только возможность есть» — Какая? — «А вотъ какая, ваше благородіе. Былъ я, значить, на почтовой станціи. Вижу — барыня сидитъ на крылечкѣ, на тарантасъ незапряженный поглядываетъ и горько вздыхаетъ. Я что-то спросилъ — она отвѣтила; разговорились. Узнаю, что барыня съ горничной въ Ташкентъ ѣдетъ, да однѣмъ-то безъ мужчины страшно вато. Я и говорю: мы, молъ, съ бариномъ, тоже туда на дняхъ собираемся. Ужъ такъ этому барыня обрадовалась, что и сказать невозможно! Пойди, говоритъ, голубчикъ, узнай у господина офицера, не хочетъ ли я его даромъ довезу? пусть только свою казенную подорожную представляетъ, чтобы остановки на станціяхъ никакой не было, а всѣ расходы мои». Конечно, я на такія кондиціи согласился и выигрался, какъ младенецъ во чревѣ. Черезъ два часа все было улажено, уложено и... мы двинулись. Сначала шло прекрасно; до Орска я ухаживалъ за барыней (оказавшейся вдовицей и домовладѣлицей въ Ташкентѣ) ѣлъ, спалъ, но... не пилъ. Въ Орскѣ пропустилъ штофикъ, другой... барыня носъ завернула, пьяницей обозвала. Я, не говоря дурного слова, плюнулъ на это и сталъ отчаянно ухаживать за горничной, которая была и покрасивѣе, и помоложе. Тутъ уже пошла баталія настоящая; хуже чѣмъ подъ Плевной приходилось. Однако, я все крѣпился, пока не доѣхали до сего самаго форта Кара-Бутакскаго. Здѣсь ужъ признаться я немного лишняго за галстухъ залилъ и что-то непотребное брякнулъ. И вотъ, полчаса тому назадъ услышалъ изъ устъ прелестной: «Верите ваши пожитки и отправляйтесь одни; мнѣ пьяницъ, дескать, не надо!» Такимъ образомъ, я остался между небомъ и землей, съ тремя рублями въ карманѣ, и какъ доѣду — одному Аллаху извѣстно!... О, женщины, женщины! до чего доводитъ ваша ревность!... Разозлилась барыня даже за то, что Маша укладываться мнѣ помогала... Такъ-то-съ!

Слушая рассказъ офицера и глядя на его довольно подозрительную фигуру, мнѣ пришло въ голову: а ну какъ онъ до самаго Ташкента будетъ приставать къ намъ, будетъ денегъ просить, табаку, и такъ далѣе? Я рѣшился тотчасъ же отдѣлаться отъ непрощеннаго знакомства и всталъ, намѣреваясь уйти въ комнату для проѣзжающихъ.

— Куда же это вы? — спросилъ рассказчикъ.

— Мнѣ надо... я думаю чаю напиться. Необходимо распорядиться.

— Гмъ. Жаль, что не вмѣстѣ поѣдемъ. Впрочемъ, я гдѣнибудь васъ подожду на станціи... Прощайте.

— Прощайте.

Въ комнатѣ, въ которую я вошелъ, на одномъ изъ столовъ уже пыхтѣлъ самоваръ, зоологъ суетился около чайника, вынималъ изъ синей сахарной бумаги жареную холодную курицу.

У другого сидѣли двѣ женщины. Одна — пожилая, некрасивая, уже «поблекшій жизни цвѣтъ», другая — молодая горничная, помогавшая офицеру укладывать его пожитки въ перекладную.

Не успѣли мы выпить по одному стакану чая, какъ вошелъ офицеръ. Дама отвернулась въ сторону.

— Ну, Маша, прощайте-съ! — обратился онъ къ предмету своихъ ухаживаній. — Не вспоминайте лихомъ... А вамъ благородная дама... дѣлаю вамъ реверансъ.

И онъ комично присѣлъ передъ вдовушкой, придерживая фалдочки своего сюртука, на подобіе дамскаго платья.

— Даже и взглянуть не хотятъ!... о, жестокая!... Прощайте, господа... гдѣ нибудь еще встрѣтимся! — отнесся словоохотливый защитникъ отечества къ намъ.

— Впрочемъ, дайте-ка папироску на дорогу... Благодарю. Да знаете ли что? Налейте-ка мнѣ стаканчикъ чая, что-то въ горлѣ пересохло... Побесѣдуемъ немного, а перекладная подождетъ.

Дѣлать нечего, пришлось угостить.

— И такъ, вы ѣдете въ Ташкентъ. Я отыщу васъ тамъ непременно. Покажу все, что пожелаете... Хорошій городъ. Живутъ тамъ «Ташкентцы», народъ прославленный господиномъ Щедринымъ. Надо однако замѣтить, что все это прекрасные люди, а если немного горячи, такъ вѣдь это необходимость заставляетъ. Развѣ азіяты иначе послушаютъ васъ, если воть этого инструмента съ вами не будетъ?

И онъ вынулъ изъ голенища сапога казацкую нагайку.

— У меня, благодаря этому волшебному жезлу, всегда всего довольно. Какъ только ямщикъ или смотритель станціи заартачится, я сейчасъ легонько по спинѣ штукъ десятокъ влѣплю, и все является — и лошади, и повозка, и провизія. Согласитесь сами, господа, что мы русскіе происходимъ отъ варяговъ; насъ азіяты призвали въ незапамятныя времена, чтобы водворять между ними порядокъ. Такимъ образомъ, уже тогда имѣлось два сословія: чернь и господа; мы — господа, потомки варяговъ, а чернь — до сихъ поръ осталась азіятами. Этотъ простой народъ одинаковъ вездѣ, и въ Азіи, и въ Европѣ, стало быть и мы должны быть одинаковы въ Европѣ и въ Азіи. Самъ законъ природы требуетъ, чтобы мы и

теперь водворяли порядокъ, а онъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ процвѣтаетъ нагайка. Все это я давно испыталъ и желаю быть вѣрнымъ своимъ принципамъ; будучи убѣжденъ, что я варягъ и ничего больше — сыплю нагайкой направо и налево, и совѣсть моя покойна. Смѣяться надъ моими убѣжденіями невозможно; это было бы святотатствомъ.

Смотритель вошелъ и доложилъ, что лошади господину офицеру уже давно готовы.

— Хорошо, сейчасъ выйду! — мрачно крикнулъ варягъ, допилъ не спѣша чай, дружески простился съ нами, «сдѣлалъ ручкой» обиженной дамѣ, ущипнулъ мимоходомъ горничную и звеня шпорами вышелъ изъ комнаты.

— Какой нахаль, отвратительный пьяница! — процѣдила сквозь зубы дама, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

Черезъ полчаса, выждавши когда стукъ офицерской перекладной затихъ въ отдаленіи, мы попросили смотрителя позаботиться и о нашемъ тарантасѣ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы усѣлись въ экипажъ. Въ казенныхъ зданіяхъ замигали огни. Изъ оврага потянуло свѣжестью. Тронулись.

Ямщикъ осторожно спустилъ съ горы, съ крикомъ взлетѣлъ на противоположный крутой подъемъ и бойкой рысью покатилъ по гладкой и ровной степи.

Закатъ еще слабо алѣлъ. Звѣзды мерцали въ вышинѣ. Млечный путь рѣзко выдѣлялся на темномъ небѣ. Долго толковали мы о варягахъ.

Было далеко за полночь, когда нашъ тарантасъ остановился у какой-то станціи. Подобныя остановки до сихъ поръ нисколько не мѣшали намъ спать, такъ какъ прогоны были уплачены до самаго Иргиза и нашему человеку, дремавшему на козлахъ, приходилось только показывать подорожную. Но, на этотъ разъ мы испуганно повскакали съ своихъ мѣстъ. У подъязда слышались крики, брань, что-то въ родѣ стонъ и оханья.

Приподнявши немного кожаный фартукъ, я скоро догадался въ чемъ дѣло — здѣсь свирѣствовалъ варягъ, водворялъ порядокъ.

— Я тебя засѣку, скотина! — ревелъ онъ. — Подавай сейчасъ! Ты укралъ, негодяй!

— Помилосердствуйте, ваше присходительство, — отвѣчалъ плачущій голосъ, — ей-Богу, не видалъ!

— Врешь, подлецъ! я помню, что у меня было шестьдесятъ копѣекъ мѣдью въ карманѣ. На прошлой станціи сдачу получилъ, самъ водку покупалъ у смотрителя. Выѣхали мы — я уснулъ; вдругъ просыпаюсь — денегъ нѣтъ! Кто же, спрашивается, могъ стянуть? а? Кто, кромѣ тебя, въ перекладной сидѣлъ, а?

— Можетъ, вы, ваше сіятельство, обронули какъ...

— Молчи, животное, а то опять нагайкой откатаю. Чтобъ были деньги, иначе подь судъ отдамъ, въ Сибирь соплю, въ Камчатку.

— Гдѣ же я, ваше высокоблагородіе, найду ихъ?

— А я-то почемъ знаю? Чтобъ были, и все тутъ! Ступай, ищи по дорогѣ.

На крыльцѣ, при свѣтѣ разбитаго фонаря, видна была фигура варяга съ нагайкой въ рукахъ, сзади изъ дверей выглядывала заспанная фізіономія зрителя, а у ступенекъ скучилась цѣлая толпа оторопѣвшихъ киргизовъ и русскихъ. Одинъ изъ ямщиковъ стоялъ на колѣняхъ, безъ шапки.

На насъ никто не обратилъ никакого вниманія. Брань продолжалась, крики офицера становились все громче и громче. Наконецъ, видя что его денегъ все-таки нѣтъ, онъ замахнулся нагайкой и кинулся къ плачущему ямщику.

Вѣроятно, намъ пришлось бы увидать возмутительную сцену, еслибъ въ это время изъ темноты вдругъ не послышался голосъ:

— Вотъ они, деньги-то твои, ваше благородіе.

Всѣ оглянулись. Нагайка опустилась, ямщикъ вскочилъ на ноги. Показался киргизъ; въ протянутой его рукѣ лежала куча мѣдныхъ монетъ.

— Гдѣ взялъ, мошенникъ? окрысился на него офицеръ.

— Да въ перекладной напелъ. Ты самъ должно быть разсыпалъ, какъ пьяный спалъ.

— Вотъ я тебѣ задамъ «пьяный»! Ишь, узкоглазая свинья! Давай-ка сюда, посмотримъ.

Началось сосчитываніе суммы, которая оказалась вся сполна,

— Ну, хорошо. Пошли вонъ. Эй, смотритель, лошадей!

Толпа стала расходиться. Человѣка два побѣжали снаряжать новую повозку.

— Ваше благородіе, подошелъ обиженный ямщикъ, за что же вы даромъ меня-то опозорили? Вѣдь я десять лѣтъ на станціи служу и никто меня воромъ не называлъ. За что же?

Офицеръ повернулся къ нему и захохоталъ во все горло.

— Вотъ дуракъ-то! Да ты чего присталъ ко мнѣ?

— Да собственно за что...

— Убирайся, болванъ, пока морда цѣла. Экъ, дворянинъ какой отыскался, и побить нельзя, что ли?

— Про это я, собственно, не говорю, ваше благородіе... а за что, значить, воромъ обозвали?

— Повторяю тебѣ, что убирайся пока морда цѣла.

Варягъ важно направился въ комнаты.

Почесалъ ямщикъ у себя въ затылкѣ, надѣлъ шапку и молча пошелъ къ измученнымъ лошадямъ, которыя стояли у забора, понуря головы...

Мы подъѣзжаемъ къ Иргизу. Тамъ, въ дали, можно уже разсмотрѣть церковь съ зеленою крышей, длинныя строенія крѣпости, почернѣвшія избы и домики...

Степь здѣсь уже совсѣмъ желтая, выгорѣвшая. Тамъ и сямъ по ней, какъ шарики, бѣгаютъ какія-то сѣровато-желтыя, довольно крупныя животныя. Онѣ быстро скрываются въ свои норки. Нѣкоторыя, находящіяся отъ насъ въ почтительномъ отдаленіи, стоятъ на заднихъ лапкахъ и издаютъ рѣзкій, пронзительный свистъ. То сурки.

Конечно, зоологъ стрѣляетъ чуть не въ каждого.

Но, не смотря на то, что заряды попадали въ цѣль, намъ не удалось захватить ни одного сурка. Животныя скрывались въ норы и, подойдя къ отверстию ихъ жилища, можно было слышать жалобный пискъ раненыхъ.

Уже совсѣмъ подъ городомъ, въ сторонѣ отъ дороги, лежалъ мертвый верблюдъ, раскинувъ мускулистыя ноги. Штуки четыре громадныхъ грифовъ съ голыми головами терзали его внутренности, рвали мясо.

Мы остановились. Ружье было направлено изъ тарантаса. Грянулъ выстрѣлъ. Птицы испуганно замахали крыльями, но подняться не могли. Послѣ тщетныхъ усилій покинуть землю и убраться по добру по здорову, онѣ неуклюже и какъ-то бокомъ побѣжали по степи и исчезли въ ближайшей канавѣ.

— Обожрались, проклятые, замѣтилъ ямщикъ.—Ихъ у насъ много бываетъ. А ужъ жадныя какіе — страсть!

Зоологъ былъ не въ духѣ отъ неудачной охоты и молчалъ.

Проѣхали въ бродъ мелкую, но довольно широкую рѣку Иргизъ, поднялись на крутой песчаный берегъ и очутились въ городѣ.

На плѣщади у длиннаго строенія, покрытаго камышемъ, стояли двѣ пушки, ходилъ часовой. По единственной порядочной улицѣ разгуливали куры, свинья съ поросятами, флегматично жевала пестрая корова.

Стукъ нашего экипажа нѣсколько потревожилъ жителей; десятокъ оконъ растворилось, головы мужчинъ и женщинъ выглянули и съ любопытствомъ разсматривали экипажъ и пассажировъ. Двѣ-три собаки съ лаемъ бросились къ лошадямъ, стараясь схватить ихъ за морды. Я думаю, нечего и прибавлять, что съ прошлаго года здѣсь незамѣтно было никакихъ перемѣнъ. Мнѣ показалось даже, что изломанная повозка безъ трехъ колесъ, стоявшая тогда на улицѣ близъ дома, гдѣ мы прожили нѣсколько дней, такъ и осталась на томъ же мѣстѣ и съ однимъ колесомъ.

Въ Иргизѣ надо было прогостить съ недѣлку, а потому мы съ зоологомъ наняли частную квартиру.

Въ прошломъ году (1878), когда мы проходили пески Кара-Кумы, мнѣ не удалось собрать даже плохонькаго гербарія, такъ какъ, благодаря позднему времени года, всѣ растенія были похожи скорѣе на розги. Само собой разумѣется, что, попавши теперь въ Иргизъ въ маѣ мѣсяцѣ, слѣдовало попробовать пройти отсюда въ Кара-Кумы и взглянуть на флору въ лѣтнемъ ея одѣяніи (весенія растенія уже отцвѣли).

Но, для этого, чтобы исполнить свое желаніе, необходимо было, во 1-хъ, запастись опытными проводниками, знающими мѣстность, и, во 2-хъ, достать верблюдовъ, безъ которыхъ передвиженіе по пескамъ невысказуемо.

Съ цѣлью устроить свои дѣла, я тотчасъ же по прибытіи въ городъ отправился къ исправнику.

Не успѣлъ отойти отъ квартиры нѣсколько шаговъ и—неволью остановился: по ту сторону улицы, въ мундирѣ, съ длинной саблей и въ бѣлыхъ перчаткахъ, важно выступалъ варягъ.

Я выждалъ, пока онъ не завернулъ за уголъ, и съ облегченнымъ сердцемъ двинулся дальше.

Исправникъ, толстенькій человѣчекъ, жалующійся постоянно на свое нездоровье, на какую-то хроническую болѣзнь, принялъ меня очень радушно.

За стаканомъ чая пришлось ему изложить наши планы. Къ сожалѣнію, меня постигло полнѣйшее фіаско: киргизы откочевали отъ города верстъ за двѣсти, и, слѣдовательно, найти ихъ было неособенно легко. Къ тому же, по увѣренію людей знающихъ, въ маѣ въ Кара-Кумахъ растеть какая-то трава «джаманъ чупъ», очень вредная для верблюдовъ; вслѣдствіе этого никто не рѣшился бы повести насъ въ пески ни за какія деньги.

Эта неудача была крайне для меня неприятна. По счастью, исправникъ указалъ на то, что въ окрестностяхъ Иргиза, верстахъ въ 30-ти въ сторону, начинаются пески урочища Джаръ-Булакъ, строеніе которыхъ совершенно тождественно съ Кара-Кумами; мало того, они составляютъ какъ бы островъ, отдѣлившійся отъ послѣднихъ.

Поблагодаривъ за любезное и обязательное указаніе, я уже собирался уходить послѣ пятаго стакана чая, какъ вдругъ въ софѣдней комнатѣ послышались шаги.

— Кто тамъ? спросилъ исправникъ.

Вмѣсто отвѣта, полуотворенная дверь распахнулась и на порогѣ показался во всемъ своемъ блескѣ и величіи—варягъ.

Я окаменѣлъ.

Не замѣчая меня, свирѣпый офицеръ подошелъ къ хозяину.

— Что вамъ угодно? проговорилъ нѣсколько удивленный исправникъ.

— Мнѣ нужно отъ васъ извѣстнаго рода одолженія, заговорилъ вошедшій, крутя рыжіи усы.

— Какого одолженія?

— Я потерялъ свои деньги и мнѣ не на что ѣхать въ Ташкентъ. Я попросилъ бы у васъ небольшую сумму. Больше ничего-съ.

Мы оба ротъ разинули.

— Откуда же, наконецъ, у меня деньги возьмутся? вспыхнул исправникъ.

— Но согласитесь, что я не виноватъ, если я потерялъ свои деньги.

— Положимъ, что такъ; но у меня есть своя семья. Не обязанъ же я давать въ займы всѣмъ господамъ проѣзжающимъ.

— Милостивый государь, перебилъ воинъ и нахмурилъ брови, я не «всѣ»; я возвращаюсь изъ-за Балкановъ, гдѣ проливалъ кровь за великое дѣло освобожденія славянъ.

— Мнѣ это все равно, но у меня денегъ нѣтъ.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія.

— Наконецъ, продолжалъ освободитель славянъ, у васъ есть суммы, назначенныя на экстренные расходы; дайте мнѣ немного изъ этихъ суммъ.

— Онѣ назначены, какъ вы сами заявляете, на экстренные расходы, слѣдовательно, вамъ я ужъ никакъ не могу одолжить изъ нихъ ни одного рубля.

— Гмъ. Стало быть я напрасно обращался къ вамъ?

— Совершенно напрасно.

— Странно!.. весьма странно!..

И, сверкнувъ глазами, варягъ, не попрощавшись съ хозяиномъ, исчезъ въ дверяхъ.

Исправникъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

— Васъ это удивляетъ? спросилъ онъ. А мы такъ привыкли. Подобныхъ господъ можно считать десятками. Они всѣ «теряютъ» деньги и не смотря на это, всегда умудряются безъ нихъ добраться до Ташкента. Ужъ какъ имъ невидимыя силы въ этомъ помогаютъ—никому неизвѣстно.

Распростившись съ любезнымъ исправникомъ, я отправился къ воинскому начальнику г. Ч. Этотъ человекъ, съ которымъ я познакомился здѣсь же, въ прошломъ году, принадлежитъ къ числу вырождающихся у насъ хлѣбосоловъ-хозяевъ. Попавши къ нему, нельзя уйти не позавтракавъ, а потомъ, послѣ завтрака, слѣдуетъ сытный обѣдъ, а потомъ и ужинъ. И сидите вы цѣлый день, ѣдите и пьете до отвала, и слушаете занимательные рассказы.

Въ Иргизѣ нѣтъ ни одного человека, который бы сказалъ о г. Ч. чтонибудь дурное. Вездѣ его принимаютъ съ распростертыми объятіями, вездѣ приглашаютъ то въ качествѣ гостя, то въ качествѣ крестнаго, то, наконецъ, посаженнаго отца.

Полненькій, живой, съ добрыми глазами, посеребренный сѣдиной, въ туфляхъ и бѣломъ кителѣ, — онъ не зналъ куда меня посадить, чѣмъ угостить.

За дымящимся блюдомъ необыкновенно вкусной дичи, запивая превосходнымъ портеромъ и рейнвейномъ, милѣйшій хозинъ сообщилъ между прочимъ:

— Сегодня, знаете, разстроилъ меня одинъ проѣзжій офицеръ. Приходитъ ко мнѣ, говорить: «деньги потерялъ, ѣхать не съ чѣмъ, до Ташкента добраться не могу». А тамъ больная мать сына ждетъ героя забалканскаго. Ужасно жалко стало.

— Что же, вы дали чтонибудь?—спросилъ я,—пораженный до нельзя.

— Да, даль не много... Конечно, что могъ,—смутился добрякъ.— Не хотите ли крылышко? ради Бога, возьмите же! Вѣдь съ дороги надо ѣсть побольше! Пожалуйста, вотъ этотъ кусочекъ!.. ради Бога!

Поздно кончилась наша трапеза.

Передавши и г. Ч. свои замыслы на счетъ песковъ, я получилъ въ отвѣтъ, что къ моимъ услугамъ вся его команда, что онъ мнѣ доставитъ и кибитку, и лошадей, и солдатъ сколько угодно.

Поблагодаривъ за все добрѣйшаго толстяка, я вернулся, наконецъ, къ зоологу, который уже началъ беспокоиться о моей участи.

Обрадовавши моего спутника обѣщаніемъ самой комфортабельной обстановки во время житія въ пескахъ, я потушилъ свѣчу и заснулъ какъ убитый.

II.

Мы спустились съ крутого холма. Иргизъ, съ своими глиняными домиками и церковью, еле былъ видѣнъ въ густомъ облакѣ пыли, стоявшемъ надъ городкомъ.

Уже нѣсколько дней бушевалъ вѣтеръ. Цѣлыя тучи песку, соломы, перьевъ и всякаго сора, носились въ воздухѣ и днемъ, и ночью.

Я съ большимъ удовольствіемъ покидалъ свое временное помѣщеніе, чтобы на нѣсколько дней переселиться въ пески.

Въ комнатѣ работать было нельзя. Въ ней было душно, пахло камфорой, мочалой, кожей. Нѣсколько чемодановъ, горы бумагъ для гербарія, банки съ животными—все это до такой степени стѣсняло насъ, что мы съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда всѣ приготовления кончатся и можно будетъ вырваться на свѣжій воздухъ. Наконецъ-то, эта минута настала.

Еще съ утра отправлены были два солдатика съ киргизской кибиткой, провизіей и необходимыми вещами. Около полудня къ намъ на дворъ вѣхали дроги, чтобы забрать чемоданъ и нѣкоторыя болѣе мелкія вещи, а слѣдомъ явился фельдфебель отъ г. Ч. съ гривастымъ гнѣдымъ иноходчикомъ, предназначеннымъ въ мое

полное распоряженіе. Наконецъ, скуластый киргизъ Садыкъ прикомандированъ былъ къ намъ въ качествѣ путеводителя.

На дроги взобрался зоологъ съ ружьями, банками, бутылками, и всякою мелочью; я усѣлся на гривача, и мы тронулись.

Впереди на сѣрой худой лошади выступалъ важнымъ ходомъ Садыкъ, за нимъ дребезжали стеклянныя принадлежности моего товарища, а по бокамъ бѣсновались на горячихъ коняхъ нѣсколько казаковъ, отправившихся съ нами безъ всякой видимой цѣли, а такъ, «про всякій случай».

Сади всѣхъ ѣхали я и фельдфебель. Онъ былъ мнѣ уже знакомъ по прошлому году, и представлялся человѣкомъ довольно интереснымъ. Правда, фizioномія ничего особеннаго не выражала и походила на дюжинныя лица всѣхъ нашихъ солдатъ вообще, — выправка и дисциплина точно просвѣчивали у него даже въ чертахъ лица и, казалось, что носъ, ротъ, брови, глаза и проч. размѣщены такъ, какъ это слѣдуетъ по военному уставу. Интересъ фельдфебеля заключался въ его необыкновенной смекалкѣ, любознательности и памяти. О чемъ бы вы съ нимъ ни заговорили—онъ будетъ слушать съ большимъ вниманіемъ, постарается понять все сказанное по своему и уже никогда не забудетъ. Проживши десятки лѣтъ въ степи, дослуживая «срокъ» и будучи окруженъ по большей части молодыми и неопытными солдатами, присылаемыми изъ Россіи, фельдфебель выработалъ себѣ извѣстный тактъ. Его всѣ уважали и считали за непогрѣшимаго. Вѣроятно, желаніе не уронить себя въ глазахъ общества и стремленіе казаться умнымъ заставляло его говорить необыкновеннымъ языкомъ: употреблялись такія фигурныя выраженія и такія слова, что просто иногда только руками разведешь. Пораженный этою особенностью, я не могъ не записывать его цѣлыя фразы. Ко всему этому, желая быть наиболее галантнымъ, фельдфебель извинялся при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Такъ вотъ въ какомъ составѣ тронулись мы изъ Иргиза, проѣхали большое поле, заваленное навозомъ, и, спустившись съ крутого холма, выбрались на дорогу.

Безконечная плоскость раскинулась направо. Ни одного возвышенія, ни единого деревца не виднѣлось на всемъ пространствѣ, на сколько хваталъ глазъ. Налѣво, далеко на горизонтѣ, стояла какая-то темно-сѣрая длинная гора; она круто спускалась въ степь и имѣла видъ высокаго берега, прежде бывшаго бассейна. Прямо, не много въ сторону отъ дороги, бѣлѣлась мазарка ¹⁾.

Поѣхали шибче. Иноходчикъ раскачивался и грызъ нетерпѣливо удила. Бѣлый конь фельдфебеля, истый киргизъ, горячился и фыркалъ, отдавая меня брызгами пѣны. Подымая столбъ пыли, гремѣли

¹⁾ Киргизская могила.

дроги; зоологъ держалъ, какъ знамя, длинную палку съ сачкомъ для ловли насѣкомыхъ и оберегалъ свои банки.

— Извините, прервалъ молчаніе фельдфебель. Вамъ угодно будетъ долго прожить въ пескахъ?

— Съ недѣлку должно быть придется,—отвѣчалъ я.

— Это я собственно потому спросилъ, чтобы насчетъ провизіи сумлѣнія не имѣть.

Порывъ вѣтра, налетѣвшій невзначай, обдалъ насъ горячимъ пескомъ.

— Фу, прости Господи!—отплюнулъ фельдфебель.—Какія частицы землістыя—какъ огнемъ жгутъ. А все отъ движенія атмосфернаго вѣтра. Бываютъ здѣсь такіе бураны, извините, что дома заносятъ. Года два тому назадъ у насъ, поблизости отъ Иргиза, воинская команда на топливо произрастенія всякія вырубала (какъ, напимѣръ, кокъ-пекъ, чагыръ и другія) такъ, повѣрите ли, пески совсѣмъ къ городу придвинулись, крайнія двѣ избышки покрыли, и обитателямъ много конфузу сдѣлали,—должны были свое хозяйство бросить и искательство новыхъ мѣстъ предпринять. Теперь, какъ запретили опустошеніе окрестностей производить, — и пески улеглись. Вы, извините, должны это сочувствіе понять, потому произрастенія землістыя частицы сдерживаютъ и никакого хода имъ не даютъ.

Затѣмъ, рассказчикъ пустился излагать мнѣ свои понятія о самыхъ разнообразныхъ матеріяхъ. Цѣлыхъ два часа слушалъ я фразы одна другой цвѣтистѣе и иногда, по правдѣ сказать, совершенно не понятныя.

— Что это вы, извините, записываете въ книжку? — допытывался онъ.

— Кое-какія замѣтки.

Фельдфебель удивленно оглянулся. Кругомъ была все та же гладь безконечная и однообразная. Вѣроятно, онъ сильно недоумѣвалъ, незамѣчая ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе скорчилъ самую серьезную фізіономію.

— Да-съ. Оно, конечно... Намъ оно темно, а у васъ видно самостоятельное самоутвержденіе: другой не замѣтитъ, а вы видите.

Эта фраза ему, повидимому, очень понравилась. На ней онъ и остановился.

Между тѣмъ, Садыкъ свернулъ въ сторону по направленію къ мазаркѣ. Свѣжій слѣдъ тяжелой повозки виднѣлся на рыхлой поверхности земли; онъ шелъ, начиная отъ битой дороги, по которой мы ѣхали и, извиваясь между жалкими кустами ивняка, терялся гдѣ-то вдали.

— Это наши солдатики съ кибиткой проѣхали,—замѣтилъ фельдфебель.

Песокъ становился все глубже и глубже, попадались уже и небольшіе барханы ¹⁾. Легкія дроги съ зоологомъ тяжело пробирались. Скоро, однако, передъ нами появилась большая круглая площадь съ крутыми зелеными берегами—точно высохшее озеро выглянуло изъ-за куста. Дно было твердо какъ камень. Колеса звонко застучали и не оставляли за собою никакого слѣда; звукъ отъ лошадиныхъ копытъ раздавался сухой и отчетливый. У самого берега оканчивался песокъ. Здѣсь густо росли тальникъ, кизыль-друзгенъ, зеленѣла невысокая травка. Жаръ свалилъ. Раскаленное сѣрое и пыльное небо уже не такъ сильно пышетъ разслабляющимъ огнемъ. Вѣтеръ также начинаетъ стихать. Крутая гора придвинулась къ намъ; кажется, будто до нея версты двѣ, а на самомъ дѣлѣ—считаютъ версты восемь. Бѣлая мазарка теперь совсѣмъ хорошо видна. Она состоитъ изъ невысокаго зданія съ круглымъ куполомъ и четырьмя башнями по угламъ; можно даже различить низенькую узкую дверь, ведущую въ усыпальницу.

Наши дроги распряглись. Фельдфебель съ казаками исправляютъ порванную сбрую, поднимается необходимый при этомъ споръ и суматоха.

Я уѣхалъ впередъ, слѣдуя тому направленію, по которому видѣлся Садыкъ и скоро догналъ его. Еще замѣтная тропинка пересѣкала нашъ путь и уходила въ камыши.

— Куда ведетъ эта дорога? —спросилъ я.

— На зимовка. Сейчасъ зимовка увидишь,—отвѣчалъ проводникъ.

И дѣйствительно, мы поѣхали по тропинкѣ, очутились въ густомъ, высокомъ камышѣ и выбрались, наконецъ, снова на чистое песчаное поле. Небольшая группа низкихъ глиняныхъ строеній съ плоскими крышами и почернѣвшими трубами ѣжилась въ сторонкѣ. Зданія стояли безъ оконъ и безъ дверей; въ нихъ свободно гулялъ вѣтеръ.

— Чья же эта зимовка?

— Другая жена Такъ-Самбая зимой живетъ... А вотъ верста проѣдимъ, опять другая жена будетъ, бульно хуроша жена... тоже Такъ-Самбаева...

— Много у него женъ?

— Два жена.

Проѣхавши версту мы встрѣтили еще такую же зимовку.

— А вотъ здѣсь... вонъ видишь высокій барханъ? — указалъ Садыкъ нагайкой, здѣсь Джаръ-Булакъ начинается.

Добрались и до бархана. Въ самомъ дѣлѣ, съ этого мѣста началась полоса бугристыхъ песковъ. Холмы подымались одинъ выше другого, образовали лоцины, долины, ущелья... Безконечными рядами растянулись они по всему горизонту, разсыпались громадными

¹⁾ Песчаные холмы.

неподвижными буграми по всей плоскости. Пески сразу оканчивались на глинистой площади, уходящей налѣво къ той горѣ, которую мы видѣли еще изъ Иргиза и которая имѣла теперь форму шатра. Верстахъ въ двухъ отъ насъ рельефно выдѣлялась, все на той же площади, бѣлая мазарка. Какъ разъ на границѣ песковъ начиналась и растительность. Тальникъ, камышъ, джидда, густо засѣли здѣсь и распозались между барханами. Такимъ образомъ, рѣзко и наглядно выразилась разница между песками и голою, бесплодною, глинистою степью.

Я не долго отыскивалъ удобное мѣсто для стоянки, такъ какъ, проѣхавъ еще нѣсколько шаговъ, наткнулся на прозрачный ручей, пробиравшійся изъ-подъ громаднаго песчанаго бархана. Здѣсь и растительность была въ полномъ блескѣ. Отъ джидды, покрытой мелкими желтоватыми цвѣтками, такъ и тянуло ароматомъ.

Я слѣзъ съ лошади и приказалъ Садыку отыскать солдатиковъ съ кибиткой. Они должны были быть гдѣ нибудь не далеко, такъ какъ зимовка избрана была сборнымъ пунктомъ для всего нашего каравана.

— А ты здѣсь одинъ оставался? — спросилъ меня киргизъ, поворачивая лошадь.

— Одинъ.

— И не боялся?

— И не боюсь. А что?

— Недавно около мазарки одинъ киргизъ зарѣзали, — добавилъ онъ, — внушительно провельъ пальцемъ по горлу и ускакалъ.

Мнѣ однако не долго пришлось ожидать. Почти въ одно и то же время, слѣва послышались понуканія солдатиковъ, помогавшихъ тащить повозку съ кибиткой, а справа — показались зоологъ, фельдфебель и казаки.

Скоро закипѣла у насъ необыкновенная дѣятельность. Быстро и ловко былъ разставленъ рѣшетчатый остовъ походнаго жилища, натянули на него войлокъ, размѣстили вещи, даже постели постлали.

Нѣсколько поодаль затрепалъ костеръ. Бѣлый ѣдкій дымъ сначала кидался изъ стороны въ сторону, но потомъ густымъ столбомъ поднялся вверхъ.

Лошади живописной группой стояли тутъ же. Пестрая собака Валетка, принадлежащая иргизскому баталіону вообще и никому въ частности, серьезно поглядывала на все это движеніе, сидя на пригоркѣ.

Вечерѣло. Вѣтеръ окончательно стихъ. Солнце заходило. Последніе его лучи ярко освѣщали гору и мазарку, а мы находились уже въ голубой тѣни, падающей отъ бархана.

За хлопатами по устройству своего жилища, мы и не видѣли, какъ совсѣмъ стемнѣло.

На разостланной кошмѣ подѣ открытымъ небомъ принялись пить чай.

Этотъ чудный воздухъ, эта оригинальная обстановка, располагали къ дремотной лѣни, и, лежа навзничъ, глядя въ бездонную синеву, вдыхая ароматъ цвѣтущей джидды, хотѣлось бы не двигаться, не говорить...

Къ довершенію прелести вечера, на востокѣ кровавымъ заревомъ вспыхнула полоска; она свѣтлѣла все больше и больше, и медленно и величественно всплыла громадная луна.

Долго не могъ я успокоиться. Уже давно храпѣли мои спутники, давно погасъ костеръ,—а мнѣ все не хотѣлось забираться въ битку.

Чуть только забрежжилъ разсвѣтъ, мы были уже всѣ на ногахъ.

Въ этихъ мѣстахъ работать можно только рано утромъ или же послѣ захода солнца,—иначе, быстро возрастающая жара дѣлаетъ всякое занятіе въ высшей степени затруднительнымъ, особенно для людей, непривыкшихъ къ тамошнему климату. Можно еще, пожалуй, читать и писать, сидя или лежа на одномъ мѣстѣ въ кабиткѣ, но экскурсировать и двигаться подѣ палящими лучами солнца составляетъ страшнѣйшую пытку.

Въ силу подобныхъ соображеній, мы сидѣли уже на лошадахъ, когда блеснулъ первый лучъ солнца.

Зоологъ съ казаками направился въ одну сторону, а я съ фельд-фебелемъ поѣхалъ прямо къ мазаркѣ, чтобы между прочимъ осмотрѣть и ее.

Бойко бѣжалъ мой иноходчикъ на встрѣчу утреннему свѣжему вѣтерку. Множество мелкихъ ястребовъ сновали въ небѣ.

Но вотъ и усыпальница. Она построена по типу, который мы видѣли въ Кара-Кумахъ. Четырехъ-угольное зданіе съ большимъ куполомъ и съ круглыми столбами по угламъ (издали похожими на башни) возвышается на довольно низкомъ фундаментѣ. На самой вершинѣ крыши, на деревянномъ шестѣ, сидѣлъ деревянный же грубо сдѣланный ястребъ съ большими черными глазами. Отъ колоннъ, тщательно закругленныхъ, имѣющихъ форму бутылокъ и расположенныхъ по угламъ зданія, шла глиняная зубчатая стѣна. Входная дверь, съ заостреннымъ на верху сводомъ, находилась въ фронтонѣ, который украшался разными лѣпными узорами. Всѣ стѣны и крыша снаружи обмазаны были глиной. Нигдѣ невидно ни одной трещины, ни одного обваливагося камня,—могила стоитъ совершенно новая.

Привязавши лошадей, мы вошли.

Внутренность усыпальницы, съ одной могилой въ видѣ продолговатаго глинянаго саркофага, также носила на себѣ отпечатокъ новизны. На гладкихъ выбѣленныхъ стѣнахъ красовались рисунки.

указывающіе на занятія покойнаго. Вотъ голубой краской изображенъ сайгакъ; къ нему ползкомъ подбирается охотникъ; одною рукою онъ цѣлитъ изъ ружья, положеннаго на изогнутыхъ сошкахъ, а въ другой — держитъ длинную веревку, конецъ которой привязанъ къ сбруѣ коня. Нѣсколько повыше видимъ какое-то бѣгущее животное (вѣроятно лисицу) на хребтѣ его сидитъ птица (должно быть, соколъ); къ одной ногѣ птицы прикрѣплена короткая веревка съ петлей. Наконецъ, на помощь соколу бѣжитъ собака, напоминающая по фигурѣ борзую.

Въ третьемъ параллельномъ ряду находимъ, между прочимъ, двѣ сцены: одна—за зайцемъ гонится охотничій песъ съ веревкой на шеѣ, другая—свирѣпый голубой тигръ съ зигзаговидными поперечными полосами на тѣлѣ, выпущенными острыми когтями и разинутой пастью кидается на охотника, который смѣло цѣлитъ въ него изъ пистолета и держитъ въ другой рукѣ, про всякій случай, широкій топоръ.

Наконецъ, четвертый рядъ (все на той же стѣнѣ) изображаетъ рыболова: босой, въ уродливой шапкѣ, человекъ бьетъ трезубцемъ громадную рыбу; другая, такая же—привязана къ поясу, на которомъ виситъ еще какой-то острый прямой инструментъ или оружіе. Рыболовъ этотъ пріѣхалъ къ рѣкѣ верхомъ на осѣдланной коровѣ, которую и держитъ за поводъ.

Таковы рисунки, выведенные густою синею краской. На остальныхъ стѣнахъ замѣчаются почти тѣ же сцены съ небольшими варіаціями.

Довольно широкій карнизъ, отдѣляющій верхушку стѣнъ отъ купола собственно, занятъ былъ множествомъ ястребиныхъ гнѣздъ; въ нихъ пищали уродливые птенцы, покрытые желтымъ пухомъ.

Нѣсколько разъ, пока мы осматривали мазарку, въ нее влетали старые ястреба и, встрѣтивъ неожиданныхъ посѣтителей, съ испугомъ кидались назадъ. Когда же намъ пришлось покинуть усыпальницу, надъ куполомъ съ крикомъ вертѣлась цѣлая туча птицъ, оплакивающихъ, вѣроятно, юныхъ птенцовъ. За то, не успѣли мы отъѣхать нѣсколькихъ шаговъ, какъ все пернатое населеніе съ быстротой молніи бросилось въ дверь, узнать объ участи своего потомства.

— Родительскія претензіи, извините, имѣютъ! — замѣтилъ по этому поводу фельдфебель. Все-таки птица Божья... стремленіе къ своему сѣмени показываетъ.

Осмотрѣвши мѣстность на нѣсколько верстъ кругомъ, часовъ въ восемь утра, когда становилось уже жарко, мы вернулись къ кибиткѣ. Зоологъ былъ уже тамъ и суетился около богатаго матеріала; здѣсь лежали и убитыя птицы, и масса насѣкомыхъ въ спирту, и нѣсколько живыхъ молодыхъ ястребовъ. Въ суконномъ чулкѣ покоилась черная небольшая змѣя (Егух) изъ неядовитыхъ. Когда мы брали ее въ руки, и она съ шипѣніемъ поворачивала

свою голову въ разные стороны—казаки и Садыкъ приходили въ неописанный ужасъ, ожидая, что наши продѣлки окончатся очень плачевно. Только фельдфебель не удивлялся; онъ рѣшилъ, что мы «слово» такое знаемъ, которое дѣлаетъ насъ неуязвимыми.

Въ просторной банкѣ возилось нѣсколько большихъ ящерицъ (*Phrynoserphalus*). Онѣ сѣрвато-коричневаго цвѣта съ громадной головой и зубчатыми отростками кожи, расположенными по бокамъ пасти, на подобіе бакенбардъ. Когда животное раздражено, эти отростки принимаютъ всевозможные оттѣнки: розовый, малиновый, лиловый, синій и т. д.

Неврачная фѣзіономія ящерицъ и измѣнчивость въ цвѣтѣ ихъ бакенбардъ, конечно, служили темой разнообразныхъ толковъ для нашихъ спутниковъ. Всезнающій фельдфебель категорично заявилъ, что животное огонь заливааетъ и въ пламени не горитъ; понятно, что этому всѣ вѣрили.

Однимъ словомъ, наша кибитка превратилась въ музей.

Даже тогда, когда жара сдѣлалась нестерпимою, мы, укрывшись въ нашемъ убѣжищѣ, могли наблюдать въ открытую дверь кое-что весьма интересное.

Вотъ, напримѣръ, въ небольшомъ углубленіи песка возится черный большой жукъ. Онъ съ большимъ стараніемъ хочетъ вытащить со дна ямки кусочекъ конскаго навоза и для этого упирается головой и передними ногами въ песокъ, а задними, болѣе длинными лапками, уцѣпившись за свою ношу, пятится по наклонной плоскости. Малѣйшее неудачное движеніе—и навозъ срывается внизъ; жукъ спѣшитъ за нимъ, снова схватываетъ, снова тащить и часто снова теряетъ. Глядя, какого труда стоитъ бѣдному труженику извлечь небольшой кусокъ изъ слѣда лошадинаго копыта, невольно вспоминаешь легенду о Сизифѣ. Натуралисты на этомъ основаніи дѣйствительно обозначили жука именемъ упомянутаго мѣологическаго существа. Навозъ, катаемый въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, принимаетъ совершенно правильную шарообразную форму; въ центръ его насѣкомое кладетъ свои яйца. Поэтому многимъ жукъ извѣстенъ подъ названіемъ—жука-аптекаря.

Интересно, кромѣ того, слѣдить съ какимъ остервенѣніемъ и силой дерутся два аптекаря, изъ-за обладанія навознымъ кусочкомъ; каждому хочется имѣть его, одинъ свирѣпо бьетъ другого, или же, сцѣпившись, оба противника катаются по песку. Удары сражающихся на столько сильны, что можно ясно отличать щелканіе и трескъ лапокъ, скользящихъ по твердымъ покровамъ тѣла.

А тамъ, изъ-подъ куска брошенной газетной бумаги осторожно выползла большая ящерица съ бакенбардами. Она зорко оглядывается и едва замѣтна на пескѣ, благодаря своему цвѣту. Мимо ея головы медленно пролетаетъ какое-то большое насѣкомое, въ родѣ зеленой мухи. Широкая пасть ящерицы мгновенно раскрывается,

изъ ея глубины съ быстротой молніи вылетаетъ длинный липкій языкъ, обхватываетъ муху и—пойманная добыча исчезаетъ. Тоже продѣлывается въ другой, въ третій разъ, пока животное не насытится и не побѣжитъ дальше.

Поймать эту большую ящерицу довольно трудно, такъ какъ она очень быстро бѣгаетъ; но стоитъ только не упускать ее изъ вида и замѣтить, гдѣ она остановится,—животное, стараясь укрыться и утомленное долгимъ преслѣдованіемъ, быстро-быстро отгребаетъ песокъ лапками вправо и влѣво, и погружается въ него, какъ въ воду; тутъ уже, конечно, легко взять ее руками.

Мы пробовали приручить ящерицъ, но безъ успѣха; посаженные же по нѣсколько вмѣстѣ, онѣ постоянно ссорятся, дерутся и часто приходилось видѣть, какъ одна, вцѣпившись въ горло другой, до тѣхъ поръ не разжимала пасти, пока въ болѣе слабомъ противникѣ не оставалось ни одной искры жизни.

Между кусками саксаула, сухими листьями ивняка, бумагами, веревочками и всякимъ соромъ, быстро бѣгали крупные бѣлые муравьи-термиты. Они часто останавливались, съ необыкновеннымъ проворствомъ отбрасывали передними ножками песчинки и производили, такимъ образомъ, миниатюрные непрерывные песчаные фонтанчики. При малѣйшемъ шорохѣ—насъкомья исчезали.

Однимъ словомъ, куда ни посмотри—вездѣ найдешь много занимательнаго.

Вечеромъ, вооружившись ружьями, мы пошли гулять по долинамъ между барханами. Густыя рощи джидды, цѣлые лѣса ивняка, камыша—все это зеленѣло и рѣзко выдѣлялось на желтомъ фонѣ бесплодныхъ песковъ. Не вѣрилось, что такая богатая растительность пріютилась на такой непривѣтливой почвѣ. Чувствовалась сырость; по всему видно было, что подъ поверхностью земли недалеко находится вода; даже хвощи, растущіе у насъ на низменныхъ болотистыхъ мѣстахъ, весело покачивались, окруженные тѣнистыми кустами гребенщика.

Особенно красивы были кизыль-джузгены. Они, по своему обыкновенію, занимали острия, наиболѣе сыпучія верхушки песчаныхъ холмовъ. Раскинувъ во всѣ стороны тонкіе и крѣпкіе трех-саженные корни и колѣнчатые стебли безъ листьевъ—они всѣ окутывались розовыми гирляндами плодовъ, которые, у людей не посвященныхъ, слывуть за цвѣты. Громадные шарообразные кусты этихъ оригинальныхъ растений, и безъ того красные, казались теперь огненными при вечернемъ освѣщеніи.

Долго ходили мы и присматривались къ окружающей своеобразной природѣ. Вдругъ изъ-подъ куста вылетѣлъ заяцъ и, прежде чѣмъ ктонибудь успѣлъ навести ружье, исчезъ изъ вида. Только Валетка съ громкимъ лаемъ кинулся за нимъ.

— Дезертиръ!—закричалъ фельдфебель и улыбнулся.

Между тѣмъ, время быстро летѣло. Надо было подумывать и объ отъѣздѣ въ Иргизъ, чтобы оттуда въ свою очередь двинуться въ дальнѣйшій путь.

Послѣдній день нашего пребыванія въ пескахъ стоялъ такой же удушливый, какъ и первые. Приводя въ порядокъ наши коллекціи, записывая, рисуя, мы и не замѣтили, какъ уже перевалило за полдень и фельдфебель явился въ кибитку съ дымящимся котелкомъ.

— Столъ накрытъ, пожалуйста!—оффиціально заявилъ онъ, хотя стола никакого, конечно, не имѣлось, а салфетка, разостланная на коврѣ, замѣняла эту излишнюю мебель.

Мы весело бесѣдовали, пили кумысъ, толковали съ Садыкомъ. Какой-то отдаленный гулъ по временамъ былъ явственно слышенъ.

— Что это такое?—спросилъ я у фельдфебеля.

— Чего-съ?

— Слышите—гулъ?

— Нѣтъ-съ, никакого гула не имѣется; это у васъ въ ушкахъ звенить.

— Какое «въ ушкахъ»? Я уже нѣсколько разъ слышалъ. Не громъ ли это?

— Помилуйте-съ. У насъ, извините, ни грома, ни дождя не бываетъ-съ. Это совсѣмъ даже можно сказать рѣдкость большая, когда въ это время и вдругъ дождь.

Я замолчалъ.

Зоологъ показывалъ намъ, между прочимъ, какъ пойманная черная змѣйка лакомилась мышью. Пущенная мышь долго бѣгала по коробкѣ и змѣя, казалось, не обращала на нее никакого вниманія. Потомъ, вдругъ кинулась на свою жертву, обвила узкимъ гибкимъ тѣломъ, какъ лентой, и сжала такъ сильно, что бѣдное животное околѣло черезъ нѣсколько минутъ. Змѣя, между тѣмъ, долго не выпускала своихъ предательскихъ петель и лежала въ углу коробки.

Казаки, Садыкъ и фельдфебель смотрѣли на все это разиня ротъ.

-- Изъ какихъ же, извините, будетъ эта тварь?—задалъ вопросъ фельдфебель, обращаясь къ зоологу.

— То есть, какъ она называется?

— Да-съ. Значитъ, какъ будто на удава похожа?

— Да. Она очень напоминаетъ по нѣкоторымъ привычкамъ.

— Чудно-съ. Такое стремленіе къ несостоятельности, что даже уму непостижимо.

Между тѣмъ, гулъ продолжался и какъ будто становился слышенъ болѣе явственно.

Всѣ переглянулись съ изумленіемъ и вышли изъ кибитки.

Дѣло объяснилось очень просто.

Вся правая сторона неба покрылась темно-синей почти черной тучей. Ея очертанія быстро мѣнялись, она точно росла съ порази-

тельной быстротой; вправо и влево отходили крылья, охватывали горизонтъ и мчались на насъ.

— Ну что?—спросилъ я у фельдфебеля.

— Удивительно-съ. Я живу здѣсь сколько годовъ и такую исторію въ другой или третій разъ только вижу. Однако, ребята, смотрите, чтобы дождемъ чего не испортило! Ступайте-ка!

Казакъ побѣжали къ телѣгѣ, прикрыли вещи кошмой, понавѣдались къ лошадямъ. Валетка забрался къ намъ въ кибитку и усиленно дышалъ, высунувъ красный мокрый языкъ.

Между тѣмъ, туча приближалась. Яркое солнце внезапно скрылось; стало темно—точно сумерки наступили. Громъ грохоталъ безъ перерыва; изрѣдка слышались удары, напоминающіе пушечные выстрѣлы.

На дальнемъ солончакѣ взвился бѣлый столбъ соленой пыли, завертѣлся и пошелъ вдаль; за нимъ послѣдовалъ второй, тамъ—третій.. Скоро и ближніе барханы будто задымились; съ легкимъ звономъ посыпались песчинки. Вдругъ холодный вѣтеръ пахнулъ въ лицо. Куски оберточной бумаги, солома, перья, понеслись на насъ... Ослѣпительная молнія разрѣзала тучу, мелькнула змѣйкой и вонзилась въ дальнюю гору. Слѣдомъ грянулъ громъ. Ударъ былъ короткий, сухой и такой сильный, что мы едва устояли на ногахъ.

— Господи Иисусе Христе! прошепталъ фельдфебель и набожно перекрестился.

Его примѣру послѣдовали и всѣ остальные казаки.

— Пойдемте-ка въ кибитку, предложилъ я, а то дождь пожалуй сейчасъ брызнетъ.

И дѣйствительно, не успѣли мы войти, какъ крупныя капли щелкнули на песокъ. Потомъ послѣдовалъ еще ударъ грома, и проливной дождь загудѣлъ по нашей войлочной крышѣ.

Въ пять минутъ вокругъ лагеря было уже цѣлое море воды. Быстрые ручьи съ шумомъ понеслись съ бархановъ, подхватывали листья, стебли, солому и съ пѣной исчезали вдали. Вѣтеръ съ страшной силой ревѣлъ и давилъ на кибитку. Жиденькій ея остовъ трещалъ и гнулся. Два казака и Садыкъ держались за веревки, прикрѣпленные къ потолку, иначе наше жилище было бы опрокинуто и унесено. Къ довершенію всего, мы съ ужасомъ замѣтили, что подъ кошму гдѣ-то пробралась вода и съ журчаніемъ ринулась на коллекціи, подушки, одѣяла... Куда дѣваться? Положить не на что, держать все въ рукахъ — невозможно. Пришлось многимъ полатиться.

Къ счастью, буря продолжалась не больше часа. Вѣтеръ сталъ утихать, громъ сдѣлся глуше, дождь мало по малу пересталъ. Мы отворили войлочную дверь.

Туча пошла на Иргизъ. Синія, растрепанныя полосы опускались тамъ и сямъ изъ тяжелыхъ еще облаковъ, освѣщаемыхъ изнутри

голубоватымъ свѣтомъ молніи. Въ воздухѣ чувствовался запахъ фосфора. Увлажненный песокъ испускалъ прохладу. Выглянуло солнце. Испаренія поднялись со всѣхъ сторонъ; мокрая кошма на кибиткѣ точно дымилась. Тепло и влага напомнили намъ наши бани, даже какъ будто чувствовался банный запахъ.

Между тѣмъ, мы принялись просушивать мокрыя вещи, казаки отправились за лошадьми, фельдфебель отдавалъ какія-то приказанія и увѣрялъ, что все это очень удивительно.

За то какой чудный вечеръ наступилъ послѣ бури; какимъ чистымъ воздухомъ дышала грудь!

Долго сидѣли мы у кипящаго чайника и не могли насладиться волшебной лунной ночью. Было такъ свѣтло, что являлась полнѣйшая возможность писать и читать.

На небѣ ни облачка. Нѣсколько летучихъ мышей рѣяли въ воздухѣ. Запоздалый ястребокъ хлопотливо пролетѣлъ по направленію къ мазаркѣ.

Рано утромъ двинулись мы обратно въ Иргизъ. Поблагодаривъ любезнаго Ч. и исправника за ихъ предупредительность и вниманіе къ намъ, распростились мы и съ словоохотливымъ фельдфебелемъ.

Пользуясь свѣтлыми ночами, когда не такъ жарко ѣхать, мы въ тотъ же день покатали дальше на югъ, дремотно покачиваясь подъ однообразный звонъ колокольчика.

III.

Дорога была намъ знакома по прошлому году. И теперь, какъ тогда, передвиженіе могло считаться сноснымъ только до станціи Терекли; отсюда же начинались мученія для всякаго путешественника: лошади заморенныя, да и то въ весьма ограниченномъ количествѣ, верблюды—еле живые; прежде чѣмъ сдвинуться съ мѣста приходилось ждать по нѣсколько часовъ, торговаться, хлопотать, даже браниться. Особенно удивляешься тому, что пространство въ 9 верстъ превращается (по столбамъ) въ 12, 12—въ 15, и т. д. Конечно, прогонная плата взимается за послѣднюю цифру. Къ довершенію всей прелести, станціи построены изъ глины (а не изъ бревень, какъ до Терекли), стѣны лопаются, крыша проваливается и, въ концѣ концовъ, вся усадьба исчезаетъ подъ налетѣвшимъ пескомъ. Поэтому, сплошь да рядомъ, около развалившейся постройки торчатъ двѣ или три джуламейки (кибитки); въ одной изъ нихъ помѣщается каменный столъ съ «жалобной» книгой на длинной веревочкѣ, виситъ портретъ государя, росписаніе или, лучше сказать, описаніе предстоящаго пути съ указаніемъ вымышленнаго числа

версть. Много бѣдъ причинило намъ и то обстоятельство, что мы не запаслись казенной подорожной.

Въ силу всего сказаннаго будетъ понятно, почему мы медленно двигались, дѣлая не болѣе 40 версть въ сутки.

Но вотъ и Аральское море — такое грустное и тихое на видъ. Маленькія волны плещутся на низкіе песчаные берега, взбиваютъ грязную пѣну, выбрасываютъ живыхъ и мертвыхъ ракушекъ. Тамъ и сямъ по окраинамъ заливчиковъ тянутся бѣлыя полосы высушенной соли, торчатъ кусты гребенщика. Какіе-то длинноногіе кулички бѣгаютъ по взморью, слабо попискивая и подымаясь тучей при приближеніи человѣка.

Мертвая природа оживляется еще почтовой станціей съ разбитыми окнами, стогомъ гнилого камыша на дворѣ, да воемъ старой голодной собаки. За исключеніемъ такихъ грустныхъ доказательствъ присутствія здѣсь человѣка, все мертво или, по крайней мѣрѣ, мертвенно.

Съ удовольствіемъ замѣтили мы, наконецъ, на горизонтѣ ряды пирамидальныхъ тополей. То былъ Казалинскъ, тамъ сверкала Сыръ-Дарья.

Городъ уже носитъ на себѣ отпечатокъ восточнаго. По улицамъ часто наталкиваетесь на караваны верблюдовъ; почти на каждомъ шагу можете встрѣтить ишака (осла), нагруженнаго всякой всячиной или же несущаго на своихъ выносливыхъ плечахъ громаднаго хивинца въ громадной бараньей шапкѣ; ноги всадника чуть не касаются земли. Базаръ запруженъ киргизами, въ маленькихъ лавченкахъ сидятъ бухарцы съ азіатскими коврами, халатами, голубой посудой... Пахнетъ кунжутнымъ масломъ, слышатся гортанные звуки непонятнаго разговора. Тоція собаки шныряютъ между народомъ... И все это суетится въ облакахъ густой пыли.

Но, стоить вамъ отъѣхать подальше отъ базара, и вы попадаете въ сравнительно широкія улицы, любуетесь комфортабельнымъ домомъ «начальника»... Мимо пронеслась щегольская коляска (хоть нѣсколько и старомоднаго фасона) богатаго купца, запряженная парюю вороныхъ лошадей, приведенныхъ изъ Сибирска. По тротуарамъ спѣшить куда-то казакъ, несутъ ящикъ два матроса, гуляетъ дама съ зонтикомъ. Однимъ словомъ — Европа да и только. Правда, на площади, на которой стоитъ церковь, лежатъ дохлыя кошки, но... безъ этого украшенія не обходится ни одинъ русскій городъ.

Если вы проберетесь на берегъ Сыра, вамъ бросится въ глаза цѣлая масса глиняныхъ низкихъ построекъ — это мастерскія Аральской флотилии; онѣ рѣдко работаютъ всѣ, но за то машины чисты, блестятъ какъ новыя... На рѣкѣ дремлютъ баркасы, медленно раз-

рушаются дряхлые пароходы. Мнѣ рассказывали, что въ свѣжій вѣтеръ опасно выѣзжать на этихъ старикахъ въ море, такъ какъ никто не можетъ поручиться за крѣпость и надежность представителей нашего азиатскаго флота.

Таковъ въ общихъ чертахъ Казалинскъ или Казала, какъ его называютъ туземцы.

По пыльнымъ улицамъ промчались мы до гостинницы. Она вся состояла изъ корридора и четырехъ номеровъ, расположенныхъ по два, на каждой сторонѣ. Окна безъ занавѣсокъ, глиняные полы безъ ковровъ, твердая и изломанная мебель — таково убранствъ этихъ комнатокъ. Прибавьте ко всему этому миллионы мухъ и какой-то особый специфическій запахъ, и вы будете имѣть полное представленіе объ единственной гостинницѣ города. Около крыльца стоялъ небольшой тарантасикъ, запряженный парой верблюдовъ. Высокій, стройный господинъ, съ сѣдыми усами, стриженными бѣлыми волосами на головѣ и умнымъ взглядомъ укладывалъ вещи. Ему помогалъ миловидный мальчикъ въ голубой шелковой рубашкѣ, кучерскихъ шароварахъ и изящныхъ высокихъ сапогахъ. Съ перваго же взгляда поражала у этого юноши высокая грудь и чрезвычайно сильно развитыя бедра.

Сѣдой путешественникъ обернулся къ намъ. Одѣтъ онъ былъ въ инженерный китель, сшитый не безъ щегольства; толстая золотая цѣпь солидно лежала на груди. Надвинувъ на свой красивый носъ *pince-nez* и удовлетворивъ своему любопытству, онъ снова принялся за дѣло.

Мы заняли номеръ, умылись и съ жадностью принялись за чай.

Вдругъ дверь открылась и на порогѣ показался инженеръ.

— Извините пожалуйста, — обратился онъ, — что я васъ обезпокою. Не можете ли размѣнять мнѣ десятирублевую бумажку?

Завязался разговоръ, пошли взаимные разспросы. Окалось, что инженеръ ѣдетъ въ Петро-Александровскъ черезъ Кызыль-Кумы, что онъ возвращается изъ Питера, куда навѣдывался къ своему семейству; жена его постоянно живетъ въ столицѣ и занимается воспитаніемъ дѣтей, а онъ, по обязанностямъ службы, обреченъ томиться на берегу Аму-Дарьи.

— Такая труппа это Петро-Александровскъ, — говорилъ нашъ новый знакомый, — что и выразить вамъ не могу. Только и развлечения, что съѣздишь за 30 верстъ въ Хиву, къ хану. Я съ нимъ большой пріятель. Сидимъ и пьемъ шампанское, запиваемъ пуншемъ и спимъ. Везу ему въ подарокъ стереоскопъ съ нецензурными картинками... Ужасно любитъ. Общества у насъ совсѣмъ нѣтъ, каждый живетъ особнякомъ или же въ карты дуется... Женщинъ свободныхъ — ни одной, все законныя супруги... Можете себѣ представить!.. По счастью теперь въ Оренбургѣ удалось мнѣ достать одну сиротку... чай замѣтили?.. въ мужскомъ костюмѣ?.. Славная

дѣвочка 15 лѣтъ... Очень обрадовалась, когда я предложилъ ѣхать со мной. Подумалъ, отчего не сдѣлать доброе дѣло? Вѣдь умереть съ голоду... А тутъ будетъ и ей хорошо, и мнѣ хорошо... Ну, однако, прощайте!.. Совѣмъ зарпортовался!.. Будете въ Петро-Александровскѣ—не проходите мимо! Addio!

Инженеръ ушелъ. Мы вышли на крыльцо проводить. Киргизъ взгромоздился уже на одного изъ запряженныхъ верблюдовъ. Сѣдой пассажиръ закупоривалъ флягу, изъ которой только что пропустилъ себѣ въ горло порядочную порцію.

— Ну, теперь можно двигаться! — прибавилъ онъ, влѣзая въ экипажъ, гдѣ ужъ сидѣлъ юноша съ высокой грудью. — Тебѣ, Наташа, хорошо сидѣть?.. а?..

Наташа сконфуженно прижималась въ уголъ. По всему было видно, что костюмъ ее стѣсняетъ, что она не вошла еще въ свою роль; она не знала куда дѣвать руки, какъ протянуть ноги; мужской картузъ падалъ съ головы, коса расплеталась.

— А вѣдь разлюбезное дѣло, господа, этотъ нарядъ!.. Что можетъ быть удобнѣе для дороги?.. Ну, развѣ годится куда нибудь длинная юбка, корсетъ и всякая дребедень, когда приходится тащиться двѣ недѣли въ тарантасѣ.. Итакъ, до пріятнаго свиданія!.. Ну, айда!..

Киргизъ дернулъ за веревку своего верблюда, ударилъ подручнаго. Животныя жалобно завывли, фыркнули, и медленно, нехотя, потащили экипажъ...

— Ну, ужъ народецъ,—проговорилъ зоологъ.—Что это за типы!.. Одинъ курьезнѣе другого...

Долго оставаться въ Казалинскѣ намъ не пришлось. Мы живо окончили наши дѣла и тронулись въ путь.

Вотъ и Кара-Тугай — одинокая станція, крайній предѣлъ нашего прошлогодняго путешествія.

Взойдя въ комнату живо припомнилось веселое общество товарищей, споры о пройденныхъ Кара-Кумахъ, самоваръ, даже пѣтые въ то время романсы.

Теперь... комната была пуста, вѣтеръ свистѣлъ въ трубѣ. На дворѣ поднималась буря. Не смотря на то, что часовая стрѣлка показывала два часа дня, наступила совершенная темнота — хоть свѣчу зажигай. Солнце спряталось; въ воздухѣ вертѣлись тучи пыли, изъ сосѣднихъ Кара-Кумовъ мчались по землѣ цѣлые барханы... Въ двухъ шагахъ трудно было рассмотреть что нибудь.

Благодаря этой бурѣ, мы едва добрались до форта № 2, гдѣ прождали до утра. Фортъ ничего особеннаго не представляетъ: нѣсколько домиковъ, образующихъ двѣ-три улицы, да небольшое гли-

няное укрѣпленіе—лѣнятся на берегу Сыра. Достать здѣсь что нибудь, исключая курицы и черстваго хлѣба, намъ не удалось.

Свѣжее утро, наступившее послѣ вѣтреннаго дня, чистое небо, прозрачность дали—помирили насъ съ судьбой. Мы двинулись дальше. Стали попадаться большіе такыри, т. е. затвердѣвшіе солончаки, по которымъ легко катился нашъ тарантасъ. Гребенщикъ и саксаулъ образовали по дорогѣ цѣлыя рощи.

Выѣхавши на ровную плоскость, мы молча ежились отъ утренняго холодка, какъ вдругъ зоологъ засуетился и схватилъ ружье. Шагахъ во ста отъ насъ стояла пара чернохвостыхъ антилопъ, щипля травку. Граціозныя и изящныя онѣ освѣщались розовыми лучами восходящаго солнца и испуганно наострили уши, гордо поднявъ красивыя головки.

Но, вѣроятно, животныя догадались объ опасности, которая имъ грозила, потому что едва блеснулъ стволъ ружья, онѣ съ быстрой молніи скрылись изъ вида.

Не прошло получаса, какъ натолкнулись на нѣсколько штукъ сайгаковъ. Эти, однако, еще быстрѣе умчались прочь, подбрасывая задомъ и поднимая столбъ пыли.

Между тѣмъ, вдали на горизонтѣ показались строенія, зазеленѣли деревья; стали встрѣчаться верховые казаки, киргизы, стада барановъ. Потянулись огороды. Мы подѣзжали къ форту Перовскаго или Акъ-Мечети, городу основанному въ 1853 на мѣстѣ коканской крѣпости, взятой штурмомъ оренбургскимъ генераль-губернаторомъ, графомъ Перовскимъ.

И здѣсь вы встрѣчаете длинныя и короткія глиняныя домики, почти плоскія крыши, азіатскій базаръ, громадное количество солонцоватой пыли и такую же неряшливость жителей, какъ и въ Казалинскѣ.

На берегу Сыръ-Дарьи помѣщена крѣпость съ подъемнымъ мостомъ, засореннымъ рвомъ и остатками полуразрушенной башни, которая, какъ кажется, есть единственное напоминаніе о прежней Акъ-Мечети.

Но меня интересовалъ не городъ, а нѣчто другое. Дѣло въ томъ, что если вы, читатель, посмотрите на карту нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, то замѣтите около Перовска сильное развѣтвленіе Сыръ-Дарьи на множество рукавовъ. Отъ этого русло затягивается иломъ, зарастаетъ камышомъ и рѣка отступаетъ влѣво все больше и больше; самый крайній широкій рукавъ называется Джаманъ-Дарья. Такимъ образомъ, существуетъ громадное урочище, состоящее изъ цѣлага лабиринта извилистыхъ узкихъ каналовъ и множества острововъ, непроходимыхъ и необитаемыхъ.

Такъ какъ между Казалинскомъ и Чиназомъ ходятъ пароходы, при чемъ они направляются черезъ Джаманъ-Дарью, то, само собою разумѣется, неоднократно поднимались вопросы о возможности расширить русло, очистить его отъ камышей, углубить фарватеръ и проч. Конечно, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, слѣдовало бы изучить эти недоступныя мѣста, узнать причину отклоненія рѣки и, вообще, проникнуть глубже въ таинственный Кара-Узякъ (какъ называютъ туземцы). Не зная ничего почти положительнаго, приходилось слышать много баснословнаго о Кара-Узякѣ. Говорили, наприимѣръ, будто острова, поросшіе камышемъ, передвигаются вѣтромъ то въ одну, то въ другую сторону; что каналы, какъ живые, то суживаются, то расширяются; будто путешественникъ, возвращающійся назадъ изъ лабиринта, можетъ натолкнуться на несуществовавшій до этого времени островъ или же можетъ быть легко затертъ надвинувшимся берегомъ... Однимъ словомъ, разговора было много, но положительныхъ свѣдѣній не существовало.

Все это возбуждало мое любопытство и я рѣшился пробраться въ сказочную мѣстность. Само собою разумѣется, что мнѣ и въ голову не приходило изучить Кара-Узякъ во всѣхъ отношеніяхъ, просто хотѣлось предпринять экскурсію съ ботанической цѣлю. Чтобы устроить свои дѣла, надо было, однако, похлопотать у начальства.

По счастью, въ Перовскѣ жилъ одинъ офицеръ, знакомый мнѣ по кара-кумской экспедиціи. Не долго думая, я отправился къ нему, былъ принятъ чрезвычайно радушно и получилъ обѣщаніе не только устроить все, но даже сопутствовать въ путешествіи. Кромѣ того, услыша, что помѣщеніе, которое нашлось въ гостинницѣ, было крайне плохо, онъ предложилъ мнѣ ночевать въ пустомъ зданіи военнаго клуба. Конечно, я согласился. Только зоологъ не покинулъ нанятаго номера, такъ какъ ему пришлось много возиться къ коллекціями.

Благодаря сочувствію коменданта, велѣно было на завтра снарядить для насъ желѣзный баркасъ и предоставить въ распоряженіе команду, состоящую изъ шести человекъ казаковъ.

Собираться въ предстоящую поѣздку пришлось недолго, поэтому остальное время дня и вечеръ я провелъ въ компаніи офицеровъ за стаканомъ чая. Самоваръ кипѣлъ безъ устали и снабжалъ всѣхъ неизякаемымъ источникомъ горячаго напитка.

За то зоологу было много хлопотъ. Жара способствовала быстрому разложенію убитыхъ птицъ и животныхъ, поэтому необходимо было, не теряя ни минуты, снять кожицу, намазать ее нужнымъ составомъ, записать въ книжку подъ номеромъ, и т. д. Словомъ, бѣдный сотоварищъ завалилъ всю свою комнату богатымъ матеріаломъ и полураздѣтый, съ окровавленными руками, вооруженный скалпелемъ—проработалъ цѣлыя сутки въ вонючей атмосферѣ. Боясь ка-

кихъ нибудь случайностей, не надѣясь на плохіе запоры, онъ не воспользовался даже предложеніемъ ночевать въ клубѣ, вмѣстѣ со мной.

Но вотъ наступила ночь. Городишко погрузился въ сонъ. Все какъ будто вымерло. Тускло сверкали звѣзды на небѣ, которое темнымъ колпакомъ прикрыло насъ; ихъ блескъ едва проникалъ сквозь густую тучу пыли, стоящей надъ домами, надъ крѣпостью, надъ чахлыми городскими деревьями. Говорятъ, что такой сухой туманъ держится здѣсь все лѣто и только съ наступленіемъ зимнихъ дождей мало по малу осѣдаетъ.

Причина этого явленія заключается въ томъ, что почва здѣсь (какъ и вообще въ этихъ широтахъ Средней Азіи) покрыта толстымъ, почти въ двѣ четверти, слоемъ лёсса. Малѣйшій вѣтерокъ подымаетъ цѣлый столбъ мелкихъ частичекъ этого мягкаго порошка; слѣдовательно, можно себѣ представить, сколько его взбрасывается на воздухъ, когда по улицѣ проскачетъ всадникъ, пройдетъ почтовая тройка, или пройдетъ стадо. Пыль, поднятая разъ, на столько легка, что держится въ атмосферѣ очень долго; за одну ночь немыслимо воздуху очиститься хоть на половину, а съ пробужденіемъ жизни въ городѣ, едва станеть разсвѣтать, новыя лёссовыя тучи закружатся по улицамъ.

Итакъ наступила ночь. Сопутствуемый собесѣдниками, я отправился на ночлегъ по большой площади, точно усталой мягкой ковромъ. Ноги тонули, поднятая пыль заставляла чихать, что возбуждало всеобщій смѣхъ, шутки, остроты.

Наконецъ, мы остановились у длиннаго, низкаго зданія, со множествомъ оконъ. Ощупью отыскали дверь и вошли. Затхлый воздухъ такъ и ударилъ въ носъ.

— Вѣстовой! — крикнулъ М. (гостепріимный офицеръ, схлопотавшій мнѣ ночлегъ).

— Вѣстовой! — откликнулось эхо и покатилося по всѣмъ пустымъ комнатамъ.

Гдѣ-то вдали сверкнулъ свѣтъ и показался заспанный солдатъ со свѣчей въ рукахъ.

Мы вошли въ залъ. Длинный, узкій, со множествомъ оконъ безъ мебели, онъ показался мнѣ какимъ-то громаднымъ фонаремъ. На потолкѣ висѣлъ обыкновенный деревянный обручъ (вѣроятно, снятый съ бочки) на четырехъ «сахарныхъ» веревочкахъ. Ради красы обручъ и веревки были когда-то обмотаны и оклеены узкими полосками золотой бумаги; теперь же отъ нея остались только клочья.

Назначеніе подвѣшеннаго круга, какъ, вѣроятно, догадывается читатель, заключалось въ томъ, чтобы замѣнить люстру, которую, конечно, въ этой глуши невозможно достать. Голыя стѣны, обмазанные глиной, во многихъ мѣстахъ носили слѣды трещинъ; кое-

гдѣ вколоченные громадныя гвозди поддерживали во время надобности зеркала или еще что нибудь. По угламъ красовались темныя и пыльныя гирлянды паутины.

Изъ залы направо шла дверь (т. е. отверстіе двери, безъ затворокъ) съ полинялыми голубыми портьерами изъ шерстяной ткани. Комната носила громкое названіе—дамской уборной. По стѣнамъ сдѣланы глиняныя скамьи на подобіе лежанокъ; противъ входа стоитъ разбитое трюмо; потолокъ чернѣетъ отъ копоти, пыли и паутины.

Посреди этого-то дамскаго помѣщенія стояла, приготовленная для меня, кровать. Чувствуя усталость, я распростился съ моими провожатыми и, въ свою очередь, долженъ былъ посвѣтить имъ, выпустить вѣстового и запереть дверь.

Гулко раздавались мои шаги въ пустыхъ комнатахъ. Половицы гнулись, жалобно стонали. Обходя весь домъ, я нигдѣ не нашелъ никакой мебели,—все было пусто. Только въ одной комнатѣ съ землянымъ поломъ валялись груды декорацій, изодранныхъ и испачканныхъ, стояло сухое дерево съ привязанными къ нему зелеными бумажными листьями, да въ углу торчали деревянныя копыя, картонныя латы, мечъ и всякій театральнй хламъ.

Впослѣдствіи мнѣ говорили, что антрепренеръ ташкентской труппы, проѣздомъ черезъ Перовскъ, давалъ какое-то представленіе и пользовался для этой цѣли клубомъ.

Убѣдившись, что мнѣ нечего бояться никакихъ незваныхъ гостей, такъ какъ все было заперто, я вернулся въ уборную. Но, не успѣлъ поставить свѣчу на глиняную скамью, какъ на подушку шлепнулось что-то, повидимому, съ потолка.

Оказалась фаланга—большой паукъ съ четырьмя сильными и острыми челюстями. Онъ очень проворенъ и своимъ укушеніемъ причиняетъ нестерпимую боль. Рассказывали даже случаи смерти, послѣдовавшей довольно быстро послѣ раненія этимъ опаснымъ животнымъ.

Конечно, непрошенный гость былъ тотчасъ же раздавленъ. Но, черезъ пять минутъ шлепнулась другая фаланга, потомъ—третья... Тогда я рѣшилъ вытащить свою кровать въ залъ, на средину комнаты. Но при этомъ передвиженіи поднялся такой гулъ въ пустомъ необитаемомъ домѣ, что, казалось, весь городъ долженъ былъ быть разбуженъ.

Наконецъ, я улегся. Воцарилась мертвая тишина. Множество оконъ смотрѣло на меня точно громадныя четырехъ-угольные глаза; углы закутались въ тяжелый мракъ...

Цѣлую ночь приходилось прислушиваться, оглядываться, ожидать, что вотъ-вотъ явится откуда нибудь фаланга. Каждый, я думаю, испыталъ какъ нехорошо спится вообще на новомъ мѣстѣ;

можно судить поэтому, на сколько дурно дремалось мнѣ при описанной обстановкѣ. Только сильное утомленіе заставило забыться передъ восходомъ солнца.

За зеленый мысъ уходитъ Перовскъ. Надъ городомъ стоитъ густая красноватая пыль. Свѣжій вѣтерокъ дуетъ прямо на встрѣчу. Нашъ желѣзный баркасъ безъ шума несется по теченію.

Сырѣ-Дарья, подернутая легкимъ утреннимъ туманомъ, гладка какъ зеркало; всѣ предметы на берегу—деревья, кусты, верховой киргизъ—съ необыкновенною точностью отражаются въ водѣ; даже небо, съ неувидимыми переливами краснаго, розоваго и голубого цвѣтовъ, какъ будто окунулось въ холодную влагу.

Между тѣмъ, какъ ни одна волна, ни малѣйшая зыбь не рябитъ поверхности рѣки, она несется довольно быстро впередъ. Но, это можно замѣтить только присматриваясь или къ берегу, или къ какому нибудь камню, тяжело выглядывающему изъ воды. Только тогда видно, какъ вся масса Сыра стремится впередъ неудержимымъ потокомъ. Отъ этой быстроты вода мутна, почти желтаго цвѣта и даетъ въ стаканѣ большой осадокъ.

Двигаясь по рѣкѣ, глядя на ея зеркальную поверхность, то и дѣло замѣчаешь какъ въ томъ или другомъ мѣстѣ вода вдругъ закипаетъ: покажутся нѣсколько маленькихъ водоворотовъ, сольются вмѣстѣ и подбросивши въ верхъ небольшую пѣнистую волну, вертятся съ легкимъ шумомъ, несутся дальше. Черезъ минуту все успокаивается и отъ воронковидной движущейся ямы не остается и слѣда.

Иногда такое кипѣніе и образованіе воронки происходитъ какъ разъ около лодки, и тогда явленіе наблюдается очень хорошо. Причина всему этому, сколько мнѣ извѣстно, невыяснена до сихъ поръ окончательно.

Между тѣмъ, мы движемся довольно быстро. Казаки, составляющие нашу команду, аппетитно завтракаютъ; только одинъ изъ нихъ стоитъ на рулѣ. Зоологъ готовитъ себѣ поудобнѣе мѣстечко. Я веду разговоръ съ М. и Д., офицерами, которые отправились съ нами ради прогулки.

— Плохо живется здѣсь, говорилъ Д. Ни общества, ни книгъ не имѣется. Хорошо тому, кто умѣетъ въ карты играть, ему есть возможность убить время; а кто, какъ я, ихъ въ руки взять неумѣетъ, тому—хоть вѣшайся на первомъ деревѣ! Всякій считаетъ себя вполне счастливымъ, когда является возможность получить командировку въ Ташкентъ, все-таки на время оживишься; безъ этого остается запить горькую.

М. былъ въ другомъ настроеніи. Онъ задавалъ множество вопросовъ, не ожидая отвѣтовъ, распоряжался «по хозяйству» и фаль-

шиво мурлыкаль различныя шансонетки, до которыхъ былъ отчаянный охотникъ.

— Теперь, я думаю, можно и чайку испить? обращался онъ ко всѣмъ вообще. И, знаете, — съ мягкими лепешками, прелесть! Или, быть можетъ, поѣсть говядинки хотите? А то — подождемъ немного. Провизіи захватили много. Не желаете ли папироски? Есть даже сигары, но вы, кажется, ихъ не курите. Лягу, полежу... Вотъ тутъ прекрасное мѣстечко! А вы не ляжете?

И, не дожидаясь отвѣта ни на одинъ изъ вопросовъ, загѣлъ:

Ребенокъ... двѣ капли,
Двѣ капли — отецъ!

По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ города, воздухъ дѣлался все чище и чище. Приятная свѣжесть охватывала тѣло. Берега, крутые и обрывистые, были покрыты сплошной непроходимой массой колючки — приземистаго кустарника, вооруженнаго гибкими и большими иглами.

Иногда вдругъ вѣтерокъ приносилъ удушающій аромат цвѣтущей джидды.

Но, странно, ландшафтъ пока былъ мертвъ. Не слышно ни стрекотанія кузнечиковъ, ни крика птицъ. Все точно дремало.

Скоро добрались до мѣста развѣтвленія рѣки: налѣво шла Джаманъ-Дарья, направо — ея рукавъ, который и образуетъ начало Кара-Узьяка. Баркасъ свернулъ вправо, путешествіе только что начиналось.

Вдругъ до моего слуха долетѣло какое-то странное пѣніе, состоящее изъ прищелкиванія, треска, писка и небольшого числа свистящихъ нотокъ.

Я удивленно взглянулъ на зоолога, а тотъ уже сидѣлъ улыбаясь, поднявши палецъ кверху, какъ бы прося непрерывать мелодіи.

— Что это такое? спросилъ я шопотомъ.

— Соловей, здѣшній азіатскій соловей... отвѣчалъ онъ еле слышно.

Пѣніе однако прекратилось. Надо сознаться, что оно не можетъ быть даже сравниваемо съ пѣніемъ нашего соловья, которое мы привыкли слушать въ тиши майской ночи; это не пѣніе, а каррикатура, жалкое подобіе; оно скорѣе, по моему, напоминаетъ щелканіе скворца.

Вдемъ дальше. На поворотѣ рѣки изъ-за куста мелкнуло что-то бѣлое съ длинной шеей и скрылось въ камышахъ.

— А это что? обратился я опять къ зоологу.

— Не видѣлъ, такая жалость!

— Лебедь обнаковенный, пробасилъ рулевой, щуря глаза и глядя впередъ...

На отмели сидитъ громадная темная птица съ голой головой и

оканчиваетъ свой завтракъ. Завидя насъ, она вытянула шею, покачнулася впередъ и, расправя длинныя крылья, тяжело поднялася на воздухъ.

— Гриффъ,—заявилъ М.—Хотите выстрѣлить? Впрочемъ, теперь ужъ поздно!

Опять кругомъ было тихо. Въ небѣ высоко-высоко чернѣлся орелъ и дѣлалъ большіе круги, не шевеля крыльями.

— Здѣсь должно быть хорошая охота? спросилъ зоологъ, обращаясь къ офицерамъ.

— Прекрасная, отвѣтилъ Д. Есть кабаны, есть тигры, есть и всякая птица. Да и немудрено: Кара-Узякъ совсѣмъ необитаемъ, только рыбаки-киргизы знаютъ немного мѣстность, слѣдовательно, дичь никѣмъ не распугивается. Туда дальше, гдѣ находятся плавающие острова, тигровъ очень много.

— А ну какъ мы наткнемся на этого полосатаго звѣрька? подумалъ я. Встрѣча неособенно пріятная!

Тѣмъ временемъ, протокъ рѣки, по которому мы слѣдовали, дѣлался все уже и уже; берегъ понизился, заросъ громаднымъ густымъ камышемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ баркасъ налеталъ на мель; тогда казаки прыгали въ воду, стаскивали наше судно и путешествіе продолжалось.

Были однако и добровольныя остановки; выходили на берегъ разводили огонь, становили самоваръ и немного отдыхали въ тѣни камыша... Но все удовольствіе отравлялось комарами, которые съ необыкновенною назойливостью пробирались въ рукава, за воротникъ и кусали руки, лицо, шею. Приходилось отмахиваться, курить, пачкаться гвоздичнымъ масломъ.

Наконецъ, жара стала спадать, солнце двигалось къ западу и надо было подумать о ночлегѣ.

М., распорядившійся экипажемъ, зорко слѣдилъ за берегами, отыскивая мѣстечко поудобнѣе. Однако, это не было легкимъ дѣломъ—вездѣ виднѣлись все камыші и камыши безъ конца. Мы начинали уже отчаяваться, думали, что нельзя будетъ развести огонь, какъ вдругъ... о радость! налѣво показался крутой берегъ, поросшій кустами и снабженный даже небольшою лужайкой.

Пристали. Вбили коль, привязали баркасъ. Всѣ съ удовольствіемъ выпрыгнули на сушу и расправляли усталые члены.

М. сдѣлалъ даже антраша, прищелкнулъ языкомъ и началъ-было:

Когда супругъ
Захочетъ вдругъ
Свою супругу
Навѣстить...

но налетѣвшій рой комаровъ облѣпилъ его окончательно.

Напрасно отмахивался онъ обѣими руками, жалящій непріятель наступалъ храбро и рѣшительно, пока пѣвецъ не бросился бѣжать

къ баркасу и, отыскавши тамъ густую кисею, не окутался ею хорошенько. Конечно, все это сопровождалось самою ужасною бранью.

Я съ Д. хотѣли было пробраться вглубь острова черезъ кусты колючки, но... сдѣлавши шаговъ десять, отказались отъ задуманнаго плана—милліонъ шиповъ вонзилось въ наше тѣло, и мы чуть было не оставили на сучьяхъ все платье.

Между тѣмъ, сумерки сгущались быстро. Румянецъ заката перешелъ въ лиловатую тѣнь. Съ рѣки поднялся туманъ. У разведеннаго костра присѣли казаки и мы. Кто грызъ хлѣбъ, кто варилъ кашицу, кто пилъ чай.

Я ушелъ на баркасъ, закутался въ кисею и улегся.

— А что тигръ не придетъ? слышался голосъ М. Вѣдь надо принять мѣры. Не поставитъ ли карауль? Ребята, надо поочереды не спать и чтобъ ружья были наготовѣ.

— Слушаю-съ, ваше высокородіе, отвѣчалъ голосъ.

— А вамъ хочется спать, г. зоологъ? Впрочемъ, еще рано... Что же мы дѣлать будемъ? Вѣдь здѣсь небезопасно, подлый тигръ можетъ такъ подкрасться, что и не замѣтимъ. Вѣдь правду я говорю? Однако—я иду на баркасъ спать. Прощайте, господа.

О, неужель васъ, боги, веселитъ

Что наша честь кувыркомъ-кувыркомъ полетитъ?

Спите вы или нѣтъ?.. я ложусь, по крайней мѣрѣ.

Не получивши отъ меня никакого отвѣта, въ которомъ онъ, впрочемъ, и не нуждался (по обыкновенію), М. повозился на своей постели, покачалъ баркасъ и умолкъ.

Не смотря на все желаніе уснуть, комары не дали даже вздремнуть ни мнѣ, ни товарищамъ. Не прошло и получаса послѣ того, какъ мы «разошлись», какъ ужъ всѣ сидѣли, охали, проклинали судьбу, шлепали себя по лбу, по щекамъ. Даже кисея не спасала и комары безжалостно вонзали свои жала въ наше тѣло. Шансонетки умолкли, М. ругался.

На берегу потухшій костеръ еле дымился. Укрывшись зипунами, казаки спали самымъ безмятежнымъ сномъ; ихъ, какъ видно, и комары не беспокоили. Только одинъ часовой прохаживался съ ружьемъ между лежащими товарищами и боролся съ дремотой.

Сырѣ-Дарья едва журчала, касаясь желѣзнаго бока баркаса. Камыши стояли неподвижно; ни одна былинка не шевелилась, ни одинъ листокъ не шелестилъ и не прерывалъ ночной тишины. Изрѣдка темное небо освѣщалось падающей звѣздочкой, изрѣдка вспыхивала папироска у Д., и на минуту изъ темноты выступали рыжіе усы и кончикъ носа, облитые краснымъ отблескомъ...

Дремота одолѣвала.

Еще было далеко до восхода солнца, когда мы отчалили. туманъ стлался надъ камышами густой пеленой, холодная влага проливалась насъ до костей; всѣ сидѣли или лежали молча, не шевелились.

Вдругъ надъ баркасомъ съ трескомъ пронесся фазанъ и грузно опустился на другомъ берегу въ темныхъ кустахъ.

Зоологъ вскопчилъ, съ отчаяніемъ посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ исчезла птица и схватилъ ружье. Но, увы! фазаны въ другой разъ не показывались.

Взошло солнце. Проѣхавши еще нѣсколько верстъ, наткнулись на полянку, по которой разбросано было нѣсколько кибитокъ, дымились костры, сноваль народъ, лаяли собаки.

— Ауль,—объявилъ рулевой, не спуская глазъ съ маленькаго островка, который мы огибали.

— Не остановиться ли? спросилъ М.—Рулевой, правъ къ берегу. Сейчасъ напьемся чайку, курочку зажаримъ, водочки пропустимъ... прелесть!

Не о томъ скорблю, подруженьки...

Баркасъ стукнулся о берегъ. Киргизы поспѣшили къ намъ на встрѣчу, помогли поставить самоваръ и пригласили помѣститься въ пустую, еще не занятую кибитку.

Отъ нихъ мы узнали, что ауль только вчера расположился здѣсь для рыбной ловли, что путешествіе на баркасѣ должно окончиться, такъ какъ рѣка дальше пойдетъ все мельче и мельче, дѣлясь на узкіе рукава, и что въ нашемъ тяжеломъ суднѣ нѣтъ возможности проплыть въ этомъ лабиринтѣ и двухъ верстъ. Последняя новость насъ крайне опечалила. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился попробовать пуститься въ дальнѣйшій путь на какойнибудь лодкѣ, съ гребцами, знающими Кара-Узякъ.

На такое предложеніе киргизы согласились тотчасъ же, и черезъ часъ явилась душегубка и два рыбака. Новое суденышко, предназначенное для меня, было узкое и длинное дерево, глубоко сидящее въ водѣ (бортъ возвышался не больше вершка надъ поверхностью рѣки); въ носовой части видѣлась внушительныхъ размѣровъ дыра, заткнутая тряпкой; снопъ камыша, брошенный на дно, служилъ мѣстомъ сидѣнья. Ко всему сказанному прибавьте необыкновенную неустойчивость—стоило поднять руку или протянуть ногу, какъ душегубка начинала качаться самымъ безпощаднымъ образомъ. Таковъ былъ новый экипажъ.

Сопутствовать мнѣ рѣшился одинъ Д., хотя, по правдѣ сказать, больше двухъ пассажировъ (кромѣ гребцовъ) лодка не могла бы вмѣстить.

Вооружившись берданками и револьверомъ, запасшись бумагой и банками для растений, двинулись.

Теченіе быстро понесло насъ отъ оставшихся товарищей. Кир-

гизы ловко лавировали между отмелями и изрѣдка отпихивались длинными шестами отъ крутого берега.

Не успѣли оглянуться, какъ аулъ скрылся изъ вида, а черезъ полчаса влетѣли въ какой-то зеленый корридоръ: высокій камышъ сплетался надъ головой, подъ этимъ живымъ сводомъ царствовалъ мягкій полусвѣтъ. Вода, стиснутая берегами и не находя для себя достаточнаго простора, съ глухимъ шумомъ неслась дальше и буквально процѣживалась сквозь корни и стебли растеній. Паденіе горизонта Сыръ-Дарьи становилось настолько сильно, что мы подъ конецъ скользили какъ по водопаду. Здѣсь киргизы показали свое искусство—они такъ ловко вертѣлись въ этихъ узкихъ корридорахъ, что мы ни разу не были выброшены на отмель, ни разу не зацѣпились носомъ; лодка послушно поворачивалась, шла ровно и точно изгибалась.

Прошло часа два. Узкій протокъ расширился; среди высокихъ зеленыхъ стѣнъ вода образовала круглый бассейнъ; вправо выступалъ глинистый островокъ. Рѣка здѣсь какъ будто стояла неподвижно, ни одна струйка не рябила ея гладкой, зеркальной поверхности. Душегубка пошла медленно. Одинъ изъ киргизовъ, стоящій на носу, вытащилъ со дна лодки длинный трезубецъ, поднялъ его высоко надъ головой, и, перегнувшись за бортъ, сталъ пристально вглядываться въ глубину. Мы затаили дыханіе.

Вдругъ трезубецъ быстро опустился въ воду, киргизъ налегъ на его рукоятку и черезъ секунду — на желѣзномъ остріѣ трепеталъ громадный усачъ; сброшенный въ лодку, онъ сильно прыгалъ, вращалъ глазами и беспомощно открывалъ ротъ.

Рыбакъ, видя, что добыча можетъ легко ускользнуть изъ плѣна, самымъ хладнокровнымъ образомъ запустилъ пальцы ей въ глаза и ударилъ о бортъ.

На небольшомъ пространствѣ и въ довольно короткій промежутокъ времени было, такимъ образомъ, убито нѣсколько крупныхъ экземпляровъ рыбы.

Удивительно, на сколько вѣренъ глазъ кочевника и силенъ его ударъ; необъяснимо то чутье, съ которымъ онъ отыскиваетъ невидимую для насъ добычу; казалось, что вода совершенно покойна, что на ея поверхности нѣтъ ни пузырька воздуха, ни струйки, ни тѣни рыбы, а между тѣмъ, именно, въ такихъ-то мѣстахъ мѣткая острога находила или жирнаго сазана, или колоссальнаго усача.

Натѣшившись охотой, вѣхали опять въ узкій корридоръ, помчались снова между камышами и, спустя довольно долгое время, стукнулись о дно. Душегубка стала.

Вода попрежнему неудержимо стремилась вдаль и шипѣла между камышами, но продолжать путь было уже невозможно.

Киргизъ кое-какъ объяснилъ намъ, что дальше будетъ все также мелко, и пойдутъ сплошные камыши.

Мы взяли длинные шесты, соскочили въ воду и пошли въ бродъ, пока не уперлись въ зеленую непроницаемую стѣну. Дѣлать нечего, пришлось вернуться.

Въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ канала, на островкѣ, развели огонь. Сазаны и усачи, разрѣзанные на длинные ломтики и воткнутые на заостренные палочки жарились на кострѣ; жидкій горячій жиръ капалъ на уголья и распространялъ аппетитный ароматъ. Усѣвшись около лодки, окруженные высокимъ камышемъ, мы имѣли надъ своими головами только небольшой клочокъ голубого неба. По немъ проносились длинными вереницами громадныя розоватыя пеликаны, съ отвислыми мѣшками подъ нижнею челюстью. Они пугливо кидались въ сторону, замѣтивши насъ, а одинъ изъ стаи такъ близко пролетѣлъ мимо, что мы чувствовали вѣяніе его крыльевъ.

Какъ ни интересно было посидѣть въ такой глуши подольше, но... слѣдовало подумать и объ отъѣздѣ. Противъ теченія подыматься оказалось очень трудно: киргизы цѣплялись руками за камышъ, притягивали его къ себѣ и, упираясь ногами въ душегубку, сдвигали ее, такимъ образомъ, съ мѣста. Тамъ же, гдѣ такая манипуляція почему бы то ни было оказывалась непригодною, пускали въ ходъ длинные и крѣпкіе шесты. Каждый догадается, какими черепашьими шагами тащились мы, не смотря на желаніе выбраться изъ этихъ трупцобъ до захода солнца. Иногда случалось, что камышъ, за который держался киргизъ, вдругъ вырывался съ корнемъ, и нашу душегубку несло назадъ, ударяло о берегъ или же выбрасывало на отмель. Приходилось во второй разъ проходить уже пройденное пространство.

Усталость и головокруженіе окончательно овладѣли нами. Напрасно мы стрѣляли, разговаривали, пѣли чувствительные романсы, бранились съ рыбаками—припадки морской болѣзни, отъ этихъ минутныхъ толчковъ и покачиванія, подступали ко мнѣ все чаще и чаще. Наконецъ, когда уже я лежалъ почти въ безчувственномъ состояніи на связкѣ мокраго тростника, киргизъ радостно вскрикнулъ и указалъ намъ на развернувшуюся картину: рѣка сдѣлалась шире, на лѣвомъ берегу стоялъ ауль, а около крайней кибитки покачивался нашъ желѣзный барказъ. Однако, въ виду нашихъ товарищей, когда оставалось проѣхать нѣсколько сажень, съ нами чуть не совершилось катастрофа,—тряпка, которой заткнута была дыра въ днѣ душегубки, выскочила и вода хлынула въ лодку фонтаномъ. Напрасно искали мы мокрые доскутья, чтобы ими снова заложить отверстіе—они куда-то исчезли, а другого подъ руку ничего не попадалось, пришлось засунуть въ щель собственную руку, обернутую носовымъ платкомъ. Насилу пристали къ берегу, гдѣ были встрѣчены толпою любопытныхъ киргизовъ и товарищами, которые начинали уже беспокоиться о нашей участи.

— Ну, что, тигры васъ не съѣли?—спрашивалъ М.—А вѣдь это очень легко могло случиться. Ёсть хотите? Отъ чая тоже не откажетесь?.. Пойдемте въ кибитку, тамъ все уже приготовлено.

Мы съ наслажденіемъ расположились на мягкомъ коврѣ, при свѣтѣ свѣчи, заправленной въ бутылку.

Ночь наступила темная, холодная. Вѣтерокъ тянулъ съ рѣки. Вдали сонливо перекликались собаки.

Обратный путь совершали мы верхомъ. Все обстояло благополучно. Видѣли на берегу множество скелетовъ сомовъ, которыхъ здѣсь водится во множествѣ; попадались черепа, имѣющіе до двухъ четвертей въ затылочной части. Рассказываютъ, что не обходится недѣли, чтобы кто нибудь изъ купающихся не исчезъ безвозвратно, схваченный громаднымъ хищникомъ за ногу.

Проѣзжая черезъ одинъ аулъ, расположенный на рукавѣ Сыра, мы вздумали напитокъ чаю. У берега покачивалась душегубка; въ ней сидѣлъ киргизенокъ лѣтъ четырнадцати.

Пока товарищи хлопотали, я вошелъ въ лодку и велѣлъ себя вести покататься. Ловко дѣйствуя шестомъ (вмѣсто весла), мальчишка направился въ камыши. Вода здѣсь была покойная, тихая. Вдругъ что-то ударило о дно нашей душегубки, громадный темный хвостъ мелькнулъ въ воздухѣ и волна хлестнула къ намъ за бортъ. Киргизенокъ чуть не слетѣлъ въ глубину.

Когда все утихло, мой возница захохоталъ во все горло.

— Сомъ!.. Джаманъ сомъ!.. Охъ, джаманъ! твердилъ онъ, весело утирая брызги съ своего широкаго лица.

Послѣ этого, я повѣрилъ въ рассказы объ исчезнувшихъ казакахъ, о пропадающихъ безъ вѣсти киргизахъ.

Такому прѣсноводному киту, который однимъ ударомъ хвоста чуть не опрокинулъ лодку, ничего не стоитъ утащить человѣка въ глубину.

Подѣзжая обратно къ берегу, я увидѣлъ, что на отмели нѣсколько голыхъ ребятишекъ, сидя на песчаномъ днѣ, собираютъ что-то руками и кладутъ въ корзинны. Оказалось, что это они ловятъ рыбу. Способъ крайне простъ, нѣсколько человѣкъ, отходятъ отъ берега на извѣстное разстояніе, садятся рядомъ на дно и разставляютъ ноги. Двигаясь по направленію къ сушѣ, они отрѣзываютъ всякое отступленіе мелкой рыбѣ, которая мечется между колѣнами и безъ всякаго труда захватывается руками. Согласитесь, читатель, что способъ довольно примитивный!

Отдохнувши немного, наша кавалькада направилась къ Перовску.

Тамъ пришлось привести коллекціи въ порядокъ и, распростившись съ любезными офицерами, опять сѣсть въ тарантасъ.

М. и Д. провожали насъ. Достали лимонаду, пили за благополучное путешествіе.

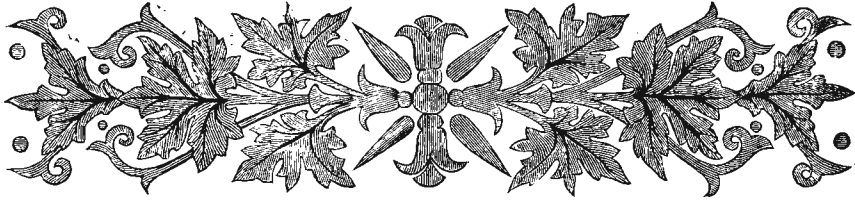
Наконецъ, лошади тронулись.

— Прощайте, прощайте! кричалъ М.—А что, увидимся ли еще когда нибудь?

И, не дождавшись отвѣта, зашагалъ по улицѣ, мурлыча какой-то мотивъ...

Н. Сорокинъ.

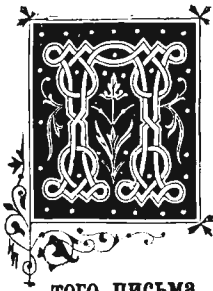

ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢВИЧА ПОЛЕВАГО ¹⁾.

V.

«Дѣдушка русскаго флота». — Отзывъ императора Николая объ этой пьесѣ. — Николай Алексѣвичъ не извлекаетъ изъ этого успѣха никакой матеріальной выгоды. — Успѣхъ «Купца Иголкина». — Основныя причины разстройства дѣлъ Николая Алексѣвича. — Клеветы на него Булгарина и Бѣлинскаго. — Клеветы эти сильно вредятъ Николаю Алексѣвичу. — Ему предлагаютъ принять редакцію «Энциклопедическаго Лексикона»; онъ отказывается. — Смерть сына его Алексѣя и его отчаяніе.

ОСЛѢ всего, изложеннаго въ предыдущей главѣ, читателю будетъ понятнѣе слѣдующее письмо Николая Алексѣвича, замѣчательное по многимъ отношеніямъ и бывшее вовсе для меня неожиданнымъ. Оно потребуетъ болѣе обширныхъ объясненій... Но сначала прочтемъ его, выслушаемъ вѣрный рассказъ о самомъ событіи, прежде нежели станемъ судить о немъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ того письма, которое читали мы выше, я получилъ отъ него новое письмо.

«С.-Петербургъ, 24-го ноября 1838 года.

«Добрый братъ и другъ, ты, дѣлившій со мною всѣ мои горести, бывшій столько разъ единственною моею отрадою, когда я готовъ былъ предаться отчаянію—раздѣли теперь со мной мою радость и мое наслажденіе! Судьба всегда, какъ нарочно, на темныя стороны моего бытія бросаетъ мнѣ свѣтлыя искорки—она шалить

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXIX, стр. 504.

со мною, и теперь бросила искорку и пошала! Бездѣлка, о которой я не думалъ, которая стоила мнѣ полдня работы, словомъ: «Дѣдушка русскаго флота» сдѣлался неожиданною причиною счастливаго оборота, можетъ быть, всѣхъ моихъ обстоятельствъ, произвелъ шумъ, обратилъ на меня вниманіе царя, который изъявилъ его съ истинно-отеческою, не оцѣненной милостью! Слава Богу, мой любезнѣйшій, слава Богу! Что будетъ впередъ—кто знаетъ? но, по крайней мѣрѣ, теперь все старое забыто; козни враговъ не подействовали, стали безсильны—моя невинность, моя правота, восторжествовали; мнѣ отдали то, чего не могъ я выкупить четырехлѣтними страданіями и столькими тяжкими трудами. Опишу тебѣ главныя подробности. Я уже писалъ тебѣ, и почтеннѣйшій могъ тебѣ лично пересказать объ успѣхѣ «Дѣдушки» въ первое представленіе. Второе было еще шумнѣе—меня опять вызвали, при громкихъ кликахъ. На третье представленіе, вовсе неожиданно, пожаловала государыня императрица, со всѣмъ семействомъ. «Дѣдушка» такъ имъ понравился, что маленькій генераль-адмиралъ хлопалъ безпрестанно. Публика громко звала автора, меня не было въ театрѣ. Ноября 18-го, «Дѣдушку» назначили въ четвертый разъ. Театръ былъ полнехонекъ. Знали, что государь въ тотъ день придетъ поутру изъ Москвы; но только часа за два до представленія сказано было директору, что онъ будетъ въ театрѣ. Мнѣ едва успѣли сказать. Я пріѣхалъ, когда первая пьеса была уже кончена; ее играли насъкорно. Государь только-что явился въ ложѣ. Съ нимъ были государыня, в. к. Марія Николаевна и женихъ ея. Начался «Дѣдушка» — все загремѣло, и когда пошла вторая половина пьесы,—это были просто громъ, крикъ, «ура!» Видно было, что государь наслаждался этимъ неподдѣльнымъ голосомъ народа; онъ былъ веселъ, хлопалъ, смѣялся.—«Полевой далъ мнѣ семейный праздникъ!»—сказалъ государь потомъ. Онъ сошелъ на сцену, когда кончилась пьеса, при страшныхъ громахъ рукоплесканій, поздравлялъ Сосницкаго, благодарилъ его.—«У автора необыкновенныя дарованія,—говорилъ онъ,—ему надобно писать, писать, писать! Вотъ что ему писать надобно (онъ улыбулся), а не издавать журналы». Кто-то замѣтилъ, что Полевой издаетъ журналы по-неволѣ.—«Дирекція должна платить ему, дорого платить!»—сказалъ онъ, и потомъ шутилъ, смѣялся, потребовалъ Каратыгина.—«Ты совершенный Петръ Великій!»—сказалъ онъ, любуясь имъ.—«Нѣтъ, государь, онъ былъ выше меня: 2 аршина 14 вершковъ».—«А въ тебѣ?»—«Двѣнадцать». Государь помѣрился съ нимъ.—«Все ты выше меня: во мнѣ 10¹/₂». (Я былъ въ пяти шагахъ отъ него, но не смѣлъ выйти, не зная дворскихъ приличій и ладно ли это будетъ). Онъ просмотрѣлъ еще «Ложу 1-го яруса», и уѣхалъ весьма веселый. Говорятъ, что дома много говорилъ онъ обо мнѣ, о пьесѣ; что дѣти его представляютъ ему Гроомдума, Гродекера, играютъ

между собою «Дѣдушку», и это веселитъ и забавляетъ его. Сосницкому, Асенковой, Максиму выданы подарки,—они въ восторгѣ! Наконецъ, вчера, графъ Александръ Христофоровичъ позвалъ меня къ себѣ. — «Государь благодаритъ васъ; велѣлъ сказать вамъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ необыкновенныхъ дарованіяхъ вашихъ, но не предполагалъ въ васъ такого сценическаго искусства. Онъ проситъ васъ, приказываетъ вамъ писать для театра. Дайте мнѣ все, что вы напишете, государь самъ будетъ все читать»... Такъ, и множество другого лестнаго говорилъ мнѣ графъ А. Х., обнялъ, разцѣловалъ меня и потомъ вручилъ мнѣ богатый брилліантовый перстень (его цѣннѣе около 2,500 рублей). Можешь судить, какое впечатлѣніе произвело все это! Весь Петербургъ заговорилъ: всѣ мнѣ сдѣлались теперь друзьями; многіе причли меня просто въ гении. «Дѣдушку» назначили играть по три раза въ недѣлю. Онъ сдѣлался народною пьесою. Билетовъ достать ни въ кресла, ни въ ложи, невозможно каждый разъ, и теперь уже все въ «Дѣдушкѣ» сдѣлалось изумительно и превосходно. При появленіи Сосницкаго начинается громъ и крикъ. Явленіе Каратыгина приводитъ въ восторгъ. «Дѣдушку» назначили играть въ Морскомъ и въ Пажескомъ корпусахъ. Враги мои бѣсятся. Булгаринъ (ты видѣлъ его мерзкій отзывъ о небываломъ водевилѣ, который будто бы я пишу: «Винные откупщики», и сравненіе съ пирогами) со злости боленъ. Кукольникъ говоритъ, что онъ и я—создадимъ драму въ Россіи. Вотъ, мой любезный другъ и братъ, описаніе о томъ, что, можетъ быть, въ будущемъ совершенно измѣнитъ судьбу мою, и съ тобой спѣшу я подѣлиться моею сердечною радостію! Не горжусь, приписываю все Провидѣнію, пути коего неповѣдимы; радуюсь, какъ отецъ семейства, какъ выдающій возможность успокоиться, наконецъ, можетъ быть... Прошу тебя сообщить всѣ эти новости моему доброму Льву Михайловичу Цынскому и Н. А. Кашинцеву,—они не оставляли меня въ горѣ и порадуются моей радости. Пожалуйста, съѣзди къ нимъ и раскажи. Еще просьба: напиши, что станеть объ этомъ говорить добрая мамаша¹⁾. Увѣрится ли она хотѣ теперь, что я-таки не вовсе вѣтрянникъ? Еще любопытное: «Дѣдушку» отослали уже въ Москву, и Лавровъ даетъ его въ свой бенефисъ. Какъ его примуть? Что скажетъ Москва? Боюсь, что обстановать дурно. Нельзя ли поговорить съ Верстовскимъ и наблюсти за этимъ? Скажи еще Н. А. Кашинцеву, что одинъ изъ тѣхъ, кто болѣе всякаго теперь радуется за меня, есть Леонтій Васильевичъ—человѣкъ, какихъ немного... Какъ мнѣ хотѣлось бы съ тобой говорить о прошедшемъ, настоящемъ и бу-

¹⁾ Моя теща, Е. И. фонъ-Медъ, незабвенная для многихъ. Она любила Николая Алексѣевича, и, шутя, иногда обращалась къ нему со словами:—«Ну, что вы, мой вѣтрянникъ!»

дущемъ! Но черезъ шесть недѣль я буду съ тобою, тогда, тогда... Всего написать невозможно.

«Я не хотѣлъ было ничего прибавлять къ этому моему письму, но, земля требуетъ своего. Надѣюсь, что ты и почтеннѣйшій не оставите меня не выславши мнѣ проклятыхъ 3-хъ тысячъ рублей, какъ я просилъ и умоляю еще, ради Бога, ибо славы у меня много, если угодно, а, между тѣмъ, poeta laureatus будетъ безъ вашей помощи въ большой крайности. Средства и случаевъ теперь у меня никакихъ нѣтъ! Жду также отвѣта о паспортахъ, мнѣ и нянѣ; да еще, мой любезный, ты мучишь меня, не высылая «Жизни Грибоѣдова», которой требуютъ у меня каждый день. Поспѣши присылкой. Тревожусь нѣсколько, вообще, не получая извѣстій отъ тебя съ самаго отъѣзда почтеннѣйшаго. Впрочемъ, знаю, что ты сдѣлаешь для меня все, что можно, и—лучше меня самого. Ты мой ангель-хранитель, былъ и будешь! Новостей никакихъ. О смерти Кронеберга ты, вѣрно, уже слышалъ. Жаль умнаго человѣка, хотя у него и былъ красный носъ. Зима, которую привезъ къ намъ почтеннѣйшій, растаяла, и погода стоитъ ужасная. Я довольно здоровъ, но дѣла — бездна! Бью на пропалую, рассчитываю такъ, что отдохну съ тобой, и сижу день и ночь. Какъ ужъ чтó пишется, не знаю; рука ходитъ, шевелится по бумагѣ, но чисто ужъ механически. Мой поклонъ твоимъ»...

Я замѣтилъ раньше, что братъ мой былъ способенъ увлекаться мечтою,—прибавлю: и видѣть добро и благо тамъ, гдѣ, собственно, не было ихъ. Это письмо искреннее, писанное къ лучшему другу, которому повѣрялъ онъ свои сокровенныя помышленія, доказываетъ мои слова лучше всего. Конечно, въ его жизни могло быть важнымъ событiемъ благоволенiе государя, прямое, свободно имъ выраженное, послѣ тѣхъ гоненiй, какимъ подвергся братъ мой за свою литературную дѣятельность. Императоръ Николай былъ такъ благороденъ, что нимало не задумывался изъяснить блистательную признательность дарованiямъ того, кто еще такъ недавно подвергся его гнѣву. Братъ мой не могъ ни порадоваться этому, ни подумать, что это обѣщаетъ ему успокоенiе въ будущемъ, ибо онъ никогда не думалъ о чинахъ и наградахъ. Но какъ не собралъ онъ и столько опытности въ дѣлахъ свѣта, что могъ льститься какимъ нибудь улучшенiемъ въ своемъ положенiи отъ того событiя, которое онъ описывалъ мнѣ? Развѣ онъ не зналъ себя и своего положенiя? Развѣ онъ способенъ былъ выпросить себѣ что нибудь у царя, какъ многiе другiе? Развѣ былъ у него какой нибудь ходатай у подножiя престола? Да если бы и былъ, то братъ мой умолялъ бы его не выпрашивать ничего ему, какъ бѣдному писателю, чтó и случилось впоследствии, во время сношенiй его съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. На чтó же онъ надѣялся? Что въ самомъ дѣлѣ дирекцiя станетъ щедро платить ему за

его театральныя пьесы? Но покуда не было о томъ особеннаго повелѣнія, дирекція продолжала пользоваться доходами отъ его пьесъ, которыя онъ самъ безразсечно дарилъ на бенефисы актерамъ и актрисамъ! Не ожидалъ ли онъ, что благоволеніе царя помирить съ нимъ Уварова, и тотъ дастъ ему столько же свободы, какъ другимъ современнымъ писателямъ? Мы увидимъ, какъ этотъ великій мужъ разыгралъ свою роль!

Письмо моего брата всего лучше показываетъ рѣдкое въ мірѣ, высокое простодушіе, бывающее принадлежностью только тѣхъ людей, которые чистотою души подобны дѣтямъ. Такъ, благородный и честный Донъ-Кихотъ видѣлъ правду и истину тамъ, гдѣ самый пошлый разсудокъ Санчо-Пансы показывалъ ему дѣйствительность въ настоящемъ ея значеніи. Н. А. Полевой, человѣкъ съ высокимъ умомъ, особенно отличавшійся удивительною проницательностью, былъ истинное дитя во всѣхъ случайностяхъ обыкновенной жизни, во всѣхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ между людьми, отчего онъ и страдалъ такъ много, отчего и не перенесъ жизни, окончившейся рановременно. Мы видѣли много примѣровъ простодушія въ разныхъ, уже описанныхъ мною, событіяхъ его жизни; неожиданный имъ самимъ успѣхъ «Дѣдушки русскаго флота» опять показалъ дѣтское его простодушіе. Царь былъ доволенъ, изъявилъ ему свое благоволеніе самымъ лестнымъ образомъ,—это, и только это, и должно было порадовать его, не обольщая никакими надеждами. Любезности и дружескія завѣренія, какія стали оказывать ему при томъ всѣ встрѣчные, начиная отъ вельможъ до литераторовъ, должны были бы только предостеречь его, показавъ еще разъ, каковы люди вообще!.. Чтобы воспользоваться счастливымъ случаемъ, который нечаянно встрѣтился ему, надобно было дѣйствовать, какъ онъ не былъ способенъ дѣйствовать, и даже не подумалъ о томъ, полагая, что все кончено, все старое забыто, и остается только продолжать честно работать... Горько разочаровался онъ въ этомъ, и вскорѣ!.. Но еще нѣсколько дней и даже недѣль все представлялось ему въ розовомъ цвѣтѣ, и, кажется, даже въ тѣхъ, кто оказывалъ ему самую обыкновенную, казенную вѣжливость, видѣлъ онъ людей съ ангельскимъ сердцемъ. Въ слѣдующихъ письмахъ мы увидимъ много любопытныхъ подробностей; увидимъ, какъ постепенно спадала и повязка съ глазъ его.

«С.-Петербургъ, декабря 7-го 1838 г.

«Знаю, мой любезный Ксенофонтъ, что я отягощаю тебя высылкою мнѣ денегъ, какъ я просилъ, но крайняя неволя велѣла воспользоваться предложеннымъ отъ тебя средствомъ, и я взялъ у Фарикова на переводъ 3,000 рублей, хотя трепещу, не затруднить ли это тебя! Истинно, считая эти проклятыя деньги, я дрожалъ при сей мысли, и мнѣ чуть не сдѣлалось дурно, такъ что Фарик-

ковъ спросилъ, что со мной сдѣлалось, и я принужденъ былъ сослаться на головную боль... Помоги тебѣ Богъ! Я теперь средствъ другихъ не имѣлъ... Благодарю тебя за письмо, отъ 29-го ноября. Думаю, что вчера вы вспомнили именника, который очень, очень грустно вспоминалъ, что уже другой годъ проводить сей день безъ тебя. Но, въ январѣ—я въ Москвѣ, непремѣнно, если не успѣю всю работу сладить такъ, чтобы и новый годъ встрѣтить вмѣстѣ. Впрочемъ, не ручаюсь, ибо работы бездна, не смотря на то, что я встаю теперь часа въ 4 утра, сижу до 3-го часа пополудни и еще пишу вечеромъ. Совершенно писальная машина, а не человѣкъ! Но это въ сторону, увидимъ. Біографію Грибоѣдова тотчасъ отдалъ цензору; но, какъ бы ни спѣшили мы, къ половинѣ декабря кончить невозможно, а къ святкамъ—ручаюсь за выходъ. Будемъ стараться, елико возможно. О себѣ скажу, что, кромѣ жестокихъ спазмъ, во все это время, я здоровъ, да и съ ними надѣюсь скоро управиться, а главное, лѣченіе ихъ будетъ мнѣ дорого. Кровь у меня густѣетъ и стынетъ отъ неподвижности. Вчера провелъ я довольно весело, и смѣшно было мнѣ, что у меня было множество посѣтителей... О, люди! если они завтра же узнаютъ, что я издохъ, то для нихъ будетъ такое извѣстіе только предметомъ для разговора... Между тѣмъ, «Дѣдушка» продолжаетъ быть пока предметомъ для всеобщаго любопытства. Онъ сдѣлался модною пьесою, и его переводятъ на нѣмецкій и будутъ давать здѣсь на нѣмецкомъ театрѣ. Экземпляръ «Дѣдушки»—необходимая принадлежность на столики каждаго салона и, не смотря на безпрестанныя представленія, до сихъ поръ трудно достать билеты въ театръ. Я готовлю еще сюрпризъ въ такомъ же родѣ. Написалъ, мимоходомъ, маленькую пьеску: «Иголкинъ». Ты помнишь этотъ трогательный анекдотъ? Теперь ставятъ его на театрѣ, пишутъ новую декорацию, ждуть его всѣ нетерпѣливо, и надѣюсь, что «Иголкинъ» встрѣтитъ пріемъ добрый! Уже напередъ заказываютъ ложи и кресла. Давать его будутъ 15-го декабря, кажется. Любопытно еще, что государь посѣтилъ представленіе «Гамлета», и сказалъ, что «дочь пріѣдетъ посмотрѣть, когда проводитъ жениха; что имъ наговорили о «Гамлетѣ» чудеса». Теперь въ Петербургѣ безпрестанные праздники, по случаю обрученія: балы, пиры, иллюминаціи, представленія. Зрѣлище Большого театра, когда государь представлялъ публикѣ своего нареченнаго зятя, было великолѣпно, изумительно. Рядъ четыре креселъ занимали люди со звѣздами; бельэтажъ горѣлъ въ брилліантахъ. Восторгъ доходилъ до изступленія.— Скажу еще, мой милый, что послѣднія событія со мной помирили со мною Уварова. Онъ обласкалъ меня, объявилъ другомъ и любимымъ писателемъ своимъ. Радуюсь неожиданной милости, и авось либо прекратится, наконецъ, мое терзательное, невыносимое состояніе... А, между тѣмъ,—прости за нескладное и короткое письмо,—

пока что, а надобно работать, приниматься за толчею литературную... Я едва успѣлъ пробѣжать твою біографію Грибоѣдова: очень умно и хорошо».

«Декабря 27-го 1838 г.

«Виноватъ передъ тобою, мой добрый братъ и другъ, что запоздалъ нѣсколько дней отвѣтомъ на твое письмо, тѣмъ болѣе, что мнѣ надлежало отвѣчать на нѣкоторые запросы твои о дѣлахъ, и подѣлиться съ тобою нѣсколькими пріятными впечатлѣніями, которыми полетѣяла меня судьба въ послѣднее время. Начнемъ сперва о пріятномъ—горечи на днѣ все еще останется довольно... Первое, мой любезнѣйшій, былъ необыкновенный успѣхъ «Иголкина», написаннаго въ однѣ сутки. Прямо доставленъ онъ былъ къ графу А. Хр., выученъ и поставленъ въ недѣлю. Государь обѣщаль пріѣхать самъ, и, въ самомъ дѣлѣ, въ первое представленіе явился съ великою княжною Марією Николаевною. Поскорѣй доиграли вздорную пьесу «Луиза Линдеронъ», начался «Иголкинъ», и государь принялъ живѣйшее участіе, хлопалъ, смѣялся, и велѣлъ изъявить мнѣ потомъ полное свое удовольствіе. Меня вызвали, и довольно шумно, въ его присутствіи. Но, вообще, я что-то недоволенъ былъ всѣмъ, при необыкновенныхъ хлопотахъ перваго представленія. Мы же взяли въ театръ дѣтей, съ которыми была страшная возня... Каратыгинъ былъ также не развязанъ, ибо пріѣздъ государя въ первое представленіе въ театрѣ—новость неслыханная. Блестящую публику увлекла при томъ Хитана, и зрители были, большею частью, бенефисные. Мнѣ оставалось одно утѣшеніе, что «Иголкинъ»—понравился царю! Надобно тебѣ сказать, что этотъ новый опытъ національной драмы не то что «Ботикъ»; въ немъ по-сѣяны (по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется) новые доннынѣ элементы русской драмы. Я боялся уже, что не поймутъ этого очерка естественнаго, простаго, фанатическаго, грубаго русскаго, и что самъ Каратыгинъ не войдетъ въ роль его. Но я во всемъ ошибся; второе представленіе происходило съ неслыханнымъ блескомъ. Не говорю о блестящей публикѣ, о томъ, что билеты наканунѣ уже исчезли; но если публика вполнѣ поняла, оцѣнила все, то еще довольнѣе былъ я Каратыгинымъ. Какъ онъ былъ превосходенъ! Восторгъ былъ ужасный; три раза вызвали меня, и «Иголкина» давали послѣ того по три раза, кажется, въ недѣлю. Народу было каждый разъ тѣма, и меня вызывали еще въ третье представленіе, но я тогда не былъ въ театрѣ... «Иголкинъ» и «Дѣдушка» сдѣлались теперь любимыми, національными пьесами въ Петербургѣ. Но вотъ еще: въ Морскомъ корпусѣ играли «Дѣдушку» гардемарины, и для незаписныхъ актеровъ, очень мило. Лефортъ неожиданно прочиталъ на сценѣ стихи почтенному старцу Крузенштерну (нарочно мною сочиненные), и растрогалъ старика до слезъ. При кликахъ: «автора!» онъ обнялъ и разцѣловалъ меня. Все это услышалъ

генераль-адмираль и выпросился смотрѣть «Дѣдушку». Неожиданно Лефорть привѣтилъ и его стихами, которые такъ обрадовали милого малютку, что онъ хотѣлъ видѣть меня и привѣтствовать, а стихи увезъ къ Папенькѣ. Крузенштернъ поѣхалъ во дворець на другой день, и Папенька такъ обласкалъ его, такъ благодарилъ за привѣтъ, что старикъ прямо проѣхалъ ко мнѣ, встацился на лѣстницу, и не зналъ какъ благодарить меня... Однимъ изъ пріятнѣйшихъ наслажденій и наградою для меня было потомъ знакомство съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ, въ которомъ нашель я чтѣ-то увлекательное, доброе, милое. Онъ обласкалъ меня, просилъ меня относиться во всемъ къ нему, и сказалъ, что двери его кабинета всегда для меня отперты. Разныхъ новыхъ и возобновленныхъ знакомствъ я тебѣ не описываю, а равно и того, что и другое все этимъ для меня укрѣпляется. Словомъ политически, если можно такъ выразиться, за мое положеніе могу я только благодарить Бога и ожидать всего хорошаго, въ будущемъ; но настоящее-то, мой любезнѣйшій... охъ, тяжело!.. Меня все теперь тревожитъ, беспокоитъ, томитъ, и вотъ почему я долженъ, какъ наивозможно, ѣхать въ Москву. Кромѣ устройства дѣлъ, кромѣ условія въ работахъ, окончанія старыхъ дразговъ, мнѣ надобно опереться на твой желѣзный умъ, согрѣться на твоёмъ добромъ, горячемъ сердцѣ... и потому моя поѣздка не мечта. Располагаю такъ, чтобы выдать 1-ю книжку «Сынъ Отец.» 15-го января, и тотчасъ скакать въ Москву, чтобы праздновать съ тобой именины твои, а къ 1-му февраля воротиться сюда. Для этого работаю неусыпно, и уже ничего не щажу... Тогда и съ тобой будетъ для меня отдыхъ...

«Одна изъ досадъ въ настоящемъ для меня то, что я не исполнилъ еще ни одной изъ твоихъ комиссій. Но не причти этого къ моей недѣятельности и недостатку усердія. Только 5-го декабря могъ я отдать «Жизнь Грибоѣдова» цензору, и она пошла по мытарствамъ, такъ что только 17-го могъ я получить ее. Но въ это время Военная типографія уже не взялась печатать, заваленная казенною работою. Только къ новому году всѣ ихъ она кончитъ, и тогда обѣщаютъ въ недѣлю выставить «Горе отъ ума» вполнѣ. Тутъ, милый, впрочемъ, самъ ты немножко виноватъ, что поздно прислалъ. Абрантесъ¹⁾ поступилъ къ Данилевскому 10-го ноября, и онъ (тогда не бывши еще моимъ другомъ) передалъ ее читать генералу Философову, который и вялилъ, и вялить ее... Что касается до Мармона, то мерзавцы Монковскіе опять тебя обманули: Данилевскій книги и отрывка изъ нея никакого не получалъ до сихъ поръ. Можетъ быть, это къ лучшему? Такъ какъ теперь мы съ

¹⁾ Записки герцогини Абрантесъ, переведенныя мною. Часть ихъ подверглась военной цензурѣ, бывшей подъ вѣдѣніемъ ген. Данилевскаго. Далѣе упоминается о «Путешествіи маршала», издававшемся мною. К. П.

нимъ сдѣлались страшные друзья, то онъ совѣтуетъ взять изъ московской цензуры именно то, чего она не пропускаетъ, переслать это ко мнѣ, а я частнымъ образомъ передамъ ему, и онъ на другой же день подпишетъ. И такъ поспѣши исполнить это, а я тотчасъ тебѣ все исправлю и вышлю обратно...

«Если спросишь о житьѣ-бытьѣ, скажу, во-первыхъ, что могъ бы быть здоровъ, да самъ виноватъ,.. Но это вздоръ...» (Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько семейныхъ подробностей, чуждыхъ для публики и потому исключаемыхъ).

«Изъ литературныхъ подробностей важнѣйшая та, что съ будущаго года Смирдинъ отказался отъ «Пчелы» и радъ былъ откупиться, только бы Гречъ и Булгарилъ избавили его отъ нея.. И такъ «Пчела» опять будетъ самобытна! Богъ съ ней! Тебѣ любопытно будетъ узнать, что я помирился съ Булгаринымъ и съ Плетневымъ и его товарищами. Они сами простерли руки ко мнѣ, не знаю отчего, признавая во мнѣ какое-то необыкновенное дарованіе... И не знаю, какое слово вырвется у тебя при слухѣ объ этомъ примиреніи!

«Я познакомился съ Вронченко; но, Боже мой, какъ не понравился мнѣ этотъ человѣкъ!.. Я иззябъ, проговоривши съ нимъ часа два.

«Кстати: Кукольникъ обнимаетъ меня, а, между тѣмъ, бѣсится, ругаетъ, и—ты видѣлъ въ «Пчелѣ»—объявляетъ меня даже воромъ! Булгаринъ тутъ подль, гадокъ и, слѣдственно, превосходенъ. Мнѣ нельзя оставить такой мерзости безъ отвѣта, и надѣюсь, что отвѣтъ мой, дружескій, будетъ выразителенъ. Впрочемъ, общее презрѣніе было здѣсь отвѣтомъ на такую подлую гадость. Ахъ! какъ о многомъ, многомъ, надобно мнѣ съ тобой говорить! Сколько идей передать, о сколькомъ спросить! Нельзя не ѣхать, и я ѣду къ тебѣ... Наполнилъ это письмо безпорядочною всячиною, оставляя все до личнаго свиданія, и вспоминаю только одно теперь: мое письмо придетъ къ тебѣ къ самому новому году. Вотъ уже второй разъ послѣ многихъ лѣтъ мы встрѣтимъ новый годъ розно. Другъ и братъ! въ полночь 31-го декабря 1838 года я буду вспоминать о тебѣ, какъ привыкъ вспоминать о тебѣ при каждой грусти и радости! И ты меня вспомнишь — знаю и увѣренъ! Прибавъ же къ памяти обо мнѣ слово любви и прощенія, если я виноватъ въ чемъ передъ тобою! Ты моя совѣсть; но вѣрь одному, что если я виноватъ, то не сердцемъ и не душою. Ты это знаешь... но довольно».

(Здѣсь еще нѣсколько словъ - привѣтствій моимъ близкимъ, и въ заключеніе слова, гдѣ видно готовое на добро сердце).

«Да! о вопросѣ Загоскина касательно «Дѣдушки», ничего не умѣю сказать и предоставляю все въ его распоряженіе. Впрочемъ, если онъ можетъ дать хорошій бенефисъ Лаврову, то я лучше го-

товъ пожертвовать хорошою постановкою его на сценѣ. А «Иголкинъ» пусть непременно идетъ въ бенефисъ Синецкой: эту бѣдную женщину мнѣ очень жаль. Она предобрая».

Братъ мой пріѣхалъ въ Москву въ концѣ января 1839 года, и жилъ у меня—какъ и во всѣ пріѣзды свои въ Москву—среди любившихъ его родныхъ. Пріѣздъ его бывалъ радостью для насъ, близкихъ ему, да и всѣ знакомые почитали какъ бы долгомъ явиться къ нему и выразить дружескія чувства. Каждое утро принималъ онъ многихъ гостей, и совѣстно было бы отказывать имъ, хотя они отнимали обыкновенно цѣлое утро. Это были тѣ люди, которые, каждый по своему, цѣнили въ Николаѣ Алексѣевичѣ необыкновеннаго человѣка. Являлись нѣкоторые и по дѣламъ; въ числѣ ихъ были извѣстные процентчики, ростовщики, но и тѣ изъ-являли ему глубокое уваженіе, оказывали всѣ возможныя съ ихъ стороны льготы, и не забывали, приписывая проценты къ процентамъ, увѣрять, что дѣлаютъ это изъ особеннаго уваженія къ должнику. И я вѣрю, что въ этомъ была своего рода искренность! Они инстинктивно понимали, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, превышавшимъ ихъ во всемъ, разумѣется, кромѣ обладанія деньгами. Только отъ этого не было легче Николаю Алексѣевичу. Разсуждая со мною наединѣ, онъ сознавался, что развѣ какойнибудь необыкновенный случай, почти чудо, можетъ спасти его, и возлагалъ всѣ надежды на Бога. «Покуда Богъ не лишитъ меня здоровья и силъ,—говорилъ онъ,—я еще надѣюсь трудомъ пособить всему». Тутъ начиналъ онъ расчитывать, что вотъ то и то можетъ вознаградиться такимъ образомъ, и что постепенно, при терпѣніи, долги его могутъ быть заплачены. Я указывалъ ему на неудачи, которыя уже испыталъ онъ въ Петербургѣ, на препятствія отъ недоброжелателей и враговъ, и болѣе всего требовалъ, чтобы онъ предписалъ самому себѣ строгія правила, которыя одни, по моему мнѣнію, могли повести его къ благопріятному исходу его дѣлъ. Въ числѣ этихъ правилъ были: 1-е, не дарить своихъ театральныхъ пьесъ бенефициантамъ; 2-е, не продавать и особенно не запродавать своихъ сочиненій за безцѣнокъ; 3-е, не работать даромъ на мнимыхъ друзей. Изъ трехъ означенныхъ правилъ, первого онъ не соблюдалъ безразсудно и явно во вредъ себѣ, поддаваясь льстивымъ словамъ Каратыгина, Асенковой и еще нѣкоторыхъ артистовъ и артистокъ. Не соблюдая второго, онъ подвергалъ себя тяжкимъ трудамъ, не имѣя времени ни обдумывать, ни отдѣлывать своихъ сочиненій, не помогая себѣ ничтожными суммами, и развлекаясь въ исполненіи уже принятыхъ на себя обязанностей. Соблюденіе третьяго правила избавило бы его отъ потери дорогаго времени, которое тратилъ онъ, безъ всякаго вознагражденія, на пересмотръ, выправку и изданіе сочиненій такихъ эгоистовъ, какъ Бѣгичевъ. Въ описываемое мною время, имъ уже успѣлъ завладѣть Михай-

ловскій-Данилевскій, очень умный, любопытный во многихъ отношеніяхъ человѣкъ, успѣвшій заставить Николая Алексѣевича исправлять языкъ и слогъ своихъ сочиненій, за которыя получалъ онъ чины, звѣзды и деньги, а ни разу не вздумалъ заплатить моему брату за искренній его трудъ. ...Братъ не могъ не обѣщать, что по 1-му и 3-му пунктамъ онъ будетъ исполнять мой совѣтъ, а касательно продажи своихъ сочиненій говорилъ, что бываетъ въ необходимости бросать ихъ за безцѣнокъ и даже запродавать себя, когда видитъ ножъ у горла. Это возраженіе было сильно, и я обѣщала ему подумать, какъ бы отвратить такое горе. Кажется, мнѣ и удалось потомъ придумать средство; къ сожалѣнію, нельзя было примѣнить его къ дѣлу.

Много разсуждали мы о его противникахъ и врагахъ, которые будто изъ земли выростали на каждомъ шагу его, какъ можно видѣть это изъ писемъ его ко мнѣ. Усилія ихъ мѣшали всѣмъ успѣхамъ. Каждое его предпріятіе, сочиненіе, мысль—искажались ими и были представляемы въ превратномъ, иногда и гнусномъ видѣ. Булгаринъ, и еще нѣкоторые, подавали на него доносы; другіе клеветали въ обществѣ, третьи писали въ журналахъ и газетахъ все, что только можно было напечатать оскорбительнаго и вреднаго для писателя и человѣка. Его, жертву доносовъ явныхъ и тайныхъ, старались представить не только продажнымъ писателемъ, но и тайнымъ агентомъ невидимой силы! Клевета, чѣмъ нелѣпѣе и гнуснѣе, тѣмъ легче распространяется, и этимъ старались пользоваться враги Николая Алексѣевича, представляя его вторымъ Булгаринымъ. Ярче другихъ дѣйствовалъ въ такомъ направленіи—Бѣлинскій, тотъ самый Бѣлинскій, который не находилъ словъ для выраженія своего уваженія къ моему брату, недавно еще признавалъ его гениемъ, и плакалъ вмѣстѣ со мною, провожая его изъ Москвы. Страсть мщенія до того овладѣла имъ, что онъ сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ его, и вредилъ ему, гдѣ и какъ только могъ. Еще въ 1838 году, въ Москвѣ, сдѣлавшись редакторомъ несчастнаго «Московскаго Наблюдателя», онъ уже сталъ въ своемъ журналѣ поругивать моего брата и находилъ безсмысленнымъ переводъ Гамлета, который незадолго приводилъ его въ восторгъ. Переселившись въ Петербургъ, для сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ», Бѣлинскій увидѣлъ передъ собою обширное поприще для всякихъ ругательствъ и клеветъ противъ Николая Алексѣевича, и почти непрерывно нападалъ на него со всѣхъ сторонъ, до самой его смерти. Одинъ изъ общихъ знакомыхъ замѣтилъ ему разъ, для чего онъ усиливается унижать и оскорблять человѣка, котораго самъ такъ хвалилъ нѣкогда. Съ пѣною у рта Бѣлинскій отвѣчалъ:—«Я порицаю его какъ предателя, какъ перебѣжчика, доносчика—при этомъ исчезаютъ всѣ достоинства писателя!»—Но, любезный, обвиненіе такъ важно,

что ты долженъ имѣть для него доказательства. Каково, если ты самъ клеветишь? — «Обвиненіе доказывается всѣмъ, что онъ пишетъ». — Но вѣдь въ Москвѣ ты былъ въ восторгѣ отъ него; что же такое гнусное написалъ онъ потомъ? Отчего ты неистовствуешь и не боишься даже клеветы? — Бѣлинскій сдѣлалъ видъ, что не желаетъ продолжать разговора, который тѣмъ и кончился. И такъ всегда оканчиваются обвиненія, не основанныя ни на чемъ, кромѣ злобы. Впослѣдствіи, партія, къ которой принадлежали, Бѣлинскій, Герценъ, и подобные имъ (герои не движенія, а ломки, разрушенія всего, созданнаго историческими событіями) порицали Николая Алексѣевича за его патріотическія пьесы, какъ называли они — «Дѣдушку русскаго флота», «Иголкина», «Парашу Сибирячку» и подобныя имъ драматическія его сочиненія, основанныя на истинныхъ событіяхъ русскаго міра, и видѣли въ нихъ, или хотѣли, чтобы видѣли другіе, какую-то хвалу настоящему; но самыя пьесы и письма моего брата показываютъ, что онъ просто писалъ по одушевленію, какое обладало имъ непритворно, и сначала даже не думалъ о громкомъ успѣхѣ, а хотѣлъ создать что нибудь лучше того, что заграждало русскую сцену. Не такой онъ былъ человѣкъ, который придумалъ бы и выдержалъ бы отдаленную интригу, на лести основанную! При его поэтической пылкости, онъ могъ иногда увлечься въ хвалахъ какому нибудь лицу: вѣдь видѣли же мы, что нѣсколько времени онъ видѣлъ добряка въ Булгаринѣ!.. Но льстилъ ли онъ ему, писавши это ко мнѣ?.. Нѣтъ! ручаюсь, что для корыстныхъ видовъ онъ не въ силахъ былъ сказать никакой лести, никакому царю земному. Онъ писалъ какъ чтò представлялось ему, писалъ какъ поэтъ, для выраженія себя, безъ всякихъ отдаленныхъ цѣлей. Я знаю, что инныя пьесы написаны имъ для одобрительной улыбки любимой женщины! Даже хорошенькая Асенкова могла заставить его написать пьесу для ея бенефиса, а за всѣ сокровища размѣннаго фонда не согласился бы онъ сказать противъ совѣсти хвалу какому нибудь сильному міра.

Но не одна эта клевета вышла изъ злого ума Бѣлинскаго и друзей его. Бѣлинскій безпрестанно повторялъ, печатно, что Н. А. Полевой одряхлѣлъ, впалъ въ старчество и умеръ заживо! А онъ, между тѣмъ, пожиналъ лавры на сценѣ, двигалъ тамъ всю публику, и писалъ, вообще, съ такою же силою, какъ въ лучшіе годы своей жизни, и при томъ еще съ болѣею опытностью, съ болѣею глубиною мыслей. Никогда не былъ онъ ни политическимъ писателемъ, ни публицистомъ, и слѣдовательно ложно обвиненіе, будто онъ въ этомъ отношеніи перемѣнилъ тонъ, испугавшись окружающихъ его обстоятельствъ. Онъ шелъ впереди своихъ современниковъ какъ дѣятельный литераторъ, и остался таковымъ до послѣдней возможности: въ послѣдніе годы жизни, Уваровъ, раз-

рушенное здоровье и стѣсненія всякаго рода, парализовали его дѣятельность; но и тутъ онъ успѣлъ написать IV томъ краткой Русской Исторіи, которому отдали справедливость сами враги его, исторію Наполеона, замѣчательную многими взглядами и изложе-ніемъ, и издавалъ журналы («Сынъ Отечества», «Русскій Вѣстникъ»), конечно, лучшіе въ свое время, чѣмъ ни говорили бы враги его. Еще замѣчаніе очень важное: они разглашали всѣми спосо-бами, что онъ продалъ себя, и что за это они мстятъ ему, не уз-навая въ немъ мужественнаго, неподкупнаго издателя «Москов-скаго Телеграфа». Но развѣ меньше было у него враговъ и порица-телей во время изданія «Московскаго Телеграфа»? Не тогда ли нача-лась не умолкавшая война противъ него, и почти всѣ журналисты вое-вали съ нимъ, какъ будто безъ этого имъ нечего было дѣлать и нельзя было существовать!.. «Московскій Вѣстникъ», «Галатей», «Атений», «Вѣстникъ Европы» такъ же старались вредить издателю «Мо-сковскаго Телеграфа», какъ позже «Телескопъ» и «Литературная Газета», развѣ съ тою разницею, что послѣдніе печатали на своихъ листахъ, будто Полевой распространяетъ революціонныя идеи; а, наконецъ, Бѣлинскій поносилъ его и называлъ умершимъ за то, что онъ будто бы перемѣнилъ свой образъ мыслей!.. Ложь, ложь и во всемъ этомъ ложь!.. Главною причиною браней, доносовъ и лжей, которые столько лѣтъ печатали противъ Николая Алексѣевича — были страсти низкія и ничтожныя: зависть, корыстолюбіе, оскор-бленное самолюбіе.

Какъ бы то ни было, а брань и клеветы, непрерывно повто-ряемыя, всегда производятъ свое дѣйствіе. Слыша ихъ въ продол-женіе нѣсколькихъ лѣтъ, самый безпристрастный и хладнокровный человѣкъ придетъ, по крайней мѣрѣ, въ недоумѣніе. Еще больше дѣйствуютъ онѣ на новое, молодое поколѣніе. Юноши 1839 года не были свидѣтелями дѣятельности Николая Алексѣевича въ 1825 и слѣдующихъ годахъ; имъ она была мало знакома, а ихъ совре-менники представляли ее въ превратномъ видѣ, отчего и понятіе о ней составилось превратное. Оттого каждое сочиненіе моего брата, встрѣчаемое непріязненно журналами, каждое литературное пред-пріятіе его, уже напередъ представленное въ ложномъ свѣтѣ, на-чинало испытывать холодность публики, и новыя поколѣнія были предубѣждены противъ недавняго любимца русскихъ читателей. Жаркими поклонниками его оставались посѣтители столичныхъ театровъ, гдѣ живыя впечатлѣнія брали верхъ надъ всѣми про-исками его враговъ, да люди не предубѣжденные, большею частію жители провинцій, чуждые страстей и сплетней журнальнаго міра. Но онъ уже не могъ рассчитывать на такой успѣхъ, какимъ со-провождались всѣ его литературныя предпріятія лѣтъ за десять передъ тѣмъ. Вотъ чего достигли враги его!

Кромѣ всѣхъ нравственныхъ отношеній, это вредило ему и въ

отношеніи матеріальномъ. Журнальное поприще было почти преграждено ему Уваровымъ и кознями журналистовъ, отчего неудавшееся предпріятіе съ Смирдинымъ только увеличило его долги. Разсчитывать на успѣхъ его сочиненій было слишкомъ гадательно. Я не отчаявался однако же въ томъ, что братъ, обладая огромными литературными способностями, могъ бы извлечь еще многое изъ своихъ трудовъ, если бы сталъ слѣдовать моимъ совѣтамъ. Это было предметомъ уединенныхъ разговоровъ нашихъ, и онъ вновь давалъ мнѣ слово, что не станетъ кидать бисера... Я такъ любилъ его, такъ скорбѣлъ, видя его страданія, что готовъ былъ, съ своей стороны, на всякія жертвы для него.

Мы отдыхали и оживали въ искреннемъ семейномъ кружкѣ, гдѣ всегда бывало весело, гдѣ забывались всѣ огорченія, угрожавшія намъ извнѣ. По вечерамъ, когда Николай Алексѣевичъ не уѣзжалъ къ кому нибудь изъ знакомыхъ неотступно приглашавшихъ его къ себѣ, мы проводили время чрезвычайно пріятно. Любезность, остроуміе, веселость моего брата не измѣнялись ни отъ какихъ обстоятельствъ, и, способный увлекаться настоящею минутою, онъ умѣлъ одушевить всѣхъ: шутилъ и забавлялся съ дѣтьми, оживлялъ общіе разговоры своимъ умомъ и разказами, читалъ, импровизировалъ стихи, и почти каждый вечеръ у насъ продолжался далеко за полночь. Я и семейство мое, просто, по искреннему чувству, старались съ своей стороны сдѣлать пріятнымъ для него пребываніе у насъ; чистое чувство дружбы украсило все.

Прощаніе наше было грустно, послѣ двухъ недѣль проведенныхъ имъ въ Москвѣ. Какія впечатлѣнія увезъ онъ отъ насъ, можно видѣть изъ перваго письма, писаннаго имъ по возвращеніи въ Петербургъ.

«Спб. февраля 14-го 1839 года.

«Слава Богу, мой любезнѣйшій другъ и братъ Ксенофонтъ, третьяго дня возвратился я въ Петербургъ благополучно. Прости моему суетвѣрію, что вчера не увѣдомилъ тебя о пріѣздѣ своемъ. Виновать! Ханыковъ лучше захотѣлъ быть матросомъ, нежели драться съ англичанами въ понедѣльникъ!.. Какъ же мнѣ было послать къ тебѣ первое письмо въ понедѣльникъ, да еще и 13-го числа? Нѣтъ, нѣтъ! И я ни за что не принимался вчера, а только отдыхалъ, и— признаюсь—меня всего ужасно разломало. Годы, годы, мой любезнѣйшій! И, при томъ, столько различныхъ ощущеній, мое пребываніе въ Москвѣ, и 1,400 верстъ въ дорогѣ, при чемъ противъ прежняго обыкновенія, я почти не могъ ни спать, ни ѣсть ничего, все это заставило меня, по пріѣздѣ домой, спать какъ убитому и ѣсть какъ Лихонинъ. Впрочемъ, дорога была для меня самая удобная: ухабы сравняли и морозъ такъ уладилъ ихъ, что мы летѣли, а не ѣхали, и совершили путь нашъ ранѣе трехъ сутокъ. При томъ, собралось делижансовъ съ пять, и такое разнохарактерное обще-

ство, что при всемъ грустномъ моемъ расположеніи, я почти безпрестанно смѣялся. Со мной сидѣлъ какой-то вояжёръ англичанинъ, очень умный и любезный. Въ другихъ дилижансахъ сидѣли: туркоѣдъ Пановъ, нѣсколько офицеровъ, professeur, который ѣздилъ въ Москву вырѣзывать силуэты—шуть отъявленный, и преуморительный; синьора Оттова, которая ѣхала въ Петербургъ давать концерты на скрипкѣ, и отецъ ея, пресмѣшной итальянецъ; нѣсколько нѣмцевъ, французовъ, двѣ бородки, какой-то лѣкарь, Бантышевъ, и проч. и проч. Такъ мы добрались до Петербурга, гдѣ, слава Богу, все нашель я здорово и благополучно.—Желалъ бы я теперь посвятить тебѣ нѣсколько страницъ на описаніе всѣхъ чувствъ моихъ, всего, что испыталъ и перечувствовалъ я въ Москвѣ, въ бесѣдѣ съ тобою, съ твоими милыми Лиллою, Маман и Амалією, среди твоихъ милыхъ дѣтишекъ; но какъ не могъ я высказывать тебѣ ничего словами, такъ и теперь еще менѣе могу сказать что нибудь на письмѣ. Нѣтъ, милый братъ и другъ: есть нѣчто, чего человѣку не дано пересказать и объяснить—сюда принадлежитъ и все то, чѣмъ наполнилъ ты мнѣ сердце и душу въ немногіе дни пребыванія моего съ тобою!.. Знаешь ли, какъ счастливъ я былъ какимъ-то забвеніемъ жизни, со всѣмъ ея горемъ, со всѣми ея сплетнями и мерзостями! Какъ умѣлъ ты усладить мнѣ дружбою, любовью своею, мое прошедшее, настоящее, и разцвѣтить, раззолотить будущее? Теперь опять запасаю я силами надолго, опять готовъ на борьбу, которая убивала меня... Братъ и другъ! Благодарю тебя, благодарю за все! Благодарю и добрую, безцѣнную жену твою...» (Здѣсь пропускаю строки, въ которыхъ онъ, можетъ быть, увлекаясь дружбою ко мнѣ, отзывался слишкомъ благосклонно о моемъ сердцѣ и моихъ качествахъ)...

«Прости, мой милый Ксенофонтъ, что я невольно заплакалъ теперь, вспомнивъ всю жизнь мою, все что было, что есть,—вспомнивъ, что судьба велитъ намъ жить розно, что у меня нѣтъ ни здѣсь, ни гдѣ никого, кто замѣнилъ бы мнѣ тебя, и грустно думать, что такое одиночество будетъ удѣломъ моимъ до могилы, и что самая могила моя будетъ далеко отъ гроба отца и матери, такъ же какъ и отъ твоего...

«Виновать! сгрустнулось невольно; но тебѣ ли не открыть, тебѣ ли не сказать всего, что у меня на сердцѣ? Ты у меня одинъ въ мірѣ, ты одинъ понимаешь меня... Обратимся къ настоящему. Спазмы мои почти пропали на возвратномъ пути, и я вѣрю теперь магнетизму. Двѣ-три миндаленки останавливали ихъ у меня. Видно эти миндаленки были чѣмъ нибудь наколдованы... Остатокъ ихъ сберегаю я, какъ драгоценное лѣкарство, за которое поблагодари моего милаго, добраго лѣкаря, снабдившаго меня ими въ дорогу. Вообще, рассказы мои о твоихъ дѣтяхъ составили здѣсь предметъ большихъ разговоровъ... (пропускаются разныя домашнія по-

дробности)... О дѣлахъ послѣ, кромѣ двухъ: первое, что статья о Санковской уже напечатана, и Гречъ хочетъ къ тебѣ писать и просить тебя принять участіе въ «Пчелѣ» доставленіемъ извѣстій о Москвѣ, изъясняя полную дружбу. Второе дѣло — совершенная нечаянность для меня!.. Меня нетерпѣливо ждали здѣсь съ предложеніемъ — принять редакцію «Энциклопедическаго Лексикона». Сенковскій такъ всѣмъ надоѣлъ, и показалъ себя такимъ мерзавцемъ по дѣламъ Плюшара, что его хотятъ прогнать, и всѣ прежніе сотрудники готовы приняться за работу, если только я соглашусь быть главнымъ редакторомъ. Предложеніе лестно, обѣщаетъ многое: мнѣ хотятъ дать 30,000 рублей въ годъ; но я ничего не могъ сказать рѣшительно. Конечно, это поставило бы меня на первое мѣсто между всѣми, а плата дала бы средства спасти себя скоро отъ убійственнаго стѣсненія обстоятельствъ; но, мой любезнѣйшій!.. гдѣ силы и время? Конечно, можно согласиться на каторгу двухъ, трехъ лѣтъ, если тѣмъ можно купить спокойную будущность; однакожъ, въ суткахъ только 24 часа, и у человѣка только двѣ руки, а положиться рѣшительно не накого, когда, ты знаешь, я не могу работать не добросовѣстно. Если бы ты былъ здѣсь... Словомъ, какъ Пиблія ¹⁾, думаю, батюшко, думаю, и самъ не знаю что сказать. Впрочемъ, прошу тебя оставить это дѣло въ глубочайшей тайнѣ, ибо и мнѣ, первымъ условіемъ положено, до времени, совершенное и строгое молчаніе, для того, что мерзавцы могутъ все испортить и разстроить, а по дѣламъ Плюшара идетъ совершенный хаосъ, въ которомъ не доберутся никакого толку!..

«Важная новость: умеръ Сперанскій!.. Максъ ²⁾ заходилъ ко мнѣ въ большомъ горѣ, ибо, дѣйствительно, теперь пойдетъ у нихъ большая ломка. Лицо историческое — и какая любопытная исторія!

«Вотъ все покамѣстъ. Сегодня сажусь за свой столъ и запираюсь отъ всего — работы бездна».

Въ мартѣ и апрѣлѣ я получилъ отъ брата только два небольшія письма, большею частію наполненныя распоряженіями о его долгахъ. Въ первомъ онъ упоминалъ, что отказался отъ редакціи «Энциклопедическою Лексикона». Вотъ его слова:

«Говорятъ, что «Энци. Лексиконъ» совсѣмъ разрушается и Сенковскій рѣшительно поссорился съ Боржесомъ, а кому передать такое предпріятіе не знаютъ. Отъ того, о чемъ я писалъ къ тебѣ, по долгомъ размысленіи — я отрекся, и ни на какія условія не

¹⁾ Именемъ этого оригинальнаго лица въ «Редгоунтлетѣ» В. Скотта, братъ мой называлъ одного старикашку, бывшаго у него подъ опекой, полоумнаго сутягу, удивительно похожаго на сзвданіе В. Скотта. Этотъ русскій Пиблія имѣлъ привычку повторять о всякомъ вздорѣ: «Думаешь, батюшко, думаешь, да ужъ и только!»

²⁾ Максимъ Карловичъ Цеймернъ, бывшій въ очень близкихъ отношеніяхъ со всею семьею нашею.

пошелъ (но все это должно оставаться между нами, какъ я уже просилъ тебя). Похвалишь ли меня?»

Въ письмѣ отъ 11-го апрѣля онъ съ безпокойствомъ писалъ, что у дѣтей его появилась скарлатина... Тамъ же, послѣ изложенія разныхъ огорчительныхъ подробностей о дѣлахъ своихъ, онъ прибавилъ:...

... «Когда, мой любезнѣйшій, когда все это перейдетъ?—Но жалобы приличны малодушію, хоть, признаться, всякая философія лопаεται при томительной жизни, которую, право, и жизнью-то назвать не стоитъ!.. Третьяго дни «мивый» (П. П. Свиньинъ) отошелъ отъ здѣшняго міра; я видѣлся съ нимъ за недѣлю, и, признаюсь, внезапная смерть его меня поразила! Горестно и то, что семейство его остается въ положеніи весьма разстроенномъ, и, вообще, мой любезнѣйшій, въ «мивомъ» были хорошія стороны, по крайней мѣрѣ, мы должны вспомнить о немъ съ благодарностью, и я хочу сказать это печатно. Такъ тѣснитъ гробъ за гробомъ, и растутъ вокругъ насъ могилы, гдѣ хоронимъ мы по маленьку свое прошедшее, замѣчая, какъ и сами ветшаемъ!.. Но—живи живой, тлѣй мертвый—такъ говорилъ умершій заживо Баратынскій. Не измѣнимъ только ни добру, ни другъ другу, когда бываетъ тяжело; а въ ясную пору жизни что за подвигъ быть и бодрымъ, и добрымъ?»

Онъ не предвидѣлъ какое горестное для него событіе было уже близко! Привожу здѣсь письмо его о томъ—выраженіе глубокой скорби, вопль растерзаннаго сердца, вполне выражающій силу чувствованій этого необыкновеннаго человѣка:

«С.-Петербургъ, мая 1-го 1839 года.

«Плачь со мною, добрый братъ и другъ Ксенофонтъ, плачь, милый! Богу угодно было тяжело, страшно поразить меня; мой Алексѣй, моя радость, моя утѣха, мой ангелъ, уже не существуетъ въ здѣшнемъ мірѣ. Вотъ уже третій день какъ глаза мои не осушаются отъ слезъ. За нѣсколько дней еще онъ былъ подлѣ меня, неотлучный изъ моего кабинета, здоровый, веселый, милый, а теперь... Я возвратился сейчасъ только съ Волковскаго кладбища, гдѣ отдалъ его Богу!.. Братъ! говорить ли о состояніи души моей? описывать ли... ничего не могу ни говорить, ни описывать, и ты самъ все угадаешь, узнавши великость моего несчастья. Я писалъ тебѣ о скарлатинѣ у Лизы. Казалось, все прошло, какъ вдругъ Сергѣй и Катя заболѣли. Страшно было; но я уже радовался, что первый кризисъ у нихъ кончился. Кто думалъ объ Алексѣѣ, что ему быть жертвою? У него была уже скарлатина въ Москвѣ, а меня увѣряли, что она, какъ корь и оспа, бываетъ только одинъ разъ. Никакое предчувствіе ничего мнѣ не подсказывало, и когда онъ заболѣлъ въ среду, я не вѣрилъ словамъ Буяльскаго, что у него скарлатина. Два дня страдалъ онъ; болѣзнь была жестока, но

высыпало очень хорошо. Буяльскій былъ въ субботу, поутру, увѣрилъ, что онъ очень хорошъ. Но жаръ усиливался, начался бредъ—ударило въ голову, и въ 6 часовъ вечера не было Алексѣя... Какъ ангелъ, неизмѣнившійся, лежалъ онъ въ гробѣ, а я, несчастный отецъ, я, который видѣлъ въ немъ возвращеніе моего Николая, думалъ, что онъ освятилъ мнѣ день моего рожденія, и какое дитя! милое, цвѣтущее, и, еще за часъ до смерти, какъ онъ изъяслялъ мнѣ любовь свою, ласку... Теперь, Сергѣй и Катя выздоравливаютъ, но выздоровленіе бываетъ медленно, опасно—за жизнь ихъ еще ручаться нельзя. Надобно ожидать, что, почти навѣрное, и другіе подвергнутся болѣзни. И мой Петръ, двухъ-мѣсячный—когда мать убита горестью, и когда силъ его перенести болѣзнь, конечно, не достанетъ... Кто скажетъ, сколько не досчитаюсь я черезъ нѣсколько дней?.. Какъ Іовъ стою передъ Богомъ, и—страшенъ былъ мнѣ первый ударъ, ударъ мгновенный, громовой—другіе будутъ легче. «Богъ далъ, Богъ взялъ!.. Избирай, Провидѣніе: которыхъ оставить мнѣ, которыхъ посѣять на нивѣ Божіей!» Такъ говорю я, и, клянусь, готовъ воскликнуть: «Готовъ, Господи! готово сердце мое, готово, Боже!»—Но слезы мои льются, и—ужасно, ужасно, братъ и другъ! Особливо когда съ горестью оглянешься назадъ и ничего не видишь впереди. Сорокъ третій годъ тернистаго пути, сорокъ третій годъ страданій—тебѣ ли описывать, напоминать жизнь мою? Ты знаешь ее! Говорить ли о томъ: стою ли я такихъ бѣдствій? Терзай, мучь меня всѣмъ другимъ, но зачѣмъ во глубину сердца моего вливается жало скорби, ибо только въ дѣтяхъ, въ семьѣ я еще видѣлъ отраду! и изъ нихъ... не за то ли Алексѣю надобно было умереть, что я любилъ его—стыжусь, страшусь сказать!—болѣе всѣхъ... Развѣ это грѣхъ? Если такъ, да будетъ! Не думай, чтобы я ропталъ на судьбу Божію—нѣтъ, нѣтъ! Но повторю слова самого Богочеловѣка: «Прискорбна душа моя, прискорбна даже до смерти!» И самъ Богочеловѣкъ взалкалъ, и Іовъ возропталъ, наконецъ. Да не вмѣнитесь же мнѣ въ грѣхъ скорбь моя.

«Братъ! не утѣшай меня, но издалека я прижимаю тебя въ мои объятія—дай мнѣ плакать на груди твоей: здѣсь мнѣ не съ кѣмъ. Я долженъ даже показывать бодрость, чтобы не убить горестной матери, чтобы внушить смѣлость дѣтямъ. Только уединяясь отъ всѣхъ, становлюсь на колѣни, молюсь и плачу... и молюсь...»

«Да хранить тебя и всѣхъ твоихъ Господь Богъ! Пусть на меня падаетъ гнѣвъ его—ты достоинъ лучшей участи...»

Тяжкая скорбь, такъ странно поразившая его, уменьшилась не скоро, и, можетъ быть, не оставляла до конца жизни его сердца, не умѣвшаго чувствовать въ половину. Съ этого времени всегда проглядывало что-то мрачное въ его взглядѣ на жизнь. Правда, что вскорѣ онъ опять предался своимъ работамъ, писалъ ко мнѣ о дѣлахъ, былъ дѣятеленъ попрежнему, но въ это же время, послѣ

описанія мнѣ разныхъ своихъ непріятностей, онъ прибавлялъ: «Является какое-то окаменѣніе въ человѣкѣ, когда мѣра терпѣнія исполнилась. Лей въ чашу чтонибудь; если перешло края, то уже все равно—ведро ли льешь, или цѣлую бочку».

Иногда онъ, конечно, и самъ, не подозрѣвая того, выражался сатирически, говоря о самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ русской жизни. Такъ, наприимѣръ, говоря о нѣсколькихъ листахъ моего перевода записокъ г-жи Абрانتесъ, доставленныхъ въ военную цензуру, какъ упоминалось прежде въ его письмахъ, онъ извѣщалъ меня о судьбѣ ихъ слѣдующими словами: «Абрانتесъ освободилась изъ когтей военной цензуры, которая ничего не нашла подлежащаго въ ней своему суду, но военный министръ рѣшилъ отправить тетрадку твою въ главную цензуру. Тамъ я былъ, и они не находятъ ничего противнаго, увѣряя, что отправятъ ее немедленно въ Москву. Формы и медленіе приводятъ въ отчаяніе, и всякая каналья какъ будто дѣло дѣлаетъ, толкуя о вздорѣ!»

Въ письмѣ отъ 15-го іюня онъ писалъ мнѣ:

«Говорить ли тебѣ, вообще, о состояніи души моей и, вообще, житьѣ-бытьѣ моемъ? При растерзанной душѣ, при потеряхъ, при взглядѣ на дѣтей, на обстоятельства, на людей, на все, что вокругъ насъ дѣлается, на то, какъ судьба отравляетъ намъ каждое наслажденіе, какъ гадки иногда люди, какъ измѣнчива и обманчива жизнь—тяжело, другъ и братъ, тяжело! Но къ чему жалобы и роптанія? Да будетъ, какъ есть. Жизнь безъ надеждъ въ будущемъ, съ горькимъ прошедшимъ, съ мучительнымъ настоящимъ, становится крестомъ, который должно нести. А вѣдь она для счастья дана? А вѣдь она сулила такъ много?—Удивляюсь одному, что здоровье мое не страдаетъ сильно: собственно говоря, я здоровъ, и какъ-то еще могу работать, и работаю, сколько есть возможности. Впрочемъ, я замѣчаю, что въ послѣднее время я началъ сильно сѣдѣть—видно, что отзывается и на тѣлѣ; а что касается до работы, то не она ли, полно, спасаетъ меня? Я забываю за нею все, и даже иногда мечтается, что можно бы еще-таки многое сдѣлать! Иногда еще кипитъ мысль, шевелится воображеніе. Любовь къ этимъ мерзавцамъ—людямъ, опять волнуешь кровь! Нѣтъ, сердцу моему, видно, не пріучиться ихъ ненавидѣть!»

Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ о своей скорби:

«Ахъ братъ и другъ! какъ страшно поразила меня судьба смертью Алексѣя, этого завѣтнаго мальчика, утѣхи и радости моей! не могу, чтобы въ недѣлю разъ не ѣхать къ нему на могилу, и тамъ вдали отъ всѣхъ, не поплакать, не порыдать надъ нимъ, не подуматъ горько и сладостно на могилѣ его, не провести часа какогонибудь тамъ одному, съ самимъ собою. Безъ этого, кажется, я задохся бы; а когда я возвращаюсь отъ него, сказавши ему: «До свиданья!» мнѣ становится легко и даже весело...»

VI.

Николай Алексѣвичъ былъ истиннымъ христіаниномъ. — Тяжкая болѣзнь его въ сентябрѣ 1839 года. — Какъ предполагалъ я освободить брата изъ тяжкаго его денежнаго положенія? — В. В. Варгинъ. — Отвѣтъ Николая Алексѣвича на это предложеніе. — Устройство редакціи «Сына Отечества» въ 1839 году. — Разныя литературныя извѣстія. — Неудача усилій моихъ относительно долговъ брата. — Онъ уплачиваетъ часть ихъ самъ. — «Параша Сибирячка».

Тяжкое состояніе духа Николая Алексѣвича было бы невыносимо безъ утѣшеній религіи, а братъ мой былъ христіаниномъ, въ истинномъ значеніи этого высокаго слова. Животная жизнь, животныя стремленія никогда не господствовали въ немъ надъ жизнію духа. Читатели видятъ, что самыя тяжелыя его страданія были страданія духа, и отъ нихъ-то искалъ онъ и нашелъ утѣшеніе въ религіи. Это ясно выражается въ письмѣ его ко мнѣ отъ 15-го августа, изъ котораго я выпишу все, что можетъ пояснить душевное состояніе его, и пропущу подробности о дѣлахъ и семейныхъ событіяхъ, ненужныя для его характеристики.

«Не знаю, милый другъ и братъ Ксенофонтъ, сердился ли ты на меня за мое неписанье, или горюешь о томъ, что если я не пишу, то навѣрное можно полагать, что писать у меня рука не подымается. Последнее—правда, и, сдѣлай милость, прости меня за мое молчаніе! Я ужъ довольно и тѣмъ наказанъ, что не получаю отъ тебя писемъ, а они мое утѣшеніе, они вливаютъ мнѣ въ сердце чтѣ-то теплое, живительное, переносятъ меня къ тебѣ, моему единственному другу. Прощеніе! Не знаю, какъ тебѣ изобразить мое состояніе въ послѣдній мѣсяцъ?—Это было какое-то тѣлесное и душевное огѣмѣніе, чтѣ-то такое апатическое, при чемъ не чувствуешь ни радостей прошедшаго, ни надеждъ будущаго, а отъ огорченій настоящаго только горестно улыбаешься. Ни дѣла, ни отношенія мои не стали лучше, не сдѣлались и хуже; но въ жизнь мою не испытывалъ я такого чернаго взгляда на жизнь, такой безнадежности, если можно такъ выразиться. Думаю, что болѣзнь была тому причиною: къ жестокому припадку геморроя присоединился у меня ревматизмъ (во время жестокихъ жаровъ въ іюлѣ, когда у насъ была настоящая Африка, я вздумалъ снять съ себя фланель, и черезъ недѣлю почувствовалъ такую боль во всемъ тѣлѣ, что едва не кричалъ; она исчезла, когда опять надѣлъ я фланель, и употребилъ нѣкоторыя средства; но мученіе продолжалось недѣли три). Умыніе овладѣвало мною, и я даже мучился безсонницей, чего прежде со мною никогда не бывало. Обыкновенное мое средство: усиливать работу, сдѣлалось мнѣ притомъ невозможно, и такъ прошли для меня іюль и начало августа. Наконецъ, я переломилъ себя, одолѣлъ болѣзнь; въ прошедшую недѣлю я говѣлъ и приоб-

щался. Душа моя такъ была возвышена какимъ-то религіознымъ, святымъ чувствомъ, что я никогда, опять скажу, не испытываль въ такой мѣрѣ его услажденія. Всю обѣдню, въ день причащенія, стоя въ алтарѣ, гдѣ только священникъ находился, совершая великую тайну, почти всю обѣдню простоялъ я на колѣняхъ и проплакалъ. Мнѣ казалось, что я началъ какую-то новую жизнь; все прошедшее пролетало тогда передо мною, и какъ жарко молился я... и за тебя, мой другъ и братъ!.. Такія молитвы слышитъ Богъ! опять надежда, опять мечты оживили меня, и—первое дѣло мое было писать къ тебѣ вотъ это письмо. Но надобно же прибавить, что все это время, какъ нарочно, толпа всяческихъ досадъ и огорченій облѣпляла меня словно комары»...

Послѣ описанія разныхъ домашнихъ и семейныхъ неприятностей, онъ прибавляетъ: «Цензура въ это время словно взбѣсилась: пять статей въ іюньской книжкѣ «Сына Отечества» не пропускали, и одной рѣшительно не пропустили; на печатаніе книжекъ не достало бумаги, и добыть ее не было возможности. Написалъ я для развлеченія маленькую пьесу: «Ода Фелицъ», едва ли не лучшее, что было написано мною для сцены; ее не дозволили играть (потому что князю П. М. Волконскому показалось, будто еще не настало время выводить на сцену лица вѣка Екатерины). Увидѣвши изъ твоего письма, что ты оставилъ свое намѣреніе писать о Бородинѣ¹⁾, я тотчасъ написалъ брошюру, но она такъ затруднилась въ цензурѣ, что, кажется, надобно будетъ ее бросить. И все это должно было мнѣ переносить, разстроенному душевно и тѣлесно, живучи точно въ лазаретѣ, ибо жена и дѣти были больны»...

Онъ рѣшился переѣхать изъ дома Смирдина въ другую квартиру, и одною изъ главныхъ причинъ этого были, какъ писалъ онъ: «грустные воспоминанія претерпѣнныхъ въ этомъ домѣ потерь»... «Признаюсь, мнѣ этотъ домъ рѣшительно опротивѣлъ»,— прибавляетъ онъ, — «впрочемъ, всѣ мои отношенія къ Смирдину остаются прежнія, и, чѣмъ болѣе узнаю я этого человѣка, тѣмъ болѣе чувствую къ нему любви и уваженія: это благороднѣйшее и добродѣтельнѣйшее созданіе, какихъ немного встрѣтишь въ жизни. Подъ необдѣланною и грубою корою у него хранится добрѣйшее сердце и здравый умъ. И тѣмъ болѣе дорогъ такой человѣкъ, что, мнѣ кажется, будто въ Москвѣ, право, мой милый другъ, нельзя увидѣть такого гнуснаго эгоизма, какой видишь здѣсь».

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ извѣщалъ меня о переселеніи своемъ на новую квартиру (въ Малой Коломнѣ, въ Большой Мастерской

¹⁾ Надобно припомнить, что въ 1839 году было открытіе памятника на полѣ Бородинской битвы, и готовилось много описаній и объясненій ея. Издавна изучая исторію войны 1812 года, я составилъ очеркъ Бородинской битвы, но же рѣшился издать его.

улицѣ, въ домѣ Зейделя). Заботы и устройство по этому случаю развлекли его, повидимому, и онъ даже шутилъ въ письмѣ, представляя многое очень забавно, и прибавлялъ, что надѣется хорошо работать въ новомъ своемъ помѣщеніи, при чемъ хвалился здоровьемъ своимъ, которое выдерживаетъ всѣ испытанія. Недѣли черезъ три потомъ, именно, отъ 21-го сентября, онъ писалъ:

«Кажется, я слишкомъ поспѣшилъ, мой любезный другъ и братъ, похвастаться передъ тобой моимъ здоровьемъ. По крайней мѣрѣ, уже съ 1834 года не было у меня такого жестокаго припадка моей болѣзни, какой я испытываю теперь. Спѣша при томъ окончить книжку «Сына Отечества», я переламывалъ себя, и хоть лѣчился, но не усердно, сидѣлъ упорно и кончилось тѣмъ, что отъ слабости перо у меня выпало изъ рукъ, голова закружилась, и я, вотъ уже восьмой день, въ постели, въ слабости неизобразимой, на строжайшей діетѣ, съ лѣкарствами, едва начинаю таскаться по комнатѣ, и съ грустью вижу, что время летитъ, работа остановилась, и я рѣшительно ничего не могу сдѣлать. Да будетъ воля Божія! Болѣзнь моя нисколько не опасна, но я боюсь, чтобы она не затянулась долго. Съ трудомъ могу писать даже и эти строчки... Что дѣлать и чѣмъ пособить... L'homme propose, Dieu dispose»...

Болѣзнь его точно затянулась. «Слабость все еще такъ велика», — писалъ онъ мнѣ въ концѣ сентября, — «что, посидѣвши полчаса, я принужденъ опять ложиться. Всю пищу мою составляютъ габеръ-супъ, да аррорутъ и саго, а питье—салепъ. Сажу, сложа руки, и съ тоскою встрѣчаю каждый наступающій день, когда надобно бы работать въ четыре руки». Говоря далѣе, о разныхъ своихъ дѣлахъ, онъ прибавляетъ: «Недѣли двѣ тому, на театрѣ съ большимъ успехомъ играли мою новую пьеску: «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать». Бездѣлка, гдѣ выставилъ я Сумарокова и Третьяковского. Болѣзнь моя не дозволила мнѣ быть самому, но меня усердно вызывали. Новая пьеса Скобелева почти обшкана, да, говорятъ, и безмѣрно глупа. Впрочемъ, новаго ни въ литературѣ и ни въ чемъ—нѣтъ. О литературѣ и дивиться ли? Когда громъ гремитъ изъ навозной кучи?»

Въ половинѣ октября онъ все еще не могъ ничѣмъ заниматься и писалъ ко мнѣ: «Только дня три-четыре, какъ докторъ велѣлъ мнѣ проѣзжаться по воздуху. Въ первый день я съ трудомъ доѣхалъ до Смирдина; но третьяго дня прошелъ уже два раза по Лѣтнему саду, хоть съ трудомъ. Микстуры прекратились, но я принимаю еще пилюли, и остаюсь на строжайшей діетѣ: ѣсть позволяютъ бульонъ и уху, а пить салепскій отваръ, и ни кусочка мяса, ни зелени, ни вина, ни пива, ни даже воды. Впрочемъ, я уже начинаю заниматься, хотя, посидѣвши съ часъ, опять бываю долженъ лечь и отдыхать. Дни уходятъ, грустно!.. Авось все скоро пройдетъ, и я съ удвоенными силами примусь за работу. Все можно

поправить, былъ бы человѣкъ живъ, да вѣрилъ милосердію Божію».

Въ томъ же письмѣ, въ припискѣ, онъ выражался такъ:

«...Судьба дѣлаетъ свое, а вотъ теперь и болѣзнь моя—шутка ли? уже вырвала цѣлый мѣсяцъ жизни, убила его на тѣлесныя страданія, открываетъ вдали еще длинную перспективу выздоровленія, медленнаго и томительнаго, а, между тѣмъ, половина октября... Благотворѣю и молчу!..»

Между тѣмъ, я придумывалъ разные планы, желая извлечь моего брата изъ того стѣсненнаго положенія, въ какомъ онъ находился. Болѣе и болѣе удостовѣряясь, что надежды его на улучшение своего быта упорнымъ трудомъ не осуществимы безъ ближайшаго и сильнаго пособія, я искалъ пособій ему извнѣ, и нѣсколько времени мнѣ казалось, что успѣхъ могъ увѣнчать это намѣреніе. Задача состояла въ томъ, чтобы найти сумму, которая была бы достаточна для платежа всѣхъ его долговъ, и потомъ выплачивать эту сумму постепенно, его же трудомъ. Если бы онъ могъ работать спокойно, не спѣша, не отдавая своихъ сочиненій за безцѣнокъ для удовлетворенія неотступныхъ долговъ, и главное—не платя огромныхъ, невыносимыхъ процентовъ, то въ немного лѣтъ расквитался бы со всѣми своими долгами. И сколько бы еще могъ сдѣлать полезнаго и прекраснаго этотъ необыкновенный человѣкъ со своимъ разнообразнымъ дарованіемъ и неутомимымъ трудолюбіемъ! Долги лежали на немъ какъ тяжелый гнетъ, стѣсняли его духъ, унижали его, превращая въ поденщика—и онъ никогда не могъ отъ нихъ освободиться обыкновеннымъ трудомъ своимъ, и не былъ способенъ ни искательствовать, ни выпрашивать себѣ помощи; онъ даже не умѣлъ распоряжаться выгодно вознагражденіемъ за свои сочиненія. Необходимо было нѣсколькимъ друзьямъ взять его въ свою опеку, заплатить за него долги, и обезпечить себѣ тѣмъ приобрѣтеніе всего, что онъ писалъ и могъ написать, покуда затраченный за него капиталъ не возмѣстился бы вполнѣ, и съ процентами, разумѣется, не ростовщическими. Но гдѣ найти друзей, готовыхъ на такое доброе дѣло? Я былъ столько счастливъ, что напелъ ихъ. Первый, кому сообщилъ я свой планъ, былъ С. Д. Полторацкій, вѣрный другъ до гроба. Онъ изъявилъ полную готовность участвовать въ исполненіи моего плана, но въ то же время сказалъ, что при своихъ дѣлахъ, очень обширныхъ, но безъ свободныхъ капиталовъ, не можетъ обѣщать значительной суммы наличными деньгами, и что необходимо пригласить еще кого нибудь для исполненія моего предпріятія. Я обратился къ Смирдину, который часто пріѣзжалъ въ Москву. Онъ одобрилъ мой планъ, и выврался участвовать въ исполненіи его всѣми своими средствами, но, къ сожалѣнію, также не могъ обѣщать наличныхъ денегъ для составленія необходимаго капитала. Третій искренній доброжела-

тель нашъ былъ Василій Васильевичъ Варгинъ, знаменитый поставщикъ комиссаріатскихъ вещей въ царствованіе Александра I, уже возвращенный изъ заключенія и ссылки, гдѣ томился онъ нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ разстроивали и расхищали его имѣніе опекуны и разныя другія лица. Владѣя недвижимымъ имѣніемъ въ нѣсколько милліоновъ рублей, онъ въ то же время былъ обремененъ такими тяжкими платежами, что не имѣлъ никакихъ свободныхъ капиталовъ и еще занималъ деньги для приведенія въ порядокъ своего разстроеннаго имѣнія. Имя Варгина было очернено клеветою при его жизни, да и теперь, послѣ смерти его, подвергается несправедливымъ нареканіямъ. Я былъ много лѣтъ въ самихъ искреннихъ сношеніяхъ съ нимъ, горжусь тѣмъ, что онъ называлъ меня своимъ другомъ, и могъ сказать, что это былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и благородныхъ людей своего времени. Онъ—лицо историческое по своимъ заслугамъ во время Отечественной войны 1812 года и заграничной въ 1813 и 1814 годахъ. Но покуда исторія отдастъ ему справедливость, друзья его помнятъ, что это былъ человѣкъ съ душою возвышенною и умомъ государственнымъ. Когда я передалъ ему свой планъ объ освобожденіи Николая Алексѣевича отъ долговъ, онъ тотчасъ согласился, что иначе и нельзя ему никогда избавиться отъ нихъ, даже потому, что проценты будутъ всегда поѣдать то, что пріобрѣтаетъ онъ тяжкимъ трудомъ. Какъ человѣкъ опытный, Варгинъ прибавилъ къ этому, что я не найду капитала, достаточнаго для подобнаго предпріятія. «Въ прежнее время,—сказалъ онъ,—я сейчасъ же выдалъ бы пятьдесятъ, даже сто тысячъ рублей, необходимые вамъ для успѣха⁴ потому что при моихъ прежнихъ дѣлахъ такая сумма не затруднила бы меня нисколько. Но теперь, нуждаясь иногда въ десяти рубляхъ, какъ могу я пособить вамъ? Правда, что черезъ мои руки переходитъ и теперь не одна сотня тысячъ рублей въ годъ, но они тотчасъ же и уплываютъ изъ рукъ моихъ, такъ что я всегда въ нуждѣ и принужденъ самъ занимать у ростовщиковъ, для исполненія тяжкихъ, возложенныхъ на меня обязанностей. Кто еще изъ вашихъ друзей въ состояніи свободно располагать нѣсколькими десятками тысячъ рублей? Вы назвали мнѣ двухъ человѣкъ, но они сами себя обманываютъ, если надѣются отдѣлать значительную сумму отъ своихъ дѣлъ. Пожалуй, и я могу ссужать вамъ на время, какъ говорится, на перехватку, по нѣскольку тысячъ рублей, но пособитъ ли это въ такомъ предпріятіи, гдѣ вся сумма должна быть отдѣленною и неприкосновенною на безсрочное время?»

Это благоразумное сужденіе человѣка испытаннаго судьбою въ денежныхъ оборотахъ, оправдалось вполнѣ; однако, я еще не терялъ надежды и писалъ Николаю Алексѣевичу, чтобы онъ доставилъ мнѣ точное свѣдѣніе о количествѣ всѣхъ своихъ долговъ, при чемъ объяснилъ и свой планъ для погашенія ихъ. Отвѣтомъ его было слѣдующее письмо:

«21-го ноября 1839 года, С.-Петербургъ.

«На сей разъ, мой любезнѣйшій другъ и братъ, моему молчанію были разныя причины, и главная изъ нихъ та, что я хотѣлъ было рѣшительно пуститься въ Москву, хотѣлъ сюрпризомъ явиться къ тебѣ, и все ладилъ къ такому предпріятію. Но тяжкая болѣзнь моя отняла всѣ способы: надобно было рисковать пуститься въ дорогу. Докторъ мой былъ противъ меня, и я принужденъ былъ остаться, томиться, съ грустью встрѣчая опять день за днемъ, и отказаться отъ моего предпріятія, которое могло и возстановить меня, но могло и рѣшительно положить въ могилу. Теперь, кажется, природа взяла верхъ. Съ недѣлю уже, я вовсе безъ лѣкарствъ, пью и ѣмъ все, хоть съ большею осторожностью, и принялся за работу. Опять и то, что побѣдка отняла бы у меня двѣ недѣли, остановило меня. Двѣ недѣли—а ихъ всего остается до новаго года шесть, и на плечахъ моихъ столько дѣла, что, потерявши рѣшительно два мѣсяца, не знаю какъ мнѣ и быть! Роптать ли на судьбу? Два мѣсяца эти совсѣмъ разстроили всѣ мои расчеты и планы. Я думалъ преспокойно все докончить: выправить журналъ, дописать либо «Маленькую исторію», либо «Синихъ и Зеленыхъ», а, можетъ быть, то и другое—и гдѣ теперь всѣ мои планы?.. Впрочемъ, этотъ періодъ былъ для меня важенъ. Нѣсколько разъ, казалось, дѣло приходило къ окончательной развязкѣ: особливо въ одну ночь я полагалъ, что не доживу до утра. Въ первый еще разъ въ жизни, съ полнымъ сознаниемъ моего положенія, я считалъ предсмертные часы и минуты, и эта ночь никогда не изгладится изъ моей памяти! И тяжело-грустны, и отраднo-свѣтлы были для меня такія торжественныя минуты... Но, переговоримъ обо всемъ лично; всего написать нельзя. Раза два думалъ я звать тебя сюда—умереть безъ тебя я не хотѣлъ... Теперь опять принявшись за дѣла жизни, я предполагаю непремѣнно ѣхать къ тебѣ въ Москву, и непремѣнно въ концѣ января или началѣ февраля. Мнѣ должно еще распорядиться тамъ опять разными мерзостями; прогулка придаетъ силы, лучше всякихъ лѣкарствъ, а главное—съ тобою и у тебя должно опять отдохнуть мнѣ... Все это непремѣнно уже мною опредѣлено. Здѣсь должно обратиться къ тому, что ты писалъ ко мнѣ въ твоемъ послѣднемъ письмѣ, требуя немедленнаго отвѣта. Чтѣ отвѣчать мнѣ, мой другъ и братъ? Когда, мѣсяцъ тому, такъ близка была ко мнѣ смерть, клянусь тебѣ, что въ тѣ минуты, когда жизнь разоблачается отъ всѣхъ оболочекъ, по долгомъ размышленіи, всего менѣе беспокоила меня участь дѣтей: у нихъ оставались—Богъ, честное имя и ты! Да, ты, мой братъ! Суди, какъ крѣпка моя вѣра въ тебя, какъ понимаю я твое сердце, и всего тебя! Теперь, когда я читалъ твое письмо, слезы пробились у меня въ глазахъ, добрѣйшее ты, благороднѣйшее созданіе! Имена двухъ людей, упомянутыхъ тобою, Сержа

и Смирдина, также имена любимцевъ моего сердца. У Сержа вмѣсто головы приставлено сердце, а Смирдинъ неограниченный драгоценный брилліантъ. Желалъ ли бы я вырваться изъ моихъ цѣпей? Боже! я кровью заплатилъ бы за минуту спокойствія! Могъ ли бы я тогда что нибудь еще сдѣлать полезное? Боже! какъ еще много! Мнѣ кажется, я еще не начиналъ, и уже мысль одна, что меня перестали бы терзать заботы жизни, что я могъ бы отказаться отъ работъ, которыя предпринимаю для насущнаго хлѣба, что я бросилъ бы проклятыя, убивающія журнальныя занятія, уже одна мысль заставляетъ кровь мою кипѣть, и въ головѣ моей роятся мечты и идеи толпою... Много, много можно еще сдѣлать... Если бы ты, съ добрыми друзьями, могъ извлечь душу мою изъ заклеповъ адовыхъ, повѣрь, что это не было бы даже невозвратнымъ пожертвованіемъ. Я могъ бы тотчасъ обезпечить все, чѣмъ сдѣлаютъ мой выкупъ. Такъ, на примѣръ, не говоря объ «Исторіи русскаго народа», которая тотчасъ не можетъ реализовать капитала—«Маленькую исторію» готовъ купить Смирдинъ на 2-е изданіе за 10 тысячъ рублей, когда я ее кончу. «Синіе и Зеленые» всячески могутъ дать 10 тысячъ рублей. Думаю, что и «Колумбъ» можетъ дать не менѣе ¹⁾. Полагаю, что можно бы еще собрать четыре книжечки новыхъ «Мечты и жизнь»; многіе желаютъ имѣть собраніе моихъ театральныхъ пьесъ, къ которымъ присовокупили бы я переводы «Тимона» Шекспирова и «Сарданапала» Байронова, и отъ обихъ предпріятій я считаю хоть по 5 тысячъ рублей. Такимъ образомъ составился бы капиталъ въ 40,000 рублей немедленно, въ теченіе года не болѣе. Затѣмъ, я застраховалъ бы себя въ 40,000 рублей, и тѣмъ, съ вышеупомянутымъ, обезпечилъ 80,000 рублей капитала, не требуя себѣ на прожитіе ничего, ибо могу прожить мелкими работишками, которыя даютъ мнѣ тысячь десятокъ въ годъ, занятіями въ часы отдыха. Я могъ бы сдать работу по «Сыну Отечества», принявши на себя въ немъ многое, что и безъ того располагаю я сдѣлать (рѣшительно отказаться отъ него вовсе въ 1840 году не могу, ибо закабалилъ уже себя!) Но, чтобы избавить меня, заплатить всѣ мои долги, мнѣ, именно, потребна упомянутая сумма, ибо долги мои составляютъ, именно, такую сумму, отъ 80,000 до 85,000 рублей ²⁾. Отчего не могу я изъ нихъ теперь выбиться? Оттого, что принужденъ ихъ вертѣть, и каждый годъ тратить до 10,000 руб. на проценты. Надобно дать мнѣ два-три года отдыха, а мнѣ не даютъ минуты вздохнуть; оттого я не успѣваю кончить капиталъ-

¹⁾ Я не знаю куда дѣлась его рукопись «Колумба» (жизнь Христофора Колумба). Первая часть ея была напечатана; печатаніе слѣдующихъ остановилось за недостаткомъ средствъ.

²⁾ Рубли разумѣются здѣсь ассигнаціонные, которыхъ должно считать 3^{1/2} на серебряный рубль.

ныхъ, основательныхъ работъ, и убиваю время на такія, которыя даютъ мнѣ немедленно средства—вертѣть колесо, затыкать дыры, и съ томленіемъ уплывать, между тѣмъ, капиталъ понемногу. Безъ особенной помощи, такой, о которой ты пишешь, я не нахожу средствъ привести дѣла мои въ порядокъ ранѣе четырехъ или пяти лѣтъ. Кончить ихъ скорѣе, кончить вдругъ—надобно въ годъ заплатить 80,000 рублей, принявши отъ меня въ обезпеченіе все, что я выше исчислялъ, и въ прибавокъ меня—съ тѣломъ и душою! думаю, что и изъ «Дюмонъ Дюрвиля» можно еще что нибудь добыть? И «Исторію русскаго народа», и все, что между тѣмъ напишу я еще, я готовъ отдать. Плановъ у меня—конца нѣтъ!.. Но 80,000 рублей—сумма, которую тратятъ иногда въ одинъ вечеръ на балъ—достижимая ли для меня вещь? И можете ли, ты и добрые мои друзья, дать ее на мою поруку труда и чести? Рѣши, подумай и скажи.» (За симъ идетъ подробное исчисленіе кому и сколько былъ онъ долженъ, а далѣе:) «Вотъ, мой любезнѣйшій, я раскрылъ тебѣ все,—обдумай и рѣши, а я—признаюсь, не вижу возможности вдругъ выпутать меня!.. Будь же ты моимъ Провидѣніемъ. Если ты напишешь: да... я не могу представить себѣ радостной минуты, когда я услышу это—«да!» О подробностяхъ могли бы мы поговорить подробнѣе лично, тѣмъ паче, что въ началѣ февраля и Смирдинъ въ Москву пріѣдетъ, можетъ быть, вмѣстѣ со мною. Но теперь, пока, все это кажется мнѣ только мечтою твоего добраго сердца и увлеченіемъ дружбы твоей ко мнѣ... Между тѣмъ, прибѣгаю къ тебѣ съ просьбою о дѣлахъ моихъ въ настоящемъ»... (Слѣдуетъ нѣсколько порученій). «Сколь о многомъ остается мнѣ еще къ тебѣ писать! Но, признаюсь: и содержаніе этого письма такъ растревожило, взволновало меня, что я писать болѣе не въ силахъ, и рука утомилась. Не смотря на укрѣпляющееся здоровье, слабость и нервическое разстройство, при всякомъ сильномъ движеніи, даютъ мнѣ себя чувствовать. Примусь продолжать письмо мое завтра, и высказать тебѣ многое еще, и о себѣ, и о другихъ. Главное: о здоровьѣ моемъ, кажется, что сколько предвѣдніе челоувѣческое можетъ увѣрять, теперь оно безопасно. Только потребна большая осторожность. Впрочемъ, вѣра укрѣпляется только испытаніями».

«Спб. декабря 5-го 1839 г.

«Вмѣсто того, чтобы начать письмо мое вновь на другой день, мой любезнѣйшій другъ и братъ, вотъ нѣсколько дней не принимался я за него. Куча мелкихъ дѣлъ и отношеній и необходимость работы по «Сыну Отечеству» заставили меня бросить все другое. Я сидѣлъ ночи по двѣ до 3-хъ часовъ, хотя встаю всегда въ шесть часовъ утра. Болѣзнь моя прошла, но слабость все еще даетъ чувствовать себя. Что мнѣ много работы, суди по тому, что X-й № теперь почти конченъ, и XI-й (если только Богъ поможетъ!) въ де-

кабрѣ выдамъ; января 1-го положено выдать 1-й №, а къ 10-му XII-й. У меня голова кружится... Проклятые два мѣсяца болѣзни совсѣмъ разстроили всѣ мои предположенія! А между тѣмъ, я чувствую необходимость, да и по отношеніямъ къ Смирдину долженъ все это непременно обработать. Въ эти же дни надобно было и выѣзжать въ разныя мѣста, и во время болѣзни накопилось множество необходимыхъ визитовъ и посѣщеній. Обо всемъ этомъ говорю, дабы оправдаться передъ тобою, и чтобы ты не почелъ разсѣянностью и забывчивостью, что отправивши къ тебѣ посланіе, замедлил я окончаніемъ его, обѣщаннымъ на другой день. Начну опять тѣмъ, что я имѣлъ время, между тѣмъ, обстоятельнѣе обдумать, именно,—твоимъ дружескимъ предложеніемъ, въ которомъ для меня отсвѣтилась такъ ярко твоя чистая, добрая душа; и такъ видно твое любящее сердце! Я писалъ уже о возможности и невозможности исполнить твое предположеніе. Невозможность состоятъ въ трудности найти и составить сумму, которою можно ликвидировать въ теченіе года долги мои (хотя и предположивъ, что, напримѣръ, Смирдинъ внесъ бы часть ея векселями, и хотя сумма, какъ я предполагалъ до 80,000 руб., могла бы обезпечиться всѣмъ, что я написалъ и напишу, и даже самой моею жизнью, ибо я готовъ застраховать себя въ пользу ликвидаціи, и хотя часть ея тотчасъ могла бы возвратиться, ибо только окончанія (а для окончанія только хоть малаго досуга) требуютъ начатія мною работы и изданія, которыя можно немедленно сдѣлать («Маленькая исторія», «Синіе и Зеленые», «Колумбъ», напечатаніе четырехъ томиковъ новыхъ «Мечты и жизнь, театра», и даже, хоть сколько нибудь, выручка изъ «Дюмонъ-Дюрвиля»). Работать я готовъ и чувствую еще силы сломить многое, не безпокою, между тѣмъ, насущнымъ хлѣбомъ, который мнѣ доставятъ одни мелкіе труды... Но, почти мечтою, кажется мнѣ однакожъ, мой любезнѣйшій, все что ты предполагаешь—прости меня!.. Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоихъ дальнѣйшихъ извѣщеній, а, между тѣмъ, поговоримъ о настоящемъ. Вотъ что предполагаю я теперь дѣлать, посвящая вздохъ мечтамъ: 1-е, прежде всего кончить «Сынъ Отечества» за сей годъ и устроить на будущій. Гречь не будетъ уже и официальнымъ его «жераномъ», но передастъ его на отвѣтственность А. В. Никитенкѣ, человѣку доброму и честному. Онъ приметъ на себя всю корректурную работу и исправку статей, а я останусь при Критикѣ, Библиографіи, Лѣтописи и Смѣси: по моему соображенію, ровно половина работы трудной остается мнѣ; но другая половина, которую передаю, скучнѣе и убійственнѣе. Толстыя книжки раздѣляются на двѣ, что облегчитъ изданіе (кромѣ интереса новости для публики). 2-е, приготовивъ двѣ книжки и передавъ запасы для другихъ, на время поручивъ мою работу Никитенкѣ и сотрудникамъ, я отправляюсь въ Москву—это свято и непременно, и непре-

мѣнно въ начаѣ февралѣ, а если можно — въ концѣ января (возможность этого, кажется, видима). Тамъ вижусь съ тобою, отдыхаю, бросаю части тѣла псамъ, устраиваю, сколько могу, и возвращаюсь сюда. 3-е, устраиваю потомъ старшихъ сыновей. Необходимость и при томъ невозможность ихъ образованія дома, рѣшаютъ меня отказаться отъ личнаго ихъ при себѣ воспитанія. Думаю отвезти ихъ въ Гернгутерское училище, заведенное въ Верро, въ 60-ти верстахъ отъ Дерпта, которое, сколько мнѣ извѣстно теперь, можно назвать образцовымъ по ученію, патриархальности и строгой нравственности. Объ этомъ много надобно говорить. 4-е, весною переѣзжаю въ колонію, между Ораніенбаумомъ и Красною Горкою, и живу тамъ лѣто. Этого необходимо требуетъ здоровье мое, жены, дѣтей. Купанья, гулянья, воздухъ, надѣюсь, исцѣлять и укрѣпять всѣхъ насъ. 5-е, между тѣмъ, имѣя уже нѣсколько поболѣе досуга, работаю, употребляю половину времени на «Сынъ Отечества», другую на другое. 6-е, можетъ быть, исполнится и мечта о Лондонѣ. Моя поѣздка, я увѣренъ, принесетъ большія выгоды всяческія, и три недѣли, при чемъ я почти не прерву и занятій, благопріятно подѣйствуютъ и на здоровье, и на карманъ, и всячески будутъ имѣть хорошія слѣдствія¹⁾. Вотъ что думаю и мечтаю теперь. Существенное изъ всего, изъясненнаго мною, на сей разъ одно: кончить «Сынъ Отечества» и ѣхать къ тебѣ, что уже непременно предположено исполнить, ибо и дѣла требуютъ поѣздки моей въ Москву, да и, проработавши декабрь и январь, я буду, просто, мочалка, и мнѣ отдыхъ необходимъ, когда онъ, соединясь съ радостью видѣть тебя и съ проѣздомъ 1½ тысячи верстъ, оживитъ меня! Таково мое расположеніе на будущность, кажется, ужъ очень незатѣйливое, а потому и возможное...» (Послѣ разныхъ подробностей о дѣлахъ, въ томъ же письмѣ онъ сообщалъ и любопытныя современныя вѣсти и тайны литературныя).

«Въ часы отдыха написалъ я четыре маленькія бездѣлки для сцены: одну изъ нихъ даютъ въ пятницу: «Ужасный незнакомецъ», въ бенефисъ Сосницкаго. Это собственно передѣлка пьески Фонжере, которая была, помнишь въ «Московскомъ Телеграфѣ», подъ заглавіемъ: «Много шуму изъ пустяковъ». Другую бездѣлку даютъ декабря 14-го, въ бенефисъ Асенковой — «Параша Сибирячка» — нѣчто въ родѣ патриотическаго, взятое изъ исторіи Прасковьи Лупаловой и разсказа о ней де-Местра. Третье: «Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ» — попытка представить русскую старину, какъ она была; ее дадутъ въ бенефисъ Брянскаго. Наконецъ, Каратыгину далъ я еще бездѣлку: «Государственная Тайна», маленькую комедію. Моя «Елена Глинская» кончена, и ее от-

¹⁾ Мечта его о поѣзкѣ въ Лондонъ не осуществилась, и онъ умеръ, не видавши Англии.

даю я въ дирекцію, которая согласна платить мнѣ по 10⁰/о съ каждаго сбора. Недавно съ успѣхомъ давали здѣсь Гальмова «Велизарія», переводъ добряка Ободовскаго—пьеса пустая, но ее вывезъ на себѣ Каратыгинъ. Скобелевъ приготовилъ было: «Русскіе въ Парижѣ», но царь не позволилъ играть ее, говоря, что можно надѣсть, если твердить все одно и тоже. Кукольникъ кончилъ трагедію: «Холмскіе», но, какъ геній, требуетъ за рукопись 5,000 рублей, а дирекція предлагаетъ уступить за половину сбора. Другой геній, Гоголь, пріѣхалъ изъ Рима, прикидывается хандрою, живетъ у Жуковскаго, не хочетъ писать ничего, и его умоляютъ друзья не погубить русской комедіи своимъ упорствомъ. Краевскій съ братіею дуется какъ пузырь, и на будущій годъ надѣется все уничтожить и разбогатѣть. Сплетней между ними, и по литературѣ, вообще, конца нѣтъ, и онѣ доходятъ до отвратительнаго! Жуковскій старается теперь надуть Смирдина сочиненіями Пушкина и сбыть ему какую-то поэму свою, а въ III томѣ «Ста Литераторовъ» явится онъ съ отборной аристократіей отдѣльно. Всѣ теперь бросаются здѣсь въ изданія ливрезолами, что замѣняютъ журналы. Удача «Повѣшеннаго»¹⁾ родила Пантеонъ, гдѣ начальники Булгаринъ и Кони. Оттого-то и ругаютъ Песоцкаго въ «Пчелѣ», и, вообще, тутъ была исторія и глупая, и преуморительная! Песоцкій тянется изъ жиль, шумить, бѣгаетъ, угощаетъ, ссорится, мирится—суцая умора! «Маякъ» Корсакова и Бурачка тоже будетъ журналъ, и самый «Календарь» Теряева—тоже журналъ. Чудную спекуляцію сдѣлалъ Владиславлевъ «Утреннюю Зарю»: пожертвовавши въ дѣтскую больницу 25 тыс., онъ заставилъ добраго графа Ал. Хр. разсылать и сбывать экземпляры, и продалъ ихъ—10,000! Вычти расходы, хоть 25 тыс., пожертвованіе 25 тыс., и чистаго барыша до 100,000 руб.; но если положить и половину, то мастерская штука! Не столь мастерскую штуку затѣялъ теперь нашъ пріятель Фариковъ: издаетъ «Исторію Наполеона», съ Вернетовыми рисунками, и я боюсь, что она раззоритъ его, ибо станетъ дорого, переведена гнусно, и не думаю, чтобы пошла. Бѣлинскаго надѣюсь не видать; но онъ здѣсь, шумить и пакостить, нагло и безстыдно принимая на себя должность собаки Краевскаго... Вообще, литература русская, здѣсь,—по крайней мѣрѣ, скопище мерзости, спекуляцій, обмановъ, безталантности, бессмыслія и гадостей. Не виню самаго предмета. Что святѣ религіи? Но чѣмъ больше торговали, и какая исторія представляетъ чернаго и отвратительнаго болѣе исторіи христіанства? Я рѣшительно не нашель здѣсь ни одного человѣка, у котораго соединялось бы знаменіе таланта

¹⁾ Такъ называли многіе Песоцкаго, спекулянта-издателя, который началъ свое порицаніе изданіемъ какого-то романа: «Повѣшенный». Здѣсь Ник. Ал. упоминаетъ объ удачѣ его «Репертуара».

съ душею. Есть добряки, но дрянъ, и все при томъ испорчено нравственно такъ, что смотрѣть и грустно, и жалко. Не говорю о молодцахъ, каковы Краевскій и Булгаринъ, шарлатанахъ, каковы Кукольникъ или Панаевъ, но что за дрянъ, какъ люди (названо нѣсколько литераторовъ)! Ни въ душѣ силы, ни въ дарованіи твердости, ни въ умѣ смѣлости! Признаться, грустно, милый другъ, жить въ людской пустынѣ великолѣпнаго Петербурга, и мысль, что здѣсь надобно дожить до конца, не отдохнувъ хоть немного душею, нерѣдко печалить меня. Главное, что здѣсь все обращается въ интригу, средство, расчетъ, лощится, кроется лакомъ, и тѣмъ-то все является отвратительнѣе; а обманъ и шарлатанство дошли до послѣдней крайности... Не подумай, что я смотрю на все съ черной стороны—нѣтъ! И никто отъ меня не слышитъ того, что я тебѣ говорю. Душа моя по наружности, кажется, дѣлается кротче и уживчивѣе съ другими; но это—охлажденіе ея, это, можетъ быть, то чувство, которое всякій испытываетъ, поживши и помысливши».

Вскорѣ я увидѣлъ, что предпріятіе мое — заплатить за брата моего 80,000 рублей—было неисполнимо съ моими средствами и связями. Единственные друзья, которые желали способствовать мнѣ, не имѣли свободныхъ капиталовъ, а временная помощь отъ нихъ могла ли привести къ благопріятной развязкѣ подобное дѣло? Я составилъ новый планъ, который состоялъ въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ Смирдинымъ купить всѣ сочиненія Николая Алексѣевича и все, что онъ будетъ писать, и, распоряжаясь хозяйственно изданіемъ и продажею его сочиненій, выручить изъ нихъ всю потребную для его платежей сумму, а чего не достанетъ, то добавить изъ своихъ капиталовъ и вознаградить ее послѣ. Расчеты, изложенные въ письмѣ брата моего, были вѣрны; надобно было только дать ему свободу работать. Но одинъ я не могъ взять на себя всей тяжести его долговъ и хотѣлъ, чтобы Смирдинъ участвовалъ въ этомъ. Я полагалъ, что ему стоитъ только пожелать облегчить Николая Алексѣевича, и что онъ легко можетъ сдѣлать это, при своихъ обширныхъ оборотахъ, продавая въ каждый пріѣздъ въ Москву тысячъ на сто (асс.) книгъ, большею частію своихъ изданій. Не задолго онъ купилъ за 40,000 рублей право напечатать 40,000 экземпляровъ басенъ Крылова, и нашелъ же деньги для этого совсѣмъ не блестящаго предпріятія! При пособіи отъ меня, онъ почти ничѣмъ не рисковалъ бы, еслибъ купилъ всю литературную дѣятельность Николая Алексѣевича за 80,000 р., изъ которыхъ четвертую часть готовъ я былъ заплатить собственными моими средствами. Я и безъ того безпрестанно добавлялъ своихъ денегъ на платежи брата. Смирдинъ не отказывался приступить къ предлагаемому мною предпріятію, но все оттягивалъ рѣшеніе подъ разными предлогами. Я приписывалъ это разнымъ

причинамъ, но отнюдь не подозрѣвалъ того ужаснаго положенія, въ какомъ онъ самъ находился и скрывалъ его тщательно. Въ ожиданіи его помощи, я больше и больше затрачивалъ денегъ за моего брата, и если бы не дѣлалъ этого, то вдругъ поставилъ бы на край бездны того человѣка, для котораго у меня не было ничего завѣтнаго. Пусть судятъ, могъ ли я поступить такимъ образомъ? Между тѣмъ, состояніе его дѣлъ и отношеній не улучшалось, а развѣ ухудшалось. Это покажутъ выписки изъ его писемъ, которыхъ не могу я приводить здѣсь вполнѣ, потому что съ сего времени они наполнялись большею частию подробностями о платежахъ, да распоряженіями и просьбами, вовсе не понятными для современнаго читателя. Вотъ почему выписываю только то изъ писемъ моего брата за все остальное время его жизни, что характеризуетъ его или представляетъ обще-любопытныя подробности.

«Спб. января 5-го, 1840 года.

«Въ самый день моихъ именинъ, мой любезный другъ и братъ, получилъ я твое письмо отъ 2-го, потомъ маленькое отъ 12-го, записочку отъ 23-го и, наконецъ, дѣловое, отъ 1-го января, вчера. Прости, что не могъ отвѣчать. Первое, что всякій день, весь декабрь и эти дни работалъ я не менѣе 14-ти часовъ ежедневно, то есть съ пяти до четырехъ, да съ восьми до одиннадцати вечеромъ, и тутъ не могъ управиться, хоть болѣе силъ моихъ не могло достать! А при томъ не хотѣлось и приниматься за перо. Мнѣ досадно думать, что письма мои къ тебѣ походятъ на плачъ Іереміи, и ты можешь подумать, что хныкаю и малодушничая; но, кромѣ тебя, ни съ кѣмъ не дѣлю я ничего, даже и въ семьѣ своей. Отъ радости-то отвыкъ я довольно-таки давно, но истинно, едва силъ достаетъ на страданіе, и только вѣра спасаетъ меня! Не описывая ничего, скажу, что ужасный для меня, истерзавшій меня прошлый годъ достойно заключился декабремъ. При тяжелой работѣ, каждый день несъ досаду, скорбь, и даже 31-й день раскланялся со мною такъ, что я не встрѣчалъ Новаго года ни слезами, ни виномъ, а такъ, остеклелый какой-то, старался вмять его въ рядъ другихъ дней, потому что надежды у меня никакой нѣтъ и на милаго братца его, хоть онъ и высокосный. Добрести до могилы, стараться еще сдѣлать что нибудь для дѣтей, и рѣшительно бросить мечту на все другое, умоляя людей только объ одномъ: «Дайте, братцы, дожить только, да и Богъ съ вами!» А когда они колотить будутъ и затѣмъ, то—кланяться имъ и говорить, какъ Черепановъ: «Добивайте, государи мои, добивайте!»¹⁾ Вотъ вся

¹⁾ Старинный профессоръ Московскаго университета, Н. Е. Черепановъ, былъ человѣкъ ученый и дѣльный, конечно, принесшій много пользы въ свое время, потому что, какъ видно изъ всѣхъ преданій, онъ отличался необыкновенно

перспектива остальной моей жизни. Дѣлать и работать какъ машина, я могу и не перестану; чегожь имъ больше? Въ царствѣ слѣпыхъ и кривой королеми бываетъ... Но, бросимъ весь этотъ вадоръ. Теперь только одна мечта у меня впереди: ѣхать къ тебѣ! Къ тому лажу я все и устраиваю такъ, чтобы 1-е февраля застало меня въ дорогѣ. Другъ! кромѣ тебя, мнѣ отдохнуть негдѣ, а, просто, физически, разсчитывая еще работы за январь, отдыхъ мнѣ необходимъ, и, можетъ быть, сердце мое опять отдохнетъ»...

«Спб. января 20-го, 1840 года.

«.....обращаюсь къ тому, что составляетъ теперь предметъ моихъ заботъ и надеждъ—поѣздка въ Москву. Какъ жаль, что къ именинамъ твоимъ поспѣть никакъ не могу, но рѣшительно назначаю отъѣздъ мой (если Богъ поможетъ!) въ субботу 3-го февраля, такъ, что 6-го февраля, можетъ быть, мы будемъ уже вмѣстѣ, и я прижму тебя, моего друга и брата, къ моему сердцу и у доброй Лиллы попрошу угла подъ кровомъ вашимъ, гдѣ могъ бы приклонить свою скитальческую голову. Слѣдовательно, до свиданія нашего остается не болѣе двухъ недѣль—помоги, великій Боже! дай мнѣ эту отраду жизни! Разумѣется, что всѣ остальные дни, до самаго выѣзда, я долженъ буду работать какъ осель, и, только садясь въ дилижансъ, покину всѣ заботы петербургскія, но за то, покину ихъ на двѣ недѣли. Надѣюсь управиться такъ, чтобы безъ меня уже выдали 4-ю книжку «Сынъ Отечества». И такъ, тутъ дѣло рѣшеное, попляшемъ и на свадьбѣ почтеннѣйшаго, отдохнемъ, и поговоримъ, поговоримъ, мой любезнѣйшій! Какъ ребенокъ радуюсь!.. Кстати о пріятномъ: 17-го января, наконецъ, дана была моя страдалица «Параша Сибирячка». Вѣроятно, и до тебя доходили слухи, что она принесла было мнѣ величайшія непріятности, но за то сперва рѣшеніе и отзывъ нашего добраго царя наградили меня вполнѣ за огорченія, а потомъ успѣхъ ея былъ неслыханный! Не смотря на четверную цѣну (за полъ-бенефиса Асенкова собрала 8,000 рублей), билетовъ не достало. Каратыгинъ, Асенкова, Сосницкій, Каратыгинъ 2-й, играли такъ превосходно, что все заливалось слезами, и меня вызвали три раза! Самъ государь былъ, и добрая, милая, обожаемая всѣми великая княгиня Марія Николаевна такъ

веннымъ прямодушіемъ, искреннимъ желаніемъ добра всякому, и при томъ рѣдкою правдивостью. Такими качествами не могъ онъ угодить своимъ ученымъ собратамъ, и они всячески тѣснили, преслѣдовали его и дѣлали ему страшныя непріятности. Отъ этой тяжкой борьбы онъ зачахъ и даже отупѣлъ въ послѣдніе годы своей дѣятельности. Наконецъ, по навѣтамъ любезныхъ товарищей, высшее начальство присудило за что-то сдѣлать выговоръ Черепанову въ полномъ собраніи Университетскаго Совѣта. Выслушавъ этотъ приговоръ, добрый старикъ всталъ, поклонился присутствующимъ, говоря: «Добивайте, государи мои, добивайте!» вышелъ, и, кажется, уже не возвращался въ университетъ.

была растрогана, что ей сдѣлалось дурно послѣ 2-го акта, когда Параша выпрашиваетъ прощеніе отцу своему. Френиетическія рукоплесканія потрясали сцену. Вчера опять театръ былъ полонъ, и я могъ бы сказать какъ Самохотовъ нѣкогда: «Въ городѣ только о томъ и говорятъ!»¹⁾ Другъ и братъ! въ такихъ событіяхъ не награда-ли наша, которой не могутъ отнять враги? и не миришься-ли въ такомъ случаѣ съ людьми? Благодарю Бога и благословляю царя! Всѣ подробности расскажу уже лично»...

На этомъ прерываются «Записки» отца моего, Ксенофонта Алексѣевича Полеваго. Внезапная смерть не дозволила ему окончить работу, исполненіе которой онъ считалъ священнымъ долгомъ своимъ.

Идавая теперь эти «Записки», я призналъ необходимымъ довести ихъ до кончины Николая Алексѣевича Полеваго, сопоставивъ, въ хронологической послѣдовательности, письма дядя моего, Николая Алексѣевича, къ отцу моему, Ксенофону Алексѣевичу. Изъ множества писемъ, найденныхъ мною въ столѣ отца моего, я помѣщаю здѣсь только тѣ, которыя онъ самъ отобралъ въ отдѣльную пачку, какъ бы предназначая ихъ къ включенію въ свои «Записки». Письма печатаются мною безъ всякой перемѣны и съ сохраненіемъ правописанія Николая Алексѣевича; великій знатокъ русскаго языка, дядя мой въ этомъ случаѣ часто бывалъ совершенно сознательно своеобразенъ. Изъ писемъ мною изъятыхъ только мѣста, не представляющія общаго интереса, и то, что относится исключительно къ семейнымъ дѣламъ или касается денежныхъ расчетовъ. Въ этомъ я руководился примѣромъ отца моего, который точно также поступалъ съ письмами Николая Алексѣевича, включенными имъ въ III часть «Записокъ».

Н. К. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Н. Ал. любилъ примѣшивать къ самымъ серьезнымъ мыслямъ что нибудь смѣшное, комическое, и тутъ припомнилъ, что изобрѣтатель хорошей ваксы, Самохотовъ, знакомый нашъ, послѣ побѣды надъ какимъ-то другимъ ваксоизобрѣтателемъ, въ восхищеніи говорилъ намъ: «Вѣдь только и говорятъ въ городѣ объ этомъ!»

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

(Письма княгини Анны Александровны Голицыной)

ВЕЧАТАЕМЫЯ ниже письма княгини Анны Александровны Голицыной, рожденной княжны Грузинской, къ ея родственнику, вице-канцлеру и оберъ-камергеру, князю Александру Михайловичу Голицыну, относятся къ послѣднему году (1796) царствованія императрицы Екатерины II и включают въ себѣ много весьма любопытныхъ свѣдѣній о придворной жизни того времени. Въ простомъ, безыскусственномъ разсказѣ княгиня рисуетъ картину быта тогдашняго высшаго общества, описываетъ прїѣздъ въ Петербургъ шведскаго короля Густава IV, празднества, дававшіяся въ честь его при дворѣ и частными лицами, сватовство короля къ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, окончившееся столь оскорбительной для Екатерины неудачей, сообщаетъ слухи и предположенія, ходившіе по этому поводу въ городѣ, и т. д. и заканчиваетъ свою переписку короткой фразой: «Императрица скончалась 4 ноября, въ 11 часовъ вечера»...

Письма княгини Голицыной, писанныя пофранцузски, переданы намъ, въ переводѣ на русскій языкъ, Г. В. Есиповымъ, при чемъ имъ опущены тѣ мѣста, которыя касаются исключительно семейства Голицыныхъ и ихъ родственныхъ отношеній.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія о княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Голицыной. Она родилась въ 1760 г., была замужемъ сперва за кавалеромъ Александромъ Александровичемъ Де-Личиннымъ (побочнымъ сыномъ вице-канцлера, князя Александра Михайловича Голицына), а по смерти его (въ 1789 г.) за княземъ Борисомъ Андреевичемъ Голицынымъ, сыномъ князя Андрея Михайловича, брата вице-канцлера. Послѣ кончины князя Андрея Михайловича, послѣдовавшей въ 1770 г., братъ его вице-канцлеръ, князь Александръ Михайловичъ, сдѣлался опеку-

номъ его дѣтей, заботился какъ родной отецъ о ихъ воспитаніи и образованіи, устройствѣ ихъ дѣлъ и завѣщаль имъ всѣ свои имѣнія.

Мужъ княгини, князь Борисъ Андреевичъ, началъ службу въ гвардіи, командовалъ армейскимъ полкомъ, въ 1796 г. назначенъ гофмаршаломъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и скончался въ 1822 г. въ чинѣ генераль-лейтенанта.

Въ то время, къ которому относятся печатаемые письма, адресованныя княгиней къ князю Александру Михайловичу Голицыну, послѣдній жилъ въ Москвѣ, куда онъ удалился еще въ 1778 году, получивъ увольненіе отъ вѣдѣній вице-канцлера.

I.

Петербургъ. 27-го марта, 1796 года.

Я пріѣхала сюда, добрѣйшій мой князь, въ воскресенье вечеромъ, благополучно съ двумя дѣтьми моими, а остальныхъ двоихъ оставила въ Торжкѣ съ докторомъ; они также пріѣхали сюда вчера и здоровы ¹⁾).

Я не написала къ вамъ въ понедѣльникъ, намѣреваясь писать съ офицеромъ, который провожалъ меня сюда. Хотя я здѣсь уже четыре дня, но не была еще нигдѣ и не представлялась императрицѣ; вчера начала свои визиты, и это продлится нѣсколько дней. Въ день моего пріѣзда я остановилась у моего свояка (beau-frère) Алексѣя Андреевича, а слѣдующій весь день провела у другого свояка, у князя Михаила Андреевича; въ среду обѣдала у князя Юсупова, сегодня обѣдаю у себя дома. Домъ, куда я переѣхала, совершенно неудобенъ для житья, не смотря на то, что онъ очень великъ; нѣтъ ни столовой, ни гостинной, просто гадость, ни погреба, ни сарая. Мы не останемся здѣсь, а переѣдемъ въ домъ Степана Степановича Апраксина, на Царицынъ Лугъ, за который будемъ платить тысячью рублями дешевле, и который удобнѣе. Я рѣдко

¹⁾ Въ это время у княгини были дѣти: 1) княжна Елизавета Борисовна, род. въ 1790 г., ум. въ 1810 г.; съ 1808 г. замужемъ за княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Куракинѣмъ; 2) князь Андрей Борисовичъ, род. въ 1791 г., ум. въ 1861 г.; женатъ былъ два раза, 1) на Нинѣ Ѳедоровнѣ Ахвердовой и 2) на Варварѣ Сергѣевнѣ Шереметевой; 3) князь Александръ Борисовичъ, род. въ 1792 г., ум. въ 1865 г., женатъ былъ на Аннѣ Васильевнѣ Ланской; 4) князь Николай Борисовичъ, род. въ 1794 г., ум. въ 1866 г., женатъ былъ два раза: 1) на княжнѣ Еленѣ Александровнѣ Салтыковой, 2) на Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Пешманъ.

Затѣмъ: 5) княжна Софья Ворисовна, род. 15 августа 1796 г., ум. 19 ноября 1871 г., была замужемъ за Константиномъ Марковичемъ Полторацкимъ; 6) княжна Татьяна Борисовна, род. въ 1801 г., ум. въ 1869 г., была замужемъ за Александромъ Михайловичемъ Потемкинѣмъ; 7) княжна Александра Борисовна, род. въ 1802 г., была замужемъ за княземъ Сергѣемъ Ивановичемъ Мещерскимъ.

вижу моего мужа; онъ безпрестанно при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, котораго долженъ сопровождать каждый разъ, когда его высочество ходитъ къ императрицѣ; затѣмъ, мужъ мой безпрестанно въ большомъ свѣтѣ (*il est très répandu*).

Вчера созданъ новый князь Зубовъ и три графа Марковыхъ; говорятъ, что война съ шведами рѣшена, но публично не смѣютъ говорить объ этомъ; вчера курьеръ привезъ извѣстіе, что шведы приближаются къ нашей границѣ; утверждаютъ, что великій князь Константинъ назначается въ походъ, слѣдовательно и мой мужъ съ нимъ. Г. Заводовскій рѣшительно выходитъ въ отставку. Австрійскій императоръ прислалъ подарки за раздѣлъ Польши и тройной союзъ, всѣмъ тѣмъ, которые принимали въ этомъ участіе; графъ Безбородко, Марковъ и Остерманъ получили его портреты, украшенные брилліантами; каждый портретъ оцѣняютъ въ 28,000 рублей. Князю Зубову онъ прислалъ солитеръ въ 50,000 рублей. Посланнику прусскому табакерку и 4,000 червонцевъ; англійскому посланнику—табакерку. Вотъ самыя свѣжія новости, любезнѣйшій князь! Я не все еще знаю, что происходитъ въ Петербургѣ, потому что мало съ кѣмъ видѣлась; вчера я была у графини Матюшкиной, которая очень много спрашивала объ васъ; три недѣли тому назадъ дочь ея родила, но больна лихорадкою, что, говорятъ, для нея очень опасно. Мать здорова и не старѣетъ. Въ воскресенье я буду представляться только императрицѣ. Великій князь Павелъ Петровичъ въ Гатчинѣ, и потому мнѣ не возможно въ этотъ день представиться молодымъ великимъ князьямъ и великимъ княгинямъ.

Мнѣ очень грустно, любезнѣйшій князь, что я лишена удовольствія васъ видѣть и, не смотря на всѣ удовольствія, здѣсь мнѣ общаема, не могу забыть, какъ я была счастлива въ Москвѣ, видя васъ часто; у меня много будетъ здѣсь знакомыхъ, но конечно не друзей; я всякій день вижусь съ княземъ Михаиломъ¹⁾ и молодыми князьями; они очень меня любятъ, часто бываютъ у меня и ведутъ себя очень хорошо. Посылаю въ двухъ ящикахъ табакъ молодому князю Прозоровскому, прошу васъ, любезнѣйшій князь, передать ему. Катеринѣ Александровнѣ Де-Лицыной я обѣщала прислать ноты, но я еще не слыхала никакой музыки. Сегодня вечеромъ отправляюсь на маленькій концертъ къ графинѣ Шуваловой, гдѣ я услышу знаменитаго Мандини. Завтра концертъ у моей невѣстки Прасковьи Андреевны. Надѣюсь, что она не забудетъ прислать мнѣ свои варіаціи. Княгиня Меншикова, вѣроятно, уже пріѣхала въ Москву, я встрѣтила ее, не доѣзжая 12 верстъ до Петербурга.

¹⁾ Князь Михаилъ Андреевичъ Голицынъ — родной братъ мужа княгини род. въ 1765 г., ум. въ 1812 г.; женатъ былъ на графинѣ Прасковѣ Андреевнѣ Шуваловой (писательницѣ), род. въ 1767 г., ум. въ 1828 году.

Цѣлую ваши руки, любезнѣйшій князь, прошу о продолженіи вашей дорогой для меня дружбы; обнимаю Катерину Александрову и Дапиньку; передайте мой поклонъ молодому князю Прозоровскому. До сихъ поръ я не могла передать письмо графини Суворовой ея сыну.

Я хотѣла послать за нимъ, но мой мужъ сказалъ, что этого не слѣдуетъ дѣлать потому, что это будетъ бесполезно и его не приплюютъ ко мнѣ; буду дожидаться случая, когда увижу его; меня увѣряли, что они уѣзжаютъ въ Москву; не знаю, правда ли это, но во всякомъ случаѣ, все чтò узнаю объ немъ, я не замедлю сообщить вамъ; рассказываютъ, чтò отецъ его, желая знать, умѣетъ ли онъ писать пофранцузски, велѣлъ ему написать нѣсколько словъ на этомъ языкѣ, и онъ написалъ: *chère maman, je vous aime de tout mon coeur.*

Матери прибавили еще 1,500 рублей пенсіи; мнѣ рассказывали, что молодой Суворовъ не исполняетъ своей службы (*ne fait pas même son service*) и его нигдѣ не видно. Вотъ всѣ наши новости, любезнѣйшій князь—ожидаю съ нетерпѣніемъ отъ васъ—вашихъ.

II.

Петербургъ. 10-го апрѣля, 1796 года.

Княгиня Меншикова, вѣроятно, пріѣхала уже въ Москву, и вы часто ее видите, я начинаю ревновать ее изъ страха, что ея пребываніе въ Москвѣ заставитъ васъ забыть меня, и увѣряю васъ, дорогой мой князь, что я искренно скучаю по васъ, и мнѣ нигдѣ не будетъ такъ хорошо, какъ въ Москвѣ, не смотря на то, что я всякій день въ разѣздахъ, имѣю много знакомыхъ; но не могу сказать, чтобъ это меня забавляло; этотъ образъ жизни мнѣ не по праву, и я нѣсколько разъ намѣревалась посидѣть дома, но мнѣ это не удается. То надо дѣлать визиты, то несносныя званые ужины, и я буду въ отчаніи, если все это будетъ продолжаться. Вотъ уже три недѣли какъ я здѣсь и съ самаго пріѣзда ни одного дня не просидѣла цѣлый день дома.

Графиню Матюшкину я не видала еще послѣ смерти ея дочери; говорятъ, жалко смотрѣть на нее, зная ея горе и разстроенное состояніе; она совершенно нищая, у нея не было ни копѣйки на похороны дочери, она написала къ императрицѣ и ей пожаловано 5,000 руб. Положеніе этой несчастной женщины ужасное: на рукахъ семь дѣтей, изъ которыхъ старшему семь лѣтъ. Она никого не хочетъ видѣть, и говорятъ даже, что она заговаривается (*qu'elle a des absences de raison*).

Исторія князя Гагарина надѣлала здѣсь много шума; говорятъ, что въ Москву послали нарочнаго для освидѣтельствованія, какую онъ продавалъ водку: настоящую или поддѣльную (*falsifié*)?

Новостей здѣсь особенныхъ никакихъ нѣтъ; о войнѣ со шведами перестали болтать, напротивъ, говорятъ о блистательныхъ празднествахъ въ Петергофѣ, по случаю ожидаемаго прибытія со-сѣда, который пріѣдетъ жениться на сосѣдкѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, въ Москвѣ больше знаютъ, чѣмъ здѣсь; здѣсь занимаются только игрою въ карты, концертами и ужинами; недостаетъ времени подумать объ чемъ нибудь. На будущей недѣлѣ мнѣ хочется говѣть; церковь въ домѣ Бецкаго рядомъ съ нашей, я часто хожу туда къ обѣднѣ и тамъ буду молиться на страстной недѣлѣ.

III.

Петербургъ. 28-го апрѣля, 1796 года.

Наконецъ, въ воскресенье на Пасху я была представлена великому князю-отцу, а на другой день великому князю Константину Павловичу, такъ что я все утро нѣсколько разъ переодѣвалась, чтобы въ время пріѣхать и въ Мраморный дворецъ, и въ Зимній, чтобы поздравить великаго князя до бала; въ великій четвергъ я пропустила почту и не писала о балѣ, потому что послѣ причастія очень устала. Балъ въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ былъ очень великолѣпенъ, потому что это былъ день рожденія императрицы; она была въ этотъ день очень весела. Я стояла вмѣстѣ съ моею невѣсткою и княгинею Радзивилль, когда императрица подошла къ намъ и разговаривала много съ ними; увидѣвъ меня, сказала, что я ея старая знакомая, что она съ удовольствіемъ видѣла меня въ Херсонѣ и въ Кременчугѣ, потомъ спросила, привыкаю ли я къ петербургской жизни? и, не дожидаясь моего отвѣта, продолжала: — «О! вы привыкнете!» Графинѣ Головиной, которая стояла возлѣ меня, императрица сказала обо мнѣ, чтобы она мнѣ давала уроки. На другой день графиня Шувалова рассказывала мнѣ, что императрица много говорила ей обо мнѣ и что я ей очень нравлюсь. Я пишу къ вамъ, любезнѣйшій князь, потому что знаю, какъ вы интересуетесь всѣмъ, что до меня относится. Дѣло князя Гагарина кончилось въ его пользу, и онъ торжествуетъ; освидѣтельствовали поставленную имъ водку, и Рожерсонъ выдалъ свидѣтельство, что она отличнаго качества; говорятъ, онъ привезъ сюда 150,000 руб., чтобы выпутаться изъ этого щекотливаго дѣла. Кончаю мое письмо, цѣлую ваши ручки и прошу о продолженіи вашей дружбы.

IV.

Петербургъ. 11-го мая, 1796 года.

Я не писала вамъ нѣсколько почтъ, но по правдѣ сказать, го-лова кружится отъ здѣшняго образа жизни; это очень утомительно,

но за то (en revanche) очень весело (bien amusant), и хоть я очень жалѣю быть въ разлукѣ съ тѣми, которыхъ я обожаю, но должна сознаться, что мнѣ здѣсь очень пріятно (je me plais ici infiniment); здѣсь все такъ оживлено, удовольствія очень разнообразны, всякій день что нибудь новое; на этой недѣлѣ я участвовала въ прелестной кавалькадѣ; мы завтракали у княгини Долгоруковой, а оттуда верхомъ проскакали черезъ весь городъ въ Екатерингофъ; каждый изъ насъ привезъ какое нибудь кушанье и образовался прекрасный обѣдъ; насъ было 25 персонъ; изъ мужчинъ всѣ иностранные министры, много поляковъ и князь Михаилъ Петровичъ Голицынъ, и такъ какъ я была изъ самыхъ храбрыхъ, то мы съ нимъ галопировали на славу.

Въ среду былъ маскированный балъ у графа Безбородко; этотъ праздникъ былъ прелестенъ и съ роскошью; великіе князья были, и я тамъ познакомилась съ моимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ; я танцевала съ нимъ контръ-дансъ, который продолжался цѣлый часъ; третьяго дня былъ балъ въ Таврическомъ дворцѣ, я была туда приглашена; балъ былъ прелестенъ. Императрица пришла въ садъ и заставила всѣхъ танцевать на травѣ; потомъ ужинали у великаго князя Александра Павловича и танцевали до двухъ часовъ ночи. Императрица подошла ко мнѣ и сказала, что я, вѣроятно, воображаю, что я въ Кременчугѣ, въ 1787 году ¹⁾. Сегодня она обѣдала у оберъ-шталмейстера Нарышкина; мой мужъ также тамъ обѣдалъ; говорятъ, у Нарышкина будетъ балъ, но я не знаю, кто будетъ танцевать, потому что онъ не пригласилъ ни замужнихъ, ни дѣвицъ танцующихъ, даже не всѣхъ фрейлинъ. Поговариваютъ, что послѣ завтра переѣзжаютъ въ Царское Село; мой мужъ отправляется туда, но не желаетъ, чтобъ я переѣхала пока не прикажетъ это императрица. Я нахожу, что онъ правъ, и мнѣ пріятнѣе отправиться туда, когда мнѣ прикажутъ, а не соваться самой. Наконецъ, мы видѣли представленіе знаменитой оперы «Камилла», въ которой княгиня Долгорукова прекрасно исполняетъ первую роль; музыка прелестная, сочиненная нарочно г. Мартини для лицъ, не имѣющихъ голоса. Эта пьеса слишкомъ раздирательна для домашняго спектакля; сюжетъ истинный, взятъ изъ писемъ о воспитаніи г-жи Жанлисъ, гдѣ она рассказываетъ исторію герцогини С., которая была заперта въ подземельѣ ревнивымъ мужемъ. Все было превосходно въ пьесѣ, прелестныя декораціи и un ensemble etonnant.

Присутствовало 300 человекъ зрителей. Былъ графъ Шереметевъ. Вы не можете себѣ представить, мой дорогой князь, какая разница графъ Шереметевъ въ Москвѣ или здѣсь; вообразите, что опера продолжалась четыре часа и графъ стоялъ въ дверяхъ при

¹⁾ Княгиня была въ Кременчугѣ во время пріѣзда туда императрицы.

входѣ въ партеръ, его безпрестанно толкали проходящіе, а молодые люди и не думали уступить ему мѣстечка; никто не скажетъ, что это тотъ же Шереметевъ. Недавно у посланника я не находила стула. Шереметевъ поспѣшилъ достать и принесть самъ; онъ здѣсь такъ ничтоженъ, что непонятно, отчего Петербургъ онъ предпочитаетъ Москвѣ. У насъ, здѣсь, теперь есть прекрасная (*superbe*) итальянская опера, и это очень прибавляетъ удовольствія къ здѣшней жизни. Французскій театръ здѣсь порядочный (*assez bon*). Сегодня я пожертвовала итальянскимъ спектаклемъ, чтобы имѣть честь писать вамъ.

V.

Царское Село. 2-го мая, 1796 года.

Наконецъ, дорогой мой князь, я поселилась (*je suis installée*) въ Царскомъ Селѣ. Въ послѣднемъ письмѣ, которое я имѣла честь писать къ вамъ, я выражала сомнѣніе, попаду ли сюда, но когда императрица объявила моему мужу, чтобъ онъ привезъ меня, *et que je sois de la société*, я отправилась тотчасъ и вчера, въ именины великаго князя Константина и великой княжны Елены, мы до обѣдни въ русскомъ платьѣ поздравляли великаго князя Константина Павловича, потомъ были у великаго князя-отца, Павла Петровича, потомъ я представлялась императрицѣ...

Она изволила милостиво сказать мнѣ:—«Вы будете жить съ нами». Потомъ всѣ были у обѣдни, потомъ мы обѣдали за большимъ столомъ (*au grand dîner*), послѣ обѣда ходили поздравлять великую княжну Елену Павловну; въ этотъ день въ Царскомъ Селѣ бываетъ ярмарка, которую посѣщаетъ императрица и весь дворъ, и мы тамъ были; потомъ переодѣвались, чтобъ поспѣть въ 6 часовъ ко двору. Императрица гуляла очень много съ г-жею Толстою-Барятинскою, которая была ей тутъ въ первый разъ представлена; она прожила три лѣта въ Царскомъ Селѣ и не была до сихъ поръ ни разу приглашаема.

Долго гуляли въ прелестномъ Царскосельскомъ саду и въ 8 часовъ возвратились во дворецъ; начался балъ; я протанцевала нѣсколько польскихъ и одинъ контрадансъ, но отъ усталости и жары, голова такъ разболѣлась, что я, почувствовавъ себя дурно, уѣхала (*je me retirai*); причиной этого было просто желудочное разстройство, потому что, послѣ рвоты, мнѣ стало гораздо лучше. Ночь я проспала хорошо, а теперь совершенно здорова. Обѣдала я сегодня у великаго князя Константина Павловича, который пригласилъ меня, когда только я хочу, обѣдать и ужинать у него каждый день. Послѣ обѣда опять переодѣнусь, чтобъ поспѣть въ 6 часовъ къ императрицѣ; я безпрестанно смотрю на часы, чтобъ не опоздать. Жизнь здѣсь чрезвычайно пріятна (*charmante*), нѣтъ никакихъ стѣсненій (*on n'y est point du tout gêné*) и, дѣйствительно (*en vérité*),

императрица такъ добра, что при ней никто не стѣсняется (on n'est pas plus embarrassé devant Elle, que devant des particuliers).

Мужъ мой въ восхищеніи отъ здѣшней жизни, онъ очень хорошъ со всѣми; однимъ словомъ, мы такъ привыкли къ этому образу жизни, какъ будто всегда такъ жили. Завтра предполагаю отправиться въ городъ, чтобы перевезти сюда нѣкоторыхъ моихъ дѣтей и хозяйство. Княгиня Юсупова уступила намъ свой домъ, куда я и помѣщу дѣтей. Квартира, гдѣ мы живемъ теперь очень мала и неудобна. Мужъ мой ничего не беретъ отъ двора, а потому мнѣ надо имѣть свое хозяйство, безъ чего я умираю отъ голода и жажды. Вы спрашивали меня, князь, о маленькомъ Суворовѣ; онъ здоровъ и его видятъ постоянно, гуляющимъ по улицамъ или по набережной; у меня онъ не былъ; я встрѣтила его съ сестрой его въ саду; я поцѣловала его и подошла къ его сестрѣ г-жѣ Зубовой и просила ее позволить ему приходить ко мнѣ, присовокупляя, что онъ такой близкій мой родственникъ, что я привыкла часто его видѣть, что его мать, дяди и всѣ его родственники спрашиваютъ меня объ немъ, и я не знаю, что имъ отвѣчать. Она покраснѣла и отвѣчала мнѣ, что ей извѣстно, что мы близкіе родственники, что она за обязанность и за удовольствіе сочтетъ сама привести ко мнѣ своего брата, наговорила мнѣ сотню любезностей и долго гуляла со мною въ саду. При ней былъ Хвостовъ,—вѣроятно, оттого она не смѣла откровенно говорить; кажется, она такая добрая и не вѣрится, чтобы все происходило отъ нея, а, вѣроятно, ей запрещено писать къ матери. У меня она не была, она живетъ въ Царскомъ. Я отправлюсь къ ней на дняхъ съ визитомъ¹⁾.

VI.

Царское Село 26-го мая 1796 г.

(Въ началѣ письма княгиня проситъ у князя Александра Михайловича участія содѣйствовать продажѣ ихъ Орловскаго имѣнія Михаилу Львовичу Измайлову, который желаетъ купить его. Они уступаютъ все за 275,000 въ томъ числѣ и долгъ Воспитательному дому 130,000 рублей).

...Послѣ объясненій о серьезныхъ дѣлахъ, сообщу вамъ, князь, что жизнь въ Царскомъ Селѣ, дѣйствительно, прелестна, каждый день она все болѣе и болѣе мнѣ нравится. Нѣтъ скучнаго однообразія, два дня сряду не дѣлаютъ одно и тоже: вчера былъ балъ, третьяго дня лотерея, въ пятницу прогулка въ открытыхъ экипа-

¹⁾ Извѣстно, что фельдмаршалъ Суворовъ находился въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ своей женѣ (рожденной княжнѣ Прозоровской). Онъ запрещалъ своей дочери, графинѣ Зубовой, имѣть какія либо сношенія съ матерью и съ родственниками. Сыну Суворова, Аркадію, было въ это время 12-тъ лѣтъ и онъ воспитывался у сестры.

жахъ; я была съ императрицей въ ея таратайкѣ. Она обходится со мною необыкновенно милостиво и любезно, что прибавляетъ много удовольствія въ здѣшней моей жизни; сегодня старшія дѣти мои переѣзжаютъ сюда, маленькія остаются въ городѣ, потому что мы хотъ и въ двухъ домахъ здѣсь, но не достаетъ имъ помѣщенія. Надѣюсь, что г. Носковъ вышлетъ мнѣ скоро маленькаго Александра, котораго я съ нетерпѣніемъ жду увидѣть; мой двоюродный братъ (beau-frère) Алексѣй¹⁾, уже четыре дня какъ живетъ въ Кайровѣ и говоритъ, что эта деревня прелестная.

Графъ Салтыковъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, рѣшительно уѣзжаетъ на два года въ свои имѣнія и пробѣдетъ черезъ Москву — болѣе новостей не знаю; цѣлую ваши ручки и проч.

VII.

5-го іюня, 1796 г.

Имѣю время на этотъ разъ написать къ вамъ, дорогой мой князь, только нѣсколько строчекъ, чтобъ увѣдомить о полученіи вашего письма и благодарить васъ за содержаніе его, наполненное веселою доброю. Я чрезвычайно устала отъ прогулокъ и отъ игры въ бары (jeu de bagges), а такъ какъ почта уходитъ завтра въ 6 часовъ утра, то я принуждена писать съ вечера и теперь уже полночь. Образъ жизни все тотъ же: въ хорошую погоду гуляемъ иногда пѣшкомъ, или въ экипажѣ, или по водѣ; въ дурную погоду императрица играетъ въ своей комнатѣ и мы тутъ же играемъ въ маленькія игры (aux petits jeux), шумъ страшный (un train terrible), кричатъ, поютъ, кувыркаются по полу (on se roule par terre...) и это ее забавляетъ; чѣмъ мы болѣе веселимся, тѣмъ она довольнѣе; на дняхъ я гуляла съ нею въ ея шлюпкѣ. Моя не-вѣстка (belle-soeur) живетъ Павловскѣ въ своемъ прекрасномъ домѣ и такъ какъ отъ Царскаго Села только 4 версты, то она ежедневно пріѣзжаетъ вечеромъ къ императрицѣ; эта милость ей разрѣшена уже давно. Они дѣйствительно уѣзжаютъ въ свои деревни и только задерживаетъ недостатокъ денегъ. Князь Юсуповъ беретъ на управ-лять всѣми ихъ имѣніями, онъ торопитъ ихъ уѣхать; я очень рада, что онъ взялся за это. Въ одномъ изъ вашихъ писемъ, вы спрашиваете меня, князь, участвуетъ ли моя не-вѣстка (belle-soeur) вмѣстѣ со мною во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ. О! безъ сомнѣ-нія! Она въ большой дружбѣ съ княгинею Долгоруковою, играютъ вмѣстѣ комедіи на театрѣ посланника (?), гдѣ и было представленіе оперы «Камилла»; теперь въ городѣ никого нѣтъ, всѣ на дачахъ, разъ въ недѣлю я уѣзжаю въ городъ навѣстить младшихъ дѣтей моихъ. Здѣсь у насъ нѣтъ никакихъ новостей, точно мы въ Китаѣ,

¹⁾ Князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ.

когда приѣдешь въ городъ, тамъ наслушаешься вдоволь. Г-жа Рибасъ торгуетъ у насъ имѣніе и мой мужъ поѣхалъ въ городъ, чтобы узнать рѣшительный отвѣтъ. Кончаю письмо, — цалую тысячу и тысячу разъ ваши ручки и прошу поцѣловать за меня Катерину и Дарью Александровну и Дашиныку также.

VIII.

Царское Село. 18-го іюня, 1796 г.

Болезнь помѣшала мнѣ двѣ почты писать къ вамъ. Я такъ сильно простудилась, что по милости неудобной здѣсь нашей квартиры, принуждена была переѣхать въ городъ и тамъ пролежала 8 дней въ постелѣ; я такъ сильно кашляла, что въ одну ночь удумала, что меня удупитъ.

Третьяго дня вечеромъ я возвратилась въ Царское Село, но такъ какъ простуда моя еще не совсѣмъ прошла, то я и не явилась къ императрицѣ; думаю сегодня быть у нея. Мой малютка, благодаря вамъ, приѣхалъ сюда совершенно здоровый, пробывъ 9 дней въ дорогѣ; милліонъ разъ благодарю васъ за снабженіе его хорошою подорожною, почтальнономъ и человѣкомъ изъ вашихъ слугъ. Присланнаго вашего кондитера я помѣщу въ ученіе къ лучшему мастеру; поваръ же вашъ теперь въ ученіи у князя Зубова, у котораго отличный поваръ и ежедневно столъ на 30 человѣкъ, тутъ онъ въ мѣсяцъ выучится скорѣе и лучше, чѣмъ въ 6 мѣсяцевъ въ другомъ домѣ.

(За тѣмъ княгиня сообщаетъ подробности о хлопотахъ по продажѣ имѣнія и объ неприятомъ денежномъ положеніи, особенно по случаю сдачи мужемъ полка, которымъ онъ командовалъ, будучи принужденъ заплатить за сдачу своему преемнику 11,000 руб.).

Я не была покойна, пока мужъ не раздѣлался съ полковымъ командиромъ, которому онъ сдалъ свой полкъ. Теперь намъ жизнь очень дорого стоитъ. Я живу съ мужемъ въ дворцовой квартирѣ, въ 4-хъ маленькихъ комнатахъ—нѣтъ ни кухни, ни конюшни, ни комнаты для камердинера и моей служанки, которые при насъ. За двѣ версты отъ насъ живутъ старшіе мои двое дѣтей, маленькая Юрѣва, француженка, англичанинъ и его жена; тамъ у меня мое хозяйство, я отправляюсь туда обѣдать и ужинать. Въ городѣ я оставила трехъ дѣтей: Александра, Николая и Софью, доктора и Ресуег. Тамъ тоже свое хозяйство—такъ что необходимо держать вдвое болѣе лошадей для нашихъ безпрестанныхъ поѣздокъ въ городъ и для провизіи, потому что здѣсь нельзя достать фунта говядины. Прежде отпускалъ столъ гофмаршалъ самъ, во время пребывания его въ Царскомъ, но съ нынѣшняго года это прекращено, не дають ничего и это преобразование и экономію при дворѣ устроили князь Барятинскій и Калищевъ. Всѣ умирають съ голоду,

а они ожидаютъ за это награды соразмѣрно съ сбереженіями, которыя они сдѣлали; говорятъ, расходы дѣйствительно уменьшились страшно; преобразованія коснулись даже стола ея величества, великаго князя-отца и другихъ; три мѣсяца, которые мы должны будемъ прожить здѣсь, будутъ намъ стоить дороже шестимѣсячной жизни въ городѣ.

Своѣкъ мой (*beau-frère*) ¹⁾ говоритъ безпрестанно, что уѣзжаетъ, но не видно никакихъ приготовленій къ отъѣзду; они все еще живутъ въ Павловскѣ, и моя невѣстка (*belle-soeur*) ежедневно пріѣзжаетъ въ Царское Село; ее особенно отличаетъ императрица, (*elle est extrêmement distinguée de l'Impératrice*), которая призываетъ ее къ себѣ и разговариваетъ съ ней по нѣскольку часовъ. Она постоянно больна, беременна, не можетъ съѣсть безнаказанно куска хлѣба безъ рвоты; мы всѣ три невѣстки (*belles soeurs*) теперь въ одинаковомъ состояніи. Мою невѣстку, жену князя Алексѣя ²⁾, вижу рѣдко. Она живетъ въ Кайровѣ, принимаетъ много гостей, даетъ часто большіе обѣды и ужины, на которыхъ я не была еще ни разу; два раза въ недѣлю она пріѣзжаетъ сюда навѣщать свою тетку, но ко мнѣ не заходитъ, такъ что по мѣсяцамъ мы съ ней не видимся; въ городѣ то же самое; она обѣдаетъ всякій день дома, а ужинаетъ у тетки. Я вижу, что я наскучила вамъ, дорогой мой князь, моимъ длиннымъ письмомъ, въ которомъ нѣтъ ничего интереснаго.

Забыла вамъ сказать о графинѣ Зубовой (дочери Суворова); вижу ее ежедневно при дворѣ и очень съ ней сблизилась, что не трудно, потому что она очень добраго сердца и очень глупа. Дѣйствительно, ея простота (*simplicité*) изумительна; однажды, я заговорила съ ней объ ея братѣ и сказала ей:—«Пожалуйста, графиня, заставьте вашего брата каждую почту писать къ матери; это жестоко оставить несчастную и бѣдную мать въ сторонѣ, отдаленно отъ ея дѣтей, которыя совершенно забыли объ ней, при томъ, она въ такой бѣдности, что едва ли выдержать и наложить сама на себя руки; когда ее видѣли въ послѣдній разъ, она была въ самомъ жалкомъ положеніи, а теперь, говорятъ, еще хуже».

Я спросила графиню, отчего она сама не пишетъ къ своей матери, имѣя возможность утѣшить этимъ несчастную и доказать свое доброе сердце, которое всѣ хвалятъ. Она мнѣ отвѣчала:—«Развѣ она очень нездорова и жалка? братъ мой пишетъ къ ней каждую почту, могу васъ въ этомъ завѣрить, потому что я отправляю его

¹⁾ Князь Михаилъ Андреевичъ, камергеръ, тайный совѣтникъ, род. въ 1765 году, ум. въ 1812, съ 1787 женатъ на графинѣ Прасковѣ Андреевнѣ Шуваловой.

²⁾ Князь Алексѣй Андреевичъ, шталмейстеръ, тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ, род. 1767, ум. 1800, съ 1791 женатъ былъ на Александрѣ Петровнѣ Протасовой, умершей въ 1842 г. въ Парижѣ католичкою.

письма; но мнѣ невозможно ей писать, это совершенно другое дѣло, есть обстоятельства, которыя не позволяютъ мнѣ это дѣлать». Зная ея добрую душу, я увѣрена, что она это дѣлаетъ только по глупости. Она обѣдаетъ каждый день съ императрицею, этой чести не имѣетъ ни одна изъ придворныхъ дамъ, но отъ этого она не дѣлается любезною, или разговорчивою и едва говоритъ,—императрица тоже съ ней не разговариваетъ никогда (*ne lui parle jamais*).

IX.

Царское Село. 17-го іюля, 1796 года.

Со всѣмъ моимъ желаніемъ писать къ вамъ всякую почту, для меня это невозможно, потому что мнѣ надо цѣлый день, чтобы написать отвѣты на всѣ письма, которыя я получаю и еще часто должна отвѣчать и за моего мужа, который никому не пишетъ писемъ. Хотя мы и ничѣмъ особенно не заняты въ Царскомъ, но все-таки надо всякій день являться при дворѣ, возвращаюсь къ себѣ въ 10 часовъ и отправляюсь ужинать за двѣ версты къ дѣтямъ, гдѣ обѣдаю ежедневно; увѣряю васъ, добрѣйшій князь, что въ течение дня наберется едва часа два свободныхъ, и къ этому часто нездоровится—у меня бываютъ боли подъ сердцемъ, и еще *dans les reins*, которыя мѣшаютъ мнѣ чѣмъ нибудь заниматься.

Мы хотимъ распорядиться такъ: займемъ въ банкѣ 80,000 рублей, приложимъ изъ доходовъ 20,000, это составитъ 100,000 рублей, которыми уплатимъ наши частные долги и останемся должны только банку и ломбарду; эту зиму я проведу въ Москвѣ, въ апрѣлѣ отправлюсь въ деревню, гдѣ проживу лѣто и осень. Надѣюсь, Богъ намъ поможетъ устроить все, не продавая ничего; мы получаемъ достаточно доходовъ и если проживемъ 6 или 7 мѣсяцевъ въ деревнѣ, то не проживемъ и половины доходовъ. Этотъ годъ былъ для насъ ужасенъ! Постройка, переѣздъ въ Петербургъ, сдача полка моимъ мужемъ, карточные его долги—все это скопилось одно за другимъ! Въ будущемъ году этихъ расходовъ не будетъ, и увѣряю васъ Богомъ, что мужу моему окончательно опротивѣли азартныя игры, и онъ играетъ теперь въ бостонъ, по одному и по два червонца; это большая игра, но въ Царскомъ Селѣ, никто по меньшей цѣнѣ не играетъ; это коммерческая игра, и такъ какъ онъ играетъ въ нее хорошо, то и не дѣлаетъ большихъ проигрышей.

X.

Петербургъ. 28-го іюля, 1796 года.

Я все больна съ тѣхъ поръ, какъ писала вамъ послѣдній разъ письмо, которое не могла даже кончить отъ боли въ рукѣ... 8 дней лежала въ постели въ Царскомъ Селѣ, но квартира такая отвра-

тительная, гдѣ мы живемъ, вѣтеръ отовсюду изъ пола, изъ оконъ, изъ стѣнъ, и я едва начала поправляться, какъ снова слегла, потомъ попросилась поѣхать къ belle-soeur въ Павловскъ, тамъ пролежала два дня, и рѣшилась переѣхать сюда въ городъ и не выѣду пока совершенно не поправлюсь.

Весь городъ заинтересованъ теперь прибытіемъ сюда шведскаго короля съ регентомъ къ 20 числу будущаго мѣсяца. Шведскій посланникъ приготовилъ для нихъ свой домъ, что заставляеть предполагать, что король приѣдетъ инкогнито. Въ Царскомъ Селѣ мы ничего объ этомъ не слыхали, тамъ нѣтъ новостей, всѣ онѣ узнаются въ городѣ. Императрица не показывалась со вторника и потому не было при дворѣ собраній; у нея распухла щека (fluxion) что мѣшаетъ ей выходить, и она проводитъ время въ своихъ внутреннихъ комнатахъ съ приближенными: графъ Зубовъ, Пассекъ, Барятинскій, Эстергази, Строгоновъ, Ламбертъ и Штакельбергъ; изъ дамъ: Анна Спиридоновна и графиня Зубова. Говорятъ, какъ только она поправится, то переѣдетъ въ городъ и начало осени проведетъ въ Таврическомъ дворцѣ. Я очень бы желала, чтобы поскорѣе переѣхали въ городъ; эти безпрестанные переѣзды и содержаніе двухъ хозяйствъ и дѣроги и нестерпимы.

Мужъ мой въ началѣ августа имѣлъ намѣреніе съѣздить въ Москву, единственно, чтобы повидаться съ вами, испросить ваше мнѣніе и совѣтъ объ его проектѣ, выпросить себѣ въ февралѣ отпускъ на два года, чтобы жить лѣтомъ и осенью въ деревнѣ, а зимою въ Москвѣ, заплатить свои долги. Если ему откажутъ въ отпускѣ, онъ хочетъ совсѣмъ оставить службу, но безъ вашего совѣта онъ ни на что не рѣшится. Теперь же приѣздъ короля шведскаго помѣшаетъ его поѣздкѣ, потому что его не отпустить.

(Объяснивъ далѣе причины, почему не продается ихъ орловское имѣніе и необходимость заплатить проценты 16,000 рублей воспитательному дому по залогу имѣнія, княгиня проситъ у князя въ займы этихъ денегъ).

Князь Михаилъ Андреевичъ уѣзжаетъ черезъ 8 дней въ Москву; домъ ихъ въ Москвѣ нанялъ г. Жеребцовъ на два года; они будутъ жить въ Москвѣ въ моемъ домѣ и останутся только два дня. Князь Алексѣй Андреевичъ тоже уѣхалъ и, вѣроятно, уже въ Москвѣ.

XI.

Петербургъ. 31 іюля, 1796 года.

Въ послѣднемъ письмѣ я сообщила вамъ о приѣздѣ короля шведскаго; онъ навѣрное приѣдетъ сюда 15 августа. Императрица отдала особенное приказаніе, какъ должны быть одѣты дамы къ его приѣзду; говорятъ, что онъ приѣдетъ подъ чужимъ именемъ; будутъ блистательные праздники; онъ будетъ жить въ домѣ моего свояка, князя Михаила Андреевича. Императрица приказала моей belle-soeur,

отдать свой домъ королю, это рядомъ съ домомъ Сутерланда и домомъ шведскаго посланника, который принадлежалъ вамъ. 3 августа, т. е. въ будущее воскресенье, король выѣдетъ изъ Стокгольма; поправляютъ дороги, строятъ новые мосты и императрица переѣзжаетъ изъ Царскаго Села въ Таврическій дворецъ; мужъ мой пишетъ мнѣ, что она останется въ Царскомъ до вторника, потому что въ понедѣльникъ минетъ 6 недѣль послѣ родовъ великой княгини и въ этотъ день послѣдуютъ официальные ей поздравленія. Завтра я уѣду въ Царское, чтобъ пробыть послѣдніе четыре дня пребыванія тамъ императрицы. Приѣздъ короля занимаетъ весь городъ, только и разговору о предстоящихъ празднествахъ. Императрица очень весела и сказала моей *belle-soeur*, чтобы она не уѣзжала во все время пребыванія въ Петербургъ шведскаго короля, что весь августъ пройдетъ въ праздникахъ; это очень стѣснило мою *belle-soeur*—въ настоящую минуту у нихъ нѣтъ ни дома, ни людей, ни экипажей—вотъ уже 8 дней какъ она отправила все въ Юнаковку и надняхъ сама хотѣла уѣхать; теперь хлопочутъ нанять домъ; вчера, для этого мой *beau-frère* приѣзжалъ нарочно въ городъ. Никто не ожидалъ, что такъ скоро приѣдетъ шведскій король, начали уже было говорить и за и противъ; императрица не показывалась въ теченіе 8 дней и всѣ предполагали, что получены какія нибудь неблагоприятныя вѣсти, но, слава Богу, все разрѣшается согласно ея желаніямъ; многія частныя лица дадутъ праздники, говорятъ, между прочимъ, графъ Строгоновъ, оберъ-штальмейстеръ Нарышкинъ, графъ Безбородко, графъ Самойловъ. Къ 1-му сентября приказано изготовить блистательный фейерверкъ. Приготавливаютъ новыя оперы и весь городъ въ волненіи. Мы же (*pour nous autres*) съ своей стороны заняты приготовленіемъ туалетовъ, что обходится очень дорого, тѣмъ болѣе что молдавскія платья (*les habits moldaves*) не пригодятся ни на что, а надо приготовить такія же, но богатые платья и притомъ въ большомъ количествѣ, чтобъ на каждомъ праздникѣ быть въ новомъ платьѣ. Императрица любитъ только такія платья и великія княжны носятъ только одни молдаванки (*les moldaves*) съ очень длинными таліями.

Будущая королева прелестна! Ей 14 лѣтъ, она выше меня ростомъ *une physionomie charmante, un teint d'un eclat eblouissant*, она умна и необыкновенно любезна; съ нею обходятся, какъ съ взрослою (*on la traite déjà en personne raisonnable*) она постоянно играетъ въ бостонъ съ пожилыми дамами. Императрица обожаетъ ее и замѣтно, что она ея любимица.

Князь Алексѣй Андреевичъ долженъ быть теперь въ Москвѣ, куда онъ приѣдетъ изъ Самойловки, чтобы видѣться съ вами и потомъ опять уѣдетъ въ деревню; жаль что онъ не увидитъ короля и всѣ празднества, которыя будутъ великолѣпны. Я думаю, что

мнѣ ничто не помѣшаетъ уѣхать зимою въ Москву и провести въ Михайловкѣ будущее лѣто и осень? Мой мужъ? Это другое дѣло. Хоть онъ и хочетъ выдти въ отставку, если ему не дадутъ отпуска, но я думаю, что онъ этимъ подвергнется немилости императрицы, которая такъ добра къ нему. Она все сдѣлала для него, что онъ желалъ: дозволила ему носить военный мундиръ, не стѣсняетъ его обязанностями придворной службы, ему дозволено являться къ великому князю (Константину Павловичу), когда онъ желаетъ, князь Зубовъ обѣщалъ включить его въ военный списокъ; и хотя мнѣ очень хочется, чтобы онъ оставилъ службу, но я не рѣшаюсь поддерживать его въ этомъ намѣреніи изъ страха, что это можетъ повредить ему; я тоже должна сознаться, что и ко мнѣ много милостей, со мною обходятся наравнѣ съ графинею Головиною, которая очень давно при дворѣ, и я увѣрена, что это дѣлается съ цѣлью привязать ко двору моего мужа, и я боюсь, что если онъ будетъ настаивать объ отпускѣ, или объ увольненіи отъ службы, его обвинятъ въ неблагодарности...

Зная, что вы интересуетесь нами, какъ отецъ своими дѣтьми, я увѣряю васъ, что мы не расходуетъ ни копѣйки на какіянибудь фантазіи, а, между тѣмъ, расходы очень велики: столъ у насъ не роскошный, небольшой, такой же какъ былъ въ Москвѣ, поваръ французъ; вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ у насъ; первый мѣсяцъ стоилъ 480 руб. а настоящій 500 руб.—а у другихъ такой же столъ стоитъ 900 или 1,000 руб. Однимъ словомъ, мы экономничаетъ съ моимъ мужемъ sans mesquinerie.

Мужъ мой въ Царскомъ Селѣ, я не смѣла сообщить ему вашего письма, извините его неакуратность. Онъ рассчитываетъ на меня, и хоть нѣтъ намъ особеннаго дѣла при дворѣ, но постоянно въ какой-то суетѣ и не видишь, какъ пройдетъ день.

Мужъ мой сейчасъ возвратился изъ Царскаго; говорить, что шведскаго короля ждутъ 10 числа августа, и онъ пробудетъ до 10 сентября. Императрица сказала моей belle-soeur, что дамамъ необходимо надѣлать побольше платьевъ, потому что будетъ много празднествъ.

XII.

Петербургъ. 14-го августа, 1796 г.

... Шведскій король пріѣхалъ вчера вечеромъ, въ 8 часовъ; я была въ это время на Англійской набережной; онъ пріѣхалъ въ зеленой коляскѣ съ регентомъ, но я не успѣла хорошенько видѣть его; говорятъ, онъ очень похожъ на вашего племянника, князя Александра Михайловича¹⁾; и, дѣйствительно, я нашла сходство; онъ

¹⁾ Сынъ князя Михаила Михайловича, родного брата оберъ-камергера, род. въ 1770 г., ум. въ 1821 г. въ Парижѣ. Женатъ былъ на княжнѣ Натальѣ Федоровнѣ Шаховской. Въ 1806 году онъ былъ гофмейстеромъ вел. княг. Елены Павловны.

большого роста, худой, такимъ онъ показался, когда стоялъ на балконѣ. Завтра я его увижу въ Эрмитажѣ и сообщу подробно. Сегодня поутру и вечеромъ онъ гулялъ въ Лѣтнемъ саду; еслибъ я это знала, то пошла бы туда,—это напротивъ нашего дома. Мой мужъ послалъ вамъ программу празднествъ. Сегодня императрица перѣѣхала въ Зимній дворецъ, а послѣ завтра опять возвратится въ Таврическій. Такъ какъ король остается только до 1-го сентября, то празднества назначены ежедневно... увидимъ, какъ это будетъ.

XIII.

Петербургъ. 21-го августа, 1796 г.

...Я до смерти устала отъ всѣхъ этихъ празднествъ; еще къ счастью они оканчиваются всегда до полуночи. До сихъ поръ я не пропустила ни одного, и только не приглашена къ оберъ-шталмейстеру Нарышкину; онъ приглашаетъ только статсъ-дамъ и своихъ знакомыхъ дамъ, очень странныхъ (*qui sont fort extraordinaires*), изъ насъ никого не приглашаетъ, потому что мы не бываемъ у него, и онъ мститъ за это, не приглашая насъ; на завтра я приглашена въ Таврическій дворецъ на маленькій концертъ, гдѣ будетъ только 5 или 6 дамъ, это меня утѣшаетъ, что я не буду на балѣ Нарышкина. Здоровье мое, благодаря Бога, поправляется...

XIV.

Петербургъ. 22-го августа, 1796 г.

Король шведскій пріѣхалъ 13-го августа въ 8 часовъ вечера; 14-го при дворѣ ничего не было; 15-го былъ въ Эрмитажѣ балъ и ужинъ; 16-го великій князь Павелъ Петровичъ пріѣхалъ изъ Павловска. Король обѣдалъ у него въ Зимнемъ дворцѣ; 17-го, онъ обѣдалъ въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ былъ русскій спектакль, давали «Ивана царевича», чтобы показать ему русскіе костюмы; въ этотъ же день великіе князья, передъ спектаклемъ, были у него съ визитомъ; 19-го, великіе князья обѣдали у короля вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ и своими гофмаршалами; послѣ обѣда былъ балъ у великаго князя Александра Павловича въ Зимнемъ дворцѣ; 20-го, шли въ Эрмитажѣ французскій спектакль, давали «Охота Генриха IV» (*Le parti de chasse de Henri IV*) и балетъ Александра (?); 21-го, балъ у вице-канцлера на дачѣ¹⁾, гдѣ были императрица и вся царская фамилія; пригла-

¹⁾ На приморской его дачѣ, по Петергофской дорогѣ. По прибытіи императрицы произведена пушечная пальба и играда, разставленная по разнымъ мѣстамъ въ обоихъ садахъ музыка: роговая, духовая и вокальная. Танцевальная зала украшена была гирляндами, и на хорахъ, кромѣ оркестра, находились многіе
«истор. вѣстн.», октябрь, 1887 г., т. xxx.

шенныхъ было болѣе 300 лицъ; сегодня, 22-го числа, король съ великими князьями смотрѣли кадетское учение и потомъ были во французскомъ спектаклѣ; завтра въ Таврическомъ дворцѣ будетъ концертъ любителей, въ немъ участвовать будутъ великія княжны, придворныя дамы и дѣвицы, — онѣ будутъ пѣть и играть на клавиеснѣ и на арфѣ; приглашенъ только маленькій царскосельскій кружокъ, даже не приглашены статсъ-дамы и фрейлины. Въ субботу балъ у оберъ-шталмейстера, въ воскресенье у посланника австрійскаго, Кобенцеля, въ понедѣльникъ у графа Строгонова въ городѣ. Онъ приготовилъ праздникъ на дачѣ, но императрица нашла, что утомительно ѣхать веселиться на дачу. Во вторникъ балъ у графа Самойлова, а въ четвергъ у Безбородко. 29-го числа большой балъ при дворѣ; 1-го сентября фейерверкъ; маскарадъ отложенъ до 6-го сентября, такъ какъ король намѣренъ продлить здѣсь свое пребываніе и не желаетъ быть въ маскарадѣ по грустному для него воспоминанію объ отцѣ своемъ, который былъ раненъ въ маскарадѣ; но его уговорили быть въ маскарадѣ и обѣщали, что всѣ будутъ безъ масокъ, и онъ согласился. Императрица и великій князь Павелъ Петровичъ въ восхищеніи отъ него, да и всѣ. Онъ прекрасной наружности, хорошо сложенъ (*la taille la plus élégante*) чрезвычайно учтивъ, очень уменъ и скромнъ (*et un doux charmeur*). Императрица обращается съ нимъ какъ съ королемъ, хотя онъ еще графъ Гага; когда онъ стоитъ, и она разговариваетъ съ нимъ стоя; онъ носитъ нашу андреевскую ленту, а императрица шведскую; онъ идетъ впереди великаго князя наследника; никто не присутствовалъ при первомъ его свиданіи съ императрицею; она вмѣстѣ съ нимъ вышла въ залу, гдѣ мы всѣ находились, и никого ему не представила; но на другой день, въ Таврическомъ дворцѣ, она его познакомила со всѣми дамами, которыя тогда тамъ были. Регентъ совсѣмъ другой наружности, нежели его племянникъ; небольшого роста и не красивъ лицомъ; онъ восхищается великою княжною Александрою Павловною, но король не отдаетъ ей предпочтенія и танцуетъ одинаково со всѣми великими княжнами, однако увѣряютъ, что она ему очень нравится; онъ возвратилъ уже принцессѣ Мекленбургской ея портретъ и получилъ отъ нея обратно свой и, конечно, если бы не было все улажено, онъ не пріѣхалъ бы сюда, такъ что нѣтъ причины сомнѣваться, чтобы не исполнились наши ожиданія. Король здѣсь очень нравится; великая княжна уѣдетъ отсюда не иначе какъ королевою, свадьба

почетные зрители. Къ вечеру фасадъ дома и оба сада были освѣщены и такъ было устроено, что въ верхнемъ прозрачномъ щитѣ и въ нижнемъ храмѣ были видны изъ помянутой залы сквозь стеклянныя двери. Ужинъ былъ въ разныхъ комнатахъ. Балъ продолжался до второго часа за полночь, но императрица и вся царская фамилія и король шведскій уѣхали въ началѣ перваго часа. («Спб. Вѣд.» 1796 г., № 74).

же совершится по представительству (par procuration). Графъ Гага совершитъ этотъ бракъ отъ имени короля; увѣряютъ, что великій князь Александръ Павловичъ будетъ сопровождать великую княжну до Фридрихсгама; потомъ ее проводятъ до границы, но, переѣхавъ границу, при ней не останется никто изъ русскихъ. Лица особеннаго шведскаго придворнаго штата проводятъ ее до Стокгольма, т. е. тѣ же самыя лица, которыя были назначены для встрѣчи принцессы Мекленбургской. Все это только слухи. Но ничего вѣрнаго — впрочемъ, много правдоподобнаго. Король будетъ совершеннолѣтнимъ только 1-го ноября, къ этому-то времени пріѣдетъ туда великая княжна. Послѣ свадьбы будетъ его коронація, также и ея. Она прелестна (*charmante*)! дай Богъ ей всякаго воображимаго счастья; lui aussi est parfait, прекраснаго, говорятъ, характера, умень, твердъ и доброты неисчерпаемой. Шведы всѣ его обожаютъ. До сихъ поръ всѣ празднества состояли въ однихъ только балахъ и потому описаніе подробностей будетъ излишнее: танцовали и потомъ ужинали, послѣдующіе балы будутъ такіе же. Король счастливъ, потому что страстно любить танцовать...

Будьте добры, сообщите все это моей матери, потому что у меня недостаетъ времени сообщать новости каждому отдѣльно.

XV.

Петербургъ. 24-го августа, 1796 года.

Скажу вамъ, дорогой князь, что мы всѣ до смерти устали отъ этихъ увеселеній; нѣтъ ни одного дня отдыха; встаемъ поздно и всюду надо поспѣвать къ 5-ти часамъ. Это просто наказаніе (*surprise*). Не понимаю, какъ выдерживаетъ все это императрица. Она увѣрена, что это нисколько не утомляетъ; вчера она обѣдала у оберъ-шталмейстера ¹⁾ и оставалась тамъ до 9-ти часовъ вечера; третьяго дня былъ концертъ любителей въ Таврическомъ дворцѣ. Великія княжны пѣли, играли на клавесинѣ и на арфѣ. Графиня Головина и графиня Толстая пѣли дуэтъ и каждая особую арію; на этотъ концертъ приглашены были, кромѣ этихъ двухъ дамъ, только моя невѣстка (*belle-soeur*) Прасковья Андреевна, мадамъ Эстергази, графиня Зубова, Суворова и я; ни одной статсъ-дамы, ни флейлины, только тѣ, которыя живутъ въ Таврическомъ дворцѣ; послѣ концерта, въ этой же самой залѣ танцовали и было очень весело; тѣ же любители, которые участвовали въ концертѣ, иг-

¹⁾ У Льва Александровича Нарышкина, въ новомъ его домѣ на Мойкѣ. Императрица прибыла во 2-мъ часу по полудни, вмѣстѣ съ великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами съ ихъ супругами, также съ великими княжнами Александрю и Еленою Павловною; къ этому же времени прибылъ и король шведскій съ регентомъ и со всею свитою. «Во время стола играли и пѣты хоры на сей случай сочиненные». («Спб. Вѣд.» 1796 № 70),

рали во время бала; это былъ прелестный маленькій балъ; послѣ бала король со всею свитою ужиналъ у графа Зубова. Императрица удалилась и при дворѣ ужина не было. Сегодня для короля назначенъ французскій спектакль съ балетомъ въ Большомъ театрѣ. Мы приглашены на завтра къ Строгонову, а послѣ завтра къ Самойлову; голова кружится отъ празднествъ; посланникъ Кобенцель отложилъ свое празднество до 2-го сентября. Король остается до 10-го, онъ возитъ ко всѣмъ визитныя карточки; прилагаю при семъ большой пакетъ всѣхъ полученныхъ мною визитныхъ карточекъ, и, по которымъ, вы можете судить о присутствующихъ здѣсь лицахъ. Регентъ, повидимому, въ хорошихъ отношеніяхъ съ императрицею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и безпрестанно около великой княжны Александры Павловны. Племянникъ становится уже не такъ застѣнчивъ и больше разговариваетъ съ великою княжною, и они каждый день все менѣе и менѣе конфузятся одинъ другого. Вотъ все, что пока теперь, добрѣйшій князь, имѣю сообщить вамъ; говорятъ только о королѣ и о празднествахъ, и, когда онъ уѣдетъ, заговорятъ объ чемъ нибудь другомъ... По правдѣ сказать, я бы желала, чтобы онъ поскорѣе уѣхалъ,—всѣ эти празднества утомляютъ, все это одно и тоже, безпрестанные балы...

Старикъ графъ Чернышевъ, Иванъ Григорьевичъ, скоро сюда пріѣдетъ, онъ счастливъ, что сынъ его женится на Самариной.

XVI.

Петербургъ. 27-го августа, 1796 г.

... Мы уже очень устали и даже намъ наскучили празднества, нѣтъ дня отдыха; вчера былъ балъ у Самойлова ¹⁾, неслыханно великолѣпный (*d'une magnificence inouïe*)—домъ прекрасный, *une vaiselle en vermeille magnifique*, и рѣдко, гдѣ увидишь такую фарфоровую посуду. Графъ Строгоновъ также давалъ блистательный праздникъ,—это былъ балъ съ ужиномъ, и за большимъ столомъ былъ plateau, стоящій 60,000 рублей, въ серединѣ золотой орелъ, держащій шифръ императрицы, сдѣланный изъ брилліантовъ. Вчера онъ угощалъ короля завтракомъ у себя на дачѣ. Король и великія князья смотрѣли экзерпицію конной артиллеріи не далеко отъ дачи графа Строгонова и потомъ заѣхали къ графу, гдѣ былъ завтракъ, который скорѣе можно назвать обѣдомъ; приглашены были только шведы и нѣкоторые придворные, ни одной дамы. Послѣ обѣда, всѣ ѣздили смотрѣть, и я также, катанье на лодкахъ

¹⁾ Балъ у Самойлова продолжался до 2-хъ часовъ ночи; гостей было до 400 персонъ. Около дома стеченіе народа было чрезвычайное, и домъ во все время былъ иллюминированъ. («Спб. Вѣд.» 1796 г. № 72).

по Невѣ—ихъ было до 60-ти съ разными музыками. Картина была прелестная. Послѣ обѣда у Строгонова, король ѣздилъ смотрѣть еще какія-то военныя эскерціи.

Сегодня императрица обѣдаетъ у графа Безбородки, а мы всѣ явились туда въ 5 часовъ на балъ ¹⁾.

Вопросъ о свадьбѣ, кажется, рѣшенъ: регентъ на нашей сторонѣ. Король былъ въ Невскомъ монастырѣ и пожаловалъ монаху, который водилъ его, 400 червонцевъ, въ кружку положилъ 5,000 рублей и роздалъ нищимъ 400 рублей серебряною монетою. Это очень щедро; онъ торгуетъ, какъ говорятъ, какой-то бриллиантъ въ 80,000 рублей, но для кого—неизвѣстно. Повидимому, ему здѣсь очень нравится; перваго числа будущаго мѣсяца будетъ знаменитый фейерверкъ, почти передъ нашимъ домомъ; онъ стоитъ 45,000 рублей, весь садъ (Лѣтній) будетъ иллюминированъ и ко мнѣ много пріѣдетъ знакомыхъ посмотреть изъ окошекъ. Вы замѣчаете справедливо, добрѣйшій князь, что пріѣздъ короля есть интересное событіе; всѣ принимаютъ участіе въ этомъ бракѣ и это большое счастье, что у нашей великой княжны будетъ такой совершенный мужъ (*si assompli*), потому, что всѣ увѣряютъ, что у него нѣтъ никакихъ пороковъ и всѣ достоинства быть замѣчательнымъ человѣкомъ (*pour faire un grand homme*) и, при томъ, съ прекрасною наружностію. Надняхъ награвировали его портретъ, и какъ только достану, тотчасъ пришлю къ вамъ.

Я не успѣла вчера докончить этого письма по случаю бала у графа Безбородки, куда я пріѣхала до 6-ти часовъ. Императрицу я не застала уже,—она тамъ обѣдала. Графъ устроилъ прелестный особенный входъ (*une rampe*) въ свой домъ для императрицы, чтобы избавить ее отъ входа по лѣстницѣ. Впрочемъ, графиня Строгонова перескажетъ вамъ подробно всѣ здѣшнія новости, но не думаю, чтобы она рассказала что нибудь новое, сверхъ того, что я написала вамъ. Письмо это посылаю съ нею,—она увѣзжаетъ сегодня.

XVII.

Петербургъ.— Безъ числа.

... Кажется въ послѣднемъ письмѣ моемъ, я остановилась на праздникѣ графа Безбородко 28-го числа, который былъ прелестенъ, и 29-го числа имѣла честь писать къ вамъ письмо съ графиней Строгоновой. 30-го числа, въ день Александра Невскаго большою

¹⁾ Императрица уѣхала съ бала въ 8-мъ часу въ Таврической дворецъ, а цесаревичъ въ Павловское. Великая княгиня Марія Теодоровна съ прочими особами императорской фамилии остались и въ одиннадцатомъ часу ужинали вмѣстѣ съ королемъ шведскимъ и послѣ ужина балъ продолжался до 3-го часа ночи. («Спб. Вѣд.» 1796 г. № 72).

балъ при дворѣ, въ русскихъ платьяхъ. Въ этотъ день регентъ получилъ ордена св. Андрея и Александра. Королю императрица подарила богатый подарокъ: орденскій крестъ (сраchat) изъ брилліантовъ и драгоцѣнный камень на галстухъ въ 70 тысячъ руб., — весь этотъ подарокъ оцѣнивають въ 250 тысячъ руб. На другой день 31-го большой эрмитажъ (grand hermitage) съ серьезною оперою «Пальмира». Сюжетъ заимствованъ изъ сказки Вольтера: «Принцесса Вавилонская»; музыка превосходная; постановка, костюмы богатые. 1-го сентября, огромный маскарадъ; я не поѣхала, боясь толпы и толкотни; императрица спросила моего мужа, отчего я и моя невѣстка ¹⁾ не пріѣхали; онъ объяснилъ причины; императрица послала за нами и приказала, не заботясь очень о туалетѣ, немедленно явиться въ Тронную залу, куда она удалилась въ великими княжнами, шведами и нѣкоторыми придворными дамами и фрейлинами; придя въ залу, мы поспѣшили поцѣловать руку императрицы и благодарить за ея милостивое вниманіе. Она намъ сказала: «Посмотрите вокругъ себя, кажется, вы не въ дурной компаніи!» Потомъ обратилась ко мнѣ:— «Вы, вѣрно, удивились, что я послала за вами?» Потомъ она приказала намъ отправиться вмѣстѣ съ нею ужинать къ великому князю Александру Павловичу, гдѣ мы и ужинали, а на другой день былъ балъ у императорскаго посланника графа Кобенцеля. Великій князь Павелъ Петровичъ пріѣхалъ нарочно изъ Павловска и тутъ у посланника устроилось дѣло о бракосочетаніи короля. Затрудненіе состояло въ томъ, что императрица не желала, чтобы великая княжна измѣнила свою религію и, наконецъ, согласилась на это; надобно было видѣть, какъ отъ души съ радости всѣ обнимались; регентъ цѣловалъ руки у императрицы, она цѣловала его въ щеку; потомъ онъ цѣловался въ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, видно было, что все уладилось. Король остается до 15-го сентября и, по возвращеніи своемъ въ Стокгольмъ, онъ пришлетъ графа Бакмейстера просить руки великой княжны, потомъ пріѣдетъ сюда регентъ и отвезетъ ее въ Швецію; неизвѣстно, пріѣдетъ ли и самъ король съ нимъ; обо всемъ этомъ говорятъ только на ухо и даже не многіе все это знаютъ; я знаю отъ моей свояченицы, которой все это рассказалъ самъ регентъ, и мы не рассказываемъ, и не желаемъ, чтобы говорили, что эти новости передаются отъ насъ. Вчера былъ знаменитый фейерверкъ; букетъ состоялъ изъ 600,000 ракетъ, картина была чудесная и громъ страшный. Сегодня король обѣдалъ въ Павловскѣ у великаго князя Павла Петровича и, послѣ обѣда, давали тамъ прелестную италіанскую оперу «la Vilariella»; завтра большой балъ во дворцѣ, по случаю именинъ великой княгини

¹⁾ Шувалова Прасковья Андреевна, жена князя Михайла Андреевича Голицына.

Елизаветы Алексѣевны. Вотъ конецъ; продолженіе съ слѣдующею почтою.

XVIII.

Петербургъ. 4 сентября, 1796 года.

...Вы знаете все, что здѣсь происходитъ. Прилагаю, добрѣйшій князь, гравированный портретъ графа Гага очень похожій, онъ въ мундирѣ, который часто носить: голубого цвѣта съ обшлагами, жилетомъ и панталонами желтаго цвѣта: верхнее платье очень короткое, такъ что едва закрываетъ задъ (*le derrière*); воротникъ красный, съ бѣлымъ кантомъ, на лѣвой рукѣ бѣлая повязка (*mouseline blanche*),—шведскій мундиръ не созданіе фантазіи; этотъ мундиръ изобрѣтенъ покойнымъ королемъ—онъ пунцовый съ чернымъ и черный плащъ съ пунцовой подкладкою. У короля прекрасные бѣлокурые волосы. Присутствіе короля оживляетъ городъ и только имъ и занимаются... Я видѣла семейство Орловыхъ въ Эрмитажѣ и на двухъ частныхъ балахъ; *ils semblent qu'ils ne font pas trop grande figure ici*; я была у нихъ и они у меня. Я забыла сообщить вамъ, что здѣсь невозможно найти танцмейстера, который согласился бы ѣхать въ Москву; хорошіе здѣсь очень рѣдки и получаютъ большія деньги.

XIX.

Петербургъ. 8 сентября, 1796 года.

Я только что возвратилась съ бала изъ Таврическаго дворца, и спѣшу, добрѣйшій князь, писать вамъ. Начну о шведскомъ королѣ, который рѣшительно влюбленъ въ нашу великую княжну. До сихъ поръ его поведеніе равнодушное и сдержанное сбывало всѣхъ съ толку и говорили положительно, что не быть этой жеманности и, дѣйствительно, до 2-го числа этого мѣсяца, мало было надежды, потому что отъ великой княжны требовали, чтобы она отказалась отъ своей религіи, а императрица не соглашалась на это, но все кончили на балѣ австрійскаго посланника Кубенцеля; согласились, что великая княжна не перемѣнитъ вѣры и король просилъ позволенія видѣть великую княжну ежедневно; третьяго дня весь день провелъ съ невѣстою; вчера ужиналъ въ семьѣ великой княгини Маріи Θεодоровны, и сегодня на балѣ онъ не отходилъ отъ великой княжны. Императрица все время была съ регентомъ, который безпрестанно цѣлуетъ у нея руки и право видно всеобщее удовольствіе. Императрица чрезвычайно весела и довольна, великая княгиня Марія Θεодоровна также; она пріѣзжаетъ всякій день изъ Павловска, остается съ дочерьми на всѣхъ балахъ, до самаго конца и возвращается обратно въ Павловскъ; завтра опять то же, и такъ она проводитъ время со времени пріѣзда шведскаго

короля; говорятъ, что отъ удовольствій онъ не чувствуетъ усталости. Король безпрестанно откладываетъ свой отъездъ и не можетъ рѣшиться уѣхать, такъ ему здѣсь нравится, да къ тому еще влюбленъ; говорятъ, что немедленно, по возвращеніи его въ Стокгольмъ, графъ Бакмейстеръ, бывший у насъ въ плѣну, пріѣдетъ сюда просить руки великой княжны, потомъ пріѣдетъ регентъ, чтобы отвезти ее въ Швецію. Вотъ пока, что здѣсь извѣстно и то не многимъ, и васъ прошу, добрѣйшій князь, не говорить, что слышалъ отъ меня, мнѣ сообщено это по секрету.

XX.

Петербургъ. 12 сентября, 1796 года.

Дѣла приняли совершенно другой оборотъ, добрѣйшій князь, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла честь писать вамъ. Жизнь шла тогда, какъ будто на масленицѣ, а теперь что-то мрачно (*morne*) и похоже на великій постъ. Я писала къ вамъ, добрѣйшій князь, что женитьба была, повидимому, рѣшена и что было одно затрудненіе—это перемѣна религіи; это затрудненіе было отстранено, соглашеніемъ, что великая княжна не перемѣнитъ религіи и будетъ имѣть въ своихъ комнатахъ церковь, гдѣ будетъ слушать литургію только она одна, но во всѣхъ протестанскихъ церемоніяхъ она должна непремѣнно присутствовать вмѣстѣ съ королею; это было подтверждено (*confirmé*) въ частномъ письмѣ короля къ императрицѣ, для того чтобъ она была покойна; послѣ этого соглашенія королю дозволено было приходить къ великой княжнѣ. Обрученіе (*fiancailles*) было назначено на 11-е сентября; въ Эрмитажъ приглашены были всѣ придворныя дамы, фрейлины и кавалеры. Великій князь Павелъ Петровичъ пріѣхалъ съ великою княгинею изъ Гатчины и обрядъ обрученія долженъ былъ совершиться въ Тронной залѣ, архіереемъ.

Король долженъ былъ быть извѣщенъ о часѣ, въ который онъ долженъ былъ прибыть во дворецъ; къ нему послали г. Маркова съ бумагами для подписанія ихъ королею прежде пріѣзда на обрученіе, такъ какъ въ этихъ бумагахъ давалось отъ него завѣреніе, что великая княжна не перемѣнитъ религіи; желали, чтобъ эти бумаги составляли оффиціальныи актъ (*un acte public*), подписанныи королею, регентомъ и его придворною свитою (*les grands de la cour*). Король отказалъ подписать, говоря, что ему ничего не говорили о составленіи оффиціального акта, что онъ не можетъ подписать, будучи еще несовершеннолѣтнимъ, и что не можетъ подписать никакого акта, не собравши для обсужденія парламента (*Diette*). Марковъ три раза ѣздилъ отъ короля къ императрицѣ и отъ нея къ нему, эти переѣзды продлились довольно долго—до восьми съ половиною часовъ вечера,—потомъ объявлено было съѣхавшимся,

что ея величество по нездоровью не прибудетъ, а королю дали знать, чтобъ онъ не прїѣзжалъ; всѣ приглашенные разѣхались по домамъ. На другой день, 12-го сентября, рожденіе великой княгини Анны Ѳеодоровны, императрица и великія княжны не выходили въ церковь къ обѣднѣ. Король не былъ принятъ императрицею, онъ прошелъ въ комнаты къ великому князю Павлу Петровичу; послѣ обѣда былъ балъ при дворѣ, король прїѣхалъ безъ регента, но со всею своею свитою; великій князь не говорилъ съ нимъ ни слова. Великая княгиня не показывалась, и балъ кончился въ 8 часовъ¹⁾; король отправился къ посланнику Кобенцелю, куда онъ былъ приглашенъ на представленіе оперы «Камилла», въ которой онъ отлично играетъ самъ и княгиня Долгорукая; король тамъ ужиналъ— и тамъ же на балѣ танцевалъ, и казался довольно веселымъ; говорили, что онъ уѣдетъ на другой день, но онъ остался до пятницы; онъ боленъ или сказывается больнымъ, но не выѣзжаетъ никуда. Великій князь Павелъ Петровичъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Гатчину и Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится; говорятъ, что дѣло не устроится,—не дай Богъ! по правдѣ сказать, это несчастіе (catastrophe), котораго никто не ожидалъ и не предвидѣлъ. Необыкновенную веселость смѣнила вдругъ грусть, овладѣвшая всѣми; вотъ уже три дня нѣтъ пріема при дворѣ, можетъ быть, все исправится и надежду къ тому подаетъ замедленіе короля уѣхать; сегодня понедѣльникъ, а онъ уѣзжаетъ только въ пятницу—всѣ винятъ Маркова, что онъ испортилъ все дѣло. Никто ничего не знаетъ, и всѣ спрашиваютъ другъ-друга: не слыхали ли вы чегонибудь? и каждый рассказываетъ, что слышалъ, и изъ этой суматохи ничего не разберешь. Прежде шведы являлись вездѣ, теперь нигдѣ ихъ не встрѣчаемъ. Вотъ, любезный князь, въ какомъ положеніи наши дѣла.

XXI.

Петербургъ. 18-го сентября, 1796 г.

Говорятъ, что навѣрное король уѣзжаетъ послѣ завтра; вчера онъ былъ у императрицы и сегодня еще разъ, чтобъ откланяться; говорятъ, что все опять устроилось, и что вчера онъ подписалъ требуемую отъ него бумагу о непринужденіи великой княжны къ перемѣнѣ религіи. Съ нашей стороны тоже сдѣлано то, что требовали шведы, а именно уплата той субсидіи, которую получали отъ Франціи, т. е. четыре милліона; но бумагами этими не размѣ-

¹⁾ Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1796 г. № 15 о балѣ, бывшемъ при дворѣ 12-го сентября, напечатано, что балъ былъ въ присутствіи ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ и знаменитаго гостя графа Гага и продолжался до исхода 8-го часа вечера, а по выходѣ на балъ императорское величество изволила жаловать къ рукъ пословъ и чужестранныхъ министровъ и свиты графа Гага кавалеровъ.

нялись и обрученія не будетъ; онъ уѣдетъ не простившись ни съ великою княжною, ни съ великимъ княземъ-отцомъ, ни съ великою княгинею; они въ Гатчинѣ; подписанными бумагами размѣняются только черезъ три мѣсяца; когда ему минетъ совершеннолѣтіе, оттуда пришлютъ просить руки великой княжны, и послѣ свадьбы она уѣдетъ въ Швецію, но не ранѣе будущей весны. Впрочемъ, я очень боюсь, что эти проклятые шведы, возвратясь къ себѣ домой, передумаютъ, и такъ какъ имъ деньги очень нужны, то пожалуй они не откажутся, если французы вмѣсто 4-хъ милліоновъ предложить имъ шесть. Король долго былъ нездоровъ и только вчера ѣздилъ ко двору. Вотъ что до сихъ поръ извѣстно о шведскихъ дѣлахъ.

XXII.

Петербургъ. 22-го сентября, 1796 года.

Я сообщала вамъ подробно обо всемъ, что здѣсь случилось во время пребыванія шведскаго короля до его отъѣзда; онъ уѣхалъ, наконецъ, 20-го числа¹⁾; все соглашено, какъ я вамъ писала въ послѣднемъ письмѣ; онъ сдѣлалъ богатые подарки всѣмъ вліятельнымъ лицамъ (les grands), князю Зубову, Безбородкѣ, Маркову и камергерамъ, которые находились при немъ во время большихъ обѣдовъ во дворцѣ; въ томъ числѣ князь Михаилъ Петровичъ Голицынъ, который былъ дежурнымъ въ день Александра Невскаго, получилъ драгоцѣнный перстень, а графъ Юрій Головкинъ, женатый на Нарышкиной, также перстень и получше, чѣмъ у князя, но я не видѣла ни того, ни другого. Всѣ празднества теперь кончились, сегодня былъ балъ при дворѣ, откуда я съ часъ тому назадъ пріѣхала домой и пробыла тамъ не болѣе часа; вѣроятно, онъ продолжится долго, потому что императрица сѣла играть въ карты. Новостей особенныхъ никакихъ нѣтъ. Мой своякъ Михаилъ Андреевичъ уѣзжаетъ завтра въ Москву, а оттуда въ Юнаковку, онъ вамъ можетъ рассказать многое о шведскомъ королѣ, потому что шведы часто у него были. Производствъ никакихъ не было, лентъ также никому не пожаловано, однимъ словомъ никакихъ наградъ. Вчера мужъ мой долженъ былъ отправиться на охоту за 300 верстъ съ гофмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ, двумя графами Зубовыми, Гурьевымъ и Николаемъ Толстымъ; но сдѣлался нездоровъ и легъ въ постель; если онъ не поправится, то не поѣдетъ; они отправляются въ отъѣзжее поле...

¹⁾ Объ отъѣздѣ шведскаго короля въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1796 года, п. 77 напечатано: «Въ субботу 20-го числа сего мѣсяца, къ утру, графъ Гага и графъ Ваза отправились съ своею свитою обратно въ свое отечество, оставивъ здѣсь послѣ себя пріятнѣйшее впечатлѣніе, произведенное личными ихъ качествами, и удостоивъ своимъ благоволеніемъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣли честь быть съ ними въ какомъ либо сношеніи или оказать имъ свои услуги».

XXIII.

Петербургъ. 26-го сентября, 1796 года.

...Мой мужъ, любезный князь, вмѣсто охоты, отправился вчера въ Москву.

XXIV.

Петербургъ. 1-го октября, 1796 года.

Третьяго дня возвратился шведскій посланникъ и г. Кутузовъ, сопровождавшіе короля до границы; 28-го король сѣлъ на корабль, и въ этотъ день здѣсь была большая гроза, точно въ іюнь мѣсяцѣ, страшная молнія и ужасные удары грома, не бывалые въ это время года. Послѣ завтра, въ театрѣ большая серьезная опера, дебютируетъ новая пріѣзжая пѣвица; говорятъ, удивительная; въ Петербургѣ все что нибудь новое, интересующее публику; теперь объ этой новой пѣвицѣ разговоровъ столько же, какъ было о шведскомъ королѣ. Я послала Катеринѣ Александровнѣ Де-Лицыной ящикъ съ чепцами; надѣюсь, она будетъ довольна; вамъ, любезный князь, надѣюсь прислать устрицъ, какъ только ихъ привезутъ...

XXV.

Петербургъ. 15-го октября, 1766 года.

Надняхъ получено извѣстіе, что король пріѣхалъ въ Стокгольмъ; надо предполагать, что оттуда получены благопріятныя извѣстія, потому что безъ всякаго повода назначенъ былъ маленькій эрмитажъ, совершенно маленькій, гдѣ я была съ моими двумя невѣстками (*belles soeurs*). Изъ всѣхъ статсъ-дамъ и фрейлинъ приглашены были только Головина, Толстая и Ростопчина; былъ балъ и императрица была очень весела. Она спрашивала меня объ моемъ мужѣ, хорошо ли онъ охотился, и когда я ей сказала, что моему мужу охоты всегда неудачны, она отвѣчала:—«Я очень, очень рада! Кому придетъ въ голову охотиться въ такую скверную погоду». Она очень мило и любезно со мною разговаривала, видно было, что она весела...

XXVI.

Петербургъ. 22 октября, 1796 г.

... До сихъ поръ не могу окончить своихъ визитовъ, потому что четыре дня сряду италянская опера, и мнѣ жалъ пропустить хоть одинъ спектакль; всѣ готовятся очень веселиться; князь Бѣлосельскій устраиваетъ у себя театръ, на которомъ каждую недѣлю будутъ представленія; начнутъ съ «Севильскаго Цирюльника», гдѣ г-жа Коновъ играетъ роль Розины, князь Борисъ Голицынъ—Альмавиву; г. Окуловъ—Бартоло и т. д., болѣе ничего нѣтъ новаго. Вечера я провожу ежедневно у моей невѣстки, жены Михаила

Андреевича, которая также приготовляет спектакли; нѣкоторое время, не долго, она была больна, но вчера выѣхала и навѣстила свою невѣстку (*belle-soeur*) Шувалову, которая очень больна послѣ неудачныхъ родовъ (*fausse couche*)... жаль, она очень миленькая. Только вчера видѣла я, выходя изъ театра, княгиню Елену Голицыну; она никуда не выѣзжаетъ, я поѣду завтра къ ея теткѣ, это рядомъ съ княземъ Алексѣемъ Андреевичемъ, гдѣ я обѣдаю; онъ живетъ прекрасно, даетъ обѣды, но никогда вечеровъ. Говорятъ, посланникъ Кобенцель возвращается скоро; начнутся опять увеселенія, онъ ихъ душа и надо признаться, что нигдѣ такъ не веселятся, какъ у него; о поѣздкѣ всей царской фамилии въ Москву нѣтъ и рѣчи, очень жаль, потому что Москва оживилась бы не менѣе Петербурга... Новостей здѣсь никакихъ нѣтъ, всѣ думаютъ только о балахъ и спектакляхъ, у всѣхъ кругомъ вертится голова, а я нахожу, однако, что скучно не имѣть ни одного дня покоя.

XXVII.

Петербургъ. 23 октября, 1796 г.

...Признаюсь, дорогой мой князь, что жизнь въ Москвѣ для меня привлекательна, имѣя тамъ много друзей, но, признаюсь, здѣшній образъ жизни мнѣ болѣе нравится, говорю искренно, и если бы сказала другое, то это была бы неправда. Здѣшній образъ жизни простой и нестѣснительный, безъ малѣйшаго этикета, долженъ понравиться всякому; утро и день можно проводить какъ угодно и выѣзжать въ 9 часовъ вечера и вездѣ вы найдете собравшееся общество, всѣ дома открыты (*chacun tient maison ouverte*) и если найдетъ гостей съ 30, не прибавляютъ лишняго кушанья, такъ что, принимая много гостей, расходы не велики, затѣмъ балы, спектакли въ Эрмитажѣ очень веселые, балы у великаго князя и изрѣдка у частныхъ лицъ, и то по какому нибудь особенному случаю. Общество не велико, но единодушно, такъ что видятся чаще все тѣ же лица. Вообще, эта жизнь мнѣ нравится; затѣмъ здѣсь удобнѣе дать образованіе дѣтямъ, чѣмъ въ Москвѣ, учителей всякаго рода не оберешься, это заставляетъ меня также любить Петербургъ. Дочь моя начинаетъ уже брать уроки, учится на клавесинѣ, и учителя въ восхищеніи отъ ея успѣховъ, у ней есть отличный учитель чистописанія, а зимою Lasantini или Rosetti будутъ учить ее танцовать. Учителей живописи найдете здѣсь сколько душѣ угодно; однимъ словомъ, здѣсь можно имѣть всѣ средства для усовершенствованія образованія; потомъ я должна признаться, что не могу равнодушно относиться къ петербургской жизни; при отличіи, которое мнѣ оказывается при дворѣ, и которое льститъ моему самолюбію; я никогда до сихъ поръ не была при дворѣ, никогда не просила ничего безъ всякой протекціи, я пользуюсь тѣми же пре-

имуществами, какъ дамы, которыя при дворѣ служатъ 10 или 15 лѣтъ. Вы согласитесь, добрѣйшій князь, невозможно, чтобы это мнѣ не нравилось... Въ прошедшую субботу, мадамъ de Brun начала писать мой портретъ; какъ только она кончитъ, я веду списать для васъ копію; я купила было для васъ 300 устрицъ, но ихъ не послали тотчасъ, а продержали пять сутокъ, такъ что они всѣ испортились. Какъ начнутся морозы я вамъ пришлю устрицъ съ нарочнымъ.

Вчера былъ эрмитажъ довольно многолюдный, вѣроятно, по случаю совершившагося третьяго дня совершеннолѣтія шведскаго короля; посмотримъ, чѣмъ насъ обрадуютъ оттуда? должны скоро прислать предложеніе. Самойлова очень больна послѣ преждевременныхъ родовъ; третьяго дня, возвратившись домой изъ театра, она упала на лѣстницѣ и въ ту же ночь родила на седьмомъ мѣсяцѣ. Вчерашій эрмитажъ исключительно состоялъ изъ поляковъ и полячекъ; ихъ здѣсь множество; вчера одинъ Потоцкій былъ пожалованъ въ камергеры, а другой—въ камеръ-юнкеры; я видѣла въ этомъ эрмитажѣ графиню Орлову, но много дамъ, бывающихъ въ большіе эрмитажи, не были: Прасковья Васильевна Пушкина, ея дочь Щербатова, и многіе другіе, какъ напримѣръ, все семейство оберъ-штальмейстера не было также. Послѣ бала былъ ужинъ, я уѣхала въ первой половинѣ ночи. Императрица еще оставалась и была очень весела; это всегда хорошій знакъ. Говорятъ, пріѣхалъ курьеръ изъ Швеціи, вѣроятно, съ хорошими вѣстями. На будущей недѣлѣ начнутся балы у великаго князя Александра Павловича; нашъ великій князь не даетъ баловъ, онъ не любитъ ни танцы, ни музыку, ничего, кромѣ шалостей (extravagances). Жаль, что онъ такой! какое удовольствіе (satisfaction) состоятъ при немъ? Онъ характера буйнаго (violent), необыкновенно измѣнчиваго, никого не любитъ, то со всѣми фамиліаренъ, то звать никого не хочетъ, ему бы надобно еще хорошаго гувернера... Жена его прелестная женщина, но несчастная жертва. Что касается до великаго князя Александра Павловича, онъ прелестенъ (charmant), характеръ ангельскій, учтивость, кротость и ровность въ характерѣ не измѣняются ни на минуту. Я не осмѣлилась бы написать все это по почтѣ, но письмо это доставитъ нарочный, посылаемый мною въ Михайловку.

XXVIII.

Петербургъ. 3 ноября, 1796 г.

Еще нѣтъ никакихъ извѣстій изъ Швеціи, — ожидаютъ съ нетерпѣніемъ курьера.

XXIX.

Петербургъ. 7 ноября, 1796 г.

Императрица скончалась, 6-го ноября, въ 11 часовъ вечера...

ТРИ ЦЕНТРА КУСТАРЕЙ.

I.

Миллиардный промыселъ.—Волжскіе и окскіе пароходы.—Масса пассажировъ.—
«Опытъ Волга».—Правый берегъ Оки.—Его строеніе и особенности.—Ломки але-
бастра.—Село Дуденево.—Помѣщики і Дуденевы.—Дудинъ монастырь.— Грамот-
ное село.—Дѣятели грамотности.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ изслѣдованія послѣдняго вре-
мени выяснили, что въ Россіи ежегодно произво-
дится кустарныхъ издѣлій на огромную сумму—
полтора миллиарда рублей, составляющихъ зарабо-
токъ 7.500,000 людей, почти исключительно сель-
чанъ. Безземельность, а равно изъ поколѣнія въ
поколѣніе передаваемый навыкъ къ извѣстному ру-
комеслу, создали въ разныхъ мѣстахъ нашего об-
ширнаго государства центры, поставляющіе на рынки потре-
бленія разнаго рода издѣлія, отъ грубаго лаптя и простой деревян-
ной чаши, до стального перочиннаго ножика или хирургическаго
инструмента, превосходной отдѣлки. Къ числу такихъ центровъ
кустарной промышленности, замѣчательныхъ во многихъ отноше-
ніяхъ, принадлежатъ три села—Богородское, Ворсма, Павлово, рас-
положенныя не въ далекомъ разстояніи одно отъ другаго въ Гор-
батовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи.

Пароходъ «Дмитрій Донской» дымился, готовясь къ отплытію,
вверхъ по Окѣ, отъ своей пристани, на ярмарочномъ берегу этой
рѣчки. По длинному деревянному помосту, протянутому отъ корен-

ного берега рѣки, чрезъ песчаный островъ, къ меженному фарватеру, подъѣзжали къ пароходной конторкѣ извозчики, телѣги, подходили пѣшеходы. Масса сундуковъ, ящиковъ, разныхъ тюковъ, обшитыхъ рогожами, узловъ и проч. стаскивалась на пароходъ. На палубѣ его постоянно увеличивалась пестрая толпа мужчинъ, женщинъ, крестьянъ, купцовъ, солдатъ. Продавцы арбузовъ подплывали на своихъ лодкахъ къ пароходу, потому что на этотъ дешевый, по времени года, товаръ оказывалось много покупателей на пароходѣ. вмѣстѣ съ хлѣбомъ арбузъ служить обычною пищею для небогатыхъ пассажировъ третьяго класса на волжскихъ и окскихъ пароходахъ. Пароходъ «Дмитрій Донской» уже былъ до того наполненъ людьми, товарами, багажемъ и проч., что на палубѣ въ толпѣ можно было прокладывать себѣ дорогу только локтями, а, между тѣмъ, пассажиры постоянно продолжали прибывать. На Волгѣ и на Окѣ не существуетъ постановленія, дозволяющаго принимать на пароходъ опредѣленное число пассажировъ, по его размѣру и вмѣстимости. До назначеннаго часа отвала, ихъ впускаютъ обыкновенно въ неограниченномъ числѣ. Поэтому на пароходѣ «Дмитрій Донской», въ одиннадцать часовъ утра, когда онъ отвалилъ отъ пристани, для пассажировъ перваго и втораго класса оставались свободныя мѣста только въ ихъ небольшихъ каютахъ; палуба же, отведенная, какъ имъ, такъ и для третьяго класса, была наполнена пассажирами послѣдняго, большинство которыхъ или стояло, или лежало на товарныхъ тюкахъ, потому что мѣсть для сидѣнья уже не хватало. При тихой погодѣ, подобное обиліе пассажировъ на пароходѣ не представляетъ опасности, но, при сильномъ вѣтрѣ, внезапно шквалѣ, безъ несчастія трудно обойтись. Примѣры бѣдствія при подобныхъ условіяхъ неоднократно бывали на нашихъ рѣкахъ.

Переполненіе пассажирами парохода «Дмитрій Донской» объяснялось не однимъ ярмарочнымъ временемъ. Такое явленіе замѣчается и на волжскихъ, и на окскихъ пароходахъ, совершающихъ рейсы между Нижнимъ Новгородомъ и ближайшими съ нимъ мѣстностями и происходитъ отъ удобства и дешевизны сообщенія. По Окѣ лѣтомъ, между Нижнимъ Новгородомъ и Рязанью, установлено ежедневное отправленіе парохода какъ изъ одного пункта, такъ и изъ другого, съ заходомъ по пути въ прирѣчные города и пристани. Сверхъ того, между Нижнимъ Новгородомъ и Муромомъ совершаютъ рейсы особые два парохода, ежедневно отходя изъ обоихъ городовъ. Владѣтели этихъ пароходовъ не жалуются на свои дѣла, слѣдовательно и пассажировъ и грузовъ оказывается для нихъ достаточно. Перевозка товаровъ до ярмарки, во время ея и по ея окончанію, доставляетъ массу клади изъ разныхъ мѣстъ въ оба пути. Сверхъ того, необходимость продовольствія двухъ-сотъ-тысячнаго населенія на ярмаркѣ и въ городѣ даетъ также парохо-

дамъ грузы и пассажировъ въ видѣ крестьянъ и всякаго рода промышленниковъ, везущихъ съ собою въ Нижній множество разныхъ предметовъ, употребляемыхъ человѣкомъ въ пищу. На одной Окѣ, въ предѣлахъ только Нижегородской губерніи, расположено до 45 селеній и одинъ городъ (Горбатовъ), съ населеніемъ свыше 30,000 душъ, для которыхъ эта рѣка представляется наиболѣе удобнымъ путемъ сообщенія съ своимъ губернскимъ центромъ, для сбыта въ немъ своихъ произведеній.

Желѣзный пароходъ «Дмитрій Донской» выстроенъ на заводѣ Гакса, въ Кунгурѣ (нынѣ перешедшемъ къ другому владѣльцу), въ 1872 году, слѣдовательно, достаточно поплавать на своемъ вѣку. Заводъ Гакса замѣчательнъ тѣмъ въ исторіи нашего пароходства, что имъ, въ 1825 году, былъ построенъ первый пароходъ «Опытъ Волга», пришедшій на нижегородскую ярмарку, но который затѣмъ былъ заарестованъ за долги его владѣльца и погибъ въ одномъ изъ затоновъ Оки въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, гдѣ онъ поставленъ былъ, по случаю наложеннаго на него запрещенія. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, протекшихъ съ постройки «Дмитрія Донскаго», въ сооруженіе пароходовъ введено много улучшеній, достигнута и большая скорость хода и сбереженіе въ топливѣ, примѣромъ чего явились новые пароходы на Волгѣ и на Окѣ, изготовленные по новымъ типамъ на рыбинскомъ заводѣ Журавлева и на коломенскомъ Струве, а потому мы медленно двигались впередъ противъ теченія рѣки. Но эта медленность хода на старомъ пароходѣ давала возможность спокойно, не торопясь, любоваться съ его палубы великолѣпною панорамой, которую открылъ предъ нами высокій правый берегъ Оки. Ока протекаетъ по Нижегородской губерніи всего 350 верстъ, входя въ нее въ Горбатовскомъ уѣздѣ въ восьми верстахъ выше села Павлова. На этомъ разстояніи рѣка нѣсколько разъ мѣняетъ свое направленіе, изъ сѣвернаго, въ сѣверозападное, юго-восточное. То она подходит непосредственно къ своему древнему правому берегу, при чемъ ея живая струя бываетъ шириною не болѣе 70 сажень, то она разливается въ полосу шириною въ 300 сажень, когда течетъ посреди поемныхъ луговъ, острововъ, песчаныхъ перекатовъ. Въ первомъ случаѣ Ока оказывается узкою, глубокою рѣкою, во второмъ широкою, но мелкою.

Правый высокій берегъ Оки, чарующій путника не только съ палубы парохода, но и изъ окна вагона нижегородской желѣзной дороги, представляетъ по большей части почти перпендикулярную стѣну. Высота его различна. Около Горбатова она доходитъ до 50 сажень, у Павлова до 35. Самое высокое мѣсто на берегу Оки въ извѣстной мѣстности, господствующее надъ окружностью, называется «вѣнцомъ», «пушомъ». Эта вертикальная стѣна представляетъ въ нижней своей части радужныя полосы перемежающихся мергелей, песковъ, известковыхъ песчаниковъ. Мѣстами, гдѣ зале-

гають толщи алебастра, бѣлый цвѣтъ становится преобладающимъ. Масса ключей бьетъ изъ разныхъ горизонтовъ праваго берега Оки и производитъ множество оползней, покрывающихъ собою верхнюю часть обрыва. Мѣстами Ока подходитъ къ самому подножію праваго вертикальнаго берега; мѣстами рѣка отдѣляется отъ него терассовиднымъ бичевникомъ, образованнымъ различной высоты весенними водами, а также прибоемъ волнъ, принимающимъ большіе размѣры при сильныхъ вѣтрахъ во время водополюя, когда ширина

Улица въ селѣ Богородскомъ, Нижегородской губ. Горбатовскаго уѣзда.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ.

рѣки доходить до десяти верстъ. На этомъ бичевникѣ лежатъ обыкновенно обломки разныхъ горныхъ породъ, скатившихся съ высокаго праваго берега. Мѣстами, между бичевникомъ и обрывистою стѣною, оказывается еще болѣе или менѣе широкая терасса, изрытая топкими мѣстами, ямами, ручьями. Всѣ селенія на правомъ берегу Оки расположены на его высотахъ, мѣстами покрытыхъ кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ. Съ этого обрывистаго берега, особенно съ его «вѣнцовъ», открываются очаровательные виды и на до-

«Истор. вѣстн.», октябрь, 1887 г., т. XXX.

лину Оки, и на заливные дуга лѣваго берега, и на терассы, которыми окоймляется правый берегъ рѣки. Подъ ногами плывутъ суда, пароходы, буксируя баржи или перевоза пассажировъ, а рыбаки сплываютъ по разнымъ направлѣнiямъ въ лодкахъ, промысляя ловлю раковъ ¹⁾ и рыбы.

Мѣстами пароходъ подходилъ такъ близко къ правому берегу, что видны были вполнѣ отчетливо и ломки алебаstra, и рабочіе, занятые нагрузкою его на стоявшіе на якорѣ суда. Ломка алебаstra по Окѣ, въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, а также и въ другихъ мѣстахъ, составляетъ давнишній промыселъ окрестнаго населенiя. Алебастръ идетъ не только на мѣстное потребленіе, но и сплавляется значительными количествами въ Нижній Новгородъ. Въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, добычею алебаstra занимаются уже болѣе полустолѣтiя, а, между тѣмъ, залежи его нисколько не истощились, до того онѣ мощны. У Павлова, у Горбатова, алебастръ достаютъ изъ самаго нижняго горизонта, гдѣ онъ, вѣроятно, залегаеетъ сплошнымъ слоємъ, составляя вмѣстѣ съ иломъ отчасти и дно рѣчного русла; у Дуденева же, Оленина и проч. изъ мергеля, лежащаго на десять саженъ выше горизонта рѣки. Въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстахъ, алебастръ еще вовсе не разрабатывается, такъ что значительные цѣльные пласты его остаются нетронутыми. У Дуденева, для перемалыванiя алебаstra, устроена мельница. Добываніе алебаstra производится преимущественно горизонтальными «дудками». Рабочіе, найдя выходъ алебаstra, углубляются за нимъ въ гору. Подобныя дудки мѣстами простираются въ гору иногда до сорока саженъ отъ обрыва. Добыча алебаstra производится преимущественно зимою и раннею весною, вслѣдствіе рыхлости породъ, окружающихъ залежи этого минерала. Лучшій алебастръ называется здѣсь «головкою», потому что глубоко залегаеетъ отдѣльными шарами, отъ четверти до поларшина въ діаметрѣ. Онъ мелкозернистъ и имѣеетъ чистый бѣлый цвѣтъ. Сѣрый, рыхлый алебастръ называется нижегородцами «скипою». Сильно слойстый песчанистый мергель, съ прожилками алебаstra, называется «опокою». Бѣлый слегка синеватый алебастръ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ «выплавка». Иногда попадаетъ также «слюдка», т. е. чистый, прозрачный гипсъ. «Головка» идетъ даже въ Москву. Обожженный и смолотый въ видѣ муки, алебастръ продаютъ на мѣстѣ отъ 18 руб. до 22 руб. за 1,000 пуд., а въ видѣ глыбъ, сваленныхъ на берегу Оки, отъ 12 руб. до 18 р. за 1,000 пуд.

¹⁾ Раковъ ловятъ здѣсь снастями, на которыхъ прикрѣплены плетушки съ мясомъ. На снасти бываетъ до 50 плетушекъ или корянь. Въ каждую попадаютъ по два рака. Ихъ много потребляютъ на нижегородской ярмаркѣ, гдѣ платятъ до пяти рублей за тысячу.

На этотъ разъ я ѣхалъ на пароходъ по Окѣ только до пристани у села Дуденева, отстоящаго по рѣкѣ отъ Нижняго Новгорода почти въ сорока пяти верстахъ. Изъ Дуденева путь мой лежалъ чрезъ села Богородское и Ворсму въ Павлово. Съ парохода у Дуденева сошло много народа. Я рассчитывалъ нанять для себя тарантасъ или телѣгу, стоявшіе у пристани, но оказалось, что всѣ эти экипажи были уже заранѣе заказаны тѣми пассажирами парохода, которые принадлежали къ мѣстнымъ жителямъ. Пришлось пѣшкомъ подниматься на высокій правый берегъ Оки. Дорога была не легкая, потому что обрушившіяся съ верхняго горизонта массы краснубураго дилювіального суглинка, съ обломками и гальками песчаника, размытыя бывшими передъ тѣмъ дождями, затрудняли и пѣшаго, и коннаго. По числу сошедшихъ пассажировъ видно, что у Дуденева мѣсто для пристани выбрано выгодное для привлеченія ихъ на пароходъ, но для удобства достиженія ими, пѣшкомъ или въ экипажѣ, высокаго берега Оки не сдѣлано никакихъ улучшеній или приспособленій. Одинъ тарантасъ на моихъ глазахъ опрокинулся и я только удивлялся, почему такая участь не постигла всѣхъ остальныхъ деревенскихъ экипажей, вслѣдствіе промоинъ, обрывовъ и проч. Впрочемъ, почти всѣ мѣста на Окѣ, гдѣ пристають пароходы на пути отъ Нижняго до Рязани, не исключая даже послѣдняго города, Муромъ и Касимова, отличаются первобытными дорогами для проѣзда экипажей и для прохода пѣшеходовъ.

По деревянной лѣстницѣ я поднялся на высокій тридцатисаженный берегъ Оки и увидѣлъ село Дуденево, расположенное въ недалнемъ разстояніи отъ рѣки. Село это, лежащее въ Горбатовскомъ уѣздѣ, получило свое названіе отъ помѣщиковъ Дуденевыхъ, которымъ оно принадлежало. Дуденевы жили въ началѣ XIV или XV вѣка. По ихъ фамиліи названъ и лежащій невдалекѣ отъ села, на самомъ берегу Оки, Амвросіевъ монастырь, извѣстный болѣе подъ именемъ Дуденева или Дудина. Они способствовали процвѣтанію этой обители. Монастырь этотъ упраздненъ еще въ прошломъ столѣтіи. Онъ принадлежалъ къ числу богатыхъ нашихъ обителей и владѣлъ значительнымъ недвижимымъ имуществомъ въ Нижнемъ, напр., подворьемъ въ нижегородскомъ кремлѣ, лавками и амбарами близъ гостиного двора¹⁾. Дудинъ монастырь обращаетъ на себя вниманіе каждаго путника, проѣзжающаго по Окѣ, своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. На необширной террасѣ у подножья огромной горы, посреди густой красивой рощи, высится на естественномъ фундаментѣ бѣлая церковь съ бѣлою же каменною оградой. Терраса поднимается почти отвѣсно отъ Оки, такъ что передъ глазами является какой-то крѣпостной баціонъ, увѣнчанный цер-

¹⁾ См. «Нижегородскій Лѣтописецъ» А. С. Гадискаго, съ выписками изъ сотной грамоты 1630 года.

ковью. Внизу террасы громоздятся большіе обломки и плиты каменистаго рухляка, вымытые, вѣроятно, весеннею водою.

Село Дуденево замѣчательно развитіемъ въ немъ грамотности. Всѣ дѣти учебнаго возраста посѣщаютъ школу. Распространенію грамотности въ этомъ селѣ много содѣйствовали мѣстный священникъ Константинъ Евграфовичъ Цвѣтковъ и астраханскій купецъ Михайлъ Емельяновичъ Власовъ (уроженецъ села Дуденева). Около двадцати двухъ лѣтъ тому назадъ К. Е. Цвѣтковъ ввелъ въ своей школѣ обученіе предметамъ начальнаго курса по звуковой методѣ. М. Е. Власовъ, скончавшійся въ 1885 году, на сороковомъ году жизни, отъ чахотки, сдѣлавшись попечителемъ дуденевскихъ училищъ (мужскаго и женскаго), выстроилъ на площади села Дуденева для мужскаго училища домъ съ хозяйственными пристройками, стоимостью около 3,000 руб. Содержаніе и ремонтъ этого училищнаго дома въ продолженіе жизни покойнаго Власова производились изъ его средствъ. Онъ завѣщаль даже своимъ наслѣдникамъ отпустить на содержаніе училищъ въ Дуденевѣ тѣ суммы, которыя онъ выдавалъ при своей жизни. При моемъ посѣщеніи Дуденева, имѣющаго населеніе въ 250 душъ, земскимъ учителемъ въ тамошнемъ начальномъ училищѣ былъ Василій Ивановичъ Виноградовъ, картины котораго (между прочимъ виды на Окѣ) масляными красками обращали на себя вниманіе на нижегородской выставкѣ 1885 года.

II.

Возчикъ корья. — «Не кнутомъ, а овсомъ». — Бывалый въ Іерусалимѣ. — Крестьянинъ-нигилистъ. — Кожевенный заводъ на 8-ми квадратныхъ верстахъ. — Село Богородское. — Запущенный паркъ. — Богатые нижегородскіе помѣщики.

Вышедшіе ранѣе меня въ село Дуденево пассажиры съ парохода захватили въ немъ свободныхъ остававшихся еще лошадей съ имѣвшимися на лицо деревенскими экипажами. Приходилось или идти пѣшкомъ восемь верстъ до села Богородскаго или ждать возвращенія лошадей. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ засвѣтло не удалось бы попасть въ Богородское, что было необходимо для выполненія предназначеннаго для поѣздки маршрута. Меня вывелъ изъ затрудненія крестьянинъ, возчикъ корья, возвращавшійся изъ Богородскаго съ пустою телѣгою на берегъ Оки, гдѣ разгружались суда съ этимъ матеріаломъ. При мнѣ стояло пять баржей съ корьемъ, пришедшихъ съ Бѣлой рѣки и по Окѣ изъ Тамбовской губерніи. Черезъ Дуденево въ Богородское идетъ корье, поташъ, мукъ ржаная и проч. Одною корья привозится до 200,000 пудовъ. Перевозкою занято было до 300 лошадей. На телѣгу, запряженную въ одну лошадь, наваливаютъ отъ 25 до 35 пудовъ корья и за пере-

возку платятъ по 1 р. отъ Дуденева до Богородска. Въ сутки одна лошадь свезетъ только два груза по этому направленію. Въ гору съ берега поднимаютъ возъ на двухъ, трехъ лошадяхъ. Перевозка этихъ грузовъ съ Оки въ Богородское доставляетъ дуденевскимъ и другимъ окрестнымъ крестьянамъ хорошій заработокъ.

Въ телѣгѣ возчика корья не было никакихъ приспособленій для сидѣнья. На мое замѣчаніе о томъ, мужикъ бросился въ сторону и изъ одного задворка притащилъ два снопа ржаной соломы и положилъ на дно телѣги.

— Да вѣдь ты чужую солому забралъ?—спросилъ я.

— Что же? свою съ лихвою отдамъ земляку. Нынѣ солома-то не покупная. Урожай ржи у насъ хорошій.

Мужикъ оказался смышленнымъ, разговорчивымъ. У него не нашлось кнута, да и лошадь была не изъ важныхъ, привыкшая шагомъ возить телѣгу съ грузомъ.

— Нельзя ли поживѣе ѣхать. Вонъ вмѣстѣ съ нами выѣхали изъ Дуденева, а куда насъ опередили. Погоняй свою лошадь.

— Эхъ, баринъ, погоняй! Погоняй лошадь не кнутомъ, а овсомъ.

По дорогѣ въ Богородское, мы обгоняли возы съ корьемъ, встрѣчали возвращавшихся въ Дуденево, и везшій меня крестьянинъ со всѣми обмѣнивался словомъ, сообщалъ какую либо новость, передавалъ интересное, необходимое. Не оставлялъ онъ и пѣшиходовъ въ покоѣ.

— Да что ты со всѣми кумъ или свать?—неволью спросилъ я его.

— Кумъ не кумъ, а дѣло передать кому что нужно не мѣшаетъ. Языкъ не отвалится. Я ему сегодня услужу, а онъ мнѣ завтра.

— Откуда же ты узнаешь то, что кому нужно?

— Богородское село, гдѣ я живу, не деревня; иной городъ ему позавидуетъ. Мало ли тамъ народу увидишь, со всѣхъ сторонъ навѣзжаютъ.

— Въ кабакѣ вѣрно сталкиваешься?

— Зачѣмъ въ кабакѣ. Будто нашъ братъ, мужикъ, только кабакомъ и живетъ. Иной туды и въ жизнь не заглядываетъ. Другой кабака даже сторонится, хоть и знаетъ, что выгодно его держать. Верстахъ въ двадцати отъ насъ живетъ одинъ богатѣй-мужикъ, тысячь десять у него капитала. Племянникъ присталъ къ нему, чтобы онъ снялъ кабака на большой дорогѣ, потому что барыша отъ того много. Дядя далъ ему на то денегъ, но самъ не согласился взять за себя. «Мнѣ грѣхъ заниматься кабакомъ,—сказалъ онъ племяннику,—я былъ въ Іерусалимѣ, ходилъ поклониться святынѣ».

— Да и племяннику не слѣдовало бы помогать идти въ цѣловальники.

— Правда, да что подѣлаешь? Самъ лѣзетъ. Дядя богобоязнен-

ный, а племянникъ, видя такого богатѣя, самъ думаетъ приравняться къ нему при помощи кабака. Дѣло, разумѣется, плохое. У насъ, баринъ, по деревнямъ, кого не встрѣтишь. Подъ Нижнимъ жилъ одинъ, Иннокентіемъ звали. Сколько разъ сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ; грамотный былъ; вѣдомости покупалъ; на тройкахъ съ бубенцами съ гулящими дѣвками разъѣзжалъ. Денегъ у него бывало много. Говорили, что фальшивыми бумажками промышлялъ. Смущалъ насъ не разъ разными баснями, что будетъ общій переѣлъ земли, что у господъ будутъ надѣлы, какъ у мужиковъ, что они должны будутъ обрабатывать ихъ подобно крестьянамъ. Дай Богъ здоровья хорошимъ людямъ: научили насъ не слушать Иннокентія. Да и смерть же его была собачья. Сбылъ онъ разъ татарамъ фальшивыя бумажки. Тѣ, узнавъ обманъ, подкараулили Иннокентія и убили. Что же, вѣдь никто не хотѣлъ хоронить его. Раскольничьи наставники отказались отпѣвать его, говоря, что онъ отступникъ отъ ихъ согласія, а наши православные батюшки объявили, что онъ отлученъ отъ церкви, потому что много лѣтъ не былъ на духу. Такъ и зарыли Иннокентія въ глухомъ оврагѣ.

— А давно съ Иннокентіемъ татары покончили?

— Годовъ десять, а можетъ и болѣе будетъ... А вотъ и

Богородское село

Что на блюдѣ разцвѣло,—

замѣтилъ мой возница, въѣзжая въ селеніе.

Богородское село, принадлежащее г. Шереметеву, расположено на плоскости, къ которой отъ Дуденева мы добрались, проѣхавъ по нѣсколькимъ оврагамъ, горами и долинами. Отъ Нижняго Новгорода, по большой муромской дорогѣ (старый московскій трактъ), оно отстоитъ въ сорока верстахъ, а отъ Горбатова въ двадцати-семи верстахъ. Богородское село—это сплошной кожевенный заводъ, расположенный на площади почти въ восемь квадратныхъ верстъ. Оно, съ тѣмъ вмѣстѣ, служитъ центромъ всего кожевеннаго производства въ Горбатовскомъ уѣздѣ, само по себѣ очень значительнаго. Селенія Высокое, Песочное, Демидово, находящіяся въ этомъ же уѣздѣ, также занимаются кожевеннымъ производствомъ и группируются въ этомъ отношеніи около Богородскаго. Въ немъ кожевенные заводы существуютъ болѣе 300 лѣтъ. Постепенно развиваясь и расширяясь, бывшая деревня превратилась въ село, а нынѣ является какимъ-то селомъ-городомъ, въ которомъ болѣе 6,000 жителей, болѣе 800 дворовъ, нѣсколько каменныхъ домовъ, четыре церкви, съ годовымъ производствомъ въ четыре милліона рублей. На заводахъ Богородска приготавлиются черные и бѣлые выростки; строченый товаръ, т. е. сапоги, рукавицы, башмаки, перчатки и другія издѣлія изъ кожи; сбруя, ремни, хомутины и проч. Однѣхъ рукавицъ изготовляется въ годъ до одного милліона паръ. Въ сороковыхъ годахъ все количество рукавицъ, продававшееся на ниже-

городской ярмаркѣ, поставлялось уже исключительно изъ одного Богородскаго. Изготовленіе кожъ и разнаго кожевеннаго товара въ селѣ сосредоточивается по специальностямъ въ извѣстныхъ рукахъ. Напримѣръ, въ одномъ заведеніи приготавливаются только хомутины изъ коневыхъ кожъ въ количествѣ до 45,000 штукъ, на сумму 20,000 рублей. На другомъ заводѣ ремни, конская сбруя, рукавицы, кожи на сумму отъ 60,000 до 70,000 рублей. Многіе изъ этихъ заводовъ находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ и Москвою, а также примѣняютъ у себя всѣ новѣйшія техническія усовершенствованія по своей части, напримѣръ, по изготовленію приводныхъ ремней для машинъ и т. д.¹⁾

Главная улица въ Богородскомъ селѣ проходитъ чрезъ него какъ бы продолженіемъ муромской почтовой дороги. Во время сильныхъ дождей, она становится почти не проѣзжею, потому что отъ вываливанія на всѣ улицы села отбросовъ отъ кожевеннаго производства, въ видѣ коры и золы, онѣ покрыты густымъ слоемъ чернозема, превращающагося отъ воды въ вязкую почву. Эти отбросы представляютъ прекрасное удобреніе, а потому окрестные крестьяне стали имъ пользоваться для своихъ полей и тѣмъ возвысили ихъ плодородіе. Жители же села Богородскаго земледѣльствомъ не занимаются, находя для себя болѣе выгодъ въ усвоенномъ ими разнообразномъ кожевенномъ производствѣ. На главной улицѣ церковь св. Николая чудотворца окружена оградой съ лавками, составляющими, такъ сказать, рынокъ или гостинный дворъ. Посреди этихъ лавокъ возвышается двухъэтажная башня. Немного подалѣе отъ церкви находится каменный двухъэтажный домъ съ каланчею, въ которомъ нынѣ помѣщается волостное правленіе. Домъ съ каланчею построенъ еще В. В. Шереметевымъ. Хотя село-городъ Богородское и богато, но помѣщеніе его мѣстнаго управленія плохо поддерживается, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отвалившаяся штукатурка.

Бывшій господскій домъ, стоявшій невдалекѣ отъ села, позади его, нынѣ не существуетъ. Я нашель только груды мусора. Кирпичъ проданъ былъ мѣстному купцу за половинную цѣну, который построилъ изъ него себѣ домъ въ селѣ. Нѣсколько зданій, составлявшихъ, вѣроятно, прежде службы господскаго дома, вытянуты близъ него въ одну линію, сохранились донныѣ и служатъ мѣстомъ жительства разныхъ лицъ. Залущенный, когда-то велико-

¹⁾ Еще до нашествія татаръ на Россію, во времена существованія на Волгѣ бугарскаго царства, входившія въ составъ его города и селенія славилась, между прочимъ, выдѣлкою кожъ, которыя отправлялись купцами въ государства Средней Азии. Въ Бухарѣ юфтѣ донныѣ вонуть «бугарь», потому что она первоначально получалась изъ бугарскаго царства. Поэтому укоренившееся издавна на Волгѣ кожевенное производство очень легко могло быть занесено затѣмъ и на побережье Оки, въ село Богородское.

лѣпный, паркъ съ широкими липовыми аллеями, грустныя мысли навѣваетъ о бывшемъ тутъ средоточіи богатства и могущества. Паркъ на столько еще сохранился, что прогулка въ немъ доставляетъ не малое удовольствіе. Онъ оставленъ, повидимому, на произволъ судьбы и надобно только удивляться, какъ въ этой довольно безлѣсной части Горбатовскаго уѣзда, мѣстные жители не вырубили вѣковыхъ липъ, дубовъ, вязовъ, и другихъ деревьевъ, составляющихъ этотъ барскій садъ. Въ XVII вѣкѣ нынѣшній Горбатовскій уѣздъ, съ частію нижегородскаго, назывался Березопольскимъ станомъ не потому ли, что изобиловалъ въ то время березовыми лѣсами.

Въ XVII вѣкѣ Богородское село принадлежало князю Черкасскому, отъ котораго по наслѣдству перешло въ родъ Шереметевыхъ. Въ этомъ селѣ, во время Стеньки Разина, появилось много его сообщниковъ, которые, въ ожиданіи прихода этого атамана къ Нижнему, укрѣпились въ Богородскомъ, но вскорѣ были разбиты царскими войсками и прогнаны. Шереметевы, наслѣдовавъ родовыя вотчины Черкасскихъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи считались самыми богатыми помѣщиками Нижегородской губерніи. По восьмой ревизіи графу Д. Н. Шереметеву принадлежало въ ней 17,359 душъ, гг. Шереметевымъ (трехъ братьямъ) 7,115 душъ, князю Грузинскому (владѣльцу Лыскова) 6,049 душъ. Изъ трехъ кустарныхъ центровъ Горбатовскаго уѣзда, Богородское осталось за гг. Шереметевыми, а Ворсма и Павлово за графомъ Д. Н. Шереметевымъ.

Въ Богородское съѣздъ покупателей за кожевеннымъ товаромъ продолжается съ конца сентября до Пасхи. Вѣроятно, для удовлетворенія въ помѣщеніи этихъ пріѣзжихъ, въ селѣ находится гостинница, нумера Обжориныхъ, могущая сдѣлать честь любому нашему губернскому городу, а не только уѣздному. Опрятные нумера, чистое постельное бѣлье, учтивая, услужливая прислуга, сытно, вкусно приготовленныя кушанья (за комнату въ два окна ввзяли 50 коп. въ сутки, за двѣ телячьи котлеты, размѣрами съ когда-то бывшихъ «московскихъ порцій», 50 коп. и т. п.), — неволью изумляютъ, когда подъ бокомъ нижегородскіе ярмарочные трактиры надѣляютъ своихъ посѣтителей кишечнымъ катарромъ и вызываютъ справедливыя жалобы на неудобство и неопрятность своихъ нумеровъ.

III.

Сѣверная часть Горбатовскаго уѣзда.—Сталеслесарный районъ.—Сто пятьдесятъ селеній.—Шесть тысячъ семей и шестьдесятъ тысячъ душъ.—Видъ на Ворсму.—Озеро Тосканка.—Геологическій переворотъ съ двумя рѣками.—Исчезнувшая рѣка.—Легенда о Рахмѣ.—Село Ворсма.—Братья Панковы.—Перочинные ножи.—Иванъ Гавриловичъ Завьяловъ.—Фабрика Завьяловыхъ.—Шмаковы и топоры.

Отъ Богородскаго до Ворсмы 18 верстъ. Дорога идетъ по сѣверной части Горбатовскаго уѣзда, волнистой, изрѣзанной оврагами, представляющей на каждомъ почти шагу разнообразныя виды. Они сопровождаютъ путника по всей дорогѣ до Павлова. Она идетъ по возвышенности, расположенной скатомъ по направленію отъ Оки, правый высокій берегъ которой поднимается на горизонтѣ мощною террасою. Долины, овраги, горы пересекаютъ мѣстность по всѣмъ направленіямъ. Въ южной части Горбатовскаго уѣзда мѣстность ровнѣе и нѣтъ уже такого разнообразія въ ландшафтѣ. Съ дороги видны по окрестностямъ много селъ и деревень. На почтовой муромской дорогѣ только въ немногихъ мѣстахъ сохранились по обѣимъ ея сторонамъ деревья. Значительная часть ихъ вырублена. «Мужички попользовались», получаете въ отвѣтъ на вопросъ, куда дѣвалось это украшеніе прежнихъ нашихъ грунтовыхъ дорогъ.

Ворсма лежитъ уже въ районѣ сталеслесарной промышленности Горбатовскаго уѣзда, гдѣ занято ею до 80 селеній съ населеніемъ въ 40,000 душъ. Если же считать и занимающихся этимъ дѣломъ въ сосѣднемъ Муромскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, то окажется, что производство стальныхъ издѣлій во всей этой мѣстности даетъ заработокъ 150 селеніямъ, 6,000 семьямъ и 60,000 душамъ. Села Павлово и Ворсма, съ своимъ означеннымъ райономъ, производятъ издѣлій на 2,500,000 рублей въ годъ и, сверхъ того, ежегодно зимою отправляютъ на востокъ до 250 возовъ съ ножевымъ товаромъ¹⁾. Сверхъ того, въ сорока мастерскихъ—Горбатова, Павлова, Богородскаго и Сосновскаго, готовится разныхъ мѣдныхъ издѣлій, самоваровъ, чайниковъ, мѣдныхъ замковъ, украшеній на конскую сбрую и проч., болѣе 10,000 пудовъ. Начало сталеслесарной промышленности въ Горбатовскомъ уѣздѣ положено было въ Павловѣ, гдѣ уже въ 1621 году находилось одиннадцать кузницъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно, до перенесенія ярмарки изъ города Макарьева въ Нижній Новгородъ, въ 1817 году, сталеслесарное производство ограничивалось исключительно Павловымъ

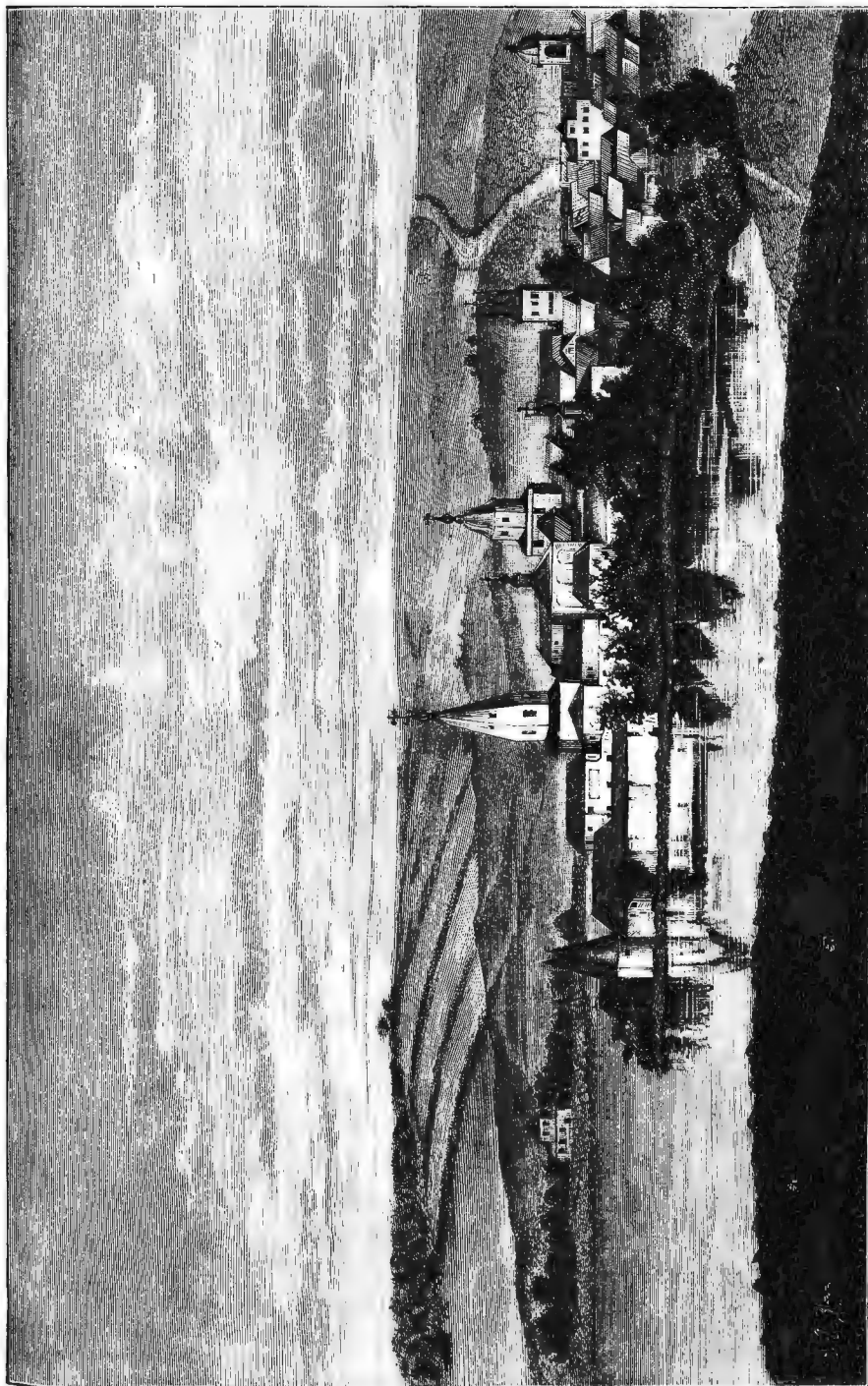
¹⁾ Нижній стальной товаръ—столовые и перочинные ножи и ножницы—предпочитаютъ отправлять зимою для предохраненія его отъ ржавчины, которая будто бы появляется на немъ при перевозкѣ лѣтомъ водою. Не дурная ли упорка причиною послѣдняго обстоятельства?

и Ворсмою, затѣмъ первоначально перешло въ селенія Тумботинской волости, а въ послѣднія сорокъ лѣтъ распространилось за предѣлы Горбатовскаго уѣзда, въ уѣздахъ Муромскомъ и Гороховецкомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, стальное производство въ Павловѣ и Ворсмѣ достигло такого совершенства, что на всемірныхъ выставкахъ Парижа и Лондона наши ножевыя издѣлія поражали специалистовъ и своею добротою и дешевизною.

Было ясное, августовское утро, когда, поднимаясь въ гору, я услышалъ откуда-то раздавшійся звонъ колокола. Этотъ звонъ, доносившійся до меня съ какой-то невидимой колокольни, казался мелодичнѣе, привѣтливѣе, при тихой погодѣ, при господствовавшемъ со всѣхъ сторонъ безмолвіи. На горѣ звонъ объяснился. Я увидѣлъ рѣку, впадающую въ озеро, на островѣ котораго среди зелени роши красовался своими бѣлыми зданіями монастырь, а вокругъ озера раскинулось обширное село съ церквями. Это село была Ворсма, своего рода центръ кустарной промышленности. Восхищенный открывшимся съ горы великолѣпнымъ видомъ, сопровождавшій меня художникъ, Андрей Павловичъ Мельниковъ (сынъ знаменитаго писателя), снялъ его въ прилагаемомъ здѣсь рисункѣ.

Ворсминское озеро или Тосканка, длиною около 2 версты, шириною въ 1½ версты, расположено въ котловинѣ съ пологими скатами, изъ которыхъ восточные круче западныхъ. Озеро довольно мелко и, вслѣдствіе того, окружено густою полосою тростника и болотистыми лужами. Въ озеро впадаетъ рѣка Кишма, которая на довольно порядочномъ разстояніи течетъ подлѣ него, отдѣляясь только узкою полосою тростника. Берега Кишмы, и до впаденія ея въ озеро, изобилуютъ тростникомъ и небольшими болотами съ осоками. Весною Кишма изобилуетъ въ такомъ большомъ количествѣ водою, что при водопольѣ сноситъ мосты, плоты, сараи и становится непроходимою въ бродъ. Лѣтомъ въ своихъ верховьяхъ она пересыхаетъ, а передъ впаденіемъ въ озеро вьется сонною полосою. Большая часть долины Кишмы широка и живописна. Въ этой части своего теченія она сопровождается высокими холмистыми берегами, прорѣзанными глубокими долами, покрытыми красиво расположенными рощами и селеніями. Заливная долина Кишмы составляетъ своего рода богатство для окрестныхъ жителей, надѣляя ихъ лугами и пастбищами, которыхъ въ этой мѣстности вообще мало.

Изъ озера вытекаетъ рѣка, называемая оффициально Ворсмою, а жителями также Кишмою. Ворсма впадаетъ уже въ Оку, пробивая себѣ долину сквозь древній правый берегъ послѣдней и образуя высокій крутой утесъ (до сорока сажень) Оки, далеко видимый, даже съ береговыхъ возвышенностей Кишмы. Ворсма течетъ среди заливныхъ луговъ, окоймленная мѣстами мелкою ольхою, ивою, и вливается въ Оку многими мелкими рукавами, которые образуютъ широкую песчано-илистую дельту. На-

БОРЖМА.

добно полагать, что Ворсма въ давнія времена была болѣе значительною рѣкою, чѣмъ нынѣ, потому что долина ея, при впаденіи въ Оку, имѣетъ ширину около полуторы версты. Г. Амалицкій, въ своемъ геологическомъ изслѣдованіи Горбатовскаго уѣзда, приводитъ несомнѣнныя доказательства, что Ворсма и Кишма, въ прежніе годы своего существованія, представляли двѣ совершенно независимыя одна отъ другой рѣки. Тогда Кишма достигала только до озера Тосканки, которое не имѣло истока въ Оку. Озеро это, постепенно засоряясь осадками, приносимыми Кишмою и весенними потоками съ окружающихъ его склоновъ, должно было естественно повысить свой уровень и найти истокъ своей воды въ сторону болѣе низкаго склона, вслѣдствіе чего и образовался такой истокъ, соединившійся съ рѣкою Ворсмою въ громадной Безъимянной долинѣ. Послѣдняя, пересѣкая почти весь Горбатовскій уѣздъ съ востока на западъ до Оки, служитъ непосредственнымъ продолженіемъ современной рѣчной долины Ворсмы. Безъимянная долина богата сухими рѣчками, носящими различныя названія, ямами съ водою и болотами. Всѣ эти рѣчки, имѣющія направленіе съ востока на западъ, оказываются въ сущности частями одного и того же общаго русла, которое соединяется сухимъ рукавомъ съ нынѣшнею Ворсмою. Весною всѣ эти сухія русла соединяются въ одинъ широкій, бурный протокъ, который по Безъимянной долинѣ направляется съ востока на западъ въ Оку, такъ что въ это время года получается одна живая струя, одна рѣка Ворсма, пересѣкающая весь Горбатовскій уѣздъ съ востока на западъ.

Подобныя измѣненія въ теченіи рѣкъ, съ соответственными перемѣнами окружающей мѣстности, не представляютъ особенно рѣдкихъ явленій. Такъ, въ семи верстахъ отъ Нижняго Новгорода, лежитъ сельцо Ляхово. Селеніе это расположено на берегу глубокой долины, на днѣ которой журчитъ ручей, только весною проявляющій какія-то слабыя права на названіе рѣченки. Между тѣмъ, это рѣка Рахма, о которой упоминается въ исторіи, какъ о мѣстѣ побоища русскихъ боевыхъ силъ съ татарами. По мѣстнымъ преданіямъ, въ давно прошедшія времена, Рахма была на столько значительною рѣкою, что чрезъ нее существовалъ перевозъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ помѣщичій домъ. Въ тѣ времена, по разсказамъ, жилъ въ этой деревнѣ одинъ колдунъ, который, разсердившись на своихъ односельчанъ, заговорилъ истоки рѣки Рахмы и одновременно поджегъ деревню. Рахма изсякла и превратилась въ ручеекъ. Мѣстные жители утверждаютъ, что Рахма вновь, современемъ, потечетъ обильною водою, но что тогда и деревня ихъ вновь погоритъ, а до этого событія съ рѣкою не можетъ быть пожаровъ въ селеніи. Дѣйствительно, говорятъ, что около ста лѣтъ въ Ляховѣ не было пожаровъ. Лѣтъ пять назадъ начался было, къ общему изумленію, пожаръ, но ограничился однимъ овиномъ.

Вѣроятно, и Рахма изсякала вслѣдствіе поднятія почвы или исчезновенія ея источниковъ, вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ, подобно тому какъ верховья рѣки Ворсмы въ Безымянной долинѣ оказываются нынѣ въ видѣ сухихъ рѣчекъ, оживающихъ только весною.

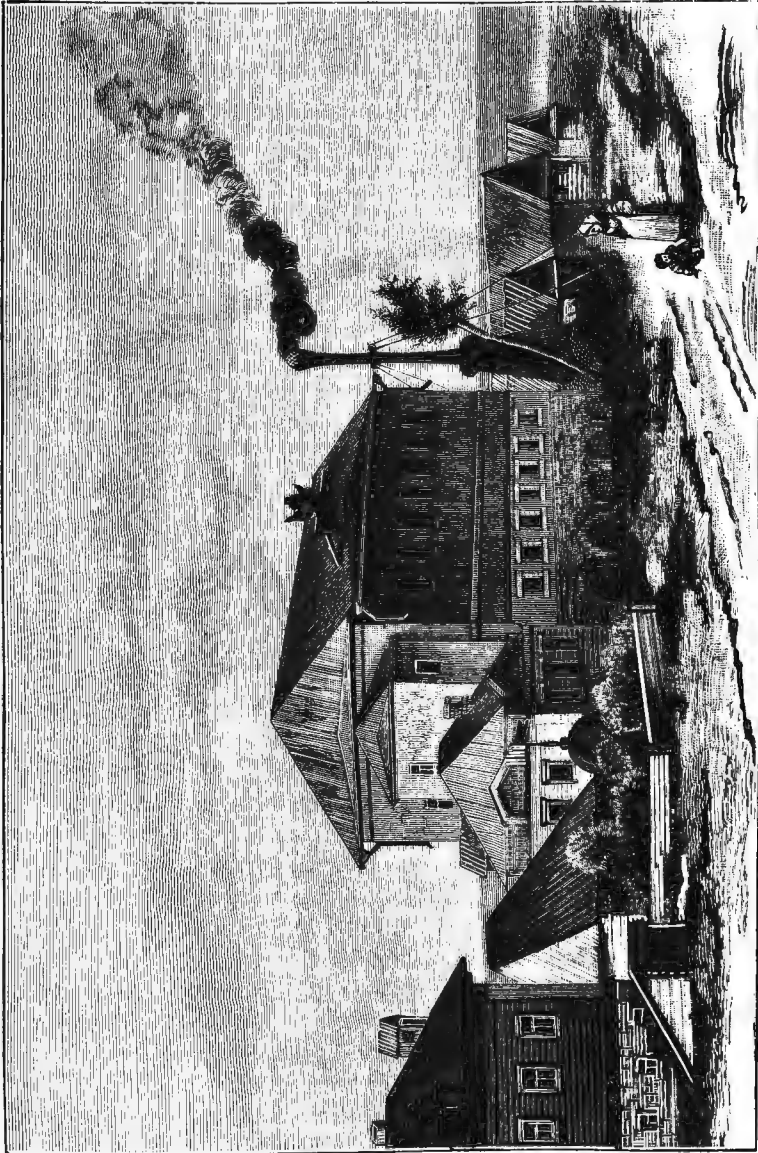
Село Ворсма лежитъ въ 58 верстахъ отъ Нижняго Новгорода, на почтовой дорогѣ отъ этого города въ Муромъ, въ 20 верстахъ къ юго-востоку отъ своего уѣзднаго центра, Горбатова, и въ 12 верстахъ отъ Павлова, имѣющаго тѣсную связь съ Ворсмою по металлическому производству. Время возникновенія села Ворсмы въ точности неизвѣстно. Полагаютъ, что Ворсма основана въ семнадцатомъ вѣкѣ, послѣ Павлова. Первоначальными владѣтелями, какъ перваго, такъ и втораго села, являются князья Черкасскіе, родственники дома Романовыхъ, такъ какъ сестра патриарха Филарета была замужемъ за княземъ Черкасскимъ. Основаніе Троицкаго монастыря на Тосканскомъ озерѣ совпадаетъ съ постройкою около него села Ворсмы. По преданіямъ, въ десяти верстахъ отъ Павлова, при крутомъ поворотѣ Оки на сѣверъ, существовалъ бѣдный мужской Воскресенскій монастырь. Мѣстность эта донинѣ называется Воскресенскими горами. По просьбѣ монаховъ, князья Черкасскіе перевели ихъ обитель въ Павлово на то мѣсто, гдѣ въ этомъ селѣ находится церковь Воскресенія. Но затѣмъ князья Черкасскіе облюбовали мѣстность около озера Тосканки и перевели на его островъ монастырь изъ Павлова, назвавъ его «Троицкимъ Остроозерскимъ». Дѣйствительно, по историческимъ актамъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій просилъ, въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, царя Алексѣя Михайловича дозволить ему вмѣсто деревянной церкви, находившейся на островѣ и пришедшей въ ветхость, соорудить новую деревянную же. Последняя сгорѣла въ 1673 году. Тогда, въ 1688 году, князь Михаилъ Яковлевичъ Черкасскій построилъ на островѣ монастырь съ каменными зданіями, окруживъ его каменною стѣною съ четырьмя башнями.

Въ селѣ Ворсмѣ болѣе 400 домовъ и около 4,000 жителей. Въ самомъ селѣ, сверхъ монастыря, четыре церкви. Улицы въ немъ широкія, и такъ какъ кузницы расположены за селомъ, то и воздухъ въ немъ чище. Почти всѣ жители Ворсмы занимаются исключительно слесарнымъ и кузнечнымъ дѣломъ, или у себя на дому, въ видѣ кустарнаго промысла или на мѣстныхъ и павловскихъ фабрикахъ металлическихъ издѣлій. Хлѣбопашествомъ въ Ворсмѣ вовсе не занимаются, такъ что для своего продовольствія обходятся привознымъ хлѣбомъ. Слесарное и кузнечное производство водворилось въ Ворсмѣ послѣ Павлова, такъ что последнее село донинѣ служитъ для перваго главнымъ рынкомъ сбыта кустарныхъ издѣлій. Въ Ворсмѣ преимущественно изготовляется всякаго рода ножевой товаръ, а именно—ножи перочинные, складные, хлѣбные, садовые, рыбацьи, кухонные и друг., также

серпы, уполовники, ковшы, наковальни, топоры, долота, овечьи ножницы, лопаты и проч. Замочнаго производства въ Ворсмѣ вѣтъ, почему въ этомъ мѣстѣ и возможно имѣть кузницы не при домахъ, а за селомъ.

Ворсма особенно славится своими перочинными ножами. Эту извѣстность составила ей фабрика Завьялова, изображенная на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ и основанная въ 1827 году. Завьяловскіе ножи приобрѣли себѣ европейскую извѣстность, получивъ на лондонской всемірной выставкѣ почетную медаль. Но первыми водворителями производства перочинныхъ ножей въ Ворсмѣ считаются, по всей справедливости, братья Панковы, у которыхъ была фабричка задолго до Завьялова. Они были тогда главнѣйшими изготовителями перочинныхъ ножей, славились въ Россіи, но затѣмъ раззорились. Иванъ Гавриловичъ Завьяловъ, бывший тогда мелкимъ кустаремъ, крѣпостнымъ крестьяниномъ графа Шереметева, которому принадлежала Ворсма, ловко воспользовался паденіемъ дѣль у Панковыхъ и развилъ свое собственное небольшое производство перочинныхъ ножей. За Завьяловымъ, сверхъ доведенія этого производства до возможнаго совершенства, та заслуга передъ русскимъ людомъ, что онъ сталъ продавать свои ножи подъ собственнымъ клеймомъ, которому доставилъ всемірную извѣстность, донынѣ вполне поддерживаемую. До Завьялова павловскіе и ворсминскіе фабриканты ставили на свои отличныя издѣлія англійскія клейма. Завьяловъ, въ первое время своей дѣятельности, по необходимости, слѣдовалъ тому же примѣру, но, затѣмъ, убѣдившись въ присущей добротѣ своихъ перочинныхъ ножей, рѣшился разорвать съ этимъ обыкновеніемъ, позорнымъ для всякаго уважающаго себя фабриканта, дорожащаго своимъ умѣніемъ и знаніемъ. Дорога по правой стезѣ была пробита смѣлымъ ворсминскимъ кустаремъ, а по ней за нимъ пошли остальные. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ завьяловская фабрика выстроена въ 1869 году. Она снабжена двѣнадцатисильною паровою машиною. На ней болѣе 200 рабочихъ занимаются изготовленіемъ перочинныхъ ножей и другого ножевого товара и, сверхъ того, до 800 кустарей по окрестнымъ деревнямъ, работающихъ въ своихъ домахъ, получаютъ заказы отъ завьяловской фабрики. И. Г. Завьяловъ довелъ ежегодное производство на своей фабрикѣ лучшихъ сортовъ ножей до суммы 200,000 рублей. Мужское поколѣніе Завьяловыхъ нынѣ вымерло и фабрика перешла къ незамужнимъ дочерямъ ея основателя.

Подобно тому, какъ Завьяловъ сосредоточилъ около себя производство ножевого товара въ Ворсмѣ, фирма Н. Н. Шмакова болѣе шестидесяти лѣтъ была самою крупною производителницею топоровъ въ этомъ селѣ. Эта фирма выпускала въ продажу ежегодно до 15,000 топоровъ, славившихся своею добротой. Послѣ смерти родоначальника фирмы, она раздѣлилась между двумя его сыновьями и тѣмъ утратила часть своего прежняго значенія.

Фабрика Завьяловыхъ въ Ворсмя.

IV.

Стрѣлецкій острогъ. — Князья Черкасскіе. — Графъ Шереметевъ. — Мѣстоположеніе Павлова. — Лабиринтъ улицъ. — Пожаръ 1872 года. — Скупщики, ростовщики, кустари. — Понедѣльники — роковые дни. — Фабриканты. — Калякинъ. — Вырыпаевъ. — Каналъ и его вліяніе. — Кондратовъ.

Село Павлово упоминается уже въ писцовой книгѣ 1621 года, въ которой оно названо «село Павловъ-Острогъ». Въ книгѣ Большого Чертежа, въ началѣ XVII вѣка, Павлово названо городомъ. Въ этой писцовой книгѣ говорится, что, въ началѣ второй половины XVI вѣка, невдалекѣ отъ нынѣшняго Преображенскаго собора, находился стрѣлецкій острогъ, выстроенный для охраненія торговаго тракта и судоходства по рѣкѣ Окѣ. Острогъ былъ названъ Павловымъ. По преданіямъ, въ началѣ XVI столѣтія, на этомъ мѣстѣ поселился въ кельѣ нѣкто Павелъ, который занимался перевозомъ черезъ Оку. Павлово было дворцовымъ селомъ, когда, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, оно подарено было князю Ивану Борисовичу Черкасскому, мать котораго, княгиня Марѳа, была сестрою митрополита Филарета. Въ 1745 году Павлово перешло къ графу Петру Борисовичу Шереметеву, женившемуся на дочери князя Михаила Борисовича Черкаскаго. Церковь Преображенія начата была постройкою въ Павловѣ уже въ 1643 году, а церковь Воскресенія, на мѣстѣ бывшаго тутъ монастыря, переведеннаго въ Ворсму, въ 1788 году.

Павлово расположено отчасти на горѣ, отчасти въ лоцинѣ, по оврагамъ, пересѣкающимъ правый берегъ Оки. Улицы села безпрестанно то спускаются внизъ, то поднимаются къ верху. Подъемы мѣстами до того круты, что на нихъ устроены деревянные мостовья, потому что иначе лошади во время дождей не въ состояніи бывають вытаскивать телѣги съ грузами. Перерѣзанная мѣстность Павлова представляетъ собою лучшую характеристику волнистой, сѣверной части Горбатовскаго уѣзда, прилегающей къ Окѣ. Узкія, извилистыя улицы съ подъемами и спусками являются какимъ-то лабиринтомъ въ этомъ своеобразномъ городѣ-селѣ, въ которомъ дома не только не имѣють садовъ, но даже огородовъ. О землѣпашествѣ нѣтъ и помина среди павловскаго населенія. Павлово расширилось нынѣ до того, что съ приселками въ немъ считается 14,000 жителей, а безъ приселковъ около 6,000. Страшный пожаръ 1872 года, съ 11-го на 12-е іюля, истребилъ въ Павловѣ болѣе 500 домовъ, при чемъ сгорѣла почти вся нижняя половина его. Нѣкоторыя части села обстроились вновь по плану, но многіе дома, особенно каменные, остаются донинѣ въ развалинахъ. Владѣльцы ихъ, не мастера, а торговцы, предпочли переселиться въ Нижній Новгородъ и тамъ основаться. Выданная изъ государственнаго казначейства ссуда погорѣльцамъ въ размѣрѣ 60,000 рублей,

сверхъ денегъ данныхъ безвозвратно, не могла быть возвращена жителями, вслѣдствіе пониженія почти на половину цѣны на павловскія издѣлія, а потому, въ іюлѣ 1884 года, послѣдовало высочайшее распоряженіе о сложеніи этой недоимки съ села Павлова.

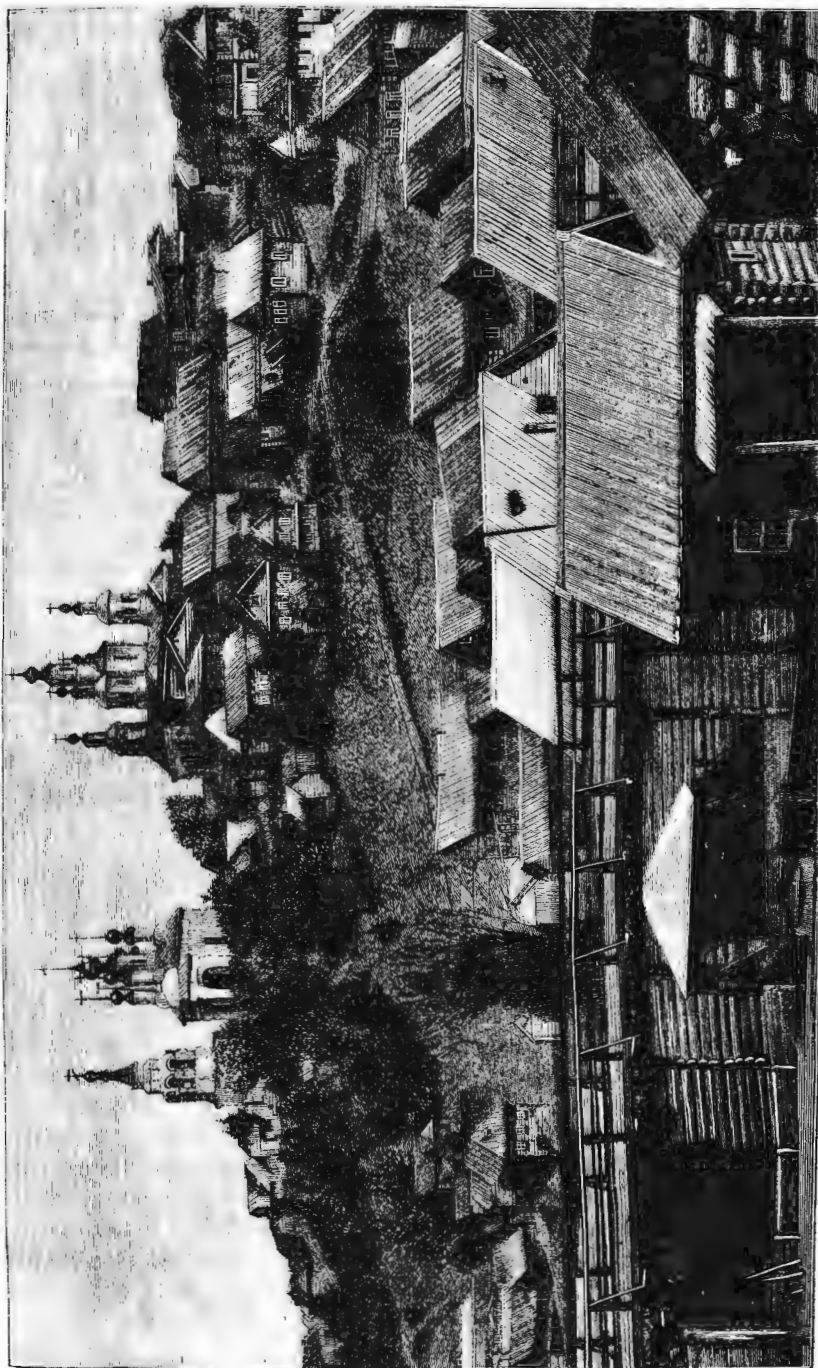
Правый берегъ Оки, на которомъ расположено Павлово, мѣстами поднимается почти отвѣсно на высоту до 40 и 45 сажень. Съ «вѣнца» этой кручи у самаго села виднѣются обширныя пространства долины Оки, представляющія глазу наблюдателя разнообразныя картины. Точно также видъ на Павлово съ лѣваго берега рѣчки, на ея правыя высоты, можетъ дать не мало увлекательныхъ сюжетовъ для пейзажиста. Особенно же замѣчательно впаденіе въ Оку у Павлова быстрой рѣчки Тарки, вода которой отличается прозрачностью и холодностью. Струя этой рѣчки стремительно падаетъ съ возвышенности между бѣлыми алебастровыми берегами и своимъ быстрымъ теченіемъ вырываетъ въ ограничивающихъ ее алебастровыхъ стѣнахъ пещеры и глубокіе ходы. Нижніе слои почвы у Павлова состоятъ изъ двухъ-аршиннаго пласта плотнаго гипса, но выработка алебастра тутъ не производится изъ опасенія обрывовъ и обваловъ. И на днѣ Оки, противъ Павлова имѣющей значительную глубину, выступаютъ толщи этого гипса, образуя каменистыя гряды.

Въ Павловѣ находится до 18 крупныхъ фабричныхъ заведеній съ наемными рабочими, дающихъ, сверхъ того, заказы кустарямъ, какъ въ самомъ этомъ селѣ, такъ и въ Ворсмѣ и въ другихъ селеніяхъ сталеслесарнаго района. У фабрикантовъ рабочіе, именно, искусные и умѣлые, зарабатываютъ гораздо болѣе, чѣмъ кустари, трудящіеся у себя на дому, особенно же тѣ изъ послѣднихъ, которые работаютъ не по заказамъ скупщиковъ и фабрикантовъ, а должны выносить свои издѣлія на базаръ, гдѣ подвергаются всякимъ притѣсненіямъ со стороны скупщиковъ. Кустари въ Ворсмѣ по этой причинѣ лучше обставлены, чѣмъ подобные же имъ труженики въ Павловѣ, потому что работаютъ преимущественно по заказамъ и не находятся въ зависимости отъ скупщиковъ, которые основали свое пребываніе исключительно въ Павловѣ. Въ Ворсмѣ при мнѣ проживалъ только одинъ скупщикъ. Въ Павловѣ, на его базары по понедѣльникамъ отъ 4 до 7 часовъ утра (главные, такъ какъ пятничные имѣютъ второстепенное значеніе), собираются кустари съ заготовленными ими издѣліями со всего сталеслесарнаго района, такъ что оказывается обиліе предложенія и недостатокъ спроса. Скупщикамъ, вслѣдствіе того, остается только разставлять свою паутину и ждать спокойно, какъ въ нее будутъ попадать, одинъ за другимъ, несчастные кустари, вынужденные необходимостью возвратиться съ хлѣбомъ для своей голодной семьи и потому дающіе скупщикамъ высасывать изъ себя всѣ соки. Скупщиковъ въ Павловѣ около пятидесяти, но изъ нихъ только половина при-

надлежитъ къ наиболѣе крупнымъ. Сверхъ скупщиковъ, язвою для кустарей оказываются ростовщики, ссужающіеся ихъ деньгами за огромные проценты. Появились и особаго рода дѣятели, во время базаровъ сообщающіе скупщикамъ, за извѣстное вознагражденіе, о тѣхъ кустаряхъ, которые болѣе другихъ находятся въ нуждѣ и, слѣдовательно, которыхъ легче остальныхъ можно прижать при покупкѣ у нихъ издѣлій. Въ 1884 году губернская власть обратила, однако, вниманіе на подобныхъ соглядатаевъ и двое изъ нихъ, оказавшіеся евреями, безъ права жительства въ Нижегородской губерніи, были немедленно высланы за ея предѣлы.

На площади, около лавокъ скупщиковъ, толпятся въ базарный день кустари, толкаются, дерутся, показываютъ образцы своихъ издѣлій, торгуются. Если скупщикъ согласился, наконецъ, купить по образцу, то къ нему несутъ уже въ лавку всю купленную партию. Но за нее продавецъ получаетъ только двѣ трети стоимости деньгами, а остальную треть какимъ либо товаромъ, по цѣнѣ, назначаемой покупателемъ. Изъ наличной суммы вычитается, сверхъ того, по обычаю, промѣнъ, простирающійся отъ 1 до 1½ 0/0, а иногда и болѣе. Но притѣсненія кустаря скупщикомъ еще не окончены послѣ пріобрѣтенія у него товара по крайне пониженной цѣнѣ. Расчетъ деньгами дѣлается часто крупными кредитными билетами, за размѣнъ которыхъ приходится приплачивать мѣняламъ. Товаръ же дается кустарямъ не тотъ, который имъ нуженъ, напримѣръ, ржаная мука, а какой пожелаетъ скупщикъ. Дается чай, оцѣниваемый послѣднимъ по 2 руб. фунтъ, который кустарь съ трудомъ сбываетъ потомъ за 75 коп. какому нибудь торговцу. Такъ какъ всѣ скупщики дѣйствуютъ заодно, по соглашенію между собою, то кустари находятся въ безвыходномъ положеніи, потому что не въ силахъ пробить подобную стачку покупателей. Труженники съ трудомъ добываютъ себѣ насущный хлѣбъ, а притѣснители ихъ, скупщики-кулаки, наживаются на дешево купленномъ товарѣ сто процентовъ. Скупщики не только раззоряютъ кустарей, но и развращаютъ ихъ. Притѣсненія кустарей дешевиною даваемой цѣны при покупкѣ съ несправедливымъ затѣмъ расчетомъ, скупщики такимъ удешевленіемъ не только вызываютъ ихъ на низкопробную работу, но и заставляютъ ставить на ней фальшивыя клейма, чтобы выгоднѣе сбыть ее подъ именемъ извѣстнаго фабриканта.

Въ Павловѣ и Ворсмѣ все, что кустарь успѣлъ заготовить въ теченіе недѣли, если онъ работаетъ не по заказу, онъ относитъ въ понедѣльникъ на базаръ. Если онъ успѣлъ сбыть свои издѣлія на наличныя деньги, что удается не многимъ, онъ тутъ же покупаетъ и необходимый ему матеріалъ для дальнѣйшей работы и продовольствіе для всей семьи на недѣлю. Если же кустарь не успѣлъ сбыть своихъ издѣлій, онъ или беретъ все ему необходимое въ долгъ

Видъ села Павлова.

или закладываетъ свой товаръ ростовщику, который выжметъ отъ бѣдняка все, что только возможно. Ростовщики бываютъ часто тѣми же скупщиками.

Кореннымъ древнимъ промысломъ въ Павловѣ считается изготовленіе замковъ. Производство ножей водворилось здѣсь значительно позже, именно, около 1780 года, чрезъ десять лѣтъ послѣ закрытія, въ 1770 году, желѣзнаго завода на рѣкѣ Таркѣ, который устроилъ было графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, для расширенія желѣзной и стальной промышленности въ Павловѣ. Заводъ этотъ оказался бесполезнымъ. Хорошія ножницы стали изготовлять въ Павловѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ этомъ отношеніи далъ сильный толчекъ французъ Канаплъ, торговавшій въ Петербургѣ, въ магазинѣ на Невскомъ проспектѣ, гдѣ теперь продажа картинъ Бегрова, стальными издѣліями. Канаплъ оцѣнилъ достоинство издѣлій павловскихъ мастеровъ, сталъ ѣздить къ нимъ въ село и обучилъ ихъ болѣе искусной выдѣлкѣ ножницъ, перочинныхъ ножей и тому подобныхъ стальныхъ издѣлій. Старики въ Павловѣ донынѣ съ благодарностью вспоминаютъ о Канаплѣ, и говорили мнѣ о немъ съ особеннымъ уваженіемъ. Канаплъ намѣревался устроить въ Павловѣ свой заводъ, со всѣми тогдашними усовершенствованіями, но мѣстныя условія этого села воспрепятствовали ему привести свое предположеніе въ исполненіе. Между прочимъ, Канаплъ, въ свои пріѣзды въ Павлово, выучилъ Банина полной выдѣлкѣ ножницъ, преимущественно ихъ складкѣ, что въ то время было камнемъ преткновенія для павловскихъ мастеровъ. И Банинъ сдѣлался лучшимъ фабрикантомъ ножницъ во всемъ мѣстномъ краѣ.

Между тѣмъ, какъ въ Тулѣ и ея окрестностяхъ сосредоточена выдѣлка внутреннихъ замковъ, въ Павловѣ ограничиваются производствомъ наружныхъ или висячихъ замковъ. Въ Павловѣ ихъ изготовляется болѣе ста различныхъ по своей формѣ и величинѣ сортовъ. Главные виды замковъ слѣдующіе: шведскій, конный или тульскій, рѣпчатый, мѣдный, сумочный или чемоданный, съ секретомъ и проч. Одни мастера занимаются исключительно ковкою и отливкою дугъ къ замкамъ, другіе изготовленіемъ пружинъ, ключей. Производство замковъ донынѣ осталось въ рукахъ кустарей и не перешло къ крупнымъ фабрикантамъ. Мастерская у такихъ кустарей составляетъ собственно и ихъ жилое помѣщеніе. У бѣднаго даже и горнъ вмѣстѣ съ верстакомъ находится въ комнатѣ. Машинъ и какихъ либо вспомогательныхъ станковъ у павловскихъ кустарей не имѣется. Даже конные приводы являются, какъ исключеніе, только у большихъ заведеній. Весь трудъ совершается физическою силою рабочаго. Въ такой семьѣ всѣ, мужчины, женщины, подростки, работаютъ замки. Семья изъ отца, двухъ сыновей и дочери (формировавшей и отливавшей части мѣднаго замка)

и двухъ рабочихъ-наемниковъ, изготовляетъ тысячу мѣдныхъ шведскихъ замковъ въ недѣлю, базарная цѣна которымъ отъ 5 руб. до 9 р. за сотню. Первая цѣна платится за самые дешевые, а послѣдняя за самые дорогіе. Но въ Павловѣ есть шесть, семь семей, которыя изготовляютъ въ недѣлю до 12,000 мѣдныхъ шведскихъ замковъ, главнѣйше сбываемыхъ по дешевымъ цѣнамъ на нижегородской ярмаркѣ, откуда они развозятся по всей Россіи, въ Закавказье, въ Бухару, Хиву, Персію, Турцію. Въ подобныхъ семьяхъ, добывающихъ себѣ только насущный хлѣбъ, работа начинается въ полночь и продолжается до шести часовъ утра. Послѣ завтрака и часового отдыха, кустарь принимается вновь за работу до двухъ часовъ пополудни, обѣдаетъ и вновь работаетъ до 9 часовъ вечера. Вообще, на работу употребляется около 18 часовъ времени, а потому она сильно изнуряетъ силы человѣка. При обточкѣ же и полировкѣ ножей и ножницъ на сухихъ точилахъ отъ камня отдѣляется мелкая пыль, которая губительно дѣйствуетъ на здоровье мастеровыхъ. Они не выживаютъ болѣе тридцати лѣтъ и умираютъ отъ чахотки. Въ одной деревнѣ Горбатовскаго уѣзда, гдѣ специально занимались подобною обточкою, умерли всѣ молодые парни. Въ настоящее время нашли возможнымъ сухія точила замѣнить смачиваемыми водою, которыя не такъ скоро обтачиваютъ, но зато сохраняютъ здоровье рабочимъ. Сверхъ того, нынѣ пришли также къ тому убѣжденію, что сухія точила портятъ лезы, т. е. закаленное остріе ножа и ножницъ.

Наиболѣе крупными фабрикантами стальныхъ издѣлій въ Павловѣ считаются: А. Н. Банинъ (преимущественно отличныя ножницы), Артемій Ивановичъ Калякинъ, Ѳедоръ Михайловичъ Вырыпаевъ (у котораго изготовляются превосходные столовые ножи). Въ Павловѣ Калякинъ ранѣе другихъ получилъ государственный гербъ на свои издѣлія. Послѣ Завьялова у Вырыпаева самая крупная фабрика въ этомъ краѣ, имѣющая машину въ восемь паровыхъ силъ. Первую паровую машину въ Павловѣ установилъ въ своемъ заведеніи Ногтевъ, въ 1866 году, предупредившій тѣмъ другихъ фабрикантовъ. Къ нему стали приходять работать со своимъ матеріаломъ и инструментомъ кустари, чтобы пользоваться услугами этой паровой машины. Вскорѣ послѣ него, въ 1868 году, мѣстный крестьянинъ Судаковъ, служившій до того машинистомъ на пароходахъ, устроилъ на своей родинѣ, въ селѣ Тумботинѣ, паровую личесельню, т. е. мастерскую для отдѣлки ножей. Фирма Калякина дѣйствуетъ съ 1810 года. Основатель ея, Иванъ Игнатьевичъ Калякинъ, началъ кустаремъ изготовлять мѣдные замки и ключи, затѣмъ перешелъ на столовые ножи, перочинные ножки, ножницы, бритвы и проч. Онъ и его преемники довели изготовленіе стальныхъ издѣлій на своей фабрикѣ до совершенства.

Ѳедоръ Михайловичъ Вырыпаевъ, нынѣ самый старѣйшій фа-

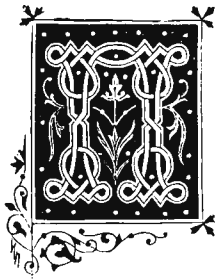
брикантъ въ Павловѣ, также дошелъ до своего нынѣшняго состоянія тяжкимъ трудомъ. Послѣ отца, онъ остался, въ 1830 году, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и поступилъ къ другому кустарю работникомъ по изготовленію мѣдныхъ замковъ. Вначалѣ онъ зарабатывалъ 60 коп. въ недѣлю, затѣмъ сталъ получать по 1 руб. Въ 1834 году его постигло новое бѣдствіе. По случаю неурожая и голода, фабриканты распустили рабочихъ. Вырыпаевъ не зналъ въ первое время, что и дѣлать, но потомъ рѣшился попытаться приняться за самостоятельную работу и завелъ свою собственную кузницу. Дѣло пошло, и, въ 1884 году, Ѳ. М. Вырыпаевъ удостоился уже награды, золотой медали на андреевской лентѣ, по случаю пятидесятилѣтняго существованія его фирмы. На лондонской выставкѣ, 1862 года, стальные издѣлія Вырыпаева удостоились почетнаго званія, и онъ былъ избранъ въ члены британскаго Общества для поощренія наукъ, искусствъ, мануфактуръ, земледѣлія и торговли. Съ 1848 года Вырыпаевъ сталъ изготовлять ножницы, а съ 1857 года ножи и ножевой товаръ, вообще. Его двухъ-этажная каменная фабрика съ паровою машиною построена въ 1868 году. На этой фабрикѣ изготовляется въ годъ болѣе 3,000 дюжинъ ножей и болѣе 2,000 дюжинъ ножницъ. Самые дешевые 3 руб. за дюжину, средніе по 4 р., 5 р. 50 к., 6 р., самые высокіе отъ 8 р. до 12 р. Лезвія для серебряныхъ ножей дѣлаются отъ 6 р. до 12 р. за дюжину, безъ черенковъ. Кустари изготовляютъ столовые ножи отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за дюжину. Эти ножи желѣзные. Сталь для хорошихъ ножей употребляется преимущественно англійская, не смотря на ея нынѣшнюю дороговизну, потому что, по словамъ фабрикантовъ и мастеровъ, изъ русской стали они донинѣ не могли добиться получать такой отличный товаръ какъ изъ англійской. Въ 1886 году въ Павлово прислана была съ уральскихъ заводовъ (кажется, съ нижнетагильскихъ) на пробу особо старательно приготовленная сталь, но въ состояніи ли она на опытѣ была замѣнить англійскую—еще не знаю.

Вырыпаевъ, подобно Калякину въ Павловѣ, имѣетъ государственный гербъ на своихъ издѣліяхъ. Такимъ же преимуществомъ пользуется Завьяловъ въ Ворсмѣ и Кондратовъ, Дмитрій Дмитриевичъ, въ Вачѣ (село Муромскаго уѣзда), гдѣ онъ, на своей фабрикѣ ножей, первый установилъ паровую машину. Кондратовъ, нынѣ купецъ, происходитъ изъ крестьянъ этого села.

Пав. Усовъ.

ДОЧЬ ГУСТАВА I.

ПОСЛѢ СМЕРТИ первой, любимой жены своей, Анастасіи Романовны (1560 г.), царь Иванъ Васильевичъ Грозный не разъ пытался найти себѣ невѣсту за границей, но безуспѣшно. Польскій король Сигизмундъ II Августъ, къ которому онъ прежде всего обратился съ предложеніемъ выдать за него королеву Екатерину, сперва отговаривался передъ посломъ царя, Сукинымъ, тѣмъ, что не можетъ согласиться на бракъ безъ ссылки съ императоромъ и другими королями, своими родственниками и пріятелями, а также безъ совѣщанія съ польскимъ сенатомъ, потомъ согласился, но до брака хотѣлъ заключить выгодный для Польши миръ съ Россіей, требовалъ немедленнаго прекращенія ливонской войны, съѣзда пословъ для переговоровъ на границахъ (вопреки исконному московскому обычаю заключать миръ въ самой Москвѣ), уступки Смоленска, Сѣверской земли и даже Новгорода и Пскова. Такія невозможныя условія равнялись отказу. Война съ Польшей за Ливонію возобновилась, а сестра Сигизмунда Екатерина скоро нашла себѣ, вмѣсто тридцатилѣтняго вдовца, царя Ивана, другого жениха — молодого, красиваго герцога финляндскаго Іогана. Иванъ Грозный былъ, повидимому, очень огорченъ и раздосадованъ своей неудачей и, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда счастливый соперникъ его Іоганъ, послѣ осады Або, взятъ былъ въ плѣнъ и подвергнутъ заключенію братомъ своимъ, королемъ Эрикомъ XIV, царь сталъ требовать у Эрика выдачи Екатерины и заключилъ даже съ этою цѣлью формальный договоръ съ шведскими послами (въ 1567 г.).

Послѣ неудачнаго польскаго сватовства, Иванъ Грозный бралъ себѣ русскіихъ женъ¹⁾, но до конца жизни своей не оставлялъ все-

¹⁾ Вторая жена Марія Темрюковна, впрочемъ, была черкешенка.

таки мысли жениться на иностранной принцессѣ. За два года до смерти, въ августѣ 1582 года, онъ, будучи уже въ седьмой разъ женатъ на Маріи Нагой, отъ которой въ октябрѣ того же года родился царевичъ Дмитрій Угличскій, сваталъ черезъ посла своего Писемскаго у королевы англійской Елизаветы племянницу ея, Марію Гастингсъ. Вопросъ о вѣроисповѣданіи, особенно же молва о крайне суровомъ и жестокомъ характерѣ московскаго царя, помѣшали и на этотъ разъ родственной связи московскаго двора съ иностранной династіей¹⁾.

Подробныя извѣстія о посольствѣ Сукина въ Польшу и Писемскаго въ Англію сохранились въ дипломатическихъ документахъ, касающихся сношеній съ этими государствами, и ими пользовались наши историки. Но до сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ, кажется, еще ничего не сообщалось о сватовствѣ царя Ивана Грознаго въ Швецію. Въ русскихъ памятникахъ сношеній со Швеціею нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ сватовствѣ²⁾. Между тѣмъ, шведскій историкъ Фриксель говоритъ, что въ царствованіе короля Эрика XIV (1560—1569) царь Иванъ Грозный сваталъ за себя сестру короля, принцессу Цецилію, но ни сама принцесса, ни братъ ея не согласились на предложеніе его³⁾. Если это правда,

¹⁾ Въ наказѣ Писемскому предписывалось, если скажутъ въ Англіи, что царь Иванъ женатъ, отвѣчать: «Государь нашъ по многимъ государствамъ посылалъ, чтобъ по себѣ прискаты невѣсту, да не случилось, и государь взялъ за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь, не по себѣ; и если королевина племянница дородна и такого великаго дѣла достойна, то государь нашъ, свою отставя, сговоритъ за королевину племянницу». Этими словами отчасти подтверждается достоверность приводимаго ниже извѣстія о сватовствѣ Ивана Грознаго въ Швецію. Такъ какъ тутъ при томъ рѣчь идетъ о многихъ государствахъ, то нужно предположить, что, кромѣ Польши и Швеціи, онъ неудачно сваталъ невѣстъ и въ другихъ земляхъ, хотя объ этомъ и не сохранилось извѣстій. Вполнѣ естественно, впрочемъ, что царь, производившій родъ свой отъ Августа Кесаря, а названіе бояръ отъ баварцевъ, и считавшій себя нѣмцемъ, такъ настойчиво добивался брака съ иностранной принцессой.

²⁾ Въ шведскихъ дѣлахъ, хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ 1562 года по 1567 годъ — перерывъ. Какъ видно изъ хранящейся тамъ же переписной книги посольскаго приказа (№ 1), документы о сношеніяхъ со Швеціею за этотъ періодъ были еще дѣлы въ 1614 году.

³⁾ And. Fryxell, Berättelser ur Svenska historien, т. III, стр. 180. Фриксель не указываетъ, къ сожалѣнію, источника, откуда онъ заимствовалъ это извѣстіе и не обозначаетъ точно времени, когда происходило сватовство. Есть еще одно шведское извѣстіе о желаніи Ивана Грознаго найдти себѣ невѣсту въ Швеціи, но оно относится уже ко времени царствованія Іогана III: епископъ абоскій Павелъ Юстенъ въ написанномъ на латинскомъ языкѣ (подъ заглавіемъ Acta legationis moscoviticae) донесеніи королю о посольствѣ своемъ въ Россію говорить, что въ 1572 году, когда Иванъ Грозный, послѣ двухлѣтняго заключенія, рѣшилъ, наконецъ, отпустить шведскихъ пословъ въ отечество и позвалъ ихъ въ Новгородъ къ своему столу, то передъ обѣдомъ царскіе бояре и дьяки раз-

то надо полагать, что Грозный не зналъ прошлаго принцессы Цециліи и ея характера. Личность и приключенія этой порочной и несчастной дочери великаго короля такъ хорошо характеризуютъ нравы того времени, что считаемъ небезынтереснымъ сообщить здѣсь о ней, со словъ Фрикселля, нѣкоторыя свѣдѣнія.

Густавъ I Ваза, знаменитый въ исторіи Швеціи освобожденіемъ ея отъ датскаго владычества, введеніемъ реформаціи и учрежденіемъ независимой наслѣдственной монархіи, имѣлъ пять дочерей. Всѣ онѣ отличались красотой и стройностью, но первое мѣсто между ними занимала принцесса Цецилія, родившаяся въ 1540 году. Съ прелестной наружностью, она соединяла живость и остроуміе. Придворные поэты шведскіе сравнивали ее съ Венерой и восхваляли ея бѣлую кожу, ея золотистые волосы и блестящіе глаза. Въ порывѣ восхищенія они увѣряли, что и душа ея такъ же прекрасна, какъ наружность. Но скоро стало обнаруживаться, что въ этомъ отношеніи поэты нѣсколько ошибались. Осенью 1559 года происходила свадьба старшей дочери Густава, Екатерины, съ владѣтельнымъ графомъ Остфрисландіи Эдзардомъ. вмѣстѣ съ женихомъ прибылъ въ Швецію и братъ его Іоганъ. Это былъ красивый молодой человѣкъ, живого характера, любимецъ матери своей и женщинъ, вообще. Ему скоро понравилась принцесса Цицилія, а онъ ей. Они подходили другъ къ другу и по красотѣ, и по характеру, и по лѣтамъ. Постоянно ихъ видѣли вмѣстѣ въ залахъ стокгольмскаго замка; придворные говорили, что это будетъ прекрасная парочка; самъ король и родственники, повидимому, ничего не имѣли противъ такого брака. Между тѣмъ, свадебныя празднества приблизились къ концу. Богатое приданое невѣсты было выдано и графъ Эдзардъ спѣшилъ отправиться домой, а Цецилія и Іоганъ съ грустью подумывали о разлукѣ. Старшій сынъ короля и наслѣдникъ престола, Эрикъ, получилъ отъ отца порученіе сопровождать отъѣзжающихъ до границы. Цецилія попросила у отца позволенія проводить также сестру. Старый король, ничего не подозрѣвая, далъ свое согласіе и путешествіе началось. Оно происходило очень медленно. Знатныхъ путешественниковъ вездѣ встрѣчали торжественно и гостепріимно. Богатые дворяне, изъ которыхъ иные были близкими родственниками невѣсты, хотѣли оказать честь и ей, и отечеству, особенно передъ иностранцами. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца путешественники успѣли только доѣхать до города Вадстены (на берегу озера Веттера). Здѣсь ихъ принималъ въ своемъ замкѣ третій сынъ Густава, Магнусъ. Отношенія между

спрашивали пословъ о лѣтахъ и красотѣ сестры королевской и изъявили желаніе имѣть ея портретъ (см. Ф. Аделунга, «Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи», ч. I, стр. 160). Принцесса Цецилія тогда была уже замужемъ, и распросы бояръ могли относиться къ одной изъ ея сестеръ.

графомъ Иоганомъ и принцессой Цециліей за время путешествія становились все болѣе и болѣе близкими и, наконецъ, перешли въ преступную связь. Оба были молоды и легкомысленны, и Цецилія забылась до того, что стала тайно, по ночамъ, принимать къ себѣ Иогана. Стоявшая вокругъ Вадстенскаго замка стража прежде всего замѣтила, какъ молодой графъ въ темныя ночи пробирался по лѣстницѣ къ окну Цециліи и исчезалъ тамъ. Караульные не осмѣливались донести объ этомъ, но слухъ о ночныхъ свиданіяхъ неосторожныхъ любовниковъ распространился по городу и скоро дошелъ до Эрика. Онъ посовѣтовался съ своимъ братомъ, герцогомъ Магнусомъ, и съ нѣкоторыми придворными и пришелъ къ рѣшенію накрыть любовниковъ. Стражѣ отдано было приказаніе внимательно слѣдить за окномъ въ помѣщеніи, занимаемомъ принцессой Цециліей. На третью ночь караульные снова замѣтили графа Иогана, влѣзшаго черезъ окно къ Цециліи. Они тотчасъ тихо взяли прочь лѣстницу и увѣдомили Эрика. Эрикъ и Магнусъ хотѣли сперва сами идти и вывести Иогана изъ комнаты сестры, но нѣкоторые изъ приближенныхъ отсовѣтовали имъ это, опасаясь, что разсерженные братья прибѣгнутъ къ кровопролитію. вмѣсто ихъ послано было нѣсколько придворныхъ. Они быстро ворвались въ комнату Цециліи и застали тамъ графа. Эрикъ велѣлъ тотчасъ подвергнуть его заключенію и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, самымъ постыднымъ образомъ изувѣчить. Затѣмъ, онъ отправилъ его подъ стражей къ королю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послалъ къ отцу письмо и формальный протоколъ о событіи въ Вадстенскомъ замкѣ. Графъ Эдзардъ долженъ былъ отложить свой отъѣздъ, чтобы попытаться помочь брату. По всей странѣ былъ большой шумъ и смущеніе по поводу этого скандальнаго случая въ королевскомъ семействѣ. Престарѣлому отцу крайне тяжело было получить извѣстіе о проступкѣ дочери, извѣстіе, такъ широко распространившееся вслѣдствіе необдуманности и безтактности сына. «Мы молимъ Бога, чтобы онъ взялъ насъ съ этого свѣта»,— писалъ онъ Эрику,—«насъ могли бы избавить отъ такого горя тѣ, которымъ больше всѣхъ бы слѣдовало насъ утѣшать и радовать». Такъ какъ дѣло получило такую огласку, что замаять его уже было невозможно, то Густаву пришлось принять самыя строгія мѣры. Иоганъ былъ подвергнутъ тяжкому заключенію въ замкѣ Эрбюгусъ. Брату его Эдзарду съ женою запрещено было возвращаться въ Стокгольмъ, и онъ остановился въ Вестеросѣ. Потомъ его съ женой, однако, допустили къ королю, и они на колѣняхъ умоляли его о помилованіи Иогана, но тщетно. Глубоко оскорбленный отецъ намѣревался, казалось, лишить его жизни. Когда Эрикъ узналъ, что дѣло приняло такой серьезный оборотъ и понялъ, наконецъ, свою собственную ошибку, то вздумалъ было поправить ее. Онъ сталъ писать и говорить вездѣ, что графъ Иоганъ посѣщалъ по ночамъ одну изъ фрейлинъ,

а не принцессу Цецилію. Не довольствуясь этимъ, онъ, съ цѣлью защитить честь сестры отъ взведенной на нее будто бы клеветы, велѣлъ выбить медаль съ ея бюстомъ на одной сторонѣ и изображеніемъ библейской Сусанны въ купальнѣ на другой. Медаль должна была обозначать, что Цецилія такъ же невинно оклеветана, какъ нѣкогда прекрасная Сусанна. Но никто уже не вѣрилъ этому. Многіе объясняли медаль какъ насмѣшку. Доброе имя Цецилія было навсегда запятнано.

Между тѣмъ, старая графиня Остфрисландская узнала, въ какой бѣдѣ находится ея любимый сынъ. Съ тоской и безпокойствомъ молила она многихъ сосѣднихъ нѣмецкихъ князей о посредничествѣ, и скоро въ Стокгольмѣ стали являться одно за другимъ посольства, просившія объ освобожденіи Іогана. Густавъ, наконецъ, согласился отпустить его, но сперва Іоганъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ оправдаться передъ оскорбленнымъ отцомъ. Густавъ принялъ его въ торжественной аудіенціи, окруженный сыновьями своими Іоганомъ и Магнусомъ, членами государственнаго совѣта и высшими придворными сановниками; въ ихъ присутствіи Іоганъ далъ клятву въ томъ, что онъ и принцесса Цецилія невинны. Послѣ этого, Іоганъ былъ освобожденъ и поспѣшилъ домой. Онъ никогда не женился и даже сталъ питать съ этого времени отвращеніе къ женскому обществу. Онъ посвятилъ жизнь свою дѣламъ благотворительности; несчастные находили у него постоянно защиту; особенно охотно покровительствовалъ онъ гонимымъ за вѣру.

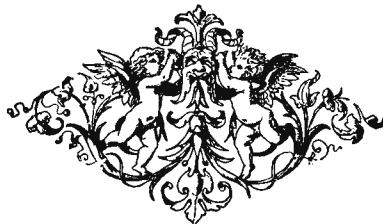
На престарѣлаго короля Густава, которому и раньше Эрикъ своимъ безразсудствомъ и явнымъ нерасположеніемъ къ отцу причинялъ не мало горя, несчастный случай съ Цециліей произвелъ удручающее впечатлѣніе и сократилъ его жизнь. При первомъ извѣстіи онъ позвалъ къ себѣ духовника своего, пастора Іогана, и когда тотъ пришелъ, встрѣтилъ его библейскими словами: «О, Іоганъ, душа моя прискорбна даже до смерти!» при чемъ слезы брызнули у него изъ глазъ. По временамъ его нѣкогда пылкій нравъ проявлялся въ гнѣвъ противъ Эрика и Цециліи. Но потомъ опять старался онъ со смиреніемъ преклониться передъ своимъ несчастіемъ. Разъ, наблюдая склонившуюся радугу, сталъ онъ благодарить Бога, который посредствомъ несчастія точно также склонилъ его нѣкогда гордое и жестокое сердце. «Гордые и непокорные,—говорилъ онъ,—не знаютъ милости небесной». Гнѣвъ и покорность чередовались въ его душѣ, но печаль оставалась постоянно и подтачивала его здоровье. Прислуга замѣчала иногда, что, разговаривая со своей молодой женой (онъ женился въ 1552 году въ третій разъ на одной своей родственницѣ), король плакалъ. По нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ можно было догадаться, что рѣчь шла о дѣтяхъ, и ихъ-то поведеніе вызывало слезы у отца. Онъ тяжело забо-

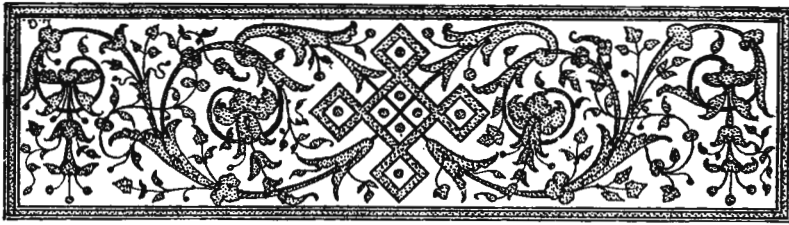
дѣль, наконецъ, и хотя на короткое время поправился, но болѣзнь скоро снова возвратилась и свела его въ могилу (29-го сент. 1560) г.

Сама виновница этой печальной для королевскаго семейства исторіи, повидимому, не особенно поражена была горемъ. Послѣ смерти отца, она нѣкоторое время еще блистала при блестящемъ и легкомысленномъ дворѣ Эрика, ставшаго королемъ. Не смотря на ея прошлое, ея красота и богатое приданое привлекали къ ней жениховъ. Скоро послѣ коронаціи Эрика (1561) прибылъ въ Стокгольмъ знатный польскій графъ Тессинъ для переговоровъ о Ливоніи. Ливонскій орденъ въ то время распадался. Царь Иванъ Грозный завладѣлъ уже Нарвою, Дерптомъ, Феллиномъ и другими городами. Ревель присягнулъ Эрику; островомъ Эзелемъ владѣлъ датскій принцъ Магнусъ. Магистръ ливонскій Кеттлеръ, архіепископъ и граждане Риги, отдались подъ покровительство Польши. Не желая усиленія московскаго государства, Польша стремилась завладѣть всѣми землями ордена, и графъ Тессинъ имѣлъ порученіе достигнуть соглашенія съ Швеціею относительно ливонскихъ дѣлъ и для подкрѣпленія этого соглашенія устроить бракъ герцога Югана съ сестрою Сигизмунда II Екатериною, а самъ онъ хотѣлъ жениться на принцессѣ Цециліи. Цециліи женихъ понравился, но Эрикъ не согласился на бракъ. Послѣ этого сватался къ ней по шведскимъ извѣстіямъ, какъ уже сказано выше, царь Иванъ Грозный. Отказавъ ему, она вышла, наконецъ, за маркграфа баденскаго Христофора, который до того времени былъ долго въ шведской службѣ и долженъ былъ знать прошлое своей невѣсты. Онъ дорого заплатилъ за свою необдуманность. Цецилія совсѣмъ почти не жила дома съ мужемъ; постоянно она была въ разъѣздахъ. Сперва ее вездѣ принимали дружелюбно, вслѣдствіе ея высокаго происхожденія и обворожительной внѣшности, но ея легкомысленное и развратное поведеніе скоро вызывало къ ней презрительное отношеніе. Въ это время она посѣтила также сестру свою Екатерину въ Фрисландіи, видѣла тамъ своего бывшаго возлюбленнаго, но графъ Юганъ избѣгалъ ея взглядовъ и разговора съ нею. При необыкновенной расточительности своей она въ нѣсколько лѣтъ почти совсѣмъ растратила свое богатое состояніе. Въ 1575 году умеръ ея мужъ, которому не разъ приходилось испытывать ея невѣрность. Послѣ этого она перешла въ католицизмъ, и потому получила пособіе отъ царствовавшаго тогда брата ея Югана III, который подъ вліяніемъ жены своей задумывалъ одно время ввести въ Швецію опять католичество. Но это не могло ей помочь: данныя братомъ деньги скоро были растрчены, и мало по малу она впала въ крайнюю бѣдность и самый грубый развратъ. Всѣ ея дѣти были также несчастны или преступны. Старшій сынъ, Эдвардъ, былъ грубый, несправедливый и распутный человѣкъ. Онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «безумнаго маркграфа». Онъ дурно кончилъ

жизнь свою: упалъ пьяный съ лѣстницы и сломалъ себѣ шею. Другой, Христофоръ, былъ хромой и слѣпой. Третій, Филиппъ, велъ очень безпокойную жизнь. Самый младшій назывался Иоганномъ Карломъ и сдѣлался мальтійскимъ рыцаремъ. Въ 1594 году, будучи 23 лѣтъ отъ роду, пріѣхалъ онъ въ Антверпенъ и нашелъ тамъ мать свою, которая продолжала свой распутный образъ жизни. Онъ выпросилъ у мѣстнаго магистрата позволеніе увезти ее оттуда. Онъ вывелъ мать свою изъ ея убѣжища, но такъ какъ она стала сопротивляться, то онъ толкнулъ ее ногою и потащилъ по улицѣ за ея нѣкогда воспѣтые поэтами золотистые волосы, не смотря на ея крики и плачь. Въ гнѣвѣ онъ потянулъ ее при томъ такъ сильно, что вывихнулъ у ней руку. Затѣмъ, онъ поселилъ ее въ деревнѣ, вдали отъ глазъ любопытныхъ. Но безчестіе матери, а, можетъ быть, также и раскаяніе въ собственной жестокости подѣйствовало на него такъ сильно, что съ этихъ поръ онъ сталъ страдать чахоткой, которая скоро уложила въ гробъ нѣкогда цвѣтущаго юношу. Цецилія жила довольно долго и послѣ этого, оставленная всѣми родными, безъ мужа, безъ дѣтей, безъ защиты. Не сохранилось извѣстій о томъ, какъ и въ какомъ мѣстѣ провела она остальную жизнь. Извѣстно только, что она умерла въ 1627 году, 87 лѣтъ отъ роду, переживъ, такимъ образомъ, всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ. Въ Швеціи въ это время царствовалъ ея родной племянникъ, знаменитый герой тридцатилѣтней войны, Густавъ II Адольфъ.

К. Якубовъ.

О ВРЕМЕНИ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО И СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКОВЪ.

(Посвящается памяти Николая Васильевича Калачова).

ОЯВЛЕНИЕ статьи г. П. П—ва — «Двухсотлѣтіе сформирования гвардейскихъ полковъ. 1687—1887 гг.»¹⁾ указало на печальный фактъ, свидѣтельствующій, что господа пишущіе о предметахъ, состоящихъ въ связи съ событіемъ, совершившемся въ Москвѣ и въ селѣ Преображенскомъ въ ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 года, не заглядываютъ въ вышедшій въ 1884 году I-й томъ изданія Археографической комиссіи—«Розыскныя дѣла о Федорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ», — и, черезъ это, основываютъ свои выводы не на письменныхъ документахъ, современныхъ событіямъ, а на сказаніяхъ болѣе или менѣе ошибочныхъ, составленныхъ прежними писателями по преданіямъ и рассказамъ. Доказательствомъ этому служить упомянутая статья г. П. П—ва, въ которой авторъ, опровергая, на основаніи извѣстныхъ уже источниковъ, что ни въ 1682-мъ ни въ 1683-мъ годахъ не было учрежденія гвардейскихъ полковъ, повторилъ сказанное Н. Г. Устряловымъ въ 1858 году, «что рѣшительное сформированіе Преображенскаго полка началось Великимъ постомъ 1687 года²⁾. Но если бы г. П.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», т. XXVIII, 1887 г., стр. 240—242.

²⁾ Исторія царствованія Петра Великаго, т. II, 1858 г., стр. 330.

П—въ ознакомился съ содержаніемъ I тома — «Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ», то убѣдился бы, что и въ 1689 году не то что о началѣ сформированія гвардейскихъ полковъ, но и о потѣшныхъ солдатахъ не было рѣчи. Говорилось же и писалось только о потѣшныхъ конюхахъ, послужившихъ, помимо воли и намѣренія ихъ, къ роковому событію въ ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 года, прекратившему государственную и политическую дѣятельность царевны Софіи Алексѣевны.

Подтвержденіе сказаннаго имѣется въ разспросѣ окольникову Ѳедору Шакловитову, отъ 7-го сентября 1689 года, гдѣ, между прочимъ, вмѣщено: «Въ прошломъ во 195-мъ (1687) году, въ Великій постъ объявилось письмо на Лубянкѣ; принесъ то письмо къ нему (Шакловитову, какъ къ начальнику стрѣлецкаго приказа) пятисотный Ларіонъ Елизарьевъ, на полустолбцѣ; а въ томъ писмѣ написано, чтобъ всякихъ чиновъ люди, народомъ собрався, шли къ Казанской Богородицѣ, и учинили бѣ по тому писму. И къ церквѣ де Казанскія Богородицы, для того писма, посылалъ онъ его, Ларіона, и онъ, Ларіонъ, вынявъ изъ-за иконы то письмо, принесъ къ нему. А то письмо было въ тетратехъ, на 4-хъ листахъ, писано полууставомъ. А въ немъ писано про великую государыню благовѣрную царевну и великую княжну Софію Алексѣевну многія непристойныя слова, отъ чего было еѣ государскому здоровью всякого дурна.—Да въ томъ же писмѣ написано было побить бояръ многихъ, къ которымъ она великая государыня милостива.—А въ то же время у великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, учили прибирать потѣшныхъ конюховъ, и отъ того учало быть опасеніе.—И изволила великая государыня приказывать ему, Ѳедкѣ, чтобъ для того опасенія стрѣлцы, которыхъ полковъ пристойно, были къ великому государю царю и великому князю Іоанну Алексѣевичу и ей великой государынѣ радѣтельны и вѣрны. И онъ, призвавъ пятисотныхъ, Стремяного, Ефимьева, Жукова (полковъ), говорилъ, чтобъ они въ томъ имъ, государемъ, послужили: есть ли откуды какая будетъ замѣшанина, и они бѣ, въ то время, того не допустили и ихъ, государей, оберегли. И они въ томъ общались.—И послѣ того прихаживали къ нему по многія времена и говаривали, что ихъ потѣшные конюхи вездѣ изобижаютъ и побиваютъ, и если де не управитца,—и отъ нихъ де будетъ всѣмъ худо,—и имъ говаривали: «и васъ де стануть за ноги таскать».—И онъ де въ томъ имъ отговаривалъ и до того ихъ не допустилъ».

За тѣмъ Ѳедоръ Шакловитовъ показалъ далѣе: «А въ прошломъ де во 197-мъ (1689) году, августа въ 7-мъ числѣ, былъ онъ, Ѳедка, боленъ и по него де были съ Верху (изъ дворца) присылки чтобъ быть, какъ ни есть, въ Верхъ для нужного дѣла.—И онъ, Ѳедка, выбрелъ въ Верхъ насилу.—И великая де государыня ца-

ревна изволила говорить, что она, государыня, общалась того — итти въ Донской монастырь пѣшимъ ходомъ, чтобъ для того походу изготовить пѣшихъ стрѣлцовъ поболши для того, что передъ тѣмъ временемъ, недѣли за двѣ, изволила великая государыня ходить въ Новодѣвичъ монастырь пѣшимъ походомъ, и въ то время на Дѣвичѣ Полѣ, передъ нею государынею, не подалеку, навѣдомо какіе люди зарѣзали до смерти отставного конюха, — и чтобъ для того вышеписанного походу у тѣхъ стрѣлцовъ, для опасенія, было ружье. — И онъ для того походу стрѣлцовъ человекъ со сто велѣлъ нарядить. — И послѣ того, спустя съ часъ, государыня царевна изволила ему Ѳедкѣ говорить, что объявилось у нихъ, государей, въ Верху письмо; а въ томъ писмѣ написано, что потѣшные конюхи, собрався въ селѣ Преображенскомъ, хотѣли приходить августа противъ седмого числа на ихъ государственной домъ въ ночи, и ихъ, государей, побить всѣхъ; а противъ де осмого числа будутъ для того кончая, — и чтобъ она государыня брата своего государева, великого государя царя и великого князя Іоанна Алексѣевича, и свое государственное и сестеръ своихъ государскихъ здоровья опасла. — И изволила государыня царевна, для того опасенія, собрать въ городъ стрѣлцовъ ста три или болши, — чѣмъ бы тотъ приходъ возбранить, и для того жъ опасенія по Кремлю всѣ ворота въ тое ночь запереть и впредь запирасть»¹⁾).

Объ этомъ сборѣ написалъ и пятисотный Нифонтъ Чулошниковъ въ письмѣ, отъ 31-го августа 1689 года: «И Ѳедка Шакловитой, призвавъ того полку пятисотного, его Нифонта Чулошникова, чтобъ велѣлъ быть стрѣлцомъ съ ружьемъ готовымъ у заднихъ воротъ. А сказалъ: сего де числа будутъ потѣшные въ Кремль и хотятъ де какія нибудь учинить пакости»²⁾).

О потѣшныхъ же конюхахъ сказано въ разпросѣ полковника Семена Резанова, отъ 1-го сентября 1689 года: «А собраны де тѣ стрѣлцы въ то время для того походу Донского монастыря: пшатуца де потѣшные конюхи, и чтобъ де чего не учинили надъ великою государынею благовѣрною царевною»³⁾).

Для полноты сдѣланныхъ выписокъ и для освѣщенія происшедшаго въ ночь на 8-е августа въ Кремль, изъ опасенія прихода изъ Преображенскаго потѣшныхъ конюховъ, необходимо помѣстить все, относящееся къ этому, изъ допроса стрѣлецкому приставу Ефимьева полка Обросиму Петрову и изъ разпроса окольныхчиму Василю Савичу Нарбекову.

Схваченный своими однополчанами, Петровъ былъ привезенъ ими изъ Москвы въ Троицко-Сергіевскій монастырь, гдѣ въ до-

¹⁾ Ровыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ, т. I, столбцы: 165—168.

²⁾ Тамъ же, столбцы: 48—49.

³⁾ Тамъ же, столбецъ 61.

просѣ, ему данномъ 6-го сентября, показаль: «Въ прошломъ де въ 197-мъ (1689) году, августа противъ 8-го числа, на первомъ часу ночи, Ѳедка Шакловитой призываль его да Ондрюшку Кондратьева къ церкви Ризь-Положенія, что у великихъ государей на Сѣнехъ, и говорилъ имъ, чтобъ повѣстили въ слободахъ, и собрать бы людей изъ ихъ полку 100 человекъ, а Семенова полку Резанова 100-жъ человекъ, да Стремянного 100-жъ человекъ, Дмитреева полку Жукова 100-жъ человекъ.—А приказаль де тѣхъ людей собрать имъ съ ружьемъ для того: великій де государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, изволить быть къ Москвѣ; а съ нимъ де государемъ будутъ потѣшные конюхи; а хочеть де великого государя царя и великого князя Іоанна Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и великую государыню благовѣрную царевну и великую княжну Софію Алексѣевну извести.—И по тому де его Ѳедкину приказу они для того собраны и поставлены: Стремянного, Ефимьева, Жукова полку на Лыковѣ дворѣ (въ Кремлѣ, у Никольскихъ воротъ), а Резанова на Житномъ дворѣ (тамъ же, у Боровицкихъ воротъ). И того жъ де числа, тое жъ ночи, изволила великая государыня благовѣрная царевна ходить къ Казанской Богородицѣ (за Никольскими кремлевскими воротами, въ Китай-городѣ), а стрѣлцы де за нею, тѣхъ же полковъ, были съ бердыши.—И какъ де изволила отъ Казанской Богородицы итти въ Кремль, изволила имъ жаловатца: «есть ли бы де она не опаслась, и какъ бы де пріѣхали изъ Преображенского, всѣхъ бы де передавили».—И за тотъ ихъ сборъ околничей Василей Савичъ Нарбековъ сказалъ имъ: «великая государыня жалуетъ васъ всѣхъ по рублю человекъ»¹⁾).

Спрошенный по сему окольнічій Нарбековъ показаль: «Августа де противъ 8-го числа 197-го (1689) году, въ ночи, великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна изволила ходить въ Соборную церковь, а изъ Соборной церкви ходила къ церкви Казанскія Богородицы. А онъ де въ то время ночеваль дома, и указу де ему о выходѣ не было. А какъ де великая государыня тое ночи изволила итти съ Верху и къ нему де прибѣжалъ комнатной сторожъ Гришка съ тою вѣдомостью, что великая государыня изволила итти къ Казанской Богородицѣ; а посланъ ли онъ, сторожъ, къ нему,—того онъ не вѣдаетъ. А и прежде сего къ нему съ такими вѣдомостми, о выходахъ великія государыни, сторожи съ вѣдомостью къ нему прихаживали.—И какъ де онъ, Василей, по той вѣдомости, того августа противъ 8-го числа, въ ночи, поѣхаль въ городъ, и Боровицкіе де ворота были притворены, а не заперты; а караулной стрѣлецъ сказалъ, что въ го-

¹⁾ Тамъ же, столбцы: 111—113.

«Истор. вѣстн.», октябрь, 1887 г., т. xxx.

родъ пускать не велѣно,—а его де Василья въ то время пропустили. А стрѣлцовъ де онъ на Житномъ дворѣ никого не видалъ. И онъ де въ Николаевскія ворота поѣхалъ къ церкви Казанскія Богородицы. А на Лыковѣ де дворѣ стрѣлцовъ видѣлъ онъ, Василей, немногихъ—человѣкъ съ десятокъ,—стоятъ у Николаевскихъ воротъ и у Лыкова двора. А какъ де пріѣхалъ къ церкви Казанскія Богородицы, и великая де государыня благовѣрная царевна изволила стоять на папертѣ, гдѣ Апостолская проповѣдь, и передъ тѣмъ образомъ поютъ молебень и говорятъ акаѣистъ,—осмой или девятой икосъ. А на крылцѣ передъ церковью стоялъ Ѳедка Шакловитой. А около церкви стояло стрѣлцовъ разныхъ полковъ не малое число.—И по приходѣ де его, Васильевѣ, съ полчаса, великая государыня изволила Ѳедку Шакловитова послать домой—«не можетъ де».—И онъ де того часа и поѣхалъ,—а куды ѣздилъ, того онъ не вѣдаетъ, потому что назадъ онъ, Ѳедка, не бывалъ. А ему де Василью она великая государыня указала спросить: много ль человѣкъ стрѣлцовъ у церкви?—И онъ де Василей выходилъ и спрашивалъ. И они де, стрѣлцы, межъ себя смѣкались, и сказали ему Василью, что де ихъ разныхъ полковъ 260 человѣкъ. И великая де государыня указала имъ дать денегъ по рублю. И онъ де приказалъ истопнику Оскѣ денги имъ роздать. И они де денги, взявъ у него Оски, межъ себя росчитали. А капитану де, которой съ ними былъ, дано 3 рубли»¹⁾.

Ознакомившись, изъ приведенныхъ выписокъ, съ тѣмъ, что со стороны царевны Софіи Алексѣевны, въ ночь на 8-е августа, не было никакого умысла на жизнь, проживающаго въ селѣ Преображенскомъ царя Петра Алексѣевича,—напротивъ, она сама ожидала во всю эту ночь нападенія на Кремль преображенскихъ потѣшныхъ конюховъ, для чего приняла оборонительныя мѣры и провела эту ночь въ молитвѣ,—обратимся къ тому, что произошло въ эту же ночь въ селѣ Преображенскомъ.

Тамъ все спало безмятежно и спокойно, подъ охраною стрѣлцаго Лаврентья Сухорева полка, вставшаго на караулъ въ Преображенскомъ съ начала августа.

Но вдругъ, посреди этой спокойной ночи, караульные стрѣльцы слышали топотъ скачущихъ лошадей, несшійся по дорогѣ къ селу изъ Москвы, и, вслѣдъ за этимъ, предъ воротами царскихъ хоромъ явились двое прискакавшихъ стрѣлцовъ, Стремянного Ивана Цыклера полка, пятидесятникъ Дмитрій Мельниковъ и десятникъ Яковъ Ладогинъ, потребовавшіе безотлагательнаго доклада объ нихъ царю,—которому и извѣстили: «Сей де ночи, въ 3-мъ часу, отъ великаго государя изъ Преображенскаго пріѣхалъ къ Кремлю спалникъ, а сказался у Никольскихъ воротъ, на караулѣ, Ѳедоръ Пле-

¹⁾ Тамъ же, столбцы: 991—993.

щевъ; и караульщики, которые въ то время, для крѣпости, сверхъ караульщиковъ приставлены, пропустили его въ ворота; и въ воротахъ его, спалника, того же полку Стремяннаго, стрѣлецъ пятидесятникъ Микитка Гладкой съ товарищи съ лошади стащили и учили бить, и кричали: «тѣ де и надобны». А люди его, спалниковы, ушли къ Троицкимъ воротамъ. И у двора боярина князя Якова Никитича Одоевскаго взяли человѣка его и засадили на Лыковомъ дворѣ за карауль; да дву человѣкъ потѣшныхъ конюховъ, съ тѣмъ же человѣкомъ, взяли и посадили за карауломъ на Лыковъ же дворъ. А его, спалника, повели въ Верхъ къ Ѳедору Шахловитому; и, помѣшкавъ съ полчаса, или менши, привели его къ Николскимъ воротамъ Романова полку Ефимьева стрѣлецъ Ивашко Боровковъ съ товарищи, а сказали, что его Ѳедоръ Шахловитой велѣлъ отпустить, а человѣка его Ивашку и дву потѣшныхъ велѣлъ держать за карауломъ у Николскихъ воротъ. И того жъ де часа у Николскихъ воротъ Микитка Гладкой говорилъ: у спаского набату веревка къ языку привязана. И велѣлъ онъ, Микитка, слушать набату; а какъ де ударятъ въ набатъ итти въ Кремль,—а для чего?—того не сказалъ.—Да онъ, Микитка, пришедъ на Лубянку, тое жъ noci и того жъ часу, кричалъ караульнымъ стрѣльцомъ, которые стоятъ на сѣзжей избѣ, и велѣлъ кликать 300 человѣкъ съ ружьемъ къ сѣзжей избѣ, и велѣлъ слушать набату жъ.—И они де, увидавъ такой ихъ сборъ, побѣжали къ нему, великому государю, въ походъ въ село Преображенское¹⁾.

Извѣтъ этотъ до того перепугалъ 17-тилѣтняго царя Петра Алексѣевича, что онъ, подавшись паническому страху, какъ былъ въ постелѣ, въ одной сорочкѣ и босой, выбѣжалъ изъ спальни на дворъ и, схвативъ въ конюшнѣ лошадь своего дяди, боярина Льва Кирилловича Нарышкина, ускакалъ въ село Алексѣевское. За нимъ туда же ускакали: постельничій Гаврило Головкинъ, карликъ и извѣтчики-стрѣльцы. Объ этомъ тотчасъ же дали знать, чрезъ нарочно посланнаго стольника, Льву Кирилловичу, ночевавшему у себя на дворѣ,—и Нарышкинъ вмѣстѣ съ стольникомъ ускакали въ село же Алексѣевское²⁾. Между тѣмъ, по приказу ли, или по личному распоряженію полковника Сухорева, ввѣренный ему стрѣлецкій полкъ снялся съ караула въ селѣ Преображенскомъ и выступилъ въ походъ къ тому же селу Алексѣевскому. При этомъ Сухоревъ приказалъ сотенному Чичерову и стрѣльцу Кузьмину скакать въ Москву къ полковой сѣзжей избѣ, и выслать оттуда, также въ походъ къ селу Алексѣевскому, отпускныхъ стрѣльцовъ своего полка и извозчиковъ съ полковымъ обозомъ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, столбцы: 1—4.

²⁾ Тамъ же, столбцы: 487—488.

³⁾ Тамъ же, столбецъ 480—481.

И къ утру 8-го августа село Преображенское опустѣло,—о чемъ посланные ночью, отъ церкви Казанскія Богородицы, за Красное село къ селу Преображенскому, для наблюденій: «тутъ ли де государь и будетъ ли къ Москвѣ?» стрѣльцы Стремяннаго полка, Ѳедоръ Турка, Михайло Капрановъ и Иванъ Троицкій, слѣдившіе—первый подъ роцею, второй подъ Краснымъ селомъ, а послѣдній на плотинѣ этого села,—донесли Шакловитому, за полчаса до свѣта: «что де благочестивѣйшаго государя изъ Преображенскаго согнали: ушолъ онъ, государь, бось, толко въ одной сорочкѣ; а куды? того не вѣдомо». Озадаченный такою неожиданностью, Шакловитой не нашелся сказать ничего болѣе, какъ: «Волно ему, взбѣяся, бѣгать». Затѣмъ примолвилъ: «Куда хочеть—хоть за море!» Спустя послѣ этого съ часъ, явился къ Шакловитому приставъ стрѣлецкаго Остафьева полка и донесъ: «Великій государь изволилъ итти въ село Тонинское».

Покуда Шакловитой, а съ нимъ и царевна Софія Алексѣевна, оставались при этихъ свѣдѣніяхъ, въ самой Москвѣ, по словамъ педшихъ рано утромъ, по Срѣтенской улицѣ, людей съ грибами и двойхъ, проѣхавшихъ по той же улицѣ, конныхъ Стремяннаго полка стрѣльцовъ, стало извѣстно, «что великій государь изволилъ пойтти въ Троицкой-Сергіевъ монастырь, и идеть гораздо скоро».

Между тѣмъ, посланные Лаврентьемъ Сухоревымъ стрѣльцы, Чичеровъ и Кузьминъ, прискакали изъ Преображенскаго въ Москву, часа за три до свѣта, и затѣмъ Чичеровъ подѣхалъ прямо къ съѣзжей избѣ своего полка «и велѣлъ спусковыхъ стрѣльцовъ и извозчиковъ высылать поскорѣе, и у которыхъ ружье оставлено въ Преображенскомъ, тѣ бѣ шли въ Преображенское, а у которыхъ ружье дома, тѣ бѣ, взявъ ружье, шли въ село Алексѣевское». Кузьминъ же подѣхалъ къ избѣ отпускнаго стрѣлецкаго Сухорева полка десятника Осипа Орши и приказалъ ему «послать караульщиковъ кликать къ съѣзжей избѣ того жѣ полку стрѣльцовъ, которые въ отпуску, да извозчиковъ, чтобъ были въ походѣ въ село Алексѣевское».

Суматоху эту видѣлъ и слышалъ приемышъ, находящагося также въ отпуску, пятидесятника Сухорева полка, Алексѣя Севастьянова, Степка Алексѣевъ, который, наслушавшись возродившихся сплетень, «что будто великій государь изъ села Преображенскаго къ Москвѣ приходилъ, и его, великаго государя, будто на Москвѣ хотѣли удушить, и будто для того по Кремлю ворота были заперты, чтобъ его, великаго государя, не упустить, и будто великій государь, того испужався, съ Москвы ушолъ въ Троицкой-Сергіевъ монастырь бѣгомъ, и будто въ Москвѣ будетъ въ четвертокъ или, кончае, въ пятницу бунтъ»,—побѣжалъ въ Китай-городъ къ бабушкѣ своей, Маврѣ, торговавшей въ Жемчужномъ ряду на вишьякахъ, рядомъ съ другою торговкою, женою мовнаго сторожа,

Авдотьею Пареевьевою, и при погребщикѣ Ермилѣ Сидоровѣ, «учаль посылать, чтобъ они шли домой поскорѣе и пожитки убрали, а товаръ съ висѣлокъ взяли бы съ собою», и наказывалъ Авдотѣ и погребщику, «чтобъ они завтра въ городъ не ходили,—что будетъ худо»¹⁾).

Затѣмъ пошелъ по Москвѣ слухъ: «что великій государь изъ Троицкаго-Сергіева монастыря изволилъ итти въ Ярославль; да въ Троицкой же монастырь съ Москвы ѣдутъ бояре и боярыни съ сундуками»²⁾).

Явились на дворѣ дѣда государева, боярина Кирилла Полуэктовича Нарышкина, вѣсти: «Въ село де Преображенское къ великому государю Петру Алексѣвичю прибѣгалъ съ Москвы Стремяннаго полку стрѣлецъ, и ему, великому государю, извѣщалъ, что съ Москвы идутъ изъ всѣхъ полковъ стрѣлцы съ ружьемъ; а хотятъ такъ же учинить, что надъ царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ». Затѣмъ, на томъ же дворѣ пошли между боярскими людьми такіе толки: «Дай де толко нашей братьи боярскимъ людямъ собратца, будутъ де они и сами стрѣлцовъ за ноги волочить. Бояринъ де и оберегатель князь Василей Васильевичъ Голицынъ былъ подъ Крымомъ и ничего не сдѣлалъ, толко де наполнилъ свои руки, а ихъ братья, боярскихъ людей, тысячу другую потерялъ. Да чайтъ де ему да околничему Ѳедору Леонтьевичю Шакловитому головы отсѣкутъ.—Великій де государь Петръ Алексѣвичъ къ Москвѣ не будетъ, хотя и зовутъ; а поѣдетъ въ Великій Новгородъ, и тамъ де ему будетъ царство»³⁾, т. е., что, въ случаѣ неудачнаго исхода въ борьбѣ съ царевною Софьею Алексѣвною, Русское царство будетъ раздѣлено на-двое, и въ первомъ, Московскомъ, останутся царь Иоаннъ Алексѣвичъ и царевна Софія Алексѣвна, а въ послѣднемъ, Новгородскомъ, воцарится царь Петръ Алексѣвичъ.

Вотъ точное описаніе событія, происшедшаго отъ извѣта стрѣлцовъ Мельнова и Ладогина, въ селѣ Преображенскомъ и въ Москвѣ, написанное по даннымъ, взятымъ съ буквальной точностью изъ подлинныхъ «Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ», производившихся въ Розрядномъ шатрѣ, раскинутомъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, приверженцами царя Петра Алексѣвича, первоначально кравчимъ княземъ Борисомъ Алексѣвичемъ Голицынымъ, а затѣмъ, съ 9-го сентября, бояриномъ Тихономъ Никитичемъ Стрешневымъ, «безо всякой, какъ говорилось тогда, попорочки» къ приверженцамъ царевны Софіи Алексѣвны.

Теперь можно спросить: гдѣ же были въ роковую, на 8-е августа, ночь два, созданные царемъ Петромъ Алексѣвичемъ, полка,

¹⁾ Тамъ же, столбцы: 479—484.

²⁾ Тамъ же, столбцы: 485—486.

³⁾ Тамъ же, столбцы: 487—490.

Преображенскій и Семеновскій, или же тѣ потѣшныя солдаты, которые, «съ своимъ царемъ во главѣ, трудились до пота лица» еще весною 1687 года, и съ которыми, по цвѣтистому сказанію М. П. Погодина: «Лишь установилась погода, какъ и начались маневры, экзерциціи, сраженія, осады и приступы?»¹⁾, и почему царь Петръ Алексѣевичъ, вмѣсто того, чтобъ ускакать одиноко изъ Преображенскаго, не приказалъ своимъ потѣшнымъ полкамъ встать подъ ружье, вмѣстѣ съ тысячнымъ стрѣлецкимъ полкомъ Сухорева, и грудью дать отпоръ тѣмъ четыремъ стамъ стрѣльцовъ, скликнутыхъ въ Кремль, еслибъ послѣдніе, вслѣдъ за набатомъ въ Москвѣ, подошли бы къ Преображенскому?

Вопросы эти разрѣшаются, благодаря «Розыскнымъ дѣламъ», просто тѣмъ, что ни Преображенскаго, ни Семеновскаго полковъ, ни потѣшныхъ солдатъ, въ то время не существовало, а на своевольную и безначальную вольницу потѣшныхъ конюховъ рассчитывать было нечего,—потому и пришлось искать спасенія въ послѣднемъ бѣгствѣ.

На то же несуществованіе упоминаемыхъ полковъ указываютъ и послѣдующія событія, совершившіяся въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, по прибытіи туда, 8-го августа, царя Петра Алексѣевича.

Ходъ этихъ событій, по «Розыскнымъ дѣламъ», слѣдующій:

Какъ только подошелъ въ монастырь стрѣлецкій Сухорева полкъ и прибыли: царицы, Наталья Кирилловна и Евдокія Ѳеодоровна, съ царевною Натальею Алексѣевною, бояре, во главѣ съ кравчимъ князь Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, думные дьяки Никита Зотовъ и Автономъ Ивановъ съ дьяками и подъячими Мастерской палаты, стольники комнатные и часть стольниковъ и стряпчихъ лѣтнихъ походныхъ²⁾, то 14-го августа состоялся именной царя Петра Алексѣевича указъ, о посылкѣ грамотъ, — первой, въ Государственный Посольскій приказъ, на имя «Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя, ближняго боярина и намѣстника новгородскаго князя Василія Васильевича и боярина же князя Алексѣя Васильевича Голицыныхъ съ товарищи», — завѣдывающихъ выборными солдатскими полками, Ивана Захарова и Петра Гордона, — и второй, въ Стрѣлецкій приказъ, на имя «околничаго Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго съ товарищи», — завѣдывающихъ всѣми 20-ю московскими стрѣлецкими полками, — чтобъ полковники солдатскихъ полковъ со всѣми сержантами и капралами, при 10-ти рядовыхъ солдатъ отъ полка, и полковники жъ стрѣлецкихъ пол-

¹⁾ «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго», страница 121.

²⁾ Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ, т. I, столбцы: 427—429.

ковъ совсѣми пятисотными, пятидесятиками и десятиками, такъ же при 10 рядовыхъ стрѣльцахъ отъ полка, явились изъ Москвы въ Троицкой-Сергіевъ монастырь къ 18-му числу августа¹⁾.

Но такъ какъ «и августа по 25-е число съ Москвы, къ великому государю въ Троицкой-Сергіевъ монастырь, противъ грамотъ, столники и полковники и ихъ полковъ стрѣлцы никто не бывалъ», то 27-го августа состоялся другой именной указъ, о немедленномъ прибытіи въ монастырь и не однимъ уже представителямъ отъ солдатскихъ и стрѣлецкихъ полковъ, но и гостямъ, торговцамъ гостиной и суконной сотенъ, по 6 человѣкъ отъ сотенъ, старостамъ и сотскимъ дворцовыхъ слободъ и черныхъ сотенъ всѣмъ, при 10-ти тяглецахъ отъ слободы. При этомъ въ новомъ указѣ было присовокуплено: «А въ своихъ великого государя грамотахъ указалъ написать: какъ они — столники и полковники, и гости, и гостиныя и суконныя сотенъ торговые люди, и солдаты, и стрѣлцы и посадккіе люди въ Троицкой-Сергіевъ монастырь будутъ, и о дѣлѣ его, великого государя, — отъ чего онъ великій государь изъ села Преображенскаго ночнымъ, скорымъ и безвременнымъ походомъ пошли, и въ какомъ страхованіи и нынѣ въ Троицкомъ-Сергіевъ монастырѣ пребываетъ, о томъ о всемъ объявлено будетъ имъ подлинно, и чтобъ они были безо всякого мотчанія и отложки, не дожидаясь о томъ къ себѣ иного его, великого государя, указу. — А буде столники и полковники, по сему жъ великого государя указу, въ Троицкой-Сергіевъ монастырь не будутъ, и имъ за то отъ великого государя быть въ смертной казни»²⁾.

Но такъ какъ, не взирая и на откровенное сознаніе въ страхованіи, въ коемъ пребываютъ въ монастырѣ, и на угрозу, въ случаѣ неповиновенія, смертной казнь, прибывающихъ изъ Москвы оказывалось не много, то 31-го августа была послана изъ монастыря въ Москву грамота ко всѣмъ служилымъ иноземцамъ, на имя: генераловъ, полковниковъ, подполковниковъ, майоровъ, ротмистровъ, поручиковъ и прапорщиковъ, явиться въ монастырь со всею службою³⁾.

Тутъ напрашивается новый вопросъ: почему же царь Петръ Алексѣевичъ, находясь «въ страхованіи» и въ монастырскихъ стѣнахъ и имѣя при себѣ только стрѣлецкій Сухорева полкъ, тогда какъ въ Москвѣ у царевны Софіи Алексѣевны состояло: остальные 19 стрѣлецкихъ полковъ, 2 солдатскихъ, Ивана Захарова и Петра Гордона, полка и служилые иноземцы, — не сдѣлалъ никакого распоряженія по передвиженію въ монастырь Преображенскаго и Семеновскаго полковъ? — На вопросъ этотъ горячіе поклонники старо-

¹⁾ Тамъ же, столбцы: 281 — 282.

²⁾ Тамъ же, столбцы: 289 — 292.

³⁾ Тамъ же, столбцы: 303 — 306.

давнихъ сказаній отвѣтятъ: «Да по тому-де, что полки Преображенскій и Семеновскій пришли вмѣстѣ съ своимъ царемъ въ монастырь и оставались тамъ безотлучно, на что-де и указываетъ: 1-ое, что «Преображенскіе солдаты были назначаемы для содержанія караула у монастырскихъ воротъ», и 2-ое, что «пушки, мортиры и порохъ перевозилъ въ Троицкій монастырь, тайно отъ Вас. Вас. Голицына, капралъ Преображенскаго полка Лука Хабаровъ»¹⁾. Но, отвѣчая такъ, поклонники стародавнихъ сказаній просмотрѣли сказанное по сему предмету въ 1858-мъ году Н. Г. Устряловымъ: «Начало потѣшныхъ и постепенное образованіе ихъ объяснить трудно, по недостатку современныхъ матеріаловъ. Все, что писали позднѣйшіе историки, Крекшинъ, за нимъ Голиковъ, Бергманъ, Полевой и другіе, заслуживаетъ мало вѣроятія, по множеству явныхъ несообразностей и выдумокъ»²⁾. По этому сказанное г. Чичеринымъ въ «Исторіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка», что солдаты этого полка занимали караулъ у монастырскихъ воротъ, мы смѣло причисляемъ къ выдумкѣ, тѣмъ болѣе, что г. Чичеринъ не указалъ источника, изъ котораго почерпнулъ это свѣдѣніе; о Лукѣ же Хабаровѣ, какъ о капралѣ Преображенскаго полка, разъясимъ ниже. Теперь же укажемъ на помѣщенное въ «Розыскныхъ дѣлахъ», «Объявленіе о пожалованіи бывшихъ въ государевомъ объѣздѣ: въ селѣ Преображенскомъ, въ Троицкомъ-Сергіевѣ монастырѣ и въ Александровой слободѣ, ратныхъ всѣхъ чиновъ людей вотчинами, помѣстьями и деньгами по указнымъ статьямъ». Объявленіе это состоялось 10-го октября 1689 года, и въ немъ, между прочимъ, сказано: «А какъ въ прошломъ во 197-мъ (1689) году, августа противъ 8-го числа, въ ночи, великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, съ матерью своею государевою, съ великою государынею благовѣрною царицею и великою княгинею Наталіею Кириловною, и съ супругою своею государевою съ великою государынею благовѣрною царицею и великою княгинею Евдокіею Теодоровною, и съ сестрою своею государевою, съ великою государынею благовѣрною царевною и великою княжною Наталіею Алексѣевною, изъ села Преображенскаго изволили итти наскоро въ домъ Живоначалныя Троицы въ Сергіевъ монастырь, и притти въ монастырь того жъ числа, и изволили въ томъ монастырѣ быть октября по 6-ое число.—И вы, столники и генералы, и столники и полковники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и дѣяки, и жилцы, и начальные люди, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и копѣйщики, и рейторы и иныхъ чиновъ люди, августа въ 8-мъ числѣ, помня страхъ Божій и свое обѣщаніе, служба имъ великимъ госу-

¹⁾ «Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка», 1883 г., т. I, стр. 39—40.

²⁾ «Исторія царствованія Петра Великаго», 1858 г., т. II, стр. 327.

даремъ вѣрно, будучи при ихъ государскомъ здоровьѣ, ѣхали до Троицкаго монастыря неотступно; а иные того жъ числа съ великимъ поспѣшеніемъ къ нему великому государю пріѣхали въ Троицкой же монастырь, также и въ иныхъ розныхъ числахъ августа мѣсяца 197 года и сентября мѣсяца нынѣшняго 198-го (1689) году, къ нему великому государю въ Троицкой же монастырь и въ Александрову слободу, по его великого государя указу, и собою пріѣзжали и пріѣзды свои записывали,—и, живучи въ Троицкомъ монастырѣ, ихъ государское здоровье оберегали, и въ людскихъ харчахъ и въ конскихъ кормахъ великую нужду и убытки терпѣли».

«И великіе государи цари и великіе князи, Иоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, жалуютъ васъ ратныхъ вышеписанныхъ чиновъ людей и за ваши правдивыя и вѣрныя службы милостиво похваляютъ».

«И пожаловали великіе государи васъ: къ прежнимъ вашимъ окладомъ помѣстными и денежными придачами, изъ помѣстей вашихъ дать въ вотчину, по указнымъ статьямъ. И на тѣ вотчины указали великіе государи дать вамъ свои великихъ государей грамоты, чтобъ та ваша вѣрная и правдивая служба дѣтямъ вашимъ и внучатамъ, и впредь будущимъ родомъ была явна и памятна».

За симъ слѣдуетъ перечисленіе наградъ, по указнымъ статьямъ, боярамъ, кравчему, окольниковымъ, постельничему, думнымъ дворянамъ, стряпчему съ ключемъ, думнымъ дьякамъ, стольникамъ компанатнымъ, стольникамъ и стряпчимъ, дворянамъ московскимъ, дьякамъ, жильцамъ, стольникамъ и полковникамъ московскихъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ: Ивану Цыклеру, Лаврентью Сухореву и Алексѣю Чаплину, тѣхъ же полковъ подполковникамъ, городovýmъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ¹⁾.—О томъ же чтобъ вмѣстѣ съ прочими вѣрными царю Петру Алексѣевичу ратными людьми прибыли въ Троицкой монастырь потѣшные Преображенскій и Семеновскій полки, или же, вмѣсто нихъ, потѣшные солдаты, или конюхи, не упомянуто ни слова, и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ даже и намека, чтобъ кто либо изъ нихъ удостоился за свою правдивую и вѣрную службу и за претерпѣнную великую нужду и убытки какой либо награды.

О томъ же умалчивается и въ именной росписи явившимся къ царю Петру Алексѣевичу изъ Москвы въ монастырь, съ 29-го августа по 2-ое сентября. Въ росписи этой поименованы явившіеся отъ полковъ: Кровкова, Ефимьева, Нечаева, Дурова, Нармацкаго, Сухорева, Кобыльскаго, Цыклера, Жукова, Боркова, Спиридонова, Щербачова, Огибалова, Головцова, Сергѣева, Остафьева и Резанова²⁾. О явившихся же изъ полковъ Преображенскаго и Семе-

¹⁾ Ровыскныя дѣла о Шакловитомъ и его сообщникахъ, т. I, столбцы 423—430.

²⁾ Тамъ же, столбцы: 305—318.

новскаго не упомянуто, наравнѣ съ неявившимися изъ полковъ: Борисова, Дементьева и Калустина. Не упомянуто же не потому, что полки Преображенскій и Семеновскій были сполна на лицо въ монастырѣ, а потому, что ихъ еще не существовало. Доказательствомъ тому служить, что стрѣлецкій полкъ Сухорева, хотя пришелъ съ царемъ въ монастырь, но не въ полномъ составѣ, а потому и въ этотъ полкъ, наравнѣ съ прочими, была послана грамота 14-го августа, о немедленной явкѣ въ монастырь къ 18-го числу; а впоследствии, 2-го сентября, была послана особая грамота «о прибытіи всѣмъ, до единого человѣка, не дожидаясь иного великаго государя указу» ¹⁾).

Въ означенной именной росписи точно также не упомянуто ни объ одномъ офицерѣ, ни объ одномъ солдатѣ изъ полковъ Захарова и Гордона, ни объ одномъ генералѣ, или штабъ и оберъ-офицерахъ изъ служилыхъ иноземцевъ. Не упомянуто потому, что всѣ они сидѣли въ Москвѣ и поджидали: куда потянетъ благопріятствующая погода—на сторону ли царевны Софіи, или на сторону царя Петра?—Замѣтивъ же, въ началѣ сентября, что перевѣсъ въ роковой борьбѣ оказался на сторонѣ царя, они, измѣнивъ царевнѣ, явились въ монастырь и поклонились царю ²⁾. Главнымъ руководителемъ ихъ въ этомъ дѣлѣ былъ Патрикъ Гордонъ, вошедшій черезъ это въ большую милость у царя.

Милость эта повела къ тому, что царь Петръ Алексѣевичъ, выѣхавъ 15-го сентября изъ монастыря въ Александрову слободу, поручилъ Гордону «чинить воинскія экзерциціи конныя всякаго рода и со стрѣляніемъ изъ ружей» съ тѣми полками и ратными людьми, которые явились изъ Москвы въ Троицкій монастырь, — что Гордономъ и было исполнено въ теченіе 10 дней, на поляхъ между слободою и Лукьяновою пустынею ³⁾).

Послѣ сего о потѣшныхъ упоминается только въ «Дневникѣ Гордона», о томъ, что они участвовали на маневрахъ въ первомъ, такъ названномъ, Семеновскомъ походѣ, 2-го іюня и 11-го сентября 1690 года. А затѣмъ на маневрахъ же, извѣстныхъ подъ названіемъ «Второй Семеновскій походъ», въ коемъ двѣ составленныя арміи, наша и непріятельская, готовились «къ великому и страшному бою», впервые занесено въ письменный документъ, что въ составъ нашей арміи введены Преображенскій и Семеновскій полки подъ общимъ начальствомъ генерала Автонома Михайловича Головина, которые съ 6-го по 9-ое октября 1691 года впервые и окуривались порохомъ.

Въ виду этого не подлежащаго сомнѣнію свѣдѣнію, удостовѣряемаго сохранявшеюся въ Государственномъ Архивѣ реляціею о

¹⁾ Тамъ же, столбцы: 341—344.

²⁾ Дневникъ Гордона, 5 сентября 1689 года.

³⁾ Тамъ же, 25 сентября 1689 года.

маневрахъ «Второго Семеновскаго похода», можно выразить мнѣніе, что 1691 годъ слѣдуетъ считать годомъ учрежденія или сформированія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, получившихъ въ этомъ году свое боевое крещеніе.

Считать же 1887 годъ за «Двухсотлѣтіе сформированія гвардейскихъ полковъ» нѣтъ основанія, потому что между воспослѣдовавшимъ въ 1687-мъ году наборомъ потѣшныхъ конюховъ и состоявшимся въ 1691-мъ году сформированіемъ гвардейскихъ полковъ, общее заключается лишь въ томъ, что набранные съ 1687 года потѣшные конюхи поступили въ 1691-мъ году, какъ рекруты, въ составъ учрежденныхъ Преображенскаго и Семеновскаго потѣшныхъ полковъ.

При всестороннемъ разборѣ написаннаго о потѣшныхъ необходимо обратитъ вниманіе на тѣхъ стольниковъ и стряпчихъ лѣтнихъ походныхъ, о которыхъ упомянуто въ вышеприведенномъ объявленіи о наградахъ слѣдующее: «Стольникомъ же и стряпчимъ, опричь лѣтнихъ походныхъ, и дворяномъ московскимъ, и дьякомъ и жильцомъ, которые пріѣхали августа по 20-е число, тѣмъ помѣсного по 230 четвертей, денегъ по 27 рублевъ. А тѣмъ лѣтнимъ походнымъ, которые пріѣхали послѣ пришествія великаго государя, августа съ 10-го числа, помѣсныя и денежные придачи нѣтъ для того, что имъ довелось было ѣхать за нимъ великимъ государемъ,—а они послѣ 10-го числа пріѣхали»¹⁾. — По видимому, именно этихъ лѣтнихъ походныхъ стольниковъ и стряпчихъ Гордонъ въ «Дневникѣ» своемъ называетъ «the guards», то есть охраною. Но г. Устряловъ, цитируя это мѣсто, сказалъ: «Гордонъ свидѣтельствуемъ, что потѣшные (the guards) и всѣ особы, принадлежавшія ко двору Петрову, также многія приверженныя къ нему лица, находившіяся въ Москвѣ, послѣдовали за нимъ къ Троицѣ и прибыли туда 8-го августа»²⁾. Само собою разумѣется, что г. Устряловъ, хорошо сознавалъ, что the guards ни прямо ни косвенно не относилось къ потѣшнымъ конюхамъ; но такъ какъ по стародавнимъ сказаніямъ ни царю Петру не жилось безъ потѣшныхъ, ни потѣшнымъ безъ царя Петра, а между тѣмъ о бытности потѣшныхъ въ монастырѣ не упоминается ни въ одномъ изъ письменныхъ документовъ, то для почтеннаго историка ничего не оставалось какъ превратить the guards въ потѣшныхъ, чтобъ не расходиться съ сложившимся сказаніемъ.

Въ виду этого нельзя упрекнуть г. Дирина, который, вдохновившись сказочными доблестями потѣшныхъ конюховъ, написалъ по этому случаю въ «Исторіи лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка» (т. I, стр. 19). «Но не заставили потѣшные себя звать: чуть свѣтъ, провѣдавъ объ удаленіи царя и о причинѣ его бѣгства, они бросились въ

¹⁾ Ровыскныя дѣла о Ѳ. Шаковитомъ и его сообщникахъ, т. I, столбецъ 429.

²⁾ Исторія царствованія Петра Великаго, т. II, стр. 342.

Троицкую лавру защищать Петра. По прибытіи ихъ, обрадованный Петръ тотчасъ же приступилъ къ оборонѣ монастыря. Потѣшными же, скрытно отъ стрѣльцовъ, провезены были ночью, лѣсами, пушки, служившія до сихъ поръ одною потѣхою, но отъ которыхъ теперь ожидалось спасеніе царской семьи».

Послѣ этого можно перейти къ выдумкѣ историковъ о капралѣ Преображенскаго полка, перевозившемъ въ 1689-мъ году пушки, мортиры и порохъ изъ Преображенскаго въ Троицко-Сергіевскій монастырь.

Этого капрала Преображенскаго полка измыслили историки, разбирая челобитную гвардіи Преображенскаго полка квартирмистра Луки Хабарова, написанную имъ 6-го мая 1724 года, въ 20-ти пунктахъ, и сохранившуюся въ государственномъ архивѣ¹⁾. Въ челобитной этой, во 2-мъ ея пунктѣ, написано: «И въ прошломъ во 198-мъ году, по Вашему Императорскаго Величества имянному указу, посланъ я изъ Троецкаго Сергіева монастыря въ Москву и Преображенское, и изъ Преображенскаго привезъ я въ тотъ монастырь пушки и мортиры, такожъ де и порохъ бралъ съ зеленой мельницы и провозилъ лѣсами, тайно отъ князь Василья Голицына, и былъ при томъ дѣлѣ въ монастырѣ неотлучно, по отшествіи Вашего Императорскаго Величества изъ того Троецкаго монастыря въ Москву». За симъ слѣдуетъ 3-й пунктъ челобитной: «И по имянному Вашему Императорскаго Величества указу въ Москвѣ пожалованъ я изъ капраловъ въ квартирмистры въ Преображенской полкѣ». — И вотъ, изъ этихъ послѣднихъ словъ, не опредѣляющихъ ни полка, въ которомъ Хабаровъ служилъ капраломъ, ни года въ который онъ пожалованъ въ квартирмистры, выведено заключеніе, что если Хабаровъ былъ, въ 1689 году, капраломъ Преображенскаго полка, то-де это доказываетъ, что Преображенскій полкъ уже существовалъ до этого года²⁾. Между тѣмъ, если бъ было обращено вниманіе: во-первыхъ, на 1-й пунктъ челобитной Хабарова, гдѣ написано: «Въ прошломъ во 191-мъ году, сентября въ 5-й день, по Вашему Императорскаго Величества указу, пожалованъ я изъ недорослей къ комнатѣ Вашего Императорскаго Величества; и по именованію Вашего Императорскаго Величества указу вѣдалъ я въ Верху новопостроенныя хоромы и аптеку, и архимиску (sic) и нѣкакую часть ракетнаго дѣла, и въ Преображенскомъ артилерію и артилерійскіе припасы и амуницію много лѣтъ. И въ тѣ годы былъ я въ солдатехъ, и послѣ того пожалованъ въ капралы», и, во-вторыхъ, на вводныя слова, помѣщенныя Хабаровымъ во 2-мъ пунктѣ, что орудія и порохъ перевозились имъ «тайно отъ князь Василья Голицына»,

¹⁾ Кабинетныя дѣла, отд. II, книга 69, стр. 584.

²⁾ Погодинъ. Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго, стр. 175.

то убѣдились бы, что Хабаровъ служилъ въ одномъ изъ выборныхъ солдатскихъ полковъ, въ которомъ и пожалованъ въ капралы. А такъ какъ солдатскіе полки, какъ сказано выше, состояли подъ вѣдомствомъ государственнаго Посольскаго приказа, главнымъ начальникомъ коего былъ князь Василій Голицынъ, то Хабаровъ и украсилъ свою челобитную напоминаніемъ, что, перевоза орудія и порохъ «тайно» отъ своего непосредственнаго начальника, онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, подвергалъ свою служебную карьеру большой опасности. А что Хабаровъ могъ этого опасаться, то на это указываетъ, что князь Василій Васильевичъ ревниво относился къ всякому вмѣшательству въ вѣренныя ему по службѣ полномочія и власть, если эти послѣднія нарушались не то что какимъ либо капраломъ вѣренныхъ ему солдатскихъ полковъ, но даже и самимъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. На это указываетъ «Дневникъ Гордона», въ коемъ значится: «7-го сентября 1688 года, государь изъ Преображенскаго прислалъ въ полкъ (а не къ нему князю Голицыну), требуя пять молодыхъ барабанщиковъ и флейщиковъ, о чемъ какъ доложено было князю Василю Васильевичу, то сей мнилъ, что надлежало было оныхъ требовать отъ него, а что того не учинилось, въ томъ оказалъ свое неудовольствіе. По второй того же числа присылкѣ къ государю въ Преображенское барабанщиковъ и флейщиковъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Государь указалъ дать каждому по рублю и на пару платья».

«Того же сентября 8-го дня, государь прислалъ къ боярину по достальныхъ барабанщиковъ и флейщиковъ, и бояринъ ихъ отпустилъ къ государю съ капитаномъ, не удержавшись опять объ оказаніи своего неудовольствія. Сомнѣваться не можно, чтобъ не для потѣшныхъ молодые барабанщики и флейщики требованы и посланы были».

«Потомъ, ноября 13-го дня, государь указалъ прислать къ себѣ всѣхъ Бутырскаго полку барабанщиковъ, изъ которыхъ въ Преображенскомъ оставлено 10 человекъ, чтобы служить на коняхъ, какъ то и часть потѣшныхъ изъ конницы состояла».

Сказанное нами, что учрежденіе Преображенскаго и Семеновскаго потѣшныхъ полковъ воспослѣдовало не ранѣе 1691 года, подтверждается сохранившимися письменными документами, такъ напримѣръ: Въ «Хроникѣ Россійской арміи», составленной г. Висковатымъ и напечатанной въ 1845 году, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, помѣщенъ, найденный въ Москвѣ академикомъ Гамелемъ, современный списокъ штабъ и оберъ-офицерамъ, генеральному писарю и сержантамъ Преображенскаго полка за первую половину 1693 года. Въ списокѣ этомъ значится: полковникъ, Юрья Андреевъ сынъ Оамендинъ; маеоръ, Адамъ Адамовъ сынъ Вейде; поручикъ: Яковъ Павловъ сынъ Бернеръ, Иванъ Антоновъ сынъ Шмитъ, Андрей Андреевъ сынъ Гротъ, Давыдъ Ивановъ сынъ

Гастъ, Томасъ Николаевъ сынъ Гилбрантъ, Андрей Николаевъ сынъ Балкъ; прапорщики: Елизаръ Готцынъ, Алексѣй Магиновскій; генеральный писарь, Иванъ Инеховъ; сержанты: Моисей Бужениновъ, Аѳанасій Протасовъ, Яковъ Борзовъ, Иванъ Юровъ, Якимъ Воронинъ, Тимоѳей Чернцовъ, Гаврило Кобылинъ, Панкратій Глѣбовскій, Василей Байшевъ, Семень Макаровъ. Такое небольшое число начальствующихъ лицъ указываетъ, что три учрежденія составъ людей въ Преображенскомъ полку былъ очень малочисленъ. Не то случилось въ 1695 году, когда при тѣхъ же—полковникъ Ѡамендинъ и майоръ Вейде,—въ томъ же полку состояло на службѣ, не считая оберъ-офицеровъ изъ русскихъ, однихъ иноземцевъ въ чинахъ: капитана 15, поручика 10, прапорщика 15 человекъ.—Именной списокъ этихъ иноземцевъ помѣщенъ въ той же «Хроникѣ Россійской Арміи», г. Висковатова, и перепечатанъ г. Устряловымъ въ II томѣ «Исторіи царствованія Петра Великаго» и, почему-то, не помѣщенъ въ «Исторіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка»¹⁾.

¹⁾ Въ государственномъ архивѣ сохранились подлинныя письма первыхъ начальниковъ Преображенскаго полка къ царю Петру Алексѣевичу, во время бытности его въ Архангельскѣ, въ 1693—1694 годахъ, и подъ Азовомъ въ 1695 году, полныя высокаго интереса по своей формѣ и по содержанию, а потому приводимъ здѣсь, съ буквальною точностью, нѣкоторые изъ нихъ.

1

Господине шипгеръ,

Петръ Алексѣевичъ.

Здравствуй на многія лѣта. Ты еси единая наша радость во всемъ свѣтѣ со усердіемъ великое наше желаніе видѣть очи твои.

Начальные люди ходятъ на ученье съ великимъ тщаніемъ и на караулахъ стоятъ со опасеніемъ, надеждуемъ да будутъ въ полку порядки добрые.

Въ Преображенскомъ,
Августа 7 числа.

Юшка Ѡамендинъ.
Ивашко Инеховъ.
Адамко Вейде.

2

Господинъ шипгеръ,

Петръ Алексѣевичъ.

Здравствуй государь нынѣшняго въ день рожденія своего Мая 30-го числа. А на тотъ радостней день стрѣла была, по обыкновенію, всемъ полкомъ.

Да вѣдомо тебѣ государю буди: на Москвѣ пожаровъ было многое, и на тѣхъ пожарахъ народомъ воспоминали многіе—если бы ты здѣсь былъ, и до такихъ великихъ пожаровъ не допустилъ.

Въ Преображенскомъ,
Іюня 4-го дня.

Юшка Ѡамендинъ.
Ивашко Инеховъ.
Адамко Вейде.

За тѣмъ въ документахъ, честь открытія коихъ принадлежитъ г. Дирину, значится: «Въ приказныхъ столбцахъ помѣщено: «7200 (1691) году ноября 15, дано в—хъ г. изъ Мастерскія палаты Преображенскаго потѣшнаго полку барабанщику Петру Доброму ихъ в—хъ г. жалованья, въ приказъ, денегъ 10 р. (ст. 200 г. № 72).

3

Государю моему батюшку Петру Алексѣевичу нѣкоторы отъ убогихъ желаемо здравіе твое, Бога моля, челомъ бью.

О чемъ я, государь, милости у тебя просилъ чрезъ свое многое писаньишко, пожалуй, мой государь, порадуй меня сироту своего писаніемъ о здоровьѣ своемъ, хоша единою строкою, и я бы рабъ твой, смотря на то твое писаніе, хвалу Господу Богу воздавалъ, и о томъ бы радовался. А у меня раба твоего толко на свѣтѣ и радости, что ты, мой государь. Пожалуй, государь, не остави сего моего прошенія: извѣстно тебѣ, моему государю, житіе мое, кромя Бога и тебя, своего государя, помощника къ себѣ ни въ чемъ не имѣю.

Да извѣстно милости твоей, государь, чиню: въ твой государевъ ангель князь Никита Ивановичъ въ Преображенскомъ на генералскомъ дворѣ съ начальными людьми и съ нами урядники и съ салдаты и съ драгуны, послѣ строку про твое здоровье велми пили добре. Да прислалъ къ милости твоей, государь, безприворной холопю твой изъ Берлина шапку, Аничко Чербаковъ, въ чемъ тебѣ, государю, во здравіе опочивать; и я тое шапку съ симъ писаніемъ послалъ къ милости твоей. Да за Арбацкими вороты Іюля въ 1-й день былъ пожаръ, отъ Миколы Евленскаго къ Сивцеву Врашку, и дворовъ со сто и бошши выгорѣла. Да и у насъ въ Преображенскомъ кое гдѣ у салдатъ загоралоса; да милостію великаго Бога и твоимъ государскимъ счастьемъ отнимали. А въ домѣ твоемъ, государь, все далъ Богъ здорово.

Дерзнувы съ прошеніемъ слеано отъ убогихъ Мосейко Бужениновъ предъ ногами твоими голову свою приношу и челомъ бью. Іюля въ 6-й день.

4

Благодѣтели мои великіе.

Здравствуйте во многія лѣта. Вы еси единая утѣха моя во всемъ свѣтѣ, понеже вы суть подражатели Божіи и премудрость ваша съяеть во всемъ свѣтѣ.

Писаніе ваше къ генералу нашему Автаману Михайловичу донесено чрезъ почту августа 2-го, которая отпущена съ Коломогоръ іюля 28-го. И тѣмъ вы своимъ премудрымъ писаніемъ не токмо удивили, но и къ великой радости ево привели, тако что онъ, благодаривъ Богу, почалъ писаніе ваше со усердіемъ лобзати и намъ радость свою объявлять.

О вы, радость наша великая, утѣшайтесь до воли и вскорѣ къ намъ возвратитесь, и, по желанію нашему, пришествіемъ своимъ насъ обрадуйте.

За семъ предаю васъ въ сохраненіе Вышнова Бога и премного челомъ бью со усердіемъ желатель вамъ всякаго добра.

Въ Преображенскомъ,
Августа 4.

Юшка Оамендинъ.

5

Милостивой мой государь, здравіе твое до сохранить Господь Богъ.

Желаю милости, чтобъ благоволилъ отозватца чрезъ писаніе.

Сего мѣсяца въ 9-й день въ Преображенскомъ во именныхъ анбарахъ загорѣлось и одинъ анбаръ згорѣлъ. А въ томъ анбарѣ згорѣли: Михайло Кобелевъ,

Того же году апрѣля 22-го, куплено въ Мастерскую палату тафты бѣлой 30 арш., черной 15 арш., всего 45 арш., цѣною 23 алт. 2 ден. аршинъ; шелковой скани, зеленого, бѣлого, черного, по 10 золотн., по 6 ден. золотникъ; а тѣ тафты и шелки отданы въ Семеновской потѣшной полкъ на дѣло знаменъ». Въ тѣхъ же столбцахъ значится: «7201 (1692) году ноября 22-го, в. г. ц. и в. князи, Иоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, вс. В. и М. и Б. Россіи самодержцы, указали прислать въ Семеновской полкъ на съѣзжую новую избу,

Павель Волковъ, да обожглись: Иванъ Алексѣевъ, Иванъ Ивлевъ, Максимъ Назаревъ, Иванъ Блиновской, Иванъ Шестаковъ, Романъ Марковъ, Федоръ Ломковъ, Герасимъ Вересцягинъ, Михайло Сабуровъ, Иванъ Бахмістовъ, Андрей Истоминъ, Игнатей Озернинъ, Гаврила Баскаковъ. И я послѣ пожару у Ивана Алексѣева спросилъ: отъ чего загорѣлось?—потому что Карчминъ былъ въ отлучки, а приказалъ ему надсмотрѣть. И онъ, Иванъ, сказалъ, что отъ набойки (sic) загорѣлось. При семь слуга милости твоей челомъ бьетъ. Ивашка Чамберсъ.

6

Aller Gnadigste Grotte Herr.

Ваше милосердное писаніе изъ подъ Азова, мая 28-го числа, меня, іюня въ 10-й день, обрадовало, особлива добрымъ и здравымъ вашимъ пріѣздомъ въ Азовъ, которыми вѣстями при поздравленіи по писму вашему милосердіемъ большую часть нашей кумпаніи воздѣлилъ, которые всѣ, благодарствующи Господа Бога и милосердія ваша, радовалися.

Изъ вашего же писма выразишь, что будучи у боярина Алексѣя Семеновича гораздо веселились, и при томъ милосердіемъ вашимъ и нашихъ здравить не забывали, за что должно со усердіемъ благодарствуемъ. И по должности нашей мы также съ нарочетою кампанією, у меня собравшиися, ваша здравіе по часту пили на доброй вашей пріѣздъ въ Азовъ,—гораздо веселились. Старой дохтуръ Блументрость насъ не выдавалъ и противъ Ивашка Хмѣлницкаго нарочето стоять способствовалъ, — толко же не пособила: Ивашка Хмѣлницкой въ Бахусовой пѣхотою частою и скорою стрѣлкою такъ сильно приступалъ, что принуждены были силу свою потерять, и отъ того съ полуночи по домамъ бѣжать.

За симъ желаю: Всемогущій Боже содержи милость вашу впередя въ здравіе и въ радости, и помощи, Боже, всему вашему намѣренію доброе исполненіе и веселое возвращеніе, по жаланію вашему.

Ученики изъ недорослей дѣло свое нарочето знаютъ.

Iwe nderdanigster Dienar

Adamco Weyde.

Den 15 iuny
Ao 1699.

Подлинныя письма были сложены пакетомъ и запечатаны, вевзевыми печатами, краснымъ сургучемъ, за исключеніемъ письма Буженинова, написаннаго на столбцѣ. Хранятся въ кабинетныхъ дѣлахъ, въ книгахъ 53-й и 69-й. Первое письмо адресовано: «Шипгеру» (стр. 738); второе: «Господину шипгеру» (стр. 739); третье: «Вручить сіе писаніе государю моему Петру Алексѣевичю» (книга 53, стр. 15); четвертое: «Сержантамъ Преображенского полку» (стр. 733); пятое адреса не имѣетъ; есть только помѣта: «Апрѣля 21 д.» (стр. 748) и шестое адресовано такъ: «Пожаловать поднести высочайшему» (книга 53 стр. 85).

къ столнику къ Ивану Ивановичю Бутурлину, на столъ и на обивку стѣнъ 6 арш. сукна алаго кармазину (ст. 201 г. № 104) ¹⁾.

Въ виду приведенныхъ письменныхъ свѣдѣнй, удостовѣряющихъ, что первыя знамена развернуты надъ Преображенскимъ и Семеновскимъ потѣшными полками въ концѣ 1691 года, можно сказать, вопреки мнѣнйо г. Дирина ²⁾, что начертанный на лентахъ теперешнихъ знаменъ, вмѣсто 1691 года, 1683 годъ не соотвѣтствуетъ ни началу ни происхожденйо этихъ полковъ. Началу не соотвѣтствуетъ потому, что въ 1683-мъ году потѣшныхъ конюховъ еще не было; происхожденйо же не соотвѣтствуетъ потому, что зачисленйо въ составъ потѣшныхъ полковъ толпы потѣшныхъ конюховъ не составляетъ преобразованйо этой толпы въ потѣшные полки, а указываетъ лишь на то, что вновь учрежденные полки были укомплектованы потѣшными конюхами, вмѣстѣ и наравнѣ съ стрѣльцами Сухорева полка ³⁾.—Разсуждая же иначе и оспаривая этотъ выводъ, волею и неволею придемъ къ заключенйо, что правильнѣе или справедливнѣе будетъ отнести начало и происхожденйо потѣшныхъ полковъ ко дню учрежденйо, при царѣ Иоаннѣ Грозномъ, стрѣльцовъ, такъ какъ вошедшйо въ составъ потѣшныхъ полковъ стрѣльцы Сухорева полка имѣютъ на это большее право, по старшинству противъ потѣшныхъ конюховъ и по доказанной ими въ 1689-мъ году вѣрности къ учредителю упоминаемыхъ полковъ царю Петру Алексѣевичу. Вѣрность эта достойно оцѣнена въ послѣдствйо сооруженймъ въ честь этого полка вѣковѣчнаго памятника, извѣстнаго въ Москвѣ подъ названймъ «Сухорева башня», поставленной, какъ можно предполагать, на мѣстѣ, гдѣ стояла полковая сѣзжая изба. При этомъ нельзя не пожалѣть, что въ рядахъ русскаго воинства не сохранилось имени славнаго «Московскаго стрѣлецкаго Лаврентья Сухорева полка», переименованнаго, какъ сказано въ «Исторйо лейбъ-гвардйо Преображенскаго полка» (стр. 37), въ Старонгерманландскйо полкъ.

Но ошибки и даже натяжки писавшихъ по этому предмету до изданйо въ 1884-мъ году перваго тома «Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ», были возможны, потому что, за недостаткомъ современныхъ письменныхъ матеріаловъ, писавшйо были вынуждаемы добираться до сути событй, какъ бы, оцущью, и черезъ это выводили свои заключенйо наугадъ, или же повѣствовали съ прежняго чьего либо чужаго голоса.

Теперь же послѣ выхода первыхъ двухъ томовъ «Розыскныхъ дѣлъ», объяснившихъ многое, о чемъ прежде недоумѣвали и, по

¹⁾ Исторйо лейбъ-гвардйо Семеновскаго полка, т. I, стр. 21.

²⁾ Тамъ же, стр. 1.

³⁾ Исторйо лейбъ-гвардйо Преображенскаго полка, т. I, стр. 37.

догадкамъ, дѣлали ошибочные выводы, появленіе статей, въ родѣ «Двухсотлѣтіе сформированія гвардейскихъ полковъ. 1687—1887 гг.», повторяющихъ старыя ошибки, можно счесть совершеннымъ излишествомъ. Къ этому же отдѣлу принадлежитъ и замѣчаніе, сдѣланное г. П. П.—вымъ автору I тома «Исторіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка». Въ замѣчаніи этомъ выражено: «Еслибъ авторъ отнесся сколько нибудь внимательно къ приводимому имъ же самимъ (на стр. 34) свѣдѣнію о постройкахъ въ Преображенскомъ, онъ увидѣлъ бы, что раньше 1687 года ничего не было сдѣлано для помѣщенія чиновныхъ служилыхъ лицъ». Справка говоритъ: «Въ 1687 году, въ потѣшной башнѣ устроивается другое и третье жилье. Кроятся избы и сѣни на дворѣ, гдѣ ставится въ пришествіе великихъ государей кравчій Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, а также избы и сѣни, и навѣсы, гдѣ ставятся капитаны». Раньше, стало быть (заключаетъ г. П. П.—въ), этого не надобилось, потому что не было полковыхъ чиновъ».

Но еслибъ г. П. П.—въ справился съ «Розыскными дѣлами», то убѣдился бы, что полковые чины были и надобность въ избахъ «гдѣ ставятся капитаны» существовала раньше, но только не для предполагаемыхъ имъ капитановъ Преображенскаго полка, а для капитановъ стрѣлецкихъ полковъ, присылаемыхъ въ Преображенское для занятія «въ пришествіе великихъ государей» караула, подобно тому какъ стрѣлецкій Сухорева полкъ стоялъ тамъ на караулѣ съ августа 1689 года.

А что капитаны въ стрѣлецкихъ полкахъ были, это удостовѣряется именнымъ спискомъ капитановъ, явившихся изъ Москвы въ Троицко-Сергіевскій монастырь, сентября съ 3-го числа ¹⁾, не считая капитановъ изъ Ефимьева и Резанова полковъ, Василя и Филиппа Салоговыхъ, привлеченныхъ къ розыску въ качествѣ свидѣтелей.

Замѣчательно, что и г. Чичеринъ и г. П. П.—въ, относя начало сформированія гвардейскихъ полковъ, первый къ 1683, а послѣдній къ 1687 году, не замѣтили, что имъ обоимъ противорѣчить другая справка о тѣхъ же постройкахъ въ Преображенскомъ за 1689 годъ, помѣщенная на той же 34-й страницѣ «Исторіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка». Въ справкѣ этой значится: «Для потѣшныхъ конюховъ строятся 2 избы съ нарядомъ (sic)». Стало быть не то что въ 1683 или въ 1687, но и въ 1689 году сформированіе гвардейскихъ полковъ не начиналось, потому что въ селѣ Преображенскомъ избы строились въ послѣднемъ году не для солдатъ гвардейскихъ полковъ, а для тѣхъ же потѣшныхъ конюховъ, своеволіе которыхъ, тревожившее жителей Москвы,

¹⁾ «Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ», т. I, столбцы 377—378.

послужило къ распространенію въ ней подметныхъ писемъ и зловѣщихъ слуховъ, о затѣвваемомъ, будто бы, ими нападеніи на Кремль въ ночь съ 7-го на 8-го августа 1689 года.

О томъ же, что потѣшныя конюхи существовали и въ январѣ 1691 года, свидѣтельствуетъ выписка изъ расходныхъ книгъ царской Мастерской Палаты, помѣщенная г-мъ Диринымъ на 16-й страницѣ «Исторіи лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка». Въ выпискѣ этой значится: «7199 (1690) году ноября 17-го, дано жалованья потѣшному конюху Степану Бужанинову, аршинъ тафты бѣлой (№ 860/565)». Затѣмъ г-мъ Диринымъ привосокуплено: «Бужаниновъ зовется потѣшнымъ конюхомъ и въ январѣ 1691 года».

Заканчивая нашу статью, мы позволяемъ себѣ сказать, что «Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ», по общему заключенію заключающихся въ нихъ разнородныхъ свѣдѣній, должны служить настольною книгою для каждаго занимающагося изслѣдованіями событій и быта въ Россіи въ концѣ XVII столѣтія. Справляясь съ этимъ изданіемъ, можно свободно и вѣрно распутывать сплетенныя прежде натяжки и исправлять ошибки, если изслѣдователь свободенъ отъ предвзятаго имъ направленія и не станетъ приваравливать добытыя свѣдѣнія къ своей прежде намѣченной цѣли. Событія же являются, благодаря «Розыскнымъ дѣламъ», въ ихъ истинномъ, современномъ видѣ. Доказательствомъ сказанному можетъ служить настоящая статья, въ которой по затронутому вопросу, о времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, сами собою развернулись и освѣтились точныя причины: сбора стрѣльцовъ съ ружьемъ въ Кремль, бѣгства царя Петра Алексѣевича изъ села Преображенскаго, появленіе въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, вслѣдъ за прибытіемъ въ него царя, стрѣлецкаго Сухорева полка, и смутное состояніе въ Москвѣ отъ безпокойствъ, причиняемыхъ потѣшными конюхами, затѣмъ отъ ложныхъ слуховъ,—то о готовящемся нападеніи конюховъ на Кремль, то о такомъ же готовящемся нападеніи стрѣльцовъ на Преображенское, а въ заключеніе—отъ «ночного скорого и безвременного похода великаго государя въ Троицкой Сергіевъ монастырь».

Не даромъ же добросовѣстнѣйшій и приснопамятный собиратель современныхъ письменныхъ матеріаловъ, относящихся до минувшаго быта и исторіи о Россіи, Николай Васильевичъ Калачовъ помѣстилъ, предъ своею рановременною кончиною, въ своей послѣдней на два первые тома «Розыскныхъ дѣлъ» рецензіи такія слова: «Богатыя матеріалы этихъ томовъ нѣтъ, конечно, никакой возможности передать хотя бы и въ самомъ сжатомъ видѣ»¹⁾.

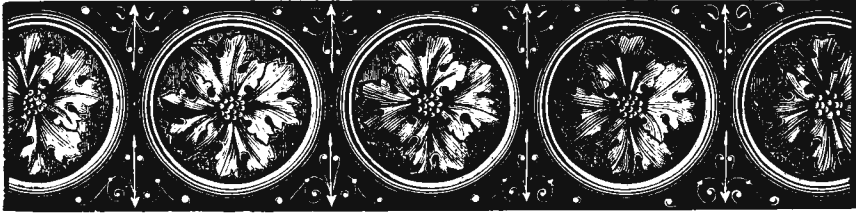
¹⁾ «Вѣстникъ археологіи и исторіи», издаваемый археологическимъ институтомъ, 1885 года, т. II, страницы 84—87.

Но если богатствомъ этимъ писатели не желаютъ пользоваться и не заглядываютъ въ него, то не постигнетъ ли такая же печальная участь и послѣдующіе III-й и IV-й томы «Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ», приготовляемые археографическою комиссіею къ изданію въ свѣтъ къ началу предстоящаго года. Между тѣмъ, содержаніе этихъ томовъ: объ административной ссылкѣ князя Василя Васильевича Голицына, о судѣ надъ нимъ по ложнымъ извѣтамъ въ государственныхъ преступленіяхъ и во взяткѣ съ крымскихъ татаръ боченковъ съ золотомъ, о бѣдствіяхъ постигшихъ его на пути по морю изъ Архангельска въ Пустозерскъ, а также описи на царей его помѣстій и вотчинъ, и описи его движимаго имущества, со включеніемъ церковныхъ утварей, бібліотеки и семейнаго архива, даютъ такое же богатое по содержанію и разнородности обиліе матеріаловъ, какое даю первыми двумя томами этого изданія.

Аскалонъ Труворовъ.

8-е августа 1887 года.

БЕНКЕНДОРФЪ И ДУБЕЛЬТЪ.

В ИМЕНАМИ такихъ дѣятелей, какъ графъ А. Х. Бенкендорфъ и Л. В. Дубельтъ неразлучно связана масса анекдотовъ, рассказовъ, преданій—устныхъ и печатныхъ, большею частью невыгодныхъ для ихъ памяти. Общество, относясь непріязненно къ сферѣ служебной дѣятельности того и другого, охотно, безъ всякой критики, вѣрило всякимъ вымысламъ и клеветамъ, распускаемымъ про нихъ, и невольно составило себѣ о графѣ Бенкендорфѣ и о Дубельтѣ понятіе, какъ о какихъ-то инквизиторахъ, чуждыхъ всякаго проблеска человѣческихъ чувствъ. Было время, когда всякое слово, сказанное въ защиту этихъ двухъ лицъ, могло только запятнать самого защитника, навлечь на него подозрѣніе въ раболѣпствѣ, или въ близости къ бывшему III Отдѣленію...

Я хочу привести здѣсь нѣсколько анекдотовъ о графѣ Бенкендорфѣ, свидѣтельствующихъ о его добрыхъ и благородныхъ чувствахъ, при чемъ прошу извиненія у читателей, что вынужденъ коснуться нѣкоторыхъ собственныхъ, семейныхъ воспоминаній и своей ничтожной личности.

Покойный отецъ мой, П. А. Каратыгинъ, нынѣ забытый, но, въ свое время, извѣстный водевилистъ и актеръ, былъ лично извѣстенъ, именно, только съ этой стороны графу Бенкендорфу, который бывалъ у насъ въ домѣ, какъ добрый и любезный знакомый. Когда, въ 1830 году, отецъ мой отдалъ на сцену первый свой водевиль—«Знакомые незнакомцы», имѣвшій блестящій успѣхъ и особенно понравившійся императору Николаю Павловичу,—Бенкен-

дорфъ, встрѣтивъ моего отца у графа Василя Валентиновича Му-
сина-Пушкина, сказалъ ему глазъ на глазъ:

— Государю очень понравился вашъ водевиль, и вы, если хо-
тите, можете много выиграть и въ мнѣнїи его величества и въ ва-
шей авторской карьерѣ. Вставьте въ вашъ водевиль куплетъ па-
тріотическаго содержанія по поводу нынѣшнихъ событій (польскаго
мятежа и недавней холеры въ Москвѣ). Если сердце подскажетъ
вамъ слово въ похвалу государю,—это не повредитъ эффеку на
публику. Подумайте о моемъ предложеніи и дня черезъ два дайте
отвѣтъ...

Молодой, только-что начинавшій водевилисть, при всей своей
любви къ государю,—можетъ быть, именно, вслѣдствіе этой любви,—
не рѣшился профанировать своихъ патріотическихъ чувствъ, вы-
ставляя ихъ на показъ передъ театральною публикою и превращая
ихъ въ орудіе собственныхъ выгодъ и неизвѣстныхъ ему видовъ
графа Бенкендорфа. Отправясь къ нему, отецъ мой смѣло и рѣ-
шительно отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, говоря, что
водевиль свой считаетъ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы вставлять
въ него куплетъ съ напоминаніями о царѣ и отечествѣ.

Графъ Бенкендорфъ пристально посмотрѣлъ на отца, потомъ,
протянувъ ему руку, сказалъ:

— До сихъ поръ я васъ любилъ какъ человѣка талантливаго,
а теперь уважаю, какъ человѣка честнаго.

Таковы были отношенія графа Бенкендорфа къ моему отцу и
иныхъ сношеній съ III Отдѣленіемъ, кромѣ предъявленія своихъ
пьесъ на одобреніе цензуры, отецъ мой никогда не имѣлъ. Точно
также и Л. В. Дубельтъ зналъ его лично, любилъ какъ артиста и
писателя—и только. Эти прїязненные къ нему отношенія сановни-
ковъ, занимавшихъ важный постъ въ государственной администра-
ціи, дали моему отцу возможность знать о графѣ Бенкендорфѣ и
о Л. В. Дубельтѣ нѣсколько анекдотовъ, въ которыхъ они явля-
лись въ весьма выгодномъ для нихъ свѣтѣ, какъ люди съ доб-
рымъ, благороднымъ сердцемъ. Порицатели ихъ памяти могутъ,
пожалуй, сказать, что добрыя качества были въ нихъ въ propor-
ціи ложки меду къ бочкѣ дегтю; но медъ все же останется медомъ.

Всѣмъ извѣстно, что когда графъ Александръ Христофоровичъ
Бенкендорфъ, вступая въ свою должность, спрашивалъ у импера-
тора Николая Павловича руководящихъ инструкцій—государь, по-
давая ему свой носовой платокъ, сказалъ:

— Вотъ тебѣ всѣ инструкціи. Чѣмъ болѣе отрешь слезъ этимъ
платкомъ, тѣмъ вѣрнѣе будешь служить моимъ цѣлямъ!..

Впослѣдствіи времени изъ этого платка сплели жгутъ и имъ
же завязывали слишкомъ говорливые рты; но въ данныхъ слу-
чаяхъ главную роль игралъ произволъ лицъ, стоявшихъ во главѣ
III Отдѣленія, и избытокъ усердія ихъ низшихъ агентовъ.

Въ началѣ 1830 годовъ, вскорѣ послѣ польскаго мятежа, въ III Отдѣленіи была масса дѣлъ о политическихъ преступникахъ. При ежедневныхъ о нихъ докладахъ графомъ Бенкендорфомъ, императоръ Николай Павловичъ самъ полагалъ о нихъ рѣшенія. Съ перваго же дня воцаренія государя—мятежъ былъ его ненавистнымъ кошмаромъ, и Николай бывалъ неумолимо строгъ во всѣхъ приговорахъ. Всякое ходатайство и смягченіе участи заговорщиковъ, или мятежниковъ, могло только पुще разгнѣвать государя. Кромѣ ссылки, виновные подвергались одиночному заточенію въ казематы Петропавловской крѣпости «подъ нумера»: лишенные именъ они записывались подъ №№ карцеровъ, подъ которыми были извѣстны коменданту; они, какъ бы вычеркивались изъ списковъ живыхъ людей. Случалось, что при какомъ либо докладѣ графа Бенкендорфа, государь постановлялъ о политическихъ преступникахъ два-три подобные приговора. Бенкендорфъ, не возражая ни слова, убиралъ подписанныя бумаги въ портфель и уходилъ.

— Исполнено ли все вчерашнее?—спрашивалъ его государь на другой день.

— Не все, ваше величество!—отвѣчалъ графъ.

— Какъ, не все?—воскликала государь.—Высочайшія повелѣнія исполняются въ двадцать четыре часа.

— Изъ вчерашнихъ приговоровъ исполнены тѣ, по которымъ преступники вполне заслужили постигшее ихъ наказаніе,—но, эти два приговора, постановленные вами, государь, слишкомъ строги, и наказаніе «подъ нумера» превышаетъ вину преступниковъ. Зачѣмъ ожесточать людей? Зачѣмъ возбуждать напрасный ропотъ? Ненавистниковъ у васъ, государь, и безъ того слишкомъ много..

— За то другъ—одинъ!—отвѣчалъ императоръ, обнимая Бенкендорфа.—И спасибо тебѣ!..

И государь, отмѣняя прежнее рѣшеніе, постановлялъ другія, значительно смягченныя.

Вотъ почему бронзовый бюстъ графа Бенкендорфа, послѣ его кончины, находился въ кабинетѣ императора Николая I въ числѣ бюстовъ и портретовъ членовъ августѣйшей фамилии, гдѣ находится и понынѣ, на каминѣ, въ ногахъ желѣзной кровати, на которой скончался Николай Павловичъ.

Помимо агентовъ, въ числѣ лицъ, близкихъ къ III Отдѣленію, находились лица принадлежавшія къ высшимъ классамъ общества и къ міру литературному и ученому, державшіе себя въ обществѣ, разумѣется, какъ столько осторожно, что никто не могъ ихъ заподозрить въ шпіонствѣ. Наоборотъ: въ обществѣ встрѣчались люди, слывшіе за шпіоновъ, но не имѣвшіе, однако, съ III Отдѣленіемъ ничего общаго. Таковы были покойные Грець и Булгаринъ. Ни шпіонами, ни агентами-подстрекателями (agents provocateurs) ни тотъ, ни другой никогда не бывали и доносами не занимались: они

ухаживали за П. Х. фонъ-Фокомъ и Л. В. Дубельтомъ ради смягченія цензуры и кой-какихъ льготъ по изданію «Сѣверной Пчелы». Къ графу Бенкендорфу не только по своимъ литературнымъ, но, въ послѣдній годъ жизни — и по семейнымъ дѣламъ обращался и Пушкинъ, изъ чего вовсе не слѣдовало, что бы и онъ былъ агентомъ III Отдѣленія: онъ находился какъ бы подъ опекою графа Бенкендорфа, по высочайшему повелѣнію; Гречъ и Булгаринъ ¹⁾ сами лѣзали подъ эту опеку. Булгаринъ, трусь по природѣ, ограждая себя отъ подозрѣній правительства и всячески выставляя себя патриотомъ и вѣрноподданнѣйшимъ, дружилъ съ чиновниками всѣхъ экспедицій III Отдѣленія и съ жандармскими офицерами. Л. В. Дубельтъ любилъ подтрунивать надъ Булгаринымъ и третировалъ его, какъ третировали Тредіаковскаго при дворѣ блаженной памяти Анны Іоанновны. Чуть, бывало, Ѳаддей Венедиктовичъ расчувствуется и зажужжитъ въ своей «Пчелѣ» диоирамбы правительству — его просятъ пожаловать къ Леонтію Васильевичу. — «Не смѣй хвалить: въ твоихъ похвалахъ правительство не нуждается». «Будирюя» правительство, Булгаринъ дерзнетъ дозволить себѣ крохотную либерально-консервативную выходку, хотя бы о непостоянствѣ петербургской погоды, — новая нахлобучка. — «Ты, ты, у меня!» грозитъ Леонтію Васильевичъ, — «вольнодумствовать вздумалъ? О чемъ ты тамъ нахрюкалъ? Климатъ царской резиденціи бранишь? Смотри!» Однажды, Булгаринъ какой-то статьей навлекъ на себя неудовольствіе государя. Николай Павловичъ приказалъ Дубельту сдѣлать Булгарину «родительское увѣщаніе». Призвали редактора «Сѣверной Пчелы» къ Леонтію Васильевичу.

— Становись въ уголь! скомандовалъ онъ Ѳаддею.

— Какъ, ваше превосходительство?

— Какъ школьники становятся: носомъ къ стѣнѣ.

Булгаринъ повиновался и полчаса простоялъ въ углу.

Разсказывая о Дубельтѣ, мы нарушили хронологическую послѣдовательность; о немъ рѣчь еще впереди. Возвращаемся къ воспоминаніямъ о графѣ Бенкендорфѣ.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ, въ одномъ изъ нашихъ департаментовъ, служилъ въ числѣ канцеляристовъ чиновникъ Покровскій — пожилой, почтенный семьянинъ, добрѣйшій и честный человекъ. Курить въ присутственныхъ мѣстахъ было тогда строжайше воспрещено, и мы, молодежь, уходили «курнуть», кто на черную лѣстницу, а кто въ швейцарскую. Сюда набиралось иногда человекъ 10—15; шли веселые разговоры, шутки, смѣхи и т. д. Сюда же заходилъ иногда и Покровскій, но долго не засиживался,

¹⁾ О подробностяхъ его отношеній къ шефу-жандармовъ мы рассказали въ его біографіи («Русскій Архивъ» 1883 года) и въ предисловіи къ письмамъ П. А. Каратыгина («Русскій Вѣстникъ» 1880 годъ).

и, выкуривъ папирску, спѣшилъ въ присутствіе на верхъ. Какъ-то при немъ, по поводу проѣхавшаго мимо окна жандарма, между нами, молодежью, зашла рѣчь о III Отдѣленіи. Либеральничанье было тогда въ большой модѣ, и мы пустились въ рассказы о всякихъ небылицахъ, ходившихъ тогда въ обществѣ изъ устъ въ уста; кто-то сталъ бранить, тогда уже умершаго, графа Бенкендорфа. Сидѣвшій поодаль, Покровский подошелъ къ намъ и кротко сказалъ:

— Господа, я не агентъ III Отдѣленія; разъ, во всю мою жизнь, имѣлъ тамъ дѣло, именно, при графѣ Александрѣ Христофоровичѣ.. Ради Бога, не порочьте его памяти: онъ былъ моимъ благодѣтелемъ; ему я обязанъ спасеніемъ моей чести и самой жизни!

Мы приумолкли, а Покровский, безъ всякой съ нашей стороны просьбы, рассказалъ слѣдующее:

— Двадцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1832 году, когда я былъ еще молодъ и холостъ, служилъ въ Капитулѣ и жилъ на Захарьевской улицѣ, сосѣдомъ моимъ былъ одинъ чиновникъ (фамиліи не скажу), жившій съ женою и дочерью черезъ три дома отъ меня. Съ дочерью я познакомился—и очень коротко. Почему я за нее не посватался? этотъ вопросъ къ дѣлу не идетъ: жениться на ней я не могъ по многимъ уважительнымъ причинамъ, да и она сама не домогалась этой чести. Отецъ и мать на столько предоставили ей свободу, что она выходила изъ дому, когда вздумается, и гащивала у знакомыхъ на Петербургской сторонѣ и на Острову сутокъ по пяти. Съ своей стороны, отецъ и мать уѣзжали къ роднымъ въ Кронштадтъ, откуда возвращались, обыкновенно, на слѣдующій день. Этотъ складъ домашняго быта моихъ сосѣдей, намъ, съ ихъ дочерью, былъ очень съ руки, и она посѣщала меня довольно часто. Самъ я жилъ на собственной квартирѣ (не въ комнатѣ отъ жильцовъ), и занималъ двѣ комнаты съ кухнею; прислуги не держалъ, а уходя на службу, или куда нибудь въ гости, запиралъ свою квартиру на ключъ и на висячій замокъ. Домъ былъ чистый, дворникъ исправный.

Разъ, въ началѣ сентября, 1832 года, именно, 5 числа, въ день тезоименитства великой княжны Елисаветы Михайловны (присутствія не было) утромъ, часу въ десятомъ, ко мнѣ пришла моя пріятельница-сосѣдка, и объявила, что отецъ и мать уѣхали до завтра въ Кронштадтъ; цѣлый день былъ въ нашемъ полномъ распоряженіи. Погода была ясная, теплая. Напившись чаю, мы отправились съ нею вдвоемъ на Безбородкину дачу; тамъ, въ скромненькомъ ресторани, пообедали, еще погуляли, покатались въ лодкѣ, по Невѣ, и вернулись домой въ сумерки, болѣе потому, что погода нахмурилась и накрапывалъ дождь, иначе мы хотѣли поѣхать въ театръ. Прійдя ко мнѣ домой, сосѣдка, ссылаясь на усталость, расположилась по домашнему, и прилегла на диванъ отдохнуть. Я ушелъ въ кухню ставить самоваръ. Онъ вскипѣлъ, я заварилъ

чай и подхожу къ спящей, чтобы ее разбудить... Ну-съ? А она — мертва!

Разсказчикъ поблѣднѣлъ, отеръ съ лысины капли пота, а съ глазъ—слезы.

— Вы—люди молодые,—продолжалъ онъ, обводя глазами внимательныхъ слушателей, — пусть каждый изъ васъ поставитъ себя на мое мѣсто. Дѣвушка, которую я, по своему, любилъ; съ которой такъ безопасно-весело провелъ цѣлый день; которая еще за полчаса смѣялась, шутила... поставила на мой столъ въ стаканъ воды осеннихъ астръ, сорванныхъ въ саду на дачѣ—внезапно заснула сномъ непробуднымъ! Это—дѣло души и чувства; а нравственная—юридическая стороны вопроса? Стыдъ, срамъ, позоръ покойницы, слѣдствіе и неизбежное мое увольненіе отъ службы и, что весьма легко могло быть—ссылка!

— Не вѣря глазамъ, я старался привести покойницу въ чувство: давалъ ей нюхать спиртъ, полилъ ей всю голову одеколономъ, раздѣлъ, приложилъ къ ногамъ кувшинъ налитый кипяткомъ... Только тратилъ время... Наконецъ, вполне убѣдясь, что она умерла, я схватился за голову и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Мнѣ было всего двадцать пять лѣтъ, у меня была своя будущность, свои надежды, мечты—и все прахомъ пошло!..

— Не помня самъ, что дѣлаю, я погасилъ свѣчи, накиннулъ шинель, нахлобучилъ шляпу, заперъ свою квартиру и побѣжалъ—куда глаза глядятъ. Шумѣлъ порывистый, морской вѣтеръ, шелъ проливной дождь,—я бѣжалъ по набережной, спотыкаясь, скользя по мокрому тротуару, шлепая по лужамъ... Остановился я на крутомъ Прачечномъ мосту у Лѣтняго сада, гляжу на волны и думаю: да не покончить ли? Жизнь ошельмованнаго тошнѣй смерти. Но порывъ вѣтра какъ бы оттолкнулъ меня отъ парапета, и я едва не скатился со ступень моста на тротуаръ набережной Фонтанки и побрѣлъ къ Цѣпному мосту... Иду, вижу двухъэтажное казенное зданіе съ крытымъ подъѣздомъ, у котораго стоятъ два жандарма; въ окнахъ яркій свѣтъ. Тутъ, точно мнѣ самъ Господь внушилъ: «Чѣмъ бѣжать отъ суда, иди и повинись самъ». Я смѣло подошелъ къ подъѣзду.

— Могу ли видѣть графа Бенкендорфа? спрашиваю жандарма.

— Пожалуйте къ дежурному полковнику.

Онъ ввелъ меня въ сѣни, потомъ въ дежурную комнату.

— По какому вы дѣлу? спросилъ меня дежурный полковникъ.

— По весьма важному,—отвѣчалъ я дрожа отъ лихорадки,—но объяснить его желаю самому графу.

Полковникъ осмотрѣлъ меня сурово съ головы до ногъ. Съ грудью измоченною дождемъ, забрызганный грязью, безъ галстука, я былъ похожъ на человѣка, вырвавшагося изъ рукъ мошенниковъ, либо и самъ выглядѣлъ мошенникомъ.

— Выпейте воды, успокойтесь,—сказалъ полковникъ.—Я пойду, доложу.

Я присѣлъ на диванъ; ноги у меня подкосились, голова кругомъ шла.

Минуть черезъ пять, длиннымъ корридормъ, полковникъ ввелъ меня въ кабинетъ шефа-жандармовъ. За письменнымъ столомъ сидѣлъ небольшого роста, нѣсколько сутуловатый, пожилыхъ лѣтъ генераль, лысый, съ бѣлокुरыми съ просѣдью волосами, маленькими усиками и рѣдкими бакенбардами; лицо маленькое, въ морщинахъ, глаза прищурены.

— Что вамъ угодно? ласково спросилъ онъ меня, приподнявъ немного зеленый колпакъ у лампы и направляя свѣтъ мнѣ въ лицо.

— Ваше сіятельство,—началъ я, задыхаясь,—прежде всего влянусь вамъ Богомъ и честью, что скажу вамъ сущую правду!

Графъ слегка усмѣхнулся.

— Я буду говорить,—продолжалъ я, съ трудомъ ворочая пересохшимъ языкомъ,—такъ какъ бы говорилъ на исповѣди—духовнику, или самому государю.

— Говорите.

Я рассказалъ свою исторію съ самаго начала; но когда дошелъ до страшной катастрофы, то невольно зарыдалъ.

Бенкендорфъ минуты двѣ пристально смотрѣлъ на меня и его худенькое, морщинистое лицо постепенно измѣняло выраженіе: угрюмое и строгое сначала, оно становилось ласковѣе и, наконецъ, освѣтлѣло доброю улыбкою.

— Вотъ икона,—сказалъ онъ, мотнувъ головою въ уголь кабинета,—а здѣсь портретъ императора. Берете ли вы Бога и царя въ свидѣтели, что вы сказали мнѣ сущую правду?

Опустился на колѣна, я перекрестился на образъ и протянулъ правую руку къ царскому портрету.

— И я вамъ вѣрю, сказалъ Бенкендорфъ.—Встаньте и слушайте внимательно, что я буду говорить.

Онъ позвонилъ. Вошелъ жандармскій полковникъ.

— Прокажите наша молодежь,—сказалъ графъ, указывая на меня. За три дома отъ г. Покровскаго живетъ чиновникъ (такой-то) съ женой и дочерью. Часа три тому назадъ, у самаго своего дома онъ встрѣтилъ эту дѣвицу, ей было дурно, она шаталась. Юноша, желая ей помочь, впопыхахъ, вмѣсто того, чтобы отвести ее къ ней домой, привелъ къ себѣ,—а она скончалась черезъ нѣсколько минутъ. Думалъ услужить и попалъ въ бѣду. Возьмите доктора и поѣзжайте втроемъ къ нему на квартиру; сообщите отъ насъ Кокошкину, а отцу и матери дайте знать въ Кронштадтъ по телеграфу¹⁾ о постигшемъ ихъ несчастіи.

¹⁾ Телеграфы по казеннымъ дѣламъ существовали тогда, но были старой системы Шаппа д'Отроша—оптичскіе.

— Ваше сіятельство!! вскрикнулъ я, невольно бросаюсь къ Бенкендорфу.—Какъ благодарить, какъ благословлять васъ!..

— Не за что, не за что! улыбулся онъ.—Но впередъ не помогайте больнымъ барышнямъ. Какъ видите роль «доктора по неволѣ» очень тяжелая и драматическая. Идите съ Богомъ.

Докторъ констатировалъ по осмотрѣ трупа, а на другой день по его вскрытіи, что смерть послѣдовала отъ аневризма. Изъ моей квартиры покойницу перенесли въ квартиру ея родителей. Старики, разумѣется, были въ отчаяніи, и—къ крайнему моему смущенію—благодарили меня за участіе, принятое въ ихъ горѣ. Меня полиція не тревожила; репутація покойницы была спасена, и это печальное дѣло оставалось въ стражайшей тайнѣ между мною и графомъ Бенкендорфомъ... Не поминайте же его лихою, по крайней мѣрѣ, при мнѣ.

Подобный случай былъ, вѣроятно, не единичный. Графъ обладалъ необходимою въ его должности способностью, съ годами удивительно развивавшеюся,—угадывать человѣка по выраженію лица и голоса. Искреннее, задушевное слово всегда находило доступъ къ его слуху и—сердцу; лукавство и притворство, ложныя клятвы и увѣренія—никогда не имѣли передъ нимъ успѣха. Какъ онъ, такъ и Л. В. Дубельтъ, презирали доносчиковъ-любителей, зная очень хорошо, что въ рукахъ подлецовъ доносъ, весьма часто, бываетъ орудіемъ личной мести самому честному и благонамѣренному человѣку. Доносы безымянные почти всегда оставались безъ послѣдствій; именные и личные подвергались строжайшей повѣркѣ и если оказывались справедливыми—доносчики всегда обманывались въ расчетахъ, получая вознагражденіе не соразмѣрное ихъ усердію. Л. В. Дубельтъ при выдачѣ денежныхъ наградъ—десятками или сотнями рублей, придерживался цифры—трехъ... «Въ память тридцати серебрянниковъ!» пояснялъ онъ, шутя, въ кругу короткихъ знакомыхъ. О его воззрѣніяхъ на доносчиковъ-любителей даютъ ясное понятіе два слѣдующіе случая.

Какой-то студентъ, являсь въ III Отдѣленіе, донесъ, что онъ попалъ на секту скопцовъ, тайно пропагандирующихъ свое гнусное ученіе. Дѣйствительно, онъ познакомился съ какимъ-то старикомъ, жившимъ на Выборгской сторонѣ и склонявшимъ его къ переходу въ ихъ братство. Нельзя было не обратить вниманія на доносъ и предатель уговорился съ агентами, чтобы они, оцѣпивъ домъ сектатора, схватили у воротъ—старика съ молодымъ человѣкомъ въ студентской формѣ. День этотъ былъ роковой: обманывая сектатора, студентъ обѣщалъ ѣхать съ нимъ на Малую Охту и тамъ подвергнуться «душеспасительной» операціи. Размѣстились агенты вокругъ дома и предатель вошелъ въ ворота къ старику. Все было готово къ отъѣзду, но старикъ сказалъ своему неофиту:

— Чадо! ѣхать въ формѣ тебѣ неловко будетъ; переодѣнься-ка въ русское платье.

Студентъ, чтобы не навлекать подозрѣній, переодѣлся въ сибирку, лисью шубу и бобровую шапку; подали карету—сѣли и покатили!

Опустилъ онъ стекло, киваль, дѣлалъ знаки агентамъ — тѣ и ухомъ не ведутъ. На Воскресенскомъ мосту онъ изловчился выскочить изъ кареты и опрометью побѣжалъ къ Цѣпному мосту.

— Помилуйте, ваше превосходительство! возопилъ онъ къ Дубельту—меня чуть-чуть не изуродовали!

— Чуть-чуть—не считается,—отвѣчалъ Леонтій Васильевичъ, — во всякомъ случаѣ вы дѣло свое сдѣлали и заслуживаете награды. Вотъ вамъ триста рублей, но, согласно волѣ государя императора, оставьте университетъ и—милости просимъ къ намъ — юнкеромъ въ жандармскій дивизионъ.

Награда соотвѣтствовала заслугѣ: государь не хотѣлъ оставить доносчика въ средѣ студентовъ.

Герценъ, питавшій во все продолженіе своей жизни непримиримую ненависть лично къ императору Николаю Павловичу, его правительству, вообще, а къ III Отдѣленію въ особенности, съ похвалою отзывается въ своихъ «Запискахъ» о Л. В. Дубельтѣ. Онъ отдаетъ справедливость его уму и благородству. Похвала несомнѣнно безпристрастная. Сосланный въ Вятку, онъ черезъ нѣсколько времени просилъ чрезъ III Отдѣленіе о разрѣшеніи ему, по дѣламъ, пріѣхать въ Петербургъ. Это было ему разрѣшено. Въ бытность Герцена въ столицѣ произошелъ казусъ довольно скандальный въ лѣтописяхъ петербургской полиціи: будочникъ, стоявшій у Синяго моста, ночью, зарѣзалъ и ограбилъ какого-то прохожаго. Это позорное событіе не было оглашено въ газетахъ (чтобы не подрывать въ жителей столицы довѣрія къ полиціи и безъ того имъ антипатичной), но о немъ говорилъ весь городъ. Герценъ, гдѣ-то въ гостяхъ, упомянувъ о будочникѣ-грабителѣ, замѣтилъ, что полиція отбиваетъ хлѣбъ у мошенниковъ, соперничая съ ними по ремеслу. На другой же день его пригласили въ III Отдѣленіе.

— Ну, напраказили?—встрѣтилъ его Дубельтъ.—Извольте ѣхать обратно въ Вятку.

— Что же я напраказилъ?

— Говорили вчера про будочника у Синяго моста?

— Объ этомъ говорятъ весь городъ. Нельзя же за это выслать весь Петербургъ въ Вятку.

— Конечно, нельзя; но что дозволяется туземцамъ, того не дозволяется пріѣзжимъ изъ ссылки, особенно лицамъ въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ вы. И какая не осторожность! Вамъ-то, кажется, надобно умѣть держать языкъ за зубами. А то въ большой компаніи ругаете полицію, косвенно правительство затрогиваете; точно не знаете, что у насъ, изъ десяти человѣкъ собравшихся вмѣстѣ, всегда выщется какой-нибудь мерзавецъ-доносчикъ.

Дубельтъ занималъ должность начальника штаба шефа-жандармовъ при графахъ Бенкендорфъ и А. Ѡ. Орловъ. Это была замѣчательная личность во многихъ отношеніяхъ: прекрасно образованный, прозорливый, умный и отнюдь не злой души человекъ, онъ, по должности имъ занимаемой и, отчасти, по наружности былъ предметомъ ужаса для большинства жителей Петербурга. Его худощавое лицо, съ длинными сѣдыми усами, пристальный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ имѣли въ себѣ что-то волчье. Ироническая усмѣшка и язвительность при разговорѣ съ допрашиваемыми пугали тѣхъ, къ которымъ была примѣнима пословица: «на ворѣ шапка горитъ»; но для литераторовъ, артистовъ, художниковъ и, вообще мирныхъ гражданъ, Леонтій Васильевичъ былъ человекъ пріятельный, ласковый и обязательный. Театръ любилъ онъ страстно, питая къ молоденькимъ актрисамъ, въ особенности къ балеринамъ, юношескую нѣжность. Вообще, въ отношеніи прекраснаго пола Леонтій Васильевичъ напоминалъ волокитъ и повѣсь (les goués) временъ регентства. Дружный съ директоромъ театровъ А. М. Гедеоновымъ, да и, по должности своей, имѣя свободный доступъ во всѣ театры, Дубельтъ часто посѣщалъ театральные училище и тамошніе домашніе спектакли. Въ тѣ времена цензура театральныхъ пьесъ и самая сцена были подвѣдомственны III Отдѣленію—и, потому писавшіе для театра часто обращались къ Л. В. Дубельту по дѣламъ касательно пропуска къ представленію ихъ произведеній. Одинъ изъ водевилей П. А. Каратыгина, отданный имъ въ цензуру, невѣдомо по какимъ причинамъ долго не получалъ разрѣшенія, а, между тѣмъ, приближалось время бенефиса. Артистъ обратился къ Леонтію Васильевичу. Приказавъ принести рукопись къ себѣ въ кабинетъ, Дубельтъ взглянулъ на заглавіе, прочелъ послѣдней куплетъ и собственноручно написалъ, что пьеса одобряется къ представленію.

— Довѣряю тебѣ вполне,—сказалъ онъ Каратыгину,—и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ буду смотрѣть на представленіе твоего водевиля.

Впрочемъ, при тогдашнихъ строгостяхъ цензуры, Дубельту, по неволѣ, случалось требовать отъ авторовъ измѣненій въ ихъ пьесахъ согласно цензурнымъ требованіямъ. Однажды, цензоръ въ какой-то пьесѣ П. И. Григорьева зачеркнулъ фамилію одного изъ дѣйствующихъ лицъ, по той причинѣ, что ее носилъ очень важный сановникъ. Замѣну фамиліи другою предоставили на выборъ самому автору. Являсь къ Дубельту, Григорьевъ засталъ его готовящимся выѣхать и, чтобы не задерживать Леонтія Васильевича, говорилъ идучи съ нимъ по лѣстницѣ. Онъ не протестовалъ на замѣну одной фамиліи другою, но говорилъ, что какую фамилію ни выдумаешь въ пьесѣ, или въ романѣ, непременно отыщется человекъ, въ дѣйствительности носящій эту фамилію.

— Полно, другъ любезный,—возражалъ Леонтій Васильевичъ,— да я тебѣ сочиню сотню фамилій, по названію любимыхъ предметовъ. Вотъ, напримѣръ, Лѣстницынь...

Въ это время въ сѣняхъ у входныхъ дверей стоялъ какой-то купецъ—проситель, отвѣшивавшій глубочайшіе поклоны Дубельту.

— Вы, по дѣлу?

— Такъ точно, ваше превосходительство...

— Приходите завтра, къ десяти часамъ. Фамилія?

— Лѣстницынь.

Дубельтъ, взглянувъ на Григорьева, расхохотался:

— Пожалуй, что ты и правъ! Какую фамилію ни выдумаешь, непременно въ когонибудь да попадешь!..

Въ 1840 годахъ, не столько талантомъ, сколько миловидностью и «галантерейностью обхожденія» славилась на здѣшной французской сценѣ нѣкая m-lle Пажъ. Она обогащалась сама и обогащала скандальные лѣтописи Петербурга своими похождениями съ богатой молодежью и пожилыми сластолюбцами. Содержалъ ее богатый банкиръ Гар...кель, родомъ изъ іерусалимскихъ дворянъ—рябой, чудовищно-безобразный; но благосклонностью ея, кромѣ «папаши», пользовались очень многіе изъ гвардейскихъ офицеровъ, конечно, не бесплатно. Какъ-то г. Гар...кель, прямо съ биржи пріѣхалъ къ Пажъ и провелъ у нея время до слѣдующаго утра. Уѣзжая домой, онъ хватилъ своего бумажника съ 20,000 рублей: бумажникъ исчезъ. Банкиръ спрашиваетъ Пажъ, она отвѣчаетъ, что знать не знаетъ. Взбѣшенный еврей бросился къ Дубельту съ жалобою. Выслушалъ его Леонтій Васильевичъ, на другой же день вызвалъ къ себѣ и истца и отвѣтчицу. Явились г. Гар...кель и мамзель Пажъ, закутанная въ дорожную турецкую шаль. Очень любезно принялъ ее Леонтій Васильевичъ и безъ всякихъ допросовъ и распросовъ, относясь къ покражѣ бумажника, какъ къ несомнѣнно совершившемуся факту, сталъ убѣждать актрису возвратить его банкиру.

— Но вѣдь онъ пробылъ у меня до утра! нагло возразила красавица.

— Завидую ему!—отвѣчала Дубельтъ,—но сумма-то такая грандіозная...

Вскинувъ на генерала своимъ безстыдными, но, тѣмъ не менѣе, прелестными глазками, m-lle Пажъ сказала съ чувствомъ собственного достоинства:

— Сличите же и сравните насъ, т. е. меня и этого стараго орангутанга! Надобно же себѣ знать цѣну...

При этихъ словахъ, Пажъ, сбросивъ шаль, по поясъ обнажила свои роскошныя плечи, грудь и спину.

— Такова я! сказала она.—Могу ли же я расточать человѣку, похожему на обезьяну, мои ласки бесплатно?

— Юридически она права,—сказалъ Дубельтъ Гар...келю, — на красоту таксы нѣтъ.

Еврей отказался отъ всякаго взысканія, но, разумѣется, разстался съ дорогой красавицей.

Ободренная успѣхомъ, французская Фрина пуще прежняго стала обирать своихъ поклонниковъ. Въ числѣ ихъ, подъ стать фамилии Пажъ, былъ нѣкій камеръ-пажъ, знатной, графской фамиліи, слабоумный юноша лѣтъ девятнадцати. Не довольствуясь подарками въ видѣ браслетовъ, брошекъ и фермуаровъ, актриса задумала сорвать съ своего юнаго обожателя кое-что посоліднѣе.

— Я слышала,—сказала она ему однажды въ интимной бесѣдѣ, когда онъ въ восторгѣ лежалъ у ея ногъ,—что у твоей маман есть знаменитые фамильные брилліанты, которые она надѣваетъ разъ въ годъ. Правда?

— Правда. Они достались ей отъ прабабушки.

— Твоя маман въ Михайловскій театръ никогда не ѣздитъ... Не можешь ли ты достать ихъ мнѣ, только надѣтъ на сценѣ? Я надняхъ играю герцогиню въ новой пьесѣ и мнѣ хотѣлось бы пустить пылъ въ глаза моимъ соперницамъ. Мнѣ, понимаешь ты, эти брилліанты нужны только на одинъ разъ, а на другой день я ихъ тебѣ возвращу.

Камеръ-пажъ тихонько добылъ брилліанты своей матери и привезъ къ актрисѣ. Пажъ вышла въ новой своей роли, вырядившись въ фамильные драгоценности графини С... Публика была въ восторгѣ отъ игры... брилліантовъ. На другой день, когда юноша пріѣхалъ къ актрисѣ за брилліантами, она хладнокровно, съ безстыдствомъ, отвѣчала ему:

— Да, вѣдь, ты ихъ мнѣ подарилъ!

Тщетно юноша просилъ, умолялъ, настаивалъ. Пажъ рѣшительно отказалась возвратитъ брилліанты и, наконецъ, выгнала его вонъ. Несчастный любовникъ въ отчаяніи вернулся домой, упалъ на колѣни передъ матерью и признался ей во всемъ. Старая графиня обожала своего сына. Она гораздо болѣе ужаснулась при видѣ его отчаянія, нежели при вѣсти объ исчезновеніи брилліантовъ. Мужъ графини поѣхалъ къ Дубельту и сообщилъ ему о наглomъ мошенничествѣ, жертвой котораго сдѣлался его сынъ.

Пажъ была призвана къ Леонтію Васильевичу, который вмѣстѣ съ приказаніемъ немедленно возвратитъ брилліанты, объявилъ ей, что за совращеніе не совершеннолѣтняго и слабоумнаго, она въ обмѣнъ на свой паспортъ, получитъ впредъ до выѣзда своего за границу—«цвѣтной билетъ» отъ врачебно-полицейскаго комитета.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчала Пажъ.

Отъ театра, однако же, она не была уволена; окончила срокъ своего контракта и, затѣмъ, уѣхала на родину.

Строгий—и, при случаѣ, неумолимый, Дубельтъ при допросахъ

и при объявленіи рѣшеній позволялъ себѣ иногда иронизировать— не надъ личностью призванныхъ къ отвѣту, но надъ самою сущностью ихъ проступковъ.

Проживалъ въ Петербургѣ молодой лифляндскій баронъ, не желавшій знать и вѣдать, что Лифляндія, еще со временъ Петра Великаго, присоединена къ Россійской имперіи, и что всѣ бароны, риттеры и бюргеры подданные императоровъ. Молодой баронъ, дерзкій и заносчивый на словахъ, вездѣ и всюду, не стѣсняясь бранилъ правительство, позволялъ себѣ злословить государя и— (хотя Николай Павловичъ никогда не обращалъ на то никакого вниманія) не кланялся государю при встрѣчахъ съ нимъ. Въ одно прекрасное утро баронъ получилъ приглашеніе отъ Дубельта. Не ѣхать было нельзя, хотя барону этого крайне не хотѣлось, однако, поѣхалъ.

Леонтій Васильевичъ встрѣтилъ его отменно вѣжливо и любезно; усадилъ, предложилъ сигару и началъ:

— Любезный баронъ, я долженъ вамъ сказать, что государь въ большомъ горѣ. Царствуетъ онъ уже одиннадцать лѣтъ, шестьдесятъ милліоновъ подданныхъ имъ довольны, никто не жалуется; одни вы, баронъ, браните его за всѣ распоряженія. Неудовольствіе такой особы очень, очень прискорбно государю, и онъ долго недоумѣвалъ чѣмъ заслужить ваше благорасположеніе. Хотѣлъ предложить вамъ быть членомъ государственнаго совѣта, но весь его составъ, быть можетъ, вамъ не симпатиченъ: тамъ все старики, а вы—человѣкъ молодой. Наконецъ, государь, напелъ для васъ самую подходящую службу, на которой вы можете составить себѣ самую блестящую карьеру.

Баронъ вытаращилъ глаза.

— Да-съ,—продолжалъ Дубельтъ, невозмутимо серьезно,—на этой службѣ при счастѣи, да съ вашими способностями, вы, въ короткое время, можете заслужить георгіевскій крестъ и другіе знаки отличія.

— Что же это за служба?—спросилъ баронъ въ недоумѣніи.

— Рядовымъ въ одинъ изъ линейныхъ батальоновъ!—отрѣзалъ Дубельтъ серьезно.

Юный либералъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Черезъ недѣлю вы туда отправитесь,—досказалъ Дубельтъ,—а до тѣхъ поръ поживите у насъ. Всѣ ваши распоряженія по имуществу будутъ исполнены въ точности.

Отправленный въ Оренбургъ рядовымъ, баронъ прожилъ тамъ годъ; потомъ былъ прощенъ и изъ солдатской шинели вышелъ шелковый.

Въ началѣ 1850 годовъ, жилъ въ Петербургѣ извѣстный всей столицѣ богачъ домостроитель Григорій Ивановичъ Р—зе, нажившій себѣ разными искусными денежными оборотами громадное со-

стояніе. Затѣявъ постройку дома на обширномъ участкѣ самага бойкаго, лучшаго мѣста въ столицѣ (набережная Мойки у Полицейскаго моста, Кирпичный переулочъ, Большая Морская), Р—зе, по тогдашнимъ правиламъ, представилъ, планъ дома на высочайшее одобреніе. Планъ былъ одобренъ, но государь пожелалъ узнать, кто такой домовладѣлецъ, и какими путями могъ онъ приобрѣсти милліоны. Біографія Р—зе, дѣйствительно, наводила на сомнѣніе: лѣтъ за десять передъ тѣмъ онъ былъ смотрителемъ одного изъ столичныхъ театровъ. Для объясненій Р—зе былъ приглашенъ къ Дубельту. Это приглашеніе опечалило и озоботило Григорія Ивановича: ему было крайне затруднительно дать правительству отчетъ въ приобрѣтеніи своихъ громадныхъ капиталовъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ онъ никогда замѣшанъ не былъ; «темненькія» случались. Выручить богача изъ его затруднительнаго положенія вызвался его другъ, отставной генералъ, У—нъ, родомъ грузинъ, извѣстный всему Петербургу своею храбростію, добротой и—простодушіемъ. Онъ поѣхалъ къ Дубельту ходатайствовать за Р—зе.

— Ты, батюшка, Леонтіи Васильевичъ, не безпокойся! началъ онъ. Мой Григорій Ивановичъ свои капиталы нажилъ честно, на службѣ. Онъ былъ смотрителемъ театра... Ну, понимаешь,—доходы: на лампы нужно, примѣрно сказать, пятьсотъ пудовъ масла—онъ показываетъ семь сотъ, дровъ нужно десять тысячъ сажень, а онъ требуетъ—пятнадцать? Понимаешь? На лицо рабочихъ—сто, онъ беретъ жалованье на двѣсти... Ну, отъ ремонта, отъ подрядчиковъ, отъ того, сего... Словомъ сказать—все честно, я тебѣ, по чистой моей совѣсти, говорю!..

— Ай-да адвокатъ! покатился со смѣху Дубельтъ. Убѣдился паче свѣга! Да твоя защита, дружище, хуже всякаго обвиненія!

Р—зе выручила его добрая жена: она объявила въ III Отдѣленіи, что мужъ единственно ей обязанъ всѣмъ громаднымъ своимъ состояніемъ.

Закончимъ наши воспоминанія рассказомъ, слышаннымъ нами отъ покойнаго артиста Ѳ. А. Бурдина, въ 1852 году, когда онъ только что начиналъ свое сценическое поприще.

Замѣшанный въ дѣлѣ Петрашевскаго, единственно, какъ его знакомый, едва ли что вѣдавшій о его заговорѣ, Бурдинъ, жившій тогда въ скромной квартиркѣ въ домѣ Жукова, на углу Гороховой и Большой Садовой, ночью былъ арестованъ и препровожденъ въ III Отдѣленіе.

«Я былъ ни живъ, ни мертвъ (разсказывалъ онъ намъ), когда меня длинными корридорами ввели въ особую комнату, предложили переодѣться и поужинать... До того мнѣ было! Я всю ночь глазъ не сомкнулъ. Утромъ подали мнѣ кофе, сигаръ, папирсъ, газеты и журналы. Комната чисто меблированная, комфортабельная, просто барская квартира въ сравненіи съ моей каморкой. Об-

хождение вѣжливое, почти ласковое; обѣдъ по моему выбору, съ виномъ и десертомъ. Если бы не мысль, неотвязная, какъ докучливая муха, что отсюда я могу попасть въ крѣпость, а тамъ и Богъ вѣсть куда—я назвалъ бы мое положеніе пріятнымъ—прошли два, три дня, недѣля: ни къ отвѣту меня не зовутъ, ни изъ-подъ ареста не выпускаютъ, а кормятъ и поятъ, какъ на убой. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, жандармскій офицеръ входитъ и приглашаетъ къ Леонтію Васильевичу.

— «Наше вамъ почтеніе, російскій Колло д'Эрбуа ¹⁾,—встрѣтилъ онъ меня, насмѣшливо кланаясь,—ты-то какъ въ эту гнусную исторію попалъ?»

«Я только руками развелъ.

— «Актеръ императорскихъ театровъ въ инсургенты, въ заговорщики полѣзъ? Вотъ, ваша братья—либералы, да революціонеры, выдумываютъ сказки, будто у насъ здѣсь розгами сѣкутъ... и тебя, Федька, дѣйствительно стоило бы отпороть на обѣ корки. Вѣдь врешь, чтобы ты ничего не зналъ объ этомъ дурацкомъ заговорѣ?»

— «Ей Богу ничего не зналъ! Если бы зналъ... то прервалъ бы свое знакомство.

— «Но не донесъ бы? усмѣхнулся Дубельтъ.

— «Боже сохрани! Вы бы сами первый назвали меня подлецомъ.

— «Что же намъ дѣлать съ тобой? Въ Сибирь, въ крѣпость, или на одиннадцатую версту? что поблѣднѣль? Ну, ступай съ Богомъ... махнулъ онъ рукой.

— «Куда ваше превосходительство?

— «Разумѣется, на всѣ четыре стороны: не держать же намъ тебя на хлѣбахъ, набрался страху, будетъ съ тебя... Но, только помни, Федоръ, если, на бѣду, попадешься опять сюда...

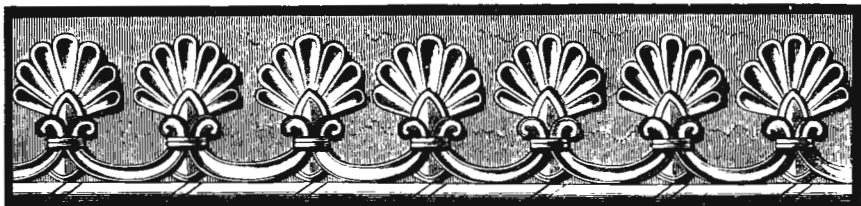
«Тогда пойдеть у насъ ужъ музыка не та!»

«Я вышелъ, не чувствуя подъ собою ногъ отъ радости».

Бурдинъ, дѣйствительно, былъ не виноватъ; но если бы Дубельтъ, какъ сложилось о немъ преданіе, былъ подобіемъ А. И. Ушакова, или Шешковскаго, то, конечно, не пощадилъ бы и праваго. Должность его, во многихъ случаяхъ, не допускала излишней, неумѣстной снисходительности, обязуя его къ строгости, подчасъ, даже къ жестокости; но когда онъ имѣлъ возможность проявить чувства человѣчности и состраданія, онъ ихъ всегда проявлялъ—и на подобные-то проблески мы именно и указали въ нашихъ разсказахъ.

II. Баратыгинъ.

¹⁾ Колло д'Эрбуа (Collot d'Herbois 1750 † 1796) очень плохой актеръ, игравшій, однако, очень важную роль въ первую французскую революцію. Яркій демагогъ, много содѣйствовавшій сверженію Робеспьера.

ПСИХОПАТКА.

(Быль изъ недавней старины).

I.

КУРСКОМУ губернскому предводителю дворянства П. А. Солнцеву, 15-го ноября 1843 года, была доставлена почта. На одномъ изъ присланныхъ пакетовъ стояла надпись крупными буквами: «Очень важное. Въ собственныя руки». Предводитель вскрылъ конвертъ и, къ своему удивленію, замѣтилъ, что въ него вложенъ еще другой пакетъ и уже съ слѣдующимъ адресомъ: «Курскому жандармскому штабъ-офицеру». Солнцевъ сейчасъ же вмѣстѣ съ таинственнымъ письмомъ отправился въ квартиру жандармскаго полковника Драгневича. Тотъ былъ дома. Предводитель сообщилъ ему о причинѣ визита въ поздній вечерній часъ. Тогда полковникъ осторожно освободилъ отъ оболочки конверта присланное ему письмо и развернулъ листокъ почтовой бумажки. Изъ него посыпались какіе-то клочки...

Драгневичъ посвѣтилъ на полъ, собралъ вывалившіеся изъ письма лоскутки бумаги и положилъ ихъ на столъ. Затѣмъ въ присутствіи предводителя онъ прочиталъ слѣдующія строчки:

«Служа русскимъ подданнымъ, священною обязанностию считаю увѣдомить васъ, господинъ полковникъ, о томъ, что въ деревнѣ Абриколевой, Обоянскаго уѣзда, въ семействѣ помѣщицы Византиновой имѣются революціонныя запрещенныя книги, полу-

чаемыя отъ родственника, живущаго въ Польшѣ, и что она принимаетъ у себя многихъ особъ, недоброжелательныхъ русскому правительству, и чрезъ воспитанницу свою Мѣдкину, знающую французскій и польскій языки, ведетъ переписку съ неблагонамѣренными людьми въ царствѣ Польскомъ. Случай открылъ мнѣ это. Товарищъ мой, драгунскій офицеръ, имѣлъ интригу съ воспитанницею Византиновой—упомянутой Мѣдкиной. Она давала ему множество революціонныхъ книгъ, показывала письма, полученные изъ Польши, которыя и теперь хранятся у ней. Чтобы не распространять духа свободы и вольнодумства во всея полку, прошу васъ взять скорѣйшія мѣры. О семъ, кромѣ васъ, донесено мною также шефу жандармскаго корпуса, графу Бенкендорфу. Обратите, между прочимъ, вниманіе ваше на предполагаемую поѣздку г-жи Византиновой въ Карлсбадъ и съ кѣмъ. Для удостовѣренія скажу вамъ, что бібліотека въ домѣ Византиновой находится въ нижнемъ этажѣ, въ угольной комнатѣ, окнами обращенной къ рѣкѣ. Подлѣ этой комнаты живетъ Мѣдкина. Она умоляла меня не доносить. Я хотѣлъ одно предосудительное письмо ея переслать вамъ, но товарищъ мой изорвалъ его. Однако же для сличенія руки посылаю вамъ лоскутки письма».

Доносъ на семейство Византиновой не былъ подписанъ.

Жандармскій полковникъ тщательно осмотрѣлъ клочки почтовой бумаги, оказавшіеся въ письмѣ. На одномъ изъ нихъ было написано:

«...имъ почтеніемъ пребываю всегда готовая къ услугамъ вашимъ Елена Мѣдкина. Надѣюсь, что вы будете такъ добры, и я въ скоромъ времени получу отъ васъ отвѣтъ»...

На другомъ клочкѣ значилось: «...емъ много обя... моего мужа... что они теперь на...»

А на третьемъ: «Посылаю тебѣ, душевѣка, табакерочку. Нѣтъ времени писать... Твоя Е. Мѣдкина»...

Посмотрѣлъ клочки писемъ и губернский предводитель. Перевернулъ онъ ихъ на изнанку. Тамъ ничего не было написано...

На другой день, Драгневичъ поѣхалъ къ губернатору и переговорилъ съ нимъ лично о томъ, что предпринять по поводу доноса изъ Обояни. Такъ какъ обвиненіе въ революціонномъ сообществѣ касалось и офицеровъ драгунскаго полка, то объ анонимномъ доносѣ былъ немедленно увѣдомленъ корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ Потаповъ, проживавшій въ Курскѣ, а также начальникъ первой кавалерійской дивизіи, въ составъ которой входилъ стоявшій въ Обояни полкъ,—генералъ Монтрезоръ. Потаповъ и Монтрезоръ желали немедленнаго изслѣдованія дѣла... Торопился и полковникъ Драгневичъ. Въ ночь на 17-е ноября онъ выѣхалъ въ Обоянь. Губернаторъ же, А. П. Устимовичъ, поспѣшилъ отправить рапорты министру внутреннихъ дѣлъ и въ III Отдѣленіе соб-

ственной его величества канцеляріи о происшедшемъ случаѣ. Обоянскому земскому исправнику и приставу, въ станѣ котораго находилась деревня Абриколева, предписано было: «находиться въ совершенномъ повиновеніи по дѣламъ службы жандармскому штабъ-офицеру». Съ своей стороны курскій губернскій почтмейстеръ далъ приказаніе обоянской почтовой конторѣ, «чтобы она задержала до времени всѣ партикулярныя письма изъ царства Польскаго къ кому либо въ Обоянскій уѣздъ, равно какъ и корреспонденцію, отправляемую изъ уѣзда въ царство». Драгневичъ прикатилъ въ Обоянъ 17-го ноября. Чтобы успѣшнѣе совершить предстоявшее ему дѣло и ориентироваться въ библиотекѣ подозрѣваемой помѣщицы, онъ захватилъ съ собою шесть списковъ 1843 года о запрещенныхъ комитетомъ цензуры иностранной для публики книгахъ. Въ Обояни, жандармскій полковникъ видѣлся съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, который, согласно отношенію губернскаго предводителя долженъ былъ присутствовать въ имѣніи Византиновой, при производствѣ слѣдствія. Драгневичъ сообщилъ обоянскому предводителю, планъ дѣйствій своихъ, который, по словамъ полковника, удостоился одобренія генерала Монтезоро. Планъ этотъ понравился обоянскому предводителю и по мнѣнію его—онъ ручался за успѣхъ.

18-го ноября, Драгневичъ, уѣздный предводитель и становой приставъ, на тройкѣ борзыхъ коней выѣхали изъ Обояни... Грязь была невылазная. Но такъ какъ Абриколева недалеко отстояла отъ Обояни, то непрошеные гости успѣли засвѣтло пріѣхать въ имѣніе Византиновой. Звонъ колокольчика раздался подъ окнами помѣщичьяго дома. Выѣжали слуги и ввели въ комнаты пріѣхавшихъ. Ихъ приняла мать Византиновой, женщина, достигшая столѣтняго возраста; но, по отзыву обоянскаго предводителя, «бодрая и всѣмъ извѣстная по ея благородному образу мыслей и отличнымъ качествамъ души»...

Гости пожелали видѣть дочь старухи Византиновой.

— Она больна, былъ отвѣтъ матери.

— Но дома?

— Да.

Полковникъ и предводитель направились во внутренніе покои... Тамъ они нашли Византинову, которую запятналъ безыменнѣйшій доносъ. Эта женщина сидѣла въ креслѣ... Взоръ ея выражалъ страданіе. Говорила она тихо и невнятно.

— Вотъ уже второй годъ моя дочь,—объяснила старуха Византинова,—мучится отъ водяной болѣзни... И ни днемъ, ни ночью, не можетъ лечь въ постель... сейчасъ зайдетъ, если ляжетъ.

Драгневичъ и предводитель не сказали Византиновой, съ какою цѣлью они пожаловали. Полковникъ не былъ одѣтъ въ форменное платье. Онъ сказался помѣщикомъ... и послѣ свиданія съ больною,

пожелалъ видѣть воспитанницу Византиновой, жену подполковника, служащаго въ Варшавѣ, г-жу Мѣдкину.

Столѣтняя старуха сказала Драгневичу, что Мѣдкина также больна, въ горячкѣ, лежитъ въ постели... Пользуетъ ее докторъ Абелляръ, который наѣзжаетъ изъ города Обояни.

Вотъ въ какомъ положеніи застали семейство Византиновыхъ Драгневичъ и предводитель. Они не потребовали пока, чтобы имъ была показана больная Мѣдкина, и переговоривъ между собою, пришли къ заключенію, что надо немедленно приступить къ византиновской библіотекѣ. Драгневичъ, «объявивши самую благовидную причину своего посѣщенія, со свойственною ему опытностью въ дѣлахъ этого рода, спустя нѣсколько времени, избрѣлъ основательный и благопрістойный предлогъ осмотрѣть подозрительную библіотеку. Къ этому, жандармскій полковникъ, уѣздный предводитель и становой приставъ охотно были допущены»¹⁾.

Библіотека Византиновой, согласно указанію безыменнаго донощика, помѣщалась въ угловой комнатѣ... Когда она была отперта и Драгневичъ съ спутниками вошелъ туда, то на нихъ пахло сыростью и плѣсенью. Книги въ библіотекѣ были разставлены и разбросаны въ беспорядкѣ и покрыты большимъ количествомъ пыли, вполне удостовѣряющимъ, что комната рѣдко посѣщалась какимъ либо любителемъ чтенія. Въ библіотекѣ оказалось около 500 томовъ. Въ числѣ ихъ больше всего было книгъ на нѣмецкомъ языкѣ, нѣкоторое количество — на французскомъ, столько же на русскомъ и самонаибольшая часть на польскомъ. При внимательномъ осмотрѣ, было найдено, что въ библіотекѣ г-жи Византиновой находится много книгъ безъ переплетовъ съ неразрѣзанными листами. Что касается иностранныхъ книгъ, то нахожденіе въ нихъ бѣлыхъ страницъ, замѣнявшихъ печатныя, ясно доказывало, что онѣ были въ разсмотрѣніи цензуры и, по уничтоженіи въ нихъ противнаго ей правиламъ, выпущены въ публичное обращеніе. Книги на французскомъ языкѣ—большею частью—были историческаго содержанія и касались времени древней исторіи, напримѣръ, сочиненія Тита Ливія, или представляли собою «лѣтописи путешествій».

Нѣсколько сочиненій изъ естественной исторіи, найденныхъ въ библіотекѣ Византиновой, доказывали, по мнѣнію жандармскаго штабъ-офицера и уѣзднаго предводителя, только ученость и благонамѣренность составителя библіотеки. На русскомъ языкѣ—у Византиновой были сочиненія извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей: Державина, Карамзина, Сумарокова, дѣянія Петра Великаго, собранныя Голиковымъ. На польскомъ языкѣ въ подозрѣваемой библіотекѣ были книги, изданныя послѣ окончательнаго присоединенія царства Польскаго къ Россіи...

¹⁾ Слова обоянскаго предводителя.

Жандармскій полковникъ и обоянскій предводитель узнали, какимъ образомъ осмотрѣнная ими библіотека попала къ помѣщицѣ Византиновой. Оказалось, что эта библіотека нѣкогда была собственностью фельдмаршала князя Сакена, что подтверждалось собственноручными надписями и подписями его на книгахъ. Отъ Сакена библіотека по наслѣдству перешла къ генераль-майору Гостину, жена котораго доводилась племянницей г-жѣ Византиновой, и воспитывалась вмѣстѣ съ ея дочерью. Вслѣдствіе этого, многія вещи, найденныя Драгневичемъ и уѣзднымъ предводителемъ въ библіотекѣ, напримѣръ, клинокъ шпаги, поднесенной Парижской національной гвардіей фельдмаршалу Сакену, карты Россіи, составленныя въ 1812 году во Франціи военнымъ департаментомъ, и другія вещи—принадлежали генералу Гостину и женѣ его, и временно находились на храненіи въ библіотечной комнатѣ Византиновой.

Не найдя ничего подозрительнаго въ библіотекѣ Византиновой, жандармскій полковникъ сообщилъ ей о полученномъ на нее доносѣ и о томъ, зачѣмъ они осматривали библіотеку. Старуха пришла въ ужасъ... У нея отнялся языкъ... и немало стоило труда, чтобы привести оклеветанную женщину въ сознаніе¹⁾. Полковникъ предложилъ Византиновой передать въ его распоряженіе всю переписку, находящуюся въ домѣ, что она исполнила съ большою охотой. А у Мѣдкиной, находившейся въ это время въ горячечномъ бреду, даже и безъ вѣдома ея была взята шкатулка съ письмами. Тщательное обозрѣніе Драгневичемъ переписки Византиновыхъ и Мѣдкиной еще болѣе убѣдило его, предводителя и станового пристава, въ невинности жительницъ посѣщеннаго ими дома. Византиновы, мать и дочь, въ доказательство своей готовности открыть истину, просили полковника и уѣзднаго предводителя запечатать ихъ библіотеку и шкатулки съ письмами; но оба они признали это излишнимъ. Прочтеніе писемъ убѣдило Драгневича и предводителя, что въ домѣ Византиновой ровно нѣтъ ничего такого, чтобы оправдывало доносъ, убѣдило въ томъ, что Мѣдкина вовсе не владѣетъ знаніемъ польскаго языка, а помнитъ только нѣсколько польскихъ словъ, замѣченныхъ во время двухлѣтняго пребыванія ея вмѣстѣ съ мужемъ въ царствѣ Польскомъ. Французскій же языкъ Мѣдкина знаетъ весьма слабо и можетъ объясняться на немъ только о предметахъ домашняго быта и несложныхъ семейныхъ отношеній.

Жандармскій полковникъ привезъ съ собою въ имѣніе Византиновой клочки писемъ, приложенные къ доносу. По сличеніи почерковъ, оказалось, что, дѣйствительно, клочки эти оторваны отъ подлиннаго письма Мѣдкиной. Но какъ и когда именно письмо,

¹⁾ Впослѣдствіи, въ своей жалобѣ курскому губернатору Византинова-мать объяснила, что съ нею, подъ вліяніемъ внезапнаго испуга, случился ударъ.

писанное ею, попало въ руки неизвѣстнаго доносчика, этого Византиновы сказать не могли...

Чѣмъ старательнѣе производили полковникъ съ предводителемъ дознаніе, тѣмъ тверже убѣждались въ томъ, что на почтенное семейство Византиновыхъ взведено небывалое преступленіе. Незвѣстный сочинитель доноса назвалъ себя товарищемъ драгунскаго офицера и зналъ расположеніе комнатъ въ домѣ Византиновой. Драгневичъ и предводитель занялись раскрытіемъ этого обстоятельства. По розысканіямъ ихъ на мѣстѣ и по свѣдѣніямъ и справкамъ станового пристава, выяснилось, что въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ не только не посѣщали домъ Византиновыхъ, кто либо изъ подозрительныхъ людей; но даже въ теченіе этого времени не было въ немъ ни драгунскихъ, ни другого оружія, офицеровъ. Сами же Византиновы, вслѣдствіе преклонности лѣтъ и слабости здоровья, давно уже прекратили всѣ знакомства съ посторонними лицами и ограничили кругъ своихъ отношеній только близкими родственниками, живущими не вдалекѣ отъ ихъ имѣнія. Что же касается Мѣдкиной, то она, какъ обнаружилось, ведетъ себя совершенно соотвѣтственно съ образомъ жизни ея бывшей воспитательницы.

Жандармскій полковникъ сдѣлалъ еще кое-какіе разспросы и разслѣдованія и уѣхалъ изъ Абриколевой вполне убѣжденный въ томъ, что анонимный доносчикъ солгалъ и оклеветалъ неповинныхъ. Обоянскій предводитель, какъ видно изъ записки его губернскому предводителю, былъ очень радъ, что обвиненіе, направленное на благородное дворянское семейство, ни въ чемъ не подтвердилось. Долго ли было какому нибудь негодю настрочить ужасный доносъ и сдать его въ формѣ письма въ обоянскую почтовую контору, а, между тѣмъ, въ слѣдствіе этого, вопросъ о революціонномъ сообществѣ въ Обоянскомъ уѣздѣ заинтересовалъ высшія сферы Петербурга. О доносѣ на семейство Византиновыхъ узнали: министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Бенкендорфъ, III Отдѣленіе... Зная, что доносчикъ послалъ свой извѣтъ также шефу-жандармовъ, корпусный командиръ, генераль-адъютантъ Потаповъ, поспѣшилъ представить рапортъ военному министру объ обоянскомъ доносѣ, который косвеннымъ образомъ запачкалъ и офицеровъ драгунскаго полка. Такъ какъ императоръ Николай Павловичъ еще прежде повелѣлъ о политическихъ преступленіяхъ, въ которыхъ такъ или иначе будутъ замѣшаны военные чины, увѣдомлять его, то объ обоянскомъ дѣлѣ графъ Бенкендорфъ и министры военный и внутреннихъ дѣлъ доложили государю... Доносу было придано значеніе. Генераль Потаповъ послалъ въ драгунскій полкъ ревизора и требовалъ, чтобы командиръ полка доставилъ ему самыя вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о духѣ и настроеніи военныхъ.

Не смотря на то, что на бумагахъ, которыми обмѣнивались по

поводу обоянскаго доноса начальствующія лица, вездѣ въ заголовкѣ значилось «секретно», не смотря на то, что многія изъ этихъ бумагъ не вѣрялись перу переписчиковъ, а писались самими начальниками, тѣмъ не менѣе въ Курскѣ пронесся слухъ о чемъ-то страшномъ, случившемся въ Обоянскомъ уѣздѣ.. Молва создавала недѣльные толки... Но они скоро прекратились, когда въ городъ возвратился жандармскій штабъ-офицеръ и прямо объявилъ всѣмъ заинтересованнымъ начальникамъ, что доносъ есть ложь и клевета, и весь шумъ, поднятый имъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія.

Губернаторъ Устимовичъ немедленно отправилъ всеподданнѣйшій рапортъ государю.

«По всѣмъ обстоятельствамъ,—писалъ онъ,—произведеннаго на мѣстѣ дознанія оказалось, что доносъ на г-жу Византинову сдѣланъ какимъ либо неблагонамѣреннымъ изъ мести къ кому либо изъ членовъ семейства ея... По духу и вѣрноподданнѣйшимъ чувствамъ дворянскаго сословія высочайше вѣренной мнѣ Курской губерніи, въ которой я удостоился трехлѣтняго управленія, смѣло могу ручаться передъ Вашимъ Величествомъ, Всемилостивѣйшій Государь, за непоколебимую преданность правительству всѣхъ и cadaго изъ дворянъ сей губерніи».

II.

Кто же былъ доносчикъ на семейство Византиновой и какая цѣль заставила его пустить въ ходъ свой злой умыселъ? Всѣ желали и требовали отысканія виновнаго и примѣрнаго наказанія... Шефъ-жандармовъ заявилъ объ этомъ губернатору... Онъ отвѣчалъ въ Петербургъ, что «для открытія доносчика на Византинову приняты всѣ зависящія мѣры». Сама оклеветанная Византинова также жаждала того, чтобы доносчикъ былъ найденъ и наказанъ. Она подала объ этомъ прошеніе губернатору, въ которомъ говорила что «ложный доносъ нанесъ безчестье не только ей и ея дочери, но и родственникамъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые состоятъ на государственной службѣ и находятся въ Польшѣ»... Обоянскій уѣздный предводитель, какъ видно изъ архивныхъ документовъ, тоже былъ очень заинтересованъ открытіемъ злостнаго доносчика. Онъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ, взялся за собираніе свѣдѣній, благодаря которымъ можно было бы напасть на слѣдъ злодѣя. «Ненаказанность за такія клеветы, писалъ предводитель губернатору, вовлечетъ и другихъ въ подобныя предпріятія... И только надлежащее наказаніе виновнаго единственно можетъ загладить оскорбленіе чести семейства Византиновыхъ, которое было и можетъ служить для многихъ примѣромъ предан-

ности къ нашему правительству и образцомъ скромныхъ гражданскихъ добродѣтелей».

Обоянскій предводитель сталъ спрашивать Византиновыхъ о лицахъ, посѣщавшихъ въ послѣднее время ихъ имѣніе и домъ. Драгунскихъ офицеровъ въ домѣ оклеветанныхъ помѣщицъ не бывало; но за то тамъ часто бывали доктора... Вотъ что узналъ предводитель. Дѣвица Византинова (дочь столѣтней старухи) съ давняго времени страдаетъ водяною болѣзью и пользуется совѣтами медиковъ. Въ теченіе послѣдняго (1843) года въ ея домѣ бывало два лѣкаря.. Одинъ изъ нихъ, навѣщавшій больную довольно часто,—Абелляръ, вольнопрактикующій врачъ, обыкновенно живущій въ городѣ Обояни. Въ сентябрѣ 1843 года этотъ врачъ, находясь въ Абриколевой, счелъ нужнымъ пригласить на консультацію молодого харьковского практиканта—Симплонскаго. Этотъ врачъ довольно долго прожилъ въ семействѣ Византиновыхъ и помѣщался въ комнатѣ, смежной съ библиотечною.

Обоянскій предводитель изъ рассказовъ матери и дочери Византиновыхъ, а также изъ показаній гувернантки, живущей въ ихъ домѣ, петербургской уроженки Екатерины Герръ, узналъ, что докторъ Симплонскій желалъ имѣть въ Византиновой постоянную пациентку, съ хорошимъ состояніемъ, которое, въ случаѣ успѣшнаго лѣченія, обезпечивало его виды на признательность больной. Симплонскій выказывалъ весьма замѣтно непріязненное расположеніе къ Мѣдкиной, которая совѣтовала своей воспитательницѣ не довѣряться лѣченію, отъ столь важной болѣзни, молодого и еще весьма неопытнаго врача, который только одинъ предлагалъ и настаивалъ, чтобы Византинова ѣхала для пользованія себя въ Карлсбадъ.. Симплонскій, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи поселить въ Византиновой довѣріе къ его искусству, уѣхалъ изъ деревни Абриколевой съ худо скрытымъ къ ней чувствомъ недоброжелательства и досады.. Дѣвица Византинова заявила уѣздному предводителю, что она, не рѣшившись ѣхать, по совѣту Симплонскаго, въ Карлсбадъ, ни съ кѣмъ объ этомъ послѣ не говорила, а слѣдовательно никто, кромѣ Симплонскаго, и знать этого не могъ.. Неизвѣстно по какому случаю досталось Симплонскому письмо Мѣдкиной.. Онъ оторвалъ отъ него клочки съ безсвязными выраженіями, которыя могли, хотя слабо, поддерживать «клеветническій его замыселъ очернить двухъ благородныхъ особъ».

Византиновы и обоянскій предводитель пришли къ заключенію что докторъ Симплонскій употребилъ доносъ, какъ орудіе мести. Съ этимъ согласился и губернаторъ Устимовичъ. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ государю онъ доложилъ: «подозрѣніе въ ложномъ доносѣ падаетъ на одного доктора, который былъ въ домѣ Византиновыхъ вызванъ для пользованія изъ Харькова». Губернаторъ поручилъ одному изъ опытныхъ полицейскихъ чиновниковъ Тран-

скому секретно съѣздить въ Харьковъ и разузнать тамъ, что можетъ, о Симплонскомъ. 5-го декабря этотъ чиновникъ отправился въ Харьковъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Абриколевой онъ былъ встрѣченъ человѣкомъ съ запискою отъ Мѣдкиной, которою она приглашала чиновника къ себѣ. Транскій заѣхалъ въ Абриколеву. Тамъ Мѣдкина, нѣсколько оправившаяся отъ болѣзни, заявила ему, что ей Византиновы уже сказали о доносѣ и приложенныхъ къ нему клочкахъ письма, и она можетъ сказать, что это было за письмо. Оно было написано родственнику ея мужа, въ Одессу, но не было еще отправлено. Мѣдкина объяснила полицейскому чиновнику, что она полагаетъ, что письмо ея было похищено Симплонскимъ и рассказала слѣдующій фактъ. Однажды Византинова внезапно вошла въ комнату, гдѣ на диванѣ у стола, на которомъ было положено письмо, сидѣлъ Симплонскій. Увидѣвъ входящую хозяйку дома, онъ «отшатнулся отъ стола и замѣтно смѣшался до того, что небрежно развалился къ концу дивана, какъ бы лежалъ». Кромѣ того, Мѣдкина подтвердила, что Симплонскій, при своемъ отъѣздѣ изъ Абриколевой, наговорилъ хозяйкамъ дерзости.

Транскій прожилъ нѣкоторое время въ Харьковѣ. Тамъ онъ узналъ о Симплонскомъ, что послѣдній, австрійскій полякъ, родомъ изъ Галиціи, воспитывался въ Вѣнѣ и Вильнѣ и, прибывъ въ Харьковъ для экзамена на лѣкарскій дипломъ, не имѣетъ практики и, по видимому образу жизни, не желаетъ вступать въ государственную службу. Курскій полицейскій чиновникъ, согласно предписанію своего начальства, поручилъ наблюденію харьковской полиціи Симплонскаго, а самъ, не обнаруживъ ничего новаго по дѣлу о доносѣ, возвратился въ Обоянь. Тамъ Транскій занялся разысканіями о подателѣ на почту доноса на Византинову и Мѣдкину. Устроено было секретное наблюденіе. По справкамъ оказалось, что черезъ нѣсколько недѣль послѣ отправленія доноса, на почту являлся какой-то человѣкъ, отправившій письмо въ Кіевъ; онъ росписался въ подавательской книгѣ почеркомъ очень схожимъ съ тѣмъ, которымъ была сдѣлана росписка въ подачѣ письма, въ которомъ впоследствии оказался доносъ. Что же это былъ за человѣкъ? Собранными свѣдѣніями было удостовѣрено, что податель письма въ Кіевъ — служитель доктора Абелляра. Такое неожиданное открытіе привело въ смущеніе Транскаго. По его мнѣнію трудно было бросить на Абелляра тѣнь подозрѣнія. Онъ, сколько было извѣстно обоянской полиціи, «не обнаружилъ еще такой злой склонности, которая должна была быть сродна человѣку, рѣшившемуся на такое злодѣяніе, какъ оклеветаніе Византиновой и Мѣдкиной». Тѣмъ болѣе, что и послѣ казуса съ доносомъ, Абелляръ продолжалъ навѣщать, для лѣченія, Византинову и Мѣдкину, и онѣ не имѣли на него никакого подозрѣнія... Напротивъ, обѣ довѣряли ему; а Мѣдкина паки и паки просила Транскаго: «сдѣлать обыскъ Сим-

плонскому, чрезъ который непременно обнаружатся его мерзкіе поступки».

Но Транскій не думалъ уже о Симплонскомъ. Полицейскій чинъ недоумѣвалъ надъ новымъ фактомъ: черезъ нѣсколько дней, отъ Абеллара было отправлено новое страховое письмо въ Москву. Податель его росписался, и подпись эта еще больше убѣдила Транскаго въ томъ, что отправитель доноса и писемъ въ Кіевъ и Москву одно и тоже лицо. Сдѣлана была перлюстрація письма въ Москву. Оно заключало въ себѣ требованіе Абеллара прислать къ нему нѣкоторыя лѣкарства, и больше ничего. Тѣмъ не менѣе, въ докладѣ своемъ курскому губернатору Транскій объяснилъ, что собралъ точныя полицейскія свѣдѣнія о докторѣ Абеллярѣ. Онъ учился въ дерптскомъ университетѣ, не кончилъ тамъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, курса; затѣмъ перешелъ въ Харьковский университетъ... Въ Обояни онъ состоитъ постояннымъ врачомъ у одной богатой помѣщицы Иглиной, которая полагается только на его искусство съ давняго времени.

Губернаторъ предписалъ: имѣть секретное наблюденіе за Абелларомъ.

Прошло нѣсколько времени. Обоянская полиція прекратила розыски. Ни противъ Симплонскаго, ни противъ Абеллара не было и не возникало никакихъ уликъ... Да и въ самомъ дѣлѣ: предположить виновникомъ доноса на Византинову того или другого врача могло только возбужденное воображеніе. А при хладнокровномъ обсужденіи дѣла становилось яснымъ, что первый, особенно же второй, не позволили бы себѣ написать страшную клевету. Не розыскавъ таинственнаго доносчика, Транскій, видя, что все начало успокоиваться, собрался уже ѣхать обратно въ Курскъ...

Какъ вдругъ новое событіе!..

Въ одинъ прекрасный зимній день, на главныхъ улицахъ Обояни было расклеено объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Дѣвица Византинова симъ объявить честь имѣеть, что въ домѣ ея, Обоянскаго уѣзда, въ деревнѣ Абриколевой, открыть превосходный публичный домъ. Первый призъ: Мѣджина, второй— гувернерка Герръ... и еще пріѣдетъ къ нимъ Гостина, потерявшая свою практику въ Одессѣ. Всѣ за очень сходную цѣну. Прошу читателей объявить о семъ всѣмъ и каждому».

Экземпляры пасквиля были сорваны съ городскихъ зданій и представлены обоянскому городничему. Тотъ бросился съ ними къ Транскому. Послѣдній сличилъ почеркъ доноса и пасквиля и ахнулъ: почеркъ буквально былъ одинъ и тотъ же... Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что сочинитель пасквиля и доносчикъ одно и то же лицо. Сначала онъ пустилъ въ ходъ обвиненіе семейства Византиновыхъ въ политической неблагонадежности, а затѣмъ— въ нравственной... Кто же этотъ тайный врагъ?..

Въ то время, какъ въ Обояни появился приведенный нами пасквиль, Византинова-мать получила письмо. «Ежели вы, сударыня, говорилось въ этомъ посланіи, не отправите свою развратную воспитанницу Мѣдкину къ мужу, то я клянусь: осрамлю домъ вашъ. Развратница погубила моего несчастнаго друга. Онъ воспылалъ къ ней страстью, а гувернерка ваша способствовала этой мерзкой связи. Ваша воспитанница и гувернерка—не только развратницы, но и преступницы. Онѣ читають запрещенныя книги».

А черезъ нѣсколько дней Византиновой было доставлено новое письмо, угрожающаго характера.

«Я отомщу за своего несчастнаго друга! Если вы будете покровительствовать разврату и Мѣдкиной, то я, не смотря на ваши лѣта, на вашу болѣзнь, буду срамить васъ вездѣ и всячески такъ, какъ вы не воображаете. Но если я лишусь друга, тогда не жить ни вамъ, ни вашей подлой Мѣдкиной, хоть самъ послѣ буду въ Сибири. Вспомните, что вы убили вашего брата, и черезъ что? Неужели вы еще рѣшитесь потакать разврату? Товарищи мои офицеры подступать къ вашему дому, и горе вамъ и вашимъ развратницамъ»...

Полученныя Византиновою письма были переданы полиціи. Почеркъ ихъ, какъ двѣ капли воды, походилъ на почеркъ доноса и пасквиля...

Транскій терялся въ догадкахъ. Въ почтовой конторѣ секретно наблюдали за каждымъ подателемъ письма. Выраженіе: товарищи-офицеры опять заставляло волей-неволею думать о драгунахъ... А Византинова отправляла къ губернатору слезныя мольбы—о защитѣ отъ таинственныхъ мстителей и ихъ извѣтовъ. Губернаторъ въ свою очередь посылалъ одно за другимъ предписанія откомандированному имъ полицейскому чиновнику. Транскій же изо всей этой исторіи вывелъ одно заключеніе, что недругъ Византиновыхъ не хочетъ уняться и, стало быть, въ сердцѣ его залегла лютая злоба противъ нихъ... Но почему? Отъ Мѣдкиной и Византиновыхъ отвѣта на этотъ вопросъ онъ не добился, а самъ не могъ придумать ничего такого, что бы повело къ открытію таинственнаго смутьяна.

15-го декабря, на квартиру Транскаго, явился докторъ Абеляръ и сообщилъ полицейскому чиновнику слѣдующее. Надняхъ онъ отлучился изъ Обояни въ деревню Абриколеву для пользованія Византиновой. Во время его отсутствія, 13-го числа, ночью, постучался кто-то въ двери его квартиры. Поваръ отворилъ ихъ, и вслѣдъ затѣмъ принесъ въ комнаты запечатанный пакетъ и отдалъ его матери доктора. Та спросила:

— У кого ты взялъ пакетъ?

Поваръ отвѣчалъ:

— Пакетъ мнѣ далъ на лѣстницѣ неизвѣстный челоувѣкъ.

По распечатаніи пакета, въ немъ оказались слѣдующія вещи:

табакерка серебряная, которая, по словамъ Абелляра, была украдена у него, когда онъ жилъ въ Абриколевой у Византиновыхъ, и золотое кольцо. Въ пакетѣ нашлась записочка:

«Простите мою дерзость, господинъ докторъ, умирающій товарищъ мой заклиналъ меня передать бывшей его любовницѣ ея подарки. А васъ, какъ знакомаго, прошу передать оные по адресу. Я откомандированъ по службѣ и не могу лично вручить ихъ ей»...

На доскуткѣ бумажки, вложенномъ въ табакерку—было написано:

«Умирающій любовникъ вашъ, госпожа Мѣдкина, возвращаетъ вамъ ваши подарки. Вы—гнусная развратница».

Разсмотрѣвъ вещи и прочитавъ записки, Транскій спросилъ у Абелляра:

— Не можете ли вы указать мнѣ на то лицо, которое подозреваете въ кражѣ у васъ табакерки и кольца?..

Докторъ замаялся... Отозвался невѣдѣніемъ. Впрочемъ, добавилъ:

— Когда я жилъ въ Абриколевой, то въ домѣ Византиновой бывалъ ея повѣренный по управленію имѣніями—Моравцевъ.

Транскій призадумался. Записочки были написаны тою же рукою, что и безыменные письма, доносъ и пасквиль. Онъ счелъ за лучшее довести обо всемъ случившемся въ послѣднее время, до свѣдѣнія губернатора.

Устимовичъ собственноручно написалъ Транскому наставленіе, какъ ему поступить:

«Призвавъ негласно, подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ, повара Абелляра, вы, при становомъ приставѣ, возьмите отъ него показаніе: кто ему вручилъ пакетъ? какого числа? въ какомъ часу? кому этотъ пакетъ отдалъ поваръ? кто передалъ доктору пакетъ по его пріѣздѣ? что говорилось при этомъ? Если по показанію повара окажется подозрѣніе на Абелляра, то объявите ему, что я приглашаю его немедленно прибыть въ Курскъ и явиться ко мнѣ; но вы не должны показать ему и вида, что имѣете отъ меня особое порученіе».

По просьбѣ Трансаго, становой приставъ отправился въ квартиру Абелляра. Онъ жилъ во флигелѣ дома жены подполковника Иглиной, которую лѣчилъ. Доктора не оказалось дома. Подполковника Иглина также не было. «Дабы не напугать дамъ», приставъ объяснилъ Иглиной, что дворовый ея человѣкъ, отданный ею въ повара Абеллярю, нуженъ въ полицію для показанія ему на видимость вещей, взятыхъ у пьянаго человѣка. Иглина велѣла повару отправиться въ полицію. А приставъ, поговоривъ съ Иглиной о томъ, о семъ, раскланялся и поспѣшилъ въ полицейское управленіе.

Заполучивъ въ свои руки повара, Транскій сталъ на твердую почву относительно успѣховъ въ своихъ розысканіяхъ. Въ рукахъ полицейскаго чиновника, который могъ вести допросъ съ «внуши-

тельными пристрастіемъ», поваръ Абелляра не посмѣлъ повторять сказки о неизвѣстномъ человѣкѣ, подавшемъ пакетъ.

— Никакой неизвѣстный человѣкъ мнѣ пакета не давалъ,— сказалъ поваръ....

— Ну! грозно рывкнулъ Транскій,—а какъ же дѣло было? Рассказывай!

Поваръ рассказалъ:

— Барыня моя, госпожа Иглина, живетъ у насъ въ домѣ, а во флигелѣ докторъ. Я служу поваромъ у доктора. 13-го числа декабря, въ одиннадцатомъ часу ночи, когда я находился въ кухнѣ, пришла ко мнѣ горничная дѣвка Марья и позвала меня къ барынѣ. Когда я вошелъ, то барыня подала мнѣ бумажный пакетъ, чтобы я отдалъ его семейству лѣкаря и дала мнѣ наставленіе, какъ это сдѣлать. Она крѣпко-накрѣпко приказывала мнѣ не говорить доктору, что она прислала ему пакетъ, а точно также никому не говорить объ ея словахъ и угрожала ссылкой въ Сибирь.

Давъ свое показаніе, поваръ Абелляра отозвался, что онъ полицейскимъ чиновникамъ потому лишь показалъ истинную правду, что передъ допросомъ былъ приведенъ къ присягѣ и цѣловалъ крестъ и евангеліе.

Транскій долженъ былъ невольно придти къ заключенію, откуда идетъ все зло!.. Отъ Иглиной. Ея рука писала записочки въ пакетѣ и та же рука писала болѣе серьезныя вещи... Утромъ почтовая эстафета полетѣла въ Курскъ къ губернатору, съ вопросомъ: что дѣлать, въ виду открытія новыхъ обстоятельствъ? Транскій вѣрилъ и не вѣрилъ себѣ... Все-таки онъ никакъ не могъ свыкнуться съ той мыслью, что богатая обоянская помѣщица Иглина пустилась на такія штуки...

— Не путаница ли опять какая нибудь? думалъ полицейскій чиновникъ ¹⁾.

На другой день, не успѣлъ еще Транскій отпить утренній чай, какъ на квартиру къ нему явился подполковникъ Иглинъ. Онъ былъ встревоженъ...

— Что вамъ угодно?—спросилъ Транскій.

— А вотъ, позвольте вамъ представить... Со мной случилось необыкновенное происшествіе. Я вамъ расскажу...

И подполковникъ вытащилъ изъ кармана платокъ, въ которомъ было завязано нѣсколько вещей. Вещи эти были положены на столъ и предстали предъ очами полицейскаго чиновника: трубка въ серебряной оправѣ, очки съ двойными стеклами—синими и бѣлыми, и на обоихъ бѣлыхъ стеклахъ вырѣзано алмазомъ число: «36» бумажная табакерка, палочка въ мѣдной оправѣ и синій носовой платокъ...

¹⁾ Подлинныя выраженія Транскаго въ запискѣ уѣздному предводителю.

— Эти вещи не мои,—сказалъ Иглинъ,—и попали ко мнѣ такъ: дворовый человѣкъ г-жи Византиновой, пріѣхавшій съ Абельяромъ изъ Абриколевой, ходилъ въ аптеку за лѣкарствомъ ночью, и съ нимъ встрѣтился, неизвѣстный ему, какой-то пьяный человѣкъ и спросилъ, у кого онъ служитъ? Дворовый человѣкъ отвѣчалъ у кого... Тогда неизвѣстный передалъ ему вещи и просилъ отвести ихъ ко мнѣ...

Транскій подозрительно посмотрѣлъ на Иглина.

Тотъ сказалъ:

— Абельяръ рассказывалъ мнѣ о томъ, что въ присланной ему табакеркѣ оказалась подозрительная переписка. Вотъ поэтому-то я доставленные мнѣ дворовымъ вещи поспѣшилъ предъявить въ полицію.

Транскій сталъ разсматривать вещи, а Иглинъ ушелъ. Черезъ часъ, онъ поспѣшно вошелъ опять въ полицейское управленіе и подаль Транскому пакетъ, адресованный на имя Транскаго. Пакетъ былъ не запечатанъ.

— Ужасъ, что такое здѣсь написано!—сказалъ Иглинъ.

Транскій прочиталъ:

«Когда вы исполните порученіе правительства, и обяжете доктора Абельяра, чтобы онъ не выѣзжалъ изъ города и не смѣлъ ѣздить въ Абриколеву къ развратницѣ Мѣдкиной? Прошу васъ немедленно приступить къ дѣлу. Въ противномъ случаѣ я донесу вашему начальству».

— А какимъ образомъ,—спросилъ у Иглина Транскій,—вы получили это письмо?

— Моя дѣвка вышла за водою въ сѣни и подняла подъ дверью пакетъ.

— Однако... Транскій помедлилъ съ минутку, а затѣмъ объявилъ:

— Я, господинъ подполковникъ, долженъ безъ огласки сдѣлать у васъ обыскъ и осмотрѣть ваши письма и бумаги.

Полицейскій чиновникъ пригласилъ съ собою судью и стряпчего и учинилъ обыскъ. Главнымъ образомъ онъ осмотрѣлъ бумаги и вещи г-жи Иглиной, о продѣлкахъ которой узналъ отъ повара. Полиція опечатала бумаги подозрѣваемой особы. Транскій воочію убѣдился, что рука помѣщицы Иглиной сходна съ рукою доносчика и пасквилянта, какъ Иглина ни старалась, пиша пасквили и доносы, измѣнять почеркъ свой. Изъ вещей полиція взяла серебряный рубль, вычеканенный при императорѣ Петрѣ II... Для Транскаго этотъ рубль былъ хорошей находкой. Пасквильныя письма и подбрасываемые пакеты были запечатаны именно этой монетой... Внимательный взоръ полицейскаго открылъ на монетѣ крапинки сургуча. Серебряный рубль хранился у Иглиной въ секретномъ отдѣленіи шкатулки. Точно также отъ Иглиной отобрали нѣсколько ли-

стовъ бумаги... На этихъ листахъ фабричное клеймо было точно такое же, какъ и на доносахъ, пасквиляхъ и проч.

Транскій написалъ губернатору о томъ, что поймалъ виновницу всѣхъ бѣдъ и напастей на домъ Византиновыхъ, а самъ снялъ допросъ съ Иглиной, лишь только она оправилась отъ обморока, въ который впала во время обыска ея бумагъ и вещей полиціей.

Иглина созналась во всемъ. Она—и никто другой посылала компрометирующія Византиновыхъ и Мѣдкину письма. Она же посылала разныя вещи, подаренныя доктору Абелляру. Сдѣлала все это изъ мести къ Мѣдкиной.

III.

Какая же была причина ненависти Иглиной къ Мѣдкиной? Между ними стоялъ—красавецъ докторъ Абелляръ. Иглина—нѣсколько лѣтъ безраздѣльно считала его своимъ любовникомъ. Мужъ ея смотрѣлъ на это сквозь пальцы; ибо его супруга была женщина нервная и истерическая. Чуть что не по ней, и пиши пропало. Страсть Иглиной къ Абелляру горѣла такъ пламенно, что она помѣстила доктора у себя во флигелѣ и не спускала съ него глазъ. Но въ послѣднее время красавецъ-мужина сталъ чаще и чаще навѣщать домъ Византиновыхъ и тамъ произвелъ подобающее впечатлѣніе на соломенную вдовушку Мѣдкину... Та растаяла, и скоро Абелляръ въ письмахъ Мѣдкиной къ нему получилъ названіе «душенька». In die irae et lacrimae. Ревность заклокотала въ груди Иглиной... Абелляръ началъ предпочитать новую фаворитку прежней... Иглина убѣдила себя въ томъ, что противная Мѣдкина приколдовала къ себѣ ея «несчастнаго друга» и начала употреблять всякія мѣры къ тому, чтобы устранить отъ себя соперницу... Она долго крѣпилась сначала... Но когда ей сказали, что Абелляръ можетъ уѣхать изъ Обояни въ Карлсбадъ, Иглина не взвидѣла свѣта...

Преступленіе Иглиной было весьма серьезно. Когда ревнивицѣ объяснили, что она надѣлала, то несчастная схватилась писать къ губернатору умоляющее письмо.

«Надѣясь на ваши благородныя чувства, на вашу чувствительность, умоляю васъ, будьте снисходительны къ моимъ несчастіямъ, успокойте меня хотя нѣсколько словами вашими... Знаю, очень знаю, что я не стою того, чтобы вы принимали во мнѣ участіе; но заклинаю васъ всѣмъ для васъ священнымъ, сжальтесь надъ моимъ положеніемъ... Ужасно, ужасно... невыразимо... ни одна минута не проходитъ мнѣ безъ жестокаго страданія. Умоляю васъ, сжальтесь! Болѣзнь моя, удручающая меня много лѣтъ, привела меня въ ужасное положеніе. Заклинаю васъ самимъ Богомъ пощадить меня и успокойте меня вашимъ скорымъ увѣдомленіемъ».

Губернаторъ, разумѣется, не обратилъ вниманія на письмо Игли-

ной. Онъ потребоваль, чтобы она, вмѣсто жалостливыхъ посланій, дала обстоятельное показаніе относительно того, что ее побудило пуститься въ доносы, пасквили и клеветы, и кто въ этихъ недобрыхъ дѣлахъ были у нея соучастниками...

Иглина дала требуемое объясненіе. Интересно то, что несчастная женщина съ первыхъ же словъ старается о томъ, чтобы не пало какой либо тѣни на ея милаго. «Умоляю всѣхъ, пишетъ она, на доктора моего Абелляра не имѣть никакого подозрѣнія. Никто не зналъ о моихъ поступкахъ. Сама я писала письма, а если подавалъ ихъ на почту человекъ Абелляра, то потому, что докторъ живетъ на одномъ дворѣ съ нами. Посылка табакерки, кольца и проч. было сдѣлано мною для того, чтобы хоть какъ нибудь отвлечь доктора отъ Византиновыхъ и Мѣдкиной. Онѣ отвлекали его къ себѣ, а я оставалась одна при моей болѣзни. Я не могла вынести той мысли, что докторъ мой уѣдетъ съ Византиновой въ Карлсбадъ... Я рѣшилась напугать Византиновыхъ, чтобы докторъ пересталъ къ нимъ отлучаться».

Иглину привезли въ Курскъ. Мужъ ея сдѣлалъ заявленіе о томъ, что его жена страдаетъ нервнымъ разстройствомъ. Она женщина больная, и едва ли ей можетъ быть вмѣнено въ вину то, что она продѣлывала подъ вліяніемъ психическаго аффекта... Въ подтвержденіе своихъ словъ, Иглинъ сослался на доктора Абелляра. Послѣдній, находившійся въ это время въ Курскѣ, съ своей стороны удостовѣрилъ болѣзненное разстройство Иглиной, которая подъ вліяніемъ его не вѣдала, что творила. Врачебная управа, опираясь на показаніяхъ курскихъ врачей, которыхъ Иглинъ призывалъ къ своей женѣ, высказалась въ пользу психической невмѣняемости виновной. Губернаторъ предложилъ губернскому правленію отдать Иглину на поруки мужу съ подпиской, которою онъ обязывается имѣть больную жену на попеченіи и не допускать ее до какихъ либо не позволительныхъ поступковъ. Мѣстная полиція должна имѣть за Иглиной секретный надзоръ...

Опредѣленіе губернскаго правленія состоялось 4 января 1844 года, а черезъ недѣлю Устимовичъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующій репримандъ:

«Вы (т. е. губернаторъ) не только не отклонили жандармскаго штабъ-офицера Драгневича отъ учиненія полицейскаго осмотра въ домѣ Византиновой, но еще сами къ тому содѣйствовали вопреки закона (928 ст. XV т. св. зак. изд. 1842 года), воспреещающаго производить слѣдствія по безыменнымъ доносамъ... Я—писалъ министръ Перовскій—поставляю вамъ таковыя дѣйствія ваши на видъ и поручаю на будущее время быть осмотрительнѣе».

А отъ шефа-жандармовъ, которому курскій губернаторъ донесъ объ открытіи виновницы политическихъ доносовъ, была получена слѣдующая бумага:

«III Отдѣленіе собственной его величества канцеляціи. 21 января 1844 года.

«М. Г. Адрианъ Прокофьевичъ! Имѣю честь просить васъ принять мѣры къ тому, чтобы Иглина не могла болѣе разсылать подобныхъ писемъ. А дѣлу о ней дать судебный ходъ на точномъ основаніи законовъ, дабы она, за поступки свои, изъ-за которыхъ у помѣщицы Византиновой былъ произведенъ обыскъ, обидный для нея, а вы и жандармскій полковникъ получили выговоръ начальства, подвергнута была законной отвѣтственности. Графъ Бенкендорфъ».

Устимовичъ былъ крайне опечаленъ замѣчаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ поспѣшилъ отправить въ Петербургъ слѣдующій извинительный докладъ:

«Не оправдывая себя въ томъ, что я не предугадалъ, какъ долженъ былъ поступить въ этомъ дѣлѣ, но дорожа вниманіемъ вашего сіятельства (министра), я обязываюсь принять смѣлость доложить вамъ:

«Жандармскій штабъ-офицеръ показалъ безыменный доносъ командиру кавалерійскаго корпуса генераль-адъютанту Потапову, по совѣту съ которымъ принялъ мѣры. На замѣчаніе мое, что доносъ безыменный, г. Драгневичъ мнѣ отвѣчалъ, что важность дѣла требуетъ изслѣдованія справедливости доноса. Не зная секретныхъ наставленій губернскимъ жандармскимъ штабъ-офицерамъ, я согласился съ мнѣніемъ Драгневича. Прошу извиненія въ непредусмотрительности. Скорблю душою за сдѣланную ошибку, которая уничтожаетъ мои пятилѣтніе труды по ввѣренному мнѣ управленію, въ важнѣйшихъ случаяхъ заслуживавшему одобренія начальства, и полагаетъ меня въ глазахъ начальства неосновательнымъ».

И такъ Иглина не избѣжала суда. Дѣла о клеветѣ въ дореформенное время разбирались въ такъ называемыхъ совѣстныхъ судахъ. Курскій совѣстный судъ по дѣлу Иглиной прежде всего, по просьбѣ мужа, потребовалъ формальнаго освидѣтельствованія подсудимой въ губернскомъ правленіи... Измученная безумною ревностью, душевно изстрадавшаяся и разстроенная женщина, психопатка, по современной терминологіи, — Иглина была доставлена въ губернское правленіе. Освидѣтельствованіе происходило въ присутствіи губернатора, предводителя дворянства, председателей палатъ казенной и гражданской. Члены врачебной управы нашли: Иглина — отъ роду за 40 лѣтъ, тѣлосложенія слабаго, лицо красноватое, глаза — мокрые, вялые, и т. д.

Врачебный инспекторъ предложилъ Иглиной вопросъ:

— По какому случаю вы, сударыня, сюда пожаловали?

— Не вѣрьте людямъ, не вѣрьте!.. шептала свидѣтельствуемая, осматривая мутными глазами присутствующихъ...

При Иглиной находился, приглашенный мужемъ ея, одинъ изъ курскихъ врачей... Абеллара въ это время въ Курскѣ уже не было. Онъ обрѣтался въ Абриколевой, въ обществѣ Мѣдкиной...

Инспекторъ снова спросилъ:

— Здѣсь присутственное мѣсто, и вы должны объявить, что вамъ нужно?

— Не вѣрьте людямъ... не вѣрьте,—простонала Иглина... отпустите меня!

Наблюдать за состояніемъ здоровья Иглиной было поручено акушеру Ринку. Ему пациентка заявила, что она страдаетъ женскими болѣзнями, вслѣдствіе чего испытываетъ приступы тоски... ненавидитъ сама себя... по временамъ впадаетъ въ нервное изступленіе, и сама не знаетъ тогда, что дѣлаетъ... Послѣ дополнительнаго секретнаго освидѣтельствованія Иглиной, акушеръ Ринкъ заявилъ, что она страдаетъ сложными женскими недугами.

Получивъ удостовѣреніе о болѣзненномъ состояніи обвиняемой, совѣстный судъ ограничилъ судебное слѣдствіе только отобраніемъ отъ знающихъ Иглину помѣщиковъ свѣдѣній о ея поведеніи и образѣ мыслей. Помѣщики отвѣчали единогласно:—«Ведетъ себя согласно благородному званію и никакихъ худыхъ качествъ въ поведеніи Иглиной не замѣчено».

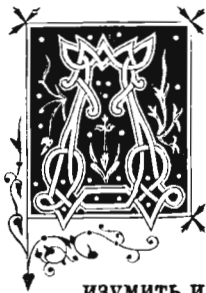
Тогда совѣстный судъ, 14-го августа 1844 года, постановилъ: Иглину отъ суда и слѣдствія освободить. Это постановленіе было утверждено губернаторомъ. Но все-таки губернская администрація сочла нужнымъ отдать оправданную на поруки мужу и учредить надъ ней тайное полицейское наблюденіе.

А. Танковъ.

ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ ТВЕРСКАГО АРХІЕПИСКОПА МЕЕОДІЯ.

ОКТАБРЯ ПЯТАГО 1813-го года, префектъ тверской семинаріи не въ обычное время явился въ архіерейскій домъ и просилъ поскорѣй доложить о себѣ владыкѣ, говоря, что онъ пріѣхалъ по одному весьма важному случаю. Получивъ доступъ въ кабинетъ его высокопреосвященства, архіепископа Мееодія, онъ сообщилъ этому послѣднему такую новость, которая должна была вмѣстѣ и изумить и испугать владыку. Какъ видно изъ сохранившагося письменнаго донесенія, представленнаго префектомъ вмѣстѣ съ словеснымъ объясненіемъ, ему только что сдѣлалось извѣстнымъ чрезъ ученика семинаріи Василія Никольскаго объ опасности, которая могла угрожать жизни его высокопреосвященства. Къ этому ученику, говорится въ рапортѣ префекта, еще 24 октября приходили въ гости его товарищи, не удостоенные перевода въ философскій классъ: Н. Бѣжецкій, И. Садиковъ, И. Мохнецкій и Ѳ. Тяжеловъ, и звали его къ себѣ ужинать, при чемъ заявили, что Бѣжецкій для этого случая приготовилъ цѣлаго барана. Никольскій былъ ѳднѣнякъ, какъ большая часть семинаристовъ, и, разумѣется, съ радостью принялъ приглашеніе поѣсть баранины, подписавши даже на листѣ, поданномъ ему Мохнецкимъ, свою фамилію въ знакъ того, что онъ непремѣнно будетъ въ числѣ гостей. Но когда онъ освѣдомился, у кого же именно и на чьей квартирѣ предполагается устроить пиршество, то въ отвѣтъ получилъ такія слова, которыя сразу же отбили у него аппетитъ. Семинаристъ Бѣжецкій, оглянувшись по сторонамъ, сказалъ ему на ухо, чтобы онъ наряжался въ солдатское платье и приходилъ въ Трехсвятское (такъ называется архіе-

рейскій домъ, отъ существующей при немъ церкви Трехъ Святителей). «У насъ—прибавилъ Бѣжецкій—есть ружье и пистолеть, бери и ты что нибудь съ собою».

Никольскій оторопѣлъ. Онъ понялъ, что недовольные архіере-емъ ученики (они были оставлены безъ перевода въ слѣдующій классъ въ силу строгой архіерейской резолюціи) задумали отомстить ему, вмѣстѣ съ тѣмъ надѣясь на то, что и онъ Никольскій, также неудостоенный перевода въ высшій классъ, поможетъ имъ въ ихъ дѣлѣ. Для него стало ясно, что затѣвается какое-то злодѣйское дѣло, быть можетъ, даже убійство, и онъ съ трепетомъ сталъ просить заговорщиковъ о томъ, чтобы его подпись на листѣ была изглажена. Къ его облегченію, Бѣжецкій согласился исполнить его просьбу, требуя только за это ведро вина, и потомъ, когда Никольскій отказался поставить вино за неимѣніемъ денегъ, самъ разорвалъ подписной листъ на мелкіе клочки и оставилъ вмѣстѣ съ своими товарищами квартиру смущеннаго Никольскаго, вѣроятно, потерявъ надежду завербовать его въ число заговорщиковъ.

Избавившись, такимъ образомъ, самъ отъ непріятнаго товарищества, Никольскій счелъ своимъ долгомъ оказать услугу и владыкѣ. Явившись въ семинарію, онъ сообщил о томъ учителю философіи іеромонаху Іерониму (ректоръ въ то время былъ боленъ и никого не принималъ, а инспекторъ или префектъ былъ въ отлучкѣ), надѣясь, что тотъ посоветуетъ ему, какъ поступить, или же самъ возьмется предупредить владыку. Но къ удивленію Никольскаго, Іеронимъ скептически отнесся къ его сообщенію и велѣлъ ему сначала разузнать дѣло въ подробностяхъ, а потомъ уже донести высшему начальству, такъ что это послѣднее узнало о покушеніи уже только тогда, когда возвратился въ семинарію префектъ.

Получивъ такое донесеніе, преосвященный очень встревожился. Онъ вспомнилъ, что недавно нѣсколько отчаянныхъ семинаристовъ ночью бросали камни въ окна квартиры ректора и чуть не ранили этого послѣдняго. Вспомнилъ онъ также и о томъ, что у семинаристовъ были основанія сердиться и на него, владыку. Будучи самъ человѣкомъ весьма трудолюбивымъ,¹⁾ онъ со всею строгостью относился къ дѣтямъ непобѣдимой злобы и лѣности, ко-

¹⁾ Онъ напечаталъ: 1) Краткія правила и словарь простаго греческаго языка; 2) христоматію изъ сочиненій св. Іустина философа; 3) толкованіе на посланіе къ римлянамъ; 4) правило пасхальнаго круга; 5) разсужденіе о важности и древности апостольскихъ правилъ; 6) церковную исторію первыхъ трехъ вѣковъ по Р. Х. (на лат. языкѣ), за которую государь пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго и брилліантовый крестъ на клобукъ; 7) выписку изъ исторіи Сиропула о флорентинскомъ соборѣ по части Уніи и 8) 13 поучительныхъ словъ, которыя ясно свидѣтельствуютъ объ умѣ и краснорѣчїи автора. Много трудился онъ по званію члена Академіи Наукъ при изданіи ею російскаго словаря. Громадная потому времени бібліотека его отдана, по завѣщанію, московской духовной академіи.

торами была переполнена семинарія въ его время, и которые своими дикими, угрожающими выходками какъ бы хотѣли достигнуть того, чтобы начальство сквозь пальцы смотрѣло на ихъ неуспѣхъ въ наукахъ. Меодій, конечно, самъ понималъ, что устроиваемые имъ у себя въ домѣ диспуты не особенно были пріятны облѣнившимся ученикамъ и что его требовательность въ отношеніи къ воспитанникамъ богословія, которые должны были представлять свои проповѣди самому владыкѣ, могла возбуждать скорѣе недовольство чѣмъ симпатію въ людяхъ, еще мало понимавшихъ все значеніе проповѣди въ дѣлѣ развитія народа. Далѣе ему могла показаться очень вѣроятною и та причина, которая, по словамъ донесенія, побудила заговорщиковъ къ составленію заговора противъ владыки. На каталогѣ учениковъ, которые представлялись къ переводу въ высшіе классы, онъ, Eminentissimus Antistes (такъ называется архіерей въ этомъ каталогѣ), писалъ довольно непріятныя для учениковъ резолюціи, оставляя безъ перевода въ слѣдующій классъ даже и такихъ учениковъ, относительно которыхъ начальство давало отзывъ: *possunt promoveri* (т. е. могутъ быть переведены), а нѣкоторыхъ даже и вовсе исключая изъ семинаріи. Наконецъ, Меодій не могъ не подумать и о томъ, что между семинаристами осталось не мало братьевъ тѣхъ воспитанниковъ, которые, по его распоряженію, были сданы въ солдаты въ 1811—12-мъ годахъ, когда наборъ рекрутовъ помогъ многимъ начальникамъ духовно-учебныхъ заведеній освободиться отъ слишкомъ уже надоѣвшихъ имъ подчиненныхъ...

Принявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, преосвященный, естественно, встревожился и тотчасъ велѣлъ духовной консисторіи произвести разслѣдованіе дѣла. Консисторія прежде всего распорядилась о томъ, чтобы предполагаемые злоумышленники были взяты подъ караулъ въ архіерейскія конюшни, находившіяся возлѣ зданія консисторіи. Постановленіе это было исполнено и несчастные четыре семинариста попали въ довольно неудобное положеніе. Извѣстно, что въ старое время консисторіи часто обращались жестоко и съ лицами духовнаго сана, а съ лицами, еще не имѣющими никакого опредѣленнаго положенія, еще безцеремоннѣе. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго и въ томъ обстоятельстве, что семинаристы, еще только подозрѣваемые, мало того, что были взяты подъ караулъ, но потерпѣли и другое еще болѣе тяжкое оскорбленіе, именно, на нѣкоторыхъ изъ нихъ были надѣты оковы, кажется, хранившіяся при самой консисторіи. Скоро, впрочемъ, они были вызваны въ консисторію, куда былъ приглашенъ, вѣроятно, для этой ставки и Никольскій. Чтò дѣлалось на этой ставкѣ, — объ этомъ можно судить только на основаніи донесенія, представленнаго консисторіею въ тверской уголовный судъ. Изъ этого донесенія видно, что Никольскій попрежнему упорно поддерживалъ свое

обвиненіе, а одинъ изъ обвиняемыхъ — Мохнецкій будто бы самъ сознался, что шесть человекъ семинаристовъ, дѣйствительно, подходили ночью съ ружьями къ дому владыки, намѣреваясь убить его, но были удержаны отъ исполненія своего замысла присутствіемъ сторожей. Кромѣ того, по словамъ того же донесенія, тотъ же Мохнецкій, вмѣстѣ съ двумя другими обвиняемыми — Садиковымъ и Тяжеловымъ, будто бы уличалъ своего соумышленника Бѣжецкаго въ томъ, что онъ выражалъ намѣреніе застрѣлить преосвященнаго владыку еще 25-го сентября, когда владыка ѣздилъ въ гости къ Желтиковскому архимандриту ¹⁾). Наконецъ, явившійся на слѣдствіе бібліотекаръ тверской семинаріи Верещагинъ показалъ, что Никольскій и ему сообщалъ объ умыслѣ противъ владыки, и что онъ, Верещагинъ, счелъ своимъ долгомъ предупредить о семъ чиновниковъ владыки, Морошкина и Друганова.

Не смотря на всѣ эти обличенія, предполагаемый глава заговора, Бѣжецкій, ни въ чемъ не сознавался и консисторія принуждена была этого упорнаго преступника снова въ кандалахъ отправить въ заключеніе. Здѣсь онъ долженъ былъ ожидать рѣшенія своей участи, которое, очевидно, не могло быть для него благопріятнымъ. Но должно быть темница консисторская плохо охранялась, такъ какъ члены консисторіи въ одно прекрасное утро съ удивленіемъ услышали, что Бѣжецкій ночью бѣжалъ, оставивъ письмо, въ которомъ просилъ у владыки позволенія избрать для себя такой родъ жизни, чтобы имѣть возможность поддерживать своего престарѣлаго родителя, и при этомъ не отказывался понести наказаніе, которое онъ заслужилъ своимъ непослушаніемъ. Консисторія, не желая упустить изъ своихъ рукъ преступника, обратилась за помощію къ полиціи, и Бѣжецкій скоро былъ пойманъ. На вопросъ о томъ, куда онъ бѣгалъ, Бѣжецкій отвѣтилъ, что изъ Твери онъ прямо побѣжалъ было въ Торжокъ къ своему родственнику священнику, но, услыхавъ на дорогѣ, что въ Твери набирается казачій Мамоновъ полкъ, рѣшился поступить въ казаки. Это намѣреніе его, къ сожалѣнію, не исполнилось, ибо какъ только онъ пришелъ въ Тверь, на свою квартиру за имуществомъ, его тотчасъ же схватили и свели въ консисторію. При этомъ относительно письма своего къ преосвященному онъ сказалъ, что просилъ себѣ въ немъ наказаніе не за иное что, какъ только за нарушеніе приказанія его высокопреосвященства, чтобы семинаристы не отлучались съ своихъ квартиръ и не ходили въ питейные дома. Въ концѣ концовъ онъ съ такимъ же упорствомъ, какъ и прежде, отрицалъ свою виновность и говорилъ, что онъ никогда ничего не умышлялъ противъ особы владыки.

Не узнавъ ничего болѣе, консисторія передала все дѣло въ гражданскій судъ. Когда здѣсь злоумышленникамъ стали вычиты-

¹⁾ Желтиковъ монастырь отстоитъ отъ города Твери версты на четыре.

вать данныя ими въ консисторіи показанія, они упорно отвергали свою виновность въ приписываемомъ имъ преступленіи. При этомъ Бѣжецкій показалъ, что, по приказанію секретаря консисторіи, его ковали въ желѣзо, надѣвали на него «цѣпь со стуломъ», отъ тяжести которой у него неоднократно шла изъ носа кровь, что будучи запертъ въ темномъ чуланѣ, онъ не получалъ огня, часто не имѣлъ достаточной пищи и томился въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не согласился дать такое показаніе, какое имѣется въ консисторскомъ донесеніи, и собственноручную росписку въ томъ, что пристрастныхъ допросовъ ему чинимо не было. Бѣгство свое изъ консисторіи Бѣжецкій объяснялъ не тѣмъ, что боялся заслуженнаго наказанія, а просто запугиваніемъ со стороны тверскаго священника Петрова и секретаря консисторіи, изъ коихъ первый сообщилъ ему, что всѣ товарищи Бѣжецкаго по заговору отведены на конюшню, а послѣдній прямо угрожалъ ему, Бѣжецкому, кобылою или эшафотомъ. Другіе злоумышленники также говорили на свѣтскомъ судѣ совсѣмъ не то, что на духовномъ... Все это, разумѣется, должно было приводить судей въ большое смущеніе. Съ одной стороны, они имѣли передъ собою консисторскіе протоколы, утверждавшіе, что ученики виновны и сами сознались въ этомъ, а этимъ протоколамъ судьи должны были вѣрить, съ другой стороны они не могли не тронуться при видѣ этихъ несчастныхъ злоумышленниковъ, которые со слезами увѣряли судей, что ихъ заставили признать себя виновными. Къ счастью, недоумѣніе судей прекратилъ самъ доносчикъ, Никольскій; которому можно было вполне довѣряться. Этотъ послѣдній сообщилъ нѣчто такое, что до крайности должно было изумить судей, привыкшихъ уже къ отвратительнымъ явленіямъ, которыя имъ приходилось обсуждать.

Изъ словъ Никольскаго оказалось, что доносъ его не имѣлъ никакого фактическаго основанія, и что его надумилъ обвинить своихъ товарищей одинъ человекъ, которому это обвиненіе было полезно для составленія своей карьеры. 12-го октября 1813 года, говорилъ на судѣ Никольскій, его позвалъ къ себѣ ночевать библиотечаръ тверской семинаріи Василій Верещагинъ, которому онъ прежде года два прислуживалъ въ домѣ. Онъ угощалъ Никольскаго и разговаривалъ съ нимъ о разныхъ матеріяхъ, о своемъ имѣніи, о покойной своей жизни и службѣ, сѣтуя только на то, что у него, при такихъ достаткахъ, нѣтъ никакого чина, почему онъ не имѣетъ права купить себѣ помѣстье, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ видъ сожалѣнія по поводу того обстоятельства, что Никольскій оставленъ безъ перевода въ слѣдующій классъ, Верещагинъ прибавилъ: «Никольскій! я имѣю въ виду случай, который можетъ служить какъ мнѣ, такъ и тебѣ въ пользу». Когда Никольскій согласился помочь ему въ осуществленіи его намѣренія, онъ продолжалъ: «Теперь въ семинаріи сдѣлалось несчастье (т. е. выбиты стекла въ окнахъ

ректорской квартиры), а преосвященный крайне желаетъ знать, кто это учинилъ. Поэтому я донесу ему о виновникахъ и при этомъ найду случай рассказать ему, что будто бы оставшіеся отъ перевода семинаристы, кромѣ оконъ, покушались и на самую жизнь преосвященнаго. Преосвященный, почтя сіе за справедливое, приметъ меня въ особенное уваженіе, а ты, Никольскій, постарайся изобличить кого нибудь изъ своихъ товарищей. За это я, подъ видомъ приверженности къ его преосвященству, могу получить чинъ благородства, а тебѣ исходатайствовать діаконское мѣсто». Никольскій, по его собственному признанію, «содрогаясь совѣстію и жалѣя о невинной жертвѣ людей», началъ отказываться отъ такого порученія, но Верещагинъ, какъ видно, человѣкъ дьявольской хитрости, сталъ тогда угрожать ему тѣмъ, что сдѣлаетъ его несчастнѣйшимъ человѣкомъ, приводя въ доказательство своей силы свою дружбу съ Иваномъ Другановымъ (коллежскій регистраторъ, архіерейскій секретарь) и «съ прочими его начальниками». Тѣмъ не менѣе Никольскій упорно отказывался отъ соучастія въ замыслѣ Верещагина, и когда тотъ на слѣдующій день завелъ съ нимъ тотъ же разговоръ, пообщался даже донести на Верещагина начальству.—«Ежели такъ, сказалъ тогда разсерженный карьеристъ,—то мнѣ плюнуть стѣитъ зайти подарками твоихъ начальниковъ» и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ онъ донесетъ на Никольскаго какъ на участника въ разбитіи ректорскихъ оконъ и что отъ упорнаго юноши никакихъ оправданій уже не примутъ. Приведенный въ ужасъ послѣдними словами своего подстрекателя и видя, что ему все равно пропадать, Никольскій согласился сыграть роль доносчика о небываломъ злоумышленіи. Тутъ Верещагинъ спросилъ его, не извѣстно ли ему о какой нибудь компаниі или не звали ли его куда нибудь? (Изъ этого, по выраженію Верещагина, могла бы выйти отнѣнная эпоха и сдѣлаться прекрасная контроверсія). Никольскій вспомнилъ, что Бѣжецкій звалъ его на ужинъ и показывалъ ему записку, въ которой (очевидно, для шутки) росписывались позванные ужинать, но что къ Бѣжецкому онъ не пошелъ, такъ какъ въ то время ему нужно было идти въ баню. «Очень хорошо», сказалъ ему на это Верещагинъ и раскрылъ предъ нимъ весь планъ, какъ сдѣлать невинныхъ семинаристовъ, собиравшихся поѣсть, заговорщиками. Дней пять спустя, Верещагинъ снова позвалъ Никольскаго и объявилъ ему, что онъ уже донесъ о замыслѣ учениковъ его преосвященству. Бѣдный Никольскій, вѣроятно, успѣвшій обдумать всю неосновательность доноса, въ отвѣтъ на это воскликнулъ:—«Что вы, Василій Ѳеодоровичъ, сдѣлали! я ничего не знаю и теперь долженъ погибнуть»; но Верещагинъ ободрилъ его и послалъ въ семинарское правленіе, чтобы съ своей стороны заявить о злоумы-

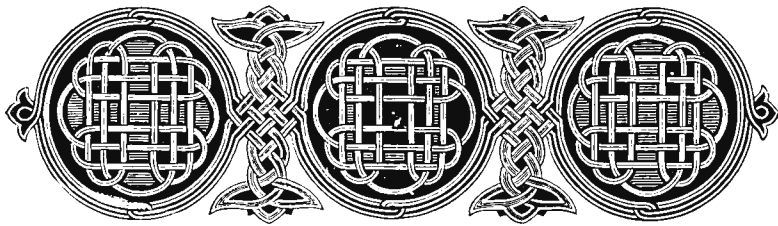
шленіи учениковъ. Такимъ образомъ, по словамъ Никольскаго, составлялась вся исторія покушенія на жизнь владыки...

Однако, и послѣ этого показанія мытарства учениковъ не кончились, потому что судьи, имѣвшіе возможность увѣриться въ невинности подсудимыхъ, встрѣтили препятствіе къ освобожденію учениковъ со стороны духовнаго вѣдомства. Именно, депутатъ съ духовной стороны, присутствовавшій на судѣ, требовалъ, чтобы судъ не обращалъ вниманія на новыя показанія учениковъ и руководился въ своемъ рѣшеніи единственно тѣми показаніями, какія были даны въ консисторіи, и самое передопрашиваніе подсудимыхъ считалъ «предобидѣніемъ духовной коллегіи». Только уже уголовная палата (дѣло велось въ уѣздномъ суѣ) разрѣшила суду воспользоваться новыми данными, которыя могли прояснить дѣло. Что же? спросить читатель, безъ сомнѣнія, послѣ этого ученики, заподозрѣнные въ покушеніи на жизнь преосвященнаго были освобождены, а ложные доносчики понесли заслуженное наказаніе? Дѣйствительно, того и другого слѣдовало бы ожидать отъ рѣшенія суда, но, къ удивленію, перваго-то именно почему-то и не случилось, хотя судьи не могли не видѣть безосновательности обвиненія, какъ это доказываетъ наказаніе, положенное ими доносчику Никольскому. Приговоривъ Никольскаго къ наказанію плетьюми и къ отдачѣ въ тяжкія работы, а Верецагина къ заключенію въ тюрьму, судъ при этомъ постановилъ, чтобы Бѣжецкій и его мнимые соумышленники были отданы въ солдаты¹⁾. Только уже уголовная тверская палата, въ которую дѣло поступило на пересмотръ, смягчила строгое рѣшеніе суда, на основаніи послѣдовавшаго въ 1814 году всемилостивѣйшаго манифеста. Признавъ второе показаніе Никольскаго, направленное къ обвиненію Верецагина, несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, она совсѣмъ освободила Верецагина отъ отвѣтственности, всѣхъ же остальныхъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ, рѣшила предать въ руки духовной власти, оставивъ, однако, обвиненныхъ Никольскимъ семинаристовъ въ сильномъ подозрѣніи, вѣроятно, для утѣшенія «духовной коллегіи». Судьба преданныхъ въ руки духовной власти намъ неизвѣстна, но можно предпологать, что она была далеко не блистательна...

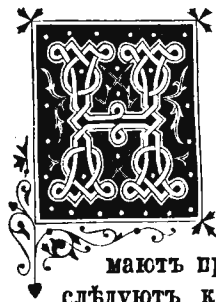
Н. П. Розановъ.

¹⁾ Верецагина, нужно замѣтить, консисторія отстояла отъ суда, говоря, что его собственное духовное начальство не предавало въ руки суда, и что, если онъ будетъ взятъ безъ воли владыки, этимъ самымъ нанесена будетъ обида послѣднему, который явится какъ бы укрывателемъ преступника.

РУССКІЙ ДИПЛОМАТЪ СТАРАГО ВРЕМЕНИ.

ВАШИ ДИПЛОМАТЫ рѣдко удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ требованіямъ, какія обыкновенно должны предъявляться государственнымъ дѣятелямъ. Они имѣютъ весьма смутное представленіе о дѣйствительныхъ русскихъ интересахъ, не знаютъ, чего имъ слѣдуетъ добиваться въ сношеніяхъ съ иностранными кабинетами, не понимаютъ прямыхъ цѣлей и задачъ своей дѣятельности, а преслѣдуютъ какія-то чисто фантастическія цѣли, которыя для ихъ родины, для Россіи, совсѣмъ никакого существеннаго значенія не имѣютъ. Въ нихъ нечего искать ни настоящей любви къ отечеству, ни сознанія національнаго своего достоинства. Понятно поэтому, что защита русскихъ государственныхъ (а тѣмъ болѣе частныхъ) интересовъ ведется ими чрезвычайно слабо, и что мы постоянно попадаемъ въ просакъ въ нашей внѣшней политикѣ».

Такія рѣчи приходится въ послѣднее время слышать со всѣхъ сторонъ, онѣ становятся избитымъ, общимъ мѣстомъ; на нашихъ дипломатовъ считаютъ необходимымъ нападать всѣ, кромѣ развѣ ужъ очень лѣнливыхъ людей — и во всѣхъ этихъ нападкахъ есть очень много справедливаго. Типъ русскаго дипломата со временъ Петра Великаго претерпѣлъ довольно много различныхъ видоизмѣненій. Въ петровскихъ сподвижникахъ, Головкинѣ, Куракинѣ и другихъ, сквозь европейское просвѣщеніе сказываются упорство и даже грубость старинныхъ московскихъ пословъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такое же, какъ у послѣднихъ, ясное сознаніе интересовъ отечества и твердая готовность постоять за его достоинство. Разные иностранцы, въ родѣ Остермана, служащіе по дипломатической части,

оказываются весьма полезными и ревностными дѣятелями, и весьма часто не уступаютъ въ защитѣ русскаго дѣла природнымъ русскимъ. Такимъ же характеромъ отличаются дипломаты въ царствованіи ближайшихъ преемниковъ Петра. Екатерининская эпоха выдвигаетъ цѣлый рядъ блестящихъ дипломатовъ; это все сановитые бояре, европейски образованные, или, вѣрнѣе, усвоившіе весь лоскъ европеизма, прекрасно умѣвшіе представлять за границей величіе своего отечества, поддерживать обаяніе своей государыни.

Но уже въ эту эпоху начинаетъ проявляться тотъ типъ космополитовъ, который окончательно становится преобладающимъ среди нашихъ дипломатовъ въ царствованіе императора Александра I. Говоря объ этомъ космополитизмѣ, А. А. Васильчиковъ, авторъ прекраснаго и основательнаго сочиненія: «Семейство Разумовскихъ»¹⁾, видитъ причину его въ самомъ основномъ свойствѣ дипломатической карьеры, въ продолжительномъ удаленіи отъ родины. «Русскій челоуѣкъ,—говоритъ онъ,—какъ бы тверды въ немъ ни были задатки народности, не можетъ безнаказанно вынести слишкомъ долгаго удаленія отъ родины. Или онъ зачахнетъ, съ тоски по ней, или же, по слабости славянской природы, мало по малу отрѣшается отъ обычаевъ, взглядовъ и даже весьма часто вѣроваій своей отчизны, чтобы вполне и всецѣло слиться съ тою средою, въ которой проводить долгіе годы. Разительный тому примѣръ представляютъ намъ духовныя особы, отправляемыя въ былое время къ разнымъ миссіямъ нашимъ за границей. Молодой, вполне русскій семинаристъ, являясь въ Англію и проживъ тамъ лѣтъ двадцать, принималъ всю важность и всю сановитость англійскаго *right reverend'a*. Товарищъ его, поселившійся среди степенныхъ нѣмцевъ, мало по малу выцвѣталъ въ холоднаго протестанскаго пастора; наконецъ, среди шумнаго и суетливаго Парижа русскій духовный неволью заражался ухватками латинскихъ монсиньоровъ. Разумѣется, все это относилось до одной только внѣшности. Даже лучшихъ нашихъ поэтовъ и писателей завлекала прелесть жизни на Западѣ—стоитъ только вспомнить Жуковскаго, который до конца жизни не могъ рѣшиться переѣхать въ Россію, или Гоголя, такъ любившаго мечтать о Россіи «изъ прелестнаго далека». И это все были люди, внутренній духъ которыхъ съ младенчества сильно закаленъ былъ народнымъ элементомъ. Чего же послѣ этого ожидать отъ тѣхъ, которые еще въ пеленахъ оторваны были отъ родной среды, которые воспитались и возросли въ космополитизмѣ?»

Сперва французскіе философы-энциклопедисты, потомъ французскіе же эмигранты пустили въ ходъ въ русскомъ общественномъ сознаніи большое количество политическихъ идей, совершенно

¹⁾ Настоящая наша статья составлена преимущественно на основаніи третьяго и недавно вышедшаго четвертаго томовъ этого замѣчательнаго изслѣдованія.

ему чуждыхъ и малопонятныхъ; но этотъ циклъ идей, страннымъ образомъ, совсѣмъ не успѣвъ перебродить въ умахъ русскихъ государственныхъ людей, проникаетъ всю нашу внѣшнюю политику; изъ-за европейскаго равновѣсія, легитимизма, отвлеченнаго либерализма и консерватизма, не имѣвшихъ для насъ почти ни малѣйшаго значенія, приносятся огромныя жертвы русской кровью и русскими деньгами. По какому-то донкихотству мы постоянно распинаемся за законный порядокъ и миръ въ Европѣ, мы ее спасаемъ отъ Наполеона, преслѣдуемъ въ ней революціонныя движенія, всѣми силами стремимся ее облагодѣтельствовать, все это дѣлаемъ вполне безкорыстно, но—вотъ по истинѣ трагическое положеніе!—въ Европѣ никто намъ не вѣритъ, всѣ насъ боятся, видятъ въ насъ *état aggrèsif*, подозрѣваютъ во всѣхъ нашихъ донкихотскихъ дѣйствіяхъ какую нибудь заднюю эгоистическую цѣль. Да это и понятно. Всякій судитъ самъ по себѣ. Ни одинъ европейскій государственный дѣятель не станетъ преслѣдовать фантастическихъ цѣлей во внѣшней своей политикѣ, онъ понимаетъ цѣну народныхъ жертвъ, и самъ такъ дѣйствуя, онъ не можетъ понять противоположнаго образа дѣйствій, не можетъ видѣть другого стимула въ политикѣ, кромѣ насущныхъ реальныхъ интересовъ страны. Космополитическое направленіе пустило крѣпкіе корни въ нашей политикѣ и дипломатіи, хотя въ послѣднее время развитіе нашего народнаго самосознанія даетъ себя знать и въ этой области.

Наши дипломаты зачастую всецѣло подчинялись вліянію той страны, въ которой приходилось имъ отстаивать честь и права своей родины. Къ тому же, нигдѣ какъ у насъ дипломаты не оставались такъ долго внѣ отчизны и притомъ почти постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Понятно, что съ теченіемъ времени, независимо для нихъ самихъ, всѣ усилія офранцузенныхъ, онѣмечившихся, или же англизированныхъ русскихъ дипломатовъ стали стремиться не столько къ сохраненію чести и блага родины, сколько къ сохраненію тѣхъ мѣстъ, гдѣ успѣли пустить они глубокіе корни. Часто ради этого все прочее терялось изъ виду. Самые русскіе изъ нашихъ пословъ стараго времени, тѣ, которые умѣли вполне отрѣшиться любовь къ родинѣ отъ личныхъ эгоистическихъ видовъ, которые стойко защищали честь отчизны отъ людей, съ которыми были иногда связаны узами дружбы, даже и они невольнo поддавали подъ обаяніе чуждой имъ народности, но любезной среды. Такой примѣръ видимъ мы въ полномъ, глубокочестномъ и совѣстливомъ графѣ Семенѣ Романовичѣ Воронцовѣ. При чтеніи его писемъ иногда невольнo себя спрашиваешь, не выдержки ли это изъ сочиненій Хомякова, Самарина или Аксакова. И что же? этотъ вѣрный сынъ Россіи съ ужасомъ думалъ о необходимости вернуться на родину и то на самый короткій срокъ, и отказывался

отъ блестящихъ мѣстъ, лишь бы не покидать дорогой ему Англии¹⁾.

Свѣтлѣйшій князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій представляетъ собою одинъ изъ яркихъ образчиковъ сейчасъ нами охарактеризованнаго типа. Третій сынъ гетмана Кирилла Григорьевича, Андрей родился въ Глуховѣ въ 1752 году. Съ дѣтства онъ поражалъ своихъ наставниковъ блестящими способностями. Особенно его полюбилъ извѣстный историкъ Шлецеръ. Между ними завязались самыя дружескія отношенія; часто, по вечерамъ, когда наступало время отдыха, мальчикъ забирался въ комнату Шлецера и велъ съ нимъ разговоры объ исторіи и статистикѣ. Двѣнадцати лѣтъ Разумовскій поѣхалъ съ отцомъ за границу и дальнѣйшее его ученіе происходило въ Страсбургѣ, о которомъ онъ сохранилъ самое отрадное воспоминаніе. Въ 1769 году, поступивъ на службу во флотъ, Разумовскій былъ произведенъ въ лейтенанты и возвратился въ Россію. Первые шаги его на служебномъ поприщѣ вполнѣ могутъ быть названы блестящими. Въ 1775 году, т. е. на 23 году, онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры. Императрица была къ нему очень милостива, всесильный князь Таврическій ему покровительствовалъ, особенная дружба связывала его съ наслѣдникомъ престола. Въ сохранившихся письмахъ къ нему Павла Петровича высказывается чрезвычайно нѣжное и пылкое чувство; великій князь называетъ себя: «votre fidèle et sincère ami», совѣтуется съ Разумовскимъ по многимъ вопросамъ и т. п. Успѣхи Разумовскаго не ограничивались однимъ дворомъ и службой. «Красивый, статный, вкрадчивый и самоувѣренный, Андрей Кирилловичъ съумѣлъ вскружить головы всѣмъ петербургскимъ красавицамъ. Первые львицы того времени: Анастасія Николаевна Нелединская-Мелецкая, рожденная графиня Головкина, княгиня Марья Васильевна Борятинская, рожденная княжна Хованская, и много другихъ красавицъ сходили по немъ съ ума. Любезностью и щегольствомъ онъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Не разъ приходилось отцу, дѣла котораго въ это время были нѣсколько запутаны, уплачивать долги молодого щеголя. Однажды къ графу Кирилу Григорьевичу, и такъ уже недовольному поведеніемъ сына, явился портной со счетомъ въ 20,000 рублей. Оказалось, что у графа Андрея Кирилловича однихъ жилетовъ было нѣсколько сотенъ. Разгнѣванный отецъ повелъ его въ кабинетъ и, раскрывая шкафъ, показалъ ему кобенякъ и мерлушечью шапку, которыя носилъ онъ въ дѣтствѣ. «Вотъ что носилъ я, когда былъ молодъ, не стыдно ли тебѣ безумно тратить деньги на платье»,—сказалъ Кириль Григорьевичъ.—«Вы другого платья и носить не могли»,—хладнокровно отвѣчалъ графъ Андрей Кирилловичъ,—«вспомните, что между нами огром-

¹⁾ Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. III, стр. 2—3.

ная разница—вы, сынъ простаго казака, а я сынъ російскаго генераль-фельдмаршала». Гетманъ былъ обезоруженъ этимъ отвѣтомъ сына.

Но скоро этой блестящей и разсѣянной свѣтской жизни Андрея Кирилловича суждено было прекратиться. Скончалась первая супруга Павла Петровича, великая княгиня Наталія Алексѣевна, и въ ея бумагахъ найдены были нѣкоторыя, компрометировавшія ее въ отношеніяхъ къ французскому посольству; найдены были документы о займѣ, сдѣланномъ ею черезъ Разумовскаго. Это возбудило гнѣвъ императрицы и наслѣдника противъ Разумовскаго, и онъ былъ высланъ въ Ревель, откуда ему было разрѣшено уѣхать къ отцу въ Батуринъ, но опала не была съ него снята даже и въ слѣдующемъ 1777 году, когда онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Неаполь.

Съ этого времени начинается дипломатическая карьера графа Андрея Кирилловича, продолжавшаяся 50 лѣтъ и представляющая собою весьма много интереснаго. Изъ Неаполя онъ былъ назначенъ въ Копенгагенъ, оттуда въ Стокгольмъ и, наконецъ, въ 1791 году въ Вѣну, гдѣ оставался дольше всего. Мы не будемъ по недостатку мѣста подробно разбирать равныя событія, въ которыхъ привелось графу Андрею Кирилловичу обнаружить свой дипломатическій талантъ и тактъ, мы сдѣлаемъ только самую общую характеристику его дѣятельности.

Нельзя сказать про Разумовскаго, что онъ не любилъ Россіи, но онъ любилъ ее какой-то странною любовью, она была для него какимъ-то отвлеченнымъ понятіемъ, и какъ такое отвлеченное понятіе, онъ ее любилъ и думалъ ей служить. Ему трудно было писать порусски, и когда было приказано послать при иностранныхъ дворахъ дѣлать донесенія на русскомъ языкѣ, онъ горько жаловался и просилъ отмѣнить это распоряженіе. Жить въ Россіи ему было тяжело, онъ такъ свыкся съ Западомъ, что столкновение съ реальной, а не отвлеченной Россіей было ему невыносимо. Живя въ Батуринѣ, онъ писалъ своей женѣ въ Вѣну: «*Tout m'éloigne de mon pays, rien ne peut jamais m'y attacher*». Весь домашній строй его жизни такимъ образомъ сложился, что его все тянуло за границу и спеціально въ Вѣну. Отсюда была родомъ его жена, урожденная графиня Тунъ, черезъ нее онъ породнился и сблизился съ первыми аристократическими домами австрійскими. «Вѣна въ тѣ времена», — рассказываетъ графъ Рибопьеръ, — «была аристократическимъ городомъ роскоши и веселья, столицею вкуса и утонченности. Жизнь протекала тамъ какъ упоительный сонъ. Императорскій дворъ имѣлъ мало вліянія на общество. Пріемовъ тамъ не бывало; туда ѣздили только съ поклонами на новый годъ. При искренней преданности къ престолу, вѣнская аристократія отличалась, однако, полною независимостью... Такого общества, каково

было въ тѣ времена вѣнское, теперь уже не найдешь. Жена русскаго посла блистала тонкимъ умомъ, живымъ разговоромъ, любезнымъ и всегда ровнымъ нравомъ. Сестры ея, княгиня Лихновская и лэди Кланвильямъ, на нее походили». У Разумовскаго пріемы рѣдко ограничивались однимъ угощеніемъ и разговоромъ. Графъ Андрей Кирилловичъ былъ страстнымъ меломаномъ. Въ Вѣнѣ въ это время жили три величайшихъ музыканта Германіи: Гайденъ, Моцартъ и Бетховенъ. Всѣ они бывали у Разумовскаго. Особенно близкія отношенія установились между нимъ и Гайденомъ. Композитора поразило въ русскомъ меломанѣ тонкое музыкальное чутье, благодаря которому онъ угадывалъ въ сочиненіяхъ Гайдена самыя сокровенныя побужденія, остававшіяся для большинства публики недоступными. Разговоры свои съ Гайденомъ Разумовскій передалъ позднѣе Бетховену и черезъ это имѣлъ громадное вліяніе на музыкальное его развитіе. Поддерживая связи съ вѣнскимъ обществомъ, Разумовскій жилъ крайне широко, онъ не останавливался передъ самыми подчасъ безразсудными тратами. Оказалось, напримѣръ, что ѣздить кататься въ Пратеръ, любимое вѣнское гульбище, было далеко, такъ какъ Дунай отдѣлялъ гулянье это отъ садовъ Разумовскаго. Приходилось дѣлать огромный объѣздъ, ибо по близости не было моста. Не долго думая, графъ Андрей Кирилловичъ, на свой счетъ, велѣлъ перекинуть черезъ рѣку каменный мостъ, который долгое время носилъ его имя. Понятно, что подобная широкая жизнь не могла покрываться одними его средствами, приходилось дѣлать постоянные долги; мы видимъ, что Разумовскій постоянно запутанъ и проситъ изъ Петербурга, или отъ отца, или отъ казны, разныхъ пособій для уплаты долговъ.

Мы не можемъ сказать, чтобы Разумовскій не умѣлъ стоять за русское достоинство; онъ доказалъ, что умѣетъ его защищать своимъ образомъ дѣйствій въ отношеніи къ шведскому королю, Густаву III; много разъ старался онъ его поддержать своими представленіями при австрійскомъ дворѣ. Но все же приходится признать, что, хотя и не сознательно, Разумовскій весьма часто дѣйствовалъ въ ущербъ русскому достоинству. Поддавшись чрезмѣрно вліянію извѣстнаго австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Тугута, Разумовскій справедливо возбудилъ противъ себя негодованіе императора Павла I и Суворова. Въ письмахъ къ нему послѣдняго, довольно часто появляются упреки. Такъ въ письмѣ изъ-подъ Александріи отъ 25-го іюня 1799 года, онъ писалъ: «совѣтую вамъ, почтенный другъ, ежели случится в. с. съ чѣмъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобы мнѣ о томъ для соображенія, какъ къ ихъ начальнику, сообщить изволили. Вѣна въ воинскихъ операціяхъ не можетъ никогда, какъ я, свѣдуща быть. Не заведите другой гофкригератъ, и одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушить. Простите мое чистосердечіе». «Стыдно вамъ будетъ», — чи-

таемъ мы въ письмѣ отъ 1-го іюля, — «ежели вы не обряцете вашимъ духомъ лучшія правила, вѣжественнѣ (т. е. болѣе вѣскія) моихъ, для осаженія мудраго Тугута, единственно честнаго патриота, но водимаго прожектерами для военныхъ дѣлъ, по недостатку истинныхъ вождей». «Оставьте вѣнскіе предрасудки», — писалъ онъ еще, — «зрѣлѣе и безпристрастно судите мои дѣла». Иногда упреки принимали шуточный тонъ: «матушка графиня», обращаясь къ графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Суворовъ, «высѣки графа, онъ передъ этимъ немного дурилъ»¹⁾. Суворовъ жаловался государю на Тугута и на Разумовскаго, который окончательно поддавался вліянію хитраго австрійскаго министра. Разумовскому приходилось съ одной стороны успокоивать вспыльчиваго императора, а съ другой усовѣщевать подозрительнаго, безтактнаго и упрямаго Тугута. Въ своихъ депешахъ къ государю, посолъ старался извинить австрійскаго министра, котораго вліяніе было въ апогеѣ. Какъ истому космополиту, графу Андрею Кирилловичу выше всего казалось политическое положеніе Европы, поддержка тѣхъ принциповъ стараго отжившаго европейскаго строя, до которыхъ собственно Россіи, не было никакого дѣла. Разрывъ съ Австріей казался ему невозможнымъ, позоромъ на весь міръ и торжествомъ для ненавистной ему республиканской Франціи. Необходимо ради соглашенія съ римской имперіей жертвовать всѣмъ, даже Суворовымъ, и Разумовскій старается защитить и выгородить Тугута отъ гнѣва государя, вызваннаго жалобами Суворова. Разумовскій даже не могъ ясно понять причинъ этого гнѣва, вполне справедливаго, свои дѣйствія объяснялъ желаніемъ служить общему благу Европы, не видя, что Австрія при этомъ имѣла чисто эгоистическіе виды; опала, постигшая графа Андрея Кирилловича, представлялась ему слѣдствіемъ недоразумѣнія, онъ жаловался, что не умѣли оцѣнить какъ слѣдуетъ его дѣятельности, направленной къ восстановленію стараго европейскаго status quo.

Теоріи европейскаго равновѣсія (balance politique), борьбы съ республиканской Франціей, опредѣлили всю дипломатическую задачу для Разумовскаго. Эти теоріи онъ развивалъ въ запискѣ, поданной государю Александру Павловичу въ началѣ его царствованія. Записка не имѣла успѣха, государь и его молодые либеральные сотрудники мало обращали вниманія на вѣщныю политику, имъ казалось необходимымъ посвятить себя исключительно заботамъ о внутреннемъ благосостояніи имперіи. Но черезъ нѣсколько времени это пренебреженіе къ вѣшной политикѣ исчезло, у государя составился даже цѣлый крайне либеральный, но вполне фантастичный планъ полнаго замиренія и переустройства Европы на федеративныхъ началахъ. Либеральныя тенденціи этого проекта

¹⁾ Семейство Разумовскихъ, т. III, стр. 316.

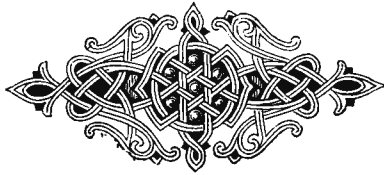
были непонятны и не сочувственны Разумовскому, но для него важно было, что государь обратилъ свое вниманіе на дѣла Европы. Проектъ по своей непрактичности долженъ былъ испытать много перемѣнъ, въ Европѣ высказывали на словахъ сочувствіе проекту, но относились нѣсколько подозрительно къ мечтаніямъ, въ немъ проводимымъ, очень хвалили возвышенный и благородный образъ мыслей императора Александра, но объ осуществленіи проекта говорили нѣхотя, не придавали ему серьезности, каждая держава имѣла въ виду свои интересы, далеко не соотвѣтствовавшіе самоотреченію, требовавшемуся проектомъ. Но для Разумовскаго важенъ былъ фактъ вступленія Россіи въ общеевропейскую политику, онъ радостно сталъ мечтать о подавленіи революціонной гидры, объ отнятій власти у ненавистнаго ему узурпатора, Наполеона. Это время было исполнено самой энергичной для него дѣятельности. Онъ весь устремился на составленіе коалицій противъ Наполеона. Въ переговорахъ своихъ съ вѣнскимъ дворомъ, не рѣшавшимся выступить противъ могущественнаго предводителя французовъ, Разумовскій обнаружилъ много такта, настойчивости. Онъ почти насильно заставилъ Австрію вступить въ коалицію, имѣвшую столь плачевный исходъ подъ Аустерлицомъ.

Но придавая такую важность европейскимъ дѣламъ, Разумовскій былъ слабъ тамъ, гдѣ сосредоточивались болѣе реальныя интересы Россіи, онъ не понималъ восточнаго вопроса, не понималъ значенія славянства. Въ этомъ отношеніи интересно его поведеніе по дѣлу о Боккѣ Которской. Онъ совсѣмъ не оцѣнилъ важности этого дѣла, не оказалъ должной поддержки адмиралу Сенявину, дѣйствовавшему съ большой энергіей. Въ этомъ вопросѣ гораздо выше Разумовскаго оказался русскій дипломатъ изъ иностранцевъ— Поццо-ди-Борго. Онъ сзумѣлъ, во всей путаницѣ тогдашнихъ политическихъ усложненій, разгадать тотъ путь, котораго должна была держаться Россія. Это былъ единственный исходъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, который давалъ петербургскому кабинету огромный перевѣсъ и въ то же время разомъ рѣшалъ тотъ вѣковой вопросъ, котораго важности не сознавали наши дипломаты. Поццо-ди-Борго предлагалъ русскому императору войти въ переговоры съ Наполеономъ изъ Константинополя. Чтобы ни случилось, какъ бы ни разрѣшались дѣла на Западѣ, а все же для Россіи главный интересъ сосредоточивался на Востокѣ. Это понимали свѣтлые русскіе умы. Это понялъ и Поццо, къ крайнему недоумѣнію министра иностранныхъ дѣлъ Чарторижскаго и оцѣмчившагося Разумовскаго. Для послѣдняго восточный вопросъ не представлялъ никакого интереса, даже напротивъ, онъ мѣшалъ исполненію его любимыхъ мечтаній, отвлекала силы Россіи въ другую сторону, и понятно, что онъ отстранился отъ Поццо, котораго, надо, однако, къ

чести его сказать, онъ самъ первый замѣтилъ и привлекъ на русскую дипломатическую службу.

Конецъ жизни своей Разумовскій, возведенный въ княжеское достоинство, по ошибкѣ произведенный въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника перваго класса, провелъ уже въ удаленіи отъ дѣлъ въ любимой имъ Вѣнѣ. Здѣсь онъ женился второй разъ на графинѣ Тюргеймъ. Передъ смертью онъ перешелъ въ католицизмъ и этимъ окончательно запечатлѣлъ свое отчужденіе отъ православнаго отечества. Узнавъ объ этомъ фактѣ уже послѣ его смерти, императоръ Николай значительно сократилъ пенсію его вдовѣ. Такъ печально окончилась въ началѣ блестящая карьера этого стараго нашего дипломата.

А. В—нъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ (VII) СЪѢЗДЪ ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ съѣзды, лѣтъ двадцать тому назадъ затѣянные въ Россіи по мысли покойнаго графа А. С. Уварова, принялись на русской почвѣ довольно прочно, и, очевидно, понравились русской публикѣ. Благодаря цѣлому ряду усилій и трудовъ почтеннаго основателя Московскаго Археологическаго Общества, а также благодаря щедрой помощи правительства, не жалѣющаго издержекъ на изысканія русской старины и на изученіе тѣсно-связанныхъ съ нею областей археологическаго знанія, съѣзды обратили на себя общее и сочувственное вниманіе всѣхъ образованныхъ слоевъ русскаго общества, и стали привлекать къ себѣ не только лучшія научныя силы, тѣсно-связанныя съ нашими учеными учрежденіями, но вызвали къ жизни и мѣстныя силы, направивъ ихъ къ определеннымъ цѣлямъ, указавъ имъ тотъ кругъ дѣятельности, въ которомъ онѣ могутъ быть наиболѣе удобно и полезно примѣнены. И всѣ доселѣ бывшіе съѣзды—въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Одессѣ и Тифлисѣ—свидѣтельствовали весьма положительно о возрастаніи интереса къ археологической наукѣ въ различныхъ слояхъ общества, и приводили къ результатамъ весьма почтеннымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія специалистовъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что всѣми первыми шестью съѣздами руководилъ ихъ учредитель, покойный графъ Уваровъ, а въ Россіи, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, во всякомъ новомъ учрежденіи или начинаніи, бываетъ важна именно личная инициатива учредителя, его настойчивость, его упорный трудъ и

энергія. На нашей мягкой, расплывчатой, почвѣ, никакія даже и самыя полезныя учрежденія не бываютъ вѣковыми и не отличаются несокрушимою прочностью... Весьма характерною чертою русской общественной жизни являются придуманныя въ Россіи десятилѣтніе юбилеи, свидѣтельствующіе слишкомъ ясно о томъ, что учрежденіе, пережившее у насъ десять лѣтъ, должно быть относимо къ учрежденіямъ старымъ. Въ виду этой непрочности, неустойчивости, невыдержки, которыми отличаются всѣ наши учрежденія, личная инициатива учредителя оказывается важною даже въ такой степени, что, когда учредитель умираетъ, обыкновенно являются весьма естественныя опасенія за прочность самаго учрежденія... Того и гляди, что оно вдругъ окажется ненужнымъ, непригоднымъ, требующимъ всякихъ реформъ—или просто подлежащимъ закрытію и сдачѣ въ архивъ всероссійскаго забвенія...

Эти соображенія, не совсѣмъ веселаго свойства, сильно занимали насъ, когда мы направлялись на VII археологическій сѣздъ, собранный въ Ярославлѣ, въ началѣ минувшаго августа мѣсяца. Постараемся передать общія впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ нашего пребыванія на сѣздѣ, не вдаваясь въ подробный отчетъ объ отдѣльныхъ рефератахъ и перечисленіе отдѣльныхъ явленій сѣзда, а ватѣмъ остановимся на нѣкоторыхъ общихъ соображеніяхъ, которыя, можетъ быть, окажутся не бесполезными для уясненія вопроса объ археологическихъ сѣздахъ вообще и для упроченія этого прекраснаго и полезнаго учрежденія.

Мѣсто для VII археологическаго сѣзда было намѣчено и выбрано съ большимъ тактомъ и смысломъ. Изъ всѣхъ старыхъ городовъ русскихъ, не исключая и весьма древнихъ—въ родѣ Новгорода и Пскова, въ родѣ Полоцка и Смоленска—Ярославль принадлежитъ къ числу такихъ именно немногихъ пунктовъ, въ которыхъ русская старина успѣла какъ-то особенно успѣшно избѣгнуть всеограшающей руки времени, и была пощажена еще болѣе безжалостной рукой усердныхъ строителей изъ высшей іерархіи и невѣжественныхъ реставраторовъ суздальской школы. Едва ли какой нибудь другой городъ, изъ числа старыхъ городовъ средней полосы Россіи, можетъ похвалиться, на примѣръ, тѣмъ, чтобы въ немъ сохранились въ почти полной неприкосновенности такія жемчужины русскаго искусства, какъ ярославскія церкви Іоанна Богослова въ Коровникахъ и Іоанна Предтечи въ Толчковской слободѣ, гдѣ самая живопись не подновлялась, ни на паперти, ни въ самомъ храмѣ, съ самого концѣ XVII вѣка! Но и рядомъ съ этими жемчужинами, двѣ трети остальныхъ ярославскихъ храмовъ заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія и спеціальнаго изученія археологовъ, по богатству своихъ ризницъ древними предметами, по массѣ древнихъ иконъ и памятниковъ русскаго искусства въ видѣ рѣзьбы по дереву, поливныхъ изразцовъ, басменныхъ украшеній, рукопис-

ныхъ богослужебныхъ книгъ, всевозможныхъ видовъ шитья и плетенья (кружева), остатковъ древнихъ матерій, покрововъ и облачений и т. д. Можно съ полною увѣренностью сказать, что русскій археологъ, побывавшій въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Владимірѣ и Москвѣ, внимательно изучившій въ этихъ городахъ уцѣлѣвшіе памятники древности, будетъ все же ощущать весьма значительные пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, пока не побываетъ въ Ярославлѣ и ближайшихъ къ нему пунктахъ древней русской жизни — въ Ростовѣ, Вологдѣ, Борисоглѣбскѣ и Костромѣ.

Помимо этихъ важныхъ, такъ сказать, археологическихъ удобствъ Ярославля, онъ оказался для сѣхавшихся въ него членовъ сѣзда чрезвычайно-удобнымъ и въ другихъ отношеніяхъ: прелестное, живописное мѣстоположеніе города при слияніи Волги съ Которослью, величественный видъ съ великолѣпной набережной на Волгу и Заволжье, поразительная чистота и благоустройство города, обладающаго прекрасными гульбищами и весьма недурными гостинницами — все это способствовало тому, чтобы сдѣлать каждому пребываніе на сѣздѣ весьма пріятнымъ. Не говорю уже о чрезвычайномъ радушіи, выказанномъ по отношенію къ гостямъ со стороны мѣстнаго городского управленія, мѣстныхъ археологовъ и мѣстныхъ учебныхъ заведеній, гостепріимно открывшихъ свои обширныя залы для помѣщенія членовъ сѣзда, которымъ почему либо было неудобно оставаться въ гостинницахъ. Наконецъ, немаловажное удобство для ученыхъ, собравшихся на сѣздъ, представляли и бібліотеки Демидовскаго юридическаго лица, частная бібліотека директора лица С. М. Шпилевскаго и драгоценное собраніе рукописей мѣстнаго любителя И. А. Вахромѣева — одинаково-любезно открытыя для всѣхъ членовъ сѣзда, желавшихъ пользоваться книжными справками и рукописнымъ матеріаломъ.

Засѣданія сѣзда были открыты торжественно въ залѣ городской думы, а чтеніе рефератовъ происходило въ актовомъ залѣ лица, который, сверхъ того, отвелъ еще три залы подѣ помѣщеніе выставки археологическаго сѣзда, представлявшей чрезвычайно много любопытнаго. Въ первой изъ нихъ собрана была богатая добыча раскопокъ г. Мазаракія въ нашихъ южныхъ степяхъ, г. Висковатова въ окрестностяхъ Нарвы, предметы, вывезенные Д. М. Анучинымъ изъ экспедиціи, предпринятой имъ на средства Московскаго Археологическаго общества въ Пермскій край, вещи, добытыя изъ раскопокъ Ф. Д. Нефедовымъ (въ Оренбургской губ.), имъ же и Фигнеромъ (въ Тургайской области), Н. Л. Гондатти (въ сѣверо-западной Сибири) Г. Балкашинымъ (въ Тобольской губ.), Н. Г. Первухинымъ (въ Глазовскомъ уѣздѣ Вяткой губ.), а также цѣлыя коллекціи предметовъ каменнаго и бронзоваго вѣка, доставленныя вятскимъ и тверскимъ музеями, музеемъ Московскаго Археологическаго общества и частнымъ музеемъ покойнаго графа А. С. Ува-

рова. Въ слѣдующихъ двухъ залахъ расположены были въ витринахъ богатая коллекція рукописей, преимущественно писанныхъ или собранныхъ въ Ярославль, присланныя Академіей Наукъ, Императорской Публичной бібліотекой, московскими музеями Министерства Иностранныхъ дѣлъ и Юстиціи, а также доставленные мѣстнымъ любителемъ старины И. А. Вахромѣевымъ изъ его богатаго книгохранилища. По стѣнамъ были развѣшены древнія карты и планы Ярославля и городовъ Ярославской губ., чертежи и рисунки древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ памятниковъ ярославскаго церковнаго зодчества, исполненные такими знатоками русской архитектурной старины, какъ Павлиновъ, Султановъ и Сусловъ, богатѣйшая (въ нѣсколько сотъ экземпляровъ) коллекція фотографическихъ снимковъ съ русскихъ древностей, исполненная извѣстнымъ ярославскимъ (бывшимъ ростовскимъ) фотографомъ И. Ѳ. Борщевскимъ¹⁾, и имъ же собранная коллекція слѣпковъ съ басменныхъ украшеній на окладахъ иконъ, на иконостасахъ и другихъ деталяхъ внутренняго убранства нашихъ старинныхъ храмовъ. Какъ водится на всѣхъ русскихъ выставкахъ, указатель предметовъ не былъ готовъ даже и къ концу съѣзда, и мѣстная ярославская публика, весьма усердно посѣщавшая и рефераты, и выставку съѣзда, бродила между витринами, не вынося ни малѣйшей пользы и ни малѣйшаго «*en-seignement par les yeux*», собственно говоря, составляющаго главную цѣль и главный смыслъ всякой выставки...

Рефераты членовъ съѣзда начались въ самый день открытія, 6-го августа, вечеромъ и продолжались до самаго закрытія его, утромъ и вечеромъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ дней, въ которые были назначены экскурсіи, раскопки, посѣщенія мѣстныхъ церквей и т. п. На каждый день, при такомъ порядкѣ распредѣленія занятій съѣзда, приходилось отъ 6—8 и болѣе рефератовъ, при чемъ каждый изъ рефератовъ сопровождался болѣе или менѣе продолжительными преніями. Такимъ образомъ, во время съѣзда (принимая его продолжительность, среднимъ числомъ дней въ 15) было слѣдовательно прочитано гораздо болѣе ста рефератовъ! Число громадное... и польза, приобретаемая наукой отъ такого значительнаго числа

¹⁾ Почтенный И. Ѳ. Борщевскій заслуживаетъ вполне той громкой извѣстности, которою онъ начинаетъ пользоваться между нашими археологами. При самыхъ незначительныхъ средствахъ, путемъ настойчивыхъ, долгихъ и упорныхъ усилій, преодолевая тысячу препятствій со стороны невѣжества и апатіи хранителей россійской старины, И. Ѳ. Борщевскій извѣдалъ всю среднюю полосу Россіи, и снялъ въ превосходныхъ фотографическихъ снимкахъ все, что сохранилось замѣчательнаго въ археологическомъ отношеніи въ Москвѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, Суздалѣ, Костромѣ, Борисоглѣбскѣ, Вологдѣ, Ростовѣ, Псковѣ, Угличѣ и большой части Поволжья. Его коллекція фотографій, имѣющая неоцѣненное археологическое достоинство (при художественномъ) достигаетъ уже 1800 снимковъ! Истинный подвигъ безкорыстной любви къ русской старинѣ.

разработанныхъ или даже только поднятыхъ на сѣздѣ вопросовъ, была бы также громадна, если бы весь научный матеріаль, стекающийся на сѣзды, могъ быть подвергнутъ хотя какой нибудь предварительной оцѣнкѣ. Но такъ какъ подобной оцѣнки не бываетъ, то количество рефератовъ, конечно, не служитъ ручательствомъ за качество,—и это, увы! съ особенною очевидностью доказалъ нынѣшній сѣздъ въ Ярославлѣ.

Припоминая все, что пришлось на сѣздѣ прослужать, останавливаешься изъ всей массы слышаннаго на восьми, самое большое—на десяти рефератахъ, изъ которыхъ можно было почерпнуть нѣчто полезное, услышать нѣчто новое. Прежде всего, вспоминаемъ прекрасный рефератъ профессора Д. И. Багалѣя о томъ, «что желательно для русской исторической географіи»? и чрезвычайно дѣльные разъясненія къ этому реферату профессора Анучина; рефератъ графа И. И. Толстого «объ отношеніи византійской сфрагистики къ русской нумизматикѣ»; рефератъ Н. В. Покровскаго: «Характеръ иконографіи въ лицевыхъ спискахъ апокрифическихъ сказаній о Страстяхъ Господнихъ»; два реферата А. И. Кирпичникова; рефератъ Л. Н. Майкова о новооткрытомъ русскомъ путешественникѣ въ Царьградѣ; рефератъ профессора Кочубинскаго «о русскомъ племени въ Дунайскомъ Залѣсѣ» съ любопытными дополненіями маститаго ученаго Я. Θ. Головацкаго; и рефераты А. М. Павлинова и Н. В. Султанова по вопросу объ особенностяхъ въ архитектурѣ ярославскихъ церквей и по другимъ вопросамъ національнаго русскаго искусства. И только!.. Но за этимъ небольшимъ количествомъ болѣе или менѣе интереснаго, важнаго и новаго, слѣдовала масса рефератовъ скорѣе свидѣтельствовавшихъ о непремѣнномъ желаніи референта говорить передъ публикой и съ кафедръ, нежели о желаніи его внести какой нибудь свѣтлый лучъ въ археологическую тьму. Многие референты поражали своимъ многословіемъ, тяжелымъ, неискуснымъ, необузданнымъ; другіе—изумляли отсталостью своихъ научныхъ теорій и филологическихкими выводами, напоминавшими блаженной памяти Шишкова; иные позабывали о томъ, что они говорятъ передъ публикой, и по часу толковали о бусинкахъ и пуговкахъ, добытыхъ изъ размытой могилы. Нашлись и такіе ораторы, которые даже археологическимъ сѣздомъ воспользовались для того, чтобы погоревать о «мужичкѣ» и указать на Илью Муромца, какъ на идеаль русскаго человѣка и гражданина. Одинъ черезчуръ смѣлый ораторъ, ударившись въ ту же излюбленную струнку народности, совѣтовалъ русскимъ художникамъ искать идеаловъ для русскаго искусства—гдѣ бы вы думали? Въ Пинскихъ болотахъ!

Въ преденіяхъ, вызываемыхъ рефератами, замѣчался тотъ же недостатокъ порядка, системы и организаціи. Между всѣми предсѣдателями отдѣленій сѣзда и почетными предсѣдателями отдѣльныхъ

засѣданій едва нашлось двое, достаточно-опытныхъ въ руководеніи преніями и въ ограниченіи словоизверженія нѣкоторыхъ ораторовъ; въ большей же части случаевъ не достигался тотъ результатъ, котораго можно было бы ожидать отъ живого, устнаго обсуждения научной темы специалистами, собравшимися на съѣздъ со всѣхъ концовъ Россіи. Не обошлось дѣло и безъ курьезовъ:—проявились и на нынѣшнемъ съѣздѣ застарѣлыя археологическія антипатіи, выражавшіяся тѣмъ, что извѣстное лицо, явившееся (въ какомъ бы то ни было вопросѣ) референтомъ или оппонентомъ, непременно вызвало возраженія со стороны другого извѣстнаго лица. Всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ были вполне увѣрены въ томъ, что если на каедрѣ появился П., то это значитъ, что послѣ него непременно взойдетъ на нее Т., и взойдетъ не для того, чтобы возражать, а чтобы—противорѣчить... При этомъ въ преніяхъ не соблюдалось должной послѣдовательности и порядка: неоднократно случалось, что двое оппонентовъ почти сталкивались у каедры, и предсѣдатель не зналъ, кому изъ нихъ принадлежитъ право возраженія, по очереди.

Еще менѣе порядка и организаціи выказалось въ осмотрахъ церквей и въ распредѣленіи другихъ занятій съѣзда. Объявленія вывѣшивались иногда не своевременно, и многіе изъ членовъ накануне вечеромъ еще не знали, что завтра будутъ дѣлать члены съѣзда: — слушать рефераты, или осматривать достопримѣчательности города? Благодаря тому же отсутствію правильной организаціи, осмотры ярославскихъ древностей производились очень поверхностно; при этихъ осмотрахъ не было руководителей, которые бы могли замѣнить собою указатели и обратитъ вниманіе осматривающихъ на дѣйствительно-замѣчательное, на дѣйствительно заслуживающее вниманія. Вслѣдствіе этого, осмотры поспѣшные, суетливые, безтолковые—приводили только къ толкотнѣ и къ спѣху, и утомляли, не давая надлежащаго результата. Та же слабость организаціи общей, основной, сказывалась и въ самомъ распредѣленіи рефератовъ. Одни референты, почему-то, получали возможность являться передъ публикой два-три раза, тогда какъ для другихъ не находилось времени и на одинъ рефератъ; а между тѣмъ, вообще говоря, время цѣнилось на съѣздѣ не особенно дорого, тѣмъ болѣе, что и періодъ, назначенный для съѣзда, былъ слишкомъ продолжителенъ. Это въ особенности рѣзко выказалось въ томъ, что большая часть членовъ съѣзда пробывала въ Ярославлѣ не болѣе недѣли; на 8-й и 10-й день члены съѣзда стали разъѣзжаться, и до конца остались ужъ очень и очень немногіе.

Если мы примемъ въ соображеніе все вышеизложенное, то можно будетъ прійти къ нѣкоторымъ выводамъ, съ которыми, вѣроятно, согласятся многіе изъ людей, сочувствующихъ интересамъ русской археологической науки и желающихъ ей всякаго процвѣтанія.

Прежде всего, нельзя затрачивать на съѣзды слишкомъ большого количества времени:—недѣля, десять дней, употребленныхъ съ толкомъ, оказались бы пожалуй совершенно достаточными для всѣхъ важнѣйшихъ операцій съѣзда, если бы даже онѣ были нѣсколько болѣе сложными, нежели при нынѣшнихъ археологическихъ съѣздахъ.

Для того, чтобы сократить продолжительность (правильнѣе сказать: бесполезную растянутость) археологическихъ съѣздовъ, необходимо устраивать ихъ по болѣе опредѣленному плану и вносить непремѣнно нѣкоторую критическую оцѣнку въ массу того матеріала, который стекается на съѣздъ. Если не предварительный комитетъ съѣзда, то предсѣдатели отдѣленій—должны быть непремѣнно заранѣе и подробно ознакомлены съ содержаніемъ рефератовъ. Только въ этомъ случаѣ и возможно внести нѣкоторую систему и правильность въ самое чтеніе рефератовъ: расположить ихъ по степени важности, относя менѣе важное къ концу съѣзда, группировать однородные по содержанію, предпосылать болѣе спеціальнымъ нѣкотораго рода предисловія, обобщающія и уясняющія ихъ значеніе.

Въ пренія, по поводу рефератовъ, слѣдуетъ также внести болѣе систематичности: не допускать возраженій, имѣющихъ цѣлью только упражненія оппонента въ ораторскомъ искусствѣ; осаживать возраженія голословныя, приводящія только къ спорамъ и ничего не-выясняющія; строго соблюдать соразмѣрность времени, напоминая каждому черезчуръ словоохотливому оппоненту о томъ количествѣ времени, которое (при большомъ количествѣ оппонентовъ) можетъ быть ему предоставлено.

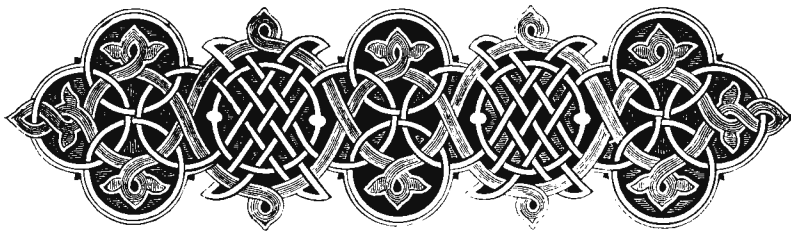
При обзорахъ какихъ бы то ни было древностей, предпринимаемыхъ сообща всѣми членами съѣзда, необходимо избирать одного спеціалиста, который бы руководилъ осмотромъ и давалъ возможность сдѣлать какіе нибудь выводы и обобщенія, безъ которыхъ всякій обзоръ древностей теряетъ свой смыслъ и не приноситъ никакой пользы.

Затѣмъ,—существенно важнымъ кажется намъ еще одно условіе, которое слѣдовало бы внести въ программу всѣхъ археологическихъ съѣздовъ. Первые рефераты, прочтенные на съѣздѣ должны быть посвящены обзорамъ того, что за истекшій періодъ времени (между двумя съѣздами) было сдѣлано въ археологіи русской и въ археологіи иноземной. Такіе обзоры, по отдѣльнымъ областямъ археологіи, были бы чрезвычайно полезны для всѣхъ членовъ съѣзда не только въ смыслѣ пополненія ихъ запаса свѣдѣній общими археологическими данными, но и въ смыслѣ установленія связи между отдѣльными періодами археологическаго изученія. Мало того: подобные обзоры, сдѣланные человекомъ знающимъ и умѣлымъ, много способствовали бы и тому, чтобы

ознакомить русскихъ археологовъ съ поступательнымъ движеніемъ общей археологической науки, съ новыми путями, пролагаемыми ею, а также и съ тѣми пробѣлами въ изученіи нашей русской археологіи, которые было бы полезно пополнять по возможности. Если бы подобныя обзоры вошли въ обычай на съѣздахъ, то польза, извлекаемая изъ посѣщенія съѣзда, была бы значительно больше извлекаемой нынѣ и не въ такой степени зависѣла бы отъ случайнаго сопоставленія рефератовъ. Каждый, пробывшій на съѣздѣ хотя бы только четыре-пять дней, уже выносилъ бы изъ своего посѣщенія нѣкоторое существенное пополненіе знаній, между тѣмъ какъ въ настоящее время, пробывъ на съѣздѣ даже и недѣлю, членъ съѣзда можетъ услышать три десятка рефератовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересующей его археологической специальности... Какую же пользу вынесетъ онъ отъ своего пребыванія на съѣздѣ.

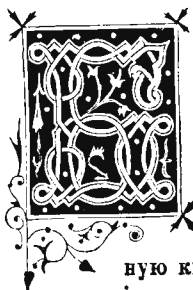
Въ заключеніе всего сказаннаго, добавимъ, что не мѣшало бы съѣзды поставить на почву болѣе прочную и болѣе самостоятельную. До сихъ поръ археологическіе съѣзды, благодаря тому, что главнымъ учредителемъ ихъ былъ покойный графъ Уваровъ, считаются почему-то тѣсно-связанными съ дѣятельностью Московскаго Археологическаго общества. А между тѣмъ, у насъ въ Россіи, есть и другія общества гораздо болѣе старыя и оказавшія не мало услугъ нашей археологической наукѣ... Слѣдовало бы, кажется, будущіе съѣзды поставить въ одинаковую зависимость отъ всѣхъ важнѣйшихъ археологическихъ обществъ (включая въ это число и Археологическую и Археографическую комиссіи), существующихъ въ Россіи. Такая постановка дѣла была бы болѣе правильною, и, можетъ быть, побудила бы предварительныя комитеты съѣзда отнестись нѣсколько серьезнѣе къ выработкѣ программы съѣзда и къ постановкѣ важнѣйшихъ вопросовъ, требующихъ обсужденія и рѣшенія. Намъ кажется, что теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, было бы своевременно озаботиться объ участи археологическихъ съѣздовъ: желательно видѣть въ нихъ не частное предпріятіе, стоящее въ тѣсной связи съ дѣятельностью Московскаго Археологическаго общества, а дѣло все-россійское, въ которомъ инициатива должна принадлежать или всѣмъ русскимъ археологическимъ обществамъ, или каждому изъ нихъ поочередно, въ опредѣленной послѣдовательности. Желательно это въ виду той несомнѣнной пользы, которую съѣзды уже принесли и далѣе должны будутъ приносить Россіи, способствуя поддержкѣ уваженія къ родной старинѣ и развитію стремленія къ изученію ея не только въ нашихъ центрахъ, но и въ отдаленнѣйшихъ окраинахъ нашего обширнаго отечества. Для такой важной цѣли стоило бы подумать о болѣе серьезной постановкѣ дѣла и внесеніи въ него болѣе правильной, и болѣе прочной организаціи.

П. П.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**В. А. Вильбасовъ. Первые политическія письма Екатерины II.
Спб. 1887.**

ВЫШШІЙ ДѢЯТЕЛЬНЫЙ сотрудникъ «Голоса» въ послѣднія десять лѣтъ его существованія, г. Вильбасовъ, обратился по закрытіи этой газеты къ историческимъ трудамъ, доставившимъ ему извѣстность еще до публицистической дѣятельности. Авторъ «Бевкоролевья», изслѣдованій о Гусѣ, цापессѣ Іоаннѣ и др. въ послѣднее время написалъ этуодъ о пребываніи Дидро въ Петербургѣ, новыя розысканія о Кирилѣ и Меѳодіи, и теперь выпустилъ въ свѣтъ интересную книгу, подъ приведеннымъ выше названіемъ. Это собственно исторія дворцово-политической интриги 1758—59 годовъ, ниввергнувшей канцлера Бестужева. Письма Екатерины, на которыхъ преимущественно останавливается авторъ, не играли выдающейся роли въ этихъ придворныхъ козняхъ, и если съ послѣдними соединяется желаніе великой княгини уѣхать изъ Россіи, то просьба объ этомъ къ императрицѣ мотивирована ненавистью великаго князя къ своей супругѣ. При свиданіи Елисаветы съ Екатериною, императрица упрекала великую княгиню въ томъ, что она горда, считаетъ себя умнѣе всѣхъ, сердилась, что она писала къ отставленному фельдмаршалу Апраксину и давала ему приказанія. Екатерина увѣряла, что послала къ нему только три письма, дѣйствительно, самаго невиннаго содержанія. Но Апраксинъ говорилъ, что писемъ было шесть; то же утверждалъ и канцлеръ, котораго Елисавета даже хотѣла пытать за это разногласіе. Но другихъ писемъ все-таки никакихъ не нашли. Екатерина писала въ своихъ мемуарахъ и къ своему агенту Пуговишникову, что она успѣла все съечь. Голландскій министръ Штамбке прислалъ ей то же удостовѣреніе отъ Бестужева. Поэтому, послѣ продолжавшагося 14 мѣсяцевъ слѣдствія, Бестужева

сослали только въ его деревни, лишивъ званія канцлера, а трехъ замѣшанныхъ въ это дѣло лицъ — въ ихъ деревни; двоихъ иностранцевъ — Штамбке и Станислава Понятовскаго — выслали за границу, а великому князю съ женою указали жить въ Ораніенбаумѣ. Въ манифестѣ, какъ «главные пункты преступлений» канцлера приведены: превышеніе данной власти, самовольныя распоряженія, недонесеніе объ ущербахъ, наносимыхъ интересамъ имперіи и составленіе проектовъ, содержащихъ въ себѣ «дальновидные замыслы явно показывавшіе недоброхотство къ нашему здоровью и нашей особѣ». Вѣроятно, въ перепискѣ великой княгини, канцлера и фельдмаршала, сожженной ими, и не заключалось ничего болѣе, кромѣ предположеній, какъ дѣйствовать въ случаѣ кончины императрицы, съ которой все чаще стали дѣлаться припадки тяжелой болѣзни. Вѣдь не могла же Елисавета подозрѣвать, что Екатерина замышляетъ поступить съ нею такъ, какъ императрица поступила 17 лѣтъ тому назадъ съ Анной Леопольдовной. Нельзя было также рѣзать языкъ и рубить голову «сею, въ мерзкихъ ухищреніяхъ состарившагося злодѣя», какъ говорилось въ манифестѣ, только «за недоброхотство его къ нашей особѣ». Хоть со времени бироновщины не прошло еще и двадцати лѣтъ, но времена были уже не тѣ. Скорѣй можно было найти предлоги къ обвиненію фельдмаршала Апраксина, неожиданно отступившаго — хотя и по стратегическимъ соображеніямъ, послѣ побѣды при Егерсдорфѣ, но старикъ, какъ извѣстно, умеръ скоропостижно во время допроса. Бумаги по этимъ «допроснымъ пунктамъ, и винамъ канцлера Бестужева-Рюмина, фельдмаршала Апраксина и барона Штамбке» первый разъ изданы вполне (хотя и не вполне сохранились), г. Бильбасовымъ, который видитъ въ нихъ «слѣдственное дѣло о первыхъ политическихъ письмахъ Екатерины». (Документы эти занимаютъ почти половину книги). Всѣ письма, относящіяся къ эпохѣ, когда Екатерина была великой княгиней, приведены и подвергнуты строгой оцѣнкѣ, при чемъ, доказана подложность нѣкоторыхъ писемъ, къ англійскому посланнику Уильямсу, хотя ихъ цитируютъ серьезные историки и даже такое ученое изданіе какъ «Политическая корреспонденція Фридриха Великаго». Характеристика этого короля, отношенія его къ Россіи изложены подробно, вѣрно и занимательно. Также хорошо очерчены Елисавета и ея любимцы, великій князь, Сергѣй Салтыковъ, Понятовскій, Уильямсъ, большой и малый дворъ. Книга написана живымъ, литературнымъ языкомъ и читается легко, не смотря на ея серьезное содержаніе.

В—ъ.

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Северо-Западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ, т. I, часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887.

Этнографическая литература недавно обогатилась солиднымъ вкладомъ, сдѣланнымъ въ нее извѣстнымъ уже собирателемъ народныхъ пѣсень Бѣлоруссіи П. В. Шейномъ. Если нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, появленіе сборниковъ народнаго творчества дѣлало своего рода эпоху въ изученіи народной жизни во всѣхъ ея задушевныхъ изгибахъ, то теперь появленіе такихъ «матеріаловъ» можетъ быть названо, по крайней мѣрѣ, событіемъ въ области русско-этнографіи, русско-литературы и, вообще, русско-бытовой исторіи. П. В. Шейнъ посѣтилъ Бѣлорусскій край вторично по порученію

Императорской Академіи Наукъ, отправившись туда въ 1877 году. Передъ нами, такимъ образомъ, результаты десятилѣтнихъ трудовъ, которые могли быть такъ успѣшно совершены только при неутомимой энергіи и превосходномъ знаніи дѣла, соединенномъ съ горячей любовью къ кропотливому собранію памятниковъ народнаго творчества.

Конечно, собраніе пѣсенъ и обрядовъ, соединенное съ различными мѣстными затрудненіями, не можетъ быть совершено единичными силами какого бы то ни было знатока и любителя этого дѣла. Къ плодотворнымъ результатамъ могутъ привести только собирательные труды многихъ лицъ, уроженцевъ различныхъ губерній, записывающихъ пѣсни или обряды своего края. По такой именно программѣ и велось собраніе пѣсенъ и обрядовъ П. В. Шейномъ, поэтому-то оно и дало блестящіе плоды, часть которыхъ мы находимъ въ первой части вышедшаго недавно перваго тома, посвященнаго бытовому и семейной жизни бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности сначала поручило было г. Шейну при посѣщеніи Бѣлорускаго края заняться преимущественно собраніемъ народныхъ сказокъ, отправившись прежде всего въ Пинскій край и его окрестности. Къ сожалѣнію, неблагоприятныя гигиеническія условія этого края въ связи съ растроеннымъ здоровьемъ г. Шейна, разрушили первоначальный планъ поѣдки, заставивъ для наблюденій надъ обычаями и для собранія пѣсенъ ограничиться губерніями Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской и Смоленской. Въ «Матеріалы» попало нѣсколько пѣсенъ, повидимому, случайно, изъ Ковенской и Курляндской губерній. Болѣе всего собрано въ Минской и Витебской губерніяхъ, менѣе остальныхъ—въ Смоленской. Весь сборникъ представляетъ собой объемистый томъ около 600 страницъ, безупречный въ типографскомъ отношеніи, какъ всё изданія Академіи Наукъ, подраздѣленный на двѣ почти равномѣрныхъ части, изъ коихъ первая содержитъ обряды, обрядовыя пѣсни, повѣрья и суевѣрья, вторая заключаетъ въ себѣ пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточные и разгульныя. Общее число всѣхъ пѣсенъ—796. Сборникъ снабженъ весьма тщательно составленнымъ оглавленіемъ, указателемъ мѣстностей, откуда доставлены пѣсни, примѣчаніями къ нѣкоторымъ пѣснямъ и, наконецъ, приложеніями въ видѣ выдержекъ изъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ статей о бѣлорусскихъ пѣсняхъ и въ видѣ напѣвовъ бѣлорусскихъ пѣсенъ крестинныхъ, масляничныхъ, волочечныхъ, весеннихъ, духовскихъ или троицкихъ, дожиночныхъ, бесѣдныхъ, рекрутскихъ, шуточныхъ и дударскихъ, въ которыхъ, какъ вообще въ русскихъ пѣсняхъ, преобладаютъ ноющіе, скорбные и минорные тоны.

Если раньше приходилось слышать частыя жалобы славяно-русскихъ филологовъ на недостаточность матеріаловъ для изученія бѣлорусскихъ говоровъ и бѣлорусскаго нарѣчія вообще, такъ какъ сборники Бессонова и того же Шейна были весьма недостаточны, то теперь, конечно, подобныя жалобы прекратятся. Собиратель сохранилъ въ «Матеріалахъ» почти вездѣ оттѣнки мѣстныхъ говоровъ, самые «Матеріалы» даютъ массу примѣровъ для филологическихъ розысканій и, кромѣ того, самъ г. Шейнъ общается къ одному изъ слѣдующихъ томовъ настоящаго труда приложить свои замѣчанія о бѣлорусскихъ говорахъ. Если раньше бѣлорусскій народъ считали какимъ-то пасынкомъ въ семьѣ славянъ, населяющихъ Россію, среди своихъ братьевъ великоруссовъ и малоруссовъ, народомъ, обдѣленнымъ природою духовными дарами, угнетеннымъ, забытымъ, какимъ-то бессловеснымъ дикаремъ или жи-

вотнымъ, на которомъ долгое время ѣздили польскіе паны, языкъ котораго представляетъ какую-то смѣсь польскаго съ малороссійскимъ, родина котораго сохраняется до сихъ поръ въ чистотѣ непрогляднаго невѣжества и коснѣетъ въ полувязоческомъ одичаніи, то теперь съ помощью даже бѣглога чтенія обильныхъ образцовъ бѣлорусскаго пѣснетворчества, не уступающихъ ни въ яркости эпическихъ оборотовъ, ни въ глубинѣ и силѣ лирическаго порыва, ни въ размашистой удали, безпечной веселости и своеобразномъ юморѣ образцамъ великорусскимъ и малорусскимъ, — теперь можно придти къ выводамъ діаметрально противоположнымъ: только при сильной народной даровитости объяснимы такія богатства въ области своеобразной пѣсни и своеобразнаго обычая. Предъ каждымъ разрядомъ пѣсенъ бытовыхъ помѣщены описанія обрядовъ, которыя составлены весьма подробно и обстоятельно уроженцами различныхъ губерній. Повѣствованіе объ обрядахъ начинается съ обрядовъ родинъ и крестинъ, далѣе слѣдуютъ повѣрья, суевѣрья и примѣты, касающіяся дѣтства, среди которыхъ не мало весьма любопытныхъ въ родѣ того, напримѣръ, что не слѣдуетъ качать пустую колыбель, ибо это ведетъ къ смерти дитяти, что, когда курица снесетъ первое яйцо, то мать немедленно, пока оно еще не совсемъ остыло, спѣшитъ обвести имъ три раза вокругъ головки своего дитяти, приговаривая: «няхай курка зняседь столько яекъ, сколько тутъ есь вылосокъ!» или, напримѣръ, весьма любопытно вѣрованіе, что некрещенное дитя послѣ смерти не разлучается съ мѣстомъ своего погребенія до 7-ми-лѣтняго срока, и только въ концѣ этого времени оно отходитъ къ небу; передъ своимъ переселеніемъ такое дитя въ одну изъ темныхъ ночей, около 12-ти часовъ, громко вопитъ и проситъ себя имени; весьма счастливы будутъ тотъ, на всю живнѣ, кто услышитъ этотъ вопль и немедленно произнесетъ имя того пола, къ которому принадлежало некрещенное дитя. Дальнѣйшія статьи сборника въ первомъ отдѣлѣ размѣщены въ порядкѣ календарномъ, начиная съ рождественскихъ праздниковъ (Коляды), которымъ посвящено не мало колядныхъ пѣсенъ и пѣсенъ о «ковѣ» и кончая пѣснями дожиночными. Среди обрядовъ Бѣлоруссіи и пѣсенъ, имъ посвященныхъ, по своей оригинальности и самобытности, обращаютъ вниманіе колядныя игрища и пѣсни — «Женитьба Терешки» (Цярѣшки) и пѣсни великодныя, которыя въ Бѣлоруссіи и Литвѣ поются народомъ въ продолженіе святой недѣли, иначе онѣ называются еще волочечными.

Пѣсни волочечныя весьма рѣзко отличаются отъ прочихъ обрядовыхъ пѣсенъ своимъ религиозно-бытовымъ содержаніемъ, въ которомъ очень наглядно отражаются наивныя вѣрованія бѣлорусскихъ крестьянъ въ то участіе, принимаемое лично, непосредственно высшими силами въ преуспѣяніи ихъ земледѣльческихъ трудовъ и домашняго, сельско-хозяйственнаго благоустройства. Эти пѣсни-легенды составляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ отдѣловъ бѣлорусскаго народнаго творчества и, вѣроятно, исключительную принадлежность его. Такой полной, цѣльной картины систематическаго раздѣленія и распредѣленія труда въ процессѣ произростанія злаковъ, плодородія и охраненія полей между всѣми главными, извѣстными крестьянину, святыми православной церкви, такого яркаго, хотя крайне сжатаго изображенія этихъ святыхъ, не только со всѣми добродѣтелями и слабостями простыхъ смертныхъ, но даже съ довольно замѣтнымъ оттѣнкомъ крѣпостничества и патріархальнаго панства, — мы нигдѣ не встрѣчаемъ.

Волочebничество ведется истари и держится упорно. Волочebники въ теченіе всей пасхальной недѣли по ночамъ ходятъ толпами, обыкновенно чело-вѣкъ въ 8, 10 и болѣе, по деревнямъ съ поздравленіями; они смотрятъ на свое занятіе какъ на обязанность религіозную. Хозяева принимаютъ докуки ходебщиковъ, какъ необходимыя, пріятныя и полезныя поздравленія, и болѣею частью поджидаютъ ихъ, какъ благословенныхъ гостей и отчасти какъ предвѣстниковъ судьбы хозяйства. Главное лицо въ каждой партіи — начальникъ, или запѣвало, изъ зажиточныхъ мужиковъ, бойкихъ и голосистыхъ; для ношенія подарковъ существуетъ тоже особый мужикъ — мѣроношій. Всѣ остальные члены хора — подхватки. Занятія волочebниковъ начинаются около пяти часовъ вечера въ первый день праздника, а въ погостахъ — послѣ вечерни, и продолжаются всю ночь до утра понедѣльника. По окончаніи трудовъ, волочebники съ добычею возвращаются въ свою деревню и собираются въ хатѣ запѣвалы или почтеннѣйшаго изъ подхватниковъ, а иногда на гумнѣ. Здѣсь начинается дѣлежъ, при чемъ часть добычи тутъ же и съѣдается; остальное приносится домой, въ рѣдкихъ случаяхъ поступаетъ въ корчму, а яйца берегутся для такъ называемаго катанья.

С. Т—въ.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый Комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ. Часть VII. Томъ I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ. 1886.

Вопросъ о заселеніи юго-западной Россіи имѣетъ двѣ теоріи. Одна изъ нихъ въ этнографическихъ особенностяхъ малороссійскаго племени усматриваетъ примѣсъ тюрко-татарскаго элемента, охватившаго южно-русскую область по мѣрѣ ея завоеванія и истребленія мѣстной славянской народности; другая теорія утверждаетъ, что вслѣдъ за монгольскимъ разгромомъ въ южной Россіи появилась польская колонизація, положившая, вмѣстѣ съ остатками туземцевъ, начало новой народности, приближающейся къ лехитскому племени. Эта послѣдняя теорія, прочно установленная въ польской исторической литературѣ, отчасти поддерживалась и нашимъ историкомъ М. П. Погодинымъ, который указывалъ на появленіе въ Кіевской области совершенно новой народности, вышедшей съ Карпатъ и положившей начало новому украинскому населенію, рѣзко отличавшемуся отъ древняго южно-русскаго племени, заселявшаго южную Русь до татарскаго нашествія. Произвольные выводы этого рода вызвали опроверженіе со стороны русскаго ученаго Максимова, но въ его сжатомъ, хотя и сильномъ отпорѣ все же не было прямого категорическаго разрѣшенія вопроса о заселеніи юго-западной Руси, и самъ онъ находилъ, что «этотъ историческій предметъ требуетъ еще новой и подробнѣйшей разработки, какъ и вся вообще исторія Малороссіи въ три первые эпохи ея жизни съ нашествія Батыева». Не смотря на важность вопроса, существованіе двухъ крайнихъ теорій продолжается до нашего времени, такъ какъ матеріалы, освѣщающіе вопросъ въ истинномъ его значеніи, до сихъ поръ еще не вполне изданы, хотя Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ было уже положено въ этомъ отношеніи начало изданіемъ люстраціонныхъ актовъ Волыни 1545 года, Овруча того же года и Брацлавскаго замка. Дополненіемъ этихъ матеріаловъ служатъ появившіяся

ныя въ VII части «Архива юго-западной Россіи» историческіе документы, объясняющіе вопросъ о заселеніи южно-русской области съ XV вѣка.

На основаніи этихъ документовъ, въ связи съ изслѣдованіями русскихъ ученыхъ, профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ обширномъ объясненіи дѣлаетъ слѣдующій выводъ.

Какъ ни велико было опустошеніе Батыя въ половинѣ XIII вѣка, оно не обезлюдило, однако, юго-западной Руси. Нападеніе, главнымъ образомъ, было направлено на большіе города, многія же изъ поселеній или подверглись разрушенію только отчасти или же совершенно избавились его. Начавшееся послѣ того восстановленіе населенія опустошенныхъ мѣстностей было внѣ всякаго вліянія чуждыхъ элементовъ. Да иначе и не могло быть въ южно-русской землѣ, дожившей до объединенія въ одно государство съ самостоятельною жизнью, въ то время, когда Польша состояла изъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ, находившихся въ междоусобной борьбѣ. Когда наступилъ, въ половинѣ XIV вѣка, раздѣлъ юго-западной Руси между княжествомъ Литовскимъ и Польшею, южно-русскія области получили охрану и защиту отъ многократныхъ дальнѣйшихъ вторженій татаръ въ лицѣ Гедимина, Ольгерда и ихъ преемниковъ, которые, усвоивъ сами русскую національность, поддерживали и развивали русскую колонизацію. Иначе дѣйствовали поляки въ доставшихся имъ Галиціи и части Подолія. Не заботясь о восстановленіи опустошеннаго русскаго населенія, не проявляя никакой колонизаторской дѣятельности, польское правительство раздавало своей шляхтѣ русскія населенныя имѣнія и, такимъ образомъ, стремилось къ упроченію въ русской землѣ элементовъ исключительно польско-шляхетскихъ. Въ началѣ XVI вѣка, послѣ вторичныхъ опустошительныхъ набѣговъ татаръ, среди южно-русскаго народа явилось новое національное движеніе въ видѣ образованія Днѣпровскаго и Бужскаго казачества. Организція этихъ народныхъ силъ имѣла цѣлью охрану русской земли отъ новыхъ вторженій монголовъ. Но въ этой организціи поляки не повинны. Первое вліяніе Польши на ходъ историческихъ событій юго-западной Руси проявилось со времени политической уніи 1596 года, когда къ Польшѣ были присоединены воеводства Кіевское, Брацлавское, Подольское и Волынское; съ этого же времени началась усиленная колонизація степей, но колонизація не польскаго народа, а того же русскаго населенія, бѣжавшаго изъ внутреннихъ населенныхъ мѣстъ отъ неистовствъ польской шляхты, тяжелаго ига крѣпостного права и навязыванія уніи съ римскою церковью. Широко раскинулись бѣглецы на привольныхъ украинскихъ степяхъ и построили села, мѣстечки и даже города, желая воссоздать здѣсь самостоятельныя древне-русскія начала общинной жизни. Эта національная колонизація не принесла, однако, желаемаго результата, потому что польское правительство рождало новыхъ, заселенныхъ трудами русскаго народа, мѣстности своимъ магнатамъ и русскимъ прозелитамъ. Послѣдствіемъ новаго шляхетскаго захвата и сопряженнаго съ нимъ гнета явился рядъ восстаній козаковъ, а когда и эти попытки оказались безуспѣшными, украинскимъ козакамъ пришлось спасаться за Днѣпръ, внутрь степей Московскаго государства. Отъ дальнѣйшихъ наступленій польской шляхты козацкое движеніе дошло до пороговъ Днѣпра и береговъ Буга. Отраживъ, наконецъ, польскій напоръ на Жолтыхъ Водахъ и при Корсунѣ, украинскіе козаки прогнали своихъ гонителей къ Вислѣ. Изъ этого видно, что не заселеніе украинскихъ областей, опустошенныхъ

монгольскими нападеніями, а уменьшеніе мѣстнаго населенія принесла съ собою политическая унія 1569 года. Оказавшееся, затѣмъ, уменьшеніе населенія Украйны во время битвъ Богдана Хмельницкаго восполнялось приливами изъ Литвы; но смуты второй половины XVII вѣка снова повліяли на численность населенія вслѣдствіе начавшихся побѣговъ въ Московскую Украйну. Попытка поляковъ въ началѣ XVIII вѣка привлечь обманчивыми обѣщаніями разныхъ льготъ поселенцевъ къ правому берегу Днѣпра не завершилась успѣхомъ и снова возродилась отчаянная борьба, извѣстная подъ названіемъ гайдамачины. Далѣе, въ колонизаціонной роли выступаетъ уже Россійское государство, начавшее еще при существованіи Рѣчи Посполитой заселять Украйну жителями Новороссіи.

По приведенному краткому наброску можно судить о тѣхъ цѣляхъ, которыя имѣлись въ виду при изданіи историческихъ актовъ юго-западной Россіи и при составленіи заключительнаго по нимъ изслѣдованія. Трудъ профессора Владимірскаго-Буданова, развивая частности колонизаціоннаго вопроса во всѣ вѣка, начиная съ XIII-го, служитъ весьма существеннымъ матеріаломъ для опроверженія какъ туранской теоріи заселенія юго-западной русской области, такъ и тенденціознаго ученія о колонизаціи ея польскимъ народомъ. Въ этомъ трудѣ картинно выступаетъ способность южно-русскаго племени, пережившаго съ половины XIII вѣка по XVIII вѣкъ немовѣрную борьбу за свое существованіе, обходиться своими силами, безъ посторонней помощи, способность, давшая русскому народу возможность сохранять свои этнографическіе элементы не только въ предѣлахъ Русской Украйны, но даже и въ отчужденной отъ Руси Галиціи, находящейся подъ сильнѣйшимъ давленіемъ еще до нашихъ дней. Несомнѣнно этого вывода можетъ быть отрицаема развѣ съ предвзятыми цѣлями, основанными на почвѣ русскаго самоотрицанія, или для доказательства инкорпораціонной способности Польши, исторія которой показываетъ, однако, что «не только инородческія страны, прилегающія къ Польшѣ (литовскія, румынскія, татарскія), не испытали никакого племеннаго переворота отъ соседства и долговременнаго владычества Польши, но и русскія земли, частью бывшія подъ вліяніемъ, частью подъ властью Польши, не представляютъ нигдѣ и признака народной польской колонизаціи. Лишь высшіе классы (и притомъ весьма недавно) усвоили польскій обликъ, что, очевидно, не входитъ въ идею народной колонизаціонной дѣятельности». Этотъ рѣшительный выводъ автора требуетъ, однако, нѣкоторой оговорки. Если Польша проявила свою малоспособность колонизаціи по отношенію южной Руси, то нельзя этого сказать по отношенію той области, которая называется Подляшьемъ, а частью и по отношенію нѣкоторыхъ литовскихъ мѣстностей, гдѣ вслѣдствіе колонизаціи мазуръ и насильнаго обращенія православныхъ въ унію и латинство теперь почти не осталось уже и слѣдовъ прежней русской народности. Нынѣшнія Виленская губернія, юго-восточная часть Ломжинской и сѣверная полоса Сѣдлецкой губерній представляютъ собою сплошное польское населеніе, среди котораго ничтожное число православныхъ сельъ является въ видѣ оазисовъ. Только здѣсь, на сѣверѣ, но въ южной Руси полякамъ удалось проявить свои усилія въ дѣлѣ колонизаціи.

Всѣхъ документовъ въ книгѣ помѣщено 85. Трудъ составленія актовъ изданнаго тома принадлежитъ профессору В. В. Антоновичу. Всѣ эти акты напечатаны на языкѣ оригиналовъ (на языкахъ латинскомъ, польскомъ и

мѣстномъ русскомъ); но они составляютъ лишь первую половину матеріаловъ по данному вопросу, продолженіе же этого солиднаго труда находится въ печати.

М. Г—кій.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Естественно-историческая часть. Отчетъ нижегородскому губернскому земству. Работа, исполненная подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора Петербургскаго университета В. В. Докучаева. (Изданіе нижегородскаго губернскаго земства). Спб. 1884—1886.

Необходимость правильной оцѣнки земель съ цѣлію установленія наиболѣе безошибочнаго обложенія ихъ налогомъ является существеннымъ вопросомъ для нашего земства. Въ средѣ его этотъ вопросъ неоднократно поднимался и обсуждался. Нижегородское губернское земство пошло въ этомъ отношеніи впереди другихъ земствъ. Послѣ многолѣтняго и обстоятельнаго обсужденія дѣла объ оцѣнкѣ земель, оно рѣшило, 17 января 1881 года, раздѣлить трудъ этотъ на двѣ части: 1) изслѣдованія почвенныя и 2) изслѣдованія экономическія. Первую половину этого труда, вмѣстѣ съ попутнымъ геологическимъ изученіемъ края, губернское земство предложило, 14 января 1882 года, исполнить профессору Докучаеву подъ условіемъ, чтобы въ каждомъ уѣздѣ работалъ все лѣто особый экскурсантъ подъ его общимъ руководствомъ. Почвенныя изслѣдованія предположено было окончить въ три года.

Выборъ земства для подобной трудной работы г. Докучаева, безъ сомнѣнія, основывался на исполненномъ имъ передъ тѣмъ изслѣдованіи чернозема въ Россіи, доставившемъ ему заслуженную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Изслѣдованіе почвъ и лежащихъ подъ ними ділювіальныхъ наносовъ (такъ называемая подпочва) принадлежитъ къ труднѣйшимъ задачамъ геологіи. Тутъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются перемѣны, требующія для своего объясненія множество детальныя данныхъ. Задача, порученная Докучаеву, осложнялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что естественно-историческое изслѣдованіе почвъ необходимо было приурочить къ ихъ оцѣнкѣ. Сверхъ того, подобный трудъ являлся первымъ опытомъ въ Россіи, которому не много было предшественниковъ и за границею. У г. Докучаева не было, слѣдовательно, подъ рукою готоваго уже испытаннаго метода, что, естественно, должно было усилить предпринятую имъ работу.

Весь трудъ состоитъ изъ XIII выпусковъ, заключающихъ въ себѣ отъ 120 до 390 страницъ каждый. Первый выпускъ, или томъ, излагаетъ главные моменты въ исторіи оцѣнокъ земель Европейской Россіи съ классификаціею русскихъ почвъ. Этотъ томъ составленъ г. Докучаевымъ. Въ немъ заслуживаютъ особеннаго вниманія главы пятая и шестая, заключающія въ себѣ разборъ главнѣйшихъ почвенныхъ классификацій, предложенныхъ иностранными учеными, а равно естественно-историческую классификацію русскихъ почвъ. Последнія двѣ главы примѣнимы не къ одной Нижегородской губерніи, но ко всей Россіи вообще. Второй выпускъ представляетъ описаніе Лукояновскаго уѣзда, составленное П. А. Земятченскимъ и В. В. Докучаевымъ; третій — описаніе Сергачскаго уѣзда, Н. М. Сибирцева и В. В. Докучаева; четвертый — Книгининскаго уѣзда, А. Р. Ферхмина и В. В. Докучаева; пя-

тый — Арзамасскаго уѣзда, Н. М. Сибирцева; шестой — Ардатовскаго уѣзда, П. А. Земятченскаго; седьмой — Горбатовскаго уѣзда, В. П. Амалицкаго; восьмой — Нижегородскаго уѣзда, А. Р. Ферхмина; девятый — Васильсурскаго уѣзда, Ф. Ю. Левинсона-Лессинга; десятый — Балахнинскаго уѣзда, П. А. Земятченскаго; одиннадцатый — Семеновскаго уѣзда, П. Ф. Баранова и Н. Н. Бурмачевскаго (последнему принадлежит только сравнительно небольшая часть этого описанія); Макарьевскаго уѣзда — А. Р. Ферхмина ¹⁾. Въ тринадцатомъ выпускѣ находится сводъ всѣхъ данныхъ по изученію Нижегородской губерніи съ таблицей разцѣнокъ почвъ и съ двумя картами, геологическою и почвеною.

Описаніе cadaго уѣзда состоитъ изъ трехъ самостоятельныхъ главъ: 1) орографіи и гидрографіи мѣстности, 2) геологіи его, съ краткимъ очеркомъ полевныхъ ископаемыхъ, и 3) почвы уѣзда съ краткою характеристикою дикой растительности. Понятно, что въ отчетахъ по уѣздамъ наиболѣе подробныя изслѣдованія посвящены почвамъ, какъ представляющимъ наибольшій интересъ для земства. Но съ тѣмъ вмѣстѣ въ трудѣ г. Докучаева и его помощниковъ представлены основательныя изслѣдованія долинъ рѣкъ, протекающихъ по Нижегородской губерніи и представляющихъ много интересныхъ особенностей, на примѣръ, русла Волги и Оки съ ихъ высокими красивыми берегами, съ ихъ поймами, островами, проронами и т. под.

Правильная оцѣнка земель составляетъ капиталный вопросъ въ Россіи. Справедливое, согласное съ производительностью почвы, обложеніе земель является важнымъ государственнымъ дѣломъ, обуславливающимъ благоденствіе народа и страны. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, нельзя не согласиться съ профессоромъ Докучаевымъ, что «правильная оцѣнка земель — дѣло на столько сложное въ теоретическомъ отношеніи, что она затрагиваетъ такую массу самыхъ разнородныхъ чисто житейскихъ интересовъ и находится въ связи съ такимъ множествомъ самыхъ разнохарактерныхъ (какъ естественно-историческихъ, такъ и экономическихъ) условій, что удовлетворительное рѣшеніе подобной задачи безусловно требуетъ продолжительнаго и систематическаго изученія края, извѣстной специальной подготовки изслѣдователя и полнѣйшей объективности самаго метода оцѣнки».

Эти три условія необходимо имѣть на первомъ планѣ тѣмъ нашимъ земствамъ, которыя пожелаю бы послѣдовать примѣру нижегородскаго, чтобы получить матеріалы для правильной оцѣнки своихъ земель. Трудъ г. Докучаева значительно уже облегчаетъ эту задачу, какъ имъ, такъ и тѣмъ изслѣдователямъ, на которыхъ она будетъ возложена. Издержки, сопряженныя съ подобнымъ изученіемъ почвы, не должны, намъ кажется, останавливать земства, потому что такая затрата — расходъ производительный, обеспечивающій собою благосостояніе губерній и уѣздовъ, хозяйственное управленіе которыми лежитъ на обязанности земствъ.

П. У.

¹⁾ Всѣ эти помощники В. В. Докучаева по изслѣдованію Нижегородской губерніи — кандидаты Петербургскаго университета.

Восточные народы и греки. Историческіе рассказы по Геродоту. Составлено профессоромъ Вилльманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго языка Ивана Виноградова, преподавателя Вяземской гимназіи. Москва. 1887.

За пятнадцать лѣтъ безусловнаго преобладанія въ Россіи классической системы образованія, у насъ, къ сожалѣнію, не создано еще самостоятельной литературы по предметамъ классическихъ древностей. Въ этомъ отношеніи мы идемъ на буксирѣ у Германіи, переводимъ ея учебники, передѣлываемъ нѣмецкія пособія и руководства, рассчитанныя на совершенно иную среду и инныя условія. Между тѣмъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько нибудь удовлетворительныхъ и доступныхъ по цѣнѣ изданій классическихъ авторовъ, въ передачѣ достаточнаго литературнаго достоинства, не считая переводовъ, за которыми утвердилось не лестное названіе «подстрочниковъ» и, пользуясь которыми, ученики гимназій уклоняются отъ самостоятельной работы надъ авторами. Какъ отрадное явленіе самаго послѣдняго времени, можно отмѣтить выходъ въ свѣтъ Геродота и Фукидида въ переводѣ профессора Мищенко, Тацита въ переводѣ Модестова, Горація и Тибула въ переводѣ Фета и Гесіода въ переводѣ Властова. Но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Виноградовъ въ предисловіи къ переведенной имъ книгѣ Вилльмана, заглавіе которой приведено выше, «чтеніе авторовъ цѣлкою не всегда нужно и возможно для воспитательно-образовательныхъ потребностей и цѣлей школы». Слѣдовательно, надлежало бы издать Геродота съ сокращеніями, выбросивъ все, не отвѣчающее цѣлямъ школы. Въмѣсто этого, наша учебная литература обогащается теперь переводомъ нѣмецкой компіляціи, которую переводчикъ самъ легко могъ составить, пользуясь вышеупомянутыми переводами Мищенко и, такимъ образомъ, не достигается цѣль поставить читателя въ непосредственныя отношенія съ такимъ авторомъ, какъ Геродотъ. Переведена книга Вилльмана вполне удовлетворительно и читается съ тѣмъ интересомъ, какой естественно внушаютъ намъ рассказы отца исторіи, въ какой бы перетасовкѣ они намъ ни предлагались; но мы въ принципѣ считаемъ себя вправѣ высказаться противъ изложенія извѣстнаго цикла событій по одному какому либо автору. Это противорѣчитъ основнымъ законамъ историографіи, которые требуютъ сопоставленія свѣдѣній одного автора со свѣдѣніями другихъ писателей и съ данными вещественной археологіи, которая такъ много сдѣлала за послѣднее время по отношенію къ скіямъ, Египту и Ассиріи, получивъ совершенно новые выводы и обобщенія. Между тѣмъ, профессоръ Вилльманъ ограничивается сопоставленіями лишь съ одной Библіей, чего, какъ кажется, недостаточно.

Вообще, книга, переведенная г. Виноградовымъ, представляется намъ матеріаломъ для чтенія, которое можетъ быть занимательнымъ и до извѣстной степени полезнымъ, но не пригоднымъ для самостоятельныхъ, хотя бы даже ученическихъ работъ. Пользуясь же настоящимъ случаемъ, позволимъ себѣ намѣтить тѣ desiderata, осуществленіе которыхъ, думается намъ, существенно необходимо. Намъ не зачѣмъ тратить на печатаніе въ Россіи текста классиковъ, въ чемъ трудно конкурировать съ такими лейпцигскими фирмами, какъ Тейблеръ, но необходимо изданіе древнихъ классиковъ въ хорошихъ переводахъ, — близкихъ къ подлиннику, но безужоривенныхъ и со стороны русскаго стиля, — какъ въ полномъ видѣ, такъ и въ сокращеніи для

юношества. Желательно при этомъ, чтобы эти переводы снабжались примѣчаніями на основаніи существующей литературы предмета, по возможности не оставляющими недоумѣній и сомнѣній при чтеніи текста, а также и рисунками, дающими тексту столь могущественное реальное поясненіе.

Е. Г.

Холерный годъ. 1830—1831. Историческая монографія, составленная по печатнымъ матеріаламъ и устнымъ рассказамъ современниковъ П. Каратыгинымъ. Спб. 1887.

Холера, при первомъ появленіи ея въ Европѣ, возбуждала вездѣ въ темныхъ массахъ ужасъ и волненія. Не мудрено, что въ Россіи, гдѣ простой народъ суевѣриѣе и неразвитѣе, чѣмъ въ западныхъ государствахъ, страхъ передъ невѣдомымъ бичомъ природы былъ сильнѣе, а безпорядки, возникшіе вслѣдствіе невѣжества черни, приняла болѣе рѣзкія формы. Къ этому присоединились еще особыя обстоятельства въ одной губерніи, гдѣ «холерный бунтъ» подняли солдаты военныхъ поселеній, выведенные изъ терпѣнія невыносимой аракчеевщиной, лежавшей на народѣ гнетомъ, напоминавшимъ бирюковщину. Опытный компиляторъ, П. П. Каратыгинъ, сынъ извѣстнаго артиста и писателя, задумалъ, можетъ быть въ ожиданіи новаго посѣщенія страшной гостыи, свирѣпствующей теперь въ Италіи, напомнить, какъ первый разъ встрѣчали въ Россіи эту путешественницу съ береговъ Ганга. Рассказы объ этомъ сохранены въ нашихъ историческихъ изданіяхъ шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ, когда впервые историческая правда сдѣлалась доступна для печати. Г. Каратыгинъ сгруппировалъ всѣ эти рассказы, исключивъ изъ нихъ излишнія подробности, повторенія, давъ мѣсто только источкамъ, болѣе заслуживающимъ довѣрія. Составилась интересная книга въ 243 страницы, изъ которой, однако, безъ ущерба для полноты и рельефности картины, можно было бы опустить нѣкоторыя частности о бунтѣ военныхъ поселеній, приводимыя во второй части книги. Первая часть, наложенная гораздо сжатѣе и короче, заключаетъ въ себѣ исторію появленія болѣзни въ низовыхъ губерніяхъ, Тамбовской и Саратовской, въ Москвѣ, Западномъ краѣ и Петербургѣ. Рассказывая о ходѣ эпидеміи и безпорядковъ, возникавшихъ больше всего, вслѣдствіе недовольства начальствомъ и мѣръ принимаемыхъ властями, авторъ весьма благодушно относится даже къ такимъ личностямъ, какъ Закревскій, Дибичъ, Аракчеевъ, рассказываетъ подробно о смерти Дибича и цесаревича Константина, упоминая о нелѣпныхъ слухахъ относительно того, что ихъ отравили.

Сценами на Сѣнной площади, очень живо написанными, и некрологомъ нѣкоторыхъ лицъ изъ интеллигентныхъ и высшихъ классовъ общества оканчивается первая часть сборника. Выписки въ ней не превышаютъ 3—4-хъ страницъ. Гораздо многочисленнѣе онѣ во второй части книги, посвященной бунту новгородскихъ военныхъ поселеній: онѣ изложены весьма обстоятельно, хотя и съ излишними подробностями. Странно только, что авторъ видитъ въ основаніи военныхъ поселеній мысль «благу въ принципѣ и даже вдохновенную свыше». Идея этихъ солдатскихъ фаланстерій была также нелѣпа, какъ и ея осуществленіе. Авторъ перечисляетъ только десять малоизвѣстныхъ именъ ея исполнителей—и между ними только двѣ чисто

русскихъ фамили. Всѣ истиннорусскіе люди, не имѣя возможности порицать эту убійственную затѣю, по крайней мѣрѣ, молчали и не отвѣчались объ ней съ восторгомъ, какъ Маевскій и ему, подобныя фанатики легкой исполнтельности и автоматическаго послушанія. Ужасы аракчеевскаго управленія поселеніями имѣли, конечно, большое вліяніе на озлобленіе, выказанное солдатами и крестьянами во время бунта. «Не дай Богъ видѣть русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный»—говорилъ Пушкинъ—и новгородскій бунтъ былъ, дѣйствительно, нелѣпъ и безчеловѣченъ. Даже къ государю убійцы и разбойники отправили депутацію, подтверждавшую, что начальство отравляло народъ. Но и наказаніе, постигшее злодѣевъ было ужасно: ихъ не разстрѣливали, не вѣшали, что было бы, по словамъ автора, если не милостію, то, конечно, честію (?), а засѣкали кнутомъ и шпицрутенами до 3,000 ударовъ... «Многіе ядохли на мѣстѣ казни или на другой день. Жестоко было наказаніе, но они не заслуживали пощады; они опозорили мундиръ, осрамили русское имя, оскорбили челоуѣчество». Кажется, что русское имя, если не челоуѣчество, слѣдовало бы упомянуть прежде мундира.

Книга производитъ тяжелое впечатлѣніе, но читается съ величайшимъ интересомъ.

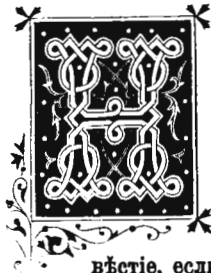
В. З.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

1875 годъ, повторяющійся въ 1867 году.— Хотѣла ли тогда, какъ теперь Германія объявить войну Франціи?— Разоблаченія генерала Лефло.— Дипломатическій этюдъ Эдмонда Шерера.— Гарантирована ли Европа отъ прусскихъ придирокъ?— Остановитъ ли императоръ Вильгельмъ стремленія военной партіи?— Русскій князь, носящій на французскомъ языкѣ соотечественниковъ Деруледа и своихъ собственныхъ.— Сужденія Россіи о писателяхъ Франціи.— Французъ призывающій Европу къ союзу противъ варварской Россіи.— Сношенія Франціи съ Абиссиніей.— Корсика въ XVI столѣтіи.— Новый томъ исторіи XVIII столѣтія В. Декки.— Англійское изслѣдованіе объ аиносахъ, изданное въ Японіи.— Нѣмецъ, обижающійся предположеніемъ, что нѣмцы происходятъ отъ скивовъ.

ЛЫНЪШНИМЪ лѣтомъ не только дипломатическія сферы, но и общественные кружки, далекіе отъ политическихъ сплетней, были не на шутку встревожены враждебнымъ настроеніемъ Германіи, готовившейся, повиданому, броситься на Францію со всѣми своими военными силами, достигнувшими полного развитія и крайней степени напряженія. Каждый день европейская публика, слѣдящая за ходомъ событій, ожидала найти въ телеграммахъ извѣстіе, если не о столкновеніи между этими державами, то о дипломатическомъ разрывѣ между ними. Все, казалось, клонилось къ тому, чтобы сдѣлать этотъ разрывъ неизбежнымъ, и если столкновеніе не произошло—общественное мнѣніе приписывало это положенію, принятому Россією. Газеты вспомнили, что подобное же положеніе державы, явившейся посредницею между народами, еще недавно сражавшимися между собою—двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, избавило Европу отъ ужасовъ новой войны. Обнародованное въ газетахъ письмо бывшаго французскаго посланника въ Петербургѣ, генерала Лефло, подтвердило, что сохраненіемъ мира въ 1875 году Европа обязана русскому императору. Напрасно Германія, на которую пало обвиненіе въ желаніи нарушить миръ, старалась, въ своихъ официальныхъ и оффиціозныхъ органахъ, опровергнуть то, что она называла «преувеличенными опасеніями, фальшивою тревогой», органы европейской журналистики были на сторонѣ прямодушнаго французскаго генерала, и не повѣрили

хитросплетеннымъ оправданіямъ стараго дипломата Радовица, пытавшагося снять тяжелую отвѣтственность съ германскаго канцлера. Явилось множество брошюръ, разъяснявшихъ столкновение 1875 года, въ которомъ привація Леффо составляли только одинъ эпизодъ. Лучше всего эту исторію выяснилъ известный французскій публицистъ Эдмондъ Шереръ въ своей брошюрѣ «Переполохъ 1875 года. Историческій этюдъ» (*L'alarme de 1875. Etude historique*). Мы приведемъ изъ этой брошюры любопытныя частности, которыхъ не касалась журнальная полемика по этому вопросу. Въ началѣ 1875 года князь Бисмаркъ былъ особенно занятъ борьбою съ католическою церковью, противъ которой, два года тому назадъ, онъ издалъ майскіе законы, лишившіе католицизмъ всякаго вліянія на государственное и общественное устройство имперіи. Германскій канцлеръ былъ особенно недоволенъ Бельгіей, гдѣ духовенство и католическая партія открыто симпатизировали нѣмецкимъ католикамъ и поддерживали ихъ въ борьбѣ противъ имперскаго правительства. Въ Брюсселѣ, въ это же время былъ арестованъ мѣдникъ Дюшенъ, рассказывавшій по кабакамъ, что онъ избранъ провидѣніемъ — уничтожить злѣйшаго врага святой католической церкви — Бисмарка. Присяжные, судившіе фанатика, оправдали его, такъ какъ было доказано, что онъ проповѣдывалъ въ пьяномъ видѣ. Бисмаркъ дипломатическою ноткою потребовалъ, чтобы Бельгія, измѣнила свое законодательство, позволяющее безнаказанно составлять заговоры и покушенія противъ сосѣдней державы. Бельгія отвѣчала, что составленіе законовъ принадлежитъ къ сферѣ внутренней политики, а не къ международнымъ отношеніямъ государствъ, но германскій канцлеръ четыре мѣсяца продолжалъ бомбардировать Бельгію своими нотами, возбуждавшими безпокойство даже въ Англіи, удивленной такимъ настойчивымъ вмѣшательствомъ Германіи во внутреннія дѣла чужого государства. Вмѣшательство это выразилось еще ярче въ требованіяхъ, обращенныхъ къ Франціи: на какомъ основаніи она формируетъ четвертые батальоны въ своихъ полкахъ и издала новый законъ о кадрахъ арміи. Еще въ началѣ 1875 года французскій посланникъ въ Берлинѣ Гонто Биронъ сообщалъ министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Деказу, о непріязненномъ настроеніи германскаго правительства къ Франціи и передавалъ сказанныя ему слова Радовица: «возстановленіе военныхъ силъ Франціи внушаетъ Германіи серьезныя опасенія». Этотъ же Радовицъ въ февралѣ посланъ былъ въ Петербургъ съ предложеніемъ, какъ говорилъ тогдашній посоль при русскомъ дворѣ Леффо: предоставить Германіи дѣйствовать противъ Франціи, за что Россіи предоставлялась полная свобода разгромить Турцію. Нельзя, конечно, доказать документально: было ли сдѣлано подобное предложеніе, но и опроверженіе его, появившееся въ іюнѣ нынѣшняго года, въ официальной газетѣ канцлера, также не внушаетъ довѣрія. Во всякомъ случаѣ, герцогъ Деказь былъ такъ встревоженъ донесеніемъ своихъ пословъ, что отправилъ депеши въ Лондонъ и Петербургъ, выставлявшія на видъ враждебное расположеніе Германіи. Оно подтверждалось и статьями официозныхъ газетъ Бисмарка: «*Koelnische Zeitung*» и «*Post*». Въ послѣдней, статья 9-го апрѣля «*Krieg im Sicht*», говорила прямо, что все грозитъ войной, и что прямая обязанность истиннаго патріота — предупредить объ угрожающей опасности. «Мы не принадлежимъ, прибавляла газета, къ числу тѣхъ людей, которые, вида, что горитъ крыша и опытные пожарные готовы тушить огонь, считаютъ ненужнымъ будить жильцовъ нижнихъ этажей». Правда, въ засѣданіи рейхстага,

канцлеръ объявилъ, что онъ никогда не посылалъ въ газету «Post», ни одной статьи, но онъ не помѣшалъ ея появленію и не опровергалъ ее — и въ нынѣшнемъ іюлѣ, въ той же газетѣ, подобная же статья и точно съ такимъ же содержаніемъ, прозвела такой же переполохъ какъ и въ 1875 году. Газетные толки о войнѣ прекратились въ концѣ апрѣля—благодаря вліянію императора Александра II на своего дядю—какъ подтвердилъ Лефлю. Но въ началѣ мая германскій посоль въ Парижѣ, князь Гогенлоэ, заявилъ герцогу Деказу, что Германія считаетъ агрессивными вооруженія Франціи. Деказъ передалъ это заявленіе русскому посланнику князю Орлову и, вслѣдъ за тѣмъ, посоль при англійскомъ дворѣ графъ Шуваловъ, отправляясь въ Лондонъ, имѣлъ въ Берлинѣ аудіенцію у императора Вильгельма и два свиданія съ Бисмаркомъ, а 10-го мая пріѣхалъ въ Берлинъ Александръ II. Передъ его пріѣздомъ, явилась въ «Times» статья ея парижскаго корреспондента, жидъ Бловитца, разомъ понизившая курсъ на всѣхъ биржахъ и прямо обвинявшая Германію въ намѣреніи напасть на Францію. Викторія написала письмо Вильгельму. Англія пригласила Австрію и Италію сдѣлать представленіе Бисмарку о сохраненіи мира (Австрія отказала, однако, въ своемъ содѣйствіи). Канцлеръ горячо защищался отъ обвиненій въ желаніи нарушить спокойствіе Европы. Королева Виртембергская получила телеграмму, что «l'emporté de Berlin» далъ желательныя гарантіи въ сохраненіи мира. Князь Горчаковъ въ циркулярѣ дипломатическимъ агентамъ говорилъ, что «русскій императоръ, оставляетъ Берлинъ въ твердой увѣренности, что въ этой столицѣ преобладаетъ примирительное настроеніе, и гарантируетъ сохраненіе мира». Германскій канцлеръ не простилъ русскому канцлеру этого циркуляра и доказалъ это черезъ три года на берлинскомъ конгрессѣ. Въ своей замѣчательной статьѣ Шереръ приходитъ къ заключенію, что военная партія Мольтке, армія и, вѣроятно, канцлеръ желаютъ войны съ Франціей; въ 1875 году войнѣ помѣшало заступничество Россіи и Англіи, какъ въ 1887 году — боязнь союза Россіи съ Франціей. Что же касается до императора Вильгельма, его миролюбіе можно побѣдить соображеніями государственнаго интереса—чему и были уже примѣры, хотя «заставить слабого человѣка, отъ котораго зависишь, дѣлать, что мнѣ хочется, гораздо труднѣе, чѣмъ увлечь собраніе представителей».

— Противовѣсомъ германской гегемоніи, въ настоящее время дѣйствующей въ союзѣ съ Австріею, Англіею и Италіею, можетъ служить только союзъ Россіи съ Франціею. Это признаютъ всѣ европейскіе политики, кромѣ, однако, князя Николая Голицына, выпустившаго въ свѣтъ брошюру «Письмо въ «Фигаро» въ отвѣтъ на статью, озаглавленную «Теорія Каткова» (Lettre au «Figaro» en reponse à un article ayant titre «Théories de Katkoff»). По смерти даровитаго русскаго публициста вся европейская журналистика отдала должную справедливость заслугамъ и значенію Каткова въ русской печати. Но въ то время, когда нѣмецкіе органы общественнаго мнѣнія отзывались объ немъ, какъ о своемъ непримиримомъ врагѣ, французскія газеты видѣли въ немъ своего друга, и ихъ сужденія о немъ отличались особенною восторженностью, свойственною этой легкоувлекающейся націи. Отзывы эти, депутаціи, отправленныя къ гробу Каткова, вѣнки, присланныя на его могилу, всѣ эти доказательства народной симпатіи почему-то не понравились г. Голицыну и, найдя въ бульварной и реакціонерной газетѣ «Figaro» нѣсколько дѣйствительно пустыхъ строкъ о Катковѣ, соотечественникъ его

вздумалъ отвѣтить на нихъ письмомъ, и напечатать его, такъ какъ оно не могло явиться въ парижской газетѣ. Брошюра въ 23 страницы, заключающая въ себѣ это письмо о «теоріяхъ Каткова», должна бы, повидимому, говорить объ этихъ теоріяхъ, соглашаясь съ мнѣніемъ объ нихъ французскаго автора или опровергая его. Но вмѣсто того, г. Голицынъ въ своей брошюрѣ только ругаетъ Францію и дѣлаетъ слѣдующіе четыре вывода—совершенно ошибочные: 1) «Симпатическія отношенія русскихъ къ французамъ въ послѣднія 25—30 лѣтъ замѣтно упали». Напротивъ: ослабѣвъ во время второй имперіи и Крымской войны, онѣ усилились во время несчастій Франціи, съ 1870 года, при видѣ тѣхъ усилій, какія разоренная страна дѣлала для своего возрожденія. 2) «Идея союза съ Франціей принадлежитъ къ политикѣ оппортунизма и не основана на симпатіи націй». Напротивъ: между націями, хотя и не между правительствами обѣихъ странъ, существовала всегда симпатія. Народъ нашъ всегда относился дружелюбно къ французамъ, чѣмъ къ нѣмцамъ, и вліяніе французской цивилизаціи на русскую существуетъ съ эпохи Екатерины II. 3) «Высказавшись за этотъ союзъ, какъ политическій и практическій, Катковъ раздѣлялъ мнѣніе благомыслящей Россіи о современной Франціи». А мнѣніе это, по словамъ автора, заключается въ томъ, что всѣ французы—радикалы, красные отъ розоваго оттѣнка до самаго яркаго кармина. Здѣсь опять авторъ смѣшиваетъ большинство, массу, съ исключеніями и крайностями. Красные не управляютъ страной, и республика, не смотря на всѣ ея ошибки, недостатки, слабость власти, все-таки, лучше постыдной второй имперіи, которая развратила Францію и привела ее къ повору Седана и продажѣ Метца. 4) «Мнѣніе благомыслящей Россіи не совершенно благоприятно (*n'est pas entièrement favorable*) республиканской Франціи нашего времени». Форма правленія не имѣетъ вліянія на международныя отношенія. Лучшій другъ Россіи, въ теченіе многихъ лѣтъ—великая заатлантическая республика. Французская республика нашего времени очень неустойчива и нуждается въ коренныхъ реформахъ, но вѣдь мнѣніе благомыслящей Россіи, по словамъ самого г. Голицына, только «не совершенно благоприятно» ей. Для чего же тогда онъ поносилъ ее, смѣшивалъ Деруледа съ Луизою Мишель, обвинялъ Флоке, осмѣивалъ Буланже, вообще, для чего писалъ свою брошюру? Мы приписывали ее сначала просто желанію автора блеснуть передъ бульварной газетой знаніемъ *argot* парижскихъ *boulevardiers*:—брошюра наполнена самыми модными выраженіями языка пшкотовъ и кокодесовъ: «*je m'en bats l'oeil, fifrelin, se rassasier à gogo, je m'en reperçute le cristalin*» и т. п. Но въ одномъ мѣстѣ этой брошюры, недостойной русскаго писателя, выказывается клочокъ ушка, обнаруживается истинная причина ея появленія на свѣтъ: вся русская журналистика отозвалась сочувственно о симпатіи къ намъ, высказанной Франціею, но эта же журналистика имѣла неосторожность недобрительно отзываться о произведеніяхъ Николая Голицына, и обиженный авторъ счелъ удобнымъ отдѣлать русскую печать хоть на французскомъ языкѣ, но въ такихъ же отборныхъ площадныхъ выраженіяхъ, какими онъ осыпалъ французскихъ радикаловъ. Вотъ какъ изволятъ выражаться сіятельный авторъ: «что же касается до этой канальи, до мерзавцевъ (*castigrons*), называемыхъ на подпольномъ языкѣ въ Россіи интеллигенціею, объ нихъ и говорить не стоитъ, потому что никто не занимается мнѣніемъ этой тли (*vermine*), владѣющей идиотскимъ и зловѣщимъ перомъ. Канальи всегда останутся канальями». Эти любезности по адресу русской

журналистики подкрѣпляютъ, конечно, далѣе выраженіями Каткова «равбойники пера, мошенники печати». Въ какой мѣрѣ все это прилично и умѣстно въ брошюрѣ русскаго писателя, адресованной французамъ,—предоставляемъ судить читателямъ...

— Мнѣніе г. Голицына о Деруледѣ, такомъ же замѣчательномъ писателѣ, какъ и патриотѣ, не нашло, безъ сомнѣнія, мѣста въ книгѣ Мишеля Делюна: «Франція по сужденію Россіи» (*La France jugée par la Russie*). Авторъ собралъ здѣсь мнѣнія русскихъ писателей и журналовъ о французскихъ авторахъ и ихъ произведеніяхъ. Въ книгѣ много любопытныхъ замѣтокъ, но въ цѣломъ чувствуется недостаточность полноты и систематичности. О классическихъ писателяхъ Франціи приводится сужденіе Сумарокова, ставившаго на первомъ мѣстѣ Вольтера за его трагедію «Меропа» и говорившаго объ ней: «Первый актъ превосходенъ, второй еще превосходнѣе, третій удивителенъ, четвертый еще удивительнѣе и вся трагедія удивительна». Карамзинъ, бывшій въ Парижѣ въ 1790 году, не раздѣляетъ этого энтузіазма къ французской Мельпоменѣ и предпочитаетъ ей музу Англій и Германіи. Онъ говоритъ: «Парижская публика требуетъ, прежде всего, хорошихъ стиховъ, которые оставались бы въ памяти». Только одинъ Мольеръ нравятся рѣшительно всѣмъ. Къ современнымъ французскимъ писателямъ русская критика часто очень строга. Пушкинъ не щадилъ Гюго, какъ драматурга, и упрекалъ его, между прочимъ, въ томъ, что онъ не понималъ ни Мильтона, ни Кромвеля. Тургеневъ рѣзко отзывался о драмахъ Эмиля Ожье. Журналъ «Недѣля» строго осуждалъ «Крокодила» Сарду, «Франсильону» Александра Дюма, не говоря уже о Жоржѣ Онэ и его «Графѣи Сарѣ». Русскій журналъ удивляется, какимъ образомъ французская критика могла бранить «Сару» и превозносить «Франсильону». Авторъ останавливается въ своей книгѣ на подобныхъ мелкихъ явленіяхъ, пропуская болѣе крупныя и достойныя оцѣнки произведенія.

— Въ то время когда оффиціальная интеллигентная Франція заявляетъ намъ самыя горячія симпатіи, нѣкоторые изъ ея писателей относятся къ Россіи съ крайней, ничѣмъ не оправдываемою враждебностью. Это понятно, когда Зола востаетъ противъ увлеченія графомъ Л. Толстымъ парижской публики, охотнѣе покупающей переводы романовъ русскаго писателя, чѣмъ иныя произведенія главы французскихъ реалистовъ. Но почему ученый Бартеlemi Сент-Илеръ высказываетъ о Россіи сужденія, явно противорѣчащія правдѣ, исторіи и здравому смыслу—это очень трудно объяснить. Онъ издалъ книгу «Англійская Индія, ея настоящее положеніе и ея будущее, съ предисланнымъ введеніемъ объ Англій и Россіи» (*L'Inde anglaise, son état actuel, son avenir, précédée d'une introduction sur l'Angleterre et la Russie*). Книга эта состоитъ изъ пяти статей, появившихся прежде въ такомъ серьезномъ изданіи, какъ «*Journal des savants*». Въ одной изъ нихъ говорится о механизмѣ управленія англійской Индіей и его нравственномъ вліяніи, отличающемся, по словамъ автора, умѣренностью, терпимостью и заботливостью объ индусахъ. Вторая посвящена разсмотрѣнію значенія индоставскаго языка и туземной печати, при чемъ авторъ рѣшается сказать, что англичане напрасно стараются привить свои понятія и обычаи индусамъ. Третья статья занимается описаніемъ мѣстныхъ нравовъ и религіозныхъ сектъ; четвертая говоритъ о различныхъ племенахъ, населяющихъ Индію, и стараніяхъ англичанъ распространить между ними обычаи, унижающіе человѣчество, какъ,

напр., человѣческія жертвоприношенія въ странѣ Хондовъ. Но главная, первая статья сборника, выдѣленная и въ заголовкѣ книги, въ формѣ вступленія, изслѣдуетъ антагонизмъ Англіи и Россіи не только въ Индіи, но и на Босфорѣ, недостаетъ только исторіи нашихъ столкновеній въ Болгаріи. Авторъ представляетъ сначала подробную, но невѣрную оцѣнку силъ обѣихъ державъ. Нечего и говорить, что всѣ его симпатіи на сторонѣ англичанъ. «Цѣли англичанъ въ Индіи,—говоритъ онъ,—заслуживаютъ, чтобы всѣ друзья человечества и цивилизаціи желали имъ успѣха». Автора сильно беспокоитъ, однако, могущество Россіи, «побѣда которой будетъ побѣдою варварства». И безъ того Россія владѣетъ почти всѣмъ европейскимъ востокомъ и центральною Азією. Занявъ позицію на Кавказѣ, она угрожаетъ въ одно время западу и востоку, идя твердыми шагами къ завоеванію Константинополя и Турціи. Когда она достигнетъ этого—«погибнетъ и независимость запада, неумѣвшаго защититься отъ варваровъ». Эти любопытныя строки написаны въ 1887 году, и авторъ ихъ настоятельно приглашаетъ Германію, Австрію и Англію, угрожаемую на Индѣ и въ Средиземномъ морѣ, соединиться, чтобы противопоставить преграду всеразрушающему потоку. Приглашаетъ онъ косвенно присоединиться къ этому союзу и «другія державы», не смѣя прямо назвать Францію, чтобы не идти явно въ разрѣзъ съ общественнымъ и правительственнымъ мнѣніемъ страны. И откуда, подумаешь, берутся такіе политики въ наше время, когда ходъ событій и взаимныя отношенія державъ такъ понятны и ясны для каждаго мыслящаго гражданина, не ослѣпленнаго національными предрѣзденіями. Во всякомъ случаѣ этотъ французскій писатель, такъ горячо отстаивающій интересы Англіи, въ противность урокамъ исторіи и здравому смыслу, представляетъ такое исключительное явленіе среди общаго политическаго настроенія своего отечества и всей Европы, что мы сочли не лишнимъ указать на эту странную книгу.

— Абиссинія возбуждаетъ интересъ не только въ итальянцахъ, собирающихся покорить эту страну, или въ вольномъ казакѣ Ашиновѣ, увѣряющемъ что ее ничего не стоитъ сдѣлать русскою африканскою губерніею,—ею занимаются и французы, въ память прежнихъ историческихъ сношеній съ нею, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ въ настоящемъ. Еще въ 1884 году, виконтъ Сент-Эмуръ написалъ книгу «Интересы Франціи въ эіопскомъ Суданѣ» (*Intérêts français dans le Soudan éthiopien*). Роясь въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ для составленія этого сочиненія, авторъ нашелъ множество неизданныхъ документовъ, касающихся сношеній Франціи съ этой страной въ XVII вѣкѣ. По этимъ документамъ онъ составилъ новую книгу: «Франція въ Эіопіи. Исторія сношеній Франціи съ христіанскою Абиссиніей въ царствованія Людовика XIII и Людовика XIV» (*La France en Ethiopie. Histoire des relations de la France avec l' Abyssinie chrétienne sous les règnes de Louis XIII et de Louis XIV. 1634—1706*). Это сочиненіе во многомъ пополняетъ и исправляетъ извѣстія объ этомъ предметѣ, встрѣчающіяся въ прежнихъ рѣдкихъ изданіяхъ, касающихся избранной авторомъ эпохи. Такъ, онъ воссоздаетъ по официальнымъ даннымъ интересную личность главнаго агента въ сношеніяхъ съ Абиссиніей при Людовикѣ XIV, Руля, погибшаго въ этой странѣ жертвою своей предприимчивости, и о которомъ вовсе не упоминаютъ историческія біографіи. Любопытны также розысканія автора объ эіопскомъ принцѣ, явившемся при французскомъ дворѣ въ 1634—1638 годахъ. Этотъ Зага-Христъ, герой множества при-

ключений, выдавалъ себя за сына негуса Гассе Якуба. Многіе считаютъ его самованцемъ, но Сент-Эмуръ нашелъ, что онъ, дѣйствительно, принадлежалъ къ царствующему дому Абиссиніи и бѣжалъ во Францію вслѣдствіе семейныхъ раздоровъ. Книга представляетъ полную исторію сношеній Франціи съ Абиссиніей до XVIII вѣка.

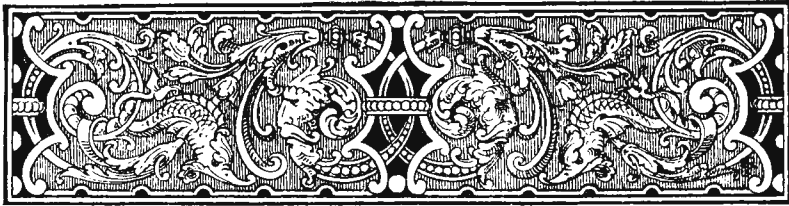
— Историческій пробѣлъ пополняетъ и Жакъ Ромбальди въ книгѣ «Французская Корсика въ XVI вѣкѣ» (*La Corse Française au XVI siècle*). Извѣстно, что Корсика окончательно присоединена къ Франціи въ 1780 году. Но еще въ 1553 году она была отнята французами у генуэзцевъ. Правда, черезъ пять лѣтъ по миру въ Като-Камбрези она была возвращена генуэзской республикѣ. Но корсиканцы, стремившіеся къ независимости, поднялись подъ предводительствомъ храбраго и энергичнаго Сампiero де-Бастелика и четыре года сражались съ генуэзцами, отстаивая свою свободу. Тогда Генуя, видя невозможность побѣдить противниковъ открытою силою, прибѣгнула къ способу, знакомому итальянскимъ республикамъ: подкупила наемнаго убійцу, заколовшаго Сампiero. Этотъ малоизвѣстный историческій эпизодъ рассказанъ подробно авторомъ, на основаніи найденныхъ имъ неизданныхъ документовъ. Напрасно только онъ старается доказать, что корсиканцы сражались съ генуэзцами потому, что желали сдѣлаться французами. Прежде всего Корсика хотѣла быть независимой и, только убѣдившись въ невозможности самостоятельнаго существованія между двумя сильными національностями, рѣшилась присоединиться къ Франціи, а не къ Италіи.

— Извѣстный ученый и философъ Лекки издалъ пятый томъ своей «Исторіи Англій въ осьмнадцатомъ столѣтіи» (*A history of England in the eighteenth century*). Первые томы этого капитальнаго труда пользуются давно уже почетною извѣстностью. Вышедшій нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе событій отъ вступленія Питта въ управленіе въ 1784 году до начала войны съ Франціей въ 1793. Какъ и въ предшествовавшихъ томахъ, первое мѣсто въ европейскихъ событіяхъ Лекки даетъ Англійи и, не смотря даже на такой колоссальный фактъ какъ французская революція, на первомъ планѣ у Лекки стоятъ: администрація Питта, общественная жизнь Англійи во второй половинѣ XVIII вѣка, дѣла Ирландіи, отъ признанія ея законодательной независимости въ 1782 году, финансовыя реформы, развитіе промышленности. Особенно рельефно очерчена личность премьера, въ 25 лѣтъ ставшаго въ главѣ правленія. Отдавая справедливость его заслугамъ, авторъ не скрываетъ и его ошибокъ и недостатковъ: нелюбви къ демократіи, преслѣдованія своихъ политическихъ враговъ, упрямства въ поддержаніи явно ошибочныхъ мѣръ, расточительности въ расходованіи бюджетныхъ суммъ и проч. (Государственный долгъ Англійи, составлявшій къ концу войны съ Сѣвероамериканскими Штатами 250 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, почти удвоился къ заключенію аміенскаго мира въ 1802 году). Интересны также набросанные авторомъ портреты Екатерины II, Густава III, Иосифа II, дѣятелей революціи. Лекки не держится мнѣнія Кинне и другихъ французскихъ историковъ, утверждающихъ, что революція принадлежитъ къ числу такихъ событій, которыхъ ничто въ мірѣ не могло отвратить. Ее предсказывалъ еще Лейбницъ, замѣтившій въ низшихъ слояхъ общества стремленіе въ ранноправности съ высшими. Вообще, новый трудъ Лекки по глубинѣ мыслей и искусному изложенію можетъ стать наряду съ его «Исторіей развитія раціонализма».

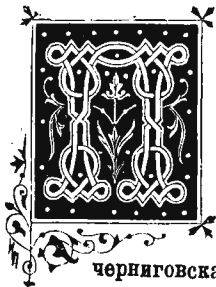
— Въ Японіи не только есть университетъ, въ Токио, но издаются университетскія записки на японскомъ и на англійскомъ языкахъ. Ихъ редакци-

руеть профессоръ филологіи въ университетѣ Базиль Галль Чамберленъ, составившій книгу «Императорскій японскій университетъ. Языкъ, міеологія и географическая поменклатура Японіи, разсматриваемые по отношенію къ изученію айносовъ. Съ включеніемъ айноской грамматики (Imperial university of Japan. The language, mythology and geographical nomenclature of Japan, viewed in the light of Aino studies. Including aino grammar. Tokio. 1887). Авторъ этого любопытнаго изслѣдованія подтверждаетъ спорный и мало извѣстный фактъ о существованіи въ Японіи двухъ различныхъ расъ. Объ этомъ писалъ еще въ 1574 году іезуитъ Фрусь и, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ него, миссіонеры нашли на островѣ Іедзо длинноволосое племя айносовъ. У нихъ былъ свой особенный языкъ, но они не умѣли писать и филологамъ пришлось самимъ составлять азбуку, грамматику и словарь новаго языка, составляя для него правила по образцу японскаго и корейскаго языковъ. Книга Чамберлена передаетъ изустныя преданія айносовъ, населяющихъ также Алеутскіе и Курильскіе острова, уступленные нами американцамъ и японцамъ. Айносы—первобытные жители Японіи и только завоеваніе страны пришельцами отодвинуло это племя на дальніе сѣверные острова. Японцы считаютъ ихъ низшею расою. Покрытые черными, жесткими, густыми волосами почти на всемъ тѣлѣ, айносы по отталкивающей наружности представляютъ дѣйствительно что-то переходное между человѣкомъ и звѣремъ. Мыслящія способности ихъ очень слабы. Чамберленъ и по языку не признаетъ, что айносы—иранскаго происхожденія, а между тѣмъ, въ ихъ легендахъ встрѣчаются чисто арійскіе мотивы. Это не выродившееся племя, какъ кмеры Индо-Китая, а прямо низшая раса даже по своему физическому устройству. Они обоготворяютъ солнце, огонь, море, животныхъ, и говорятъ, что Богъ сотворилъ человѣка съ помощью животныхъ, передавшихъ ему и свои несовершенства. Въ книгѣ приведены любопытные образцы ихъ преданій, филологическія изслѣдованія ихъ языка—и все это издано на дальнемъ Востокѣ, въ странѣ такъ недавно ознакомившейся съ цивилизаціей Европы и уже усвоившей себѣ плоды ея тысячелѣтняго развитія.

— Мюнхенскій профессоръ Іоганъ Фресль издалъ книгу «Скиѣны-Саки, родоначальники германцевъ» (Die Scythen-Saken, die Urväter der Germanen), возбуждшую большое неудовольствіе въ средѣ нѣмецкихъ патриотовъ своего отечества. Какъ смѣлъ ученый производить потомковъ Армінія отъ варваровъ, которые могутъ быть прадѣдами развѣ однихъ русскихъ! Болѣе всѣхъ возсталъ на Фресля шверинскій ученый Фридрихъ Зольтау, признающій, что грубые скиѣны были только предшественниками германцевъ въ южной и западной Германіи въ эпоху переселенія народовъ. Въ языкѣ скиѣовъ нѣтъ ничего похожаго на нѣмецкій. Это племя стрѣлковъ изъ лука было средняго роста съ черными волосами и темными глазами, стало быть, нисколько не походило на германцевъ, описанныхъ Тацитомъ, какъ очевидцемъ. По наружности германцы, дѣйствительно, отличались отъ скиѣовъ, но что касается до языка, то Зольтау забываетъ, что многія названія нѣмецкихъ мѣстностей—скиѣскаго происхожденія. Такъ Брокенъ происходитъ отъ скиѣскаго «бреканъ»; рѣка Заале отъ «сайле» поскиѣски соль. Висмаръ отъ скиѣскаго словъ: «циск-маръ»—окруженный водою, Лорелея—«Глор-ліа»—пѣвучая скала и пр. Да и почему современный нѣмецъ такъ гнушается родствомъ со скиѣнами, точно древніе германцы не были такими же варварами?..

С М Ъ С Ъ.

ПЕЩЕРЫ ПРИ ЦЕРКВИ св. Ильи въ Черниговѣ. Ежегодно, 20-го іюля, въ Черниговѣ совершается храмовое служеніе въ церкви св. Ильи. Въ этотъ же день открываются для посѣщенія народа, находящіяся воадѣ этой церкви, пещеры. Этотъ достопримѣчательный памятникъ черниговской перковной старины, по преданію, ископанъ Антоніемъ Печерскимъ, удалившимся въ 1069 г. отъ гоненія кіевского князя изъ основанной имъ Кіево-печерской лавры въ Черниговъ и поселившимся, по приглашенію черниговскаго князя Святослава Ярославича, въ елецкомъ монастырѣ, построенномъ этимъ княземъ. Но Антоній не долго былъ въ елецкомъ монастырѣ: стремясь къ удивленному духовному подвижничеству, онъ избралъ мѣсто на Болдинской горѣ, устроилъ тамъ пещеры и проживалъ въ нихъ до возвращенія въ Кіевъ. Церковь же во имя пророка Ильи выстроилъ тотъ же князь Святославъ еще въ бытность Антонія въ Черниговѣ.

Въ этихъ пещерахъ, и теперь еще хорошо сохранившихся, имѣется одинъ главный ходъ и нѣсколько боковыхъ; въ нихъ устроены престолы для богослуженія — два во имя преподобныхъ Антонія и Θεодосія печерскихъ, а третій—во имя св. Николая; на первомъ изъ нихъ, какъ самомъ ближайшемъ отъ входа въ пещеры, въ храмовой праздникъ совершается богослуженіе, на остальныхъ двухъ богослуженія не бываетъ, по причинѣ сырости и холода. Въ одномъ изъ боковыхъ ходовъ сохранилась груда человѣческихъ костей,—по народному преданію, это кости иноковъ, убитыхъ въ пещерахъ татарами во время одного изъ набѣговъ ихъ на Черниговъ. Протяженіе пещеръ съ достаточною точностью опредѣлить нельзя, потому что въ концѣ онѣ уже обвалились, но, по тому же народному преданію, пещеры эти простираются до самаго Кіева. Въ настоящее время пещеры для посѣщенія неполнѣ доступны. Воздухъ въ нихъ на столько спертъ и сыръ, что гаснетъ свѣча, а въ болѣе отдаленныхъ отъ входа ощущается даже трупный запахъ. Покойный Филаретъ устроилъ въ пещерахъ нѣсколько отдушинъ

для доступа наружнаго воздуха, но ихъ недостаточно. Въ Ильинъ день въ пещерахъ собирается довольно много народа изъ города и подгородныхъ селъ. Возлѣ пещеры, предъ входомъ въ Ильинскую церковь, стоитъ древній дубъ, нынѣ до половины высохшій, посаженный, по народному преданію, преподобнымъ Антоніемъ и, повтому, свято почитаемый набожными лицами, которыя берутъ съ него кору, какъ цѣлебное средство отъ лихорадки. Народъ вѣритъ, что этотъ дубъ хотѣли срубить татары, но онъ не поддался ихъ усиліямъ; на дубѣ и теперь указываютъ порубы топора, какъ знаки этого событія.

Монеты XVI вѣка. Поденъщикъ имѣнія Путкасъ, Эстляндской губ., нашелъ на пастбищѣ цѣлую горсть старинныхъ монетъ, вырытыхъ изъ-подъ кочки свиньями. Монеты величиною съ гривенникъ, но чрезвычайно тонки, такъ что ихъ безъ особыхъ усилій можно свернуть въ трубочку. На нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно видны надписи: «Erich XIV von Schweden 1506», «Oeselsche Münzen» со словами «Gottes Wort bleibt in Ewigkeit».

Научный и историческій отдѣлъ Екатеринбургской выставки. Въ августѣ открылась выставка въ Екатеринбургѣ для произведеній Сѣверо-восточнаго края Россіи и его азиатскихъ владѣній. На ряду съ предметами сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, на выставкѣ былъ и научный отдѣлъ, не лишенный значенія. Географическій отдѣлъ выставки не пользовался особымъ вниманіемъ выставочнаго комитета. Въ особенности это можно сказать о книгахъ и рукописяхъ. 18 ящичковъ прекрасной бібліотеки Н. К. Чупина остались неразобранными. По исторіи и географіи Сибири всѣхъ экспонентовъ 19, но одинъ изъ нихъ, обладая замѣчательной наслѣдственной бібліотекой, не доставилъ 155 томовъ, вопреки вѣятому имъ на себя обязательству. Больше всѣхъ другихъ книгъ выставлено туркестанскимъ генераль-губернаторомъ и Академіей Наукъ. Первый выставилъ 11 сочиненій разныхъ авторовъ о Туркестанѣ, а Академія 44 сочиненія объ Уралѣ и Сибири вообще. Всѣ эти сочиненія поступили въ даръ Обществу. Послѣ нихъ болѣе крупный экспонентъ—учитель пермской гимназіи, А. А. Дмитріевъ. Имъ представлено 15 собственныхъ изслѣдованій по исторіи здѣшняго края. Кому не извѣстно, какъ трудно по недостатку пособій работать въ провинціи, а потому труды г. Дмитріева заслуживаютъ особаго вниманія. Работаетъ онъ уже 8 лѣтъ и помѣщаетъ свои труды въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и столичныхъ изданіяхъ, при чемъ въ Археологическую комиссію имъ доставлено болѣе 100 грамотъ пискарскаго монастыря. Кромѣ своихъ сочиненій, г. Дмитріевъ представилъ на выставку карту Строгоновскихъ владѣній въ Пермской губерніи. Сочиненій изслѣдователей Пермскаго края—Д. Д. Смышляева и издателя «Пермской лѣтописи» Тишанко, на выставкѣ нѣтъ. Также нѣтъ трудовъ извѣстнаго пермскаго статистика Е. П. Красноперова. Чупинъ былъ лицомъ весьма замѣчательнымъ: бывшій горный чиновникъ, онъ болѣе сорока лѣтъ прожилъ въ Екатеринбургѣ и собралъ прекрасную бібліотеку въ нѣсколько тысячъ томовъ, а также написалъ по изслѣдованію Пермскаго края болѣе 30 обширныхъ и серьезныхъ статей; тѣмъ не менѣе, труды его, опѣненные своевременно въ печати, до сихъ поръ не удостоились почему-то вниманія ученыхъ учрежденій. Теперь, послѣ его смерти, все имъ собранное и написанное перешло въ вѣдѣніе музея. Болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе его географическій и статистическій словарь, но, къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный трудъ доведенъ только до буквы Н. Библіотека его составляетъ украшеніе географическаго отдѣла, не смотря даже на то, что она далеко не вся выставлена. Въ ней есть интересныя рукописи, прекрасный мѣстный отдѣлъ. Г. Поповъ представилъ рукопись «Изъ поѣздки въ Закамскій край (Чердынскій уѣздъ)» и «Закамскій край, его нравы и обычаи». Оба труда сообщаютъ много интересныхъ фактовъ объ этомъ малоизслѣдованномъ краѣ. Г. Панаевъ представилъ два своихъ изслѣдованія «Физическо-географическій очеркъ города

Соликамска» и «Сборникъ пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ», собранныхъ въ Пермскомъ уѣздѣ. Изъ книгъ особаго вниманія заслуживаетъ роскошное евангеліе на пергаментѣ, XV вѣка, принадлежащее мѣстному любителю старины, г. Казанцеву. Въ числѣ рукописей есть еще одна весьма любопытная, озаглавленная «Полиція въ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ». Авторъ этой рукописи становой приставъ, умершій 17 лѣтъ тому назадъ. Вдова его предлагаетъ желающимъ издать эту рукопись, дабы помочь ей уплатить долги ея мужа. Изъ свитковъ интересна грамота Петра I стольникамъ въ Сибирь, на Верхотурье, о сибирской торговлѣ и другихъ предметахъ и наказъ заводскому комиссару Исетскихъ заводовъ, рукописная библия и т. под. На выставку представлены также дѣла пермскаго и ирбитскихъ магистратовъ, одно судное дѣло 1793 г. объ убійствѣ настоятеля монастыря и нѣсколько рукописей историческаго и богословскаго содержанія, также весьма интересны живописная библия и нѣмецкая библия Лютера 1641 г. Въ отдѣлѣ картографическомъ выставлены изданія военно-топографическаго отдѣла, горнаго департамента и оренбургскаго статистическаго комитета. Любопытны карты лѣсничествъ Пермской губ. и Шадринскаго уѣзда, выставленныя пермской гимназіей. Изъ латинскихъ книгъ, принадлежащихъ этой гимназіи, одна напечатана въ 1563 году. Въ отдѣлѣ статистики представлены труды центральнаго статистическаго комитета, статистическія труды по губ. Тобольской и Томской, выставленныя гг. Яковлевымъ и Ефимовымъ, и Вятской губ., доставленныя губ. земскою управой. Особаго вниманія заслуживаютъ труды О. Н. Ребрина, священника въ Ирбитскомъ уѣздѣ. Онъ выставилъ таблицы и діаграммы о движеніи народонаселенія въ Мокшинскомъ приходѣ въ теченіе 17 лѣтъ, санитарно-экономическій очеркъ того же прихода и свои метеорологическія наблюденія. Имъ же представленъ и вѣчный календарь личнаго изобрѣтенія. Такая любовь къ наукамъ среди духовенства Пермской епархіи не составляетъ исключенія. На выставку представилъ свои сочиненія по математикѣ бывший священникъ Шадринска І. Н. Первушинъ. Труды его печатались въ бюлетеняхъ Академіи Наукъ.

Въ научномъ отдѣлѣ выставки, въ библиотекѣ общества любителей естествознанія, помѣщена также копія такъ называемаго ссыльнаго углицкаго колокола (сосланныя Борисомъ Годуновымъ въ Тобольскъ), оригиналъ котораго находится на колокольнѣ домовою архіерейской церкви. Колоколь снабженъ слѣдующею надписью: «Сей колоколь, въ которой били въ набатъ при убіеніи благовернаго царевича Дмитрія въ 1593 году, присланъ изъ города углицъ въ Сибирь въ ссылку въ городъ Тобольскъ съ церкви всемилостиваго Спаса, что на торгу, а потомъ на софійской колокольнѣ былъ часобитный, вѣсу въ немъ 19 п. 20 ф.». Народъ назвалъ его карнаухимъ отъ того, что передъ ссылкой оторвали ему ухо. Въ лѣтописяхъ Сибири онъ считается первымъ ссыльнымъ въ Сибирь. Замѣчательнѣе всего то, что вѣрность присланной на выставку копіи колокола удостовѣрена мѣстною полицейскою властью, за надлежащимъ подписомъ, и даже съ приложеніемъ марки!

Рѣднѣе книги и рукописи на нижегородской ярмаркѣ. Въ прежнее время ярмарка эта славилась множествомъ появлявшихся на ней произведеній старопечатной и рукописной, преимущественно раскольничьей, литературы. Но продававшіяся на нынѣшней ярмаркѣ рукописи поражаютъ своею бесодержательностью. Октои, третрологи, прологи, псалтири, ободранные, васаленные и закапанные воскомъ,—вотъ почти главный товаръ предлагаемый въ настоящемъ году на рукописномъ рынкѣ. Прекрасныхъ рукописей XV и XVI вѣка съ приузорчатыми заставками и миниатюрами на волотѣ съ прозеленью, которыми прежде такъ славился макарьевскій рынокъ, нѣтъ и въ помнѣнѣ. Букнисты, гг. Большаковъ, Силинъ, не могутъ нынѣ предложить своимъ покупателямъ ничего замѣчательнаго. Праздники и стихиры на крюковыхъ нотахъ—вотъ единственный, находящійся въ ихъ лавочкахъ товаръ, псан-

ный благочестивыми тружениками дониконовской реформы. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, но не на ярмаркѣ, приобрѣтено нѣсколько экземпляровъ «Келейныхъ Лѣтописцевъ» и проповѣдей св. Димитрія Ростовскаго, писателя начала XVIII вѣка. Эти рукописи, современные святителю, замѣчательны тѣмъ, что будучи одного содержанія, имѣютъ въ каждомъ экземплярѣ нѣкоторыя существенныя одно отъ другого различія. Почти во всѣхъ экземплярахъ находятся извѣстные невапечатанныя еще въ сочиненіяхъ святителя порицанія, сдѣланныя имъ Петру Великому по поводу ограниченія распоряженія церковными имуществами, гдѣ св. Димитрій говоритъ, что гражданскія власти не только не дадутъ пропитанія служителямъ церковнымъ, «но и жалованное отъемлютъ, имѣніе церковное разграбляюще». Самый «Келейный Лѣтописецъ», во всѣхъ экземплярахъ имѣетъ существенную разницу. Причина тому слѣдующая. Лѣтопись эта святителемъ, умершимъ въ 1709 году, не была доведена до конца, но уже при самомъ ея составленіи возбуждала значительный интересъ и служила предметомъ разныхъ толковъ, часто не вполне пріятныхъ для автора. Изъ оставшихся писемъ святителя къ своему другу Θεологу, видно, что онъ неоднократно и убѣдительно проситъ послѣдняго не давать никому не только списывать, но и читать подареннаго ему экземпляра первоначальнаго своего труда. Св. Димитрій нѣсколько разъ передѣлывалъ эту рукопись. Желаніе автора не было исполнено. Лѣтописецъ появлялся въ многочисленныхъ спискахъ, часто не въ такихъ, какіе выходили изъ-подъ пера автора, сдѣлавшаго въ своемъ трудѣ много поправокъ и существенныхъ измѣненій уже впоследствии. Рукописныя проповѣди св. Димитрія, нынѣ приобрѣтенныя, еще любопытнѣе. Онѣ показываютъ, что святитель первоначально былъ очень слабъ въ русскомъ языкѣ, писалъ свои проповѣди малороссійско-польскими выраженіями, такъ что онѣ при изданіи были кореннымъ образомъ исправлены синодомъ. Только впоследствии, во время пребыванія своего въ Ростовѣ, святитель основательнѣе ознакомился съ русскимъ языкомъ и сталъ писать правилнѣе, хотя все-таки не могъ окончательно избавиться отъ многихъ ошибокъ и промаховъ.

Изъ числа рукописей, приобрѣтенныхъ отъ еврея изъ Архангельской губерніи, въ особенности интересенъ сборникъ, конца XVII или начала XVIII вѣка, заключающій въ себѣ прекрасный списокъ Трифона Коробейникова—его путешествіе къ св. мѣстамъ въ XVI вѣкѣ. Хороши также скитскій Патерикъ XVII вѣка и «Россійскій Виноградъ», замѣчательное твореніе Сечена Денисова, оставившаго живыя сказанія о первыхъ поморскихъ подвижникахъ, при ихъ поселеніи въ Заонежскомъ краѣ въ концѣ XVII столѣтія. Торговля на ярмаркѣ крестами съ поддѣльными мощами процвѣтаетъ. Іосифскіе мошенники дошли въ этомъ промыслѣ до своего рода совершенства. Поддѣльныя мощи уже не кладутся въ пустоту крестовъ завернутыми въ бумагу съ полуграмотными подписями, а задѣлываются въ кресты и заливаются воскомъ на подобіе мастики. Самые кресты продаются какъ бы надломленными, поврежденными, чтобы еще болѣе убѣдить почитателей священныхъ предметовъ въ ихъ дѣйствительности.

Нижегородское древлехранилище. Учрежденное въ мартѣ прошлаго года нижегородское епархіальное древлехранилище, не смотря на краткій срокъ своего существованія, успѣло собрать много цѣннаго въ историко-археологическомъ отношеніи матеріала. Такъ, рукописей за одинъ 1886 годъ въ него поступило 53, изъ нихъ болѣе другихъ замѣчательны: «Уставъ церковный» XV вѣка, «Трефологіонъ» 1509 года, «Нижегородскій лѣтописецъ», «Щела», «Лѣствица» XVIII вѣка и много другихъ. Старопечатныхъ книгъ за то же время поступило 62, среди которыхъ много относящихся къ самымъ первымъ временамъ книгопечатанія на Руси.

† 8 августа, въ Дерптѣ, на 68-мъ году, архитекторъ Рудольфъ Богдановичъ Бернгардъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ архитекторскомъ учи-

лицѣ при Академіи Художествъ и, затѣмъ, поступивъ въ «Строительное училище (институтъ гражданскихъ инженеровъ)», кончилъ блистательно курсъ наукъ въ 1846 г. и былъ назначенъ помощникомъ архитектора чертежнаго правленія 1-го округа путей сообщенія. Въ 1858 г. назначенъ членомъ въ комисію, для описанія городскихъ имуществъ Петербурга, а въ 1864-мъ г. преподавателемъ строительнаго искусства въ Академіи Художествъ и членомъ академическаго совѣта. Въ 1866 г. получилъ званіе инженеръ-архитектора и черезъ два года профессорскую кафедру въ Академіи Художествъ. Въ 1877 г. назначенъ на должность директора «института гражданскихъ инженеровъ», но въ 1886 г. болѣзнь заставила его выйти въ отставку. Помимо обязанностей директора института, онъ еще читалъ студентамъ курсъ «объ устойчивости церквей». Заслуги покойнаго, какъ выдающагося архитектора, доставили ему извѣстность, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и за границей. Изъ отдѣльныхъ его трудовъ замѣчательно изслѣдованіе о трещинахъ въ куполѣ собора св. Петра въ Римѣ, куда онъ былъ командированъ Академіей Художествъ, для присутствованія въ международной комиссіи, и масса научныхъ сочиненій по архитектурѣ, печатавшихся въ специальныхъ архитектурныхъ журналахъ. Практическая архитектурная дѣятельность покойнаго выразилась введеніемъ въ Петербургъ многихъ замѣчательныхъ построекъ, въ числѣ которыхъ—евангелическая женская больница, возобновленіе церкви въ Колтовской улицѣ, домъ военнаго министра, зданіе новаго газоваго общества и составленіе проекта новаго помѣщенія института гражданскихъ инженеровъ—занимають не послѣднее мѣсто. До конца прошлаго года онъ былъ товарищемъ предѣлателя «петербургскаго Общества архитекторовъ» и только болѣзнь принудила его оставить эту должность. Имя его золотыми буквами вырѣзано на мраморной доскѣ актовaго зала института гражданскихъ инженеровъ.

† 10-го августа, послѣ продолжительной болѣзни, извѣстная въ педагогическомъ мірѣ писательница Софья Марковна Манарова. Покойная посвятила всю свою литературную дѣятельность дѣтямъ, и въ теченіе тридцати сличкомъ лѣтъ писала исключительно только рассказы, повѣсти, сказки, очерки изъ дѣтской жизни или же изъ исторіи и народнаго быта, предназначенные для дѣтей. Книги ея «Дѣду время—отдыху часъ», «Повѣсти изъ русскаго быта», «Изъ русской жизни», «Деревня», «Бабушкины рассказы», «Исторія Екатерины II», «День Ливы», «Отголоски старины», «Почему?—потому!», «Сказки удивленіе—картинки заглядѣнье», «Что картинка, то диковинка», и друг., пользовались и пользуются до сихъ поръ большимъ успѣхомъ. Съ Макаровой сошла въ могилу одна изъ самыхъ выдающихся дѣтскихъ писательницъ старой школы.

† Въ Ариштадтѣ, въ Тюрингіи, на 63 году извѣстная нѣмецкая романистка Іонъ, писавшая подъ псевдонимомъ Евгени Марлиттъ. Ея романы, вертящіеся вокругъ самыхъ обыденныхъ явленій семейной жизни, но весьма талантливо написанные, пользовались не только въ Германіи, но и за границею большимъ успѣхомъ и многіе изъ нихъ переведены почти на всѣ европейскіе языки. Выдающимися произведеніями Марлиттъ считаются романы «Золотая Эльза», «Принцесса Гизела», «Аристократы и демократы», «Вторая жена», всѣ они переведены порусски. Многіе изъ ея романовъ появлялись впервые въ извѣстномъ иллюстрированномъ журналѣ «Gartenlaube», который даже отчасти обязанъ Марлиттъ своимъ процвѣтаніемъ. Марлиттъ получала за свои романы громадный гонораръ и, благодаря своему перу, приобрѣла крупное состояніе.

ЗАМЯТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи г. Путилова «Могила іеромонаха Арсенія».

Въ Мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1885 г. напечатана замѣтка г. Е. С. Путилова, подъ заглавіемъ «Могила іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ». Въ этой замѣткѣ г. Путиловъ говоритъ, что «всякому жителю Верхнеудинска извѣстно, что въ окрестности города на горѣ «у Троицы» на общественномъ кладбищѣ похороненъ какой-то іеромонахъ Арсеній, возвращавшійся изъ ссылки въ Европейскую Россію и что, по свѣдѣніямъ, имѣющимся у верхнеудинскаго причта, іеромонахъ Арсеній въ Сибирь сосланъ былъ въ 1763 году и прощенъ только въ 1771 году, доживя въ ссылкѣ до глубокой старости, умеръ 74 лѣтъ отъ роду». Далѣе г. Путиловъ сообщаетъ, что «на оборотной сторонѣ образа, принадлежащаго часовенкѣ надъ могилою іеромонаха Арсенія, сдѣлана надпись: «На местѣ сѣмъ погрѣбенъ». «Въ 1771 году іеромонахъ Арсѣвій бывший митрополитъ Ростовскій и проч.» Объ этой надписи на образѣ, въ замѣткѣ сдѣлано примѣчаніе, «что надпись ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ тому, что Арсеній Верхнеудинскій—именно Арсеній Мацѣевичъ», что совершенно вѣрно, такъ какъ знаменитый противникъ Екатерины II былъ, дѣйствительно, сосланъ сперва въ Сибирь, но за тѣмъ перевезенъ въ Ревельскую крѣпость, въ казематахъ которой и умеръ въ 1772 году.

Вопросъ объ іеромонахѣ Арсеніи извѣстенъ намъ, кореннымъ жителямъ Верхнеудинска, давно и сдѣлался достояніемъ архивовъ, а потому для разъясненія обратимся за справкою въ неотдаленную старину.

Съ конца 1846 г. въ Верхнеудинскѣ проживалъ учитель исторіи и географіи въ Верхнеудинскомъ уѣздномъ училищѣ, Н. В. Паршинъ; съ 1 августа 1865 г. по октябрь 1873 г. онъ исправлялъ должность смотрителя училищъ Верхнеудинскаго, Селегинскаго и Баргузинскаго округовъ. Въ педагогической дѣятельности, съ 31 декабря 1855 г. по 29 іюля 1860 г., Паршинъ находился въ разныхъ командировкахъ по Иркутской губерніи и Забайкальской области, или выражаясь его словами въ печати: порядочно исколесилъ Сибирь. Скончался Н. В. Паршинъ въ Верхнеудинскѣ 31 декабря 1878 года. Во время своихъ служебныхъ странствованій, Паршинъ, дѣлая замѣтки, гдѣ можно не упуская случая пользоваться справками изъ архивовъ, и о выдающихся замѣчательностяхъ сообщалъ въ печати, болѣе подъ псевдонимомъ «Куйтуновъ».

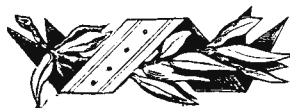
И вотъ въ 44 № «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1865 годъ въ неофициальной части, въ статьѣ «Верхнеудинскъ» (Изъ путевыхъ записокъ) подъ псевдонимомъ «Куйтунова», Паршинъ, между прочимъ, говоритъ, что основаніе Удинскаго острога можно отнести къ 1649 году. Построеніе крѣпости начиналось въ 1688 или 1699 году на горѣ, надъ Удою. Мѣсто, гдѣ стояла крѣпость, примѣтно. Многіе помнятъ эту крѣпость съ башнями, изъ которыхъ на одной былъ мѣдный орелъ, бойницами и тайникомъ, т. е. подземнымъ ходомъ на Уду за водою. Какой-то городничій, заклятый врагъ археологіи, приказалъ сломать крѣпостныя строенія и завалить тайники, подѣ

тѣмъ предложомъ, что въ нихъ могутъ укрываться бѣглецы. По скату горы, противъ Спаской церкви, было кладбище. Въ 1688 году Верхнеудинскъ сдѣлался пригородомъ, а при Екатеринѣ II обращенъ въ уѣздный городъ и проч. проч.). Выписываю эти строки кстати, потому что, можетъ быть, и они когда нибудь пригодятся, а теперь обращусь прямо къ вопросу, кто былъ Арсеній, когда умеръ и гдѣ? Въ той же статьѣ Куйтунова, далѣе читаемъ, что «другая часовня каменная на Троицкомъ кладбищѣ. Она построена надъ прахомъ іеромонаха Арсенія, сосланнаго въ Сибирь въ 1767 году безъ лишенія званія, но съ запрещеніемъ священнодѣйствовать, за дерзости и ложный доносъ на настоятеля монастыря. Сначала онъ былъ посланъ въ Нерчинскій Успенскій монастырь, а оттуда, по упраздненіи монастыря въ 1773 году, былъ переведенъ въ Селенгинскій Троицкій монастырь. Отправившись въ этотъ монастырь, онъ, не доѣзжая 48 верстъ до Верхнеудинска, 15 іюня умеръ, имѣя 55 лѣтъ отъ роду. Народная молва успѣла облечь его личность таинственностію. Явились рассказы о его предвѣдѣніи своей кончины. Многие берутъ землю съ его могилы и пьютъ съ водою, какъ лѣкарство. Въ день его ангела бываетъ въ часовнѣ панихида. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, былъ у меня (т. е. у Паршина) одинъ подлинный! документъ временъ Екатерины II, приобрѣтенный въ Нерчинскѣ, за подписью генерала Ушакова, въ которомъ кратко прописывались вѣны Арсенія и назначалось ему содержаніе, но въ какомъ количествѣ теперь не упомяну. Кто-то похитилъ у меня этотъ интересный документъ, тѣмъ болѣе, что имъ безапелляціонно разрѣшался, возникшій въ послѣднее время, споръ о личности Арсенія. Жители же Верхнеудинска облекли Арсенія въ санъ митрополита-страдалца. Тогда какъ бывшія въ рукахъ монаховъ свѣдѣнія указываютъ противное».

Потомъ, тѣмъ же Паршинымъ, сообщены были въ «Ирк. Губ. Вѣд.» не помню только за 1876 или за 1878 г. (у меня за эти годы «Ирк. Губ. Вѣд.» подъ рукою нѣтъ; а въ архивахъ нашихъ, если что надо, вообще, трудно достать) еще свѣдѣнія о томъ же іеромонахѣ Арсеніи, гдѣ говорилось, что Арсеній, похороненный на верхнеудинскомъ кладбищѣ, есть отнюдь не бывший митрополитъ; при чемъ указывалось, что справка эта взята была изъ Нерчинскаго архива. Возраженія или какой поправки на обѣ статьи Паршина не было.

Можно надѣяться, что Нижегородскій Благовѣщенскій монастырь или тамошняя губернская канцелярія и причтъ Нерчинскаго собора не поставятъ себѣ въ трудъ сообщить «Историческому Вѣстнику» выписку изъ своихъ архивовъ, и тогда вопросъ объ іеромонахѣ Арсеніи, тождественномъ по имени митрополиту Ростовскому, будетъ окончательно рѣшенъ.

П. А. Мордовской.

о Терезѣ; этотъ случай ясно показалъ мнѣ, что любовь дѣвушки можетъ остаться для насъ тайной, если мы не вызовемъ ее на объясненіе...

Онъ замолчалъ и задумался. Но она инстинктивно угадала его мысли своимъ любящимъ сердцемъ, которое болѣе принадлежало ему, нежели онъ подозрѣвалъ это.

— Если я не ошибаюсь, Германъ, то твои слова относятся къ Сесили и той любви, которая кроется въ ея сердцѣ!

— Какъ тебѣ пришло это въ голову, Лина? — спросилъ онъ съ смущеніемъ, которое было для нея краснорѣчивѣе открытаго признанія.

— То, что ты говорилъ о Сесили было достаточно, чтобы понять тебя или, вѣрнѣе сказать, ты настолько умалчивалъ о ней, что я могла догадаться, что происходитъ въ твоей душѣ.

— Я ожидалъ, что ты прійдешь къ такимъ заключеніямъ, и поэтому не говорилъ съ тобой о Сесили. Говоря откровенно, племянница г-жи Симсонъ до сихъ поръ интересовала меня, какъ милая, очаровательная загадка...

Германъ увлекся занимавшей его темой и, не замѣчая, что Лина почти не слушаетъ его, распространился о достоинствахъ Герберти. Въ сердцѣ молодой женщины происходила борьба самыхъ разнородныхъ ощущеній. Сказанное ею только побудило его видѣть въ загадочной француженкѣ, то, чего онъ не замѣтилъ въ Терезѣ; и теперь она упрекала себя за то, что такъ долго оставляла его въ невѣдѣніи. Она сознательно умалчивала о любви Терезы; и даже радовалась, что Германъ не платитъ ей взаимностью, а теперь, быть можетъ, будетъ еще хуже и ей придется навсегда разстаться съ нимъ. Чувство необъяснимаго страха примѣшивалось къ ея душевнымъ страданіямъ и еще больше увеличивало ихъ. Слезы подступали къ ея глазамъ; она не рѣшилась заговорить, чтобы не расплакаться. Но, тѣмъ не менѣе, ей хотѣлось во что бы то ни стало вызвать Германа на объясненіе. Они уже свернули въ улицу, гдѣ былъ ея домъ, и Лина видѣла издали при лунномъ свѣтѣ Людвига, который сидѣлъ у окна, ожидая ея возвращенія.

Они прошли молча нѣсколько шаговъ; наконецъ, Лина овладѣла собой и сказала торопливо:

— Насколько я слышала, г-жа Симсонъ пользуется не особенно хорошей репутаціей; и поэтому мнѣ кажется сомнительнымъ, что она держитъ свою племянницу вдали отъ общества... Она не стала бы прятать ее безъ основательной причины, а, напротивъ, гордилась бы такой родственницей и стала бы изъ тщеславія вывозить ее въ свѣтъ. Не думай, пожалуйста, чтобы я имѣла что либо противъ Сесили, которую ты такъ расхваливаешь. Но, прошу объ одномъ: дай мнѣ честное слово, что ты не сдѣлаешь никакого рѣшительнаго шага до тѣхъ поръ, пока я сама не увижу ее и не наведу о ней точныхъ справокъ...

Германъ въ задумчивости молчалъ, и она сказала еще настойчивѣе:

— Я чувствую себя виновной передъ тобою, Германъ; и поэтому рѣшаюсь вмѣшаться въ это дѣло. Мнѣ не слѣдовало бы вовсе сообщать тебѣ о любви Терезы, но я не ожидала, что это можетъ побудить тебя дѣйствовать, очертя голову. Кто не понялъ истинной любви, тотъ долженъ быть еще болѣе осторожнымъ, чтобы не ошибиться относительно обманчивой привязанности. Не упрямясь, Германъ! Я сдѣлаю визитъ Сесили, предупреди ее объ этомъ и уговори принять меня...

Въ это время они подошли къ дому.

— Ты права, моя милая Лина. Я самъ едва ли рѣшился бы на окончательное объясненіе, но во всякомъ случаѣ меня радуетъ твое намѣреніе посѣтить Сесиль, потому что ты скажешь мнѣ, какое впечатлѣніе она произвела на тебя.

— Значитъ, ты обѣщаешь исполнить мое желаніе? — спросила она шопотомъ, протягивая ему руку.

— Даю честное слово! — сказалъ онъ, отвѣчая на пожатіе ея руки. Затѣмъ, взглянувъ на окно, онъ крикнулъ: — Покойной ночи, Людвигъ!

XVII.

Аудиенція у короля и Вабетъ.

Въ суровое Наполеоновское время государственная служба считалась выше всякихъ другихъ обязанностей даже молитвы. Германъ, сынъ пастора, воспитанный въ благочестіи, не смотря на воскресный день, долженъ былъ во время обѣдни сидѣть за письменнымъ столомъ и записывать инструкціи, которыя Бюловъ диктовалъ ему по пунктамъ, и по поводу каждаго изъ нихъ давалъ подробныя объясненія на словахъ. Затѣмъ, оба отправились на аудиенцію въ лѣтній дворецъ короля, куда одновременно съ ними прибыли Натузюсъ и Якобсонъ.

Король, утомленный весело проведенной ночью и еще болѣе ослабѣвшій отъ ванны и туалета, принялъ ихъ въ своей комнатѣ, стѣны которой были обиты голубымъ бархатомъ съ золотыми бордюрами. Занавѣсы и портьеры были изъ такого же голубого бархата, съ бѣлой атласной подбивкой, и окаймлены золотой бахромой; на столѣ стоялъ чайный сервизъ такого рѣдкаго фарфора, что онъ скорѣе годился на показъ, чѣмъ для домашняго употребленія. Изящные стѣнные часы были придѣланы къ алебастровому бюсту короля, котораго короновала богиня побѣды; внизу была лѣстивая надпись: «*Chaque heure est marquée par la Victoire*».

Король, одѣтый, по своему обыкновенію, въ бѣлый мундиръ, поднялся съ кушетки и привѣтствовалъ вошедшихъ съ принужденной улыбкой:

— Я хотѣлъ видѣть господъ, посылаемыхъ въ Голландію, въ качествѣ депутатовъ, чтобы пожелать имъ счастливаго пути,—сказалъ онъ.—А васъ, г. Натузіусъ, я, кромѣ того, могу поздравить,—говорять, вы женитесь...

— Вы крайне милостивы, ваше величество,—отвѣтилъ въ смущеніи Натузіусъ,—я пріѣхалъ въ Кассель по дѣламъ государства и не ожидалъ, что мнѣ предстоятъ заботы о домашнемъ очагѣ.

— *Ma foi*, баронъ Бюловъ,—замѣтилъ со смѣхомъ король,—если подобные случаи будутъ повторяться, то намъ придется издать постановленіе, чтобы при назначеніи депутатовъ въ рейхстагъ избирались только женатые. Иначе депутаты увезутъ изъ Касселя всѣхъ красивыхъ дѣвушекъ!

— Такое постановленіе было бы не лишнимъ, ваше величество,—подтвердилъ Бюловъ,—но при этомъ слѣдовало бы прибавить такую оговорку, что женатые депутаты должны привозить съ собою женъ, что доставило бы многимъ не малое удовольствіе.

— Прекрасная мысль, баронъ; во всякомъ случаѣ, это было бы назидательно для ревнивыхъ мужей!..—сказалъ король, и, при этомъ, окинулъ Германа внимательнымъ, какъ бы недоумѣвающимъ взглядомъ.

Бюловъ замѣтилъ этотъ взглядъ и приписалъ форменному платью Германа, который въ качествѣ сверхштатнаго чиновника не имѣлъ права носить его:

— Ваше величество,—сказалъ онъ,—прошу извиненія за молодого человѣка, но, онъ надѣлъ мундиръ по моему требованію; а я считалъ это необходимымъ въ виду важнаго порученія, возложеннаго на него, тѣмъ болѣе, что за границей форма имѣетъ немалое значеніе.

— Разумѣется, хотя въ настоящемъ случѣ форма министерства иностранныхъ дѣлъ была бы умѣстнѣе; вѣдь это своего рода посольство...

— Но оно, главнымъ образомъ, касается министерства финансовъ,—возразилъ Бюловъ,—и мундиръ пригодится г. Тейтлебену, если ему удастся заслужить одобреніе вашего величества.

— Только не мундиръ министерства финансовъ, потому что, если молодой человѣкъ съ успѣхомъ выполнитъ возложенное на него дѣло, то мы дадимъ ему новое порученіе за границу... *Eh bien, nous verrons!*

Затѣмъ, король обратился къ Герману и, послѣ обычныхъ разспросовъ относительно его происхожденія, воспитанія и пр., сказалъ общее привѣтствіе депутатамъ. Прощаясь съ ними, онъ пожелалъ имъ счастливаго пути.

Депутаты, проходя черезъ главную залу, встрѣтили оберъ-гофмейстерину, которая шла къ королевѣ, и почтительно поклонились ей. Отвѣтивъ на ихъ поклонъ, она подозвала Германа и спросила его съ удивленіемъ:

— Васъ ли я вижу, г. докторъ? Вы удостоились чести попасть на аудіенцію короля и не сочли нужнымъ увѣдомить меня о счастливой переменѣ вашей судьбы!

— Я не посмѣлъ беспокоить, ваше сіятельство, но теперь пользуюсь случаемъ, чтобы выразить мою глубокую благодарность, потому что всѣмъ обязанъ вашему покровительству. Министръ финансовъ назначилъ меня въ депутацію, въ качествѣ чиновника отъ своего министерства.

— Очень рада за васъ!—возразила графиня Антонія.—Мнѣ не могли назвать фамилію третьяго лица, посылаемаго въ Голландію. Только будьте насторожѣ: если вы дорожите мнѣніемъ друзей, желающихъ вамъ добра, то не добивайтесь слишкомъ быстро повышенія при нашемъ дворѣ... Кстати, надняхъ я уѣзжаю изъ Касселя съ королевой и воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы отказать моему домашнему шпиону—Анжеликѣ... До свиданія!

Оберъ-гофмейстерина удалилась, ласково кивнувъ головой Герману, который, нагнавъ обоихъ депутатовъ у дверей гостинницы, уговорился съ ними заказать общій обѣдъ и, въ ожиданіи его, рѣшилъ сдѣлать давно обѣщанный визитъ Лёбрёну.

Ему указали лѣвый флигель дворца, гдѣ на дверяхъ была прибита дощечка съ крупной надписью: «Pigault-Lebrun, lecteur de S. M. le Roi». Когда онъ постучалъ въ дверь, раздался висгливый собачій лай и пріятный женскій голосъ сказалъ: «Entrez»!

Германъ, войдя въ комнату, остановился въ смущеніи. Молодая женщина въ полномъ *negligé*, лежа на диванѣ, со смѣхомъ унижала лающую крысоловку и силилась зажать ей морду маленькой ручкой. Неожиданное появленіе красиваго молодого чело-вѣка, въ первую минуту лишило ее обычной самоувѣренности. Она соскользнула съ дивана, чтобы одѣть туфли, но, такъ какъ юбка, едва доходила до колѣнъ и ноги оставались обнаженными, то она поспѣшно поджала ихъ и прикрыла концомъ шали, въ которую была укутана.

Все это она дѣлала быстро и съ такой граціей, что Германъ уже безъ всякаго стѣсненія извинился, что побеспокоилъ ее и спросилъ: можетъ ли онъ видѣть Лёбрёна?

Красавица нисходительно отнеслась къ его извиненіямъ и сказала, что Лёбрёна нѣтъ дома, и что онъ ушелъ на генеральную репетицію своей пьесы «Les rivaux d'eux mêmes», которая пойдетъ сегодня вечеромъ по случаю отъѣзда королевы.

— Слѣдовательно, Лёбрёнъ въ городѣ?—спросилъ Германъ.

— Нѣтъ, онъ здѣсь; за нашимъ флигелемъ очень порядоч-

ный театръ. Прошу васъ садиться,—сказала она, указывая на ближайшій стулъ.—Подождите немного, Лёбрень сейчасъ прійдетъ: театръ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

При этихъ словахъ Германъ невольно вспомнилъ, что Лёбрень рассказывалъ о какой-то прелестной Бабетъ, которая завѣдуетъ его хозяйствомъ и интересуется его пьесами и спросилъ: не имѣеть ли онъ удовольствіе говорить съ мадамъ Лёбрень?

Этотъ вопросъ поставилъ Бабетъ въ немалое затрудненіе. Она выпрямилась на диванѣ, придумывая отвѣтъ; при этомъ шаль какъ бы случайно соскользнула съ ея полныхъ плечъ и въ то же время выглянула обнаженная бѣлая ножка. Смущенная улыбка исчезла съ ея лица и темные глаза, съ оттѣнкомъ грусти, приняли плутоватое выраженіе:

— Нѣтъ, милостивый государь,—сказала она съ легкой усмѣшкой,—старикъ Лёбрень мой другъ и покровитель!

— Прошу извиненія, за мою недогадливость. Лёбрень съ такимъ восторгомъ описывалъ мнѣ тогда свою жизнь «въ заколдованномъ» замкѣ, какъ онъ выражался, что я могъ бы сообразить, что, кромѣ красивой мѣстности, здѣшняя жизнь имѣеть для него и другія привлекательныя стороны.

— Мнѣ остается только поблагодарить васъ за любезность,—сказала она съ кокетливой улыбкой.—Но, почему вы не хотите сѣсть и подождать возвращенія моего дяди?

Германъ объяснилъ, что его ждуть знакомые, и обѣщаль зайти въ другой разъ.

— Но, вы мнѣ не сказали вашей фамиліи, дядя навѣрное пожелаетъ знать: кто былъ у него съ визитомъ.

— Моя фамилія довольно трудная, вы не запомните; если позволите, то я запишу ее...

Онъ подошелъ къ открытому пюпитру, стоявшему у окна, и на листкѣ бумаги записалъ свою фамилію, выразивъ при этомъ сожалѣніе, что «не засталъ дома знаменитаго Pigault-Lebrun'a, дядю очаровательной племянницы».

Когда онъ подошелъ къ Бабетъ, чтобы проститься съ нею, она протянула ему руку и застѣнчиво сказала:

— Мнѣ очень совѣстно, что я принимаю васъ лежа, но въ этомъ туалетѣ я не могу встать съ мѣста. Жаль, что вы не хотите дожидаться Лёбрена. Приходите опять къ намъ и, какъ можно скорѣе...

Германъ хотѣлъ уйти, но въ эту минуту онъ почувствовалъ, что нѣжная ручка красавицы судорожно сжимаетъ его руку и, какъ будто, притягиваетъ его къ дивану. Онъ отскочилъ въ испугѣ и поспѣшно удалился. Собака залилась ему вслѣдъ неумолкаемымъ лаемъ, а Бабетъ съ гнѣвомъ крикнула на нее:

— Кушъ, Бабишъ! Замолчишь ли ты, несносная собаченка!

XVIII.

Прощальный вечеръ.

Отъездъ депутатовъ въ Голландію былъ назначенъ въ среду утромъ, такъ что Герману оставалось всего два дня для устройства личныхъ дѣлъ. Но онъ былъ въ такомъ тревожномъ состояніи духа, что долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы заняться приготовленіями въ дорогу, хотя ему предстояло только уложить кофрѣ и сдѣлать нѣсколько прощальныхъ визитовъ.

У Бюлова онъ пробылъ не болѣе десяти минутъ, потому что засталъ въ его кабинетѣ генерала Эбле, только что прибывшаго въ Кассель. Бюловъ сдавалъ ему дѣла военнаго министерства, которымъ завѣдывалъ послѣ отъѣзда Моріо. Оба они были давно знакомы между собою и уважали другъ друга. Послѣ Іенской битвы Эбле былъ назначенъ губернаторомъ Магдебурга и имѣлъ постоянныя сношенія съ Бюловымъ, который въ это время управлялъ тамъ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Жители Магдебурга съ сожалѣніемъ проводили генерала Эбле, успѣваго въ свое недолгое пребываніе въ городѣ, заслужить общее уваженіе, благодаря неподкупной честности.

Хотя Бюловъ, также любезно встрѣтилъ своего *protegé*, какъ всегда, и тотчасъ же познакомилъ его съ новымъ военнымъ министромъ, но самъ Германъ счелъ необходимымъ, по возможности, сократить визитъ и отправился къ французскому посланнику.

Баронъ Рейнгардъ ждалъ съ часу на часъ отпуска, чтобы уѣхать въ свое помѣстье Фалькенлустъ на Рейнѣ. Сперва онъ хотѣлъ пробыть тамъ до возвращенія короля изъ Ненндорфа, а теперь хлопоталъ о томъ, чтобы продлить срокъ своего отпуска до поздней осени. Онъ опять пригласилъ Германа заѣхать къ нему въ помѣстье на обратномъ пути изъ Голландіи; но не сдѣлалъ ему ни одного вопроса объ его личныхъ дѣлахъ; и самъ Германъ, не смотря на обѣщаніе, данное Луизѣ, не рѣшился обратиться за совѣтомъ къ барону Рейнгарду относительно своего затруднительнаго положенія.

Онъ обѣщаль провести послѣдній вечеръ у Гейстеровъ, которые по этому поводу хотѣли пригласить нѣсколькихъ близкихъ знакомыхъ. Кромѣ того, онъ долженъ былъ зайти къ Симсону, чтобы проститься съ его семействомъ, такъ какъ утромъ его не приняли и велѣли слугѣ передать ему, что его будутъ ждать вечеромъ. Германъ считалъ долгомъ вѣжливости воспользоваться приглашеніемъ; при этомъ ему хотѣлось объясниться съ Сесилью и высказать ей, насколько онъ желаетъ застать ее въ Касселѣ по своему возвращеніи изъ Голландіи. Уложивъ вещи, онъ рѣшилъ сперва отпра-

виться къ Симсонамъ, а затѣмъ къ Гейстерамъ и провести у нихъ остатокъ вечера.

Хотя онъ пришелъ къ Симсонамъ раньше обыкновеннаго, но засталъ уже нѣсколькихъ мужчинъ и дамъ и тотчасъ же замѣтилъ, къ своему огорченію, что Сесили нѣтъ въ залѣ. Г-жа Симсонъ разговаривала съ генеральшей Салà и сочла своей обязанностью представить ей Германа, хотя ей было извѣстно, что они давно знакомы другъ съ другомъ. Генеральша сдѣлала видъ, что не узнаетъ Германа, хотя, отвѣчая на его поклонъ, съ трудомъ могла удержаться отъ улыбки. Но, какъ только Германъ отошелъ отъ нихъ и заговорилъ съ Люси, падчерицей Симсона, она отвела въ сторону хозяйку дома, говоря, что хочетъ сообщить ей довольно пикантную тайну.

Между обѣими дамами существовали какія-то своеобразныя пріятельскія отношенія. У нихъ были общія дѣла, которыя онѣ тщательно скрывали отъ всѣхъ, и хотя это налагало на нихъ извѣстныя взаимныя обязательства, но не мѣшало обѣимъ при всякомъ удобномъ случаѣ говорить другъ другу колкости.

— Извѣстно ли вамъ, мадамъ Симсонъ,—шепнула генеральша Салà, что этотъ молодой человѣкъ, который, повидимому, пользуется вашимъ особеннымъ расположеніемъ способствовалъ женитьбѣ Моріо... Разумѣется, никто не могъ сообщить вамъ объ этой тайнѣ, потому что она никому не извѣстна; но я при случаѣ воспользуюсь ею, чтобы отомстить нѣкоторымъ господамъ... Только вамъ одной, изъ дружбы, я расскажу все, потому что вы рассчитываете на молодого человѣка для одного дѣла. Знайте, что онъ главный виновникъ брака Адели или, вѣрнѣе сказать, принудилъ ее выйти замужъ, за Моріо... Называйте, какъ хотите. Положимъ *c'est une bêtise*, но *bêtise*, такого рода, что не скоро услышишь что либо подобное...

— Боже мой, я не знаю, что и подумать!.. Какое несчастіе, мнѣ нужно идти!

Разговоръ былъ прерванъ прибытіемъ новыхъ гостей. Хозяйкѣ дома пришлось встрѣчать ихъ, представлять другъ другу, дѣлать надъ собой усилія, чтобы занять ихъ; но она думала только объ одномъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ, чтобы дослушать рассказъ генеральши Салà.

Между тѣмъ, Германъ узналъ отъ Люси, что Сесиль нездорова и лежитъ въ постелѣ. Передъ этимъ, онъ только-что заявилъ, что долженъ отправиться на вечеръ къ друзьямъ и не могъ рѣшиться уйти. Его занималъ вопросъ: не найдутъ ли неприличнымъ, если онъ попроситъ позволенія идти къ Сесили, чтобы проститься съ нею, хотя зналъ, что француженки въ Касселѣ не стѣснялись принимать визиты мужчинъ въ своихъ спальняхъ.

Въ это время вошелъ слуга съ письмами; одно изъ нихъ онъ подалъ Люси, другое оставилъ на подносѣ.

— Кому другое письмо? спросила Люси, распечатывая поданную ей записку.

— Мадемуазель Сесиль, отъ г-на Маренвиля, очень важное! отвѣтилъ слуга.

— Очень важное? Въ такомъ случаѣ отнесите его наверхъ и положите на столъ, если мадемуазель Сесиль...

Этотъ приказъ смутилъ Германа.

«Что это значитъ? думалъ онъ.—Положите на столъ!.. Значить, Сесили нѣтъ дома, а мнѣ сказали, что она больна!..»

Между тѣмъ, г-жа Симсонъ, выбравъ удобную минуту, оставила гостей и поспѣшила къ своей пріятельницѣ, которая съ такимъ же нетерпѣніемъ ожидала ее.

— Какъ же это могло случиться? Расскажите пожалуйста? сказала она, усаживаясь на диванъ, около генеральши Салâ.

— Вы, конечно, слышали,—начала шопотомъ генеральша,—что разъ вечеромъ Адель вернулась домой отъ оберъ-гофмейстерины блѣдная и взволнованная и, заставъ Моріо у своего брата, бросилась съ рыданіемъ къ нему на шею, умоляла о прощеніи, а затѣмъ дала ему слово. Влюбленный простакъ рассказывалъ это всѣмъ знакомымъ, приписывая внезапное согласіе Адели на бракъ увѣщаніямъ оберъ-гофмейстерины... Неправда ли, это забавно?.. Жаль, что уѣхалъ Моріо, я открыла бы ему глаза! Впрочемъ, онъ скоро вернется и Фюрстенштейнъ заплатится за оскорбленіе, нанесенное имъ моею бѣдной Мелани! Достанется брату и сестрѣ! Клянусь вамъ мадамъ Симсонъ... Если мнѣ удастся разстроить супружеское счастье генерала Моріо, то нечего и желать лучшей мести! Не правда ли?..

— Вы пугаете меня, мадамъ Салâ, хотя я все-таки не понимаю въ чемъ дѣло,—сказала вполголоса хозяйка дома и, поручивъ дочери занимать гостей, попросила свою взволнованную собесѣдницу перейти въ болѣе отдаленный уголъ комнаты.

— Если вы позволите, то мы отложимъ этотъ разговоръ до слѣдующаго раза,—сказала генеральша.—Я не желала бы обратить на насъ вниманіе общества!

Но г-жа Симсонъ хотѣла во что бы то ни стало узнать тайну, хотя бы въ общихъ чертахъ:

— Объясните мнѣ, по крайней мѣрѣ, сущность дѣла въ нѣсколькихъ словахъ!.. упрасивала она.—Я желала бы знать: откуда могли вы собрать такія подробныя свѣдѣнія о семьѣ, съ которой вы въ ссорѣ?

Хотя въ тонѣ, съ какимъ были сказаны эти слова, выражалось явное недовѣріе къ правдивости рассказа, но генеральша Салâ не обратила на это никакого вниманія и съ увлеченіемъ продолжала:

— Вѣроятно, до васъ также дошли слухи о нѣмецкихъ урокахъ, благодаря откровенности Моріо?.. Ну, вотъ, во время одного изъ этихъ

уроковъ неожиданно пріѣхалъ король къ оберъ-гофмейстеринѣ и такъ смутилъ ее своимъ внезапнымъ визитомъ, что она, не долго думая, спрятала влюбленную парочку, учителя и ученицу, въ своемъ будуарѣ... Анжелика, горничная оберъ-гофмейстерины вздумала подслушать о чемъ разговариваетъ король съ ея госпожей и черезъ спальню пробралась въ будуаръ, не подозрѣвая, что тамъ наши влюбленные...

Генеральша Салà договорила остальное на ухо хозяйки дома, которая въ первую минуту онѣмѣла отъ удивленія, а затѣмъ разразилась неудержимымъ смѣхомъ.

— Не правда ли, восхитительно? спросила генеральша.

— Вы узнали все это отъ Анжелики?

— Разумѣется! Она поступила ко мнѣ въ услуженіе, и чтобы отомстить оберъ-гофмейстеринѣ, отказавшей ей отъ мѣста, рассказала мнѣ эту исторію со всѣми ея подробностями.

Прибытіе генерала Эблэ прекратило пикантную бесѣду двухъ пріятельницъ.

Въ этотъ моментъ опять появился слуга и, подойдя къ Герману, пригласилъ его въ комнату мадемуазель Сесиль. Германъ незамѣтно вышелъ изъ залы и послѣдовалъ за слугой, который провель его въ верхній этажъ и, указавъ на дверь въ корридорѣ, скромно удалился.

Германъ нерѣшительно отворилъ дверь и онѣмѣлъ отъ удивленія, когда ему на встрѣчу вышла Сесиль въ костюмѣ пажа. Лицо ея имѣло серьезное, задумчивое выраженіе; увидя Германа, она сказала тихимъ торопливымъ голосомъ:

— Хотите прогуляться со мной до «Bellevue» и назадъ. Я накину плащъ, теперь уже сумерки, никто не обратитъ на насъ вниманія... Подождите одну минуту...

Она подошла къ зеркалу и поспѣшно застегнула двѣ пуговицы атласнаго жилета, плотно облегаващаго ея полную грудь.

— Дайте мнѣ платокъ, онъ, кажется, тамъ на диванѣ! добавила она разсѣянно.

Германъ машинально повиновался и, взявъ съ дивана надушенный батистовый платокъ, почувствовалъ въ своей рукѣ смятое письмо. Быть можетъ, любовное объясненіе отъ Маренвилля! промелькнуло въ его головѣ; онъ опустилъ письмо въ карманъ и, затѣмъ, въ смущеніи подаль платокъ Сесили.

— Положите его на туалетъ! сказала она, поправляя прическу.

Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату вошла г-жа Симсонъ. Видимо, пораженная костюмомъ племянницы, она принужденно улыбулась:

— Ну, Сесиль, ты опять въ мужскомъ нарядѣ, и еще принимаешь молодыхъ людей въ своей комнатѣ! Если бы ты знала, какъ опасенъ г-нъ докторъ въ дамскомъ будуарѣ!.. Тебѣ, вѣроятно, при-

шло въ голову сдѣлать сюрпризъ нашимъ гостямъ и ты позвала на помощь г-на доктора. Это будетъ кстати, потому что въ залѣ довольно скучно! Нѣмецкіе бароны невыносимы въ обществѣ, никто не хочетъ сдѣлать перваго шагу и разговоръ не клеится... Однако, приходите скорѣе, я съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего появленія!

Она стала оправлять туалетъ племянницы и шепнула ей на ухо нѣсколько словъ, затѣмъ, ласково кивнувъ головой Герману, поспѣшно вышла изъ комнаты.

Письмо Маренвилля застало Сесиль во время ея переодѣванія и разстроило ее. Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, она, подъ вліяніемъ досады, послала за Германомъ.

Слова тетки заставили ее опомниться. Она только теперь поняла, что ея туалетъ, вѣроятно, удивилъ Германа и, что своей опрометчивостью она могла навести его на слѣдъ тщательно скрываемой тайны. Въ первую минуту, она не нашла, чѣмъ объяснить свое переодѣваніе, но скоро овладѣла собой, накинула на себя плащъ и, взявъ подъ руку Германа, съ веселой улыбкой взглянула на него:

— Предоставляю вамъ на выборъ, г-нъ докторъ, хотите, сдѣлаемъ небольшую прогулку или же сойдемъ внизъ занимать гостей?

Германъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ печальнымъ голосомъ, — ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы видѣть васъ теперь въ обществѣ, мадемуазель Сесиль, и еще въ этомъ нарядѣ! Въ «Bellevue», по улицамъ, я также не пойду съ вами. Прошу васъ, снимите скорѣе этотъ костюмъ, хотя онъ очень идетъ къ вамъ, но мнѣ противно смотрѣть на него. Духи, которыми пропитано это платье, раздражаютъ мои нервы... Объясните мнѣ съ какой цѣлью носите вы этотъ костюмъ? Очевидно, онъ спитъ для васъ... Чей же вы пажъ, Сесиль?

Она молчала, опутивъ глаза.

— Завтра я уѣзжаю въ Голландію и пришелъ сегодня, чтобы проститься съ вами. Если вы чувствуете ко мнѣ малѣйшее расположеніе, то исполните двѣ просьбы...

Она вопросительно взглянула на него.

— Обѣщайте мнѣ, — продолжалъ онъ, что, по моемъ возвращеніи въ Кассель, я застану васъ здѣсь. Не уѣзжайте, не повидавшись со мною!

— Хорошо, я останусь, — сказала она, съ едва скрываемой улыбкой, — подожду вашего возвращенія, и тогда уѣду въ Парижъ.

— Кромѣ того, г-жа Гейстеръ, жена начальника отдѣленія министерства юстиціи, желаетъ познакомиться съ вами, примите ее, когда она явится къ вамъ съ визитомъ. Это мой первый другъ, я желалъ бы имѣть такую жену... вы увидите прелестную женщину!..

Она недовѣрчиво и съ удивленіемъ посмотрѣла на него и, послѣ минутнаго колебанія, кивнула ему головой въ знакъ согласія.

— Очень благодаренъ вамъ! сказалъ Германъ, взявъ ее за обѣ руки.—Уже поздно, мнѣ пора идти. Прощайте, мадемуазель Сесиль, вспоминайте иногда обо мнѣ.

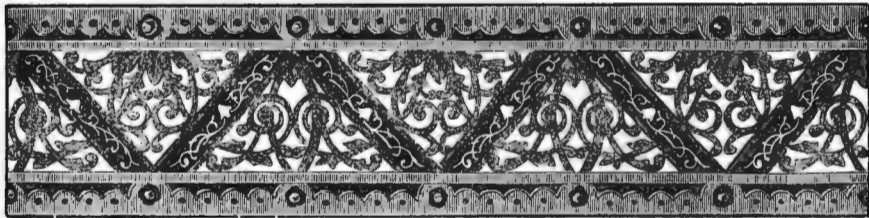
— Adieu! Bon voyage! весело произнесла она, съ ласковой улыбкой.

Беззаботный тонъ, съ какимъ она произнесла эти слова, не соотвѣтствовавшій сентиментальному настроенію Германа, а еще болѣе костюмъ пажа удержали его отъ желанія обнять Сесиль. Онъ торопливо вышелъ изъ комнаты и спустился по лѣстницѣ, которая вела къ боковому выходу изъ дома министерства.

Ночь уже наступила. Герману предстоялъ неблизкій путь до моста Фульды; но въ душѣ его происходила такая борьба противорѣчивыхъ мыслей и ощущеній, что онъ незамѣтно очутился у дома, гдѣ жили Гейстеры, и только тогда опомнился, когда увидѣлъ освѣщенные окна ихъ квартиры. Онъ старался овладѣть собою, чтобы скрыть свое печальное настроеніе духа отъ друзей. Но его встрѣтили такъ сердечно, Лина такъ мило поддерживала разговоръ за ужиномъ, что онъ незамѣтно перешелъ отъ грусти къ неудержимой веселости.

Было уже далеко за полночь, когда онъ вернулся домой. Утомленный пережитыми волненіями, онъ тотчасъ же легъ въ постель и заснулъ безмятежнымъ сномъ.

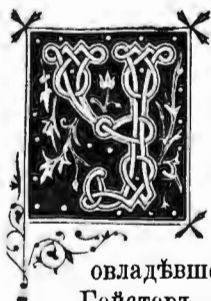

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Призваніе.

ТРОМЪ, послѣ отъѣзда Германа, Гейстеръ молча сидѣлъ за завтракомъ, собираясь идти на службу. Лина выжидала удобной минуты, чтобы заговорить съ мужемъ о занимавшемъ ее вопросѣ, хотя боялась вызвать его неудовольствіе. Она торопливо выпила двѣ чашки кофе и стала убирать со стола, чтобы скрыть мучительное безпокойство, овладѣвшее ею.

Гейстеръ докуривалъ трубку, а она все медлила съ объясненіемъ. Дѣло касалось ея визита къ Сесили. Наканунѣ Германъ не сообщилъ ей никакихъ подробностей о своемъ послѣднемъ свиданіи съ загадочной красавицей и только мимоходомъ сказалъ, что Сесиль ожидаетъ ее. Задуманный визитъ имѣлъ тѣмъ большее значеніе для молодой женщины, что между ею и Людвигомъ было рѣшено избѣгать по возможности знакомства съ г-жей Симсонъ. Теперь она сама напомнила ему объ этомъ и добавила, что вопросъ заключается не въ знакомствѣ съ г-жей Симсонъ, а въ визитѣ къ мадемуазель Геберти, у которой отдѣльная комната:—Но если даже я встрѣчу г-жу Симсонъ у племянницы, добавила она, то я надѣюсь, милый Людвигъ, что ты ничего не имѣешь противъ этого? Я воспользуюсь случаемъ, чтобы извиниться, что мы до сихъ поръ не

могли быть у ней. Вспомни сколько разъ мы были приглашены на ея вечера и, какъ будто, съ намѣреніемъ пренебрегаемъ всѣми свѣтскими приличіями..

Гейстеръ слушалъ съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что ему казалось слишкомъ скучнымъ возвращаться къ давно рѣшенному вопросу. Если онъ возставалъ противъ сближенія съ г-жей Симсонъ, то не въ видѣ исключенія, такъ какъ, вообще, хотѣлъ оградить жену отъ знакомства съ высшимъ кассельскимъ обществомъ. Ему было досадно, что Лина не хочетъ понять этого, и онъ спросилъ ее насмѣшливымъ тономъ:

— Ужъ не влюбился ли нашъ Германъ въ эту, такъ называемую, мадемуазель Сесиль?

— Кажется, никто не знаетъ ничего дурного о ней!—возразила съ досадою Лина. Она недавно пріѣхала въ Кассель..

— Все-таки она живетъ здѣсь достаточно времени, и пора бы ей прекратить свою игру въ прятки! Вѣроятно, за этой таинственностью скрывается что нибудь не совсѣмъ хорошее, если такая свѣтская дама, какъ г-жа Симсонъ держитъ свою родственницу вдали отъ большого свѣта!

— Но почему ты не хочешь допустить, Людвигъ, что сама Сесиль избѣгаетъ сближенія съ кассельскимъ обществомъ, которое не соответствуетъ ея серьезному характеру и благороднымъ стремленіямъ.

— Ты забываешь, что она парижанка! Поэтому не ручайся за нее, Лина, и не суди по себѣ... Я увѣренъ, что Германъ попался на удочку и душевно жалѣю, если это поведетъ къ разрыву нашей дружбы. Однако, не смотря на всю мою любовь и уваженіе къ нему, я не позволю какой нибудь французенкѣ переступить мой порогъ, хотя бы она была одарена всѣми совершенствами.

— Разумѣется, ты вправѣ поступать, какъ ты хочешь, Людвигъ!—возразила она. Я хотѣла собственно познакомиться съ мадемуазель Гербети, чтобы сказать о ней свое мнѣніе Герману, такъ какъ онъ надѣется, что его женитьба еще больше скрѣпитъ нашу дружбу. Мнѣ будетъ очень обидно, если я не найду ничего сказать противъ Сесили, кромѣ того, что она французенка! Твое упрямство ставитъ меня въ неловкое положеніе относительно Германа: я сама уговаривала его жениться, чтобы прекратить толки знакомыхъ относительно его дружбы съ нами. Поэтому, на мнѣ лежитъ обязанность позаботиться о томъ, чтобы онъ не ошибся въ выборѣ жены...

— Ну, отправляйся выбирать невѣсту Герману, увидимъ, что ты найдешь въ ней, а они выведутъ свои заключенія изъ твоего визита! — сказалъ раздражительно Гейстеръ и, взявъ шляпу, направился къ двери.

Лина удержала его за руку.

— Ты уходишь, Людвигъ, на цѣлый день, не прощаясь со мной,—

сказала она печально.—Твой гнѣвъ скоро пройдетъ; ты начнешь беспокоиться обо мнѣ и не будешь въ состояніи работать, а я измучаюсь при мысли, что ты сердисься на меня.

Онъ взглянулъ на нее; она сдѣлала усиліе, чтобы улыбнуться, но глаза ея были влажны отъ намернувшихся слезъ:

— Если ты непременно желаешь познакомиться съ этой мадемуазель Сесиль,—сказалъ онъ болѣе ласковымъ голосомъ,—то сдѣлай ей визитъ, хотя я знаю заранѣе, что она не понравится тебѣ... Но мнѣ пора идти. До свиданія!..

Лина задумчиво посмотрѣла ему вслѣдъ:—«Почему Людвигъ думаетъ, что Сесиль не понравится мнѣ?»—спрашивала она себя.—«Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что въ ней нѣтъ ничего хорошаго или же предполагаетъ, что я изъ ревности къ Герману увижу въ ней одно дурное?..»

Занятая своими мыслями, она опять принялась убирать со стола, и дѣлала это такъ машинально, что удивилась, когда все оказалось прибраннымъ. Объясненіе съ Людвигомъ настолько разстроило ее, что она рѣшила отложить визитъ къ Сесили до другого дня и, сдѣлавъ необходимыя распоряженія по хозяйству, отправилась къ матери.

Она застала ее въ комнатѣ Германа, занятою сниманіемъ гардинъ! На полу лежалъ узелъ съ грязнымъ бѣльемъ. Беспорядокъ въ комнатѣ непріятно подѣйствовалъ на Лину при ея тревожномъ состояніи духа:

— Какъ пусто здѣсь!—воскликнула она, забывая поздороваться съ матерью.

— Я хочу привести все въ порядокъ къ его пріѣзду,—отвѣтила г-жа Виттихъ.—Какъ ты думаешь, не велѣтъ ли побѣлить потолокъ и покрыть лакомъ дверь?

— Развѣ Германъ долженъ скоро вернуться, что ты такъ хлопчешь, мамъ?

— Онъ и самъ не знаетъ, когда вернется... Но ты знаешь, я не люблю ничего откладывать на завтра; если что сдѣлано, то и слава Богу! Нужно еще выколотить шерстяныя вещи, чтобы не завелась моль... Сдѣлай одолженіе, отвори шкафъ и посмотри—нѣтъ ли въ карманахъ платковъ, нужно бросить ихъ въ грязное бѣлье.

Въ шкафу висѣло только домашнее платье Германа и фракъ, который онъ надѣвалъ наканунѣ. Дѣйствительно въ одномъ карманѣ оказался носовой платокъ, въ другомъ—смятая бумага. Лина раскрыла ее и увидѣла, что это письмо, написанное пофранцузки красивымъ почеркомъ и съ гербовой печатью. Любопытство мучило ее; и она не знала на что рѣшиться. Но почеркъ руки былъ очевидно мужской; и письмо было такъ смято, что не могло заключать какой либо важной тайны... Наконецъ, она поддалась искушенію и

перешла въ сосѣдную комнату, гдѣ съ замираніемъ сердца прочла слѣдующее:

«Спѣшу увѣдомить васъ, дорогая Сесиль, что король прибылъ въ городъ, но не можетъ принять васъ. Онъ очень сожалѣетъ, что долженъ лишиться такого пріятнаго свиданія, хотя я лично того мнѣнія, что наша милая Сесиль вовсе не будетъ такъ огорчена этой неудачей, и даже, быть можетъ, прощаніе съ красивымъ молодымъ докторомъ доставитъ ей больше удовольствія, чѣмъ rendez-vous съ его величествомъ. Надѣюсь, что мое письмо избавитъ васъ отъ напраснаго переодѣванія, но если вы уже собрались идти и мое письмо застанетъ въ костюмѣ пажа, то, въ наказаніе за свою медленность, я съ удовольствіемъ исполню роль вашей горничной и помогу вамъ раздѣться... Затѣмъ, мнѣ поручили передать вамъ, чтобы вы пока не допускали молодого доктора до какого либо объясненія, но если это окажется невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ не лишайте его надежды. Онъ очень понравился его величеству; но Геронимъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ ревности хочетъ сперва переговорить съ вами относительно вашей будущности... Завтра я найду къ вамъ, а до этого нашъ лейбъ-медикъ Цадигъ, убѣдитъ добряка Симсона, что Люси необходимо ѣхать наводы въ Пирмонтъ для поправленія здоровья. Разумѣется, вы поѣдете вмѣстѣ съ Люси. Такимъ образомъ, дядя Симсомъ будетъ убѣжденъ, что вы въ Пирмонтѣ, а на дѣлѣ вы очутитесь въ Ненндорфѣ. Неправда ли, хорошо придумано! До свиданія!»

Фамилія была подписана довольно неразборчиво; первыя буквы покрупнѣе можно было прочесть за слово Margin, а четыре послѣднія за ille, но Лина въ эту минуту не могла разобрать ихъ, а тѣмъ менѣе сообразить, кѣмъ могло быть написано письмо. Она слышала, что мать зоветъ ее, но не въ состояніи была отвѣтить и выбѣжала на балконъ. Мысли путались въ ея головѣ отъ наплыва противорѣчивыхъ ощущеній. Голосъ матери, которая шла къ ней съ какимъ-то вопросомъ, заставилъ ее опомниться; она поспѣшно спрятала письмо въ карманъ. Ею овладѣло такое безпокойство, что она съ трудомъ поддерживала разговоръ съ матерью и воспользовалась какимъ-то предлогомъ, чтобы уйти домой.

Она не находила точки опоры для своихъ размышленій. Хотя смыслъ письма былъ достаточно ясенъ, но ее занималъ вопросъ какимъ образомъ оно могло попасть къ Герману. Вѣроятно, Сесиль получила его во время визита Германа и оставила распечатаннымъ, а онъ заинтересовался таинственнымъ посланіемъ и положилъ себѣ въ карманъ для прочтенія. Но это противорѣчило всѣмъ его принципамъ. Неужели сама Сесиль отдала ему подобное письмо? Не играетъ ли она роль кающейся грѣшницы, и Германъ хочетъ поднять ее съ почвы грѣха, а она черезъ короля доставитъ ему видное положеніе въ свѣтѣ?..

— Нѣтъ, этого быть не можетъ!—воскликнула молодая женщина, въ досадѣ на себя за подобное подозрѣніе. Образъ Германа предсталъ въ ея воображеніи, какъ бы упрекая ее за это, и она залилась горькими слезами, чувствуя себя виноватой передъ нимъ. Но онъ былъ слишкомъ далеко, чтобы дать хотя бы короткій письменный отвѣтъ на тревожившіе ее вопросы. День казался ей безконечнымъ, пока наконецъ, Людвигъ вернулся изъ министерства. Она не умѣла ни владѣть собой, ни скрыть своихъ осущеній, такъ что, взглянувъ на ея разстроенное лицо, онъ спросилъ съ безпокойствомъ.

— Что съ тобой, Лина? Ты, вѣроятно, была у Симсоновъ и что нибудь огорчило тебя?

Она съ улыбкой взглянула на него, тронутая его участіемъ.

— Надѣюсь, тебѣ не сказали ничего непріятнаго? У тебя такой странный видъ, говори, въ чемъ дѣло!

Присутствіе Людвига какъ всегда успокоительно подѣйствовало на нее; и она почувствовала, что у ней сразу стало легко на сердцѣ. Веселое настроеніе духа опять вернулось къ ней, и она бросилась къ нему на шею:

— Я не была тамъ, Людвигъ,—сказала она съ таинственнымъ видомъ,—но убѣдилась, что въ этой Сесили, дѣйствительно, нѣтъ ничего хорошаго!—Отгадай, какъ это случилось...

Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Ну, такъ и быть, не стану мучить тебя. Видишь ли я была у матери, мы убрали комнату Германа и, случайно, въ карманѣ фрака, въ которомъ онъ былъ у Симсоновъ нашлось это письмо, которое подтверждаетъ твои подозрѣнія.

Гейстеръ взялъ письмо и сталъ читать, а она, не спуская съ него глазъ, внимательно слѣдила за выраженіемъ его лица.

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ, складывая письмо,—теперь ты сама убѣдилась, что заставляло ее играть роль затворницы, принабрегающей обществомъ! Не говоря уже о содержаніи письма, подпись Маренвилля достаточно краснорѣчива...

— Но скажи мнѣ, Людвигъ, какъ могло попасть это письмо въ карманъ Германа?

— Не берусь отвѣтить на такой вопросъ. Тамъ, гдѣ все покрыто таинственностью, трудно выводить какія либо заключенія.

— Если бы ты зналъ сколько страданій доставило мнѣ это письмо. Я чувствовала себя такой несчастной...

— Несчастной? почему это, моя дорогая?—сказалъ онъ ласково, взявъ ее за руку.

— Неужели ты не понимаешь причины моего огорченія? Представь себѣ, если нашъ Германъ...

Она замолчала, чувствуя, что онъ пристально смотритъ на нее.

— Нѣтъ, Лина, твое горе мнѣ вполнѣ понятно!—сказалъ онъ, понизивъ голосъ.—Ты любишь Германа...

Она вздрогнула. Мертвенная блѣдность покрыла ея лицо, но это продолжалось одно мгновеніе; она подняла голову и спокойно встрѣтила его взядъ:

— Да, Людвигъ, въ виду постыднаго обмана, который готовился ему, я окончательно убѣдилась, что люблю его! Но мнѣ нечего краснѣть за эту любовь, и я знаю, что ты поймешь меня... Германъ не знаетъ и никогда не будетъ знать того, что чувствуетъ къ нему мое сердце, которое попрежнему принадлежитъ тебѣ. Не отталкивай меня, Людвигъ, отъ твоей честной груди, только съ тобой я могу быть счастлива...

Она закрыла себѣ лицо обѣими руками и заплакала.

Гейстеръ, тронутый ея признаніемъ, крѣпко обнялъ ее; она прижалась къ нему и положила голову на его плечо. Нѣсколько минутъ они сидѣли молча, подъ влияніемъ отраднаго чувства, вызваннаго сознаніемъ полного взаимнаго пониманія и довѣрія другъ къ другу.

О письмѣ они больше не упоминали въ этотъ день.

II.

Визитъ.

На слѣдующее утро Лина проснулась въ болѣе спокойномъ настроеніи духа и могла хладнокровно обдумать свое положеніе. Она не жалѣла о томъ, что во всемъ призналась мужу, потому что, вмѣстѣ съ чувствомъ глубокой благодарности за его великодушіе, у ней явилось какъ бы оправданіе ея привязанности къ Герману. Развѣ она не любила попрежнему мужа и не отдавала полную справедливость его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ? Она не измѣнитъ ему, всегда останется нѣжной заботливой женой, будетъ предупреждать его малѣйшія желанія.

Успокоенная этими размышленіями, она начала усиленно думать о Германѣ, который сталъ еще дороже ея сердцу, и она рѣшилась во что бы то ни стало спасти его отъ грозившей ему опасности. Черезъ нѣсколько дней, она собралась съ визитомъ къ Сесилии и, доѣхавъ въ наемномъ экипажѣ до дома министерства юстиціи, гдѣ была квартира Симсоновъ, велѣла доложить о себѣ.

Слуга, согласно полученному заранѣе приказанію, провелъ ее въ гостинную г-жи Симсонъ, которая приняла гостью съ изысканною вѣжливостью, подъ которой старалась скрыть свое смущеніе. Сесиль сообщила теткѣ о намѣреніи г-жи Гейстеръ посѣтить ее; и жена министра объяснила это по своему, предполагивъ извѣстныя отношенія между Германомъ и красивой молодой женщиной. Но не въ этомъ заключалась причина ея смущенія. Сесиль скоро замѣ-

тила, что письмо исчезло; и, такъ какъ всѣ ея поиски оказались напрасными, то она не могла отдѣлаться отъ мысли, что Германъ унесъ его. Поэтому она находилась въ сильномъ безпокойствѣ, равно и ея тетка, которая была повѣренной всѣхъ ея тайнъ; между ними было рѣшено сдѣлать попытку: нельзя ли что вывѣдать отъ Лины, хотя, конечно, имъ не могло прійти въ голову, что письмо очутилось въ ея рукахъ.

— Вы желали видѣть мою племянницу,—сказала хозяйка дома, усаживая Лину на диванъ,—но Сесиль уѣхала вчера...

— Во Францію?—спросила съ живостью Лина, прерывая ее.

Г-жа Симсонъ увидѣла въ этомъ вопросѣ ревнивую радость влюбленной женщины и отвѣтила съ лукавой улыбкой:

— Нѣтъ. Да и мнѣ было бы слишкомъ тяжело разстаться съ моей любимицей! Она уѣхала не дальше Пирмонта. Дочь моя больна съ весны, и докторъ Цадигъ прописалъ ей Пирмонтскія воды; я не могла ѣхать съ нею, и Сесиль вызвалась сопровождать ее. Моя племянница будетъ сожалѣть, что не видѣла васъ, а я позволила себѣ воспользоваться вашимъ рѣдкимъ визитомъ, хотя онъ и не относится ко мнѣ!

Лина извинилась, что до сихъ поръ, вслѣдствіе слабаго здоровья мужа, не могла воспользоваться любезными приглашеніями г-жи Симсонъ и выразила сожалѣніе, что не застала мадемуазель Сесиль, о которой она такъ много слышала отъ Тейтлебена.

— Онъ говорилъ вамъ о Сесили?—спросила г-жа Симсонъ, взглянувъ пристально на свою собесѣдницу.—Въ послѣдній вечеръ мы были немного удивлены... Скажите, пожалуйста, когда онъ пришелъ къ вамъ, вы не замѣтили ничего особеннаго... Какъ объяснить это... Не былъ ли онъ печальнѣе обыкновеннаго?

— Нѣтъ, я ничего не замѣтила. Онъ засталъ у насъ небольшое общество; и мы очень пріятно провели время.

— Въ самомъ дѣлѣ?... Если я рѣшилась спросить васъ объ этомъ, то потому, что, г. докторъ, внезапно исчезъ отъ насъ, хотя я уговаривала его сойдти внизъ съ Сесилью и занять моихъ скучающихъ гостей... Сесиль позвала его въ свою комнату; она была одѣта пажемъ и, кажется, они репетировали вдвоемъ какую-то сцену... Вы не можете себѣ представить какой сценической талантъ у моей племянницы; когда у насъ собирается интимное общество, она является въ разныхъ роляхъ и, кромѣ того, съ замѣчательнымъ искусствомъ копируетъ нѣкоторыхъ лицъ... Кстати, не говорилъ вамъ г. докторъ, почему онъ скрылся отъ насъ съ такой поспѣшностью?...

— Ни слова! Онъ пришелъ къ намъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа, но довольно поздно, когда уже собрались остальные гости и тотчасъ же увлекся общимъ разговоромъ. Только мимоходомъ сообщилъ онъ мнѣ, что мадемуазель Сесиль изъявила согласіе принять меня. На слѣдующее утро онъ уѣхалъ...

Лина, занятая своими мыслями, говорила довольно разсѣянно и тотчасъ же поднялась съ мѣста, когда хозяйка дома объявила ей, что ожидаетъ визита Маренвилля. Она хотѣла избѣжать встрѣчи съ нимъ, но это не удалось ей, и они сошлись на лѣстницѣ. Маренвилль почтительно поклонился ей и выразилъ сожалѣніе, что опоздалъ нѣсколькими минутами.

— Мнѣ тѣмъ досаднѣе на себя,—сказалъ онъ,—что я могъ бы задержать васъ, хотя бы на нѣсколько минутъ у г-жи Симсонъ, и знаете ли, какимъ способомъ? Я передалъ бы вамъ лестный отзывъ его величества о Людвигѣ Гейстерѣ. Надѣюсь, что объ этомъ вы позволяете мнѣ говорить съ вами, а послѣ вашего ухода у насъ былъ бы богатый сюжетъ для бесѣды съ мадамъ Симсонъ, такъ какъ можно не стѣсняясь восхищаться красотой женщины въ ея отсутствіе.

Лина не привыкла къ такой утонченной лести, и въ первую минуту не нашлась, что отвѣтить, тѣмъ болѣе, что пріятная наружность Маренвилля совершенно не соответствовала тому мнѣнію, какое она составила о немъ. Она недовѣрчиво улыбнулась и, напомнивъ ему, что «г-жа Симсонъ ожидаетъ его», стала спускаться съ лѣстницы.

Вернувшись домой, она рассказала мужу о своемъ визитѣ къ г-жѣ Симсонъ и встрѣчѣ съ Маренвиллемъ.

— Знаешь ли, Людвигъ, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня сегодня? Я убѣждена, что человѣкъ съ такой привлекательной наружностью не можетъ быть настолько дурень, какъ о немъ говорятъ. Кто поручится, что въ этомъ случаѣ не играетъ роль людская зависть.

— Прекрасно, Лина!—возразилъ со смѣхомъ Гейстеръ.—Я вижу, что ты вполнѣ поняла личность Маренвилля и даже являешься его защитницей. Ты вѣдь также дочь Евы: сдѣлай одолженіе, не протягивай руки къ древу познанія добра и зла, иначе мнѣ придется высказать такія истины, которыя будутъ непріятны тебѣ. Эти *goués* имѣютъ рѣдкій успѣхъ у женщинъ. Вы гонитесь за новизной, не хотите вѣрить общественному мнѣнію; вамъ нужно убѣдиться: дѣйствительно ли за пріятной наружностью скрывается столько пошлости и пороковъ, какъ говорятъ другіе.

— Ну, вотъ, ты опять попалъ на свою любимую тему, — сказала Лина, немного задѣтая словами мужа, и чтобы переменить разговоръ, она опять подняла вопросъ о таинственномъ письмѣ: — Теперь,—сказала она,—можно отчасти объяснить себѣ, какимъ образомъ письмо попало въ руки Германа; сама г-жа Симсонъ проговорилась, что онъ засталъ Сесиль въ костюмѣ пажамъ...

— Вѣроятно, въ такомъ костюмѣ она дѣлаетъ визиты королю. Это можно предположить не только по смыслу письма, но и по общему характеру придворныхъ интригъ. Вѣдь у насъ въ Касселѣ

постоянный карнавал! Мы видимъ здѣсь самое разнородное общество людей, собравшихся со всѣхъ концовъ Европы, женщинъ, не признающихъ никакихъ нравственныхъ принциповъ, для которыхъ наслажденіе составляетъ конечную цѣль жизни. Онѣ милы, ловки, обходительны, искусно выполняютъ всевозможныя роли, не хуже актрисъ *par profession*, и чтобы привязать къ себѣ своихъ поклонниковъ пускаются на всѣ уловки...

— Ты правъ, Людвигъ, сама г-жа Симсонъ хвасталась, что ея племянница обладаетъ рѣдкимъ сценическимъ талантомъ, что, вѣроятно, и обольстило нашего Германа. Но, быть можетъ, костюмъ пажа показался ему подозрительнымъ, и онъ, найдя письмо въ ея комнатѣ, потихоньку унесъ его. Вѣроятно, Сесиль замѣтила пропажу и заподозрила въ этомъ Германа; иначе г-жа Симсонъ не стала бы спрашивать меня, въ какомъ расположеніи духа явился тогда къ намъ Германъ...

— Разумѣется, — отвѣтилъ Гейстеръ, — но если даже Германъ, дѣйствительно, унесъ письмо, то онъ едва ли могъ прочитать его на улицѣ, а затѣмъ забылъ о немъ среди веселаго разговора и, вернувшись домой усталый и немного навеселѣ, тотчасъ легъ спать. Такимъ образомъ письмо осталось въ карманѣ фрака, потому что если бы оно было прочитано имъ, то онъ или разорвалъ бы его, или взялъ съ собою...

— Если такъ, то Германъ никогда не узнаетъ о злополучномъ письмѣ! — сказала Лина. — По крайней мѣрѣ, онъ будетъ избавленъ отъ того огорченія, что полюбилъ недостойную женщину и ошибся въ ней.

— Я ничего не имѣю противъ этого, — возразилъ Гейстеръ, — но если Маренвилль имѣетъ виды на Германа и хочетъ провести его, то мы ничѣмъ не разувѣримъ нашего друга, какъ этимъ письмомъ, послѣ котораго у него не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Мы обязаны предостеречь его, иначе, по возвращеніи въ Кассель, онъ опять возобновитъ сношенія съ Геберти, и мы упустимъ удобный моментъ.

Лина не раздѣляла мнѣнія своего мужа, такъ какъ боялась задѣть самолюбіе Германа. Она скорѣе готова была передать письмо Сесили, чтобы заставить ее выѣхать изъ Касселя до пріѣзда Германа, но зная настойчивость Людвигъ, не рѣшилась противорѣчить ему.

Слѣдующіе дни прошли незамѣтно. Германъ послалъ министру донесеніе, а Линѣ длинное письмо съ подробнымъ описаніемъ путешествія, которое доставило ей тѣмъ большее удовольствіе, что она видѣла въ этомъ доказательство его дружбы къ ней.

Между тѣмъ, король съ своими приближенными уѣхалъ на воды въ Ненндорфъ, и Лина менѣе всего могла ожидать, что это будетъ имѣть какое либо отношеніе къ ней. Поэтому она была очень удив-

лена, когда Людвигъ, однажды утромъ, въ необычное время, вернулся домой изъ министерства въ самомъ веселомъ настроеніи духа и спросилъ ее:

— Не хочешь ли ты, Линхенъ, ѣхать со мной въ Ненндорфъ?

— Ты ѣдешь въ Ненндорфъ! По какому случаю?

— Для словеснаго доклада королю объ одномъ дѣлѣ...

— Видишь ли,—замѣтила она съ довольной улыбкой,—Маренвилль сказалъ мнѣ тогда правду! Значить, съ его стороны это все не была одна свѣтская любезность, какъ ты предполагалъ.

— На этотъ разъ ты была права. Передъ своимъ отъѣздомъ, онъ зашелъ къ Симсону и сказалъ, чтобы онъ посылалъ меня въ Ненндорфъ для словесныхъ докладовъ королю во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда письменныя донесенія покажутся ему недостаточными. Симсонъ сообщилъ мнѣ объ этомъ сегодня, потому что теперь у него на очереди нѣсколько такихъ дѣлъ. Помимо разныхъ другихъ вопросовъ, нужно представить его величеству для предварительнаго просмотра рѣчь Миллера, которую онъ произнесетъ въ отсутствіе короля при закрытіи рейхстага. Затѣмъ, одинъ изъ депутатовъ рейхстага, Геберлинъ, безнадежно боленъ: онъ занималъ мѣсто профессора правъ въ Гельмштедтѣ и при этомъ пользуется большой извѣстностью за свои сочиненія и почтенную общественную дѣятельность. Симсонъ не хочетъ упустить такого удобнаго случая, и, чтобы выставить легкомысленнаго короля въ благопріятномъ свѣтѣ передъ его подданными, предлагаетъ его величеству назначить пенсію въ 1,800 франковъ вдовѣ Геберлина и воспитать его дѣтей на казенный счетъ.

— Но когда ты думаешь ѣхать? — спросила Лина.

— Не далѣе, какъ сегодня, часа черезъ два. Я нарочно зашелъ домой сказать тебѣ, чтобы ты занялась приготовленіями къ дорогѣ. Надѣюсь, ты побѣдешь со мною. Ненндорфъ и вся долина Везера славятся своими прекрасными видами, а на обратномъ пути мы заѣдемъ въ Пирмонтъ.

Лина не могла прійти въ себя отъ удивленія. Хотя ея мужъ постоянно заботился о томъ, чтобы доставить ей то или другое удовольствие и предупреждалъ всѣ ея желанія, но любезность его никогда не простиралась до рѣшимости представить ее ко двору и ввести въ знатное кассельское общество. Ревность Гейстера къ женѣ была, такъ сказать, разсудочная; сердце мало участвовало въ ней. Онъ сравнительно спокойно выслушалъ, когда Лина призналась ему въ любви къ Герману, потому что одинаково довѣрялъ обоимъ; но всякое ухаживаніе за его женой, со стороны развратнаго человѣка, онъ считалъ униженіемъ ея женскаго достоинства и личнымъ оскорбленіемъ для него самого. Въ этомъ случаѣ онъ не могъ бы поручиться за себя и былъ въ состояніи дойти до послѣдней крайности. Но теперь ничего подобнаго не

приходило ему въ голову; они не располагали провести сезонъ на водахъ, ни знакомиться съ обществомъ. Онъ не имѣлъ пока никакихъ поводовъ для безпокойства; къ тому же здоровье его значительно улучшилось, а почетное порученіе удовлетворяло его честолюбіе.

Молодая женщина поспѣшила изъявить свое согласіе, тѣмъ болѣе, что предстоящее путешествіе рисовалось ея воображенію въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Кромѣ того, съ мыслью о Ненндорфѣ у нея была связана надежда встрѣтить тамъ Сесиль, хотя она не сочла нужнымъ высказать этого.

— Очень радъ, что мы поѣдемъ вмѣстѣ!—возразилъ Гейстеръ.— Я окончу работу въ министерствѣ и закажу экипажъ, а ты уложи бѣлье и платье къ моему возвращенію. Распорядись также, чтобы пораньше былъ поданъ обѣдъ; мы тотчасъ же двинемся въ путь. Ночевать будемъ въ Карлсгафенѣ, проведемъ тамъ вечеръ и насладимся прелестнымъ утромъ. Ты увидишь отвѣсныя горы, отчасти покрытыя растительностью, частью совершенно обнаженныя, которыя поразятъ тебя своимъ величіемъ. Везеръ необыкновенно красивъ въ этомъ мѣстѣ, а когда мы переѣдемъ мостъ и спустимся на Бременскую дорогу, передъ нами откроется долина, грандіозная по своей величинѣ. Ты будешь въ полномъ восторгѣ, Лива!... Однако, мнѣ пора идти, я скоро вернусь...

Съ этими словами Гейстеръ поспѣшно удалился.

III.

Денежныя и другія дѣла.

Донесеніе Германа вполне удовлетворило министра финансовъ со стороны формы и ясности изложенія, хотя содержаніе его было далеко не утѣшительное.

— Я былъ увѣренъ, что изъ этого дѣла ничего не выйдетъ,—сказалъ Бюловъ, обращаясь къ своему секретарю,— и поэтому хлопоталъ, чтобы переговоры были ведены депутатами рейхстага. Заемъ въ Голландіи не удался, она вовсе не желаетъ идти на подобный рискъ.

— Дѣйствительно, въ настоящемъ случаѣ, вашему превосходительству ничего не оставалось, какъ устранить себя отъ всякаго участія въ дѣлѣ,—возразилъ Провансаль.— Теперь никто не подумаетъ обвинять депутатовъ и для всѣхъ будетъ ясно, что недобрыя биржевого міра прямо относится къ молодому государству; но если бы переговоры шли черезъ васъ, то враги ваши могли бы сказать, что Бюловъ не имѣетъ кредита и не годится въ министры финансовъ.

— Тѣмъ не менѣе, мнѣ придется доставить богатую пищу зло-словію моихъ враговъ,—сказалъ Бюловъ,—такъ какъ я хочу пу-стить въ ходъ мой личный кредитъ и попытаться: нельзя ли бу-детъ сдѣлать внутренній заемъ. Вотъ тутъ я набросалъ общій планъ въ цифрахъ. Одно изъ двухъ: государство должно имѣть или внѣшній, или внутренній кредитъ, если заявляетъ претензію на существованіе. Теперь весь вопросъ въ томъ, въ состояніи ли наше королевство выйти изъ затрудненія собственными силами. Я предлагаю заемъ внутри государства; нужно только сдѣлать точный расчетъ, чтобы онъ не былъ слишкомъ обременителенъ. Мой проектъ долженъ быть выработанъ до возвращенія депутатовъ изъ Голландіи...

— Ваше превосходительство имѣетъ въ виду добровольный заемъ?

— Да, и я рассчитываю собрать такимъ образомъ требуемые двадцать милліоновъ, потому что долгъ будетъ обезпеченъ доходами государства и погашаться постепенно. Разумѣется, придется прежде всего выпустить облигаціи; но если послѣ трехъ назначенныхъ для этого сроковъ, облигаціи не разойдутся, то мы вынуждены будемъ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ... Но пока я не сообщаю вамъ никакихъ подробностей, потому что нужно хорошенько все обдумать...

— Но развѣ нѣтъ никакой надежды на Голландію?—спросилъ Провансаль.

— Никакой, кромѣ жалкаго займа въ два милліона франковъ и на довольно стѣснительныхъ условіяхъ! Скажу вамъ по секрету, Провансаль, что я хочу предоставить эту сумму въ распоряженіе главнаго казначея Дюшамбона; пусть онъ нянчится съ голландцами. Все равно, необходимо во что бы то ни стало покрыть долгъ Геронима. Какъ вамъ извѣстно, онъ занялъ ровно два милліона, чтобы имѣть возможность выѣхать изъ Парижа и водвориться королемъ въ Кассель. На него самого рассчитывать нечего: вмѣсто того, чтобы выплачивать постепенно свой частный долгъ, какъ этого требуютъ честь и справедливость, онъ самовольно перевелъ эти два милліона на государственное казначейство. Должно быть, не одни Бурбоны способны сказать: *L'Etat c'est moi!*.. Легкомысленному Герониму и въ голову не приходитъ, что изъ-за него между мною и главнымъ казначеемъ происходятъ постоянныя столкновенія, не только непріятныя для насъ, но и вредныя для дѣла...

Новый, задуманный имъ, проектъ настолько занималъ Бюлова, что онъ въ тотъ же день написалъ Герману, чтобы онъ обращался за дальнѣйшими инструкціями къ королевскому секретарю Маренвиллю и пр. первой возможности возвращался въ Кассель. Въ числѣ другихъ новостей, онъ сообщалъ, что въ сентябрѣ Наполеонъ прибудетъ въ Эрфуртъ для свиданія съ императоромъ Александромъ,

вслѣдствіе чего французскій посланникъ отказывается отъ поѣздки въ Фалкенлустъ и только уѣдетъ дня на два въ Веймаръ для свиданія съ Гёте.

Германъ, получивъ это извѣстіе, отложилъ экскурсію на Рейнъ и написалъ Линѣ о своемъ скоромъ возвращеніи, но письмо его не застало Гейстеровъ въ Касселѣ и было отправлено матерью Лины въ Ненндорфъ.

Гейстеры, переночевавъ въ Карлсгафенѣ, на слѣдующій день, вечеромъ, прибыли въ Ненндорфъ, гдѣ остановились въ главной гостинницѣ. Начиная отъ Роденберга, вся тѣнистая аллея, которая ведетъ черезъ Клейнъ-Ненндорфъ къ минеральнымъ водамъ, была переполнена публикой. Присутствіе короля привлекло многихъ посѣтителей изъ сосѣдняго Ганновера, Бюкебурга и Миндена, не считая семействъ, послѣдовавшихъ за дворомъ изъ Касселя. Вдали слышались звуки музыки, игравшей передъ замкомъ, гдѣ на террасѣ съ колонками собралось избранное общество.

Всѣ номера гостинницы были заняты, только во второмъ этажѣ случайно освободилась большая комната съ альковомъ, гдѣ и помѣстились Гейстеры. Онъ поспѣшилъ въ замокъ, чтобы передать письма и представиться дежурному камергеру, который долженъ былъ доложить королю объ его прибытіи. Лина занялась туалетомъ, такъ какъ Людвигъ обѣщалъ, по возвращеніи, идти съ нею гулять.

Дома, построенные еще при курфирстѣ, были передѣланы заново и украшены красивыми балконами и террасами, обвитыми зеленью. Въ тѣнистыхъ мѣстахъ были поставлены скамьи, или устроены бесѣдки, которыя почти всѣ были заняты публикой. Гейстеры, пройдя нѣсколько шаговъ по аллеѣ, увидѣли баронессу фонъ-Шеле, статсъ-даму вестфальской королевы, съ которой познакомились у Энгельгардтовъ, на помолвкѣ Терезы. Она сидѣла одна на скамейкѣ съ книгой и, видимо, обрадовалась встрѣчѣ съ ними. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и разспросовъ, баронесса вызвалась сопутствовать имъ въ прогулкѣ.

Лина спросила ее: не лѣбится ли она минеральными водами въ Ненндорфѣ?

— Нѣтъ,—возразила баронесса,—я хочу посѣтить родныхъ въ Ганноверѣ и заѣхала сюда, чтобы взглянуть на эти мѣста, которыя дороги мнѣ по воспоминаніямъ. Въ Ненндорфѣ я познакомилась съ моимъ мужемъ, и мы провели здѣсь медовый мѣсяць.

— Но гдѣ вашъ мужъ?—спросила Лина.

— Королева назначила его своимъ камергеромъ и увезла съ собою въ путешествіе. Кстати, расскажите, что дѣлается въ Касселѣ, я думаю, онъ сильно опустѣлъ послѣ отъѣзда двора?

Гейстеръ, попавъ на любимую тему, началъ описывать въ мрачныхъ краскахъ пустоту и безнравственность кассельской жизни, которая, по его словамъ, оставалась неизмѣнною.

Въ это время они дошли до вершины горы и остановились, чтобы полюбоваться прелестнымъ видомъ, который открывался передъ ними. Заходящее солнце освѣщало обширный ландшафтъ золотистымъ свѣтомъ и отражалось въ готическихъ окнахъ церквей, разбросанныхъ по долинѣ.

Когда они возвращались домой черезъ паркъ, почти пустынный въ этотъ часъ дня, баронесса заговорила о легкомысленномъ образѣ жизни вестфальскаго короля.

— Хотя я здѣсь недавно, но убѣдилась, что дамы едва успѣваютъ смѣнять другъ друга. На прошлой недѣлѣ приѣзжала графиня Эрнестина и провела нѣсколько дней въ Ненндорфѣ подъ предлогомъ болѣзни, хотя вмѣсто доктора ее навѣщаль Геронимъ и, вѣроятно, успокоилъ ея нервы. Затѣмъ явилась сюда красивая БIANKA Лафлешъ и получила въ подарокъ самое дорогое ожерелье, какое можно было купить здѣсь. Она уступила мѣсто генеральшѣ Кудра, которая въ свою очередь получила дамскій орденъ отъ Геронима. Этой дочери тюремнаго смотрителя въ Мецѣ и во снѣ не снилось ничего подобнаго во времена ея веселой юности...

— Вы слишкомъ строго относитесь къ этимъ дамамъ!—замѣтилъ съ улыбкой Гейстеръ.

— Нѣтъ, я только сообщаю факты; меня нельзя упрекнуть въ въ пристрастіи, потому что я занимаюсь наблюденіями изъ любви къ искусству. Наши придворныя дамы дѣлятся на двѣ партіи: тѣ изъ нихъ, которыя на сторонѣ короля только слѣдятъ другъ за другомъ изъ тщеславной ревности или корыстолюбія; остальные, стоящія на сторонѣ королевы, стараются изъ любви и уваженія къ ней не знать и не видѣть того, что дѣлается при дворѣ. Я единственная между ними занимаюсь наблюденіями, и какъ вы думаете, съ какой цѣлью?

— Чтобы какъ можно скорѣе забыть о нихъ!—возразила съ улыбкой Лина.

— Напротивъ, я записываю все, что вижу и слышу; у меня уже составила цѣлая поэма и такая длинная, что врядъ ли кто рѣшится прочесть ее... Вотъ мы дошли до вашей гостинницы!—добавила баронесса, понизивъ голосъ. — Здѣсь также король бываетъ довольно часто у мадемуазель Делагэ, падчерицы министра Симсона.

— Развѣ Люси здѣсь?—спросила Лина.—Мнѣ сказали, что она пьетъ желѣзныя воды въ въ Пирмонтѣ!

— Нѣтъ, она лѣчится сѣрными водами въ Ненндорфѣ, или, вѣрнѣе сказать, ежедневно ходитъ къ источнику въ видѣ прогулки. Она приѣхала сюда не съ цѣлью поправленія здоровья, а для пикантной красавицы, которая изрѣдка появляется въ публикѣ. Вы, вѣроятно, слышали о ней въ Касселѣ: ея фамилія Геберти... А теперь до свиданія, я отправлюсь въ мою гостинницу.

Баронесса остановилась и хотѣла идти. Но Гейстеры вызвались проводить ее, такъ какъ уже стало замѣтно темнѣть.

Разговоръ продолжался на ту же тему. Лина попросила дозволенія у баронессы прійти къ ней на слѣдующее утро, пока ея мужъ будетъ у короля съ докладомъ.

— Пожалуйста, вы доставите мнѣ этимъ большое удовольствіе! Я готова остаться здѣсь лишній день, чтобы пользоваться вашимъ милымъ обществомъ; вы также пробудете здѣсь недолго и, вѣроятно, не будете заводить новыхъ знакомствъ. Но вотъ мы и дошли! Благодарю васъ...

Съ этими словами баронесса простилась съ ними. Гейстеры молча вернулись къ себѣ въ гостинницу.

IV.

Случайность.

На слѣдующее утро, король, окончивъ туалетъ, велѣлъ позвать Гейстера, о прибытіи котораго ему доложили наканунѣ.

Когда Гейстеръ явился въ замокъ, Маренвилль тотчасъ же вышелъ къ нему и провелъ въ кабинетъ короля, который принялъ его очень милостиво и изъявилъ желаніе выслушать приготовленный имъ докладъ. Но къ дѣламъ Иеронимъ отнесся съ своимъ обычнымъ легкомысліемъ и нѣкоторыя изъ нихъ рѣшилъ сразу, чему отчасти способствовала его природная смѣтливость и быстрота соображенія. Когда зашла рѣчь объ обезпеченіи семьи депутата Гейберлина, онъ безпрекословно изъявилъ свое согласіе и велѣлъ написать объ этомъ Симсону, говоря, что забота о существованіи еще болѣе увеличивала бы горе несчастной женщины при потерѣ мужа. Но такъ какъ молодой король, вообще, не отличался усидчивостью, то вниманіе его скоро утомилось, и, не дослушавъ окончанія доклада, онъ попросилъ Гейстера прійти къ нему на слѣдующій день.

— Вы прекрасно сдѣлали, что привезли съ собой жену, г. Гейстеръ,—сказалъ онъ.—Но есть ли у ней здѣсь знакомые, чтобы она не скучала въ тѣ часы, когда я разлучаю ее съ мужемъ?

— Баронесса фонъ-Шеле обѣщала, ваше величество, пробыть здѣсь лишній день для моей жены,—отвѣтилъ Гейстеръ.

— Ну, это не особенная находка для вашей жены, если она не чувствуетъ пристрастія къ декламациі! — возразилъ со смѣхомъ Иеронимъ.— Впрочемъ, здѣсь, на водахъ, легко завязываются знакомства; и въ этомъ не можетъ быть недостатка... Маренвилль говорить, что ваша жена красавица и очень милая женщина...

— Мнѣ очень лестно слышать это, ваше величество!—сказалъ

Гейстеръ.—Конечно, я, какъ любящій мужъ, нахожу въ ней всевозможныя достоинства.

— Такъ и должно быть! Постарайтесь провести какъ можно пріятнѣе время въ Ненндорффѣ. До свиданія!

Гейстеръ удалился съ почтительнымъ поклономъ, и постепенно шумъ его шаговъ затихъ въ сосѣдней залѣ.

— Eh bien, Маренвилль! — сказалъ съ живостью король, обращаясь къ своему секретарю.—Что вы рѣшили? Я хочу непременно видѣть эту красавицу, которая такъ очаровала васъ. Съ чего мы начнемъ?

— Гейстеръ привезъ ее сюда, что значительно облегчаетъ дѣло. Я не могъ предвидѣть ея пріѣзда, хотя отчасти рассчитывалъ на это, отдавая распоряженія прислать сюда ея супруга для доклада. Надѣюсь, вы отдадите справедливость моей сообразительности.

— Не хвастайтесь, Маренвилль! Пожалуй, вы испортите все дѣло своей самоувѣренностью... Ну, а дальше?

— Красавица изъявляла желаніе познакомиться съ Сесилью; не знаю, что руководить ею въ этомъ случаѣ: дружба къ красавцу доктору, или ревность.

— Тѣмъ лучше, если она въ связи съ нимъ; это доказываетъ только, что ея сердце жаждетъ любви. Но какимъ образомъ вы устроите мнѣ свиданіе съ нею?

— Я пойду къ Сесили,—продолжалъ Маренвилль,—чтобы убѣдить ее отплатить визитъ г-жѣ Гейстеръ и условиться съ нею относительно совмѣстной вечерней прогулки. Разумѣется, все это будетъ сдѣлано какъ бы для меня, я разыграю роль влюбленнаго. А вашему величеству остается только приказать: въ какомъ мѣстѣ вамъ будетъ угодно познакомиться съ этой прелестной женщиной?

— Я думаю у минеральнаго источника!

— Прекрасно! Это тѣмъ удобнѣе, что у насъ тамъ все устроено для подобныхъ случаевъ. Дамы, пройдя длинную аллею до заведенія минеральныхъ водъ, съ удовольствіемъ примутъ предложеніе хозяйки зайти въ зеленую комнату для отдыха. Люси, по обыкновенію, останется въ саду, Сесиль выйдетъ чтобы распорядиться относительно десерта. Красавица очутится одна; вы войдете неожиданно и познакомитесь съ нею. Нужно только придумать благовидный предлогъ, чтобы удалить Сесиль.

— Я вполне одобряю этотъ планъ,—сказалъ король,—но согласится ли молодая женщина пойти на прогулку съ Сесилью?

— Да, если она пригласитъ и супруга.

— Развѣ нельзя обойтись безъ его общества, Маренвилль?

— Супругъ не пуститъ ее безъ себя; но я беру его на свое попеченіе. Въ тотъ моментъ, когда всѣ они соберутся на прогулку, онъ долженъ будетъ явиться ко мнѣ по экстренному дѣлу, такъ что дамы пойдутъ впередъ.

— А вы, Маренвилль, задержите его на нѣкоторое время и затѣмъ вызовитесь идти вмѣстѣ съ нимъ къ источнику. Проходя по саду, вы можете блеснуть свѣдѣніями въ ботаникѣ и обращать вниманіе своего спутника на болѣе рѣдкія растенія.

— Однимъ словомъ, вашему величеству угодно, чтобы я по возможности продлил свой tête-à-tête съ этимъ скучнымъ нѣмцемъ, пока вы не убѣдитесь: принадлежитъ ли его жена къ виду мимозъ «*noli me tangere*», или нѣтъ.

— Что это за растеніе, Маренвилль?

— Его называютъ «не тронь меня», потому что при малѣйшемъ прикосновеніи у него свертываются листочки.

— Вы вдаетесь въ поэзію, мой другъ,—возразилъ съ улыбкой Геронимъ.—Но во всякомъ случаѣ отложимъ это дѣло до завтрашняго вечера. Сегодня у меня rendez-vous съ хорошенькой женой гвардейскаго капитана, котораго я отправилъ съ порученіемъ въ Бюкебургъ.

— А я до этого переговорю съ Сесилью,—сказалъ Маренвилль,—и постараюсь объяснить ей, что она должна покровительствовать моему ухаживанью за мадамъ Гейстеръ, чтобы разлучить ее съ красивымъ докторомъ, ея теперешнимъ любовникомъ, потому что только при этомъ условіи она позволить ему жениться на Сесили...

Во время разговора король подписалъ приготовленныя бумаги и отправился брать ванну.

Въ это же утро, пока Гейстеръ былъ у короля, Лина собралась съ визитомъ къ баронессѣ фонъ-Шеле, но дойдя до дверей ея номера, невольно остановилась и стала прислушиваться. Въ первую минуту ей показалось, что кто-то громко разговариваетъ, но вскорѣ она узнала голосъ баронессы, которая съ паэосомъ декламировала какіе-то стихи, и рѣшилась войти.

Баронесса сердечно привѣтствовала ее и, усадивъ рядомъ съ собою на диванѣ, предложила позавтракать съ нею. Лина отказалась, говоря, что недавно встала и не чувствуетъ ни малѣйшаго голода.

— Въ такомъ случаѣ, вы, вѣроятно, не откажетесь прослушать нѣсколько стихотвореній Поля Флеминга. Хотя его поэзія нѣсколько устарѣла, но нигдѣ вы не найдете такой искренности и глубины чувствъ...

Баронесса начала читать; Лина слушала со вниманіемъ, хотя чтеніе не доставляло ей особеннаго удовольствія, и она воспользовалась небольшимъ перерывомъ, чтобы поднять вопросъ о томъ, какъ провести день. Рѣшено было отобѣдать вмѣстѣ, а затѣмъ сдѣлать небольшую экскурсію по окрестностямъ. Лина отправилась домой; подходя къ гостинницѣ, она встрѣтила Маренвилля, который возвращался отъ Сесили. Онъ замѣтно ускорилъ шагъ и, порывавшись съ нею, торопливо снялъ шляпу.

— Очень радъ видѣть васъ въ Ненндорфѣ, мадамъ Гейстеръ,—

сказалъ онъ съ любезной улыбкой.—Сегодня утромъ я присутствовалъ при докладѣ вашего мужа и слышалъ, какъ его величество выразилъ опасеніе, что вы соскучитесь здѣсь среди незнакомаго общества...

Но потому ли, что задуманный имъ планъ придавалъ ему смѣлость, или онъ надѣялся на податливость молодой женщины, только его тонъ былъ далеко не такъ почителенъ, какъ въ первый разъ. Забывая предостереженіе короля, что можно испортить дѣло поспѣшностью, онъ становился все развязнѣе и позволилъ себѣ разные двусмысленныя шутки и намеки. Лина сразу остановила его, но это не произвело на него никакого впечатлѣнія и даже, когда она свернула съ дороги, съ очевидною цѣлью избавиться отъ его общества, онъ утѣшилъ себя мыслью, что «мужья часто дѣлають *bonne mine à mauvais jeu*, а женщины, наоборотъ, принимаютъ суровый видъ при хорошей игрѣ».

Между тѣмъ, Лина была настолько оскорблена безцеремоннымъ обращеніемъ Маренвилля, что рѣшилась всѣми способами избѣгать встрѣчи съ нимъ.

Дома она застала мужа, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ ее. Онъ былъ доволенъ пріемомъ короля и въ такомъ веселомъ настроеніи духа, что Лина не рѣшилась высказать ему своей досады на Маренвилля и только сообщила о предложеніи баронессы относительно общаго обѣда и прогулки. Гейстеръ изъявилъ согласіе и отправился въ замокъ, чтобы сдать бумаги въ придворную канцелярію и освободиться отъ дѣлъ на сегодняшній вечеръ.

Лина сѣла у открытаго окна съ книгой, которую дала ей баронесса фонъ-Шеле.

Но едва успѣла она прочесть страницу, какъ ей доложили о визитѣ двухъ дамъ. Это были падчерица Симсона и Сесиль.

Появленіе ихъ особенно удивило Лину, потому что онѣ жили въ той же гостинницѣ. Но разговоръ шель вяло, какъ это часто бываетъ при первомъ знакомствѣ; къ тому же Лина не довольно свободно говорила пофранцузски.

— Я рассчитывала на обратномъ пути застать васъ въ Пирмонтѣ?—сказала Лина.

Мадемуазель Делагэ, очевидно, ожидала этого вопроса и возразила съ живостью:

— Мы, дѣйствительно, предполагали остаться въ Пирмонтѣ болѣе долгое время, по совѣту лейбъ-медика Цадига, но пирмонтскій докторъ тотчасъ же послалъ меня сюда. Это не особенно порадовало насъ, потому что вслѣдствіе присутствія двора въ Ненндорфѣ слишкомъ большое стеченіе публики. Но мы объявили Маренвиллю, что мы здѣсь на положеніи больныхъ и хотимъ остаться инкогнито.

— Король уважаетъ наше инкогнито, — сказала Сесиль — или,

лучше сказать, инкогнито моей кухни, потому что моя особа ему почти неизвѣстна.

Во время разговора, который безпрестанно прерывался, мадемуазель Делагэ разспросила Лину, какъ она думаетъ провести вечеръ.

— Вы сегодня заняты,—продолжала она,—и осмотрите ближайшія окрестности, но немного подальше есть необыкновенно живописное мѣсто, гдѣ главный минеральный источникъ. Вы отправитесь туда вмѣстѣ съ нами; мы будемъ указывать вамъ путь, чтобы имѣть возможность пользоваться вашимъ обществомъ. У насъ здѣсь нѣтъ никакихъ знакомыхъ, а Сесиль почти не появляется въ публикѣ. Завтра, послѣ обѣда, мы зайдемъ за вами. Это прелестная прогулка по тѣнистой аллеѣ, и можно будетъ зайти куда нибудь выпить кофе.

Лина отвѣтила уклончиво, что должна спросить мужа и не знаетъ, какъ онъ рѣшилъ провести завтрашній день.

— Мы упросимъ его пойти вмѣстѣ съ нами; вѣроятно, онъ не откажется быть нашимъ кавалеромъ.

Лина, успокоенная тѣмъ, что будетъ подъ покровительствомъ своего мужа, тѣмъ охотнѣе приняла предложеніе, что представлялся случай ближе познакомиться съ Сесилью и составить о ней болѣе опредѣленное мнѣніе. Вообще, Сесиль произвела бы на нее хорошее впечатлѣніе, если бы не роковое письмо, которое было слишкомъ явной уликой противъ нея; такъ что она не могла придавать никакого значенія робости и приличнымъ манерамъ молодой француженки.

Гестейръ вернулся домой вскорѣ послѣ удаленія обѣихъ дамъ и, узнавъ о принятомъ приглашеніи, сказалъ съ улыбкой:

— Приглашеніе сдѣлано въ такой вѣжливой формѣ, что ты не могла отвѣтить отказомъ, Лина, да къ тому же ты, вѣроятно, намѣрена заняться наблюденіями.

— На это мало надежды. Если бы ты видѣлъ, Людвигъ, какъ она была скромна и застѣнчива сегодня! У нея дѣйствительно специическій талантъ... Однако, пойдемъ скорѣе, баронесса ожидаетъ насъ...

Обѣдъ на открытомъ воздухѣ и прогулка въ экипажѣ по живописнымъ окрестностямъ Ненндорфа доставили Линѣ большое удовольствіе. При всей своей скромности она не могла не замѣтить эффекта, производимаго на публику ея красотою, и это не мало способствовало ея веселости. Къ тому же баронесса, не смотря на слабость къ поэзіи, доходившую до комизма, была самой приятной собесѣдницей, благодаря своей любезности и остроумію.

На слѣдующее утро, Лина встала раньше обыкновеннаго и, проводивъ мужа до замка, отправилась къ баронессѣ фонъ-Шеле, съ которой она должна была сдѣлать нѣсколько покупокъ.

Обойдя лавки, онѣ зашли въ «Kursaal» послушать музыку; за-

тѣмъ Лина черезъ садъ отправилась домой, такъ какъ наступило время обѣда и Людвигъ могъ вернуться изъ замка.

Передъ гостинницей она увидѣла Маренвилля и мадемуазель Делагэ, которыя прогуливались взадъ и впередъ по аллеѣ, видимо поджидая кого-то, и ускорила шагъ, въ надеждѣ, что онѣ не замѣтятъ ее. Но въ это время Люси обернулась и позвала ее. Услыхавъ свое имя, она быстро свернула съ аллеи и бросилась къ крыльцу гостинницы; сердце ея усиленно билось; ей казалось, что кто-то догоняетъ ее; при мысли, что это Маренвилль, на нее напалъ безотчетный страхъ; не помня себя отъ ужаса, она вбѣжала на лѣстницу, повернула направо въ корридоръ и поспѣшно открыла вторую дверь отъ входа, въ убѣжденіи, что войдетъ къ себѣ въ номеръ. Но вмѣсто Людвига она увидѣла Сесиль, которая быстро соскочила съ колѣнъ мужчины, сидѣвшаго на диванѣ, и заслонила его собою.

Лина обомлѣла отъ удивленія и испуга и въ первую минуту не могла ничего сообразить, затѣмъ, пробормотавъ извиненіе, вбѣжала вонъ, затворивъ за собою дверь. Тутъ только, оглядѣвшись кругомъ, она убѣдилась, что, поднялась этажемъ выше и попала въ комнату Сесили, которая приходилась надъ ихъ номеромъ.

Когда она вернулась къ себѣ и рассказала мужу о томъ, что случилось съ нею, то онъ измѣнился въ лицѣ и сурово замѣтилъ, что ея неосмотрительность можетъ навлечь на него серьезныя непріятности.

— Развѣ ты не догадываешься, — добавилъ онъ шопотомъ, — что ты застала у Сесили самого короля?

— Короля! — воскликнула она. — Я была такъ озадачена, что не замѣтила его лица, тѣмъ болѣе, что Сесиль заслонила его отъ меня. Неужели это былъ король?

— Разумѣется! — возразилъ съ досадою Гейстеръ, такъ какъ ея удивленіе раздражало его, при томъ безпокойствѣ, какое овладѣло имъ. — Не сердись на меня, Лина, но я нахожу, что это непростительное ребячество съ твоей стороны бѣжать такимъ образомъ отъ человѣка, который былъ даже не одинъ, а съ мадемуазель Делагэ. Пойми, что это нелѣпо! Порядочная женщина должна держать себя съ достоинствомъ и этимъ импонировать людямъ, въ родѣ Маренвилля, а не бѣжать отъ нихъ сломя голову. Знаешь ли, что онъ подумаетъ объ этомъ, при его нахальствѣ? Что женщина, которая способна бѣжать такимъ постыднымъ образомъ, близка къ паденію.

— Что съ тобой, Людвигъ? — спросила она, бросивъ на него взглядъ, исполненный такого глубокаго негодованія, что онъ тотчасъ же опомнился и сознался, что думалъ только о себѣ и послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти для него отъ этого приключенія.

— Прости меня, Лина,—проговорилъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Я вовсе не жалѣю, что это случилось,—сказала она,—а ты останешься въ сторонѣ, потому что не можешь быть отвѣтственнымъ за опрометчивость твоей жены. Теперь, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ...

Она замолчала, но онъ понялъ, какая мысль занимаетъ ее, и отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ:—Ты права, Лина, эта случайность не повредитъ мнѣ, а относительно Сесили, дѣйствительно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что она въ связи съ Иеронимомъ. Я надѣюсь, что, послѣ этой исторіи, она сама рѣшится на отступление, потому что вѣроятно сообразитъ, что при твоей дружбѣ къ Герману ему будетъ все извѣстно.. Кстати, я забылъ сказать тебѣ, что мои дѣла почти окончены, и мы можемъ уѣхать отсюда сегодня, послѣ обѣда.

— Нѣтъ, Людвигъ, мнѣ кажется, что намъ неудобно двинуться изъ Ненндорфа, пока они не совсѣмъ отпустили тебя.

— Этого ждать слишкомъ долго! Маренвилль сказалъ, что меня могутъ позвать только по какому нибудь экстренному случаю, а если мы уѣдемъ до этого случая, то они обойдутся и безъ моихъ услугъ.

— Не лучше ли остаться, Людвигъ, и обдумать заранѣе, что тебѣ отвѣтить, если Маренвилль заговоритъ съ тобой о моемъ странномъ поведеніи. Кромѣ того, я обѣщала за тебя этимъ дамамъ идти съ ними гулять, и онѣ хотѣли зайти послѣ обѣда. Если мы уѣдемъ, то это будетъ имѣть видъ бѣгства, а ты самъ только что упрекалъ меня за это, добавила она съ улыбкой.

— Ну, едва ли состоится сегодня наша прогулка! — возразилъ Гейстеръ.

— Я сама думаю, что нѣтъ,—возразила она.—Сесиль не явится къ намъ, а если у ней хватить на это нахальства, то я заставлю ее удалиться, вотъ чѣмъ.

Съ этими словами, она торопливо достала письмо изъ портфеля и бросила его на столъ.

— Не прерывай меня, Людвигъ,—продолжала молодая женщина взволнованнымъ голосомъ, видя, что онъ хочетъ возражать ей. — Не думай, чтобы я заговорила съ нею о видѣнной мною сценѣ, это было бы слишкомъ унижительно для меня. Я оставлю письмо на столѣ, чтобы оно попало въ руки, и она знала бы, что ея тайна давно извѣстна намъ, а если послѣ этого она не уйдетъ, то я вызову ее на объясненіе...

— Дорогая моя, во имя чего возьмешь ты на себя подобную роль? — возразилъ Гейстеръ. — Неужели у тебя хватить безумія сдѣлать это!.. Но, къ счастью, до ихъ прихода еще нѣсколько часовъ, а я увѣренъ, что ты успокоишься и взглянешь на дѣло иначе. А теперь пойдемъ обѣдать; я усталъ отъ работы и голоденъ...

V.

Возвращеніе Германа.

Гейстеръ не ошибся въ своемъ предположеніи: прогулка къ источнику не состоялась, и Маренвилль болѣе не посылалъ за нимъ. Поэтому Гейстеры воспользовались свободнымъ вечеромъ, чтобы выѣхать изъ Ненндорфа. Прекрасная погода, благопріятствовавшая имъ до сихъ поръ, внезапно измѣнилась; стало прохладно и полилъ мелкій затяжной дождь, который продолжался во все время ихъ обратнаго путешествія. Но это не нарушило ихъ хорошаго настроенія духа; они не переставали разговаривать между собою; Гейстеръ указывалъ женѣ мѣста, съ которыми были связаны какія либо историческія событія и обращалъ ея вниманіе на красивые виды, встрѣчавшіеся по дорогѣ, хотя пасмурное небо придавало всему печальный колоритъ.

Лина, по возвращеніи въ Кассель, отправилась навѣстить мать и, поздоровавшись съ нею, рассказала ей въ общихъ чертахъ о своемъ путешествіи. Затѣмъ она прошла въ комнату Германа, подъ предлогомъ, что хочетъ взглянуть, какъ все устроено къ его приѣзду, открыла платяной шкафъ и поспѣшно сунула въ карманъ фрака письмо Маренвилля къ Сесили.

Теперь при хладнокровномъ размышленіи она сознавала, что собственно даже не имѣла права вынимать письма изъ чужого кармана, но чтобы успокоить себя приписывала это вмѣшательству судьбы для спасенія Германа. Переговоривъ съ мужемъ, она рѣшила скрыть отъ ихъ друга, что имъ извѣстно содержаніе письма, а также не рассказывать ему о своемъ приключеніи въ Ненндорфѣ, пока онъ самъ не начнетъ съ ними разговора о Сесили. Такимъ образомъ, Лина была избавлена отъ непріятнаго объясненія, которое поставило бы ее въ неловкое положеніе относительно Германа и было бы оскорбительно для его самолюбія. Но въ то же время ея богатая фантазія получила новую пищу для всякихъ соображеній; она задавала себѣ рядъ вопросовъ: пойдетъ ли Германъ къ Симсонамъ, примутъ ли его тамъ, какъ его встрѣтитъ Сесиль и т. д.

Между тѣмъ, дурная погода не замедлила отразиться на здоровьи короля, что побудило его остаться въ Ненндорфѣ долѣе, нежели онъ предполагалъ. Депутація, посланная въ Голландію вернулась въ его отсутствіе съ извѣстіемъ о полной неудачѣ займа. Вслѣдствіе этого проектъ внутренняго займа, представленный министромъ финансовъ, былъ принятъ въ рейхстагѣ большинствомъ голосовъ; затѣмъ утвержденъ бюджетъ расходовъ на 1809 годъ, а 22-го августа Миллеръ явился въ послѣднее засѣданіе рейхстага, чтобы закрыть его отъ имени короля. Блестящая рѣчь, сказанная

по этому поводу знаменитымъ историкомъ, произвела большую сенсацию въ Касселѣ. Депутаты рейхстага уѣхали почти одновременно, и городъ точно вымеръ послѣ нихъ, чему способствовало отсутствіе двора. Только Натувіусъ и Якобсонъ должны были остаться нѣкоторое время, чтобы представить оффиціальный отчетъ о своей поѣздкѣ въ Голландію.

Они были приглашены Бюловымъ на вечеръ, устроенный въ честь ихъ возвращенія, на которомъ собрался небольшой кружокъ лицъ, близко знакомыхъ между собой. Разговоръ шелъ о рѣчи Миллера, недавно произнесенной имъ при закрытіи рейхстага; и такъ какъ самъ хозяинъ дома, не стѣсняясь, высказывалъ свое мнѣніе, то гости слѣдовали его примѣру. Даже французскій посланникъ на этотъ разъ немного отступилъ отъ своей обычной осторожности.

— Я желалъ бы знать баронъ, — сказалъ Якобсонъ, обращаясь къ хозяину дома, — не поразила ли васъ въ рѣчи Миллера его фраза о Наполеонѣ? Насколько я помню, онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Тотъ, передъ которымъ міръ безмолвствуетъ, потому что Господь предалъ міръ въ его руки»...

— Выраженіе Миллера, вѣроятно, показалось вамъ страннымъ потому, что міръ слишкомъ много кричитъ о Наполеонѣ, замѣтилъ министръ финансовъ. Но, быть можетъ, фраза — «le monde se tait» имѣетъ такой смыслъ, что «міръ потворствуетъ, покоряется Наполеону».

— Этому объясненію противорѣчитъ другое мѣсто той же рѣчи, — возразилъ французскій посланникъ. — Миллеръ говоритъ, между прочимъ, что народы германскаго племени только тогда вступаютъ въ новый фазисъ развитія, когда имъ данъ толчекъ извнѣ и, что время отъ времени для нихъ необходимы потрясенія, чтобы нарушить ихъ покой и вывести изъ полусоннаго состоянія. Слѣдовательно, Миллеръ говорилъ о пробужденіи, а не о покорности врагамъ. Только приверженцы курфирста и прусскій Тугендбундъ, быть можетъ, придумаютъ, какъ согласовать противорѣчіе между *se taire* и *s'éveiller du sommeil*, такъ какъ толкуютъ о томъ, что нѣмцы должны молча поднять знамя возстанія.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ Германъ, — что въ рѣчи Миллера, нѣтъ никакого противорѣчія, потому что высказавъ мысль, что нѣмцамъ необходимъ внѣшній толчекъ для развитія ихъ культуры, онъ добавилъ: императоръ создалъ королевство изъ двадцати различныхъ странъ *et lui a donné son frère!* Очевидно, Вестфалія, по его мнѣнію, должна сдѣлаться очагомъ высшей нѣмецкой культуры.

— Вы забываете, что это французская колонія съ французскими учрежденіями, законодательствомъ и правами! — замѣтилъ баронъ Рейнгардъ.

— Вестфалія,—сказалъ Бюловъ,—представляетъ собою пунктъ, гдѣ приобрѣтаемыя нами выгоды не выкупаются той опасностью, которая грозитъ намъ, и, гдѣ мнѣнія людей и стремленія партій диаметрально противоположны. Я допускаю, что въ политикѣ и военномъ дѣлѣ мы можемъ брать уроки у Франціи; но нравы наши и языкъ должны остаться внѣ всякаго чуждаго вліянія.

— Вообще, толчки извнѣ едва ли могутъ имѣть благотворные результаты,—сказалъ Якобсонъ.—Германія, благодаря своему положенію между Франціей и Россіей, достаточно раздробилась; толчокъ извнѣ можетъ оказать то дѣйствіе, о которомъ говоритъ Миллеръ: «De vingt provinces il a fait un Royaume» или, другими словами, изъ множества нѣмецкихъ государствъ образуется единая французская имперія.

— Ну, этого трудно ожидать, — возразилъ Натузійусъ, — но во всякомъ случаѣ Наполеонъ окажетъ намъ великую услугу, если данный имъ толчокъ будетъ настолько силенъ, что мы отрѣшимся отъ многихъ традицій, отжившихъ свой вѣкъ и въ насъ проснется сознаніе нашей силы...

Въ это время баронесса Бюловъ, окончивъ свои хозяйственныя распоряженія, сдѣлала знакъ Герману, чтобы онъ подошелъ къ ней, и усадила его рядомъ съ собою на диванъ, стоявшій у противоположной стѣны. Она подробно разспросила его о путешествіи, а затѣмъ, какъ бы мимоходомъ, замѣтила, что «надѣялась встрѣтить его на вечерѣ у Симсоновъ», хотя улыбка, сопровождавшая эти слова, ясно показывала, что собственно объ этомъ ей и хотѣлось переговорить съ нимъ.

Германъ понялъ, къ чему клонится разговоръ, и отвѣтилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Я былъ у нихъ съ визитомъ, но они не пожелали принять меня. Быть можетъ, вамъ извѣстно почему, и вы изъ состраданія взяли на себя роль утѣшительницы!

— Увѣряю васъ, что мнѣ ничего неизвѣстно, — возразила баронесса Бюловъ.—Мой вопросъ былъ вызванъ тѣмъ, что до вашего отъѣзда въ Голландію вы часто проводили вечера у Симсоновъ.

— Простите, если я осмѣлюсь выразить сомнѣніе относительно правдивости вашихъ словъ,—сказалъ Германъ.—Но я убѣжденъ, что вы знаете больше, нежели хотите сказать. Помните ли вы то утро, когда вашъ супругъ выразилъ свое неудовольствіе по поводу моего знакомства съ Маренвиллемъ? Къ счастью, дѣло разъяснилось, и онъ тогда сказалъ мнѣ, чтобы я обращался къ вамъ за совѣтомъ относительно моихъ сердечныхъ дѣлъ и, что это избавитъ меня отъ серьезныхъ неприятностей... Теперь я догадываюсь, что слова его относились къ племянницѣ г-жи Симсонъ.

— Если вы намекаете на ея отношенія къ королю, то они, дѣйствительно, были извѣстны намъ, но мы не могли предостеречь

васъ. Въ нѣкоторыхъ вещахъ нужно убѣдиться самому, чтобы повѣрить...

— Вотъ это со мной и случилось, — сказалъ Германъ взволнованнымъ голосомъ. — Впослѣдствіи расскажу вамъ все подробно, а теперь изложу одни факты въ общихъ чертахъ. Въ послѣдній вечеръ, когда я зашелъ къ Симсонамъ, чтобы проститься съ ними, мнѣ случайно попалось письмо Маренвилля къ Сесили, и, такъ какъ я имѣлъ нѣкоторые поводы къ подозрѣніямъ, то рѣшился похитить письмо и положилъ его въ карманъ. Затѣмъ, я отправился къ друзьямъ и за веселымъ ужиномъ совершенно забылъ о немъ; равнымъ образомъ, во время путешествія мысль о злополучномъ письмѣ ни разу не пришла мнѣ въ голову. По возвращеніи въ Кассель, я сдѣлалъ визитъ Симсонамъ, но меня не приняли, а камердинеръ сообщилъ мнѣ по секрету, что обѣ молодыя дамы въ Ненндорфѣ. Тогда у меня явился вопросъ: что могло привлечь ихъ туда? Я сталъ припоминать разныя подробности моего прощанья съ Сесилью и невольно вспомнилъ о письмѣ, которое оказалось въ карманѣ моего платья...

Баронесса слушала молча этотъ рассказъ, не рѣшаясь прервать его какимъ либо замѣчаніемъ.

Германъ остановился въ смущеніи, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, продолжалъ:

— Трудно передать словами то, что я испыталъ по прочтеніи этого позорнаго письма, когда увидѣлъ въ настоящемъ свѣтѣ ту, для которой я долженъ былъ служить ширмой. Ударъ былъ слишкомъ силенъ, но это послужило для меня спасеніемъ; я сразу испѣлился отъ безумія. При болѣе хладнокровномъ размышленіи мнѣ стало ясно, что въ данномъ случаѣ страдаетъ не сердце, а мое уязвленное самолюбіе. Не знаю, повѣрите ли вы мнѣ, баронесса, но я душевно радъ, что такъ легко выпутался изъ этой исторіи... Но почему г-жа Симсонъ не пожелала принять меня, остается для меня загадкой! Если она предполагаетъ, что письмо въ моихъ рукахъ, то ей, какъ умной женщинѣ, слѣдовало бы сообразить, что въ этомъ случаѣ я не явился бы къ нимъ съ визитомъ...

— Быть можетъ, она не приняла васъ потому, что обѣ дѣвушки были тогда въ отсутствіи. Впрочемъ, теперь онѣ уже вернулись; но вчера я видѣла одну Люси, а Сесиль не выходила къ гостямъ. Вообще, можно предположить, что у нихъ случилась какая нибудь непріятность, потому что г-жа Симсонъ, не смотря на всѣ старанія, не могла скрыть, что она чѣмъ-то разстроена. При этомъ у ней было довольно продолжительное совѣщаніе съ Лѣбреномъ, который также появился въ ея салонѣ. Говорятъ, что этотъ знаменитый писатель правая рука Маренвилля; одинъ хлопочетъ о доставленіи королю новыхъ любовницъ, а другой пристраиваетъ отставленныхъ.

Въ Сибирскомъ книжномъ магазинѣ

МИХАЙЛОВА и МАКУШИНА,

ВЪ ТОМСКѢ,

НАХОДИТСЯ СКЛАДЪ СОЧИНЕНІЙ

В. К. Андріевича:

Краткій очеркъ исторіи Забайкалья отъ древнѣйшихъ
временъ до 1762 года. Спб. 87 г.

Цѣна **1** рубль съ пересылкой.

Историческій очеркъ Сибири, т. II. Періодъ отъ 1700—
1742 г. Иркутскъ 86 г.

Цѣна **1** руб. **75** коп. съ пересылкой.

Историческій очеркъ Сибири, т. III. Періодъ отъ 1742—
1762 г. Томскъ 87 г.

Цѣна **1** руб. **75** коп. съ пересылкой.

ТОМЪ IV ПЕЧАТАЕТСЯ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія про изведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ВЪТѢЛЕНЪ ПЕР., Д. 11—2

СОДЕРЖАНІЕ.

НОВАРЬ, 1887 г.

	СТР.
I. Донскіе гишпанцы. (Историческая повѣсть). Гл. I—X. Графа Е. А. Саліаса.	249
II. Императоръ Николай и июльская монархія во Франціи. Гл. I—III. С. С. Татищева.	285
III. Записки Есенофонта Алексѣевича Полеваго. Часть третья. Гл. VII и VIII. (Продолженіе).	323
IV. Четверть вѣка назадъ. (Воспоминанія степного помѣщика). Гл. I—IV. А. А. Антонова.	364
V. Воспоминаніе объ Ю. В. Жадовской. Н. П. Ѳedorовой.	394
VI. Страницы изъ стараго дневника. Протасьева.	408
VII. Посольство поручика Носкова въ Персію съ хрустальною кроватью. Иллюстрація: Хрустальная кровать, подаренная шаху персидскому императоромъ Николаемъ I.	425
VIII. Бѣлевскій вдовой домъ. П. М. Мартынова.	441
Иллюстрація: Бѣлевскій вдовой домъ. — Памятникъ въ саду вдовьяго дома въ Бѣлевѣ, гдѣ похоронены внутренности императрицы Елисаветы Алексѣевны.	
IX. Космографія Петровскихъ временъ. А. Ѳ. Бони.	454
X. Критика и библиографія: Н. Карѣвъ. Введение въ курсъ исторіи древняго Востока. Спб. 1887. С. 7—въ. — Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Сочиненіе, писанное на степень доктора философскаго факультета перваго отдѣленія адъюнктомъ Московскаго университета Степаномъ Шевыревымъ. Изд. 2-е. Спб. 1887. Исторія поэзіи. Чтенія адъюнкта Московскаго университета Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ исторію поэзіи индійцевъ и евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ новой западной Европы. Изд. 2-е. Спб. 1887. А. Н. — М. Веневитиновъ. Изъ Воронежской старины. М. 1887. А. Б. — Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I. Préface de M. Ch. de Mazade, de l'Académie française. 2 vol. Paris. 1887. А. Бороздина. — Судьбы Ирландіи. Публичныя лекціи Г. Е. Афанасьева. Одесса. 1887. З. В. — О началѣ христіанства въ Польшѣ. Изданіе Кіевской Археологической комиссіи. Кіевъ. 1887. М. Городечнаго. — Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изданіе воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Томъ первый. Воронежъ. 1887. С. Т.	465
XI. Заграничныя историческія новости.	480
XII. Смѣсь: Присужденіе премій митрополита Макарія. — Археологическій отдѣлъ Екатеринбургской выставки. — Осьмнадцатый годовоі отчетъ Общества распространенія св. Писанія въ Россіи за 1886 годъ. — Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго Православнаго Братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери за 1886 годъ. — Сентябрьскіе юбилей: П. И. Саввантова, И. А. Мельникова, И. К. Айвазовскаго, В. А. Крылова, «Сына Отечества». — Некрологи: Н. А. Ратынскаго, И. И. Пискарева, Л. С. Ценковскаго	488
XIII. Замятки и поправки. Къ статьѣ «Кудрянцевъ и его потомство». Владиміра Поливанова.	495
XIV. Приобрѣтенія Императорской Публичной библиотеки. П. П.	499
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Юліи Валеріановны Жадовской. 2) Гражданское винопроизводство въ Россіи. Историческій очеркъ. В. А. Еврейнкова. 3) Карнаваль короля Геронима. Историческій романъ Г. Кенинга. Переводъ съ вѣмецкаго. Часть пятая. Главы VI—XI. (Продолженіе). 4) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

При этой книжкѣ разсылается объявленіе иногороднымъ подписчикамъ о подпискѣ на ежедневную газету „Новости“, на 1888 годъ.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1888 ГОДУ.

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1888 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе восемь лѣтъ (1880—1887).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.

Въ 1888 году, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ будутъ напечатаны, уже находящіеся въ распоряженіи редакціи: историческій романъ графа Е. А. Саліаса, рассказы Н. С. Лѣскова, С. Н. Терпигорова (С. Атавы) и В. В. Крестовскаго, историческія сцены А. С. Суворина, историческіе очерки: В. А. Бильбасова, Е. М. Гаршина, А. А. Голубева, И. И. Дубасова, Г. В. Есипова, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, А. И. Кирпичникова, Д. А. Корсанова, Б. Котляревскаго, А. А. Кочубинскаго, А. П. Мальшинскаго, А. Н. Молчанова, А. И. Незеленова, Е. Н. Опочинина, Н. И. Петрова, П. Н. Полеваго, В. А. Потто, М. И. Пыльева, М. С. Робуша, А. Н. Сиротинина, С. Т. Славутинскаго, И. Н. Смирнова, Н. В. Сорокина, С. С. Татищева, А. А. Титова, А. С. Трачевскаго, Ф. М. Уманца, П. С. Усова, В. И. Шенрона, Д. И. Зварницкаго, Д. Д. Языкова и др., записки и воспоминанія: К. А. Бороздина, В. А. Васильева, А. Д. Галахова, А. Я. Головачевой, Р. М. Зотова, Г. В. Карцева, Н. В. Кукольника, М. А. Кретчера, А. П. Милунова, Б. А. Милютина, генераль-маіора П. В. Митурича, камергера М. М. Михайлова, генераль-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, Л. Н. Павлицева, А. В. Старчевскаго, М. Д. Францовой, бывшей камеръ-юнгферы императрицы Маріи Александровны А. И. Яковлевой и др.

Многія изъ статей названныхъ авторовъ будутъ иллюстрированы портретами и рисунками, гравированными въ Парижѣ Панеманеромъ и въ Петербургѣ А. И. Зубчаниновымъ и В. В. Матѣ.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ 1888 года будетъ печататься, въ переводѣ съ нѣмецкаго, историческій романъ (съ иллюстраціями) Оскара Генера, подъ заглавіемъ „Ганзейцы“.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“

ЮЛІЯ ВАЛЕРІАНОВНА ЖАДОВСЬКАЯ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 26 ОКТЯБРЯ 1887 Г.

ДОНСКІЕ ГИШПАНЦЫ.

(Историческая повѣсть).

I.

БЫЛА ТЕМНАЯ осенняя ночь. Все небо заволокло непроницаемой пеленой тумана. Накрапывалъ мелкій дождь, и легкій, но студеный вѣтеръ проносился порывами черезъ голую, глухую равнину, кое-гдѣ поросшую мелколѣсьемъ.

Только въ одномъ мѣстѣ, на высокомъ берегу рѣки, виднѣлись огоньки жилья.

Весь берегъ на протяженіи полуверсты былъ занятъ большимъ селомъ, въ концѣ котораго, при выѣздѣ въ поле, стояла маленькая убогая деревянная церковь. На противоположномъ концѣ, по крутому скату внизъ къ рѣкѣ, темнѣлъ густой садъ; вверху, на краю его, примыкая обширнымъ дворомъ къ избамъ крестьянъ, располагилась большая барская усадьба. И только тутъ, въ двухъ-трехъ окошкахъ, виднѣлся свѣтъ.

Деревня давно уже спала, такъ какъ было за-полночь.

Да и въ барскомъ домѣ огонекъ, мерцавшій въ окошкахъ, былъ, очевидно, ночникъ или лампадка. Тишина въ усадьбѣ свидѣтельствовала о томъ, что и въ ней уже давно все спитъ мертвымъ сномъ.

Около полуночи, по извилистому проселку, не смотря на темноту, двигался шибкой рысью, а иногда и вскачь, верховой. Судя по его кафтану подъ накинутымъ поверхъ армякомъ, по лохматой шапкѣ

«Истор. вѣсти.», ноябрь, 1887 г., т. ххх.

на бекрень, судя по его молодцоватой посадкѣ, даже по его нагайкѣ, которой онъ шлепалъ то и дѣло свою измученную лошадь, можно было подумать, что скачетъ казакъ.

Въ дѣйствительности это былъ дворовый человѣкъ, охотникъ, доѣзжачій, посланный теперь гонцомъ.

Дорога, не видимая глазомъ, была ему, вѣроятно, хорошо извѣстна, такъ какъ окружающая темь не мѣшала его быстрой ѣздѣ. На всѣхъ поворотахъ проселка, вездѣ, гдѣ были канавы или мостики, онъ заранѣе приостанавливалъ лошадь, даже не приглядѣвшись, какъ человѣкъ, который знаетъ дорогу наизусть.

Выбравшись изъ мелколѣся, гдѣ его лошадь изрѣдка спотыкалась на торчащія по дорогѣ корни деревъ, онъ припустился еще шибче черезъ поле, за которымъ была уже усадьба.

Проскакавъ съ полверсты, онъ прищурился и сталъ пытливо вглядываться впередъ, но не увидаль, а скорѣе догадался, что дорога передъ нимъ потемнѣла еще болѣе. Стало быть, начинается большой и густой садъ усадьбы.

— Ишь темь какая,—пробурчалъ онъ.—Вѣдь не видишь ни зги, а чутьемъ знаешь только, что доѣхаль.

Онъ снова пристально присмотрѣлся, ему показалось, что онъ ошибся, что до усадьбы было еще далеко. Но темная полоса впереди, темнѣе темносѣраго неба, очевидно, говорила о томъ, что онъ приближается къ густой чащѣ деревьевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, налетавшій порывами вихрь гналъ ему на встрѣчу по землѣ сухіе листья.

— Погромецъ! Слава Создателю! Доскакалъ!—проговорилъ верховой вслухъ.—Мало ли что могло быть, подумаль онъ тотчасъ. Лошадь могла пасть, искалѣчиться въ темнотѣ. Тогда бы пѣшкомъ иди. А нѣшто сорокъ, пятьдесятъ версть можно скоро отшагать. Все дѣло пропало бы, а Михайло Петровичъ со свѣту бы сжилъ.

Когда передъ всадникомъ показалась темная ограда изъ саженаго частокола, онъ приостановилъ лошадь и пустилъ ее шагомъ. За частоколомъ шумѣлъ густой и высокій садъ.

— Погромецъ?—проговорилъ верховой, ухмыляясь и тряхнувъ головой.—Чудное прозвище! Истинно погромное мѣсто, погромляетъ все кругомъ. Да и нашему бы барину слѣдъ было тоже свою усадьбу по примѣру братца назвать тоже Погромцемъ. Да еще прозвать бы—Большой Погромецъ, потому что мы почище Антона Петровича разгромляли все, что ни попадись намъ подъ руку. Теперь только малость притихли.

И помолчавъ нѣсколько мгновеній, верховой вздохнулъ и прибавилъ вслухъ:

— Долго ли эта жизнь протянется?—Всѣ сказываютъ, не сдобровать нашимъ сіятельнымъ господамъ. Нашъ-то еще хитеръ, а этотъ, братецъ его, совсѣмъ простъ. Безъ всякой опаски орудуешь и концовъ не хоронить.

Шагомъ проѣхалъ верховой вдоль всего сада и скоро былъ у воротъ большой каменной, бѣлѣющей среди ночи усадьбы.

Дворныя собаки почуяли въ темнотѣ чужого и звонко залились. Тотчасъ же повсюду кругомъ раздался лай, деревенскіе псы вторили барскимъ.

У отворенныхъ воротъ усадебнаго двора шевельнулась фигура, и мужикъ въ тулупѣ, съ дубиною въ рукахъ, поднялся на встрѣчу верховому.

— Кто будетъ?—крикнулъ онъ.

— Свои,—отозвался всадникъ.—Тимошка, графа Михайла Петровича.

— Здорово, Тимошей Иванычъ.—Гонцомъ пущенъ?

— Гонцомъ.

— Сейчасъ перебуду всѣхъ.

— Дѣло спѣшное. Буди.

Собаки окружили верхового и заливались громко сиплымъ лаемъ. Сторожъ насилу унялъ ихъ. Всадникъ не вѣхалъ во дворъ, а передалъ лошадь сторожу и пошелъ пѣшкомъ. Собаки снова окружили его, но онъ окликнулъ ихъ по именамъ, и самыя большіе псы скоро признали въ немъ «своего», очевидно, изрѣдка бывавшаго на этомъ дворѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній въ прихожей дома уже засвѣтился огонекъ, зашевелились люди. Раздались голоса:

— А, Тимошей Иванычъ!

— Изъ Придонска?

— Сейчасъ доложимъ.

— Да есть ли у тебя указъ ночью будить? Не подведи насъ,—прибавилъ одинъ голосъ въ дверяхъ изъ столовой.

— Иди, буди. Строжайшій указъ. Смотри, сейчасъ все поднимется на ноги!—отозвался прибывшій.

— Сѣдлать будутъ?

— Полагательно будутъ.

— Вона какъ!

— Ахъ, грѣхи тяжкіе!

Приѣзжій сѣлъ на ларь въ прихожей, снялъ съ себя армякъ, немного промокшій, отряхнулъ шапку, потомъ попросилъ тряпку и началъ обтирать забрызганные грязью сапоги. На опросы десятка столпившейся челяди онъ отвѣчалъ не весело.

— Что дѣлать! Жисть такая. Пятьдесятъ верстъ скакалъ безъ отдыха, ни кормя, ни поя. Мнѣ-то что, невпервой. Скотину жалъ. Сколько разъ просили барина подставу учинить между нами и вами, не хочетъ. Зачѣмъ, говорить, я буду конецъ казать. Подстава, вишь, «конецъ» будетъ, а концы хоронить надо.

— Какой же конецъ,—возразилъ кто-то.—Вѣстимое дѣло, между

двумя баринами-братцами должна быть подстава. Разсылные скачутъ, что ни день. Для своего обихода нужна бы подстава.

— Это не такой конецъ, чтобы его хоронить.

— Береженого Богъ бережетъ, — отозвался пріѣзжій и прибавилъ тише:—А то еще сказывается: пуганая ворона куста боится.

Челядь размѣялась тихо и опасливо.

Въ эту минуту вышелъ въ прихожую маленькій и толстенный старичекъ и крикнулъ:

— Тимоша, къ барину!

Пріѣзжій поднялся, еще разъ тряпкой посуше оберъ забрызганныя голенища и двинулся во внутреннія комнаты. Пройдя черезъ темныя горницы, вслѣдъ за маленькимъ человѣкомъ, онъ увидалъ свѣтъ въ пріотворенную дверь.

— Туда, что ли?—сказалъ онъ.

— Да, онъ въ постели, не встаетъ, — отозвался лакей.—Догадка есть, а, все-таки, хочеть тебя путемъ опросить, встать ли ему?

Тимошка вошелъ въ небольшую горницу, освѣщенную одной свѣчкой. На постели сидѣлъ смуглый брюнетъ, лѣтъ сорока, коротко остриженный и обритый. Лохматыя черныя брови, орлиный носъ, большой и мясистый, замѣтно выдающіся скулы, весь складъ лица обличали въ немъ сразу чуждое происхождение.

— Видать — не русскій! — подумалъ бы всякій.

II.

— Тимошка?! — вопросительно воскликнулъ онъ при появленіи молодца.

— Я, ваше сіятельство.

— Сѣдлать что ли?

— Сѣдлать, ваше сіятельство.

— Смотри, обманешь ты меня съ братцемъ. Братца изругаю, какъ нельзя хуже, да и тебѣ достанется,—шутливо и весело произнесъ онъ.—Добро бы лѣто было. А то вишь погода. Мокрота. Для меня нѣтъ хуже этой погоды. Опять кости разболыта.

— Михайло Петровичъ приказалъ ни мало не медля.

— Ладно, дѣлать нечего. Афанасій! — крикнулъ баринъ, выльзая изъ-подъ одѣяла и спуская голыя ноги въ туфли,—Афанасій! Сѣдлать! Живо!

— Сколько прикажете?—отозвался появившійся въ дверяхъ маленький старикъ.

— Сколько? — повторилъ баринъ, обращаясь къ прибывшему.

— Десятка полтора надоть.

— Вона какъ! Ладно. Слышишь, Афонька, укажи чтоль всѣ двадцать коней. А мнѣ буланаго. А то въ эту темъ шею сломаешь. Ну, пошелъ, живо!

— Да, темно,— отозвался гонецъ.— Не знаю, какъ и прилетѣлъ я. Хоть и знаешь дорогу, а все, неровенъ часъ, полетишь вверхъ пятками и коня искалѣчишь.

— Ну, теперь рассказывай, а я живо.

Баринъ принялся быстро одѣваться, а прибывшій заговорилъ:

— Дали знать барину нынче утромъ, то, бишь, выходитъ вчера поутру, что въ самую полночь выѣдетъ изъ Острогожска, путемъ къ себѣ, въ Харьковъ, баринъ, князь, фамилію, виновать, не упомяну, мудрена. Замѣшкался онъ въ пути и, не гляючи на эту темь, будетъ ѣхать на Валуйки. Рыдванъ большущій, добра всякаго много, а ужъ кони, сказываютъ, диво дивное. Все московскіе, по сту рублей конь, сказываютъ.

— Всегда такъ сказываютъ,— усмѣхнулся баринъ, натягивая высокіе сапоги.— Ну, и не одинъ, вѣстимо?

— Какъ можно. Не одинъ. При немъ до дюжины однихъ стражниковъ верховыхъ. Стало, выходитъ, коли въ рыдванѣ шестерикъ или восьмерикъ, да ихъ дюжина, выходитъ, вотъ два десятка коней. Да коли каждый конь по сту рублей, такъ вонъ оно что выходитъ. Сами смежните... Да въ рыдванѣ-то, сказываютъ, страсть, чего только нѣтъ. Изъ Москвы, вишь, подарки везетъ къ себѣ. Сказывали, въ Острогожскѣ, на постояломъ дворѣ, хвастался онъ, всѣхъ гостинцевъ домочадцамъ на тысячу рублей везетъ.

— И все-то враки, все-то враки,— повторялъ баринъ, одѣваясь и тряся головой.— Всегда такъ-то. А тамъ, смотришь, четверка коней, рублей по пятнадцати штука. А поклажи, халатъ старый, да одна табакерка вызолоченная, съ живописью, подъ стекломъ, супруги или просто голенькой барышни, а цѣною въ двадцать пять рублей. Ну, да не лихъ, все-таки, наше дѣло не дремать и на его пути расположиться.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, на сей разъ особливый случай... Важный! Графъ приказывалъ мнѣ не жалѣть коня, оттого я и гналъ. Я четырехъ часовъ въ пути не былъ. Выѣхалъ часу въ десятомъ, а теперь, пойдѣ, не болѣе часу ночи. Даромъ коня морить Михайло Петровичъ не приказалъ бы.

Между тѣмъ, вся усадьба уже гудѣла. Въ домѣ и на дворѣ ходили, говорили. Изъ конюшенъ выводили осѣдланыхъ лошадей, кое-гдѣ мелькали огоньки въ фонаряхъ. Во флигелѣ, примыкавшемъ къ дому, кричала челядь, шелъ громкій споръ.

— Полно вамъ,— раздался, наконецъ, зычный голосъ.— Опять заспорили. Сказано, чередъ блюда. Ну, и не путайся! А то на спинѣ очередь отсчитаю. Павлушкинъ чередъ въ прошлый разъ былъ выѣзжать, а онъ хворалъ, стало быть, теперь ему ѣхать. А Васька за него ѣздилъ. Ну, живо! Поворачивайся! — командовалъ тотъ же голосъ.— Живо!.. Одѣнется баринъ, да на дворъ выйдеть прежде васъ, такъ будетъ трезвонъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній на дворѣ уже шумѣло до полсотни голосовъ, окружая осѣдланныхъ лошадей. У подъѣзда конюхъ держалъ высокаго и крупнаго битюга, съ турецкимъ сѣдломъ, для самого барина.

Въ это время вышелъ на крыльцо низенькій человѣчекъ, котораго баринъ называлъ Афонькой. За нимъ вынесли человѣкъ десять охапку ружей, пистолетовъ и ножей.

— Гей, разбирай!—громко крикнулъ Афанасій на весь дворъ.

Кучка молодецвъ шагнула къ крыльцу, и живо каждый получилъ по кинжалу и по пистолету. Только пятерымъ достались короткія винтовки, которыя они перекинули на перевязяхъ за спину.

— Телятева нѣтъ еще?—спросилъ Афанасій.

— Нѣту, — отозвался голосъ.

— Чего онъ копається?

— Онъ завсегда копається.

— Завсегда послѣ всѣхъ придетъ.

— Командиръ, какъ ему не поломаться.

— Врете, черти, раздался голосъ въ темнотѣ. Вотъ онъ я. При сборахъ-то я всегда послѣдній, — прибавилъ онъ, приближаясь къ крыльцу, — за то въ дѣлѣ первый. А вы, дармоѣды, одѣваться, снаряжаться первые, а тамъ, гляди, нагайкой васъ впередъ подгоняй. Ну, къ конямъ, садись!

Командиръ отряда, дворовый изъ донскихъ казаковъ, огромнаго роста и плечистый, по имени Телятевъ, взялъ изъ рукъ крестьянина фонарь и поднялъ его высоко надъ головой. Освѣщая всю толпившуюся у крыльца кучку людей, онъ быстро, привычнымъ окомъ, оглянулъ всю свою команду и вымолвилъ:

— Павлушка, ты зачѣмъ? Не твой чередъ.

— Въ прошлый разъ хворалъ я, потому теперь вышелъ.

— Правда, запомятовалъ. Ты, Архипъ, зачѣмъ винтовку нацѣпилъ? Снимай долой. Ты, олухъ, и изъ пистолы покуда стрѣлять не выучился, а туда же винтовку сцапалъ. Передай Егоркѣ. Егорка, бери, отдай ему, дураку, пистоль. Съ него бы и дубины довольно. А ты что въ лаптяхъ? — крикнулъ онъ, обращаясь къ ближайшему.

— Сапогъ ахнулъ, надѣтъ нельзя. Стелька отвалилась...

— Ну, ладно. Пошелъ, садись.

Вся кучка отхлынула отъ крыльца къ лошадямъ, повскакала въ сѣдла и стала отправляться.

— Готово? — крикнулъ съ крыльца Телятевъ.

— Готово. Совсѣмъ!.. — раздались голоса.

Телятевъ двинулся и сѣлъ на своего прыгавшаго на мѣстѣ коня, невдалекѣ отъ отряда.

— Ну, ровняйся, графская гвардія, подъѣзжай! — крикнулъ онъ шутливо.

Вся конная команда рванулась къ крыльцу и выровнялась двумя шеренгами передъ домою. Телятевъ снова объѣхалъ всѣхъ, осмотрѣлъ и замѣтилъ только одному крайнему:

— Зачѣмъ Стрижа осѣдлали? Вѣдь хромаеть.

— Пересталь, теперь ничего,—отозвался сидѣвшій на Стрижѣ.

Телятевъ сталъ впереди, немного отъѣхавъ отъ команды. Конь его не стоялъ и вертѣлся на мѣстѣ.

Въ это время на крыльцѣ задвигались, на дворъ вышелъ самъ баринъ.

— Здорово, молодцы! — крикнулъ онъ звонкимъ голосомъ.

— Здравствовать, вашему сіятельству! — рявкнули конные.

— Дѣло, ребята, важнѣющее. Знай и понимай всякій. Сказываетъ посланецъ отъ брата Михайла Петровича, что рѣдкостный случай выпалъ. Стало, не зѣвать и не малодушествовать. За утро получите вина, пироговъ и по гривнѣ на брата. Кто сплхуетъ, тому завтра сто розогъ. Нечего бы это и сказывать, сами знаете, да все лучше лишній разъ напомнить. Такъ ли, Телятевъ?

— Точно такъ-съ, Антонъ Петровичъ,—отозвался Телятевъ.—У нихъ память сорѣбя.

Баринъ сѣлъ ловко на своего коня, снялъ шапку и перекрестился, команда сдѣлала тоже самое. Баринъ двинулся впередъ, за нимъ, на сажень держась позади, поѣхалъ Телятевъ, а за тѣмъ вся конница вереницей, по два въ рядъ.

Топотъ конный огласилъ ночную тишь. Отрядъ миновалъ ворота и исчезъ во тѣмѣ ночи. На крыльцѣ остались лишь трое людей съ маленькимъ человѣчкомъ, Афанасемъ.

— Вонъ оно,—выговорилъ старикъ.—Тоже крестится, Бога призываетъ. Вона, какъ господа-то. Нѣшто Богъ на эдакое дѣло воззрѣтъ? Грѣхъ это одинъ.

И старикъ-лакей вздохнулъ тяжело.

— Сказывалъ мнѣ, надысь, въ городѣ, Афанасій Ивановичъ, купецъ одинъ... — заговорилъ шопотомъ другой дворовый, — что все это потому творится, что они оба, что нашъ, что Михайло Петровичъ, не російскаго роду. Дворяне—дворяне, графы—графы, а все же таки они не изъ христіанскаго племени.

— Дѣдушка таковъ былъ—полугишпанецъ, полутурка. А они-то вѣтъ. Они-то, почитай, русскіе.

— Крещены по нашему,—отозвался третій.

— А покойный родитель ихъ, Петръ Антоновичъ, сказываютъ, всю жизнь другой вѣры держался,—замѣтилъ первый.

— Все враки,—мотнулъ головой Афанасій.—Я его помню. Тоже православный былъ. Его и государь Петръ Ѳедоровичъ жаловалъ особливо. А ужъ дѣдушка-то ихъ, куда важный баринъ былъ. Я его малость помню. Вотъ онъ такъ, дѣйствительно, гишпанецъ былъ настоящій, воистину.

— Турка?.. Вона.

— Гишпанецъ, тебѣ говорятъ.

— Оно все одно... Собака тоже вотъ—псой зовется.

— А я такъ полагаю, что будь живъ теперь графъ Петръ Антоновичъ,—заговорилъ, вздыхая, Афанасій,—не далъ бы онъ съновьямъ озорничать такъ-то по большимъ дорогамъ.

— Сами не махонькіе, Афанасій Иванычъ. Знаютъ, что дѣлаютъ!..—произнесъ одинъ изъ дворовыхъ, сердито смѣясь.—А угождать подь судъ и расправу царскую... Чтожъ? Намъ же лучше.

— Это вѣрно! И давай Богъ! Пуцай!—отозвались всѣ.

Дворня графа была двухъ сортовъ. Крѣпостные дворовые, уроженцы Погромца, и приписные къ вотчинѣ—изъ всякаго празднопатающаго люда, изъ бродягъ, бѣглыхъ, быть можетъ, и острожниковъ. Графъ давалъ гостепріимство этой «сволокъ», но за то немедленно зачислялъ этихъ шатуновъ въ свой конный отрядъ. Они всѣ были въ рукахъ графа, подь страхомъ быть выданными властямъ, и поневолѣ повиновались. Да и терять имъ было нечего, такъ какъ всѣ были безсемейные, какъ бы безъ роду и племени. Дворовые Погромца, помнившіе иное время при отцѣ и дѣдѣ графа, конечно, относились съ презрѣніемъ къ приписнымъ бродягамъ, ко всему конному отряду и даже сторонились отъ нихъ.

— Мы потомственные графскіе, а вы съ борка да съ сосенки,—говорили они.—Мы тутошніе, а вы какіе, можетъ, сибирные.

III.

Въ самые послѣдніе годы XVII столѣтія, въ тѣ дни, когда великій преобразователь Россіи покинулъ свое отечество, въ маленькомъ мѣстечкѣ Голландіи, Саардамъ, появился плотникъ русскаго происхожденія, по имени Петръ Михайловъ.

Вокругъ этого простого рабочаго на верфяхъ кораблестроенія появились всякіе чужеземцы разныхъ европейскихъ странъ.

Верфи кишили людомъ со всего свѣта и всякимъ сбродомъ. Тутъ появлялись и нѣмцы, и французы, и итальянцы, и испанцы, не говоря уже о датчанахъ и англичанахъ.

Инкогнито русскаго плотника сохранялось недолго. Хотя онъ и не желалъ быть признаннымъ, но поступалъ слишкомъ опрометчиво и ребячески, и на первыхъ же порахъ самъ себя выдалъ.

Онъ жилъ въ одной горницѣ крошечнаго домишки простого рабочаго, питался самой незатѣливой пищею, ходилъ въ бѣлыхъ парусиновыхъ матросскихъ штанахъ и красной шерстяной курткѣ, на головѣ носилъ неуклюжую, съ огромными полями шляпу, много пилъ пива и много курилъ. Тратилъ онъ на себя въ день столько же, сколько и другіе рабочіе на верфяхъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первые же дни онъ купилъ себѣ для забавы яликъ, за который заплатилъ, не торгуясь, 450 гульденовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выкупилъ изъ долговой ямы мужа женщины, у которой было съ десятокъ маленькихъ дѣтей, при чемъ заплатилъ 300 гульденовъ.

При малѣйшемъ спорѣ, при малѣйшей вспышкѣ, онъ не церемонился, и ссора доходила до драки. Будучи силенъ, онъ давалъ иногда жестокія оплеухи и затрещины разнымъ глупымъ румянобѣлымъ флананцамъ. На него жаловались, но синдикатъ его не трогалъ.

Не прошло мѣсяца и, разумѣется, личность Петра Михайлова стала загадочною, была окружена ореоломъ какой-то таинственности. Тогда-то нашлись ловкіе люди, преимущественно не голландцы, которые успѣли сблизиться съ простымъ плотникомъ.

Вскорѣ явилось русское посольство, съ почетомъ принятое саардамскими властями. Но всѣ эти вельможи въ золотыхъ кафтанахъ, важные и сановитые, явились поклониться въ ту маленькую хижину, въ которой жилъ плотникъ Петръ Михайловъ.

Инкогнито русскаго царя прекратилось. Но за это время онъ уже успѣлъ полюбить нѣкоторыхъ иностранцевъ, которые выказали ему свою дружбу, когда еще онъ яко бы считался простымъ рабочимъ.

Въ числѣ этихъ новыхъ пріятелей и ловкихъ людей былъ юркій, смѣлый, но хитрый и двоедушный полуспанецъ, полупортугалецъ, по имени Антонъ Эммануиль, по фамиліи Виръ или Вьеръ.

Знакомство произошло на особый ладъ.

Еще до пріѣзда русскаго посольства, однажды въ праздникъ густая толпа окружала домикъ, въ которомъ жилъ русскій. Слухъ уже носился, что этотъ плотникъ родственникъ русскаго царя.

Праздная толпа окружила его обиталище, чтобы поглазѣть на него.

Михайловъ вышелъ. Онъ спѣшилъ куда-то, а между тѣмъ чрезъ эту плотную толпу не было почти возможности пролѣзть. Его обступали, останавливали, хватили даже за платье и за руки и разгрядывали какъ диковинаго звѣря.

Протиснувшись до половины толпы, раздосадованный видомъ этихъ глупыхъ фигуръ, лѣзущихъ на него, Петръ Михайловъ, какъ всегда, вдругъ взбѣсился и началъ прокладывать себѣ дорогу кулаками направо и налево.

Нѣкто Цимзенъ, плотный мѣщанинъ, высокій, тучный, краснолицый, не успѣлъ разглядѣть русскаго и побѣжалъ за нимъ въ толпѣ. Догнавъ, онъ ухватилъ его крѣпко за руку и сталъ наивно молить: — Стой, стой! Дай поглядѣть хорошенько.

Петръ Михайловъ обернулся. Послѣдняя капля, видно, переполнила чашу терпѣнья.

— На вотъ, гляди!—воскликнулъ онъ.

И двѣ здоровенныя оплеухи по широкой фізіономіи голландца огласили площадку и толпу. Толстый голландецъ едва устоялъ на ногахъ. Онъ обозлился и полѣзъ уже на него, чтобы отплатить русскому тѣмъ же.

Но въ это время высокій, худощавый, красивый молодой человекъ съ южнымъ типомъ лица бросился между русскимъ плотникомъ и оскорбленнымъ голландцемъ. Это былъ Виръ.

— Стой!—воскликнулъ онъ, заслоня Петра.—Не обижайся. Это тебѣ честь великая. Коли ужъ правду сказываютъ, что Михайловъ царскаго рода, то ты теперь дворянинъ. Онъ тебя по обычаю предковъ пожаловалъ въ рыцари.

Праздной толпѣ почему-то особенно понравилось это объясненіе. Гулкій хохотъ раздался кругомъ и всѣ зѣваки подхватили:

— Цимзенъ рыцарь! Цимзенъ рыцарь!

Случай этотъ завязалъ знакомство между Михайловымъ и иностранцемъ Виромъ.

Когда именитые сановники явились поклониться русскому царю, въ толпѣ, окружавшей посольство, стоялъ и мѣщанинъ Цимзенъ.

Русскій царь вспомнилъ объ обидѣ, причиненной голландцу, и попросилъ извиненія. Голландецъ добродушно отозвался, что считаетъ себя возведеннымъ въ дворянское сословіе и просить прислать ему изъ Россіи таковую грамоту за царскою подписью и государственной печатью.

Разумѣется, испанецъ Виръ, остроумно услужившій русскому царю, сталъ его приближеннымъ, а затѣмъ послѣдовалъ за нимъ въ Россію и сдѣлался его деньщикомъ.

Черезъ десять лѣтъ, онъ былъ уже полковникъ русской службы, и впослѣдствіи сдѣлался генераль-полицеймейстеромъ новаго города, выстроеннаго на его глазахъ, на Невѣ.

Разумѣется, испанецъ Виръ или Вьеръ, ставъ русскимъ дворяниномъ, прибавилъ къ своей фамиліи частицу, обозначающую дворянство на Западѣ. Онъ сталъ Де-Виръ. Затѣмъ частица слилась съ фамиліей, и уже въ Россіи явилась новая дворянская фамилія Девьеровъ.

Генераль Девьеръ, хитрый и ловкій пролазъ, не упускалъ никакого случая дѣлать блестящую карьеру.

Замѣтивъ, что изъ всѣхъ лицъ, окружающихъ императора, одна личность пойдетъ далеко, будетъ первымъ другомъ царя, онъ поспѣшилъ породниться съ этимъ фаворитомъ.

Девьеръ женился на княжнѣ Аннѣ Даниловнѣ Меншиковой. Но именно это родство его и погубило.

При воцареніи императрицы Екатерины Первой Девьеръ былъ приближеннымъ и любимцемъ государыни. Въ первый же годъ ея

царствованія, онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, чинъ, о которомъ давно мечталъ; затѣмъ, въ началѣ зимы 1726 года, онъ былъ пожалованъ въ графское Россійской имперіи достоинство.

Но въ концѣ зимы онъ навлекъ уже на себя гнѣвъ своего шурина, всемогущаго временщика, князя Ижорскаго. Графъ Девьеръ думалъ, что рука Меншикова остановится, не поднимется на зятя, и ошибся.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нѣсколько русскихъ родовитыхъ вельможъ, — Толстой, Бутурлинъ, Нарышкинъ, Долгорукій и другіе, а вмѣстѣ съ ними и новый русскій дворянинъ, испанецъ Девьеръ, были осуждены, наказаны, лишены чиновъ и сосланы въ разныя трупобы.

Девьеръ съ семействомъ, какъ главный врагъ князя Меншикова, былъ сосланъ въ Якутскъ. И только черезъ пятнадцать лѣтъ жизни въ ссылкѣ снова появился онъ въ Москвѣ, прощенный вновь вступившей на престолъ императрицею, дочерью того, кому онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ.

За все царствованіе Елизаветы Петровны графъ Девьеръ пользовался ея расположеніемъ, былъ возведенъ въ чинъ генераль-аншефа и получилъ богатыя помѣстья въ награду.

Старшій сынъ его, названный въ честь великаго императора, Петромъ, дѣлалъ тоже блестящую карьеру, благодаря отцу и покровительству государыни. Въ краткое царствованіе императора Петра Ѳеодоровича графъ Петръ Антоновичъ Девьеръ былъ приближеннымъ лицомъ къ злополучному монарху.

И благодаря именно этому обстоятельству—въ царствованіе Екатерины Второй, вся семья Девьеровъ принуждена была удалиться изъ столицы.

Антонъ Петровичъ вскорѣ скончался. На свѣтѣ остались два его сына, уже не сановники, а простые дворяне, помѣщики Воронежской губерніи, Антонъ и Михайлъ Петровичи. Отъ прежняго блеска сохранилось лишь небольшое состояніе, а связей и «дворской» силы не оставалось почти и слѣда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и къ несчастію—осталось и давало себя чувствовать, главное: кровь, нравъ, происхожденіе.

Воронежскіе помѣщики съ испанскою, а, можетъ быть, на половину и мавританскою кровью въ жилахъ, отличались отъ всѣхъ другихъ захолустныхъ дворянъ-помѣщиковъ красивымъ южнымъ типомъ лица, черными какъ смоль курчавыми волосами, черными какъ уголь глазами, матовымъ блескомъ худыхъ, скуластыхъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, воронежскіе помѣщики, поселившіеся близъ Дона, отличались своей распущенной жизнью, крутымъ нравомъ, дикими вспышками, произволомъ, самодурствомъ и жестокостью. «Донскіе гишпанцы» было прозвище, которое они заслужили въ средѣ помѣстнаго дворянства, и стали вскорѣ далеко извѣстны кругомъ.

За послѣдніе годы, по смерти отца, генерала, графа Петра Антоновича, оба сына стали еще неукротимѣе. Худая слава еще шибче побѣждала о нихъ, переходя и въ сосѣднія намѣстничества.

Графъ Антонъ Петровичъ Девьеръ жилъ въ своей усадьбѣ въ селѣ Погромецъ, при рѣкѣ Осколѣ, недалеко отъ города Валуйки.

Младшій, графъ Михайло Петровичъ, жилъ въ другой усадьбѣ, выстроенной имъ самимъ на Дону, отчего и вотчина была названа Придонскомъ.

Михайло Петровичъ темными путями, о которыхъ много было толковъ, сталъ въ нѣсколько лѣтъ богаче брата своего. Онъ уже скупилъ три большихъ имѣнія вокругъ своего, хотя за главное изъ нихъ все еще въ продолженіе трехъ лѣтъ не могъ разсчитаться съ тѣмъ помѣщикомъ, который продалъ ему имѣніе.

У Антона Петровича, человѣка уже сорока пяти лѣтъ, былъ сынъ Михайлъ. Этотъ представитель четвертаго поколѣнія полуспанскаго, полумавританскаго рода, уже измѣнилъ своимъ родичамъ и внѣшностью, и характеромъ.

Молодой Миша былъ совершенной противоположностью отца и дяди. Бѣлокурый и голубоглазый, портретъ своей матери, онъ былъ особенно добродушень, тихъ отъ природы, и допельзя стыдливъ и скромень.

Крутое обращеніе съ нимъ отца только развило природныя задатки и молодой двадцатидвухлѣтній графъ Михайлъ былъ называемъ въ шутку «Мишенькой» и отцомъ, и сосѣдями. Онъ былъ неуклюжъ, косолапъ въ походкѣ и движеніяхъ, медлителенъ и тутъ въ соображеніи и въ рѣчахъ.

Если многіе смѣялись надъ нимъ, зато многіе любили и даже боготворили его. Такъ, съ обожаніемъ относилась къ нему вся дворня и всѣ крестьяне села Погромецъ.

Барченокъ и «графчикъ» Михайло Антоновичъ былъ общій заступникъ за всѣхъ передъ отцомъ, когда могъ, когда удавалось ему разжалобить отца. Не смотря на крутое обращеніе съ сыномъ, графъ Антонъ Петровичъ все-таки любилъ сына, какъ единственнаго будущаго представителя рода.

Графъ Михайлъ Петровичъ, хотя и былъ женатъ уже второй разъ, не имѣлъ дѣтей. Современемъ все состояніе обоихъ Девьеровъ должно было сосредоточиться въ рукахъ этого скромнаго голубоглазаго барчука, уже утерывшаго въ себѣ всѣ признаки южнаго происхожденія.

IV.

Маленькій и толстенный старичокъ-лакей, по имени Афанасій, тотчасъ послѣ отъѣзда барина, среди ночи, отправился въ мезонинъ большого дома.

Поднимаясь по маленькой, скрипучей лѣстницѣ, онъ ухмылялся добродушно.

— Выпущу соколика изъ клѣтки,—бормоталъ онъ.—Нѣтъ худа безъ добра. Батюшка-родитель на головорѣзныя дѣла отправился, а мы на любовныя полетимъ.

Афанасій отворилъ дверь, прошелъ большую комнату и перешелъ въ другую поменьше. Здѣсь въ углу у кіота съ образами горѣла лампадка, а невдалекѣ отъ кіота, на постели спалъ, молодецки прихрапывая, двадцатидвухлѣтній барчукъ.

Афанасій подошелъ къ спящему, взялъ его за плечо и сталъ бережно терѣбить.

— Мишенька, а Мишенька! Вставай, проснись!

Молодой человѣкъ не сразу пришелъ въ себя.

— Жаль будить-то, крѣпко спитъ. Да для него же,—бормоталъ вслухъ Афанасій.—Мишенька!.. Вставай, голубчикъ. Пользуйся.

— А? Что? Кто это? отозвался, проснувшись, Миша.—Ты, Афоня? Что тебѣ?

— Вставай живо, одѣвайся.

— Что? Зачѣмъ? Аль бѣда какая? Батюшка гнѣвается, чтоль?

— Нѣтъ, слава тебѣ, Создателю, не гнѣвается.

— Спитъ?

— Нѣтъ, и не спитъ. Въ уѣздѣ.

— Что ты!

И молодой человѣкъ вскочилъ и сѣлъ на постели, уже совершенно очнувшись отъ сна. Лицо его стало весело, голубые глаза блеснули ярче.

— Вставай, одѣвайся. Къ любушкѣ своей махни. Я сейчасъ распоряжусь телѣжку заложить.

— Да полно, можно ли? Успѣю ли? Въ какомъ уѣздѣ? Въ короткомъ, можетъ быть?

— Небось, небось, родимый. Я не дуракъ, знаю, что дѣлаю. Прискакалъ отъ дядюшки Михайла Петровича Тимошка гонцомъ. Дѣло важнѣющее; верстъ, гляди, за сорокъ, головорѣзъ будетъ. Оттуда онъ, какъ всегда, забравши въ полонъ, что попадется, отправится въ Придонскъ, а сюда-то ужъ будетъ, гляди, черезъ сутки. Вотъ ты и съѣдешь къ своей любушкѣ. Вѣрно сказываю, вставай живо.

— Ахъ, ты, Господи,—воскликнулъ молодой человѣкъ и сталъ радостно и страстно креститься.—Слава тебѣ, Господи! Вѣдь три недѣли, Афоня, что мнѣ вырваться нельзя было. Слава тебѣ, Господи! Вотъ не ждалъ, не чаялъ. Я сейчасъ, въ одну минуту. А ты поскорѣй распорядись телѣжкой. Да зачѣмъ телѣжку? Осѣдай моего Казака.

— Пристанешь. Нѣшто можно шестьдесятъ верстъ тебѣ скакать. Ты не доѣзжай, аль гонецъ какой. Умаешься. А въ телѣжкѣ на подорогѣ покормишь, не въ первый разъ.

— Верхами-то скорѣе, Афоня.

— Ни-ни. Спѣшить некуда, къ разсвѣту все будешь у нихъ. А ранѣе разсвѣта и непригоже. Развѣ можно молодцу приѣзжать въ домъ къ дворянамъ ночью. А часовъ въ девять утра, какъ долго ни корми, все будешь въ Софьинѣ. И будешь молодцомъ, не уставши. А Казакъ-то такъ растрясетъ тебя, что доскакавши разнюнишься, располнешься. Одѣвайся скорѣе, да выходи. За грунтовыми сараями я самъ тебя буду ждать съ телѣжкой.

— Спасибо, Афоня, я сейчасъ.

Лакей уже выходилъ изъ горницы, когда молодой человѣкъ снова окликнулъ его.

— Афоня!

— Чего?

— А ты съ опаской. Я всякій разъ боюсь. Выдастъ кто изъ конюховъ, тогда отъ батюшки тебѣ и мнѣ не уйти. Мнѣ-то еще ничего, посижу въ холодной денька три. А вѣдь тебя и розгами наказать могутъ.

— Да ну ужъ, не твое дѣло. Кто тебя родителю выдавать будетъ? Могли бы, такъ тебѣ бы родителя всегда выдавали.

— А все страшно, Афоня, найдется предатель.

— Захотѣлъ бы ты, соколикъ,—вернувшись снова въ горницу и притворивъ за собой дверь, шопотомъ заговорилъ лакея,—захотѣлъ бы, такъ тебѣ кровопійцу родителя твоего дворя тутъ давно бы какимъ ни на есть способомъ затулила бы въ петлю иль утопила бы въ рѣчкѣ. И сталъ бы ты править нами бариномъ, безъ всякаго страха и безъ всякихъ бѣдъ и напастей. Вотъ что!

— Полно, полно, Афоня! замахалъ обѣими руками молодой человѣкъ. Но при этомъ онъ не выказалъ никакого удивленія.

Видно было, что подобное слышалъ онъ отъ лакея въ сотый разъ.

Молодой человѣкъ началъ быстро одѣваться по дорожному, но вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ другое платье, комнатные сапоги, бѣлье и все это связалъ въ узелокъ. Все было сдѣлано имъ быстро, аккуратно. Очевидно, нечаянное путешествіе, вдругъ среди ночи, предпринималось имъ впервые.

Афанасій, надѣвъ шапку и тулупъ, отправился на конный дворъ. Поймавъ одного изъ конюховъ, который не успѣлъ еще снова лечь спать послѣ ночныхъ сборовъ отряда, Афанасій помянулъ его къ себѣ изъ сарая и затѣмъ шопотомъ вымолвилъ:

— Ванюха, сослужи мнѣ службу, благо барина нѣтъ. Нужно мнѣ дѣльце справить. Заложилъ ты мнѣ телѣжку, коня выбери лучше, ну хоть Козыря гнѣдаго, да съ телѣжкой и выѣзжай за грунтовые сарай. Я прежде барина назадъ верну, все скрыто и останется. А коли кто изъ своихъ конюховъ и запримѣтитъ, такъ нѣшто выдадутъ меня?

— Вѣстимо нѣтъ. Изволь, я сейчасъ.

Черезъ четверть часа за околицей большого сада, въ томъ мѣстѣ, гдѣ бѣлѣлись каменные оранжереи, стояла запряженная телѣжка. Высокая, красивая лошадь нетерпѣливо дергала возжи и рыла копытомъ землю.

Въ небольшую калитку близъ грунтоваго сарая вышелъ Афанасій.

— Ну, спасибо. Попридержи малость, покуда я сяду.

— Да полно, Афанасій Ивановичъ, отозвался конюхъ. Чего? Полно мороку-то пущать. Нѣшто я не знаю, для кого телѣжка-то? Аль ты меня за Гуду полагаешь? Чудной человѣкъ! Кто же повѣрить, что ты на старости лѣтъ по ночамъ летать-скакать будешь. А ты пойдика въ домъ, да скажи летуну, чтобы приходилъ сюда безъ опаски. Нѣшто я барчука нашего дорогого выдамъ нашему учителю?

— Ну, ну, что же,—отозвался виновато Афанасій.—Вѣстимо, не мнѣ. Да вѣдь опасаясь, братецъ. Жаль барчука-то, коли оцетинится на него самъ графъ. А знаешь, такъ обожди. Нечего и рядиться. Я пойду въ домъ, да его и вышлю.

Афанасій снова пролѣзъ въ калитку, а черезъ нѣсколько минутъ вышелъ молодой графъ и оглядѣлся.

— Пожалуйте. Здѣсь!—отозвался конюхъ, держа лошадь за уздцы.

— Спасибо, Ванюха! — сказала Миша, садясь въ телѣжку. — Пускай!

— Да не лучше ли мнѣ съ вами, баринъ? Кто же будетъ раскладывать, да кормить на привалѣ? Позвольте мнѣ съ вами. Я за васъ помереть готовъ, а не то чтò! Въ Воскресенскомъ распрягу и покормлю лошадь, а вы соснете.

— Да я не знаю, право,—нерѣшительно отозвался барчукъ.

— Право, позвольте. Вы въ Воскресенскомъ часокъ другой отдохнете, поспите, а я займусь лошадкой. Аль вы во мнѣ вѣры не имѣте?

— Ну, садись!—рѣшительно выговорилъ молодой человѣкъ.—И то, правда, эдакъ-то лучше. А то въ прошлый разъ такъ изморился въ дорогѣ, что едва могъ разговоры вести.

Конюхъ пустилъ лошадь. Она нетерпѣливо дернула и взяла рысью съ мѣста, а конюхъ уже на ходу вскочилъ въ телѣжку. Не смотря на темъ, телѣжка лихо покатила по ровной дорогѣ.

V.

Диковинно и странно слагалась и, наконецъ, теперь окончательно сложилась жизнь двадцатидвухлѣтняго графа Михаила Антоновича. Онъ выросъ и сталъ юношей въ этой степной глуши.

Смутно помнилъ онъ большой городъ, гдѣ жилъ съ отцемъ и дѣдомъ, когда былъ еще восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Все, что было

до переѣзда въ Погромецъ, было покрыто для него какой-то пеленой.

Плохо помнилъ онъ дѣда, мало помнилъ мать, которую давно потерялъ. Одно только зналъ онъ, что онъ очень похожъ на нее лицомъ, но и это говорила не память, это говорили всѣ окружающіе.

Онъ зналъ, что она была добрая, тихая, много вытерпѣла отъ его отца, даже отъ него и въ могилу сошла. Но это тоже говорили окружающіе его люди.

Самъ онъ помнилъ только одну страшную сцену, помнилъ мать на полу, упавшую отъ удара, нанесеннаго отцемъ. Помнилъ онъ, какъ бросился къ ней и обнялъ рученками... но отецъ схватилъ его тотчасъ за волосы и отшвырнулъ такъ далеко, что онъ расшибся, вывихнулъ ногу и хромалъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Здѣсь, въ Погромцѣ, жизнь пошла настолько просто, однообразно, дни чередовались настолько похожіе одинъ на другой, что многія воспоминанія Миша не могъ опредѣлить годами.

Онъ не зналъ, напримѣръ, десяти лѣтъ отъ роду, или четырнадцати-пятнадцати, началъ онъ ѣздить верхомъ, что, однако, было теперь его страстью.

Тоже самое было и съ другой его страстью, удить рыбу. Онъ помнилъ, какъ первый разъ ему устроили удочку, какъ сталъ онъ садиться на берегъ рѣки и по цѣлымъ часамъ проводить время, слѣдя за поплавкомъ. Но когда это случилось, онъ сказать не могъ.

Отецъ любилъ его, но не баловалъ, очень рѣдко ласкалъ. Мальчикъ, а затѣмъ и юноша, всегда боялся отца. Когда къ нему протягивалась рука отца, невольный трепетъ проходилъ по спинѣ. Эта рука нѣсколько разъ такъ звѣрски обошлась съ нимъ, что когда она тянулась къ нему для ласки, то будила въ его памяти слишкомъ страшныя минуты.

Помимо того случая, когда онъ ребячески-наивно бросился на помощь къ упавшей матери, случилось ему еще разъ пять-шесть попасть подъ руки отца въ минуты дикаго бѣшенства. Такъ однажды, отецъ за волосы проволокъ его черезъ всю залу и почти втащилъ по лѣстницѣ въ мезонинъ, гдѣ посадилъ на трое сутокъ на хлѣбъ и на воду.

Его дядька, этотъ самый маленькій и толстенный старичокъ Афанасій, замѣнившій ему мать, явился тотчасъ же съ хлѣбомъ и водой въ горницу мезонина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вытащилъ изъ кармана, принесенные тайкомъ въ бумажкѣ, гречневую кашу и кусокъ мяса, а изъ другого кармана пузырекъ съ квасомъ.

Впослѣдствіи это повторялось каждый разъ, когда отецъ приказывалъ запретить ребенка на верхъ на хлѣбъ и на воду. Но въ этотъ памятный разъ случилось нѣчто особенное, за что ребенокъ особенно полюбилъ своего Афоню.

Накормивъ мальчугана, Афоня слазилъ опять въ карманъ, досталъ еще бумажку, а развернувъ ее, залился слезами и началъ всхлипывать на всю горницу.

Мальчуганъ удивился и пристально смотрѣлъ, что окажется еще съѣдобнаго въ бумажкѣ. Онъ ждалъ варенья... Но когда Афоня развернулъ бумагу, то въ ней оказался пучокъ барчуковыхъ свѣтло-бѣлокурыхъ волосъ. Афоня собралъ ихъ на лѣстницѣ.

— Вотъ онъ, злодѣй, батюшка твой,—всхлипывалъ Афоня, поливая бумажку и волосы слезами.—Вотъ онъ, злодѣй, что твоихъ волосиковъ надралъ.

Мальчуганъ невольно сталъ смѣяться.

— А я думалъ, Афоня, что ты мнѣ сахарнаго чего принесъ. А это что? Не бѣда. Выростутъ другіе.

Но, однако, лицо и слезы Афони подѣйствовали на ребенка, и онъ кинулся къ нему на шею, крѣпко обнялъ его и кончилъ тѣмъ, что сталъ тоже всхлипывать. Но плакалъ онъ не о волосахъ своихъ, а отъ чувства, впервые сказавшагося въ его сердцѣ, съ тѣхъ поръ, что перестала обнимать его покойница-мать.

Чѣмъ болѣе подросталъ молодой малый, тѣмъ мягче относился къ нему отецъ. Но тутъ явились другія невзгоды, другія страданія, уже не за себя, а за другихъ. Будучи шестнадцати и, наконецъ, уже двадцати двухъ лѣтъ, Миша не могъ безъ замиранія сердца смотрѣть на расправу отца съ холопами.

Тѣ вспышки дикой злобы и безумнаго гнѣва, которыя бывали у графа Антона Петровича, сынъ даже постигнуть не могъ. Иногда, когда было возможно, онъ робко заступался за жертву отца, но рѣдко удавалось ему защитить кого либо.

Наконецъ, два года назадъ и въ его жизни наступили смутные дни. Среди однообразной обстановки, молодость взяла свое и привела къ драмѣ.

Молодой графчикъ плѣнился дворовой дѣвушкой Алёнкой. Отношенія были самыя ребяческія, но неосторожность барчука привела къ тому, что его дорогая Алёнка была безъ вины жестоко наказана розгами и сослана куда-то, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Погромца.

Миша съ полгода горевалъ по своей возлюбленной. Первая юношеская привязанность скоро пройти не могла. Но время взяло свое... Теперь же наступили иныя смутно-радостные дни, съ серьёзной страстной тревогой на сердцѣ.

Миша уже съ полгода былъ безумно, отчаянно влюбленъ въ молодую дѣвушку, дочь сосѣда-помѣщика.

Однажды, отецъ отпустилъ его въ гости во время рождественскихъ праздниковъ къ сосѣдкѣ, старушкѣ Калитиной.

Такъ какъ были святки, то у старушки оказалось до двадцати человекъ съѣхавшихся гостей изъ ближайшихъ имѣній. Въ числѣ

прочихъ былъ и вновь поселившійся въ Воронежскомъ намѣстничествѣ, бывшій гвардейскій офицеръ, Херасковъ, вмѣстѣ съ своей семнадцатилѣтней дочерью.

И здѣсь, за три дня пребыванія у Калитиной, молодой Девьеръ и Соня Хераскова полюбили другъ друга со всѣмъ пыломъ юности.

Сблизились они непостижимо быстро. Въ воскресенье, когда встрѣтились они, то косились другъ на друга изъ подлобья и не сказали между собой ни слова, но только за нихъ много говорили глаза ихъ. А въ среду утромъ, когда они разставались на усыпанной песочкомъ дорожкѣ сада Калитиной, среди сугробовъ, въ рождественскій морозъ, то уже горячо цѣловались и плакали навзрыдъ.

Въ три дня влюбились они другъ въ друга и поклялись, что никакія силы земныя не смогутъ ихъ разлучить никогда.

— Это не Алѣнка... Эту не сошлешь!..—думалъ и будто грозился мысленно отцу добродушный Миша.

VI.

Въ Воронежскомъ намѣстничествѣ еще не было большого почтового тракта, подобнаго тѣмъ, которые недавно провели въ намѣстничествахъ, ближайшихъ къ столицамъ.

Однако, отъ Воронежа до Харькова пролегла дорога, которая была больше обыкновеннаго проселка. Часть ея на протяженіи отъ Острогожска до Валукъ шла густымъ лѣсомъ.

Въ одномъ мѣстѣ, верстъ за двадцать отъ всякаго жилья, было два холма, заросшихъ густой и непроницаемой чащей, а между ними глубокая лощина, гдѣ протекала рѣчка, впадающая въ Осколь. Мѣсто это было особенно глухое, мрачное, даже среди бѣла дня. Ночью же оно казалось совершенно темной ямой, такъ какъ въ обѣ стороны возвышались крутые холмы, сплошь заросшіе вѣковыми деревьями.

Мѣсто это пользовалось дурной славой во всей окрестности. Здѣсь испоконъ вѣка всегда «шалили» и люди, и нечистая сила. Крестьяне не рѣшались проѣзжать здѣсь въ одиночку даже въ сумерки. Ночью же никто не пускался въ путь, за исключеніемъ важныхъ проѣзжихъ дворянъ и сановниковъ, полагавшихся на свой конвой.

Окрестный народъ, старожилы, до столѣтнихъ стариковъ включительно, всѣ знали много рассказовъ о томъ, какія бѣды и какія невѣроятныя приключенія съ проѣзжими бывали здѣсь. Много разбойниковъ прославилось своими подвигами въ этомъ урочищѣ.

Но и врагъ человѣческой полюбилъ это мѣсто и шутилъ съ людьми всякія шутки, завлекалъ, заводилъ и погублялъ христіанскія души. А души убитыхъ и погубленныхъ здѣсь въ свой чередъ бродили и пугали живыхъ людей.

Хотя урочище это начальствомъ называлось «Перебой», но народъ звалъ его по своему «Чортово днище».

За послѣднее время, въ Воронежской губерніи, въ особенности на дорогахъ, прилегающихъ къ городамъ Острогожску и Валуйкамъ, снова появились разбойничьи шайки, дерзкія и отважныя, которыя безбоязненно нападали на всѣхъ, преимущественно на проѣзжихъ дворянъ.

Объ этихъ вновь появившихся разбойникахъ уже шла переписка между намѣстникомъ и столицей.

Ходили странные слухи. Говорили, будто бы эти разбойники, никто иные, какъ дворовые одного богатаго помѣщика. Говорили, что и самъ помѣщикъ не гнушается участвовать въ разбояхъ. Наконецъ, за послѣднее время уже называли этого помѣщика по имени.

Это былъ одинъ изъ двухъ графовъ Девьеровъ.

Общественное мнѣніе было встревожено этой вѣстью, но не удивлено.

— На то они и Донскіе гишпанцы, чтобы грабительствовать, — говорили дворяне.

Но, однако, доказательствъ на это не было никакихъ.

Два раза, двое сановитыхъ людей, однажды, даже губернаторскій товарищъ, ѣхавшій въ свое намѣстничество въ Пензу, были остановлены въ лѣсу близъ Острогожска и ограблены до послѣдней нитки цѣлой многолюдной шайкой конныхъ и вооруженныхъ разбойниковъ.

Однако, послѣ тщательныхъ розысковъ, нигдѣ не отыскалось ни имущества, ни угнанныхъ лошадей. Все это сгинуло съ лица земли.

Воронежскій генералъ-губернаторъ Чертковъ зналъ, конечно, что гласъ народа обвиняетъ въ невѣроятномъ для дворянъ дѣяніи обоихъ графовъ Девьеровъ или одного изъ нихъ, но, не имѣя ни малѣйшихъ уликъ, никакихъ мѣръ принять, конечно, не могъ. Всякому проѣзжему оставалось только самому беречь себя въ пути по намѣстничеству.

Именно, въ самомъ урочищѣ Перебой и остановилась теперь, среди темной ночи, конница изъ Погромца.

Пролетѣвъ на рысяхъ верстъ двадцать слишкомъ, отрядъ Девьера появился здѣсь около четырехъ часовъ утра. Тьма была еще полная, до разсвѣта было далеко.

Ночь безлунная и туманная была настолько темна, что въ трехъ шагахъ разстоянія нельзя было разглядѣть всадника на конѣ.

— Лихое мѣсто. Не чистое... А насъ все еще миловало здѣсь... — перешептывались люди Девьера.

— И впрямь Чортово дно, — проговорилъ, озираясь, графъ Антонъ Петровичъ.

Графъ слѣзъ съ лошади и отдалъ ее одному изъ молодцевъ,

который отошелъ съ ней въ сторону. Въ то же время спѣшившійся Телятевъ досталъ большую суконную попону и, розыскавъ барина среди тьмы, подошелъ къ нему:

— Ваше сіятельство! Тутъ будетъ сыровато. Вамъ малость подняться изъ этого Чортова днища на пригорокъ.

— Нѣтъ. Не надо. Я совсѣмъ не лягу. Посижу. Стели тутъ. Какой ужъ сонъ!..

— Да вѣдь вы, почитай, не почивали, — отозвался Телятевъ. Мы-то залегли вчера еще съ солнцемъ вмѣстѣ. А вы, небось, только успѣли глаза закрыть, какъ Тимошка прибылъ. Приляжете. Я не проморгаю.

— Да не хочется.

Телятевъ постлалъ попону на землю, между кустовъ, и графъ опустился на нее, самодовольно покряхтывая. Это кряхтенье будто говорило слугѣ:—«А вѣдь славно, что мы тутъ! Сейчасъ что будеть-то?» Телятевъ такъ и понялъ барина.

— Да. Лихачи мы, — выговорилъ онъ. — Проскакали верстъ двадцать слишкомъ въ темь эдакую, почти въ два часа времени. Другой бы тутъ себѣ шею свернулъ.

— Да... А вотъ скоро ли... Сидѣть-то сколько намъ. Можетъ, до утрава. А днемъ опасно свои рожи казать... Особливо мнѣ. Моя-то рожа на все намѣстничество вѣдома всякому.

— Коли запоздаеть до разсвѣта — пропустимъ.

— Должно быть. Эдакаго другого гуся не дождешься цѣлый годъ. Ты знаешь ли, дурень, кто это ѣдетъ. Братецъ графъ на прошлой еще недѣлѣ сказывалъ, что будетъ князь Кейкуатовъ проѣздомъ здѣсь, предводитель, изъ Петербурга, съ деньгами, и общалъ мнѣ дать знать. Ну, вотъ это, я чаю, онъ и долженъ быть. Съ гостинцами домой ѣдетъ. А у него свой конный заводъ, братецъ. Кони первые на весь Донъ... А ты — пропустите.

— Ради опаски сказываю... Ужъ очень и безъ того поговаривать стали... За эвототъ годъ очень стали на насъ кивать. Вотъ подъ Вознесенье разгромили въ Нижнедѣвицкѣ усадьбу барскую невѣдомые люди. А на кого свалили? Сказываютъ, Девьеровы графскіе люди тѣ настряпали. А мы и не знаемъ, какая такая это усадьба. Слава на насъ пошла...

— Пушай врутъ, — усмѣхнулся графъ. — Это лучше. За то, когда что и нашихъ рукъ дѣло — многіе скажутъ: пустое, молъ, на Девьера валять все зря. Кивай да кивай на насъ. А у насъ въ Придонскѣ всѣ концы всегда въ водѣ. Сто лѣтъ провоюемъ, не попадемся.

— Давай Богъ! — отозвался Телятевъ, но въ голосѣ командира отряда не было увѣренности и довольства, напротивъ, звучало какое-то странное чувство. Казалось, что онъ далеко не сочувствуетъ затѣямъ своего барина-графа.

Девьеръ, не смотря на свое заявленіе, что спать не хочетъ, началъ, сидя, подремывать... Телятевъ отошелъ отъ барина и отправился осмотрѣть расположеніе своей команды. Приходилось окликать народъ, такъ какъ ни зги не видно было. Десятка два молодцевъ стояли въ разсыпную въ кустахъ, спѣшившись и держа лошадей подъ уздцы. Голоса отвѣчавшихъ на окликъ отличались всѣ однимъ оттѣнкомъ — грубоватымъ недовольствомъ.

Половина отряда была въ самой лощинѣ, другая на пригоркѣ, какъ бы въ резервѣ.

Телятевъ, сдѣлавъ обходъ, усѣлся на пнѣ и вздохнулъ.

— «Чудное дѣло!—думалось ему.—Не подходящіе мы люди для бариновыхъ этихъ дѣловъ. На всѣхъ насъ, молодцевъ троихъ не выищешь, чтобы любили это разбойное дѣло. Вонъ у Михайла Петровича не то... Головорѣзы всѣ на подборъ. Да онъ и дѣлится. У него всѣ при деньгахъ и всего много. А нашъ-то гривну нарочить на десятерыхъ дать, а себѣ сотни рублей наживаетъ. Да и опять, не графское это занятіе. Вотъ былъ Степанъ Разинъ, иль Пугачевъ. Такъ вѣдь они были не изъ графовъ російскихъ. Родитель, да и дѣдъ нашихъ двухъ братцевъ генералами были, вельможами дворскими при царицахъ. А дѣтки, вишь, въ придорожные коршуны пошли».

Въ глубокой и темной лощинѣ была полная тишина. Нельзя было и предположить, что въ ней разсыпались около двадцати человекъ и двадцати коней. Лишь изрѣдка хрустѣлъ хворостъ подъ копытами двинувшейся лошади или раздавалось ржанье и храпъ, но затѣмъ снова надолго наступало затишье.

Наконецъ, вдали, на верху горы, съ которой шель извилинами крутой спускъ, послышался не ясный шумъ... Скоро до слуха сталъ долетать стукъ колесъ, трель лошадиныхъ копытъ и громыханье экипажа. Затѣмъ, показались среди тьмы три тусклыхъ огонька, медленно двигавшихся вдоль горы, то исчезая въ лѣсной чащѣ, то снова мигая бѣлесоватымъ свѣтомъ. Отрядъ, стоявшій въ засадѣ, ожилъ на мгновенье.

— Садись!—вполголоса скомандовалъ самъ графъ.—А вы! Тамъ? Не заснули?—прибавилъ онъ въ противоположную сторону, гдѣ шель подъемъ изъ лощины, и гдѣ расположился другой десятокъ молодцевъ.—Вамъ не соваться, покуда не позовутъ. Обойдется и безъ васъ. Но и дрыхать никто не моги.

— Будьте спокойны!—отозвался оттуда одинъ голосъ.

— Слушаться команды!..—вполголоса крикнулъ Телятевъ.—Не зѣвать, да и зря не лѣзть.

И полная тишина воцарилась снова.

VII.

По крутому спуску съ холма тихо и осторожно двигались проѣзжіе. Изъ лоцины видѣлись только три двигавшіеся огонька, но за ними вплоть слышался топоть копытъ и громахаль экипажъ. Черезъ нѣсколько минутъ, съ половины спуска, шумъ и стукъ проѣзжихъ сталъ раздаваться уже отчетливѣе, три огонька можно было уже разглядѣть. Это были три фонаря въ рукахъ верховыхъ, ѣхавшихъ впереди. За ними, въ полутьмѣ, яснѣе обозначился шестерикъ лошадей и темная, колыхавшаяся масса—большой рыдванъ, на которыхъ кой-гдѣ, кой-что свѣтилось и сіяло въ лучахъ огней. Будто искры вспыхивали и тухли то на сбруѣ коней, то на бокахъ кареты. Осторожно и медленно подвигаясь внизъ, экипажъ, наконецъ, спустился совсѣмъ въ лоцину и пріостановился.

Графъ Девьеръ, не спускавшій глазъ съ рыдвана, уже собрался скомандовать своимъ молодцамъ, какъ вдругъ раздался среди проѣзжихъ зычный голосъ:

— Прикажете обождать, аль подниматься?

— Обожди!—громко и сильно отозвался чей-то голосъ съ половины спуска.

— Ахъ ты!—чуть не вслухъ воскликнулъ Девьеръ.—Вылѣзъ и пѣшкомъ идетъ! Вотъ было маху-то далъ!

То же самое подумалъ и Телятевъ, собиравшійся уже по первой командѣ барина броситься къ стоявшему экипажу.

— «Да. Могли сглушить,—прибавилъ онъ мысленно.—Поди не на легкѣ баринъ пѣшкомъ идетъ. Деньги-то всѣ на немъ! Карету бы ограбили, а его-то и ищи-свищи. Знамо дѣло, утекъ бы въ чащу и спрятался до утра.»

Всѣ молодцы точно также поняли, почему не раздается команда и чего баринъ-графъ ждетъ.

Между тѣмъ, одна изъ упряжныхъ лошадей вдругъ почувяла то, чего не видать было глазомъ. Она почувяла во тѣмѣ присутствіе другихъ, себѣ подобныхъ, существъ. Лошадь заржала и сразу, съ двухъ сторонъ, отозвались ей изъ лоцины.

— Ишь ты... Кони, стало, пасутся тутъ,—выговорилъ кучеръ съ козелъ, обращаясь къ кому-то изъ своихъ.—Должно, здѣсь луговина. Въ ночномъ кони...

— Да, ночное... — пробормоталъ Девьеръ, ухмыляясь. — Только иное... Вотъ сейчасъ спознаешь, какое ночное.

Въ самомъ концѣ спуска вдругъ мелькнулъ еще огонекъ, а вокругъ него кучка пѣшихъ людей. Густая чаща мѣшала ранѣ видѣть этотъ фонарь и только теперь, когда пѣшіе вышли въ лоцину, маленький огонекъ, несомый надъ самой землей, освѣтилъ людей, шагавшихъ кучкой. Они уже близились къ экипажу.

— Валяй, ребята!—раздался громовой крикъ графа и огласилъ все Чортово днище; но самъ онъ не тронулся съ мѣста.

Молодцы, по командѣ барина, бросились сразу со всѣхъ сторонъ. Раздались крики, затрещалъ хворостъ, зашуршали кусты и произошла сумятица.

Въ нѣсколько мгновений, по командѣ Телятева, конные молодцы спѣшили и орудовали лихо и быстро. Они молча хватили всѣхъ попадавшихся въ руки, безъ разбора валили на землю и вязали бичевой. Потерявшіеся отъ неожиданности, проѣзжіе только вскрикивали, пугливо причитали и молились.

Но вдругъ раздался выстрѣлъ!.. Затѣмъ, другой...

— Ой... Убили! Охъ!.. — отчаянно вскрикнулъ Телятевъ, падая на землю.

Девьеръ пришпорилъ коня и вылетѣлъ изъ своей засады въ общую свалку.

— Пали! Бей! — крикнулъ онъ...

Но выстрѣловъ не послѣдовало. Не въ кого было стрѣлять! Всѣ лежали перевязанные на землѣ. Выпалилъ, очевидно, самъ проѣзжій князь, котораго въ первую минуту упустили въ кусты. Теперь онъ выстрѣлилъ, подшибъ Телятева, но самъ уже лежалъ на землѣ, сбитый съ ногъ. Двое молодцевъ сидѣли на немъ верхомъ и крутили руки назадъ, обвивая веревкой.

— Кто палилъ? — крикнулъ Девьеръ.

— Вотъ! Онъ самъ! Баринъ!—раздались голоса ихъ.

— Охъ... Помираю... Убили!—простоналъ Телятевъ, корчась на землѣ!..

— Обыскивай! — крикнулъ Девьеръ молодцамъ, которые вязали проѣзжаго барина. — Вы! потроши рыдванъ! Высыпай всѣ ящики на землю.

Одинъ изъ молодцевъ подалъ графу большой и толстый портфель, вытащенный изъ кармана барина.

— Все ли?

— Вотъ еще часы, да табакерка.

— Больше ничего нѣтъ?

— Чисто. Ничего.

— Ну, оттащи ихъ, ребята, отъ дороги, чтобы не глядѣли. Давай фонари сюда. Свѣти. Выгребай рыдванъ. Вали все въ кучу.

Всѣхъ связанныхъ оттащили въ сторону отъ дороги. Запасный отрядъ, вызванный въ подмогу, принялъ лошадей своихъ товарищей подъ уздцы, а сами они занялись рыдваномъ.

Всѣ ящики и важи изъ-подъ сидѣній и съ кузова, и съ крыльевъ—все чѣмъ былъ какъ бы оснащенъ весь экипажъ—все отвязывалось, тащилось на-земь и вскрывалось или взрѣзывалось топорами и ножами. При свѣтѣ двухъ фонарей графъ самъ занялся разборомъ всей клади, но почти все выбрасывалось и мало чтъ удо-

стоивалось его выбора. Вся поклажа состояла изъ платья и бѣлья, мужскаго и женскаго. Только въ одномъ ящикѣ нашелся тяжелый ларецъ, а въ немъ, когда крышка была взломана, сверкнули золотыя вещи, серьги, кольца и столбики червонцевъ...

Графъ взялъ все, что въ немъ было, и высыпалъ въ кожаный мѣшокъ, который висѣлъ у него на перевязи.

Молодцы ничѣмъ не воспользовались. Это было строго заказано графомъ.

— Надо концы прятать. Награбленный товаръ всегда выдастъ человѣка головою,—было разъ навсегда объяснено графомъ.

Покуда одни вываливали поклажу для осмотра, другіе занялись отпряжкой лошадей изъ экипажа, но сбрую снимали и бросали на-земь.

Послѣ этого вся команда снова повскакала на своихъ коней и двинулась, ведя въ поводу упряжныхъ.

Графъ остался въ лоцинѣ съ двумя молодцами.

— Ну, ты!.. обратился онъ къ одному изъ нихъ.—Поди, глянь, что Телятевъ. Коли живъ, то пристрѣли. Живого оставлять нельзя...

— Ваше сіятельство... Помилосердуйте!..—взмолился молодецъ.— Я ни въ жисть не смогу своего брата эдакъ...

— Ну, безъ разговоровъ!.. А то самому пулю въ лобъ залѣплю. Ступай!..

Молодецъ двинулся въ темнотѣ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый, и тихо спросилъ:

— Ты что?.. Какъ тебѣ?

— Охъ, помираю... Подъ самое сердце хватилъ!—простоналъ раненый, лежавшій на спинѣ.

— Какъ же быть-то намъ, Телятевъ?—сказалъ молодецъ, нагибаясь ближе къ раненому.— Можешь сѣсть на лошадь?..

— Нѣтъ. Оставьте... Помираю...

— Коли не можешь ѣхать, то графъ указалъ тебя прикончить. Какъ же быть-то? Я этого не могу. Ужъ самъ бы, изувѣръ, творилъ такое.

Раненый молчалъ.

— Чтожъ намъ дѣлать... Ты бы ужъ самъ что ли? Сдѣлай милость!—шепталъ молодецъ, нагибаясь.— Тебѣ самому-то себя ничего... А у меня рука не подымается.

— Каинъ!—произнесъ Телятевъ.— За всю мою службу... Охъ!..

— Чтожъ намъ дѣлать-то? Родной, посуди... Онъ указалъ. Не то мнѣ пулю въ лобъ...

— Я помру... до утра...

— Нѣту. Что пустое болтать. Или садись, да поѣзжай съ нами. Либо кончайся...

— Помилосердуйте!..

— На вотъ пистоль. Кончай... Ставь къ уху...

— Охъ, Господи. Грѣхъ... Самому на себя руки класть...

Телятевъ досталъ изъ-за пояса пистолеть, медленно поднялъ руку и приставилъ его себѣ къ уху...

— Господи, прости и помилуй грѣшную душу!—прошепталъ молодець, крестясь.

Раздался и сверкнулъ во тьмѣ выстрѣлъ... Лежащаго передернуло. Онъ выронилъ пистолеть и размахнулъ руками, потомъ прохрипѣлъ протяжно и стихъ.

Молодець вернулся къ графу.

— Ну что? Вѣрно ли!—спросилъ Девьеръ.

— Самъ себя покончилъ,—отозвался молодець.

Девьеръ велѣлъ обимъ парнямъ садиться на лошадей, а самъ двинулся тихонько въ кусты и подползъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали рядомъ связанные проѣзжіе. Онъ прислушался. Они тихо перешептывались между собой.

— Деньги—дѣло наживное,—говорилъ одинъ.

— Вотъ до утра пролежимъ. Проѣдетъ кто, освободить.

— За разбойничье здоровье свѣчку угоднику поставимъ!—шутливо замѣтилъ третій.

— Вѣстимо. Могли всѣхъ и барина самого перебить какъ щенятъ.

Графъ перешелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Телятевъ, опупалъ его въ темнотѣ, прислушался—нѣтъ ли дыханія, поднялъ руку лежащаго, она упала тяжело...

— Не первый и не послѣдній!—проворчалъ Девьеръ, и, отойдя, сѣлъ на лошадь и двинулся.

Прошелъ часъ полной тишины... Убѣдившись, что разбойники скрылись, перевязанные проѣзжіе заговорили громче и стали переключаться и толковать о томъ, какъ избавиться отъ своихъ путъ.

— Надо бы самимъ ослобониться. До утра лежать озябнешь, окостенѣешь совсѣмъ,—говорилъ одинъ.

— А гдѣ баринъ? Эй, братцы... Баринъ-то дорогой гдѣ? Давай его кликать. Живъ ли онъ?—кричалъ другой.

— Баринъ! Баринъ! А баринъ!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Здѣсь я... Связанъ! Должно и вы всѣ то же,—отозвался голосъ въ сторонѣ.

— Сейчасъ, ваше сіятельство, всѣ ослобонимся,—почти весело закричалъ молодой парень, фореиторъ. — Я зубами бичеву давно грызу. Сейчасъ руку лѣвую опростаю... Съ нея все дѣло и пойдеть... Всѣ развяжемся...

И проѣзжіе начали бодрѣе переключаться въ темнотѣ.

— Развязаться—развяжемся... А вотъ, какъ отсюда выбраться?

— Обида... Эдакихъ коней, да угнали!..

— А поклажу-то... Всю переворошилъ злодѣй.

— Когожъ это ребята убили? Слышь палилъ кто-то...

— Молился онъ не замать его... А убили! Только не изъ нашихъ. Наконецъ, мальчуганъ-форейторъ распутался и вскочилъ на ноги.
— Готово!—вскрикнулъ онъ.—Вишь темъ... Гдѣ вы?.. Одного развяжу, да пойдемъ скорѣе съ барина пугы снимать.

VIII.

Часовъ въ восемь утра, молодой Миша въѣхалъ въ небольшую деревушку, за которой виднѣлся маленькій барскій домъ, деревянный, простой, но красивый и новенькій, весь съ иголки.

Это было имѣнье прапорщика гвардіи Хераскова. Нынѣшній владѣлецъ имѣнья только что купилъ его, выстроилъ вновь усадѣбный домъ и переименовалъ деревушку Рѣшетню въ Софьино, по имени своей любимой и единственной дочери.

Петръ Ивановичъ Херасковъ приобрѣлъ это имѣнье у пріятели еще въ Петербургѣ заглазно. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ прожилъ съ дочерью и нѣсколькими дворовыми въ двухъ избахъ въ продолженіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ, покуда не выстроилъ барскаго дома.

Съ тѣхъ поръ прошло уже семь лѣтъ, а Софьино, благодаря заботливому хозяину, казалось все еще какъ бы съ иголки, выстроеннымъ сейчасъ.

Причина, побудившая Хераскова поселиться въ Воронежской губерніи, была сильная, еще дѣтская привязанность къ двоюродной сестрѣ, которая была замужемъ за графомъ Михаиломъ Петровичемъ Девьеромъ.

Первое время Херасковъ постоянно ѣздилъ въ гости въ Придонскъ и, къ великому своему огорченію, видѣлъ, насколько любимая имъ двоюродная сестра была несчастлива съ своимъ крутымъ мужемъ.

Одинъ разъ графинѣ Девьеръ случилось даже бѣжать изъ Придонска и укрываться цѣлый мѣсяць у Хераскова, такъ какъ мужъ погрозился зарѣзать ее.

Затѣмъ, около двухъ лѣтъ тому назадъ, Петръ Ивановичъ вдругъ узналъ, что графиня скончалась. Не прошло недѣли, какъ онъ былъ въ Придонскѣ, видѣлъ ее. Она была очень грустна, но не хворала.

Это событіе очень удивило его, равно, какъ и многихъ сосѣдей Девьера. Болѣе всего удивляло всѣхъ то обстоятельство, что графиня была похоронена чрезъ сутки по кончинѣ и безъ всякой торжественности. Только нѣсколько человѣкъ изъ двора видѣли, какъ гробъ пронесли изъ усадьбы на кладбище. Ни приглашеній на похороны, ни обычнаго въ этихъ случаяхъ поминнаго обѣда, ни присутствія сосѣднихъ священниковъ для соборнаго отпѣванія,—ничего не было.

Не прошло нѣсколькихъ дней послѣ похоронъ, какъ уже молва народная разнесла повсюду слухъ, странный и бессмысленный, что графиня никогда не умирала, что она сгинула, а на кладбище снесли и въ яму опустили пустой гробъ.

Съ именемъ графовъ Девьеровъ соединялось столько розказней и срамныхъ, и ужасныхъ, что и на этотъ розказъ никто не обратилъ вниманія. Скоро всѣ и забыли о доброй и мягкосердой барынь-помѣщицѣ.

Вспоминалъ ее и горевалъ попрежнему одинъ Петръ Ивановичъ. Онъ даже собирался продать Софьино и уѣхать подальше отъ Воронежскаго намѣстничества.

Затѣмъ, однажды, дочь его, гостившая у помѣщицы Калитиной, встрѣтилась съ молодымъ графомъ Девьеромъ и вскорѣ призналась отцу во всемъ.

Петръ Ивановичъ, обожавшій дочь, ужаснулся этой случайности. Имя Девьера стало ему настолько ненавистнымъ, что онъ не допускалъ и возможности чего-нибудь серьезнаго.

— Съ ними избави Богъ родниться!—заявилъ онъ дочери.—Они не русскіе дворяне, они гишпанцы и злодѣи.

Однако, Хераскову полюбился молодой Девьеръ, и онъ позволялъ ему изрѣдка навѣщать ихъ.

Когда, въ это утро, телѣжка съ двумя сѣдоками показалась на деревнѣ и быстро приближалась къ воротамъ усадьбы, въ верхнемъ этажѣ дома, у окна, стояла молодая дѣвушка лѣтъ семнадцати, черно-волосая, съ неправильными чертами лица, но съ чрезвычайно свѣженькимъ бѣлымъ и румянымъ личикомъ. Кровь съ молокомъ! Она давно стояла у окна и тоскливо смотрѣла на пасмурную, сѣрую и голую окрестность.

Мысли ея, какъ и всегда, а въ особенности часто за послѣднее время, были далеко отъ дома и витали въ усадьбѣ, именуемой Погромецъ.

Это и была обожаемая дочь дворянина Хераскова. Уже около девяти мѣсяцевъ, со времени встрѣчи съ молодымъ Девьеромъ у старушки-помѣщицы, Соня Хераскова всей душой отдалась и принадлежала своему ненаглядному Мишѣ. Въ три дня разгорѣлась эта любовь, и съ тѣхъ поръ только усиливалась и пускала глубокіе корни.

Разлука и возможность видаться не болѣе одного раза въ мѣсяцъ только раздували огонь страсти. Противодѣйствіе со стороны графа Девьера, не позволявшаго сыну ѣздить къ Херасковымъ, а равно противодѣйствіе самого Хераскова, не желавшаго родниться съ бѣшенными «гишпанскими» дворянами, только усиливали страсть въ молодыхъ людяхъ. Таковъ видно законъ природы.

За послѣднее время судьба нѣсколько благопріятствовала молодой дѣвушкѣ. Отецъ, подъ влияніемъ ея тоскливаго настроенія, усугубившагося осенью, уже начиналъ сдаваться.

Повидавъ лѣтомъ раза четыре молодого Девьера, Херасковъ, какъ человѣкъ неглупый, долженъ былъ поневолѣ замѣтить, что графъ-сынъ мало похожъ на графа-отца и на своего дядю.

Ни вѣшностью, ни характеромъ, молодой Михаилъ Девьеръ не походилъ на нихъ. Мягкосердечіемъ и добродушіемъ онъ былъ даже прямой противоположностью ихъ. Словомъ, онъ за лѣто поправился Хераскову почти противъ воли.

Когда наступила осень и единственная дочь особенно загрустила, начинала таять, прихварывать, Херасковъ серьёзно встревожился. Онъ уже началъ думать и повторять русскую пословицу: суженаго конемъ не объѣдешь.

Да и чѣмъ виновать сынъ, коли у него отецъ—человѣкъ нехорошій.

Несчастливая судьба ея любимой двоюродной сестры, умершей какъ-то таинственно послѣ многихъ лѣтъ терзаній, уже не становилась поперекъ дороги въ мысляхъ Хераскова.

— «Если она, думалось ему, была несчастлива съ своимъ лютымъ супругомъ Михайломъ Петровичемъ, то почему же Соня будетъ также несчастна съ молодымъ Михайломъ, который совершенно не похожъ на дядю?»

И Херасковъ началъ самъ съ собой спорить, увѣрять себя, что если Соня будетъ плохо въ домѣ свекра, то можно зятя съ дочерью перевезти къ себѣ въ усадьбу на жительство.

— Кто другой уступитъ графамъ Девьерамъ, а я за себя постою, ихъ не побоюсь!—думалъ и говорилъ Херасковъ.

Недѣли за три до этого дня, Херасковъ уже объяснилъ своей Сонѣ, что онъ, пожалуй, непрочь согласится ѣхать сватать ее къ графу Девьеру, но что надо подумать еще, обождать малость.

— Вотъ пріѣдетъ Михаилъ Антоновичъ, перетолкуемъ съ нимъ,—прибавилъ онъ.

Посылать гонца къ молодому Девьеру Херасковъ ни за что не хотѣлъ, и Соня приходилось ждать, чтобы самъ Миша навѣстилъ ихъ.

И вотъ теперь, когда она стояла у окна, тоскливо озираясь кругомъ усадьбы, вдругъ появилась на деревнѣ телѣжка, шибкою рысью приближалась къ дому и, наконецъ, влетѣла во дворъ.

Соня вскрикнула и опрометью бросилась внизъ.

Не успѣлъ молодой Девьеръ выйдти изъ телѣжки, какъ уже люди, высланные барышней къ нему на встрѣчу, окружили его съ поклонами.

— Барина дома нѣтъ, уѣхалъ въ поле. Барышня дома. Пожалуйте,—объяснили ему.

Девьеръ былъ обрадованъ этимъ извѣстіемъ. Онъ успѣетъ хоть нѣсколько минутъ побесѣдовать наединѣ съ своей возлюбленной.

Зайдя въ одну изъ комнатъ для гостей, въ которыхъ пріѣзжіе останавливались обыкновенно или же только приводили въ поря-

докъ свой туалетъ, Миша переодѣлся и черезъ четверть часа явился въ гостиную. Здѣсь сидѣла на диванѣ Соня, а при ней старушка, родственница Хераскова, подслѣповатая и глуповатая, но чрезвычайно добрая женщина.

Ее всѣ знали подъ именемъ Сусанны Казиміровны, фамилія же была никому неизвѣстна, да ею никто и не интересовался.

Ея имя и отчество, сильный акцентъ въ произношеніи русскаго языка, нѣкоторые анекдоты, которые она любила рассказывать изъ жизни саксонско-польскихъ королей,—все свидѣтельствовало, что старушка или полька или нѣмка. Какимъ образомъ она приходилась родственницей Хераскову, никто не зналъ, и тоже ни для кого это не было любопытно.

Къ молодому Девьеру старушка относилась, какъ и ко всѣмъ, добродушно, а за послѣднее время, узнавъ отъ обожаемой ею Сони, чѣмъ можетъ со временемъ стать этотъ молодой человекъ для нея, она тоже «влюбилась» въ Мишу по словамъ Хераскова.

При появленіи Девьера молоденькая хозяйка встала, волнуясь и краснѣя. Молодые люди поздоровались.

Миша подошелъ почтительно къ ручкѣ Сусанны Казиміровны и усѣлся противъ обѣихъ, тоже конфузясь и съ румянцемъ на лицѣ.

— Къ вамъ по дорогѣ,—забормоталъ онъ.—Надо было по дѣлу. Батюшка послалъ. Недалече отсюда дѣло. Вотъ я и завернулъ на часокъ времени.

Эта фраза была обычной, сакраментальной. Миша каждый разъ повторялъ ее и лгалъ, чтобы объяснить свой визитъ. Но Соня отлично знала, что онъ является нарочно къ нимъ въ тѣ минуты, когда можно въ отсутствіе отца обманомъ выѣхать изъ дома.

Послѣ нѣсколькихъ пустыхъ фразъ, Миша по одному слову Сони понялъ, что у нея есть о чемъ переговорить съ нимъ наединѣ.

Сусанна Казиміровна, не смотря на тугое пониманіе многихъ явленій жизни, поняла, однако, очень хорошо слово дѣвушки и догадалась, что ея отсутствіе будетъ особенно пріятно обомъ.

— Надо мнѣ приказать, чтобы дали графу покушать съ дороги,—сказала она. И, поднявшись, старушка выпорхнула изъ гостиной, точно ей было двадцать лѣтъ.

IX.

Молодые люди остались вдвоемъ и какъ всегда смутились, увидя себя однихъ.

— Ну, что батюшка вапшъ? — говорила Соня. — Опять уѣхали тайкомъ?

— Да, вѣстимо, тайкомъ. Онъ выѣхалъ въ ночь по какому-то дѣлу, а я, конечно, тотчасъ же всталъ и прискакалъ. Къ вечеру

надо быть дома, чтобы вернуться прежде него, а то разгнѣвается. Пожалуй, отлучаясь—велить запираеть меня.

— На счетъ насъ разговоръ съ нимъ вы не имѣли?

— Никакихъ!..—грустно отозвался Миша.

— Ну, а у насъ, Михайло Антоновичъ, слава Богу, много новаго. Новаго то-исъ всего только одно, да такое одно, что вы ахнете.

— Что же?—взволновался Миша.

— Батюшка даетъ свое согласіе, собирается къ вашему родителю сватомъ.

— Господи!—вскочилъ Девьеръ съ своего мѣста.

— Да, да, согласіе даетъ, собирается. Только съ вами хотѣлъ разъ повидаться и переговорить.

И молодая дѣвушка, вся пунцовая отъ счастья, начала быстро и подробно рассказывать возлюбленному, какъ понемногу ей удалось убѣдить и переломить упрямство отца.

Молодые люди переговорили обо всемъ толково: какъ быть, чего ждать, на что надѣяться. Когда въ дверяхъ снова показалась Су-санна Казиміровна, то все было уже переговорено.

Лица молодыхъ людей, взволнованныя и раскраснѣвшія, свидѣтельствовали о томъ, что бесѣда ихъ имѣла для нихъ чрезвычайное значеніе. А быть можетъ и совѣсть была у нихъ чернѣе сажи изъ-за совершеннаго преступленія.. взятаго и отданнаго обоюдно поцѣлуя.

Девьеръ перешелъ въ столовую и сѣлъ завтракать. Молодая хозяйка и родственница сѣли около стола и угощали гостя.

Вскорѣ на дворѣ раздался стукъ колесъ. Молодой человѣкъ тотчасъ всталъ изъ-за стола и вышелъ въ прихожую на встрѣчу къ хозяину.

Херасковъ, уже поднявшійся на крыльцо, зналъ о пріѣздѣ молодого Девьера. Онъ ласково встрѣтилъ гостя, обнялся съ нимъ, расцѣловался, и Девьеръ сразу увидалъ, что между нимъ и Херасковымъ, въ отношеніяхъ, есть уже перемѣна къ лучшему.

Петръ Ивановичъ расцѣловался съ дочерью, а затѣмъ обернулся къ гостю съ словами:

— Покушай, дорогой гостыюшка, да приходи ко мнѣ. Побесѣдовать надо намъ съ тобою о нѣкоемъ дѣлѣ.

И Херасковъ добродушно подмигнулъ дочери.

Разумѣется, молодой человѣкъ, черезъ силу проглотивъ еще кусокъ какого-то мяса, объявилъ, что съ него достаточно и поспѣшилъ въ комнату хозяина.

Херасковъ сидѣлъ за столомъ, гдѣ были разложены всякія бумаги и книги. Онъ что-то писалъ карандашомъ. При появленіи молодого человѣка, онъ снялъ очки, отложилъ отъ себя бумагу и карандашъ, и вымолвилъ ласково:

— Ну, бери стулъ, Михайло Антоновичъ, садись и прислушай. Молодой человѣкъ повиновался.

Когда онъ сѣлъ у стола, въ смущеніи глядя въ лицо Хераскову, тотъ опустилъ глаза на столъ и заговорилъ съ чувствомъ, ровнымъ и тихимъ голосомъ:

— Слушай меня, любезный графъ, со всѣмъ твоимъ размышленіемъ и отвѣчай правду. Не ставь меня, человѣка уже не молодого, почитай даже старика, а равно и дочушку мою, коя тебѣ дорогой человѣкъ, — въ неблаговидное для насъ переплетеніе обстоятельствъ. Правдивые твои отвѣты дѣлу не повредятъ, а помогутъ. А будешь ты лгать и обходами меня брать, будешь хитрить и неправду отвѣтствовать. кромѣ бѣдоваго для насъ всѣхъ ничего не выйдетъ. Любитесь вы съ моей дочерью?

— Да,—едва слышно отозвался Девьеръ.

— И шибко любитесь оба, и ты и она? Почитай давно. Съ самыхъ рождественскихъ праздниковъ, со святокъ?

— Да,—снова чуть слышно отозвался Девьеръ.

— Знаю, въ этомъ-то во всемъ ты будешь отвѣтствовать правдиво. Да и я знаю, что это все правда. А вотъ погоди, что дальше ты будешь отвѣчать. Знаешь ли ты къ примѣру, молодець, что у моей Сони всего иждивенія самая малость? Невѣста она не богатая. Знаешь или нѣтъ, что за ней рублей—одинъ въ столѣ, другой на столѣ, а третій по свѣту идетъ и братцевъ за собой зоветъ. Знаешь, аль нѣтъ?

— Этого... Нѣтъ-съ, не знаю!..—глуповато отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну, такъ вотъ, долженъ знать. У ней помимо этой деревнишки ничего не будетъ. Да и это послѣ моей смерти. Вотъ что. Понялъ ты?

— Понимаю, да только мнѣ это совсѣмъ не любопытно. У меня отъ батюшки будетъ. Да я объ этомъ не думаю..

— Ну ладно. Теперь отвѣтствуй. Только помни, не кривить. Если я поѣду къ твоему родителю сватомъ, останусь я въ дуракахъ, аль нѣтъ? Откажетъ мнѣ наотрѣзъ, графъ Антонъ Петровичъ Девьеровъ, носъ мнѣ утретъ иль нѣтъ? Выгонитъ онъ меня изъ дому, иль согласіе дастъ? Нутка? Отвѣтствуй.

Молодой человѣкъ молчалъ и ежился на своемъ стулѣ.

— Вишь ты,—вымолвилъ Херасковъ,—собирается молодець съ духомъ, чтобы соврать.

— Нѣтъ, зачѣмъ?—встрепенулся Девьеръ.

— Такъ, стало быть, по твоему, онъ обрадуется сватовству?

Молодой человѣкъ опять заволновался, промычалъ что-то, но ни слова не сказалъ.

— Стало быть, врать не можешь, а отвѣтствовать тоже не хочешь. По твоему, стало, онъ откажетъ?

— Нѣтъ,—воскликнулъ Девьеръ.

— Такъ согласится, будетъ радъ сватовству?

— Не знаю, Петръ Ивановичъ, какъ передъ Богомъ, не знаю. Но полагаю, что спервоначала приметъ онъ на себя важный видъ. Такой у него норозъ!

— То-то вотъ...

— Что дѣлать! Ну, а въ концѣ концовъ онъ дастъ свое соглаше, — рѣшительно произнесъ Девьеръ и заговорилъ горячо:— Вѣдь я уже раза два пыталъ батюшку, и онъ хвалилъ Софью Петровну, говорилъ, что она изъ себя пригожа и нравомъ тихая. Однажды заходила рѣчь у насъ женить меня на какой-то княжнѣ изъ Харьковскаго намѣстничества, очень богатой. Но батюшка сказалъ:— чорта ли намъ въ деньгахъ. — У насъ свои есть, своихъ куры не клюютъ. А надо дѣвицу степенную и ко мнѣ почтительную.

— Такъ какъ же. По твоему, стало быть, если я приѣду, то не останусь въ дуракахъ? Отвѣчай по совѣсти.

— Вотъ какъ передъ Богомъ, Петръ Ивановичъ, ничего не могу сказать навѣрное. Но сдается мнѣ, что приметъ васъ батюшка добродорядочно, вѣжливо, никакого отвѣта сразу не дастъ, но въ концѣ концовъ согласится. Ужъ я постараюсь на всѣ лады его поломать.

— Ну ладно, вотъ и все. Такъ я явлюсь въ Погромецъ. Сборы мои будутъ не долгіе. Не пройдетъ недѣли, какъ я буду у васъ. Ты, тѣмъ временемъ, объяснись съ отцомъ напрямки, скажи, что желалъ бы жениться на моей Сонѣ. Чтò онъ тебѣ на это скажетъ, ты тотчасъ мнѣ перешли съ посланнымъ. Коли онъ откажетъ наотрѣзъ, разгнѣвается, будетъ браниться, ты такъ и отпиши, меня не подводи.

— Слушаю-съ.

— Ну, а теперь о другомъ дѣлѣ, голубчикъ мой, совсѣмъ якобы къ этому дѣлу неподходящемъ, но, однако, для меня имѣющемъ заводу. Отвѣчай ты мнѣ по совѣсти, какія такія ночныя поѣздки и уѣзды совершаетъ твой родитель, да и твой дядюшка? Вѣдомо ли тебѣ, что во всемъ намѣстничествѣ, да даже и въ сосѣднихъ, во всей области, молвь народная бѣгаетъ, что графы Девьеры какими-то темными дѣлами занимаются. И какими, никто доподлинно не знаетъ. Прости, что тебѣ говорю это прямо. Прежде не сталъ бы сыну про отца такую рѣчь заводить, но теперь оно мнѣ знать необходимо. Знаешь ли, что болтаютъ? Самъ намѣстникъ воронежскій, генералъ Чертковъ, сказывалъ, тому мѣсяца два будетъ, что ему сумнительно, не занимается ли твой дядюшка въ Придонскѣ дѣланьемъ денегъ. Вонъ оно что. Да и твой родитель будто бы ему помогаетъ.

По изумленному лицу молодого человѣка, по его глазамъ, широко раскрытымъ, Херасковъ увидалъ, что Миша не понялъ ничего изъ его словъ.

— Сказываютъ, они деньги дѣлають, ты не понимаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Херасковъ размѣялся.

— Знаешь ты, какія вотъ деньги на Руси теперь пошли, бумажки, именуются «ассиньяціями». Видалъ вѣдь ты ихъ?!

— Какъ же-съ. Сѣренькіе клочечки. Вотъ хоть пять рублей.

— Ну коли видалъ, стало быть, знаешь. Ну вотъ есть люди, которые таковыя билетики не изъ палатъ государственныхъ получаютъ, а сами дѣлають.

— Вотъ какъ!—произнесъ Мипа.

— Да. А знаешь ли ты, что начальство сдѣлаеть, коли узнаеть, кто этимъ дѣломъ занимается?

— Нѣтъ.

— Въ Сибирь, голубчикъ, ссылають, въ каторгу. Или въ острогъ сажаютъ. Дворянства, чиновъ и отличій и всякихъ правъ лишаютъ при этомъ. Такъ, что какой ни на есть графъ или хоть генераль съ орденами, прямо въ одинъ мигъ станеть простымъ крестьяниномъ. Хуже того. И крестьянскихъ-то правъ у него нѣтъ, будеть онъ ссыльнымъ каторжникомъ.

— Вона какъ!—воскликнулъ Девьеръ.

— Ты этого никогда не слыхалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну вотъ ты и разсуди, если то, что сказываютъ про твоего родителя и дядюшку, сущая правда, то чѣмъ дѣло-то это пахнетъ, какъ ты думаешь?

— Ужъ я тутъ, Петръ Ивановичъ, не судья и не разборщикъ. Я тутъ ничего и сообразить не могу,—произнесъ наивно молодой человѣкъ, разводя руками.

— Такъ ты, стало, мнѣ на этотъ предметъ ничего отвѣчать не можешь?

— Ничего-съ.

— Ну ладно. Спасибо и за то, что ты въ этомъ не участвуешь. А погубять они себя, такъ что же? Ты и будешь тогда сразу наслѣдникомъ обоихъ. Тѣмъ лучше для насъ. Мы заживемъ мирно, тихо и благополучно, а они двое въ Якутскъ поѣдутъ. Ну теперь конецъ, пойдемъ въ диванную къ дочери.

Молодой человѣкъ пробыль еще часа два въ гостяхъ, и затѣмъ сталъ спѣшить домой, чтобы успѣть въ вечеру быть уже дома до возвращенія отца.

Послѣднія слова, которыя сказалъ ему на прощанье Херасковъ, заставили встрепенуться его сердце.

— Давай поскорѣе мнѣ отвѣть. А я въ долгій ящикъ откладывать не стану, голубчикъ. Черезъ три-четыре дня соберусь и выѣду въ Погромецъ.

X.

Конный отрядъ Девьера крупной рысью, иногда и вскачь, неся почти безъ роздыха. Приходилось за ночь успѣть добраться до усадьбы Михаила Петровича, куда обыкновенно отправлялся Антонъ Девьеръ послѣ своихъ подвиговъ. Чужія угнанныя лошади были «поличнымъ», или какъ братья выражались «концемъ», который надо было скорѣе хоронить.

На зарѣ, когда чуть брезжилъ свѣтъ пасмурнаго и сыраго осенняго утра, отрядъ вѣзжалъ въ большое село, расположенное на берегу Дона.

Отдѣльно отъ крестьянъ, въ полуверстѣ разстоянья, виднѣлась большая усадьба на голомъ мѣстѣ безъ одинаго дерева, не только сада.

Графъ Михаилъ Петровичъ самъ лѣтъ десять назадъ выстроился здѣсь на пустынномъ и песчаномъ берегу Дона, а все посаженное имъ ради предполагавшагося сада—погибло и не было возобновлено.

— И безъ аллеекъ да цвѣточковъ проживу,—объяснялъ Михаилъ Петровичъ.—Кто хочетъ гулять—вонъ лѣсъ. Лучше всякаго сада.

Большой каменный домъ съ флигелями и службами стоялъ въ глубинѣ широкаго и просторнаго двора, прислонясь къ холму, поросшему густымъ лѣсомъ. Здѣсь непроницаемая чаща на цѣлую версту въ окружности была не тронута владѣльцемъ. Топоръ за всѣ 10 лѣтъ ни разу не стукнулъ въ лѣсу. Ни единой вѣтки никто не тронулъ здѣсь, и поэтому, не смотря на близость жилья, въ лѣсу водились и всякая птица, и всякій звѣрь.

Тому назадъ лѣтъ семь въ Придонскѣ вдругъ появилось много народу. Было пригнано до двухъ сотенъ человѣкъ рабочихъ изъ-за Дона. Вскорѣ закипѣла работа около усадьбы.

Крестьяне Придонска говорили, что баринъ хочетъ вырубить весь лѣсъ сразу, но, однако, ошиблись... Близъ усадьбы начались земляныя работы. Что дѣлали пригнанные рабочіе—объ этомъ шель говоръ лишь втихомолку. Былъ строжайшій указъ отъ барина-графа не болтать и даже не смѣть любопытствовать, какой такой работой заняты пришлый народъ.

Разумѣется, крестьяне Придонска все-таки узнали вскорѣ въ чемъ дѣло.

Графъ раскапывалъ холмъ. Въ надеждѣ найти золотую руду, онъ рылся въ землѣ подъ лѣсомъ и должно быть далеко ушелъ въ глубь, такъ какъ цѣлое лѣто сотни возовъ съ землей ежедневно проѣзжали отъ лѣсу къ рѣкѣ. И многое множество земли было высыпано въ батюшку тихій Донъ. Зачѣмъ не валили землю рабочіе середи поля, никто понять не могъ.

Казалось, что баринъ хочетъ, чтобы не оставалось слѣдовъ отъ его затѣи...

Не смотря на строгій указъ молчать о томъ, что они дѣлають, наемные рабочіе молчали, покуда работали. Отпущенные и рассчитанные осенью, они разнесли вѣсть далеко кругомъ, что вырыли въ Придонскѣ цѣлое подземелье. Пущенный слухъ объ исканіи руды былъ, конечно, уловкой графа Девьера.

У него явилась прихоть имѣть около дома другую подземную усадьбу въ нѣсколько отдѣленій. Подъ холмомъ былъ домъ съ горницами, были сараи и конюшни съ стойлами, погреба и кладовыя.

Еслибъ графъ Михаилъ Петровичъ захотѣлъ теперь, то могъ бы въ три дня исчезнуть съ лица земли со всѣмъ своимъ имуществомъ, съ дворней, экипажами, конями и со всѣмъ скарбомъ отъ мебели до посуды.

Теперь обитатели всего околodka, даже всего уѣзда, знали, что у графа Девьера существуетъ огромное помѣстительное подземелье, но, однако, никто изъ знакомыхъ его, даже никто изъ крестьянъ села—никогда въ немъ не бываль.

Одна дворня имѣла доступъ туда, но приносила страшную клятву барину и цѣловала крестъ—никому ничего никогда не сказывать—подъ страхомъ смерти.

Три года назадъ, на масляной недѣлѣ, одинъ изъ любимыхъ кучеровъ барина сталъ болтать подъ хмѣлькомъ на деревнѣ о томъ, какія въ подземной усадьбѣ богатыя горницы. На первой недѣлѣ великаго поста кучерь говѣлъ по указу графа, исповѣдывался, причастился и, затѣмъ, пропалъ безъ вѣсти. Съ тѣхъ поръ никто его не видѣлъ. Одни увѣряли, что кучерь сосланъ въ Сибирь, другіе говорили, что онъ утопленъ ночью въ рѣкѣ. Большинство же дворовыхъ было убѣждено, что баринъ поселилъ кучера на жительство въ той самой усадьбѣ, которую онъ спяна расхваливалъ на деревнѣ мужикамъ.

— Можетъ, еще живетъ тамъ, мается безъ свѣта божьяго! А можетъ ужъ и померъ давно.

Графъ Михаилъ Петровичъ, однако, всегда смѣялся звонко, когда гости и пріатели спрашивали у него про его подземную усадьбу. Онъ сознавался всѣмъ, что одинъ нѣмецъ изъ столицы, прожившій у него лѣто, сбилья его съ толку, а онъ «сдуру» дался въ обманъ. Нѣмецъ увѣрялъ, что въ этомъ мѣстѣ непременно найдется золотая или серебряная руда. Обѣщаль онъ графу несмѣтныя сокровища. Вотъ и начали рыться. Рыли да рыли цѣлое лѣто, истратили тысячу рублей на землекоповъ, и никакой руды не нашли, и бросили.

— А народъ глупъ!—объяснялъ Михаилъ Петровичъ.—Сейчасъ соврали—подземелье рою... Тамъ вишь и горницы, и конюшни, и всякое такое. Да на кой же мнѣ прахъ все это. На землѣ-то тѣсно что ли.

— А большущія ворота эти куда ведутъ?—спросилъ однажды

Миша дядю, указывая на огромныя, желѣзныя двери, которыя видѣлись въ стѣнѣ оранжереи, примыкавшей въ свой чередъ къ дому.

Такъ какъ за стѣной этой оранжереи, стоящей въ землѣ наружнымъ бокомъ, уже начинался холмъ и лѣсъ, то Мишѣ двери эти показались какъ бы входомъ въ подземелье. Въ нихъ можно было не только пройти четверемъ или пяти человѣкамъ въ рядъ, но можно было легко проѣхать и каретѣ съ парой лошадей.

Но на вопросъ племянника, графъ отвѣчалъ шуткой. Однако, для крестьянъ села улика была на лицо. Они спрашивали себя: «Какимъ образомъ могли въ одну ночь, даже въ часъ времени,—когда вздумается только графу—безслѣдно исчезать изъ дому или изъ усадьбы,—люди, животныя и громоздкіе предметы».

— У насъ сквозь землю воистину провалиться можно!—говорили на селѣ и въ усадьбѣ всѣ обитатели Придонска.—То и дѣло проваливаются какъ въ преисподнюю—и люди, и кони...

Крестьяне графа Михаила Петровича его не любили, а дворовые втайнѣ даже ненавидѣли. А между тѣмъ, баринъ былъ не жестокъ съ рабами, а сравнительно съ другими сосѣдними помѣщиками могъ даже считаться хорошимъ и добрымъ баринкомъ. Причина, не сознаваемая самими холопами, была та, что они не могли уважать своего барина-графа, а поневолѣ должны были презирать его.

За послѣдніе годы это общее презрѣніе усугубилось вслѣдствіе появленія въ усадьбѣ «женки», по имени Марѳуши.

Наложница графа, явившаяся послѣ странной и сомнительной смерти графини, была простая дѣвка изъ сосѣдняго села, дочь кабатчика, не красивая, даже не молодая и къ тому же извѣстная дурнымъ и зазорнымъ поведеніемъ еще съ отроческихъ лѣтъ.

Что нашелъ графъ въ этой презираемой всѣми въ околдѣ «Марѳуткѣ»—обитатели Придонска понять не могли, охали и дивовались.

И теперь часто поминали всѣ покойную графиню, добрую, ласковую, внимательную къ нуждамъ своихъ рабовъ. И всѣ въ усадьбѣ и на селѣ не хотѣли примириться съ мыслью, что графиня умерла; всѣ говорили:—«Это дѣло темное!»

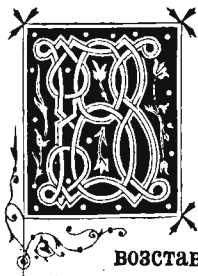
Гр. Салиасъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И ЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ ВО ФРАНЦІИ.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ тридцатилѣтняго царствованія императора Николая, Франція успѣла четыре раза перемѣнить у себя образъ правленія. При воцареніи его, на французскомъ престолѣ возсѣдала старшая вѣтвь дома Бурбоновъ, въ лицѣ короля Карла X. Въ 1830 году, трехдневный бой на улицахъ Парижа, между королевскими войсками и возставшимъ населеніемъ столицы, окончился низверженіемъ законной монархіи и провозглашеніемъ конституціоннымъ королемъ французовъ герцога Орлеанскаго. Прочарствовалъ 18 лѣтъ, Лудовикъ-Филиппъ, въ свою очередь, былъ низвергнутъ мятежными парижанами, а Франція объявлена республикою. Наконецъ, 2-го декабря (н. ст.) 1851 года, избранный въ президенты всеобщей подачею голосовъ, принцъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, путемъ государственнаго переворота, овладѣлъ неограниченною властью, а годъ спустя, возстановилъ основанную его дядей французскую имперію, и самъ принялъ титулъ императора французовъ, подъ именемъ Наполеона III.

Всѣ эти частыя и рѣзкія перемѣны не могли, конечно, не отразиться на внѣшнихъ отношеніяхъ Франціи. Что касается, въ частности, ея сношеній съ Россіею, то насколько они были дружественны въ послѣдніе годы Реставраціи, настолько же стали враждебны по воцареніи третьяго Бонапарта, ставшаго душою едва ли не обще-европейской коалиціи противъ насъ. Страннымъ можетъ показаться, что императоръ Николай не только не обнаруживалъ вражды къ республиканскому правительству, установившемуся въ 1848 году, но даже допускалъ поддерживаніе съ нимъ

вполнѣ приличныхъ отношеній, тогда какъ съ іюльскою монархіею онъ не могъ искренно примириться во все продолженіе ея восемнадцати-лѣтняго существованія.

Надо признаться, что и Лудовикъ-Филиппъ и всѣ министры, послѣдовательно завѣдывавшіе при немъ внѣшними дѣлами Франціи, сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, дабы переимѣнить на милость гнѣвъ русскаго императора. Напрасно. Усилія ихъ постоянно разбивались о неколебимость нравственныхъ началъ, которыя Николай Павловичъ ставилъ выше всѣхъ политическихъ соображеній. По собственному признанію, онъ не могъ простить королю французовъ во-первыхъ—поведенія его относительно главы его дома, несчастнаго Карла X, и законнаго наслѣдника престола Бурбоновъ, герцога Бордосскаго, провозглашеніе коего королемъ подъ регентствомъ герцога Орлеанскаго, должно было бы, по мнѣнію государя, служить заключеніемъ революціи 1830 года; во-вторыхъ—двуличную политику Лудовика-Филиппа по отношенію къ польскому возстанію. Едва ли, однако, не болѣе этихъ причинъ руководствовали, въ данномъ случаѣ, государемъ отвращеніе его къ формамъ конституціонной монархіи и глубокое убѣжденіе, что законнымъ источникомъ верховной власти можетъ служить лишь божественное право и основанный на немъ принципъ наслѣдственности, а отнюдь не такъ называемое народное самодержавіе, изъ котораго династія Орлеановъ почерпала власть свою. Въ глазахъ императора Николая—король «волею народа» не былъ равноправнымъ членомъ семьи государей «Божіею милостію».

Такой взглядъ русскаго императора на установившійся во Франціи порядокъ имѣлъ для современной исторіи Европы неисчислимыя послѣдствія. При немъ не могло быть и рѣчи объ общности политическихъ интересовъ этой страны съ нашими, столь осязательно доказанной событіями послѣднихъ лѣтъ и въ короткое время успѣвшей принести столько полезныхъ плодовъ. Отстраняясь отъ своей естественной союзницы, Россія, понятно, вынуждена была восстановить свои прежнія союзныя связи съ ближайшими сосѣдями—Австрію и Пруссію, сколь не выказала себя первая враждебною намъ въ восточныхъ дѣлахъ и какъ не велика была зависимость Берлина отъ Вѣны. Съ другой стороны, при такихъ условіяхъ, неизбѣженъ былъ тѣсный союзъ отверженной нами Франціи съ ея вѣковою соперницею Англіею, союзъ столь же мало принесшій пользы французамъ, сколь много нанесшій вреда намъ и нашему положенію на Востокѣ. Въ обоихъ враждебныхъ станахъ, на которые раздвоилась Европа: въ восточномъ, состоявшемъ изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и въ западномъ, представляемомъ Великобританіею и Франціею, союзниковъ связывали не общія нужды и пользы, а отвлеченныя идеи и теоріи. Въ сущности общія великія державы Германіи сдерживали Россію, подъ видомъ дружбы, такъ же

точно, какъ союзная связь, соединявшая дворы лондонскій и парижскій, была лишь уздою, надѣтою первымъ на послѣдній. Австрія, Пруссія и Англія словно распредѣлили между собою роли въ совокупномъ рѣшеніи не допускать до сближенія двѣ страны, по выраженію Наполеона I, «могущественнѣйшія въ мірѣ» и которыя, благодаря географическому положенію своему, какъ бы созданы для того, чтобы сообща предписывать законы всей Европѣ.

Императоръ Николай, до извѣстной степени, и самъ сознавалъ всю выгоду, которую могла извлечь Россія изъ дружнаго единенія съ Франціею, въ особенности послѣ того, какъ имѣлъ случай убѣдиться въ неискренности и ненадежности своихъ ближайшихъ союзниковъ. А такіе случаи представлялись нерѣдко. Но бѣда заключалась въ томъ, что онъ не вѣрилъ въ долговѣчность монархіи Орлеановъ и, такимъ образомъ, соглашеніе съ Франціею отлагалъ до возстановленія въ ней старшей вѣтви Бурбоновъ или даже до водворенія республики. Между тѣмъ, событія не ждали, и исторія продолжала идти своимъ безостановочнымъ ходомъ.

Прослѣдите послѣдовательное развитіе русско-французскихъ отношеній въ періодъ времени между революціями 1830—1848 годовъ; выяснитъ вліяніе на нихъ какъ крупныхъ политическихъ событій, такъ и мелкихъ дипломатическихъ или придворныхъ пререканій, изъ коихъ послѣднія, къ сожалѣнію, едва ли не болѣе первыхъ отражались на ихъ неблагопріятномъ оборотѣ; отмѣтите степень участія постороннихъ дворовъ въ обостреніи отношеній между дворцами зимнимъ и тюильрійскимъ; наконецъ, извлекъ изъ уроковъ прошедшаго наставленіе для избѣжанія ошибокъ въ настоящемъ и грядущемъ—такова цѣль, которую мы поставили себѣ при составленіи нижеслѣдующаго очерка.

I.

Россія и возстановленіе Бурбоновъ.

Чтобы вѣрно понять и правильно оцѣнить все значеніе перемѣны, совершившейся во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Франціи со времени замѣщенія на французскомъ престолѣ старшей вѣтви дома Бурбоновъ младшею, необходимо окинуть бѣглымъ взоромъ всю, такъ называемую, эпоху Реставраціи.

Борьбу свою съ Франціею императоръ Александръ всегда считалъ какъ бы личнымъ поединкомъ съ Наполеономъ. Насколько онъ былъ неумолимъ къ корсиканскому завоевателю, настоявъ на перенесеніи войны за Рейнъ, занятіи Парижа и низложеніи императора французовъ, настолько же проявилъ онъ великодушнаго благоволенія къ самой странѣ и ея обитателямъ. Въ покоренной не-

пріятельской столицѣ, онъ явился не врагомъ, а освободителемъ, примирителемъ Франціи съ Европой. Его представительству обязаны были французы сравнительно мягкими и благопріятными для нихъ условіями перваго парижскаго мира.

При томъ вліяніи, которымъ русскій государь пользовался среди союзниковъ, при восторженномъ сочувствіи, вызванномъ имъ въ большинствѣ самихъ французовъ, конечно, отъ него зависѣло, главнымъ образомъ, дальнѣйшее опредѣленіе судебъ Франціи, введеніе въ нее того или другого государственнаго порядка. По его внушенію французскій сенатъ призвалъ править Франціею Лудовика-Станислава - Ксаверія, брата послѣдняго короля, подъ условіемъ принятія имъ начертанной сенатомъ конституціи и съ титуломъ короля французовъ.

Такого рода способъ воцаренія, разумѣется, не могъ понравиться Бурбонамъ, считавшимъ французскій престоль своею наслѣдственною собственностью. Лудовикъ XVIII, провозгласившій себя королемъ Франціи и Наварры за восемнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, тотчасъ послѣ смерти дофина, сына Лудовика XVI, отклонилъ составленную сенатомъ конституцію, въ воззваніи къ французамъ объявилъ, что возвращеніемъ наслѣдія предковъ обязанъ любви своего народа и обѣщавъ даровать самъ конституціонную хартію, которая обезпечивала бы всѣ гражданскія и политическія права французовъ. Рѣшеніе это отразилось и на личныхъ отношеніяхъ короля къ императору Александру. Въ противоположность къ горячимъ изъявленіямъ признательности, принесеннымъ имъ при прощаніи принцу-регенту великобританскому, Лудовикъ XVIII обходился съ русскимъ государемъ довольно холодно и даже не всегда вѣжливо. Такъ, при личной встрѣчѣ, онъ не уступалъ ему шага, занималъ у себя во дворцѣ первое мѣсто за столомъ и не пожаловалъ Александру ордена Св. Духа, коимъ счелъ нужнымъ передъ отъѣздомъ изъ Англіи украсить принца-регента. Неудовольствіе короля не исчерпывалось, однако, одними вопросами этикета. Гораздо хуже было то, что и въ дѣлахъ политическихъ тюильрійскій кабинетъ искалъ опоры въ дворахъ лондонскомъ и вѣнскомъ, обнаруживая въ отношеніи къ Россіи явную враждебность. На Вѣнскомъ конгрессѣ, уполномоченный Франціи, Талейранъ, дѣйствовалъ прямо наперекоръ видамъ и намѣреніямъ императора Александра въ вопросахъ польскомъ и саксонскомъ. Дѣло дошло до того, что въ началѣ 1815 года Франція заключила съ Австріею и Англіею тайный союзный договоръ, направленный противъ Россіи и Пруссіи.

И не взирая на все, когда послѣ злополучныхъ Ста дней, союзныя войска вторично овладѣли Парижемъ, Благословенный, забывъ вѣроломство и неблагодарность Бурбоновъ, снова выступилъ въ роли защитника и покровителя побѣжденной Франціи. На этотъ

разъ задача его представлялась несравненно труднѣе. Разъяренные союзники, въ особенности нѣмцы, требовали примѣрнаго наказанія безпокойнаго сосѣдняго народа, срытія его крѣпостей, отнятія обширныхъ областей, уплаты тяжелой военной контрибуціи. Австрія довольствовалась уступкою нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, сопредѣльныхъ съ Нидерландами. Но Пруссія задалась мыслью обезоружить Францію на всемъ протяженіи ея восточной границы, отъ Нѣмецкаго моря до Альповъ. Прусскій канцлеръ Гарденбергъ требовалъ ни болѣе ни менѣе какъ отторженія Дюнкирхена, Гревелингена, Касселя, Лилля, Конде, Дуэ, Валансиенна, Лекенуа, Ландреси, Авесна, Мобѣжа, Филиппиля, Мариенбурга, Шарлемонта, Живе, Рокруа, Мезьера, Монмеди, Лонгви, Тіонвиля, Меца, Саарлуи, Сааргемюнда, Бича, Ландау, всего Эльзаса, Бельфорта, Мюмпельгарда, Форта-Жура, Форта-Лаклюза, всей Савойи, Форта-Барро и Бриансона ¹⁾. Сверхъ того, онъ настаивалъ на занятіи нѣсколькихъ департаментовъ союзною арміею въ 240,000 человекъ и на военной контрибуціи въ 1 миллиардъ 200 милліоновъ франковъ ²⁾. Мелкія государства, Нидерланды, Виртембергъ, Бадень, шли еще далѣе въ своихъ требованіяхъ, въ надеждѣ поживиться на счетъ французской добычи.

Императоръ Александръ умѣрилъ всѣ эти притязанія. Земельныя уступки были ограничены имъ возвращеніемъ Франціи къ предѣламъ 1789 года, число оккупационныхъ войскъ уменьшено до 150 тысячъ, контрибуція до 700 милліоновъ. Рѣшеніе государя, довѣренный совѣтникъ его, Каподистрія, объяснялъ нѣмецкому патриоту, барону Штейну, тѣмъ, что не въ интересѣ Россіи «уничтожить» Францію, и, такимъ образомъ, доставить прочимъ державамъ возможность обратить на саму Россію вниманіе свое и всѣ свои силы; напротивъ, интересъ Россіи требуетъ, чтобы Франція оставалась могущественнымъ государствомъ, способнымъ служить противовѣсомъ Англіи и Австріи, въ случаѣ возникновенія усложненій на Востокѣ, гдѣ обѣ послѣднія державы всегда занимали противоположное Россіи положеніе ³⁾. Такое поведеніе русскаго двора тогда уже возбудило ропотъ въ прусскихъ генералахъ и дипломатахъ, пылавшихъ ненавистью къ Франціи и приписывавшихъ ему иное объясненіе. Даже облагодѣтельствованный государемъ Штейнъ приписывалъ его желанію русскихъ, чтобы Германія осталась «легко уязвимою» ⁴⁾.

Наученный тяжкимъ опытомъ, Лудовикъ XVIII понялъ всю важность для себя и Франціи русскаго покровительства и дружбы.

¹⁾ Нота Гарденберга 23-го іюля (4 августа) 1815 года и приложенная къ ней карта.

²⁾ Записка Гарденберга 17-го (29) августа 1815.

³⁾ См. Pertz: Stein's Leben, IV, стр. 559 и 573.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 558.

Враждебный Россіи Талейранъ и недавно еще навязанный королю англичанами Фуше удалены были изъ состава кабинета и должность перваго министра предложена «русскому душою», бывшему много лѣтъ правителемъ Новороссійскаго края, герцогу Ришельё, лицу, пользовавшемуся полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора Александра. Ришельё долго отказывался и согласился, наконецъ, занять предложенную ему должность, уступая столько же убѣжденіямъ короля, какъ и русскаго государя¹⁾.

Съ этого времени установилась полная гармонія между кабинетами петербургскимъ и парижскимъ. Министры, стоявшіе во главѣ ихъ, Каподистрія въ Россіи, Ришельё во Франціи, были преданы дѣлу русско-французскаго единенія всею силою своихъ политическихъ убѣжденій и влеченій личныхъ. Посредникомъ между ними служилъ человекъ, не менѣе ихъ увѣренный въ обоюдной пользѣ такого соглашенія, посланникъ нашъ въ Парижѣ—Поццо ди-Борго. Самъ императоръ Александръ съ любовью не только слѣдилъ за развитіемъ этихъ отношеній, но и содѣйствовалъ ему, что видно изъ оживленной переписки его съ герцогомъ Ришельё, касавшейся всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ Франціи, внѣшнихъ и внутреннихъ. Въ письмахъ французскаго министра къ государю постоянно встрѣчаемъ трогательныя выраженія уваженія и преданности, надежды на заступничество и помощь Александра. «Одна только энергическая поддержка вашего величества,—пишетъ Ришельё,—можетъ спасти насъ посреди обстоятельствъ, болѣе нежели трудныхъ, въ коихъ мы находимся... Чтобы избавить насъ отъ гибели, мы можемъ разсчитывать лишь на помощь вашего величества: соблаговолите сказать, что вы хотите, чтобы Франція существовала и поддерживать выраженіе этой воли, и я смѣю надѣяться, что мы будемъ спасены»²⁾. Въ другой разъ: «Я не могу, государь, отдѣлать въ моемъ сердцѣ интересовъ Франціи отъ вашихъ. Когда бы имъ случилось разойтись, честь моя и совѣсть наложили бы на меня обязанность вовсе удалиться отъ дѣлъ»³⁾. Въ третьемъ письмѣ: «Если мы будемъ настолько счастливы, что успѣемъ возсоздать Францію, то этимъ мы обязаны вашему величеству, и въ соединеніи съ вами мы надолго обезпечимъ покой и счастье Европы»⁴⁾. Въ четвертомъ: «Вы все сдѣлали, государь, и для Европы, и для Франціи: вамъ обязана она существованіемъ»⁵⁾. Въ отвѣтахъ своихъ государь выражалъ свое благоволеніе къ Франціи и ея министру, увѣряя, что близко принимаетъ къ сердцу все, что до нихъ относится, и отъ души желая имъ всякаго преуспѣянія. Искренность этихъ чувствъ

¹⁾ Герцогъ Ришельё графу Ланжерону, 7 (19) октября 1815 г.

²⁾ Герцогъ Ришельё императору Александру I, 5 (17) октября 1815 г.
Онъ же ему же, 11 (23) ноября 1815 г.

Онъ же ему же, 28 апрѣля (10 мая) 1816 г.

⁵⁾ Онъ же ему же, апрѣль 1816 г.

императоръ Александръ доказалъ не разъ и на дѣлѣ, въ особенности же когда на Ахенскомъ конгрессѣ, вопреки мнѣнію прочихъ державъ, настоялъ на выводѣ изъ Франціи союзныхъ оккупационныхъ войскъ двумя годами ранѣе условленнаго срока и на введеніи ея въ совѣтъ великихъ державъ, на правахъ равноправнаго члена.

Въ концѣ 1821 года, Ришельё покинулъ постъ перваго министра, а въ началѣ 1822-го удалился отъ дѣлъ и Каподистрія. Но возведенный между тѣмъ въ званіе посла, Поццо ди-Борго продолжалъ ихъ дѣло, то являясь въ Петербургѣ ходатаемъ за французское правительство и народъ, то поддерживая въ короляхъ Людовикѣ XVIII и Карлѣ X, а равно и въ ихъ министрахъ, сознание выгоды для Франціи отъ существованія съ Россією самыхъ тѣсныхъ дружественныхъ отношеній. Не смотря на частыя перемѣны въ личномъ составѣ французскаго министерства, до самой кончины императора Александра ни малѣйшее облако не пробѣжало между обоими дворами; во всѣхъ международныхъ вопросахъ французы гласно и открыто становились на нашу сторону и, можно сказать, остались вѣрными до конца долгу признательности относительно того, кого едва ли не единогласно признавали благодѣтелемъ и спасителемъ своего отечества.

Воцареніе императора Николая не внесло никакой перемѣны въ отношенія къ намъ тюильрійскаго двора. Подчиняясь внушеніямъ Поццо ди-Борго, дворъ этотъ поспѣшилъ въ греческомъ вопросѣ вполне усвоить точку зрѣнія молодого русскаго государя и приступить къ соглашенію, состоявшемуся между имъ и Англією по восточнымъ дѣламъ. Когда вспыхнула русско-турецкая война 1828—29 годовъ и Великобританія съ одной стороны, а Австрія—съ другой, стали обнаруживать къ намъ недовѣріе, подозрительность и даже прямую враждебность, король Карлъ X объявилъ князю Полиньяку, своему любимцу, занимавшему въ то время должность французскаго посла въ Лондонѣ: «Если императоръ Николай нападетъ на Австрію, то я буду держаться наготовѣ и соображаться съ обстоятельствами; но если Австрія нападетъ на него, то я тотчасъ же двинусь на нее. Быть можетъ, война противъ вѣнскаго двора будетъ мнѣ полезна, потому что прекратитъ внутренніе раздоры и займетъ націю въ обширныхъ размѣрахъ (en grand) согласно ея желаніямъ»¹⁾.

Поццо ди-Борго какъ бы предугадалъ это рѣшеніе, когда за двѣ недѣли передъ тѣмъ доносилъ вице-канцлеру, что Франція ни въ какомъ случаѣ не приступитъ къ затѣваемой вѣнскимъ дворомъ коалиціи противъ Россіи. «Личное расположеніе короля», — писалъ онъ по этому поводу, — «заявленія и письма, въ коихъ онъ его обнаружилъ императору; отсутствіе интересовъ, діаметрально

¹⁾ Графъ Поццо ди-Борго графу Нессельроде, 14 (26) декабря 1828 г.

противуположныхъ Россіи; отвращеніе къ приобщенію себя къ интересамъ Англіи и Австріи, поддерживать которые нельзя иначе, какъ подчинясь унижительной зависимости отъ этихъ двухъ дворовъ; невозможность ожидать отъ нихъ никакого вознагражденія за принесенныя имъ жертвы и надежда хотя и отдаленная, что въ случаѣ всеобщей войны, Россія окажетъ болѣе снисхожденія — таковы ручательства, что Франція воздержится отъ всякой коалиціи, которая могла бы быть ей предложена противъ нашего августѣйшаго государя». Но посолъ нашъ не довольствовался такимъ отрицательнымъ результатомъ, какъ онъ ни былъ для насъ благопріятнымъ. Онъ полагалъ возможнымъ заставить Францію выйти изъ нейтральнаго положенія и, въ случаѣ войны между нами и Австріею въ союзъ съ Англіей, убѣдить ее принять въ ней участіе, въ качествѣ нашей союзницы. Такой рѣшительный оборотъ онъ ставилъ въ зависимость отъ одного условія: согласія Пруссіи, и связывалъ съ нимъ цѣлый планъ территоріальныхъ измѣненій въ Европѣ. — «Я убѣжденъ», — заключалъ онъ, — «что если бы означенныя три державы, Россія, Пруссія и Франція, могли придти къ соглашенію, то послѣдняя не потребовала бы ничего такого, что было бы несоразмѣрно съ ея жертвами и значеніемъ или же, что могло бы возбудить справедливыя опасенія Пруссіи»¹⁾.

Слова эти указывали на завѣтное желаніе тюльрійскаго кабинета воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы измѣнить въ свою пользу тяжелыя условія, наложенныя на Францію договорами 1814 и 1815 годовъ, и по возможности расширить ея границы.

Такая благопріятная для Франціи минута, повидимому, настала, когда блестящіе успѣхи русскаго оружія, ознаменовавшіе кампанію 1829 года, предвѣщали близкій конецъ оттоманскаго владычества не только въ Европѣ, но и въ Азіи и Африкѣ. Потерявъ всякую надежду на возможность для турокъ отразить наше нападеніе, Меттернихъ помышлялъ уже о томъ, какъ бы извлечь для Австріи поболѣе выгоды изъ предстоящаго распаденія имперіи султановъ. Онъ сталъ осторожно освѣдомляться въ Петербургѣ и въ Берлинѣ, вѣроятно и въ Лондонѣ, нельзя ли условиться о раздѣлѣ Турціи между Австріею, Англіею и Россіею, такъ, чтобы Франція ничего не досталось изъ турецкаго наслѣдства. Императоръ Николай, въ которомъ двуличная политика австрійскаго канцлера возбуждала и негодованіе и отвращеніе, не хотѣлъ допустить, чтобы въ виду ожидаемой катастрофы на Востокѣ потерпѣла ущербъ единственная изъ великихъ державъ, выказавшая себя вѣрною союзницею Россіи и гарантировавшая ей полную свободу дѣйствій въ войнѣ ея съ Портою. Онъ самъ предложилъ тюльрійскому двору выска-

¹⁾ Графъ Поццо ди-Борго графу Нессельроде, 28 ноября (10 декабря) 1828 г.

вать мнѣніе свое относительно того уговора, который имѣлъ состояться между европейскими правительствами въ случаѣ окончательнаго разрушенія оттоманской имперіи. Хотя онъ и не желалъ такого рѣшительнаго результата, но нельзя было его не предвидѣть; прійдя же къ соглашенію другъ съ другомъ, Россія и Франція пріобрѣли бы въ совѣтѣ великихъ державъ господствующее положеніе.

Русское предложеніе совпало съ новою переменною министерства во Франціи. Карль X рѣшился, наконецъ, поставить во главѣ кабинета ближайшаго своего друга и совѣтника, князя Полиньяка. Составленный послѣднимъ планъ общаго земельнаго передѣла въ Европѣ представленъ былъ на обсужденіе тайнаго королевскаго совѣта, въ концѣ августа (началѣ сентября) 1829 года, т. е., въ то время, когда турецкіе уполномоченные, прибывъ въ главную квартиру графа Дибича-Забалканскаго, помѣщавшуюся въ Адрианополѣ, уже предъявили русскому главнокомандующему моленіе султана о мирѣ.

Полиньякъ, въ докладѣ своемъ совѣту, настаивалъ на необходимости для Франціи отозваться на приглашеніе императора Николая. Принимая въ соображеніе возможность близкаго паденія турецкаго царства, необходимо—доказывалъ онъ—не терять изъ виду главной цѣли французскаго правительства: ослабить по возможности владычество Англіи на моряхъ. Ошибка Вѣнскаго конгресса заключалась-де въ томъ, что желая обезпечить независимость европейскаго материка, онъ допустилъ окончательное утвержденіе морского преобладанія Великобританіи. Обязанность Франціи—снова приняться нынѣ за проведеніе своего традиціоннаго политическаго начала: свободы морей. Англія пугаетъ материкъ призракомъ завоевательныхъ стремленій Россіи, но послѣдняя война доказала, какъ не значительна наступательная сила русскаго государства, тогда какъ военные флоты всего міра не въ состояніи состязаться съ англійскимъ. Другой промахъ Вѣнскаго конгресса тотъ, что Европа оставлена имъ открытою для русскаго нападенія, Пруссія—слишкомъ слабою; поэтому слѣдуетъ-де усилить Пруссію, Россію же натолкнуть на Азію. Наконецъ, князь находилъ, что договоры 1815 года являются величайшею несправедливостью по отношенію къ Франціи, которая не можетъ-де удовольствоваться предѣлами 1789 года и имѣетъ право на территоріальное расширеніе.

Полиньякъ приходилъ къ заключенію, что на долю Франціи должна достаться Бельгія, до Мааса, до устьевъ Шельды и до моря. Овладѣніе Бельгіею составляетъ-де для Франціи необходимость, чтобы имѣть возможность защитить Парижъ отъ вторженія, такъ какъ вслѣдствіе чрезмѣрной централизаціи, введенной революціей въ государственное управленіе, отъ участи столицы зависть и участь всей страны.

Мнѣніе министра, въ первомъ засѣданіи совѣта, оспаривалъ дофинъ, наслѣдникъ престола. Онъ возразилъ, что Англія никогда не допуститъ, чтобы Антверпенъ достался Франціи, и что вмѣсто Бельгіи послѣдняя должна искать овладѣть прирейнскими областями, возвративъ себѣ, такимъ образомъ, свою естественную границу. Съ этимъ не соглашался Полиньякъ, доказывая, что изъ самого мнѣнія принца слѣдуетъ, что Антверпенъ для Франціи необходимъ. Одно изъ двухъ, утверждалъ онъ: или французское правительство навсегда подчинится договорамъ 1815 года, или оно должно не бояться навлечь на себя непріязнь Англіи. Въ союзѣ съ Россією, Пруссією, Баварією и большею частью второстепенныхъ германскихъ государствъ, Франція можетъ-де принудить Англію согласиться на присоединеніе Бельгіи.

Первое засѣданіе совѣта не привело къ соглашенію между его членами. Во второмъ восторжествовало мнѣніе Полиньяка. Въ пространной запискѣ, онъ снова настаивалъ на преимуществахъ, сопряженныхъ съ овладѣніемъ Бельгією, предпочтительно предъ прирейнскими областями. Послѣднія, доказывалъ онъ, уже по самому географическому положенію своему, не могутъ быть удобно ни защищаемы, ни управляемы, тогда какъ Бельгія увеличитъ морскія силы Франціи, что не потревожитъ державъ материка, которыя съ удовольствіемъ-де увидятъ снова французское правительство во главѣ союза, направленного къ охранѣ свободы морей. Напротивъ, пріобрѣтеніе прирейнскихъ областей имѣло бы видъ наступательнаго дѣйствія по отношенію къ Германіи. Къ тому же, если бы Франція удовольствовалась этимъ пріобрѣтеніемъ, то это приписали бы боязни ея предъ Англією, что много повредило бы обоянію ея въ Европѣ.

Убѣжденный доводами перваго министра, совѣтъ утвердилъ весь проектъ его, во всѣхъ подробностяхъ. Одновременно съ присоединеніемъ Бельгіи къ Франціи, Россія имѣла овладѣть Молдавією и Валахією, и обширными пространствами въ Арменіи и Анатолиі, ограниченными лишь собственными ея видами и потребностями. На долю Австріи выпадали Сербія и Боснія. Вся остальная Европейская Турція должна была составить одно христіанское государство подъ властью короля нидерландскаго, а прочія турецкія владѣнія въ Азіи и Африкѣ—государство мусульманское съ Мегметомъ-Али, пашою египетскимъ, во главѣ. И то и другое образовали бы противовѣсъ морскому преобладанію Англіи на Востокѣ.

Не менѣе существенныя перемѣны предполагались и въ территоріальномъ распредѣленіи на западѣ. Голландія отдавалась Пруссіи, равно и вся Саксонія. Король саксонскій получалъ прирейнскія прусскія области съ титуломъ короля Австразіи и съ столицею въ Ахенѣ. Лишь на сѣверѣ Пруссія сохранила бы небольшую полосу для установленія непрерывнаго сообщенія между ею и ново-

приобрѣтенною Голландією, также точно какъ и Баварія на югѣ для соединенія Пфальца съ собственно баварскими землями. Еще большее вознагражденіе ожидало Баварію въ томъ случаѣ, еслибы пришлось для осуществленія плана, вести войну съ Австрією. Ей достались бы тогда Иннская четверть (Innviertel), Гаусрюкъ и Зальцбургъ. Согласіе Англіи на вышеизложенное перемежеваніе надѣялись купить предоставленіемъ ей всѣхъ голландскихъ колоній.

Рѣшено было прежде всего передать проектъ на усмотрѣніе русскаго двора. Въ инструкціи французскому послу въ Петербургѣ, герцогу Мортемару, было сказано: «Записка заключаетъ въ себѣ выраженіе нашихъ желаній, но мы не настаиваемъ на всѣхъ ея подробностяхъ. Орудіемъ исполненія можетъ быть конгрессъ, на который мы, однако, согласимся лишь въ томъ случаѣ, если Россія опредѣленно обѣщаетъ намъ напередъ Бельгію. Наилучшимъ путемъ представляется намъ тайное соглашеніе обоихъ кабинетовъ, къ коему впослѣдствіи привлекли бы Пруссію и Баварію. Тогда Австрія была бы въ ихъ рукахъ, Англія же въ одиночествѣ. Приступленіе Пруссіи—неизбѣжное условіе уговора съ Россіей. Если бы, однако, миръ между Россією и Турцією былъ подписанъ прежде, чѣмъ посоль приступилъ бы къ исполненію своихъ инструкцій, то ему слѣдуетъ считать таковыя несостоявшимися»¹⁾.

Послѣднее предположеніе осуществилось. Французскій проектъ дошелъ до Петербурга слишкомъ поздно, а именно, послѣ того какъ тамъ уже было получено извѣстіе о подписаніи 2 (14) сентября Адрианопольскаго мирнаго договора. Тѣмъ не менѣе, тюильрійскій дворъ не разстался окончательно съ своими намѣреніями. Неизвѣстно совѣщался ли онъ съ императорскимъ кабинетомъ по вопросу о расширеніи границъ своихъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что берлинскій дворъ былъ имъ запрошенъ относительно того, насколько улыбнулся бы послѣднему обмѣнъ прирейнской Пруссіи на Саксонію, а быть можетъ и на Голландію. Въ преданіяхъ дома Гогенцоллерновъ было, однако, никогда не выпускать добровольно изъ рукъ земель уже находившихся въ его владѣніи, и новыя приобретать не жертвуя для нихъ старыми. Вотъ почему на французскіе запросы берлинскій дворъ отвѣчалъ депешами на имя своихъ представителей въ Парижѣ и Петербургѣ: что король Фридрихъ Вильгельмъ III питаетъ глубокое и твердое убѣжденіе, что безусловное поддержаніе поземельнаго status quo Европы одно можетъ

¹⁾ Французскій планъ территоріальнаго переустройства Европы изложенъ на основаніи: 1) исторической записки, составленной во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; 2) доклада князя Полиньяка тайному королевскому совѣту; 3) замѣтки его же о сравнительныхъ преимуществахъ для Франціи Бельгіи предъ прирейнскими областями; 4) инструкціи Полиньяка герцогу Мортемару, французскому послу при русскомъ дворѣ. Документы эти приведены барономъ Стокмаромъ въ своихъ «Запискахъ», стр. 153—157.

служить залогомъ спокойствія и мира этой части свѣта; что долгъ и сердечное влеченіе равно обязываютъ его не разставаться съ частями своихъ владѣній, благосостояніе которыхъ стояло ему столько жертвъ, едва начинающихъ приносить соотвѣтствующіе плоды; и что рѣшеніе его по этому предмету принято безповоротно, разъ навсегда ¹⁾.

Между тѣмъ, отношенія Франціи къ Россіи принимали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дружественный и задушевный характеръ. Поццо ди-Борго успѣлъ пріобрѣсти надъ княземъ Полиньякомъ то же вліяніе, какимъ пользовался надъ болѣею частью его предшественниковъ, къ сожалѣнію, только во внѣшнихъ, а не во внутреннихъ дѣлахъ. Посѣтившій Парижъ весною 1830 года, другой русскій дипломатъ, графъ Матушевичъ, писалъ оттуда вице-канцлеру, графу Нессельроде: «Я нашелъ короля болѣе чѣмъ когда либо одушевленнымъ чувствами дружбы къ императору и твердо рѣшившимся отождествить внѣшнюю политику Франціи и Россіи». Матушевичъ распространялся далѣе о видахъ французовъ на Алжиръ, къ покоренію котораго приступало французское правительство. Планъ, внушенный парижскому двору Поццо ди-Борго,—свидѣтельствовавъ онъ—исполнить не трудно. Онъ основанъ де на уваженіи правъ султана и отнимаетъ у Англіи единственное орудіе, съ помощью коего она могла бы съ успѣхомъ сопротивляться Франціи, ни мало не наноситъ ущерба нашимъ сдѣлкамъ съ оттоманскою имперіею и все же искореняетъ морской разбой и предупреждаетъ его возобновленіе. Хотя турки и обязались вознаградить насъ за убытки, причиненныя русской торговлѣ варварійскими пиратами, но не слѣдуетъ забывать, что для принужденія ихъ къ тому мы должны были вести двѣ войны, изъ которыхъ послѣдняя едва не предала Константинополя въ наши руки, и что слѣдовательно, для насъ же лучше, если пиратству будетъ положенъ конецъ при полномъ соблюденіи неприкосновенности нашихъ договоровъ съ Турціею. «Уже за однѣ эти мысли, внушенныя Полиньяку», читаемъ мы въ томъ же донесеніи, «графъ Поццо заслуживаетъ св. Духа ²⁾, ибо въ настоящемъ случаѣ онъ явился вдохновителемъ печальнаго министерства 8 августа» ³⁾.

Матушевичъ называлъ министерство Полиньяка не только печальнымъ, но и не способнымъ и бездарнымъ за стремленія его ограничить конституцію. Отъ попытокъ въ этомъ направленіи онъ не ожидалъ ничего хорошаго. И онъ и Поццо надѣялись, однако, «что та самая внезапная осторожность, которая рождается при

¹⁾ Графъ Берндорфъ посланникомъ: Шелеру въ Петербургѣ 19 (31) декабря 1829 г. и Вертеру въ Парижѣ 24 декабря 1829 (3 января 1830 г.).

²⁾ Высшій орденъ французской монархіи.

³⁾ Графъ Матушевичъ графу Нессельроде, 12 (24) мая 1830 г.

приближеніи великихъ кризисовъ и взаимная боязнь компрометировать самыя драгоценныя блага, вызовутъ съ той и съ другой стороны разумную умѣренность, ставшею необходимою въ особенности для тѣхъ, кто приведенъ непредусмотрительными страстями на край бездны»¹⁾.

Такого мнѣнія относительно задуманнаго французскимъ дворомъ государственнаго переворота придерживалась не только русская дипломатія, но и императоръ Николай. Какъ онъ самъ впоследствии рассказывалъ, онъ предупредилъ Карла X объ опасныхъ послѣдствіяхъ этой мѣры, и тотъ далъ ему честное слово, что не прибѣгнетъ къ ней²⁾. Но въ рѣшительную минуту вліяніе Полиньяка и Камарильи осилили, и несчастный король поплотился престоломъ за попытку насильственнымъ путемъ измѣнить основной законъ страны.

II.

Воцареніе Лудовика-Филиппа.

Возстаніе, вспыхнувшее въ Парижѣ 15 (27) іюля 1830 года, продолжалось три дня и окончилось полнымъ торжествомъ мятежниковъ. Устрашенный Карль X отрекся отъ престола въ пользу малолѣтняго внука своего герцога Бордоскаго. Но уже герцогъ Орлеанскій стоялъ во главѣ временнаго правительства въ званіи намѣстника королевства. 28 іюля (9 августа) обѣ палаты провозгласили его королемъ французовъ, подъ именемъ Лудовика-Филиппа I.

Совершившійся въ Парижѣ переворотъ былъ единогласно и повсемѣстно признанъ во Франціи. Гораздо труднѣе было достигнуть признанія его европейскими державами. Одна Англія обнаружила въ этомъ случаѣ предупредительную поспѣшность. Въ глазахъ прочихъ правительствъ воцареніе Орлеанской династіи, состоявшееся къ тому же революціоннымъ путемъ, было несомнѣннымъ нарушеніемъ договоровъ 1814—15 годовъ, утвердившихъ французскій престолъ за старшею вѣтвью дома Бурбоновъ.

Лудовикъ-Филиппъ прекрасно сознавалъ всю неловкость положенія своего по отношенію къ монархамъ «Божіею милостію». Съ большимъ искусствомъ составилъ онъ свое обращеніе къ нимъ съ просьбою о признаніи. Въ письмѣ къ австрійскому императору онъ, извѣщая о вступленіи своемъ на французскій престолъ, подробно излагалъ побужденія, вынудившія его принять предложенную ему

¹⁾ Графъ Матушевичъ графу Нессельроде, 12 (24) мая 1830 г.

²⁾ Такъ рассказывалъ государь лорду Абердину во время пребыванія своего въ Лондонѣ въ 1814 году. См. статью мою въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1886 года, мартъ, стр. 616.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1887 г., т. xxx.

корону. Возложивъ на Карла X и его министровъ отвѣтственность за кровавый мятежъ, вызванный-де дерзкимъ нарушеніемъ ими конституціонной хартіи, и нарисовавъ оживленную картину іюльскихъ событій, «въ этомъ положеніи, государь»,—продолжалъ Лудовикъ-Филиппъ,—«всѣ взоры обратились на меня. Даже побѣжденные сочли меня нужнымъ для своего спасенія. Еще нужнѣе былъ я для того, чтобы побѣдители не злоупотребили побѣдой. И такъ, я принялъ на себя это почетное и тяжелое бремя, отстранивъ всякія личныя соображенія, въ совокупности своей внушавшія мнѣ желаніе быть отъ него избавленнымъ, потому что я сознавалъ, что малѣйшее колебаніе съ моей стороны могло бы компрометировать участь Франціи и спокойствіе всѣхъ напихъ сосѣдей, обезпечить которое составляетъ для насъ столь важную потребность. Званіе намѣстника королевства, не представлявшее окончательнаго рѣшенія, возбуждало опасное недовѣріе. Необходимо было поспѣшить выйдти изъ временнаго порядка, столько же для внушенія нужнаго довѣрія, сколько и для спасенія хартіи, сохраненіе которой представлялось столь существенною потребностью, и которая была бы весьма скомпрометирована, если бы волненіе умовъ не было быстро удовлетворено и успокоено. Отъ прозорливости вашего величества, равно и отъ высокой вашей мудрости, не скроется, что для достиженія этой спасительной цѣли крайне желательно, чтобы парижскія событія были разсматриваемы въ ихъ истинномъ видѣ и чтобы Европа, воздавая справедливость побужденіямъ, руководившимъ мною, окружила мое правительство довѣріемъ, которое оно въ правѣ внушать. Соблаговолите, ваше величество, не упускать изъ виду, что пока король Карлъ X царствовалъ во Франціи, я былъ послушнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ его подданнымъ, и что только въ ту минуту, когда я увидалъ дѣйствіе законовъ парализованнымъ, а королевскую власть вполнѣ уничтоженною, я счелъ своимъ долгомъ подчиниться желанію народа и принять корону предложенную мнѣ»¹⁾). Подобныя же письма были написаны Лудовикомъ-Филиппомъ къ королю прусскому и къ императору Николаю.

Узы тройственнаго союза, связывавшаго Россію, Австрію и Пруссію, были, какъ уже мы имѣли случай замѣтить, сильно ослаблены восточными событіями, русско-турецкою войною, и завершившимъ ее Адрианопольскимъ миромъ. Іюльская революція послужила Меттерниху желаннымъ предлогомъ, чтобы снова сблизиться съ русскимъ дворомъ, войдти въ милость императора Николая, расторгнуть дружественную связь его съ Франціею и опять приковать политику Россіи къ призракъ «праваго, общаго дѣла», другими словами, подчинить ее попрежнему своему личному вліянію. Австрійскій канцлеръ поспѣшилъ вторично отправиться въ Карл-

¹⁾ Король Лудовикъ-Филиппъ императору Францу, 7 (19) августа 1830 г.

сбадь, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, свидѣлся съ русскимъ вице-канцлеромъ въ первый разъ послѣ происшедшей между обоими императорскими дворами размолвки, и предложилъ графу Нессельроде: во-первыхъ, условиться объ общемъ невмѣшательствѣ во внутрення дѣла Франціи, съ тѣмъ чтобы новое французское правительство само не вмѣшивалось въ дѣла сосѣднихъ странъ, не поддерживало въ нихъ революціонныхъ движеній и уважало установленный международными договорами территоріальный порядокъ въ Европѣ; во-вторыхъ, обязаться признать Людовика-Филиппа не иначе какъ сообща, по предварительному уговору между Петербургомъ, Вѣною и Берлиномъ, и съ этою цѣлью установить въ послѣдней изъ означенныхъ столицъ постоянный «центръ соглашенія» между тремя единомышленными державами.

«Я нашелъ вице-канцлера»,—писалъ Меттернихъ австрійскому послу въ Петербургѣ,—«въ состояніи удивленія, трудно описуемомъ. Крайне расположенный приписать зло одной лишь катастрофѣ министерства Мартиньяка и дѣйствіямъ князя Полиньяка, онъ, однако, не могъ отрицать очевидности того, что всякое паденіе, подобное постигшему престолъ Бурбоновъ, должно было быть подготовлено издалека. Не будучи способенъ въ сущности составить себѣ точное понятіе объ этой ужасающей катастрофѣ, извлеченный событіемъ изъ долгаго сна недовѣрія и покоя, сильно отмѣченнаго либеральными отгѣнками, онъ легко поддался воспринятію многихъ изъ моихъ мнѣній. Полный сосудъ легко переливается въ пустой»¹⁾).

Нессельроде, дѣйствительно, согласился съ первою частью предложеній Меттерниха. Что же касается до второй, то онъ не только отказался принять ее, но и не взялся довести о ней до свѣдѣнія императора. Онъ и слышать не хотѣлъ о форменномъ соглашеніи между тремя дворами, утверждая, что императоръ Николай не желаетъ никакого вмѣшательства въ дѣла Европы. «Будьте увѣрены», говорилъ онъ австрійскому канцлеру, «что императоръ не сожжетъ ни одного заряда, не прольетъ ни единой капли русской крови, не истратитъ ни гроша, для исправленія совершенныхъ во Франціи ошибокъ»²⁾).

Нессельроде заблуждался. Императоръ Николай совершенно иначе взглянулъ на дѣло. Вѣсть о новой революціи во Франціи и о порожденной ею монархіи Орлеановъ произвела на него сильное впечатлѣніе. Событія эти представились ему, прежде всего, правонарушеніемъ. Нарушали они не только божественное право наслѣдственной монархической власти, но и право положительное, истекавшее изъ международныхъ договоровъ, строгое соблюденіе и защиту которыхъ государь считалъ священною обязанностью всѣхъ

¹⁾ Князь Меттернихъ графу Фикельмунту, 1 (13) октября 1830 г.

²⁾ Та же депеша.

европейскихъ правительствъ. Въ убѣжденіи этомъ поддержало его быстрое распространеніе революціоннаго движенія на Бельгію, провозгласившую отторженіе отъ нидерландскаго королевства и полную свою независимость. Случай этотъ былъ прямо предусмотрѣнъ союзнымъ договоромъ, заключеннымъ между Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею, въ Парижѣ, 8 (20) ноября 1815 года. Государь объявилъ, что готовъ двинуть для возстановленія законнаго порядка въ Бельгіи 60-ти-тысячный вспомогательный корпусъ, условленный вышеозначеннымъ договоромъ, и предложилъ своимъ союзникамъ созвать въ Лондонѣ обще-европейскую конференцію.

Одновременно онъ счелъ нужнымъ, предавъ забвенію недавнее коварство и предательство Австріи, возобновить въ прежней силѣ священный союзъ съ нею и съ Пруссіею, во имя опасности, угрожавшей всѣмъ престоломъ отъ посягательствъ всесвѣтной революціи. Съ этою цѣлью отправлены были: графъ Орловъ въ Вѣну и фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій въ Берлинъ. Вслѣдъ за тѣмъ, дипломатическимъ представителямъ нашимъ въ обѣихъ нѣмецкихъ столицахъ предписано было немедленно предложить союзнымъ дворамъ сосредоточить войска свои, прусскія—на Рейнѣ, австрійскія—въ сѣверной Италіи, предупредивъ, что русская армія будетъ стянута къ западной границѣ имперіи. Объявленіе войны Россіею, Австріею и Пруссіею должно было служить отвѣтомъ на первое посягательство Франціи перенести революцію за свои предѣлы ¹⁾.

Но не успѣли русскіе чрезвычайные посланцы доѣхать до мѣстъ своего назначенія, какъ уже состоялось официальное признаніе совершившейся во Франціи перемѣны правленія со стороны какъ Австріи, такъ и Пруссіи, безъ предварительнаго уговора съ нами, даже безъ нашего вѣдома. Нессельроде находился въ Вѣнѣ, на возвратномъ пути изъ Карлсбада въ Петербургъ, когда прибылъ туда генераль Бельяръ, привезшій собственноручное письмо короля Лудовика-Филиппа къ императору австрійскому. Не смотря на убѣжденія русскаго канцлера замедлить рѣшеніемъ впредь до полученія отвѣта на посланный въ Петербургъ запросъ, Меттернихъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ генераломъ и, получивъ отъ него увѣреніе, что новое французское правительство обязывается свято соблюдать договоры, представилъ его императору, которому Бельяръ лично вручилъ королевское письмо. Въ отвѣтъ своемъ, императоръ Францъ не только призналъ Лудовика-Филиппа королемъ французовъ, но и пожелалъ ему прочнаго и счастливаго царствованія ²⁾. Примѣру австрійскаго двора не замедлилъ послѣдовать и прусскій.

¹⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 25 октября (6 ноября) 1830 г.

²⁾ Императоръ Францъ королю Лудовику-Филиппу, 27-го августа (7-го сентября) 1830 г.

Пріемъ, оказанный въ Берлинѣ фельдмаршалу Дибичу, былъ сдержанъ и холоденъ. Король и его министры боялись войны съ Франціею и прямо заявили, что хотятъ избѣжать ея, во чтобы то ни стало. Не болѣе расположенія обнаружили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и Меттернихъ въ бесѣдахъ своихъ съ прибывшимъ въ Вѣну Орловымъ. За то онъ разсыпался предъ нимъ въ выраженіяхъ дружбы къ Россіи и постоянно твердилъ о солидарности монархическихъ интересовъ, о союзѣ между государями, какъ о единственномъ «якорѣ спасенія» Европы, объ «общемъ дѣлѣ», обнимающемъ-де всѣ частныя выгоды европейскихъ государствъ. Согласіе на словахъ и отказъ отъ какихъ бы то ни было дѣйствій—такова была политическая его программа. Она прикрывала затаенную цѣль: не столько содѣйствовать возстановленію законнаго порядка въ Европѣ, сколько разъединить Россію съ ея естественною союзницею—Франціею. Меттернихъ не терялъ изъ виду, что обѣ эти державы, совмѣстно съ Англіею, были еще формально соединены узми союза, заключеннаго въ 1827 году въ Лондонѣ, по греческимъ дѣламъ. «Нужно поскорѣе разорвать тройственный союзъ»,—писалъ онъ австрійскому послу въ Лондонѣ,—«ибо таковой открываетъ возможность законной политической связи (*liaison politique légale*) между новою Франціею и Россіею; роль обманутаго (*dupe*) останется на долю лондонскаго кабинета» ¹⁾.

Въ довершеніе всего, великобританское правительство хотя и созвало въ Лондонѣ конференцію изъ представителей великихъ державъ для разрѣшенія бельгійскаго вопроса, но вмѣсто того, чтобы твердо стоять на почвѣ договора 9 (21) іюля 1814 года, установившаго соединеніе Бельгіи съ Голландіей, конференція эта признала въ принципѣ провозглашенную брюссельскимъ конгрессомъ независимость Бельгіи, и сама выработала основанія отдѣленія ея отъ Голландіи. Такимъ образомъ, Европа, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, узаконила результатъ, противный существующимъ договорамъ и достигнутый насильственнымъ путемъ народнаго возстанія.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, что оставалось дѣлать императору Николаю? Подъ громкими фразами, которыми вѣнскій дворъ уснащалъ свои дипломатическія сообщенія нашему, онъ ясно различалъ полное нежеланіе дѣйствовать энергически для отстояванія законнаго порядка, болѣе того: совершенное равнодушіе къ началу законности. Пруссія являлась въ этомъ случаѣ союзницею еще менѣе надежною, чѣмъ Австрія. Въ Англіи, консервативное министерство, съ начала столѣтія управлявшее странюю, вынуждено было удалиться отъ власти и его замѣнилъ кабинетовъ виговъ, въ которомъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ занялъ лордъ Пальмерстонъ, едва ли не болѣе французскихъ правителей расположен-

¹⁾ Князь Меттернихъ князю Эстергази, 2-го (14-го) августа 1830 г.

ный покровительствовать революціоннымъ движеніямъ на материкѣ. Не вполне была еще утрачена въ Петербургѣ память о существенныхъ услугахъ, оказанныхъ намъ Франціей въ дѣлахъ общей политики, что постоянно ставилъ на видъ императорскому кабинету Поццо ди-Борго, остававшійся въ Парижѣ, хотя и безъ офиціального характера. Императоръ Николай рѣшился, наконецъ, признать правительство Лудовика-Филиппа. Съ разрѣшенія его, вице-канцлеръ написалъ въ концѣ года герцогу Мортемару, бывшему до июльскихъ событій французскимъ посломъ въ Петербургѣ, письмо, въ которомъ выражалъ согласіе нашего двора возобновить дипломатическія сношенія съ французскимъ. Послѣдствіемъ было назначеніе послами Мортемара въ Петербургѣ и Поццо ди-Борго въ Парижѣ. Однако, въ вѣрительной грамотѣ послѣдняго государь не захотѣлъ дать признанному имъ королю французовъ обычнаго между государями титула брата. Слова обращенія: *monsieur mon frère*, были замѣнены въ ней выраженіемъ: *cher et grand ami*, какъ обыкновенно называютъ монархи въ своихъ письмахъ президентовъ республикъ. Императоръ Николай, съ свойственнымъ ему прямодушіемъ, не могъ признать равнымъ себѣ государя, власть котораго была запятнана революціоннымъ происхожденіемъ ¹⁾.

Съ такимъ трудомъ восстановленнымъ сношеніямъ между дворами петербургскимъ и парижскимъ не суждено было привести ихъ къ полному и искреннему примиренію. Первоначальною причиною тому была безтактность французскаго правительства, вмѣнившая въ обязанность своему послу ходатайствовать предъ императоромъ Николаемъ въ пользу мятежныхъ поляковъ. Государь съ гордостью отвергнулъ такое притязаніе. Польское возстаніе считалъ онъ внутреннимъ, домашнимъ дѣломъ, а потому не допускалъ по отношенію къ нему никакого посторонняго вмѣшательства. Всего менѣе могъ онъ потерпѣть французское заступничество за мятежъ, который по его выраженію являлся «плодомъ взаимнаго обученія», иначе говоря, косвеннымъ послѣдствіемъ происшедшихъ во Франціи смуть. Французскій посолъ, прежде бывший *persona gratissima* при нашемъ дворѣ, испыталъ на себѣ всю тяжесть царскаго гнѣва и скорѣ вынужденъ былъ оставить Петербургъ.

Меттернихъ сумѣлъ ловко воспользоваться неудовольствіемъ императора Николая на Францію и употребилъ всѣ старанія, чтобы поддержать его и усилить. Дѣло въ томъ, что, въ началѣ 1831 года, между имъ и правительствомъ Лудовика-Филиппа произошла серьезная размолвка по поводу революціонныхъ вспышекъ въ Италіи, вызвавшихъ занятіе Модены и части папскихъ владѣній австрійскими войсками. Глава французскаго кабинета, Лафитъ, открыто заявилъ намѣреніе силою воспротивиться австрійскому вмѣшатель-

¹⁾ Императоръ Николай королю Лудовику-Филиппу, январь 1831 го .

ству въ итальянскія дѣла. Но миролюбіе короля предотвратило войну. Преемникъ Лафита, Казиміръ Перье, дипломатическимъ путемъ успѣлъ достигнуть очищенія австрійцами сѣверной Италіи; когда же возобновившіяся въ ней смуты побудили вѣнскій дворъ вторично ввести войска свои въ легатства, то французское правительство, въ свою очередь, посадивъ на суда въ Тулонѣ значительный отрядъ, направило его къ Анконѣ и заняло имъ и городъ, и крѣпость. Мѣрою этою первый министръ короля Лудовика-Филиппа имѣлъ въ виду поддержать провозглашенное Франціею начало невмѣшательства, въ силу котораго парижскій кабинетъ объявлялся не вступаться въ дѣла чужихъ странъ, но только до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ въ нихъ вмѣшательства какой либо другой державы.

Угрожаемая Франціею, Австрія обратилась къ поддержкѣ и помощи Россіи. Меттернихъ началъ опять представлять намъ необходимость учредить между тремя сѣверными державами «центръ соглашенія» и на этотъ разъ уже въ Вѣнѣ. Онъ предлагалъ торжественно протестовать противъ права невмѣшательства посредствомъ гласнаго протокола, съ изложеніемъ противоположнаго взгляда союзныхъ дворовъ; объявить Лудовику-Филиппу, что признаніе его состоялось лишь условно, въ надеждѣ на то, что у него хватитъ силъ для сдержанія революціонной пропаганды; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, согласиться на замѣну его герцогомъ Рейхштадтскимъ или даже республикою. Императоръ Николай только отчасти раздѣлялъ мнѣніе австрійскаго канцлера. Онъ, подобно ему, не допускалъ французской теоріи невмѣшательства, но находилъ что вмѣсто торжественной деклараціи гораздо проще было бы доказать фактами полное согласіе трехъ державъ на счетъ опасности революціонныхъ идей, коихъ-де Франція служитъ представительницею и распространительницею¹⁾. А потому, русскому послу въ Парижѣ поручено было объявить французскому правительству, что если оно, основываясь на началѣ невмѣшательства, вздумаетъ противиться мѣрамъ, принимаемымъ вѣнскимъ дворомъ для водворенія законнаго порядка въ Италіи, то императоръ Николай, вѣрный своимъ союзнымъ обязательствамъ, не преминетъ оказать императору Францу какъ нравственную, такъ и вещественную помощь²⁾. За то государь не одобрялъ предложеній вѣнскаго двора о возстановленіи имперіи во Франціи въ пользу герцога Рейхштадтскаго, а и того менѣе, объ учрежденіи республики въ этой странѣ. О первой мѣрѣ онъ отозвался, что лѣкарство было бы хуже самой болѣзни, такъ какъ противорѣчило бы существующимъ договорамъ³⁾;

¹⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 21 января (2 февраля) 1831 г.

²⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 2 (14) марта 1831 г.

³⁾ Та же пелеша.

о второй—что французская республика была бы столь же «ненавистна и незаконна» (*odieuse et illégale*), какъ и монархія Людовика-Филиппа ¹⁾. Послѣ занятія Анконы французами, онъ выражалъ мнѣніе о необходимости отвѣчать на такой захватъ объявленіемъ войны, въ виду которой ставилъ въ распоряженіе союзниковъ всѣ свои силы. 50,000 русскихъ войскъ готовы были выступить въ Германію по первому призыву, поддержанные стопятидесяти-тысячною арміею, расположенною въ царствѣ Польскомъ ²⁾.

Но войны съ Франціею не хотѣли ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ. Подзадоривая насъ противъ французовъ, оба двора вели съ ними дружественные переговоры и всячески старались мирно уладить возникшія недоразумѣнія. Пугая насъ призракомъ революціи, яко-бы воплощенной въ образѣ Франціи, они Францію пугали Россіею, словомъ усердно сѣяли сѣмена раздора между двумя державами, въ сближеніи которыхъ видѣли величайшую для себя опасность. При такихъ условіяхъ французскому правительству не оставалось ничего другого, какъ искать поддержки въ Англии, стремясь образовать въ связи съ нею противовѣсъ союзу трехъ сѣверныхъ державъ.

Основаніе англо-французскому союзу, извѣстному подъ названіемъ «сердечнаго соглашенія» (*entente cordiale*) и просуществовавшему почти столько же времени, сколько и сама іюльская монархія, положилъ Талейранъ, по воцареніи Людовика-Филиппа снова вступившій въ дѣйствительную службу и отправленный посломъ въ Лондонъ. При холодно-недовѣрчивомъ отношеніи Австріи и Пруссіи и явно-враждебномъ Россіи, ему легко было убѣдить короля и его министровъ въ необходимости возвратиться къ политической системѣ, коей онъ былъ обязанъ своими успѣхами на вѣнскомъ конгрессѣ и которая заключалась въ тѣсномъ единеніи съ сентъ-жемскимъ кабинетомъ. Тогдашній глава великобританскаго министерства, герцогъ Веллингтонъ, былъ старымъ другомъ и почитателемъ Талейрана ³⁾, что значительно облегчило ему исполненіе задуманнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что бельгійское возстаніе являлось почвою, на которой двѣ вѣковыя соперницы легко могли сойтись въ политическихъ началахъ и воззрѣніяхъ, а отчасти и въ интересахъ. Затаенная мысль Талейрана была — воспользоваться отдѣленіемъ Бельгіи отъ Голландіи, чтобы подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, достигнуть расширенія границъ Франціи или, по меньшей мѣрѣ,

¹⁾ Графъ Нессельроде Татищеву, 24 апрѣля (6 мая) 1832 г.

²⁾ Та же депеша.

³⁾ По этому поводу княгиня Ливенъ, жена русскаго посла въ Лондонѣ, писала принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому, будущему королю бельгійцевъ, отъ 19-го сентябля (1 октября) 1830 года: «Герцогъ Веллингтонъ кажется мнѣ высокаго мнѣнія о Талейранѣ. Онъ говоритъ про него, что это весьма честный человѣкъ. Честность Талейрана напоминаетъ мнѣ умъ Полюньяка!»

сферы ея вліянія. Онъ умѣлъ скрыть ее отъ Веллингтона и Абердина, министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ желѣзнаго герцога, но преемникъ послѣдняго, проникательный и энергичный Пальмерстонъ, тотчасъ разгадалъ суть замысловъ французскаго дипломата и рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не допускать ихъ осуществленія. Каждое, направленное къ тому, предложеніе встрѣчало не только рѣшительный отпоръ, но и твердое заявленіе, что малѣйшая попытка Франціи отодвинуть свои предѣлы, поведетъ къ разрыву ея съ Англіею.

Любопытно прослѣдить въ перепискѣ лорда Пальмерстона, какимъ властнымъ, не терпящимъ возраженія, языкомъ онъ выражался о видахъ и намѣреніяхъ двора, состоявшаго съ англійскимъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ. На предложеніе Талейрана присоединить къ Франціи Луксембургъ, бывшій предметомъ спора между Голландіею и Бельгіею, онъ прямо отвѣчалъ, что такое рѣшеніе невозможно, такъ какъ никто-де не согласится на него, и въ то же время предписалъ великобританскому послу въ Парижѣ заявить кому слѣдуетъ, «что хотя Англія и желаетъ поддерживать наилучшее согласіе съ Франціею и находится съ нею въ самыхъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ, но только въ предположеніи, что та удовольствуется своею территоріею, прекраснѣйшею въ Европѣ и не намѣрена возвратиться къ системѣ захватовъ и завоеваній»¹⁾. Когда стало извѣстно, что бельгійскій конгрессъ рѣшилъ избрать королемъ герцога Немурскаго, второго сына Лудовика-Филиппа, Пальмерстонъ объявилъ Талейрану, что если только король французовъ изъявитъ согласіе свое на этотъ выборъ, «то это послужитъ доказательствомъ, что политика Франціи подобна заразѣ, прилипшей къ стѣнамъ жилища и сообщающейся послѣдовательно каждому обитателю, вступающему въ предѣлы ея вліянія»²⁾. Не смотря даже на отказъ Лудовика-Филиппа принять предложенную сыну его бельгійскую корону, англійскій министръ строго осуждалъ его политику въ отношеніи къ Бельгіи, называя ее «презрѣнною интригою», и упрекая парижскій дворъ въ томъ, что онъ одно говоритъ здѣсь, а другое не договариваетъ тамъ; общаетъ принятіе черезъ Брессона (посланника въ Брюсселѣ) и отказъ черезъ Талейрана; измѣняетъ свои мнѣнія, заявленія, принципы, при каждой новой перспективѣ временной выгоды»³⁾. Подъ впечатлѣніемъ англійскихъ угрозъ, Франція поумѣрила свои требованія и рѣшилась удовольствоваться присоединеніемъ крѣпости Бульона, съ небольшимъ округомъ. Пальмерстонъ воспротивился и этому, увѣряя, что ему

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвиллю, 26-го декабря 1830 г., (7 января 1831 г.).

²⁾ Ему же, 20-го января (1 февраля) 1831 г.

Ему же, 5-го (17) февраля 1831 г.

де внушаетъ «отвращеніе» правительство великой державы, «которое среди важнаго дѣловаго кризиса, когда затронуты столь значительные интересы, каверзить и интригуется изъ-за такихъ жалкихъ пустяковъ» ¹⁾).

Лордъ Пальмерстонъ выразилъ большое удовольствіе по поводу назначенія Казимира Перье французскимъ первымъ министромъ. Но, поручая англійскому послу передать ему выраженіе полного довѣрія, онъ не лишнимъ счелъ на всякій случай предупредить его, что «Франція-де не можетъ овладѣть Бельгіей безъ войны съ четырьмя державами. Можетъ ли же она овладѣть ею путемъ войны съ четырьмя державами—это другой вопросъ» ²⁾. Перье и не думалъ о Бельгіи, но признался, что желалъ бы присоединенія Ландау и Бульона. Пальмерстонъ не замедлилъ отвѣтомъ: «Мы не можемъ считать Европу въ безопасности, иначе какъ стоя на почвѣ строгаго соблюденія договоровъ и на безкорыстномъ отказѣ всѣхъ отъ своекорыстныхъ видовъ на расширеніе. Въ ту минуту, когда мы предоставили бы Франціи хотя бы одинъ огородъ или виноградникъ, мы лишились бы нашей принципиальной основы; и тогда дѣло уже сведется къ вопросу о бѣльшей или меньшей степени цѣнности различныхъ предметовъ, которые она потребуетъ одинъ за другимъ. Допустивъ однажды, что миролюбивое министерство должно быть поддержано удовлетвореніемъ партіи войны, не подвергая ее риску самой войны, мы для достиженія нашей цѣли обязаны, дѣйствительно, удовлетворить ее, а между тѣмъ всѣ мы знаемъ — не то что удовольствуетъ эту партію, — а что не удовольствуетъ ее, и не подлежитъ сомнѣнію, что Бульонъ и Ландау не удовлетворятъ ее. Будьте же непреклонны въ этомъ пунктѣ» ³⁾).

Французское министерство не поддавалось этимъ доводамъ. Оно требовало отъ англійскаго положительныхъ доказательствъ дружбы, признаваясь, что безъ нихъ положеніе его не можетъ упрочиться, такъ какъ французы требуютъ-де отъ своихъ правителей доказательствъ вліянія ихъ въ дѣлахъ Европы. На этотъ разъ Пальмерстонъ разразился грозною филиппикою противъ подобныхъ притязаній: «Удивляюсь этой теоріи, и мы не можемъ питать ни малѣйшаго довѣрія къ правительству, придерживающемуся ея. Что разумѣютъ они подъ вліяніемъ въ совѣтахъ другихъ странъ? Если они разумѣютъ подъ этимъ власть заставить означенныя страны содѣйствовать или подчиниться французскимъ захватамъ или расширеніямъ, то это старая замашка въ новомъ видѣ и прежній злѣбный духъ задора, ожившій подъ инымъ притязаніемъ. То, что

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвиллю, 25-го февраля (9 марта) 1831 г.

²⁾ Ему же, 3-го (15) марта 1831 г.

³⁾ Ему же, 13-го (25) марта 1831 г.

желаетъ Франція получить или совершить справедливо, либо нѣтъ, правильно, либо неправильно. Если оно справедливо или правильно, оно должно быть исполнено по этой причинѣ, если несправедливо или неправильно, то по этой же причинѣ—не должно быть исполнено. И я никогда не допущу, что было бы разумно уступить несправедливымъ притязаніямъ Франціи съ цѣлью пріобрѣсти для французскаго правительства, будь оно Перье или Себастиани, поддержку буйной партіи или даже умѣренныхъ сторонниковъ захватовъ. Становясь въ зависимость отъ нихъ, нельзя достигнуть ничего хорошаго такими уступками; мы только разъярили бы аппетитъ вмѣсто того, чтобы удовлетворить его. Мы только выдали бы собственную слабость и ободрили бы новыя требованія. Какая польза въ существованіи во Франціи умѣренной и миролюбивой администраціи, если для того, чтобы сохранить ей благоволеніе буйныхъ и воинственныхъ людей, мы подчинимся требованіямъ послѣднихъ, взамѣнъ пользованія добросовѣстностью первой? Здѣсь явное противорѣчіе и когда приводятъ такіе доводы, не слѣдуетъ довѣрять тѣмъ, кто прибѣгаетъ къ нимъ» ¹⁾.

Какъ Австрія и Пруссія пугали Россію революціоннымъ призракомъ Франціи, такъ послѣднюю пугала Англія указаніемъ на охранительный союзъ сѣверныхъ державъ. Она даже грозила, что сама пристанетъ къ нему, если Франція будетъ продолжать свою систему «захватовъ и завоеваній» ²⁾. Это побудило Талейрана самому попытаться сблизиться съ представителями въ Лондонѣ дворовъ вѣнскаго и берлинскаго. Послѣ того, какъ королемъ бельгійцевъ былъ избранъ и признанъ конференціею принцъ Саксенъ-Кобургскій Леопольдъ, голландцы, отказавшись отъ перемирія, вторглись въ Бельгію, разсѣяли бельгійскія войска и едва не захватили самого новаго короля. Отъ окончательнаго разгрома спасла молодое королевство французская военная помощь. Голландцы отступили предъ французами, но это подало поводъ Талейрану заявить, что Бельгія не въ силахъ отстоять свою независимость, и предложить прусскому посланнику планъ раздѣла ея между Франціею, Пруссіею и Нидерландами, съ тѣмъ, чтобы для успокоенія Англіи, Антверпенъ былъ объявленъ порто-фраико. Парижскій кабинетъ хотя и не поддержалъ этого предложенія, но настаивалъ на срытіи бельгійскихъ крѣпостей, какъ на предварительномъ условіи вывода французскихъ войскъ изъ Бельгіи. Все это приводило Пальмерстона въ ярость. Онъ снова сталъ грозить Франціи войною. «Одно несомнѣнно», восклицалъ онъ, «французы должны выйти изъ Бельгіи, иначе, возгорится всеобщая война, и не далѣе какъ черезъ нѣсколько дней». ³⁾ Пруссія выражала нѣкоторую склонность предо-

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвиллю, 10-го (22) апрѣля 1831 г.

²⁾ Ему же, 19-го (31-го) мая 1831.

³⁾ Ему же, 5-го (17-го) августа 1831.

ставить Мариенбургъ и Филипвиль Франціи, лишь бы самой получить Луксембургъ. Пальмерстонъ не допускалъ и этого. «Если только когда нибудь эти великіе державы отвѣдаютъ крови», пояснялъ онъ, «онѣ никогда не удовольствуются однимъ глоткомъ, но скоро пожрутъ всю свою жертву» ¹⁾).

Мы намѣренно распространились о коренныхъ несогласіяхъ, обнаружившихся между Англіею и Франціею при самомъ зарожденіи ихъ союза и въ томъ именно вопросѣ, который послужилъ формальнымъ основаніемъ для ихъ сближенія. Изъ приведенныхъ нами фактовъ не ясно ли, что пресловутое «сердечное соглашеніе» ни мало не отвѣчало нуждамъ и пользамъ обѣихъ странъ, естественно противоположнымъ другъ другу. Противорѣчіе это было прикрито тождествомъ государственныхъ началъ, исповѣдуемыхъ обоими правительствами, ихъ общимъ преслѣдованіемъ конституціонныхъ идеаловъ не только у себя дома, но и во всей Европѣ. Явленіе вполнѣ сходное съ одновременнымъ возстановленіемъ между Россіею, Австріею и Пруссіею охранительнаго священнаго союза, равнымъ образомъ, основаннаго на одинаковости не интересовъ, а отвлеченныхъ мыслей и теорій. Мюнхенгрецкія конвенціи, заключенныя въ сентябрѣ 1833 года, запечатлѣли согласіе трехъ сѣверныхъ державъ, а полгода спустя Англія и Франція, приобщивъ къ своему уговору Испанію и Португалію, подписали трактатъ извѣстный подъ названіемъ четвернаго союза, назначеніе котораго, по собственному сознанію лорда Пальмерстона, заключилось «въ образованіи могущественнаго противовѣса священному союзу на Востокѣ» ²⁾).

Никакая война не могла создать между Россіею и Франціею такую пропасть, какъ союзныя связи первой съ двумя великими державами Германіи, второй—со своею историческою соперницею. Вступая въ эти обязательства и Россія и Франція принесли самые существенные свои интересы въ жертву политическимъ ученіямъ и надолго отrekliсь въ пользу союзниковъ отъ самостоятельнаго взвѣшиванія своихъ международныхъ задачъ и потребностей.

III.

Вопросы польскій и Восточный.

Въ извѣстной запискѣ о внѣшнихъ сношеніяхъ Россіи, составленной въ 1838 году для наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, баронъ Брунновъ неудовлетворительность нашихъ отношеній къ Франціи Орлеановъ приписываетъ, главнымъ образомъ,

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвидю, 14-го (26-го) августа 1831 г.

²⁾ Ему же, 9-го (21-го) апрѣля 1834 г.

причинамъ отвлеченнаго свойства. Такъ, онъ указываетъ на революціонное происхожденіе июльской монархіи, на упадокъ въ ней королевской власти, на потворство ея демагогамъ и радикаламъ, на отсутствіе ручательствъ въ ея долговѣчности. Но рядомъ съ этими, такъ сказать, теоретическими причинами, онъ указываетъ и на другія, болѣе существенныя и затрогивающія важнѣйшіе наши государственныя интересы. Образъ дѣйствій правительства Лудовика-Филиппа въ польскомъ вопросѣ былъ, по увѣренію барона, прямо направленъ намъ во вредъ. Враждебность свою къ Россіи парижскій дворъ несомнѣнно-де доказалъ и заступничествомъ своимъ за повстанцевъ и покровительствомъ тѣмъ изъ польскихъ выходцевъ, которые искали убѣжища во Франціи. Сверхъ того, и на Востокѣ французская политика сталкивается-де съ нашею, такъ какъ «тюльрийскій кабинетъ хотя и признаетъ необходимость поддержанія status quo, но рядомъ, съ этою всѣми одинаково чувствуемою потребностью, онъ не въ силахъ противостоять искушенію время отъ времени льстить честолюбію Мегметъ-Али-паши и поощрять проявленіе революціоннаго духа въ Греціи» ¹⁾). Обвиненія эти подтвердилъ и самъ императоръ Николай, во время пребыванія своего въ Лондонѣ въ 1844 году, выразившій англійскимъ министрамъ подозрѣнія, возбуждаемыя въ немъ тайными замыслами Франціи на Востокѣ, замѣтивъ при этомъ, что онъ никогда не проститъ Лудовику-Филиппу происковъ, имѣвшихъ цѣлью «подкопать положеніе государя, подорвать его достоинство какъ русскаго императора», слова, которыя, очевидно, относились къ поведенію короля французовъ въ польскомъ дѣлѣ ²⁾).

Внимательное ознакомленіе съ рѣчами и дѣйствіями французскихъ государственныхъ людей этого времени не подтверждаетъ вышеизложенныхъ обвиненій или, вѣрнѣе, доказываетъ, что если въ вопросахъ какъ польскомъ, такъ и Восточномъ, политика Лудовика-Филиппа и принимала иногда противное Россіи направленіе, то виною тому была не скрываемая враждебность къ Франціи самого русскаго двора, да интриги нашихъ ближайшихъ союзниковъ, пруссаковъ и австрійцевъ. Въ сущности же взгляды руководителей судебъ Франціи на Польшу и на Востокъ гораздо ближе подходили къ традиціоннымъ воззрѣніямъ Россіи на тѣ же предметы, чѣмъ даже мнѣнія дворовъ вѣнскаго или берлинскаго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ первое полугодіе царствованія Лудовика-Филиппа, вызванное революціею сильное броженіе въ на-

¹⁾ Отзывъ о Франціи изъ рукописной записки барона Бруннова дословно приведенъ на стр. 475—476 книги моей: «Вышняя политика императора Николая».

²⁾ О бесѣдахъ императора Николая съ англійскими министрами см. статью мою: «Императоръ Николай въ Лондонѣ въ 1844 году», «Историческій Вѣстникъ», мартъ 1886 года, стр. 615—619.

родныхъ массахъ отразилось и на дѣятельности правительства. Глава перваго министерства короля французовъ, Лафитъ, по политическимъ убѣжденіямъ принадлежалъ къ лѣвой сторонѣ палаты, заискивалъ въ общественномъ мнѣніи и нерѣдко подчинялся ему. А оно требовало перенесенія на внѣшнюю политику революціонныхъ пріемовъ, создавшихъ іюльскую монархію, оказанія поддержки всѣмъ народамъ, возставшимъ противъ своихъ правительствъ. Подъ вліяніемъ такихъ внушеній и въ неизвѣстности о томъ, какъ отнесется монархическая Европа къ совершившейся во Франціи перемѣнѣ, первый министръ держалъ въ палатахъ воинственныхъ, выывающія рѣчи. «Мы ведемъ переговоры», восклицалъ онъ, «но въ тоже время и вооружаемся. Въ непродолжительный срокъ мы будемъ имѣть, не считая гарнизоновъ нашихъ крѣпостей, находящихся въ прекрасномъ оборонительномъ положеніи,—мы будемъ имѣть подъ ружьемъ 500,000 человекъ хорошо организованныхъ и предводимыхъ войскъ. Милліонъ національныхъ гвардейцевъ поддерживаетъ армію, и король готовъ самъ стать во главѣ нашихъ вооруженныхъ силъ. Когда окажется нужнымъ, мы двинемся, сильные сознаніемъ нашего права и крѣпостью нашихъ принциповъ. И если въ виду трехцвѣтнаго знамени, разразятся грозы и окажутъ намъ помощь, то не мы будемъ отвѣтственны за это предъ цѣлымъ міромъ»¹⁾. Какъ видно, угроза въ устахъ Лафита не шла далѣе увѣренія, что Франція не отступитъ предъ вызовомъ. Но указывая на народныя движенія, которыя можетъ вызвать война, онъ едва ли имѣлъ въ виду поляковъ. Скорѣе слова его относились къ волненіямъ, уже проявившимся въ сопредѣльныхъ съ Франціею странахъ: въ Бельгіи, въ Германіи, въ Италіи. Произнося рѣчь свою 19 ноября (1 декабря) 1830 года, Лафитъ не могъ еще знать о мятежѣ, вспыхнувшемъ въ Варшавѣ въ ночь съ 17 (29) на 18 (30) ноября, т. е. какъ разъ наканунѣ.

Что угроза не относилась къ Россіи, явствуетъ изъ крайней предупредительности, обнаруженной Лудовикомъ-Филиппомъ по отношенію къ императору Николаю. Письмо короля къ государю, извѣщавшее о воцареніи, составлено было въ самыхъ лстивыхъ выраженіяхъ и искало извинить необходимою іюльскую революцію и воздвигнутый ею престолъ. Достаточно было одного намека на согласіе русскаго двора возобновить дипломатическія сношенія съ Франціею, чтобы побудить парижскій кабинетъ не только сдѣлать первый официальный шагъ, но и назначить посломъ въ Петербургъ дипломата, указаннаго ему нашимъ представителемъ. Какъ ни оскорбительна была лично для Лудовика-Филиппа замѣна въ русской вѣрительной грамотѣ слова «государь братъ», обраще-

¹⁾ Рѣчь произнесенная Лафитомъ въ засѣданіи французской палаты депутатовъ, 19-го ноября (1-го декабря) 1830 года.

ніем «великій и дорогой другъ», король снесъ обиду терпѣливо и въ молчаніи. Если въ инструкціи герцогу Мортемару и было включено порученіе предстательствовать предъ императоромъ за его мятежныхъ польскихъ подданныхъ, то отнюдь не въ видѣ требованія, а только воззванія къ великодушію и милосердію его величества. Конечно, мѣра эта была безтактна, потому что задѣвала за живое законную щекотливость государя, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Парижѣ не отдали себѣ въ томъ яснаго отчета, и искали лишь согласовать весьма искреннее желаніе возстановить прерванную июльскими событіями дружественную связь съ Россіей, съ требованіемъ общественнаго мнѣнія, шумно высказывавшагося въ пользу поляковъ и ихъ несбыточныхъ притязаній.

Вскорѣ министерская перемѣна, совершившаяся во Франціи, измѣнила окончательно характеръ внѣшней политики парижскаго кабинета. Въ мартѣ 1831 года, искренно расположенный въ пользу мира, король удалилъ слишкомъ увлекавшагося Лафита и на мѣсто его назначилъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, энергичнаго консерватора, Казимира Перье. Новый первый министръ гласно и торжественно отрекся отъ всякихъ связей съ революціею, какъ внутри страны, такъ и внѣ ея. Прекращены были пособія, выдававшіяся водвореннымъ во Франціи политическимъ выходцамъ всѣхъ странъ; возстанія въ Германіи, Италіи, Польшѣ — предоставлены собственной участи. Парижскій кабинетъ подтвердилъ всѣмъ иностраннымъ дворамъ твердую рѣшимость свою воздерживаться отъ вмѣшательства въ дѣла сосѣднихъ странъ, приглашая и ихъ приступить къ началу невмѣшательства и къ одновременному всеобщему разоруженію. Если, въ іюнѣ того же года, французскій посоль въ Лондонѣ предложилъ сентъ-джермскому кабинету совмѣстно съ Франціею выступить посредникомъ между русскимъ императоромъ и польскими мятежниками, то предложеніе это ничего не имѣло общаго съ революціонною пропагандой и было вызвано чисто политическими причинами: все болѣе и болѣе обнаруживавшеюся завзятою враждебностью Россіи къ порядку установленному во Франціи июльскою революціею; поддержкою, обѣщанною ею Австріи въ ея пререканіяхъ съ Франціей по итальянскимъ дѣламъ и т. п. Французское предложеніе не было принято Пальмерстономъ, основательно возразившимъ, что словесныя представленія въ пользу поляковъ, будутъ несомнѣнно отвергнуты въ Петербургѣ, дѣятельное же вмѣшательство въ русско-польскую борьбу не оправдывается-де интересами Англіи. При этомъ благородный лордъ утверждалъ, что и радъ бы былъ помочь полякамъ, но никакъ не нарушая «долга совѣсти передъ Россіею»¹⁾.

Вѣсть о взятіи Варшавы поразила Парижъ ужасомъ и скорбью.

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвиллю, 1-го (13) мая 1831 г.

Французы поняли, что она возвѣщала конецъ возстанія. Всѣ театры были закрыты, столица Франціи погрузилась въ глубокой трауръ. Проснулись и мятежныя страсти въ нѣкоторыхъ частяхъ и предмѣстьяхъ города. Образовались шайки, грабившія оружейныя лавки, пытавшіяся приступить къ постройкѣ баррикадъ. Возбужденіе распространилось и на палату депутатовъ, такъ недавно еще заявившую въ адресѣ королю «что польская національность не погибнетъ»; обвиненія и нападки посыпались на правительство; послѣдовали страстные запросы со стороны членовъ оппозиціи. Но министерство оставалось чуждо всѣмъ этимъ демонстраціямъ. «Порядокъ господствуетъ въ Варшавѣ!» таковы были слова, коими министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ палатѣ объ усмиреніи возстанія.

Въ возгорѣвшихся по этому случаю дебатахъ Тьеръ, только что вступившій на политическое поприще, произнесъ одну изъ своихъ самыхъ убѣдительныхъ и блестящихъ рѣчей. Онъ не былъ еще министромъ, а просто независимымъ депутатомъ, сторонникомъ правительственной партіи, но рѣчь его о Польшѣ бесспорно заслуживаетъ вниманія, какъ выраженіе взгляда общаго большинству государственныхъ людей іюльской монархіи на будущее этой страны и на дальнѣйшія отношенія къ ней Франціи.

Тьеръ началъ съ того, что напомнилъ, что французское правительство болѣе года предупреждало о рѣшимости своей не давать полякамъ военной помощи. Можно ли послѣ того ставить ему въ вину взятіе Варшавы? Сочувствіе французовъ къ Польшѣ понятно и закононо. Нельзя не питать уваженія къ народу, нѣкогда оказавшему Европѣ столько услугъ. Но въ политикѣ чувство никогда не должно брать верхъ надъ разумомъ. Единственный стимулъ разумныхъ политическихъ рѣшеній—государственная польза.

Польша принимала участіе во всѣхъ войнахъ сѣвера и постоянно несчастливо. Европа всегда была благопріятно расположена къ Польшѣ и ничего не могла сдѣлать въ ея пользу. Какія же тому причины: немощь или нерадѣніе?

По самому своему географическому положенію, Польша рѣзко отличалась отъ сосѣднихъ государствъ, съ твердо опредѣленными границами. Она не имѣла горъ, которыя могли бы служить ей защитой; величественная рѣка, ее пересѣкающая, течетъ посреди ея территоріи, а не окаймляетъ ее. Никогда не имѣла она правильно организованнаго правительства, ни средняго сословія, ни промышленности, ни достатка. При такихъ условіяхъ она не была способна принимать участіе въ международной жизни Европы. Участіе это выражалось съ ея стороны лишь въ великодушныхъ порывахъ. То она служила полемъ битвы для прочихъ державъ сѣвера, то полемъ для ихъ интригъ. Не она выбирала своихъ государей. Послѣдняго короля приняла она изъ рукъ Екатерины и этимъ подготовила свое паденіе.

Расказавъ исторію перваго раздѣла, первоначальная мысль котораго принадлежитъ Фридриху II и на который поспѣшилъ согласиться Кауницъ, Тьеръ пришелъ къ заключенію, что по мнѣнію двухъ величайшихъ политиковъ прошлаго вѣка, Европа болѣе защищена отъ Россіи предоставленіемъ Пруссіи береговъ Вислы, Австріи устьевъ Дуная, чѣмъ существованіемъ Польши. «Говорятъ», продолжалъ онъ, «что намъ было бы полезно имѣть союзниковъ на Сѣверѣ. Безъ сомнѣнія; но какой политикъ помыслить создавать себѣ союзниковъ на разстояніи четырехъ сотъ миль, да еще такого союзника, котораго нужно сперва призвать къ жизни? Я понимаю союзъ съ Бельгіею, съ Швейцаріею; я понимаю, въ иную эпоху, союзъ съ цисальпійскою республикою; но Наполеонъ, создавъ цисальпійскую республику, открылъ путь черезъ Симплонъ, чтобы имѣть возможность въ нѣсколько дней подать помощь своимъ союзникамъ. Называютъ Польшу авангардомъ французской арміи. Такъ скажите же: кто тотъ генераль, который когда либо поставилъ свой авангардъ въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ главныхъ силъ, что не было возможности прійти ему на помощь».

Ораторъ напомнилъ о мнѣніи, высказанномъ Наполеономъ въ инструкціи одному изъ своихъ дипломатовъ, что Польша всегда будетъ подчинена вліянію Россіи. Правда, что тотъ же Наполеонъ сказалъ, что возстановитъ Польшу. Уничтоживъ Австрію и Пруссію, онъ считалъ необходимымъ создать между своею имперіею и Россіею промежуточное государство, и такимъ государствомъ должна была быть Польша. Дѣло это онъ считалъ труднымъ, столь труднымъ, что не хотѣлъ оставлять его на долю своего преемника и рѣшилъ совершить самъ. И что же?

«Здѣсь»—развивалъ мысль свою Тьеръ,—«я взываю, въ свою очередь, къ тѣни Наполеона, которую тревожатъ непрерывно, и спрашиваю его:—Создалъ ли ты Польшу? Или ты не хотѣлъ того, и тогда ты виновенъ, или ты не смогъ; а если тебѣ это было не подъ силу, то чего же требовать отъ насъ? Какъ! Послѣ блестящихъ побѣдъ Аустерлица, Фридланда, Москвы, ты не смогъ создать Польшу? Подобное предпріятіе не могло быть осуществлено въ этотъ блестящій промежутокъ, между 1807 годомъ и 1812-мъ? А мы хотѣли бы взяться за него нынѣ! Спрашиваю у всѣхъ добросовѣстныхъ людей: справедливъ ли этотъ упрекъ? Вернемся къ болѣе отдаленному времени, къ войнамъ революціи. Республика, содержавшая четырнадцать армій на военномъ положеніи, создала ли она Польшу? Иду далѣе, господа. Версальскій кабинетъ, характеризовать который я не желаю, создалъ Америку, но онъ не былъ въ состояніи создать Польшу!

«Значитъ, здѣсь существуетъ непреодолимое затрудненіе. Наполеонъ нѣсколько разъ повторялъ въ той же, уже приведенной мною

инструкція: «Возстановленіе Польши оружіемъ французской имперіи было предпріятіемъ рискованнымъ, опаснымъ, въ которомъ Франція встрѣтила бы равное противодѣйствіе у друзей своихъ и у враговъ». Такъ говорилъ Наполеонъ. Наполеонъ, подчинившій Австрію и Пруссію, видѣлъ въ этомъ затрудненіе. Онъ сказалъ, что отошелъ отъ Тильзита, не создавъ Польши, потому что армія его устала, что онъ находился слишкомъ далеко отъ Франціи, что опасался голода, и что нельзя было долго сражаться съ русскимъ колоссомъ, имѣя позади себя Австрію съ Пруссіею. Наполеонъ рассчитывалъ. Правда, что намъ говорятъ, что не задаются такими замыслами. Въ такомъ случаѣ я спрошу: чего же вы хотите, если не хотите создать Польшу? Ужъ если что создавать, такъ Польшу, но вы видите, какъ это трудно».

Перейдя за тѣмъ къ средствамъ воздѣйствія на Россію, предложеннымъ членами оппозиціи, Тьеръ безъ труда доказалъ полную ихъ несостоятельность. Послать флотъ на помощь повстанцамъ, было бы не только равносильно объявленію войны Россіи, но, вѣроятно, повлекло бы вмѣшательство Австріи и Пруссіи въ дѣло усмиренія возстанія. Оказать имъ денежную помощь было также невозможно, ибо какимъ путемъ доставить нѣсколько милліоновъ золота въ Варшаву, иначе какъ пройдя сквозь всю русскую армію. Нельзя было также запретить Пруссіи продавать русскимъ оружіе и снаряды. Что же оставалось дѣлать? Дипломатическое заступничество? Къ нему Франція пыталась прибѣгать дважды. Въ первый разъ ей отвѣчали: «Польша — русская область, мы имѣемъ право усмирить ее. Что сказали бы вы, если бы въ случаѣ возмущенія одной изъ вашихъ областей, вы принялись за ея усмиреніе и вамъ захотѣли бы въ томъ воспрепятствовать?.. Начало невмѣшательства или ложно или истинно: если оно истинно, то одинаково примѣнимо къ намъ, какъ и къ вамъ». Во второй разъ Франція предложила Англіи совместно вступить за поляковъ. Англія отвѣчала, что не можетъ подвергнуть опасности свои торговые интересы въ Россіи и что, впрочемъ, посредничество не приведетъ ни къ чему.

На возраженіе, что слѣдовало бы распространить дѣйствіе лондонской конференціи на Польшу и цѣною уступокъ въ Бельгіи купить такія же уступки въ Польшѣ, Тьеръ далъ слѣдующій отвѣтъ, обличающій въ немъ тонкое чутье прирожденнаго дипломата: «Ежели бы», — сказалъ онъ, — «три державы, Англія, Россія, Австрія, имѣли въ трехъ вопросахъ бельгійскомъ, польскомъ и итальянскомъ общій и равномѣрный интересъ, то можно было бы обмѣняться уступками. Франція, уступая въ Бельгіи, могла бы достигнуть уступки себѣ въ Польшѣ и въ Италиі. Но ничего подобнаго не было; у Англіи былъ полный и исключительный интересъ въ Бельгіи; у Россіи — полный и исключительный интересъ въ Польшѣ; у Австріи — полный и исключительный интересъ въ Италиі. По-

ложимъ, мы сказали бы Россіи: заплатите намъ за наши уступки въ Бельгіи; Россія отвѣчала бы намъ: пусть платитъ вамъ Англія за то, что вы сдѣлали для нея въ Бельгіи; моя собственность не должна служить уплатою за выгоды, предоставленныя Англіи. Тоже бы сказала и Австрія. И такъ, предлагаемое средство—невозможно».

Смысль этой рѣчи знаменателенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нельзя болѣе ясенъ: Орлеанская Франція навсегда отрекалась отъ Польши, признавая ее русскою областью. Можно ли сказать то же про двухъ соучастницъ нашихъ въ раздѣлѣ, Австрію и Пруссію. Не лелѣютъ ли и до сихъ поръ въ Вѣнѣ мечту о возстановленіи королевства Ягеллоновъ подъ скипетромъ Габсбурговъ? Забыли ли въ Берлинѣ, что до тильзитскаго мира бѣльшая часть нынѣшняго Царства польскаго именовалась южною Пруссіею, а Варшава была прусскимъ городомъ?

Еще менѣе, чѣмъ въ польскомъ вопросѣ, расходилась политика Франціи съ нашею въ вопросѣ Восточномъ.

Первая изъ великихъ державъ Запада, Франція, извѣрилась въ долговѣчности оттоманской имперіи, и въ согласіи съ нами протянула искреннюю руку помощи стремившейся къ освобожденію Эладѣ. Тѣ же побужденія руководили ею въ поддержкѣ, оказанной Мегметъ-Али-пашѣ египетскому и его попыткамъ основать на рубежѣ Африки и Азіи сильное арабское царство. Взглядъ французскихъ государственныхъ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ на будущность Востока весьма близко подходилъ къ воззрѣніямъ на тотъ же предметъ императора Николая, рѣзко отличающагося отъ мнѣній, господствовавшихъ въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ. Но между Петербургомъ и Парижемъ не существовало прямого обмѣна мыслей и въ результатъ получилось, что какъ Россія, такъ и Франція, вполне подчинились въ Восточномъ вопросѣ давленію своихъ ближайшихъ союзниковъ и поплатились за это собственными интересами въ Левантѣ. На Востокѣ, какъ и на Западѣ, и Англію, и обѣ нѣмецкія державы постоянно тревожилъ призракъ сближенія Россіи съ Франціею. Не даромъ писалъ Пальмерстонъ въ 1838 году: «Не слѣдуетъ забывать, что величайшую опасность для Европы представляетъ возможность соглашенія между Франціею и Россіею, которое хотя и встрѣчаетъ въ настоящее время препятствіе въ личныхъ чувствахъ императора, но не всегда будетъ также невозможно, какъ нынѣ; а потому хорошо было бы установить политику Франціи въ дѣлахъ Востока на надлежащій путь, пока еще мы имѣемъ къ тому возможность»¹⁾.

Задачу эту мы сами облегчали англичанамъ упорнымъ отстраненіемъ Франціи отъ участія въ нашихъ собственныхъ политическихъ мѣрахъ. Когда между султаномъ и его притязательнымъ вас-

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвиллю, 27-го мая (8 іюня) 1838 г.

саломъ, египетскимъ пашою, возгорѣлась кровопролитная борьба, императорскій кабинетъ, отправляя генерала Муравьева въ Александрію, сообщилъ данныя ему инструкціи всѣмъ дворамъ, за исключеніемъ парижскаго. Въ свою очередь, Франція предложила великимъ державамъ условиться о вмѣшательствѣ въ турецко-египетскую распрю съ устраненіемъ изъ него Россіи. Пока черноморскій нашъ флотъ занималъ Босфоръ, а русскій вспомогательный отрядъ располагался на азіатскомъ берегу противъ Царьграда для защиты турецкой столицы, французская дипломатія успѣла доставить своему клиенту Мегметъ-Али выгодный и почетный миръ, убѣдивъ Порту уступить пашѣ не только всю Сирію и Палестину, но и Таврскіе перевалы съ Аданскою областью, ключъ Малой Азіи. Ункіаръ-Искелесскій договоръ возстановилъ перевѣсъ въ нашу пользу и вызвалъ страстный и даже непристойный протестъ со стороны морскихъ державъ, на который мы отвѣчали въ одинаково рѣзкихъ выраженіяхъ¹⁾.

Но русскій отвѣтъ не дошелъ еще до свѣдѣнія французскаго правительства, какъ оно уже начало помышлять о примиреніи съ нами. Доказательствомъ тому служитъ пространная инструкція, преподанная герцогомъ Брольи, министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ кабинетъ Сульта, маршалу Мезону, при назначеніи его осенью 1833 года посломъ въ Петербургъ.

Замѣчательный этотъ документъ начинается изложеніемъ отношеній, существовавшихъ между Россією и Францією въ эпоху Реставраціи. До 1830 года обѣ страны были соединены узами тѣснаго союза, который, казалось, долженъ былъ съ каждымъ днемъ утверждаться все болѣе и болѣе. Основаніемъ этому союзу служила общность интересовъ обоихъ государствъ, то обстоятельство, что у нихъ были одни и тѣ же противники и никакихъ поводовъ къ несогласію или соперничеству. Всѣ усилія Австріи расторгнуть это единеніе оказались тщетными при Александрѣ I и въ особенности со времени вступленія на престолъ императора Николая. Въ продолженіе турецкой войны, Франція имѣла случай отплатить Россіи за оказанныя ей услуги, что могло лишь содѣйствовать силѣ и прочности ихъ союза, который, какъ справедливо замѣчаетъ герцогъ Брольи, долженъ непременно быть основанъ на полной равноправности двухъ перворазрядныхъ государствъ. Къ сожалѣнію, іюльская революція совершенно измѣнила это положеніе. Съ одной стороны, она возбудила въ Бельгіи и въ Польшѣ вопросы, въ которыхъ сочувствія и интересы русскаго двора пришли въ столкновеніе съ французскими; съ другой — она вызвала между обѣими морскими державами сближеніе, которое одно уже должно было

¹⁾ См. объ этомъ эпизодѣ главу VI моей книги: «Внѣшняя политика императора Николая», стр. 342—384.

видоизмѣнить характеръ отношеній Франціи къ Россіи. Сверхъ того, революція 1830 года являлась реакціею противъ духа договоровъ 1815 года и священнаго союза, т. е. противъ системы, доставившей Россіи въ продолженіе десяти лѣтъ родъ европейской диктатуры, что, естественно, задѣвало самолюбіе русскаго двора и возбуждало его неудовольствіе на установившійся во Франціи порядокъ.

Слѣдовали жалобы на обращеніе императора съ королемъ и въ частности на усвоенную имъ привычку осыпать французскихъ представителей въ Петербургѣ ласками и любезностями, но въ то же время ни единымъ словомъ не упоминали объ ихъ дипломатическомъ характерѣ, иначе говоря, не произносятъ въ бесѣдахъ съ ними имени Лудовика-Филиппа. Брольи выражалъ надежду, что этого не повторится съ маршаломъ Мезономъ, но на всякій случай предписывалъ ему, если государь не измѣнитъ своихъ обычныхъ пріемовъ, избѣгать прямыхъ съ нимъ сношеній и ограничиться дѣловымъ общеніемъ съ вице-канцлеромъ. Предвидѣлось даже, что императоръ Николай можетъ поддаться увлеченію и, перешагнувъ за предѣлы сдержанности и холодности, высказаться передъ посломъ въ выраженіяхъ, оскорбительныхъ для короля или его правительства. Въ такомъ случаѣ, маршалу вмѣнялось въ обязанность, не дожидаясь отозванія, тотчасъ потребовать свои паспорта и уѣхать изъ Петербурга, ввѣривъ управленіе посольствомъ повѣренному въ дѣлахъ.

Затѣмъ, французскій министръ переходилъ къ изложенію взглядовъ парижскаго двора на современныя отношенія Россіи и Франціи.

«Въ послѣднее время», писалъ онъ, «дипломатія обоихъ кабинетовъ имѣла мало прямыхъ сношеній. При данномъ настроеніи умовъ, было бы слишкомъ трудно прійти къ соглашенію. Различныя случайности голландско-бельгійскаго дѣла обсуждались черезъ посредство Пруссіи и Австріи, союзницъ Россіи, но болѣе ея умѣренныхъ и спокойныхъ. Что же касается до греческаго вопроса, ставшаго вполне второстепеннымъ со времени июльской революціи, и въ который по причинѣ своихъ antecedentes, кабинеты вѣнскій и берлинскій не имѣли возможности вступаться, то ходъ его былъ, нѣкоторымъ образомъ, предоставленъ случаю. Франція и Россія, не вступая ни въ соглашеніе, ни въ объясненія между собою, не переставали стараться направить его, каждая въ смыслѣ собственной политики. То же самое повторялось, тѣмъ болѣе, въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ оба двора не были естественно призваны дѣйствовать сообща или одновременно. Было бы желательно, чтобы до тѣхъ поръ, пока болѣе примирительное расположеніе не замѣнитъ раздраженія с.-петербургскаго кабинета, обѣ державы продолжали воздерживаться отъ всякаго непосредственнаго соприкосновенія, которое слишкомъ легко пробудило бы го-

рчность, едва успѣвшую успокоиться; но для этого нужно, чтобы никакое важное событіе не привело бы въ столкновение ихъ существенные интересы и щекотливость ихъ національнаго самолюбія».

Слова эти служили какъ бы извиненіемъ враждебнаго Россіи положенія, принятаго Франціею въ Восточномъ вопросѣ. Турецко-египетская распря и исходъ ея излагались съ французской точки зрѣнія. Россія упрекалась въ томъ, что, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ султана, она-де пожелала «преобразить въ родъ сюзеренства и протектората то преобладаніе, которымъ уже пользовалась въ Константинополѣ». Подъ этимъ разумѣлось не столько появленіе нашего флота и десанта въ Босфорѣ для оказанія помощи султану, сколько Ункіарь-Искелесскій договоръ, обязывавшій Порту «стать врагомъ всѣхъ враговъ Россіи», и закрыть Дарданеллы для иностранныхъ флаговъ, каждый разъ, когда Россія будетъ въ войнѣ.

«Не станемъ преувеличивать, господинъ маршалъ»,—продолжала депеша,—«значеніе подобныхъ обязательствъ, подписанныхъ при такихъ обстоятельствахъ; мы признаемъ, что по существу они не много измѣняютъ порядокъ вещей, существовавшей фактически до послѣднихъ событій. Но что кажется намъ очевиднымъ, такъ это желаніе с.-петербургскаго кабинета, предъ лицомъ Европы, открыто провозгласить, возвести на степень начала народнаго права свое исключительное, безпримѣрное преобладаніе въ дѣлахъ оттоманской имперіи. Этимъ вызывающимъ поступкомъ, неизбѣжныя послѣдствія коего, онъ, какъ мы надѣемся, не расчиталъ и самъ, онъ вынудилъ насъ выйдти изъ положенія сдержанности, въ которомъ мы, въ видахъ примирительныхъ, соглашались оставаться до тѣхъ поръ».

Такъ оправдывалъ парижскій кабинетъ свой совмѣстный съ Англіею протестъ противъ Ункіарь-Искелесскаго договора, и тотчасъ же старался ослабить его значеніе, уполномочивая своего посла въ Петербургѣ заявить, что въ намѣреніе его не входило «оторвать у Россіи высокое вліяніе, принадлежащее ей въ дѣлахъ Порты и истекающее изъ силы обстоятельствъ», а только не допускать до пользованія этимъ вліяніемъ въ ущербъ другихъ державъ.

«Какъ ни важенъ и какъ ни труденъ Восточный вопросъ», писалъ далѣе герцогъ Брольи, «онъ все же не самый щекотливый изъ тѣхъ вопросовъ, которые въ послѣдніе три года возникли между Франціею и Россіею. Вопросъ о Польшѣ гораздо болѣе содѣйствовалъ ихъ несогласіямъ, раздраженію противъ насъ императора Николая. Не стану излагать вамъ его печальныхъ подробностей. Вамъ извѣстна сдержанность, которую мы никогда не переставали вносить въ дѣло, къ коему не могли относиться равнодушно. Пока длилась борьба, сдержанность эта естественно внушалась намъ обѣщаніями умѣренности и милосердія, полученными герцогомъ Мортемаромъ. Со времени паденія Варшавы, съ тѣхъ поръ, какъ

роковой опытъ вынудилъ насъ признать, что вмѣшательство наше въ пользу несчастныхъ поляковъ только раздражало гнѣвъ непреломнаго побѣдителя, мы пришли къ убѣжденію, что долгъ человѣколюбія предписывалъ намъ въ настоящую минуту молчаніе, конечно, весьма тягостное. Мы продолжали бы соблюдать его, если бы с.-петербургскій кабинетъ не возымѣлъ нѣсколько времени назадъ злополучнаго намѣренія обнародовать въ своей официальной газетѣ статью, цѣлью которой было представить существованіе Польши внѣ условій общей политики, и подчиненнымъ единственно волѣ Россіи. Не возстать противъ такого утвержденія значило бы признать его за нашъ счетъ. Мы обязаны были возражать на него въ полу-официальномъ изданіи, неопровержимые доводы коего вы можете развить въ томъ, весьма, впрочемъ, мало вѣроятномъ случаѣ, если бы начали съ вами этотъ споръ».

Заключеніе инструкціи было посвящено вопросу о будущихъ отношеніяхъ Франціи къ Россіи:

«Не отрицая выгоды, которыя въ иную эпоху представлялъ намъ тѣсный союзъ съ с.-петербургскимъ кабинетомъ, мы вполне понимаемъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ не только невозможно возстановить его, но было бы съ нашей стороны опаснымъ ослѣпленіемъ подавать видъ, что мы его желаемъ и открыто направлять къ этой цѣли комбинаціи нашей политики. Неодолимая препятствія противятся нынѣ интимному соглашенію, которое, къ тому же, было бы безцѣльно, такъ какъ направленіе обоихъ кабинетовъ не представляетъ ничего общаго. Но такъ какъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, могутъ возникнуть вопросы, условиться и согласиться въ которыхъ было бы равно полезно для Франціи и для Россіи, то мы должны, безъ афектаціи, не дѣлая авансовъ, которыя, быть можетъ, стали бы пытаться обратить въ преимущество противъ насъ, мы должны стремиться къ тому, чтобы поставить себя предъ русскимъ правительствомъ въ отношенія благосклонныя, хотя бы по внѣшности, въ отношенія, которыя если и не всегда приводятъ къ полному примиренію, то,—разъ таковое должно состояться,—неминуемо предшествуютъ ему. Почти на такой ногѣ стоимъ мы съ Пруссією и съ Австрією. Единственно чего мы можемъ желать нынѣ— это достигнуть до того же по отношенію къ Россіи и таковъ результатъ, достиженіе коего правительство короля поручаетъ вашему просвѣщенному усердію». ¹⁾

Ознакомясь съ этою инструкцією, нельзя, кажется, сомнѣваться въ искренности желанія короля Лудовика-Филиппа и его совѣтниковъ улучшить свои отношенія къ Россіи. Для Франціи это было тѣмъ болѣею необходимою, что дружба ея съ Англією ослабѣвала съ каждымъ днемъ и, мало по малу, переходила въ тайную

¹⁾ Герцогъ Брольи маркизу Мезону, 16 (28) октября 1833 г.

вражду. Естественная противоположность интересовъ обѣихъ морскихъ державъ проявлялась всюду, въ Испаніи и въ Португаліи, въ Турціи и въ Греціи, на сушѣ и на моряхъ. Графъ Моле, ставшій во главѣ французскаго министерства во второй половинѣ 1836 года, не скрывалъ своихъ предпочтеній къ дворамъ материка, и этимъ возбуждалъ гнѣвъ Пальмерстона, пугавшаго Францію тѣмъ, что она-де потеряетъ весь свой кредитъ у либеральной партіи въ Европѣ и все же не заслужитъ благоволенія людей священнаго союза ¹⁾. Въ этомъ Пальмерстонъ ошибался. Въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ очень хорошо отнеслись къ стараніямъ Моле и даже императоръ Николай отзывался вполнѣ довольнѣ, что считаетъ его самымъ честнымъ человѣкомъ во Франціи. Французскіе послы, Мезонъ и преемникъ его Барантъ, были прекрасно приняты при нашемъ дворѣ, въ особенности послѣдній. Государь и императрица даже удостоили своимъ посѣщеніемъ одинъ изъ его баловъ. Предупредительный пріемъ былъ оказанъ двумъ сыновьямъ Лудовика-Филиппа, при посѣщеніи ими дворовъ берлинскаго и вѣнскаго и, если вѣрить Гизо, то императоръ Николай выразилъ даже сожалѣніе, что они не продолжили своего путешествія до его столицы. Въ одномъ государь оставался непреклоненъ: во взглядѣ своемъ на неравноправность орлеанской династіи сравнительно съ прочими царствующими домами въ Европѣ. Онъ строго осудилъ готовившійся бракъ наслѣдника французскаго престола съ принцессою Мекленбургъ-Шверинскою и порицалъ своего тестя, короля Фридриха-Вильгельма прусскаго, за участіе, принятое послѣднимъ въ переговорахъ, приведшихъ къ этому браку ²⁾.

Новыя замѣшательства на Востокѣ вскорѣ придали отношеніямъ Россіи къ Франціи прежній, болѣе чѣмъ когда либо враждебный оборотъ.

Подробное изложеніе второго турецко-египетскаго спора, разыгравшагося въ періодъ времени между 1838 и 1841 годами, завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы предполагаемъ его достаточно извѣстнымъ и ограничимся здѣсь указаніемъ на то странное положеніе, въ которое стали другъ къ другу Россія и Франція и неисчислимыя для обѣихъ послѣдствія недоразумѣнія, причиненныя столько же ихъ собственнымъ ослѣпленіемъ, сколько и происками прочихъ державъ.

Выше мы привели рѣчь, въ которой, вскорѣ послѣ паденія Варшавы, Тьеръ высказалъ трезвое мнѣніе о польскомъ вопросѣ, установившееся во французскихъ правительственныхъ кругахъ. Такое

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Гренвиллю, 8 (20) сентября 1836 г.

²⁾ Guisot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, IV, стр. 26 — 31. Намеки Гизо на предложеніе выдать великую княжну Марію Николаевну за герцога Орлеанскаго лишены всякаго основанія.

же значеніе имѣеть для вопроса Восточнаго рѣчь, произнесенная въ палатѣ депутатовъ, другимъ выдающимся дѣятелемъ июльской монархіи, Гизо, при самомъ началѣ пререканій, возобновившихся между султаномъ и пашою египетскимъ. Въ ней Гизо развилъ слѣдующія положенія: Какъ ни желательно было бы въ видахъ европейскаго равновѣсія поддержаніе цѣлости оттоманской имперіи, нельзя отрицать, что независимо отъ внѣшнихъ толчковъ, въ средѣ ея происходитъ медленный, но непрерывный процессъ внутренняго разложенія. Искать искусственно поддержать ея существованіе невозможно, поэтому нужно благопріятствовать, способствовать, содѣйствовать естественному и послѣдовательному отдѣленію отъ нея ея составныхъ частей, отпадающихъ сами собою, какъ камни отъ великаго зданія. Желательно, чтобы части эти не доставались сосѣдямъ, а образовывали новыя, вполне самостоятельныя государства, предназначенныя занять мѣсто оттоманской имперіи въ системѣ равновѣсія Европы. Такова-де должна быть и есть политика Франціи въ Восточномъ вопросѣ¹⁾.

Сопоставляя ее съ политикою, которой придерживались въ томъ же вопросѣ Австрія и Англія, требовавшія безусловно и во что бы то ни стало поддержанія распатаннаго государственнаго зданія Порты, спрашиваемъ: къ воззрѣніямъ которой изъ этихъ трехъ державъ наиболѣе подходила традиціонная политика Россіи на Востокѣ? И не смотря на то, что Россія и Франція были въ сущности одного и того же мнѣнія, что подобно мыслямъ ихъ и взаимныя ихъ интересы вполне совпадали въ Левантѣ, онѣ очутились даже не въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ, а каждая въ свою очередь стала во главѣ европейской коалиціи, направленной сперва противъ Россіи, а затѣмъ и противъ Франціи.

Пальмерстонъ и Меттернихъ ловко воспользовались тѣмъ, что сношеній между дворами петербургскимъ и парижскимъ «какъ бы вовсе не существовало». Сначала австрійскій канцлеръ подзадорилъ Францію взять на себя починъ въ проведеніи обще-европейскаго ручательства за цѣлость и независимость Порты, мѣры явно направленной противъ Россіи и противорѣчившей всѣмъ преданіямъ ея политики. Затѣмъ Пальмерстонъ, рядомъ искусныхъ маневровъ, заставилъ Россію принять на себя отвѣтственность за исключеніе Франціи отъ такого же обще-европейскаго соглашенія, лишавшаго Мегмета-Али областей, уступленныхъ ему султаномъ за семь лѣтъ передъ тѣмъ. За мимолетное удовольствіе видѣть Францію устранившею изъ «европейскаго концерта», Россія заплатила отказомъ отъ правъ, предоставленныхъ ей въ Турціи Ункіарь-Искелесскимъ договоромъ и признаніемъ законности совокупнаго вмѣшательства

¹⁾ Рѣчь, произнесенная Гизо во французской палатѣ депутатовъ, 20 іюня (2 іюля) 1839 года.

великихъ державъ въ политическія отношенія оттоманской имперіи. А какъ только эта цѣль была достигнута, Франція снова была введена въ «концертъ» и приложила свою подпись къ акту, запечатлѣвшему всѣ вышеизложенные результаты.

Послѣдствіемъ было, что Франція надолго и окончательно разсорилась съ Россіей и, такимъ образомъ, Англія и Франція не имѣли болѣе повода опасаться, чтобы Восточный вопросъ былъ когда либо разрѣшенъ путемъ частнаго соглашенія двухъ первыхъ державъ, при чемъ, какъ выражался лордъ Пальмерстонъ, «Египетъ съ Сиріей и Аравіей впалъ бы въ зависимость отъ Франціи, а Европейская Турція съ Малою Азіей обратилась бы въ сателлита Россіи» ¹⁾. Лондонскія конвенціи 1840—41 годовъ рѣшили участь и самой іюльской монархіи, которая должна была пасть, коль скоро ей приходилось навсегда отказаться отъ примиренія съ Россіей и отъ русской поддержки. Въ нихъ же заключался зародышъ событій, которыя привели и насъ и Европу къ Севастопольской войнѣ, совершенно видоизмѣнившей въ ущербъ намъ вѣковое, историческое положеніе Россіи на Востока.

С. Татищевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Мельборну, 23 іюня (5 іюля) 1840 г.

ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢВИЧА ПОЛЕВАГО ¹⁾.

VII.

Николай Алексѣвичъ старается упорнымъ трудомъ поддержать свои дѣла.—Поѣздка Николая Алексѣвича въ Москву, въ февралѣ 1840 года.—По возвращеніи въ Петербургъ, онъ долженъ усиленно работать, чтобы вознаградить время, употребленное на эту поѣздку.—Интриги въ редакціи «Сына Отечества».—Притѣсненія г. Бѣгичева по уплатѣ денегъ.—Какъ Николай Алексѣвичъ проводитъ Святую недѣлю въ своей семьѣ.—Ханъ-Гирей.—Новая поѣздка въ Москву, въ январѣ 1841 года.—Попытка книгопродавца Семѣна не уплатить по векселю.—Выговоръ, сдѣланный Сенковскому въ цензурномъ комитетѣ.—Императоръ Николай I выдаетъ Николаю Алексѣвичу единовременное пособіе въ 2 тысячи рублей.—Разстройство дѣлъ книгопродавцевъ Семѣна, Смирдина и купца Самохотова стѣсняетъ Николая Алексѣвича.—Сближеніе съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ.—Н. А. Кашицевъ.—Николай Алексѣвичъ проситъ разрѣшенія осмотрѣть архивы, для сочиняемой имъ исторіи Петра Великаго и получаетъ отказъ.

С.-Петербургъ. Февраля 8-го, 1840 года.

УЕТА СУЕТСТВІЙ, мой любезнѣйшій другъ и братъ! Я думалъ уже теперь быть съ тобою въ Москвѣ, и вотъ еще здѣсь, и не могу никакъ вырваться. Рѣшительно и окончательно ѣду не прежде 13-го, т. е. вторника, а ужъ окончательно 14-го. Прежде не управляюсь никакъ съ дѣлами и заботами, которыя какъ змѣи оттаиваютъ и выползаютъ со всѣхъ сторонъ, когда уже совсѣмъ готовишься раздавить ихъ. Кромѣ того, затрудняюсь важнымъ обстоятельствомъ: я такъ теперь обился деньгами, что не могу даже собрать ихъ для дороги, и для того, чтобы оставить дома. Даже смѣшно! Но, 13, 14-е уже непре-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXX, стр. 48.

мѣнно ѣду.—Развѣ... Ибо мы и за будущій день ручаться не можемъ!.. Теперь меня беспокоитъ то, что 1-го февраля былъ срокъ Семёнову векселю 2,000 и еще будетъ 15—25, тоже 2,000; кромѣ того, Рыбниковой послѣдній срокъ 10-го 7,500 руб.—Нечего дѣлать! Посылаю съ сею почтою, страховымъ, еще вексель Смирдина въ 3,000 рублей (прежде посланные векселя на 9,000 руб., надѣюсь, ты получилъ), и прошу, милый другъ, распорядиться платежемъ ей, ибо эти люди безсовѣстные и безжалостные, для которыхъ выше денегъ нѣтъ ничего.

Другая забота моя уже другого рода: видно судьбѣ неугодно, чтобы я былъ посаженнымъ отцомъ почтеннѣйшаго, ¹⁾ почему, къ крайнему прискорбію, я уже долженъ отказаться, и попросить только сохранить для меня кусокъ свадебнаго пирога и бокаль вина. Если я выѣду и 13-го, то приѣду только въ пятницу, 16-го, послѣдній день, когда вѣнчаютъ. Ну, если въ дорогѣ задержусь, положимъ—бѣда! Почтеннѣйшій въ недѣлю мясопустную будетъ не молодымъ, и не женатымъ счастливецемъ, а старымъ холостякомъ... Нѣтъ, нѣтъ! да благословитъ его Богъ! Передай ему полное родительское благословіе, и пропойте ему радостное: Ісаія ликуй! а я, какъ огурчикъ, явлюсь плясать на свадебномъ пирѣ. Заступи мое мѣсто ты, или распорядитесь иначе, только изъяви почтеннѣйшему сильную грусть мою, что я невольно лишень наслажденія быть его отцомъ. Что дѣлать!..

Болѣе ничего не пишу, и писать отсюда уже не буду, а лично предстанетъ тебѣ, твой вѣрный и преданный Николай.

С.-Петербургъ. Марта 2-го, 1840 года.

Слава Богу, мой добрый другъ и братъ, вчера воротился я благополучно въ Петербургъ, часу въ 3-мъ пополудни. Первымъ словомъ моимъ да будетъ благодарность Провидѣнію за нѣсколько усладительныхъ минутъ бытія, которыя провелъ я съ тобою, и съ твоими. Благодарю тебя, благодарю Лиллу, Амалію, дѣтей, маманъ, за всю любовь, всю дружбу, какую видѣлъ и испыталъ я. Теперь опять въ путь—«многотрудный и многоболѣзненный» съ новыми силами, съ новыми мечтами и средствами. Благослови Провидѣніе! за десять дней, прожитыхъ у тебя, я готовъ на годъ борьбы. Дорога была мнѣ порядочная, но меня однакожъ совершенно изковеркало; ноги мои ужасно распухли, и я, какъ убитый, спалъ вчера послѣ обѣда и сегодня ночью, а теперь, отъ боли въ рукахъ, едва держу перо, и хочу ѣхать въ баню, а потомъ проваляться осталь-

¹⁾ Петръ Алексѣевичъ Ратьковъ женился въ то время на нашей гувернанткѣ, молоденькой и хорошенькой нѣмкѣ, Каролинѣ Карловнѣ,—фамилія ея не помню.
Н. К. Полевой.

ное время. Завтра—опять за работу, и—помоги мнѣ Богъ, потому что когда соображу, что надобно дѣлать, признаться, голова моя идетъ кругомъ! Но я смѣлъ и твердъ! Только ты дай мнѣ руку, съ увѣренностью, что я могу ошибаться, но никогда не измѣню! Своихъ всѣхъ нашелъ здоровыхъ: мальчишко Петръ не узналъ было меня, не бритаго, въ дорожномъ безпорядкѣ, но потомъ бросился ко мнѣ, заставилъ скакать, пока я не выбился изъ силъ, плакалъ, когда я отдалъ его нянѣ, и я принужденъ былъ спрятаться отъ него. Какой ангелъ! Дѣвочка Катя тотчасъ завладѣла платочкомъ, который дали мнѣ на дорогу, восхитилась имъ, выпросила себѣ, и играла имъ цѣлый день, а потомъ положила на ночь подлѣ себя.— Что говоритъ Сержъ ¹⁾ о Тьерѣ? Добился таки. Новаго здѣсь ничего; съ Новгорода встрѣтила меня оттепель.—Мой поклонъ всѣмъ твоимъ, и мое благословеніе твоимъ малюткамъ. Руку твою, добрый братъ и другъ. Твой Николай.

С.-Петербургъ. Апрѣля 10-го, 1840 года.

Виновать, каюсь передъ тобою, мой добрый братъ и другъ, каюсь, что беспокоилъ тебя моимъ мѣсячнымъ молчаніемъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я не писалъ къ тебѣ, и дѣло заключалось въ глупости моей; вздумалось мнѣ дать себѣ слово: ничего не писать, пока не кончу «Сына Отечества» вполнѣ, и я принялся усердно исполнять обѣщаніе, данное мною въ минуту досады и горя. Брани меня, прибай, но не сердись и прости, мой милый! Слово свое я исполнилъ: XI-й выйдеть, думаю, завтра (25 листовъ!), XII-й вполнѣ готовъ (25 листовъ) и въ половину напечатанъ; 5 и 6-й выданы, 7-й готовъ матеріаломъ, хотя напечатать до Святой не успѣютъ, но на Ѳоминой явится. Если положимъ по 12 листовъ—36, да въ двухъ 50, и того въ мѣсяцъ исписалъ я самъ и приготовилъ къ печати болѣе 75 листовъ печ. Конечно, стоило бы меня похвалить за трудъ, но то, что тебя огорчилъ и заставилъ, Богъ знаетъ, что думать, душевно печалить меня, и я не успокоюсь, пока не получу твоего прощенія. За то даю слово: никогда болѣе такъ долго не молчать, но и еще болѣе—писать къ тебѣ каждую недѣлю. Увидишь, что я сдержу его, и отнынѣ, если не получишь письма черезъ недѣлю ровно, то будетъ знакомъ, что я развѣ боленъ и писать не могу—каждую недѣлю, хоть три строчки, хоть три слова. Такъ, да будетъ—второе условіе: не стану дѣлать изъ писемъ моихъ іереміадъ и элегій. Что жаловаться? Поможетъ ли гореваніе бабѣ свойство? Если досады и печали не отъ насъ,—крѣпиться, если отъ насъ—мы платимъ за свои вины. Будемъ дѣйствовать, елико можно; а остальное отдадимъ Вѣдающему болѣе насъ.—Во

¹⁾ Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій.

все это время было мнѣ досадѣ довольно: не говорю о разницѣ, когда я пріѣхалъ отъ тебя, гдѣ видѣлъ столько ласки дружбы, гдѣ такъ лѣнился тѣломъ и душою, и я вдругъ опять очутился между петербургскими молодцами, за тяжкою работою, среди мерзкой погоды, полубольной... Къ несчастію, ты знаешь, что дома у меня есть нѣсколько отравъ, разрушающихъ мое домашнее счастье, или хоть спокойствіе. Мой другъ! ты еще не знаешь горя того времени, когда надобно думать о моральномъ образованіи дѣтей.—Это время гораздо тяжеле того, когда забота ограничивается физическими попеченіями. Я полагалъ немедленно приступить къ отправленію мальчиковъ въ Верро; встрѣчаются препятствія, изъ коихъ главное—проклятыя деньги!—Присовокупя ко всему этому мое разстроенное здоровье, да работу довольно убійственную, можешь согласиться, что дома было мнѣ не весело, не весело даже среди милыхъ мнѣ дѣтей.—И опять разлука съ тобою, послѣ недѣли житья, да и многое... Но теперь о вѣшнемъ. Тутъ я вовсе не ожидалъ неприяностей; но можно ли безъ того, чтобы не дернуть по сердцу чѣмънибудь. И вотъ, главное было то, что въ мое отсутствіе успѣли наклеветать, Богъ знаетъ что на меня моему доброму Смирдину, съ одной стороны Брамбеусъ, послѣ перстня и похвалы снова обновившій на него сильное вліяніе; съ другой Никитенко, который думаетъ, что я за «Сына Отечества» Богъ вѣдаетъ какъ держусь, и старается захватывать его въ свои руки. Смирдинъ человѣкъ добрый, такой, какихъ я мало видалъ; онъ—оживленная честность и благородство, но—за то и чудака какихъ мало! Я узналъ уже манеру, какъ съ нимъ обходиться; повелъ дѣло просто, мы объяснились—все разсѣялось; Никитенкѣ растолковалъ я, что мое первое желаніе—бросить проклятую журналистику. Но пока все это уладилось, досадно было; и тутъ я далъ слово кончить «Сынъ Отечества» къ Святой и не писать ничего, кромѣ только глупыхъ статей въ него. Между тѣмъ, мой любезнѣйшій, у насъ всѣ будущія мечты о моемъ спокойствіи соединились именно здѣсь—что было дѣлать? И все оказалось къ лучшему: я успѣлъ уже обо всемъ объяснить съ А. Ф.; онъ подтвердилъ, что охотно готовъ помочь мнѣ, предоставляя полное распоряженіе дѣломъ тебѣ; но невозможно было приступить къ окончательному распоряженію, особливо при безднѣ дѣлъ, досадѣ и хлопотѣ, которыя окружаютъ все это время самого А. Ф.—Я сокрушался, какъ ты управишься съ моими глупѣйшими дѣлами въ Москвѣ, какъ вдругъ тутъ подоспѣла твоя записка о выданныхъ Мих. Фил. векселяхъ. Между тѣмъ случилось еще особенное: благороднѣйшій изъ смертныхъ ¹⁾ вдругъ взбѣсился, началъ требовать своихъ денегъ, мучить меня! Что такое? Дѣло объяснилось, что пріѣхалъ къ нему

¹⁾ Г. Бѣгичевъ.

Ник. Ксен. Полевой.

отвратительный Наумовъ; знаешь, та гнусная фигура, которую всегда увидишь въ Англійскомъ клубѣ, и которая управляетъ дѣлами благороднѣйшаго въ Москвѣ. Онъ привезъ мои векселишки, и растолковалъ, что на нихъ подписана уплата далеко не вся. Что, думаешь ты, сдѣлалъ благороднѣйшій? То же что нѣкогда Злотницкій: «Тотчасъ подлость сдѣлалъ — заперся!» и только съ условіемъ, что я отдамъ по ихъ расчету, согласился онъ подождать, съ безстыдствомъ отпираясь отъ неподписанной на векселѣ уплаты. Кажется, и мучили они меня для того только, чтобы сорвать съ меня лишніе 1,500 рублей. Я согласился, тѣмъ болѣе, что у меня и доказательствъ нѣтъ никакихъ, кромѣ совѣсти. Но они тотчасъ потребовали, чтобы ты за меня поручился, почему и отправилъ я къ тебѣ два мои векселя, писанные на твое имя, каждый въ 2¹/₂ тысячи рублей, въ 6 и 9 мѣсяцевъ. Сдѣлай милость: надпиши на нихъ бланки, что будетъ все равно, что поручительство, и поскорѣе перешли ихъ ко мнѣ обратно, чтобы я могъ отдать ихъ благороднѣйшему изъ смертныхъ. Все это происшествіе только смѣшило меня, напоминая исторію съ Старичкомъ, у котораго, помнишь, отняли 25 рублей мѣдныхъ денегъ бабушка и другіе. Я хочу только въ маленькое мщеніе, потому, когда заплачу, вывести и благороднѣйшаго въ комедію, какъ человѣка, чиновника и литератора.—Вотъ тебѣ, мой любезнѣйшій, всѣ главныя дѣловыя подробности во все это время. Особливо по возвращеніи, я былъ вообще очень боленъ, особливо сначала, весь разломанный; но, однако же, дорога и житье у тебя меня спасли, и я опять теперь окрѣпился. Надѣюсь, что успокоеніе и житье за городомъ окончательно укрѣпятъ меня. Что если бы ты съ Лилой вздумалъ лѣтомъ пріѣхать? Но для чего толковать о несбыточномъ?—Какъ почтеннѣйшій сюда ѣдетъ: то есть совсѣмъ ли, или только на время? Касательно напечатанія «Параши», то я искренно предаю это въ твою волю. Если находишь нужнымъ и полезнымъ, напечатай ее, какъ она помѣщена въ «Репертуарѣ», и съ посвященіемъ сестрѣ ¹⁾); а если бы еще молвить нѣсколько словъ тебѣ вздумалось о самомъ событіи, то для заглавнаго листа это было бы хорошо. Ты требуешь оригинала, но я не понимаю какого? Съ печатнаго набрать вновь позволять и въ Москвѣ немедленно, а въ особенную цензуру она уже нейдетъ. Форматъ надобно, либо 8, или 12-ю. Здѣсь «Парашу» во вторникъ на Святой дають нѣмцы и посылають немедленно въ Берлинъ, а также къ осени хотять ее поставить и французы. Вышлю нѣсколько литографій главныхъ сценъ ея, изъ которыхъ прекрасна Тима ²⁾),—молодого художника съ дарованіемъ.—Дѣти у меня всѣ здоровы; у

¹⁾ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Авдѣевой.

²⁾ Впоследствии извѣстный издатель «Художественнаго Листка».

Петра уже 4 зуба, и того и ждемъ, что онъ пойдетъ.—Песоцкій ѣдетъ на Святой къ вамъ, и Булгаринъ собирается. Глинка позволили издавать журналъ, и, кажется, составляется новая компанія, гдѣ главнымъ будетъ Князько ¹⁾, ибо съ «Отечественными Записками» всѣ они перессорились, и «Отечественныя Записки» должны нынѣшній годъ упасть; имъ страшный убытокъ! Журналовъ время кончилось, мой любезнѣйшій, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, началомъ которой былъ «Телеграфъ», а концомъ будутъ «Отечественныя Записки». Иные дни, иные годы!—Слышалъ ли ты о наградѣ Ободовскаго золотою медалью за его сочиненія, которыхъ ни одного у него не было, ни на сценѣ, ни въ печати, кромѣ отрывка изъ трагедіи какой-то? Все остальное были переводы, и все это темныя и гибкія интриги!! Слышалъ ли еще о смерти Демидова и мерзавца Галченкова, послѣ котораго остались миліоны? Вотъ, батюшка, не спасли, да и какой же былъ ражій здоровякъ! Въ Петербургѣ таскаютъ теперь исторію Лермонтова—глупѣйшую! Апрель 6-го шель у насъ снѣгъ. Маркевичъ ²⁾ здѣсь и сумасшествуетъ. Сколько новостей! Дай руку, и если не головѣ, такъ вѣрь сердцу твоего Николая.

С.-Петербургъ. 18-го апрѣля, 1840 года.

Поздравляю тебя, мой добрый другъ и братъ, съ праздникомъ. Надѣюсь, что ты встрѣтилъ его весело въ кругу твоихъ милыхъ и родныхъ; припомнилъ и меня, какъ я тебя припоминаю при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, нѣкогда составлявшихъ эпохи нашей жизни. Помнишь, съ какимъ, бывало, восторгомъ ждемъ мы Пасхи, съ ея заутренею, пасхою, яичками, и какъ долго, бывало, тянется для насъ Великій постъ? Очарованный возрастъ дѣтства! Право, я готовъ бы промѣнять его, иногда, на тяжелый періодъ самосознанія человѣческаго; и чѣмъ болѣе, тѣмъ хуже; очарованія разсѣваются, сперва съ замѣною, а потомъ замѣна становится менѣе и менѣе пока, наконецъ, рѣшительно мы только теряемъ, не приобретаемъ.—Если ты меня спросишь: гдѣ провелъ я первую ночь Пасхи? Я буду тебѣ отвѣчать, какъ знаменитый Федоръ Андреевичъ отвѣчалъ Старичку: «въ острогѣ-съ»! Именно: здѣсь въ церквахъ бываетъ такая тѣснота, что испытавши по два года, каково быть у заутрени къ Казанскомъ соборѣ и въ приходской церкви, нынѣ отправился въ острогъ, или Литовскій замокъ, какъ его здѣсь учтивѣе называютъ, гдѣ было очень хорошо и просторно. Возвратясь домой, завалился я спать, потому что, по обыкновенію, не сплю до самой заутрени, ибо и безъ того никогда ранѣе часу не ложусь.

¹⁾ Князь Одоевскій.

²⁾ Поэтъ Н. Маркевичъ.

Н. К. Полевой.

Ник. Ксен. Полевой.

Едва только всталъ я, какъ ко мнѣ прибѣжали съ извѣстіемъ, что мой ангелъ Петръ пошелъ! Лучше подарка не могли мнѣ придумать! Бѣгу, и вижу, что окруженный толпою дѣтей и домашнихъ, которые всѣ его любятъ, онъ въ праздничной рубашечкѣ, идетъ по залѣ, хохочетъ самъ отъ удовольствія, и кричитъ: «папа»! Я глупъ сталъ нынѣ на радости, и невольно заплакалъ, обнимая моего милого сынишка. Потомъ принялись за пасху и прочее. Отъ визитовъ я и здѣсь отказался, а у меня визиты установились обыкновенные, какъ въ Москвѣ, гдѣ, бывало, напередъ знаешь, что придутъ Самохотовъ, Мочаловъ, Илья Дмитриевичъ, Граверъ, пріѣдетъ Штучка и проч. ¹⁾ Такъ и здѣсь: Песоцкій, Каратыгинъ, Сушковъ, Булгаринъ, и проч. Между тѣмъ, я засѣлъ писать стихи для маманъ, которые при семъ препровождаются, а затѣмъ пошелъ къ дядѣ ²⁾, котораго засталъ красноватаго, за окорокомъ и пасхою, среди множества визитующихъ старика. Онъ выпилъ уже съ разными приходящими семь рымокъ водки, что для него все равно, что семь капель для насъ съ тобою. Такъ провелъ я утро, а вечеромъ пришли разные гости.—Во вторникъ отправились мы въ нѣмецкій театръ, гдѣ давали «Парашу», и играли очень мило. Моръ, прекрасно переведшій ее, занималъ роль отца, и былъ три раза вызванъ, что у нѣмцевъ рѣдкость, ибо они скупы на вызовы. Добрые нѣмцы и нѣмки заливались слезами. Въ среду отправился съ дѣтми подъ качели, пѣшкомъ, (бѣдняжки такъ мало видятъ удовольствій при нашей однообразной жизни), завелъ ихъ пить шоколадъ къ Беранжеру, отчего Сергѣй былъ въ восторгѣ, и потомъ осмотрѣли мы балаганы и качели. Вотъ и вся моя праздничная жизнь, при чемъ я съ понедѣльника засѣлъ уже за работу, спѣша оканчивать, а съ четверга, сегодня, уже началась работа въ типографіяхъ. Во все это время я чувствовалъ себя хорошо. У Петра, кромѣ ходьбы, явился еще зубъ; остальные дѣти здоровы. Погода три дня стояла самая гибельная визитерамъ, которые здѣсь приходятъ на праздникахъ въ какое-то френетическое состояніе, дѣлая тысячи визитовъ, но со среды настоящая весна; даже улицы почти высохли, хотя въ субботу шелъ еще снѣгъ. Но здѣсь уже такъ заведено, по какому-то чухонскому календарю. Я хотѣлъ было нынѣшнее письмо наполнить тебѣ дѣлами, но какъ-то не то оно написалось. Пусть же такъ и будетъ! Упомяну только объ одномъ: я писалъ тебѣ о томъ, что оставилъ у почтеннѣйшаго векселишка Песоцкаго, по которому хотѣлъ

¹⁾ Самохотовъ, извѣстный въ то время торговецъ москательными товарами. Илья Дмитриевичъ, одинъ изъ родственниковъ Николая Алексѣевича. Граверъ, дѣйствительно граверъ, работавшій для «Московского Телеграфа». Штучка—книгопродавецъ Ширяевъ, котораго звали такъ вслѣдствіе странной привычки его называть все штучкой. Такъ называлъ онъ книгу, дѣло какоенибудь, челоуѣка, событіе.

Н. К. Полевой.

²⁾ Г. Зейдель.

Ник. Ксен. Полевой.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1887 г., т. ххх.

Шарикъ ¹⁾ дать денегъ; то—или у него, или у другихъ—нельзя ли мнѣ добыть, и, за уплатою процентовъ Логинову (150 рублей), остальные ко мнѣ выслать черезъ почту? Я теперь крайне нуждаюсь въ нѣсколькихъ сотняхъ на насущное прожитіе, пока устрою кое-какія дѣлишки. Мнѣ совѣстно тебя этимъ отягощать, но, право, здѣсь у меня средствъ нѣтъ, а вѣдь существовать безъ хлѣба нельзя.—Каково было свиданіе друзей «почтеннѣйшаго» и Песоцкаго? Жаль, что меня не было при томъ; я произвелъ бы смѣхъ.—Посылаю мое благословеніе всѣмъ твоимъ малюткамъ, цѣлую ручку Дидлинка, и емъ всегда неизмѣнный твой

Николай.

С.-Петербургъ. 2-го мая, 1840 года.

Виновать, я пропустилъ одинъ четвергъ, не писавши къ тебѣ, мой любезный другъ и братъ. Не знаю, извинишь ли меня, узнавши причину: эта прошедшая недѣля была для меня ужасна по воспоминаніямъ—25-го апрѣля, мой божественный Алексѣй, ровно годъ тому, заболѣлъ; 29-го апрѣля годъ минулъ, какъ онъ сталъ не мой, а Божій, и вчера, 1-го мая, годъ, какъ предалъ его матери-землѣ, отмѣривъ подлѣ него и себѣ могилу—да, и себѣ: я непремѣнно подлѣ него лягу, и, кажется, не запоздаюсь, но это дѣло постороннее! Годъ прошель, а рана точить кровь, и скорбь и терзаніе души дѣлало меня получеловѣкомъ во всѣ сіи дни, ознаменованные такими грустными, тяжкими воспоминаніями! Какъ машина, могъ я скрываться отъ другихъ, могъ дѣлать, что надобно механическое, но писать къ тебѣ не могъ—только-что принимался, слезы душили меня, и я бросалъ перо. Тутъ не пособлялъ ни умъ, ни размышленія и ничто. Не вини меня, и моли Бога, да избавитъ онъ тебя, моего друга, отъ такого испытанія! Все другое, но не это только; и кого потерялъ я? Не пиши ко мнѣ никакихъ утѣшительныхъ словъ, потому что я самъ напередъ знаю все, что можно сказать въ сихъ случаяхъ. Довольно. Умъ, или разумокъ, или безчувствіе, опять теперь преодолѣли; я могу опять существовать. Но прости меня, что и теперь еще не въ силахъ я писать тебѣ ни о чемъ подробно, и, особливо, о дѣлахъ. Дай мнѣ еще день, два, три; я соберусь съ идеями, съ мыслями, и напишу обо всемъ.—Я получилъ два векселя твои и 600 рублей денегъ, за что усердно благодарю. Думаю, къ тебѣ являлся уже съ письмомъ отъ меня, мой сосѣдъ и пріятель, Ханъ-Гирей, замѣчательное лицо, потомокъ Одигея по происхожденію, черкесскій князь по роду, полковникъ и флигель-адъютантъ по званію, европеецъ по уму и образованію, философъ и человѣкъ по душѣ и сердцу. Онъ чрезвычайно полюбилъ меня,

¹⁾ Типографчикъ Селивинавскій.

Н. Кс. Пол.

и говорилъ мнѣ при прощаньи, что я могу пройти всѣ черкесскія горы, если захочу, ибо онъ заручить жизнь мою среди самыхъ свирѣпыхъ и непримиримыхъ ауловъ горскихъ. Бесѣды съ нимъ улаждали меня. Мы много говорили о черкесахъ, и онъ измѣнилъ всѣ мои понятія, изобразилъ мнѣ въ настоящемъ видѣ этотъ странный, первобытный мiръ челоуѣчества, котораго не понимаютъ европейцы. Ему хотѣлось тебя видѣть, и надѣюсь, ты былъ милъ съ нимъ. — Приѣхавшій изъ Орла извѣстилъ меня о смерти малаго харчи, В. О. Холодовича¹⁾. Признаюсь, мнѣ грустно было о томъ услышать—мы знали его съ 1810 года, вотъ уже почти 25 лѣтъ—Курскъ и 1810 годъ, Петербургъ и 1840 годъ—сколько тутъ воспоминаній! Я здоровъ; мои всѣ—тоже, хотъ время у насъ точно пренесносное и такой холодъ былъ въ послѣдніе дни, что мы топили печи. Шелъ даже снѣгъ, послѣ того, какъ половина Святой была претепая. Теперъ несетъ горы льду изъ Ладожскаго озера въ море; мосты безпрестанно разводять, и ѣхать за городъ еще и думать нельзя, впрочемъ, полагаю остаться на время въ городѣ, отпустивъ семейство на дачу, чтобы кончить здѣсь разные вздоры, и перетолковать съ Смирдинымъ окончательно; онъ ѣдетъ въ половинѣ или концѣ мая къ вамъ, въ Москву, и потомъ хочетъ ѣхать въ Варшаву и къ Макарью, такъ, чтобы проѣздить все лѣто, что ему и необходимо сдѣлать. Всѣ дѣла свои хочетъ онъ окончательно устроить и привести въ порядокъ; беспорядокъ и безтолковица ихъ и собачья жизнь ему надоѣли, да и пора ужъ надоѣсть!

Мой поклонъ всѣмъ твоимъ и благословеніе дѣтямъ, твой братъ и другъ

Николай.

С.-Петербургъ. 12-го января, 1841 года.

Наконецъ, мой любезнѣйшій другъ и братъ, по многотрудномъ и многоболѣзненномъ пути, прибылъ я въ Петербургъ, и при сей перетрускѣ привезъ цѣлы, не только мои кости, но и всю шарбару, что меня порадовало, ибо тебѣ извѣстно правило: «и лѣчко давай, и оно пригодится!» Къ прискорбію моему, засталъ я Петра моего больнымъ, и, какъ скелеть, похудѣвшимъ. Ко мнѣ не писали, что, все время моего отсутствія, бѣдняжка былъ опасно боленъ. Самъ я изряденъ, хотъ изломанъ, ибо ночевать нигдѣ не рѣшался, а уже все ѣхалъ безостановочно, и съ Новгорода дорога была пренесносная, такъ что мы едва добрались къ вечеру; жестокими вѣтрами дорогу передумо и насыпало сугробы снѣгу. Спать на подмосткахъ оказалось неудобно: не въ мои, видно, годы и не

¹⁾ В. О. Холодовичъ, старинный пріяель всей семьи Полевыхъ.

съ моими костями. Богъ мой! молодость-то: бывало, скачешь по мостовой въ телѣгѣ и спишь! Еще смѣшное: дорѣгой пропаль у меня аппетитъ, и за 3¹/₂ дня питался я только чаемъ и калачами, но подумать не могъ о супѣ и жаркѣмъ. За то провизією маман угощаю теперь домашнихъ, и дѣти въ восторгѣ отъ гостинцевъ, пирожковъ и варенья. Добрая маманъ запасла мнѣ провизіей и лакомствъ на недѣлю, даже положила соли, ножъ, вилку. Прошу поцѣловать ей ручки, а равно и Лиллѣ, о которой не замедли увѣдомить, какова она? Ея здоровье терзаетъ меня, едва только вспомню, а часто ли помню я о тебѣ и всѣхъ твоихъ — можешь вообразить самъ. Болѣе ничего еще не могу писать — и голова, и тѣло, и душа, просятъ отдыха. Все у меня какъ будто въ туманѣ вертится — Москва, Петербургъ, ты, возвращеніе домой, наше московское гореванье, новыя мечты, опасенія, надежды!.. Останемся тверды въ одномъ: «терпѣть и уповать!» Упованіе наше не посрамить насъ, а что, между тѣмъ, пошлетъ судьба будемъ переносить, охатъ, но не падать. Какъ быстро потомъ можетъ все перемѣниться! Какъ тѣ же люди явятся друзьями и ангелами, которые теперь враги и демоны! Какъ расцвѣтетъ будущность — и если трудъ надобенъ для того, намъ ли его бояться! Словомъ, я отдохнулъ у тебя, оцупаль пропасть и вижу какую-то оживляющую надежду при тяжкомъ настоящемъ. Перецѣлуй своихъ дѣтишекъ, и благослови ихъ отъ меня. Союзъ и вѣра въ будущее — еще разъ!

Твой Николай.

С.-Петербургъ. Января 18-го дня.

«Время летить и вѣчность приближается!» — говоритъ Августинъ. — «Время гибнетъ», — говоритъ Хорча. — «Время золотое течетъ невозвратно!» — писалъ старичекъ. — Да, мой любезнѣйшій, едва оглянешься, уже день и недѣля, мѣсяцъ и годъ. Вотъ уже девятый день, какъ я разстался съ тобою, и завтра недѣля, какъ я въ Петербургѣ. По пріѣздѣ моемъ тотчасъ я писалъ къ тебѣ, и теперь, прежде всего, поспѣшу сказать о себѣ — не изъ эгоизма, но зная, какъ дорожишь ты тѣмъ, и что на томъ основывается для насъ многое, — сказать, мой любезнѣйшій другъ и братъ, что, благодаря Бога, я чувствую въ здоровьи своемъ неожиданную перемѣну. Долго, думалъ я, даже и не оправлюсь; но, напротивъ, отдохнувъ послѣ дороги, я чувствую себя какъ будто перерожденнымъ. Если бы не опухоль въ ногахъ, все еще не совсѣмъ прошедшая, да не осторожность въ пищѣ, которую я соблюдаю, то, признаюсь, я давно уже не помню себя столь хорошо. Голова, сонъ, аппетитъ, все у меня прекрасно; никакой боли нигдѣ; грудь укрѣпилась мгновенно; силы быстро возвратились. Неужели Про-

видѣніе и здѣсь хочеть показать намъ свою благодѣть? Сознаю ее и спѣшу прибавить, что, однакожь, моего добраго состоянія во зло я не употребляю: въ ѣдѣ, въ работѣ, во всемъ стараюсь соблюсти, елико можно, умѣренность, хоть на работу такъ и рванулся бы теперь, какъ воронъ на кровь... Надѣюсь, милый другъ и братъ, что мое извѣстіе тебя порадуетъ. Если бы еще услышалъ я отъ тебя, что доброй Лиллѣ лучше, что ты самъ поправляешься, то надежда на приближеніе весны, которая всѣмъ намъ придасть жизни, радовала бы меня еще болѣе. Предадимся упованію! Обращаюсь къ дѣламъ: прежде всего поспѣшилъ я обдѣлать «Синихъ и Зеленыхъ»¹⁾, и, кажется, въ среду, т. е. 22-го числа, отправлю къ тебѣ ихъ совсѣмъ подписанныхъ. Тогда останется поскорѣе перепечатать листочки, обернуть книженки покрасивѣе и выпустить ихъ. Теперь спѣшу отдѣлаться отъ 2-й книжки «Русскаго Вѣстника». Гречъ приходилъ въ отчаяніе, не видя меня, даже занемогъ съ горя, боясь, что все предпріятіе разрушится, но я его разувѣрилъ, и онъ съ трепетомъ ждетъ окончанія моей работы, безпрестанно приходитъ и охаетъ. Разумѣется, что я принужденъ скорѣе удовлетворить его, а потомъ примусь, не медля, за маленькую «Исторію». Работы впереди бездна, но бояться ея я не привыкъ, и охота теперь у меня смертная, только достало бы силъ. Между тѣмъ, я получилъ уже твое письмо отъ 10-го. Благодарить ли тебя за него? Говорить ли о чувствѣ моемъ при его чтеніи? Слова не нужны, мой милый другъ и братъ... но спѣшу отвѣчать на то, что въ немъ говорится о мерзкихъ нашихъ сплетняхъ: у Смирдина взялъ я векселей еще на 10,000 рублей на твое имя и почтеннѣйшій, вѣроятно, еще вчера послалъ ихъ къ тебѣ. Далѣе, право, не знаю, что объ немъ и сказать, и какъ онъ изворотится, не понимаю! Стану еще съ нимъ говорить. Онъ толкуеть о своихъ мечтахъ, о пособіи, какое ему обѣщаютъ; но бѣда въ томъ, что какъ теперь изворотится! Признаюсь, это терзаетъ меня, когда я воображаю твое затруднительное положеніе. Вотъ потому-то меня взбѣсила новая подлость Семѣна, о которой пишешь ты въ письмѣ къ Ратькову! Этотъ мерзавецъ со слезами умолилъ меня въ прошломъ году дать ему вексель, заклиналъ не говорить тебѣ, и увѣряя, что онъ въ первый срокъ заплатитъ его. Я, скотина, еще разъ согрѣшилъ, не сказалъ тебѣ, и вотъ этому-то векселю былъ срокъ 1-го—10-го числа, и ты заплатилъ по немъ. Я посовѣстился нынѣ даже подтвердить объ немъ Семѣну, надѣясь, что это святой долгъ для него, а онъ и подлый Гларнеръ говорятъ тебѣ, что даже и

¹⁾ Романъ Николая Алексѣевича, который онъ переименовалъ въ «Византійскія Легенды», и продалъ Ксенофонту Алексѣвичу. Предпріятіе это было чрезвычайно неудачно, какъ читатели увидятъ изъ его письма, отъ 22-го марта 1842 года. Н. Кс. Пол.

не знаютъ, какой это вексель! Умоляю тебя простить мнѣ послѣдній грѣхъ, а къ Гларнеру¹⁾ прилагаю письмо, которое прошу, запечатавши, передать, и, вслѣдствіе сего, если ты по этому векселю заплатилъ, то отнюдь платить не должно по моему векселю 11-го—20-го числа, а надобно, чтобы Семёнъ заплатилъ уже и по своему и по моему, ибо, давши ему вексель, коему срокъ былъ 1-го—10-го числа, я не взялъ съ него оборотнаго, а онъ взялся, что этотъ мой вексель самъ заплатить и очистить. Въ вѣдшее доказательство прилагаю письмо Гларнера, полученное мною при векселяхъ въ бытность мою у тебя въ прошломъ году (я пріѣхалъ 17-го, а уѣхалъ 27-го февраля).

Они только и оставались, которые платить должно было мнѣ. Гларнеръ въ письмѣ упоминаетъ о седьмомъ векселѣ, который я далъ ему тогда, именно, не по просьбѣ, а по молитвѣ Семёна, написавъ его не 15-го, какъ Гларнеръ упоминаетъ, а отъ 1-го января, который они потомъ и выдали Кутухѣ. Неужели они рѣшительно отъ всего отопрутсѣ? Ради Бога, за ихъ подлость, причиненное тебѣ безпокойство, и за оскорбленіе меня, выговори ей хорошенько, представъ имъ всю безнравственность ихъ поступка, и настой, чтобы они заплатили непременно мой вексель Кутухѣ, и тѣмъ загладили свой подлый обманъ. Ты не повѣришь, какъ взбѣсили они меня этимъ, и я было, сгоряча, написалъ имъ ужасное письмо, но обдумалъ и только прошу успокоить меня твоимъ прощеніемъ за мою легкомысленную доброту; клянусь, что она послѣдняя!..... Окончивши другія обязательства, я брошу деньги и этимъ гарціямъ въ человѣческомъ видѣ; до тѣхъ поръ забудемъ объ нихъ!—Мечты, можетъ быть, но утѣшительныя мечты, теперь оживляютъ меня. Можетъ быть, нынѣшній годъ рѣшительно спасетъ меня и обезопаситъ тебя. Умоляю тебя уповать на Бога и вѣрить моему сердцу; безъ этой вѣры твоей—я опять упаду и погибну, но съ ней я еще двину горы съ мѣста, мой любезнѣйшій, только бы Провидѣніе немного пощадило меня! Чтобы развлечь грустное, скажу тебѣ, что почтеннѣйшаго нашель я здороваго и въ величайшихъ хлопотахъ и заботахъ. Дѣло у него идетъ славно, и 16-го, въ день именинъ его, просидѣлъ я у него вечеръ съ семействомъ. Народу въ лавкѣ у него всегда толпа, такъ что цюгда пообѣдать ему некогда.—Видѣлъ я Булгарина, который помѣшанъ на «Экономѣ»; видѣлъ и другихъ мерзавцевъ и негодяевъ, но новаго, но особеннаго ничего нѣтъ. Главное по литературѣ теперь выговоръ, какой сдѣланъ Сенковскому въ цензурномъ комитетѣ по поводу мерзкой статьи его о свѣтящихъ червячкахъ, въ 12 № «Биб. для Чт.» 1840 г., въ которомъ обругалъ онъ здѣшнее Благород-

¹⁾ Приказчикъ Семёна, впоследствии известный книгопродавецъ въ Петербургѣ.

ное собраніе. Всѣхъ журналистовъ для того собирали, и подтвердили имъ, что если еще кто сдѣлаетъ чтонибудь подобное, то журналъ его запретятъ, и редактору запрещено будетъ всякое малѣйшее участіе въ другихъ журналахъ.

Сенковскій струсиль, извинялся, написалъ письмо къ директору собранія, гдѣ униженно проситъ прощенія, ибо члены собирались уже бить его, драться съ нимъ, и проч.—и это литература!.. Глинка хотѣлъ было въ цензурномъ комитетѣ говорить рѣчь, но ему не дозволили, и всѣ журналисты обязались подпискою въ слыханіи выговора и предписанія. Впрочемъ, все обстоитъ попржежнему, глупо, гадко и мерзко, какъ по журнальной, такъ и по книжной части. Да и чего ждать?

С.-Петербургъ. 28-го января, 1841 года.

Можешь ли сомнѣваться, любезный братъ и другъ, что я искренно поздравлялъ тебя въ воскресенье со днемъ твоихъ именинъ и также поздравляю теперь. Надѣюсь, что въ кругу доброй семьи своей ты провелъ этотъ день весело, а вырвать веселый день у судьбы—выигрышь. Я велѣлъ испечь сладкій пирогъ, и мы торжественно ѣли его и вспоминали тебя, говоря, что ты, конечно, въ то время объ насъ вспомнилъ. вмѣсто подарка послѣшу подѣлиться съ тобою весьма пріятнымъ извѣстіемъ, тѣмъ болѣе, что дѣло для насъ вовсе неожиданное. Уже дней десять жилъ я въ Петербургѣ, и раздумывалъ: идти ли мнѣ, и какъ идти къ Л. В. Дубельту? Ты знаешь мой тяжелый и нерѣшительный въ такихъ случаяхъ характеръ. Вдругъ, утромъ 23-го января, приносятъ ко мнѣ пакетъ, и представъ себѣ мое радостное изумленіе! Графъ Ал. Христ. пишетъ мнѣ: «Государь императоръ, узнавъ о болѣзненномъ положеніи вашемъ и о нѣкоторой степени нужды, въ которой вы находитесь, всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: немедленно выдать вамъ 2.000 руб. асс. въ единовременное пособіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаю васъ о столь милостивомъ къ вамъ вниманіи Е. И. В. искренно желаю, чтобы здоровье ваше возстановилось для продолженія вашихъ полезныхъ трудовъ». При письмѣ получилъ я и деньги, 1,800 рубл. (за вычетомъ 10%, на инвалидовъ, кажется). Ты поймешь, что не деньги, но дѣло, но то, какъ оно было сдѣлано, тронуло меня до глубины сердца. Просилъ ли я? Жаловался ли кому? Не само ли Провидѣніе внушило доброму царю мысль утѣшить, порадовать меня, когда... когда... все, казалось, отступилось отъ меня—и люди, и судьба! Не знаю кому обязанъ я доведеніемъ до государя извѣстія обо мнѣ, и съ высоты своего трона, онъ захотѣлъ утѣшить меня взоромъ и словомъ... На другой день поѣхалъ я къ Л. В. Дубельту, а вчера поутру, по его назначенію, былъ у графа Ал. Христ. — Я говорилъ немного, но они по-

няли меня, и, признаюсь, ихъ участіе, ихъ готовность сдѣлать все, что могутъ въ пользу мою, растрогали меня до глубины сердца. Благослови ихъ Богъ! Я долгомъ почелъ сказать, что не смѣлъ требовать пособія, ибо есть люди, которымъ оно нужнѣе; что я могу теперь опять работать, но за то буду просить ихъ обратить вниманіе на трудъ, окончаніемъ котораго неусыпно занимаюсь. «Надѣюсь»,—отвѣчалъ графъ Ал. Хр.,—«что я буду первый читатель его».—Онъ улыбнулся и прибавилъ: «А государь второй».—Съ радостью возвратился я домой, и все закипѣло вокругъ меня новою жизнью. Вотъ, милый братъ, мы думали еще, какъ и что дѣлать, а Провидѣніе, смѣясь надъ нами, и какъ говаривалъ старичекъ, говорить:—«Дѣти вы, дѣти!» и ведетъ насъ незримо къ цѣли своей. Не оно ли спасло мнѣ жизнь еще разъ? Поѣздка моя въ Москву не возстановила ли такъ странно и мгновенно моего здоровья? А это событіе? Стало быть, оно не забывается; испытуетъ только насъ въ терпѣніи, и «благо претерпѣвшему до конца!» Въ день твоихъ именинъ, въ воскресенье, бросилъ я всѣ другія работы, и въ гостиную, гдѣ теперь живу (ибо въ другихъ комнатахъ, кромѣ дѣтской, гдѣ спятъ мальчики, и на верху комнаты, гдѣ тѣснится жена съ остальными людьми, за нестерпимымъ холодомъ жить невозможно), стащилъ всѣ потребныя мнѣ рукописи и книги для труда моего, и цѣлые полдня просидѣлъ соображая, пересматривая отмытки книгъ, заготовленныя рукописи, планы, и проч. и проч. Мнѣ надобно теперь войти снова въ мои идеи, въ то, что уже сдѣлано до сихъ поръ. Остальные полдня посвятилъ я маленькой «Исторіи», а равно ей же и вчерашній остальной день. Какъ это меня радовало, сколько опять родилось у меня новаго... Мой другъ и братъ! Я могу еще ожить! Молю только Бога, теперь когда такъ явно сближается день спасенія, молю пощадить насъ—меня и тебя, еще немного, весьма немного! Ради Бога, другъ и братъ, укрѣпись и ты, какъ ни тяжело—упованіе не обманетъ, а какъ все можетъ мгновенно измѣниться!.. Великій Боже!.. Тогда-то Тимоновскій обѣдъ и чаша радости пусть пропѣнитъ все минувшее горе. Сообщи мое извѣстіе доброй маманъ—знаю, какъ она будетъ рада.

Мнѣ не хотѣлось бы дополнять письма моего ничѣмъ горькимъ, но необходимо. Я жду нетерпѣливо извѣстія отъ тебя о «Синихъ и Зеленыхъ», и о мерзавцѣ Семѣнѣ. Съ Смирдянымъ, ей Богу, не знаю, что дѣлать и чѣмъ онъ кончить—я трепещу! Запутаннѣе его дѣлъ быть не можетъ, а между тѣмъ своенравіе въ немъ какое-то нелѣпое. Едва могли мы уговорить его послать къ тебѣ еще на пять тысячъ векселей. «Пусть протестуютъ и присылаютъ сюда!» говоритъ онъ. Но я старался вразумить его, что это не только глупо, но болѣе, ибо его и знать не захотятъ, а примутся за тебя и за меня. О Боже мой! Если бы, наконецъ, хоть разъ вздохнуть спокойно. Въ нынѣшнемъ году будетъ ровно тридцать

лѣтъ, какъ я выѣхалъ изъ Иркутска (30 мая 1811 г.), и что же эти тридцать лѣтъ!.. Ради Бога, увѣдомъ меня о дѣлахъ въ Москвѣ: мысль объ нихъ, при неизвѣстности, ежеминутно терзаетъ меня.— Мое благословеніе дѣтямъ.—Какова Лилла?

Твой Николай.

Мнѣ приходитъ на мысль: не Левъ ли Михайловичъ¹⁾ изъ Москвы написалъ сюда? Иначе кому? Развѣ не знали, что я уже съ полгода былъ на смертной постели? Кукольникъ, другъ мой и товарищъ, поблѣднѣлъ, и сквозь зубы сказалъ: «Да, это неслыханный примѣръ!»—Гречь, кажется, хотѣлъ закинуть, будто онъ что-то старался и успѣлъ наговорить Леонтію Васильевичу, но я засмѣялся, и ложь была такъ груба, что онъ тотчасъ замаялъ ее и перемѣнилъ слово.—Гнусная Лиза почти обругала жену и завыла, что вотъ другимъ счатье, а сиротѣ такъ нѣтъ милости.—Дядя тотчасъ прислалъ требовать за квартиру деньги, ибо дескать, ему крайняя нужда, хоть срокъ еще 15-го февраля. «Теперь у васъ есть, а то опять издержите, а мнѣ смерть нужно!» Достанетъ ли довольно слюнъ, чтобы переплевать на всѣхъ этихъ мерзавцевъ, на все это сборище злодѣевъ, подлецовъ и эгоистовъ! О Тимоновскій обѣдъ! Когда мы засядемъ за тебя съ Ксенофонтомъ!—«Маленькая Исторія», надѣюсь, пойдетъ у меня быстро, и авось, Богъ поможетъ, какъ я писалъ, къ марту кончить ее. Здоровье мое очень хорошо...

С.-Петербургъ. 20-го марта, 1841 года.

Съ мѣсяцъ прошло, мой добрый братъ и другъ, что я не писалъ къ тебѣ, и отъ тебя не получалъ писемъ; понимаю, отъ чего ты не пишешь, предчувствовалъ содержаніе того, что ты напишешь, и въ твоемъ молчаніи оправданіе и моему безмолвію—рука не подымается, силъ нѣтъ писать. — Берешься десять разъ за перо и двадцать разъ бросаешь его. Авось завтра, если и не принесетъ день радости, не веселѣ ли будетъ на душѣ—тогда напишу, тогда все расскажу! День приходитъ и—не дождешься конца его томительной грусти, съ его большими огорченіями и маленькими заботами, и—опять: «авось завтра!» Спасибо, что у насъ есть теперь посредникъ — почтеннѣйшій, который передаетъ мнѣ о тебѣ, а тебѣ обо мнѣ: «Живъ и обстоитъ благополучно». Остальное мы дополняемъ сами.—Но полно хныкать—чему быть, тому не миновать. Съ радостью замѣчаю я, мой драгоценный братъ и другъ, что ты укрѣпляешься нынѣ такъ же вѣрою и упованіемъ въ Бога, какъ укрѣпляюсь ими, и только ими, я. Другъ и братъ! если школа несчастій, столько лѣтъ продолжающаяся, наградила меня

¹⁾ Левъ Михайловичъ Цынскій, оберъ-полицеймейстеръ въ Москвѣ.

Н. К. Полевой.

какимъ нибудь благомъ и сокровищемъ, такъ это награда вѣрою, источникомъ упованія, вѣрою младенца, упованіемъ безотчетнымъ. Безъ нихъ, безъ Евангелія, того Божественнаго, Кто нисходилъ сюда страдать, я давно палъ бы—философія наша вздоръ, дѣтская сказка. Говорить тебѣ обо всемъ этомъ не могу и не буду, ибо здѣсь убѣжденіе начинается не съ ума, но съ сердца, а оно и не у однихъ царей, но и у всѣхъ насъ — въ руцѣ Божіей. Молю Бога, чтобы онъ подкрѣпилъ тебя благодатию своею, источникомъ силы душевной, такой силы, которой ничто побѣдить не можетъ.

Довольно о томъ—будетъ время для бесѣдъ откровенныхъ; тогда поговоримъ побольше; теперь повторю одно: «Уповавай, другъ и братъ, и молись!» Богъ насъ спасетъ. Говорю, когда самъ еще не вижу и не знаю, какъ совершится наше спасеніе, когда самъ терзаюсь душою и сердцемъ, но, во-первыхъ, уже не явная ли милость Божія, что мы съ тобою живы и здоровы? Изумляюсь самъ: не только съ одра смерти Богъ воздвигъ меня, но здоровье мое теперь укрѣпилось, такъ что я работаю опять неутомимо, и надѣюсь, что съ весною оживу вполнѣ. Надѣюсь, что и твое здоровье также, хотя терпитъ отъ скорби, но не разрушается. Ради Бога, только это главное, а прочее предоставимъ Провидѣнію! Вотъ внутреннее, вотъ что отъ насъ зависитъ. Внѣшнее,—признаюсь, объемлетъ ужасъ и страхъ! Мое мученіе умножаетъ то, зачѣмъ я увлекъ тебя въ эту бездну!—Все что ты пишешь о Семѣнѣ—я предчувствовалъ: признаюсь, не полагалъ, однакожь, что онъ такъ быстро и сильно пойдетъ къ разрушенію, не думалъ, чтобы и Смирдинъ такъ далеко и невозвратно зашелъ, и съ Самохотовымъ до сихъ поръ, какъ то вертѣлось дѣло, и я думалъ, что еще разъ успѣемъ все устроить. Все разрушается, и въ одно время. Думаю и ничего не придумываю, теряя разумъ. Кажется, если бы можно, заложилъ бы свою голову и по каплямъ дозволилъ бы выпустить кровь, тѣмъ болѣе, что если бы немного только дали намъ отдохнуть, то мы все кончили бы честно и вполнѣ. При семъ прилагаю письмо къ Протопопову. Содержаніе его ты увидишь. Что могу еще сдѣлать? Придумай, скажи—я готовъ снять послѣднюю рубашку и отдать, только бы спастись! Мои всѣ надежды здѣсь только на самого себя и на работу. Смирдинъ совершенно разстроился дѣлами и упалъ духомъ. Въ ссудѣ ему Уваровъ отказалъ; теперь Жуковский хлопочетъ у Канкринна, но, кажется, по-пустому. Ссуда могла бы его поддержать, но и она не могла бы поправить дѣлъ, ибо дѣла его безъ конца запутаны, и, переходя изъ одной бездны въ другую, уже много лѣтъ, онъ совершенно потерялся и запутался. Открывается, что онъ бѣдствовалъ уже давно, и предпріятіями прикрывалъ только отъ другихъ и самого себя погибель. Не знаю, что теперь съ нимъ дѣлать! Почтеннѣйшій думаетъ еще, что онъ продержится нѣсколько времени, и хочетъ замѣнить его векселями

платежи здѣсь за «Репертуаръ» и «Эконома», съ тѣмъ, что тутъ будетъ намъ перемежка, а потомъ мы можемъ заплатить за Смирдина, который какъ нибудь извернется или сдѣлается, ибо онъ хочетъ все заплатить, и лучше остаться нищимъ, нежели безчестнымъ. Вотъ что о Смирдинѣ сказать можно. — Обращаюсь къ тому, что можетъ спасти насъ—только трудъ и работа, — сказалъ я, и вслѣдствіе сего, теперь работаю неутомимо. Два занятія мои составляютъ (кромѣ работы въ «Русскій Вѣстникъ» изъ насущнаго хлѣба)—маленькая «Исторія» и «Петръ Великій». Четвертый томикъ «Исторіи» въ рукописи довелъ я теперь уже до Павла; остается только два разсказа: съ 1796 до 1812 года и съ 1812 до 1825 года. Не знаю, успѣю ли кончить ихъ къ Святой; кажется, невозможно; но тѣмъ не менѣе, въ слѣдующій вторникъ надѣюсь подать въ цензуру первыя тетради, и послѣ Святой тотчасъ начнемъ печатать, такъ что, кажется, къ маю, мы ее отпечатаемъ и пустимъ въ ходъ. Тутъ будетъ хоть малое пособіе. Не рѣшишься ли ты даже продать ее кому нибудь на второе изданіе? Я полагаю, что 10,000 рублей дадутъ, но я предоставляю рѣшеніе вполнѣ тебѣ. Но это только временное и малое пособіе, а всего жду я отъ «Петра Великаго». Этотъ трудъ составляетъ теперь всѣ мои надежды, и, увѣренъ, спасетъ насъ. Имъ занимаюсь постоянно, и, кончивъ маленькую «Исторію», на него одного обращу все время и всѣ силы. Всячески, полагаю, что къ сентябрю онъ выдвинется, если я хорошо проработаю пять мѣсяцевъ. Я хочу по окончаніи перваго тома немедленно печатать его, приготовляя остальные, такъ чтобы съ окончаніемъ послѣдняго, тотчасъ же вся книга могла выйдти. Можетъ быть, тогда не только публика, но и самъ царь обратятъ на нее вниманіе. Послѣднее трудно—я увидѣлъ по опыту, который еще разъ (такъ слабъ человѣкъ!) оболстилъ было меня надеждами самыми радостными. Надобно разсказать тебѣ подробнѣе. Вотъ какъ это было. Въ началѣ марта захотѣлъ со мною познакомиться князь Александръ Николаевичъ Голицынъ—кто онъ, ты знаешь, но не знаешь, что это за благородное, прекрасное, высокое созданіе! Въ первый разъ явился я къ нему въ его церковь. Мы такъ сошлись, что старецъ принялъ меня въ свой маленькій домашній кружокъ, и я у него бываю нынѣ по два раза въ недѣлю, бесѣдную съ нимъ, читаю ему, и забывая, что онъ вельможа и другъ царя, такъ притыкъ къ нему, что точно какъ будто вѣкъ жилъ съ нимъ. Такой доброты, оживленной умомъ и такимъ обширнымъ опытомъ, я еще невидывалъ средѣ моего. Однимъ изъ первыхъ словъ его была рѣчь о моей «Исторіи Петра Великаго», и первымъ чтеніемъ моя рукопись. Старецъ такъ восхитился всѣмъ, что немедленно предложилъ говорить о томъ государю; но какъ прежде дѣло шло черезъ графа Александра Христофоровича, то онъ, боясь помѣхи, и велѣлъ мнѣ

отнестись къ нему. Тутъ прѣхалъ изъ Москвы добрякъ нашъ Н. А. Кашинцевъ, съ своимъ гладенькимъ паричкомъ, обпирными видами на добро при маленькихъ средствахъ, съ рѣшимостью говорить смѣло, и трепещущій, если Марко въ передней Леонтія Васильевича скажетъ ему: «Николай Андрейчъ! не хорошо-съ!» — Вотъ, среди другихъ предпріятій: просвѣщать какого-то каретника Маркова, оправдать чудака Меласа, говорить съ Орловымъ, съ Киселевымъ и проч. и проч., онъ съ жаромъ принялся и за мое дѣло. Бездѣлицу рѣшался онъ исполнить: испросить мнѣ позволеніе осмотрѣть архивы, дать мнѣ въ пособіе 50,000 рублей и достать званіе историографа, съ жалованьемъ. Я расхохотался, но сообразивъ пособіе Голицына, недавнюю милость добраго и славнаго царя нашего ко мнѣ, и проч. и проч.,—просилъ начать дѣло, какъ и князь А. Н. совѣтовалъ, отложивъ все другое, просьбою только объ архивахъ. Это послужило бы началомъ, залогомъ грядущаго, и все такъ пошло было хорошо: такъ съ одной стороны, увѣрялъ меня князь А. Н. въ милостивомъ отзывѣ обо мнѣ государя ему лично, такъ охотно взялся ходатайствовать графъ Ал. Хр., такъ ласково улыбался Леонтій Васильевичъ, въ такомъ восторгѣ былъ нашъ добрякъ Ник. Андр., что я, признаюсь, еще разъ увлекся надеждами, думалъ даже писать къ тебѣ, обрадовать тебя, но удержался, и—холодный безъ объясненія причинъ отвѣтъ, съ возобновленіемъ его прежней ледяной улыбки, съ какою бранилъ онъ меня бывало за «Смерть или честь», «Иголкина» и «Парашу» —нельзя—разрушилъ всѣ мечты мои, заставилъ бѣднаго Ник. Андр. спрятать, если не сжечь, всѣ свои проекты касательно меня, и начать меня утѣшать добрымъ расположеніемъ и милостью ко мнѣ графа Ал. Хр., неистощимымъ добромъ однихъ особъ, участіемъ другихъ, и проч. проч.—Я перенесъ твердо, горько улыбался, даже смѣялся, но—сказать ли? Возвратясь домой, почувствовалъ жестокой припадокъ спазмъ, и пролежалъ сутки, пока одумался, плюнулъ на все и принялся опять за работу. Князь Ал. Ник. былъ весьма опечаленъ всѣмъ случившимся, жалѣлъ, досадовалъ, и его утѣшенія, его слова, чтобы я позволилъ ему самому теперь дѣйствовать, оживили меня, но не возобновили уже надеждъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ дѣйствовала чья нибудь интрига; да полно, былъ ли и докладъ царю, а если и былъ, то какого рода докладъ? Не Уварова ли подлека тутъ опять штуки? Не Жуковскаго ли съ братією подмазка? Ничего не понимаю! Но рѣшительность моя тверда, да и необходима, ибо иначе я погибъ: стану, не думая уже ни о чемъ, писать мою книгу прилежно, сколько по совѣсти могу лучше, кончу; напечатать ея 5,000 экземпляровъ, продадимъ ихъ, а царь добрый и великодушный, конечно, не оставитъ тогда труда моего своимъ благодарнымъ вниманіемъ. Такъ я рѣшился теперь, такъ и буду дѣйствовать, и ужъ шагу не сдѣлаю ни къ кому, ни о чемъ. Богъ и

трудъ, да будутъ залогомъ нашихъ надеждъ и упованій. Если я умру, достигая ихъ,—сиротъ моихъ призреть Отець всѣхъ сиротъ, а я умру, по крайней мѣрѣ, съ сознаниемъ чистой совѣсти, что истощилъ всѣ средства поддержать честь и совѣсть. — Но я не умру, а живъ буду, и еще дождемся мы съ тобою ясныхъ дней, мой другъ и братъ! Увидятъ всѣ, оцѣнятъ всѣ... Разумѣется, все разсказанное мною тебѣ, да будетъ въ глубокой тайнѣ между нами. — Почтеннѣйшій думаетъ на Святой съѣздить въ Москву и подумать нѣтъ ли еще какихъ средствъ? Я ему совѣтую это сдѣлать, и авось Богъ васъ наставитъ, что нибудь придумать. Только теперь одно, милый братъ, ради Бога—береги себя. Сокрушаетъ меня болѣзнь твоей жены Лиллы и неимѣніе средствъ ѣхать за границу. Складываю руки и горюю. Что сказать тутъ, что придумать?! — Съ Ник. Андр. разстались мы дружески; я еще болѣе увѣрился, что онъ доброе, неопытное дитя и искренно желаетъ намъ добра, но что ничего сдѣлать онъ не можетъ. Видя и слыша его въ Петербургѣ, въ которомъ я ужъ довольно ознакомился, я воображалъ себя агнцемъ между волками. Великій Боже! Какой городъ, какой Вавилонъ интригъ, страстей, мерзостей, и ему, и здѣсь дѣйствовать!.. Даже забавно о томъ подумать. «Русскій Вѣстникъ» идетъ плохо, а въ редакціи его такое же согласіе въ идеяхъ, какъ у щуки, сокола и рака въ баснѣ Крылова, но, по крайней мѣрѣ, живемъ мы очень дружески, хотъ и видимъ, что намъ пива не сварить. (Окончаніе письма не имѣетъ литературнаго значенія).

VIII.

Разстройство дѣлъ Ксенофонта Алексѣевича. — Поѣздка семейства Ксенофонта Алексѣевича за границу, для лѣченія. — Банкротство Смирдина окончательно разоряетъ Николая Алексѣевича. — Онъ упрекаетъ себя, что увлекъ брата въ гибель. — Мечты его относительно уплаты долговъ. — Ксенофонтъ Алексѣевичъ предполагаетъ издавать «Библиотечку для Чтенія» въ 1842 году. — Это не удается. — Положеніе дѣлъ Смирдина. — Извѣстіе о смерти Лермонтова. — Трагическое положеніе Николая Алексѣевича и его семьи. — Онъ дѣлается издателемъ «Русскаго Вѣстника» въ 1842 году. — Расчеты и предположенія его по этому дѣлу. — Изданіе журнала этого оказалось невыгоднымъ. — Затруднительное положеніе Ксенофонта Алексѣевича, и отчаяніе Николая Алексѣевича. — Исповѣдь его брату.

С.-Петербургъ. 15-го мая, 1841 года.

...Прежде обращусь къ предмету болѣе отрадному — свиданію съ нашими милыми московскими гостями ¹⁾. При мысли разлуки ихъ съ тобою, неизвѣстности будущаго, и проч., и проч., грусть от-

¹⁾ Матушка моя, Елизавета Ѳедоровна, и двѣ сестры мои ѣхали за границу въ Гретенбергъ, лѣчиться.
Н. К. Под.

равляла свиданіе наше, хотя ни я, ни Лилла не показывали ее другъ другу; но мы понимали одинъ другого... Впрочемъ, прїѣздъ и отъѣздъ ихъ былъ счастливый, сопровождался даже многимъ, что, въ другое время, могло бы веселить и смѣшить. Смѣяться отъ души отвыкъ я уже давно, и ничего не знаю, кромѣ судорожной улыбки, и та у меня рѣдкая гостья. Слава Богу, во-первыхъ, что онѣ прїѣхали сюда благополучно, и какъ ни слабы были здѣсь, но Лилла уже геройствовала, ходила, ѣздила, говорила. У меня была она два раза и одинъ разъ обѣдала. Дѣти съ восторгомъ встрѣтили Бетси и Элѣнь. Бесѣду нашу раздѣляла добрая сестра Екатерина Алексѣевна. Я проводилъ потомъ Лиллу на пароходъ, благословилъ ихъ иконою Николая Чудотворца, въ день его праздника, а на другой день отправился въ Кронштадтъ, гдѣ провель съ ними еще часа три; вмѣстѣ обѣдали мы за ихъ дорожнымъ столомъ, и пока пароходъ, на палубѣ котораго стояли онѣ, не скрылся изъ глазъ, взоры мои были неподвижно устремлены на милыхъ сердцу, которымъ посылаю я тысячи благословеній въ душѣ моей. Онѣ провели ночь на пароходѣ, съ Фридрихомъ и его женою¹⁾, и чувствовали себя очень хорошо. Время стоитъ, послѣ сего, прекрасное, и, кажется, онѣ благополучно и легко достигнутъ Любека. А тамъ, да благословить ихъ Богъ, и да возвратитъ ихъ любви и дружбѣ опять здоровыми. Посылаю записочки, которыя написали, Лилла къ тебѣ, Амалия²⁾ къ маманъ, въ послѣднія минуты разлуки со мною, среди шумныхъ прощаній другихъ гостей и пассажировъ. Дѣти были на пароходѣ веселы, милы, съ невинною радостью любовались всѣмъ, что было для нихъ ново. А что не было тутъ ново для нихъ? Капитанъ парохода человѣкъ весьма любезный и услужливый. Общество, на пароходѣ поплывшее, хорошее. Съ нетерпѣніемъ жду дальнѣйшихъ извѣстій, и ради Бога, увѣдомъ меня немедленно, по полученіи отъ нихъ писемъ изъ Любека. Вотъ все, что могу сказать тебѣ, и подтверждаю еще, что милыя наши, и ихъ ангельскія спутницы, до послѣдняго разставанія моего съ ними, вели себя очень мило, и если такъ все продолжится, то путешествіе ихъ, горькое вначалѣ, конечно, кончится радостнымъ свиданіемъ. Дай Богъ, дай Всемогущій Богъ, и, если надобно, отдай мнѣ горе и благослови ихъ радостью, благослови въ нихъ радостью и моего добраго Ксенофонта!.. Что, еслибы возвращеніе ихъ могли мы встрѣтить счастливимъ устроеніемъ всѣхъ другихъ дѣлъ, окончаніемъ мерзостей, такъ терзающихъ, и душевнымъ спокойствіемъ? Да не оставитъ насъ упованіе! Но есть ли къ тому

¹⁾ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Мецъ, родной братъ матери моей, бывшій тогда инспекторомъ классовъ въ Александровскомъ кадѣтскомъ корпусѣ, въ Царскомъ Селѣ. Н. Кс. Пол.

²⁾ Амалия Ѳеодоровна Мецъ, сестра Елизаветы Ѳеодоровны, ѣхала съ нею за границу.

виды и надежды? Не будемъ скрывать, что отъ людей ожидать нечего, и что несчастное разстройство Смирдина отягощаетъ теперь насъ выше всякой мѣры. Что я могу сдѣлать? Что ты? Что до меня, то я твердо увѣренъ въ трудѣ, которымъ я теперь занимаюсь, что онъ спасетъ насъ и изведетъ изъ ада, гдѣ мы теперь мучимся. Говорю объ «Исторіи Петра Великаго», которой посвящаю теперь все время, кромѣ небольшого, необходимаго участка на «Русскій Вѣстникъ». Работа идетъ у меня весьма успѣшно, и предполагая приступить немедленно къ печатанію перваго тома, едва только кончу его, продолжая при томъ далѣе работу и соображая нынѣшнія силы свои, думаю, если Господь Богъ поможетъ и подкрѣпитъ, рѣшительно къ новому году дѣло мое кончить, т. е. исполнѣ издать всю книгу. Тогда, мой милый другъ, смѣю думать, будетъ намъ полная свободадохнуть. Но и до тѣхъ поръ, увидѣвши уже заготовленную работу, самые безжалостные люди авось дадутъ средства передышать, и не обрушатъ на насъ тягости преслѣдованія. Крайнее и важнѣйшее обстоятельство — настоящее время! И чѣмъ тутъ пособить, я ужъ истинно теряю голову. Не думать нельзя; думать и окончивать думу грустнымъ сознаніемъ безнадежности—до того тяжко, что дѣлаешься вовсе не способнымъ къ работѣ; жизнь постылѣеть, особенно, когда у меня примѣшивается къ тому убійственное чувство: зачѣмъ увлекъ я тебя въ бездну золь, зачѣмъ согласился я принять твое пособіе! Неужели Господь лишитъ меня радости вознаградить потомъ за все? Подробности расскажетъ тебѣ почтеннѣйшій. Онъ знаетъ все, чего можно еще требовать отъ Смирдина, а писать я не въ силахъ. Утѣшать твою твердую душу, мой другъ и братъ, чѣмъ я могу? И лучше же видѣть все дѣло въ отвратительной его наготѣ, нежели, льстить себя пустыми мечтами. Касательно здоровья моего, я самъ удивляюсь, что и теперь совершенно ожилъ, и тяжкую работу переношу весьма легко, даже и не думалъ бы объ ней, еслибы хоть немного отрады согрѣвало душу мою.—Благословеніе мое дѣтямъ твоимъ, поклонъ добрѣйшей маман. Руку, другъ и братъ, и вѣру, что я твой всегда

Николай.

С.-Петербургъ. 22-го мая, 1841 года.

Спѣшу передать тебѣ, мой милый братъ и другъ, первое извѣстіе о милыхъ нашихъ пушественницахъ. Сейчасъ получено письмо Греча ¹⁾ изъ Гамбурга, отъ 16-го мая. Слава и брагодареніе Богу! онѣ совершили путь благополучно и миновали угрюмую Балтику весьма

¹⁾ Ник. Ив. Гречъ ѣхалъ на одномъ пароходѣ съ семействомъ Ксенофонта Алексѣевича. Н. К. Под.

счастливо. Послѣзавтра, пишетъ Гречъ (слѣдовательно, въ понедѣльникъ, 18-го, ибо письмо его отъ 16-го), наши вояжеры ѣдутъ въ Дрезденъ, а онъ въ четвергъ, т. е. 21-го на пароходѣ—въ Амстердамъ; и такъ, онъ еще проводитъ ихъ, и надѣюсь, что и ты повторишь, слыша всѣ сіи подробности: «Слава Богу!». Спѣшу передать тебѣ Гречево извѣстіе, ибо, можетъ быть, оно придетъ хоть нѣсколькими часами ранѣе ихъ увѣдомленія въ Москву, и я счастливымъ почту себя, если буду первымъ благовѣстникомъ радости тебѣ, другу моему, и доброй маманъ, ручки которой цѣлую. Мы всѣ здоровы. Пишу «Петра Великаго», и печатаю маленькую «Исторію». Тяжко, грустно, но уповаю на Бога, и работаю иногда съ 5-ти часовъ утра до 3^{1/2} по полудни, и еще кромѣ того вечеромъ, но здоровье мое ничего не терпитъ отъ такой упорной работы. Погода здѣсь стоитъ прекраснѣйшая, какой старики не помнятъ. Все теперь ѣдетъ на дачи. Я неподвиженъ, и иногда по два, по три дня не выхожу даже изъ комнаты.

Петра довелъ теперь до его путешествія за границу въ 1697 году, и самое трудное почти кончилъ, ибо далѣе пойдетъ мнѣ легче. Первые годы страшная путаница, тѣма мелочей, все начинается, развиваетъ характеръ. Драма, а не исторія. Написанное все прочелъ я князю Ал. Ник. Голицыну, и онъ въ восторгѣ, да и я чувствую самъ, что это лучшее, что я писалъ донинѣ. Авось Господь поможетъ кончить и воспѣть тогда: «Тебѣ Бога хвалимъ»! Благословеніе дѣтямъ твоимъ. Руку твою! Братъ и другъ

Николай.

С.-Петербургъ. 27-го іюля, 1841 года.

Вѣрю, милый другъ и братъ, что въ часы скорби и грусти ты винишь меня иногда, что я не пишу къ тебѣ, даже вотъ не отвѣчалъ на нѣсколько, два или даже три письма твои. Но я знаю и увѣренъ, что, подумавши, ты прощаешь меня, понимая, постигая причину моего тяжелаго молчанія. Черезъ почтеннѣйшаго я узнаю о томъ: живъ ли, здоровъ ли ты, узнаю и подробности всѣхъ грустныхъ обстоятельствъ. Обо мнѣ онъ также увѣдомляетъ тебя: «живъ»! Думаю, и присовокупляю къ тому молитву мою, да сохранить еще тебя Богъ. Чтò я стану писать къ тебѣ? Жаловаться на судьбу, скорбѣть, истощать мечты несбыточныя и пустыя? Нѣтъ? ужъ лучше молчать! Получивъ послѣднее письмо твое, гдѣ ты зовешь меня къ себѣ, я не отвѣчалъ, хотя тотчасъ готовъ былъ и рѣшилъ ѣхать. Но надобножъ было имѣть какое нибудь основаніе съ Смирдинымъ? Мы съ почтеннѣйшимъ истожили въ послѣднее время всѣ средства, всѣ силы нашихъ умишковъ, и наконецъ уже опустили руки, съ безмолвнымъ отчаяніемъ видя, что ничего, совершенно ничего сдѣлать было невозможно! Я хотѣлъ послѣ сего ѣхать немедленно,

для того ѣхать, чтобы уже рѣшить судьбу такъ или сякъ, сказать, что Смирдину вѣрить уже нечего, и что пусть кредиторы, или подождутъ, или посадятъ меня въ тюрьму, представить имъ заготовляемый мною трудъ, желаніе расплатиться съ ними послѣднею каплею крови, и—ждать, что будетъ. Особенная причина остановила меня—я принужденъ былъ оставаться и томиться, а между тѣмъ—Боже великій! непостижимы судьбы твои! Вдругъ начало открываться обстоятельство вовсе неожиданное, такое, что не только отвращаетъ всю бѣду, но дастъ, можетъ быть, средства вскорѣ загладить все наше раззореніе. Ты догадаешься, что я говорю о «Библиотека для Чтенія» (а не объ неожиданной какой либо помощи сильныхъ міра сего—нѣтъ! Богъ съ ними, сильными—отъ нихъ я уже ничего не жду!). Почтеннѣйшій писалъ уже къ тебѣ, что онъ кончилъ съ Сенковскимъ, и хотя условіе еще не написано, но дѣло можно уже теперь почитать вѣрнымъ. Братъ и другъ! понимаешь ли ты всю мѣру благодаренія Божія въ этомъ дѣлѣ? Я такъ просто изумляюсь, и все еще самъ не вѣрю, чтобы такъ все сдѣлалось—до того уже приучила меня судьба не вѣрить никакимъ надеждамъ. По всѣмъ расчетамъ, полагая даже просто настоящее, нынѣшнее положеніе «Библиотеки для Чтенія», имѣя ее въ рукахъ, ты будешь имѣть 150,000 въ годовомъ оборотѣ, слѣдственно, легко уже можно будетъ, не только сдѣлать всѣ обороты, но даже, при упадкѣ Смирдина и смерти Ширяева, быть тебѣ въ будущемъ году первымъ и главнымъ двигателемъ всѣхъ дѣлъ по книжной торговлѣ. Уже и это, при восстановленномъ кредитѣ, спасетъ насъ; но, кромѣ того, всячески должно быть барышу отъ 10,000 до 20,000 рублей, которые поступятъ на погашеніе долга Смирдинскаго невозвратно. Неужели судьба еще и здѣсь обманетъ насъ? Нѣтъ! Я вѣрю милосердію Божію, и съ благоговѣніемъ приѣмлю его, дивлюсь неожиданнымъ средствамъ спасенія, и теперь всего болѣе хотѣлъ бы я поспѣшить къ тебѣ уже съ надеждою въ сердцѣ, успокоить тебя, переговорить, условиться обо всемъ, и успокоившись возвратиться сюда, чтобы съ моей стороны вспомошествовать дѣлу, чѣмъ только могу! Послѣ завтра, то есть, во вторникъ, располагалъ было я выѣхать, но та же причина, которая останавливала меня прежде, останавливаетъ и теперь: она самая простая—у меня нѣтъ теперь даже столько денегъ, чтобы нанять мѣсто въ дилижансѣ и оставить на прожитокъ дома нѣсколько рублей до моего приѣзда. Я до того стѣсненъ въ нынѣшнемъ году, что иногда по нѣсколькимъ дней сижу безъ копѣйки, и недавно чуть было не остался безъ обѣда, потому что мясникъ не отпустилъ говядины, а лавочникъ—зелени и проч., и я принужденъ былъ на прокормленіе заложить въ 150 рубльхъ мою медвѣжью шубу. Что дѣлать? Терпѣть, молиться и работать. Только однимъ и могу я заглушать всю тягость настоящаго, едва выносиваемаго положенія моего—работою! И я сижу не-

утомимо, съ утра до вечера; удивляясь только одному, что Богъ подкрѣпляетъ еще силы мои. Никогда, по крайней мѣрѣ, давно уже не чувствовалъ я себя столь здоровымъ, и только иногда находятъ на меня часы какого-то нравственнаго онѣмненія, когда я нахожусь въ какомъ-то безчувственномъ состояніи, хотя хожу, сижу, пишу, ѣмъ; но слава Богу такіе часы рѣдки. Въ другіе часы отвожу душу молитвою и остаюсь цѣлъ. Не имѣя уже ничего въ виду со стороны Смирдина, я до сихъ поръ разсчитывалъ только на свой трудъ. Первый томъ «Исторіи Петра Великаго» надѣюсь я скоро получить изъ цензуры, и не знаю, писалъ ли тебѣ почтеннѣйшій, что мы рѣшились печатать его и выпускать сперва первый, а потомъ и другіе томы отдѣльно, безъ подписки? Всячески первый томъ долженъ или можетъ явиться въ началѣ октября, и собственное сознаніе достоинства труда и ожиданіе его весьма многими—ободряютъ меня въ упованіи, что книга моя пойдетъ хорошо. Если такъ, то имѣя у себя ее и «Библиотеку для Чтенія», неужели мы не будемъ спасены? Нѣтъ, нѣтъ! не только спасены, но даже успокоены, и даже скоро; можетъ быть, въ будущемъ даже году. Осталось только добиться, дожить до новаго года. Тяжело и тяжело! Но первое, что считаю теперь необходимымъ—моя поѣздка въ Москву. Если не во вторникъ, то все въ концѣ сего мѣсяца я какъ нибудь собьюсь и надѣюсь выѣхать, а въ первыхъ числахъ августа быть уже съ тобою. Тогда переговоримъ, перескажемъ и обсудимъ все, какъ средства и подробности предпріятія съ «Библиотекой для Чтенія», такъ и расположеніе на будущее. Я спрашиваю теперь у совѣсти моей: правы ли мы противъ Смирдина, отнимая у него послѣднее, что оставалось, и за что онъ держался всѣми своими силами? По закону правы совершенно, но и совѣсть моя говоритъ мнѣ тоже. Даже, можетъ быть, мы сохранимъ ему это единственное средство существованія въ будущемъ, ибо мысль его взять себѣ «Библиотеку для Чтенія» на будущій годъ была одно изъ несбыточныхъ мечтаній, какія безпрестанно являются въ его головѣ, о которой я иногда сомнительно качаю головою, ибо Смирдинъ кажется въ иной разъ совершенно одурѣлымъ и сумасшедшимъ. Такъ теперь, когда Уваровъ и Канкринъ холодно отказали ему въ пособіи и эгоистъ Жуковскій грубо отъ него отрекся, онъ мечтаетъ получить пособіе черезъ Леонтія Васильевича! Тотъ, по добротѣ своей, не могъ отказать въ просьбѣ, но напередъ можно сказать, что сдѣлать ничего не можетъ, а несчастный Смирдинъ увѣренъ и даже обѣщаетъ въ сентябрѣ со всѣми расплатиться, при пособіи, и при книгѣ, о которой ты, конечно, читалъ уже глупѣйшее и жалкое объявленіе! Расплатиться! А онъ долженъ сотни тысячъ, и сто тысячъ рублей только отсрочать казнь его, а спасти не могутъ. Все у него рѣшительно захвачено и обобрано. Получивъ «Библиотеку для Чтенія», онъ, если бы и дали ему подъ залогъ ея средства на-

чать, не могъ-бы продолжать ее, ибо весь сборъ за нее у него немедленно розарвали бы на части. Тогда и «Библиотека для Чтенія» погибла бы, и онъ не отвратилъ бы тѣмъ бѣды своей. Мнѣ тяжело и грустно видѣть его, точно добраго, хотя и безтолковаго человѣка, но главное, отца многочисленнаго семейства, на краю гибели, видѣть и не имѣть средствъ спасти его. Но что же дѣлать? Не говорю уже о томъ, что намъ надобно спасать себя изъ бездны, въ какую онъ же увлекъ насъ,—вѣдь и у насъ есть дѣти! И за себя и за тебя ручаюсь, что только спасти себя хотимъ мы, а потомъ, да сохранить насъ Богъ воспользоваться единою его копѣйкою! Если уже остановлено будетъ хоть на время взысканіе, падающее на Смирдина изъ Москвы, то, можетъ быть, и это уже предохранитъ его отъ гибели, хотя я весьма въ томъ сомнѣваюсь, ибо повторю, онъ все уже истощилъ и у него ничего нѣтъ! Только еще тѣ, кто заграбилъ у него все, не согласились въ дѣлежѣ и позволяютъ ему дышать. Грустно, печально, «страшно зрѣть, какъ силится преодолѣть смерть человѣка», а видѣть смерть нравственную еще страшнѣе! Иногда, уходя отъ Смирдина, я не могу удержать слезъ моихъ, но повторю—что дѣлать?

Твой Николай.

С.-Петербургъ. 20-го августа, 1841 года.

.
 . . . Буду къ Смирдину. Не знаю что опять онъ запоетъ! Впрочемъ, почтеннѣйшій вчера у меня былъ, и новаго ничего не сказалъ: все прежнее. О дѣлѣ онъ тебѣ уже писалъ. Условіе не заключено, но дѣло укрѣплено, и слова Сенковскаго едва ли несправедливы, такъ, что подумавши, ты самъ согласишься, что не условіе, но взаимныя отношенія должны завѣрить обѣ стороны, и мы рискуемъ менѣе, не заключая условія по формѣ, ибо Сенковскій готовъ дать всяческія письма и увѣренія съ своей стороны. Надобно, разумѣется, обо всемъ этомъ порядочно обдумать

.
 . . . Извѣстіе о смерти Лермонтова подтвердилось. Жаль: онъ былъ человѣкъ съ дарованіемъ, хоть, кажется, безъ сердца.—Невольно восклиднешь: а живетъ! Однакожь, въ самомъ дѣлѣ: что за нелѣпость? Марлинскій, Пушкинъ, Лермонтовъ погибли отъ пули! Не боясь ли такой участи, Булгаринъ всегда труситъ дуэлей, чтобы не сгубить еще великихъ надеждъ русской литературы?—Что это, братецъ, жизнь-то? Что это за бурда! Точный Сергѣй Глинка!

С.-Петербургъ. 4-го сентября, 1841 года.

Слава Богу, мой добрый братъ и другъ, могу увѣдомить тебя, что у насъ все идетъ ладно, но безпокойство твое было не даромъ,

ибо чуть было все сооруженное нами изъ атомовъ зданіе не развалилось. Дѣло стало за деньгами—6,000 рублей было необходимо—6,000! Подумай самъ, при нашихъ средствахъ!! Но Господь, давно насъ спасающій, и здѣсь явилъ милосердіе: 6,000 нашлись и дѣло сладилось. Какъ и что? Не пишу, ибо некогда: сегодня переселяюсь на новую квартиру, и у меня въ домѣ разбой—тащатъ, несутъ, везутъ, шумятъ! Какъ я нашель средства переселяться—ужь и самъ не понимаю! Надежда, надежда!—Виноваты, что нѣсколько дней оставили тебя въ безпокойствѣ молчаніемъ, но признаюсь: я чуть было не отчаялся во всемъ, думалъ уже, что судьба безчувственно говоритъ свой извѣстный приговоръ. Къ чему было убивать ужь и тебя, когда у насъ оставались еще кой-какія надежды? Лучше было тебѣ побезпокоиться неизвѣстностью, а лгать я не могъ! Теперь спѣшу успокоить тебя

.
 Первый томъ «Исторіи Петра Великаго» я получилъ изъ цензуры, и тотчасъ приступаю къ печатанію.—Булгаринъ отдаетъ почтеннѣйшему «Пчелу». «Репертуаръ» и «Пантеонъ» будутъ у него, ибо они оба соединяются, и редакторомъ будетъ Булгаринъ. «Экономъ» тоже у тебя, а я обдумалъ уже и беру «Русскій Вѣстникъ». Чтѣ, если все это съ «Библиотекой для Чтенія?» Хорошо и хорошо! Булгаринъ пустился въ драматическіе писатели и написалъ очень милую пьеску, за которую его вызвали, хотъ ужь напередъ предвѣщали паденіе, и дѣлали изъ нея каламбуры, говоря что она не «Шкуна Ньюкарлеби», но «Шкура изъ Карлова», или «Шкуна!»

Твой Николай.

С.-Петербургъ. $\frac{12\text{-го ноября}}{20\text{-го ноября}}$, 1841 года.

.
 ...Поспѣшу тебѣ прежде всего сказать, что ничего особенно худаго вновь не случилось—все старое; далѣе, что, не смотря ни на что, я здоровъ, именно здоровъ, хотъ и самъ тому дивлюсь. Затѣмъ отдамъ тебѣ отчетъ во всемъ.—Впаденію моему въ особенно тяжкую грусть, тяжелое безчувствіе, были причиною во-первыхъ, разрушеніе многихъ изъ тѣхъ предположеній, какими льстились мы при личномъ свиданіи съ тобою въ Москвѣ, а во-вторыхъ, нестерпимое состояніе, въ какомъ лично находился и теперь нахожусь я. Обращусь сперва къ первому. Ты помнишь, что главную надежду основывалъ я на «Библиотеку для Чтенія». Она разрушилась совершенно мерзкими сплетнями, гадостями и проч. тому подобнымъ. Далѣе, дѣла Смирдина не только не улучшаются, но, кажется, ухуждаются. Онъ дошелъ до послѣдней крайности. Ему

вышло теперь пособіе отъ государя: велѣно дать 30,000 рублей сер., на шесть лѣтъ въ займы, съ залогомъ. Но чтобы выкупить залогъ изъ частныхъ рукъ, онъ употребить почти всю сію сумму, и что же изъ того? Онъ переложить только книги изъ кладовыхъ Филипова, Ольхина и Жернакова, въ казенныя кладовыя, а дѣла его остаются прежнія. «Бесѣда» его расплывается, какъ мокрый сахаръ. Что ни выручается, ничего не видно. Долговъ его счетъ потерянь. Словомъ: отъ него и ожидать рѣшительно нечего. Слѣдовательно, вся тяжесть отвѣтственности падаетъ на насъ. Неволя велѣла намъ—что другое могли мы сдѣлать, да и надежды тогда были таковы—сосредоточить главную тягость въ началѣ будущаго года. Тутъ необходимо надо сдѣлать хоть оборотъ, перевернуть колесо, чтобы потомъ усилить дѣйствіе. Главное въ томъ вѣдь, мой любезнѣйшій, что дохнуть-то не даютъ. Дай намъ сроку три года, мы могли бы легко все обработать. Но что говорить о несбыточномъ! Для оборота въ началѣ будущаго года оставались заведенныя здѣсь тобою дѣла, особливо «Репертуаръ» и «Экономъ». Но тебѣ извѣстно, что долго и тутъ было угрожало разрушеніе, ибо, по мерзкимъ сплетнямъ, судьба того и другого изданія чуть было не кончилась, а это угрожало намъ ужъ бѣдою сущою, ибо тогда оставались бы только наши собственные средства: «Русскій Вѣстникъ» и «Исторія Петра Великаго», но ихъ рѣшительно не могло достать двинуть громаду страшнаго долга. Ни силъ, ни средствъ дѣйствовать не было. Среди такого состоянія дѣль, мое настоящее положеніе дошло уже до того, что... но довольно сказать тебѣ нѣсколько подробностей. Когда будущее грозило совершенною бѣдою, когда надлежало въ работѣ прилагать силы къ силамъ, мнѣ почти приходилось умирать съ семьею съ голоду. Дѣтей за неплатежъ денегъ хотѣли исключить изъ училища; за долгъ въ лавочку не отпускали ужъ мнѣ ничего—даже мясникъ, однажды, не отпустилъ говядины; моя шубенка чуть не была продана съ аукціона, ибо я не могъ перемѣнить билета. Надобно было съѣзжать съ квартиры у дяди, и нанять другую. Между тѣмъ, терзали меня долги, которые сдѣлалъ я въ прошломъ году—подали ко взыска- нію... явился квартальный... Мерзкій векселишка Песоцкаго, о которомъ хлопоталъ я, помнишь, съ нимъ въ Москвѣ, надѣлалъ мнѣ тьму непріятностей, ибо Песоцкій ни копѣйки по немъ не заплатилъ. Ты знаешь, что я взялся написать маленькую «Исторію Петра», которую хотѣли издать съ политажами.—Эльснеръ разрушилъ и это предпріятіе, предупредивши изданіемъ своей глупѣйшей исторіи. Ратьковъ такъ оскудѣлъ, что не могъ выплачивать мнѣ даже того, что перевелъ Гречъ платить за «Русскій Вѣстникъ» нынѣшняго года, а пособить не могъ мнѣ даже рублемъ серебра. Горе свалило, наконецъ, бѣдную жену: она занемогла—занемогъ и мой Петръ—мнѣ не съ чѣмъ было послать въ аптеку

за лѣкарствомъ—заложить рѣшительно было нечего! Но довольно, мой милый другъ и братъ,—мнѣ было даже смѣшно иногда: поѣхалъ я, однажды—ось пополамъ у дрожекъ; я упалъ и не ушибся, но—вотъ бѣда: лопнули панталоны на колѣняхъ, а они одни только у меня и были, и мнѣ не въ чемъ послѣ того было даже въ люди показаться, ибо я сдѣлался совершеннымъ санкюлотомъ. Еще смѣшное, если на то пошло: я попросилъ въ займы у Бартенева сто рублей—онъ отказалъ! Я предложилъ Каратыгину мою «Елену Глинскую», чтобы онъ далъ мнѣ до января мѣсяца только тысячу рублей—онъ потребовалъ заемнаго письма съ поручительствомъ! Надѣюсь, что при помощи Божіей, современемъ, все это будетъ намъ смѣшно, но каково, однакожъ, быть дѣйствующимъ лицомъ въ такой, какъ бы назаты — *tragédie bourgeoise*. И въ это-то время надобно было работать, думать, усиливать трудъ, писать «Исторію» и «Критику». Слава Богу! я уцѣлѣлъ—не свалился, усилилъ работу и не чувствовалъ себя хуже. Съ голоду также не умеръ. Теперь я постоянно каждый день сижу съ пяти часовъ утра до трехъ пополудни, и еще работаю вечеромъ. Слава и благодареніе Богу! Повторяю: чувство отчаянія ни разу не входило мнѣ въ душу—это ужъ важное приобрѣтеніе. Здоровье выдержало—еще приобрѣтеніе. Наконецъ, «Богъ смирилъ меня», — какъ говорилъ Меншиковъ. Досады, оскорбленія, эгоизмъ — ничто не родило во мнѣ отвращенія и ненависти къ людямъ. Бѣдныя! Прощаю имъ, и даже оправдываю ихъ. Поднимаю только руки и взоры къ небесамъ, и въ тихой молитвѣ вопію: «Когда же конецъ? Долго ли еще? Укрѣпи меня, Всемогущій!» Крестъ тяжелъ, мой любезнѣйшій, когда особенно соображаешь все прошедшее. Вотъ въ будущемъ году мнѣ 46 лѣтъ, и ровно 25 лѣтъ, какъ я началъ печатать. Что же принесло прошедшее? Неужели, какъ старичекъ нашъ, и мы передадимъ дѣтямъ только скорбь и тягость жизни, и все, что было доказано, все, что еще можно бы сдѣлать, должно гибнуть среди нестерпимаго бремени жизни физической, когда бывши 25 лѣтъ сидѣльцемъ въ табачной лавочкѣ, можно бы хоть не умирать съ голоду...

Забавно, что когда вызывали меня за «Дочь и Откупъ» и «Костромскіе лѣса» (обѣ пьесы приняты были здѣсь съ величайшимъ успѣхомъ), иной думалъ о торжествѣ моемъ, а если бы знали... Гречъ говорить мнѣ теперь, прочитавши отпечатанные листы «Исторіи Петра Великаго», что я создалъ новый языкъ, выше Карамзина, и что послѣ «Исторіи Государства Россійскаго», ничего подобнаго не являлось въ русской литературѣ... Невольно улыбаешься горькою и судорожною улыбкою... Но дай отдохнуть...

Посвятить листъ изображенію настоящей жизни моей, и того, что было со мною въ послѣднее время, обращаюсь, мой добрый другъ и братъ, къ тому что я дѣлаю, и что я думаю и какъ

дѣлать для нашего спасенія. Повторяю: надежда только на Бога и на самихъ себя. Ни отъ кого и ничего ожидать не должно; понимаешь.

Намъ надобно заплатить нѣсколько десятковъ тысячъ рублей съ января до марта. Но заплатить—абсолютно невозможно. Слѣдовательно надо перевернуться, а потомъ тянуть въ слѣдующемъ году. Я увѣренъ, что «Исторія Петра» и «Русскій Вѣстникъ» въ теченіе двухъ лѣтъ совершенно спасутъ насъ, при помощи другихъ средствъ. Два года еще! Но, Боже мой! если мы купимъ тогда совершенное спокойствіе!

Полагаю, что имѣя «Репертуаръ», «Экономъ», «Русскій Вѣстникъ», «Исторію Петра Великаго», «Живописное Обзорѣніе», торговлю здѣсь и въ Москвѣ, подписку на другіе журналы, ты можешь скопить столько денегъ въ началѣ года, что платежи по вексялямъ произвестъ будетъ можно. «Репертуара» и «Эконома» полагаю я 2,000 экз., «Русскаго Вѣстника» 1,000; изъ 1-го тома «Исторіи» выручу 10,000 рублей. Если нельзя будетъ по вексялямъ заплатить всей суммы, то платежъ уже и двухъ третей, примѣрно, поддержитъ кредитъ. Мы устоимъ и потянемся на годъ, который должно усиленно употребить для облегченія и спасенія себя.

Торговля и всѣ другія средства—это твое и Ратькова дѣло. Мнѣ остается одно: работать надъ «Исторією Петра Великаго» и «Русскимъ Вѣстникомъ». Сперва объ немъ.

Странное дѣло: 25 лѣтъ тому, въ 1817 году, въ немъ началъ я мое литературное поприще, и черезъ 25 лѣтъ, поневолѣ, не вообразая самъ того, сдѣлался я его хозяиномъ. Когда хотѣлъ рѣшительно бросить журналы, опять принужденъ за нихъ приняться, и неужели, какъ спасъ насъ нѣкогда «Телеграфъ», теперь спасти «Р. В.»? Кто знаетъ пути Провидѣнія!

Журналы въ совершенномъ упадкѣ. Время для хорошаго журнала прекрасное. Трудно теперь издавать журналъ, но возможность есть однакожъ. Къ несчастію, я долженъ дѣйствовать изъ-за кулисъ, и притомъ «Р. В.», такъ нелѣпо и глупо былъ веденъ, что будущій годъ должно употребить только на утверженіе къ нему довѣренности. Тысячу экз. полагаю я высшею мѣрою сбыта его; но думаю, что на 1843 годъ можно будетъ поднять его въ 2,000. Тогда будетъ очень хорошо. Печатать думаю однакожъ первыхъ книжекъ 1,200 экзempl.—1,000 экзempl. даетъ 27,000 рублей, (которыми можно ворочать цѣлый годъ). Расходы, считая по 15 листовъ въ книжку, составляютъ 17,000.—Себѣ я ничего не полагаю, кромѣ того только, что въ январѣ, февралѣ и мартѣ дать мнѣ по 500 рублей, и того 1,500 руб., и если перейдетъ за 1,000, то опредѣлить что нибудь мнѣ еще. Все остальное употребить на улучшеніе, платежъ за статьи и проч.

Средства являются бѣдны, а при бѣдности средствъ трудность

умножается. Ты пишешь, что деньгами не выкупить доброты журнала, но надобно однако же именъ, да притомъ самому всего и вынести невозможно. Отъ тебя пособія, мой любезнѣйшій братъ, могу ли я требовать? Когда тебѣ писать? Если бы мы двое могли заняться только «Вѣстникомъ»—о! тогда журналъ закипѣлъ бы жизнью, но, повторяю, отъ тебя ничего требовать не смѣю. Ради Бога увѣдомь, чтò именно можешь ты взять на себя? Но теперь я рассчитываю только на свои средства и силы. Увы! Правда, что я сталъ опытиѣе, закоренѣлъ въ работѣ, но за то я старѣе противъ 1825 года—шестнадцатую годами! Грустно и тяжело мнѣ убивать себя за журналомъ, но тяжкая необходимость требуетъ жертвъ—повинуюсь и буду работать, сколько силы позволятъ.

Второй трудъ, «Исторія Петра Великаго» и ей посвящу силъ и времени сколько могу. Но какъ она можетъ двигаться? Ей Богу, и самъ не знаю. Работа для меня не только не тяжелая, но отрадная, которою желалъ бы я заняться вполне, но «Вѣстникъ» будетъ отнимать много времени. Какъ тутъ быть? О выходѣ томовъ исторіи вотъ мой самый укромный расчетъ. Первый томъ выйдетъ тотчасъ послѣ новаго года. Въ теченіе будущаго года еще три—ну, хоть еще два, и въ теченіе 1843 года, три или два остальные. Всего будетъ шесть томовъ, и вся работа кончится въ два года. Продавать каждый томъ отдѣльно по 2 рубля сер. Сумму на напечатаніе надобно тысячъ до 30-ти. Расчетъ выходитъ хорошій, но поспѣшить работою я истинно не въ состояніи, ибо гдѣ взять времени, котораго надобно половину отдать «Вѣстнику», который весь ляжетъ на мои плечи. Въ двѣ только 24 часа.

Я говорю, что «Русскій Вѣстникъ» весь ляжетъ на меня, и ты согласишься, подумавъ о томъ. И съ деньгами ничего не добьешься у нашихъ литераторовъ, а мы и денегъ-то дать имъ не можемъ. Все, чѣмъ можно располагать отъ 1,000 экз., составляетъ тысячъ восемь. Куда ихъ повернуть? Жертвуя ими всѣми, если за переводы давать по 50 рублей, а за оригинальныя статьи по 100 рублей, можно положить первыхъ и вторыхъ по 50 листовъ. Но возмутъ ли наши литераторы по 100 рублей. Сомнѣваюсь.

Вотъ расположеніе «Вѣстника»:

1. Словесность. Здѣсь мнѣ всего болѣе надобно чужой помощи, повѣстей и словесности. Станемъ набирать, гдѣ и какъ можемъ. У кого думаешь ты просить и покупать въ Москвѣ стиховъ и прозы? Ѳеодоръ Глинка, да Вельтманъ, и то Вельтманъ со всѣмъ одурѣлъ. Загоскинъ ничѣмъ не разродится, да и неприступенъ. Можно идти даже до 200 рублей за листъ, разумѣется при исключеніяхъ, общія въпредъ, получая даромъ иногда, и проч.—Польская словесность подкрѣпить двумя, тремя повѣстями, ибо я включилъ ее въ планъ и у поляковъ есть теперь прелестныя вещи. Вотъ самое труднѣйшее отдѣленіе. Вѣчный Основьяненко сталъ

уже гадокъ своими Столбиковыми. Требую твоего совѣта. Въ первую книжку помѣщаю свою повѣсть. Будутъ еще: статья Греча (Венеція), статья Скобелева, стихи Ободовскаго, Кукольника, Губера, Мятлева. Довольно сносно.

II. Науки и искусства. Тутъ богатство: исторія, географія, записки извѣстныхъ людей, путешествія, извѣстія иностранцевъ, переводы относительно Россіи, акты, факты, статьи дѣльныя. Языковъ Д. И., Сахаровъ, Висковатый, нашъ князь Атилла, Румянцевскій музеумъ, Императорская Библіотека. Словомъ, тутъ не забочусь. Будутъ переводы, ибо слова: «относительно Россіи», тянутъ какъ резина, что объясню далѣе.

III. Критика. И тутъ я не забочусь, хоть отдѣленіе весьма тяжело, ибо все оно будетъ на мнѣ. Мнѣ хочется въ каждую книжку по двѣ статьи критики, одну объ русскомъ, другую объ иностранномъ. Въ 1-й книжкѣ будетъ статья о шведской исторіи Гейлера, и о сочиненіяхъ Пушкина (прилагаю факъ-симилэ письма его ко мнѣ). Нельзя ли тебѣ тутъ меня облегчить? Твой умъ, твой вкусъ, твое знаніе порукой, что и мимоходомъ занимаясь, ты могъ бы подарить Р. В. прекрасными, умными статьями критическими. Одному, боюсь я, не достанетъ силъ, а положиться, кромѣ тебя, не на кого. Какова глупѣйшая статья Кукольника о Фритіофѣ? — Тутъ же будетъ и библіографія.

IV. Мелочь. Всякая всячина. Сборъ изъ всѣхъ газетъ и журналовъ извѣстій о Россіи, выписки о Россіи изъ иностранныхъ журналовъ, и проч. и проч. Нельзя ли отъ тебя сюда чегонибудь? — Особый листъ посвящается гумору, въ родѣ «Новаго Живописца». Въ 1-мъ листкѣ гумору будутъ: Новый годъ, мой дядя, двѣ маленькія статейки. Потомъ разборъ путешествія Погодина по Россіи; характеръ мерзавца Р.....а; статья о лакейской литературѣ, и проч. и проч. Шутку такую я считаю необходимою.

Вотъ все. Первая книжка уже печатается и выйдетъ 1-го января, если Господь не поразитъ чѣмъ либо неожиданнымъ. Книжки будутъ не менѣе 15-ти, но первая почти 20 листовъ.

Слова: «только Русское» пугать не должны, ибо все можетъ входить, только не цѣликомъ, переводя изъ книгъ и журналовъ, а помѣщая книгу въ критику, а статью журнальную передѣлывая по своему. Оригинальныя же статьи позволятся писать о чемъ угодно, русскомъ и иностранномъ. Я написалъ: о Софійскомъ сборѣ, о Маккіавелѣ, о Тьерри, о Барантѣ и проч., и проч., помѣщая такія статьи то въ «Критику», то въ «Науки и Искусства». Надобно только, чтобы свой взглядъ былъ, а «Р. В.» обниметъ цѣлый міръ.

Теперь, мой любезнѣйшій, ты видишь сущность дѣла. Можно сдѣлать много прекраснаго, но, повторяю, гдѣ время и силы? От-

вѣчай, хорошенько обдумавши, что и какъ ты можешь сдѣлать для «Вѣстника»? Откуда и чѣмъ можно черезъ тебя попользоваться. Говори — совѣтуй.

Думаю, мой добрый другъ и братъ, что ни чуть не безчестно думать о наградѣ за трудъ, когда особливо сію награду хочешь употребить на уплату за честь и на спасеніе семейства. Видитъ Богъ, виноваты ли мы, что насъ обременили долги! и еслибы не Смирдинъ, ...впрочемъ, о старомъ говорить нечего! Я только то хочу сказать, что не безчестно намъ, кажется, располагать «Вѣстникомъ» и «Исторію П. В.», какъ спекуляціями. «Вѣстникъ» на 1842 годъ, полагаю я, какъ уже упоминалъ, будетъ только средствомъ имѣть тысячъ 25 въ годовомъ переворотѣ, надѣясь чистой прибыли отъ него уже въ 1843 году. «Исторія Петра Великаго» можетъ дать въ будущемъ году отъ 20,000 до 30,000 уже чистаго барыша (я разсчитываю печатаніе каждой части въ 5,000, а продажу 42 р.,—10⁰/₀—37 р. 80 к. или 38 р.; слѣдовательно, считая 2,400 экз.—неужели столько-то не разоидется? Каждая часть принесетъ до 10,000 рублей). Неужели при скопленіи огромной суммы у тебя и у Ратькова въ началѣ года—когда «Репертуаръ» и «Экономъ» притомъ ваши на цѣлый годъ—намъ передышать будетъ нельзя? И неужели нельзя будетъ протянуть потомъ, хотя все еще тяжкій 1842 годъ? Я вижу полную возможность. Вотъ ужъ первое условіе отрады.

Работы бездна. Только перенесли бы силы. Огорченій и скорби будетъ еще много, но вѣдь уже, все-таки, хуже настоящаго не будетъ, а существуя теперь, мы доказываемъ возможность существованія въ такомъ ужасномъ видѣ.

Какъ ты обо всемъ этомъ думаешь?

Я уже упоминалъ, что я за трудъ по «Вѣстнику» ничего себѣ не полагаю, а равно и «Исторію П. В.» всю сполна отдаю въ твои руки. Мнѣ надобно только просуществовать эти два года съ семьею. Для этого какія средства? Признаюсь, что желательно бы не слышать отказа изъ мясной и мелочной лавочки, ибо, во-первыхъ, нельзя не ѣсть и не пить, а также и безъ панталонъ жить никакъ невозможно. Сверхъ того, желательно бы не разбиваться бы уже никакими другими работами, предпринимаемыми для пропитанія, ибо они повредятъ главнымъ трудамъ. Я придумалъ для этого напечатать мои драмишки, не всѣ, но только мелкія, и ихъ выходитъ два маленькіе томика въ 16 долю. Однакожь, въ обоихъ будетъ листовъ до тридцати. Нельзя ли тебѣ взять ихъ у меня? Ихъ печатается 1,200 экз. и продавать я думаю по 10 рублей (большихъ драмъ: «Гамлета», «Смерть или честь», «Уголино» и «Елена Глинская», я не помѣстилъ, думая потомъ составить еще два томика). Вотъ за два первые томика можетъ выручиться тысячъ нѣсколько, которыми я могъ бы про-

дышать и не умереть съ голоду въ 1842 году. Далѣе: я отдаю въ дирекцію теперь «Елену» — они готовы съ радостью дать 3,000. Вотъ и средства жить на годъ, а тамъ увидимъ. Для спасенія отъ голоду мнѣ должно будетъ еще получить отъ Греча за 10, 11, 12 книжки нынѣшняго года по 500 рублей, и еще выговорилъ я у Ратькова заплатить мнѣ, какъ я выше говорилъ, за три первыя книжки «Р. В.» 1842 года по 500 рублей, ибо изъ драмъ я въ началѣ года ничего имѣть не могу — когда еще онѣ отпечатаются и выйдутъ. Еслибы можно было тебѣ дать еще мнѣ взаймы въ январѣ и февралѣ 3,000 рублей, даже хоть 2,000, которыя потомъ выручились бы изъ драмъ, то я заплатилъ бы здѣсь мелкіе мои долгишки, и уже могъ приняться за дѣло, хоть не опасаясь прихода квартальнаго и голодной смерти. Вотъ мои требованія. Кажется, они умѣренны, но главное — необходимость диктуетъ ихъ. Если ты найдешь исполненіе ихъ возможнымъ, то напиши объ нихъ Ратькову: 1-е, что ты у меня два тома драмъ покупаешь и назначь, какъ онъ можетъ заплатить за нихъ въ теченіе года, затѣмъ, 2-е, что въ задатокъ ихъ дать мнѣ въ январѣ и февралѣ 3,000 рублей. Болѣе о себѣ ничего не говорю, и молю только Бога дать мнѣ силы и здоровье.

Жена моя теперь поправляется. Петръ все еще боленъ, но, кажется, не опасно. Къ благамъ жизни причисляю я и квартиру, которая попалась намъ дешевая, премиленькая и теплая. Не знаю, какъ я остался живъ на мерзкой квартирѣ у дяди. Онъ содралъ съ меня за два года 4,400 рублей. Теперь остаюсь долженъ ему еще 350 рублей — покоя не даетъ, почти бранить, посылаетъ, говоритъ Богъ знаетъ чтѣ. Но все это въ порядкѣ вещей.

Ты упоминаешь въ томъ письмѣ своемъ о Семѣнѣ, что ему достается «Описаніе Москвы», и что онъ получить тутъ даже значительный счетъ. Меня это порадовало, ибо тогда онъ не будетъ, по крайней мѣрѣ, отягощать насъ, и расплатится по своимъ обязательствамъ. Поясни мнѣ это обстоятельство

. Какъ тебѣ показалось возраженіе Ратькова «Отеч. Запискамъ»? Разумѣется, писалъ его я, и здѣсь оно принято очень хорошо. Мерзавцы какіе! Что-то теперь они скажутъ, выведенные на свѣжую воду!

. Гречъ возвратился здоровымъ; милъ и дружески обходится. «Вѣстникъ» снялъ я отъ него вполнѣ, съ платою только Глинкѣ по 2,000 рублей въ годъ. Съ Булгаринымъ у насъ большая дружба; онъ предается вполнѣ Ратькову, въ восторгѣ отъ меня и отъ тебя. О другихъ литераторахъ не пишу, да и гдѣ они? Это дурачье или мерзавцы и шарлатаны, которыхъ уважать невозможно. Какову академію Уваровъ составилъ? Есть ли совѣсть

у Вяземскаго поступить въ академики! А Розбергъ втерся: 2,500 рублей жалованья и ничего не дѣлать. Онъ получаетъ теперь тысячь десять, не дѣлаетъ рѣшительно ничего, сдѣлался гнусный скряга, въ прибавокъ къ прежнимъ добродѣтелямъ — безбожію, эгоизму и проч. Кромѣ жалованья, содержитъ еще пансіонеровъ и деретъ съ нихъ за экзамены. Онъ былъ здѣсь и былъ у меня. Я едва могъ удерживаться, слыша его гнусныя сужденія. Уварова онъ хвалитъ открыто. Софья Познанская теперь здѣсь. Я ее не видалъ. Мужъ ея умираетъ, и толстякъ говоритъ, что Розановъ¹⁾ на ней женится. Съ нимъ какъ-то я встрѣтился, и онъ показался мнѣ попрежнему помѣшаннымъ. Итакъ, Фасилій Петровичъ Антрѣсифъ отправился въ неизбѣжный путь — право мнѣ какъ-то грустно было услышать о томъ. Что Гусарь?²⁾ Скажи ему, что только для него помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью Глинки: «Вѣда отъ слова: ты», и думаю, что онъ посмѣялся надъ нею. Вѣдь совершенная бессмыслица! — Охъ! мой любезнѣйшій! только работы-то очень много. И какъ она теперь дѣлается, я и самъ не понимаю. Иногда совершенно дурѣю, особливо, при нестерпимо-стѣснительномъ состояніи моемъ. Въ другое время, я какая-то самопишущая машина, которую какъ будто кто нибудь заводитъ, а она пишетъ что угодно: драму, повѣсть, исторію, критику. Иногда какъ одервенѣлый работаешь, чтобы ни о чемъ не думать, а заглушить всякое человѣческое ощущеніе. Какъ выдерживаетъ здоровье — самъ не понимаю. Плановъ у меня бездна, силъ наплось бы еще много — чего не сдѣлалъ бы я! Къ досадѣ, при стѣсненіи способовъ для «Русскаго Вѣстника», я кое-какъ перебиваюсь долженъ книгами и журналами. Какъ наполнилъ я шесть книжекъ «Р. В.» за сей годъ — не постигаю! Ни гроша денегъ на расходы, ни строчки статей.

Но довольно. Вотъ уже третій листъ. Кажется, главнѣйшее сказано. Буду ждать теперь отвѣта отъ тебя, твоихъ разрѣшеній, совѣтовъ, замѣчаній. Мнѣ вѣдь здѣсь не съ кѣмъ даже и поговорить, и посовѣтовать, какъ и тебѣ, въ Москвѣ. Еслибы мы были вмѣстѣ! Сестра³⁾ здѣсь окончательно поселилась. Она продала свою поваренную книгу и собрала свои старыя статьи тоже въ книженку, что и издають Свѣшниковы, кажется, давши ей за обѣ книги 1,000 рублей. По крайней мѣрѣ, она на время какъ нибудь перебьется. Мнѣ кажется, что съ нѣкотораго времени цѣлый міръ только и горитъ объ этой мерзости, — деньгахъ. Будь онъ въ аду!

Твой Николай.

¹⁾ Николай Ивановичъ Розановъ, старинный пріятель семейства Полевыхъ. Онъ, дѣйствительно, страдалъ временно умопомѣшательствомъ. Н. К. Пол.

²⁾ Такъ называлъ Николай Алексѣевичъ въ шутку младшаго брата своего, Петра Алексѣевича, служившаго въ военной службѣ. Н. К. Пол.

³⁾ Екатерина Алексѣевна Авдѣева, авторъ извѣстныхъ, въ свое время, хозяйственныхъ книгъ. Н. К. Пол.

С.-Петербургъ. 19-го декабря, 1841 года.

Не постигаю причины твоего упорнаго молчанія, мой добрый братъ и другъ. Уже мѣсяць, думаю, какъ я отправилъ къ тебѣ на трехъ листахъ подробное посланіе, гдѣ говорилъ обо всемъ, говорилъ душой и сердцемъ, и о послѣднихъ надеждахъ, и о состояніи души и тѣла моего. Тутъ было много такого, на что потребенъ былъ мнѣ твой отвѣтъ, твой совѣтъ, твое рѣшеніе. Ты молчишь. Полагаю, что тутъ двѣ причины: или я оскорбилъ тебя чѣмъ нибудь, или ты видишь рѣшительную отчаянность нашего состоянія, и впадая въ совершенную безнадежность, полагаешь, что писать и говорить больше не о чемъ. Въ первомъ случаѣ я виноватъ, хоть и самъ не знаю въ чемъ, и прошу не лишать меня послѣдняго блага въ жизни—твоей дружбы и довѣренности. Я могу быть сумасшедшимъ, но клянусь Богомъ, сердце и душа моя, чисты, особливо передъ тобой! Во второмъ случаѣ, все-таки надобно же говорить и сказать мнѣ что нибудь. Спасая себя вѣрою и молитвою отъ отчаянія, я все-таки думаю, что еслибы Провидѣнію угодно было рѣшительно погубить насъ и тогда надобно, благословясь, рѣшиться и перенести ударъ, не погибая подъ нимъ. Банкротство и потеря состоянія не есть еще потеря честнаго имени, если уже никакія усилія не въ силахъ отвратить такого бѣдствія, страшнаго, но невольнаго. Ты и я, мы отцы семействъ, да и послѣ того трудъ нашъ необходимъ, и онъ не погибнетъ. И тогда, хотя и понесемъ мы поворъ въ глазахъ людей, но можемъ надѣяться загладить его впоследствии. Къ симъ ужасающимъ меня мыслямъ приводятъ меня слова Ратькова. Онъ золъ какъ дьяволъ съ нѣкотораго времени и рѣшительно объявилъ мнѣ, что никакой надежды къ спасенію не видитъ; что ты пишешь, что тебѣ надобно въ началѣ года 60,000 рублей, чтобы уцѣлѣть; что онъ нуждается здѣсь въ копѣйкѣ. Еслибы только была возможность, то я не хотѣлъ бы видать его «ѳіюпскаго лица», какъ писалъ Іоаннъ Курбскому. Надобно же, чтобы судьба, желая унижить меня всячески, заставила меня, не только имѣть съ нимъ дѣло, но связала меня съ нимъ тобою, а наконецъ подчинила даже мое существованіе ему! Всѣ средства бытія моего съ семействомъ составляютъ теперь 500 рублей за книжку «Русскаго Вѣстника», а онъ выдаетъ мнѣ по 25, по 50 рублей, грубо отказывая иногда, а когда я начинаю ему говорить... Но я смиряюсь, не передъ нимъ, но передъ Провидѣніемъ, которое имѣетъ надъ бѣдными смертными... впрочемъ, если еще такъ, какъ теперь, продолжится, то мои страданія не будутъ продолжительны. Жить такъ долго невозможно. Когда въ будущемъ безнадежность, отъ тебя даже нѣтъ утѣшенія, когда притомъ я задавленъ день и ночь трудомъ, котораго почти не въ силахъ одолѣть человѣкъ, и когда притомъ я лишень теперь даже дневнаго пропитанія—того

и жду, что дѣтей выгонять изъ училища, а меня изъ квартиры (ибо Ратьковъ сказалъ мнѣ, что онъ даже тысячью рублей пособить мнѣ не можетъ, даже послѣ новаго года, соображая ходъ своихъ дѣлъ), въ такомъ положеніи, какъ ни усиливай силы духа — тѣло измѣняется! Въ началѣ декабря тѣло мое уже не перенесло — припадокъ мой возобновился; кое-какъ продержался я еще, но долго стать меня не можетъ. Пока есть еще однакожь силы, я не оставляю надеждъ и труда: печатаю и пишу «Исторію Петра», печатаю и пишу «Русскій Вѣстникъ». «Исторію» 1-й томъ допечатывается. Первая книжка «Вѣстника» выйдетъ 1-го января. Какъ она дѣлается? Самъ не понимаю! Ради Бога напиши мнѣ обо всемъ, говори, подкрѣпи, прости, утѣшь меня! Скажи, можешь ли, и какъ можешь ты поддержать мое насущное существованіе? Конечно, я виновенъ въ разстройствѣ твоихъ дѣлъ тѣмъ, что ты хотѣлъ подкрѣпить, успокоить меня, но я довольно заплатилъ терзаніями всякаго рода, и теперь все, что могу дѣлаю и отдаю тебѣ, чтобы спастись съ тобою. Къ Ратькову ничего не пиши о томъ, что я тебѣ писалъ о немъ и поступкахъ его со мною. Я не жалуюсь: онъ даже самъ не радъ своему несчастному характеру; но неужели въ самомъ дѣлѣ дѣла наши до такой степени безнадежны? Ради Бога, пиши! Твой Николай.

С.-Петербургъ. 21-го марта, 1842 года.

.....

...Я считаю сомнѣніе твое во мнѣ наказаніемъ за тяжкій грѣхъ, въ который впалъ я послѣднее время, грѣхъ тяжкій: мною овладѣло какое-то безчувственное отчаяніе. Не его ли назвалъ Спаситель уныніемъ, говоря, что оно самый величайшій грѣхъ? Да, оно, уныніе, отчаяніе овладѣло мною въ послѣднее время; отчаяніе, безчувствіе, катаlepsія душевная, гдѣ недоступны ни утѣшенія религіи, ни семейныя радости, гдѣ не чувствуешь ни дружбы, ни ненависти, гдѣ плакать хочется, но не можешь, гдѣ извѣстіе о самомъ страшномъ ударѣ произвело бы только судорожную улыбку упрека судьбѣ, гдѣ жизнь и смерть все равно, и самоубійство недоступно не по совѣсти, а такъ — что все равно! Видишь день — встаешь; надобно работать — работаешь, говорить — говоришь, ѣшь, спишь, пьешь машинально, ничего не желаешь, и не чувствуешь къ людямъ, и міру и жизни — ни любви, ни ненависти; не дѣлаешь зла потому, что не стѣбитъ дѣлать, и добро исполняешь такъ, какъ ѣшь и спишь. Теперь, когда мнѣ кажется, будто я становлюсь опять доступенъ чувству, когда могу кое-что понимать, особливо, когда я получилъ твое послѣднее письмо, я съ раскаяніемъ сознаю, что такое состояніе грѣхъ, преступленіе, и сомнѣніе твое во мнѣ ка-

жется мнѣ именно наказаніемъ за него. Что привело меня въ такое моральное безчувствіе—не знаю, да и не умѣю разгадать. Не то ли, что я здоровъ теперь, а потому ударъ отразился на душу, какъ въ 1840 году, онъ отразился на тѣло, и доводилъ меня до гроба физическимъ страданіемъ. Какія были тому непосредственныя причины, повторяю, не знаю. Бѣдствій новыхъ не случилось, все было старое; но думаю, что причиною было мое рѣшительное сознаніе въ томъ, что первое—наше положеніе рѣшительно безнадежно, и все должно кончиться гибелью; второе, что я ничего не могу тутъ пособить; третье, наконецъ, мелкія дополнительныя причины. Какъ анатомистъ разсматриваетъ трупъ, такъ я разсматриваю теперь все это. Обращаюсь къ первому. Безплодность всѣхъ заботъ, неудачи всѣхъ средствъ и предпріятій, что ты отъ меня скрываешь, но что я вижу и понимаю изъ разговоровъ съ Ратьковымъ, меня увѣрили, что долги наши неоплатны, и стараніе облегчить ихъ бесполезно. Дѣлать нечего, и мнѣ понятно все мученіе, все страданіе, какія ты при томъ переносишь. Но легче-ли мнѣ? Во-первыхъ, въ случаѣ послѣдняго несчастія я вѣдь отъ тебя не отстану, и мы погибнемъ оба. Мученія и страданія твои суть мои мученія и страданія. Униженіе, позоръ, все, что терзаетъ тебя, равно терзаетъ и меня, хоть я вдали, не вижу людей, съ которыми ты мучишься, ни дѣлъ, которыми ты мучишься. Во-вторыхъ, меня страшно убиваетъ мысль, что я былъ главною причиною твоихъ скорбей; что твое желаніе пособить мнѣ увлекло тебя, и ты разстроилъ свои дѣла, свое спокойствіе, свое здоровье—меня освободилъ, но самъ упалъ въ безконечную бездну воли. Говорить, что я понимаю твое великодушіе, что я готовъ жизнь мою отдать тебѣ за то, ... но все это будутъ слова. Что сдѣлаетъ тебѣ пожертвованіе моею глупѣйшею жизнью? И я оскорбилъ бы святость дружбы къ тебѣ неискренностью, если бы не сказалъ, что готовый заплатить тебѣ за твои жертвованія всѣмъ, между тѣмъ, я проклиная то время, когда я согласился принять ихъ: мнѣ легче было бы, рано или поздно, погибнуть самому, нежели теперь, губя тебя, съ бѣшенствомъ подымать къ небу кулаки и видѣть безсиліе мое пособить тебѣ, облегчить тебя—да, безсиліе, и это я страшно вижу, чувствую и понимаю, и здѣсь-то вторая причина моего убійственнаго отчаянія. Я думалъ, что изданіе «Русскаго Вѣстника» дастъ хоть нѣкоторыя средства, хоть облегчить платежи на время, и что «Исторія Петра Великаго» и другіе труды мои пособятъ тебѣ. Но опытъ показалъ, какъ во всемъ я ошибся. На «Вѣстникъ» едва есть 500 подписчиковъ; «Исторія Петра Великаго», ничего не обѣщаетъ мнѣ послѣ этого, а о другихъ трудахъ и говорить нечего. Чтожъ? Безпечность, нерадѣніе мое тому причиною? Богъ свидѣтель, что я истощаю всѣ усилія, забываю сонъ, пишу—все; работаю сколько силъ душевныхъ и тѣлесныхъ

достаетъ, но ничто не помогаетъ. О пособіи твоёмъ въ «Вѣстникѣ» я не рассчитывалъ и сначала нисколько. Я зналъ всю безмѣрность труда, все снялъ на одного себя, но трудъ этотъ не окупаетъ и расходовъ, даже не подкрѣпилъ и выручкою, ибо что значить тысячь десятокъ, за «Вѣстникъ» полученныхъ—капля въ морѣ! А между тѣмъ, три мѣсяца, да и весь декабрь убилъ уже я за нимъ; съ отвращеніемъ въ душѣ принялся я опять за всѣ журнальныя мерзости, не щажу себя работою, навлекаю всякія непріятности, дѣлаюсь поденщикомъ, и работа, убійственная для души, вредящая во всемъ, отнимающая все время—что же это за работа? Только разстроиваетъ и уничтожаетъ всѣ другіе труды, которые очевидно могли бы быть полезны!! Надобно ли говорить о третьемъ: дополнительныхъ вещахъ, которыхъ довольно могло бы быть, если бы не было бдльшаго: 1-ое, убійственности безконечнаго и бесполезнаго труда; 2-ое, злости и безсовѣстности людей. Именно этотъ мерзкій «Вѣстникъ», возбудивши одобреніе публики, здѣсь возбудилъ и всѣ ненависти литературныя и подозрѣнія, что я хочу, что-то шевелить опять по журналистикѣ. Ты видишь изъ журналовъ, каковы отзывы всѣхъ, каковы и друзья мои, хоть изъ отзыва объ «Еленѣ Глинской», и изъ прочаго, и можешь остальное уразумѣть. О цензурѣ ужъ ни слова. Да, притомъ, до опыта я все еще не думалъ, чтобы литература и литераторы дошли до такого униженія, гнусности, эгоизма, корыстолюбія—стыдно, истинно стыдно называться литераторомъ, а еще болѣе журналистомъ!! — Наконецъ, сказать ли, что въ послѣднее время я дошелъ до послѣдней степени бѣдности и недостатковъ. Если бы не маленькая помощь отъ тебя (500 руб., которые ты выслалъ мнѣ, и 300 руб., которые заплатилъ за меня Сазикову), и если бы не «Елена Глинская», которая дала мнѣ до 3,000 рублей—я не зналъ бы куда мнѣ дѣваться, и что ѣсть. И Боже! до какого униженія упалъ я! Я радовался не успѣху «Елены», не созданію ея, ибо зналъ и знаю, что она глупа и недѣпа, и я не хотѣлъ даже и отдавать ее, хотѣлъ съжечь, но только одна крайность заставила меня отдать ее на сцену, и—я радовался, что ее приняли

Нѣтъ, мой другъ и братъ! Если ты размотришь и сообразишь все, все, что я тебѣ здѣсь говорю, ты пожалѣешь обо мнѣ, ты оправдаешь мое отчаяніе, мою моральную катаlepsію.—Впрочемъ, не оправдывай ее, вини меня, даже и выслушавши мою исповѣдь; но только, ради Бога, умоляю тебя, сними съ меня твое подозрѣніе, твое сомнѣніе, зародившееся въ ангельскомъ, добрѣйшемъ сердцѣ твоёмъ—утѣшь меня, что ты меня не винишь, прощаешь, если я и виноватъ... все другое, кромѣ отчужденія твоего сердца отъ моего. Дай отдохнуть... Отлагаю письмо мое до завтра...

Марта 22-го.

Мнѣ стало легче, когда я хоть немного высказалъ тебѣ себя, мой добрый другъ и братъ. Излагая тебѣ на бумагѣ состояніе души моей, чувства мои, я какъ-то для самого себя лучше пояснилъ все. Принимаюсь за дальнѣйшее и прежде всего прошу: ради Бога не щади меня, ибо безвѣстность всего страшнѣе. Скажи ты мнѣ откровенно и отвѣчай на вопросъ: ошибаюсь я или нѣтъ, что дѣла наши рѣшительно погибшія, и что теперь, послѣ всѣхъ пожертвованій, мы въ неоплатномъ долгу, и заплатить его—даже уцѣлѣть еще нѣсколько времени—никакихъ средствъ нѣтъ. Напиши мнѣ прямо и откровенно: сколько еще остается моихъ и твоихъ собственныхъ долговъ (не считая мои векселя Сопову, Протопопову, Логинову, Соколову и Кутулѣ, составляющіе 12,000 рублей), моихъ говорю, ибо если они и переведены на твое имя, это все равно, какъ все равно и то, что намъ должно платить за Смирдина. Напиши именно сколько, и есть ли возможность, чтобы они насъ не погубили? Вотъ первое.

Съ своей стороны я откровенно долженъ сознаться, что теперь—какъ ни горько такое сознание—теперь я ничего не могу сдѣлать! Величайшую, огромнѣйшую глупость сдѣлали мы, предпринявши «Русскій Вѣстникъ». Я употребилъ истинно нечеловѣчскія усилія издать три книжки его, безъ помощи, безъ расхода копѣйки денегъ, такъ что самъ даже переписывалъ статьи, но ничто не пособило! «Вѣстникъ» не окупить бумаги и печати, а главное, что онъ отнял у меня все время и убилъ меня, и страшно, и холодно мнѣ становится при мысли, что онъ долженъ продолжаться еще на девять книжекъ, еще годъ! «Исторію Петра Великаго», маленькую «Исторію», все другое оставилъ я для него—и чтожъ изъ того!..

Послѣ долгаго обдумыванія, рѣшился я теперь такъ:

1) Продолжать «Русскій Вѣстникъ», но только въ возможно маломъ объемѣ, чтобы только не посрамить себя и дотянуть его до конца, а потомъ бросить къ чорту, и дать клятву: никогда болѣе не приниматься за журналы. Если ужъ и изъ хлѣба должно работать, то выходить, что на другомъ можно заработать болѣе хлѣба, а не на дѣлѣ, которое оподлилось, огадилось, и рѣшительно упало...

2) Между тѣмъ—стараться продолжать сколько возможно «Исторію Петра Великаго». Но вопросъ: должно ли теперь спѣшить издать первый томъ ея? Кромѣ того, что, говоря по совѣсти, онъ требуетъ еще обдѣлки, принесетъ ли онъ пользу, если его теперь выпустить? Кромѣ того, что онъ явится въ самое невыгодное время, разумѣется, на него устремятся съ яростью, истерзають, обезславятъ его, охолодятъ публику, и уже второй томъ не произведетъ

никакого впечатлѣнія. И что же, если продавать его по 2 рубля сер., всего за 2,000 экз., положимъ, выручится 14,000 рублей, не считая складки и проч.—Не лучше ли постараться обдѣлать его какъ невозможно лучше, и повременить выпускомъ до зимы, а между тѣмъ постараться додѣлать и выпустить вмѣстѣ съ нимъ 2-й томъ? Тогда впечатлѣніе будетъ лучше, сильнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, и книга явится уже въ нѣкоторой полнотѣ. Не обдѣлкою его по совѣсти называю то, что хотя мнѣ не только отказано было въ открытіи архивовъ, не говоря уже о пособіи, но теперь отказано даже и въ посвященіи (что, признаюсь, тяжело и грустно поразило меня), но однакожъ мнѣ открылось столько частныхъ пособій драгоцѣнныхъ, что я самъ тому удивляюсь, и они несравненно обогащаютъ и дополняютъ все, что у меня прежде было. Но для рѣшенія обо всемъ этомъ, мнѣ нужны твой совѣтъ и твое согласіе;—вотъ второе.

3) Между тѣмъ, если только можно тебѣ подождать, то въ теченіе этого года, во-первыхъ, я не требую отъ тебя ни копѣйки на прокормъ, и, кромѣ того, надѣюсь еще въ теченіе года имѣть средства заплатить даже отчасти долгъ, 12,000 рублей, о которыхъ выше упоминалъ, такъ что ты объ нихъ можешь не беспокоиться; тутъ я не обольщаю себя мечтами, но расчетъ мой такой (не стыди меня даже заочнымъ сожалѣніемъ о томъ, что я унизился до такихъ расчетовъ, какъ цеховой ремесленникъ). «Елену Глинскую» хотятъ ставить въ Москвѣ, и она дастъ двѣ-три тысячи; два томика «Драматическихъ сочиненій», которые къ Пасхѣ будутъ готовы, дадутъ тысячъ пятокъ; у меня почти готова еще драма, которую просятъ отдать въ дирекцію театра; изданіе «Исторіи Петра Великаго» съ политипажами, которое остановлено было глупымъ изданіемъ Эльснера, теперь возобновляется при неудачѣ его, а меня также просятъ дописать рукопись, которую я хотѣлъ и принужденъ былъ бросить. Вотъ средства, и сокративъ всѣ необходимые расходы въ жизни, стараясь кое-какъ прожить и пробиться, я могу изъ всего этого удѣлить тысячъ семь-восемь; а при такой уплатѣ остальное, надѣюсь, подождутъ. Располагая такъ, при семъ прилагаю я письмо къ Сопову и Протопопову, съ которыми и прошу тебя повидаться, а объ Логиновѣ увѣдомь: въ какой срокъ даль ты ему вексель.

Вотъ все, что я думаю, но ты—мое Провидѣніе. Я ужъ истинно не полагаюсь на себя. Рѣши все ты. Письма твоего буду ждать нетерпѣливо; но, ради Бога, будь откровененъ и за меня ничего не бойся. Если намъ нѣтъ спасенія—«Да будетъ воля Твоя!»—скажу я безпрекословно и покорюсь судьбѣ. Готовъ даже немедленно ѣхать въ Москву и постараться, въ такомъ случаѣ, сдѣлать, что могу.

Будь откровененъ. Совершенно одинокій, я здѣсь слышу только

Ратькова, котораго слова точно карканье зловѣщаго ворона. Всякій разъ послѣ свиданія съ нимъ на нѣсколько часовъ дѣлаюсь, какъ одеревенѣлый. Онъ безпрестанно говоритъ мнѣ о неисчислимой громадѣ долга. Говоритъ, что онъ переслалъ къ тебѣ въ Москву сколько могъ, ослабилъ здѣсь дѣла, нуждается въ копѣйкѣ, отъ тебя не видитъ въ присылкѣ ни одной книги. Всѣ наши предпріятія, по его словамъ, лопнули. «Живописное Обзорѣніе» погибло; «Репертуаръ» принесетъ убытокъ; «Русскій Вѣстникъ» — убытокъ. Не видя твоихъ публикацій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», замѣчая, что, въ самомъ дѣлѣ, высылки книгъ отъ тебя нѣтъ, перечитывая твои письма — я всему вѣрю! Я хотѣлъ было порадоваться, когда Смирдинъ передалъ тебѣ претензію на Харьковскій университетъ, но Ратьковъ улыбнулся и сказалъ: — «Капля въ морѣ!» Боже Всемогущій! Да велико ли это море? Скажи, другъ и братъ! Неужели мы утонемъ въ немъ и спасенія нѣсть? Я кончилъ; отвѣчай. Отвѣчаю на нѣкоторыя мелочныя частности: Солнце¹⁾ самъ у меня былъ. Бесплодная любезность и его увѣренія и клятвы въ желаніи мнѣ добра позабавили меня. Добраго нашего «говоря, говоря»²⁾ я ждалъ и до сихъ поръ не дождался. Monsieur Semen былъ мнѣ утѣхой, съ своимъ шанбелланствомъ, искательствомъ, титуломъ издателя «Памятниковъ», съ разсказами о M-r Ouwaroff, comte Protassoff, monsieur Mourawieff et M-r Serbinowitsch. Онъ поползаль здѣсь и выползаль кой-какія крохи. Но мнѣ было жаль его, и невольно вспоминалъ я: «l'hiver!» Право есть люди хуже его...

Фридрихъ говорилъ Ратькову, что Лилла пріѣдетъ съ первымъ пароходомъ, ибо ея здоровье совершенно поправилось. Правда ли? Можно ли порадоваться хоть этому? Увѣдомъ.

Просьбу мою, сдѣлай милость, исполни: перемѣни билетъ старухъ-нянѣ. Мнѣ дѣлалъ это прежде добрый нашъ «говоря, говоря», ибо ему стоило только послать къ коменданту Сталю.

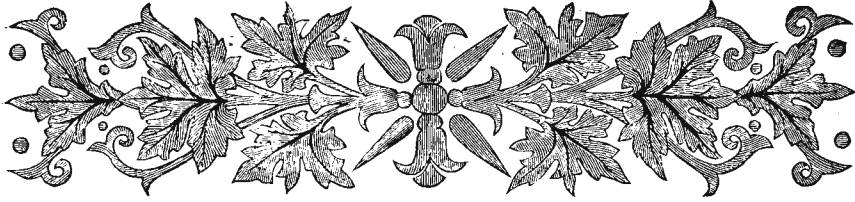
Росписокъ Поповой, въ полученіи отъ меня денегъ, у меня ни одной нѣтъ. Ратьковъ сказывалъ мнѣ, что «Византійскихъ Легендъ» онъ не продалъ ни одного экземпляра, и совѣтовалъ сбыть ихъ хоть на вѣсъ, на толкуцій. Нѣтъ ужъ этого нельзя; я лучше сожгу ихъ! А можетъ быть, еще немножко они и пораспродадутся.

Н. К. Полевой.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

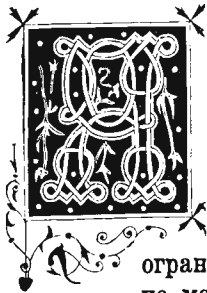
¹⁾ Н. А. Кашинцевъ.

²⁾ В. В. Варгинъ.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

(Воспоминанія степного помѣщика).

НЕ ПИСАТЕЛЬ, а простой смертный, степной помѣщикъ, никогда литераторомъ не бывшій, а взялся за перо потому, что во время одного изъ самыхъ знаменательныхъ событій настоящаго столѣтія—освобожденія крестьянъ въ Россіи—мнѣ довелось быть дѣятелемъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя дѣятельность моя распространялась въ весьма ограниченномъ районѣ, въ предѣлахъ одного уѣзда, тѣмъ не менѣе въ памяти моей сохранилось нѣсколько эпизодовъ о событіяхъ, имѣющихъ общій интересъ, а потому я прошу смотрѣть на мои воспоминанія, какъ на правдивый и безпритязательный рассказъ о томъ, что я самъ видѣлъ, или въ чемъ принималъ непосредственное участіе.

I.

По выходѣ въ отставку, я возвратился на родину, въ Харьковскую губернію, и поселился въ деревнѣ. Здѣсь впервые услышалъ я о народныхъ толкахъ, относительно «воли». Толки эти порождали, отъ поры до времени, различные эпизоды, иногда забавные, а нерѣдко трагическіе. Такъ, на примѣръ: прошелъ въ народѣ слухъ, пущенный, вѣроятно, какимъ нибудь безсрочно-отпускнымъ солдатомъ, что гдѣ-то за Днѣпромъ, въ херсонскихъ степяхъ, сидитъ на горѣ царь и раздаетъ волю. Слухъ, не смотря на всю его нелѣпость,

разошелся по всему краю, и народъ повалилъ. Поднимались цѣлыя села за полученіемъ воли и двигались къ невѣдомой горѣ. Набралась необозримая масса народа, не находя нигдѣ обѣтованной горы; полицейскія власти пытались задержать движеніе, но безуспѣшно такъ что необходимость вынудила прибѣгнуть къ военной силѣ, съ помощью которой едва удалось сдерживать движеніе и разгонять нахлынувшія волны народа. Мало по малу стали возвращаться изнуренные, оборванные и голодые искатели воли. Многимъ, несговорчивымъ, пришлось отвѣдать внушеній военной силы и надолго примирѣть. Удивительно, какъ велика была увѣренность въ справедливость слуха: возвращаются одни, передаютъ встрѣчнымъ, что ничего не нашли, что войска разгоняютъ всѣхъ, а непослушныхъ наказываютъ, и, не смотря на это, толпа за толпой шла все дальше и дальше, пока, наконецъ, не натыкалась на войска. Объяснить такую настойчивость можно только непреодолимымъ желаніемъ «воли», съ достиженіемъ которой начнется, по ихъ понятіямъ, полная благодать съ молочными рѣками въ кисельныхъ берегахъ.

Усиленное броженіе это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и у большинства остались поля не убранными, послѣдствіемъ чего, разумѣется, былъ голодъ. Никакія убѣжденія не дѣйствовали; какую бы нелѣпость не выдумали, ей давали полную вѣру, если только ее придумывалъ какой либо бродяга и въ особенности безсрочно-отпускной. Много надѣлали бѣдъ народу, изъ-за кварталы водки, эти старослуживые!

Въ весьма немногихъ случаяхъ удавалось удержать крестьянъ отъ странствій для отысканія воли. Припоминаю два случая, какъ распорядились два помѣщика и тѣмъ спасли отъ раззоренія своихъ крестьянъ.

Въ Павлоградскомъ уѣздѣ былъ помѣщикъ С. Ѳ. Юрковъ. Дошелъ слухъ до крестьянъ его деревни, Акимовки, что раздадутъ волю. Потолковали мужики и порѣшили идти. Собрались, посправляли возы, забрали хлѣбъ какой былъ, скотину, разныя орудія и приготовились въ путь. Наканунѣ выступленія, рѣшили пойти всѣмъ міромъ къ помѣщику, старому холостяку, котораго всѣ любили за всегдашнюю помощь и доброе обхожденіе. Пришли, благодарили за его доброту и стали прощаться, говоря, что хотя имъ и хорошо живется, но люди идутъ, надо и имъ идти. Какъ ни уговаривалъ ихъ помѣщикъ, какъ ни вразумлялъ, что это все вздоръ и некуда и не зачѣмъ идти, ничто не помогало, и вся слобода рано утромъ на другой день тронулась. Черезъ нѣсколько дней путешествія, отойдя верстъ 70—80 отъ дому, остановившись на ночлегъ, увидѣли они подѣхавшую на парѣ лошадей гарбу, наложенную разнымъ скарбомъ, среди котораго возсѣдалъ ихъ помѣщикъ. Онъ имъ объяснилъ, что не захотѣлъ оставаться послѣ ихъ ухода одинъ въ усадьбѣ и рѣшилъ слѣдовать за ними, куда бы они не

пошли. Такъ и началось совмѣстное шествіе. Черезъ нѣсколько дней стали попадаться возвращавшіеся, объяснявшіе, что никакой воли не дають, что войска разгоняють народъ и многихъ упрямыхъ порютъ. Еще прошло нѣсколько дней, возвращающіеся тянутся назадъ все чаще и чаще; взяло раздумье акимовцевъ: а что какъ и взаправду то брехня, что волю раздають, да и какая будетъ та воля, когда и панъ тутъ же съ нами? Наконецъ, на встрѣчу появились не отдѣльныя кучки людей, а двигалась почти сплошная масса народа, истомленные, жалкія лица котораго, ясно говорили о неудачѣ. Голодные, истребившіе свои припасы, начали другъ друга грабить; безконечныя драки, неистовства доводили многихъ до отчаянія. Пораженные и убѣдившіеся акимовцы повернули, наконецъ, оглобли—и, съ паномъ своимъ во главѣ, возвратились домой.

Этотъ эпизодъ подѣйствовалъ благотѣтельно на все село и уже никакіе проходимцы не могли болѣе нарушить спокойствія во все остальное время до полученія настоящей воли, то есть до 19 февраля 1861 года.

Въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, помѣщикъ В. Крупянскій, очень добрый и любимый крестьянами, узнавъ, что въ окрестностяхъ разные хуторки поднимаются и уходятъ со всѣми своими пожитками, что въ селѣ его народъ начинаетъ тоже волноваться, собралъ своихъ крестьянъ,—село было не маленькое,—и сказалъ, что удерживать ихъ не станеть, но предлагаетъ имъ выбрать изъ среды своей самыхъ надежныхъ друхъ-трехъ человекъ и послать на развѣдки, а для внушенія большаго довѣрія, давъ имъ повозку, пару экономическихъ лошадей и денегъ на дорогу, сказалъ, чтобы выборные ѣхали не заходя къ нему, что онъ не хочетъ знать, кто поѣдетъ, чтобы не заподозрили, что онъ будетъ ихъ научать. Такъ и сдѣлали. Недѣлю спустя, уполномоченные возвратились и спокойствіе водворилось.

Началась Крымская война. Приготовленія, сборы на войну, затѣмъ, геройскіе подвиги нашихъ войскъ, возбудили всеобщій энтузіазмъ, и толки о «волѣ» на время затихли. Послѣдовавшій высочайшій указъ о формированіи ополченія занялъ умы всѣхъ сословій. Все заволновалось. Пожертвованія полились рѣкой, а воинственнымъ стихотвореніямъ не было и конца. Весьма рѣдкия въ прежнее время дворянскія собранія стали часто повторяться.

Всякія матеріальныя жертвы были ни почемъ: то сухари, то полушубки, то воловые парки, все охотно давалось дворянствомъ на помощь общему дѣлу, не предвидя того, что, благодаря нашему заботливому интендантству, наваленныя за Перекопомъ, горы сухарей и полушубковъ будутъ преспокойно гнить, а голодные солдатики мерзнуть въ однихъ шинеляхъ.

Но не однѣ матеріальныя жертвы приносились: рѣдкая дворянская семья не послала здороваго члена своего въ дѣйствующую

армію; нѣсколько иначе дѣло было при комплектованіи ополченія. Оно понятно и извинительно. Всѣ знали, какая трудная и не блестящая роль предстояла ополченцамъ, а потому на выборахъ въ ополченіе проявлялись иногда прекомическія продѣлки, чтобы избавиться отъ ополченія. Избираться должны были всѣ не опорощенные по суду дворяне, и вотъ рассказывали, что въ одной изъ средне-русскихъ губерній, одинъ дворянинъ заявилъ, что его нельзя баллотировать, потому что онъ сѣченъ. Насколько тутъ правды и было ли это,—не знаю, но рассказъ этотъ очень гармонируетъ съ общимъ желаніемъ уклониться.

Я знаю вѣрно только то, что происходило въ нашемъ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ я въ то время былъ депутатомъ отъ дворянства. Начальникомъ дружины избранъ былъ уважаемый помѣщикъ майоръ Ропелевскій, въ составъ офицеровъ дружины избраны были тоже очень хорошіе люди. Было немало и отказывавшихся: у одного почтеннаго помѣщика, по дорогѣ въ Изюмъ на выборы, случайно выпалъ зубъ, и вотъ, когда дошла до него очередь, онъ просилъ его не баллотировать, потому что у него зубъ выпалъ. Другой заявилъ, что ему въ ополченіе идти нельзя, такъ какъ на его рукахъ осталась сестра и три дочери полкового командира, находящагося на войнѣ. Одинъ помѣщикъ выразилъ неудовольствіе послѣ его баллотировки:—«Когда меня баллотировали въ предводители, я всегда оставался въ черныхъ, а въ ополченіе выбрали всѣми бѣлыми».

Но всѣ эти и подобныя мелочи нисколько не уменьшали патриотическаго возбужденія и воинственнаго азарта.

Не могу пройти молчаніемъ объ одной, выдающейся въ этомъ и другихъ отношеніяхъ, личности; считаю даже нужнымъ сдѣлать краткую біографію этого замѣчательнаго въ уѣздѣ помѣщика, называвшагося патриархомъ уѣзда.

Отставной гвардіи полковникъ, Иванъ Васильевичъ Малиновскій¹⁾, по выходѣ въ отставку въ 1825 году, поселился въ родовомъ имѣніи, въ селѣ Каменкѣ, въ 7 верстахъ отъ Изюма. Это

¹⁾ Сынъ В. Ѳ. Малиновскаго, перваго директора Императорскаго Александровскаго лицея, былъ воспитанникомъ 1-го выпуска, слѣдовательно, сверстникомъ Пушкина, князя Горчакова, Дельвига и многихъ другихъ, извѣстныхъ дѣятелей славнаго 1-го выпуска. Припоминаю рассказъ одного лицеиста о забавномъ эпизодѣ, вызвавшемъ Пушкина написать три строчки стиховъ, кажется, нигдѣ ненапечатанныхъ. Въ одномъ изъ младшихъ классовъ задано было сочиненіе на тему: «Восходъ солнца». Сидятъ малютки и трудятся. Подходит Пушкинъ къ Малиновскому и спрашиваетъ:—«Что ты задумался?»—«Да вотъ началъ и не знаю, какъ продолжать». Глянулъ Пушкинъ въ тетрадь и прочиталъ: «Грядетъ съ заката царь природы...» (въ расѣянности, Малиновскій вмѣсто съ восхода написалъ съ заката); присѣлъ Пушкинъ и дописалъ:

«И удивленные народы
«Не знаютъ, что начать—
«Ложиться спать, или вставать».

былъ человѣкъ съ громадной силой воли, переходившей нерѣдко въ упрямство. Всѣ его дѣйствія, иногда и неправильныя, вытекали, однако, изъ желанія добра ближнимъ; его неудержимая энергія не понимала никакихъ преградъ въ разѣ затѣянномъ дѣлѣ, и всегда сопровождалась самымъ искреннимъ, добросовѣстнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла.

Въ давнія времена, когда Изюмскій уѣздъ составлялъ почти окраину заселенныхъ мѣстностей юга Россіи, село Каменка принадлежало казачьему полковнику Краснокутскому, и въ это село, изъ велико-русскихъ вотчинъ провинившіеся и, вообще, порочные крестьяне, ссылались за наказаніе. Имѣніе это впослѣдствіи, какъ выморочное, поступило въ казну и пожаловано императоромъ Павломъ А. А. Самборскому, бывшему законоучителемъ и преподавателемъ англійскаго языка великаго князя Александра Павловича, а впослѣдствіи духовникомъ великой княгини Александры Павловны, Палатины Венгерской, и ея придворнымъ священникомъ ¹⁾).

II.

Въ описываемое мною время, въ Каменкѣ состояло болѣе 1,000 ревизскихъ душъ; число не маленькое для нашей не густо заселенной мѣстности.

Немало труда предстояло, привыкшему къ строгой военной дисциплинѣ, молодому гвардейцу, поселившемуся въ такой деревнѣ. Не одинъ десятокъ нравственно-испорченныхъ, неисправимыхъ, было сослано на поселеніе; уменьшеніе числа рабочихъ дѣлало ущербъ въ хозяйствѣ, но это не останавливало молодого хозяина, и, постепенно, при неусыпной настойчивости помѣщика, Каменка превратилась въ образцовую экономію. О буйствахъ, воровствахъ, не стало и помину, нравственность возстановилась. Случалось не разъ, что, проѣзжая почтовой дорогой, на которой стояла Каменка, ктонибудь терялъ чемоданъ, или чумакаъ терялъ свиту, кушакъ,—все это приносилось въ расправу, и потерявшій, возвращаясь, хотя бы и не скоро, получалъ потерянное ²⁾).

¹⁾ Отъ о. Самборскаго имѣніе это перешло къ дочери его, вышедшей замужъ за В. Ѳ. Малиновскаго и, такимъ образомъ, поступило въ родъ Малиновскихъ.

²⁾ Малиновскій былъ три трехлѣтня уѣзднымъ предводителемъ дворянства, но не къ ряду, а съ промежутками; онъ былъ непримиримый врагъ винныхъ откуповъ и неумоимо, а иногда и неводержно, преслѣдовалъ откупныя злоупотребленія; при всеильныхъ же въ то время откупщикахъ ему не разъ приходилось имѣть такія столкновенія, что только настойчивая энергія и нѣкоторыя связи въ Петербургѣ давали ему возможность благополучно выпутываться и приниматься вновь за преслѣдованія того же общественного зла. Успокоился онъ только тогда, какъ откупа были уничтожены, чему немало способствовала его неустанная борьба. Ненавидя откупа, онъ не могъ переносить и откупныхъ названій. Такъ и сельское управленіе, повсюду называемое конторой, онъ навелъ расправу, чтобы не напоминало питейной конторы.

Малиновскій былъ чрезвычайно религіозенъ. Построенный имъ храмъ въ Каменкѣ былъ замѣчательнъ благолѣпіемъ и живописью иконъ, что встрѣчалось очень рѣдко въ нашихъ степяхъ. Ни одной церковной службы онъ не пропускалъ; въ церкви по одну сторону стояли мужчины, по другую женщины, маленькія дѣти впереди; тишина и благоговѣніе въ храмѣ были замѣчательныя; доставалось даже женщинамъ, если дѣти на ихъ рукахъ громко кричали. Хотя это было и черезчуръ, но уваженіе къ храму и молитвѣ вкоренялось въ народѣ. Послѣ заутрени, все время до обѣдни, Малиновскій на паперти читалъ собравшемуся народу какую либо подходящую статью свода законовъ, толковалъ ея значеніе, читалъ изъ газетъ, если случалось, интересное событіе въ Россіи, объяснялъ значеніе праздника и предстоящаго чтенія Евангелія, въ обѣднѣ всегда самъ читалъ апостола. При такой строгой религіозности помѣщика, духовенство держало ухо остро. Ни пьянства, ни поборовъ, такъ обыкновенныхъ въ то время среди сельскаго духовенства, не было и въ поминѣ. На всѣ церковныя требы назначена была такса, и нравственность въ Каменкѣ замѣтно улучшалась. Крѣпостная работа была всегда не болѣе трехъ дней, закономъ установленной барщины. За бѣдныхъ, но нравственно-хорошихъ крестьянъ, помѣщикъ всегда самъ платилъ подати, а по случаю выдающихся отечественныхъ торжествъ: побѣды нашихъ войскъ, окончанія войны, бракосочетанія е. и. в. наслѣдника Александра Николаевича, восшествія на престолъ, коронаціи и многихъ подобныхъ событій, вносилъ собственныя деньги, въ размѣрѣ годовой подати, за все село безъ исключенія. Поощряя хорошихъ, преслѣдуя нерадивыхъ, онъ довелъ всѣхъ крестьянъ села до замѣчательнаго благоустройства; просторныя избы, прекрасно огороженные дворы, садики, удобные огороды, наглядно доказывали довольство крестьянъ. Завелъ онъ хоръ пѣвчихъ для церкви, для чего ежегодно набиралось нѣсколько десятковъ мальчиковъ и дѣвочекъ, и, подъ руководствомъ знающаго регента, образовался прекрасный хоръ, а ежегодное пополненіе и обновленіе пѣвческой имѣло послѣдствіемъ то, что почти всѣ жители Каменки перебивали въ пѣвчихъ, и, по прошествіи двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ, почти вся слобода, болѣе 2,000 душъ мужскаго и женскаго пола, были грамотныя, фактъ едва ли не единственный въ Россіи. Было у Малиновскаго много своеобразныхъ оригинальностей; такъ, послѣ Венгерской войны, лошади его завода поименоваы: Ольтеница, Германштадтъ, Бемъ, Кошутъ и т. п.; во время Крымской войны лошади переименовались въ Севастополь, Альма, Инкерманъ, Пальмерстонъ, Непиръ и т. п.; когда же наступила эмансипація, которой онъ, надо правду сказать, не очень сочувствовалъ, предчувствуя, и не напрасно, что многолѣтніе труды его на пользу крестьянъ, погибнуть отъ самоуправленія (онъ понималъ своеволіе), всѣ лошади получили названія изъ Положенія

19-го февраля: Эмансипація, Усадьба, Надѣлъ, Посредникъ, и такъ безъ конца. Во время ополченія, переполненный патріотическими чувствами, онъ писалъ письма женѣ, адресуя: патріоткѣ-женѣ; носилъ сѣрую патріотку (модное въ то время *palletot patriotique*).

Послучаю отправления ополченцевъ въ походъ, у насъ въ Изюмѣ былъ настоящій праздникъ. На площади собралась дружина, съѣхалось много дворянъ уѣзда, которые благословили дружину большимъ образомъ Спасителя въ кіотѣ, на растворахъ съ одной стороны изображеніе святаго Александра Невскаго, а съ другой — Георгія Побѣдоносца. Этотъ образъ и въ настоящее время находится въ дворянскомъ домѣ. Затѣмъ, началось угощеніе ратниковъ, полились восторженныя рѣчи; Малиновскій передъ дружиной возбуждалъ воинственность ратниковъ, рассказывая имъ о геройскихъ подвигахъ нашихъ Севастопольцевъ. «Вотъ и вамъ, ребята, придется идти въ атаку, такъ вы молодцами, вотъ такъ!».. и взявъ ружье «на руку», пошелъ передъ фронтомъ, напѣвая громкимъ басомъ:

«Ребята, слава впереди,
 «Въ груди кипятъ восторги, —
 «Ура! пусть будетъ на груди
 «У каждаго Георгій»!! и т. д.

Воинственнымъ восторгамъ не было конца, начались качанія присутствующихъ, лихія пѣсни и такъ продолжалось, пока все смолкло *faute des combattants*, т. е., пока всѣ ратники окончательно перепились.

Съ театра войны къ намъ по временамъ доходили различные слухи, то о геройскихъ подвигахъ отдѣльныхъ лицъ и отрядовъ, то о горькихъ неудачахъ нашихъ войскъ, то о страшныхъ лишеніяхъ, переносимыхъ нашими въ зимнее время, и побѣдный нашъ восторгъ постепенно сталъ сокращаться, въ воздухѣ пронеслось какое-то тягостное, давящее предчувствіе, что, не смотря на всѣ жертвы, не смотря на героическую твердость нашихъ войскъ, эта твердыня, называемая Севастополемъ, выросшая на глазахъ и подъ выстрѣлами непріятели, должна пасть и, дѣйствительно, послѣ одиннадцатимѣсячной, непримѣрной въ лѣтописяхъ защиты, Севастополь палъ. Не знаю, что чувствовали въ то время наши славные воины, но на насъ, мирныхъ обывателей, вѣсть о паденіи Севастополя произвела удручающее впечатлѣніе, всѣ ходили съ поникшими головами. Общее уныніе замѣнило недавніе восторги, никто тогда не могъ еще понять, что защита Севастополя, хотя и окончившаяся его паденіемъ, будетъ составлять одну изъ блестящихъ страницъ нашей военной исторіи.

Но вотъ другая роковая вѣсть пронеслась по всей Россіи; эта страшная вѣсть поразила насъ какъ громомъ; ошеломленные, мы какъ разстерянные, смотрѣли другъ на друга, точно дѣти, очутившіеся въ лѣсу безъ проводника. И, дѣйствительно, у всѣхъ руки

опустились. Надо сказать, что большинство, или, вѣрнѣе, почти всѣ мы, помѣщики, были въ свое время военными; это все были николаевскихъ временъ служаки, кумиромъ которыхъ былъ ихъ царь-рыцарь, государь Николай Павловичъ, любовь къ которому доходила до обожанія, а увѣренность въ его несокрушимой силѣ и могуществѣ, превращала въ ничто всѣ невзгоды, всѣ преграды. И вдругъ этой мощи, этой надежды не стало. Не только дворяне, но и крестьяне упали духомъ, повсюду раздавалось: что-то будетъ съ нами!..

III.

Окончилась Крымская война, разбрелись войска по всей Россіи на мирныя стоянки, возвратились уцѣлѣвшіе отъ боины ополченцы, и жизнь, мало по малу, улеглась въ обычное теченіе. Но вотъ стало выказываться новое явленіе. До войны толки о «волѣ» ходили только среди простого народа, но послѣ войны пошли разговоры во всѣхъ уже сословіяхъ объ «эмансипаціи». Соприкосновеніе ли съ иностранными войсками или другія какія причины, но бесѣды объ эмансипаціи, вначалѣ робкія, съ неизбѣжными *fermez les portes, finissez devant les gens*, а потомъ болѣе смѣлыя, открытыя, сдѣлались, наконецъ, постояннымъ предметомъ разговора.

Безконечные споры завязывались, и, какъ всегда и вездѣ, образовалось двѣ почти враждебныхъ стороны. Появились и у насъ консерваторы, либералы и красные.

Теперь, когда описываемое время отошло далеко назадъ, смѣшными могутъ показаться наши тогдашнія препирательства; но тогда мы самымъ добросовѣстнымъ образомъ и съ полной искренностью оспаривали одинъ другого, наивно предполагая, что именно отъ нашего рѣшенія и будетъ зависѣть разрѣшеніе великаго вопроса такъ или иначе. Наконецъ, появились первые адреса трехъ западныхъ губерній. Повѣрили тогда и самые невѣрующіе, что вопросъ близится къ разрѣшенію, и всякія сомнѣнія прекратились, когда раздались высокочинавательныя слова государя Александра Николаевича, обращенныя къ московскому дворянству, что наступило, наконецъ, время дѣйствовать и заняться улучшеніемъ быта крестьянъ, и что «лучше если это начнется сверху, нежели снизу». Но и въ этомъ обращеніи государя къ дворянству, наши консерваторы усмотрѣли, что не все еще потеряно. Государь не сказалъ— освобожденіе крестьянъ, а только улучшеніе быта. Какъ бы то ни было, но въ скоромъ времени, вслѣдъ за адресомъ московскаго дворянства, появились адреса и остальныхъ губерній.

Послѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Предстояло выбрать двухъ депутатовъ отъ уѣзда, и выборная агитація закипѣла. Боль-

шинство воображало, что рѣшеніе вопроса такъ или иначе будетъ зависѣть отъ взгляда выбираемаго депутата; попадетъ въ комитетъ большинство консерваторовъ, и эмансипація затормозится на долгое время, если не навсегда. Они и не подозрѣвали, что въ Петербургѣ все уже порѣшено, что самая суть вопроса рѣшена окончательно и безповоротно, и что губернскіе комитеты учреждаются лишь для разработки подробностей и частныхъ, приноровляясь къ отдѣльнымъ мѣстностямъ. И вотъ подъ такимъ впечатлѣніемъ состоялось наше первое уѣздное собраніе. Много было сказано рѣчей о высокой миссіи, предстоящей депутатамъ, о необходимости выбора лицъ съ охранительными началами, избѣгать избранія такихъ, которые своею горячностью могутъ погубить и самое дѣло и будущее благосостояніе государства. Словомъ, сказано было много красивыхъ словъ и фразъ къ дѣлу, т. е., къ выбору депутатовъ, мало идущихъ. Послѣ долгихъ разглагольствованій, я попросилъ слова и сказалъ собранію, что, по мнѣнію моему, каждый, предложенный и желающій баллотироваться, долженъ предварительно высказать свой взглядъ на предстоящее дѣло, и тогда всѣ мы, руководствуясь каждый своимъ личнымъ взглядомъ, болѣе правильно можемъ выразить шарами сочувствіе или не сочувствіе къ взглядамъ баллотирующагося въ депутаты. Предложеніе мое было принято, но произвело нѣкоторое замѣшательство въ собраніи. Легко трактовать о чемъ нибудь въ маленькомъ кружкѣ, тѣмъ болѣе, зная взглядъ каждаго изъ собесѣдниковъ; совсѣмъ иное дѣло говорить открыто предъ большимъ собраніемъ лицъ, наполовину незнакомыхъ; при томъ говорить о предметѣ мало знакомомъ, и, при разрѣшеніи котораго, задѣваются вѣрованія однихъ, страсти другихъ. Выскажешь свое мнѣніе, а что какъ оно будетъ въ разрѣзъ большинству, значить, не попадешь въ депутаты.

Еще долженъ сказать, что въ настоящее время у насъ есть немало лицъ, привыкшихъ хорошо и свободно говорить, благодаря земскимъ, городскимъ, банковымъ и инымъ собраніямъ; не то было почти 30 лѣтъ назадъ. Мы были мастера спорить, кричать въ частныхъ бесѣдахъ, гдѣ не было никакого контроля, а коль скоро дѣло касалось серьезнаго, публичнаго обсужденія какого либо вопроса, у нашихъ ораторовъ языкъ прилипалъ къ гортани. И такъ, видя, что дѣло затягивается, никто не рѣшается говорить, предсѣдатель собранія, предводитель дворянства И. А. Шаховъ, вызвалъ меня и предложилъ, согласно моему заявленію, высказаться передъ собраніемъ. Мнѣ не трудно было сдѣлать это. Я прямо указалъ собранію на мою статью въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ» и прочиталъ ее ¹⁾.

¹⁾ Разсуждая о предстоящемъ вопросѣ, я и два моихъ брата, вышедшихъ въ отставку изъ военной службы послѣ Крымской войны, выработали себѣ

Мало кому изъ присутствующихъ статья была извѣстна, но чтеніе ея произвело дѣйствіе совершенно противоположное тому на что я рассчитывалъ. Началась баллотировка и значительнымъ большинствомъ я былъ забаллотированъ. Такой мой дебютъ послужилъ указаніемъ направленія мнѣній большинства собранія. Въ концѣ концовъ были избраны въ депутаты два помѣщика, извѣстные въ уѣздѣ твердостью своихъ убѣжденій, ни передъ кѣмъ нестѣснявшіеся высказывать свои мнѣнія; эти два достойнѣйшіе дворянина были: И. В. Малиновскій и А. Ф. Бантышъ.

Я не стану касаться дѣятельности губернскаго комитета. Интересующіеся занятіями его членовъ и результатами этихъ занятій могутъ обратиться къ журналамъ комитета, опубликованнымъ въ свое время.

Между тѣмъ, наша уѣздная жизнь шла своимъ чередомъ. Въ томъ же году, два мѣсяца спустя, послѣ выбора депутатовъ, начались дворянскіе выборы. По случаю ожидаемой реформы, сѣздъ дворянъ въ Харьковѣ на этотъ разъ былъ особенно значителенъ. Такъ, въ Изюмскомъ уѣздѣ на прежнихъ выборахъ бывало обыкновенно голосовъ отъ 30 до 40, а въ это собраніе прибыло болѣе 70 избирательныхъ голосовъ. По исполненіи разныхъ обычныхъ формальностей и разсмотрѣніи необходимыхъ вопросовъ, приступили къ избранію предводителя. Выборъ предводителя составлялъ на этотъ разъ предметъ особеннаго вниманія, такъ какъ, кромѣ обыкновенныхъ обязанностей, на будущемъ предводителѣ должны будутъ лежать новыя обязанности, какъ руководителя и исполнителя на мѣстѣ предстоящаго освобожденія крестьянъ. Почти тѣ же лица, которыя въ уѣздѣ избирали депутатовъ, приступили къ выборамъ предводителя, и я, два мѣсяца назадъ, забаллотированный огромнымъ большинствомъ, тѣми же лицами, былъ избранъ въ предводителя почти единогласно (два неизбирательныхъ шара)...

взглядъ по поводу эмансипаціи и видя, что въ журналѣ, издаваемомъ Желтухинымъ подъ названіемъ: «Журналъ Землевладѣльцевъ», помѣщаются, касательно эмансипаціи, различныя статьи, получаемыя изъ всѣхъ концовъ Россіи, изложили на бумагѣ наше мнѣніе и проекты, и я послалъ эту статью въ «Журналъ Землевладѣльцевъ». Въ № 17-мъ этого журнала статья была напечатана, и я позволяю себѣ сдѣлать небольшую выписку изъ нея. Мнѣ чрезвычайно лестно, что еще въ 1858 году нами составленъ проектъ почти тождественный съ главными основаніями Положенія 19-го февраля, сдѣланнаго извѣстнымъ только по его обнародованіи, т. е. 19-го февраля 1861 года. Такимъ образомъ мы за три года раньше почти предрѣшили великій вопросъ. Статья заключалась окончательнымъ выводомъ въ трехъ пунктахъ:

- 1) Немедленное освобожденіе крестьянъ.
- 2) Надѣлъ земли въ вѣчность, обязательный и выгодный для всѣхъ владѣльцевъ и
- 3) Немедленное уничтоженіе барщинной работы и замѣнъ ея вольно-наемнымъ трудомъ.

Перваго января 1859 года, я вступилъ въ отправленіе моихъ новыхъ обязанностей.

Въ обыкновенное время, почти повсемѣстно, предводители проживали въ своихъ помѣстьяхъ, или въ губернскомъ городѣ, наѣзжая отъ поры до времени въ свой уѣздный городъ для исполненія текущихъ дѣлъ; въ виду же предстоящихъ усиленныхъ занятій, при которыхъ всякое промедленіе, за отсутствіемъ предводителя, могло повлечь серьезныя послѣдствія, я переѣхалъ на постоянное жительство въ г. Изюмъ. Унасъ съ давнихъ временъ есть свой собственный дворянскій домъ, въ немъ я и поселился. Домъ этотъ, очень скромный по наружному виду, замѣчательнъ для насъ дорогами воспоминаніями. Въ угольной комнатѣ находятся двѣ иконы, приношеніе И. В. Малиновскаго. На одной изображеніе св. Елисаветы; на мѣдной доскѣ вырѣзаны слова еще лицеиста Пушкина:

- «Небеснаго земной свидѣтель,
- «Съ воспламененною душой,
- «Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель,
- «Съ ея пріятливой красой,—
- «И неподкупный голосъ мой
- «Быль эхо русскаго народа».

Эта икона работы масляными красками родной сестры Малиновскаго, вдовы генерала М. В. Вольховской, въ воспоминаніе того, что императрица Елисавета Алексѣевна, проѣздомъ въ Таганрогъ, 20-го сентября 1825 г., и на обратномъ пути, 24-го апрѣля 1826 г., имѣла ночлегъ въ этомъ домѣ. Другая икона св. Александра Невскаго писана академикомъ Алексѣевымъ; на мѣдной доскѣ вырѣзаны слова, сказанныя императрицею Елисаветою: «Нашъ Ангелъ на Небеси!»—при кончинѣ Александра Благословеннаго, 19-го ноября 1825 года, и далѣе описаніе, что государь, на пути въ Таганрогъ, посѣтилъ дворянскій домъ 12-го сентября 1825 года, а 5-го января 1826 года тѣло въ Бозѣ почившаго государя императора привезено въ изюмскій соборъ.

Обыкновенныя занятія предводителя не представляли никакихъ трудностей, особенно для предводителя постоянно живущаго въ городѣ; нѣсколько были затруднительны опекунскія дѣла, на которыя я обратилъ исключительное вниманіе. Тутъ приходилось имѣть дѣло съ самолюбіемъ нѣкоторыхъ личностей, не всегда правильно дѣйствовавшихъ по ввѣреннымъ имъ опекамъ, частью по врожденной безпечности, а иногда и по несовершенной добросовѣстности. Но все это мало по малу наладилось; съ одной только опекой мнѣ пришлось повозиться. Недалекъ отъ Изюма есть имѣніе Грековка, принадлежавшее двумъ братьямъ Ивановымъ и заложенное въ опекунскомъ совѣтѣ. Когда братья раздѣлились, то одна часть имѣнія была продана и, переходя изъ рукъ въ руки, поступила во владѣніе

г-жи Шабельской, а сею послѣднею пожертвована въ пользу Святогорскаго монастыря; другая же часть оставалась во владѣннн второ-го брата. Хотя одна часть и перешла въ чужія руки, но, по обычной нашей безпечности, перечисленіе сдѣлано не было и долгъ опекунскаго совѣта числился на общемъ имѣнн. Когда накопилась значительная недоимка, опекунскій совѣтъ, послѣ многихъ безуспѣшныхъ настояннй, обратился ко мнѣ, какъ къ предводителю, съ просьбою распутать запутанные расчеты между владѣльцами Грековки. Оказалось, по моемъ разслѣдованн, что за часть имѣнн, оставшуюся во владѣнн одного брата и его наслѣдниковъ, платежи въ опекунскій совѣтъ производились аккуратно, за другую же часть, переходившую изъ рукъ въ руки, никто не платилъ; такъ что накопившаяся значительная недоимка лежала на отвѣтственности послѣдняго владѣльца, т. е. монастыря.

Тогда я обратился къ архимандриту Герману¹⁾, настоятелю Святогорскаго монастыря, съ предложеннмъ уплатить недоимку, лежащую на монастырской землѣ. Настоятель отказался платить, объясняя, что монастырь принялъ пожертвованн, за которое онъ не считаетъ себя обязаннымъ платить. Всѣ мои настоянн привели лишь къ тому, что онъ обратился къ покровительницѣ монастыря, Т. Б. Потемкиной, мужъ которой владѣлъ громадными землями, окружающими монастырь, устроенный на землѣ пожертвованной Потемкинымъ. Получивъ отвѣтъ, настоятель сказалъ мнѣ окончательно, что монастырь платить не долженъ и не будетъ, и что таково же мнѣнн Татьяны Борисовны. Тогда я сдѣлалъ предложенн опеку о взятн монастырской земли въ опеку; назначили опекуномъ помѣщика Гесс-де-Кальве, выданъ указъ опекуну и черезъ нѣсколько дней монастырская земля поступила въ опекунское вѣдѣнн. Такая рѣшительная мѣра озадачила не только настоятеля, но и многихъ частныхъ лицъ. Мнѣ предсказывали могущія быть не-прнятности и даже отвѣтственность. Не обращая вниманн на эти запугиванн, я спокойно продолжалъ начатое дѣло, зная, что законъ на моей сторонѣ. Полетѣли эстафеты (телеграфовъ въ нашихъ мѣстахъ тогда еще не было) и заварилась каша. Черезъ нѣкоторое время получилъ я отъ губернатора Лужина письмо съ просьбой разъяснить ему дѣйствн Изюмской дворянской опеки по поводу этого дѣла. вмѣсто письменнаго отвѣта, я поѣхалъ въ Харьковъ и одновременно со мной прнѣхалъ и настоятель, ожидавшій, что опека будетъ снята. Когда я объяснилъ Лужину въ чемъ дѣло, то онъ сказалъ настоятелю, что опека дѣйствуетъ совершенно законно

¹⁾ Архимандритъ Германъ состоитъ настоятелемъ монастыря и по настоящее время; это личность глубоко уважаемая всѣми его знающими, съ большими познаннми и неутомимый труженникъ, подъ управленнмъ котораго монастырь доведенъ до замѣчательнаго благоустройства.

и ничего иного посовѣтывать не можетъ, какъ поскорѣе заплатить недоимку опекунскому совѣту, что, наконецъ, и было исполнено и опека была снята. Этотъ эпизодъ съ монастырской землей послужилъ мнѣ на пользу: нѣкоторые, слишкомъ ужъ энергичные, опекуны поприсмирѣли и стали спокойнѣе подчиняться распоряженіямъ опеки.

Губернскимъ предводителемъ дворянства у насъ былъ тогда А. Н. Бахметевъ, красивый молодой человѣкъ, правовѣдъ, мастеръ говорить, но, ради краснаго словца, онъ часто былъ неостороженъ въ выраженіяхъ, послѣдствіемъ чего у него случались иногда непріятныя столкновенія. Извѣстно еще съ давнихъ временъ, что почти повсемѣстно, между губернаторами и губернскими предводителями, бывають частыя пререканія, а при задорномъ характерѣ Бахметева весьма естественно очень скоро начались столкновенія съ Лужинимъ.

Весною 1859 года, стало извѣстнымъ, что въ августѣ или сентябрѣ будетъ высочайшій смотръ войскамъ въ Чугуевѣ, а слѣдовательно, государь посѣтитъ Харьковъ въ первый разъ по вступленіи на престолъ. На экстренномъ дворянскомъ собраніи рѣшено было дать балъ по случаю царскаго пріѣзда. Сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія и приготовления. У насъ въ уѣздѣ было по спискамъ болѣе 500 дворянъ; не возможно было написать къ каждому пригласительное письмо, а потому написано было, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, циркулярное извѣщеніе о предстоящемъ высочайшемъ посѣщеніи, и приглашеніи всѣхъ дворянъ съ ихъ семействами на балъ. Эти циркулярныя извѣщенія были разосланы по всему уѣзду и получены обратно съ росписками читавшихъ. Отдѣльныхъ приглашеній я не посылалъ никому, не считая себя вправѣ дѣлать исключенія и предпочтенія. Вслѣдствіе этого случилось маленькое недоразумѣніе съ одной особой, о чемъ разскажу ниже.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, по случаю моей женитьбы, я уѣхалъ въ отпускъ въ Крымъ, гдѣ и оставался до конца августа, пока не получилъ по эстафетѣ отъ Бахметева убѣдительноя просьбы немедленно возвратиться, такъ какъ мое присутствіе въ Харьковѣ, во время пріѣзда государя, будетъ крайне необходимо. Не понимая причины, я тѣмъ не менѣе тотчасъ собрался и пріѣхалъ въ Харьковъ, за нѣсколько дней до пріѣзда государя; и вотъ что разсказалъ мнѣ Бахметевъ. Не знаю насколько справедливо было переданное мнѣ Бахметевымъ, такъ какъ онъ любилъ иногда прикрашивать свои разсказы, но онъ мнѣ сообщилъ, будто государь недоволенъ слабымъ сочувствіемъ дворянства вообще къ предстоящему освобожденію крестьянъ, что онъ по этому проѣхалъ Москву, не останавливаясь; на бѣду, курскій губернаторъ стянулъ въ городъ всѣ войска, расположенные въ губерніи, и этому придали видъ, что войска собраны для охраны государя отъ могущихъ быть без-

порядковъ, что всѣ эти небылицы распускаются лицами, старающимися всякими мѣрами тормозить предстоящую реформу. Про насъ, харьковцевъ, будто сообщено, что несочувствіе наше докажется малымъ числомъ дворянъ на предстоящемъ балѣ, что даже многіе предводители не хотятъ присутствовать. Вотъ, въ виду подобныхъ слуховъ, Бахметеву крайне нужно было мое возвращеніе изъ отпуска, тѣмъ болѣе, что два уѣздныхъ предводителя были смертельно больны. Зная объ этой болѣзни и то, что я въ отпуску, нашимъ доброжелателямъ легко было предсказать, что нѣкоторыхъ предводителей не будетъ, и потому понятна мнѣ стала радость Бахметева, когда онъ увидѣлъ меня. Конечно, я не вполнѣ повѣрилъ рассказамъ Бахметева, но допускалъ, однако же, возможность, что найдутся люди, готовые, изъ-за своихъ личныхъ взглядовъ, нарушить спокойствіе государя. Потомъ Бахметевъ спросилъ, приглашалъ ли я лично или письмомъ Т. Б. Потемкину на балъ. Когда я ему объяснилъ, почему я не считалъ себя вправѣ дѣлать для кого либо исключенія, то онъ сказалъ, что, не получивъ отдѣльнаго приглашенія, Потемкина не будетъ на балу, и это будто бы приписали демонстраціи.

Наконецъ, 16-го сентября 1859 года, государь пріѣхалъ. Всеобщая торжественная и радостная встрѣча не походила на пущенные слухи. Государь проѣхалъ прямо въ соборъ, гдѣ, кромѣ лицъ служащихъ, было собрано все дворянство; изъ собора проѣхалъ въ институтъ и, затѣмъ, въ занимаемый губернаторомъ домъ, приготовленный для пріема государя. Въ большой залѣ стояли уже по группамъ представители всѣхъ учрежденій и дворянство съ губернскимъ предводителемъ во главѣ.

Взошелъ государь. Всѣ взоры обратились на него. Вслѣдствіе ли предубѣжденія или въ дѣйствительности оно было такъ, но всѣмъ намъ показалось, что выраженіе лица государя, всегда доброе и привѣтливое, сколько я помню его, на этотъ разъ было очень серьезное. Обходя всѣ группы, онъ ограничивался короткими, отрывистыми фразами и такимъ образомъ приблизился къ нашей группѣ. Послѣ губернскаго предводителя, стоялъ, по старшинству уѣздовъ, харьковскій уѣздный предводитель, старикъ громаднаго роста, В. В. Римскій-Корсаковъ. Государь удостоилъ его нѣсколькихъ милостивыхъ словъ, по поводу висѣвшей на его груди медали за взятіе Парижа. Слѣдующимъ стоялъ ахтырскій предводитель, генераль Шрейдеръ, бывшій долгое время гвардейскимъ ремонтеромъ, слѣдовательно извѣстный государю; далѣе сумской предводитель, В. А. Савичъ, бывшій морякъ, который еще въ бытность кадетомъ морского училища, бывалъ часто приглашаемъ по праздникамъ во дворецъ, какъ племянникъ извѣстнаго генерала Александра, играть съ маленькими великими князьями. Выраженіе

лица государя замѣтно прояснилось. Далѣе стоялъ я. Когда названа была моя фамилія, государь спросилъ:

— Гдѣ вы служили?

— Когда ваше величество командовали гвардейскимъ корпусомъ, я былъ адъютантомъ 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи и имѣлъ счастье очень часто являться къ вашему императорскому величеству.

Всѣ стоявшіе тутъ замѣтили, какъ лицо государя вдругъ просвѣтлѣло. Объясняю я это тѣмъ, что слова мои напомнили государю то время, когда онъ, молодой, полный силъ, безъ тревогъ и тяжелыхъ государственныхъ заботъ, былъ только командиромъ гвардейскаго корпуса.

— Какъ это я васъ не узналъ? — сказалъ онъ весело.

— Много времени прошло, ваше величество.

— Да, да, много ушло времени, а хорошее было время; постарѣли мы съ тобой! — и, милостиво протянувъ мнѣ руку, пошелъ далѣе.

Вечеромъ былъ балъ. Предводители, какъ хозяйева бала, распредѣлили между собою занятія, кому распорядиться танцами, кому завѣдывать буфетомъ и проч. На мою долю выпало состоять, во все время бала, неотлучно при особѣ государя. Благодаря этому, я нѣсколько разъ удостоился разговаривать съ государемъ. Спрашивалъ онъ про наше провинціальное житіе; каждую минуту ожидалъ я, что онъ заговоритъ объ эмансипаціи, и былъ наготовѣ.

По поводу широкой лѣстницы, ведущей въ верхнюю залу, я объяснилъ, что обѣ залы у насъ открыты бывають во время маскарадовъ и, по желанію государя, началъ рассказывать о нашихъ маскарадахъ; какъ вдругъ онъ прервалъ меня вопросомъ:

— Однако, я вижу, что здѣсь на балѣ немного дворянъ?

Случайный ли это былъ вопросъ, или государь пожелалъ провѣрить извѣстные слухи, можетъ быть, дошедшіе до него, но я тотчасъ вспомнилъ рассказъ Бахметева.

— Дѣйствительно, ваше величество, дворянскихъ мундировъ здѣсь не очень много, но большинство нашихъ дворянъ — старые военные, которые здѣсь въ своихъ отставныхъ мундирахъ.

Къ моему счастью, какъ разъ въ эту минуту, какъ нарочно, передъ нами стояло десятка два дворянъ въ отставныхъ военныхъ мундирахъ, и я указалъ на нихъ государю. На это онъ изволилъ произнести только: — «А!..».

Я былъ очень радъ, что эта первая провѣрка, если это была провѣрка, окончилась успѣшно въ нашу пользу.

На этомъ балѣ была замѣчательная личность, про которую я не могу не упомянуть. Это многолѣтняя гроза Кавказа, знаменитый Шамиль, котораго какъ разъ въ это время, по взятіи въ плѣнъ, провозили черезъ Харьковъ. Государю угодно было, что бы онъ былъ

на балѣ, и, благодаря этому, мы всѣ спокойно могли рассмотреть того, одно имя котораго наводило страхъ на жителей Кавказа. Шамиль высокаго роста, широкаго сложенія, одѣтъ былъ въ своемъ національномъ одѣянїи, съ чалмою на головѣ, и въ полномъ вооруженїи, пистолеты съ серебряною насѣчкою за поясомъ и огромный, съ дорогими камнями, кинжалъ. Оружіе оставлено было при немъ, какъ знакъ довѣрія къ нему и дань уваженія къ его храбрости. Его небольшіе, узкіе глаза повремениамъ какъ молніи сверкали; но, вообще, онъ держалъ ихъ полуопущенными; его широкое, но худошавое, скулистое лицо было смугло и окаймлено широкой окладистой и длинной бородою, черною, съ красноватымъ отгѣнкомъ, цвѣта волосъ, замѣтно выкрашенныхъ, равно какъ и ногти на широкихъ рукахъ. Стоялъ онъ спокойно, съ достоинствомъ, увѣренный въ себѣ, но безъ надменности.

Видъ блестящаго бала, красивыхъ дамъ въ роскошныхъ бальныхъ туалетахъ, оживленныя танцы, все это, видимо, интересовало его, и онъ съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ никогда имъ невидѣнное. Государь удостоилъ его своимъ разговоромъ нѣсколько разъ и замѣтное удовольствіе отражалось на его лицѣ при обращенїи къ нему государя. Весь вечеръ онъ почти слѣдомъ, въ дѣсколькихъ шагахъ, ходилъ за государемъ. Многіе любопытные подходили, брали за рукавъ черкески, разумѣется, незамѣтно для него, чтобы впоследствии имѣть право сказать, что держали Шамиля въ своихъ рукахъ.

Вообще, балъ удался совершенно и государь, видимо, довольный, уѣхалъ.

На другой день былъ обѣдъ у государя, на который приглашены были, кромѣ губернатора Лужина, архіерея, преосвященнаго Макарія, впослѣдствїи митрополита московскаго, и предсѣдателя казенной палаты барона Розена, только одни предводители дворянства. Когда мы собрались къ обѣду, государь вышелъ въ скюртукъ, благодарилъ насъ за прекрасный балъ, подошелъ къ столу съ закуской и движеніемъ руки пригласилъ насъ, сказавъ:— «Пора!» Во время обѣда государь сидѣлъ по срединѣ стола, по правую сторону архіерей, по лѣвую Лужинъ, противъ государя графъ Адлербергъ, по правую его руку Бахметевъ, по лѣвую я.

Я былъ очень радъ, что мнѣ досталось это мѣсто, такъ какъ я могъ не пропустить ни одного слова изъ разговора бывшаго за обѣдомъ. Въ срединѣ обѣда случился непрїятный эпизодъ, пререканіе между губернскимъ предводителемъ и губернаторомъ. Случайно у меня сохранилось черновое письмо Бахметева, въ которомъ онъ обращается къ министру внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскому съ жалобою на губернатора, по поводу нанесеннаго симъ послѣднимъ Бахметеву оскорбленія въ присутствїи государя. Жалоба эта, изложенная письменно отъ 22-го декабря 1859 года, лично подана г. ми-

нистру, и вотъ изъ этого письма я выписываю ту часть, въ которой изложено, какъ произошло вышесказанное пререканіе.

«... Во время обѣда, его величество, какъ попечительный отецъ, заботящійся о благѣ своихъ вѣрноподданныхъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ о состояніи урожая въ губерніи нашей, на что, считая преступленіемъ не выразить по совѣсти сущую правду, я доложилъ государю, что урожай въ нынѣшнемъ году очень плохъ и присовокупилъ, что тѣмъ болѣе положеніе губерніи дурно, что и въ будущемъ году нельзя предвидѣть урожая озимыхъ хлѣбовъ, ибо по случаю сильныхъ засухъ и совершеннаго съ іюня мѣсяца бездождя, никто почти посѣвовъ не начиналъ, кто и началъ, то съ рискомъ ничего не получить, бросая сѣмена въ пыль и, конечно, уменьшая посѣвы противъ прежнихъ годовъ.—Настоящія слова мои, сущей справедливости, были прерваны возраженіемъ мнѣ господина начальника Харьковской губерніи, генераль-лейтенанта Лужина, что «всѣ посѣвы озимыхъ хлѣбовъ по всей губерніи уже кончились». Пораженный этими словами, выражавшими совершенное противорѣчіе моимъ словамъ и какъ бы то, что я неправду доложилъ государю императору, я не могъ постигнуть побудительной причины, заставившей г. Лужина сказать то, что тѣни правды не имѣло, и, приписывая обстоятельство это обычной разсѣянности г. Лужина, возразилъ ему, что «по времени года посѣвы должны были бы кончиться, но по случаю засухъ, полагаю и вашему превосходительству не безызвѣстно, что нигдѣ почти не начинались посѣвы»,—на что снова г. Лужинъ возразилъ:—«Мнѣ положительно извѣстно, что вездѣ посѣвы кончились». Изъ этихъ словъ, видя намѣренное желаніе г. Лужина выставить меня какъ сказавшимъ неправду, или же защитить, вѣроятно, прежде доложенныя имъ его величеству слова: «все по губерніи обстоитъ благополучно» и сознавая правоту словъ моихъ и тяжесть оскорбленія, мнѣ нанесеннаго, я, въ отвѣтъ на послѣднія слова г. губернатора, объяснилъ, что о неокончаніи посѣвовъ въ сѣверныхъ уѣздахъ мнѣ извѣстно чрезъ гг. уѣздныхъ предводителей, прибывшихъ для встрѣчи государя императора, относительно же южныхъ уѣздовъ мнѣ извѣстно, какъ тамошнему помѣщику; на что снова г. Лужинъ выразилъ, что онъ только что возвратился изъ южныхъ уѣздовъ и лично ему извѣстно, что посѣвы тамъ кончились. Столь неожиданный и не именуемый поступокъ г. Лужина, въ присутствіи августѣйшаго нашего монарха и другихъ особъ, не могъ не оскорбить меня до глубины души, какъ представителя дворянства Харьковской губерніи и какъ дворянина, не позволившаго себѣ во всю жизнь говорить неправду, подобно сказанной Лужинымъ, и неизвѣстно въ какихъ предѣлахъ нарушеннаго г. Лужинымъ приличія осталось бы объясненіе между мною и г. Лужинымъ, еслибы его величество не пресѣкъ бы послѣднее возраженіе г. Лужина, предложеніемъ мнѣ вопроса о запасахъ хлѣба

прежнихъ лѣтъ. Тотчасъ по окончаніи стола, государю императору благоугодно было обратиться съ вопросами объ урожаѣ, посѣвѣ сего года и запасахъ хлѣбныхъ, какъ бы провѣряя пререканія, за обѣдомъ бывшія, къ четыремъ изъ гг. уѣздныхъ предводителей: харьковскому, ахтырскому, сумскому и изюмскому, и всѣ эти четыре предводителя не могли другого сказать, какъ святую правду, что повсемѣстный неурожай и засуха, препятствующая началу посѣвовъ озимыхъ хлѣбовъ и что запасовъ въ губерніи почти вовсе не имѣется, по случаю дурныхъ урожаевъ и разныхъ несчастій, въ теченіе десяти лѣтъ продолжающихся. Слова гг. предводителей, составлявшія рѣзкое противорѣчіе словамъ г. начальника губерніи, подтверждали справедливость моихъ словъ и утверждали тѣмъ самимъ неумѣстность и неосновательность ложнаго возраженія, сдѣланнаго мнѣ г. Лужинымъ въ присутствіи государя императора»...

Незадолго до окончанія обѣда, на нашей сторонѣ стола, графъ Адлербергъ, обращаясь къ Бахметеву, спросилъ:

— У васъ десять уѣздовъ въ губерніи?

— Нѣтъ, графъ, одиннадцать.

— Какъ одиннадцать?

И, окинувъ взглядомъ весь столъ, сказалъ:

— Я вижу десять предводителей, вы одиннадцатый?

— Нѣтъ, графъ, одиннадцать уѣздныхъ предводителей, а я двѣнадцатый, и они всѣ здѣсь на лицо; вы не обратили вниманія, что ахтырскій предводитель, генераль Шрейдеръ, въ военномъ мундирѣ.

Это, повидимому, была вторая провѣрка, и она сошла благополучно, потому что вмѣсто большихъ двухъ предводителей были ихъ кандидаты. Немного погодя, Бахметевъ продолжалъ:

— Впрочемъ, можно сказать, пожалуй, что у насъ и десять только уѣздовъ.

— Это какимъ образомъ? — сказалъ удивленно графъ Адлербергъ.

Разговоръ этотъ, начатый вполголоса, постепенно оживлялся, такъ что государь, услышавъ удивленный вопросъ графа Адлерберга, спросилъ, чему онъ удивляется.

— Графъ спрашивалъ у меня, ваше величество, сколько у насъ уѣздовъ, десять или одиннадцать, такъ какъ, сосчитавъ сидящихъ здѣсь предводителей, насчиталъ десять дворянскихъ мундировъ, а одиннадцатаго, въ обще-генеральскомъ мундирѣ, Шрейдера, не замѣтилъ.

Государь улыбнулся и все бы окончилось хорошо, еслибъ Бахметевъ, должно быть, вслѣдствіе столкновенія съ Лужинымъ, не былъ слишкомъ взволнованъ.

— Впрочемъ, если строго разбирать, — сказалъ Бахметевъ, — то у насъ въ губерніи только десять уѣздовъ.

— Какъ это? — спросилъ государь.

— А потому, ваше величество, что когда Харьковская губернія называлась еще Слободско-Украинскою, и пользовалась правами свободнаго винокурения, то Старобѣльскій уѣздъ отчислили къ Воронежской губерніи и эту привиллегію у него отняли, когда же вновь присоединили уже къ Харьковской губерніи, то этой привиллегіи не отдали.

Легко себѣ представить, какъ поразила всѣхъ присутствовавшихъ эта неприличная, громко сказанная, тирада. Воцарилась мертвая тишина. Всѣ мы были поражены необыкновенной добротой государя, ничего не сказавшаго на слова Бахметева, который вдругъ сталъ, какъ обваренный, сообразивъ только теперь все неприличіе своихъ словъ. Къ счастью, обѣдъ былъ уже конченъ, государь всталъ, и всѣ мы послѣдовали за нимъ въ другую залу, гдѣ разносили кофе и ликеры. Государь закурилъ сигару и съ чашкою въ рукѣ переходилъ отъ одной группы предводителей къ другой, милостиво разговаривая.

Подойдя къ группѣ, гдѣ стояли четверо: Римскій-Корсаковъ, Шрейдеръ, Савичъ и я, государь сказалъ:

— Вы жалуетесь на плохой урожай (значитъ, государь не забылъ возраженія Бахметева Лужину), а я, возвращаясь изъ Чугуева, видѣлъ по дорогѣ огромные запасы хлѣба.

Мы высказали государю, что урожай былъ очень плохой и мало надежды и на будущее, такъ какъ, по причинѣ бездождія, рѣдко гдѣ начали сѣять, а время озимыхъ посѣвовъ почти на исходѣ, добавивъ, что и запасовъ весьма мало. Корсаковъ же прибавилъ:

— Относительно тѣхъ запасовъ хлѣбовъ, что ваше величество изволили видѣть по дорогѣ изъ Чугуева, то эти запасы въ имѣніяхъ перваго богача всего южнаго края, Сомова, который продаетъ свой хлѣбъ только въ голодные годы, когда цѣна чрезвычайно возвышается.

Удружилъ Корсаковъ своему пріятелю Сомову. Дѣйствительно, его тока всегда завалены скирдами хлѣба немолоченнаго, пока надобность не укажетъ; въ то время паровыхъ молотилокъ нигдѣ не было и оцѣнка хорошаго хозяина выражалась такъ: отличный хозяинъ, сколько хлѣба на току. По теперешнему, задержать хлѣбъ на току немолоченнымъ, считается преступленіемъ въ хозяйствѣ, а какъ осмотришься вокругъ, то, пожалуй, эта привычка старыхъ временъ и не такъ преступна. Старинные хозяева теряли, это правда, оттого, что не скоро молотили хлѣбъ, но они не затрачивали громаднхъ денегъ на разныя машины, съ которыми трудно было бы справляться, не имѣя пріученныхъ людей, признавая одного только Бутенопа, и на введеніе такъ называемаго рациональнаго хозяйства въ нашихъ степяхъ, при восточномъ суховѣѣ, немислимаго. За то у нихъ былъ и хлѣбъ, были и деньги, и неурожай

посѣщали ихъ рѣдко. Новые же хозяева и хлѣбъ едва успѣютъ увидѣть, потому что нерѣдко онъ продается еще на корню, и денегъ ни у кого нѣтъ, а неурожаи посѣщаютъ изъ года въ годъ.

Проговоривъ съ нами съ полчаса, государь удалился во внутреннія комнаты и вскорѣ вышелъ въ дорожномъ сюртукѣ, безъ эпюлетъ, съ бѣлою фуражкой въ рукахъ, милостиво распрощался, и мы пошли вслѣдъ за нимъ по лѣтницѣ. Надо сказать, что погода съ самаго утра хмурилась, а какъ только мы сошли съ лѣстницы и ступили на площадку, сразу пошелъ чудесный, тихій, густой дождь. Государь приостановился и, обращаясь къ намъ, сказалъ:

— А вотъ, господа, и давно желанный вами дождь, поздравляю васъ.

— Это приѣздъ вашего величества принесъ намъ счастье, — отвѣчали мы.

Тутъ случился маленькій забавный эпизодъ. У подъѣзда стояла коляска, шестерикомъ почтовыхъ лошадей. Когда государь вышелъ на крыльцо, ямщикъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть на козлахъ, стоялъ преспокойно подлѣ коляски, а на козлахъ торжественно возсѣдалъ великолѣпный черный пудель, любимая государева собака, постоянно сопровождавшая его въ путешествіяхъ¹⁾. Сначала, пока государь говорилъ съ нами, никто этого не примѣтилъ, а какъ только тронулся государь съ крыльца, губернаторъ увидѣлъ и закричалъ на ямщика, отчего онъ не на козлахъ. Ямщикъ преспокойно отвѣтилъ, указывая на козлы:

— Никакъ нельзя, ваше превосходительство, тамъ ихъ благородіе сидятъ.

Государь разсмѣялся и сказалъ ямщику:

— А ты ихъ оттуда кнутикомъ.

Этимъ веселымъ эпизодомъ и окончилось памятное намъ пребываніе государя въ Харьковѣ.

IV.

Прошелъ годъ, и ожиданія эмансипаціи чаще и чаще стали повторяться. Въ концѣ 1806 года къ намъ былъ назначенъ новый губернаторъ, свиты его величества генераль-майоръ Алексѣй Петровичъ Ахматовъ. Съ удовольствіемъ я вспоминаю объ этой во всѣхъ отношеніяхъ свѣтлой личности. Прекрасно образованный (окончивъ въ университетѣ курсъ, онъ поступилъ въ кавалергарды и потомъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ), съ симпатичною наружностью, добрымъ сердцемъ и твердымъ характеромъ, въ высшей степени религіозный, всегда и со всѣми привѣтливый и очень доступный, всегда готовый къ участію въ добромъ дѣлѣ или на

¹⁾ Извѣстный черный сетеръ былъ уже послѣ пуделя.

защиту угнетеннаго, притомъ съ отличными матеріальными средствами, человекъ этотъ въ самое короткое время завоевалъ себѣ всеобщія симпатіи и оставилъ по себѣ добрую память въ губерніи. Главною его чертою была безпредѣльная преданность ко всей царственной семьѣ, его любовь къ ней переходила въ обожаніе. Къ большому сожалѣнію, онъ недолго оставался губернаторомъ и былъ призванъ прямо на высокій государственный постъ: онъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Съ небольшимъ годъ пришлось мнѣ служить съ нимъ, но и за это короткое время я успѣлъ полюбить его отъ всей души.

Служебныя дѣла его шли въ безукоризненномъ порядкѣ, проискамъ и разнымъ забѣганіямъ не было ходу. Человекъ съ независимымъ положеніемъ, онъ поддавался только вліянію своего добраго сердца, никогда не сходилъ съ законнаго пути, и счастье было для Харьковской губерніи имѣть такого губернатора въ то трудное и безпокойное время. Я приписываю исключительно ему то обстоятельство, что начало эмансипаціи, сравнительно съ другими губерніями, прошло совершенно спокойно, безъ тѣхъ печальныхъ недоуразумѣній, которыя были въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

Вотъ съ такимъ-то губернаторомъ предстояло намъ приняться за великое дѣло освобожденія крестьянъ.

По первому взгляду оно кажется страннымъ: государь желаетъ освободить крестьянъ, дворянство съ полною готовностью отнеслось къ этому дѣлу, крестьянамъ оставалось только радоваться осуществленію давнишней ихъ мечты, а на дѣлѣ вышло далеко не такъ. Съ одной стороны, не смотря на добровольно выраженную готовность, оставалась затаенная досада, что приходится разстаться съ былыми привычками и оставить беззаботную жизнь; съ другой стороны, неудовлетворенныя ожиданія, вслѣдствіе непониманія дѣла; тридцатимилліонное населеніе, при его низкомъ умственномъ развитіи, никакъ не могло понять сразу, что воля и своеволие не одно и то же. Я вольный — значить, дѣлаю, что хочу, и знать никого не хочу. Такъ понимало большинство крестьянъ, и разбирая строго, ихъ и винить въ этомъ нельзя; кромѣ того, въ нихъ вкоренилась увѣренность въ томъ, что вся земля должна принадлежать имъ и бесплатно, а что только частица земли можетъ остаться помѣщикамъ. Вотъ тутъ-то и предстояла нелегкая задача: не задѣвая однихъ, не насилуя другихъ, устроить такъ, чтобы безъ особенно сильныхъ потрясеній, все постепенно вошло въ законномъ установленномъ колею.

Но я зашелъ нѣсколько впередъ; возвращаюсь ко времени назначенія Ахматова.

Всякая переимѣна начальства всегда отражается на административной машинѣ; человекъ ужъ такъ устроенъ, что являясь на какое бы ни было воеводство, ему невольно кажется, что предше-

ственникъ его дѣйствовалъ недостаточно хорошо, и то не такъ, и другое не такъ, а вотъ я поведу дѣло иначе; и по пословицѣ: всякъ молодецъ на свой образецъ, начинается ломка. Переменная губернатора, при ожиданіи не сегодня—завтра—высочайшаго манифеста, нѣсколько обезпокоила насъ; мы боялись, что придется работать съ новымъ человѣкомъ, каковъ-то онъ еще будетъ, да и какъ онъ будетъ дѣйствовать, не зная никого въ губерніи, незнакомый ни съ провинціальною жизнью, ни съ деревенскимъ бытомъ; одно только мы знали, что это военный и, вѣроятно, мало знакомый съ гражданскими порядками, и подъ такимъ впечатлѣніемъ мы тревожно ожидали приѣзда новаго губернатора; да, кромѣ того, меня нѣсколько безпокоилъ и Бахметевъ. Зная его задорный характеръ, я вправѣ былъ опасаться неминуемаго столкновенія, а ссора губернатора съ губернскимъ предводителемъ, при предстоящемъ дѣлѣ, куда какъ была бы не кстати. Вся предстоящая работа должна была выполняться предводителями и, вообще, дворянствомъ, а какъ можно дѣйствовать успѣшно, безъ содѣйствія административной власти, т. е. когда не будетъ гармоніи между губернаторомъ и предводителями.

Прошло нѣкоторое время по приѣздѣ Ахматова, и я, къ сожалѣнію, не могъ съѣздить въ Харьковъ, чтобы познакомиться съ новымъ губернаторомъ и увидѣть, съ какимъ человѣкомъ предстоитъ имѣть дѣло. Случилось нѣсколько неотложныхъ дѣлъ, и я дождался того, что получилъ эстафету отъ Бахметева, въ которой онъ передавалъ мнѣ, что Ахматовъ очень желаетъ видѣть меня, и даже удивляется, что я не ѣду, что онъ уже познакомился со всѣми предводителями, а изюмскаго не знаетъ, что въ виду предстоящаго дѣла ему крайне необходимо знать всѣхъ будущихъ дѣятелей. Я отвѣчалъ Бахметеву, что пройдетъ не больше двухъ-трехъ дней, и я, закончивъ дѣла, приѣду.

Первое знакомство съ Ахматовымъ произвело на меня очень пріятное впечатлѣніе, которое сохранилось у меня и до конца моего съ нимъ знакомства, то есть почти до самой, къ сожалѣнію, слишкомъ ранней его смерти. Какъ человѣкъ новый, онъ старался ознакомиться съ положеніемъ края, настроеніемъ населенія, подробно и внимательно разспрашивалъ обо всемъ, и я съ полной откровенностью старался нарисовать ему полную картину нашей мѣстности. Тутъ же я узналъ, что Ахматовъ былъ большой пріятель съ Николаемъ Бахметевымъ, старшимъ братомъ нашего губернскаго предводителя (они въ молодости были оба кавалергардами), на что я высказалъ полное удовольствіе, что надежда на дружбу къ старшему брату поможетъ остаться въ добрыхъ отношеніяхъ и съ младшимъ. «О, на этотъ счетъ не безпокойтесь,—сказалъ Ахматовъ,—хотя и за короткое время, но я его хорошо узналъ. Онъ добрый малый, очень способный работать и хорошо направленный, не лю-

бить только удерживать свой язычекъ, но мы съ нимъ не поссоримся. Онъ не въ мѣру горячъ, а я привыкъ управлять собою, надѣюсь, что съ нимъ мы будемъ дружно работать».

Понятно, что такой отзывъ былъ намъ очень пріятенъ.

Нѣсколько разъ еще побывалъ я въ Харьковѣ. Какъ-то разъ зашелъ у насъ разговоръ съ Ахматовымъ объ одномъ весьма не пріятномъ дѣлѣ. Много лѣтъ назадъ, вслѣдствіе неурожайныхъ годовъ и низкихъ цѣнъ, правительство разрѣшило выдавать изъ государственнаго банка ссуды подъ залогъ продуктовъ, нуждающимся дворянамъ, что было названо продовольственными ссудами. Эта операція совершалась такъ: есть у помѣщика хлѣбъ, спиртъ, и т. п. продукты, цѣны низкія, продать не хочется, а денегъ нужно. Тогда этотъ помѣщикъ обращается къ предводителю съ заявленіемъ, что у него есть такіе-то продукты, въ справедливости чего ручаются два помѣщика, предводитель выдаетъ удостовѣреніе въ благонадежности лица, а исправникъ указываетъ мѣстныя цѣны и помѣщикъ получаетъ изъ государственнаго банка ссуду на извѣстный срокъ, подъ залогъ заявленныхъ продуктовъ. Но, къ сожалѣнію, практикуется вообще выдавать изъ банковъ половину противу оцѣнки, а въ этомъ случаѣ, такъ какъ цѣны на хлѣбъ неустойчивы, то выдавалось меньше, чуть ли не третья часть, не помню навѣрно; а потому помѣщикъ, у котораго была тысяча четвертой хлѣба, продать можетъ, положимъ, за шесть тысячъ, а ему даютъ въ ссуду только двѣ тысячи рублей, и выходило въ большинствѣ случаевъ такъ, что вмѣсто имѣющихся 1,000 чет., закладывалось 3,000 чет., поручители въ наличности хлѣба всегда находились, такъ какъ они въ свою очередь нуждались въ поручительствѣ и образовалась, такимъ образомъ, система взаимнаго одолженія. Проходилъ 9-ти мѣсячный срокъ, платить, разумѣется, нечѣмъ, приходилось дѣлать новый залогъ, а въ виду предстоящихъ расходовъ: проценты, развѣзды и проч., представлялось свидѣтельство уже не на 3,000 а на 4 или на 5,000 чет. и т. д.; клубокъ наматывался. Болѣе рискованные, стали закладывать не тысячи, а десятки тысячъ четв. хлѣба, а для вяцшаго разнообразія, не только хлѣбъ, спиртъ, сахаръ и прочіе дѣйствительно могущіе быть у насъ продукты, а какъ оказалось, впоследствии, на примѣръ, тысячи пудовъ маку, канарейчнаго сѣмени, и прочаго фантастическаго матеріала. Удостоверенія получались легко, банковскіе чиновники наблюдали только, чтобы бумаги были по формѣ, и все шло какъ по маслу; легко получаемыя деньги, еще легче улетучивались. Понятно, что такой порядокъ не могъ продолжаться долго и, наконецъ, грянула гроза. Въ Петербургѣ узнали и было назначено строжайшее слѣдствіе. Какъ только дошелъ слухъ о слѣдствіи, бросились выкупать свои фантастическіе залого. Но всѣ сдѣлать этого не могли, трудно достать большія деньги, а особенно скоро, и слѣдствіе началось. Бо-

дѣе 300 лицъ отданы были подѣ судѣ, съ наложеніемъ запрещеній на ихъ имѣнія. Прошло нѣкоторое время, долги понемногу выплачивались, а нахожденіе подѣ судомъ оставалось. Хлопотали прежніе губернаторы и губернскіе предводители, но рѣшенія ни какого не послѣдовало. Вотъ объ этомъ-то дѣлѣ заговорили предводители съ Ахматовымъ, прося его принять участіе въ ходатайствѣ передѣ государемъ о помилованіи состоящихъ подѣ судомъ, что онъ охотно обѣщаль и успѣлъ исходатайствовать. Изъ дворянъ нашего уѣзда, къ счастью, ни одинъ не попалъ подѣ судѣ.

По поводу ожидаемаго высочайшаго манифеста, предводители много разѣ бесѣдовали съ Ахматовымъ о предстоящемъ дѣлѣ, для болѣе успѣшнаго и однообразнаго его веденія, а мой домъ постоянно былъ наполненъ пріѣзжавшими изъ уѣзда помѣщиками, услышать что нибудь новенькое. Понятно и естественно было всеобщее возмущеніе и, наконецъ, 9-го марта, получилъ я по эстафетѣ письмо отъ Бахметева, что, 5-го, высочайшій манифестъ былъ объявленъ въ Петербургѣ и Москвѣ, и что 6-го числа выѣхаль изъ Петербурга флигель-адъютантъ, полковникъ, графъ А. Шуваловъ и везетъ манифестъ и Положеніе 19-го февраля къ намъ въ Харьковъ. Я тотчасъ поскакалъ въ Харьковъ; у Ахматова видѣлся съ графомъ Шуваловымъ и, 12-го, къ вечеру былъ уже въ Изюмѣ съ манифестомъ и цѣлыми тюками, присланныхъ для уѣзда Положеній, по числу владѣльцевъ. Дорога была убійственная, начинался весенній разливъ, и если я не утонулъ или, по крайней мѣрѣ, не застрялъ въ зажорахъ, то обязанъ этимъ, вѣроятно, тому, что везъ такую драгоценность, какъ высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

Отѣзжая въ Харьковъ, я распорядился, чтобы нѣсколько дворянъ, служившихъ по выборамъ, исправникъ и два становыхъ были налицо, въ ожиданіи моего возвращенія. Вечеромъ того же дня составленъ былъ у меня родъ военнаго совѣта; распредѣлили уѣздъ на нѣсколько частей, по числу присутствовавшихъ лицъ, которые должны были развезти манифесты и Положенія по уѣзду; рѣшили такъ, чтобы въ каждой церкви былъ прочитанъ священникомъ высочайшій манифестъ, отслуженъ молебенъ, а по выходѣ изъ церкви, каждый командированный, долженъ прочитать второй разъ манифестъ, съ запрещеніемъ пускаться въ какія либо толкованія Положенія, съ которымъ никто изъ насъ и познакомиться хорошо не успѣлъ. Мы составили краткую инструкцію, что слѣдуетъ сказать, не прибавляя ни слова, чтобы не запутаться.

У насъ въ уѣздѣ было 45 церквей, и каждому изъ насъ, всего 7 человекъ, досталось по нѣсколько приходоу, которые мы должны были объѣхать въ возможной скорости и возвратиться въ Изюмъ для составленія общаго доклада. Посланы разсылные съ предписаніемъ по экономіямъ, чтобы къ назначенному по расчету времени,

всѣ поголовно крестьяне дѣлаго прихода были собраны у церкви, кромѣ крайне необходимыхъ въ экономіи служащихъ: чабановъ, пастуховъ и т. п. Въ подобныхъ занятіяхъ прошла у насъ вся ночь напролетъ. Утромъ въ 9 часовъ вся площадь залита была народомъ, и когда всѣ назначенные собрались у меня, мы отправились въ соборъ. Мы рѣшили выѣхать всѣмъ разомъ послѣ объявленія въ Изюмѣ, при которомъ всѣ, присутствуя, будутъ видѣть, что нужно дѣлать и говорить и, слѣдовательно, будетъ болѣе единообразія въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Надо было видѣть возбужденное выраженіе лицъ собравшагося народа, когда мы въ полномъ парадѣ, въ мундирахъ проходили среди громаднаго стеченія жителей почти всего города. Понятно, что и десятая часть собравшихся не могла помѣститься въ церкви, а потому я былъ доволенъ, что назначилъ вторичное чтеніе на площади; тѣмъ болѣе, что хотя соборный протоіерей былъ немолодой уже священникъ, привычный къ торжественнымъ служеніямъ болѣе чѣмъ сельскіе священники, но и этотъ почтенный служитель церкви несовершенно спокойно началъ служеніе, а когда началъ читать манифестъ, голосъ его замѣтно дрожалъ и чтеніе его было далеко не такое внятное, какъ въ обычное время. Ему приходилось объявлять о событіи небываломъ, и хотя уже давно ожидаемомъ, но все же явившимся какъ будто внезапно.

Теперь, когда прошло уже болѣе четверти столѣтія съ того дня, могутъ показаться странными, описываемыя мною волненія и тревоги, но кто переживалъ эти минуты, тѣ должны помнить, то душевное настроеніе каждаго, то невольное трепетное безпокойство, овладѣвшее всѣми; это не былъ страхъ, далеко нѣтъ, а какое-то необъяснимое чувство неизвѣстности будущаго, опасенія неправильнаго шага, могущаго повлечь печальныя и неисправимыя послѣдствія; въ такомъ напряженномъ настроеніи, я увѣренъ, находилась вся Россія въ великій моментъ появленія манифеста.

Когда выходили изъ церкви, я замѣтилъ на лицахъ выходившихъ полное недоумѣніе, ясно говорившее, что мало кто чтонибудь понялъ, а небывшіе въ церкви, понятно, ничего не могли слышать. Богъ наградилъ меня широкою грудью и звучнымъ голосомъ, и я могъ прочитать такъ, чтобы слышно было на возможно большее разстояніе.

Я взялъ манифестъ, снялъ шляпу и мертвая тишина воцарилась въ этой громадной толпѣ, стоявшей съ открытыми головами. Я началъ чтеніе не торопясь, какъ бы отчеканивая каждое слово. По окончаніи, въ короткихъ словахъ, объяснилъ слова манифеста, разъяснилъ, что вдругъ, сразу, ничего нельзя сдѣлать и что поэтому государю угодно было назначить 2 года для того, чтобы все привести въ порядокъ и приготовить къ тому дню, когда всѣ крѣпостные сдѣлаются свободными, и что эта высочайшая воля, разъ

объявленная, никогда и никѣмъ измѣнена быть не можетъ. Поздравляю всѣхъ васъ,—ура!

Страшный взрывъ восторженныхъ криковъ раздался на площади, а мы тотчасъ же, не заходя по домамъ, подошли къ своимъ экипажамъ, и прямо съ площади поскакали, каждый къ своему участку.

Еще задолго передъ этимъ, по поводу разныхъ проходимцевъ, смущавшихъ народъ своими рассказами, я собиралъ своихъ крестьянъ, совѣтывалъ не слушать и не вѣрить разнымъ нелѣпымъ рассказамъ, что это не доведетъ до добра, а что я, какъ служащій, узнаю скорѣе другихъ и что какъ только выйдетъ настоящая воля, то они, если будутъ ожидать спокойно, услышатъ объ этомъ отъ меня перваго. Въ силу такого обѣщанія, я при распредѣленіи участковъ, взялъ на себя тотъ приходъ, къ которому принадлежали мои крестьяне, а такъ какъ имѣнія моихъ родныхъ находились въ томъ же окологдѣ, то мнѣ довелось объявлять манифестъ и крестьянамъ моихъ родственниковъ; въ этомъ оказалось нѣкоторое неудобство, о чемъ скажу въ свое время.

Со мной ѣхалъ на козлахъ, служившій при мнѣ, отставной конно-артиллеристъ батарейный фельдфебель Вороненко, красивый и представительный воинъ, грудь покрыта орденами и притомъ георгиевскій кавалеръ. Когда я оставилъ службу, то Вороненко перешелъ къ моимъ намѣстникамъ-предводителямъ и по настоящее время онъ еще живъ и хотя старикъ, но еще служить теперь швейцаромъ въ изюмскомъ клубѣ. Онъ оказалъ мнѣ немалую услугу тѣмъ, что когда я, по объявленіи манифеста, возвращался въ домъ, онъ оставался нѣкоторое время съ крестьянами, объясняя имъ своимъ языкомъ то, что я признавалъ полезнымъ и тѣмъ способствовалъ до нѣкоторой степени успокоенію умовъ; къ нему крестьяне относились съ большимъ довѣріемъ, какъ къ человѣку ихъ среды.

Объявивъ въ двухъ приходахъ по пути, я на ночь пріѣхалъ въ домъ моей матери. Въ имѣніи этомъ церковь, и по этому на утро другого дня назначено было собрать приходъ, къ которому, кромѣ моего, принадлежали и имѣнія братьевъ моихъ. Объявленіе прошло благополучно, только бѣдный нашъ священникъ до того растерялся, что стоялъ съ манифестомъ въ рукахъ, губы шевелились, а звука никакого. Долго онъ такъ стоялъ, кое-какъ собрался и началъ чтеніе, но что это было за чтеніе, я стоялъ подлѣ священника и ни одного слова не разобралъ. Подлѣ церкви я читалъ манифестъ и объяснялъ народу. Въ тотъ же день собранъ былъ сосѣдній приходъ, куда я съѣздилъ послѣ обѣда. На слѣдующій день утромъ я пріѣхалъ въ имѣніе моего зятя, гдѣ тоже собранъ былъ весь приходъ. Въ домѣ я нашелъ нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ, человѣкъ уже пожилой. Онъ обратился ко мнѣ съ довольно странной фразой, озадачившей

присутствующихъ:—«Я считаю долгомъ сообщить вамъ, г. предводитель, что когда вы объявили манифестъ въ с. Даниловкѣ, какой-то коробейникъ (пѣшій разносчикъ товаровъ) прямо изъ Даниловки пришелъ въ мою деревню и передавалъ, что онъ слышалъ и какъ понялъ, вслѣдствіе чего народъ началъ волноваться и кричать: «що жъ се за воля така, робыть якъ робыли» и т. п., и я своими ушами слышалъ, какъ поваръ мой, очень скверный и злой человѣкъ, кричалъ: «що се таке, пріихавъ до родычей и чита чортъ зна що; коли винъ стане тоже тутъ читать, я ему брюхо выпущу». Я ему отвѣтилъ, что отъ похвалы до исполненія далеко.—По крайней мѣрѣ, есть ли съ вами оружіе? Я сказалъ ему, что у меня всегда въ чемоданѣ есть револьверъ, но что въ церковь его я не возьму и, вообще, считаю оружіе лишнимъ.—«Ну какъ знаете, дѣло ваше, а я съ вами не пойду». И такъ я отправился только въ сопровожденіи зятя моего, остальные остались въ домѣ. Разумѣется, никакихъ демонстрацій я не встрѣтилъ, все обошлось такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ, крестьяне разошлись, спокойно, хотя, повидимому, не вполне удовлетворенные. Еще припоминаю одно предостереженіе, нѣсколько иного характера. Пріѣзжаю въ слѣдующій приходъ и отправляюсь, въ ожиданіи пока все будетъ готово, въ домъ къ помѣщику. Это былъ богатый уважаемый старикъ, Иванъ Петровичъ Плещеевъ, довольно начитанный, съ здравымъ умомъ, и очень практичный, отличный хозяинъ, знающій народный бытъ и нужды народные, извѣстный въ околдкѣ подъ названіемъ «головатый папъ», но какъ старый человѣкъ, неохотно разстававшійся съ своими убѣжденіями. Въ своемъ кружкѣ онъ считался оракуломъ и сосѣдніе помѣщики, которыхъ было не мало, смотрѣли его глазами, а потому ихъ разсужденія были порядочно-таки отсталыя. Главный предметъ ихъ бесѣдъ, какъ и повсемѣстно, была предстоящая эмансипація. Если случалось, что кто либо изъ себе-сѣдниковъ, пробовалъ оспаривать его предположенія, то для убѣжденія главнымъ аргументомъ у него былъ сынъ, въ то время служившій въ Петербургѣ въ одномъ изъ министерствъ. «Сынъ мнѣ пишетъ то-то» и за тѣмъ не принимались никакія возраженія. Надо правду сказать, что сынъ въ своихъ письмахъ къ отцу, правдиво передавалъ столичные слухи по вопросу, интересовавшему тогда всѣхъ; но съ одной стороны и Петербургъ тогда ничего опредѣленнаго не зналъ, это было достояніемъ немногихъ посвященныхъ, а съ другой стороны старикъ, по чувству весьма понятному, изъ всего что писалъ сынъ, давалъ вѣру тѣмъ только слухамъ, которые ему были болѣе по вкусу.

Сдѣлаю небольшое отступленіе, чтобы нѣсколько обрисовать эту оригинальную и своеобразную личность. Въ имѣніи его, селѣ Богодаровкѣ, была прекрасная большая церковь, богатый иконостасъ, иконы работы петербургскихъ академиковъ, очень строй-

ный хоръ пѣвчихъ и очень представительное духовенство. Вообще въѣшность и порядокъ богослуженія были, если можно такъ выразиться, чрезвычайно эффектны. Съ давняго времени, съ самаго основанія имъ устроеннаго храма, Плещеевъ былъ церковнымъ старостою, и заботы о храмѣ и мѣстная уѣздная политика составляли два главныхъ пункта его постоянныхъ разговоровъ и занятій. Содержаніе церкви въ такомъ блестящемъ видѣ требовало, разумѣется, большихъ денегъ, и Плещеевъ ихъ не жалѣлъ. Слышалъ я, что онъ на устройство и поддержаніе церкви, при своей жизни, издержалъ болѣе ста тысячъ и завѣщаніемъ оставилъ для церкви тысячу пятнадцать.

Приходъ этой церкви относительно не великъ, но церковные доходы сдѣлались значительными послѣ Крымской кампаніи и вотъ почему: подъ Москвою, въ одномъ изъ монастырей, еще патріархомъ Никономъ построенъ былъ храмъ по образцу храма въ Іерусалимѣ и названъ Новымъ Іерусалимомъ. Съ разрѣшенія архіерея, Плещеевъ устроилъ въ своей церкви склепъ, въ которомъ поставленъ гробъ на подобіе гроба Господня, покрытый плащаницею; по-надъ стѣнами устроена Голгова, камень, на которомъ Спаситель сидѣлъ и на столикѣ, подъ стекломъ, лежали 30 сребренниковъ, подобныхъ тѣмъ, за которые былъ проданъ Спаситель. Окончаніе устройства гроба, и его открытіе для богомольцевъ, совпало съ Крымской войной, которая произошла изъ-за права владѣнія гробомъ Спасителя, и вотъ прошелъ въ народѣ слухъ, что изъ опасенія, чтобы гробъ Господень не попалъ въ руки нехристей, его перевезли изъ Іерусалима въ Россію и, именно, въ церковь Плещеева. Народъ повалилъ на поклоненіе, молебновъ не успѣвали служить для всѣхъ желающихъ, съ утра и до ночи богомольцы наполняли не только церковь, но и прилегающую площадь. Значительные доходы послужили еще къ большому благолѣпію храма, а также и къ благоденствію духовенства, что, весьма натурально, возбуждало зависть посторонняго духовенства.

Таковъ былъ помѣщикъ, въ домъ котораго я вошелъ. Предупрежденный повѣсткой, онъ зналъ о моемъ приѣздѣ, и я засталъ у него человѣкъ десять его сосѣдей.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Иванъ Петровичъ, чрезвычайно взволнованный, сталъ меня уговаривать не объявлять манифеста. Понятно, какъ меня озадачила эта просьба. — «Молодой человѣкъ, — съ участіемъ обратился онъ ко мнѣ, — я знаю васъ давно, былъ пріятелемъ вашего отца, опомнитесь, что вы хотите дѣлать, вы погубите и себя и всѣхъ насъ; это дѣло отложено на десять лѣтъ, я знаю это навѣрно, имѣю письма отъ сына, онъ пишетъ, что это дѣло еще не рѣшено и едва ли когда либо будетъ». Долго пришлось мнѣ убѣждать старика, что сынъ могъ только писать ему о городскихъ слухахъ, что о ходѣ дѣла знали вѣрно только весьма

немногіе посвященные, что я только-что изъ Харькова, гдѣ у губернатора самъ читаль телеграммы, что, 5-го числа, уже объявленъ манифестъ въ Петербургѣ и Москвѣ, что я самъ получилъ манифестъ изъ рукъ губернатора, значить, не можетъ же онъ быть подложнымъ, что я уже объявилъ въ Изюмѣ и еще въ нѣсколькихъ приходахъ, и многое, тому подобное, пока, наконецъ, старикъ сталъ сдаваться и понемногу успокаиваться. Объяснилъ ему вкратцѣ содержаніе Положенія, прочиталь манифестъ и, наконецъ, когда пришли мнѣ доложить, что все готово, мы всѣ отправились въ церковь. Здѣсь пришлось мнѣ тоже убѣждать священника, который не рѣшался читать манифестъ, не довѣряя его подлинности и опираясь на то, что не имѣетъ на это разрѣшенія своего высшаго начальства, т. е. архіерея. Убѣдился онъ только тогда, когда я показаль ему указъ земскаго суда, въ которомъ сказано, что я «ѣду по высочайшему повелѣнію для объявленія манифеста, и что лица, власть имѣющія, обязаны выполнять всѣ мои законныя требованія под опасеніемъ за неисполненіе сего строжайшаго взысканія по законамъ» и добавилъ, что если онъ читать не будетъ, то я обойдусь и безъ него, но что онъ за это подвергнется большой отвѣтственности. Послѣ этого, священникъ рѣшился и все пошло обыкновеннымъ порядкомъ.

На четвертый день я былъ уже въ Изюмѣ и вскорѣ затѣмъ начали подѣлывать остальные командированные и представили мнѣ свои дорожные журналы, и я началъ составлять докладъ.

Общій выводъ былъ удовлетворительный. Объявленіе было сдѣлано одновременно во всемъ уѣздѣ, что предупредило праздые толки, если бы объявленіе протянулось долго, что и было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ другихъ губерній, гдѣ манифестъ и Положеніе разсылались по уѣзду съ обыкновенными рассыльными; рассказывали, что нѣкоторые рассыльные воспользовались случаемъ и продавали «волю» по деревнямъ; такъ какъ Положеніе 19-го февраля было разослано изъ Петербурга, за неимѣніемъ, вѣроятно, времени, переплетенное, то рассыльные раздавали отдѣльные листки и, разумѣется, вышла такая путаница, что стали проявляться волненія, вызвавшія печальную необходимость прибѣгнуть къ помощи военной силы. Всѣми ѣздившими съ объявленіемъ замѣчено было, что, вообще, крестьяне остались неудовлетворенными, они услышали не то, чего ожидали, и у всѣхъ осталась смутная надежда, что будетъ что нибудь другое, болѣе для нихъ пріятное, выводя это изъ назначеннаго двухлѣтняго переходнаго состоянія, и они называли это: «до двухъ литъ, до случнаго часу». Надежда, что рано или поздно, а вся земля будетъ ихъ, такъ прочно вкоренилась, что и по прошествіи болѣе 20 лѣтъ, они съ нею не расстались; это ясно подтверждается тѣмъ, что во время коронаціи 21-го мая 1883 года, государь императоръ всемилостивѣйше соизволилъ обратиться къ прибывшимъ на коронацію волостнымъ старшинамъ

съ слѣдующими словами: «Я очень радъ еще разъ видѣть васъ, душевно благодарю за ваше сердечное участіе въ торжествахъ нашихъ, къ которымъ такъ горячо отнеслась вся Россія. Когда вы разъѣдетесь по домамъ, передайте всѣмъ мое сердечное спасибо, слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства, и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпнымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно такъ же, какъ и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Богъ вамъ счастья и здоровья».

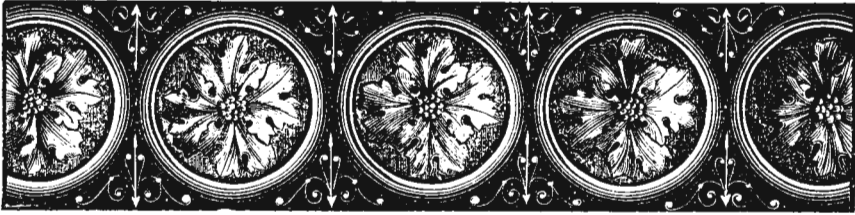
Весь объѣздъ уѣзда окончился въ пять дней, вездѣ было спокойно, если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ малозначащихъ случаевъ, окончившихся безъ послѣдствій. Составленъ былъ докладъ и я отправилъ его въ формѣ реляціи къ губернатору, по эстафетѣ, и вскорѣ затѣмъ самъ съѣздивъ въ Харьковъ, чтобы записать свѣжими свѣдѣніями.

Оставаться долго нельзя было, присутствіе мое въ Изюмѣ было необходимо, и возвратясь чрезъ нѣсколько дней, я засталъ кучу писемъ отъ помѣщиковъ съ вопросами, разпросами, ожиданіями указаній и т. п. Всѣмъ нужно было отвѣчать, а въ домѣ съ утра до ночи посѣтителы и уже не для пріятныхъ бесѣдъ или картъ, какъ бывало прежде, а у каждаго было какое либо дѣло, требующее немедленнаго разрѣшенія, жалобы на ослушаніе крестьянъ и проч. Въ то же время стали появляться и крестьяне съ жалобами на притѣсненія. Всѣ разборы недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, лежали по закону на предводителяхъ, впредь до назначенія посредниковъ. Я былъ доволенъ, что крестьяне съ довѣріемъ обращались ко мнѣ, это устранило много безпорядковъ, которые непременно проявились бы, если бы эти столкновенія разбирались по-прежнему, и хотя случалось бывать въ сильномъ затрудненіи при разборѣ дѣлъ, въ родѣ тѣхъ о которыхъ Гоголь сказалъ: «и та сторона вретъ, и другая сторона вретъ, и чортъ ихъ разберетъ», тѣмъ неменѣе кое-какъ, гдѣ просьбой, гдѣ увѣщаніемъ, а гдѣ и угрозой, дѣло улаживалось и все постепенно подвигалось впередъ.

Труда физическаго требовалось много, я чрезвычайно уставалъ; одна нескончаемая переписка замучила меня; безконечные разговоры съ посѣтителами, у каждаго изъ нихъ была настоящая необходимость, приходилось разъяснять, убѣждать, да хорошо еще, если спрашивающій принималъ резоны, а бывали и такіе субъекты, что ему ни говори, какъ въ стѣну горохъ, а желалось, чтобы всякій вышелъ отъ меня хотя сколько нибудь успокоенный. Иной разъ голова ходила кругомъ, и я скрывался изъ дому, чтобъ побродить немного по пустымъ улицамъ и освѣжиться.

А. Антоновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ Ю. В. ЖАДОВСКОЙ.

МОЖЕТЪ БЫТЬ, страннымъ покажется, что я, двоюродная сестра, воспитанница и другъ Юліи Валеріановны Жадовской, прожившая съ ней неразлучно съ восьмилѣтняго своего возраста до самой кончины ея, не участвовала въ изданіи ея сочиненій моими свѣдѣніями о ея жизни. Чтобы объяснить это, я должна коснуться нѣкоторыхъ семейныхъ дѣлъ. Отецъ Юліи Валеріановны, бывши почему-то недоволенъ своимъ сыномъ и женой его, все свое состояніе передалъ дочери; но Юлія Валеріановна, не желая воспользоваться этимъ, половину суммы, полученной за имѣніе, передала брату, а на оставшіяся у нея деньги купила усадьбу въ Костромской губерніи, которую, любя меня, какъ родную дочь, оставила мнѣ послѣ своей смерти. Это до такой степени раздражило ея брата, что онъ старался уничтожить ея духовную и даже бросить черную тѣнь на мою безпредѣльную привязанность къ моей второй матери; но не успѣлъ въ этомъ. Такимъ образомъ, при изданіи ея сочиненій онъ не обратился ко мнѣ за болѣе вѣрными свѣдѣніями, и поэтому въ біографію ея вкралось много невѣрностей и неполноты, что я считаю своей обязанностью исправить, въ память той, которой я всѣмъ обязана.

Какъ извѣстно по біографіи, въ 1824 году, 29 іюня, родилась Юлія Валеріановна Жадовская. Мать ея, урожденная Готовцова, была родная сестра той Готовцовой, на посланіе которой отвѣчалъ Пушкинъ. Въ семействѣ матери Жадовской всѣ обладали замѣчательными сценическими способностями и способностью писать стихи;

но ни у кого поэтической талантъ не проявился въ такой степени, какъ у Юліи Валеріановны. По несчастной случайности, мать Жадовской, на третьемъ мѣсяцѣ беременности, упала съ лѣстницы и, вслѣдствіе этого, дѣвочка родилась съ одной правой рукой, на которой было всего два развитыхъ пальца и третій небольшой только до ногтя; у лѣваго плеча были тоже два пальца, изъ которыхъ только одинъ могъ двигаться. Когда мать увидала недостатокъ дочери, она не только не огорчилась этимъ, но какъ будто обрадовалась, воскликнувъ: «она будетъ моимъ другомъ и моимъ утѣшеніемъ!» и, бывши очень несчастлива въ супружествѣ, всю страсть молодой души перенесла на дѣвочку. Ребенокъ всѣхъ поражалъ необыкновенной смышленостью, ловкостью и силой. Напримеръ: ей было не болѣе пяти или шести мѣсяцевъ, какъ одна хорошая знакомая дала ей варенья; черезъ нѣсколько минутъ, она, сидя на рукахъ у няньки, пальцами ноги подняла тарелочку съ вареньемъ и подала знакомой, чтобы та дала ей еще. Мать испугалась, что она будетъ все дѣлать ногами, и стала обувать ее; но на всю жизнь въ ней осталась необыкновенная гибкость въ ногахъ, которыми она, впоследствии, обутая въ ботинки, помогала себѣ при женскихъ рукодѣльяхъ, въ которыхъ была очень искусна. Черезъ годъ послѣ рожденія Жадовской, родился ея братъ; мать ея простудилась послѣ родовъ и получила скоротечную чахотку, отъ которой скончалась 22-хъ лѣтъ. Почувствовавъ, что ей остается жить не долго, она сама привезла полутораговую любимую дочь къ своей матери, Настасьѣ Петровнѣ Готовцовой, въ Буевскій уѣздъ, въ уединенную усадьбу Панфилово, въ которой та жила съ своей старшей дочерью, Марьей Ивановной, оставшейся въ дѣвицахъ, и просила ее замѣнить мать бѣдной сироткѣ. Жизнь свою у бабушки Жадовская описала въ первой части своего романа «Въ сторону отъ большого свѣта», нисколько не идеализировавъ старушки, какъ совершенно невѣрно выразился біографъ Юліи Валеріановны. Бабушка боготворила ее, да и всѣ окружающіе обожали умную, кроткую, иногда серьезную не по лѣтамъ, иногда веселую, какъ птичка, дѣвочку. Никогда, ни въ дѣтствѣ, ни въ молодости, ни въ преклонныхъ лѣтахъ, она не тяготилась своимъ физическимъ недостаткомъ, но умѣла такъ приучить къ нему окружающихъ и даже новыхъ знакомыхъ, что почти никто не замѣчалъ его. Не было почти работы, кромѣ вязанья, которую бы она не сьумѣла сдѣлать своими двумя пальчиками. Способности у нея были громадныя. Не шести, а трехъ лѣтъ, она уже прекрасно читала, а такъ какъ бабушка не знала какъ начать учить ее писать, то сперва однимъ пальцемъ писала ей буквы то на пескѣ, то на опотѣломъ оконномъ стеклѣ; потомъ она уже сама приоровилась какъ держать перо двумя пальцами и имѣла прекрасный твердый почеркъ.

Послѣ покойнаго нашего дѣда, осталась большая библиотека, состоявшая большею частію изъ сочиненій Вольтера, Экарстгаузена, Жанъ-Жака Руссо и другихъ философовъ. Старушка-бабушка дала дѣвочкѣ полную волю читать все, что ей вздумается; тетка рѣдко бывала дома, такъ что руководить выборомъ книгъ было некому, и дѣвочка читала все, что ни попадало подъ руку; но особенно пристрастилась къ философскимъ и религіознымъ книгамъ; въ умѣ ея всегда преобладалъ этотъ элементъ и самая любимая тема ея разговоровъ была философически-религіозная. До 12 лѣтъ она жила почти въ полномъ уединеніи, окруженная старой прислугой, старыми сосѣдками бабушки, бѣдными дворянками. Единственнымъ другомъ ея дѣтства была ея двоюродная сестра, жившая съ матерью, вдовой умершаго сына бабушки, въ той же усадьбѣ. Объ этой подружѣ и ея матери Юліи Валеріановна тоже подробно писать въ своемъ романѣ «Въ сторонѣ отъ большого свѣта», гдѣ онѣ выставлены подъ именами Марьи Ивановны и Лизы. Вообще, вся первая часть этого романа есть полная, правдивая автобіографія Жадовской. Наружность Жадовской была очень симпатична. По уродливому портрету, приложенному къ первому тому ея сочиненій, нельзя получить даже малѣйшаго понятія о ея фізіономіи. Она не была красавицей, не была даже хорошенькой; но бывали минуты, когда лицо ея дышало такой прелестью выраженія, что она невольно обращала на себя вниманіе. Она была средняго роста, тонка и чрезвычайно граціозна въ молодости, не смотря на свой недостатокъ. Цвѣтъ лица у нея былъ очень нѣжный; длинные, густые, мягкіе, какъ шелкъ, волосы орѣховаго цвѣта спускались ниже колѣнъ. Впослѣдствіи, отъ болѣзни она должна была остричь ихъ. Глаза темносѣрые, задумчивые и грустные; ноги были замѣчательно хороши и гибки. Характеръ ея былъ чрезвычайно ровный, веселый и даже рѣзвый отъ природы; современемъ горе и тяжелая жизнь уничтожили въ ней живость и шаловливость; но никогда никто не видалъ ее мрачной и унылой; она такъ умѣла скрывать свои физическія и душевныя страданія, что даже самые близкіе люди едва замѣчали ихъ, но и тутъ она такъ умѣла успокоить окружающихъ и представить свои страданія легкими и неважными, что уже только теперь, соображая всю ея жизнь, приходишь къ заключенію, что она была глубоко несчастная женщина, и удивляешься какъ, до самой смерти, она могла сохранить такую ясность духа и такую ровность характера.

До 12 лѣтъ она почти ничему не училась, въ томъ смыслѣ, какъ учатся другіе дѣти; но чтеніе дало ей много познаній и развило ея мыслительность. Въ это время пріѣхала ея тетка, Готовцова-поэтъ, бывшая уже замужемъ за Корниловымъ и упросила бабушку отпустить съ ней Юлію Валеріановну, чтобы поучить французскому языку. У тетки она прожила почти годъ и при сво-

ихъ замѣчательныхъ способностяхъ изучила этотъ языкъ почти такъ, какъ другія изучаютъ его во время полного институтскаго курса. Возвратясь къ бабушкѣ, она прожила съ ней до 14 лѣтъ въ прежнемъ уединеніи, среди старыхъ книгъ, старыхъ людей, цвѣтовъ и природы. Наконецъ, отецъ ея вспомнилъ, что пора заняться ея образованіемъ и, къ великому горю бабушки, помѣстилъ ее въ частный костромской пансіонъ Прево-де-Люмьень (а не Прибытковой, какъ сказано въ біографіи), гдѣ съ первыхъ же дней она стала любимицей начальницъ, учителей и подругъ. Ничего новаго не приобрѣла она тамъ: ученіе шло рутинное, никто изъ преподавателей не понялъ, что Жадовская ничему не училась фундаментально и показала всѣмъ болѣе знающей, чѣмъ тѣ изъ дѣвицъ, которыя поступили въ пансіонъ гораздо ранѣе ея. Такъ, напримѣръ, учитель русскаго языка, Александръ Ѳедоровичъ Акатовъ (Перевлѣссскій никогда не жилъ въ Костромѣ и никогда не давалъ уроковъ Жадовской въ пансіонѣ, — біографъ ея въ этомъ случаѣ сдѣлалъ громадную ошибку), увидавъ, что она совершенно правильно пишетъ порусски, нашель, что преподавать ей грамматику лишнее и заставилъ ее учить наизусть «Поэзію» своего сочиненія, начинающуюся такъ: «Поэзія есть выраженіе и дивный отголосокъ души и чувства». И въ такомъ родѣ цѣлыя страницы, которыя должны были декламировать ему, самымъ восторженнымъ голосомъ, старшія воспитанницы, между которыми первое мѣсто занимала Жадовская, не знающая самыхъ первыхъ грамматическихъ правилъ. Тоже было и съ другими учителями. Къ концу года она сама поняла недостаточность такого ученія и сказала объ этомъ отцу, который изъ пансіона взялъ ее уже къ себѣ въ Ярославль и, по ея просьбѣ, пригласилъ давать ей уроки русскаго языка, тогда еще очень молодого учителя ярославской гимназіи, Петра Мировича Перевлѣсскаго, извѣстнаго своимъ синтаксисомъ и другими трудами. Читая одинъ разъ поданное Юліей Валеріановной сочиненіе на какую-то заданную тему, Перевлѣссскій вздумалъ угорваривать ее попробовать писать стихи, говоря, что онъ чувствуетъ, что у нея есть поэтическій талантъ. Сперва она какъ будто испугалась и стала увѣрять его, что никогда не могла прибрать ни одной рифмы, но потомъ согласилась сдѣлать опытъ. И вотъ первый три стихотворенія Жадовской.

1.

Свѣтитъ солнышко привѣтно,
Ясно небо надъ землею;
Вѣтерокъ едва примѣтно
Шепчетъ весело съ струей;
Птичекъ хоръ весной ликуеть,

Вся природа торжествуетъ,
 День похожъ на чудный пиръ.
 Какъ прекрасенъ Божій міръ!

Солнце тучами затмилось;
 Вѣтеръ воетъ, лѣсъ шумить;
 Лентой молнія развилась,
 Стонетъ небо, громъ гремитъ;
 Свѣтъ исчезъ. Покрылись тьмою
 Небеса, поля, луга,
 И простерлась надъ землею
 Разноцвѣтная дуга.

День прошелъ, какъ все проходить,
 Чисты, свѣтлы небеса;
 Надъ рѣкой ужъ мѣсяцъ всходитъ,
 Дремлютъ роци и лѣса.
 Звонкой трелью соловей
 Рушитъ тишину полей.
 Ночь тиха и мѣсяцъ ясенъ.
 О, какъ Божій міръ прекрасенъ!

2.

Изъ псалма IX.

Къ Тебѣ, мой Боже, вопію,
 Услышь мой вопль, вземли молитвѣ;
 Управи мирно жизнь мою,
 Печаль на радость премѣни.
 Услышь меня, Господь, взываю
 Въ уныньи сердца моего;
 Твое я имя призываю,
 И Ты прибѣжище мое;
 Возвысь меня надъ злобой міра,
 Да подъ святымъ Твоимъ покровомъ
 Поетъ моя ничтожна лира
 Хвалу Создателя всего.
 И мой Господь меня услышитъ,
 И къ чадамъ истиннымъ причтетъ,
 Страстей волненіе утишитъ
 И миръ душѣ моей пошлетъ.

3.

О с е н ь.

Прошла весна и лѣто красное,
Ужъ въ рощахъ птички не поють;
Покрылось мглою небо ясное,
Для странника исчезъ пріютъ
Подъ сѣнію деревъ.

Съ зелеными кустами
Не шепчетъ вѣтерокъ,
Поблѣвшими листьями
Засыпаны поля.

Цвѣтотъ ужъ нѣтъ, сгубилъ морозъ;
Туманы, бури и ненастье,
Холодный вѣтеръ намъ нанесъ.
Цвѣточки расцвѣтутъ, но расцвѣтеть ли счастье?

И радость оживетъ ли?
Природа обновится
И солнце — другъ ея,
Лучами отразится
На зелени луговъ.

Очистится лазурь небесъ,
Засвищетъ снова соловей;
Зазеленѣетъ снова лѣсъ,
И василекъ, краса полей,

Пріятно расцвѣтеть.
Съ весною возвратится
Веселье для людей;
Со мной же что случится?
И гдѣ-то буду я?...

Въ продолженіе трехъ уроковъ, Юлія Валеріановна угощала своего наставника этими стихами, вызывавшими у него неудержимый смѣхъ. Не имѣя болѣзненнаго, мелочнаго самолюбія, она сама отъ души смѣялась надъ своими неудачными опытами. Не смотря ни на что, Петръ Мироновичъ настаивалъ на томъ, чтобы она продолжала и, вотъ, на четвертый урокъ, она подала ему слѣдующее:

Лучшій перлъ таяся
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно въ бореньи
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она въ восторгѣ
Выразила мысль.

Прочитавши это, Перевлѣсскій съ восторгомъ вскричалъ: — «Я чувствовалъ, что у васъ есть талантъ!» Съ этого времени, Юлія Валеріановна вся отдалась поэзіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ душу ея закралось чувство любви глубокой и искренной къ тому, кто первый возбудилъ таившійся въ ней огонь поэзіи. Чувство это было вполнѣ взаимное, — учитель не могъ не оцѣнить прекрасной души своей ученицы; но въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ ни тотъ, ни другая, ничѣмъ не высказали другъ другу своей любви; она выливалась только въ стихотвореніяхъ Жадовской. Въ это же время она стала брать уроки нѣмецкаго языка и черезъ мѣсяць уже стала переводить Гёте, Гейне и другихъ. Перевлѣсскій тихонько отъ Юліи Валеріановны послалъ напечатать нѣкоторые изъ ея стиховъ; между ними были «Водяной» и «Русалка», встрѣченные критиками очень сочувственно. Увидя свои произведенія въ печати, Жадовская еще съ большимъ жаромъ отдалась своему призванію, а чувство любви и глубокой симпатіи росло и росло въ душахъ учителя и ученицы, но оба съ неимовѣрнымъ усиліемъ скрывали это чувство другъ отъ друга. Отецъ Жадовской съ восторгомъ узналъ о талантѣ своей дочери и ей не только не нужно было скрывать свои занятія и писать по ночамъ, какъ говоритъ совершенно несправедливо ея біографъ, — но талантъ ея былъ его утѣшеніемъ и гордостью, и онъ всѣ силы употреблялъ, чтобы дать ей возможность развить его. Онъ выписывалъ для нея все, что только выходило тогда въ литературѣ; не имѣя большихъ средствъ, онъ, не жалѣя ничего, ѣздилъ съ ней нѣсколько разъ въ Москву и Петербургъ. Онъ былъ деспотичный, суровый человекъ въ семейномъ быту; но въ высшей степени былъ честный и добрый и страстно любилъ и уважалъ свою дочь, которая, современемъ, своей кротостью и тактомъ, незамѣтно для него, приобрѣла надъ нимъ большое нравственное вліяніе. — Совершенно неожиданно и помимо своей воли, Перевлѣсскій, покровительствуемый тогдашнимъ попечителемъ графомъ Строгоновымъ, былъ переведенъ въ Москву, и только при послѣднемъ свиданіи онъ и Юлія Валеріановна высказали другъ другу чувство, глубоко вкоренившееся въ ихъ сердцахъ. Они оба обратились тогда къ отцу Жадовской; но, къ несчастію, въ то время сильно было развито чванное барство, и отецъ слышать не хотѣлъ, чтобы дочь, его — предсѣдателя гражданской палаты и родового дворянина, вышла за простого учителя гимназіи и сына какого-то бѣднаго дьячка. Этотъ предрасудокъ стариннаго барства разбилъ всю жизнь Юліи Валеріановны и надломилъ ея, крѣпкій отъ природы, организмъ. Пятнадцать лѣтъ любили они другъ друга и ни слезы, ни страданіе любимой дочери не могли переломить закоренѣлаго деспотизма отца, для котораго Юлія Валеріановна, не смотря на это, оставалась до конца его жизни любящей, покорной дочерью. Единственнымъ утѣшеніемъ была для

нея поэзія, и ей всецѣло предалась она. Случайно нѣкоторыя ея стихотворенія попались Эдуарду Ивановичу Губеру, и онъ письменно привѣтствовалъ ее и предложилъ ей свои совѣты и помощь, если она рѣшится напечатать свои произведенія отдѣльной книжкой.

Почти въ то же время пріѣхалъ въ Ярославль извѣстный нашъ ученый и переводчикъ Гёте и Байрона Михаилъ Павловичъ Вронченко. Онъ сильно привязался къ талантливой, развитой дѣвушкѣ и до самой смерти своей былъ ея другомъ и руководителемъ. Онъ развилъ въ ней строгій, критическій взглядъ на свои произведенія и тонкое пониманіе прекраснаго. Юлія Валеріановна была необыкновенно смиренна, если можно такъ выразиться, — никакая похвала не могла заставить ее возгордиться; все, что ни писала она, никогда не могло удовлетворить ее, и всѣ лестные отзывы критиковъ и людей компетентныхъ въ литературномъ дѣлѣ она считала снисхожденіемъ и какимъ-то особеннымъ счастіемъ, котораго, по ея мнѣнію, она не заслуживала. Вмѣстѣ съ литературными занятіями, она много занималась и развитіемъ своего ума: не было серьезной, научной статьи, которую бы не прочитала она. Съ годами все болѣе и болѣе занимали ее философскіе и богословскіе вопросы; но никогда не была она педанткой. Разговоръ ея былъ необыкновенно краснорѣчивъ и увлекателенъ; всѣхъ поражала она глубиной и мѣткостью своихъ мыслей.

Въ 40-хъ годахъ была издана первая книжка ея стихотвореній, вызвавшая лестный отзывъ Вѣлинскаго. Въ это же время она нѣсколько мѣсяцевъ жила въ Петербургѣ, гдѣ была сочувственно встрѣчена во всѣхъ бывшихъ тогда литературныхъ кружкахъ. Всѣхъ заинтересовала эта молоденькая дѣвушка съ такимъ кроткимъ, смиреннымъ видомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такимъ серьезнымъ, развитымъ взглядомъ на жизнь, науку и искусство.

Когда ей было 19 лѣтъ, она, по согласію отца, взяла на воспитаніе меня—свою двоюродную сестру, дочь своей любимой тетки. Мнѣ было 8 лѣтъ, и Юлія Валеріановна посвятила мнѣ всю жизнь свою, а послѣ смерти моей матери, вполне замѣнила мнѣ ее. Принявъ на себя обязанность воспитанія молодого существа, Юлія Валеріановна начала строго слѣдить за собой и за своими поступками. Чтобы не подать мнѣ дурного примѣра, она переломила свой, отъ природы вспыльчивый, характеръ и была справедлива и правдива даже въ бездѣлицахъ. Она переливала въ меня свою душу, свои знанія; была моей гувернанткой, подругой, матерью. Метода ея образованія была очень оригинальна: она заключалась въ игрѣ, которая росла вмѣстѣ со мной. Сюжетъ этой игры былъ очень простой: двѣ сестры воспитывались у суроваго опекуна; у нихъ была гувернантка; къ нимъ приходили учителя. Всѣхъ—и учителей, и гувернантку, и опекуна, и старшую сестру, представляла

сама Юлія Валеріановна, обладавшая при этомъ замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ. Легко и понятно передавала она мнѣ въ этой игрѣ свои знанія, и я, возвратясь изъ пансіона, гдѣ была полупансіонеркой, готова была каждую свободную минуту продолжать ученье, играя и незамѣтно усвоивая то, что она передавала мнѣ. Современемъ игра приняла другой характеръ; дѣвочка выросла и въ игрѣ представлялись уже двѣ молодыя дѣвушки; начались разныя приключенія, встрѣчи и обстоятельства, изъ которыхъ она давала мнѣ волю выпутываться по моему разумѣнію, направляя и растолковывая мои ошибки, могущія повлечь къ тому или другому несчастію. Мы были съ ней неразлучны. Я любила и уважала ее болѣе всего на свѣтѣ и всѣ силы употребляла, чтобы понять ее, дѣлать ея горе и радости и быть ей полезной. Вслѣдствіе слезъ и сердечнаго горя, зрѣніе ея ослабѣло, и я сдѣлалась ей необходима и въ жизни, и въ литературныхъ занятіяхъ: переписывала ея произведенія и держала корректуру при изданіи второй книжки ея сочиненій и никому не позволяла ни одѣвать ее, ни дѣлать для нея что либо въ обыденной жизни, и она всегда называла меня «мои глаза и руки». 16-ти лѣтъ я очень несчастливо вышла замужъ; это окончательно разбило Юлію Валеріановну, и съ этихъ поръ она уже никогда не была здорова. Черезъ полтора года замужества, я разсталась съ мужемъ и съ этихъ поръ до самой ея кончины была почти неразлучна съ ней, пользуясь ея нѣжной, исключительной привязанностью. Не смотря на болѣзненное состояніе, вызванное сердечнымъ горемъ и тяжелой жизнію съ отцомъ, Жадовская постоянно занималась литературой. Въ 1859 году она написала эпизодъ изъ неоконченнаго романа, подъ названіемъ «Первая любовь», который былъ автобіографіей самой Юліи Валеріановны и былъ напечатанъ въ «Москвитянинѣ». Михаилъ Павловичъ Вронченко, съ которымъ она была въ постоянной перепискѣ, настаивалъ, чтобы она продолжала этотъ неоконченный рассказъ, и изъ него составилъ романъ: «Въ сторонѣ отъ большого свѣта», названный Добролюбовымъ «замѣчательнымъ романомъ». Не буду говорить о ея другихъ литературныхъ трудахъ, это извѣстно изъ ея біографіи. Стихотвореній она съ 60-хъ годовъ почти уже не писала. «Любовь исчезла изъ моего сердца,—говорила она,—и поэзія меня оставила».

Біографъ Жадовскій совершенно невѣрно приписалъ Юліи Валеріановнѣ очеркъ «Житье-бытье на Корѣгѣ» и включилъ его въ ея полныя сочиненія. Этотъ очеркъ былъ написанъ нашей родной теткой, Марьей Ивановной Готовцовой, исправленъ и напечатанъ Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ, который можетъ самъ удостоверить это, такъ какъ находится еще въ живыхъ. По поводу этого очерка родной братъ мой, Іосифъ Петровичъ Готовцевъ, уже

умершій, бывшій любимымъ другомъ Юліи Валеріановны, написалъ слѣдующее юмористическое стихотвореніе, которое я привожу здѣсь въ удостовѣреніе справедливости моихъ словъ:

УВѢДОМЛЕНІЕ.

(По случаю статьи «Житье-бытье на Корѣгѣ», сочиненной Марьей Ивановной Готовцовой).

Что вы надѣлали, Марья Ивановна!
 Мирную вы ввводили Корѣгу:
 Марья Сафроновна, Анна Степановна —
 Всѣ поднялись на военную ногу.
 Сидорычъ бѣдный пришелъ въ иступленіе,
 Бьетъ, хромоногій, неистово сборъ;
 Всѣ собрались противъ васъ въ ополченіе;
 Всѣ вамъ готовятъ кровавый отпоръ.
 Боже мой праведный! еслибъ вы видѣли,
 Какъ здѣсь волнуется малъ и великъ;
 Всѣ говорятъ, что вы ихъ разобидѣли;
 Тѣмъ противъ васъ представляютъ удилъ.
 Дщерь неизвѣстности—область Корѣжскую
 Вы посмѣянью подвергли молвы,
 Даже и ярмарку нашу Фроловскую
 Всю распечатали вы.
 А «губернаторшу» нашу почтенную
 «Прозерповали» вы просто на вѣкъ;
 Всѣхъ осмѣяли печатью презрѣнною,—
 Экой вы, злой человекъ!..
 И Сынбаровскіе тоже обижены:
 Прозваны вами въ насмѣшку «князья»;
 Вашей статьёю даже унижены
 Батюшка-попъ и мать-попадья.
 Были теперь ужъ у нихъ совѣщанія,
 Подъ предсѣдательствомъ милой «упята»;
 И Звонаревскій кричалъ въ ихъ собраніи:
 «Слышь! надо просьбу подать!»
 Дмитриха Марья, туда же съ улыбочкой, —
 Эта ничтожная тварь,—
 «Всѣхъ не забыла,—пищитъ имъ съ ужимочкой,—
 «Даже помянуть и нашъ пономарь».
 Ну, однимъ словомъ, теперь, безъ изъятія,
 Здѣшніе всѣ противъ васъ господа;
 Выдумать злыя хотятъ предпріятія,
 Хоть и не ѣдите просто сюда.
 Что вы надѣлали, Марья Ивановна!
 Мирную вы ввводили Корѣгу;
 Марья Сафроновна, Анна Степановна—
 Всѣ поднялись на военную ногу.

Здоровье Юліи Валеріановны стало все болѣе и болѣе слабѣе, и она уже съ трудомъ могла заниматься. Вскорѣ, послѣ «Женской Исторіи», она написала небольшой рассказъ «Отсталая», который сама считала слабымъ и неразвитымъ. Послѣ этого, она уже не могла ничего писать, страдая нервнымъ разстройствомъ всего организма. Два года прожили мы съ ней въ Петербургѣ, откуда ѣздили два лѣта сряду въ Гапсаль, гдѣ она не встрѣчалась съ Некрасовымъ, котораго никогда не знала лично, но талантъ котораго глубоко уважала. Приглашеніе же Достоевскаго помѣстить во «Времени» свой романъ «Женская Исторія» она получила еще до пріѣзда своего въ Петербургъ, когда романъ не былъ даже оконченъ и, какъ будущая сотрудница, вмѣстѣ съ приглашеніемъ получила gratis журналъ «Время». «Женская Исторія» была выслана Достоевскому изъ Ярославля для напечатанія и черезъ это романъ она и познакомилась съ Іосифомъ Николаевичемъ Шилемъ. Вообще, сестра моя никогда, съ самаго начала своего литературнаго поприща, не знала затрудненія въ помѣщеніи своихъ произведеній и не нуждалась при этомъ ни въ чьей протекціи. Только болѣзненное состояніе было причиной того, что она оставила литературныя занятія, а никакъ не то, что она,—по словамъ біографа,—будто бы обидѣлась невниманіемъ къ ней критики, которая всегда лестно отзывалась о ея произведеніяхъ; публика же сочувственно отнеслась къ ея роману «Женская Исторія», что выразилось во множествѣ знакомствъ и писемъ, отъ совершенно неизвѣстныхъ ей лицъ. Повторяю, у нея никогда не было смѣшного, мелочнаго самолюбія бездарныхъ писателей, и если бы не болѣзнь, она не бросила бы своего любимаго занятія, а употребила бы всѣ силы своего таланта, чтобы совершенствоваться въ немъ, а по своему недюженному уму и развитію сдумала бы идти въ своихъ произведеніяхъ вмѣстѣ съ требованіями вѣка.

Не получивши нигдѣ облегченія отъ своей болѣзни, сестра моя возвратилась въ Ярославль и вышла замужъ за друга нашего дома, Карла Богдановича Севенъ, замѣчательно искуснаго врача и умнаго, вполне симпатизирующаго ей человѣка. Она всецѣло посвятила себя мужу и больному, параличному отцу, за которымъ, сама слабая и больная, она пять лѣтъ ухаживала, какъ за любимымъ ребенкомъ и неутѣшно плакала, когда онъ умеръ. Послѣ смерти отца, Юлія Валеріановна, надѣясь, что родной воздухъ оживитъ и поправитъ ее, въ 1870 году, продала свой домъ въ Ярославлѣ и купила имѣніе въ 7-ми верстахъ отъ маленькаго уѣзднаго городка Буя, Костромской губерніи, недалеко отъ той усадьбы, гдѣ она жила съ своей бабушкой въ дѣтствѣ, и переѣхала туда съ мужемъ и со мной. Въ 1881 году она потеряла мужа, котораго нѣжно любила, и потеря эта еще болѣе потрясла и безъ того слабое ея здоровье. Горе свое она, привыкшая къ горю, переносила твердо, съ какой-

то особенной грустной кротостью; по цѣлымъ часамъ она или читала евангеліе и біблію, или занималась вмѣстѣ со мной цвѣтами, которые страстно любила, — въ нихъ находила она отраду и утѣшеніе въ потерѣ чловѣка, вполне симпатизировавшаго ей и боготворившаго ее. Разъ какъ-то, въ разговорѣ я сказала, что если переживу ее, то брошу заниматься цвѣтами. — «Нѣтъ, въ память мою не бросай цвѣтовъ, — сказала она мнѣ, — они мнѣ дали силу пережить мое тяжелое горе, а для тебя они будутъ духовной связью со мной».

Съ 16-го марта 1883 года, у нея стали дѣлаться припадки стѣсненія въ груди и занятія дыханія. Въ это время она чувствовала страшную боль въ груди и невозможность вдохнуть въ себя воздухъ; лицо дѣлалось мертвенно блѣднымъ; глаза получали неопредѣленный взглядъ, дыханіе прекращалось на нѣсколько секундъ. Докторъ, пользовавшій ее, находилъ, что это грудная жаба, но увѣрилъ меня, что она безопасна. Обладая необыкновенной наблюдательностью и анализомъ во всѣхъ случаяхъ своей жизни, она, пришедши въ себя, послѣ перваго приступа этой страшной болѣзни, такъ говорила мнѣ о своемъ состояніи: — «Не бойся смерти, мой другъ, — сегодня она заглянула мнѣ въ глаза, и теперь я знаю, что умирать не страшно и не тяжело: когда я потеряла возможность дышать, то почувствовала необыкновенное спокойствіе во всемъ существѣ, и потомъ какъ бы полетѣла въ безпредѣльное пространство; только твой отчаянный крикъ, какъ электрической ударъ, потрясъ все мое существо и возвратилъ къ жизни». Сильныхъ припадковъ было только пять и пятый убилъ ее; но не проходило дня, чтобы она не чувствовала трепетанія во всѣхъ нервахъ, такъ что съ марта до послѣдняго дня не могла ни громко говорить, ни много ходить, хотя почти постоянно сидѣла съ нами, но, видимо, слабѣла съ каждымъ днемъ. Я описываю подробно ея болѣзнь, доведшую ее до могилы, потому что въ ея біографіи сказано, что «она скончалась скоропостижно и при довольно странныхъ обстоятельствахъ»... Что хотѣлъ выразить г. біографъ, написавши такую небылицу, я не понимаю. Въ услуженіи у нея жила, и по настоящее время живетъ въ моемъ домѣ, очень преданная ей женщина, которую сестра моя очень любила. Не желая огорчить меня, она постоянно говорила ей, что чувствуетъ, что скоро умретъ, а за два дня до своей кончины взяла съ нея слово не оставлять меня, когда ея не будетъ. 28-го іюля, въ день своей кончины, рано утромъ она чувствовала легкое стѣсненіе въ груди и нервное волненіе; но потомъ цѣлый день была весела и покойна. Въ сосѣдствѣ съ нами живетъ семейство, состоящее изъ трехъ сестеръ, которое 15 лѣтъ связано съ нами самой нѣжной дружбой. Наканунѣ 28-го, пріѣхала къ намъ одна изъ нихъ, г. Валухова, и въ день своей смерти сестра много говорила съ ней о литературѣ; находя

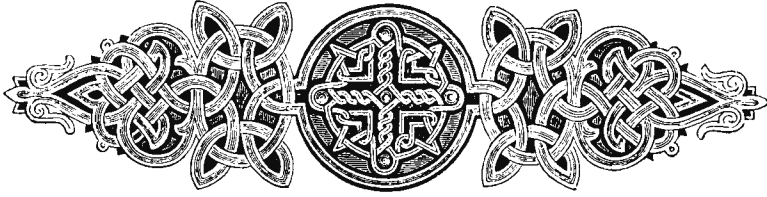
въ ней талантъ, уговаривала ее писать и благословила на трудъ; потомъ сказала: — «Мнѣ кажется, я начну опять писать; но такъ какъ сама не имѣю силъ, то попробую диктовать Настѣ», (такъ называла она меня). Прежде она никогда не диктовала мнѣ своихъ произведеній, а всегда писала ихъ сама; и въ этомъ случаѣ біографъ ея ошибся. Послѣ этого разговора, она пошла съ нами въ садъ, позвала рабочихъ; при себѣ приказала сдѣлать новый цвѣтникъ, проложить новую дорожку и скопать грядку, для пересадки малины; при этомъ, шутя, сказала мнѣ: — «Ну, миленькая моя, не жалѣй, что я оторвала работниковъ отъ сѣнокоса; жертвуй мнѣ этотъ день,—мнѣ непременно хочется сегодня все это сдѣлать». Три раза въ этотъ день она ходила въ садъ, не смотря на мои просьбы не утомлять себя. Возвратясь послѣдній разъ домой, она почувствовала себя дурно; начался сильный припадокъ; вмѣсто дыханія изъ груди ея вырывался страдальческій крикъ; такъ продолжалось минутъ десять, потомъ собравшись съ силами, она сказала мнѣ задыхающимся голосомъ:—«Вотъ теперь я умру». Потомъ попросила меня перевести ее на кровать, — до этого она сидѣла въ креслѣ,—но не легла на нее, а сѣла, поджавши ноги; раза три наклонилась всѣмъ корпусомъ впередъ, по лицу пробѣжала легкая судорога, и она стихла. Я думала, что припадокъ прекратился и была совершенно спокойна, не ожидая ничего дурного. Около ея кровати стояли я, любимая ею женщина и меньшая сестра моя. Вдругъ она откинулась на грудь моей сестры, и я увидела съ ужасомъ, что взглядъ ея сдѣлался безжизненнымъ и дыханіе прекратилось; послѣ этого она еще тихо вздохнула три раза и все было кончено. Ни мои неутѣшныя рыданія, ни мольбы не могли уже на этотъ разъ возвратить ее къ жизни... Погребена она, рядомъ съ своимъ мужемъ, въ приходѣ Воскресенія, гдѣ ежегодно бываетъ Фроловская ярмарка, описанная въ запискахъ Гульпинской. Церемонія погребенія совершилась въ деревенской церкви, безъ овацій, безъ лавровыхъ вѣнковъ, но гробъ ея былъ покрытъ живыми цвѣтами, взлелѣянными ею самой, а вокругъ лились непритворныя слезы друзей, знакомыхъ и простого народа, находившаго въ ней поддержку и помощь при каждой житейской невзгодѣ.

Наканувъ своей кончины, она тревожилась, что не успѣла передать мнѣ право на изданіе своихъ сочиненій и ждала для этого возвращенія нотариуса, бывшаго въ то время въ отлучкѣ изъ города. — «Никому не позволяй писать мою біографію,—сказала она,—ты одна знала подробно жизнь мою, мою душу и мои побужденія. Издатели посмертныхъ сочиненій имѣютъ несчастную для автора привычку печатать всякую пустую записку, всякое слабое стихотвореніе. Не дѣлай этого». Я дала ей слово исполнить ея волю, но судьба судила иначе—я-то и была отстранена при изданіи ея пол-

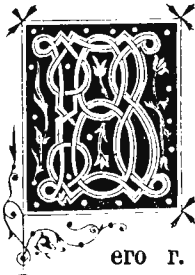
ныхъ сочиненій, въ которыя, дѣйствительно, вошли самыя пустыя ея записки, не подходящія къ дѣлу и не обрисовывающія ни ея характера, ни ея ума. Долго не имѣла я силы сказать о ней и мое слово; но теперь рѣшаюсь сдѣлать это и прошу читающихъ эти воспоминанія не думать, что я преувеличила что либо, описывая эту глубоко-нравственную, развитую и въ высшей степени гуманную личность. Надо было знать ее какъ человѣка, чтобы понять какую потерю сдѣлали, лишившись ея, друзья ея и тѣ, кто имѣлъ къ ней какое нибудь отношеніе въ жизни.

Н. Федорова.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ СТАРАГО ДНЕВНИКА.

ВЪ ЧИСЛѢ бумагъ, полученныхъ мною изъ одного стариннаго имѣнія Тамбовской губерніи, нашлось нѣсколько тетрадей, писанныхъ однимъ почеркомъ, видимо, однимъ и тѣмъ же лицомъ. Просматривая эти бумаги, я имѣлъ возможность убѣдиться, что это не что иное, какъ записки одного изъ извѣстныхъ въ Тамбовской губерніи помѣщиковъ, нѣко-
его г. Протасьева, скончавшагося въ концѣ первой половины текущаго вѣка (въ 50-хъ годахъ) и пережившаго четыре царствованія: императрицы Екатерины II-й, Павла I-го, Александра I-го и Николая Павловича. Записки Протасьева не имѣютъ хронологической послѣдовательности и изложены въ большинствѣ отдѣльными разсказами о томъ или другомъ событіи изъ жизни автора; поэтому и помѣщаемое ниже извлеченіе изъ этихъ мемуаровъ представляетъ собою нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ, не имѣющихъ между собою тѣсной связи и расположенныхъ въ видѣ небольшихъ самостоятельныхъ разсказовъ. При выборѣ этихъ разсказовъ, мы поставили себѣ задачей на первый разъ издать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ заключаются или воспоминанія объ извѣстныхъ историческихъ лицахъ прошлаго и нынѣшняго столѣтій, или же бытовые черты изъ жизни русскаго общества той же эпохи, что, какъ извѣстно, представляетъ не меньшій интересъ.

Записки г. Протасьева обязательно доставлены въ мое распоряженіе Артеміемъ Константиновичемъ Болдыревымъ, нерѣдко общавшимъ мнѣ и ранѣе любопытные историческіе документы.

Е. Опочининъ.

I.

Я родился въ смутную эпоху, когда злодѣй Пугачевъ громилъ близъ родины моей. Родители мои съ старшими дѣтьми уѣхали въ Москву, оставивъ меня у крестьянки, кормилицы моей, подъ именемъ сына ея.

Лѣта ребяческія ничьи неинтересны. На двѣнадцатомъ году моемъ, отцу нашему вздумалось учить насъ языку нѣмецкому. Онъ отправилъ старосту Ивана въ Москву съ пшеницей и горохомъ, приказавъ нанять нѣмца учителя не дороже ста пятидесяти рублей въ годъ.

Привезли нѣмца за сто сорокъ рублей; онъ былъ плохой учитель, но славный переплетчикъ и великій мастеръ дѣлать бумажныя коробочки, баулчики и тому подобное.

Черезъ годъ взяли другого за 180 рублей. Этотъ былъ великій охотникъ играть на флейтѣ и дѣлать разнаго рода сыръ; однакожъ имѣлъ и нѣкоторое понятіе объ ученіи; и если я чтонибудь понималъ въ нѣмецкомъ языкѣ и ариметикѣ, то это отъ него. Черезъ годъ онъ поѣхалъ въ Москву, тамъ женился и не возвращался.

Нашли третьяго, но курсъ на нѣмцевъ возвысился. Ему платили 250 рублей.—Онъ былъ отставной квартирмейстеръ прусской службы. Человѣкъ грубый, можно сказать, жестокой, позволялъ себѣ бить насъ линейкой по рукамъ, щипать за уши, драть за волосы, однимъ словомъ, былъ солдатъ и обращался посолдатски. Ему было лѣтъ за шестьдесятъ, онъ любилъ пуншъ, а еще болѣе пиво. Ерофеичъ тогда еще не родился, его замѣняла водка, которую нѣмецъ не браковалъ.

Долго я терпѣлъ, жаловался отцу моему, но легче не было. Мнѣ уже было тогда 15 лѣтъ и мысли мои не столько обращались на ученіе, какъ на другіе предметы.

Въ небытность отца дома, этотъ нѣмецъ, разсердясь на меня, такъ больно ударилъ меня линейкой, что я выскочилъ изъ-за стола, вцѣпился ему въ волосы, повалилъ и избилъ такъ, что онъ не могъ ходить. Когда отецъ мой возвратился, старушка, бабушка наша, рассказала ему это происшествіе въ такомъ видѣ, что нѣмца на другой же день отправили въ Москву. Ученіе кончилось, пользы отъ него было не много.

Скоро послѣ сего отправился я въ Петербургъ на службу. Вотъ я сержантъ гвардіи, безъ надзора, безъ руководителя, одинъ, среди вихря столицы, не знаю, какъ уцѣлѣла голова моя на плечахъ. Прошло пять лѣтъ буйныхъ, въ которыхъ были и такіе случаи за которые нынѣ но всякій вѣкъ имѣетъ свои правила, свой образъ мыслей и смотреть съ разной точки.

Въ 1792 году, я уже былъ капитанъ арміи, поскакалъ рубить поляковъ и очутился въ Варшавѣ.

Варшава тогда была столица роскоши, свободы мыслей и ненависти къ русскимъ, что доказано и впоследствии и даже весьма недавно,—теперь все тамъ измѣнилось, но что она была прежде, это знаютъ только тѣ, которые были тамъ въ это время.—Я былъ счастливѣе другихъ, скоро научился польскому языку, фортуна улыбнулась мнѣ, меня полюбили тамъ, и два съ половиною года прошли очень весело.

Полекъ знаетъ вся Европа, и кто же не отдастъ имъ справедливости?—Онѣ умны, милы, любезны, свободны въ обращеніи, но не предполагайте, какъ думаютъ многіе, чтобы легко было овладѣть ими. Благородное кокетство ихъ имѣетъ границы. Я бы желалъ, чтобы и наши патріотки поучились у нихъ многому, ихъ привязанность и пожертвованія въ пользу отечества, достойны уваженія. Самое кокетство ихъ съ русскими имѣетъ похвальную цѣль. Кто способенъ разсуждать, тотъ пойметъ меня, будетъ остороженъ и не попадетъ въ ихъ сѣти. Я это испыталъ надъ собою и нетокмо не порицаю, но уважаю ихъ. Главнокомандующій, баронъ Игельстромъ, предавшись страстной любви и излишней довѣренности, дорого заплатилъ за это.

Война кончена, но армія наша оставалась тамъ, дѣла политическія того требовали. Гродно назначено было мѣстомъ сейма, куда прибылъ и король и всѣ магнаты польскіе.

Умный, но дерзкій полковой нашъ командиръ, князь Циціановъ, не любилъ меня, а потому и перешелъ я въ дежурство графа Н. А. Зубова, а когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, я нашелъ случай быть принятымъ въ свиту графа Сиверса, который былъ тамъ полномочнымъ посломъ. Его также скоро отозвали въ Петербургъ.

Исторія подполковника Бибикова съ нѣкоторымъ вельможею польскимъ, въ которой и я былъ замѣшанъ, заставила меня взять отпускъ и уѣхать въ Россію. Приѣхавши въ Москву, я прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, войска наши оставались въ Варшавѣ и пострадали отъ революціи. Князь А. В. Суворовъ разгромилъ Прагу и угрожалъ стереть съ лица земли Варшаву, но Варшава покорилась.

Изъ Москвы я послалъ просьбу объ отставкѣ и оставилъ службу.

Вотъ я и на родинѣ, въ деревнѣ у отца, человѣка нрава крутого, почти деспота, но его уже нѣтъ теперь на свѣтѣ. Еслибъ я не былъ сынъ его, то поговорилъ бы о немъ. Тамъ, гдѣ всѣ чувства, дѣйствія и намѣренія открыты, тамъ разсудятъ насъ.

II.

Проѣздомъ въ армію, я остановился въ Полоцкѣ у дяди моего, Л. М. Лунина, который былъ тамъ губернаторомъ. Въ это время ожидали туда, проѣздомъ въ Петербургъ, свѣтлѣйшаго князя Потемкина и на слѣдующій день къ вечеру онъ приѣхалъ.

По утру губернаторъ и прочіе чиновники явились къ нему. Я, какъ служащій офицеръ, обязанностію счелъ также явиться къ нему. Онъ спросилъ меня: котораго я полка, куда ѣду и давно ли на службѣ?

Докладываютъ, что какой-то польскій генераль, графъ Огинскій, проситъ позволенія представиться.

— Пусть придетъ,—сказалъ онъ.

Когда тотъ объяснилъ причину, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Полоцкъ, святлѣйшій сказалъ:

— Давно ли вы изъ Варшавы?

— Двѣ недѣли, ваша свѣтлость.

— Что у васъ новаго?

— Въ особенности ничего, кромѣ того, что изъ Парижа пріѣхалъ славнѣйшій живописецъ.

— А пишетъ ли онъ картину вашихъ затѣй?

— Нѣтъ еще, ваша свѣтлость, а только краски третъ.

— Посовѣтуйте ему, чтобъ онъ на этой картинѣ побольше набросалъ незабудокъ.

Потомъ, обратясь къ губернатору, сказалъ:—Кончите его дѣло скорѣе. Ему нужно быть въ Варшавѣ, чтобъ увидѣть тамъ русскую армію, а здѣсь, если дѣло его справедливо, онъ долженъ получить законное удовлетвореніе.

Я вышелъ отъ него съ великимъ къ нему уваженіемъ, которое сохранялъ и сохраняю по сіе время.

III.

Вотъ два анекдота о Екатеринѣ II, которые мнѣ вспомнились.

Молодой гвардейскій офицеръ П....ой, будучи въ караулѣ въ лѣтнемъ дворцѣ, при разводѣ часовыхъ во время ночи, въ дождливую и холодную погоду, ходя по площадкѣ у гаубтвахты, будучи недоволенъ, что его разбудили, говоря самъ съ собою, порицалъ императрицу. Отворяется окно, и онъ слышитъ слѣдующія слова:

— Господинъ офицеръ! можно все думать, но не должно все говорить.—И окно затворилось.

На слѣдующій день, она приказала справиться кто въ извѣстный часъ разводилъ караульныхъ на часы и представить его къ ней.

П....ой думалъ, что онъ погибъ, и когда его представили, упалъ на колѣни.

— Встаньте, господинъ офицеръ, — сказала она,—и скажите, чѣмъ вы мною недовольны?

Онъ опять упалъ на колѣни и безпрестанно повторялъ:—виновать.

— Совѣтую вамъ быть осторожнѣе,—сказала она,—хорошо что

это услышала я, а не другой кто, тогда, еслибъ мнѣ донесли о семъ, я уже не могла бы простить васъ.

Вологодской дворянинъ К....овъ имѣлъ процессъ. Сенатъ рѣшилъ дѣло не въ его пользу и императрица утвердила рѣшеніе не въ его пользу. К....овъ написалъ просьбу на имя Божіей Матери и въ придворной церкви положилъ эту бумагу у образа Богоматери. Въ просьбѣ своей онъ жаловался уже не на сенатъ, а на императрицу. Доложили государынѣ. Она прочла просьбу и приказала все дѣло представить ей, перечитала его и нашла К....ва правымъ. Сенату сдѣланъ былъ строгій выговоръ, а оберъ-прокуроръ отставленъ. К....ва приказала представить къ себѣ.

Когда онъ явился, она сказала ему:

— Господинъ К....овъ, я виновата предъ вами, помиритесь со мной. Вы теряли 120 душъ крестьянъ, я приказала возвратитъ ихъ вамъ и такое же количество дать вамъ изъ моихъ, выбирайте, гдѣ вамъ удобнѣе.

Я означилъ только два случая, а ихъ вѣрно было и болѣе. Сенаторы Н. А. Муравьевъ и А. М. Лунинъ, знаменитый оберъ-полицеймейстеръ и потомъ генераль-губернаторъ Н. П. Архаровъ, рассказывали мнѣ много подобныхъ.

IV.

Въ 1792 году, я вышелъ изъ гвардіи въ армію. 20-го января, проходя по Невскому проспекту и увидѣвъ наслѣдника великаго князя Павла Петровича, ѣдущаго верхомъ, сдѣлалъ ему фронтъ. Онъ остановился и спросилъ:

— Г. офицеръ котораго полку?

— Я не причисленъ еще ни къ какому, ваше высочество, — отвѣчалъ я.

— Вы изъ гвардіи?

— Точно такъ, ваше высочество.

— Долго ли вы служили?

— Шесть лѣтъ.

— Чѣмъ выпущены?

— Капитаномъ.

— Вѣроятно вы привыкли къ Петербургу и желали бы остаться здѣсь?

— Это зависитъ—отъ военной коллегіи,—отвѣчалъ я.

— Можетъ быть, у васъ въ арміи есть родственники, съ которыми вы желаете служить вмѣстѣ?

— Родственниковъ у меня, ваше высочество, въ арміи нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ бы лучше остаться здѣсь.

Я молчалъ.

Онъ обратился къ ѣхавшему съ нимъ штабъ-офицеру, сказалъ ему что-то пофранцузски и поѣхалъ.

Еслибъ я былъ поопытнѣе, стоило бы только сказать, что за счастье сочту служить у вашего высочества и, конечно, былъ бы принятъ,—никому неизвѣстно будущее, и пять лѣтъ гатчинской службы были бы не легки, но не глупѣе же я господь: Гл., Дав., Нед., Фед. и многихъ другихъ, а они всѣ генералы, въ крестахъ, въ лентахъ, и съ тысячью душами. Но мнѣ тогда было 19 лѣтъ, хотѣлось носить саблю, эксельбантъ, и быть въ дѣйствующей арміи. Я ускакалъ въ Польшу рубить поляковъ, а въ Варшавѣ чуть чуть не изрубили меня. Три года и нѣсколько мѣсяцевъ прослужилъ и вышелъ въ отставку майоромъ, а если бы остался у наслѣдника, то безъ сомнѣнія былъ бы гораздо чиновнѣе и богаче.

Впрочемъ, на все судьба, а что она такое, остается вѣчною тайною. Михаилъ Богдановичъ Барклай де-Толи служилъ со мной въ одномъ полку майоромъ и сдѣлался фельдмаршаломъ. Графъ Федоръ Василевичъ Ростопчинъ вмѣстѣ со мной былъ сержантомъ въ гвардіи, Иванъ Семеновичъ Дороховъ былъ поручикъ, а я капитанъ, графъ Николай Михайловичъ Каменскій былъ произведенъ гвардіи-прапорщикомъ, а я въ это время вышелъ изъ гвардіи капитаномъ въ армію.

Скажутъ: «они служили», а мало ли такихъ, которые также служили, но не много выслужили. Скажутъ: «они были гении»,—объ этомъ нужно большое разсужденіе.

V.

Съ 1792-го по 96-й годъ, служилъ я капитаномъ въ Санктъ-Петербургскомъ гренадерскомъ полку, а покойный фельдмаршалъ М. Б. Барклай-де-Толи въ этомъ же полку майоромъ. 13-го іюля мы пришли къ Варшавѣ и остановились лагеремъ въ доль Вислы. За нѣсколько дней передъ симъ объявлено было, что война кончена. 18-го числа въ полку нашемъ было освященіе знаменъ. Я былъ дежурнымъ по лагерю.

Рано по утру я былъ позванъ къ полковому командиру, князю П. Д. Циціанову, отъ котораго получилъ приказаніе находится у цѣпи лагеря и ожидать посла нашего графа Сиверса, главнокомандующаго барона Игельштрома, равномѣрно и прочихъ генераловъ какъ русскихъ, такъ и польскихъ, и проводить до полковой церкви, внутри же лагеря останется и приметъ команду майоръ Барклай-де-Толи.

Въ десять съ половиною часовъ прибылъ посолъ и прочіе генералы какъ русскіе, такъ и польскіе, и множество жителей польскихъ, которыхъ я и проводилъ до церкви.

По окончаніи духовной процессіи, всѣ пошли въ полковничью палатку, гдѣ приготовленъ былъ великолѣпный завтракъ.

Часа черезъ два, когда всѣ уже разъѣхались изъ лагеря, меня позвали къ полковнику; тамъ нашелъ я майоровъ Барклай-де-Толи и князя Циціанова—брата полковника и адъютанта.

— Господинъ капитанъ!—сказалъ полковникъ,—вы не знаете службы и не занимаетесь ею; безпорядокъ, происшедшій на главномъ бекетѣ, дѣлаетъ стыдъ всему полку.

Я отвѣчалъ, что по приказанію его былъ у цѣпи, а потому и не могу отвѣчать за внутренность лагеря. Почтенный Михаилъ Богдановичъ подошелъ къ полковнику и сказалъ:

— Капитанъ не виноватъ, причиной безпорядка караульный офицеръ. Если же нужно быть виноватымъ двумъ, то другой буду я, потому что лагерь зависѣлъ отъ меня.

— Я не хочу ничего знать,—съ досадою сказалъ полковникъ,—за все отвѣчаетъ дежурный капитанъ,—и оборотясь ко мнѣ, прибавилъ: «отдайте вашу саблю».

— Вы, г. полковникъ, поступаете не справедливо,—сказалъ Барклай и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снялъ съ крючковъ саблю свою, поставилъ у стола и сказалъ:—«пусть же и моя сабля будетъ вмѣстѣ съ капитанской»,—и, не дождавшись отвѣта, вышелъ.

Я также пошелъ въ свою палатку, гдѣ нашелъ почтеннаго Михаила Богдановича и нѣсколько офицеровъ. Вскорѣ пришелъ и братъ полковника; всѣ они единогласно совѣтовали мнѣ, чтобъ я не бралъ саблю мою иначе, какъ у развода при всѣхъ офицерахъ, и чтобы полковникъ объявилъ, что я арестованъ былъ безвинно.

Черезъ полчаса вошелъ въ палатку адъютантъ и, подавая мнѣ саблю мою, сказалъ:—«Полковникъ возвращаетъ вамъ ее и совѣтуетъ болѣе заниматься службою». Я отвѣчалъ ему, что не возьму иначе какъ бывъ оправданъ самимъ полковникомъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ; а если я виноватъ, то пусть отдастъ меня подъ судъ.

Адъютантъ, оборотясь къ Барклаю, сказалъ:—«Полковникъ проситъ васъ пожаловать къ нему».—Онъ всталъ и, оборотясь къ офицерамъ, сказалъ:—«Господа! прошу васъ подождать меня, я тотчасъ возвращусь». Черезъ нѣсколько минутъ адъютантъ явился опять и сказалъ мнѣ и всѣмъ офицерамъ, что полковникъ всѣхъ проситъ къ себѣ въ палатку.

Приходимъ. Сабля моя и Барклаева лежатъ на стулѣ. Полковникъ говоритъ мнѣ:

— Я вамъ посылалъ саблю вашу, для чего вы не взяли ее?

— Отвѣтъ мой я сказалъ уже адъютанту, который, вѣроятно, передалъ его вашему сіятельству.

— Молодой человѣкъ?—отвѣчалъ онъ,—я радъ, что вы имѣете благородную амбицію, признаю васъ правымъ и прошу забыть о

прошедшемъ. Теперь говорю это при нѣкоторыхъ, а завтра при разводѣ скажу при всѣхъ.

— Не нужно,—произнесло нѣсколько голосовъ,—вы удовлетворили капитана, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ насъ.

Онъ подаль мнѣ руку и сказалъ: — «Миръ. Надѣюсь, что съ этой минуты мы не будемъ ссориться и будемъ добрыми товарищами».

Михаилъ Богдановичъ взялъ обѣ сабли, подошелъ ко мнѣ и отдавая мою сказалъ: — «Товарищъ! сабли наши были вмѣстѣ подъ арестомъ, желаю, чтобы въ первомъ дѣлѣ съ неприятелемъ мы вмѣстѣ и отличились». — Полковникъ сказалъ: — «Присоединяю и мою, чтобы дѣйствовать совокупно». Громогласное ура! раздалось въ палаткѣ и шампанское зашипѣло въ бутылкахъ. Такъ кончилась эта военная непріятность.

Полковникъ не сдержалъ своего слова и всегда былъ въ дурномъ, а не въ добромъ ко мнѣ расположеніи. Чтобы избавиться отъ непріятностей, я нашелъ случай быть вытребованнымъ въ свиту посла нашего, графа Сиверса, при которомъ и находился во все пребываніе его.

Война кончилась. Я вышелъ въ отставку, а еслибъ не встрѣтилъ таковыхъ непріятностей, то, можетъ быть, прослужилъ бы гораздо долѣе.

Много прошло лѣтъ. Михаилъ Богдановичъ былъ уже фельдмаршаломъ, а я отставной майоръ и жилъ въ Тамбовѣ. Пріѣзжаетъ адъютантъ его, полковникъ Николевъ, для выбора контонистовъ, познакомился со мною и я, между разговорами, сказалъ ему, что съ фельдмаршаломъ служилъ въ одномъ полку. Николевъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ скажетъ фельдмаршалу, что нашелъ прежняго его сослуживца.

Черезъ годъ, Николевъ пріѣхалъ опять сюда, остановился у меня въ домѣ и привезъ мнѣ письмо отъ фельдмаршала. Вотъ копія письма сего:

«Старинный товарищъ!

«Отъ адъютанта моего, полковника Николева, узналъ я, что вы мирнымъ гражданиномъ живете въ Тамбовѣ, что у васъ есть сынъ; если онъ въ такомъ возрастѣ, что долженъ уже вступить въ службу, пришлите его ко мнѣ.

М. Барклай».

Слеза благодарности выкатилась изъ глазъ моихъ. Сыну моему тогда было семь лѣтъ, а черезъ годъ онъ умеръ.

Мнѣ не удалось лично принести сердечную благодарность фельдмаршалу за милостивое его расположеніе. Не многіе помнятъ сослуживцевъ своихъ въ офицерскихъ чинахъ, сдѣлавшись и генералами, не только фельдмаршалами; не много и Барклаевъ.

VI.

Въ 1817 году я былъ въ Москвѣ. Тогда всѣ министры, генералъ-адъютанты и вся аристократія находилась въ Москвѣ.

Въ англійскомъ клубѣ за бутылкой шампанскаго съ пріятелемъ моимъ Н., говоря то и другое, договорились до прелестницъ, и онъ спросилъ меня:—«Знаю ли я которую нибудь изъ здѣшнихъ?»—«Нѣтъ»,—отвѣчалъ я.—«Такъ я тебя познакомлю съ хорошенькой».

Черезъ нѣсколько дней мы опять встрѣтились въ клубѣ, и онъ сказалъ:—«Я видѣлъ и говорилъ. Она согласна познакомиться съ тобой, поѣдемъ».—Пріѣхали, насъ приняла женщина лѣтъ двадцати пяти, очень пріятной наружности. Вездѣ чисто, опрятно, даже роскошно. Пріятель мой отрекомендовалъ меня и какъ человѣкъ опытный скоро уѣхалъ. Я пробылъ у нея часа два и поѣхалъ совершенно довольнымъ.

Такъ продолжалось нѣсколько времени, потомъ она говоритъ мнѣ, чтобы я отъ восьми до десяти часовъ вечера не ѣздилъ къ ней. Я понялъ ее и улыбнувшись отвѣчалъ:—«Давно бы тебѣ надо сказать сіе».

Всякій вечеръ я былъ въ англійскомъ клубѣ. Какъ-то случилось, что мнѣ не было партіи для игры, пробило 10 часовъ и я отправился къ моей Машѣ. Посидѣвъ нѣсколько времени, хотѣлъ уже отъ нея ѣхать, какъ подъѣзжаетъ къ крыльцу карета. Она взглянула въ окно и ахнула.

— Что такое?—спросилъ я.

— Графъ пріѣхалъ!—съ симъ словомъ бросилась въ прихожую, схватила мою шубу, прибѣжала назадъ, открыла перегородку, бросила туда шубу, примолвя: «уйдите туда», затворила дверь и преспокойно сѣла.

Входятъ высокій, худощавый, блѣдный человѣкъ. — Отгадайте кто? но вы не отгадаете: графъ Ал. Анд. Аракчеевъ!

Теперь представьте мое положеніе. Черезъ одну тонкую перегородку сидитъ со мной Змѣй Горыничъ, которому погубить человѣка все равно, какъ задавить комара. Когда-то случилось мнѣ быть въ подобномъ положеніи, но то былъ вельможа другихъ чувствъ и правилъ. То былъ графъ А. А. Безбородко. Онъ не только не стѣлъ меня, но пошутилъ со мной, сказавъ:—«Вы прежде заняли эту квартиру, вамъ она и принадлежитъ»,—взялъ шляпу и уѣхалъ.

Полтора часа сидѣлъ я въ засадѣ, хуже чѣмъ на горячей сковородѣ. Я не шевелился, но я невольно могъ чихнуть, кашлянуть, тогда что было бы со мною?

Я видѣлъ какъ онъ раздѣвался, какъ потомъ снова одѣвался и пр. и пр., наконецъ уѣхалъ. Уфъ! сто-пудовая гиря свалилась съ меня. Она проводила его и со смѣхомъ отперла дверь тюрьмы

моей. Шутки ея надо мной и надъ собой не забавляли меня. Я съ нею раскланялся, сказавъ:—«Покажѣсть его сѣятельство въ Москвѣ, я уже ни за какіе милліоны не буду у тебя». Она опровергала сіе, но я остался при своемъ мнѣніи.

По выѣздѣ его, я возобновилъ знакомство съ нею, которое и продолжалось до моего отъѣзда. На слѣдующій годъ, пріѣхавъ въ Москву, искалъ ее и не нашель.

VII.

28-го августа, 1824 года, въ 6 часовъ и 36 минутъ пополудни, въ Тамбовѣ, у здѣшняго кафедральнаго собора, имѣли мы счастье встрѣтить государя императора Александра Павловича. Вотъ незабвенная минута, въ которую увидѣли царя-отца, обожаемаго милліонами подвластныхъ ему.

«Сердце царево въ руцѣ Божіей». Выше сего духовнаго слова, я не знаю. Царь земной, благословляемый Царемъ небеснымъ, есть счастье и благоденствіе всѣхъ его подданныхъ.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, удостоились мы быть представлены государю императору. Онъ ко всѣмъ былъ милостивъ, со многими говорилъ.

Послѣ представленія, его величество осматривалъ всѣ казенныя заведенія какъ-то: приказъ общественнаго призрѣнія, тюремный замокъ и дворянскій корпусъ, гдѣ, проходя черезъ комнату, въ которой накрытъ былъ столъ для кадетъ, отвѣдалъ хлѣбъ, приказалъ подать щей и говядины, которыя также отвѣдалъ, благодарилъ губернскаго предводителя за порядокъ и, выходя изъ той комнаты, въ которой спятъ кадеты, сказалъ генералу Дибичу:

— Иванъ Ивановичъ!—здѣсь есть кое-что, которое и намъ можно перенять.

Генералъ-губернатору Большакову сказалъ:

— Желательно, чтобъ во всѣхъ ввѣренныхъ вамъ губерніяхъ были учреждены подобные корпуса.

Къ обѣденному столу приглашены были военные генералы, но не всѣ одинъ изъ таковыхъ былъ у меня и совершенно убитъ этимъ¹⁾.

Въ восемь часовъ вечера мы осчастливлены были посѣщеніемъ его величества, въ домѣ дворянскаго собранія, на балѣ. На лицѣ каждаго изъ насъ изображалось чувство радости, а на его царскомъ челѣ, что-то неземное! Онъ пробылъ на балѣ 2 часа и 53 минуты.

30-го числа, въ одиннадцать часовъ утра, государь уѣхалъ. Домъ, гдѣ онъ квартировалъ, наполненъ былъ дворянами и чиновниками,

¹⁾ Онъ дорогою къ себѣ заболѣлъ и, не доѣхавъ до дому, умеръ.

дворъ и вся улица народомъ. Громогласное ура! сопровождало его. Народъ бѣжалъ за коляской до заставы, тамъ ожидали его мѣщане и ямщики съ хлѣбомъ и солью. Я проводилъ его не одними глазами, но полнымъ чувствомъ души и сердца, желая ему всѣхъ благъ міра. Одному Богу извѣстно, когда мы опять осчастливлены будемъ его присутствіемъ. Но эти два дня, которые онъ пробылъ здѣсь, на вѣкъ останутся въ памяти и сердцахъ, обожаемыхъ его здѣшнихъ жителей.

Генераль-губернаторъ, сопровождавшій государя императора до границы Пензенской губерніи, возвратился и многимъ объявилъ милости монаршія. Губернскому предводителю Ознобишину пожалованы алмазные знаки св. Анны, а въ рескриптѣ сказано слѣдующее: «въ знакъ особеннаго моего благоволенія къ дворянству Тамбовской губерніи».

Кто имѣетъ сердце, тотъ оцѣнитъ драгоцѣнныя слова сіи.

VIII.

Въ 1830 году, ѣздилъ я съ нѣкоторыми пріятелями на охоту. Въ одно утро пріѣзжаетъ къ намъ человекъ на прекрасной лошади, щегольски одѣтый и отъ имени г. Самсонова, проситъ всѣхъ на завтрашній день къ нему обѣдать, а вмѣстѣ съ тѣмъ условиться ѣздить съ нимъ какъ въ окрестныхъ, такъ и въ собственныхъ его дачахъ, гдѣ много звѣря.

По справкѣ оказалось, что этотъ пріѣзжій гость, извѣстный лихой плясунъ, цыганъ Иванъ Трофимовъ, который нѣкогда забавлялъ своею пляскою князя Потемкина и получилъ офицерскій чинъ, а теперь съ своею трупю гоститъ у г. Самсонова.

Мы дали слово, и на слѣдующій день пріѣхали. Насъ встрѣтилъ молодой человекъ, довольно ловкій, вѣжливый и гостепріимный. Условились о ѣздѣ, назначили мѣсто, гдѣ съѣхаться, все шло очень хорошо, въ часъ пополудни подали обѣдать.

Почти съ перваго блюда, онъ началъ всѣхъ потчивать винами, а самъ пилъ болѣе всѣхъ. Я тогда почти ничего не пилъ, а потому и отказался. Обѣдъ конченъ.

Явилась труппа лихихъ цыганъ и цыганокъ, начали подавать пуншъ, и хозяинъ, будучи уже въ разгулѣ, не отступно просилъ всѣхъ, въ томъ числѣ и меня, пить, но я совершенно отказался, что ему весьма было непріятно.

Чтобы избавиться отъ этого, я и еще двое изъ нашей компаніи сѣли играть въ бостонъ, прочіе оставались въ залѣ, гдѣ поколѣніе фараоново забавляло ихъ пляскою.

Кончивши игру, товарищи мои пошли въ залъ, а я остался въ гостиной и машинально писалъ мѣломъ на столѣ разныя фамиліи, въ томъ числѣ и фамилію хозяина французскими буквами. Онъ

подошелъ къ столу и, остановясь противъ меня, глядя на написанное, сказалъ:

— Кто это писалъ?

— Я,—отвѣчалъ я ему.

— За что же вы называете меня дуракомъ?—сказалъ онъ.

— Почему это вамъ кажется?

— Да тутъ написано fou! а слово это означаетъ дуракъ.

— Тутъ нѣтъ никакого fou, а написано Samsonof, иначе и написать невозможно.

Сколько ни увѣряли его всѣ тутъ бывшіе, что онъ ошибается, но онъ остался при своемъ мнѣніи и началъ мнѣ говорить грубости.—Я напомнилъ ему, что я его гость, что онъ забываетъ обязанность хозяина. Онъ, будучи уже пьянъ, ничего не слушалъ и придирался ко мнѣ. Мы хотѣли ѣхать, не пускаетъ; потомъ велѣлъ принести пистолеты, зарядилъ ихъ пулями и, прилѣпивъ карту къ стѣнѣ, выстрѣлилъ удачно и сказалъ мнѣ: «видишь, какъ я стрѣляю».—Я ему отвѣчалъ, что буде онъ считаетъ себя обиженнымъ, то можетъ завтра требовать отъ меня сатисфакціи и получить ее. Онъ нѣсколько затихъ, но скоро опять началъ придирается ко мнѣ.

На столѣ была тарелка съ яблоками и лежалъ на ней ножъ. Вотъ онъ съ азартомъ идетъ ко мнѣ скорыми шагами и, можетъ быть, съ намѣреніемъ ударить меня, я схватилъ со стола этотъ ножъ и, приставивъ къ горлу его, сказалъ:

— Разбойникъ!—иди со мной къ моей коляскѣ, но если хоть одинъ изъ людей твоихъ осмѣлится подойти, то прежде чѣмъ онъ коснется до меня, этотъ ножъ по самый черень будетъ въ твоемъ горлѣ.

Товарищи мои окружили насъ и всѣ молча пошли изъ дома. Подали экипажи; не отнимая ножа отъ горла его, я ему сказалъ:

— Садись въ коляску.

Онъ сѣлъ. Выѣхавъ изъ деревни, я приказалъ остановиться и сказалъ ему.

— Ступай, разбойникъ, вонъ.

Коляска моя помчалась и пятнадцать верстъ четвертка лошадей, не останавливаясь, домчала меня до нашего стана.

По утру сказали намъ, что Самсоновъ вслѣдъ за нами пріѣхалъ и спитъ въ коляскѣ. Я предполагалъ, что пріѣхалъ онъ требовать сатисфакціи и готовился къ оной. Черезъ полчаса входитъ онъ къ намъ въ палатку и у всѣхъ, а болѣе у меня, просить прощенія и просить непритворно. По пословицѣ: «Худой миръ лучше доброй брани», все кончено и разстались не врагами.

Нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣтились мы въ Москвѣ. Онъ на другой же день пріѣхалъ ко мнѣ, звалъ къ себѣ, но я не поѣхалъ. Мы видѣлись въ англійскомъ клубѣ, въ благородномъ собраніи и еще кое-гдѣ, но на приглашенія его я всегда отказывался. На слѣдующій годъ узналъ я отъ брата его, что онъ умеръ и хорошо сдѣлалъ.

IX.

Въ 1828 году, поздно ночью, пріѣхалъ я на лебедянскую ярмарку и, не выходя изъ коляски, велѣлъ искать квартиру. Скоро это кончилось, и я покойно легъ спать.

По утру пошелъ я на конную, куда вслѣдъ за мною пришелъ мой человѣкъ и сказалъ, что передовые генерала Измайлова пріѣхали и требуютъ, чтобы квартира тотчасъ была очищена, что вслѣдъ за ними пріѣдетъ генераль, въ противномъ случаѣ, они всё мои вещи выбросятъ на улицу.

Я пригласилъ съ собою полицейскаго офицера и пошелъ къ моей квартирѣ. Дѣйствительно, наглецы эти буянили, но квартальный ихъ унялъ.

Я опять пошелъ на конную, куда скоро пришелъ ко мнѣ какой-то господинъ съ дворянскою медалью и весьма запальчиво сказалъ:

— Вы заняли генеральскую квартиру, прикажите очистить ее. Генераль сейчасъ будетъ, а онъ не любитъ ничего ждать долго.

Я улыбнулся и отвѣчалъ: квартиру я нанялъ, не мое дѣло разсуждать кому она принадлежала прежде, взыскивайте на хозяинѣ, а теперь она принадлежитъ мнѣ.

— Но генераль всегда тутъ останавливается, и если вы тотчасъ не очистите ее, то генераль много вамъ сдѣлаетъ непріятнаго.

— Угрозы вашихъ я не боюсь,—отвѣчалъ я,—увѣренъ, что генераль мыслить съ вами различно.

Въ эту минуту подошелъ ко мнѣ человѣкъ и сказалъ:—Его превосходительство проситъ васъ пожаловать къ нему.

— А гдѣ онъ?

— Остановился у вашей квартиры.

Я пошелъ туда. Генерала нашелъ сидящаго у воротъ.

— Вы заняли мою квартиру?—сказалъ онъ.

— Я квартиру нанялъ и вотъ хозяинъ, который получилъ отъ меня и задатокъ.

— Но я всегда останавливаюсь здѣсь.

— Это не мое дѣло, виноватъ хозяинъ, что одну и ту же квартиру отдаетъ двоимъ.

— Какимъ же образомъ намъ это кончить?

— Самымъ простымъ, прикажите найти себѣ квартиру другую, а я останусь на этой.

— Не ужели вы не уступите мнѣ ее? Я человѣкъ нездоровый и очень усталъ.

— Уступить охотно готовъ и давно бы сдѣлалъ это, если бы господинъ Кублицкій былъ вѣжливей. Затѣмъ, оборотясь къ моему человѣку, сказалъ: сейчасъ найди квартиру и переберись туда.

Генераль поблагодарилъ меня и мы разстались; но во все время пребыванія его тамъ, мы встрѣчались холодно.

На слѣдующее лѣто я пріѣхалъ въ Липецкъ и нашель тамъ Измайлова. Мы каждый почти день встрѣчались у минеральнаго колодца, но говорили рѣдко и мало. Квартиры наши были рядомъ. У меня была хорошая верховая горская лошадь. Когда водили ее на водопой мимо его дома, онъ иногда останавливалъ кучера и любовался ею, потомъ прислалъ ко мнѣ своего берейтора спросить: не продаю ли я эту лошадь и что прошу за нее.—«Непродажная»,—отвѣчалъ я.—Четверня рыжихъ добрыхъ лошадей ходили у меня въ коляскѣ. Онъ опять прислалъ спросить не продамъ ли коренныхъ?—«Нѣтъ»,—отвѣчалъ я.

При свиданьи въ галлерей, онъ сказалъ мнѣ:

— Ты не хочешь уступить мнѣ ни твоей верховой, ни упряжныхъ, а я дорого бы заплатилъ тебѣ.

— Не продаю, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я.

— За хорошую цѣну почему не продать, вѣдь ты не такой богатъ, чтобъ пренебрегалъ деньгами.

— Я хотя и не богатъ, но не имѣю большой надобности въ деньгахъ, дорожу моими прихотями,—отвѣчалъ я.

Онъ нахмурился и разговоръ прекратился.

Черезъ нѣсколько дней, онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, насъ было четверо: онъ, я, Меллеръ-Закамельскій и полковникъ Соколовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали и вмѣстѣ жили. Разговаривая о разныхъ предметахъ, онъ спросилъ меня:

— Есть ли здѣсь карточная игра?

— Есть,—отвѣчалъ я.

— Карты величайшее зло. Я самъ прежде игралъ, но давно уже пересталъ, и еслибъ отъ меня зависило, то я бы учредилъ законъ, чтобы всякаго изобличеннаго въ азартной игрѣ наказывать строжайшимъ образомъ.

— Согласенъ съ вами, что игра недобродѣтель,—отвѣчалъ я,—но и не такое зло, чтобы преслѣдовать его слишкомъ строго. Есть много зодъ, гораздо сильнѣе игры. Играть никто никого принудить не можетъ, а есть случаи, гдѣ правота уступаетъ несправедливости и терпитъ поневолѣ.

Обѣдъ кончился и я хотѣлъ идти домой, но онъ остановилъ меня, сказавъ:

— Куда спѣшишь? посидимъ и поспоримъ.

Я отговаривался нездоровьемъ и привычкой послѣ обѣда отдыхать, а потомъ ѣхать купаться.

— Спать уже поздно, а купаться поѣдемъ вмѣстѣ,—сказалъ онъ.

Зная его дерзость и нахальство, я послалъ за моимъ человѣкомъ, которому приказалъ пріѣхать съ коляской и взять заряжен-

ные пистолеты. Онъ исправно выполнилъ мое приказаніе и пистолеты были у меня въ карманѣ.

Мы всё четверо сѣли въ его фэзтонъ, а моя коляска ѣхала за нами; дорогою онъ началъ придирается ко мнѣ, но я велъ себя осторожно, а на слова его относящіяся на мое собственно лицо, отвѣчалъ хотя и не дерзко, но вольно и свободно.

Выѣхавъ за заставу надо было переѣхать мостокъ. Кучеръ приостановился и сказалъ:—«Не пройдетъ четверка рядомъ»¹⁾. «Попшелъ мимо!»—крикнулъ онъ.—Совсѣхъ ногъ шестерня сунулась; фореиторъ съ оторванными построжками и парюю лошадей очутился на другой сторонѣ, а коренныя застряли въ тинѣ.—Надо было выходить изъ фэзтона. Долго хлопотали, вытаскивая лошадей, а фэзтонъ безъ людей высвободить было не возможно. Моя коляска стояла на сухомъ берегу. Я предложилъ ѣхать намъ въ ней обратно въ городъ и прислать людей за фэзтономъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я не поѣду.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду одинъ.

— И тебя не пуцу.

— Вы вольны дѣлать, что вамъ угодно, а я поѣду,—и пошелъ къ моей коляскѣ.

Онъ схватилъ полу скюртука моего и съ азартомъ сказалъ:—«Не пуцу».

Я вынулъ изъ кармана пистолеть и сказалъ:—Генераль! я долго и терпѣливо сносилъ ваши дерзости, пора ихъ остановить. Вы привыкли дѣлать ихъ, а я не привыкъ ихъ сносить. Научитесь быть благоразумнѣе; не подумайте, что пистолеть мой пустой; въ немъ такой подарокъ, отъ котораго ни ваше богатство, ни генеральство, не защитятъ васъ. Я дворянинъ и офицеръ. Честь моя для меня не дешевле вашей.

Онъ не отвѣчалъ ни слова. Я сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ городъ.

Черезъ годъ мы встрѣтились въ Москвѣ въ голландской лавкѣ. Когда я вошелъ туда, онъ торговалъ дамское сѣдло, за которое давалъ 150 рублей, а просили 200; онъ отошелъ и смотрѣлъ телескопъ. Я, купивши нѣкоторыя бездѣлки, спросилъ у хозяина о послѣдней цѣнѣ сѣдла. Онъ отвѣчалъ, что дешевле назначенной цѣны отдать не можетъ. Я вынулъ деньги, отдалъ хозяину, а сѣдло велѣлъ отнести въ мою карету.—Генераль оборотился ко мнѣ и сказалъ:

— Не хорошо перекупать вещь, которую торгуетъ другой.

— Вы торговали и не купили,—отвѣчалъ я,—впрочемъ, если оно вамъ нужно, я могу уступить его вамъ.

— Я непривыкъ ни кѣмъ одолжаться,—сказалъ онъ.

— А я непривыкъ ни передъ кѣмъ унижаться,—отвѣчалъ я.

Это было послѣднее наше свиданіе.

¹⁾ Это была не рѣка, а топкій ржавецъ.

X.

Давно я живу на свѣтѣ, всего много видѣлъ и слышалъ, многое испыталъ надъ собою—видѣлъ бѣдняковъ разбогатѣвшихъ и богачей обѣднѣвшихъ, глупыхъ по умнѣвшихъ и умныхъ поглупѣвшихъ. Свѣтъ колесо, вертится на всѣ стороны, а люди—пылинки, носимыя чуть замѣтнымъ вѣтромъ. Великіе феномены природы, въ разныя времена бывшіе, остались неразгаданными, пусть разбирають ихъ люди ученые, а я, какъ неученый, обращаюсь къ существовавшему.

Наполеонъ, въ короткое время, изъ поручиковъ сдѣлался императоромъ и потрясъ всю Европу! а король шведскій изъ королей сталъ менѣе прапорщика. Меншиковъ продавалъ пироги и сдѣлался фельдмаршаломъ, а умеръ въ Березовѣ колодникомъ? Графъ Разумовскій гонялъ воловъ, а впоследствии сталъ фельдмаршаломъ!—Биронъ былъ берейторомъ и сдѣлался герцогомъ. Но это капля въ морѣ въ сравненіи всего, что происходило, происходитъ и произойдетъ въ мірѣ; будущее покрыто неизвѣстностію, а отъ чего и для чего?.. Тайна неразгаданная.

Сойду ниже и скажу нѣсколько словъ о томъ, чему самъ былъ очевидцемъ.

Князь А. Н. Голицынъ, возвратясь изъ чужихъ краевъ, получилъ послѣ смерти отца болѣе двадцати тысячъ душъ крестьянъ, большой денежный капиталъ, въ Петербургѣ огромный домъ, въ Москвѣ два. Женился на красавицѣ, въ карты не игралъ, баловъ и обѣдовъ не давалъ, и чрезъ нѣсколько времени не осталось ничего! Куда же все это дѣвалось? онъ и самъ не знаетъ. Продавъ жену за 100 тысячъ рублей,—подъ конецъ дней своихъ выпрашивалъ у старыхъ знакомыхъ по синенькой ассигнаціи, въ числѣ которыхъ и отъ меня перешло къ нему нѣсколько этихъ синенькихъ,—умеръ, и мы на свой счетъ схоронили его.

Князь П. М. Долгорукой, имѣлъ болѣе трехъ тысячъ душъ, да за женой взялъ двѣ, довольно значительный капиталъ, огромный домъ и дачу близъ Москвы. Сначала онъ жилъ роскошно; но съ такимъ состояніемъ можно роскошно жить и не все прожить, а онъ умеръ въ бѣдности.

П. Н. Дмитріевъ, изъ ничего составилъ до двухъ милліоновъ,—въ Москвѣ имѣлъ прекрасный домъ и за Прѣсенской заставой дачу, жилъ баринномъ. Фортуна повернулась къ нему спиной. Все это прибрѣлъ онъ игроку. Потомъ проигрался и умеръ въ бѣдности.

Л. Я. Раславлевъ. Единственный сынъ скупого отца, по смерти котораго получилъ тысячу душъ крестьянъ, нѣсколько сотенъ тысячъ денегъ и въ самое короткое время не осталось ничего.

А. В. Юрьевъ, ходилъ почти безъ сапогъ. По смерти благочестивыхъ дядюшекъ, которые померли въ непродолжительномъ одинъ

послѣ другого времени, получилъ 500 душъ крестьянъ, два каменныхъ въ Москвѣ дома и слишкомъ миллионъ рублей капитала,— въ теченіе трехъ лѣтъ не оставилъ ничего, и умеръ въ больницѣ.

Я означилъ только пятерыхъ, коротко мнѣ знакомыхъ, а сколько незнакомыхъ? Ихъ можно насчитать сотни.

Перехожу изъ одной крайности въ другую и, описавъ богачей раззорившихся, скажу о бѣднякахъ разбогатѣвшихъ болѣе или менѣе мнѣ извѣстныхъ.

Г. В. Рюмина зналъ я дистаночнымъ повѣреннымъ на трехъ стахъ рубляхъ жалованья. Отецъ мой имѣлъ винокуренные заводы, и Рюминъ пріѣзжалъ къ нему принимать вино. Разъ случилось, что во время нашего деревенскаго обѣда докладываютъ отцу моему, что пріѣхалъ повѣренный. «Позови его сюда»,— сказалъ отецъ мой.—Входитъ Рюминъ въ простомъ тулупѣ, покрытомъ китайкою, и остановился у притолки. Отецъ мой поговорилъ съ нимъ и, оборотясь къ приказчику своему, сказалъ: «Едѣйка! накорми повѣреннаго и сдавай ему вино».

Прошло нѣсколько лѣтъ и Рюминъ коллежскій совѣтникъ съ Анною на шеѣ. Послѣ смерти своей оставилъ болѣе десяти тысячъ душъ крестьянъ, огромные капиталы, дома, дачи и проч. и проч. Изъ сыновей его нѣкоторые уже обѣднѣли; одинъ старшій, которому и досталось болѣе другихъ, не разстроень еще.

П. А. Мальшинъ, торговалъ въ лавочкѣ мелочной стеклянной посудой, а умеръ миллионеромъ.

Бородинъ, былъ въ Козловѣ цѣловальникомъ, а дочь его впослѣдствіи вышла замужъ за князя Касаткина, имѣя приданого пять тысячъ душъ и миллионы денегъ.

Викулинъ, былъ кирпичникомъ, потомъ цѣловальникомъ, и оставилъ дѣтямъ своимъ нѣсколько тысячъ душъ и миллионы рублей.

Каншинъ, торговалъ въ Козловѣ разною мелочью, а сынъ его недавно купилъ 9 тысячъ душъ.

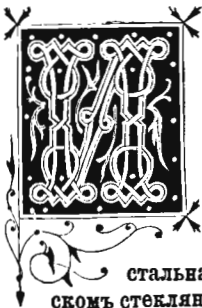
Козловскій мѣщанинъ Алексинцовъ, торговалъ лыками и телѣжными колесами, потомъ имѣлъ миллионы, а теперь шатается въ изорванной шинели и не имѣетъ ничего.

Но все это самоналѣйшая часть изъ общей сложности тѣхъ, которые изъ богачей сдѣлались нищими, а изъ нищихъ богачами.

ПОСОЛЬСТВО ПОРУЧИКА НОСКОВА ВЪ ПЕРСИЮ СЪ ХРУСТАЛЬНОЮ КРОВАТЮ.

ИМПЕРАТОРЪ Николай Павловичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, отправилъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1826 года, генераль-майора князя А. С. Меншикова въ Персію съ грамотами, гдѣ, въ самыхъ дружественныхъ выраженіяхъ, выражалъ персидскому шаху желаніе продолжать миръ, основанный на Гюлистанскомъ трактатѣ 1813 года. Вскорѣ послѣ отъѣзда князя Меншикова, былъ посланъ къ шаху генеральнаго штаба поручикъ Носковъ съ подарками, въ числѣ которыхъ находилась знаменитая «хрустальная кровать» съ фонтанами, изготовленная на петербургскомъ стеклянномъ заводѣ и возбуждавшая тогда всеобщее удивленіе. Въ то время, когда Носковъ прибылъ въ предѣлы Персіи, между этимъ государствомъ и Россіей неожиданно произошелъ разрывъ. Сынъ шаха, Аббасъ-Мирза, и зять, Алаяръ-ханъ, вопреки желанію своего государя, вовлекли его въ несчастную для Персіи войну. Вслѣдствіе этого, Носковъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи и едва не сдѣлался жертвой возбужденнаго фанатизма персіанъ; только благодаря быстрымъ успѣхамъ русскихъ войскъ, ему удалось благополучно исполнить возложенное на него порученіе и возвратиться въ Россію. Онъ описалъ свое пушество въ весьма любопытныхъ запискахъ, печатаемыхъ ниже и сообщенныхъ намъ его вдовой. Къ запискамъ Носкова приложенъ, между прочимъ, и рисунокъ «хрустальной кровати», доставившей ему столько хлопотъ и бѣдствій и воспроизведенный нами здѣсь въ точной копіи.

Ред.

Февраля 21 дня 1826 года, отправился я изъ С.-Петербурга съ вѣренными мнѣ для сопровожденія черезъ Каспійское море въ Персію различными хрустальными вещами, назначенными отъ высочайшаго двора въ подарокъ шаху персидскому¹⁾. Для пристра

¹⁾ Съ назначеніемъ меня для сего порученія, по высочайшему соизволенію, я былъ переименованъ въ титулярные совѣтники и состоялъ въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

за ними въ продолженіе пути и для надлежащаго установленія по прибытіи на мѣсто назначенія находились при мнѣ два мастеровые, командированные отъ императорскаго стекляннаго завода.

Слѣдованіе мое до города Астрахани замедляемо было неудобствами испортившейся отъ весенняго времени дороги, такъ что въ Рязани я былъ принужденъ, по невозможности продолжать путь на зимнихъ повозкахъ, переложить весь транспортъ на лѣтнія и отправить его, такимъ образомъ, на вольнонаемныхъ лошадяхъ, въ послѣднемъ исполненіи чего оказано было мнѣ содѣйствіе съ стороны Рязанскаго гражданскаго губернатора.

По прибытіи въ Астрахань, апрѣля 3-го дня, оставался я на мѣстѣ въ продолженіе двухъ недѣль, ожидая, пока рѣка Волга очистится отъ льда; послѣ чего, нагрузивъ всѣ вещи на приготовленное тамошнимъ морскимъ начальствомъ военное транспортное судно, отправился на немъ 17 числа того же мѣсяца, и, 20 числа вышедъ въ море, продолжалъ слѣдованіе къ персидскимъ владѣніямъ. Наконецъ, 10 мая, прибывъ къ берегамъ Гилянской провинціи, остановился противъ мѣстечка Зинзилей, на рейдѣ, верстахъ въ двухъ отъ онаго.

Отправивъ въ городъ Рящъ къ правителю области Наibu-Мирзѣ-Муссѣ, выданный мнѣ изъ азіатскаго департамента открытый листъ на російскомъ и персидскомъ языкахъ, получилъ на третій день позволеніе выгрузить вещи на берегъ. Въ то же время дано мнѣ знать, что по случаю неполученія отъ тегеранскаго двора предварительнаго извѣщенія касательно приѣзда моего съ подарками къ сему берегу, никакихъ еще не сдѣлано приготовленій для дальнѣйшаго препровожденія ихъ, и потому предложено было мнѣ ожидать отвѣта на посланное въ тотъ же день о семь въ Тегеранъ донесеніе. Съ своей стороны, я отправилъ также въ городъ Тавризъ къ его свѣтлости генераль-майору (что нынѣ генераль-адъютантъ) князю Меншикову рапортъ о прибытіи моемъ, испрашивая при томъ предписанія по предмету дальнѣйшаго слѣдованія.

1 іюня, приѣхалъ изъ Тегерана замбурекчи-баши¹⁾, Гаджи-Магметъ-Ханъ, присланный для нужныхъ распоряженій по доставленію вещей до мѣстопребыванія шаха; вслѣдствіе чего и занялся онъ постройкой потребнаго числа арбъ (повозокъ) подъ свозъ тѣхъ тяжестей, которыя по величинѣ своей оказались неудобными для навьючиванія на лошадей. Ханъ объявилъ мнѣ, что шахъ находился уже на пути въ городъ Султанію, куда и подарки, по желанію его, должно было доставить. Между тѣмъ, узналъ я, что по причинѣ неудобства сухопутныхъ въ Гилянѣ сообщеній, всѣ вещи отправлены будутъ водою до селенія Менджиля, находящагося на южной границѣ провинціи, откуда повезутся на арбахъ, какъ упо-

¹⁾ Начальникъ части шахской артиллеріи на верблюдахъ.

мянулъ я, нарочно для того уже заготовлявшихся. Заключая изъ этого, что желаніе мое видѣть областной городъ Рящъ, лежащій въ сторонѣ отъ назначеннаго пути, могло не исполниться, я предварительно изъявилъ желаніе представиться лично имѣющему въ немъ пребываніе шахову сыну Аягъ-Мирзѣ, на что и получилъ отъ этого принца письменное приглашеніе¹⁾. Кромѣ пріобрѣтенныхъ мною черезъ такую поѣздку свѣдѣній о положеніи города, я имѣлъ случай удостовѣриться въ трудности путевого сообщенія съ нимъ съ стороны морского берега и видѣть дорогу, неудобства которой были главнѣйшею причиною, препятствовавшюю въ 1805 году нашему военному отряду овладѣть этимъ городомъ.

21 іюня, я получилъ изъ Тавриза отъ его свѣтлости князя Меншикова, съ посланнымъ ко мнѣ въ званіи переводчика тифлисскимъ армяниномъ Шіюпомъ, предписаніе слѣдовать съ подарками въ Султанію, какъ только со стороны персидскаго правительства послѣдуетъ на то разрѣшеніе.

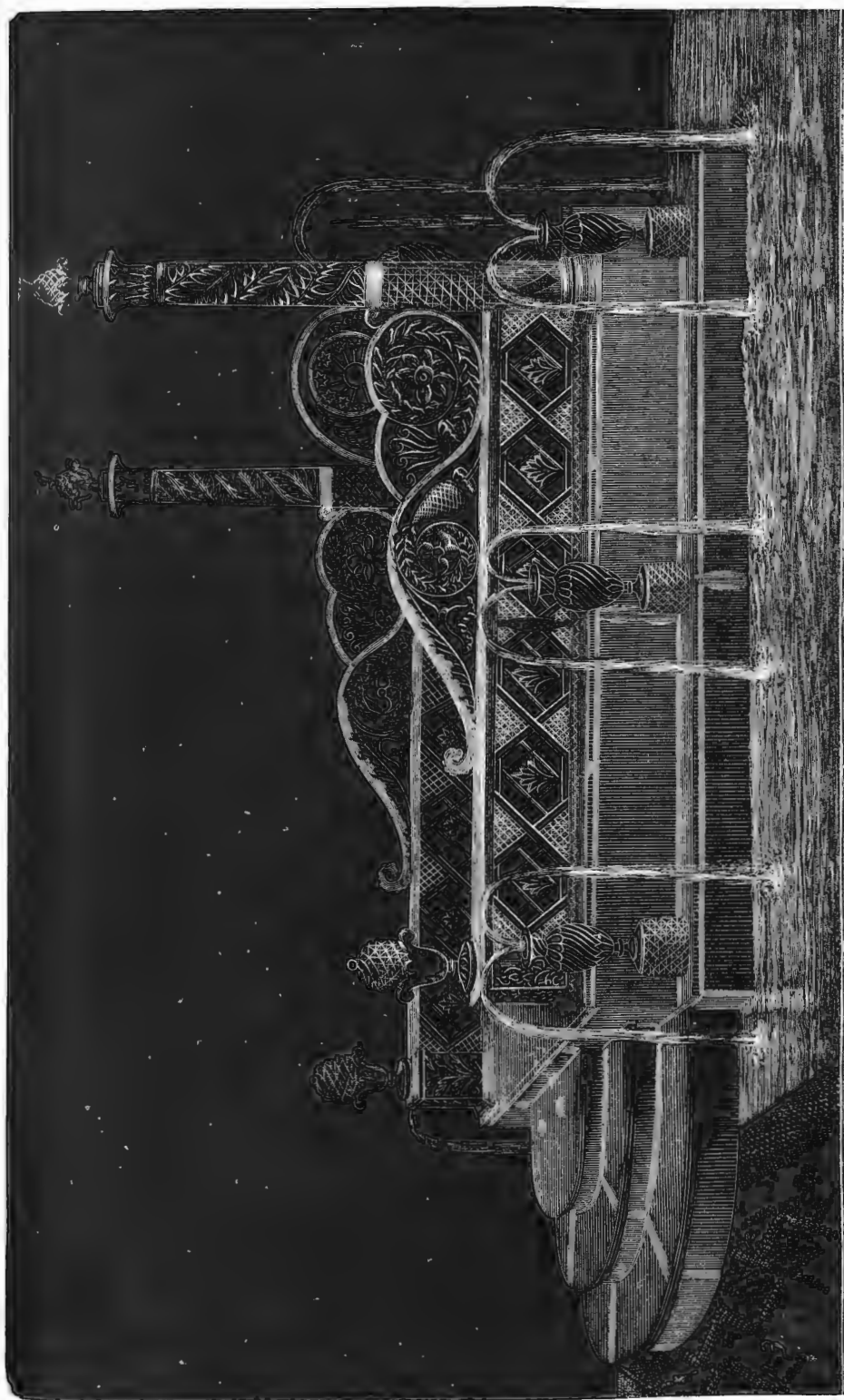
По окончаніи надлежащихъ для слѣдованія моего съ вещами приготовленій, отправился я 27 числа съ ними изъ мѣстечка Зинзили на плоскодонныхъ лодкахъ (кирджимахъ) и изъ залива, вступивъ въ устье небольшой рѣчки Тамеруть, поднялся по ней до рѣки Кизиль-Узень (Сефидуры), изъ которой первая принимаетъ свое начало. Слѣдованіе мое по рѣчкѣ было весьма затруднительно и медленно, какъ по причинѣ мелководья, такъ и отъ безпорядковъ въ распоряженіяхъ персидскаго начальства, которое, извѣстясь предъ этимъ о начавшихся непріязненныхъ отношеніяхъ ихъ правительства къ Россіи, не прилагало ни какого старанія для ускоренія отправленія моего. Въ продолженіе этого плаванія, испыталъ я съ находившимися при мнѣ людьми дѣйствіе вреднаго климата въ Гилянѣ. Чрезвычайный жаръ днемъ; простиравшійся до 35-ти градусовъ и сильная сырость въ ночное время, соединясь съ гнилыми заразительными испареніями отъ болотистыхъ мѣстъ и наводненныхъ пахотныхъ полей, разстроили здоровье наше и повергли въ болѣзненные лихорадочные припадки, этой странѣ свойственные.

Достигнувъ 6 іюля рѣки Кизиль-Узень, протекающей въ Гилянѣ черезъ горный хребетъ Эльбурсъ, продолжалъ я слѣдованіе вверхъ по ней до селенія Менджиль, лежащаго близъ этой рѣки на югъ отъ границы Гилянской. Не доѣзжая послѣдней, получилъ отъ его свѣтлости князя Александра Сергѣевича Меншикова вторичное предписаніе, во исполненіе котораго надлежало мнѣ, по случаю перемѣнившихся въ то время политическихъ обстоятельствъ, слѣдовать съ вещами прямо въ Тегеранъ, не заѣзжая въ Султанію.

¹⁾ За малолѣтствомъ его, управляетъ областью помянутый Наибъ-Мираа-Мусса.

Въ селеніи Менджилѣ, гдѣ были выгружены всѣ вещи, оставался я въ продолженіе восьми дней, ожидая изъ города Ряща транспорта съ заготовленными подъ свозъ вещей повозками, по прибытіи которыхъ и по укладкѣ на всѣхъ тяжестей, отправился далѣе по дорогѣ къ городу Казбину. На половинѣ пути имѣлъ весьма трудную и опасную переправу чрезъ горную цѣпь Хорзанъ, составляющую отрасль хребта Эльбурса, при чемъ многія повозки по неудобству дороги совершенно изломались и большую часть обоза принуждены были перетаскивать на рукахъ. Въ городѣ Казбинѣ прибылъ 24 іюля на седьмой день по выѣздѣ изъ Менжиля. Считая излишнимъ излагать въ подробности всѣ происшествія случившіяся на пути моемъ до этого города, я, однако, не могу умолчать о неблагопріязненныхъ ко мнѣ отношеніяхъ какъ упомянутаго замбурекчи-баши, присланнаго отъ шаха, для оказанія необходимыхъ пособій къ препровожденію вещей, такъ и простого народа, которому ханъ этотъ поступками своими подавалъ къ тому поводъ. Вскорѣ по выѣздѣ моемъ изъ мѣстечка Зинзили пронесся слухъ о готовности персидскаго правительства къ войнѣ противъ Россіи, и съ того времени поведеніе хана на каждомъ шагѣ стѣсняло меня и приводило въ большое затрудненіе; а наконецъ, по полученіи формальнаго извѣстія о выступленіи персидскихъ войскъ къ нашимъ предѣламъ, дерзость его до того простиралась, что однажды въ присутствіи собравшихся муллъ, проповѣдывавшихъ ненависть къ русскимъ, въ жару изувѣрскаго изступленія своего бросился на меня съ кинжаломъ и готовъ былъ лишить жизни; но ударъ былъ счастливо мною отклоненъ. Не распространяясь въ описаніи непріятныхъ послѣдствій рѣшительнаго въ этомъ случаѣ съ стороны моей поступка, которымъ отвратилъ я предстоящую мнѣ смерть, долженъ повторить, что необузданность хана въ отношеніи ко мнѣ болѣе и болѣе выходила изъ предѣловъ и подавала даже черни поводъ наносить мнѣ различныя оскорбленія; въ городѣ Казбинѣ, куда прибылъ во время извѣстнаго магометанскаго праздника Могарема (во время фанатическаго ихъ буйства противъ всѣхъ не единовѣрцевъ), я, съ находившимися при мнѣ людьми, уже изнемогалъ въ болѣзненныхъ страданіяхъ и не былъ въ состояніи противопоставить ни какой защиты противъ собиравшейся у моей квартиры черни, которая, въ бѣшенствѣ выбивъ окна, бросала камнями, и однажды едва не вломила въ двери, грозя всѣхъ насъ умертвить.

Столь стѣсненное положеніе наше, угрожавшее всегдашней опасностію, при разстроенномъ сверхъ того здоровьѣ, приводило насъ въ крайнее изнеможеніе. Гаджи-Магметъ-Ханъ, опомнившись, наконецъ, отъ перваго изступленія своего, и можетъ быть, опасаясь съ стороны шаха непріятныхъ для себя послѣдствій, въ случаѣ если бы мы были лишены жизни, приказалъ отвезти насъ тайно

Хрустальная кровать, подаренная шаху персидскому императоромъ Николаемъ I.

ночью въ мѣстечко Каверзенгъ или Кесаренгъ, лежащее на дорогѣ къ Тегерану въ 7-ми форсангахъ (40 верстахъ) отъ Казбина, гдѣ и были мы помѣщены въ одной изъ башенъ стѣны, окружающей это мѣстечко; самъ же онъ остался въ городѣ для постройки новыхъ повозокъ, въ замѣнъ сломавшихся во время переправы черезъ горы. Въ этой башнѣ содержался я со всѣми находившимися при мнѣ людьми въ продолженіе почти трехъ недѣль въ самомъ горестномъ положеніи, претерпѣвая во всемъ недостатокъ и будучи лишень всѣхъ способовъ къ улучшенію участи своей. При тяжкомъ недугѣ, обременявшемъ меня, страданіе мое усугублялось еще при видѣ бѣдственнаго положенія окружавшихъ меня соотечественниковъ, которые ввѣрены были моимъ попеченіямъ и которымъ я не въ силахъ уже былъ оказать никакого пособія. Съ каждымъ днемъ положеніе наше дѣлалось бѣдственнѣе и надежда возвращенія въ отечество постепенно исчезала. Угрозы, ругательства и насмѣшки приходившихъ изъ любопытства персіанъ сопровождали пребываніе наше въ семъ заключеніи. Наглые посѣщенія эти оканчивались ежедневно требованіемъ денегъ, а нерѣдко самовольнымъ раскрытіемъ чемодановъ моихъ, изъ которыхъ брали, что хотѣли. Къ счастью еще моему, я заранѣе нашель средство отвратить неизбѣжную опасность въ такихъ случаяхъ мнѣ предстоящую, истребивъ находившіяся со мной нѣкоторыя вещи, открытіе которыхъ при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ могло навлечь на меня подозрѣніе недовѣрчивыхъ персіанъ. Бывшія же при мнѣ нужнѣйшія бумаги, равно какъ и записки мои, раздѣливъ на части сохранилъ въ сѣдлѣ, въ платѣ и внутри другихъ вещей, представившихся къ тому удобными. 18 августа, Гаджи-Магметъ-Ханъ, по окончаніи постройки новыхъ повозокъ, пріѣхаль со всѣмъ обозомъ въ мѣстечко Кесарзенгъ и того же числа отправился съ нами по дорогѣ въ Тегеранъ. Въ избѣжаніе сильныхъ дневныхъ жаровъ весь караванъ слѣдовалъ по ночамъ. Меня съ людьми моими везли въ тахтераванахъ (носилкахъ), ибо по усилившейся болѣзни нашей мы не въ состояніи уже были ѣхать верхомъ.

Наконецъ, послѣ двухмѣсячнаго отъ мѣстечка Зинзилей тягостнаго путешествія, прибыли мы 22 августа до мѣста своего назначенія. Неудобства пути и мучительное положеніе въ продолженіе его до такой степени изнурили находившихся при мнѣ людей, что всякое пособіе къ возвращенію имъ здоровья было уже тщетно. Въ теченіе двухъ недѣль по пріѣздѣ, я лишился обоихъ казенныхъ мастеровыхъ и собственнаго моего слуги, скончавшихся отъ усилившейся лихорадки при чрезвычайномъ кровотеченіи.

По прибытіи въ Тегеранъ вручено было мнѣ изъ Тавриза отъ находившагося при шахѣ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Виллока письмо, въ которомъ увѣдомляль онъ меня, что не-

ожиданныя обстоятельства, послѣдовавшія съ прибытіемъ въ Султанію его свѣтлости князя Меншикова, ускорили обратный отъѣздъ князя въ Тифлисъ. Господинъ Виллокъ приглашалъ меня въ то же время остановиться въ домѣ принадлежащемъ англійскому посольству, и въ случаѣ какой либо съ моей стороны надобности, предлагалъ обращаться прямо къ нему. Ящики со всѣми привезенными мною вещами, не исключая и тѣхъ, которые не входили въ составъ хрустальной кровати, и которые по данному мнѣ предписанію надлежало сдать англійской миссіи, взяты были во дворецъ шаха, и не взирая на неоднократныя впослѣдствіи мои требованія не были мнѣ возвращены.

Послѣ нѣкотораго облегченія отъ болѣзни моей, потребовалъ меня къ себѣ управляющій городомъ Тегераномъ, сынъ шаха, Али-Шахъ-Мирза и объявилъ о полученномъ имъ повелѣніи отъ родителя своего, находившагося тогда въ городѣ Ардебилѣ, дабы предоставлена была мнѣ свобода избрать во дворцѣ приличное и удобное мѣсто для установленія привезенной мною хрустальной кровати; при чемъ упомянулъ о желаніи шаха, чтобы я выучилъ двухъ персидскихъ мастеровъ искусству составлять и разбирать ее.

Исполненіе этого могло бы представить мнѣ большое затрудненіе, вслѣдствіе смерти обоихъ мастеровъ на этотъ предметъ со мной отправленныхъ; но руководствуясь составленными мною еще въ Петербургѣ рисунками и описью всѣхъ частей кровати, я исполнилъ желаніе шаха и установилъ многосложную эту вещь, привезя въ надлежащій видъ всѣ части ея, изъ которыхъ, ни одной не было повреждено ни въ дорогѣ, ни при собираніи. Али-Шахъ-Мирза, присутствуя неоднократно во время установливанія кровати, удивлялся совершенству работы, а равно безвредному ея доставленію изъ столь отдаленнаго края. По приказанію его находились тогда же лучшіе мастера шахова двора, которые единогласно отзывались, что примѣра еще не было столь превосходному произведенію въ семь родѣ.

Для показанія персидскимъ мастерамъ сложности составныхъ частей кровати, она собрана была мною сначала въ одномъ изъ дворцовыхъ отдѣленій, примыкающемъ въ парадной аудіенцъ-залѣ Амафеть-Хоршидъ (храмъ-солнца), но впослѣдствіи перенесена въ другое болѣе приличное для нея мѣсто во внутренней части дворца, называемое Гулистанъ, гдѣ и поставлена въ приватной аудіенцъ-залѣ, противъ палаты, въ которой находится хрустальный бассейнъ и другія вещи, присланныя въ 1817 и 1818 годахъ отъ высочайшаго двора въ подарокъ шаху.

Приведя къ окончанію возложенное на меня порученіе касательно доставленія высочайшихъ даровъ, я неоднократно испрашивалъ позволенія о возвращеніи моемъ въ Россію, но каждый разъ помянутый сынъ шаха отзывался, что на сдѣланное имъ уже о

томъ представленіе ожидаетъ отъ шаха разрѣшенія. Въ то же время обращался я письменно къ прибывшему незадолго предъ тѣмъ въ Тавризъ изъ Индіи англійскому посланнику Магдональдъ-Кинейеру, прося его также объ исходатайствованіи мнѣ означеннаго позволенія, но письма мои, какъ узналъ я послѣ, не были къ нему доставлены.

Между тѣмъ, распространившіеся слухи о пораженіи персіанъ россійскими войсками при Шахморѣ и затѣмъ при Елизаветполѣ произвели перемѣну въ народномъ духѣ и это разительно было замѣтно изъ обращенія со мной нѣкоторыхъ особъ, съ которыми имѣлъ я сношенія. Съ этого времени оказываемо было мнѣ болѣе вниманія. Многіе изъ почетныхъ придворныхъ посѣщали меня, оказывая различныя услуги, чего прежде не было.

Не могу умолчать о добромъ ко мнѣ отношеніи городского визиря Мирзы-Магметъ-Али-Хана, который съ самаго пріѣзда моего въ Тегеранъ принималъ большое участіе въ моемъ положеніи, старался расположить въ мою пользу Али-Шахъ-Мирзу и остававшихся при немъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ шаху особъ; присылалъ нерѣдко собственнаго лѣкаря осведомляться о здоровьѣ моемъ и находившихся при мнѣ людей и нѣсколько разъ самъ посѣщалъ меня, оказывая всегда всякаго рода вниманіе. Со времени установки мною кровати, Али-Шахъ-Мирза часто требовалъ меня къ себѣ и, продерживая иногда по нѣсколько часовъ, весьма ласково разговаривалъ со мной; спрашивалъ много о Россіи, о политическихъ отношеніяхъ ея къ европейскимъ государствамъ, о силѣ и способахъ ея, о различномъ родѣ войскъ и другихъ предметахъ болѣе занимавшихъ его по тогдашнимъ обстоятельствамъ. При чемъ каждый разъ обнадеживалъ въ скоромъ полученіи разрѣшенія на возвратный мой отъѣздъ въ Россію. Мнѣ позволено было съ этого времени прогуливаться за городомъ и въ окрестностяхъ, посѣщать загородныя шаховы дворцы и сады и, вообще, предоставлена была свобода, какой до сихъ поръ я не имѣлъ.

Въ такомъ положеніи оставался я около двухъ мѣсяцевъ, ожидая рѣшенія моей участи. Однажды Али-Шахъ-Мирза, по обыкновенію, призвавъ меня къ себѣ, сдѣлалъ мнѣ странное предложеніе, заключавшееся въ томъ, чтобы я согласился (яко бы по желанію шаха) на сопровожденіе въ Испанію прибывшихъ незадолго предъ тѣмъ изъ Тавриза 320 человекъ плѣнныхъ нашихъ солдатъ (захваченныхъ персіанами при первоначальномъ вторженіи ихъ въ россійскіе предѣлы), говоря при томъ, что въ присутствіи моемъ они будутъ безопаснѣе отъ разнаго рода притѣсненій и бѣдъ, могущихъ случиться имъ во время пути. Неожиданность и странность такого предложенія заставила меня смѣло объяснить сыну шаха, что порученіе такого рода, тѣмъ болѣе если оно учинено отъ имени его родителя, крайне меня удивляетъ, и что исполненіе его я не

могу взять на себя, ибо, не будучи увѣренъ въ собственной безопасности, тѣмъ менѣе надѣяться долженъ оказать посobie плѣннымъ, которыхъ судьба повергла произволу и праву войны. Сверхъ того, считая себя свободнымъ отъ строгости такихъ законовъ, надѣюсь, что не буду принуждаемъ противъ воли къ исполненію порученія, которое гораздо успѣшнѣе можетъ быть выполнено всякимъ персидскимъ чиновникомъ. Послѣ этого я не былъ уже обезпокоиваемъ подобными испытаніями.

Пріѣхавшій 18-го октября изъ Тавриза главный начальникъ шахова гарема, Манучаръ-Ханъ, увѣдомилъ меня, что его величество въ скоромъ времени возвратится въ Тегеранъ, и что ему угодно дабы я ожидалъ здѣсь его прибытія. Такимъ образомъ, получилъ я первое извѣстіе, которое хотя и не представляло еще мнѣ ничего положительнаго по предмету моего ожиданія, но, по крайней мѣрѣ, могло нѣсколько меня успокоить.

Наконецъ, по прошествіи двухъ недѣль, 2-го ноября, прибылъ шахъ; но по убѣжденію придворныхъ астрологовъ остановился въ загородномъ дворцѣ Негарестанѣ, гдѣ и прожилъ десять дней, въ продолженіе которыхъ не занимался ни какими дѣлами.

По истеченіи урочнаго времени, шахъ, вступивъ въ городъ, тотъ же день осматривалъ хрустальную кровать. Къ сожалѣнію моему, я не присутствовалъ при этомъ и не могъ быть свидѣтелемъ того восхищенія, которое (какъ я узналъ послѣ) изъявилъ шахъ при видѣ вещи съ давняго времени занимавшей его и, по собственнымъ его словомъ, превзошедшей всякія его ожиданія. Между прочими похвалами искусству чудеснаго сего произведенія, шахъ, обращаясь къ окружавшимъ его тогда придворнымъ, сказалъ:—«По истинѣ великолѣпная сія вещь есть лучшее украшеніе моего дворца; я увѣренъ, что и китайскій падишахъ не имѣетъ у себя подобной рѣдкости. Желательно бы знать (продолжалъ онъ) на какомъ ложѣ покоится самъ императоръ россійскій». Въ ознаменованіе особеннаго вниманія къ этому высочайшему подарку, шахъ приказалъ называть впредь аудіенць-залу, въ которой онъ поставленъ, храмомъ хрустальнаго престола (Амареть-тахте Булуръ).

По прибытіи шаха въ городъ, на другой день пригласилъ меня къ себѣ управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Мирза-Абуль-Гассанъ-Ханъ, и объявилъ, что его величество при осмотрѣ привезенной мною кровати изъявилъ совершенное свое удовольствіе, какъ въ отношеніи самой вещи, такъ не менѣе и безвреднаго ея доставленія. При чемъ увѣрялъ, что не въ продолжительное время буду лично къ нему потребованъ. Въ ожиданіи сего протекло однакожь около двухъ недѣль, пока пріѣхалъ изъ Тавриза англійскій посланникъ Макдональдъ-Кинейеръ, къ которому по объясненіи всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ прибытіе мое въ Тагеранъ и продолжительное удерживаніе меня, не взирая

на оконченное мною порученіе моего правительства, обратился я съ просьбою объ исходатайствованіи позволенія на отъѣздъ мой въ Россію. Господинъ Макдональдъ принялъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ и послѣ первой у шаха аудіенціи увѣдомилъ меня, что его величеству угодно видѣть меня на другой день.

Такимъ образомъ, послѣ долгаго ожиданія моего, наконецъ, я былъ представленъ шаху 24-го ноября. Онъ принялъ меня весьма ласково, изъявилъ полное удовольствіе о успѣшномъ доставленіи мною императорскихъ даровъ; относился съ большими похвалами о кровати, вполне очаровавшей его, и присовокупилъ, что рѣдкое это произведеніе можетъ служить доказательствомъ до какой степени совершенства доведено въ Россіи искусство въ отдѣлкѣ хрустала. Послѣ этого спрашивалъ о заводѣ, въ которомъ она была дѣлана, припоминая, что имѣетъ уже многія прекрасныя издѣлія его, въ разное время отъ высочайшаго двора ему дарованныя. «Я не могу (продолжалъ онъ) равнодушно взирать на всѣ сіи доказательства пріязненнаго расположенія ко мнѣ императора російскаго, и съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія представляю себѣ настоящія съ нимъ мои отношенія противъ собственнаго моего желанія между нами послѣдовавшія». Когда же я передъ уходомъ откланивался, то шахъ, между прочимъ, сказалъ, что такъ какъ продолжительное отсутствіе его задержало мое возвращеніе въ Россію, то чтобы вознаградить потерянное время, назначаетъ для моего отъѣзда къ отечественнымъ предѣламъ кратчайшій путь черезъ Карабагъ, присовокупивъ, что оный, кромѣ того, по мнѣнію его, и болѣе безопасенъ нежели черезъ Эриванское ханство. На другой день послѣ пріема принесены были мнѣ отъ имени шаха подарки, заключавшіеся въ знакѣ персидскаго ордена Льва и Солнца 2-й степени, 1000 томанахъ, двухъ кашемировыхъ шаляхъ, почетномъ персидскомъ платьѣ и нѣкоторыхъ другихъ вещахъ. Я не почелъ приличнымъ согласиться на принятіе этихъ даровъ, по случаю тогдашнихъ военныхъ между двумя державами отношеній, и потому представилъ, что считаю уже себя довольно счастливымъ, удостоясь лестнаго пріема и знаковъ высокаго вниманія ко мнѣ его шахскаго величества; что же касается до принятія предлагаемыхъ мнѣ даровъ, то, къ сожалѣнію, долженъ объявить, что, по случаю настоящихъ военныхъ обстоятельствъ, не могу безъ особеннаго соизволенія государя императора моего на это согласиться. Для удостоенія въ основательности такого моего отзыва, въ то же время я просилъ г. Макдональда о подтвержденіи и за свидѣтельствованіи, что иначе не могу поступить.

Мирза-Абуль-Гассанъ-Ханъ прислалъ увѣдомить меня, что его величество шахъ пріемлетъ во вниманіе основательность моего отзыва относительно предложенныхъ мнѣ подарковъ, на принятіе которыхъ однакожъ въ свое время будетъ испрошено император-

ское позволеніе. Сверхъ того, приказаль объявить, что въ ознаменованіе совершеннаго своего ко мнѣ благоволенія изъявляетъ согласіе на представленную мною черезъ посредство англійскаго министра просьбу объ освобожденіи находящихся въ Тегеранѣ русскихъ плѣнныхъ и отдаетъ мнѣ ихъ всѣхъ въ видѣ подарка ¹⁾).

Послѣ сдѣланныхъ распоряженій относительно моего отправленія, передъ отъѣздомъ моимъ, 7-го декабря, я вторично представлялся къ шаху. Это было въ присутствіи многочисленнаго собранія его двора; его величество, обойдясь со мною столь же благосклонно, какъ и въ первый разъ, въ лестныхъ выраженіяхъ привѣтствовалъ меня съ благополучно совершеннымъ мною порученіемъ моего правительства, и изъявлялъ желаніе о счастливомъ возвращеніи моемъ въ отечество, послѣ продолжительныхъ трудовъ и безпокойствъ, понесенныхъ мною въ теченіе столь дальнаго путешествія. Когда я благодарилъ за оказанные мнѣ лестные знаки высокаго его вниманія, ознаменованные освобожденіемъ плѣнныхъ солдатъ нашихъ, отданныхъ мнѣ въ видѣ дара, то шахъ сказалъ «Это послужитъ доказательствомъ государю вашему, сколько я вами доволенъ и сколько я далеку отъ мыслей вести вражду съ Россіею». Послѣ этого, снова повторилъ сожалѣніе о происшедшихъ противъ его воли непріязненныхъ отношеніяхъ съ Россійскою державою, и заключилъ изъявленіемъ искренняго желанія возобновить союзъ, столь счастливо до сего времени продолжавшійся. «Представьте,—сказалъ онъ,—его императорскому величеству, любезнѣйшему моему брату, что я всегда искренно и свято хотѣлъ сохранить союзъ, утвержденный знаменитымъ его предѣстникомъ и братомъ Александромъ I, что никогда не имѣлъ намѣренія учинить разрывъ. Въ сіе несчастіе (прибавилъ шахъ, указывая на придворныхъ) вовлеченъ я моими подданными, которые изъ собственныхъ видовъ дѣйствовали такимъ образомъ и только нанесли мнѣ вредъ. Я прошу Бога, чтобы прекратить распрю и непріятности между нами послѣдовавшія, и чтобы онъ соединилъ наши сердца на общее благо двухъ державъ». Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ еще различныхъ вопросовъ, съ большимъ участіемъ и ласкою мнѣ сдѣланныхъ, шахъ, обращаясь къ вышепомянутому министру Мирзѣ-Абуль-Гассанъ-Хану и отдавая ему приказаніе касательно моего отправленія, самъ назначилъ магмендаря (коммисара), долженствовавшего сопровождать меня до границы, подтвердивъ притомъ, чтобы онъ представилъ по возвращеніи своемъ письменное отъ меня свидѣтельство о благополучномъ совершеніи пути до предѣловъ російскихъ.

¹⁾ Изъ 320 человекъ солдатъ прибывшихъ въ Тегеранъ мѣсяца за два передъ зимъ оставалось въ это время 250; прочіе умерли отъ болѣзней и непомятаго изнуренія.

Такимъ образомъ послѣдовало, ожиданное мною съ большимъ нетерпѣніемъ, окончательное разрѣшеніе о возвращеніи моемъ въ отечество. Долгомъ себѣ поставлю еще повторить о представительствѣ, оказанномъ мнѣ въ семъ случаѣ англійскимъ министромъ Макдональдомъ-Кинейеромъ. Покровительству его обязанъ я также отвращеніемъ многихъ неприятныхъ обстоятельствъ, впослѣдствіи мнѣ предстоявшихъ, которыя при тогдашнемъ затруднительномъ моемъ положеніи могли бы легко подвергнуть меня большой опасности.

Намѣреваясь выступить изъ Тегерана въ одно время съ освобожденными плѣнными нашими, я ожидалъ еще нѣсколько дней, пока заготовленіе для нихъ дорожнаго теплаго платья приведено было къ окончанію; послѣ чего, 12-го декабря, оставилъ Тегеранъ въ сопровожденіи помянутаго шахова магмендаря и даннаго мнѣ англійскимъ посланникомъ одного изъ служителей посольства ¹⁾. Г. Макдональдъ, намѣревавшійся также вскорѣ возвратиться въ Тавризъ, приглашалъ меня въ проѣздъ мой черезъ этотъ городъ остановиться въ домѣ, принадлежащемъ его миссіи, и въ то же время снабдилъ письмами къ нѣкоторымъ англійскимъ офицерамъ, имѣвшимъ въ немъ пребываніе.

На обратномъ пути моемъ изъ Тегерана я не встрѣчалъ уже тѣхъ непріязненныхъ и оскорбительныхъ въ отношеніи ко мнѣ поступковъ, которые оказываемы были въ продолженіе слѣдованія моего въ этотъ городъ; даже муллы, взиравшіе тогда на меня съ явнымъ видомъ негодованія и возбуждавшіе буйство въ народѣ, теперь показывали мнѣ всевозможные знаки вѣжливости и пріязни. Въ городѣ Казвинѣ, гдѣ за нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ я находился въ опасности лишиться жизни отъ бѣшенства изступленной черни, въ теперешній проѣздъ принять былъ съ чрезвычайными почестями и знаками глубокаго уваженія. Управляющій городомъ визирь Аббасъ-Кули-Ханъ, въ сопровожденіи многихъ почетныхъ особъ города, сдѣлалъ мнѣ первый посѣщеніе и, нещадя свойственной персіанамъ лести и униженныхъ выраженій, извинялся въ причиненныхъ мнѣ въ прежній проѣздъ неприяностяхъ, увѣряя, что это произошло по причинѣ отсутствія его въ тогдашнее время. При этомъ предложены были мнѣ различные подарки, которыхъ я однакожь не принялъ.

Столь разительная перемѣна въ духѣ персіанъ не должна казаться удивительною. Ужасный деспотизмъ правительства, въ которомъ этотъ народъ привыкъ видѣть первѣйшаго себѣ непріятеля,

¹⁾ Для сопровожденія солдатъ назначенъ былъ по приказанію шаха особый магмендаръ. Кромѣ сего, присмотръ за доставленіемъ потребнаго имъ продовольствія и возможныхъ способовъ къ облегченію труднаго похода, поручено было отправлявшемуся въ то же время съ бумагами въ Тавризъ, Мирзѣ-Магмедъ-Али, племяннику Мирзы-Абуль-Гассанъ-Хана.

подавить въ немъ всякое чувство любви къ отечеству. Всѣ ощущенія и движенія его управляются однимъ лишь страхомъ и желаніемъ избѣгнуть угнетеній. Возбужденное фанатизмомъ внезапное изступленіе, съ перемѣною обстоятельствъ, обратилось въ негодованіе къ источнику бѣдствій его. Въ теченіе обратнаго проѣзда моего по Персіи, я вездѣ замѣчалъ сильно обнаруживавшуюся въ народѣ ненависть къ угнетающему его правительству и желаніе освободится изъ-подъ его тяжкаго ига.

Изъ Казбина продолжалъ я путь мой по большой тавризской дорогѣ черезъ города: Султанію, Зенганъ и Міану. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ сіе слѣдованіе мое, я не могъ предполагать, чтобы въ городѣ Тавризѣ встрѣченъ былъ тѣми непріятностями, которыя готовились мнѣ по повелѣнію Аббасъ-Мирзы, имѣвшаго умыселъ задержать меня и лишить даже свободы. Дабы вѣрнѣе успѣть въ исполненіи такового намѣренія, онъ всячески хотѣлъ воспрепятствовать мнѣ остановиться въ домѣ англійскаго посольства, и для сего выслалъ впередъ, на послѣдній къ городу ночлегъ мой, одного изъ своихъ чиновниковъ, долженствовавшаго конвоировать меня въ назначенный имъ для моего квартированія домъ, принадлежащій нашей миссіи, гдѣ приготовленъ былъ для надзора за мной вооруженный караулъ. Англійскій врачъ г. Кормикъ, при семъ принцѣ находящійся, узнавъ заблаговременно о такихъ распоряженіяхъ и желая отвратить непріятныя послѣдствія, отправилъ ко мнѣ въ то же время нарочнаго съ извѣстіемъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, приглашая, не взирая на повелѣніе Аббасъ-Мирзы, ѣхать прямо въ домъ посланической. Принятыя такимъ образомъ съ стороны его доброжелательныя мѣры не избавили однакожь меня отъ ареста; ибо только лишь вступилъ я въ посольскій домъ, то явилась и стража, имѣвшая строгое приказаніе не выпускать меня не только изъ квартиры, но даже изъ виду, а также не позволять имѣть со мною сношенія ни кому изъ постороннихъ особъ. Хотя англійскіе офицеры, находившіеся тогда въ Тавризѣ, и представляли Аббасъ-Мирзѣ, что дѣйствія сіи явно нарушали народныя права и были весьма оскорбительны для ихъ миссіи, принявшей меня подъ свое покровительство, но не смотря на то стража не была снята и оставалась до прибытія изъ Тегерана Макдональда-Кинейера, который, не вѣдая въ домъ свой, видѣлъ съ Аббасъ-Мирзою для объясненія по сему предмету. Представленія англійскаго министра не могли не быть уважены— и я тогда только получилъ свободу. Караулъ былъ снятъ: но нѣсколько дней подсмотрщики (фараши) безотлучно находились у воротъ моей квартиры.

Въ сіе время распространились слухи о переходѣ черезъ рѣку Араксъ военнаго руссійскаго отряда подъ командою генералъ-лейтенанта князя Мадатова, о приближеніи онаго къ городу Агару.

Происшедшія отъ того безпокойства, въ продолженіе коихъ началъ возникать въ народѣ духъ къ возмущенію, оказывавшіяся уже грабительствами между кочевыхъ племенъ шаксевиновъ и другихъ, остановили дальнѣйшее мое слѣдованіе.

Въ теченіе сего времени я два раза представлялся Аббасъ-Мирзѣ. Приемы его, при всемъ стараніи казаться благосклоннымъ, были нечистосердечны и не столь ласковы, какъ приемы сдѣланные мнѣ шахомъ. Вообще, онъ весьма много говорилъ въ защиту причинъ побудившихъ персидское правительство къ непріязненнымъ дѣйствіямъ въ отношеніи Россіи. При второмъ представленіи моемъ, что было уже по отступленіи отряда нашего отъ Агары, Аббасъ-Мирза продержалъ меня у себя довольно долго и казался въ лучшемъ расположеніи духа, нежели въ первый разъ. Между прочими предметами, о коихъ дѣлалъ онъ мнѣ вопросы, въ особенности любопытствовалъ знать о императорской гвардіи, о коей (по собственному его выраженію) слышалъ онъ чудеса. При чемъ упомянулъ, что имѣетъ уже рисунки формы одѣянія всѣхъ полковъ оной, подаренные ему его свѣтлостью княземъ Меншиковымъ, но желалъ бы знать болѣе и даже видѣть ихъ въ натурѣ. Послѣ сего, продолжая обращаться ко мнѣ съ ласковымъ видомъ, изъявлялъ надежду на скорое прекращеніе военныхъ между двумя державами дѣйствій, присовокупивъ, что съ своей стороны усиленно будетъ стараться объ этомъ.

Аббасъ-Мирза не соглашался на отъѣздъ мой чрезъ Карабагъ, не взирая на то, что сей путь былъ самымъ шахомъ мнѣ назначенъ. Онъ отзывался, что, по случаю бывшихъ вновь въ томъ краѣ военныхъ движеній и послѣдовавшихъ отъ того между жителями безпокойствъ, не можетъ ручаться за мою безопасность, но отвѣчаетъ за оную тогда только, если поѣду на Эривань. Для сопровожденія меня назначилъ своего магмендара или комиссара; прибывшаго же со мной изъ Тегерана отправилъ обратно.

По просьбѣ моей и предстательству англійскаго министра, отпущены также задержанные на пути во время слѣдованія изъ Тегерана освобожденные шахомъ плѣнные солдаты наши, равно и находившіяся въ Тегеранѣ тифлисскіе купцы съ товаромъ. Караванъ сихъ послѣднихъ, состоявшій изъ 130 вьюковъ, отправился наканунѣ моего отъѣзда. Макдональдъ-Кинейеръ далъ мнѣ одного, изъ находившихся при его миссіи, сержанта для сопровожденія меня до границы. Аббасъ-Мирза съ трудомъ согласился на сіе, отзываясь, что это можетъ подать поводъ русскому правительству къ мнѣнію, что безъ такового содѣйствія англичанъ, я могъ бы подвергнуться опасности ¹⁾.

¹⁾ Задержанный персіанами въ прошедшемъ году курьеръ нашей миссіи, отправленный княземъ Меншиковымъ съ депешами изъ Султаніи, возвратился со мной въ Тифлисъ.

Такимъ образомъ, 27 января, отправился я изъ Тавриза, по назначенію Аббасъ-Мирзы, на Эривань съ вышеупомянутымъ Мирзой-Магметъ-Али, слѣдовавшимъ въ Тифлисъ съ бумагами. Посланный съ нами магмендаръ имѣлъ, какъ я узналъ послѣ, письменное повелѣніе къ сардарю эриванскому, чтобы онъ пропустилъ меня чрезъ границу, не задерживая; но старался бы остановить дальнѣйшее слѣдованіе даннаго мнѣ англійскимъ министромъ сержанта, если можно ему будетъ на сіе согласить меня, не требуя однакожь того настоятельно.

Въ Эривани встрѣченъ я былъ весьма пріязненно высланными ко мнѣ отъ сардаря персидскими чиновниками; равнобѣрно и въ теченіе 3-хъ дневнаго моего въ сей крѣпости пребыванія былъ принятъ съ знаками дружелюбія какъ самымъ сардаремъ, такъ и комендантомъ крѣпости Сугубъ-Кули-Ханомъ, въ домѣ коего отведена была мнѣ квартира. По просьбѣ моей отданы мнѣ еще два нашихъ солдата, находившіеся въ прислугѣ у сего послѣдняго, а также соединены семейства захваченныхъ персіанами нѣмецкихъ колонистовъ нашихъ, которые до сего времени размѣщены были порознь въ армянскихъ селеніяхъ.

Не безъ удовольствія оставилъ я сей послѣдній и болѣе другихъ опасный пунктъ моего пути и отправился ближайшею до границы россійской дорогой черезъ ущелье Делижанъ. Сардаръ, согласно данному ему повелѣнію, старался удержать провожавшаго меня англійскаго сержанта; но я рѣшительно воспротивился такому насильственному мѣрамъ.

Отъ Эривани слѣдованіе мое затруднялось выпавшимъ въ то время глубокимъ снѣгомъ, совершенно завалившимъ дороги въ горахъ. Кромѣ сего, магмендаръ нашъ также изыскивалъ средства замедлять отъѣздъ, дѣйствуя, такимъ образомъ, сходно полученной имъ инструкціи, дабы въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ или мыслей съ стороны его правительства, можно было успѣть догнать насъ до переѣзда черезъ границу. Не доѣзжая оной встрѣченъ я былъ отрядомъ персидской конницы изъ 200 всадниковъ поколѣнія Карапаповъ, населяющихъ пространство по южную сторону озера Гокчи; отрядъ сей, по повелѣнію сардаря, провожалъ меня черезъ горы, составлявшія черту границы.

Переѣхавъ горы сіи при входѣ въ Делижанское ущелье, персіане указывали мнѣ мѣсто достославной битвы тифлисскаго полка храбраго капитана Воронкова, который при внезапномъ вторженіи непріятельскихъ силъ въ наши предѣлы, будучи отрѣзанъ съ своею ротою, выдерживалъ въ продолженіе почти цѣлаго дня нападеніе 2-хъ тысячной толпы кавалеріи ихъ. Солдаты наши, поощряемые примѣромъ своего начальника, мужественно сражались, не желая отдаться живыми въ руки враговъ-варваровъ. Бывшіе свидѣтелями битвы сей, провожавшіе меня персіане, превозносили неустраши-

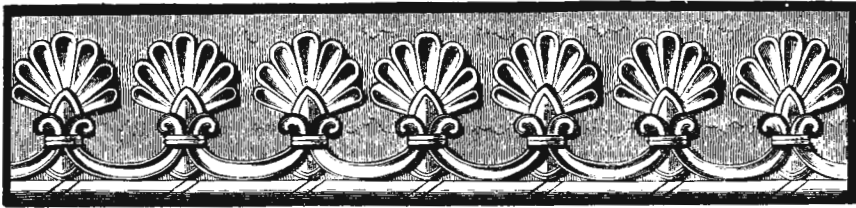
мость и твердость духа капитана Воронкова, который сам дрался отчаянно; наконецъ, будучи израненъ въ обезсиленіи отъ истощенія крови, упавая кричалъ еще солдатамъ: «не сдавайтесь, товарищи, если я погибну. Впередъ! за царя и отечество!» Не многіе изъ храбрыхъ остались въ живыхъ;—они пали съ утѣшительною мыслію за отечество и государя! ¹⁾.

Исполненный высокихъ чувствъ къ единосемцамъ моимъ, кровію запечатлѣвшимъ преданность къ царю и отечеству, оставилъ я мѣсто сіе, гдѣ они воздвигли себѣ памятникъ, драгоцѣнный въ воспоминаніи каждаго русскаго.

Наконецъ, 12 февраля 1827 года, я вступилъ на отечественный рубежъ. Тогда находился я уже за предѣломъ всѣхъ золь, испытанныхъ мною, и которыя могъ бы еще испытать. Первое ощущеніе, переступивъ на землю русскую, было глубокое чувство благодарности къ покровительствовавшему меня Провидѣнію. Пребываніе мое въ Персіи, сопровождаемое смутными обстоятельствами войны, въ землѣ непріятельской—гдѣ не вѣдомы ни гражданскія ни челоувѣческія права, было затруднительно и опасно. Но упованіе въ благость промысла и мысль о священной обязанности выполненія, возложенныхъ на меня, порученій, одушевляли меня въ трудныя минуты и укрѣпляли терпѣніемъ.

Государь императоръ, во вниманіи къ успѣшному выполненію возложенныхъ на меня порученій, какъ по предмету доставленія высочайшихъ даровъ, такъ и относительно другихъ особенныхъ въ Персіи порученій, равно за освобожденіе мною изъ плѣна 300 челоувѣкъ нижнихъ чиновъ и не принятіе отъ шаха предложенныхъ мнѣ подарковъ и ордена Льва и Солнца второй степени, всемилоствѣйше удостоилъ наградить меня переводомъ въ гвардейскій генеральный штабъ, орденомъ св. Владимира 4 степени и пожалованіемъ единовременно 500 червонцевъ. А въ 1828 году, по заключеніи мира съ Персією, высланные отъ шаха въ С.-Петербургъ съ прибывшимъ тогда къ императорскому двору персидскимъ принцемъ Хозревъ-Мирзою тѣ же самые подарки и орденъ, высочайше повелѣтъ соизволилъ, по случаю существовавшихъ уже дружественныхъ между двумя державами отношеній, принять какъ подарки, такъ и орденъ, съ разрѣшеніемъ носить оный по уставленію.

¹⁾ Мнѣ разказывали также съ особенными похвалами о семъ офицерѣ англичане, въ присутствіи коихъ былъ онъ впоследствии приведенъ къ шаху. Непоколебимую преданность и любовь къ своему отечеству и государю, доказанныя имъ уже на дѣлѣ, подтвердилъ онъ въ отвѣвахъ своихъ свободно изложенныхъ сему властителю Персіи.

БЪЛЕВСКІЙ ВДОВІЙ ДОМЪ.

ВЪ БЪЛЕВЪ, на углу переулка, соединяющаго Троицкую улицу съ Мироносицкою, стоитъ большое, каменное зданіе, въ которомъ помѣщается «Вдовій домъ», учрежденный въ память почившей здѣсь, въ 1826 году, императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Извѣстно, что императрица, вообще слабая здоровьемъ и страдавшая аневризмомъ, отправилась, осенью 1825 г., по совѣту врачей, въ Таганрогъ, куда ее сопровождалъ и императоръ Александръ Павловичъ. Южный климатъ, спокойная жизнь и нѣжныя заботы, которыми окружалъ свою супругу государь, благотворно подѣйствовали было на ея организмъ; но неожиданная кончина Александра, послѣдовавшая 19 ноября того же года, сразила ее окончательно. Не желая оставаться въ Таганрогѣ, гдѣ все напоминало о тяжелой потерѣ, ею понесенной, Елисавета Алексѣевна, уже видимо угасавшая, рѣшилась, ранней весной 1826 г., предпринять обратный путь, имѣя намѣреніе поселиться въ окрестностяхъ Москвы.

Императрица выѣхала изъ Таганрога 21 апрѣля. Свиту ея составляли: свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ Волконскій, супруга его, статсъ-дама Софья Григорьевна; камеръ-фрейлины: Екатерина Петровна Валуева и княжна Варвара Михайловна Волконская; фрейлина княжна Александра Петровна Волконская; статсъ-секретарь Николай Михайловичъ Лонгиновъ; флигель-адъютанты: Фридрихъ и Редъ; вагенмейстеръ Соломка; лейбъ-медики: Штофрегень, Рейнгольдъ; докторъ Доббергъ; протоіерей и царскій

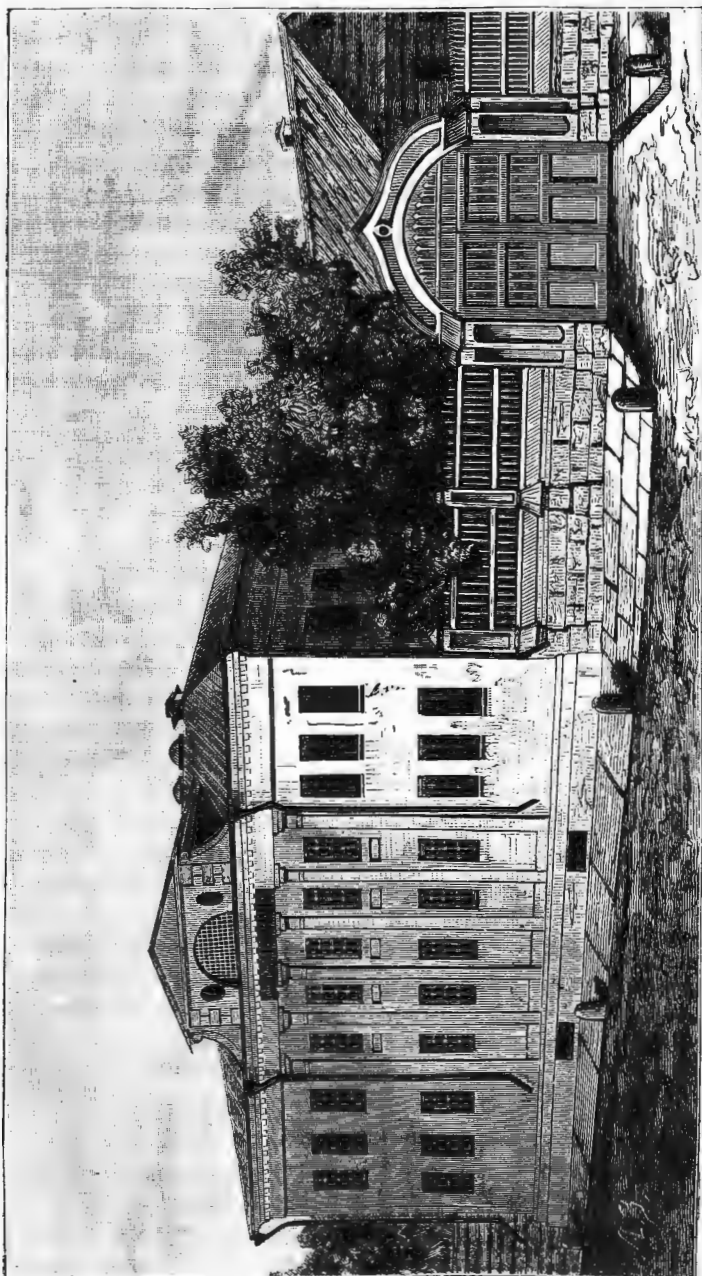
духовникъ Алексѣй Яковлевичъ Ѳедотовъ, протодіаконъ Однораловъ и хоръ пѣвчихъ. Всего въ свитѣ было болѣе 40 человекъ.

Дорога изъ Таганрога въ Москву лежала тогда по старому Малороссійскому тракту, который шелъ съ Курска на Орель, Болховъ, Бѣлевъ, Лихвинъ, Калугу и Малоярославецъ. 3 мая 1826 г., въ 9-мъ часу вечера, Елисавета Алексѣевна прибыла въ Бѣлевъ безъ всякой церемоніальной встрѣчи и остановилась въ домѣ портовыхъ купцовъ Николая и Григорія Ивановичей Доросеевыхъ, самомъ удобномъ и просторномъ во всемъ городѣ. Поднимаясь по лѣстницѣ, императрица, чувствувавшая себя очень дурно, приказала князю Волконскому вести себя подъ руку; на первой площадкѣ лѣстницы она остановилась, вѣроятно, для отдыха; но спустя нѣсколько минутъ пошла далѣе и, такимъ образомъ, пришла въ переднюю комнату второго этажа. Тутъ хозяинъ дома, Н. И. Доросеевъ, стоявшій съ своею женою, по русскому обычаю, поднесъ высокой путешественницѣ хлѣбъ-соль. Государыня приказала принять поднесенное и поблагодарила. Поддерживаемая, затѣмъ, княземъ Волконскимъ и статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ, она прошла въ приготовленную ей спальную комнату (теперь церковный алтарь и клиросы), гдѣ и легла на походную кроватку. При сильно ослабѣвшей государынѣ остались придворныя дамы и любимая камеръ-медхенъ Тиссонъ съ камеръ-юнгферой Милашевскою. Не смотря на тысячи собравшагося народа, около дома Доросеевыхъ царила глубокая тишина; не слышно было шумнаго доказательства тѣхъ чувствъ, которыя обыкновенно русскіе привыкли выказывать при видѣ своихъ вѣнценосцевъ: городничій Коленіусъ, стоя, безсмысленно, на улицѣ, устранялъ всякое движеніе толпы и упрашивалъ ее дать покой больной царицѣ.

Чтобы вѣрнѣе очертить послѣднія предсмертныя минуты государыни, мы обратимся къ прекрасному описанію нашего покойнаго ученаго И. Ѳ. Афремова; онъ, лично, слышалъ о нихъ, въ свое время, отъ бывшаго городничаго Коленіуса¹⁾ и хозяевъ Доросеевыхъ; послѣднимъ же, въ свою очередь, эти подробности сообщили дѣвицы Тиссонъ и Милашевская. Сверхъ того, г. Афремовъ лично участвовалъ съ другими въ печальной, но торжественной церемоніи погребенія государыни и могъ видѣть всѣ малѣйшія подробности этого событія.

«Отдохнувъ съ часъ, — говоритъ г. Афремовъ, — государыня изволила кушать бульонъ, потомъ приказала позвать докторовъ Штофрегена, Рейнгольда и Добберга, жаловалась на чувствуемую ею большую слабость, вслѣдствіе чего, по рецепту ихъ, составлено

¹⁾ Г. Коленіусъ, 25 лѣтъ прослужившій въ г. Бѣлевѣ городничимъ, былъ послѣ гатчинскимъ комендантомъ и умеръ генераль-майоромъ. Это была личность добрейшая въ мірѣ.

Бѣлевскій вдовій дождь.

было придворнымъ аптекаремъ Пронгомъ новое лѣкарство. Государыня изволила принимать его изъ рукъ камеръ-фрейлины В. П. Валуевой и казалась гораздо болѣе покойною. Въ 10 час. вечера, попросила она всѣхъ придворныхъ дамъ взять покой и идти по своимъ комнатамъ и осталась одна съ камеръ-медвеною Тиссонъ и 2-ю Милашевскою. Послѣдняя ночь праведной жизни ея настала и даровала ей предсмертное успокоеніе! Спустя немного, она проснулась, но тяжелое дыханіе ея показывало уже роковую агонію; когда же Тиссонъ, видя ея большую слабость и отчаянное положеніе, тихо подошла къ столику, стоявшему у кровати императрицы, показывая видъ, что желаетъ смотрѣть часы, — государыня съ нѣжностію упрасивала ее лечь спать; но преданная своей благодѣтельности, считала она каждый предсмертный вздохъ ея, каждое движеніе. Нѣсколько забывшись сномъ, дѣвица Тиссонъ вновь тихо встала и подошла къ тому же столику—часы показывали уже 4-й часъ по полуночи. Государыня, казалось, заснула тихимъ сномъ, какъ бы съ начала ночи. Дѣвица Тиссонъ около часа стояла у кровати царицы, прислушиваясь къ ея дыханію, но.. его уже не было!.. Душа чистая, кроткая, благодѣтельная, по волѣ Бога Всемогущаго, воспарила уже на лоно праведныхъ! Свѣтающая заря и раннее утро, 4 мая, открыли камеръ-медвѣнѣ настоящее положеніе въ Бозѣ почившей государыни!.. Дѣвица Тиссонъ, удостовѣрившись въ горькой истинѣ, сообщила ее г-жѣ Милашевской; камеръ-фрейлины Валуева и Волконская, равно и свѣтлѣйшая княгиня Волконская, роковое извѣстіе узнали уже отъ первыхъ двухъ. Вскорѣ всѣ придворные, стоявшіе по разнымъ квартирамъ, узнали о смерти царицы и прибыли въ домъ Дороеевыхъ. Тотчасъ же князь Волконскій посылаетъ фельдъегерей съ донесеніями въ Петербургъ и Москву, равно и дѣлаетъ распоряженія о приготовленіяхъ къ погребальной процессіи. Рано утромъ, весь Бѣлевъ узналъ о смерти государыни».

Вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, между тѣмъ, ѣхала изъ Москвы на встрѣчу къ невѣсткѣ; на пути изъ Калуги, она встрѣтила скачущаго къ ней съ горестнымъ донесеніемъ фельдъегеря. Въ 10 ч. утра, 4 мая, Марія Ѳеодоровна пріѣхала въ Бѣлевъ и остановилась въ домѣ С. И. Сорокина, купленномъ имъ у тѣхъ же Дороеевыхъ, на Георгіевской улицѣ. Государыня была еще въ полугодичномъ траурѣ по августѣйшемъ сынѣ, Александрѣ I. Свиту ея составляли: статсъ-дама, княгиня Александра Николаевна Волконская, фрейлина Екатерина Николаевна Кочетова, гофмаршалъ баронъ Альбедилль, статсъ-секретарь Григорій Ивановичъ Вилламовъ и лейбъ-медикъ Иванъ Ѳеодоровичъ Рюль. Первымъ повелѣніемъ вдовствующей императрицы было поставить въ комватѣ почившей походную церковь ея сына, оставшуюся послѣ смерти послѣдняго въ Таганрогѣ, и молиться о душѣ ново-

преставленной царицы. Затѣмъ, 5 мая, по ея же повелѣнію, лейбъ-медики Штофрегень, Рюль и Доббергъ приступили къ бальзамированію тѣла умершей: сердце, въ серебряномъ сосудѣ, было поставлено въ гробъ, а остальные внутренности, закупоренныя то же въ сосудѣ, похоронены въ саду дома, подъ склепомъ. Бывшій тульскій губернаторъ Зуровъ, изъ суммъ приказа, въ 1837 г., поставилъ на этомъ мѣстѣ мраморный памятникъ, съ бронзовою на верху короною; на тумбѣ вычеканена золотая надпись: «1826 г. мая 3 дня». Кругомъ памятника обнесена чугунная рѣшетка. Тульское губернское земство, какъ слышно, имѣетъ въ виду рѣшетку эту вычистить и отбронзировать. Памятникъ осѣняютъ, съ лѣвой стороны, два громадныя пахучіе тополя ¹⁾.

Государыня Марія Ѳеодоровна, 5-го мая, принимала епископа тульскаго и бѣлевскаго Дамаскина, тульскаго губернатора Тухачевскаго и губернскаго предводителя дворянства Мансурова, пріѣхавшихъ нарочно изъ Тулы. 6-го мая, утромъ, въ устроенной домово́й церкви, при тѣлѣ покойной императрицы, преосвященный Дамаскинъ съ архимандритомъ Агапитомъ и придворнымъ протоіереемъ Ѳедотовымъ, совершилъ заупокойную литургію и панихиду по умершемъ государѣ и государынѣ, въ присутствіи Маріи Ѳеодоровны, придворныхъ и дворянства. Послѣ панихиды въ 1 часъ дня, государыня поѣхала обратно въ Москву, сопутствуемая множествомъ народа. Городничій Колениусъ, сопровождавшій карету верхомъ, въ знакъ монаршей милости, получилъ отъ государыни золотыя часы. Въ 1850 году, при празднованіи освященія въ Москвѣ кремлевскаго дворца, Колениусъ былъ изысканъ монаршими щедротами императора Николая I съ лихвою: ему была подарена табакерка, а дѣтямъ отъ второй жены дано право на поступленіе въ пажескій корпусъ; за тѣмъ, произведенный изъ подполковниковъ въ полковники, Колениусъ переведенъ былъ комендантомъ въ г. Гатчину.

16-го мая, въ 10 часовъ утра, начался церемоніальный выносъ тѣла въ Бозѣ почившей государыни изъ домово́й церкви въ Георгіевскую, какъ самую помѣстительною въ городѣ. Вотъ какимъ порядкомъ, по распоряженію князя Волконскаго, шла эта процессія по Миросолицкой и Козельской улицамъ.

Колесница въ 8 лошадей, ведомыхъ придворными конюшими въ траурныхъ плащахъ и шляпахъ, вмѣщала въ себѣ катафалкъ, на которомъ стоялъ гробъ съ тѣломъ умершей, обитый золотымъ глазетомъ, съ гербами, подъ великолѣпнымъ траурнымъ балдахиномъ, украшеннымъ императорскою короною. Золотыя шнуры отъ балда-

¹⁾ Тополы эти посажены тотчасъ же послѣ похоронъ внутренностей государыни и въ народѣ носятъ имена покойныхъ царя и царицы: Александры и Елисаветы.

хина поддерживали: камергеры князь Юсуповъ и князь Голицынъ, камеръ-юнкеры Базилевскій и Похвисневъ, уѣздные предводители дворянства: богородицкій — Игнатъевъ, бѣлевскій — Картавецъ, одоевскій—Вороновскій и бѣлевскій помѣщикъ Арбузовъ; 8 штабъ-офицеровъ Сибирскаго гренадерскаго (квартировалъ въ Бѣлевѣ) и конно-егерскаго короля Виртембергскаго полковъ имъ приданы были какъ бы въ помощь.

Впереди колесницы шли, въ траурныхъ плащахъ и шляпахъ, два церемоніймейстера: бѣлевскій уѣздный судья Арбузовъ и помѣщикъ Хрущевъ; за ними хоры пѣвчихъ; діаконы, священники и протоіереи, въ черныхъ ризахъ, по два въ рядъ, шли за пѣвчими. Пресвященный Дамаскинъ, въ полномъ печальномъ облаченіи, въ сопровожденіи архимандрита Агапита и придворнаго духовника Федотова замыкали собою соборъ духовенства. Позади духовенства на подушкахъ малиноваго бархата съ золотыми кистями, несены были первоклассные ордена императрицы: 1) Мальтійскій — тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, статскимъ совѣтникомъ Мансуровымъ, съ ассистентами: новосильскимъ предводителемъ, княземъ Голицынымъ и г. Труновымъ; 2) Анненскій—дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Холодовичемъ, съ ассистентами: г. Темяшевымъ и г. Албычевымъ; 3) Александра Невскаго—дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Булгаковымъ, съ ассистентами: чернскимъ предводителемъ Хозиковымъ и крапивенскимъ—Щелинымъ; 4) Екатерининскій—статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ, съ ассистентами: каширскимъ предводителемъ Лихаревымъ и г. Ильинымъ; 5) св. Андрея Первозваннаго—бригаднымъ командиромъ 3-й гренадерской дивизіи, генераль-майоромъ Ивановымъ, съ ассистентами: тульскимъ вице-губернаторомъ Васильевымъ и г. Макарьевскимъ.

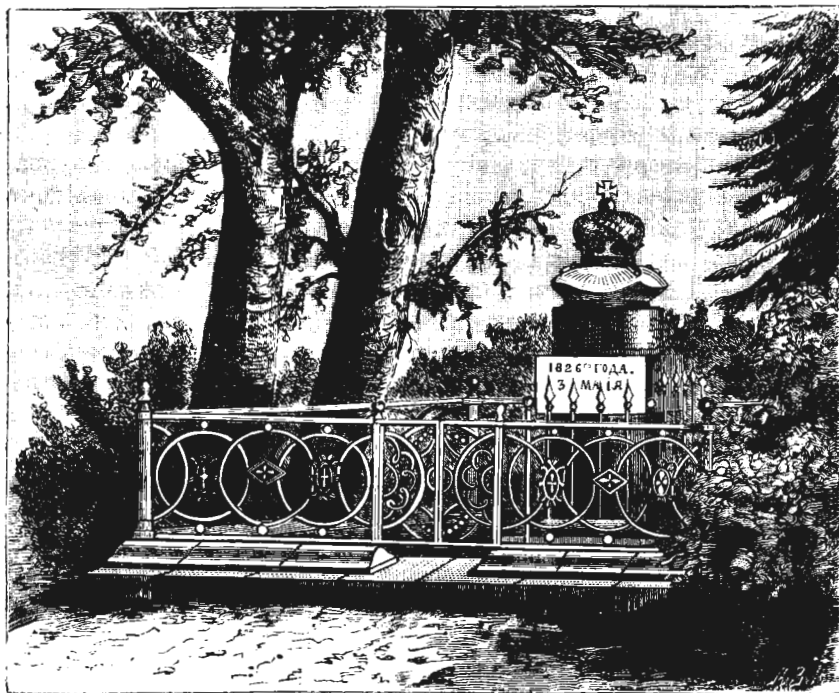
Колесницу государыни сопровождали: святлѣйшій князь Волконскій, оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ, генераль отъ кавалеріи графъ Орловъ-Денисовъ, командиръ 3-й гренадерской дивизіи, генераль-адъютантъ Храповицкій, тульскій губернаторъ Тухачевскій, шталмейстеръ Юшковъ, вагенмейстеръ Соломка и флигель-адъютанты: Фридриксъ и Реадъ:

Шествіе генералитета замыкалось траурными каретами придворныхъ дамъ.

Въ церкви гробъ былъ помѣщенъ на катафалкѣ о 4 ступеняхъ, подъ особымъ бархатнымъ, малиноваго цвѣта, балдахиномъ (онъ теперь подвѣшенъ въ куполѣ настоящей церкви); внизу балдахина, на 5-ти бархатныхъ подушкахъ, по табуретамъ, лежали ордена государыни. Литургія и панихида совершены по порядку; народъ, по окончаніи панихиды, допущенъ былъ къ цѣлованію гроба императрицы. Четыре дня, такимъ образомъ, гробъ стоялъ въ церкви, при чемъ были ежедневныя архіерейскія служенія и панихиды, денно

и ношно читалось священниками, по очереди, Евангеліе, и народъ приносилъ умершей свое вѣрнопопданическое поклоненіе. Оставшіеся въ живыхъ очевидцы (ихъ не много) передаютъ, что вслѣдствіе громаднаго прилива постороннихъ жителей, — при чемъ вездѣ блистали роскошь и великолѣпіе, — скромный Бѣлевъ, на нѣкоторое время, принялъ видъ шумнаго, богатаго губернскаго города; торговая промышленность, какъ говорится кипѣла.

Къ выносу изъ храма тѣла почившей, назначавшемуся 20-го мая, между тѣмъ прибыли полки: Сибирскій гренадерскій и кон-

Памятникъ императрицы Елисаветы Алексѣевны въ саду вдовьяго дома въ Бѣлевѣ.

ногерскій короля Виртембергскаго: первымъ командовалъ полковникъ Потуловъ, вторымъ Беклемишевъ. Полки вытянулись шпалерами по обѣимъ сторонамъ Козельской и Калужской улицъ, гдѣ надлежало проходить процессіи, а двѣ батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады стояли на Хлѣбной площади — центрѣ прохожденія. Въ 6 часовъ по полудни, 20-го мая, по совершеніи пресвященнымъ Дамаскинымъ послѣдней панихиды, гробъ, по приказанію Волконскаго, былъ поставленъ опять на колесницу и печальная процессія двинулась попрежнему. Число сановныхъ про-

вожатыхъ увеличилось прибывшими изъ Орла: генераломъ отъ инфантеріи Каменскимъ, его матерью, генераль-фельдмаршалшею и ея внукою, фрейлиною. При погребальномъ звонѣ колоколовъ и каждоминутныхъ выстрѣлахъ изъ орудій, по очереди граждане, съ позволенія князя Волконскаго, остановивъ лошадей, повезли колесницу почившей на себѣ и, такимъ образомъ, прибыли къ лихвинской границѣ (въ 6 верстахъ); тутъ преосвященный Дамаскинъ, отслуживъ, соборне, послѣднюю панихиду по государынѣ, вмѣстѣ съ тульскимъ губернаторомъ Тухачевскимъ, передали гробъ калужскимъ властямъ. Путь тѣлу почившей далѣе лежалъ на Лихвинѣ, Калугу, Звенигородъ, Волоколамскъ, Старицу, Торжокъ, Новгородъ и черезъ Царское Село въ Петербургъ.

Домъ Доросеевыхъ вскорѣ былъ приобрѣтенъ правительствомъ, кажется, за 60,000 руб. ассиг.; въ немъ оно, въ память почившей, устроило вдовій домъ, для призрѣнія 24 человекъ, изъ всякаго сословія, съ правомъ поступленія по очереди, что вмѣнялось въ наблюденіе приказа общественнаго призрѣнія. Приобрѣтенный домъ былъ передѣланъ такимъ образомъ: храмъ во имя св. Елисаветы (5 сентября) помѣстился въ двухъ комнатахъ на верху къ воротамъ, раздѣленныхъ аркою; одна изъ нихъ (алтарь) именно есть та, въ которой скончалась государыня; въ ней стоитъ столъ, на которомъ стояло лѣкарство, и кресло покойной царицы. Походный иконостасъ Александра I, работы извѣстнаго профессора Шебуева, отдѣляетъ алтарь отъ клироса; онъ нарисованъ на полотнѣ, и, по преданію, стоялъ въ походной церкви царя въ стѣнахъ Парижа. Это вполнѣ подтверждаетъ и надпись на немъ извѣстнаго, на молебствіи 25 декабря, припѣва: «Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!» Надъ изображеніемъ Спасителя написано: «Благословенъ грядый во имя Господне!» надъ изображеніемъ же Богоматери съ Младенцемъ—«Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!» А судя по этимъ надписямъ и потому, что на одной сторонѣ входной въ алтарь двери изображенъ св. Архистратигъ Михаилъ, поражающій мечемъ злого духа, а съ другой—св. Георгій, побѣждающій змія, можно съ достовѣрностью предположить, что иконостасъ этотъ и рисованъ-то собственно для парижскаго похода. По удостовѣренію придворнаго протодьякона Однорова, покойная государыня свой иконостасъ оставила въ Таганрогѣ, а этотъ—взяла себѣ на память объ августѣйшемъ супругѣ. На правой и лѣвой сторонахъ арки стоятъ большіе образа, въ хорошихъ рамахъ, св. Александра Невскаго и праведныя Елисаветы, высокой работы, пожертвованные бывшимъ предводителемъ дворянства Таракановымъ. Вся внутренность церкви, довольно просторной, содержится въ замѣчательной чистотѣ. Изъ церкви идетъ дверь въ столовую, въ ней на стѣнѣ виситъ поясной портретъ Елисаветы Алексѣевны, съ короною на головѣ, срисованный, повидимому, уже

тогда, когда государынѣ было лѣтъ 35. Въ этой же комнатѣ стоятъ въ футлярѣ старинные часы, съ замѣчательно сильнымъ боемъ, и висятъ росписаніе порцій для призрѣваемыхъ и инструкція для нихъ. Дверь изъ столовой ведетъ въ другія комнаты, вмѣщающія въ себѣ 13 призрѣваемыхъ. Смотрительница, съ одною изъ вдовъ, живетъ въ другой сторонѣ дома, рядомъ съ алтаремъ, отдѣленнымъ каменною стѣною. Внизу дома помѣщаются еще 9 вдовъ и семьи священника, причетника и смотрителя, а также кладовая. Въ антресоляхъ дома, обращенныхъ на дворъ, устроены тоже три комнаты, съ лежанками изъ старинныхъ изразцовъ (повидимому, домъ построенъ въ концѣ прошлаго столѣтія), но онѣ необитаемы и служатъ кладовыми для имущества вдовъ. Громадный фронтонъ дома на улицу служитъ мѣстомъ для сушки бѣлья.

На дворѣ, хорошо вымощенномъ, устроенъ каменный флигель для кухонь и жилья прислугѣ, а немного далѣе—другія службы. Садъ довольно большой, съ двумя липовыми аллеями и лавочками памятникъ въ немъ находится почти при входѣ, съ правой стороны. По штату 1827 года здѣсь полагался и садовникъ, съ жалованьемъ 100 руб. асс. въ годъ.

Штатъ этотъ прилагается для видимости:

Одной смотрительницѣ полагалось жалованья въ годъ	400 р. асс.
Одному смотрителю	300 » »
» сторожу при церкви, онъ же и дворникъ	120 » »
» садовнику	100 » »
Двумъ кухаркамъ, по 40 руб.	80 » »
» рабочимъ для употребленія въ разныя по дому работы	150 » »

Всѣмъ 10 человекамъ полагалось 1,250 руб. асс. Деньги высылались изъ тульского приказа общественнаго призрѣнія.

А вотъ и табель пици стараго времени, въ сутки:

Щи изъ $\frac{1}{2}$ фунта говядины и капусты по половинѣ кружки.

Хлѣба ржаного $1\frac{1}{2}$ фунта.

Соли по $7\frac{1}{2}$ золотниковъ.

Квасу по одной кружкѣ.

Кашица, размазня, изъ $\frac{1}{2}$ фунта гречневыхъ крупъ.

Для постнаго стола полагались щи изъ капусты, или супъ изъ картофеля со сметками, по 6 зол. на человекъ.

Для больныхъ—бульонъ или супъ изъ $\frac{1}{2}$ фунта говядины.

Хлѣба бѣлаго 1 фунтъ.

Крупъ овсяныхъ $\frac{1}{4}$ фунта.

Муки овсяной, буде понадобится, на кисель $\frac{1}{4}$ фунта.

Теперешняя пицца питательнѣе: кашицу замѣнила густая каша и къ ней дается масло—коровье и постное; для разнообразія, покупается пшено для каши; а великимъ постомъ въ супъ и щи, кромѣ масла, кладутся бѣлые грибы; по большимъ же праздникамъ

и въ день св. Елисаветы пекутся для вдовъ пироги. Содержаніе призрѣваемыхъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а также жалованьемъ духовенству и другими расходами стоитъ губернскому земству до 3,000 руб. Экономическою частію по дому завѣдуетъ одинъ изъ членовъ бѣлевской земской управы.

Одеждою, обувью и постельнымъ бѣльемъ вдовы снабжались прежде, снабжаются и теперь.

Священника и причетника, для отправленія въ церкви ежедневнаго богослуженія и исправленія по дому другихъ требъ, по штату положено не было; «таковые, (сказано въ штатѣ), должны быть командированы отъ епархіальнаго архіерея; больныхъ же вдовъ пользуется уѣздный лѣкаръ, безъ всякаго вознагражденія». За отпущенные изъ аптеки медикаменты уплачивалъ приказъ.

Наконецъ, въ 1832 году, преосвященнымъ Дамаскинымъ во вдовой домъ рукоположенъ былъ свой священникъ П. И. Аболенскій, изъ студентовъ тульской семинаріи. Это рукоположеніе, вѣроятно, было вызвано настоятельною нуждою въ отправленіи церковнаго богослуженія. И—странное дѣло! вновь назначенному священнику было положено содержаніе, при каждодневныхъ службахъ, на половину менѣ первыхъ смотрительницъ, Моляревской и Вишневецкой, обезпеченныхъ, кромѣ того, готовою пищею, именно: 200 руб. асс.; причетникъ же получалъ 100 руб. асс. Впослѣдствіи священникъ и смотрительница вознаграждались поровну: по 114 руб. сер. Въ началѣ 50-хъ годовъ священникъ Аболенскій былъ переведенъ въ бѣлевскую Петропавловскую церковь и за тѣмъ—въ Симферополь; ему наслѣдовалъ въ священствѣ сынъ его, а по смерти сего послѣдняго, поступилъ во священники ввукъ перваго. Родъ Аболенскихъ, такимъ образомъ, здѣсь священствуетъ преемственно около 60 лѣтъ.

По смерти императрицы, придворный протодьяконъ Однораловъ былъ оставленъ въ Бѣлевѣ для служенія въ Елисаветинской церкви. Очевидцы передаютъ, что тогда самая отборная бѣлевская публика, во множествѣ, присутствовала всегда при службѣ во вдовьемъ домѣ, восхищаясь замѣчательнымъ голосомъ Одноралова. Протодьяконъ этотъ, при весьма видной и пріятной наружности, обладалъ голосомъ сильнымъ, звучнымъ, равнымъ по органу и на низкихъ нотахъ, и на высокихъ; манеры его въ службѣ были деликатны и утонченны до послѣдней возможности. Впослѣдствіи протодьяконъ былъ опять вызванъ ко двору, а построенный имъ въ Бѣлевѣ домъ купила казна, для помѣщенія казначейства. Теперь на церковныхъ службахъ, большею частію, бываютъ однѣ только вдовы. Относительно благолѣпія церкви много принесли пользы бывшіе ктиторы Собиинъ и Киселевъ.

Первыми вдовами, поступившими 19 ноября 1827 года на прирѣніе, были: умершаго канцеляриста калужской казенной палаты

жена Ирина Яковлева Ефимова и московскаго вѣчно-цеховаго ферпельнаго цеха вдова Степанида Ефимова Полякова; обѣ онѣ поступили на призрѣніе за ручательствомъ семи благородныхъ лицъ о ихъ поведеніи и съ надлежащими увольнительными документами. Полный комплектъ призрѣваемыхъ образовался лишь въ 1830 г., такъ какъ вдовы принимались съ величайшею разборчивостію. При открытіи вдовьяго дома присутствовалъ, кромѣ мѣстныхъ властей, правившій должность тульскаго гражданскаго губернатора, вице-губернаторъ Васильевъ. Въ архивныхъ бумагахъ хранится предписаніе г. Васильева, данное первому надзирателю вдовьяго дома Лисицыну; оно можетъ уяснить, въ какомъ тонѣ писались въ прежнее время бумаги къ подчиненнымъ, хотя послѣдніе и сами имѣли званіе чиновниковъ. Вотъ содержаніе бумаги.

«Со вступленіемъ твоимъ въ должность надзирателя бѣлевскаго вдовьяго дома, предписываю тебѣ принять сей домъ со всѣми принадлежностями отъ городскаго смотрителя, бѣлевскаго купца Насонова, по прилагаемой у сего описи; и по исполненіи тульскому приказу общественнаго призрѣнія репортовать. Правящій должность гражданскаго губернатора Васильевъ».

№ 290.

21 ноября 1827.

Г. Вѣлевъ.

Лисицынъ и Моляревская не долго надзирательствовали надъ вдовьямъ домою. Изъ протокола 18 мая 1828 г. видно, что предводитель дворянства Картавцовъ, городничій Потаповъ и за городскаго голову бургомистръ Новиковъ, дѣлали во вдовьямъ домѣ дополнительное изысканіе о поступкахъ надзирателя Лисицына «и о возимыхъ изъ онаго дровахъ смотрительницею Моляревскою въ квартиру зятя ея, коллежскаго секретаря Иванова». Лисицынъ былъ тотчасъ же смѣненъ, а на его мѣсто опредѣленъ капитанъ Медвѣдскій, вскорѣ умершій и замѣненный чиновникомъ Монастыревымъ. На мѣсто Моляревской вступила жена умершаго смотрителя бѣлевскаго уѣднаго училища Вишневская. Впослѣдствіи смотрители вдовьяго дома были вмѣстѣ съ тѣмъ и смотрителями бѣлевской окружной лѣчебницы, въ которой получали особое вознагражденіе, такъ какъ полагаемое имъ по штату въ 90 руб. содержаніе казалось имъ уже слишкомъ ограниченнымъ. Въ 1878 г. въ каждое изъ заведеній назначены особые смотрители.

Съ закрытіемъ приказовъ общественнаго призрѣнія, вдовій домъ поступилъ въ вѣдѣніе тульскаго губернскаго земства. Оно тотчасъ же приступило къ исправленію всѣхъ ветхостей по вдовьяму дому, устроило новую каменную ограду и обнесло садъ деревяннымъ заборомъ. Было обращено вниманіе и на скудное содержаніе духовенства Елисаветинской церкви. За тѣмъ, въ 1867 г. земство выработало свой прсектъ устава вдовьяго дома, который не только

касается матеріальной стороны прирѣваемыхъ, но и входитъ въ ихъ духовный міръ.

Въ годовщину памяти по покойной Елисаветѣ Алексѣевнѣ, 4-го мая 1827 года, камеръ-фрейлина Валуева нарочно приѣзжала изъ Петербурга въ Бѣлевъ, чтобы воздать послѣдній христіанскій долгъ своей августѣйшей благодѣтельница. Она пожертвовала, въ пользу причта, на поминаеніе покойной царицы билетъ въ 190 р. Кроме того, въ пользу того же причта, еще есть три билета въ 775 р. на деньги, положенныя въ кредитныхъ учрежденіяхъ, и полтора билета въ 525 р. — въ пользу церкви, такъ какъ одинъ изъ билетовъ причта въ 150 р. (отъ имени неизвѣстнаго) раздѣленъ жертвователемъ пополамъ съ церковію.

Въ Возѣ почивающій царь-Освободитель Александръ Николаевичъ, въ бытность еще наслѣдникомъ престола, путешествуя по Россіи и проѣзжая 19-го іюля 1837 года, по Малороссійскому тракту черезъ Бѣлевъ, остановился на ночлегъ въ домѣ купца Бунакова, на Калужской улицѣ. На другой день, сопровождаемый городничимъ Колениусомъ и дворянами, посѣтилъ Спасопреображенскій мужской монастырь и вдовій домъ; здѣсь онъ приказалъ священнику Аболенскому отслужить панихиду по августѣйшей теткѣ своей. По окончаніи панихиды, спросилъ у священника, гдѣ именно то мѣсто, гдѣ скончалась государыня? Когда священникъ отвѣтилъ, что во святомъ алтарѣ, то его высочество приказалъ вести себя туда. Войдя въ алтарь и сдѣлавъ поклонъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ скончалась государыня (направо въ углу, къ воротамъ), Александръ Николаевичъ выразился такъ: «Жаль, очень жаль, что ничего здѣсь не осталось изъ вещей государыни, на память ея!» Послѣ панихиды Аболенскій поднесъ его высочеству просфору. Цесаревичъ милостиво принялъ ее и, распросивъ внимательно о состояніи вдовьяго дома, подарилъ Елисаветинской церкви полное облаченіе. Оно было получено въ мартѣ 1838 года и состояло изъ 16 вещей. Сдѣлано это облачаніе было изъ форменной шелковой зеленой матеріи съ золотыми крестами. Употребленный на облаченіе матеріалъ такъ проченъ, что присланныя вещи, не смотря на постоянное употребленіе, цѣлы еще и теперь. Вдовамъ цесаревичъ подарилъ 500 рублей ассигн. Въ церкви хранится и до сихъ поръ та свѣча, которую незабвенный царь-Освободитель держалъ въ рукахъ при служеніи панихиды о покойной теткѣ. 20-го іюля великій князь отправился въ Калугу.

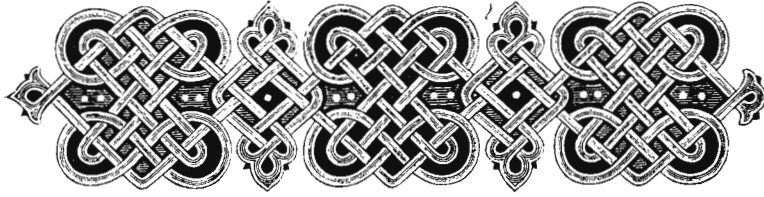
Подполковникъ Колениусъ внялъ словамъ наслѣдника цесаревича: вскорѣ онъ представилъ въ церковь, какъ драгоценный памятникъ, собственныя свои кресла и столикъ, хранившіеся у него; на первыхъ императрица сидѣла, второй стоялъ противъ походной кровати ея съ медикаментами. Иные же утверждаютъ, что царица, по слабости здоровья, на креслахъ была внесена въ домъ, по вы-

ходѣ изъ экипажа, придворными служителями, съ поддержкою свѣтлѣйшаго князя Волконскаго. На обоихъ предметахъ вставлены овальныя бронзовыя доски съ серебряными литерами, означающими время прибытія покойной государыни: 3-го мая 1826 года. Черезъ три мѣсяца, именно 18-го октября, государыня императрица Александра Ѳеодоровна съ великою княжною Марією Николаевною, проѣзжая изъ Орла въ Калугу, остановилась въ домѣ того же Бунакова. Государыня тоже посѣтила вдовій домъ и слушала панихиду по августѣйшей покойницѣ.

Въ 60 лѣтъ не одна сотня бѣдныхъ вдовицъ, полагаютъ надобно, окончила мирно дни свои въ тихомъ пріютѣ. Живущимъ же теперь вдовамъ, призрѣннымъ рукою царственной благотѣльницы, остается одно: благословлять память царицы и молить Господа о упокоеніи души ея во вѣки!..

П. Мартыновъ.

КОСМОГРАФІЯ ПЕТРОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ТАТЪЯ А. П. Мальшинскаго «Наша печать въ ея историко-экономическомъ развитіи» («Историческій Вѣстникъ» 1887 г. №№ 5 и 6), исполненная живого интереса, рисуеть тѣ усилія и заботы, которыми была проникнута дѣятельность «вѣчнаго работника на тронѣ», когда—«самодержавною рукою онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье».

Задачи и объемъ статьи г. Мальшинскаго не позволяли ему, однако, ознакомить публику съ содержаніемъ тѣхъ, главнымъ образомъ, переводныхъ сочиненій, путемъ распространенія которыхъ Великій Петръ хотѣлъ удовлетворить любознательности призванныхъ имъ къ болѣе широкому кругозору людей русскихъ.

Между тѣмъ, это содержаніе, краткое указаніе на которое встрѣчается лишь въ специальныхъ изслѣдованіяхъ, по большей части мало доступныхъ публикѣ, являясь интереснымъ само по себѣ, представляетъ собою характеристику взглядовъ современнаго Петру западно-европейскаго образованнаго общества на различныя историческія явленія и бытовыя стороны жизни.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ особаго вниманія чрезвычайно рѣдкая и мало извѣстная книга подъ заглавіемъ «Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старыя и новыя географіи по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцикѣ напечатано, а нынѣ поведѣніемъ великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Перваго, всероссійскаго Императора, при послѣдственномъ благороднѣйшемъ Государѣ Царе-

вичъ Петръ Петровичъ — на російскомъ напечатано въ Москвѣ, въ 1719 году».

Книга эта представляетъ большой шагъ впередъ отъ тѣхъ космографическихъ и политико-географическихъ понятій, которыя были распространены въ нашемъ обществѣ до конца XVII столѣтія и находили себѣ выраженіе не только въ рукописныхъ хронографахъ, но и въ печатныхъ сочиненіяхъ, говорившихъ о Меркаторѣ и о «космографіи, сирѣчь размѣрной всея земли». Тамъ трактовалось о «Мазическомъ царствѣ дѣвичьемъ» — жительницы котораго сходятся съ «Еѳіопами съ году на годъ: мужской полъ отдають Еѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляють», — о великанахъ съ песьими головами, о змѣяхъ, у которыхъ «лицо дѣвическое; до пупа человекъ, а отъ пупа хоботъ змѣевъ, крылаты, а зовомы василиски»; — «о людяхъ Астромовехъ, кои живутъ въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обоихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучего, и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покамѣсть у нихъ тѣ запахи есть, по та мѣста и живутъ» — и о людяхъ «Монокуляхъ обѣ одной ногѣ, а коли солнце печеть и они могутъ покрытися ногою какъ лапою» и т. п.

Въ этого рода сочиненіяхъ ¹⁾ описанію сосѣдей нашихъ съ запада отводилось меньше мѣста, чѣмъ фантастическому описанію «дивныхъ людей», да и характеристики этихъ сосѣдей отличались большою краткостью. Такъ французы оказывались «зѣло храбры, но невѣрны и въ обѣтѣхъ своихъ не крѣпки, а пьютъ много», — жители «королевства агленскаго — нѣмцы купеческіе и богатые, воинскихъ людей у нихъ мало, а сами мудры и доктуроваты, а пьютъ много», а люди королевства польскаго «величавы и обманчивы, — пьютъ зѣло много, платья носятъ зѣло цвѣтно и всякимъ слабостямъ покорны, а вольность имѣють велику, паче всѣхъ земель».

«Описаніе земноводнаго круга» отпечатано на прекрасной, плотной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ и представляетъ собою большой томъ in quarto, съ пятью гравюрами на мѣди. Первая изображаетъ Атланта, держащаго на раменахъ своихъ міръ; по борту ея надпись «несу всѣхъ носящо, старъ сый толь тяжкое бремя, се зрящъ всякъ учися — не трать всуе время». Вторая, съ надписью «европы описаніе», изображаетъ женщину въ царскомъ одѣяніи. По борту написано «сія трехъ частей и мудрости царица, въ храбрости въ силѣ какъ въ звѣздахъ дѣнница». Гравюра «описаніе Азіи», изображающая торговцевъ въ восточномъ одѣяніи, окружена надписью «Сія сіяла въ силѣ своей славна, но днесъ, при лучшихъ не столь стала явна», «Африки описаніе» — съ изображе-

¹⁾ См. изслѣдованія о древней космографіи и хронографахъ: Попова, Тихонова, Пыпина, Ровинскаго.

ніемъ негровъ, слоновъ, львовъ — сопровождается надписью «Аще и подь солнцемъ, но черна есть тѣломъ, паче же грубымъ и гнуснымъ своимъ дѣломъ». Наконецъ, послѣдняя гравюра, съ фигурой царя инковъ, бобрами, черепахами и змѣями, предшествуетъ описанію Америки—повѣствуетъ, «что пользуется симъ множество богатства, егда не имуть мудрости изрядства».

Въ книгѣ 426 страницъ. Она раздѣляется на «предъ—уготовленіе на географію» и на отдѣлы, называемые—ландкарта европейская, азіатская, африканская, американская и о незнаемыхъ земляхъ. Каждая ландкарта содержитъ описаніе всѣхъ странъ, входящихъ въ соотвѣтствующую часть свѣта. Въ концѣ книги помѣщена глава «о глобусѣ», содержащая главныя основанія математической географіи. По вопросу о вращеніи земли эта послѣдняя глава высказывается очень осторожно. «Солнце причиняетъ день, а понеже на свѣтѣ день и ночь мѣняются того ради безъ сомнѣнія изъ того слѣдуетъ, что либо солнце съ фирмаментомъ, т. е. съ твердію небесною, или земля движутся. Ежели по человѣческому уму разсуждать, то, кажется, имовѣрнѣе, что солнце стоитъ, а земля движется, ибо и т. д. И сей аргументъ защищалъ и содержалъ Николай Коперникъ духовной человекъ въ Фрауенбургѣ въ прусахъ, что и нынѣ многіе приѣмлютъ и оному послѣдуютъ. Между тѣмъ понеже именно въ священной библии написано, что солнце течетъ въ кругъ, а земля недвижима стоитъ, того ради святому писанію больше въ томъ вѣрить надлежитъ, нежели человѣческому мнѣнію. Сей же аргументъ особливо славный даждій математикъ Тихо Браге хранилъ, чему и до нынѣ всѣ согласуются, которые святому писанію не охотно прекословятъ. Мы (глаголетъ авторъ книги сея) согласуемся мнѣнію Тихонскому и вѣримъ, что земля недвижима стоитъ, а противъ того весь фирмаментъ непрестанно около земли обращается».

Изложеніе физической географіи стремится въ книгѣ къ большой образности. Напримѣръ, на вопросъ—какъ раздѣляется Италия? дается отвѣтъ, что лучше при фигурѣ сапога остаться, а сапогъ раздѣляется на три части: верхняя—гдѣ отвороты, средняя—голенища и нижняя—ступень.

Яганъ Гибнеръ, авторъ этого «Земноводнаго круга»—особенно интересуется правами и свойствами жителей разныхъ странъ, а также ихъ учрежденіями. Описывая послѣднія, онъ старается, однако, отмежеваться отъ области «политики» «исторіи» и «генеалогіи», но, тѣмъ не менѣе, часто обращается къ историческимъ фактамъ, давая имъ живое и своеобразное освѣщеніе. Точный и оригинальный языкъ автора въ переводѣ пріобрѣлъ особую образность и силу, свойственныя, не смотря на заимствование чужихъ словъ, языку Петровскаго времени. Характеристики отдѣльныхъ народовъ, при чемъ, конечно, наибольшее мѣсто отводится Европѣ, не-

рѣдко поразительны по своей вѣрности и умѣнью сочетать и выставить рельефно отличительныя свойства народнаго характера. Мѣткіе и рѣшительные приговоры—чрезъ сто семьдесятъ лѣтъ не утрачиваютъ своего значенія и примѣнимости въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и къ настоящему времени. Вотъ, какъ на примѣръ, рисуетъ авторъ французовъ въ отвѣтѣ на вопросъ о томъ «какія жители обрѣтаются во Франціи»? «Сія жители въ ученіи зѣло любопытны, въ экзерциціяхъ послѣшны, въ войнѣ высокоумны, храбры и скоропостижны, — къ чужестраннымъ учтивы и вѣжливы,—въ платѣ перемѣнны и замысловаты,—въ языкѣ своемъ искусны и благопріятны, королю своему вѣрны и во всѣхъ дѣлахъ скорую имѣютъ резолюцію». Если отбросить стертую рукою исторіи «вѣрность своему королю» и не поставить на счетъ храбрости французовъ ихъ поражений въ 1870—71 гг., отнеся ихъ, по всей справедливости, къ бездарнымъ «высокоумнымъ» военачальникамъ и «скоропостижнымъ» политикамъ, имѣвшимъ слишкомъ «скорую резолюцію»—то предъ нами будетъ живое изображеніе современныхъ французовъ со всѣми ихъ отличительными свойствами. Къ другимъ двумъ романскимъ націямъ «Описаніе земноводнаго круга» относится съ большею критикою. Отвѣтъ на вопросъ о «состояніи жителей гишпанскихъ» указываетъ, что у «оныхъ хвалятъ остроуміе ихъ и постоянство, а противъ того хулятъ ихъ гордость и лѣннство», что «особый языкъ ихъ съ латинскимъ во многомъ сходенъ и такимъ образомъ кажется, что оный отъ латинскаго родился» и что, наконецъ, «проѣзжія люди и иностранныя—корчмами зѣло недовольны». Отмѣчено враждебное отношеніе испанцевъ къ французамъ:—«между гишпанцами и французами природная ли или обыкшая антипатія состоитъ—о томъ еще и понынѣ диспутуется». Но что стоитъ виѣ спора—это экономическое истощеніе страны и ея малая населенность. «Гишпанія въ протчемъ гораздо столько жителей не имѣетъ сколькобъ оная обнять могла, а причины ктому отчасти за воздухомъ (... сія земля гораздо жарчае, нежели Германія, говорится въ другомъ мѣстѣ...), а отчасти за невременною любовію; также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія мароновъ и для жестокой инквизиціи и для многихъ оттуда переведенцевъ быть являютя»... Къ малой населенности Испаніи авторъ возвращается и говоря о Франціи, въ которой «примѣчается въ лошадяхъ скудость; для того говоритца ежелибъ въ Гишпаніи столько людей родилось, какъ во Франціи, а во Франціи столькобъ лошадей, какъ въ Гишпаніи, то бы обоимъ королевствамъ нужды не было». Вѣрными чертами намѣчаются, такимъ образомъ, тѣ язвы, которыя разѣли организмъ богатой и когда-то вполне культурной страны и отодвинули ее на задній планъ исторической сцены. Политическая мудрость и благородная терпимость звучать въ этомъ перечисленіи причинъ

паденія Испаніи и звучать въ то время, когда эти свойства вовсе еще не сдѣлались достояніемъ здраваго государственнаго управленія. Достаточно припомнить, что, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, происходило среди народа «имѣющаго скорую резолюцію» по поводу отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 году, когда «разослалъ король драгунъ своихъ гугенотовъ отъ вѣры ихъ обратить въ католицкую, чего ради нѣкоторые отреклися вѣры, дабы избыть мученія, нѣкоторые же до смерти замучилися, а многія оставя имѣніе свое и пожитки поѣхали въ швейцары, въ голандію и англію, кромѣ тѣхъ, кои въ севенскихъ горахъ пребываютъ и нѣсколько лѣтъ калвинскую вѣру противъ королевскихъ войскъ шпагою обороняли, однакожъ мало имъ въ томъ удачи было». Авторъ книги, какъ мы увидимъ ниже, еще разъ возвращается къ вопросу о религіозной терпимости, говоря объ Испаніи. «Гишпанцы» и «французы» служатъ мѣриломъ для оцѣнки итальянцевъ. «Не можно лучше итальянскаго нрава описать кромѣ что когда говорится: что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостію и французскою безпечалностію или веселостію». Разсаднику искусствъ и наукъ, озаренному свѣтомъ Возрожденія — отдается справедливость: «итальянская нація достойна похвалы, ибо они суть остроумны, понеже они въ музыкѣ, и въ архитектурномъ и въ живописномъ и въ протчихъ художествахъ и мудрыхъ искусствахъ предъ другими народами не мало превосходятъ». Но несимпатичныя свойства народа, пустившаго, между прочимъ, въ свѣтъ поговорку «la vendetta é una meta ché e bisogna mangiare a freddo» (мщеніе — кушанье, которое надо ѣсть холоднымъ), не ускользаютъ отъ автора. «Имъ (т. е. итальянцамъ) приписуется, говорить онъ, ревнованіе невѣдомо, либо за хулу или яко благочестіе, также и превеликое неприступное злопамятство». Забота о положеніи путешественниковъ сказывается и при описаніи Италиі, гдѣ «прежде сего отъ бандитовъ или разбойниковъ, а особливо внизу въ Неаполи зѣло опасно пріѣзжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены». Но особо лестнымъ мнѣніемъ Ягана Гибнера, а быть можетъ, и русскаго переводчика, украсившаго подлинный текстъ доброжелательными прибавками (подобно тому какъ съ очевидностію измѣненъ и сокращенъ, примѣнительно ко взглядамъ русскихъ читателей, текстъ отвѣтовъ о Россіи), пользуется излюбленная Петромъ Голландія. «Ремесло жителей оной есть купечество, которое въ Голландіи такъ возвысилось и весьма имовѣрно, что во всемъ свѣтѣ только кораблей не обрѣтается сколько въ семъ маломъ государствѣ находится. И кто вѣдаетъ, что народъ оной зѣло правдивъ, простосердеченъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, береженъ и саможелателенъ, тотъ не удивляется, что они въ купечествѣ всѣхъ другихъ народовъ превосходятъ. Но при томъ необъятномъ купечествѣ не покидаютъ оныя и книжнаго ученія,

которое у нихъ такъ въ землѣ той распространилось, что они многія инныя земли въ томъ посрамить могутъ». Эта характеристика получаетъ особую цѣну при сравненіи голландцевъ съ португальцами, «кои большое прилежаніе имѣютъ къ купечеству и торговлю во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта въ добромъ имѣютъ состояніи, — но также склонны ко всѣмъ добродѣтелямъ и порокамъ, которые съ симъ ремесломъ слѣдуютъ, а особливо ученіе тамо велми уничтожено, а во время мира можетъ быть и воинскую храбрость весьма позабыли». Не менѣе голландцевъ нравится автору и населеніе Граубинденской земли (Граубюнденъ), гдѣ «зачинается рѣка Рень» и гдѣ «жители живутъ зѣло единодушно, мало знаютъ о излишнихъ роскошяхъ и прихотяхъ и однимъ словомъ являются яко бы изъ стараго свѣта остались», — при чемъ къ ихъ союзу относится и достопамятный городъ Семпахъ, «понеже тамо въ 1386 году достались естрейхерцамъ отъ швейцаръ немилостивыя побой». Англіи посвящено въ «Земноводномъ кругѣ» много отвѣтовъ, въ которыхъ, по отношенію къ Ирландіи высказывается взглядъ до нынѣ раздѣляемый большинствомъ «благодѣтельныхъ» англичанъ, видящихъ въ великодушныхъ и мудрыхъ предложеніяхъ Гладстона чуть не проповѣдь полнаго государственнаго разложенія Британіи. «О жителей Ирландіи мало добраго пишутъ, — говоритъ Гибнеръ, — кромѣ того, что они къ работѣ лѣнны, къ тому же худыя и упрямыя люди и понеже агличане усмотрѣли, что невозможно законѣлаго въ нихъ нрава премѣнить и исправить, того ради многихъ переведенцевъ изъ Англіи туда на житье отправили, а противъ того многими тысящами ірландцевъ другимъ потентатамъ поступились». Самый краткій и жестокій отзывъ дается о небольшомъ государствѣ на юго-восточной границѣ Азіи и Европы, при чемъ говорится, что земля въ немъ сама по себѣ весьма хороша, но жители «не гораздо добры, ибо хотя они больше въ христіанской вѣрѣ признаются, однако толь плохіе имѣютъ обычаи, что обычайно нѣкоторые дѣти отъ отца воровать, а отъ матери бл....тъ научаются».

Вопросы вѣры и государственнаго устройства весьма интересуютъ составителя «Земноводнаго круга», хотя онъ и оговаривается неоднократно, что «состояніе правительства надлежитъ въ политику, — обстоятельства королевскаго дома въ генеалогію, а прочее — въ гисторію».

На вопросъ «кто государствуетъ во Франціи?» — онъ отвѣчаетъ, — «Франція всегда особливаго своего короля имѣла; прежде сего королевская власть зѣло была принуждена, когда парламенты еще въ великой чести и славы жили, однако нынѣ то пресѣклось, ибо король французскій есть нынѣ самовластѣйшій въ свѣтѣ потентатъ». Даже и въ сопредѣльныхъ земляхъ, напримѣръ, въ Лотрингенѣ (Лотарингіи) имѣетъ французскій король свободный проходъ чрезъ

всю землю, «однако безъ поврежденія жителей». Въ иныя условія поставлена королевская власть, напимѣръ, въ Польшѣ, странѣ— «которая довольно вездѣ многолюдна и шляхты въ ней есть неслыханное множество; которые къ германіи и прусамъ живутъ суть учтивѣе, нежели тѣ, которыя позади на російскихъ и татарскихъ границахъ обрѣтаются». Когда король польскій «Яганъ Третій для своей охоты веселое мѣсто, недалеко отъ Варшавы, Виллановъ построилъ, поляки сперва не хотѣли того видѣть, ибо по основательному ихъ закону и праву король не имѣетъ ничего собственнаго содержать». Еще болѣе стѣснено и тревожно положеніе королевской власти въ Шотландіи, ибо «шкоты не такъ обходительны, какъ англичане, а особливо горскія шкоты и которые по островамъ живутъ, понеже оныя такъ дики и нелюдимы, что обычно они дикія шкоты называются; въ прочемъ къ бунту они склонныя агличанъ и едва не всѣхъ иныхъ народовъ охотняе; однакожь ежели учинится бунтъ, то они предъ агличаны и едва не передъ всѣми другими націями гораздо жестоко въ томъ поступаютъ».

Обращаясь къ вопросамъ о вѣроисповѣданіяхъ, «Описаніе земноводнаго круга» указываетъ, что Италія «къ тому удостоена, что глава римскаго католицкаго сонмища, зовомый викарій или намѣстникъ Христовъ, непремѣнно тамо резиденцію свою имѣетъ; однако не смотря на то нигдѣ столько легкомысленныхъ и безчинныхъ въ римской вѣрѣ поступокъ не бываетъ; удивительножь и сіе, что въ самомъ Римѣ жидаы вѣру свою отправлять могутъ, а реформатамъ того не дозволено». Отсутствіе терпимости въ католицизмѣ и его вредныя послѣдствія сказались съ особою силою въ Гишпаніи, гдѣ «всѣ сряду имѣютъ римскую католицкую вѣру», и гдѣ за 200 лѣтъ было «жидовъ и срацынъ много, но оныя миллионами выгнаны оттоль». Кромѣ того, «незадолго предъ реформаціею и духовный судъ, по гишпански инквизиціонъ называется отъ Фердинанда католика въ іспаніи зачался, отъ котораго щастливо или больше несчастливо препона учинилась, что свѣтъ евангельскія истины никогда въ Гишпаніи просіять не могъ».

Противуположность исключительному преобладанію католицизма представляють нѣкоторыя страны, въ которыхъ свобода вѣроисповѣданія и отправленія религиозныхъ обрядовъ вызываетъ у составителя «Земноводнаго круга», наряду съ сочувствіемъ и проницескія замѣчанія. Такъ въ Голландіи «начальная вѣра есть реформатская, однако при той и иныя вѣры всего свѣта отправлять свободно, хотя нѣкоторыя изъ того числа и гораздо глупы и удивительны находятся». Широкая вѣротерпимость въ Польшѣ охарактеризована такъ: «начальная вѣра есть римская, которую король и знатнѣйшія въ государствѣ исповѣдываютъ, однако и иныхъ причастники вѣрѣ, яко греки, соціани, реформаты, жидаы, лютеры и турки не только тамо

стерпимы бываютъ, но и подъ польскою обороною вѣры своя управляютъ, а особливо жидамъ тамъ лучше удача, нежели въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ». «Удивительно,—говорится далѣе въ описаніи начальнаго города въ Литвѣ—Вилня,—что въ городѣ ономъ по вся недѣли три субботы празднуются, ибо христіане празднуютъ въ воскресенье, жидаы въ субботу, а турки въ пятницу». Не осталась безъ отмѣты и узкая нетерпимость англичанъ къ католикамъ. «Хотя Англія вся калвинскую вѣру держитъ, однакожь обрѣтаются между епископскими, презвитерскими, пуританами — конформитаны, не конформитаны, сепараты, індепенденты и протчія неразрѣшимыя расколы; квакеровъ и протчихъ такихъ же сумазбродовъ полоумныхъ довольно, токмо однихъ католиковъ не терпятъ». «Описание земноводнаго круга» въ разныхъ мѣстахъ отдастъ справедливость религіозной пропагандѣ католиковъ среди нехристіанскихъ племенъ Азіи. Пальма первенства здѣсь принадлежитъ ордену «зачинщикомъ и уставщикомъ», котораго былъ «Ігнаціусъ Лойола», проживавшій въ 1520 году въ Пампелонѣ («городъ стоитъ весель и добрѣ укрѣпленъ»), столь сильно израненный, что ему «удобнѣе было пострицца, нежели женитца». Хотя Христосъ и апостолы его Евангеліе прежде въ Азіи благовѣствовали, однако «жители азіатскія не смотря на то благодати такой сподобитися сами себя недостойныхъ явили, но по нынѣ большая часть оныхъ въ махOMETанской слѣпотѣ и заблужденіи погрязли. Европейцы, а особливо езуиты зѣло до нынѣ трудились, дабы христіанскую вѣру тамо распространить, токмо, хотя посланныя ихъ много о обращеніи своемъ разглашаютъ, однако всюду тамо во утѣсненіи вѣры жить и въ разныхъ мѣстѣхъ въ книги съ мученики вписыватися принуждены бываютъ». По этому — временныя услѣхи христіанской пропаганды бываютъ въ Азіи непрочны. Такъ, напримѣръ, въ 1685 г. французскіе іезуиты, поселившись въ Сіамѣ, «такъ у онаго короля себя въ кредитъ поставили, что не только землю, но и самаго короля въ христіанскую обратитъ вѣру уповали, но какъ новый король вступилъ, тогда оныя тамо зѣло ненавидимы были». Такъ португальцы близъ ста лѣтъ (т. е. въ началѣ XVII в.) «такъ зѣло въ Японію усилились, что и цесаря онаго въ христіанскую вѣру обратитъ уповали, но голанцы не дали себя усыпить пока на португалцовъ такъ японцовъ озлобили, что въ 1626 году ихъ многія тысячи ужаснымъ образомъ за христіанскую вѣру тамо порублено, а иныя до смерти замучены, отчего христіанское имя и до нынѣ тамо противно и не терпимо...» Успѣшнѣе дѣйствуютъ духовно-рыцарскіе ордена и въ особенности орденъ «Яганскихъ кавалеровъ», которымъ принадлежитъ островъ Мальта, гдѣ «великій государь мальгійскій имѣетъ свою резиденцію и какъ достойной принцъ себя содержитъ». Вступающій въ орденъ, повѣствуетъ авторъ, не можетъ жениться, «при томъ же имѣетъ присягу учи-

нять, что оной туркамъ всякій уронъ причинять тщатися будетъ; для того у сего острова всегда нѣсколько галеръ обрѣтается, отъ которыхъ туркамъ подлинно многія чинятся досады».

Сѣверъ Европы, Россія и вѣевропейскія страны описываются въ «Земноводномъ кругѣ» значительно короче западной Европы.— Жители Даніи характеризуются какъ «учинившіеся толь искусны, что ни въ мирныхъ, ни въ военныхъ художествахъ другимъ европейцамъ не уступаютъ», а жители Норвегіи, какъ такіе «кои во всѣхъ своихъ дѣлахъ, поступкахъ и порядкахъ съ датчаны не сходны». Швеція соприкасается съ Россією чрезъ Лапландъ, сирѣчь Лаппія шведика, гдѣ жители «зѣло дикія и суровыя и варварскія люди» при чемъ «ради великія пустоты и не многихъ жителей завелись въ Лапландіи и ожились многія дикія звѣри, между которыми особливо елени знакомиты суть». Жители ближайшей къ русскійскимъ границамъ Финляндіи могутъ «гораздо снести стужу и иную тягость въ работѣ, того ради оныя угодны въ войнѣ бываютъ». Не далеко отъ Финляндіи, въ Ингерманландіи, лежащей «между синусомъ финскимъ и Ладожскомъ озеромъ», находится и «Санктъ-Петербуржь, крѣпость и купеческій городъ, который нынѣ царствующій монархъ Петръ Первый построилъ и отъ часу оный возрастаетъ и прибавляется и въ красотѣ и силѣ своей процвѣтаетъ». Хотя Москва и признается въ «Земноводномъ кругѣ» начальнымъ городомъ всей земли и столицей царскою и патриарха греческаго, но о «красотѣ и силѣ» ея ничего не говорится, а упоминается лишь, что городъ состоитъ «во многихъ тысячахъ домовъ, которыя токмо изъ дерева и глины весьма бѣдно склеены, отъ чего и убытокъ великъ бываетъ ежели когда нѣсколько тысячъ домовъ згорить». Въ этомъ приращеніи Москвы— видна угодливая рука переводчика. Ему же, конечно, принадлежитъ и заявленіе, что въ Россіи «жители прежде сего не гораздо были искусны, но нынѣ царствующій государь Петръ Первый трудится, дабы оныя ѣздили въ иныя страны и другимъ европейскимъ обычаямъ подражали и обучаяся навыкали».— Съ разныхъ сторонъ Русская земля окружена татарами, при чемъ, хотя русскія границы «отъ самыхъ тѣхъ варварскихъ народовъ вполннно неразмѣрены,— но новѣйшія географы разсуждаютъ, что крайнія границы русскія весьма не такъ далече отдалены отъ Хины, нежели какъ оныя въ обычайныхъ ландкартахъ означены бывають». «Описаніе земноводнаго круга» перечисляетъ до 12 татарскихъ племенъ, живущихъ подъ разными наименованіями на русскіхъ границахъ и, между прочимъ, «около рѣки Танаи, гдѣ живали древле храбрыя жены амазоны» и даже въ Украинѣ, недалеко отъ Кіева... «толь далеко распространилась и разсѣялась сія гадина»... Государству Хинскому, по предположеніямъ географовъ сопредѣльному съ Россією, посвящено довольно подробное описаніе. «Оная земля не можетъ довольно

описана быть ради своего плодоносія и богатства въ золотѣ и каменіяхъ драгоцѣнныхъ. Прежде сего былъ въ той землѣ особой государь, которой хинской цесарь назывался. Но въ 1630 году напали татары съ такою силою, что сіе неподобное государство подѣ власть свою привели и такимъ образомъ нынѣ нарочитая часть тартаріи и государство хинское одному владѣтелю подвержены, которой хинской царь и татарской ханъ вмѣстѣ называется. Новыя описанія повѣствуютъ, что сей царь между великою стѣною и тартаріею на 100 миль землю весьма опустошить повелѣлъ, дабы никакое животное не могло тамо питаться и можетъ быть для того, чтобы его другія татары иногда такимъ же образомъ въ Хинѣ не посѣтили, какъ онъ самъ учинилъ».

Африка—полна «незнаемыхъ земель» и «неудобопамятныхъ королевствъ», а также разныхъ звѣрей, какъ-то—долгихъ обзьянь, драконовъ, т. е. змievъ великихъ, львовъ, слоновъ и «струсовъ» коихъ и имъ подобныхъ такое множество при рѣкахъ находится, что никто не можетъ безопасно проѣхать. Жители тамошніе «суть всюду дикія и необходимыя люди; повыше къ медитеранскому морю еще оныя отъ части бѣлые, а которыя пониже тамо живутъ, оныя суть чернообразны; которыя живутъ въ верху признаваются въ маометанской вѣрѣ, но и христіане между нихъ находятся, но оныя болше христіанское имя носятъ, нежели дѣла отправляютъ; тѣже, которые къ западу при еіопскомъ морѣ живутъ городовъ не имѣютъ и никакого короля не знаютъ, но токмо скитаются вездѣ въ оной землѣ и не многимъ лутче звѣрей, а наипаче, что оныя человѣческое мясо жрутъ; въ землѣ своей называются они готентотенъ, а говорятъ языкомъ подобно какъ у насъ куры кричать». Христіанскую вѣру исповѣдуютъ также цесарь и жители Мурінской земли или Габесиніи, но только «оная вѣра отъ европейской во многихъ вещахъ не сходна». Король этого государства «отъ африканъ именуется великой негуць; прежде сего въ простомъ народѣ назывался онъ священникъ Іоаннъ или Жанъ, но нынѣ отъ такого безумнаго имени отвыкли, ибо подлиннѣе о томъ увѣдомлены».

Судьбы туземцевъ Америки даютъ поводъ автору очертить, въ отвѣтъ на вопросъ—кому принадлежитъ Америка?—безчеловѣчную и близорукую политику испанцевъ послѣ открытія этой части свѣта. «Доколѣ земля сія отъ европейцевъ не найдена была имѣла оная въ разныхъ мѣстахъ особливыхъ своихъ королей. Но какъ гишпанцы сперва тамо прибыли, стали оныя умышлять какъ бы жителей тѣхъ искоренить и оную землю себѣ въ собственное владѣніе привлечь, что съ немалымъ свирѣпствомъ учинено. А папа, хотя свою учтивость и податливость оказать, подарилъ всю оную землю гишпанцамъ. Но языческія короли въ Америкѣ не мало тому смѣялись, что папа раздаетъ королевства чужія».

«Земля она не подобна другимъ, а наипаче богата золотомъ и серебромъ (—говоря въ другомъ мѣстѣ о Калифорніи, авторъ впрочемъ высказываетъ мысль, что «мало тамъ каково прибитку ожидать (!) того ради о ней мало мы освѣдомы»), такъ что гишпанцы многія корабельныя флоты нагружены серебромъ оттоль получали и ежелибъ они съ людьми тоя земли пріятнѣе поступили, то неисчетное бѣ богатство получили, но понеже они многіе миллионы людей немилосерднымъ образомъ погубили, того ради сами жители многія рудокопныя заводы разорили. Жители оныя были острого ума, что можно признать изъ многихъ ихъ искусныхъ вымысловъ»...

Въ заключеніе надо замѣтить, что авторъ относится съ большою осторожностью ко всѣмъ «празднымъ и нарочитымъ вымысламъ» и тщательно опровергаетъ въ своей книгѣ различныя легенды, связанные съ тою или другою мѣстностью, или приписываемыя ей чудесныя свойства. Это его стремленіе доходитъ до того, что какъ указано выше, онъ рѣшается держаться «тихонскаго» ученія о вращеніи земли изъ осторожности, и даже, говоря о Палестинѣ, объясняетъ, что «иностраннымъ показываютъ тамо гробъ святой и католики обыкли для того часто по обѣщанію туда ходить; токмо понеже обѣтованная земля не токмо отъ римлянъ, но потомъ отъ турокъ не единожды разорена бывала, того рада, отъ нѣкихъ сумнительно—прямой ли оной есть гробъ Христовъ?». —Только въ одномъ мѣстѣ онъ измѣняетъ своему скептицизму. «Слоны на острову Цейлонѣ, говоритъ онъ, такую имѣютъ честь, что всѣ слоны на свѣтѣ онымъ поклоняются, когда гдѣ сойдутся»...

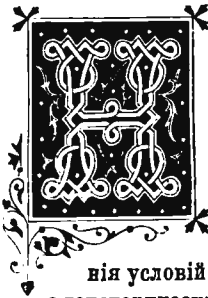
А. Ө. Кони.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. Карѣвъ. Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока.
Спб. 1887.

ВЕБОЛЬШАЯ по объему, но цѣнная по удачно сгруппированному матеріалу брошюра г. Карѣва, заглавіе которой мы выписали, заканчивается своимъ появленіемъ подобныя же введенія, того же автора, въ курсы исторіи древняго міра, среднихъ вѣковъ и новаго времени. Въ семи главахъ своего «введенія», авторъ обстоятельно трактуетъ о Востокѣ и о началѣ всемірной исторіи, о построеніи общей исторіи Востока, объ исторіи Востока съ точки зрѣнія условій прогресса, о географическихъ и этнологическихъ условіяхъ о доисторическихъ временахъ на Востокѣ, о старыхъ источникахъ для исторіи восточныхъ народовъ и, наконецъ, о новыхъ открытіяхъ древняго Востока въ XIX вѣкѣ. Рекомендую эту брошюру вниманію интеллигентнаго читателя, какъ весьма полезное пособіе для предварительнаго ознакомленія съ научной постановкой вопроса въ наше время объ изученіи древняго Востока, мы познаемимъ въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ новой работы г. Карѣва, не лишенной общеобразовательнаго интереса и изложенной, при томъ, очень экономно не въ отношеніи свѣдѣній, а въ отношеніяхъ многословія и тяжеловѣсности, которую такъ любятъ ученые педанты, отъучивая такимъ образомъ, публику отъ всякаго сочиненія, носящаго ученое заглавіе.

Древній Востокъ, гдѣ возникли самыя раннія цивилизаціи и началась всемірная исторія—югозападная Азія съ Египтомъ, Китай и Индія, представляютъ два отдѣльныхъ историческихъ міра. Древность китайской и индуской культуръ не можетъ идти въ сравненіе съ тою незапамятною стариною, которая была свидѣтельницею зарожденія исторической жизни въ долинѣ Нила и въ странѣ Тигра и Евфрата. При томъ Китай и Индія не вышли изъ тѣхъ замкнутыхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ ихъ развѣсившаяся цивилизація застыла и окаменѣла. Исторіи Китая и Индіи суть только побочныя теченія всемірной исторіи, выбравшей себѣ другое главное русло. Главными дѣятелями древней цивилизаціи являлись египтяне, ваки-

лоно-ассирийцы, финикияне, персы и евреи. Самая ранняя цивилизация в Азии была туранского происхождения, — азиатские семиты были в некоторых отношениях учениками туранцев; вторую эпоху составляет господство семитизма весьма важного в истории религиозного сознания передового человечества, пока во главе Восточного мира не стали арийцы, сначала азиатские, т. е. мидяне и персы, а потом европейские, т. е. греки и римляне. Завоевательные походы фараонов XVIII династии (Тутмес I) в Азии (Сирию и Месопотамию) открывают первый период общей истории народов Востока, после чего они уже не возвращались ко временам совершенно обособленного существования, какое вели до семнадцатого века до нашей эры. С тех пор всеобщая история, меняя сцену и актеров, свое содержание и свой характер, разыгрывает уже около тридцати пяти веков! Египетское преобладание сменяется преобладанием ассирийским, которое в свою очередь уступает место владычеству мидо-персидскому. На первые два периода приходится около тысячи лет, на третий — около 800 лет; в последней трети IV века до Р. X., наступает период македонского завоевания персидской монархии, распространения эллинизма, — словом период четвертый — греко-римский. Народы, историю которых мы имеем право рассматривать, как первый фазис истории общечеловеческого прогресса, или совсем вымерли вместе с своею цивилизацией, или коснутся в культурном застои. Причины гибели восточных цивилизаций нужно усматривать в непрочности самой цивилизации, которой грозили постоянно варварские нашествия, весьма опасны по своим последствиям. Восточные цивилизации носили характер оазисов среди пустыни, которым грозила опасность быть засыпанными песками. Сильнее этих внешних неблагоприятных условий существования восточных народов — условия внутренние, которые существуют и по сей день. Древние восточные государства были деспотии: в них все более и более развивались произвол власти управителей и полное порабощение масс, поглощение личности государством и ослабление личной инициативы в единицах, не смотря на частые вспышки анархии и своекорыстное поведение людей в их частном быту. Между культурным меньшинством и рабочей массой залегла пропасть, которая все более и более увеличивалась по мере каждого нового шага по пути исторического прогресса. Следовательно, политический деспотизм и социальное порабощение главнейшие причины гибели восточных цивилизаций, а также и восточной слячки (с нашей точки зрения), ибо здесь личность была подавлена и подчинена всему тому, что имело происхождение в бессознательной, коллективной, традиционной стороне истории.

Общий ход истории Востока заключался в том, что цивилизация переходила из стран более плодородных и теплых в менее плодородные и теплые, и в то же время от сравнительно низших рас к высшим. Сведения о народах, положивших в Азии и в Африке начало древним цивилизациям, неопределенны и даже проблематичны. Несомненно, что это были хамиты, кушиты и туранцы, родиной которых были долины Алтая и страна Куш в Бактриане. Прародина исторических рас — плато Памира. Древняя хронология вообще неопределенна. Приходится довольствоваться круглыми цифрами с возможностью ошибок на столетия, для Египта даже на тысячелетия. Вообще же начала древнейшей культуры относят за три-четыре тысячелетия до Р. X. Древняя история сливается с мифом, носит характер легендарный.

До великихъ открытій, произведенныхъ въ нашъ вѣкъ въ странахъ древнѣйшей исторической цивилизаціи, до первыхъ успѣховъ египтологіи и ассириологіи, всѣ наши познанія исчерпывались данными изъ Библии и греческихъ писателей, изъ коихъ первое мѣсто принадлежитъ Геродоту. Съ богатой индусской литературой европейцы стали знакомиться со времени утвержденія англичанъ въ Индіи; серьезныя же занятія языкомъ и литературой индусовъ ведутъ свое начало только съ основанія калькутскаго и азіатскаго общества (1783), въ коемъ видная роль принадлежала Вильяму Джонсу, а затѣмъ Генри Кольбруку. Во второй же половинѣ XVIII вѣка французъ Анкетиль Дюперронъ первый изъ европейцевъ обучился веду, познакомившись съ рукописью Авесты. Ближайшее ознакомленіе съ египетскими памятниками началось со времени экспедиціи въ 1798 года генерала Наполеона Бонапарте; учеными, состоявшими при войскѣ, было написано капитальное «Описаніе Египта» (Description de l'Égypte). Но все еще іероглифы и клинопись оставались тайною, не смотря на многія и тщетныя попытки. Честь разбора іероглифовъ принадлежитъ Леону-Франсуа Шампольону младшему (род. 1790, ум. 1832). Въ области египтологіи весьма важны Лепсіусъ и Мариеттъ. «Шампольономъ клинописи» былъ нѣмецкій ученый Георгъ Фридрихъ Гротенфендъ. По его слѣдамъ пошли датчатынъ Раскъ, нѣмецъ Лассенъ, французъ Бюрнумъ и другіе многочисленныя ученые. Такимъ образомъ, XIX вѣкъ отгадалъ многовѣковую загадку египетской и ассирійской письменности. Съ этихъ поръ стало возможнымъ появленіе общихъ «исторій» Востока, каковы французскія—Ленормана и Масперо, или нѣмецкая—Дункера,—стало возможнымъ рожденіе обширной литературы, которая занимается изслѣдованіями азіатскихъ арійцевъ со стороны языка, міеологіи, религіи, философіи, литературы и вообще исторіи.

С. Т.—въ.

Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Сочиненіе, писанное на степень доктора философскаго факультета перваго отдѣленія адъюнктомъ Московскаго университета Степаномъ Шевыревымъ. Изд. 2-е. Спб. 1887.

Исторія поэзіи. Чтенія адъюнкта Московскаго университета Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ исторію поэзіи индійцевъ и евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ новой западной Европы. Изд. 2-е. Спб. 1887.

Нѣтъ ничего полезнѣе для правильнаго развитія интеллигенціи въ странѣ, какъ перепечатывать, по мѣрѣ надобности, хорошія монографіи сошедшихъ со сцены дѣятелей науки и мысли. Какъ это ни кажется парадоксально съ перваго взгляда, мы утверждаемъ, что для публики такая перепечатка важнѣе появленія въ свѣтъ новыхъ, столь же цѣнныхъ монографій. Дѣло въ томъ, что книга, вновь появляющаяся, можетъ быть оцѣнена болѣе или менѣе вѣрно только немногими специалистами; да и тѣ, не будучи одарены всезнаніемъ и духомъ пророческимъ, не въ состояніи опредѣлить связи между авторомъ еще не закончившимъ своего поприща, и его книгою; а эта связь необходима для пониманія произведенія. О дѣятелѣ прошлаго всѣ имѣютъ

болѣе или менѣе ясное, и во всякомъ случаѣ, опредѣленное и законченное представленіе, и книга его, признанная крупнымъ вкладомъ, достойнымъ жить въ потомствѣ, изучается съ спокойнымъ уваженіемъ и почтительной объективностью; даже простое ея чтеніе оставляетъ въ головѣ прочный и глубокий слѣдъ. Не трудно найти подтвержденіе этого. Кто не согласится, что Бѣлинскій въ изданіи и переизданіяхъ К. Солдатенкова, имѣлъ гораздо болѣе читателей и гораздо болѣе способствовалъ развитію русскаго общества, нежели въ то время, когда статьи его впервые выходили въ журналахъ? Грановскій, какъ историкъ-литераторъ, имѣлъ при жизни своей очень ограниченное вліяніе (силу его живого слова мы оставляемъ въ сторонѣ); два тома его сочиненій нашли десятки тысячъ благодарныхъ читателей. Это не есть явленіе оригинально русское: можно ли сравнить вліяніе Лессингова Лаокоона, оказанное этой небольшой книжкой при жизни автора, съ той художественной революціей, которую произвела эта книжка въ своихъ переизданіяхъ въ умахъ слѣдующихъ поколѣній?

Докторская диссертация давно покойнаго профессора Московскаго университета, когда-то извѣстнаго критика, есть безспорно лучшее его произведеніе. Въ свое время, почти полстолѣтія назадъ, это была книга, какъ говорятъ иѣмцы «дѣлающая эпоху»: она если не произвела революціи, то во всякомъ случаѣ могучимъ ударомъ закончила ее, превративъ въ груды безобразныхъ развалинъ давно уже подкопанное и въ иныхъ мѣстахъ разрушенное, но все еще въ глазахъ многихъ величественное зданіе піитики. Первый ея тезисъ: «Теорія искусства слѣдовала за искусствомъ, а не обратно» для многихъ передовыхъ людей давно уже не было новостью, но толпа учителей словесности все еще считала его ересью, и велико было удивленіе ихъ, когда этотъ тезисъ выставилъ какъ безспорный и провель его прекрасно, безъ всякаго юношескаго задора, въ написанной книгѣ талантливый профессоръ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, тогда какъ прежде они считали его дивизомъ дворянскаго диллетантизма и журнальнаго легкомыслія. Съ этой диссертацией Шевырева начинается новая эра въ нашей наукѣ и въ томъ отношеніи, что Франція перестаетъ быть для насъ образцомъ и мѣсто ея занимаетъ болѣе скромная, но болѣе основательная многоученая Германія; Шевыревъ въ послѣдней главѣ своей доводитъ исторію критики и исторію науки именно до того пункта, съ котораго начинается изученіе родной старины и народности, труды братьевъ Гриммовъ, введенные въ основу новой русской науки наслѣдникомъ Шевырева по кафедрѣ, профессоромъ Буславымъ. Вотъ почему обстоятельный разборъ диссертации Шевырева будетъ занимать видное мѣсто въ исторіи русской филологіи; но въ библиографической журнальной замѣткѣ, онъ, конечно, невозможенъ. Самый обзоръ ея содержанія ненуженъ для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ посчастливилось воспользоваться первымъ ея изданіемъ, давно уже ставшимъ библиографическою рѣдкостью, и бесполезенъ для тѣхъ, кто не имѣлъ еще случая познакомиться съ нею.

Для послѣднихъ мы замѣтимъ только, что нѣтъ на русскомъ языкѣ книги, которая яснѣе и обстоятельнѣе представляла бы сущность французскаго классицизма. Къ этому прибавимъ, что молодые люди, имѣющіе о Степанѣ Шевыревѣ не особенно лестное понятіе на основаніи читаннаго и слышаннаго о его послѣдующей дѣятельности, бывають всегда пріятно удивлены при чтеніи этой книги: отъ слащаваго риторика и кваснаго патріота не ожи-

даютъ они такой дѣльной, фактической и въ то же время логически ясной монографіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что переизданіе «Теоріи поэзіи» послужитъ къ реабилитаціи, такъ сказать, ученой славы Шевырева. Но нельзя того же сказать про его труды по исторіи литературы, какъ русской, такъ и иностранной: они имѣютъ значеніе только для исторіи науки въ Россіи, а ихъ внутренняя цѣнность, вслѣдствіе измѣнившихся взглядовъ и новаго матеріала, чуть ли не равняется нулю. Въ «Исторіи поэзіи» читатель можетъ, пожалуй, воспользоваться изложеніемъ индійскихъ поэмъ и Сахунталы, но то же изложеніе по лучшимъ переводамъ и безъ слащавыхъ изліяній найдетъ онъ въ десяткѣ болѣе новыхъ книгъ; все же кромѣ этихъ изложеній — красивыя фразы, многословно выражающія положенія, которыя въ настоящее время представляются донельзя избытыми или невыдержанными критикой.

Что касается курса древней русской литературы, также въ настоящее время переизданнаго, онъ потерялъ свою цѣну вслѣдствіе огромныхъ успѣховъ науки съ того времени; да и по самой подготовкѣ своей и роду таланта, Шевыревъ даже между своими современниками казался не особенно способнымъ къ изысканію положительной истины въ трудномъ и кропотливомъ дѣлѣ изученія далекой старины; развитой вкусъ и сравнительная широта идей дѣлали его болѣе наклоннымъ къ исторіи новой литературы и, такъ какъ у насъ очень невелико число общихъ курсовъ послѣдней, то по нашему мнѣнію гораздо полезнѣе перепечатки толстыхъ томовъ «Исторіи русской словесности» было бы перевести на русскій языкъ его итальянскій курсъ: *Storia della Letteratura Russa* (per Stefano Sceviref e Giuseppe Rubini, Firenze 1862), о существованіи котораго многіе забыли, другіе же и вовсе не вѣдали; а между тѣмъ седьмая и восьмая главы этой небольшой книжки, дающія очеркъ екатерининской и александровской эпохъ, не смотря на свой незначительный объемъ, могли бы представлять интересъ и послѣ всѣхъ вышедшихъ доселѣ обзорѣй.

А. К.

М. Веневитиновъ. Изъ Воронежской старины. М. 1887.

Трехсотлѣтній юбилей Воронежа вызвалъ нѣсколько новыхъ изслѣдованій по исторіи этого города и, вообще, Воронежскаго края. Въ числѣ ихъ важное мѣсто занимаетъ разбираемая книга. Въ ней авторъ соединилъ нѣсколько своихъ сообщеній, помѣщенныхъ ранѣе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Юбилейномъ Сборникѣ», предпринятомъ Воронежскимъ статистическимъ комитетомъ. Вновь печатается «Списокъ съ описныхъ книгъ лѣсамъ, отведеннымъ при Петрѣ Великомъ на строеніе Воронежскаго флота», документъ весьма интересный, къ которому хорошимъ комментариемъ является помѣщенная въ дополненіи къ книгѣ карта лѣсныхъ участковъ, отведенныхъ «кушпанствамъ» для судостроенія, заимствованная изъ «Исторіи русскаго флота» Елагіана. Первое мѣсто въ книгѣ занимаетъ «Краткій очеркъ исторіи Воронежскаго края». Принимая за исходный пунктъ своего изслѣдованія конецъ XVI вѣка, г. Веневитиновъ раздѣляетъ его на пять отдѣловъ, соответствующихъ главнѣйшимъ періодамъ мѣстной исторіи: I—отъ конца XVI вѣка до перваго приѣзда въ 1694 году Петра Великаго; II—царствованіе этого государя; III—эпоха его преемниковъ до 1762 года; IV—царствованіе Екатерины II и,

наконецъ, V—отъ смерти этой государыни до нашихъ дней. Наиболее подробно излагается исторія перваго періода; авторъ внимательно слѣдитъ за постепеннымъ заселеніемъ этой окраины Московскаго государства, отмѣчаетъ основаніе монастырей и военныхъ острожковъ и прекрасно характеризуетъ, вообще, русскую колонизацію края. Второй періодъ—блестящій періодъ процвѣтанія—отличается развитіемъ судостроенія, послужившаго началомъ нашего флота. Исторія его представляетъ предметъ прекрасныхъ и подробныхъ изслѣдованій Устрялова и Елагина, поэтому г. Веневитиновъ на ней много не останавливается, отмѣчаетъ только тѣ главнѣйшія препятствія, съ которыми пришлось встрѣтиться Петру Великому въ бытовыхъ и географическихъ условіяхъ края, и указываетъ на слѣды пребыванія этого государя въ Воронежѣ, отразившіеся на развитіи и преуспѣяніи мѣстной жизни. Третій періодъ, мало замѣчательный, рассматривается вскользь. Въ четвертомъ и пятомъ періодахъ авторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на развитіе просвѣщенія, сдѣлавшее Воронежъ однимъ изъ важнѣйшихъ русскихъ умственныхъ центровъ, перечисляетъ цѣлый рядъ ученыхъ и литераторовъ, вышедшихъ изъ Воронежа, начиная съ митрополита Евгенія Болховитинова, Костомарова, Кольцова, Никитина и др. Кромѣ этого «Очерка» и «Списка съ описныхъ книгъ», въ настоящемъ сборникѣ помѣщены «Служебныя бумаги Антона Лаврентьевича Веневитинова», предка автора, найденныя среди разнаго стараго хлама въ кладовой, въ усадьбѣ Веневитиновыхъ, и представляющія нѣкоторыя интересныя данныя для бытовой исторіи конца XVII вѣка. Съ внѣшней стороны книга издана очень удовлетворительно и снабжена подробнымъ, очень хорошимъ указателемъ.

А. В.

Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I. Préface de M. Ch. de Mazade, de l'Académie française. 2 vol. Paris. 1887.

Ближайшій другъ и совѣтникъ сперва наслѣдника престола, а потомъ императора Александра Павловича, много содѣйствовавшій утверженію въ немъ либерально-космополитическихъ идей, принимавшій, въ качествѣ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, дѣятельнѣйшее участіе въ нашей внѣшней политикѣ начала нынѣшняго столѣтія, защитникъ польскаго дѣла передъ императоромъ, по его милости добившійся въ 1815 году возстановленія Польши, глава мятежнаго правительства 1830 года, «король» поляковъ, къ которому они стекались на поклонъ въ его парижскій «Hôtel Lambert»— князь Адамъ Чарторыйскій представляетъ собою несомнѣнно очень крупное лицо въ нашей исторіи, и знакомство съ нимъ должно быть для насъ весьма поучительно во многихъ отношеніяхъ. Хорошимъ источникомъ для такого знакомства могутъ послужить разбираемыя «Записки» его, изданныя въ Парижѣ академикомъ де-Мазадомъ. Онѣ состоятъ изъ двухъ томовъ: въ первомъ заключается автобіографія князя Адама, доведенная имъ только до 1806 года, во второмъ—письма императора Александра къ нему, его къ императору, канцлеру графу Воронцову, дипломатическія бумаги, записанныя имъ бесѣды съ императоромъ. Часть этихъ документовъ была напечатана уже ранѣе, и поновизнѣ гораздо важнѣе первый томъ. Будучи интересны для біографіи Чарторыйскаго, «Записки» заключаютъ въ себѣ много любопыт-

ныхъ данныхъ вообще для исторіи его времени. Домашняя обстановка его семейства въ Польшѣ, дворъ Екатерины, Павла и Александра, характеры этихъ государей, ихъ ближайшіе совѣтники и сподвижники, политическія обстоятельства, общественная жизнь — все это описывается весьма ярко и рельефно. Конечно, ко многому, что рассказываетъ князь Адамъ, нужно относиться съ большою осторожностью, не слѣдуетъ, пользуясь его извѣстіями, забывать, что «Записки» источникъ крайне тенденціозный, что точка зрѣнія автора слишкомъ субъективная, чисто польская и ею обуславливаются всѣ его симпатіи и антипатіи. Нужна строгая, критическая провѣрка его показаній по другимъ матеріаламъ, русскимъ и иностраннымъ.

Чарторыйскій родился въ 1770 году. Воспитаніе получилъ такое же, какъ и всѣ дѣти польскихъ магнатовъ. Во время второго раздѣла Польши участвовалъ въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ русскихъ. Дѣятельное участіе отца его въ востаніи Косцюшки побудило императрицу наложить секвестръ на всѣ его имѣнія, находившіяся въ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областяхъ. Это былъ сильный ударъ, и молодые князья Адамъ и Константинъ отправились въ Петербургъ хлопотать о снятіи секвестра. Интересно, какъ описываетъ Чарторыйскій свои чувства по отношенію къ русскимъ въ это время: «Любовь къ отечеству, его слава, учрежденіямъ и вольностямъ была внушена намъ нашимъ воспитаніемъ и всѣмъ, что мы видѣли и слышали вокругъ себя. Прибавлю, что чувства эти, поглощенные всѣмъ нашимъ нравственнымъ существомъ, сопровождались непобѣдимымъ отвращеніемъ ко всѣмъ тѣмъ, кто содѣйствовалъ гибели моей возлюбленной родины. Это двойное чувство любви и ненависти до того овладѣло мною, что я не могъ встрѣтить русскаго въ Польшѣ или гдѣ бы то ни было, чтобы кровь не бросилась мнѣ въ голову, при чемъ я блѣднѣлъ и краснѣлъ, такъ какъ всякій русскій мнѣ представлялся виновникомъ бѣдствій моего отечества». Совершенно иные чувства встрѣтили Чарторыйскіе къ себѣ въ петербургскомъ обществѣ: они были приняты очень привѣтливо и радушно, въ нихъ видѣли, какъ говорится въ «Запискахъ», людей обиженныхъ и ихъ дѣлу сочувствовали. Это вызываетъ такое замѣчаніе князя Адама: «Хотя душа и продолжала сохранять свои раны, за то на поверхности мы испытывали нѣкоторыя измѣненія. Мы узнали, что, согласно пословицѣ, чортъ не такъ страшенъ, какъ его изображаютъ, особенно когда онъ становится любезнымъ; что несправедливо, не смотря на совершенные относительно насъ ужасы, обвинять за нихъ цѣлый народъ,—обвинять въ чувствахъ общей ненависти всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, часто ничего не имѣющихъ общаго съ правительствомъ, что надо судить людей, соображаясь съ ихъ положеніемъ и съ обстоятельствами, при которыхъ они дѣйствуютъ. Мало по малу мы пришли къ убѣжденію, что русскіе, которыхъ мы ненавидѣли инстинктивно, относили всѣхъ безъ разбора къ разряду зловредныхъ и кровожадныхъ существъ, съ которыми мы должны были избѣгать всякаго соприкосновенія и даже не могли встрѣчаться безъ омерзевенія, что эти самые русскіе почти такіе же люди, какъ и всѣ другіе; что между ними встрѣчаются остроумные юноши, люди вѣжливые, привѣтливые, по крайней мѣрѣ на словахъ, что въ ихъ кругахъ есть весьма привлекательныя женщины, что можно жить въ ихъ обществѣ, не испытывая отвращенія и даже иногда чувствовать себя какъ бы вынужденнымъ питать къ нимъ дружбу и признательность». Но какъ ни любезно были приняты Чарторыйскіе въ петербургскомъ обществѣ, снятіе секвестра зависѣло отъ воли

государыни, и ея рѣшенія приходилось нѣсколько подождать, однако, въ концѣ концовъ помѣстья были возвращены почти цѣликомъ (язъ 45 тысячъ душъ 42 тысячи), но не отцу молодыхъ князей, а имъ самимъ. Они сочли этотъ актъ проявленіемъ незаконнаго произвола и дали отцу полную довѣренность на управленіе имѣніями. Тогда же они были зачислены поручиками въ гвардію и вскорѣ назначены камеръ-юнкерами. Къ этой-то эпохѣ относится начало сближенія князя Адама съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Встрѣчаясь съ Чарторыйскимъ на придворныхъ вечерахъ и во время прогулокъ по набережной, великій князь постоянно бесѣдовалъ съ нимъ и высказывалъ ему свое расположеніе. Однажды весной, когда дворъ переѣхалъ въ Таврической дворецъ, и вечера стали рѣже, великій князь выразилъ желаніе чаще видѣться съ Чарторыйскимъ и приказалъ ему пріѣхать въ извѣстный день во дворецъ. Этотъ день памятенъ для Чарторыйскаго. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, похваливъ поведеніе Чарторыйскаго въ Петербургѣ, великій князь сказалъ, что хочетъ открыть ему свой образъ мыслей и внушить надлежащее о себѣ мнѣніе.—«Онъ мнѣ сказалъ», пишетъ Чарторыйскій, «что нисколько не раздѣляетъ тѣхъ идей и доктринъ, которыя господствуютъ при дворѣ и въ правительствѣ; что онъ не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабки и осуждаетъ ея принципы, что онъ сочувствовалъ Польшѣ и желалъ счастливаго исхода ея славной борьбѣ за свободу, что онъ оплакивалъ ея паденіе, и Косцюшко въ его глазахъ великій человѣкъ и по своимъ личнымъ качествамъ и потому, что боролся за дѣло человечества и правды. Онъ признался, что чувствуетъ отвращеніе къ деспотизму, въ какой бы формѣ онъ не проявлялся; любить свободу, которая должна принадлежать всѣмъ людямъ въ равной мѣрѣ, что онъ живо интересовался ходомъ французской революціи, и не одобряя ея ужасныхъ крайностей, желалъ и радовался успѣхамъ республики. Онъ говорилъ мнѣ съ благоговѣніемъ о своемъ наставникѣ Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокодобродѣтельнымъ, истинномъ мудрецѣ, строгихъ принциповъ, характера энергичнаго. Ему онъ обязанъ за все, что усвоилъ себѣ хорошаго, и особенно за тѣ принципы правды и справедливости, которымъ онъ приверженъ душой,—эти принципы выѣдрены въ него Лагарпомъ». Разговоръ продолжался довольно долго. Великій князь заключилъ его пожеланіями имѣть въ Чарторыйскомъ такого друга, которому могъ бы откровенно высказывать свои мысли, и потому хотѣлъ бы почаще съ нимъ видѣться. Впечатлѣніе, произведенное на Чарторыйскаго этимъ разговоромъ, было чрезвычайно сильно: «онъ не зналъ, но снѣ это онъ слышалъ или на яву», «Александръ показался ему необыкновеннымъ существомъ, посланнымъ Провидѣніемъ для блага человечества и его отечества», «онъ ощутилъ къ нему безграничную привязанность».

Такъ началась эта дружба, надѣлавшая впоследствии столько вреда Россіи, особенно въ польскомъ вопросѣ, и продолжавшаяся около 30 лѣтъ. Въ этой дружбѣ положеніе сторонъ было далеко не одинаковое: въ то время какъ Александръ руководился общими пожеланіями блага человечества, мечтаніями объ отвѣченной свободѣ, у Чарторыйскаго была цѣль весьма опредѣленная, возстановленіе своего отечества. Практикъ долженъ былъ неизбѣжно эксплуатировать идеалиста, и Чарторыйскій не упустилъ этого изъ виду.

Смерть императрицы Екатерины приближила Александра къ трону, либеральнымъ планамъ суждено было осуществиться скорѣе, но Александра

пугала перспектива правленія, онъ страшился великихъ трудностей, съ нимъ сопряженныхъ. Является мысль уклониться отъ престола. Чарторыйскому поручается составить проектъ прокламаціи въ этомъ смыслѣ. Въ проектѣ представлялся рядъ соображеній о недостаткахъ старой формы правленія въ Россіи и о превосходствѣ новой, которую ей хотѣлъ дать Александръ, о благахъ свободы и справедливости, которыми будетъ наслаждаться Россія, когда будутъ удалены тормазы ея процвѣтанія, и, наконецъ, объявлялось о рѣшеніи Александра, выполнивъ эту задачу, отказаться отъ власти, передать ее болѣе достойному и способному ею воспользоваться для проведенія въ жизнь и утвержденія указанныхъ предначертаній. «Не знаю, говоритъ Чарторыйскій, что случилось съ этимъ проектомъ. Я думаю, что Александръ его никому не показывалъ, и впослѣдствіи онъ со мной никогда о немъ не заговаривалъ». Въ это время кружокъ довѣренныхъ Александра началъ расширяться. Къ Чарторыйскому прибавились Строгоновъ и Новосильцевъ. Очень интересны въ «Запискахъ», характеристики этихъ лицъ, но замѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ ихъ привести. Новые друзья замѣтили влеченіе великаго князя къ спокойной жизни, его намѣреніе удалиться отъ дѣлъ правленія, они энергично протестовали, указывая на эгоистичность такого намѣренія и на его вредныя послѣдствія для страны, которой царствованіе Александра должно было принести славу и процвѣтаніе.

Вскорѣ Александру суждено было разлучиться съ своимъ другомъ: въ 1798 году императоръ Павелъ назначилъ Чарторыйскаго посланникомъ при Сардинскомъ дворѣ. Съ грустью разставался съ нимъ Александръ, обѣщавъ ему писать, когда встрѣтится къ тому возможность. Но разлука продолжалась недолго. Въ 1801 году, взоидя на престолъ, Александръ немедленно вызвалъ Чарторыйскаго изъ Италіи. Приѣхавъ въ Петербургъ, Чарторыйскій замѣтилъ въ Александрѣ нѣкоторую перемѣну: онъ уже не думалъ объ отреченіи, въ немъ сложился болѣе практической взглядъ на дѣла, но въ существѣ его идеи остались тѣ же. либерализмъ сохранялся, хотя было болѣе пониманіе тѣхъ трудностей, которыя предстояли въ осуществленіи задуманныхъ реформъ. Въ интимномъ кружкѣ совѣтниковъ императора появилось новое лицо—Кочубей. Наступила знаменитая эпоха реформъ административныхъ, учрежденія министерствъ, государственнаго совѣта. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Чарторыйскій принималъ непосредственное участіе. Онъ получилъ постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, и фактически почти не ограничено управлялъ нашими вѣдшими сношеніями, такъ какъ канцлеръ графъ А. Воронцовъ вліянія почти не имѣлъ и мѣсто его было только почетнымъ. Русское общество смотрѣло на Чарторыйскаго крайне недовѣрчиво, дружба императора съ полякомъ-патріотомъ внушала сильныя подозрѣнія, возбуждала неудовольствіе. Особенное нерасположеніе къ Чарторыйскому высказывалось при вліятельномъ дворѣ императрицы Маріи Феодоровны. Самъ Чарторыйскій долго уклонялся отъ officialнаго положенія. Онъ нисколько не скрывалъ передъ императоромъ своихъ польскихъ чувствъ. Онъ сравниваетъ свое положеніе въ Петербургѣ съ положеніемъ птицы на вѣткѣ, экзотическаго растенія, не могущаго пустить корней; онъ хотѣлъ вернуться домой, но его удерживаютъ въ Петербургѣ только преданность императору и желаніе принести пользу родинѣ. Онъ много хлопоталъ милостей у императора отдѣльнымъ личностямъ, но это не могло его удовлетворить. Надежда на возрожденіе Польши, казалось, исчезла. «Мною овла-

дѣвало отчаяніе, говоритъ онъ, и я невольно испытывалъ необходимое отращеніе и къ этому двору, и ко всѣмъ этимъ людямъ». Какъ онъ ни былъ близокъ съ своими товарищами по тайному совѣту, но и въ нихъ онъ не могъ рассчитывать на сочувствіе своимъ полонофильскимъ стремленіямъ, «ихъ слишкомъ русскіе чувства и образъ мыслей стояли воплѣ въ противорѣчьи съ его убѣжденіями». Воплѣ довѣряться могъ онъ одному императору. Чтобы утѣшить своего друга, вознаградить его за отсрочку въ осуществленіи плана возрожденія Польши, императоръ назначилъ его попечителемъ виленскаго учебнаго округа, довѣрилъ ему завѣдываніе народнымъ просвѣщеніемъ въ 8 польскихъ губерніяхъ. На этомъ посту Чарторыйскій далъ широкій просторъ своимъ патріотическимъ стремленіямъ. «Вся Польша покрылась школами, въ которыхъ на полной свободѣ развивались польскіи чувства. Университетъ руководилъ этимъ движеніемъ съ ревностью и пониманіемъ задачи, не оставлявшими желать ничего лучшаго». Весьма понятно послѣ этого, на сколько основательна была подозрительность русскихъ людей.

Возстановленіе Польши было въ сущности единственнымъ интересомъ, привязывавшимъ Чарторыйскаго къ императору и заставлявшимъ его оставаться въ Петербургѣ. Постоянно и настойчиво повторяетъ онъ свои желанія. Мы видимъ цѣлый рядъ проектовъ этого возстановленія въ 1805, 1807, 1809 и 1811 годахъ. Инициатива ихъ исходитъ то изъ самого императора, то изъ Чарторыйскаго. Возрожденіе предполагалось полное: Польша отъ моря до моря, со включеніемъ русскихъ областей, съ границами по Двинѣ, Днѣпру и Днѣстру, съ внутреннимъ устройствомъ по конституціи 3 мая. До 1812 года возрожденіе Польши представлялось необходимымъ для борьбы съ Наполеономъ: нужно приобрѣсти себѣ въ полякахъ друзей, которые задержатъ Наполеона въ его походѣ противъ Россіи; если упустить моментъ, Наполеонъ самъ можетъ объявить себя сторонникомъ поляковъ, начать дѣло ихъ возрожденія, тогда они станутъ его друзьями и намъ будетъ труднѣе съ нимъ бороться, онъ прямо вступитъ въ наши чисто русскіе предѣлы, подкрѣпленный, кромѣ того, польскими силами. Такова цѣль проекта 1811 года. Но если до побѣды надъ Наполеономъ всѣ эти проекты могли находить оправданіе въ реальныхъ обстоятельствахъ того времени, подкрѣпляться хотя бы указанными призрачными соображеніями, то послѣ побѣды возрожденіе Польши является исключительно, какъ результатъ либеральныхъ идей императора и его дружбы къ Чарторыйскому. Въ 1812 году, когда Наполеонъ съ успѣхомъ двигался во внутрь Россіи, поляки измѣнили намъ, ихъ легіоны шли за Наполеономъ, отецъ Адама Чарторыйскаго сталъ во главѣ временнаго польскаго правительства, провозгласившаго отпаденіе Польши отъ Россіи, самъ князь Адамъ послалъ нѣсколько писемъ императору Александру, прося полной отставки, чтобы имѣть возможность присоединиться къ дѣлу патріотовъ. «Полякъ, писалъ онъ, не можетъ (и это было бы непростительно) служить русскому правительству, которое было главной причиной бѣдствій и разоренія его отечества; удалившись изъ польскихъ провинцій, русскіе освободили ихъ отъ ига, неправильно на нихъ наложеннаго. Свободный человекъ не можетъ удерживаться на службѣ въ ожиданіи формальной отставки». Но счастье перемѣнилось, Наполеонъ разбитъ, Чарторыйскій видитъ, что онъ нѣсколько поторопился, пишетъ императору совѣтъ другое письмо; онъ высказываетъ надежду, что побѣдитель вспомнитъ свои мечты, освободитъ Польшу и тѣмъ соединитъ въ дружбѣ два славянскихъ народа; въ этомъ

дѣлѣ онъ выражаетъ готовность ему послужить, хотя все же повторяетъ просьбу объ отставкѣ, но уже не съ прежней настойчивостью. Побѣдитель великодушень, онъ видитъ, что противъ этого дѣла будетъ общее мнѣніе русскихъ, поведеніе поляковъ въ Смоленскѣ, въ Москвѣ сильно возбудило противъ нихъ всѣхъ русскихъ людей, вся армія, всѣ генералы противъ поляковъ, но все же старыя стремленія въ немъ берутъ верхъ: Польша должна быть восстановлена съ своими либеральными учрежденіями. Въ теченіе двухъ лѣтъ обсуждается вопросъ, какъ восстановить Польшу и устроить ея внутреннее управленіе, происходитъ живой обмѣнъ мыслей между императоромъ и Чарторыйскимъ, и, наконецъ, все завершается 21 іюня 1815 года актомъ, за который Косцюшко восторженно привѣтствовалъ императора Александра именемъ *wskrzesciel'я* (воскресителя) Польши, обнаруженіемъ прокламаціи о царствѣ Польскомъ.

Такова дѣятельность Чарторыйскаго по возрожденію Польши. Дальше оставалось немного. Нужно было заставить великаго князя Константина Павловича подчиниться либеральной конституціи, которую онъ почти совершенно игнорировалъ. Жалобами на него и на генерала Зайончека, тоже не совсѣмъ по вкусу приходившагося полякамъ, наполнены всѣ послѣдующія письма Чарторыйскаго къ императору Александру. Въ 1823 году дѣло Виленскаго университета прекратило эту переписку и окончилась 30-лѣтняя дружба.

Скажемъ въ заключеніе два слова о внѣшней, литературной сторонѣ «Записокъ»; — онѣ написаны великолѣпнымъ классическимъ французскимъ языкомъ, характеристики лицъ и событій очень живы и ярки, въ изложеніи виденъ крупный умъ и талантъ, хотя и крайне враждебно настроенный въ отношеніи къ намъ, русскимъ.

А. Вороздинъ.

Судьбы Ирландіи. Публичныя лекціи Г. Е. Афанасьева. Одесса. 1887.

Приватъ-доцентъ Г. Е. Афанасьевъ, извѣстный въ нашей исторической литературѣ большимъ сочиненіемъ о министерской дѣятельности Тюрга и брошюрами о конституціонной исторіи Англіи въ XIX вѣкѣ и о внѣшней политикѣ Наполеона III, читалъ въ мартѣ нынѣшняго года, въ Одессѣ, публичныя лекціи, вышедшія нынѣ изъ печати подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Обращая вниманіе на отношенія Англіи къ Ирландіи, авторъ задается основательнымъ вопросомъ: почему одна изъ самыхъ цивилизованныхъ и передовыхъ странъ въ Европѣ держитъ въ зависимости народъ, «въ которомъ мы находимъ такую громадную бездну страданій, влекущихъ въ свою очередь бездну вражды и ненависти по отношенію къ его поработителямъ». Неужели, спрашиваетъ далѣе авторъ, народъ счумѣвшій такъ хорошо разрѣшать болѣе важныя вопросы государственнаго права у себя дома, не могъ разрѣшить этихъ вопросовъ въ странѣ вѣками съ нимъ связанной? Въ томъ-то и дѣло, что онъ всегда могъ, но никогда не хотѣлъ сдѣлать этого, и Г. Афанасьевъ напрасно говоритъ далѣе: «съ перваго взгляда можно было бы подумать, что борьба на жизнь и смерть между этими двумя народами является слѣдствіемъ лишь извѣстныхъ ненормальныхъ экономическихъ отношеній». Нѣтъ, и съ перваго взгляда на ирландскій вопросъ видно, что онъ зависяетъ не

только отъ экономической, но болѣе всего отъ національной, религіозной и политической розни между двумя національностями, изъ которыхъ одна покорила другую и считаетъ ее низшею расою. Это сознаетъ и авторъ, считающій необходимымъ искать въ прошломъ ирландцевъ разъясненіе ихъ настоящаго положенія. И г. Афанасьевъ рассказываетъ исторію Ирландіи до XVII вѣка вкратцѣ, а съ того времени подробнѣе. Съ нѣкоторыми изъ его взглядовъ нельзя согласиться, какъ на примѣръ, съ тѣмъ, что норманы, покоривъ Ирландію, подчинились ея культурѣ, потому что ирландская раса была цивилизованнѣе норманской. Но въ общемъ историческіе взгляды автора вѣрны. Подробнѣе изложена, во второй лекціи, исторія ирландскаго парламента съ 1783 года, когда англичане принуждены были признать его законодательную независимость. Тутъ же хороши характеристики Питта, О'Коннеля, феніевъ съ ихъ заговорами и возстаніями, Гладстона съ его стараніями заставить Англію относиться къ Ирландіи гуманно и справедливо. Земельное устройство страны составляетъ предметъ третьей лекціи. Авторъ приходитъ къ выводамъ давно сознаннымъ исторіею: политика Англіи всегда состояла не только въ поработеніи, но и въ истребленіи ирландскаго народа. Уступки ему заставило дѣлать не великодушіе, а благоразуміе. Религіозныя преслѣдованія не принесли ничего, кромѣ массы безцѣльныхъ жестокостей. Не смотря на то, что за каждаго пойманнаго католическаго священника выдавалось десять фунтовъ стерлинговъ—столько же какъ и за пойманную волчицу,—въ половинѣ XVIII вѣка въ Ирландіи было 3,000 патеровъ. Мы согласны съ тѣмъ, что идея Гладстона о надѣленіи ирландцевъ землею должна осуществиться, но не видимъ причинъ, почему ирландское землевладѣніе, подобно нашему русскому, должно принять общинный характеръ. Наша община—плодъ вѣкового русскаго строя и не можетъ привиться къ народу, у котораго нѣтъ даже ея зачатковъ. Не совѣмъ вѣрна и та мысль, что въ наше время вопросъ о національности вступилъ мѣсто вопроса о вѣроисповѣданіи. «Какъ прежде стремились обратить всѣхъ подданныхъ государства въ одну вѣру, такъ теперь господствующая національность въ государствѣ стремится поглотить другія, не останавливаясь и передъ насиліемъ». Политическое единство возможно и безъ единства національнаго. Доказательство этому — Австрія, отказавшаяся отъ намѣренія оцѣмечить и окатоличить свои славянскія племена. Г. Афанасьевъ говоритъ справедливо: «если народъ живучъ, то господствующая національность не сотретъ его особенностей и въ результатѣ своихъ усилій претворить его въ себя, получить только ненависть и больше ничего». По аграрному вопросу авторъ приходитъ къ справедливому заключенію, что «владѣніе землей должно находиться подъ контролемъ общественнымъ и подчиняться волѣ общества». Жаль только, что положеніе это не развито г. Афанасьевымъ, отсылающимъ читателя къ книгѣ Генри Джорджа о націонализациі земли и къ разбору этого сочиненія въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1884 года. Въ общемъ брошюра читается съ интересомъ, хотя написана нѣсколько тяжелымъ слогомъ. Странно также, что въ числѣ источниковъ, служившихъ пособіемъ для составленія этихъ лекцій, не названо ни одно англійское сочиненіе.

З. В.

О началѣ христіанства въ Польшѣ. Изданіе Кіевской Археографической Комиссіи. Кіевъ. 1887.

Эта небольшая—всего въ три листа печати—брошюрка составляет перепечатку труда ученаго ректора Кіевской духовной академіи, вполсѣдствіи архіепископа херсонскаго, извѣстнаго церковнаго вѣтїи Иннокентія Борисова († 1857 г.), помѣщеннаго въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1842 годъ. Такъ какъ статья эта осталась едва замѣченною въ малораспространенномъ періодическомъ изданіи, то Археографическая Комиссія признала нужнымъ выпустить ее въ свѣтъ отдѣльной брошюрой. Къ сожалѣнію, въ новое изданіе интереснаго труда не могли быть введены примѣчанія знаменитаго автора, опустившаго ихъ, при первомъ печатаніи статьи, по совѣту графа Уварова, который желалъ пощадить ученаго Мадѣвскаго, раскрытковавшаго Иннокентіемъ; вполсѣдствіи примѣчанія эти утратились и въ настоящемъ изданіи они замѣнены объясненіями, необходимыми для подтвержденія изложенныхъ въ статьѣ положеній.

Трудъ знаменитаго русскаго ученаго и оратора имѣетъ цѣлью доказать, что Польша въ началѣ исторической своей жизни исповѣдовала православную вѣру. Первые сѣмена христіанскаго вѣроученія, по мнѣнію автора, были занесены въ Польшу плѣнными христіанами, обращавшимися, въ удобныхъ случаяхъ, въ проповѣдниковъ Евангелія; содѣйствовали ознакомленію съ христіанствомъ и торговыя сношенія Польши съ Византіей, равно вступленіе на службу византійской имперіи молодыхъ людей знатныхъ польскихъ фамилій, которые возвращались на родину съ зачатками христіанской вѣры или обращенными въ нее. Но, не задаваясь разработкою столь отдаленныхъ и притомъ случайныхъ явленій, авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ просвѣтительной дѣятельности славянскихъ первоучителей Кирилла и Меодія, изъ которыхъ послѣдній, сдѣлавшись архіепископомъ всей Великой Моравіи, перенесъ свои миссіонерскіе труды въ сопредѣльную съ нею Польшу и въ особенности въ отдѣльныя, присоединенныя къ Моравіи части ея—Силезію, Краковъ и Малую Польшу. Чествуя память сихъ первоучителей, польскій народъ молится: «Ты, который удостоилъ признать насъ къ единству св. вѣры чрезъ блаженныхъ пастырей и исповѣдниковъ Твоихъ и нашихъ патронъ, Кирилла и Меодія»... Эта молитва, помѣщенная въ Гнѣзненскомъ служебникѣ, показываетъ, что просвѣтительная дѣятельность славянскихъ апостоловъ простиралась на всю Польшу. Упроченіе христіанства въ этой странѣ было затѣмъ возложено на одного изъ сотрудниковъ Кирилла и Меодія—Висногу, котораго есть основаніе считать первымъ православнымъ епископомъ въ Польшѣ. Въ концѣ IX вѣка Моравія подверглась варварскому нападенію венгровъ; вынужденные спасаться бѣгствомъ въ сосѣднія земли, моравяне явились и въ Польшу, принеся сюда и христіанское вѣроученіе. Мирные христіане-миссіонеры съумѣли вселить къ себѣ довѣріе со стороны мѣстныхъ жителей, которые или сами обращались въ христіанство или проявляли полную вѣротерпимость, давшую миссіонерамъ возможность приступить къ сооруженію первыхъ христіанскихъ храмовъ и открытому совершенію богослуженія. Вскорѣ христіанамъ удалось склонить къ принятію истинной вѣры и самого князя польскаго. Мечиславъ скорбѣлъ отъ бездѣтства, на которое онъ былъ осужденъ слишкомъ чувственною жизнью и многоженствомъ. Христіане убѣдили его вступить въ законный бракъ съ

христіанкою и обратиться къ истинному Богу, который даруетъ ему наслѣдника. Мечиславъ послушался этого совѣта: женившись на богемской княжнѣ Домбровкѣ, онъ принялъ 5-го марта 965 года св. крещеніе отъ православнаго богемскаго священника Боговида и затѣмъ повелѣлъ своему народу, остававшемуся еще въ язычествѣ, бросить своихъ идоловъ и принять христіанство. Народъ послѣдовалъ велѣніямъ своего князя и, такимъ образомъ, Польша озарилась евангельскою истиною и покрылась православными храмами. Не менѣе 120 лѣтъ Польша исповѣдовала восточное православіе, которое было вынуждено сначала раздѣлить свое мѣсто съ западнымъ вѣроученіемъ, а потомъ совершенно уступить ему владычество въ Польшѣ. Съ достаточною подробностію авторъ излагаетъ этотъ переломъ въ религіозной жизни польскаго народа, рассказывая о вліяніи на Мечислава нѣмецкаго императора, заключившаго съ папой конкордаты съ цѣлью обращенія славянскихъ народовъ въ латинскую вѣру, о проискахъ католическаго епископа Іордана и его преемника Унгера, о бесиліи мѣстнаго духовенства противодѣйствовать этимъ проискамъ, о стремленіи Мечислава получить изъ рукъ папы корону, о появленіи въ Польшѣ воспитанника нѣмецкой пропаганды для славянъ, пражскаго епископа Адальберта (Войцѣха), — тонкаго, осторожнаго, но энергичнаго латинскаго миссіонера, повліявшаго на развитіе въ Польшѣ римскаго католицизма и своею проповѣдью и еще болѣе своими мощами послѣ того, какъ поморяне-язычники лишили его жизни, наконецъ, объ упроченіи латинства при Болеславѣ и выразившемся при немъ недовольствѣ со стороны народа къ латинскому духовенству, принесшему странѣ, съ перваго своего въ ней появленія, раздоръ и неурядицы.

Все это рассказано тѣмъ убѣдительнымъ, краснорѣчивымъ языкомъ, которымъ счастливо обладалъ нашъ знаменитый церковный ораторъ.

Брошюра издана и на польскомъ языкѣ. Пожелаемъ ей, въ виду ея историческаго интереса и высокихъ литературныхъ достоинствъ, самаго широкаго распространенія, въ особенности среди нашихъ соплеменниковъ, забывающихъ или скрывающихъ, изъ фанатической преданности римскому католицизму, историческія истины о началѣ христіанства въ ихъ роднѣхъ.

М. Городецкій.

Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изданіе воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Томъ первый. Воронежъ. 1887.

Великолѣпный, напечатанный на превосходной бумагѣ, отличнымъ шрифтомъ, томъ. Въ провинціи, даже въ университетскихъ городахъ, книга, изданная такъ роскошно, — рѣдкость. Это, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь типографіи воронежскаго губернскаго правленія, гдѣ эта книга напечатана. Разсматривая ее съ этой точки зрѣнія, надо признать, что цѣна книги, 420 страницъ, въ 8 долю, 1 р. 50 к., сравнительно даже съ столичными изданіями, замѣчательно дешева. Къ сожалѣнію, къ этому пріятному изумленію, въ данномъ случаѣ, примѣшивается чувство досады, что такъ роскошно издана книга такого бѣднаго содержанія.

Въ предисловіи издатели говорятъ: «Въ первыхъ десяти выпускахъ Воронежскихъ актовъ, изданныхъ нами въ теченіе 1885—1886 гг. подъ назва-

ніемъ «Матеріалы по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній», мы помѣстили, между прочимъ, нѣсколько документовъ мало интересныхъ въ историческомъ отношеніи и частью тождественныхъ по содержанию, руководствуясь единственною цѣлью—спасти наиболѣе пострадавшіе свитки отъ разрушительнаго вліянія времени, и тѣмъ дать возможность впослѣдствіи изъ этихъ выпусковъ, печатавшихся въ количествѣ всего лишь отъ 3 до 50 экземпляровъ, извлечь наиболѣе интересные (изъ числа «мало интересныхъ»?...) документы и издать ихъ отдѣльною книгою съ соблюденіемъ хронологическаго порядка». Такова исторія появленія перваго тома «Воронежскихъ актовъ».

Это, по меньшей мѣрѣ, туманно написанное начало предисловія,—при чемъ не разберешь и дальше, изъ дальнѣйшаго сообщенія издателей, ихъ настоящей цѣли,—какъ нельзя болѣе характеризуетъ подборъ актовъ, грамотъ, отписокъ и прочаго, составляющихъ содержаніе книги.

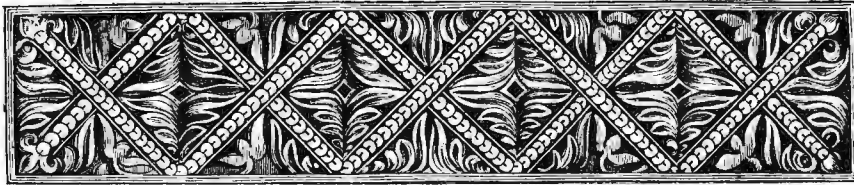
Если все это «наиболѣе интересные» изъ «мало интересныхъ» въ историческомъ отношеніи» документовъ, то зачѣмъ же ихъ было перепечатывать второй разъ? Если же это «наиболѣе интересные» изъ прежде печатавшихся интересныхъ матеріаловъ (можно и такъ понимать), то для чего же ихъ было тогда печатать въ количествѣ всего лишь трехъ экземпляровъ?...

Но, внимательно просмотрѣвъ книгу, придется, къ сожалѣнію, сознаться, что первое толкованіе предисловія вѣрише: книга вся сплошь составлена изъ документовъ «мало интересныхъ въ историческомъ отношеніи», не смотря даже и на то, что многіе изъ нихъ носятъ названіе крайне, повидимому, интересное. Такъ, есть цѣлый рядъ писемъ воронежскихъ и тамбовскихъ воеводъ другъ къ другу во время разинскаго бунта, но и онѣ, подъ стать прочимъ, собраннымъ въ книгѣ документамъ, лишены почти всякаго, не только что историческаго, интереса.

Совершенно понятно, конечно, печатаніе какого нибудь историческаго акта, проливающего хотя бы и самый малый свѣтъ на историческое событіе, историческую личность, наконецъ, просто характеризующаго эпоху, нравы, обычаи; но какой же смыслъ печатать роскошнымъ изданіемъ простыя, совершенно бевсодержательныя отписки сосѣднихъ воеводъ другъ къ другу? Вѣдь такихъ «актовъ» можно въ любомъ губернскомъ архивѣ набрать сколько угодно. Всѣ ихъ и печатать?

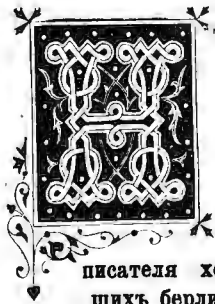
Не о томъ, конечно, рѣчь, чтобы при выборѣ для напечатанія документовъ, ограничиваться лишь особо важными и интересными изъ нихъ—пониманіе слова «интересъ», да еще историческій, расширяется съ каждымъ годомъ: то, что было не интересно или мало интересно для Карамзина и его времени, для Соловьева и Костомарова было ужъ не только интересно, но и драгоцѣнно,—мы не понимаемъ только роскоши въ изданіи документовъ, не составляющихъ никакой рѣдкости и совершенно однородныхъ съ массой подобныхъ имъ, изданныхъ скромно, внимательно и точно, архивными комиссиями сосѣднихъ губерній. Пускай издатели преслѣдуютъ свою благую цѣль—спасаютъ отъ «разрушительнаго вліянія времени» свитки,—но для чего потребовалась тутъ роскошь? Они скорѣе и полнѣе достигли бы этой своей цѣли, если бы отрѣшившись отъ ненужной ни на что роскоши, вмѣсто одного тома, за тѣ же деньги издали бы три, четыре тома, спасли бы отъ «разрушенія» не десять, двадцать свитковъ, а сто, двѣсти.

С. Т.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Сужденіе нѣмецкой журналистики о русскомъ публицистѣ.—Происхождение русскаго нигилизма отъ нѣмецкой философіи.—Ватумъ и бассейвъ Чорока.—Исторія русскаго священника во французскомъ романѣ.—Д. В. Григоровичъ и переводъ его романа, изданный въ Парижѣ.—Европа въ 1887 году въ военномъ отношеніи и съ англійской точки зрѣнія.—Война 1870 года.—Три книги о южной Африкѣ.—Бояры, мисіонеры и чернокожіе.—Защитникъ Наполеона и своихъ собственныхъ выгодъ.—Нѣмцы, изслѣдующіе Францію.—Шведы, знаменитыя на сценѣ и несчастныя въ брачной жизни.

ВМЕЦКІЯ газеты, говоря о смерти Каткова, отдавали справедливость его дарованіямъ, хотя признавали его открыто врагомъ Германіи и причисляли кончину его къ замѣчательнымъ историческимъ фактамъ. Однако, оцѣнка значенія русскаго публициста въ этихъ газетахъ была не полна и нерѣдко пристрастна. Мы ждали отъзывовъ объ немъ отъ ежемѣсячныхъ журналовъ, надѣясь, что они представятъ серьезную характеристику нашего писателя хотя бы и съ нѣмецкой точки зрѣнія. И въ одномъ изъ лучшихъ берлинскихъ органовъ періодической печати, издающемся уже четырнадцать лѣтъ, «Deutsche Rundschau», въ октябрьской книжкѣ, явилась наконецъ статья «Катковъ и его панегиристы» (Katkow und seine Lobredner). Составленная въ формѣ письма изъ Петербурга, статья эта любопытна какъ новое доказательство неприязненныхъ отношеній нѣмецкой журналистики къ Россіи и ея выдающимся дѣятелямъ. Ежедневные органы нѣмецкаго общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, отдавали еще справедливость заслугамъ и талантамъ Каткова. Теперь, слишкомъ черезъ два мѣсяца послѣ его смерти, имѣвъ время отнестись къ нему съ большимъ безпристрастіемъ, они говорятъ объ немъ уже совершенно въ другомъ, прямо враждебномъ тонѣ. Статья начинается съ отрицанія того, что вся Россія сожалѣла о потерѣ Каткова, при чемъ отрицается и его значеніе, уже слишкомъ преувеличенное французскою печатью. Русская печать высказывала

громкое сожалѣніе только потому, что «на него была мода» и газеты не рѣшались противорѣчить общему направленію. Только три московскія газеты, да одна петербургская нашли, что «если слово серебро, то молчаніе золото» — и сказали о смерти Каткова только нѣсколько словъ. «Что органы малоросовъ, поляковъ, балтійскихъ нѣмцевъ и т. д. не могли оплакивать врага защищаемыхъ ими интересовъ—это разумѣется само собою»,—прибавляетъ журналъ. Поляки и остзейскіе бароны — положимъ, но какіе особые интересы должны защищать «малороссы и такъ далѣе»? — этого не объясняетъ авторъ статьи, увѣряя, что черезъ полгода и всѣ въ Россіи заговорятъ иное о Катковѣ. Французская пресса напрасно называетъ его панславистомъ. Онъ былъ пророкомъ панруссизма, противникомъ славянофиловъ и ихъ сумасбродныхъ стремленій къ общеславянской федераціи. Даже въ войну 1870 года былъ онъ противникомъ французовъ и отзывался объ нихъ съ презрѣніемъ. Основнымъ пунктомъ «Московскихъ Вѣдомостей» была вражда къ либерализму и Польнѣ. «Только совершенное незнаніе дѣла можетъ утверждать, что Катковъ заботился о свободѣ, процвѣтаніи и вліяніи русской печати. О Катковѣ никогда не упоминаютъ, говоря о выдающихся русскихъ писателяхъ: Тургеневѣ, Некрасовѣ, Герцевѣ. Онъ хотѣлъ одинъ пользоваться свободою слова и выставялъ всѣхъ своихъ противниковъ чуть не государственными преступниками, призывая противъ нихъ полицейскія мѣры и крича: браво! когда эти мѣры приводились въ дѣйствіе. Онъ порицалъ (beschimpfte) министровъ и генералъ-губернаторовъ, осмѣливавшихся противорѣчить ему. На В. Корша, на Костомарова, на «Голосъ» и даже на Аксакова, онъ обрушивался сильнѣе всякой официальной кары. Онъ впадалъ изъ одной крайности въ другую: отъ либерализма перешелъ къ крайнему абсолютизму». Таковы сужденія предстателей нѣмецкой журналистики о русскомъ публицистѣ. Въ числѣ лицъ, которыхъ Катковъ преслѣдовалъ въ своей газетѣ, авторъ называетъ князя Суворова, Велепольскаго, графа Валуева, Кошелева, забывая, что эти лица держались правительственной системы, противникомъ которой былъ всегда Катковъ и что надо было имѣть особое мужество, чтобы бороться съ такими лицами. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, что французы вовсе не знали Каткова, авторъ приводитъ цитату изъ «Гражданина» князя Мещерскаго, осыпавшаго Деруледа, Флоке и другихъ панигеристовъ Каткова такою же крупною бранью порусски, какъ сдѣлалъ это другой сіятельный авторъ, князь Николай Голицынъ, отставной редакторъ «Варшавскаго Дневника», во французской брошюрѣ, о которой говорилось въ прошлой книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Что нѣмецкое сужденіе сходится съ русскимъ и французскимъ въ лицѣ этихъ сіятельныхъ авторовъ—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но чтобы оно было преобладающимъ въ Россіи, хотя бы только въ высшихъ сферахъ, какъ увѣряетъ сотрудникъ «Deutsche Rundschau» — въ этомъ весьма позволительно сомнѣваться, такъ же какъ и въ томъ, что Катковъ былъ всегда другомъ «старой, доброй Германіи» (Vieille, bonne Allemagne — французское выраженіе въ подлинникѣ). Самъ же авторъ говоритъ, что въ 1870 и даже въ 1866 году Катковъ былъ на сторонѣ враговъ Германіи, предвидя отъ нея возрастающаго могущества опасность для Россіи. Да и похоже ли на старую, добрую Германію нынѣшняя, обратившаяся въ казарму, нація, вооруженная до зубовъ, вызывающая вездѣ столкновенія грубостью и наглостью своихъ заввавшихся, нившихъ агентовъ? Общій выводъ автора тотъ, что Катковъ былъ главою партіи реакціонеровъ въ Россіи, единственнымъ консервативнымъ пуб-

лицистомъ, рѣшившимся поддерживать союзъ съ Франціей, «типическимъ защитникомъ важнѣйшаго шага назадъ, какой когда либо дѣлала великая и богато одаренная нація». Этимъ комплиментомъ оканчиваетъ авторъ свое сужденіе о Катковѣ, котораго «называютъ невабвеннымъ (unvergeszlichen) хотя онъ скоро обратится въ неудобовабываемаго» (unvergeszbaren).

— Брошюры о франко-русскомъ союзѣ продолжаютъ являться на книжномъ рынкѣ и спросъ на нихъ не уменьшается. Одна изъ послѣднихъ, написанная «русскимъ дипломатомъ» носитъ названіе «Франція и Россія, естественные противники Германіи» (France et Russie, les adversaires naturels de l'Allemagne. Par un diplomate russe). Въ выводахъ автора о необходимости тѣснаго союза между двумя націями нѣтъ ничего новаго, но въ брошюрѣ люботны изслѣдованія о происхожденіи нигилизма, которымъ мы всецѣло обязаны Германіи. Еще Функъ Brentano, въ своей книгѣ «Нѣмецкіе софисты и русскіе нигилисты» связывалъ революціонное движеніе нигилизма съ философскими доктринами нѣмцевъ. Петербургскій дипломатъ говоритъ во французской брошюрѣ: «Нигилизмъ — ядовитый плодъ ложной науки, претендующей все объяснить и ничего не объясняющей, выводящей изъ высокихъ принциповъ самыя низменныя заключенія, берущей въ основаніе механическіе законы соотношенія физическихъ силъ для того, чтобы уничтожить независимость человѣческаго разума». На печальныя увлеченія нѣмецкой философіи давно уже указывали многіе публицисты. Нигилистическіе журналы распространены въ цѣломъ свѣтѣ и ведутся большею частью нѣмцами: «Соціаль-демократъ» въ Цюрихѣ, «Мятежникъ» въ Лондонѣ, въ Америкѣ «Тревога», «Пролетарій», «Анархистъ», «Другъ рабочихъ» (Arbeiterfreund) и три «Свободы» на трехъ языкахъ: Freedom, Liberté, Freiheit. «Мы, народъ новый, говоритъ русскій дипломатъ, переняли интеллектуальные пороки у сосѣдней націи, состарившейся прежде времени. Нигилизмъ — болѣзнь чисто нѣмецкая. Въ Германіи онъ процвѣтаетъ. Въ Россіи анархисты не лучше и не хуже французскихъ, но во Франціи онъ проникъ и въ литературу, въ стихи Ришпена «Les blasphèmes», въ «Poemes barbares» новаго члена академіи Леконта де-Лиль».

— Въ брошюрѣ «Батумъ и бассейнъ Чорока» (Batum et le bassin de Tschorok par J. Mourier) авторъ представляетъ подробное топографическое и коммерческое описаніе края, мало извѣстнаго самимъ русскимъ, но имѣющаго несомнѣнную будущность. Древняя военная станція римлянъ при Адрианѣ, Батумъ долженъ сдѣлаться значительнымъ морскимъ городомъ и центромъ торговли для всего Закавказья. Теперь изъ него дѣлаютъ укрѣпленный портъ. Рѣка Чорокъ, главная артерія всей области, служитъ удобнымъ путемъ, по которому мѣстные жители доставляютъ свои произведенія. Авторъ описываетъ также бытъ туземцевъ, ихъ нравы и обычаи. Онъ, очевидно, изучилъ на мѣстѣ этотъ край, и сообщаемыя имъ свѣдѣнія, несомнѣнно, будутъ имѣть интересъ новости, столько же для насъ, какъ и для французовъ.

— Романы изъ русской жизни продолжаютъ интересовать французскую публику. Генрихъ Гревиль написалъ «Никанора» (Nicanor), которымъ очень довольна и критика. Она видитъ въ романѣ много наблюдательности и вѣрности въ изображеніи тонкихъ психическихъ оттѣнковъ, соединенныхъ съ художественнымъ изложеньемъ. Характеры очерчены твердо и вѣрно. Богатый помѣщикъ воспитываетъ тайно своего незаконнаго сына, сначала по долгу совѣсти, но постепенно привязываясь къ нему отцовскою любовью,

растопившею холодъ ихъ взаимныхъ отношеній. Сынъ этотъ, Никаноръ, натура пылкая и мистическая, назначенъ съ колыбели быть деревенскимъ священникомъ и дѣлается имъ. Его женятъ на доброй, но мало образованной жевцинѣ, страстной, любящей своего мужа, который, однако, скоро къ ней охлаждаетъ, такъ какъ она не понимаетъ его стремленій, не раждаетъ его мистическихъ увлеченій. Не понимаетъ ихъ и его паства, добрые, но не развитые крестьяне. Въ деревнѣ находится только одно лицо, Лидія, увлекающаяся также мистическими воззрѣніями, которыя Никаноръ развиваетъ въ ней, во время долгихъ бесѣдъ. Вскорѣ, однако, онъ убѣждается, что въ этихъ бесѣдахъ развивается не одно религіозное чувство и прекращаетъ всякія сношенія съ восторженной Лидіей. Оба, конечно, страдаютъ отъ этой разлуки. Но умираетъ жена Никанора и онъ дѣлается свободенъ. Священникомъ онъ остаться, однако, не можетъ, такъ какъ не можетъ вступать во второй бракъ, и Никаноръ оставляетъ духовное званіе, чтобы соединиться съ Лидіей. Но является новое препятствіе: Лидія оказывается двоюродною сестрою бывшаго священника и бракъ опять дѣлается невозможенъ. Измученный борьбою, Никаноръ умираетъ со словами: «Лидія, мы не будемъ разлучены въ небѣ!» Эта сентиментальная исторія очень нравится парижанамъ, довольнымъ тѣмъ, что въ романѣ изъ русской жизни нѣтъ и признака порнографическаго настроенія, которымъ переполнены современные французскія произведенія.

— Изъ русскихъ беллетристовъ появился и переводъ романа Д. В. Григоровича «Столичные родственники» (*Les parents de la capitale, traduit par Eleonore Tsakny*). Странно, что переводчица выбрала для ознакомленія французовъ съ русскимъ авторомъ одно изъ болѣе слабыхъ его произведеній. Въ предисловіи, Исаакъ Павловскій, дѣлая оцѣнку дарованія г. Григоровича, говоритъ, что первую книгою, прочтенною имъ былъ «Антонъ Горемыка». Почему же было не перевести этого, все-таки болѣе типичнаго произведенія? Лѣтъ черезъ 20 г. Павловскій встрѣтилъ въ Парижѣ своего любимаго писателя, 65-ти лѣтъ, но еще бодрого, свѣжаго, сочувствующаго молодымъ талантамъ и восторгающагося Эмилемъ Зола и Гюи де-Мопасаномъ. Далѣе рассказывается жизнь писателя, его происхожденіе отъ матери-француженки и потомка казаковъ. Не совсѣмъ справедливо замѣчаніе г. Павловскаго, что Григоровичъ прежде Герцена, Тургенева и всего поколѣнія 1840 года началъ не совсѣмъ безопасную по тому времени борьбу противъ крѣпостничества; но значеніе его первыхъ произведеній въ защиту нашего за-бытаго и забытаго крестьянства, оцѣнено вѣрно, хотя г. Григоровичъ и не открывалъ «новыхъ горизонтовъ», и къ нему не обращались «всѣ пламенные души, стремившіяся къ прогрессу». Въ этомъ же восторженномъ тонѣ г. Павловскій разбираетъ еще два романа «Рыбаки» и «Два генерала», хотя и замѣчаетъ, что слогъ автора нѣсколько плоскій и жидкій, но, что, не писавъ ничего въ теченіе 20-ти лѣтъ, когда онъ занимался музеемъ декоративнаго искусства, теперь онъ пишетъ гораздо лучше. Съ этимъ приговоромъ врядъ ли можно согласиться: молодыя произведенія г. Григоровича, не смотря на его увлеченія и недостатки, все-таки выше его послѣднихъ рассказовъ: двадцать лѣтъ отчужденія отъ литературы не могутъ не оставить замѣтныхъ слѣдовъ. Романъ очень хорошо переведенъ г-жею Цакни, переводчицею послѣднихъ рассказовъ Л. Н. Толстого.

— Современное, смутное положеніе Европы возбуждаетъ, конечно, интересъ въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ. Въ одномъ изъ лучшихъ англій-

скихъ журналовъ «Fortnightly Review» появилась по этому предмету обширная статья, вышедшая теперь отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «Настоящее положеніе европейской политики или Европа въ 1887 году» (The present position of european politics or Europe in 1887). Главная мысль автора, Чарльса Дильке, та, что въ наше время грубая, военная сила играетъ въ мірѣ болѣе важную роль, чѣмъ во время паденія Наполеона. Поэтому брошюра болѣе всего обращаетъ вниманіе на государства въ военномъ отношеніи. Германія находится между тремя великими державами, изъ которыхъ двѣ сильны и враждебны ей, а третья, хоть и дружественная, очень слаба. Нѣмецкія границы доступны непріятелю, особенно со стороны Франціи, тогда какъ французскія со стороны Вогезовъ укрѣплены такъ, что вторгнуться во Францію можно только черезъ Бельгію, что, конечно и сдѣлаетъ Германія, вслучаѣ войны, не обращая вниманія на нейтралитетъ, гарантированный преимущественно Англіею, которая, однако, не помѣшаетъ вторженію черезъ эту страну. Въ виду самонащиты, Бельгія, впрочемъ, усилила свою армію и укрѣпляетъ Намюръ и Литтихъ. По мнѣнію автора, Франція не начнетъ сама непріязненныхъ дѣйствій и можетъ дольше оставаться въ выжидательномъ и угрожающемъ положеніи, тогда какъ напряженіе нѣмецкихъ силъ таково, что не выдержать продолжительнаго бездѣйствія. Даже вслучаѣ войны Россіи съ Австріей и Англіею, Франція не рѣшится сводить свои счеты съ Германіей, если не будетъ принуждена къ этому. На 12-й день мобилизаціи Франція будетъ имѣть подъ ружьемъ 1.200,000, не считая 400,000 резерва, гарнизоновъ крѣпостей, алжирскихъ и колониальныхъ войскъ. Не смотря на свою 2½ миллионную армію, Франція настроена миролюбиво. Только Буланже хочетъ войны и можетъ увлечь за собою массы. Онъ очень популяренъ и армія на его сторонѣ, хотя радикалы, которымъ онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, отстранялись отъ него. Авторъ не говоритъ ничего о безтолковой политикѣ правительства, о зависти и враждѣ французскихъ генераловъ другъ къ другу о не любви солдатъ къ офицерамъ. О русской арміи англичанинъ отзывается, конечно, съ недовѣрчивостью къ ея численной силѣ, но сознается, что съ 1878 года она сдѣлала большіе успѣхи: ея артиллерія сильнѣе нѣмецкой и французской, кавалерія многочисленнѣе, чѣмъ въ обоихъ этихъ державахъ вмѣстѣ взятыхъ. «Россія—страна молодая и можетъ только возрастать въ будущемъ. Ея Сибирь—это будущіе Сѣвероамериканскіе штаты. При мобилизаціи русская армія явится въ четырехъ миллионномъ составѣ. Солдаты ея удивительны». О генералахъ авторъ другого мнѣнія. Военную администрацію считаетъ слабою, а низшихъ агентовъ ея доступными подкупу. Громадныя разстоянія въ Россіи и необходимость одновременно защищать границы нѣмецкую, австрійскую, афганскую, китайскую, туркестанскую, уменьшаютъ ея силы. За Индію авторъ не боится, потому что, по его мнѣнію, англичане тамъ болѣе популярны, чѣмъ русскіе, но увѣренъ, что въ столкновеніи Россіи съ Австріей, послѣдняя будетъ побѣждена, если ей не придутъ на помощь Германія или Англія, «что мало вѣроятно». Итальянскую армію авторъ считаетъ хорошею, но слабою въ численномъ отношеніи, а генераловъ ея очень плохими. Что касается до англійской арміи, авторъ сожалеетъ, что она обречена только на оборону страны, и осуждаетъ министерство за сокращеніе военнаго бюджета. Брошюра переведена уже на французскій языкъ подъ названіемъ «L'Europe en 1887».

— Докторъ Франклинъ написалъ «Большія сраженія 1870 года и бл

каду Меца» (The great battles of 1870 and blockade of Metz). Авторъ не былъ, ни свидѣтелемъ, ни участникомъ этихъ сраженій, но изложилъ ихъ по бесѣдамъ съ нѣмецкими офицерами и не разъ побывалъ въ мѣстностяхъ, гдѣ происходили эти битвы. Разбираетъ онъ ихъ съ чисто стратегической точки зрѣнія. О первыхъ сраженіяхъ при Вейсенбургѣ, Шпихеренѣ, Вёртѣ онъ говоритъ вкратцѣ, но дѣлаетъ подробную оцѣнку битвы при Борни, доказывая, что Базенъ могъ не принять тутъ сраженія и, вступивъ въ бой, сдѣлалъ большую ошибку, за которую и заплатился разбитіемъ своей арміи. При Марсъ-Латурѣ нѣмцы едва удержали свои позиціи, послѣ отчаянныхъ усилій. Здѣсь опять у Базена не достало твердости продолжать атаку. Только при Аустерлицѣ и Ватерло—кавалерія играла такую же рѣшающую роль, какъ при Марсъ-Латурѣ. Что касается до Гравелота, то авторъ видитъ тутъ два отдѣльныхъ сраженія, какъ при Ватерло. Подробнѣе всего описано сраженіе при Седанѣ. Въ сожженіи Базейля и истребленіи баварцами крестьянъ, дѣтей и женщинъ, авторъ оправдываетъ солдатъ, такъ какъ жители этой деревни, увлеченные патриотизмомъ, убивали нѣмцевъ какъ могли. Въ разсказѣ о блокадѣ Меца подтверждается, что Базенъ былъ трусъ и предатель. Книга читается съ интересомъ, не смотря на то, что объ этомъ предметѣ было уже много писано.

— О южной Африкѣ вышли три сочиненія, представляющія подробное описаніе этой страны. Первое «Исторія боврсовъ въ южной Африкѣ» (History of the Boers in South Africa), написано Тилемъ, долгое время служившимъ въ Капской колоніи. Тиль противорѣчитъ общепринятому мнѣнію относительно безчеловѣчнаго обращенія боврсовъ съ туземными жителями колоніи, басутосами, зато обвиняетъ кафровъ въ чрезмѣрныхъ жестокостяхъ. Онъ подробно описываетъ вторженіе кафровъ въ колонію въ 1834 году и говоритъ, что единственною причиною оставленія боврсами колоніи было уничтоженіе въ ней рабства англичанами. Потомки голландскихъ рабовладѣльцевъ не могли примириться съ положеніемъ вещей, лишившимъ ихъ возможности имѣть въ своемъ распоряженіи рабочую силу въ лицѣ чернокожихъ невольниковъ. Еще Ливингстонъ обвинялъ боврсовъ въ томъ, что они, преслѣдуя туземцевъ, спасавшихся отъ истребленія въ пустыню Калагаря, сожгли его домъ и даже священныя книги миссіонера. Боврсы, въ свою очередь, обвиняли въ этомъ дикарей, у которыхъ, однако, отняли 300 женщинъ и дѣтей, когда мужья и отцы ихъ бѣжали въ пустыню. Поступокъ этотъ оправдывали тѣмъ, что боврсамъ нужны были заложники. Ведя войну съ Сешели, предводителемъ племени Бакуэновъ, боврсы обвиняли Ливингстона въ томъ, что онъ снабжалъ дикарей порохомъ и оружіемъ. Тиль не опровергаетъ этихъ обвиненій, а только объясняетъ ихъ тѣмъ, что миссіонеръ отправился въ Африку для просвѣщенія и защиты туземцевъ, а не для помощи боврсамъ. Книга оканчивается исторіей основанія боврсами двухъ независимыхъ республикъ на сѣверовостокѣ отъ Капской колоніи.—Элива Фильденъ описала «Мое пребываніе въ Африкѣ, или лѣсная жизнь въ Наталѣ» (My african home or bush life in Natal). Приѣхавъ съ мужемъ миссіонеромъ въ Наталь, она провела тамъ пять лѣтъ въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ борьбѣ съ природою и лишениями, невыносимыми для европейца между дикарями, подвергаясь ежедневнымъ опасностямъ. Эта книга даетъ ясное понятіе о внутренней жизни въ Африкѣ, такъ же какъ и сочиненіе Джемса Макинова «Очерки южной Африки» (South afrikan traits); авторъ

пресвитеріанскій священникъ, оставившій Шотландію въ 1881 году для того, чтобы распространять христіанское ученіе между туземцами Капской колоніи. Онъ также долго жилъ между боэрами, выучился голландскому языку, сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ и былъ даже учителемъ въ коллегіи, основанной боэрами въ Стеленбошѣ. Но въ эту коллегію принимались только дѣти европейцевъ. Макинонъ попробовалъ помѣстить туда одного мальчика, крещенаго кафра, одареннаго блестящими способностями, но бѣднаго ученика изгнали остракизмомъ его товарищи только за его чернокожее происхожденіе, и онъ вскорѣ умеръ отъ горя и лишеній. Пуританская нетерпимость не хотѣла даже допустить возможности приобрѣсть туземцу образованіе, приличное однимъ европейцамъ.

— Мы говорили уже о книгѣ Тэна, отдѣлавшаго и Наполеона послѣ республики. Отъѣвъ публициста объ императорѣ отличался такою же рѣзкостью, какъ и о дѣятеляхъ революціи, но гораздо большею справедливостію. Дворяродный братъ седанскаго героя и глава бонапартизма Жеромъ-Наполеонъ вздумалъ почему-то обидѣться сужденіями Тэна и опровергнуть ихъ, хотя и прежде Ланфре, Къине, Гюго и другіе писатели высказывали еще болѣе горькія истины по адресу основателя наполеоновской династіи. «Красный принцъ» издалъ цѣлую книгу подъ названіемъ «Наполеонъ и его хулители» (*Napoléon et ses detracteurs*). Книга, конечно, наполнена громкими фразами, напыщенными возгласами, жалкими словами, но не уничтожаетъ ни одного обвиненія, введенонаго писателемъ на императора, слава котораго стѣbila челоуѣчеству 1.200,000 французскихъ солдатъ и до полутора милліона другихъ національностей. Человѣкъ этотъ — олицетвореніе безсердечнаго эгоизма, разворывшій Францію, подвергнувшій ее дважды непріятельскому вторженію, обрисовавъ Тэномъ вѣрными, хотя и непривлекательными красками, и никакіе родственники не измѣняютъ строгаго приговора надъ нимъ неподкупной исторіи. Авторъ наполеоновскаго панегирика поймалъ нѣсколько промаховъ Тэна въ цитатахъ, взятыхъ имъ изъ другихъ историковъ и, на основаніи этихъ незначительныхъ ошибокъ, заподозриваетъ правдивость автора «*Les origines de la France*». Но историкъ, не побоявшійся въ этой книгѣ востановить противъ себя всѣ республиканскія партіи, низведя съ пьедесталовъ всѣхъ дѣятелей революціи, отличается такою искренностію своихъ убѣжденій, которую не поколебать никакому защитнику наполеонидовъ. Книга издана явно съ единственной цѣлью напомнить о существованіи прямого наслѣдника великаго имени, порядочно-таки запачканнаго седанскимъ преэминникомъ корсиканца.

— Нѣмецкая литература наполнена не только брошюрами о защитѣ Рейна, о военныхъ приготовленіяхъ Франціи, о неизбежномъ столкновеніи двухъ націй,—она зорко наблюдаетъ также за французскими нравами и обычаями и выпускаетъ въ свѣтъ множество *Sittengeschichten*, *Culturbilder* и т. п. Извѣстный публицистъ Максъ Нордау издалъ «Избранныя парижскія письма и культурные очерки» (*Ausgewählte Pariser-Briefe, Culturbilder*). Нордау—даже «не выпущенный изъ каторги пруссакъ», какъ называлъ себя Гейне,—онъ родомъ изъ Вѣны. Онъ долго жилъ въ Парижѣ и, какъ его предшественникъ, корреспондентъ «*Neue Freie Presse*», Цаллингъ, писалъ политическія письма, изданныя теперь отдѣльною книгою. Онъ занимается больше финансами Франціи, и книга его начинается двумя большими эпизодами: «До краха» и «Послѣ краха». Далѣе идутъ интересныя подробности о зна-

ченіи салоновъ во Франціи и роли женщины въ ея общественной и политической жизни. Въ парижскихъ салонахъ авторъ встрѣчаетъ мало парижанъ, — все иностранные дипломаты, жидовскіе банкиры, русскіе генералы (Нордау умалчиваетъ только о нѣмецкихъ шпионахъ). Иногда онъ дѣлаетъ странные выводы: такъ, по маленькимъ столикамъ въ ресторанахъ онъ заключаетъ, что французы не любятъ общества, застоельныхъ бесѣдъ въ большомъ кругу. По нѣкоторымъ романамъ находить, что парижанинъ—благеръ, склоненъ смѣяться надъ всѣмъ, не любитъ ничего серьезнаго. Нигдѣ онъ не видитъ національнаго вкуса, вездѣ и во всемъ преобладаетъ скоропреходящая мода. Нордау называетъ себя фельетоннымъ изслѣдователемъ Парижа (ein feuilletonistischer Entdecker von Paris) и даже въ слогѣ его книги видно влияние на него французскаго духа.

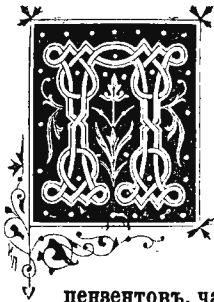
— Другой, настоящій берлинецъ, Петерсенъ, написалъ: «Изъ Франціи, картины и эскизы». (Aus Frankreich, Bilder und Skizzen). Авторъ прямо говоритъ, что смотритъ на Францію съ точки зрѣнія нѣмца, предпочитающаго всему свое отечество, хотя и отдающему справедливость другимъ странамъ. О Франціи онъ отзывается симпатично. Онъ говоритъ не только о столицѣ, но и о сельской жизни, о крестьянахъ Нормандіи, рисуетъ портреты провинціаловъ, замѣчаетъ, что даже зажиточные фермеры хорошо относятся къ жандармамъ и завидуютъ имъ потому, что «имъ жить хорошо». Особенно удачны у него характеристики рабочихъ, какъ сельскихъ, такъ и парижскихъ, обитателей квартала трипичниковъ и другихъ захолустьевъ столицы. Книга читается вообще легко и оставляетъ пріятное впечатлѣніе своимъ безпристрастіемъ и умѣренностью.

— А. Когутъ издалъ любопытный этюдъ «Трагическіе браки примдоннъ» (Tragische Primadonnen-Ehen). Вѣрное въ историческомъ и біографическомъ отношеніи, это изслѣдованіе замѣчательно и съ психологической точки зрѣнія. Почему большинство браковъ, въ которые вступали знаменитыя пѣвицы, имѣло печальный конецъ? Авторъ не рѣшаетъ этого вопроса, но представляетъ множество фактовъ для его оцѣнки, приводя въ примѣръ печальную развязку этихъ браковъ: пѣвицы Елизаветы Шмелингъ съ виолончелистомъ Маря, Франчески Куццони съ музыкантомъ Савдони, Фаустины Бордоне и учителя музыки Югана Гассе, Агнесы Шебестъ и знаменитаго философа Давида - Фридриха Штрауса, Вильгельмины Шредеръ и ея обоихъ мужей—Карла Девриента и Деринга, Генріеты Зонтагъ и графа Росси, наконецъ, Аделины Патти и маркиза Ко. Въ лучшихъ случаяхъ, всѣ эти браки кончались разводомъ, иные смертью. Примѣровъ подобныхъ несчастныхъ браковъ можно было найдти еще больше въ мірѣ художниковъ, писателей, вообще въ сферѣ таланта и интеллигенціи.

С М Ъ С Ъ.

РИСУЖДЕНИЕ премій митрополита Макарія. 19-го сентября, въ Академіи Наукъ, въ публичномъ засѣданіи, непремѣннымъ секретаремъ читался отчетъ о второмъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго. Присуждаемая Академіею черезъ каждые два года преміи эти составляютъ въ итогѣ 6,000 рублей и раздѣляются на двѣ полныя по 1,500 рублей каждая и три неполныя, по 1,000 рублей. На совсканіе ихъ въ настоящемъ году было представлено семнадцать сочиненій, въ томъ числѣ три рукописныхъ; коммисія избрала специальныхъ рецензентовъ, частью изъ среды академикковъ, частью изъ постороннихъ ученыхъ. По полученіи рецензій на всѣ сочиненія, за исключеніемъ двухъ,— вслѣдствіе чего эти послѣднія отложены до слѣдующаго макаріевскаго конкурса,—коммисія, обсудивъ сравнительное достоинство трудовъ, положила два сочиненія удостоить полныхъ и три не полныхъ премій. Первою полною преміею увѣнчано сочиненіе пр. И. В. Мушкетова: «Туркестанъ — геологическое и орографическое описаніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествій съ 1874 по 1880 годъ». Одинъ томъ въ 2-хъ частяхъ. Вторую полною преміею увѣнчано сочиненіе генералъ-майора А. Н. Петрова: «Война Россіи съ Турціею 1806—1812 годовъ». Первый томъ печатный, второй и третій въ рукописи, съ приложеніемъ атласа картъ. Въ обстоятельной рецензії, составленной профессоромъ академіи генеральнаго штаба, генералъ-лейтенантомъ Генр. Ант. Лееромъ, критикъ подвергъ подробному разбору составъ и значеніе труда Петрова, служащаго продолженіемъ двухъ прежнихъ сочиненій того же автора о турецкихъ войнахъ: «Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1767 по 1774 годъ» и «Вторая турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II (1787—1791 гг.)». Это послѣднее было удостоено отъ Академіи преміи графа Уварова. Не смотря на нѣкоторые недостатки, сочиненіе А. Н. Петрова представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ литературу нашихъ турецкихъ войнъ, изслѣдованію которыхъ авторомъ посвященъ 27-лѣтній усиленный, настойчивый и въ высокой

степени добросовѣстный трудъ. Неполная премія присуждена генералъ-майору Ал. Каз. Пузыревскому за его сочиненіе «Польско-русская война 1831 года». Специальнымъ разборомъ этого изслѣдованія занимался членъ академіи, генералъ-майоръ Н. Ѳ. Дубровинъ. Второй неполною премією награжденъ Степ. Осип. Макаровъ за сочиненіе «Объ обмѣнѣ водъ Чернаго и Средиземнаго морей». Третье сочиненіе, Дм. Цвѣтаева, уиѣнчанное неполною макаріевскою премією, составляетъ цѣнный вкладъ въ исторію иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Опѣнка этого труда была для Академіи облегчена рецензією профессора Н. М. Карѣева. Книга Дм. Цвѣтаева состоитъ изъ двухъ частей: первая посвящена протестантизму, а во второй рассматривается вопросъ о построеніи въ Москвѣ перваго католическаго костела, въ связи съ сопровождавшими его обстоятельствами; кромѣ того, къ книгѣ приложено большое число еще неизданныхъ доселѣ документовъ, относящихся до разныхъ предметовъ изслѣдованія. Изъ прочихъ сочиненій, участвовавшихъ въ настоящемъ совсканіи, коммиссія признала достойнымъ преміи сочиненіе Г. И. Радде «Орнитологическая фауна Кавказа. (Ornis Caucasia). Систематическое и біолого-географическое описаніе кавказскихъ птицъ», а за раздачею всѣхъ бывшихъ въ ея распоряженіи наградъ, коммиссія присудила ему почетный отзывъ. Сочиненіе Радде издано при пособіи е. и. в. великаго князя Николая Михайловича на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ многочисленными рисунками.

Археологическій отдѣлъ Енотеринбургской выставки. Присланная на эту выставку коллекція казанскаго профессора Высоцкаго состоитъ изъ вещей, добытыхъ въ курганахъ Костромской губерніи и Чудскихъ городищъ и костенищъ (Пермской губерніи и Сибири), кромѣ того, желѣзныя мѣдныя и бронзовыя издѣлія изъ Казанской и Вятской губерній. Особенно богата группа каменныхъ орудій. Въ ней 539 нумеровъ на 27-ми таблицахъ. Большая часть каменныхъ орудій сдѣлана изъ кремня, но есть орудія и изъ кварцевъ, песчаника, діорита, гранита и т. п. Много обломковъ посуды. Есть и долота, и ножи, и скребни. Особенною вниманія заслуживаетъ прекрасно сохранившійся горшечекъ, украшенный по краю узоромъ въ видѣ угловатыхъ впадинъ, а по его шейкѣ идетъ узоръ еще болѣе сложный; г. Высоцкій представилъ 4 коробки костяныхъ издѣлій. Двѣ изъ нихъ заключаютъ вещи, найденныя въ Россіи, а остальные изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ, при чемъ между русскими и швейцарскими вещами большое сходство. Кромѣ того, въ его коллекціи есть бронзовыя и мѣдныя издѣлія. Особенно интересны вещи изъ ананьевскаго могильника, Елабужскаго уѣзда, Вятской губерніи. Этотъ могильникъ былъ разрываемъ разными учеными и раскопанъ окончателно г. Повомаревымъ. Въ собраніи г. Высоцкаго изъ этого могильника есть бронзовая пряжка, бусы, наконечники стрѣлъ кремневые, бронзовые и желѣзные, урны съ выпуклымъ полушарообразнымъ дномъ и узоромъ по краю. Послѣ казанскаго отдѣла по богатству предметовъ первое мѣсто занимаетъ коллекція Ф. А. Теплоухова, собранная его отцомъ—извѣстнымъ археологомъ. Въ ней болѣе 700 предметовъ. Коллекція состоитъ изъ вещей бронзоваго и мѣднаго вѣка. Замѣчательны мнелогическія изображенія людей и животныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній единственныя и, какъ думаютъ спеціалисты, не имѣютъ цѣны. Интересны образцы чудскихъ ральниковъ для обработки земли. Географическое общество выставило принадлежащую ему коллекцію Малахова: «Доисторическій человѣкъ на Уралѣ». Въ ней есть и каменные орудія, и обломки посуды, а также деревянныя и желѣзныя издѣлія. Къ сожалѣнію, какъ коллекція Малахова, такъ и Теплоухова не имѣютъ каталога. Что же касается до археологическаго каталога выставки, то про него можно только сказать, что онъ очень кратокъ, и что въ немъ многія коллекціи только отмѣчены, безъ перечисленія ихъ содержанія. Изъ другихъ коллекцій обращаютъ вниманіе

собранія Зырянова и Клера. Кромѣ того, въ горнозаводскомъ отдѣлѣ выставки есть также археологическія вещи, которыя совсѣмъ не значатся въ каталогѣ, и найдены на Язевскомъ золотомъ приискѣ. При разрѣзѣ въ 10—11 аршинъ найденъ черепъ и нѣсколько каменныхъ орудій, стрѣлы и проч. И въ витринѣ г. Базилевскаго также выставлены предметы, найденные въ разныхъ мѣстахъ. Вещи бронзоваго вѣка изъ Вѣринскаго прииска, Оренбургской губерніи, Верхнеуральскаго уѣзда, также предметы каменнаго вѣка: каменный топоръ съ казенныхъ дачъ около поселка Кулахта и другія каменные вещи, изъ нихъ болѣе интересны ножи съ кремневыми ручками. Въ археологическомъ отдѣлѣ выставлено много старинныхъ монетъ и денегъ, относящихся преимущественно къ XVII и XVIII вѣкамъ. Серебряная римская монета Антонина Пія VI предлагается за 500 рублей. Изъ стариннаго оружія хороша сѣкира, найденная въ окрестностяхъ Нижне-Уральскаго завода, и пушка вѣсомъ въ 2 пуда 25 ф., отлитая въ 1679 году. Минусинскій музей выставилъ двѣ стѣнные таблицы фотогравюръ и фотографическихъ снимковъ съ археологическихъ предметовъ музея. Какъ извѣстно, Минусинскій музей принадлежитъ къ замѣчательнымъ провинціальнымъ музеямъ. Извѣстный Пояровъ представилъ 10 фотографическихъ снимковъ съ несторіанскихъ могильныхъ памятниковъ, найденныхъ въ Семирѣченской области, около Токмака. Снимки съ надписей отправлены въ Парижъ, такъ какъ прочесть ихъ тутъ никто не могъ. Генераль-лейтенантъ Барановъ выставилъ часть каменной стѣны (съ барельефами плита), окружающей гробницы Тамерлана въ древнѣйшей мѣстности Самарканда. Для художниковъ и архитекторовъ эти барельефы представляютъ значительный интересъ.

Осьмнадцатый годово́й отчетъ Общества распространенія св. Писанія въ Россіи за 1886 годъ. Прошлый годъ былъ, для дѣлъ Общества, благопріятенъ не мѣнѣ предыдущаго. Св. книгъ распространено 90,076 экземпляровъ (въ томъ числѣ подаренныхъ 8,497); избытокъ прихода надъ расходомъ составилъ 1,526 рублей и, такимъ образомъ, капиталъ Общества (въ деньгахъ, книгахъ, вещахъ и долгахъ на разныхъ мѣстахъ и лицахъ), за исключеніемъ долговъ, лежащихъ на Обществѣ, возросъ до цифры 10,138 рублей. Цифра, конечно, скромная для Общества, распростирающаго свою дѣятельность на всю имперію и вступающаго въ 25-й годъ своего существованія (съ 1863 г.); но если вспомнить, что еще въ началѣ 1883 года цифра эта, вслѣдствіе дефицитовъ, ниспала до 3,575 рублей, то члены Общества должны быть весьма довольны достигнутымъ, въ этомъ отношеніи, результатомъ. Результатъ этотъ достигнутъ былъ частію вслѣдствіе увеличенія пожертвованій, а частію отъ сокращенія нѣкоторыхъ расходовъ. Такъ, почти половина книгоношъ, содержится теперь на счетъ щедрой субсидіи Американскаго библейскаго Общества, подавашаго русскому Обществу руку братской помощи.

Главными дѣятелями, какъ и всегда, были члены-книгоноши. Ихъ немного всего семь, но своимъ усердіемъ, умѣніемъ и самоотверженіемъ они восполняютъ свою малочисленность: ими распространено около половины всего количества книгъ. Всего съ основанія Общества въ 1863 году распространено 1.140,210 экземпляровъ св. книгъ.

Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго Православнаго Братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери за 1886 годъ. Въ теченіе отчетнаго года состоялось въ Петербургѣ два общіхъ собранія по центральному управленію Братства. На нихъ рассмотрѣны отчетъ о дѣятельности Братства и журналъ ревизіонной комиссіи за 1885 годъ, которые были одобрены и единогласно утверждены. Разрѣшено также открытіе мѣстнаго отдѣленія Братства въ г. Гольдингенѣ, Курляндской губ., и утвержденъ уставъ, опредѣляющій районъ дѣятельности и правила о дѣйствіяхъ этого отдѣленія.

Въ качествѣ мѣстныхъ органовъ, преслѣдующихъ общія цѣли Братства и способствующихъ ближайшему ихъ осуществленію, дѣйствовали въ отчетъ-

номъ году три отдѣленія: Эстляндское, въ Ревелѣ, учрежденное въ 1883 году и имѣющее своимъ райономъ Эстляндскую губернію; Гривское, въ м. Гривѣ, Иллукстскаго уѣзда, Курляндской губ., учрежденное въ 1884 году, и Гольдингенское, въ Гольдингенѣ, Курляндской губ., учрежденное въ іюнь отчетнаго 1886 года. Распространяя свою дѣятельность на всю Курляндскую губернію, отдѣленіе это имѣетъ въ особенности цѣлю ближайшее завѣдываніе братскими учрежденіями и недвижимостью въ Гольдингенѣ и его окрестностяхъ. Эстляндское и Гольдингенское отдѣленія доставили подробные отчеты о дѣятельности своей за истекшій годъ. Что же касается, учрежденнаго въ концѣ 1885 года, Филлинскаго отдѣленія Братства, Лифляндской губерніи, то оно открыло свои дѣйствія только въ самомъ концѣ 1886 года и потому не доставило отчетныхъ свѣдѣній. Въ отчетномъ же году возникло предположеніе объ устройствѣ еще отдѣленія Братства въ м. Іевве, Эстляндской губ., но открытіе отдѣленія послѣдовало лишь въ нынѣшнемъ году. Къ числу мѣстныхъ братскихъ органовъ относятся также учрежденный въ Ригѣ съ 1883 года Строительный комитетъ по возобновленію Якобштадтскаго храма. Комитетъ этотъ въ отчетномъ году продолжалъ свои занятія въ прежнемъ составѣ.

18-ю церквями пожертвовано значительное количество богослужебной утвари. Частныя лица, братчики и нѣкоторые изъ членовъ совѣта Братства, въ свою очередь, пополняли братскій вещевой запасъ своими приношеніями на церковныя надобности. Такая помощь являлась тѣмъ болѣе необходимою, что въ концѣ 1885 и въ теченіе 1886 годовъ возникло нѣсколько новыхъ православныхъ приходовъ какъ въ Эстляндской, такъ и въ Курляндской губерніяхъ, и устраиваемыя въ этихъ приходахъ временныя церкви и молитвенныя дома нуждались въ полномъ обаведеніи утварью, облаченіями, книгами и иконами, съ постановкою, кромѣ того, въ нихъ иконостасовъ.

Гапсальскаго уѣзда, на о. Вормсѣ, приступлено къ постройкѣ церкви на счетъ капитала, пожертвованнаго пожизненнымъ братчикомъ С. Л. Васильевымъ, съ общаіемъ усилить эту сумму примѣрно до 8,000 р. Пока устроенъ и освященъ временной молитвенный домъ, для обстановки коего совѣтъ Братства выслалъ необходимое количество готовыхъ принадлежностей и иконъ.

Въ г. Пильтенѣ, Курляндской губ., отстоящемъ отъ Гольдингена въ 37 верстахъ, и его окрестностяхъ, значительная часть мѣстнаго иновѣрскаго населенія перешла, въ минувшемъ году въ православіе, въ виду чего совѣтъ Братства ассигновалъ по 400 руб., въ теченіе трехъ лѣтъ, на наемъ въ Пильтенѣ школьно-молитвеннаго дома. Государыня императрица пожертвовала Пильтенской церкви икону Казанской Божіей Матери въ серебряной вызолоченной ризѣ. Во вновь открытой Пильтенской вспомогательной школѣ обучалось въ отчетномъ году 32 ученика. Почти одновременно съ устройствомъ церкви и школы въ Пильтенѣ, было обращено вниманіе на установленіе постоянного православнаго богослуженія въ смежномъ мѣстечкѣ Гольдингенскаго уѣзда — Фрауенбургѣ, гдѣ также достаточное число православныхъ, но богослуженіе тамъ совершалось лишь изрѣдка и не имѣлось для того особаго помѣщенія. Открытіе семинаріи, переименованной изъ «Прибалтійской» въ «Гольдингенскую русскую учительскую семинарію», въ новомъ помѣщеніи состоялось при торжественной обстановкѣ. Открыта также при двухклассномъ училищѣ еще элементарная школа, въ которой преподаваніе ведется практикующими учениками семинаріи. Общее число учениковъ увеличилось по сравненію съ предыдущимъ годомъ въ Гольдингенскомъ братскомъ училищѣ съ 100 человекъ до 145, а въ Евгеньевской школѣ почти вдвое—до 60 человекъ. При этомъ, за недостаткомъ помѣщенія, пришлось еще отказать въ приемѣ 55 человекамъ, желавшимъ поступить въ двухклассное училище. Содержаніе училища обошлось около 3,000 рублей, а школы—

около 500 рублей. Устроенное Братствомъ при св. Духовской церкви въ г. Якобштадтѣ русское начальное училище, въ память посвѣщенія въ минувшемъ году великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и великою княгинею Маріею Павловною, наименовано «Владиміро-Маріинскимъ». Къ училищу принадлежитъ земельный участокъ, дающій аренднаго дохода до 400 рублей въ годъ. Къ 1-му мая 1886 года въ школѣ было учениковъ 134, въ томъ числѣ 73 православныхъ, 8 раскольниковъ и 53 иновѣрца. Сверхъ приведенныхъ затратъ по Гольдингенскому и Якобштадтскому училищамъ, были оказаны еще восьми православнымъ народнымъ школамъ Прибалтійскаго края пособія. Также пособія учителямъ, ученикамъ и бѣднымъ, вообще, изъ обывателей или уроженцевъ Прибалтійскаго края.

По утвержденной смѣтѣ открытъ Совѣту Братства кредитъ на религиозно-нравственныя изданія въ размѣрѣ 1,850 рублей, на покрытие долга типографіи Платеса 1,215 руб. 50 коп. за изданіе книги о. Послѣлова (въ латышскомъ переводѣ) и за предпринятая уже ранѣе изданія «Часослова» и «Посланій» митрополита Платона, на восточномъ и латышскомъ языкахъ.

Къ 1-му января отчетнаго года въ кассѣ Братства оставалось наличными деньгами и въ процентныхъ бумагахъ, по номинальной стоимости, 216,790 р. 56 к.; изъ нихъ 188,015 р. 75 к. составляли неприкосновенный капиталъ, общій и специальный, а 28,774 р. 81 к. расходную сумму.

Сентябрскіе юбилеи. Сентябрь былъ особенно богатъ юбилеями, отпразднованными въ Петербургѣ. 1-го сентября, состоялось скромное чествованіе извѣстнаго археолога, Павла Ивановича Саввантова, по случаю пятидесятилѣтія со дня служенія его обществу. Уроженецъ Вологодской губерніи, питомецъ тамошней духовной семинаріи и петербургской академіи, П. И. Саввантовъ, былъ выпущенъ изъ академіи со степенью магистра въ 1838 году. Двѣнадцатый курсъ петербургской духовной академіи былъ вообще богатъ общественными дѣятелями. Къ этому курсу принадлежатъ архіепископъ Іоанникій, профессоръ академіи В. Долоцкій, членъ снвода И. Рождественскій, петербургскіе протоіереи Н. Содальскій, В. Фортунатовъ, и др. Здравствующихъ питомцевъ духовной академіи означеннаго курса осталось немного. Не смотря на скромную дѣятельность профессора петербургской духовной семинаріи по классу «священное писаніе», онъ успѣлъ составить себѣ имя археолога: изъ первыхъ печатныхъ трудовъ его извѣстны грамматика, зырянскаго языка и герменевтика, изъ позднѣйшихъ—изданіе подъ его редакціею Четьи-Мнѣи и нѣкоторыхъ древнихъ актовъ. Въ виду этихъ трудовъ, въ квартиру юбиляра собрался кружокъ его почитателей. Ему поднесли адреса здѣшняя духовная семинарія, гдѣ онъ преподавалъ болѣе тридцати лѣтъ, и духовная академія, гдѣ онъ получилъ высшее образованіе.

Второй юбилей былъ Ивана Александровича Мельникова, талантливаго пѣвца русской оперы. Онъ родился 21-го февраля 1832 года; восемнадцатилѣтнимъ юношей окончилъ съ большимъ успѣхомъ курсъ въ вѣдшемъ коммерческомъ училищѣ, и родители артиста, купцы по происхожденію, готовили молодого человека къ коммерческой дѣятельности. Но любовь къ музыкѣ, зародившаяся въ немъ съ раннихъ лѣтъ его жизни, всецѣло направила его на тотъ путь, къ которому онъ чувствовалъ настоящее призваніе. Посѣщая любительскіе музыкальные кружки, въ которыхъ И. А. принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ виолончелиста-любителя, онъ развивалъ свои способности и познанія, играя въ дуэтахъ, тріо и квартетахъ. Первымъ серьезнымъ шагомъ его на музыкальномъ поприщѣ было поступленіе въ бесплатную музыкальную школу, открытую въ пятидесятыхъ годахъ покойнымъ Ломакнинымъ. Подъ руководствомъ этого музыкальнаго дѣятеля, однѣншаго выдающагося дарованіе молодого ученика, г. Мельниковъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что уже 11-го марта 1862 года въ первый разъ публично пѣлъ въ концертѣ безплатной музыкальной школы, въ залѣ дворянскаго собранія, въ

которомъ онъ исполнилъ «Четыре времени года» Гайдна, съ огромнымъ успѣхомъ. И. А. обратилъ на себя вниманіе принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, чутко относившагося къ интересамъ русской музыки и къ нуждамъ ея дѣятелей. Благодаря участию принца, И. А. пѣлъ при дворѣ, въ день рожденія императрицы Маріи Александровны и, между прочимъ, исполнилъ балладу на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненную его высокими покровителемъ. Въ 1865 году г. Мельниковъ началъ брать уроки пѣнія у Репетто, который и довершилъ музыкальное образованіе артиста, подготовивъ его къ дебюту на сценѣ Маріинскаго театра, состоявшемуся на 36-мъ году его жизни, 24-го сентября 1866 года. Съ этихъ поръ имя И. А. приобрѣло такую извѣстность, что въ 1869 году г. Мельниковъ, по приглашенію англійскихъ антрепренеровъ Элла и Бенедикта, принималъ участіе въ лондонскомъ Crystal Palace (Хрустальномъ дворцѣ), въ концертѣ котораго онъ привелъ въ восторгъ тамошнюю публику исполненіемъ аріи изъ «Трубадура» и баритонной аріи изъ «Диноры». Полный расцвѣтъ силъ и таланта пѣвца относится къ 70-мъ годамъ. 26-го января 1871 года, при небывалой роскоши постановки возобновленнаго «Руслана», И. А. въ первый разъ исполнилъ партію Руслана, лучшую роль своего репертуара, доставившую ему столько же заслуженныхъ лавровъ, сколько и упрочившую за даровитымъ артистомъ заслуженную славу. Онъ пѣлъ въ сорока операхъ и исполнялъ всѣ роли съ одинаковымъ успѣхомъ.

26-го сентября, Академія Художествъ общимъ торжественнымъ собраніемъ чествовала пятидесятилѣтній юбилей славной художественной дѣятельности Ивана Константиновича Айвазовскаго. Собраніе представляло необычайное торжество въ честь нашей отечественной живописи, въ честь таланта, и неутомимаго трудолюбія. Въ Рафаэлевской галлерей выставлены были три картины юбиляра: «Штиль», съ которой И. К. въ 1837 году выступилъ изъ Академіи съ первою золотою медалью на художественное поприще, «Пушкинъ на берегу моря» и «Волга около Жигулей», какъ воспоминаніе о великомъ русскомъ поэтѣ и о жизни на великой русской рѣкѣ. Въ актовомъ залѣ установленъ былъ гипсовый бюстъ виновника торжества, вылѣпленный художникомъ А. Бѣляевымъ въ 1841 году, когда И. К. былъ еще пенсионеромъ Академіи. Бюстъ декорированъ былъ растениями. Въ академической конференцъ-залѣ собрались разныя депутаціи, почетные члены, профессора, академики и вольные общники академіи, ея ученики и многочисленная интеллигентная публика. Юбилейное торжество открылось привѣтствіемъ августѣйшаго президента, который, передавая юбиляру орденъ Владиміра второй степени, пожелалъ ему еще долго служить на славу и гордость родного искусства. Троекратный тушъ слѣлся съ дружными аплодисментами публики. Затѣмъ конференцъ-секретарь, взоидя на кафедру, прочелъ привѣтственный адресъ Ивану Константиновичу, подписанный президентомъ и членами совѣта; потомъ слѣдовали рѣчи 12-ти депутацій. Конференцъ-секретарь прочелъ телеграммы и письма великихъ княгинь Александры Іосифовны, принцессы Ольденбургской, великихъ князей Михаила Николаевича изъ Боржома и Константина Николаевича; отъ временно-управляющаго морскимъ министерствомъ, отъ Академіи Художествъ: римской и королевской флорентинской; королевскаго виртембергскаго художественнаго училища въ Штутгартѣ; отъ перваго петербургскаго дамскаго художественнаго кружка; отъ генераль-адъютанта А. Е. Тимашева; отъ профессора живописи В. Д. Орловскаго изъ Кіева; отъ преподавателей московскаго училища живописи; отъ варшавскаго общества поощренія художествъ; отъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ; отъ представителей татарскихъ племенъ въ Крыму; отъ общественнаго управленія города Харькова; отъ тифлисскаго армянскаго семинарія; отъ еоодосійской мужской гимназіи и другихъ учрежденій въ этомъ городѣ и мн. др. Сверхъ того, поднесено множество подарковъ. Юбилейный праздникъ завершился параднымъ обѣдомъ.

4-го и 5-го октября были еще два юбилея: двадцатипятилѣтній драматическаго писателя Виктора Александровича Крылова и семидесятипятилѣтній газеты-журнала «Сынъ Отечества», когда-то пользовавшагося извѣстностью и сочувствіемъ публики, а теперь сдѣлавшагося предметомъ аферы разныхъ лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ литературѣ.

† 22-го сентября, на 64 году, членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, Николай Антоновичъ Ратынскій. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, онъ на службу поступилъ въ Петербургъ въ 1843 году по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1858 году перешелъ на службу въ г. Орель, гдѣ продолжалъ ее до 1866 года. Въ этомъ году Н. А. опять перешелъ на службу въ Петербургъ и управлялъ канцеляріею с.-петербургскаго губернатора; въ 1872 году откомандированъ для занятій въ главное управленіе по дѣламъ печати и, по рекомендаціи начальника цензурнаго вѣдомства М. Н. Лонгинова, назначенъ цензоромъ петербургскаго цензурнаго комитета; въ 1881 году назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Покойный съ живымъ интересомъ относился къ литературѣ, былъ близокъ со многими изъ извѣстныхъ литераторовъ и напечаталъ не мало статей въ періодическихъ изданіяхъ. Онъ также состоялъ членомъ ученыхъ обществъ, и Общества любителей древней письменности, въ которомъ дѣлалъ не мало ученыхъ сообщеній и принесъ въ даръ музею Общества рѣдкіе и цѣнные памятники старины. Николай Антоновичъ въ Орловской губерніи, гдѣ онъ родился, пользовался извѣстностью, дворянствомъ и земствомъ неоднократно былъ избираемъ въ общественные дѣятели и до конца жизни состоялъ почетнымъ судьбою Дмитровскаго уѣзда, въ которомъ находится его имѣніе.

† 1-го октября, послѣ продолжительной болѣзни, директоръ Николаевской царскосельской гимназіи Иванъ Ивановичъ Пискаревъ, 63 лѣтъ. Онъ окончилъ курсъ наукъ въ 1847 году въ петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету со степенью кандидата; службу началъ преподавателемъ законовѣдѣнія въ смоленской гимназіи; въ 1849 году переведенъ на ту же должность въ 1-ю петербургскую гимназію, въ которой и состоялъ преподавателемъ законовѣдѣнія до 1866 года, когда, въ силу новаго гимназическаго устава, было прекращено преподаваніе этого предмета. Съ 1868 года по 1870 годъ, Пискаревъ состоялъ инспекторомъ V петербургской гимназіи. Кромѣ гимназіи, И. И. Пискаревъ преподавалъ законовѣдѣніе во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Лѣсномъ и Межевомъ институтахъ, въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, въ первомъ военномъ Павловскомъ и въ военно-топографическомъ училищахъ. Сверхъ преподавательской дѣятельности, И. И. Пискаревъ участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ по разработкѣ способовъ и программъ преподаванія законовѣдѣнія и издалъ нѣсколько руководствъ и сочиненій, изъ которыхъ важнѣйшія: «Руководство къ межевымъ законамъ», «Курсъ общаго законовѣдѣнія для военныхъ училищъ», «Курсъ военно-уголовныхъ законовъ». Въ 1864 году И. И. Пискаревъ былъ приглашенъ преподавать курсъ русскихъ государственныхъ законовъ Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу. Послѣднимъ мѣстомъ служебной дѣятельности покойнаго была царскосельская гимназія, въ которую онъ назначенъ директоромъ въ 1870 году по желанію и избранію гражданъ, основавшихъ и открывшихъ на свое иждивеніе въ означенномъ году гимназію. Полезная дѣятельность Пискарева была оцѣнена его учениками и правительственными лицами. Покойный принадлежалъ къ разряду тѣхъ дѣятелей, которые порученное имъ дѣло ставили выше всего, и, помимо всѣхъ житейскихъ расчетовъ, жертвовали для него всѣмъ.

† Въ Лейпцигѣ заслуженный профессоръ Харьковского университета по кафедрѣ ботаники, извѣстный ученый Левъ Семеновичъ Цемковскій. Онъ родился въ Варшавѣ, въ 1823 году, отъ небогатыхъ польскихъ дворянъ. По

окончаниа курса въ одной изъ варшавскихъ гимназій, Л. С. зачисленъ былъ казеннымъ стипендіатомъ въ Петербургскій университетъ по естественному отдѣленію, который и окончилъ съ отличіемъ въ 1845 году. Въ 1846 году Ценковскій защищалъ на степень магистра диссертацию «Нѣсколько фактовъ изъ жизни хвойныхъ». Вскорѣ послѣ того, онъ вмѣстѣ съ покойнымъ извѣстнымъ ученымъ и писателемъ Е. П. Ковалевскимъ предпринялъ путешествіе по внутренней Африкѣ для изученія ея въ этнографическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ. По возвращеніи изъ Африки, въ 1850 году, Л. С. былъ назначенъ профессоромъ въ ярославскій Демидовскій лицей по кафедрѣ естественной исторіи, которую занималъ до 1854 года, когда былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ при Петербургскомъ университетѣ по кафедрѣ ботаники и занималъ эту должность до 1861 года. Въ 1855 году Ценковскій удостоенъ степени доктора естественныхъ наукъ за диссертацию «О низшихъ водоросляхъ и инфузоріяхъ». Изъ Петербурга покойный уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ около 4 лѣтъ, занимаясь, преимущественно въ Германіи, микроскопическими изслѣдованіями низшихъ организмовъ. Съ 1865 года до смерти Л. С. опять состоялъ профессоромъ, сначала въ Новороссійскомъ, потомъ въ Харьковскомъ университетахъ. Въ 1882—1883 годахъ на средста министерства государственныхъ имуществъ и Вольно-Экономическаго Общества онъ находился въ заграничной командировкѣ для работъ по бактеріологіи, по прививкѣ чумы и т. п., и работалъ вмѣстѣ съ Пастеромъ, Кохомъ и друг. 17-го февраля прошлаго года въ Харьковѣ былъ торжественно отпразднованъ юбилей научной дѣятельности Ценковского.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ «Кудрявцевъ и его потомство».

Съ живѣйшимъ интересомъ прочиталъ я статью профессора Д. А. Корсакова—«Кудрявцевъ и его потомство», напечатанную въ 8 и 9 книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ. Прекрасный историко-біографическій очеркъ этой семьи мнѣ, какъ одному изъ потомковъ по женينوу линіи Кудрявцева, представилъ живую картину быта и дѣятельности моихъ предковъ. Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ былъ такой же родной моей бабкѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ Поливановой (урожденной Чирковой¹⁾), пропущенной почему-то въ статьѣ г. Корсакова, какимъ онъ доводился С. Н. Давыдовой, женѣ партизана. Имѣнія, какъ той, такъ и другой, до замужества ихъ, были не раздѣлены и составляли достояніе ихъ матери, Елизаветы Петровны Чирковой, дочери Петра Алексѣевича Татищева, сына извѣстнаго Алексѣя Давыловича, женатаго на дочери и единственной наслѣдницѣ Кудрявцева, Анастасіи Нефедьевны. Изъ имѣющагося у меня родословнаго списка видно, что: «1722 году Понкрать Давыдовъ, сынъ князя Хохона Давыдова, учинилъ наслѣдницею дочь свою Александру в' вотчинахъ Арзамаскомъ, в' Сибирскомъ в' селѣ Покровскомъ Маза тож, в' Верхоломовскомъ и в' Можайскомъ уѣз-

¹⁾ Екатерина Николаевна была замужемъ за сенаторомъ Иваномъ Петровичемъ Поливановымъ, начавшимъ службу при Екатеринѣ II въ Преображенскомъ полку и окончившимъ ее въ званіи сенатора въ царствованіе императора Николая I.

дах что есть по дачамъ; а въ 726 мать ее Марья ¹⁾ ее Александру зговорила в' замужество за Нефѣда Никитича Кудрявцева,—и при зговорѣ (в') замужество она Александра допрашивана и велено с' него Нефѣда с' четвертой взяты деньги: с' 100 четвертой по 3 копейки с' четверти принято у него Кудрявцева²⁾). Затѣмъ слѣдуютъ выписи, что около этогожь с. Мазы, Кудрявцева скупила другія земли отъ нѣкоего Астафьева и Головоочесовыхъ, чѣмъ значительно округлила свою родовую дачу. Но не этимъ только путемъ, какъ извѣстно, составилось значительное состояніе Нефѣда Никитича. Пожалованныя ему и его отцу за службу земли были весьма обширны. Если судить только по имѣніямъ нынѣшней Симбирской губерніи, перешедшимъ къ его наслѣдникамъ по женской линіи, то въ цѣломъ онѣ представляютъ цифру свыше 20 тысячъ десятинъ. Прибавивъ къ этому, что принадлежало Кудрявцевымъ въ другихъ губерніяхъ, составитя одно изъ крупныхъ земельныхъ владѣній въ Россіи. Въ жалованномъ составѣ этихъ имѣній находилась, между прочимъ, и принадлежащая мнѣ дача при с. Акшутѣ, перешедшая въ нашъ родъ по наслѣдству отъ Кудрявцева. Имѣніе это, находясь въ Симбирской губерніи, издавна населено было русскими крестьянами, и до указа царя Теодора Алексѣевича 1681 г. составляло собственность татарскихъ мурзъ. Благодаря этому, русское православное село удержало за собою татарское названіе, равно какъ и многія изъ принадлежащихъ къ нему урочищъ. Построенная здѣсь въ 1743 году Меодіемъ Кудрявцевымъ, деревянная церковь весьма оригинальной архитектуры сохраняетъ и до сихъ поръ свой внѣшній видъ съ незначительными видоизмѣненіями.

Переходя затѣмъ къ семейнымъ преданіямъ о мученической и геройской копчивѣ Кудрявцева, я не могу не упомянуть здѣсь съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія о пропажѣ у насъ въ домѣ, въ 1867 г., дорогой семейной древности, образъ-панагіи съ мощами, который Нефѣдъ Никитичъ имѣлъ всегда обыкновеніе носить на себѣ. Образокъ этотъ представлялъ съ лицевой стороны Спасителя на престолѣ славы, а съ противоположной, за стеклянной дверкой, находились св. мощи. Рамку образа составляли довольно крупные самоцвѣтные камни, оправленные въ золотѣ. Нефѣдъ Никитичъ, удалившись искать себѣ убѣжище во время пугачевского разгрома Казани въ Дѣвничій монастырь, только благодаря этому образу былъ узанъ въ грудѣ обезображенныхъ и обуглившихся труповъ. Въ разсказѣ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, въ виду того, что храмъ бунтовщиками послѣ разграбленія былъ подожженъ и полусгорѣвшее тѣло страдальца съ трудомъ было отыскано и погребено его внукомъ, Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ. Отъ послѣдняго образъ перешелъ къ Чирковой (его дочери), а отъ нея къ бабкѣ моей Поливановой, какъ старшей въ родѣ. Нельзя, мнѣ кажется, также не допустить возможности обращенія Н. Н. Кудрявцева съ увѣщаніемъ къ пугачевцамъ, ворвавшимся въ храмъ, иначе трудно объяснить отказъ его укрыться въ стѣнахъ крѣпости, гдѣ въ эту страшную для города минуту нашли свое спасеніе большая часть именитыхъ жителей. Подвигъ этотъ вполне согласуется съ мужественнымъ и непоколебимымъ характеромъ Нефѣда Никитича, рѣшившагося принести этимъ свою посильную жертву отечеству. Не знаю, на какомъ основаніи г. Корсаковъ предполагаетъ, что «въ виду желанія Кудряв-

¹⁾ Сестра архіепископа Ростовскаго Георгія Дашкова.

²⁾ Родословная семейнаго архива.

цева представится Екатеринѣ II, во время ея посѣщенія Кавани, ему много это стоило хлопотъ, такъ какъ на него, повидимому, не обращали уже особаго вниманія; но,—говорить онъ далѣе,—Нефедь Никитичъ достигъ, наконецъ, своего желанія и въ исполненіе своей радости подарилъ императрицѣ четверку прекрасныхъ вороныхъ лошадей съ своего Каймарскаго завода¹⁾. Трудно предположить, чтобы человекъ, прослужившій съ честью и пользою столько лѣтъ для своего края на видной по тому времени должности и находившійся въ родствѣ съ Паниными, могъ быть забытъ императрицею и мѣстнымъ обществомъ.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о Петрѣ Алексѣевичѣ Татищевѣ я приведу здѣсь содержаніе интереснаго подлиннаго документа, именно, «Рядной записи 1792 г. генваря 19-го», данной Татищевымъ дочери:

«Лѣта тысяча семьсотъ девяносто втораго генваря въ девятый надесять день лейбъ-гвардіи секундъ-майоръ Петръ Алексѣевъ сынъ Татищевъ зговорилъ я дочь свою родную девицу Елизавету въ замужество оренбургскаго драгунскаго полку за полковника и кавалера Николая Александровича Чиркова въ благословеніе жъ ей дочери моей пишу въ начале светые образа первой Знаменіе пресвятыя богородицы на неи риза кованая серебрянная и вызолочена второй богоматерь Казанскіе въ серебряномъ ковчеге на неи риза золотая съ алмазами и яхонтами²⁾ крестъ серебряной и вызолоченой съ мощами до приданаго за нее даю вещи браліантовыхъ цвѣтокъ три тысячи рублей серги две тысячи триста рублей, складни тысяча рублей медаліонъ пять сотъ рублей, перстень двесте рублей жемчугъ восемь сотъ рублей, часы золотыя съ жемчугомъ двесте рублей, серебра двадцать восемь фунтовъ платья белья кровать съ приборомъ на тысячу рублей, да недвижимаго именія состоящаго Симбирскаго Намѣстничества Сызранской округа въ селахъ Мазе въ коихъ по четвертой ревизіи въ подушномъ окладѣ написано мужеска полу дворовыхъ людей и крестьянъ триста девяносто девять, изы котораго выключивъ двороваго человекъ холостаго Ивана Родіонова Тагаевскаго округи—акшуте, пять сотъ пять, Казанскаго Намѣстничества Спасской округи Грязнуха восемьдесятъ одну да Казанской округи вдеревне Улановой шеснацать душъ, сверхъ сего еще состоящеи въ городе Казани на кобане дворъ лежацій подъ онымъ же городомъ Казанью сѣнные покосы называемые семичевскіе и на реке волге противу слободы Услона островъ съ рыбными ловлями до написаннаго по четвертой ревизіи за мноужъ Калужскаго намѣстничества малоярославецкой округи въ селе добромъ двороваго человекъ василія Кузмина съ женою аяною Сергеевою и съ малолѣткою ихъ дочерью александрію девоку Катерину петрову анну иванову написанныхъ Московской губерніи Клинской округи въ селе Никольскомъ. Къ сей рядной лейбъ-гвардіи секундъ-майоръ Петръ Алексѣевъ сынъ Татищевъ, что я дочь свою родную девицу Елизавету въ замужество за полковника и Кавалера Николая Александра сына Чиркова зговорилъ и знею въ благословеніе святыя образа также и вышеписанное приданое и недвижимое имѣніе отдалъ въ томъ руку приложилъ». Затѣмъ идутъ подписи 11-ти свидѣтелей, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ родственниковъ и знакомыхъ Татищева.

Этимъ крайне интереснымъ въ бытовомъ отношеніи документомъ, между прочимъ, опровергается предположеніе г. Корсакова, что Петра Алексѣевича

¹⁾ «Историч. Вѣстн.» 1887 г., сентябрь, стр. 547.

²⁾ Образъ этотъ находится у меня въ с. Акшутѣ.

Татищева въ 1792 году въ живыхъ уже не было¹⁾), равно какъ и годъ кончины мужа его сестры, Маріи Алексѣевны, князя Василя Михайловича Голицына, показанъ не совсѣмъ правильно²⁾). Первый 19 января этого года собственноручно подписывалъ «рядную», а второй, у той же рядной былъ свидѣтелемъ. Очевидно, что на этотъ счетъ у казанскихъ потомковъ Татищева данныя не совсѣмъ точны.

Перехожу къ прабабкѣ моей, Елизаветѣ Петровнѣ Чирковой и мужу ея Николаю Александровичу. Послѣ свадьбы, получивъ отцовское приданое, Чирковъ не долго продолжалъ службу и занялся устройствомъ своихъ имѣній. Зиму Чирковы проводили въ Москвѣ, гдѣ имѣли свой домъ, а лѣтомъ жили въ Акшутѣ, любимомъ мѣстопребываніи Николая Александровича. Здѣсь онъ построилъ прекрасный каменный домъ, развелъ во вкусъ своего времени паркъ, держалъ домашній оркестръ и большую псовую охоту. Вообще, генералъ-майоръ Чирковъ, по сохранившимся современнымъ портретамъ и разсказамъ его современниковъ, представляется однимъ изъ видныхъ и блестящихъ представителей Екатерининской эпохи. Украшенный только-что учрежденнымъ георгиевскимъ крестомъ, онъ, кромѣ того, за свои военныя заслуги награжденъ былъ императрицей золотой, весьма богатой, шпагой. Надпись, находящаяся кругомъ эфеса, гласитъ, что она пожалована «за мужество, оказанное въ сраженіи 7 іюня 1788 года на Лиманѣ Очаковскомъ». На обѣихъ сторонахъ клинка вырѣзаны торжественныя восклицанія: «Vivat Catharina». Шпага эта отъ дочери его Екатерины Николаевны перешла къ моему отцу Ник. Иван. Поливанову³⁾). Въ сохранившейся частіи, принадлежавшей Чиркову, довольно обширной библіотекѣ, состоящей исключительно почти изъ французскихъ изданій, находятся всѣ лучшія философскія сочиненія конца XVIII столѣтія. При равностороннемъ образованіи, онъ не чуждъ былъ, кажется, того умственного движенія, которое коснулось хотя и поверхностно, но не безслѣдно передовыхъ людей нашего дворянства. Женившись довольно поздно, Николай Александровичъ скончался въ Москвѣ, въ декабрѣ 1806 года, 72 лѣтъ отъ роду. Елизавета Петровна пережила мужа на 17 лѣтъ и прахъ ихъ покоится рядомъ въ особой каменной часовнѣ при Акшутской церкви.

Владиміръ Поливановъ.

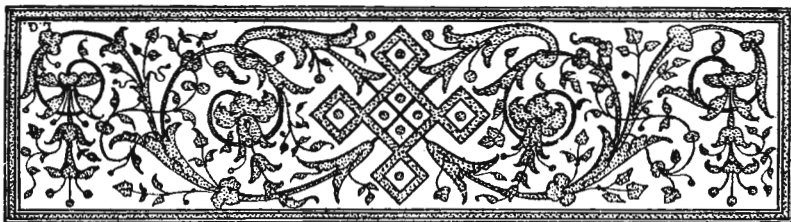
2 октября 1887 г.
С. Акшутъ.

¹⁾ См. «Ист. Вѣстн.» № 9, стр. 557.

²⁾ Idem, стр. 560.

³⁾ Школьный товарищъ и другъ М. Ю. Лермонтова, отецъ мой скончался въ 1874 г. въ Казани.

ПРИБРѢТЕНІА ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

В НАШЕЙ сѣверной столицѣ существуетъ учрежденіе, которое чуть-ли не съ самаго своего основанія пользуется общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей и служить для многихъ изъ числа ихъ предметомъ нѣжныхъ заботъ и даже нѣкотораго рода гордости. Это учрежденіе—Императорская Публичная библиотека. Въ ней, съ самыхъ первыхъ лѣтъ ея существованія, живутъ не умирая тѣ прекрасныя преданія, при которыхъ она была основана, — живутъ потому, что во главѣ Публичной библиотеки, со временъ Оленина, видимъ людей, которымъ, помимо всякихъ другихъ житейскихъ интересовъ, были прежде всего близки и дорожи интересы русской литературы и науки, интересы русскаго просвѣщенія вообще и русскаго книжнаго дѣла въ частности. Мы кажется, не ошибемся, если скажемъ, что Императорская Публичная библиотека составляетъ единственное въ Россіи учрежденіе, которое, съ самаго своего основанія, не переставало развиваться, крѣпнуть и богатѣть, при самыхъ скромныхъ средствахъ и, пополняя свои сокровища, не давало лежать имъ втунѣ, а широко и радушно открывало доступъ къ этимъ сокровищамъ каждому занимающемуся, не справляясь ни съ родословной его, ни съ его *succisum vitae*. И вотъ, то громадное множество русскихъ людей, которое пользовалось сокровищами Публичной библиотеки, всегда выносило и выносить доселѣ изъ стѣнъ ея такое глубокое и теплое сочувствіе къ этому прекрасному учрежденію, что для многихъ забота о процвѣтаніи Библиотеки, о пополненіи ея сокровищъ становится на всю жизнь одною изъ пріятнѣйшихъ обязанностей, одною изъ утѣхъ подъ старость... Благодаря такому именно отношенію большинства просвѣщенныхъ русскихъ людей къ Императорской Публичной библиотекѣ, въ нее ежегодно стекаются массы новыхъ богатствъ и драгоцѣннѣйшихъ рукописныхъ матерьяловъ, въ высокой степени важныхъ

для исторіи русской литературы и науки. «Къ отраднѣмъ явленіямъ»,—говоритъ составитель нынѣ изданнаго «Отчета» бібліотеки за 1884 годъ,—«свидѣтельствуящимъ о неослабѣвающемъ вниманіи общества къ отечественному книгохранилищу, слѣдуетъ отнести передачу въ него многими лицами принадлежащихъ имъ печатныхъ книгъ и рукописныхъ бумагъ, имѣющихъ историческое или литературное значеніе, съ цѣлью охранить ихъ отъ возможности случайностей и утратъ. Каждый годъ въ составъ бібліотеки входятъ такіа собранія, иногда весьма важныя въ научномъ отношеніи». Собранія эти передаются въ бібліотеку и при жизни обладателей ихъ; переходятъ въ собственность ея и по завѣщанію, послѣ ихъ смерти; и количество такихъ драгоценныхъ вкладовъ стало уже настолько велико, что явилась потребность въ пересмотрѣ и критической разработкѣ ихъ. И вотъ, по инициативѣ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія Публичною бібліотекою, ежегодные отчеты бібліотеки начинаютъ пріобрѣтать характеръ изданія, весьма важнаго для исторіи нашей литературы и письменности, потому что всѣ свѣдѣнія о пріобрѣтеніяхъ бібліотеки являются въ «Отчетѣ» не въ видѣ голословныхъ и краткихъ заглавій, а въ видѣ сжатыхъ характеристикъ и такихъ извлеченій, которыя способны дать самое полное и опредѣленное понятіе о рукописи, книгѣ или коллекціи рукописныхъ документовъ, которыя пріобрѣтены бібліотекою. На основанія этихъ указаній прослѣдимъ важнѣйшія пріобрѣтенія бібліотеки за 1884 годъ, а затѣмъ, скажемъ подробнѣе о нѣкоторыхъ изъ числа ихъ.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе Суворовскія бумаги, представляющія собою цѣлый Суворовскій архивъ. «Свѣтлѣйшій князь италійскій, графъ А. А. Суворовъ-Рымнинскій, будучи послѣднимъ въ родѣ князей Суворовыхъ, передалъ въ Библиотеку, благодаря просвѣщенному содѣйствію генералъ-лейтента А. Θ. Петрушевскаго, пятнадцать томовъ, заключающихъ въ себѣ весьма важные рукописные матеріалы для жизни и дѣятельности славнаго его прадѣда, генералиссимуса князя А. В. Суворова, съ цѣлью сохранить эти богатые матеріалы для русской исторической науки». Чрезвычайно любопытно и то побужденіе, которое руководило жертвователемъ, по указанію Отчета. «Передавая эти матеріалы въ бібліотеку, князь А. А. Суворовъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что имя Рымнинскаго побѣдителя тѣсно связано съ отечественнымъ книгохранилищемъ; какъ извѣстно, основаніемъ нашей бібліотеки послужила бібліотека Залусскихъ, взятая Суворовымъ, по праву войны, въ покоренной имъ Варшавѣ».

Второе мѣсто, по важности значенія, занимаетъ то собраніе бумагъ поэта Жуковскаго, которое въ даръ бібліотекѣ принесъ его сынъ, Павелъ Васильевичъ Жуковскій. Объ этомъ собраніи, тщательно и съ разныхъ сторонъ разобранномъ И. А. Бычковымъ, мы уже имѣли случай говорить въ одной изъ предшествующихъ книжекъ «Историческаго Вѣстника», а потому здѣсь и ограничимся только краткою замѣткою относительно этого въ высшей степени важнаго собранія бумагъ. Въ бумагахъ Жуковскаго, благодаря его обширнѣйшимъ связямъ, сохранилось множество произведеній разныхъ лицъ, которыя, вѣроятно, пропали бы безслѣдно, если бы не сохранились случайно въ архивѣ Жуковскаго. Произведенія эти принадлежатъ перу В. Алферьева, М. Асмуса, Е. А. Баратынскаго, графа Д. Н. Блудова, графини А. Д. Блудовой, фонъ-деръ-Борга, фонъ-деръ-Вриггена (А. Θ.), Воейкова А. Θ., князя П. А. Вяземскаго, Э. Гейбеля, княгини А. И. Голицыной, А. П. Елагина, К. Зедергольма

И. И. Козлова, И. А. Крылова, В. К. Кюхельбекера, М. П. Лонгинова, И. В. Лопухина, А. Мальтица, барона Ф. Мальтица, Шарлотты Моро де-ла-Мельтиеръ, М. Н. Муравьева, А. Нахимова, Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, А. А. Плещеева, барона Е. А. Розена, Н. П. Свѣчина, С. М. Соковнина, Д. И. Сѣверина, С. Тончи, братьевъ Тургеневыхъ и Л. Шнейдера. Уже простой перечень этихъ именъ указываетъ на то значеніе, которое могутъ имѣть сохранившіяся произведенія и въ большомъ количествѣ примыкающія къ нимъ произведенія авторовъ совершенно неизвѣстныхъ.

Рядомъ съ двумя вышеприведенными собраніями слѣдуетъ поставить собраніе бумагъ Е. П. Ковалевскаго и богатѣйшее собраніе писемъ, адресованныхъ къ нему разными лицами (преимущественно чинами нашего дипломатическаго корпуса), съ 1854 по 1862 годъ, главнымъ образомъ въ бытность Е. П. Ковалевскаго директоромъ Азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. «Многія изъ этихъ писемъ»,— по замѣчанію автора «Отчета»,— «составляютъ важный историческій матеріалъ, правдиво рисующій положеніе дѣлъ на Востокѣ и отношеніе Россіи къ возникшимъ вопросамъ политическимъ и религіознымъ».

Не лишено интереса и принесенное въ даръ бібліотекѣ г. Хрущевымъ «Собраніе писемъ къ духовнику императрицы Екатерины II, протоіерею І. І. Памфилову». Большая часть писемъ относится къ тому двадцатилѣтію (1770—1793 гг.), въ теченіе котораго о. Памфиловъ былъ духовникомъ императрицы; они писаны тогдашними іерархами, настоятелями монастырей и иными представителями блага духовенства.

Въ высокой степени важнымъ для исторіи литературы является «Собраніе рукописныхъ сочиненій и бумагъ князя В. Θ. Одоевскаго», принесенное въ даръ Библіотекѣ его племянницею, вдовою генераль-отъ-кавалеріи А. С. Перфильевой. Передавая эти бумаги въ полное распоряженіе Императорской Публичной бібліотеки, г-жа Перфильева выразила при этомъ желаніе, чтобы было приступлено къ изданію заключающихся въ бумагахъ сочиненій князя В. Θ. Одоевскаго, въ полномъ собраніи или по частямъ. Князь В. Θ. Одоевскій, скончавшійся 28-го февраля 1869 года передалъ эти бумаги по духовному завѣщанію супругѣ своей, пережившей его всего на три года. Собираніемъ и разборомъ бумагъ занимались въ свое время С. А. Соболевскій и А. И. Кошелевъ; каждый изъ нихъ, по своему, приводилъ ихъ въ порядокъ, и ни одинъ не привелъ, а между тѣмъ значеніе огромнаго собранія бумагъ князя Одоевскаго оказывается въ высшей степени важнымъ даже потому краткому перечню заглавій отдѣльныхъ статей, который приложенъ къ «Отчету» и занимаетъ въ немъ 65 страницъ убористой печати!

Эти бумаги, заключенныя въ 110 переплетахъ, рисуютъ намъ князя Одоевскаго съ такихъ сторонъ, съ какихъ до сихъ поръ, онъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ нашей литературѣ. Просматривая заглавія массы всего, что было написано княземъ Одоевскимъ и хранилось въ его портфеляхъ, получаемъ совершенно иное, новое понятіе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Обширное образованіе, изящный вкусъ и тонко-развитое чутье къ прекрасному издавна составляли отличительныя черты Одоевскаго какъ писателя и критика въ области явленій музыкальнаго міра. Но никому, конечно, не приходило въ голову, чтобы князь Одоевскій обладалъ такимъ равнообразнымъ энциклопедизмомъ образованія, такую массою самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, такую удивительно-живую отзывчивость на всѣ вопросы

современности. Его портфели въ одинаковой степени переполнены беллетристическими отрывками, серьёзными статьями по музыкальной критикѣ, работами по библиографіи, изслѣдованіями отдѣльныхъ вопросовъ по наукамъ юридическимъ, естественнымъ, экономическимъ, финансовымъ. Юмористическія статьи и шуточные діалоги по поводу современныхъ литературныхъ и общественныхъ вопросовъ лежатъ въ портфель князя рядомъ съ проектами о лучшемъ способѣ мощенія петербургскихъ улицъ; статья подъ заглавіемъ: «Фантазія Листа, переписанная съ невѣдѣннаго языка на грубый житейскій», рядомъ со статьею: «Чистота вафля—о значеніи чистоты и опрятности въ хозяйственномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ»; статья: «Безвыходный кругъ: нѣтъ финансовъ безъ просвѣщенія; бесплодно просвѣщеніе безъ гласнаго правосудія; невозможно правосудіе безъ финансовъ»—рядомъ съ «Опытомъ руководства къ химіи и физикѣ для людей, никогда не занимавшихся этими науками».

Разбираясь въ громадной массѣ написаннаго Одоевскимъ, не знаемъ, право, чему болѣе удивляться: его плодovitости и разнообразію его свѣдѣній, или той чрезвычайной живучести его ума, которая ни на минуту не давала ему успокоиться и безпрестанно побуждала переходить отъ насущнѣйшихъ вопросовъ ежедневности къ отвлеченнѣйшимъ философскимъ изысканіямъ, и отъ политическаго памфлета къ вопросамъ о мѣстной промышленности и богатствамъ какого-нибудь отдаленнаго уголка Россіи. Въ подтвержденіе нашей мысли приводимъ на выдержку еще нѣсколько заглавій изъ любопытнѣйшихъ портфелей князя Одоевского: — «Ванька-Каинъ», простонародная драма; «Визирь Пальмерстонъ и Люли-Наполеонъ»—кукольная комедія; «Пауперизмъ, бѣдность и филантропія — опытъ о возможности благотворительности, какъ науки»; «Закулисныя проказы въ родѣ преступленій—по поводу разбрасыванья листовъ возмутительнаго содержанія»; «Замѣчаніе на проектъ предложенной Тишендорфомъ экспедиціи на Востокъ за древними рукописями»; «Всхлипыванья Ваньки Горюна. Всхлипыванье первое—гласность полезна, лишь бы меня не трогали»; «О взаимной связи между собою музыки, поэзіи, живописи, философіи и религіи»; «О мѣрахъ къ улучшенію фарвера на Волгѣ» и т. д.

Каждый пересмотрѣвшій содержаніе портфелей князя Одоевского по списку заглавій, напечатанныхъ въ «Отчетѣ» бібліотеки, будетъ, вѣроятно, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать приведенія ихъ въ порядокъ и напечатанія обильнаго матеріала, заключающагося въ нихъ для характеристики литературнаго дѣятеля, который пользовался до сихъ поръ общей симпатіей и уваженіемъ уже и потому немногому, что о немъ было извѣстно. Біографамъ князя В. О. Одоевского предстоитъ въ будущемъ нелегкая и весьма заманчивая задача...

Между многими любопытнѣйшими автографами, русскими и иностранными, приобретёнными бібліотекой въ 1884 году, отмѣтимъ только драгоцѣнные автографы Пушкина, вносящіе много новыхъ и важныхъ варьянтовъ въ текстъ сочиненій нашего поэта, — варьянтовъ, не напечатанныхъ ни г. Баргеновымъ въ «Бумагахъ А. С. Пушкина», ни г. Онѣгинимъ въ добавленіяхъ и варьянтахъ къ Пушкину («Вѣстникъ Европы», 1883 г.), ни г. Семеновымъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г. Многие изъ этихъ варьянтовъ еще разъ заставляютъ насъ убѣдиться въ томъ, что Пушкинъ относился къ своей поэтической работѣ надъ стихомъ съ удивительною добросовѣстностью, и,

благодаря поразительно-развитому чутью къ красотѣ и благозвучію языка, выбрасывалъ иногда прекрасныя строфы изъ своихъ поэмъ, чтобы замѣнить ихъ новыми, безукоризненными. Такъ, напримѣръ, весьма извѣстная строфа изъ Евгенія Онегина, начинающаяся стихомъ: «Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ»— сначала была написана такъ:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разѣздѣ на крыльцѣ¹⁾
Съ семинаристомъ въ красной шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ.
Какъ женскихъ губокъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю.

Но Пушкинъ замѣтилъ неловкость и двусмысліе выраженія «женскихъ губокъ» и замѣнилъ «красную» (болѣе модную и щеголеватую) шаль—«желтою», которую носили во время оно пожилыя дамы и тѣ, которыя пренебрегали модой, и строфа приобрѣла тотъ видъ, въ которомъ мы ее теперь знаемъ въ печатныхъ изданіяхъ Пушкина:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю.

Не лишена интереса и цѣлая строфа, зачеркнутая Пушкинымъ въ рукописи, послѣ строфы XXIII (печатнаго изданія):

Но вы, кокетки записныя,
Я васъ люблю—хоть это грѣхъ,
Улыбки, ласки закавыя
Вы расточаете для всѣхъ;
Ко всѣмъ стремите вворъ пріятный;
Кому слова не вѣроятны,
Того увѣрить поцѣлуй.
Кто хочетъ—волею: торжествуй.
Я прежде самъ бывалъ доволенъ
Единымъ вворомъ вашихъ глазъ.
Теперь лишь уважаю васъ,
Но, хладной опытностью боленъ
И самъ готовъ я вамъ помочь,
Но ѣмъ за двухъ и сплю всю ночь.

Въ заключеніе приводимъ тѣ стихи, которыя въ повѣсти «Анджело», во II-й части, гл. VI-й, были выпущены, по волѣ государя императора Николая Павловича, при печатаніи этого произведенія:

(К л а в д і о).

Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!
Иль въ этомъ нѣтъ грѣха; иль изъ семи грѣховъ
Грѣхъ это меньшій.
Тамъ вѣрно не казнятъ. — Какъ? Для одного мгновенья
Ужель себя губить рѣшилсябъ онъ на вѣкъ?
Нѣтъ, я не думаю. Онъ умный человекъ.
Ахъ, Изабелла!

¹⁾ Стихъ этотъ въ рукописи, сперва былъ написанъ такъ: «Иль у Шишкова на крыльцѣ»... Потомъ, вмѣсто «Шишкова» было написано «Хвостова», но тоже зачеркнуто.

(К л а в д і о).

Такъ... однакожъ... умереть,
 Идти невѣдомо куда — во гробъ тлѣть
 Въ холодной тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна,
 И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
 Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
 Или во льду застыть, или съ вѣтромъ быстротечнымъ
 Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ...
 И все, что грезится отчаянной мечтѣ...
 Нѣтъ, нѣтъ: земная жизнь въ болѣзни, въ нищетѣ,
 Въ печаляхъ, въ старости, въ неволѣ... будетъ раемъ
 Въ сравненіи съ тѣмъ, чего за гробомъ ожидаемъ.

По этимъ немногимъ выпискамъ и бѣглымъ замѣткамъ, читатели наши, конечно, могутъ судить, какъ много интереснаго и важнаго, въ историко-литературномъ отношеніи, заключаютъ въ себѣ пріобрѣтенія Императорской Публичной библіотеки. Можно только одного желать и объ одномъ просить почтенныхъ дѣятелей, стоящихъ во главѣ Императорской Публичной библіотеки:—пусть ихъ рвеніе къ дѣлу не оскудѣваетъ и умѣлая готовность къ работкѣ находящагося въ ихъ рукахъ матеріала стоитъ на одинаковой высотѣ съ достоинствомъ сокровищъ, обильною волною притекающихъ въ наше отечественное книгохранилище.

П. П.

КАТАЛОГЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Андерсонъ, Ф. Н. Г. Э. Лессингъ какъ драматургъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Андреевъ, Н. А. Основной курсъ аналитической геометріи. Ч. I. Харьковъ. 1887 г. Ц. 2 р.

Андріяшевъ, А. М. Очерки исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анненковъ, Н. Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Т. I. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

— Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Т. II. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

— Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Т. III. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

Багалеи, Д. И. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Т. I. М. 1887 г. Ц. 3 р., на веленев. бумагахъ 4 р.

Бенна, д-ръ. Энциклопедія теоретической философіи. Тифлисъ. 1887 г. Ц. 1 р. 20 к.

Блюммеръ, Л. П. Безъ слѣда. Очерки и рассказы. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Боровиковскій, А.** Уставъ гражданскаго судопроизводства, съ объясненіями по рѣшеніямъ гражд. кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Вып. 7-й (последній). Спб. 1887 г. Ц. 2 р.

Брафманъ, Яковъ. „Книга Кагала“. (Всемирный еврейскій вопросъ). Изд. 3-е. Спб. Ц. за 2 т. 3 р.

Брей, В. В. Грамматическій курсъ англійскаго языка въ его главныхъ чертахъ. Спб. 1887 г. Ц. 15 к.

Бродовскій, М. Искусство устнаго изложенія (чтеніе вслухъ, декламация, ораторская рѣчь и проч.). Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

* **Булгановъ, Ф. И.** Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. II. К—О. Съ 520 рис. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

Бутковичъ, Т., свящ. Спиритизмъ, его историческое развитіе, религіозно-философскія воззрѣнія и отношеніе къ христіанству. Харьковъ. 1887 г. Ц. 50 к.

Бѣликовъ, Д. Христіанство у готовъ. Вып. I. Казань. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлоусовъ, И. Изъ „Кобзара“ Т. Г. Шевченко и украинскіе мотивы. Кіевъ. 1887 г. Ц. 50 к.

Ващенко-Захарченко, М. Е. Алгебраическій анализъ или высшая алгебра. Кіевъ. 1887 г. Ц. 4 р. 50 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. VII. М. 1887 г. Ц. 5 р.

Вильманъ, проф. Восточные народы и греки. Историческіе рассказы по Геродоту. М. 1887 г. Ц. 75 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 7-й. Спб. 1887 г. Ц. 35 к.

Вернеръ, Е. У орлиной скалы. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Викторовъ, П. Ученіе о личности какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. 1-й. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Winternitz, prof. Гидротерапія (компен-

- дiальное изложене). Харьковъ. 1837 г. Ц. 25 к.
- Вороновъ, Н. Г.** Наслѣдственность и уклончивость. Противорѣчiе въ теорiи Ч. Дарвина. М. 1887 г. Ц. 40 к.
- Всеобщая исторiя литературы.** Начато подъ редакцiей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакцiей проф. А. Кирпичникова. Вып. XXI. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.
- Вундтъ, В.** Этика. Изслѣдованiе фактовъ и законовъ нравственной жизни. Т. I. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- Галанинъ, М. И.** Годенъ ли центральный песочный фильтръ для невской воды? Спб. 1887 г. Ц. 25 к.
- Galitzyne, N. Prince.** Lettre au „Figaro“ en rѣponse à un article ayant titre: „Les Théories de Katkoff“. S.-Petersbourg. 1887. Prix 50 cop.
- Гауссъ, К. Ф.** Общiя изслѣдованiя о кривыхъ поверхностяхъ. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.
- Георгiевскiй, П. И.** Финансовыя отношенiя государства и частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ въ Россii и въ западно-европейскихъ государствахъ. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гервинусъ, Г.** Исторiя девятнадцатаго вѣка отъ времени Вѣнскаго конгресса. Т. III. Изд. 2-е, исправл. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
- * **Гёте.** Его жизнь и избранныя стихотворенiя. Съ 30 рисунк. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.
- Похожденiя Рейнеке Лиса. Поэма. Съ рис. Каульбаха. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гинце, Г. Э.** Краткiй повторительный курсъ всеобщей исторiи. I. Древняя исторiя. Харьковъ. 1887 г. Ц. 25 к.
- Горбатовъ, П. А.** О вращательномъ движенiи. Спб. 1887 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ, П. Е.** Правила испытанiя зрѣлости. Темы и задачи, предлагавшiяся преимущественно въ послѣднiе годы, по всѣмъ учебнымъ округамъ. Спб. Ц. 30 к.
- Гребенщиновъ, М. Г.** По дальнему Востоку. Путевыя записки и воспоминанiя. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.
- Деммени, М.** Сборникъ указовъ по монетному и медальному дѣлу въ Россii, помѣщенныхъ въ полномъ собранiи законовъ съ 1649 по 1881 г. Изданiе Великаго князя Георгiя Михайловича. 3 т. Спб. 1887 г. Ц. за 3 т. 8 р.
- Джаншiевъ, Гр.** Вопросы адвокатской дисциплины. М. 1887 г. Ц. 40 к.
- „Домострой“. Съ предисловіемъ В. А. Яковлева. Изд. 2-е, исправл. Одесса. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Дрiянскiй, Е. Э.** Записки мелкотравчатаго. Съ рисунками. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- „Досуги Марса“. Сборникъ трудовъ офицеровъ. № 1-й. Казань. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ельницкiй, Н.** Характеристика дѣвочки. Вып. II. Спб. 1887 г. Ц. 30 к.
- Захеръ-Мазохъ.** Еврейскiе рассказы. М. 1887 г. Ц. 1 р.
- Звѣринцевъ, Л. Н.** Библиографическiй указатель русской и иностранной фотографической литературы за 1885—86 гг. Спб. 1887 г. Ц. 25 к.
- Зелинскiй, В.** Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Ч. III, 1874—1877. М. 1887 г. Ц. 1 р.
- Извѣстiя С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.** № 9. 1887 г. Спб. Ц. отд. № 30 к.
- Иллюстрированный сборникъ описанiй интересныхъ явленiй въ области природы, науки и искусствъ.** Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р.
- Илляшевичъ, Л. В.** Змiевскiй уѣздъ (Бѣглый очеркъ). Харьковъ. 1887 г. Ц. 1 р.
- Имшенецкiй, М. М.** Оповиданiя. Спб. 1887 г. Ц. 25 к.
- * **Историческiе рассказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтiй.** Изд. 2-е, значительно дополн. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Иванзъ.** Справочная книга, составленная старожиломъ. Вып. II. Дороги. Тифлисъ. Ц. 15 к.
- Надiа, Е. и Л. Дюбость.** Практическое руководство къ примѣненiю электричества въ промышленности. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Калачинскiй, П.** Философское пессимистическое мiросозерцанiе Шопенгауэра и его отношенiе къ христiанству. Критическое изслѣдованiе. Киевъ. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Камаровскiй, Л., графъ, проф.** Обзоръ современной литературы по международному праву. М. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
- * **Карамзинъ, Н. М.** Повѣсти. Изд. 5-е („Дешевая библиотека“). Спб. Ц. 20 к., въ палкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.
- Катковъ, М. Н.** 1863 годъ. Собранiе статей по польскому вопросу. 2 вып. М. 1887 г. Ц. каждому вып. 3 р.
- Кавтна, Г. Ѳ.** Малороссiйскiя повѣсти, рассказанныя Грыцькомъ Основьяненко. 2 т. Харьковъ. 1887 г. Ц. за 2 т. 2 р.
- Клоповъ, А. А.** Отчетъ по изслѣдова-

- нію волжской хлѣбной торговли, произведенному по порученію мин-въ финансовъ и госуд. имущества въ 1886 г. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Клоссовскій, А.** Предсказаніе погоды и метеорологическія наблюденія на югъ Россіи. Одесса. 1887 г. Ц. 1 р.
- Коваленская, А. Г.** Народные рассказы. М. 1887 г. Ц. 40 к.
- Коріандеръ, Э. В.** Бразильскій кофе. Спб. 1887 г. Ц. 25 к.
- Коропчевскій, Д. А.** Рассказы про дикаго человѣка. Съ политипажами. 2 в. М. 1887 г. Ц. вып. 1-му 20 к., вып. 2-му 15 к.
- Крыжановскій, В.** Біографія греческихъ и римскихъ классиковъ. Кіевъ. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Монопациій, Н. А.** Солнце. Состав. по Секки и др. источникамъ. Кіевъ. 1887 г. Ц. 40 к.
- Нудрявцовъ, П. Н.** Сочиненія. 2 т. М. 1887 г. Ц. за 2 т. 6 р.
- Нулишеръ, М. И.** Очерки сравнительной этнографіи и культуры. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- Нуно Фишеръ.** „Фаустъ“ Гёте, возникновеніе и составъ поэмъ. Изд. 2-е, пересмотр. М. 1887 г. Ц. 75 к.
- Sullerga, D-g.** Гигіена нервныхъ и нейропатовъ (нервность и нейрозы). Харьковъ. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Латинъ, В. Н.** Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст. Историко-юридическое изслѣдованіе. Т. I. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Лебедевъ, А.** О главенствѣ папы, или разности православныхъ и папистовъ въ ученіи о церкви. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- Литовченко, М.** Деньги въ гражданскомъ правѣ. Кіевъ. 1887 г. Ц. 75 к.
- * **Лѣсновъ, Н. С.** Повѣсти и рассказы. Книга первая: I. Скоморохъ Памфалонъ. II. Спасеніе погибавшаго. („Дешевая бібліотека“). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.
- Люблинскій, И. В.** Сравнительный уставъ о векселяхъ. Т. XI св. зак., ст. 540—684. Съ разъясненіями. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- * **Марлинскій, А.** (А. А. Бестужевъ). Амхалатъ-Бекъ. Кавказская быль. Съ портретомъ автора. Изд. 2-е. („Дешевая бібліотека“). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.
- Страшное гаданіе.— Два вечера на бивуакѣ.— Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 2-е. („Дешевая бібліотека“). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.
- Матвѣевъ, П. А.** Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- Матвѣевскій, А. П.** Алфавитный указатель къ первымъ девяти томамъ (I—IX т.) св. законовъ Россійской имперіи. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.
- Обзоръ содержанія, изданій и продолженій св. зак. Россійской Имперіи (I—XV т.). Спб. 1887 г. Ц. 30 к.
- Мироновъ, Н.** Характеристика русскихъ писателей. I. Л. Н. Толстой. Вып. I. М. 1887 г. Ц. 1 р.
- Молчановскій, Н.** Цеховая система въ Пруссіи XVIII вѣка и реформы цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ. Кіевъ. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Монтвидъ-Клеменовъ, Д.** По волнамъ. Рассказы и сценки. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Монтенень-де, Ис.** Кровавое дѣло. Романъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
- Мордовцевъ, Д. Л.** Изъ прошлаго. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1887 г. Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.
- Муравлинъ, Дм.** Около любви. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- Муратовъ, Н. А.** Очеркъ грамматики старословенскаго языка. М. 1887 г. Ц. 1 р.
- Нагуевскій, Д. И., проф.** О жизнеописаніи Ювенала. Изслѣдованіе. Изд. 2-е, дополи. Казань. 1887 г. Ц. 80 к.
- Надсонъ, С. Я.** Сборникъ журнальныхъ и газетныхъ статей, посвященныхъ памяти поэта, съ приложеніемъ портрета. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.
- Некрасовъ, И. С.** О значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы. Одесса. 1887 г. Ц. 15 к.
- О значеніи Лермонтова и Гоголя въ исторіи русской литературы. Одесса. 1887 г. Ц. 30 к.
- Ниссоловичъ, Л.** Торгово-промышленныя совѣщательныя учрежденія въ Россіи. Историческій очеркъ. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.
- О значеніи М. Н. Каткова. М. 1887 г. Ц. 10 к.
- О скорбяхъ и нуждахъ нашихъ и долгѣ участія каждаго изъ насъ въ дѣлѣ избавленія отъ нихъ. Историческіе и статистическіе листки. Вып. I. Спб. 1887 г. Ц. 70 к.
- Овсяннико-Нуликовскій, Д. Н.** Къ исторіи культа огня у индусовъ въ эпоху Вѣдъ. Изслѣдованіе. Одесса. 1887 г. Ц. 1 р.
- Опытъ періодическаго указателя книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. № 1.** 1887 г. Спб. Ц. 3 к.
- Орловъ, А. П.** Землетрясенія и ихъ соотношенія съ другими явленіями природы. Казань. 1887 г. Ц. 1 р.

- Острогорский, В.** Этюды о русскихъ писателяхъ. I. И. А. Гончаровъ. М. 1887 г. Ц. 75 к.
- Перфильевъ, М. О.** Русскія работы по сифилодологии за послѣднія шесть лѣтъ съ 1880 — 1886 г. Вып. I. Спб. 1887 г. Ц. 60 к.
- * **Полевой, Ксенофонтъ.** Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. 2 т. Спб. 1887 г. Ц. за 2 т. 2 р.
- Покровский, Е. А.** Дѣтскія игры, преимущественно русскія (въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигиеной). М. 1887 г. Ц. 2 р.
- Поповъ, В. Т.** Городъ Тотма, Вологодской губ. Историческій очеркъ. Вологда. 1887 г. Ц. 50 к.
- Практическій** рѣзбовъ, карманная кн. для удильщиковъ - спортсменовъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пругавинъ, А. С.** Расколь-сектанство. Матеріалы для изученія религиозно-бытовыхъ движеній русскаго народа. Вып. I. М. 1887 г. Ц. 3 р.
- Пташицкій, С. Л.** Описаніе книгъ и актовъ литовской метрики. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пузыревскій, А.** Десять лѣтъ назадъ. Война 1877 — 1878 гг. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.
- Путешествіе** шаха Насръ-Эд-Дина по Мазандерану (собственный его величества дневникъ). Спб. 1887 г. Ц. 50 к.
- Ревринъ, И. А.** Семейная положенія по отбыванію воинской повинности. Казань. 1887 г. Ц. 25 к.
- Рибо, Т.** Волѣзни личности. М. 1887 г. Ц. 75 к.
- Русская геологическая** бібліотека за 1886 годъ. Состав. подъ редакцію С. Никитина. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.
- Рѣдковская, О.** Руководство для преподаванія элементарнаго рисованія. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.
- Рѣшетниковъ, Ѡ. М.** Въ омутѣ (Засѣдатель). Драма въ 5 дѣйств. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.
- Салиасъ, Е. А., графъ.** Юнъ-Кундзе. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М. 1887 г. Ц. 2 р.
- Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ).** 23 сказки. Изд. 2-е, съ приложеніемъ "Рождественской сказки". Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мелочи жизни. 2 ч. Спб. 1887 г. Ц. за 2 ч. 3 р.
- Сборникъ** рисунковъ русскихъ художниковъ. Въ помощь бѣднымъ дѣтямъ. М. Ц. 2 р.
- статей, рассказовъ, стихотвореній и факсимиле русскихъ писателей. Въ помощь бѣднымъ дѣтямъ. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія на 1887—1888 г. Воронежъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Свѣдѣнія** о вѣшной торговлѣ по европейской границѣ за время съ 1 января по 1 сентября 1887 г. Спб. Ц. 50 к.
- Свѣшниковъ, П.** Зажигательныя кривныя при преломленіи свѣтовыхъ лучей и приложеніе къ опредѣленію изображеній предметовъ въ преломляющихъ срединахъ. Казань. 1887 г. Ц. 50 к.
- Святловскій, Е.** Матеріалы по вопросу о санитарномъ положеніи русскаго крестьянства. Харьковъ. 1887 г. Ц. 2 р.
- Селли, Джемсъ.** Основныя начала психологии и ея примѣненія къ воспитанію. Спб. Ц. 1 р. 75 к.
- Сенниковъ, Генр.** Огнемъ и мечемъ. Историческій романъ, въ 2-хъ томахъ. Спб. 1887 г. Ц. за 2 т. 3 р.
- Смирновъ, В. Д.** Крмыское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка. Спб. 1887 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Силабовскій, Д. Я.** Христіанскій взглядъ на неравенство состояній людей на землѣ. М. 1887 г. Ц. 50 к.
- Соболевъ, И. П., д-ръ.** Галактотерія или леченіе молокомъ и сывороткою. М. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Соболевъ, А. С.** Руководство объ уженіи рыбы въ Москвѣ-рѣкѣ. М. 1887 г. Ц. 50 к.
- * **Соллогубъ, Владиміръ Александровичъ, графъ.** Воспоминанія. Съ портретомъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Соколовъ, М. Е.** Старо-русскіе солнечные боги и богини. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Симбирскъ. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Срезневскій, Б.** Нѣкоторыя указанія относительно пользованія метеорологическими картами, помѣщаемыми въ газетахъ. Спб. 1887 г. Ц. 15 к.
- Стасюлевичъ, М.** Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Т. III. Изд. 2-е. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.
- Страховъ, Н.** Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Кн. I. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кригическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изд. 2-е. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Страховъ, И.** Греческая этимологія по Кэги. М. 1887 г. Ц. 75 к.
- Суворова, А.** Экономная хозяйка. Со-

став. подъ редакц. врача И. И. Гончарова. Спб. Ц. 75 к.

Сухонинъ, П. Русская свадьба въ исходѣ XVI вѣка. Драматическое представлѣніе изъ частной жизни нашихъ предковъ. Въ 3-хъ дѣйств. Изд. 2-е. Спб. 1884 г. Ц. 50 к.

Таганцевъ, Н. С. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г. Изд. 5-е, дополн. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.

Тамашевъ, И., д-ръ. Политическая судьба Константинополя, балканскихъ народовъ и отношеніе ихъ къ Россіи и западно-европейскимъ государствамъ. Спб. 1887 г. Ц. 90 к.

Тарновскій, Н. Г. Сочиненія. Харьковъ. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тихомандрицій, М. Краткій курсъ высшей алгебры. Харьковъ. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тихомировъ, А. Справочный словарь церковно-славянскаго языка. М. 1887 г. Ц. 30 к.

Толычева, Т. Разказы старушки объ осадахъ Севастополя. Изд. 2-е. М. 1887 г. Ц. 40 к.

Томановъ, И. Сборникъ матеріаловъ для VII археологическаго съезда въ Ярославль. Вып. II и III. Ярославль. 1887 г. Ц. 75 к.

Urwil, W. Основы построенія частей машинъ. М. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Урсинъ, М. Очерки изъ психологіи славянскаго племени. Славянофила. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фаминцынъ, А. С. Учебникъ физиологіи растений. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Хандриковъ, Мит. Курсъ анализа. Ч. III. Кіевъ. 1887 г. Ц. за 3 ч. 6 р.

Хвольсонъ, О. Объ абсолютныхъ единицахъ въ особенности магнитныхъ и электрическихъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Популярныя лекціи объ основныхъ типотезахъ физики. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Черни, Валеріанъ. Питеръ-Тиммерманъ. Историческая повѣсть. Съ рисунками. Спб. Ц. 40 к.

Шавровъ, Н. Сельскохозяйственно-промышленный очеркъ Итальянскаго королевства. Тифлисъ. 1887 г. Ц. 30 к.

— Пробовый дубъ и возможность разведенія его въ Закавказьи. Тифлисъ. 1887 г. Ц. 30 к.

Шатиловъ, Л. Н. Водоворотъ жизни. Романъ въ 2-хъ част. Харьковъ. 1887 г. Ц. 2 р.

Шебуевъ, Г. Н. Руководство къ теоретической оптикѣ. Вып. II. Казань. 1887 г. Ц. 1 р.

Шерцль, В. Всемирный языкъ и жестикюляція. М. 1887 г. Ц. 30 к.

* **Шиллеръ, его жизнь и избранныя стихотворенія.** Съ 43 рисунками. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Широдубинъ. Двѣ современницы. Романъ. Харьковъ. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Шопенгауэръ, А.** Афоризмы и максимы. Переводъ Ф. В. Черниговца. Изд. 2-е, дополн. и умноженное. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.

Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ какъ человекъ и какъ мыслитель (1788—1860 гг.). Опытъ біографіи. Т. I. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Штрюмпель, А., д-ръ. Руководство къ клиническому изслѣдованію больныхъ. Спб. 1887 г. Ц. 25 к.

Щегловъ, Ив. Гордіеъ узель. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Эпштейнъ, В., д-ръ. Тучность и ея леченіе на физиологическихъ началахъ. М. 1887 г. Ц. 1 р.

Эсмаркъ, Ф., д-ръ. Какими работами дамы могутъ быть полезны въ военное время. Спб. 1887 г. Ц. 15 к.

Эсперанто, д-ръ. Международныи языкъ. Предисловіе и полный учебникъ. Варшава. 1887 г. Ц. 15 к.

Эйхельманъ, О. Христоматія русскаго междунаrodnаго права. Ч. I. Кіевъ. 1887 г. Ц. 2 р. 25 к.

Юргенсенъ, Т., д-ръ. Руководство частной паталогіи и терапіи, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на леченіе. Вып. 2-й. М. 1887 г. Ц. 1 р.

Ягвъ, Н. Повсемѣстное распространеніе газовъ и паровъ въ пространствѣ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Языновъ, Николай Михайловичъ. Стихотворенія. М. 1887 г. Ц. 40 к.

Ярмонинъ, В. Золото и кредитный рубль. Изд. 2-е, значительно дополнен. Спб. 1887 г. Ц. 40 к.

Ясинскій, П. А. Курсъ акушерства для врачей и студентовъ. Ч. I. Харьковъ. 1887 г. Ц. 4 р. 50 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

(ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА).

ВЪ 10-ТИ ТОМАХЪ, СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ: БІОГРАФІИ А. С. ПУШКИНА, ЕГО ПОРТРЕТОВЪ И РИСУНКОВЪ.—ПРИМЪЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.—АЛФАВИТНЫЙ И ХРОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛИ КО ВОСЪМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ.

ЦѢНА ЗА 10 ТОМОВЪ 1 Р. 50 К., СЪ ПЕРЕС. 2 Р.

ТОМЪ I. Поэмы и сказки. (Русланъ и Людмила.—Кавказскій плѣнникъ.—Братья разбойники.—Багчисарайскій фонтанъ.—Цыганы.—Графъ Нулинъ.—Полтава.—Галубъ.—Домикъ въ Коломнѣ.—Мѣдный всадникъ.—Анджело.—Сказки.—Слово о полку Игоревѣ).

ТОМЪ II. Драматическія произведенія. (Борисъ Годуновъ.—Сцены изъ Фауста.—Скупой рыцарь.—Моцартъ и Сальери.—Каменный гость.—Пиръ во время чумы.—Русалка.—Сцены изъ рыцарскихъ временъ.—Драматическіе этюды.—Примѣчанія).

ТОМЪ III. Стихотворенія.

ТОМЪ IV. Стихотворенія.

ТОМЪ V. Евгений Овѣгинъ.

ТОМЪ VI. Повѣсти. (Повѣсти Бѣлкина.—Дубровскій.—Капитанская дочка.—Пиковая дама.—Кирджали.—Арапъ Петра Великаго.—Исторія села Горохина.—Рославлевъ.—Египетскія ночи).

ТОМЪ VII. Историческія сочиненія и путешествіе въ Арзрумъ.

ТОМЪ VIII. Письма.

ТОМЪ IX. Дневникъ.—Записки.—Историческія статьи и разныя замѣтки.

ТОМЪ X. Лицейскія стихотворенія и отрывки.

Отдѣльные томы по 20 к., съ перес. 30 к., исключая тома I и VI, которые прод. по 25 к., съ перес. по 35 к.

Все изданіе въ пакѣтъ стоитъ 2 р. 30 к., съ перес. 3 р., въ изящн. коленкор. переп. въ 7-ми книгахъ 2 р. 90 к., съ перес. 3 р. 90 к., тоже въ 10-ти книжкахъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціею и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова.

Это изданіе состоитъ изъ СЕМИ томовъ:

Т. I. Лирическія стихотворенія (1812—1825).—Т. II. Лирическія стихотворенія (1826—1836).—Поэмы (1820—1824).—Т. III. Поэмы и драматическія произведенія (1825—1833).—Т. IV. Романы, повѣсти, сцены, отрывки изъ повѣстей и неоконченные рассказы. Путешествіе (1827—1835).—Т. V. Критическія, библиографическія, полемическія и историческія статьи и замѣтки. Дневникъ. (1815—1837).—Т. VI. Исторія пугачевского бунта. Историческіе матеріалы (1832—1836).—Т. VII. Письма (1816—1837).

Съ портретами А. С. Пушкина, дополнительными библиографическими примѣчаніями и указателемъ именъ и предметовъ.

Цѣна за семь томовъ шесть р., коленкоровомъ переп. съ черн. тисненіемъ 8 р. 50 к., съ золот. тисненіемъ 9 р., въ роскошн. переп. съ шагреновымъ корешкомъ и углами, съ золот. обрѣзкомъ 14 руб.

Гг. иногородные на пересылку прилагаютъ 2 руб.

— Что касается Лёбрена, то слухи эти, вѣроятно, не лишены основанія,—замѣтилъ Германъ,—судя по тѣмъ подробностямъ, которыя онъ сообщилъ мнѣ о любовныхъ дѣлахъ Геронима при первомъ же знакомствѣ.

— Если хотите послушаться моего совѣта,—сказала баронесса, вставая съ мѣста,—то сдѣлайте визитъ этому болтливому старику; отъ него вы можете собрать свѣдѣнія, которыя могутъ вамъ пригодиться... Однако, наша бесѣда продолжалась слишкомъ долго. Послушаемъ, о чемъ говорятъ другіе.

Съ этими словами, хозяйка дома присоединилась къ остальному обществу. Германъ послѣдовалъ ея примѣру.

VI.

Визитъ къ Лёбрену.

Германъ вернулся домой довольно поздно и напелъ на своемъ письменномъ столѣ листъ бумаги, исписанный крупнымъ размашистымъ почеркомъ, съ подписью Pigault-Lebrun. Онъ прочелъ слѣдующее:

«Вы вернулись изъ вашего путешествія, но я, къ сожалѣнію, не засталъ васъ дома; и съ трудомъ могъ добиться отъ вашей старой хозяйки, чтобы она дала мнѣ листъ бумаги, чтобы написать нѣсколько строкъ. Я хотѣлъ передать вамъ извиненіе г-жи Симсонъ въ томъ, что она не могла принять васъ, когда вы были у ней съ визитомъ и объясниться съ вами отъ ея имени. Завтра воскресенье; можетъ быть, вы вздумаете отправиться на прогулку въ королевскій паркъ и навѣстить меня. Я буду ожидать васъ къ тому времени, когда откроютъ фонтаны.

«Кромѣ того, мы получили изъ Парижа много интересныхъ книгъ для будущей бібліотеки короля; нѣкоторыя изъ нихъ вы прочтете съ удовольствіемъ. Пока они не отданы въ переплетъ, вы получите ихъ отъ меня. Быть можетъ, рѣшено судьбою, что когда короли покупаютъ книги, то между ихъ подданными найдутся люди, которые читаютъ ихъ. Мой другъ Андриѣ говоритъ въ своемъ «Meunier de Sans-Souci»:

«Et ces malheureux rois,
dont on dit tant de mal, ont du bon quelquefois.»

Германъ, читая записку Лёбрена, невольно улыбнулся, вспомнивъ совѣтъ баронессы Бюловъ сдѣлать ему визитъ, съ цѣлью вывѣдать отъ него то, что ему нужно. Очевидно, Лёбренъ желалъ видѣть его, съ тою же цѣлью. Предстоящее объясненіе теперь имѣло для него двойной интересъ; и онъ рѣшилъ во всякомъ случаѣ воспользоваться приглашеніемъ, а также скрыть отъ Лёбрена,

что письмо Маренвилля къ Сесили въ его рукахъ. Помимо того, что ему было неловко упоминать о самомъ фактѣ кражи письма, онъ боялся возстановить противъ себя любимца короля и этимъ испортить свою дальнѣйшую будущность. Въ виду той опасности, которая грозила ему, онъ мысленно благославлялъ судьбу, что держалъ себя съ Сесилью на извѣстномъ разстояніи, такъ какъ теперь ничто не мѣшало ему отступить безъ нарушенія приличій.

Быть можетъ, онъ отложилъ бы визитъ Лёбрену до другого раза, если бы помимо этого ему не предстояло отправиться на прогулку въ королевскій паркъ.

Натузіусъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Касселя, предложилъ невѣстѣ и ея сестрамъ съѣздить въ Лёвенбургъ, резиденцію прежняго курфирста, и по дорогѣ завернуть въ королевскій паркъ, чтобы еще разъ взглянуть на фонтаны. Г-жа Энгельгардтъ была нездорова и попросила Лину отправиться вмѣсто нея съ дочерьми, а Натузіусъ съ своей стороны пригласилъ Германа. Послѣ ранняго обѣда, они двинулись въ путь. Погода стояла прекрасная, но, по случаю отъѣзда короля, въ паркѣ не было видно никого изъ высшаго общества. Хозяинъ гостинницы воспользовался этимъ, чтобы устроить празднество для горожанъ. Въ разныхъ мѣстахъ составились танцы; слышался смѣхъ и веселые возгласы. Публика была довольно разнообразная: молодыя горничныя въ бѣлыхъ платьяхъ и, съ вѣнками цвѣтовъ на головахъ, расхаживали парами или подъ руку съ своими возлюбленными. Жены бюргеровъ торжественно выступали въ длинныхъ турецкихъ шаляхъ, подъ которыми скрывались корзиночки и мѣшки съ съѣстными запасами для мужа и дѣтей, между тѣмъ, какъ ихъ дочери съ упоеніемъ предавались танцамъ.

Германъ простился съ своими спутниками у фонтановъ, говоря, что долженъ сдѣлать визитъ Лёбрену, и обѣщалъ присоединиться къ нимъ въ Лёвенбургѣ.

Онъ засталъ стараго романиста въ довольно безпорядочномъ туалетѣ; но на этотъ разъ Бабетъ была въ полномъ парадѣ; одѣтая съ большимъ вкусомъ, она сіяла молодостью и красотой, чему отчасти способствовали и косметическія средства.

Послѣ обмѣна взаимныхъ любезностей и поверхностнаго осмотра книгъ, присланныхъ для королевской бібліотеки, Лёбренъ сталъ придумывать разные предлоги, чтобы удалить Бабетъ. Но она дѣлала видъ, что не понимаетъ его намековъ, и со смѣхомъ отказывалась отъ разныхъ порученій, которыя онъ давалъ ей. Германъ началъ терпѣніе и, наконецъ, прямо спросилъ Лёбрена, что хотѣлъ онъ передать ему отъ имени г-жи Симсонъ, добавивъ, что долженъ поспѣшить въ Лёвенбургъ, гдѣ его ожидаютъ знакомые...

— Я провожу васъ туда,—сказалъ Лёбренъ.—Что касается г-жи

Симсонъ, то она сама хотѣла объяснить вамъ причину, почему не могла принять васъ.

— Это очень любезно со стороны ея превосходительства!—возразилъ Германъ.—Но я могу винить только самого себя, потому что своими частыми посѣщеніями вполне заслужилъ, чтобы мнѣ напомнили о моей неумѣстной навязчивости.

— Comment, Monsieur le docteur! — воскликнулъ съ испугомъ Лёбрень.—Какъ это могло прійти вамъ въ голову? Клянусь честью вы ошибаетесь. Повѣрьте мнѣ, что мадемуазель Сесиль...

Лёбрень остановился и украдкой взглянулъ на Бабетъ, которая въ это время съ равнодушнымъ видомъ поправляла прическу передъ зеркаломъ, хотя не пропустила ни одного слова изъ происходившаго разговора.

— Вѣроятно, вамъ извѣстно, что обѣ молодыя дамы были въ Ненндорфѣ?—спросилъ Лёбрень.

— Да, я слышалъ отъ мадамъ Гейстеръ, что она имѣла удовольствие видѣть ихъ тамъ; и онѣ даже сдѣлали ей визитъ.

— Если не ошибаюсь, то мадамъ Гейстеръ была съ ними на какой-то прогулкѣ въ Ненндорфѣ? — продолжалъ Лёбрень, внимательно слѣдившій за выраженіемъ лица своего собесѣдника.

— Въ первый разъ слышу объ этомъ!—возразилъ Германъ.—Насколько я могъ понять изъ словъ самого Гейстера, онѣ ѣздили въ Ненндорфъ по дѣламъ и пробылъ тамъ съ женой самое короткое время. Быть можетъ, поэтому они и не сообщали мнѣ никакихъ подробностей о своемъ путешествіи.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ нечего и спрашивать васъ!—воскликнулъ со смѣхомъ Лёбрень.—А теперь вернемся къ нашему разговору: вы явились съ визитомъ къ мадамъ Симсонъ въ такое время, когда она въ ожиданіи пріѣзда дочери и племянницы не велѣла принимать никого изъ постороннихъ. Но она надѣется, что это не помѣшаетъ вамъ снова навѣстить ихъ.

— Если бы я былъ увѣренъ, что меня ожидаетъ прежній радушный пріемъ,—сказалъ съ улыбкой Германъ,—то непременно отправился бы къ нимъ въ слѣдующій jour fixe...

— Въ пятницу?—перервалъ Лёбрень.—Нѣтъ, вамъ нечего откладывать такъ долго своего визита! вы явитесь къ нимъ завтра вечеромъ и запросто, какъ вы бывали прежде. Завтра, я самъ собираюсь къ нимъ, а Сесиль...

Лёбрень замолчалъ и опять взглянулъ на Бабетъ; затѣмъ, быстро поднялся съ своего мѣста и, обращаясь къ Герману, сказалъ:

— Однако, простите, г. докторъ, вы заявили, что друзья ожидаютъ васъ въ Лёвенбургѣ, я провожу васъ... Подождите одну секунду, позвольте мнѣ одѣться...

Съ этими словами, Лёбрень торопливо вышелъ въ сосѣдную комнату, оставивъ дверь открытою. Бабетъ посмотрѣла ему вслѣдъ

и, убѣдившись, что онъ занятъ своимъ туалетомъ, осторожно подкралась къ Герману и шепнула ему на ухо:

— Сесиль должна уѣхать отсюда по приказанію императора... Лёбрень провожаетъ ее до Майнца... Это трагическая исторія!.. Зайдите ко мнѣ надняхъ, когда Лёбрена не будетъ дома... я все расскажу вамъ!

При этомъ Бабетъ такъ низко наклонилась къ Герману, что онъ отодвинулся и указаль ей на открытую дверь. Она поспѣшно вернулась на свое мѣсто.

Тишина въ сосѣдней комнатѣ показалась подозрительной Лёбрену, и онъ, не окончивъ своего туалета, выглянулъ изъ дверей:

— Я сейчасъ выйду, г. докторъ!—крикнулъ онъ.

Дѣйствительно, Лёбрень явился черезъ нѣсколько секундъ, со всѣмъ одѣтый и съ шляпой въ рукѣ. Бабетъ поспѣшно накинула шаль и, съ видимымъ желаніемъ поддразнить своего сожителя, сказала торжественнымъ тономъ:

— Я иду съ вами, милый дядя!

— Нѣтъ, вы не пойдете съ нами, Бабетъ!—возразилъ Лёбрень и сталъ уговаривать ее остаться дома; но видя, что она упрямо настаиваетъ на своемъ и отвѣчаетъ смѣхомъ на его увѣщанія, онъ потерялъ терпѣніе и крикнулъ сердито:

— *Sacré mille*, Бабетъ! Ты останешься, я тебѣ приказываю!..

Съ этими словами, Лёбрень выбѣжалъ изъ комнаты и, закрывъ дверь на ключъ, догналъ Германа, который въ это время уже сходилъ съ лѣстницы. Но едва успѣли они дойти до крыльца, какъ Бабетъ появилась изъ другихъ дверей и крикнула съ громкимъ смѣхомъ:

— Счастливаго пути, мой сѣдой Меркурій, но ты напрасно безпокоишь себя!

Этотъ насмѣшливый возгласъ смутилъ Лёбрена; онъ прошелъ молча нѣсколько шаговъ и только тогда рѣшился возобновить прерванный разговоръ, когда они свернули на главную аллею, гдѣ Бабетъ не могла наблюдать за ними.

— Наконецъ-то можемъ мы поговорить съ вами наединѣ!—сказаль Лёбрень.—Я долженъ сказать вамъ, что Сесиль... Но что это значить? Сюда спѣшить камердинеръ Симсоновъ, не за мной ли?

Предположеніе Лёбрена оказалось вѣрнымъ. Это былъ посланный отъ г-жи Симсонъ, которая ожидала его на площадкѣ передъ дворцомъ.

— Вотъ досада!—сказаль Лёбрень вполголоса, видимо, удивленный такимъ неожиданнымъ приглашеніемъ.—Мнѣ приходится оставить васъ... Но вы зайдете завтра къ Симсонамъ, и мы постараемся уговорить Сесиль не покидать Касселя. *Escoutez*, дѣло, по которому она пріѣхала сюда, окончилось благополучно. Король былъ такъ милостивъ, что посѣтилъ ее въ Ненндорфѣ и самъ сообщилъ ей

объ этомъ. Все устроилось къ выгодѣ мадемуазель Сесиль или, вѣрнѣе сказать, ея матери... Она стремится въ Парижъ; г-жа Симсонъ въ отчаяніи... Однако, до свиданія, побѣдитель сердецъ!

Германъ съ улыбкой посмотрѣлъ ему вслѣдъ и направился къ Лёвенбургу. Въ это время Лёбрень подошелъ къ г-жѣ Симсонъ, которая сидѣла на скамьѣ, подъ тѣнью деревьевъ.

— Васъ нужно отыскивать, мосье Лёбрень,—сказала она, едва кивнувъ головой, въ отвѣтъ на его поклонъ.—Чтобы имѣть честь видѣть васъ, я должна была пріѣхать сюда, когда здѣсь собрался простой народъ и не видно ни одного порядочнаго человѣка!

— Прошу извиненія у вашего превосходительства, но сегодня утромъ я назначилъ свиданіе молодому доктору... какъ его... все забываю его фамилію! а вечеромъ я собирался къ вамъ... Представьте себѣ, ему совершенно неизвѣстно о томъ, что произошло въ Ненндорфѣ. Онъ только жаловался мнѣ, что вы его не привяли, и приписываетъ это своей навязчивости.

— Я не ожидала отъ васъ такой наивности, мосье Лёбрень! Развѣ вы не видите, что онъ хочетъ провести васъ?

— Меня провести! Вы очень ошибаетесь, мадамъ Симсонъ... Не легко обмануть автора такихъ романовъ, какъ «Les barons de Felsheim» и «L'enfant du carnaval»... Откажитесь отъ вашихъ словъ, мадамъ Симсонъ!

— Хорошо, не будемъ говорить объ этомъ!—возразила она, съ трудомъ удерживая улыбку.—Во всякомъ случаѣ, мы избавлены отъ главной заботы...

— Я только что докладывалъ вамъ это!

— Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга, мосье Лёбрень...

— Вы безпокоились, что докторъ узнаетъ о связи Сесили?

— Не въ этомъ дѣло!—возразила съ нетерпѣніемъ г-жа Симсонъ.—Меня всего больше заботилъ вопросъ, какъ объяснить моему мужу внезапный отъѣздъ Сесили. Къ счастью, сестра моя догадалась послать ему письмо, въ которомъ требуетъ возвращенія Сесили въ Парижъ, а мнѣ она прямо пишетъ, что императоръ приказалъ ей вызвать дочь изъ Касселя не позже августа. Симсонъ очевидно ничего не подозрѣваетъ, а это для меня всего важнѣе... Сесиль укладываетъ свои вещи, а вы, мосье Лёбрень, готовьтесь въ путь; послѣ завтра, вы должны выѣхать съ нею.

— Вотъ было бы хорошо, если бы намъ удалось выдать ее замужъ!

— Тогда скрываться будетъ нечего; и мы опять вызовемъ ее сюда,—возразила г-жа Симсонъ раздраженнымъ голосомъ.—Кажется объ этомъ распространяться нечего!

— Значитъ, нужно выѣхать во вторникъ?—спросилъ Лёбрень, который былъ не особенно доволенъ предстоящимъ путешествіемъ.— Но, говорятъ, Геронимъ возвращается въ среду, онъ, вѣроятно, пожелаетъ видѣть Сесиль, чтобы проститься съ нею...

— Королеву также ожидаютъ въ среду; слѣдовательно, Геронимъ долженъ встрѣтить ея величество. Къ тому же онъ простился съ Сесилью въ Ненндорфѣ и, нужно отдать ему справедливость, онъ выказалъ необыкновенную щедрость, какъ это всегда бываетъ съ нимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду новая привязанность.

Г-жа Симсонъ произнесла послѣднія слова насмѣшливымъ тономъ, потому что она слишкомъ презирала Лёбрена, чтобы выразить ему свое огорченіе, и была настолько осторожна, чтобы не сказать что нибудь лишнее, зная, что онъ все можетъ выболтать королю.

— Вы говорите, что у Геронима въ виду новая привязанность?— спросилъ съ живостью Лёбрень.

Г-жа Симсонъ молчала, какъ бы соображая свой отвѣтъ, затѣмъ сказала серьезнымъ тономъ:

— Насколько я могла замѣтить, у Геронима бываютъ роковыя минуты, которыя играютъ большую роль въ его жизни. Вы знаете, до какой степени онъ былъ привязанъ къ моей племянницѣ; страсть эта была во всей силѣ, когда онъ выписалъ ее въ Ненндорфъ и продолжалась до того утра или, вѣрнѣе сказать, момента, когда красавица ворвалась неожиданно въ комнату Сесили. Тутъ произошло какъ бы магическое превращеніе съ сердцемъ короля. Онъ сразу охладѣлъ къ Сесили и воспылалъ къ прелестной женщинѣ, которая на секунду предстала передъ нимъ въ «миломъ смущеніи», хотя, конечно, трудно сказать, что она чувствовала тогда.

— Вы правы, мадамъ Симсонъ, я самъ могъ убѣдиться какое значеніе имѣютъ для короля извѣстныя минуты. Но объясните мнѣ, пожалуйста, отъ кого узнали вы всѣ эти подробности?

— Отъ Маренвилля, который вчера прибылъ въ Кассель, чтобы узнать какія празднества готовятся къ приему Геронима. Кромѣ того, онъ хочетъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, чтобы доставить его величеству возможность увидѣть вблизи красавицу. Король спораетъ отъ нетерпѣнія познакомиться съ нею и объясниться въ любви. Гейстеру предстоитъ блестящая будущность, я заранѣе предсказываю это!

— Но, какимъ образомъ, Маренвилль рѣшился сообщить все это вамъ, родной теткѣ Сесили?

— Я не вижу въ этомъ ничего особеннаго. Письмо императора получено было въ Ненндорфѣ вечеромъ, въ тотъ же день, сношенія короля съ Сесилью были прерваны, и Маренвилль своимъ рассказомъ задѣлъ гордое и ревнивое сердце Сесили. Ей будетъ легче уѣхать отсюда!.. Кромѣ того, ему извѣстно, что я была въ постоянномъ страхѣ, что мужъ мой тѣмъ или другимъ путемъ узнаетъ эту исторію.. Вы видите, Маренвилль понимаетъ людей не хуже автора «L'enfant du carnaval».

— Если такъ, то à la bonne heure, Madame! — возразилъ Лёбрень.— Но мнѣ, кажется, что вашей племянницѣ было бы еще пріятнѣе выйдти замужъ за красиваго доктора и остаться въ Касселѣ, наперекоръ королю.

— Вы забываете приказаніе императора, которымъ нельзя пренебрегать! — сказала г-жа Симсонъ, поднимаясь съ мѣста.— Не говоря о томъ, что пропавшее письмо навѣрно въ рукахъ молодого чело-вѣка и на него нельзя разсчитывать, обстоятельства настолько перемѣнились, что Геронимъ не станетъ заботиться объ его повыше-ніи, а если у него не будетъ виднаго положенія въ свѣтѣ, то нечего и жалать этого брака. Allons, проводите меня до экипажа...

VII.

Adieu, mademoiselle Cecile!

Между тѣмъ, Германъ достигъ Лёвенбурга, и, пройдя подъемный мостъ, вступилъ на вымощенный дворъ, окруженный строе-ніями. Въ это время Натузіусъ съ дамами выходилъ изъ дворцо-вой капеллы и собирался идти въ арсеналъ, гдѣ была коллекція стариннаго оружія. Онъ былъ въ наилучшемъ настроеніи духа и, взявъ подъ руку Германа, остановилъ его среди двора, чтобы ука-зать ему на великолѣпную архитектуру дворца, построеннаго быв-шимъ курфирстомъ во вкусѣ XV вѣка. Въ томъ же стилѣ были меблированы всѣ комнаты верхняго этажа, не исключая кабинета, который по приказанію Геронима остался въ томъ видѣ, въ ка-комъ былъ въ моментъ бѣгства курфирста. На подставкѣ висѣлъ парикъ, и рядомъ на стульяхъ лежалъ мундиръ съ красными от-воротами и длинный жилетъ съ вышитыми золотыми и серебря-ными цвѣтами. На письменномъ столѣ стоялъ приборъ для письма, и были раскинута бумага, которая также осталась не тронутыми, начиная съ листка съ нацарапанными черточками и буквами, вы-веденными для пробы пера. Стѣны были обиты тѣмъ пунцо-вымъ бархатомъ, какъ и вся мебель; того же цвѣта были и шел-ковыя занавѣси у двухъ маленькихъ оконъ. Шкафы, богато укра-шенные рѣзбой, довершали убранство кабинета.

Послѣ осмотра дворца всѣ поднялись на площадку башни, от-куда открывался очаровательный видъ на окрестность. Затѣмъ, Натузіусъ предложилъ своимъ спутникамъ двинуться въ обратный путь.

Веселое настроеніе счастливаго жениха было тѣмъ болѣе кстати для Германа, что его разсѣянность была не такъ замѣтна, и онъ могъ предаваться своимъ мыслямъ. Одна Лина съ безпокойствомъ слѣдила за нимъ; она ясно видѣла по его отвѣтамъ, что мысли его

далеко, онъ или не слышалъ того, о чемъ его спрашивали, или смѣялся надъ пустяками, на которые въ обыкновенное время не обратилъ бы никакого вниманія. Она не могла представить себѣ, что сообщилъ ему Лёбрень и не рѣшалась прямо спросить его объ этомъ. Безпокойство ея увеличивалось при мысли, что онъ, быть можетъ, объяснился съ Сесилью и не въ состоянii скрыть своей радости.

Она провела невеселый вечеръ у Энгельгардтовъ, и напрасно ожидала посѣщенія Германа весь слѣдующій день. Наконецъ, во вторникъ утромъ, онъ послалъ сказать, что придетъ обѣдать къ нимъ; и этимъ только подтвердилъ ея подозрѣнiя: она не сомнѣвалась, что Германъ намѣренъ сообщить ей что нибудь важное и хочетъ сдѣлать это въ присутствii ея мужа.

Людвигъ, по возвращенiи изъ министерства, увидя на столѣ три прибора, спросилъ: кто будетъ?

Она отвѣтила, что въ его отсутствiе Германъ велѣлъ сказать, что собирается обѣдать у нихъ.—А вотъ и онъ самъ! добавила молодая женщина, краснѣя.

— Очень радъ видѣть тебя и догадываюсь, о чемъ ты пришелъ сообщить намъ,—сказалъ Гейстеръ, пожимая руку прiятелю.—Что же, Лина, приготовила ли ты бутылку шампанскаго?

— Да, потому что ты любишь шампанское, Людвигъ, и всегда приказываешь подавать его, когда у насъ обѣдаютъ гости. Но я не придавала этому другого значенiя... развѣ?

Она не рѣшилась досказать своей мысли и молча поздоровалась съ Германомъ, который съ недоумѣнiемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Нѣтъ, Лина, ты не отгадала! сказалъ Гейстеръ.—Мы будемъ пить шампанское, чтобы утѣшить Германа въ его горѣ. Быть можетъ, придется откупорить и другую бутылку, смотря по обстоятельствамъ... Вообрази себѣ, Сесиль уѣхала въ Парижъ!

На лицѣ Германа выразилось радостное изумленiе.

— Правду ли ты говоришь, Людвигъ? спросилъ онъ съ недоумѣнiемъ.

— Откуда же я могъ выдумать это? возразилъ Гейстеръ.

— Значитъ, ты предупредилъ меня, многоуважаемый chef de division! воскликнулъ Германъ. Я пришелъ сегодня съ цѣлью сообщить вамъ, что Сесиль должна выѣхать изъ Касселя, а ты говоришь, что она уѣхала!..

— Благодари небо за такой оборотъ дѣла, другъ мой! и позволь отъ души поздравить тебя,—сказалъ Гейстеръ, протягивая руку прiятелю.

Лина не въ состоянii была долѣе сдерживать свое волненiе и со слезами бросилась на шею Германа.

— Теперь, по крайней мѣрѣ, мы будемъ избавлены отъ страха и безпокойства! воскликнула она, затѣмъ видя, что сдѣлала неловкость, опустила руки и съ смущенiемъ взглянула на мужа.

— Ну, слушайте,—сказалъ Гейстеръ,—я расскажу вамъ, какимъ образомъ я узналъ объ отъѣздѣ таинственной красавицы: сегодня утромъ, подходя къ министерству, я увидѣлъ, что ворота отворены и воспользовался этимъ, чтобы пройти черезъ дворъ въ мое отдѣленіе. Прежде всего поразилъ меня дорожный экипажъ съ почтовыми лошадьми, стоявшій у крыльца, такъ что я не сразу замѣтилъ Симсона, который тутъ же, на дворѣ, разговаривалъ съ Лёбренемъ, одѣтымъ въ дорожное платье. Поровнявшись съ ними, я снялъ шляпу. Министръ отвѣтилъ на мой поклонъ и, вѣроятно, прочелъ на моемъ лицѣ недоумѣніе, потому что обратился ко мнѣ съ такой фразой: «Вы не ожидали меня встрѣтить здѣсь, любезный Гейстеръ, но я провожаю племянницу моей жены, которая возвращается въ Парижъ по требованію своей матери. Мосье Лёбрень изъ любезности ѣдетъ съ нею до Майнца»... При этихъ словахъ, Лёбрень коварно улыбнулся, но я услышалъ голосъ г-жи Симсонъ, которая сходила съ лѣстницы съ своей племянницей и поспѣшно удался... А теперь, Германъ, соберись съ силами, чтобы мужественно перенести неожиданную разлуку. Выражаясь поэтическимъ языкомъ, «запла блестящее свѣтило; ты напрасно будешь томиться и искать его; оно скрылось съ глазъ твоихъ!»...

— Но вѣдь это было только ночное свѣтило, спутникъ Юпитера!—возразилъ со смѣхомъ Германъ,—я не стану особенно оплакивать его. А теперь выслушайте, мой рассказъ, который, вѣроятно, еще больше удивитъ васъ.

— Не хвались раньше времени, Германъ,—возразила Лина.—Быть можетъ то, что ты хочешь сообщить намъ, не будетъ для насъ новостью...

Гейстеръ сдѣлалъ знакъ женѣ, чтобы она молчала и, обращаясь къ Герману, пригласилъ его перейти въ столовую и сѣсть за обѣдъ.

— Мы успѣемъ еще выслушать твой рассказъ,—сказалъ онъ,—а теперь позволь мнѣ замѣтить, что твое отчаяніе выражается довольно страннымъ образомъ! Я давно не видалъ тебя такимъ веселымъ, и приписываю это разстройству нервъ.

— Ты поймешь мое состояніе духа,—возразилъ Германъ,—если я скажу тебѣ, что исчезнувшее свѣтило такъ низко упало въ моихъ глазахъ, что я сразу утѣшился, когда прочелъ одно письмо, которое случайно попало ко мнѣ.

— Дѣйствительно, въ Касселѣ письма часто попадаютъ не къ тѣмъ лицамъ, которымъ они адресованы. Но я все-таки удивляюсь твоему легкомыслію: мнѣ кажется, что потеря любимой дѣвушки должна быть тѣмъ больнѣе для тебя, что ты вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ вѣру въ нее...

Германъ былъ нѣсколько смущенъ этимъ замѣчаніемъ и отвѣтилъ серьезнымъ тономъ:

— Любимой дѣвушки! Въ этомъ и заключалось мое безуміе или

ребячество, называй, какъ хочешь, что я вообразилъ себѣ, что могу заставить себя полюбить Сесиль и даже рѣшилъ домогаться ея руки. И, знаешь ли, съ какою цѣлью?

— Знаю, и поэтому, ты можешь прямо говорить со мной,—возразилъ Гейстеръ.

— Я надѣялся, что этимъ успокою тебя, Людвигъ! сказала Германъ взволнованнымъ голосомъ.—Разлука съ вами пугала меня... Моя женитьба прекратила бы всѣ толки; съ другой стороны, при видѣ вашего семейнаго счастья я сталъ мечтать о подругѣ жизни и вмѣсто золотой монеты едва не навязалъ себѣ потертую игорную марку. Одна мысль объ этомъ приводитъ меня въ ужасъ!..

— Успокойся, мой дорогой Германъ,—возразилъ Гейстеръ,—бѣда миновала и слава Богу! Не будемъ больше говорить объ этомъ и, вообще, отложимъ наше объясненіе до другого раза. А теперь, выпьемъ шампанскаго за нашу дружбу!

Послѣ обѣда Германъ отправился домой, чтобы окончить спѣшную работу и обѣщаль зайти завтра утромъ, чтобы идти вмѣстѣ на прогулку, такъ какъ всѣ присутственныя мѣста велѣно было закрыть, по случаю возвращенія ихъ величествъ; и Гейстеръ могъ располагать собою.

На слѣдующій день, Геронимъ вернулся изъ Ненндорфа, въ девять часовъ утра, чтобы имѣть время отдохнуть съ дороги и принять королеву при ея возвращеніи. Высшіе государственные сановники и придворные встрѣтили его величество на крыльцѣ загороднаго дворца. Король былъ въ мрачномъ настроеніи духа и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ приближенными, велѣлъ позвать къ себѣ Берканьи.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ,—кто здѣсь ведетъ переписку съ Парижемъ? Императору извѣстно все, что до меня касается и даже моей частной жизни. Неужели вы до сихъ поръ ничего не узнали объ этомъ?

— Не смотря на всѣ старанія, я не могъ напасть на слѣдъ этой корреспонденціи, ваше величество,—отвѣтилъ генераль-директоръ полиціи.—Мы съ Потау учредили самый строгій надзоръ за письмами, адресованными въ Парижъ; ни одно изъ нихъ не остается непрочитаннымъ, но пока ничего не открыто!..

— Вамъ, конечно, извѣстно, что Геберти не могла скрыться даже въ домѣ министра юстиціи! Мнѣ жаль бѣднаго Симсона, который былъ совсѣмъ одураченъ этимъ милымъ созданіемъ... Но такъ какъ въ Парижѣ Геберти пользуется самой дурной репутаціей, то ея отъѣздъ не особенно огорчилъ бы меня, если бы не вмѣшательство императора! Вѣдь она не первая, которую мой августѣйшій братъ выпроваживаетъ изъ Касселя. Во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ, Берканьи, принять болѣе рѣшительныя мѣры, чтобы открыть шпи-

она; иначе мнѣ придется назначить начальникомъ полиціи чело-
вѣка, болѣе способнаго къ этой должности, нежели вы.

Берканъ удалился, совершенно разстроенный. Въ кабинетъ во-
шелъ Маренвилль.

— Все будетъ устроено по желанію вашего величества,—доло-
жилъ онъ.—Баронъ Бушпорнъ уже разослалъ билеты на свой ко-
стюмированный балъ; изъ министерствъ будутъ приглашены всѣ
начальники отдѣленій; и я позабочусь, чтобы не забыли Гейстера
и его хорошенькую жену.

— Но захотятъ ли они воспользоваться приглашеніемъ? Вы го-
ворили, что у нихъ *parti pris* избѣгать всякаго общества.

— Всѣ, получившіе приглашеніе, должны явиться на праздникъ,
устроенный въ честь ихъ величествъ, потому что этимъ они мо-
гутъ показать свои вѣрноподданническія чувства!..

Въ этотъ моментъ раздался рожокъ почтальона, а вслѣдъ за-
тѣмъ послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа.

Геронимъ всталъ съ мѣста и, стараясь придать своему лицу ве-
селое выраженіе, поспѣшилъ на встрѣчу своей супругѣ.

Королева привезла съ собой принцессу Гогенлоэ-Кирхбергъ и
представила ее Герониму, который, послѣ обмѣна обычныхъ при-
вѣтствій, взялъ подъ руку обѣихъ дамъ и повелъ ихъ по лѣстницѣ.
Едва поднялись они на нѣсколько ступеней, какъ подъ окнами раз-
дались звуки оркестра, игравшаго національный гимнъ: «*Où peut-on
être mieux qu'au sein de la famille!*»...

VIII.

Ярмарка.

Сентябрь начался ясными теплыми днями, обѣщавшими хоро-
шую осень. Оживленіе, вызванное возвращеніемъ двора въ Кассель,
на этотъ разъ было менѣ замѣтно, потому что совпало съ послѣд-
ними днями кассельской ярмарки. Улицы были переполнены на-
родомъ; среди общаго веселья почти никто не обращалъ вниманія
на вереницу экипажей, съ нарядными дамами и кавалерами, ѣхав-
шими во дворецъ къ парадному обѣду.

Обширное пространство отъ *Königsstrasse* до воротъ Ауэ было
занято балаганами, каруселями, панорамами, и пр. Многочислен-
ные музыканты съ барабанами и кларнетами, пѣвицы, играющія на
цитрахъ, и шарманки еще болѣе увеличивали оглушительный ярмо-
рочный шумъ. Но тѣмъ рельефнѣе выступала торжественная ти-
шина окружающаго осенняго ландшафта, хотя всѣ были слишкомъ
заняты, чтобы замѣтить этотъ контрастъ. Молодежь больше всего тѣ-
снилась около панорамы, гдѣ за четыре сантима показывали Наполе-

она и его маршаловъ, и сильный голосъ скороговоркой прославлялъ геройскіе подвиги новаго Александра Македонскаго. Въ другомъ мѣстѣ толпа спѣшила къ звѣринцу, чтобы взглянуть на львовъ, тигровъ, гіенъ и всякихъ рѣдкихъ звѣрей, пока громкія рукоплесканія на противоположномъ концѣ площади не возвѣстили, что канатные плясуны начали свое представленіе, и часть публики тотчасъ же устремилась въ эту сторону.

Въ лавкахъ и балаганахъ было также немало народу. Лина, при хорошихъ средствахъ мужа, еще въ началѣ ярмарки сдѣлала всѣ необходимыя покупки для зимняго туалета и хозяйства; и теперь пришла сюда съ Германомъ и Людвигомъ въ видѣ прогулки. Они уже не разъ бывали вмѣстѣ на ярмаркѣ и постепенно познакомились съ ея достопримѣчательностями. Чтобы не пропустить ни одного зрѣлища, они рѣшили сегодня зайти къ москѣ Жанеть, чтобы взглянуть на его канареекъ, которые клювами доставали складныя буквы изъ ящичка и составляли изъ нихъ слова, придуманныя кѣмънибудь изъ присутствующихъ. Это рѣдкое зрѣлище, какъ всегда, привлекло многочисленную толпу, которая съ нетерпѣніемъ ожидала появленія самой искусной канарейки, которую Жанеть называлъ «monsieur le professeur». Передъ началомъ представленія онъ торжественно вынесъ ее на своей рукѣ.

— Господа! — воскликнулъ онъ, обращаясь къ публикѣ, — вы видите передъ собою ученаго профессора, который въ своемъ искусствѣ не имѣетъ себѣ равнаго въ Европѣ. Это не простая желтая канарейка! Разсмотрите ее внимательно: у ней сѣрыя перья и зеленоватое брюшко, какъ у ея прародителей на Канарскихъ островахъ. Девять лѣтъ занимался я обученіемъ этой птицы, чтобы надлежащимъ образомъ подготовить ее въ азбукѣ и алгебрѣ, и труды мои не пропали даромъ. Allons, monsieur le professeur, travaillez для вашей собственной славы!

Началось представленіе: еврей Зусманъ пробрался въ первый рядъ зрителей и передалъ Жанету написанное слово, которое должны были сложить канарейки. Исполнивъ это съ нѣкоторой торжественностью, онъ окинулъ глазами публику и, замѣтивъ Германа, крикнулъ ему:

— Г. докторъ, я написалъ знаменитую фамилію Якобсонъ, пусть маленькій профессоръ сложить ее по буквамъ!

При этомъ Зусманъ, чтобы привлечь вниманіе Германа, сталъ махать ему своимъ пестрымъ платкомъ и такъ перепугалъ маленькаго «профессора», что онъ кинулся къ золоченной клѣткѣ, въ которой сидѣли его товарищи, ударился головой о проволоку и упалъ со стола.

— Тише! Бога ради не шевелитесь! — закричалъ Жанеть взволнованнымъ голосомъ, бросаясь на землю, чтобы спасти «профессора». Но испуганная птица, избѣгая руки хозяина, стала ки-

даться подь ноги зрителямъ. Жанеть въ изступленіи кричалъ во все горло, стоявшіе около него, желая помочь его горю, стали также ловить птицу и нечаянно раздавили ее.

Жанеть пришелъ въ полное отчаяніе и, не помня себя отъ ярости, поднялъ кулаки, чтобы ударить виновника несчастія, но такъ какъ Зусманъ успѣлъ исчезнуть въ толпѣ, то онъ схватился обѣими руками за собственную голову. Проклятія, угрозы и жалобы быстро слѣдовали одни за другими.

— Бѣдный мой профессоръ!—проговорилъ онъ сквозь слезы.— Девять лѣтъ дрессировалъ я тебя! Кормилецъ ты мой... adieu! Наполеонъ de tous les canariens... adieu! Et sarcé cochon, погибнуть изъ-за какого-то canaille de juif!..

При послѣднихъ словахъ, оскорбительныхъ для евреевъ, послышался голосъ изъ толпы:

— Остановитесь, мосѣ Жанеть! Полковникъ Бонгаръ приказываетъ вамъ замолчать!

Голосъ показался знакомымъ Герману, и онъ увидѣлъ, что говорилъ молодой человѣкъ, котораго онъ зналъ подь именемъ Вильке. Рядомъ съ нимъ виднѣлась стройная фигура шефа-жандармовъ, Бонгара.

— Зачѣмъ вы упоминаете имя Наполеона и оскорбляете евреевъ, гражданъ Вестфалии! — продолжалъ молодой человѣкъ. — Успокойтесь, мосѣ Жанеть! Васъ постигло несчастіе: знаменитая канарейка отправилась къ праотцамъ. Но кассельскіе евреи щедро вознаградятъ васъ, что вы, по неосторожности одного изъ нихъ, лишились вашего «профессора»... А пока мы закроемъ вашъ балаганъ на сегодняшній день. Многоуважаемые сограждане, прощу васъ, разоидитесь!

Толпа зрителей двинулась къ выходу. Старикъ Бонгаръ, въ знакъ одобренія, потрепалъ по плечу находчиваго молодого человѣка.

Выйдя изъ балагана, Лина выразила свое сочувствіе бѣдному владѣльцу птицы, но Гейстеръ увѣрилъ ее, что обѣщаніе Вильке будетъ выполнено, и Жанеть не останется въ убыткѣ.

— Замѣтили ли вы,—добавилъ онъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ,—что этотъ молодой человѣкъ сначала заступился за евреевъ и назвалъ ихъ гражданами Вестфалии, а затѣмъ безцеремонно распоряжается ихъ карманами и заявляетъ, что кассельскіе евреи должны нести отвѣтственность за неосмотрительность одного изъ своихъ единовѣрцевъ...

Разговаривая, такимъ образомъ, они незамѣтно выбрались изъ толпы и дошли до угла дома министерства юстиціи. Здѣсь имъ встрѣтился Симсонъ, который возвращался домой съ параднаго королевскаго обѣда; онъ выглянулъ изъ окна кареты и подозвалъ къ себѣ Гейстера.

— Вѣроятно, какое нибудь порученіе отъ короля, — замѣтилъ Германъ, идя медленно впередъ подъ руку съ Линой.

— Только бы не на сегодняшній день! — возразила она. — Погода такая прелестная, что мнѣ будетъ очень жаль, если Людвигъ сядетъ за дѣла и разстроится наша прогулка въ королевскій паркъ... На слѣдующей недѣлѣ мы собираемся въ Гомбергъ, на нашу дачу. Ты, конечно, поѣдешь съ нами, Германъ.

— Не знаю, удастся ли, но, во всякомъ случаѣ, я постараюсь побывать у васъ...

Въ это время ихъ нагналъ Гейстеръ.

— Что съ тобой, Людвигъ? — спросила съ удивленіемъ молодая женщина. — У тебя такое сіяющее лицо, что можно подумать, что тебя назначили префектомъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ со смѣхомъ, — но намъ оказали другую честь. Гофмаршалъ Бушпорнъ хочетъ устроить костюмированный балъ, во дворцѣ Belle-Vue, по случаю возвращенія ихъ величествъ; и Симсонъ объявилъ мнѣ, что я также получу приглашеніе въ числѣ высшихъ чиновниковъ министерства юстиціи. Должно быть, король обратилъ на меня свое милостивое вниманіе послѣ моего доклада въ Ненндорфѣ, потому что иначе я не удостоился бы приглашенія на придворное празднество.

— Ты, конечно, отказался отъ этой чести? — спросила Лина.

— Нѣтъ, потому что отказъ могъ повредить мнѣ, хотя я, вообще, не люблю такихъ многочисленныхъ сборищъ! Пойми, Лина, что это своего рода заявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ, и такимъ приглашеніемъ намъ оказываютъ особенный почетъ, такъ что мнѣ ничего не оставалось, какъ принять его... Ты должна придумать себѣ туалетъ, Линьхенъ; вѣдь это костюмированный балъ! Не забудь также, что времени терять нечего, такъ какъ праздникъ будетъ надняхъ...

Вопросъ о костюмѣ настолько занялъ Лину, что первое непріятное впечатлѣніе прошло безслѣдно; она спросила: будетъ ли приглашенъ Германъ на праздникъ гофмаршала?

— Разумѣется, нѣтъ! — возразилъ Германъ. — Ты забываешь, что я не имѣю никакого оффиціального общественнаго положенія или опредѣленнаго занятія, и пока не состою на службѣ!

— Какъ жаль, что тебя не будетъ тамъ, Германъ! — воскликнула она. — Не могу же я весь вечеръ не отходить отъ Людвигъ; въ свѣтѣ это считается mauvais ton, а, между тѣмъ, не найдется, пожалуй, ни одной дамы, съ которой мнѣ было бы пріятно провести время.

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, — замѣтилъ съ досадой Гейстеръ. — Если ты, Лина, говоришь о свѣтскихъ приличіяхъ, то должна соблюдать ихъ. Женщина, которая не желаетъ никого видѣть, кромѣ друзей и близкихъ знакомыхъ, напоминаетъ ребенка,

когда онъ при ходьбѣ придерживается за столы и стулья. Но я могу успокоить тебя: разумѣется, ты встрѣтишь на балѣ многихъ дамъ, которымъ мы дѣлали визиты послѣ свадьбы, и прекрасно проведешь съ ними время въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ.

— Перестань ворчать, Людвигъ, я увѣренъ, что Лина удивить тебя своимъ тактомъ и умѣньемъ держать себя!—сказалъ Германъ, вмѣшиваясь въ разговоръ.—Вспомни, какъ ты былъ доволенъ ею, когда вы дѣлали визиты, и самъ рассказывалъ, что она вела себя, какъ свѣтская дама.

— Постараюсь вести себя такъ и на этотъ разъ!—добавила Лина.—Ты знаешь, Людвигъ, что если ты этого желаешь, то я охотно поѣду на балъ. Но вотъ и нашъ домъ, а послѣ обѣда мы отправимся въ паркъ...

IX.

Костюмированный балъ.

Приглашенія на костюмированный балъ были разсланы до прїѣзда ихъ величествъ, но такъ какъ до назначеннаго вечера оставалось всего нѣсколько дней, то приходилось спѣшить съ приготовленіемъ костюмовъ. Въ семейныхъ домахъ замѣтно было особенное оживленіе; дамы осаждали лавки и модные магазины, прїискивали портнихъ и модистокъ.

Лина была озабочена не менѣе другихъ и придумывала разные костюмы, хотя въ то же время хотѣла одѣться по возможности просто, чтобы не обратить на себя общаго вниманія. Гейстеръ сначала подсмѣивался надъ нею, а затѣмъ объявилъ, что она, во всякомъ случаѣ, должна выбрать себѣ нарядный и изящный костюмъ, который бы соответствовалъ его общественному положенію.

Между тѣмъ, прошло два дня, и Лина не могла ничего рѣшить; наконецъ, она отправилась къ матери, чтобы посоветоваться съ нею и пересмотрѣть ея вещи, въ надеждѣ найти между ними что нибудь подходящее для костюма. Вначалѣ, всѣ ея поиски оказались напрасными; наконецъ, въ одномъ изъ сундуковъ ей попалось подвѣчное платье г-жи Виттихъ изъ дорогого серебристаго штофа съ затканными голубыми цвѣтами. Она смѣясь помѣрила его и рѣшила, что не можетъ желать лучшаго костюма. Покрой платья представлялъ полный контрастъ съ новой французской модой и ея уродливо короткой тальей. Длинный узкій лифъ красиво обрисовывалъ стройную фигуру молодой женщины и, хотя фіжмы и турнюръ казались ей лишними, но она не хотѣла дѣлать никакихъ измѣненій въ старинномъ нарядѣ и обрадовалась, когда въ томъ же сундукѣ нашли башмаки съ высокими голубыми каблуками и оказались ей по ногѣ.

Г-жа Виттихъ помнила всѣ подробности тогдашней моды и, отыскавъ бѣлый кисейный платокъ съ голубой бахромой, объяснила дочери, что она должна будетъ накинуть его на плечи и завязать слегка на груди. При этомъ, на шею ей слѣдовало надѣть жемчугъ и слегка напудрить волосы, которые она придумала убрать васильками съ примѣсью золотыхъ колосьевъ. Не доставало вѣера, но и онъ былъ найденъ къ полному удовольствію Лины. Затѣмъ, г-жа Виттихъ вынула изъ другого сундука подвѣчное платье своего покойнаго мужа, которое, по ея мнѣнію, могло пригодиться для Людвига.

Лина пригласила къ себѣ на домъ портниху, которая передѣлала платье по ея росту, и, когда весь нарядъ былъ готовъ, она одѣла его передъ приходомъ мужа изъ министерства. Заслышавъ его шаги въ прихожей, она вышла къ нему на встрѣчу съ вѣеромъ въ рукѣ и съ чиннымъ реверансомъ подвела къ стулу, на которомъ было разложено приготовленное для него платье. Она была такъ хороша въ своемъ костюмѣ, что Гейстеръ сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы обнять ее; но за это получилъ легкій ударъ по щекѣ вѣеромъ.

— Ну, Людвигъ, скажи мнѣ, доволенъ ли ты нашимъ костюмомъ?—спросила она.

— Разумѣется! Ты не могла придумать ничего лучшаго, тѣмъ болѣе, что этотъ нарядъ необыкновенно идетъ къ тебѣ. Мы изобразимъ съ тобою чету старинныхъ нѣмецкихъ бюргеровъ, и я могу только поздравить тебя съ такой прекрасной мыслью, Линьхенъ!..

Наконецъ, наступилъ вечеръ, назначенный для праздника у гофмаршала. Гейстеры, одѣтые въ свои костюмы, ожидали наемной кареты, которая должна была довести ихъ до дворца Belle-Vue. Оба были въ веселомъ настроеніи духа; Гейстеръ любовался своей красавицей-женой, которая была очаровательна въ своемъ костюмѣ. По совѣту матери, она распустила по локону за ушами, съ обѣихъ сторонъ шиньона, и наклеила на лицо нѣсколько мушекъ изъ черной тафты.

Наемный экипажъ заставилъ ожидать себя довольно долго, такъ что залы, приготовленные для бала, были переполнены гостями, когда пріѣхали Гейстеры; и они могли только издали поклониться хозяйкѣ дома.

Баронъ Бушпорнъ былъ сынъ интенданта Корсики, изгнаннаго оттуда во время революціи. По слухамъ, онъ торговалъ кружевами въ Гамбургѣ до полученія званія гофмаршала, и, какъ человѣкъ ограниченнаго ума, держалъ себя съ напыщенной важностью. Онъ женился недавно на единственной дочери французскаго префекта, Флорѣ Делапортъ, миловидной, стройной женщицѣ, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица. Это былъ первый парадный вечеръ молодыхъ супруговъ, которые любезно встрѣчали гостей, хотя съ нѣкоторой торжественностью.

Гейстеры очутились въ пестрой толпѣ костюмированныхъ. Сначала никто не садился, и гости расхаживали по комнатамъ, любуясь ихъ великолѣпнымъ убранствомъ. Двѣ ярко освѣщенныя залы, раздѣленныя нѣсколькими ступенями, были приготовлены для танцевъ; по обѣимъ сторонамъ нижней залы шли крытыя галереи съ зеркальными стѣнами, уставленныя цвѣтами, которыя примыкали къ лѣстницѣ, покрытой ковромъ изъ зеленого моха. Последняя вела въ зимній садъ. Это была длинная зала, освѣщенная разноцвѣтными фонарями, съ аллеями изъ тропическихъ растений и искусственнымъ звѣзднымъ небомъ. Вдоль стѣнъ, драпированныхъ зеленью, стояли вазы съ цвѣтами и, между ними, устроены были низкія скамьи изъ дерна. У входа стояла мраморная статуя Минервы съ лавровымъ вѣнкомъ; направо и налево были статуи Аполлона и Бахуса, а въ концѣ залы богини Цитеры въ зеркальной нишѣ, убранной вѣнками розъ.

Вскорѣ все общество устремилось въ верхнюю танцевальную залу, гдѣ ожидали прибытія ихъ величествъ; и едва появились они, какъ заигралъ оркестръ и раздались громкіе возгласы: *Vive le Roi! Vive la Reine!*

Король и королева заняли приготовленные для нихъ мѣста. Геронимъ былъ, какъ всегда, въ бѣломъ гвардейскомъ мундирѣ съ оранжевымъ воротникомъ и обшлагами; на королевѣ было кружевное платье, затканное золотомъ, съ длиннымъ шлейфомъ, которое было все убрано гирляндами цвѣтовъ.

Гофмаршалъ, по желанію короля, попросилъ своихъ гостей пройти изъ нижней залы въ верхнюю, мимо ихъ величествъ, попарно, группами или въ одиночку, смотря по характеру ихъ костюмовъ. Затѣмъ, онъ всталъ за стуломъ короля, чтобы называть имена лицъ, незнакомыхъ его величеству и объяснять нѣкоторые загадочные наряды. Тутъ было собраніе всевозможныхъ народностей, олимпійскихъ боговъ и богинь, разныхъ знаменитостей старой и новой исторіи и проч. Среди всѣхъ этихъ пестрыхъ и богатыхъ костюмовъ рельефно выдѣлялся незатѣйливый нарядъ Гейстеровъ, тѣмъ болѣе, что рѣдкая красота Лины сразу привлекла общее вниманіе. Королева предупредила желаніе своего супруга и попросила гофмаршала подвести къ ней заинтересовавшую ее чету. Въ то время, какъ Гейстеръ отвѣчалъ на вопросы ея величества, Геронимъ всталъ съ своего мѣста, чтобы посмотрѣть вблизи на красивую женщину, которую онъ видѣлъ мелькомъ въ комнатѣ Сесили. При этомъ, онъ не могъ устоять отъ искушенія и взялъ ее за руку, подъ предлогомъ показать ея костюмъ королевѣ.

Баль начался полонезомъ, въ которомъ приняли участіе ихъ величества. Гофмаршалъ былъ въ первой парѣ съ королевой; Геронимъ составилъ вторую пару съ баронессой Бушпорнъ; за ними чинно выступала длинная вереница костюмированныхъ. Но поря-

докъ тотчасъ же нарушился по окончаніи полонеза. Гейстеры старались по возможности держаться вдали отъ остальнаго общества, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ придворныхъ, завидуя милостивому вниманію, какого они удостоились отъ ихъ величествъ, выказывали имъ явное пренебреженіе, и даже знакомые только мимоходомъ раскланивались съ ними. Въ виду этого, они рѣшили не оставаться до конца праздника и уѣхать незамѣтно во время танцевъ.

Между тѣмъ, оркестръ заигралъ вальсъ и стали составляться пары танцующихъ. Гейстеры воспользовались этимъ моментомъ, чтобы удалиться въ зимній садъ, и, выбравъ уютное мѣсто, принялись за десертъ, разносимый въ изобиліи придворными слугами. Но имъ недолго пришлось оставаться въ одиночествѣ, потому что вслѣдъ за ними вошла королева съ своими дамами, чтобы отдохнуть отъ шума и духоты танцевальной залы.

Лина съ беспокойствомъ взглянула на своего мужа; у обоихъ была одна мысль, какъ бы скорѣе удалиться отсюда и пройти къ выходу, не обративъ на себя вниманія. Но въ этотъ моментъ появился гофмаршалъ, и торопливо подошелъ къ нимъ.

— Очень радъ, что встрѣтилъ васъ здѣсь!—сказалъ онъ, обращаясь къ Линѣ.—Не угодно ли вамъ слѣдовать за мной? Его величество желаетъ протанцевать вальсъ съ старо-гессенской невѣстой.

Лина хотѣла отвѣтить отказомъ, но Гейстеръ остановилъ ее.

— Ты должна идти, это для насъ большая честь,—шепнулъ онъ.

Гофмаршалъ подаль ей руку и повелъ въ залу. Гейстеръ пошелъ за ними.

Иеронимъ вальсировалъ плохо, но Лина сумѣла соблюсти тактъ; и на этотъ разъ ему удалось исполнить удовлетворительно нѣмецкій танецъ, чѣмъ онъ остался, видимо, доволенъ. Поблагодаривъ Лину, онъ назвалъ ее своей учительницей.

— Я не ошибся!—сказалъ онъ.—Вы очаровательно танцуете, потому что, помимо костюма, соединяете въ себѣ силу и грацію женщинъ стараго времени. Какъ счастливы были мужчины, которые пользовались ихъ расположеніемъ... Вы должны удѣлить мнѣ немного любви, чтобы заставить меня полюбить вашихъ соотечественниковъ! Повелѣвайте мною, я готовъ предупреждать малѣйшія желанія такого прелестнаго существа...

Изъ этихъ словъ можно было догадаться, къ чему клонится разговоръ. Иеронимъ, по окончаніи вальса, подвелъ свою даму къ стулу и, усадивъ ее, сѣлъ рядомъ съ нею. При этомъ, согласно установленному этикету, всѣ, находившіеся по близости, удалились на извѣстное разстояніе. Этого одного было достаточно, чтобы перепугать Лину, но то, что говорилъ ей Иеронимъ, навело на нее еще большій ужасъ.

Гейстеръ наблюдалъ издали за выраженіемъ ея лица и видѣлъ происходившую въ ней душевную борьбу; онъ не сомнѣвался, что

только боязнъ нарушить свѣтскія приличія заставляла ее сдерживать свое негодованіе. Но имъ овладѣло еще большее безпокойство, когда Лина отодвинула стулъ и, судя по движенію головы, рѣзко отвѣтила королю. Сердце его замерло при мысли, что можетъ произойти какой нибудь скандалъ, что и случилось.

Лина поднялась съ своего мѣста и, слегка кивнувъ головой королю, отошла отъ него съ такимъ гордымъ недовольнымъ видомъ, что въ залѣ послышался шопотъ удивленія. Испуганный Гейстеръ торопливо подошелъ къ ней и, взявъ за руку, шепнулъ ей:—Опомнись, Лина! иди и сейчасъ представь меня королю!..

Онъ произнесъ эти слова такимъ повелительнымъ, раздраженнымъ тономъ, что молодая женщина невольно повиновалась и, подойдя вмѣстѣ съ нимъ къ королю, произнесла глухимъ голосомъ:

— Ваше величество, мой мужъ!

Иеронимъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ имъ на встрѣчу, и, обращаясь къ Линѣ, сказалъ съ любезной улыбкой:

— Eh bien madame! Теперь все ясно для меня, а въ первую минуту я не могъ сообразить какая причина вашего бѣгства... вы пошли за вашимъ мужемъ! Это очень мило и вполне соответствуетъ принятой вами роли. Вы представили намъ добродѣтельную даму старыхъ временъ, которая довольствуется домашнимъ очагомъ и не допускаетъ мысли, что умная, красивая женщина можетъ принимать поклоненіе свѣта. Тѣмъ не менѣе прошу допустить меня въ число поклонниковъ вашей красоты!.. Мнѣ остается только просить васъ, г. Гейстеръ, чтобы вы привозили почаще вашу жену въ наше общество, а мы, съ своей стороны, постараемся доставить вамъ такое положеніе въ свѣтѣ, что это не будетъ особенно тяготить васъ. Bon soir! Желаю вамъ пріятно провести вечеръ! Бушпорнъ превзошелъ самого себя въ устройствѣ праздника; нужно отдать полную справедливость его изящному вкусу...

Лина часто слышала, что Иерониму ставили въ упрекъ недостатокъ воспитанія, но въ эту минуту она не могла не признать въ немъ умѣнья держать себя въ обществѣ и рѣдкой находчивости. Это сознаніе заставляло ее тѣмъ сильнѣе чувствовать нанесенное ей оскорбленіе. Гейстеръ, замѣтивъ, что она сильно поблѣднѣла и вся дрожитъ, поспѣшилъ вывести ее изъ залы въ сосѣднюю комнату. Едва прошли они нѣсколько шаговъ, какъ съ нею сдѣлалось дурно, и голова ея опустилась на его плечо. Онъ положилъ ее въ кресло и съ отчаяніемъ думалъ о томъ, что ему дѣлать, и къ кому обратиться за помощью. Но въ эту минуту въ дверяхъ показалась пара костюмированныхъ: пожилая некрасивая дама, одѣтая пастушкой, и кавалеръ въ костюмѣ Фернейскаго философа, съ которымъ онъ представлялъ поразительное сходство. Дама поспѣшно подошла къ Линѣ, дала ей нюхать какой-то флаконъ и стала усиленно тереть ей виски.

Гейстеръ узналъ въ удалявшемся кавалерѣ барона Барраль, одного изъ камергеровъ короля, который, по слухамъ, очень гордился своимъ сходствомъ съ Вольтеромъ и даже старался подражать его привычкамъ. Между тѣмъ, Лина очнулась и съ удивленіемъ взглянула на незнакомую женщину, стоявшую передъ ней на колѣняхъ, въ костюмѣ пастушки, съ розовымъ бантомъ на груди, на которомъ были напечатаны слова: *Vive la joie!* Но она едва успѣла поблагодарить ее, какъ вошла хозяйка дома, баронесса Бушпорнъ, которую Барраль увѣдомилъ о случившемся. За нею слѣдовалъ слуга съ десертомъ. Она съ участіемъ спросила о здоровьи Лины и заставила ее выпить немного вина.

Лина отвѣтила, что чувствуетъ себя лучше и выразила желаніе скорѣе уѣхать домой.

— Моя карета къ вашимъ услугамъ, — сказала баронесса. — Я не смѣю удерживать васъ, хотя мнѣ очень жаль, что вы такъ рано уѣзжаете съ нашего вечера...

Съ этими словами, она проводила Лину другимъ ходомъ до дверей передней, и, пожелавъ ей покойной ночи, простилась съ нею.

Х.

Супружеская ссора.

Лина прижалась къ углу кареты и сдѣлала видъ, что дремлетъ изъ боязни, чтобы мужъ не заговорилъ съ нею. Она чувствовала сильную усталость и съ тоской думала о предстоящемъ объясненіи. Между тѣмъ, карета быстро катилась по ровному шоссе, мимо воротъ Ауэ и стараго замка, къ рынку *Altstädter*, у котораго была ихъ квартира.

Когда они вошли въ домъ, Лина раздѣлась съ помощью горничной и послала ее спать, но едва закрылась за нею дверь, она съ громкимъ рыданіемъ бросилась на диванъ.

Гейстеръ, зная, что Лина недовольна имъ, ожидалъ отъ нея упрековъ, но ея слезы окончательно смутили его; онъ не могъ понять причины ихъ и со страхомъ смотрѣлъ на нее. Когда рыданія ея не много затихли, онъ наклонился къ ней и, взявъ ее за руку, спросилъ съ участіемъ:

— Что съ тобою, Лина?

— Вспомни, какъ ты велъ себя относительно меня... Ты измѣнилъ мнѣ... унизилъ...

Она не договорила и опять залилась горькими слезами.

— Я измѣнилъ тебѣ, Каролина? — спросилъ съ удивленіемъ Гейстеръ.

— Ты даже не сознаешь этого! — возразила она, приподнимаясь съ дивана.

— Объясни, по крайней мѣрѣ, въ чемъ дѣло. Вѣроятно, король сказалъ тебѣ, что нибудь непріятное или сдѣлалъ какое нибудь неприличное предложеніе...

— Ну, разумѣется!—воскликнула она съ раздраженіемъ.—Ты говоришь это своимъ ледянымъ голосомъ, какъ будто, такъ и слѣдуетъ. Я была возмущена до глубины души и отошла отъ короля а ты взялъ меня за руку и насильно подвелъ къ нему, какъ будто я совершила преступленіе и должна извиниться передъ нимъ. О Боже! могла ли я ожидать такого униженія!..

— Моя милая, дорогая Лина, все это сильно преувеличено! Твое негодованіе было вполнѣ законно и, какъ мнѣ показалось, ты рѣзко отвѣчала ему. Но, затѣмъ, ты убѣжала отъ короля при цѣломъ обществѣ и оставила его одного! Этимъ ты нарушила всѣ приличія, свѣтскіе и придворные обычаи; и я долженъ былъ чѣмъ нибудь загладить твою оплошность.

— Придворные обычаи!—возразила она съ принужденнымъ смѣхомъ.—Скажи лучше придворную безнравственность!

— Пойми, Лина, что мы должны признавать существующіе обычаи и приличія! Во всякомъ случаѣ король и по своему сану...

— Да король!—прервала она его съ нетерпѣніемъ.—Когда король оскорбляетъ честь порядочной женщины, то ея единственное убѣжище—мужъ, если не въ качествѣ судьи, то защитника! Неужели безнравственность короля считается болѣе священной, нежели супружество и добродѣтель женщины! Людвигъ, я перестаю понимать тебя!..

— Ты называешь меня своимъ защитникомъ, Лина! но сдѣлай одолженіе сообрази, что я могъ сдѣлать въ качествѣ твоего рыцаря и защитника. Поспѣшить къ тебѣ на помощь, дать пощечину Герониму и вызвать его на дуэль! Не такъ ли? Разсуждай, какъ добрая и благоразумная женщина. Развѣ я не успѣшилъ выручить тебя?.. О безнравственности этого человѣка и говорить нечего, я вполнѣ понимаю твое негодованіе и сочувствую ему! Но мнѣ пришлось бы защищать тебя, противъ тебя самой, Лина... Порядочная женщина въ этихъ случаяхъ не должна отступать отъ приличій; иначе она складываетъ оружіе или сама себя побиваетъ имъ...

— Ты умень, какъ всегда, Людвигъ, и тебя не переспоришь! Изволь! я сознаю, что провинилась противъ приличій и придворнаго этикета, хотя съ другой стороны не считаю особенной бѣдой, если бы сказали, что я не умѣю вести себя въ обществѣ! Но что могли они подумать, когда я подвела тебя къ королю, благодаря твоей разсудительности, которую онъ даже не въ состояніи оцѣнить? Этотъ отвратительный Геронимъ позволилъ себѣ сказать, что я прекрасно исполняю роль добродѣтельной женщины старыхъ временъ! Я играю комедію!.. Да проститъ тебя Богъ, Людвигъ! Ты нанеся неизлѣчимую рану моему сердцу...

Она закрыла лицо руками и заплакала.

Гейстеръ стоялъ передъ нею въ грустномъ раздумьи. Онъ хотѣлъ только заглядить оплошность Лины въ глазахъ пѣлаго общества; и поэтому находилъ, что его поведеніе не заслуживаетъ такого строгаго порицанія. Съ другой стороны, если негодованіе Лины и казалось ему преувеличеннымъ, то онъ невольно сочувствовалъ ему и понималъ, насколько ея благородное сердце было возмущено и унижено предложеніемъ короля. Но развѣ онъ могъ быть отвѣтственнымъ за это и предвидѣть, что его доброе намѣреніе будетъ истолковано такимъ несправедливымъ образомъ!

Люди съ такой болѣзненной впечатлительностью, какъ Гейстеръ, легко теряютъ терпѣніе и приходятъ въ раздраженіе. Мысли путались въ его головѣ.—«Существуютъ же такіе выродки человѣческаго рода, думалъ онъ, которые не понимаютъ нравственнаго чувства честной женщины! Быть можетъ, Лина права и свѣтъ объяснить по своему, что я заставилъ ее вернуться къ королю. Скажутъ, что красавица-жена въ связи съ королемъ, а будущее повышение мужа цѣна ея паденія»..

Когда она перестала плакать, онъ сѣлъ рядомъ съ нею на диванѣ и сказалъ ласковымъ голосомъ:

— Выслушай меня терпѣливо, моя добрая Лина. Если я провинился передъ тобой, то единственно изъ любви къ тебѣ. Естественно, что человѣкъ, который любитъ свою жену, гордится ею, а въ этотъ злополучный вечеръ твоя красота возбудила мое тщеславіе. Мнѣ было обидно думать, что всѣ эти высокомерныя женщины, которыя завидовали твоей красотѣ, будутъ радоваться, что ты нарушила придворный этикетъ, который онѣ считаютъ выше всего на свѣтѣ. Вотъ это чувство и понудило меня опять подвести тебя къ королю, чтобы онѣ объяснили твое внезапное удаленіе желаніемъ его величества видѣть меня. Мнѣ не могло прійти въ голову, что Геронимъ придастъ моему поступку такой оскорбительный смыслъ для тебя! Повѣрь мнѣ, Лина, что въ этомъ только выразилась его досада; онъ увидѣлъ изъ твоихъ отвѣтовъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло..

— Разумѣется, Людвигъ, ты всегда останешься правымъ!—сказала она равнодушнымъ тономъ.

— Я вовсе не желаю этого, а хочу только, чтобы ты извинила меня: мнѣ очень жаль, что я невольно причинилъ тебѣ такое горе! Ты должна успокоиться, Лина... Если хочешь, уѣзжай завтра же въ Гомбергъ, на нашу дачу. Деревенская тишина благотѣльно подѣйствуетъ на тебя, а когда ты изъявишь желаніе, я пріѣду къ тебѣ. Эта временная разлука излѣчитъ твою сердечную рану... надѣюсь, что ты простишь меня.

— Почему ты думаешь, что разлука съ тобою будетъ пріятна мнѣ? Но ты правъ, я уѣду завтра.

— А теперь ложись въ постель, Лина, уже поздно.

— Нѣтъ, Людвигъ, я останусь здѣсь, на этомъ диванѣ! Принеси мнѣ сюда подушку и одѣяло. Печальное недоразумѣніе возникло между нами: дай мнѣ успокоиться; я не хочу быть около тебя эту ночь. Неси же скорѣе одѣяло и подушку.

Гейстеръ молча исполнилъ ея желаніе и пожалъ ей руку на прощаніе. Утреннее солнце освѣщало каменный парапетъ моста, когда онъ опустилъ шторы въ спальнѣ.

Лина отъ усталости скоро задремала, но онъ не могъ уснуть ни одной минуты и, припоминая подробности разговора съ женой, напрасно старался согласить требованія сердца съ разсудкомъ.

Когда пробило восемь часовъ, онъ приказалъ служанкѣ нанять почтовый экипажъ въ Гомбергъ и, дождавшись ея возвращенія, пошелъ будить Лину. Но она уже встала и ласково протянула ему руку. Хотя оба дружески разговаривали между собою о предстоящей поѣздкѣ, но въ ихъ отношеніяхъ замѣтна была нѣкоторая натянутость. Экипажъ долженъ былъ пріѣхать къ двѣнадцати часамъ. Гейстеръ по дорогѣ въ министерство хотѣлъ зайти къ г-жѣ Виттихъ и уговорить ее проводить дочь до Гомберга, а на эти дни приглашалъ къ себѣ Германа.

Лина одобрила этотъ планъ и занялась укладкой вещей въ дорогу. Ее беспокоилъ вопросъ, какъ отнесется Германъ къ ея горю и поведенію Людвигъ, когда узнаетъ объ ихъ ссорѣ. Она боялась новаго разочарованія и не хотѣла быть обвинительницей мужа; поэтому была отчасти довольна, что скорый отъѣздъ избавляетъ ее отъ необходимости объясниться съ Германомъ.

Она уѣхала въ назначенное время. Гейстеръ, возвращаясь со службы, зашелъ за Германомъ и дорогой разсказалъ ему о приключеніи на балѣ и размолвкѣ съ женой. Когда они вошли въ домъ, горничная сообщила имъ, что, вскорѣ послѣ отъѣзда г-жи Гейстеръ, явился какой-то незнакомый господинъ, чтобы освѣδοчиться объ ея здоровьи, и узнавъ, что она уѣхала изъ Касселя, очень подробно разспрашивалъ, гдѣ она поселится, на какой дачѣ и далеко ли отъ Гомберга. — Онъ не назвалъ своей фамиліи, добавила горничная, но мнѣ показалось страннымъ, что на его голубомъ фракѣ, сбоку, пришиты три пуговицы — одна большая и двѣ поменьше...

Гейстеръ былъ такъ занятъ своими мыслями, что не обратилъ особеннаго вниманія на разсказъ горничной, и рѣшилъ, что пріѣзжалъ гофмаршалъ, чтобы отплатить имъ визитъ и въ то же время оказать любезность Линѣ, хотя ему было извѣстно, что баронъ Бушпорнъ не говорилъ по-немецки и не носилъ камергерскаго мундира.

За обѣдомъ между обоими пріятелями завязался горячій споръ. Германъ безусловно оправдывалъ Лину и говорилъ, что вполнѣ понимаетъ ея благородное негодованіе.

— Разумѣется, каждый поступаетъ сообразно своему личному характеру,—продолжалъ онъ,—но ты не можешь требовать, чтобы Лина была также осторожна и осмотрительна, какъ ты, хотя она отдастъ должную справедливость твоему благоразумію и разсудительности. Я могъ убѣдиться въ этомъ въ Гомбергѣ, когда пріѣхалъ къ вамъ послѣ вашей свадьбы въ надеждѣ, что вы научите меня, какъ вывернуться изъ сѣтей Берканьи. Ты хладнокровно выслушалъ меня и съ обычною ясностью начертилъ мнѣ планъ дѣйствій, который сдѣлалъ бы честь мудрѣйшему изъ дипломатовъ. Затѣмъ, мнѣ захотѣлось узнать мнѣніе твоей жены. Сначала она убѣждала меня слѣпо исполнить твои совѣты, въ виду твоего замѣчательнаго ума и осмотрительности, но когда я возразилъ ей, что предложенный тобою планъ дѣйствій противенъ моей натурѣ, то знаешь ли, что она отвѣтила мнѣ:—«Не легко слѣдовать голосу разсудка, когда это противорѣчитъ нашимъ чувствамъ; въ эти минуты чловѣкъ признаетъ свое ничтожество и какъ бы утрачиваетъ сознание собственнаго я». Изъ этой фразы, сказанной какъ бы мимоходомъ, я увидѣлъ, что Лина можетъ быть счастлива только въ томъ случаѣ, если ей позволятъ остаться собою и, мнѣ кажется, что всякое насиліе въ этомъ направленіи причинитъ ей напрасныя страданія. Такъ, напримѣръ, Лина, отойдя отъ короля, дѣйствовала по собственному побужденію, а ты, изъ желанія соблюсти свѣтскія приличія и придворный этикетъ, потребовалъ отъ нея, чтобы она отрѣшилась отъ своей индивидуальности или, другими словами, поступила бы противъ своихъ убѣжденій и совѣсти...

— Все это прекрасно!—возразилъ съ раздраженіемъ Гейстеръ.— Но самыя благородныя и возвышенныя чувства, все-таки, должны подчиняться разсудку. Чувство собственнаго достоинства не должно выражаться такимъ способомъ! Весь вопросъ въ формѣ; я вполне понимаю Лину, но она не хочетъ понять меня. Необходимо примѣняться къ людямъ, среди которыхъ намъ приходится жить. Нельзя требовать, чтобы всѣ думали и поступали такъ, какъ намъ хочется.

— Но всякія уступки имѣютъ свои границы, — сказалъ Германъ. — Лина также смотритъ на нравственность, какъ и мы съ тобой; вся разница въ томъ, что мы въ значительной степени испорчены вліяніемъ этихъ чужеземцевъ и на многое стали смотрѣть иначе, чѣмъ прежде, а она осталась внѣ этого вліянія.

Гейстеръ сознавалъ, что Германъ правъ, и поэтому ничего не возражалъ ему, а затѣмъ спросилъ его съ улыбкой:

— Что же слѣдуетъ изъ этого?

— То, что мы должны прогнать этихъ чужеземцевъ.

— А, наконецъ, и ты пришелъ къ этому убѣжденію!—воскликнулъ Гейстеръ.—Но, разумѣется, нужно прежде всего прогнать короля, который подаетъ первый примѣръ безнравственности.

— Прекрасно! Но я могъ бы сдѣлать на это одно возраженіе...

— Говори.

— Вы всё,—сказалъ Германъ,—возмущаетесь безнравственностью двора, мечтаете о народномъ возстаніи и въ то же время ставите въ упрекъ честной женщинѣ, что она не захотѣла выслушивать оскорбительныя предложенія короля, котораго даже Наполеонъ называетъ «un petit polisson», и находите, что она нарушила придворный этикетъ! Прости за откровенность, Людвигъ, но, по моему мнѣнію, тебѣ не слѣдовало унижать твоей жены и подводить ее къ королю, а подать ей руку и увести изъ залы, не смотря на злобныя улыбки придворныхъ дамъ и кавалеровъ.

Гейстеръ молчалъ, и Герману ничего не оставалось, какъ перемѣнить тему разговора.

XI.

Неожиданное посѣщеніе.

Путешествіе успокоительно подѣйствовало на Лину; черезъ нѣсколько часовъ ѣзды, она уже не чувствовала прежняго раздраженія противъ Людвигъ; и у ней явилось желаніе помириться съ нимъ.

Мать провела у ней ночь, чтобы отдохнуть съ дороги, и вернулась съ тѣмъ же экипажемъ въ Кассель. Лина осталась одна и среди окружавшей ее тишины могла на свободѣ предаться своимъ размышленіямъ. На нее нашло сомнѣніе, что, быть можетъ, она напрасно обвинила Людвигъ, и, съ своей стороны, если даже имѣла законное право оскорбиться поведеніемъ короля, то слишкомъ поддавалась чувству негодованія. Поэтому вопросъ: должна ли она сдѣлать первый шагъ къ примиренію или ожидать объясненія отъ Людвигъ? остался для нея нерѣшеннымъ. Наступалъ вечеръ, и ею, мало по малу, овладѣла глубокая грусть, отчасти вызванная полнымъ одиночествомъ. Чтобы нѣсколько разсѣять себя, она пошла въ Гомбергъ сдѣлать визитъ настоятелициѣ Валленштейнскаго монастыря.

Она застала Маріанну фонъ-Штейнъ въ саду за чтеніемъ исторіи Швейцаріи Іоганна Миллера. Увидя издали неожиданную гостью, она вышла къ ней на встрѣчу и такъ сердечно привѣтствовала ее, что Лина пришла въ голову мысль: не рассказать ли о своемъ горѣ почтенной наставницѣ, которая при своемъ знаніи людей и придворной жизни скорѣе, чѣмъ кто либо, могла дать ей добрый совѣтъ.

Маріанна фонъ-Штейнъ провела свою гостью по саду, мимо клумбъ съ роскошными осенними цвѣтами, и, усадивъ ее рядомъ съ собою въ бесѣдкѣ, придвинула къ ней корзину съ плодами.

— Попробуйте эти груши, — сказала она. — Весной, когда вы были здѣсь съ мужемъ, онъ говорилъ мнѣ, что хочетъ развести у себя плодовые деревья... Кстати, скажите, скоро ли вы ожидаете его сюда? Мировой судья Мартинъ недавно спрашивалъ меня: не имѣю ли я о немъ какихъ либо извѣстій?

Лина невольно вспомнила при этихъ словахъ о прелестныхъ весеннихъ дняхъ, проведенныхъ ею въ Гомбергѣ съ Людвигомъ, и лицо ея приняло печальное выраженіе.

Настоятельница посмотрѣла на нее своими ясными голубыми глазами и спросила ее съ участіемъ:

— Что съ вами, дитя мое? Не случилось ли чего съ вашимъ мужемъ?

Лина хотѣла отвѣтить, но слезы прервали ея голосъ.

— Вы хотите сообщить мнѣ о своемъ горѣ, — сказала фрѣйлейнъ Штейнъ. — Къ счастью, вы пришли въ-время; никто не помѣшаетъ намъ; дамы наши уѣхали въ Баумбахсгофъ и вернутся не ранѣе ночи...

Въ тонѣ, съ какимъ были сказаны эти слова, было столько сердечной доброты и искренности, что Лина откровенно рассказала о приключеніи на балѣ, о своей ссорѣ съ мужемъ и мучившихъ ее сомнѣніяхъ.

Фрѣйлейнъ Штейнъ слушала ее съ возрастающимъ волненіемъ; въ сердцѣ ея накопилось столько злобы противъ чужеземнаго ига, что все напоминавшее о немъ глубоко огорчало ее.

— Мнѣ кажется, дорогая моя, что ваше негодованіе было вполне законно, — сказала она. — Поступать сообразно придворному этикету, не значить поступать правильно. Если королевская власть попала въ недостойныя руки, то изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны уважать ее! Вы можете благословлять судьбу, что ваше общественное положеніе даетъ вамъ право дѣйствовать смѣлѣе, нежели тѣмъ, которые по своему рожденію или высокому сану обязаны подчиняться всѣмъ требованіямъ придворнаго этикета... Но мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ. Сюда идетъ ротмистръ Погвицъ, который часто бываетъ у насъ, потому что кирасирскій полкъ стоитъ недалеко отсюда, въ Мельзунгенѣ. Онъ также могъ бы рассказать вамъ нѣчто объ Иеронимѣ...

Къ нимъ подошелъ красивый, стройный офицеръ и поцѣловалъ руку настоятельницы, которая представила его своей молодой гостьѣ и пригласила сѣсть.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — возразилъ Погвицъ, — привратникъ сказалъ мнѣ, что дамы уѣхали; я отправлюсь къ нимъ на встрѣчу, потому что долженъ передать одно порученіе фрѣйлейнъ Усларъ. Если позволите, то я буду у васъ завтра вечеромъ... Извините, что помѣшалъ вашему разговору!

— Въ такомъ случаѣ, завтра я прочту вамъ письмо моего брата...

— Изъ Берлина? Надѣюсь, все идетъ хорошо?

— Прекрасно! майоръ Шиль также написалъ мнѣ!..

Ротмистръ удалился съ почтительнымъ поклономъ.

Фрѣйлейнъ Штейнъ задумчиво смотрѣла ему вслѣдъ. Лина возобновила прерванный разговоръ вопросомъ:

— Вы сказали мнѣ, что этотъ красивый офицеръ могъ бы общить мнѣ нѣчто объ Геронимѣ?

— Извольте, я расскажу вамъ эту исторію, которая извѣстна весьма немногимъ. Нужно вамъ сказать, что Погвицъ недавно служилъ въ гвардіи, а именно въ гренадерскомъ полку. Онъ влюбился въ дѣвушку знатной фамиліи и сдѣлалъ ей предложеніе, но ея родители обѣщали дать свое согласіе подъ условіемъ, если онъ получитъ повышеніе или придворную должность. Всѣ хлопоты влюбленнаго юноши оказались напрасными, потому что у него не было достаточно сильной протекціи. Въ это время разнесся слухъ, что Геронимъ намѣренъ обновить старый замокъ Вабернъ, чтобы имѣть pied à terre во время охоты и, что туда будетъ назначенъ особый дворцовый префектъ или, такъ называемый, *Maréchal du logis*. До этого никто не слыхивалъ въ Германіи о такой должности. Тѣмъ не менѣе, она казалась многимъ соблазнительной. Матери знатнаго происхожденія наперерывъ старались представить ко двору своихъ дочерей, потому что всѣмъ было извѣстно, что дѣло заключается не въ дворцовомъ префектѣ, а въ его женѣ, которой предстояло развлекать короля во время его пребыванія въ Вабернѣ. Между тѣмъ, Геронимъ, не дожидаясь окончательной отдѣлки замка, неожиданно пріѣхалъ туда вечеромъ и остался на ночь. Дежурный офицеръ оказался больнымъ; вмѣсто него назначили Погвица и ему пришлось быть на караулѣ передъ кабинетомъ его величества. Въ первомъ часу ночи явился камергеръ съ дамой подъ густымъ вуалемъ и хотѣлъ провести ее къ королю. Погвицъ, не получившій относительно этого никакого приказанія, загородилъ ему дорогу и торжественно объявилъ, что это *le cabinet du roi!* Камергеръ возразилъ, что исполняетъ только приказъ короля, и просилъ пропустить его, но всѣ его убѣжденія оказались напрасными. Въ это время, бывшая съ нимъ дама старательно натягивала вуаль на лицо и безпрестанно поглядывала на выходную дверь, очевидно, выжидая момента, чтобы ускользнуть изъ комнаты. Фигура и манеры таинственной дамы показались Погвицу настолько знакомыми, что онъ не въ состояніи былъ долѣе выносить мучительной неизвѣстности и откинулъ вуаль съ ея лица, говоря, что «долженъ знать, кто идетъ къ королю»... Передъ нимъ оказалась любимая имъ дѣвушка, блѣдная какъ смерть, которой не оставалось иного исхода, какъ обратиться въ бѣгство. Камергеръ поспѣшилъ въ кабинетъ, чтобы доложить о случившемся и, выйдя оттуда, объявилъ караульному офицеру, что король рассчитываетъ на его скромность,

На слѣдующій день Погвицъ получилъ приказъ о своемъ переводѣ въ кирасирскій полкъ, стоявшій въ Брауншвейгѣ..

Разсказъ флейлейнъ Штейнъ былъ прерванъ появленіемъ слуги, который доложилъ о прибытіи гостей изъ города. Лина простилась съ настоятельницей и общала опять навѣстить ее въ самомъ непродолжительномъ времени.

По возвращеніи домой, она нашла на своемъ столѣ письмо отъ Людвигъ. Никогда еще, даже въ то время, когда она была невѣстой, сердце ея не билось въ такой степени при распечатаніи его письма. Онъ подробно сообщалъ ей о своемъ разговорѣ съ Германомъ и кончилъ письмо словами: «Не будемъ больше говорить объ этомъ, я приѣду, когда получу отпускъ»...

Лина видѣла по тону письма, что Людвигъ сознаетъ, что она права, но все-таки недоволенъ ею. Она еще разъ перечитала его письмо и улыбнулась при мысли, что Германъ не забылъ ея словъ, сказанныхъ давно и по другому поводу и воспользовался ими, чтобы оправдать ее въ глазахъ мужа: — «Все опять пойдетъ по старому, думала она; и мы съ Людвигомъ обязаны будемъ нашимъ примиреніемъ общему другу».

Съ этого дня, Лина стала ежедневно ожидать приѣзда своего мужа; и поэтому почти не выходила изъ дому, и только изрѣдка бывала въ городѣ и дѣлала визиты знакомымъ.

Одиночество начинало томить ее; ей казалось, что Людвигъ долженъ также скучать о ней и явится тотчасъ по полученіи ея письма. Разъ вечеромъ, когда по ея расчету, онъ долженъ былъ непременно приѣхать, она вышла встрѣтить его. Едва дошла она до сосѣдняго холма, какъ увидѣла двухъ всадниковъ, ѣхавшихъ по дорогѣ, и остановилась въ убѣжденіи, что это Людвигъ съ Германомъ, но вскорѣ замѣтила, что одинъ изъ всадниковъ ѣдетъ въ почтительномъ отдаленіи отъ другого. Изъ этого она вывела заключеніе, что это, вѣроятно, одинъ изъ кирасирскихъ офицеровъ съ своимъ деньщикомъ и свернула съ дороги, чтобы избѣжать встрѣчи, такъ какъ была одна. Но прежде, чѣмъ ей удалось дойти до дому, она услышала за собой конскій топотъ и оглянулась изъ любопытства. Оба всадника были въ штатскомъ платьѣ; въ одномъ изъ нихъ она узнала короля и бѣгомъ бросилась къ калиткѣ своего сада, которая оказалась открытой.

Иеронимъ своимъ зоркимъ взглядомъ бывшаго моряка издали разглядѣлъ ее и, благодаря ей самой, нашелъ домъ, гдѣ она жила. Онъ соскочилъ съ лошади и, передавъ ее шталмейстеру, вошелъ вслѣдъ за Линой на балконъ.

Въ первую минуту молодая женщина онѣмѣла отъ смущенія, но, овладѣвъ собой, вѣжливо пригласила короля въ гостинную.

Онъ поблагодарилъ ее почтительнымъ поклономъ и сказалъ съ улыбкой:

— Я пріѣхалъ на время въ мой замокъ Вабернъ и въ качествѣ сосѣда не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать вамъ визитъ, мадамъ Гейстеръ.

— Это незаслуженная часть, ваше величество!—возразила она, приглашая его сѣсть граціознымъ жестомъ руки.—Я ожидаю сюда моего мужа, онъ будетъ очень жалѣть, если...

— Онъ не можетъ сегодня пріѣхать къ вамъ, потому что Симсонъ задержалъ его по очень важному дѣлу. Душевно радъ, что мнѣ представился случай переговорить съ вами относительно его будущности. Гейстеръ безусловно заслуживаетъ повышенія; и теперь есть нѣсколько вакантныхъ должностей: но мнѣ хотѣлось бы дать вашему мужу такое мѣсто, которое бы и вамъ нравилось.

Лина слушала разсѣянно; она видѣла изъ словъ короля, что визитъ его будетъ довольно продолжительный, и не знала, какъ сократить непріятный tête-à-tête. Наконецъ, ей пришла въ голову счастливая мысль, которую она рѣшила тотчасъ же осуществить.

Она попросила позволенія у Иеронима угостить его деревенскимъ десертомъ и, не смотря на его отказъ, настояла на своемъ, говоря, что это мѣстный обычай и не слѣдуетъ отступать отъ него. Затѣмъ, выйдя изъ комнаты, она приказала горничной подать вина, плодовъ и свѣжихъ орѣховъ, а сама поспѣшила въ кабинетъ своего мужа и написала записку фрейлейнъ Штейнъ:

«Король пріѣхалъ неожиданно и, повидимому, намѣренъ долго просидѣть у меня. Я въ большомъ затрудненіи и рѣшилась прибѣгнуть къ вашей помощи. Не согласитесь ли прійти ко мнѣ?..

Лина Гейстеръ».

Эту записку она передала садовнику и велѣла немедленно отнести ее въ Валленштейнскій монастырь, послѣ чего вмѣстѣ съ горничной принесла десертъ королю.

Иеронимъ, оставшись наединѣ съ Линой, заставилъ ее сѣсть возлѣ себя. Она безпрекословно повиновалась, сознавая, что должна держать себя съ достоинствомъ и не выказывать робости.

— Я слышалъ, — сказалъ онъ, — что ваши родители жили въ замкѣ Вабернъ, и вы провели тамъ свое дѣтство. Помните ли вы это мѣсто?

— У меня всего больше остался въ памяти прекрасный Вабернскій садъ, гдѣ я оставалась цѣлые дни, — отвѣтила она.—Но отецъ часто разсказывалъ мнѣ о томъ времени, когда ландграфъ Фридрихъ проводилъ тамъ лѣтніе мѣсяцы. Его сопровождала всякій разъ блестящая свита, нѣсколько полковъ, происходили парады, устроенъ былъ французскій театръ, балетъ, опера, соколиная охота и проч. Затѣмъ замокъ былъ заброшенъ, но слѣды прежней роскоши все еще были замѣтны въ немъ...

— Это прелестное мѣсто, — сказалъ король, — не смотря на теперешнее запустѣніе; но я намѣренъ, по возможности, возстановить

замокъ въ прежнемъ видѣ и опять пробудить въ немъ нѣкоторую жизнь. Вотъ по поводу этого я и хотѣлъ посовѣтоваться съ вами, мадамъ Гейстеръ... Симсонъ предлагалъ мнѣ доставить вашему мужу мѣсто главнаго секретаря префектуры. Но я желалъ бы имѣть его при моей особѣ, потому что, слушая его доклады въ Пенндорфѣ, убѣдился, что онъ умный и способный человѣкъ, прекрасно знаетъ страну и отличается ясностью изложенія въ дѣлахъ. Мнѣ нужны такіе люди, тѣмъ болѣе, что я еще недостаточно освоился съ мѣстными условіями. Но вы понимаете, что неудобно сразу выдвинуть такого молодого человѣка, какъ вашъ мужъ и, вдобавокъ, бюргера и кассельскаго уроженца! Это возбудило бы зависть партій и происки, отъ которыхъ ему пришлось бы пострадать такъ же, какъ и вамъ, а я никогда не допущу васъ до этого!.. Но, если я назначу вашего мужа префектомъ Вабернскаго замка или на какую нибудь другую придворную должность, то я могу въ случаѣ надобности всегда обратиться къ нему за совѣтомъ или дать работу, и никто, кромѣ насъ, не будетъ знать объ этомъ. Надѣюсь, что вы одобряете мой планъ? А я считалъ бы для себя величайшимъ счастьемъ, если бы вы поселились въ прекрасномъ замкѣ, гдѣ протекло ваше дѣтство, и жили въ немъ королевой...

Онъ взявъ ея руку и съ нѣжностью смотрѣлъ на нее.

Лина внутренно содрогнулась отъ этого взгляда и прикосновенія дерзкаго человѣка, который такимъ недостойнымъ образомъ пользовался своимъ высокимъ положеніемъ и ея одиночествомъ. Она чувствовала, что Иеронимъ все крѣпче сжимаетъ ея руку и не рѣшалась освободить ее изъ боязни, чтобы онъ не прибѣгнулъ къ насилію и не поставилъ ее въ необходимость защищаться или звать на помощь.

— Ваше величество, вы очень милостивы къ намъ, — проговорила она, съ трудомъ переводя дыханіе. — Я откровенно выскажу вамъ мое мнѣніе...

— Милая Каролина, мы поймемъ другъ друга! — прошепталъ онъ, объясняя ея волненіе въ благопріятномъ для себя смыслѣ и цѣлуя ея руку. — Не отвергайте мою любовь, будьте властительницей вашего короля!..

Лина сдѣлала видъ, что не слышала его послѣднихъ словъ и отвѣтила серьезнымъ тономъ:

— Я также думаю, ваше величество, что слишкомъ быстрое повышеніе моего мужа, неудобно во многихъ отношеніяхъ; но мнѣ кажется, что если бы онъ получилъ мѣсто въ замкѣ Вабернъ, то этимъ возбудилъ бы еще большую зависть не только со стороны лицъ, рассчитывавшихъ на это мѣсто, но и со стороны дамъ. Вашему величеству, вѣроятно, извѣстно сколько знатныхъ семействъ въ Касселѣ, добиваются, чтобы которая нибудь изъ ихъ дочерей удостоилась чести обратитъ на себя ваше высокое вниманіе и сдѣ-

далась женой Вабернскаго префекта!.. Что касается меня лично, то я не могу конкурировать съ дамами знатнаго происхожденія и выполнить надлежащимъ образомъ тѣ обязанности, какія были бы возложены на меня въ Вабернѣ...

Геронимъ видѣлъ по рѣшительному тону молодой женщины, что не можетъ быть и рѣчи о подкупѣ, и молча обдумывалъ, что сказать ей.

— Простите, ваше величество,—продолжала она,—что я такъ откровенно высказываю то, что думаю. Вы видите, я не гожусь въ жены дворцоваго префекта даже потому, что недостаточно владѣю французскимъ языкомъ. Нѣтъ, ваше величество, мы должны остаться вдали отъ двора и только скромное общественное положеніе и дѣятельность на пользу страны, могутъ осчастливить насъ!

— Вы будете удовлетворены съ этой стороны, мадамъ Гейстеръ,—возразилъ Геронимъ, впадая въ дурное расположеніе духа.— Теперь, когда я познакомился съ вашими скромными вкусами и желаніями...

Онъ не кончилъ начатой фразы, потому что послышался легкій стукъ въ дверь и въ комнату вошла Маріанна фонъ Штейнъ. Она сдѣлала видъ, что удивлена присутствіемъ короля и чинно раскланялась передъ нимъ, согласно придворному этикету. Лина видѣла по разсѣянному виду короля, что онъ не можетъ припомнить, кто передъ нимъ и поэтому поспѣшила представить свою гостью:

— Вашему величеству, вѣроятно, извѣстна настоятельница «Валленштейнскаго монастыря», г-жа фонъ-Штейнъ изъ Гомберга!

— А! фрѣйленъ фонъ-Штейнъ!—возразилъ Геронимъ съ злобной улыбкой, ощупывая боковой карманъ своего платья.—Вы пришли сюда въ удачный моментъ, я могу сообщить вамъ интересную новость...

Маріанна Штейнъ видѣла по выраженію его лица, что новость будетъ неприятная; и она со страхомъ взглянула на короля. Онъ вынулъ изъ кармана газету и развернулъ ее.

— Это «Moniteur», только что присланный мнѣ изъ Парижа,—сказалъ онъ.—А прогос! Вы, вѣроятно, знакомы съ княземъ Виттгенштейномъ?

Настоятельница, еще болѣе встревоженная, утвердительно кивнула головой въ знакъ согласія.

— Этотъ князь,—продолжалъ Геронимъ,—недавно писалъ вашему брату, министру фонъ-Штейну изъ Добберана, но отвѣтъ вашего брата случайно попалъ въ руки маршала Сультъ, который тотчасъ же отправилъ его въ Парижъ для напечатанія въ «Moniteur'ѣ». Можетъ быть, вамъ угодно будетъ прослушать выдержку изъ письма прусскаго министра, которое, вѣроятно, будетъ интересно и для Наполеона! Если позволите...

Онъ пробѣжалъ глазами газету и, отыскавъ тѣ строки, которыя казались, ему наиболѣе рельефными, прочелъ ихъ съ особенной интонаціей на отдѣльныхъ словахъ:

«Озлобленіе все болѣе и болѣе увеличивается въ Германіи; необходимо поддерживать его и въ этомъ смыслѣ дѣйствовать на нашихъ соотечественниковъ. Искренно желаю, чтобы связь Гессена съ Вестфаліей не прерывалась; и въ виду извѣстныхъ случаевъ продолжались сношенія съ энергичными благомыслящими людьми, которые бы въ свою очередь входили въ соприкосновеніе съ другими»...

Иеронимъ сложилъ газету и, бросивъ многозначительный взглядъ на Маріанну фонъ-Штейнъ, обратился къ ней съ вопросомъ:

— Быть можетъ, вы также получили письма и сообщите намъ о какихъ случаяхъ здѣсь идетъ рѣчь?

Фрѣйлейнъ фонъ-Штейнъ сдѣлала видъ, что не разслышала этого вопроса. Ей стоило не малаго труда сохранить наружное спокойствіе и не выказать того мучительнаго страха, который овладѣлъ ею.

— Дѣйствительно, ваше величество, это для меня печальная новость!—возразила она.—Но письмо прусскаго министра было, конечно, написано понѣмецки и переводчикъ могъ совершенно исказить смыслъ, даже безъ злого умысла, а по незнанію нѣмецкаго языка. Такимъ образомъ, мой бѣдный братъ будетъ подлежать отвѣтственности не за свое письмо, а за этотъ переводъ.

— Вашъ бѣдный братъ изъ числа тѣхъ министровъ, которые доведутъ до бѣды добраго прусскаго короля!—возразилъ запальчиво Иеронимъ.—Я увѣренъ, что изъ-за нихъ онъ лишится престола въ самомъ непродолжительномъ времени...

Фрѣйлейнъ Штейнъ поблѣднѣла при этихъ словахъ, но отвѣтила спокойнымъ голосомъ:

— Душевно сожалѣю, что мое присутствіе, повидимому, возбуждаетъ неудовольствіе вашего величества, и я сочла бы своимъ долгомъ немедленно удалиться отсюда; но, къ сожалѣнію, я чувствую себя настолько нездоровой, что буду просить мою милую маму Гейстеръ проводить меня до монастыря.

Иеронимъ всталъ при этихъ словахъ и, обращаясь къ Линѣ, сказалъ повелительнымъ тономъ:

— Прикажете шталмейстеру подать мою лошадь!

Лина вышла. Иеронимъ остался наединѣ съ Маріанной Штейнъ.

— Я вижу, Madame la Douenne, вы раздѣляете образъ мыслей вашего брата, министра, и не уступаете ему въ loyauté относительно прусскаго короля.

Настоятельница отвѣтила съ почтительнымъ поклономъ:

— Такой отзывъ въ устахъ вашего величества особенно лестенъ для меня. Что же касается письма моего брата, то оно слу-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ивана Ивановича Панаева.

Шесть томовъ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, около 135 лст. In. 8°, 2160 стр.

ВСѢ СОЧИНЕНІЯ БУДУТЪ РАЗДѢЛЕНЫ НА ТРИ ОТДѢЛА.

Отдѣлъ первый. Томы 1, 2, 3. РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Изъ нихъ болѣе 15 разсказовъ и очерковъ, изъ которыхъ нѣкоторыя войдутъ въ первый томъ, не были изданы отдѣльно, а именно: Она будетъ счастлива.—Сегодня и завтра.—Кошелекъ.—Какъ добры люди.—Маменькинъ сынокъ.—Дочь чиновнаго человека.—Бѣлая горячка.—Венгерскій гусарь.—Самоотверженіе.—Парижскія увеселенія.—Встрѣча на станціи и др. Затѣмъ будутъ помѣщены всѣ сочиненія Панаева, составляющія въ изданіи Гр. Кушелева-Безбородко 4 тома, а именно: I. Онагръ.—Актеонъ.—Прекрасный человекъ.—Литературная гля. II. Барыня-Барышня.—Родственники.—Петерб. фельетонистъ.—Раздѣлъ имѣнія. III. Великосѣтскій хлыщъ.—Провинціальнѣйшій хлыщъ.—Хлыщъ высшей школы.—Внучъ русскаго милліонера. IV. Львы въ провинціи, романъ въ 3-хъ частяхъ.

Отдѣлъ второй. Томы 4, 5. СТАТЬИ, ОЧЕРКИ И СТИХОТВОРЕНІЯ НОВАГО ПОЭТА.

- 1) Замѣчанія и размышленія новаго поэта по поводу русской журналистики, (рядъ интересныхъ и живыхъ статей изъ журнала «Современникъ», съ 1851 до 1862.—
- 2) Сорокъ восемь очерковъ и разсказовъ изъ Петербургской жизни новаго поэта.—
- 3) Рашель въ Петербургѣ.—4) Стихотворенія и пародіи новаго поэта и пр.

Отдѣлъ третій. Томъ 6. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ПИСЬМА.

- 1) Литературныя воспоминанія И. И. Панаева съ 1830 до 1847, съ дополненіями и поправками противъ прежнихъ изданій.—2) Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ.—
- 3) Некрологъ Мартынова.—4) Дружескія письма В. Г. Бѣлинскаго и И. С. Тургенева къ Панаеву.—5) Изъ «Современника» 1862 г.). Некрологъ И. И. Панаева.

Изданіе сочиненій русскихъ писателей еще недавно прошедшаго времени безспорно талантливыхъ, но уже забываемыхъ нынѣшнею публикою, составляетъ главную задачу моея издательской дѣятельности. Стремленіе мое напомнить читателямъ сочиненія такихъ авторовъ, какъ напр. С. Т. Аксаковъ, Л. А. Мей, И. И. Панаевъ, П. Р. Фурманъ и др., я надѣюсь, не только встрѣтитъ сочувствіе, но и заслужитъ одобреніе со стороны нашей читающей публики.

Названные мною авторы почти всѣ принадлежатъ къ продолжительной эпохи съ 1830 до 1860 г., т. е. ко времени самому интересному въ исторіи русской литературы. Во всѣ предпринимаемыя мною изданія я вношу дополненія, разъясненія въ забытыхъ старыхъ журналахъ, сборникахъ и альманахахъ за 40 лѣтній періодъ, иногда съ добавкою переписки и личныхъ воспоминаній автора. Въ разисканіи этихъ забытыхъ произведеній я обязанъ указаніямъ и совѣтамъ нашего бібліографа П. А. Ефремова, съ особеннымъ вниманіемъ относящагося къ предпринимаемымъ мною изданіямъ, по его же указаніямъ я иногда пополняю еще невышедшими въ печати матеріалами, какъ напр. при изданіи полнаго собр. сочин. ст. Аксакова.

Все это собранное и сгруппированное въ хронологическомъ порядкѣ представляетъ читателямъ полное изображеніе развитія мысли, дѣятельности автора и всей его среды, давая такимъ образомъ цѣнный матеріалъ для Исторіи Русской Литературы.

Изданіе полнаго собранія сочиненій И. И. ПАНАЕВА въ особенности интересно именно въ этомъ отношеніи, такъ какъ не только его литературныя воспоминанія, но и многіе изъ литературныхъ его очерковъ, замѣтокъ и разсказовъ новаго поэта, а отчасти и нѣкоторыхъ новостей, представляютъ сверхъ автобіографіи самого писателя, очеркъ общественной и литературной жизни 40-хъ и 50-хъ годовъ и, слегка прикрытые псевдонимами, очеркъ многихъ изъ дѣятелей этого времени.

И. И. Панаевъ издавалъ вмѣстѣ съ Н. А. Некрасовымъ журналъ «Современникъ», съ 1847 до 1862 г. Панаевъ со всѣми былъ близокъ и друженъ, и эти отношенія воспроизводятся въ его очеркахъ и воспоминаніяхъ.

При подпискѣ на полное собраніе сочиненій И. И. ПАНАЕВА, цѣна за всѣ шесть томовъ съ портретомъ автора 10 руб., съ перес. 12 руб.

Желающіе подписаться въ разсрочку, вносятъ впередъ только ДВА рубля и по выходѣ каждаго тома по 2 р. до выплаты всей суммы.

Одинъ томъ сочиненій Панаева выйдетъ въ Декабрѣ и за тѣмъ цѣна будетъ увеличена до 12 р. 50 к., съ пер. 14 р. Все изданіе будетъ околчено въ 1888 г.

Подписка принимается у издателя Н. Г. Мартынова, С.-Петербургъ, Невскій, д. 46.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

~~~~~

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергія Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. И. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАВРЬ, 1887 г.

	СТР.
I. О. М. Бодянский въ его дневникѣ. А. А. Бочубинскаго.	505
Иллюстрація: Портретъ О. М. Бодянскаго.	
II. Донскіе гвшпанцы. (Историческая повѣсть). Гл. XI—XXIV. (Окончаніе). Графа Е. А. Саліаса.	538
III. Императоръ Николай I и июльская монархія во Франціи. Гл. IV—VI. (Окончаніе). С. С. Татищева.	585
IV. Записки Есенофонта Алексѣевича Полеваго. Часть третья. Гл. IX. (Окончаніе).	615
V. Четверть вѣка назадъ. (Воспоминанія степного помѣщика). Гл. V и VI. (Окончаніе). А. А. Антонова.	637
VI. Приключенія одной книги. (Отрывокъ изъ воспоминаній). В. А. Васильева.	664
VII. Бракъ царя Ивана III съ Софіей Палеологъ. Ѳ. И. Успенскаго.	679
VIII. Русское посольство въ Кашгаръ въ 1875 году. (Разсказъ очевидца). Х. А. Чанышева.	694
IX. Могила генерала Панина близъ Кракова. И. ва—Н. скаго.	709
Иллюстрація: Памятникъ надъ могилой генерала Панина близъ Кракова.	
X. Новое историческое Общество. А. С. Травецкаго.	711
XI. Литературная прогулка по Темзѣ. В. З.	716
Иллюстрація: Церковь въ Фольгамъ. — Гаммерсмитъ. — Желѣзнодорожный мостъ въ Варнесѣ. — Чизвикскія ворота. — Домъ Гогарта. — Гробница Гогарта. — Ночная повѣдка по Темзѣ.	
XII. Критика и библиографія: Исторія русской академіи, М. И. Сухомлинова. Выпускъ восьмой и послѣдній. Спб. 1887. П. П. — Архивъ князя Воронцова. Книга 33-я. Бумаги государственнаго канцлера, графа Михаила Илларионовича Воронцова (1744—1758). Москва. 1887. Б. — Двадцатипятилѣтній юбилей учено-литературной и художественной дѣятельности Ивана Александровича Голышева. Владимиръ. 1887 года. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. Составилъ И. Голышевъ. Владимиръ. 1887. В-а. — Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ седьмой. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1887. А. И. — Историческій очеркъ Инженернаго Управленія въ Россіи. Часть II. Съ тремя портретами и картами. Составилъ генераль-лейтенантъ А. И. Савельевъ. Спб. 1887. В. П. — Описание книгъ и актовъ Литовской Метрики. Составилъ метрикантъ С. Л. Пташницкій. Спб. 1887. М. Г-наго. — Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Исслѣдованіе Константина Лодыженскаго. Спб. 1887. П. У. — Старый Петербургъ. М. И. Пылева. Съ 100 гравюрами. Спб. 1887. П. Л. В. — Первое столѣтіе г. Екатеринослава. 1787—9 мая—1887 г. Докладъ Екатеринославской Городской Управы къ торжественному засѣданію Думы 9 мая 1887 г. Составилъ М. М. Владимировъ, городской секретарь. (Матерьялы для историческаго очерка). Екатеринославъ. 1887. П. П. — Историческій очеркъ Сибири. Т. III. Періодъ отъ 1742—1762 г. Составилъ В. К. Андріевичъ. Томскъ. 1887. П. Л. В. — Одиннадцать гравюръ И. А. Версенева, съ замѣткою о его жизни. Издалъ Д. А. Ровинскій. Спб. 1887. М. Н.	727 745
XIII. Заграничныя историческія новости.	727
XIV. Смѣсь: Новый отдѣлъ въ Петербургскомъ Эрмитажѣ. — Девятисотлѣтіе крещенія Руси. — Башня Ярославла. — Вейсенштейнскій памятникъ. — Памятники Судковскому и Самарину. — Макарьевскій архивъ. — Туркестанскія раскопки. — Походная икона князя Пожарскаго. — Человѣческія расы и ихъ значеніе въ исторіи. — Некрологи: В. П. Васова, Я. К. Нестеровскаго, Н. А. Максимова, Н. П. Гяларова-Платонова.	745 754

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Графа Михаила Николаевича Муравьева.

2) Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Д. Д. Языкова. Выпускъ четвертый. Русскіе писатели, умершіе въ 1884 году. 3) Карнавалъ короля Геронима. Историческій романъ Г. Кенинга. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть пятая. Гл. XII. Часть шестая. Гл. I—XII. Часть седьмая и послѣдняя. Гл. I—VIII. (Окончаніе). 4) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1887 года и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника». 5) Каталогъ книжныхъ магазеновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

При этой книгѣ разсылаются городскимъ и пногороднымъ подписчикамъ 1) объявленіе о подпискѣ на еженедѣльный иллюстрированный журналъ „Нива“, въ 1888 году. 2) Для иногороднихъ подписчиковъ объявленіе объ изданіи еженедѣльной газеты «Недѣля» съ ежемѣсячнымъ журналомъ «Книжки Недѣли» въ 1888 году.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1888 ГОДУ.
(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1888 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе восемь лѣтъ (1880—1887).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей, съ пересылкой и доставной на домъ.

Въ 1888 году, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ будутъ напечатаны, уже находящіяся въ распоряженіи редакціи: историческій романъ графа Е. А. Саласа, рассказы Н. С. Лѣскова, Д. Л. Мордовцева, С. Н. Терпигорова (С. Атавы) и В. В. Крестовскаго, историческія сцены А. С. Суворина, историческіе очерки: В. А. Бильбасова, Н. И. Веселовскаго, Е. М. Гаршина, Б. Б. Глинскаго. А. А. Голубева, И. И. Дубасова, Г. В. Есипова, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, А. И. Кирпичникова, Д. А. Норсанова, Б. Котляревскаго, А. А. Кочубинскаго, А. П. Мальшинскаго, А. Н. Молчанова, А. И. Незеленова, Е. Н. Опочинина, Н. И. Петрова, П. Н. Полеваго, В. А. Потто, М. И. Пыляева, М. С. Робуша, А. Н. Сиротинина, С. Т. Славутинскаго, И. Н. Смирнова, Н. В. Сорокина, М. И. Сухомлинова, С. С. Татищева, А. А. Титова, А. С. Травченскаго, Ф. М. Уманца, П. С. Усова, В. И. Шенрока, Д. И. Эварницкаго, Д. Д. Языкова и др., записки и воспоминанія: Н. А. Бороздина, В. А. Васильева, А. Д. Галахова, А. Я. Головачевой, Р. М. Зотова, Г. В. Карцева, Н. В. Кукольника, М. А. Кретчера, А. П. Милунова, Б. А. Милотина, генераль-маіора П. В. Митурича, камергера М. М. Михайлова, генераль-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, Л. Н. Павлицева, А. В. Старчевскаго, М. Д. Францевой, бывшей камеръ-юнгферы императрицы Маріи Александровны А. И. Яковлевой и др.

Многія изъ статей названныхъ авторовъ будутъ иллюстрированы портретами и рисунками, гравированными въ Парижѣ Панемамеромъ и въ Петербургѣ А. И. Зубчаниновымъ и В. В. Матъ.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ 1888 года будетъ печататься, въ переводѣ съ нѣмецкаго, историческій романъ (съ иллюстраціями) Оснара Генера, подъ заглавіемъ „Ганзейцы“.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одесѣ при находящихя въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

	стр.
Природа и человекъ въ Средней Азіи. (Путевые очерки и впечатлѣнія). Н. В. Сорокина.	5
Записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго. Часть третья. Гл. V—IX. (Окончаніе).	48, 323, 615
Послѣдніе дни царствованія Екатерины II. Письма княгини Анны Александровны Голицыной.	82
Три центра кустарей. П. С. Усова.	100
Иллюстраціи: Улица въ селѣ Богородскомъ, Нижегородской губерніи Горбатовскаго уѣзда.—Ворсма.—Фабрика Завьяловыхъ въ Ворсми.—Видъ села Павлова.	
Дочь Густава I. К. Якубова.	135
О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. А. Н. Труворова.	142
Бенкендорфъ и Дубельтъ. П. П. Каратыгина.	165
Психопатка. (Быль изъ недавней старины). А. А. Танкова.	180
Покушеніе на жизнь тверскаго архіепископа Меодія. Н. П. Романова.	198
Русскій дипломатъ стараго времени. А. В—на.	205
Археологическій (VII) съѣздъ въ Ярославлѣ. П. П.	214
Донскіе гишпанцы. (Историческая повѣсть). Графа Е. А. Саліаса.	249, 538
Императоръ Николай I и іюльская монархія во Франціи. С. С. Татищева.	285, 585
Четверть вѣка назадъ. (Воспоминанія степного помѣщика). А. А. Антонова.	364, 637
Воспоминаніе объ Ю. В. Жадовской. Н. П. Федоровой.	394
Страницы изъ стараго дневника. Протасьева.	408

Посольство поручика Носкова въ Персію съ хрустальною кроватью.	425
Иллюстрація: Хрустальная кровать, подаренная шаху персидскому императоромъ Николаемъ I.	
Бѣлевскій вдовій домъ. П. М. Мартынова.	441
Иллюстраціи: Бѣлевскій вдовій домъ. — Памятникъ въ саду вдовьяго дома въ Бѣлевѣ, гдѣ похоронены внутренности императрицы Елисаветы Алексѣевны.	
Космографія Петровскихъ временъ. А. Ѳ. Кони.	454
О. М. Бодянский въ его дневникѣ. А. А. Кочубинскаго. . .	505
Иллюстрація: Портретъ О. М. Бодянскаго.	
Приключенія одной книги. (Отрывокъ изъ воспоминаній). В. А. Васильева.	664
Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Ѳ. И. Успенскаго.	679
Русское посольство въ Кашгаръ въ 1875 году. (Разсказъ очевидца). X. А. Чанышева.	694
Могила генерала Панина близъ Кракова. И...ва—Н...скаго .	709
Иллюстрація: Памятникъ надъ могилой генерала Панина близъ Кракова.	
Новое историческое Общество. А. С. Трачевскаго.	711
Литературная прогулка по Темзѣ. В. З.	716
Иллюстраціи: Церковь въ Фольгамѣ.—Гаммерсмитъ.—Желѣзнодорожный мостъ въ Барнесѣ.—Чизвикскіи ворота.—Домъ Гогарта.—Гробница Гогарта.—Ночная поѣздка по Темзѣ.	

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ:

В. А. Вильбасовъ. Первые политическія письма Екатерины II. Спб. 1887. В—а. — Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, собранныя и приведенныя въ порядокъ П. В. Шейномъ, т. I, часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887. С. Т—ва. — Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый Комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кievскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ. Часть VII. Т. I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ. 1886. М. Г—наго. — Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Естественно-историческая часть. Отчетъ нижегородскому губернскому земству. Работа, исполненная подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора Петербургскаго университета В. В. Докучаева. (Изданіе нижегородскаго губернскаго земства). Спб. 1884—1886. П. У.—Восточные народы и греки. Историческіе разсказы по Геродоту. Составлено профессоромъ Вильманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго языка Ивана Виноградова, преподавателя Вяземской гимназіи. Москва. 1887. Е. Г.—Холерный годъ. 1830—1831. Историческая монографія, составленная по печатнымъ матеріаламъ и устнымъ разсказамъ современниковъ П.

Каратыгинымъ. Спб. 1887. В. 3.—Н. Карѣвъ. Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока. Спб. 1887. С. 7—ва.—Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Сочиненіе, писанное на степень доктора философскаго факультета перваго отдѣленія адъюнктомъ Московскаго университета Степаномъ Шевыревымъ. Изд. 2-е. Спб. 1887. Исторія поэзіи. Читенія адъюнкта Московскаго университета Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ исторію поэзіи индійцевъ и евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ новой западной Европы. Изд. 2-е. Спб. 1887. А. Н.—М. Веневитиновъ. Изъ Воронежской старинны. М. 1887. А. Б.—Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I. Préface de M. Ch. de Mazade, de l'Académie française. 2 vol. Paris. 1887. А. Бороздина.—Судьбы Ирландіи. Публичныя лекціи Г. Е. Афанасьева. Одесса. 1887. 3. В.—О началѣ христіанства въ Польшѣ. Изданіе Кіевской Археологической комиссіи. Кіевъ. 1887. М. Городецкаго.—Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изданіе воронежскаго губернскаго статистическаго Комитета. Томъ первый. Воронежъ. 1887. С. Т.—Исторія російской академіи, М. И. Сухомилова. Выпускъ восьмой и послѣдній. Спб. 1887. П. П.—Архивъ князя Воронцова. Книга 33-я. Бумаги государственнаго канцлера, графа Михаила Илларионовича Воронцова (1744—1758). Москва. 1887. Б.—Двадцатипятилѣтній юбилей учено-литературной и художественной дѣятельности Ивана Александровича Голышева. Владиміръ. 1887 года. Константинъ Никитичъ Тиховраховъ. Составилъ И. Голышевъ. Владиміръ. 1887. В.—а.—Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ седьмой. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1887. А. Н.—Историческій очеркъ Инженернаго Управленія въ Россіи. Часть II. Съ тремя портретами и картами. Составилъ генералъ-лейтенантъ А. И. Савельевъ. Спб. 1887. В. П.—Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. Составилъ метрикантъ С. Л. Пташицкій. Спб. 1887. М. Г.—наго.—Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Изслѣдованіе Константина Лодыженскаго. Спб. 1887. П. У.—Старый Петербургъ. М. И. Пыляева. Съ 100 гравюрами. Спб. 1887. П. Л. В.—Первое столѣтіе г. Екатеринослава. 1787—9 мая—1837 г. Докладъ Екатеринославской городской Управы къ торжественному засѣданію Думы 9 мая 1887 г. Составилъ М. М. Владиміровъ, городской секретарь. (Матерьялы для историческаго очерка). Екатеринославъ. 1887. П. П.—Историческій очеркъ Сибири. Т. III. Періодъ 1742—1762 г. Составилъ В. К. Андріевичъ. Томскъ. 1887. П. Л. В.—Одиннадцать гравюръ И. А. Берсенева, съ замѣткою о его жизни. Издалъ Д. А. Ровинскій. Спб. 1887. NN . . . 222, 465, 727

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 234, 480, 745

СМѢСЬ:

Пещеры при церкви св. Іліи, въ Черниговѣ.—Монеты XVI вѣка.—Научный историческій отдѣлъ Екатеринбургской выставки.—Рѣдкія книги и рукописи на нижегородской ярмаркѣ.—

Нижегородское древнехранилище.—Присужденіе премій митрополита Макарія.—Археологическій отдѣлъ Екатеринбургской выставки.—Осьмнадцатый годовоі отчетъ Общества распространія св. Писанія въ Россіи за 1886 годъ.—Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго Православнаго Братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери за 1886 годъ.—Новый отдѣлъ въ Петербургскомъ Эрмитажѣ.—Девятисотлѣтіе крещенія Руси.—Башня Ярослава.—Вейсенштейскій памятникъ.—Памятники Судковскому и Самарину.—Макарьевскій архивъ.—Туркестанскія раскопки.—Походная икона князя Пажарскаго.—Человѣческія расы и ихъ значеніе въ исторіи.—Сентябрскіе юбилеи: П. И. Савваитова, И. А. Мельникова, И. К. Айвазовскаго, В. А. Крылова, «Сына Отечества».—Некрологи: Р. Б. Бернгарда, С. М. Макаровой, Е. Марлиттъ, Н. А. Ратынскаго, И. И. Пискарева, Л. С. Ценковскаго, В. П. Басова, Я. К. Нестеровскаго, Н. А. Максимова, Н. П. Гилярова-Платонова 242, 488, 754

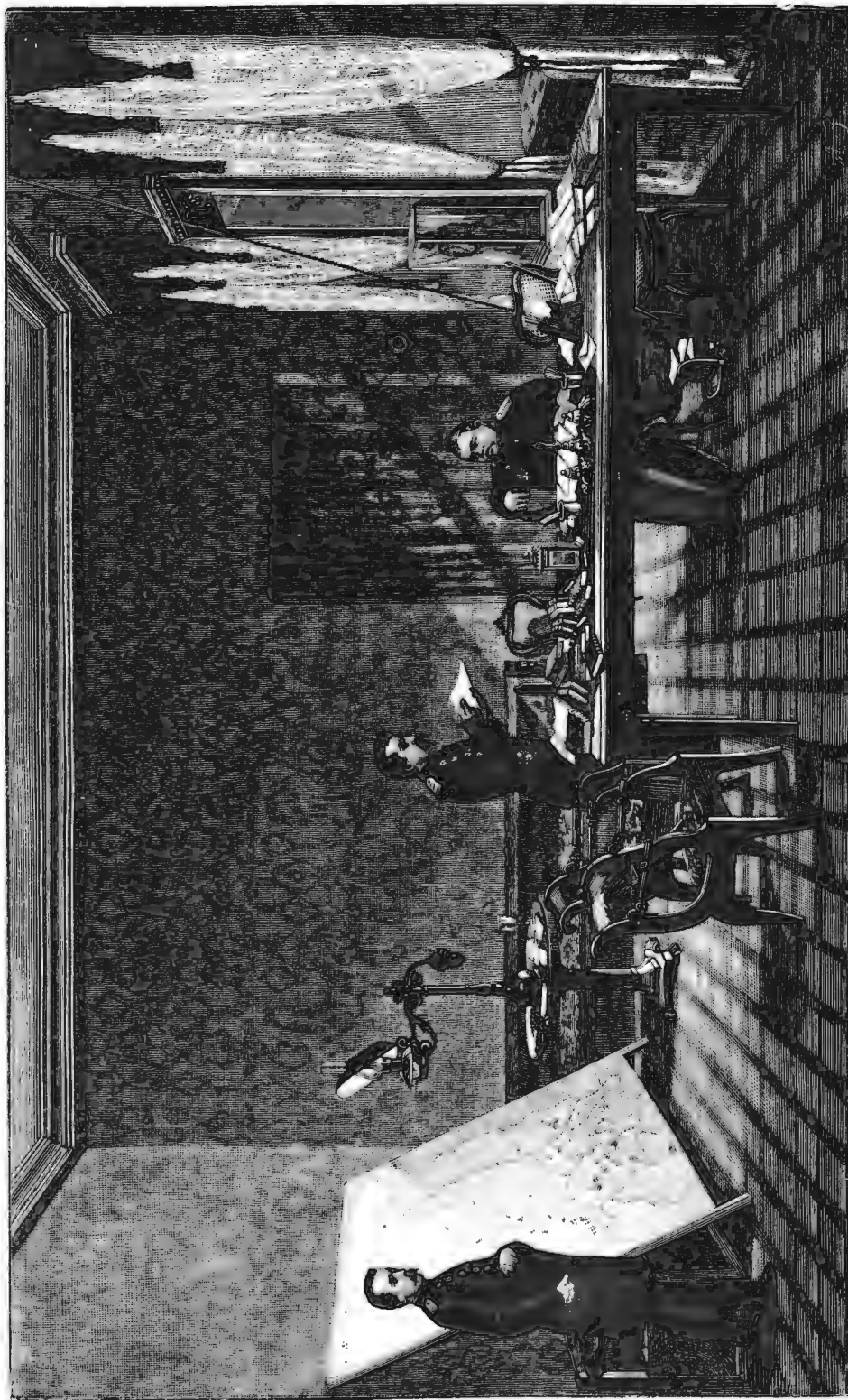
ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) По поводу статьи г. Путилова «Могила іеромонаха Арсенія». П. А. Мордовскаго. 2) Къ статьѣ: «Кудрявцевъ и его потомство». Владимира Поливанова. 247, 495

Пріобрѣтенія Императорской Публичной библіотеки. П. П. . 499

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Екатерины II, въ 1794 году.— 2) Портретъ Юліи Валеріановны Жадовской.—3) Портретъ Михаила Николаевича Муравьева.—4) Гражданское чинопроизводство въ Россіи. Историческій очеркъ. В. А. Евреинова.—5) Карнаваль короля Іеронима. Историческій романъ. Г. Кенига. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть четвертая. Гл. XVIII. Часть пятая. Гл. I—XII. Часть шестая. Гл. I—XII. Часть седьмая и послѣдняя. Гл. I—VIII. (Окончаніе). — 6) Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Д. Д. Языкова. Выпускъ четвертый. Русскіе писатели, умершіе въ 1884 году.—7) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1887 года и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника».—8) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ГРАФЪ М. Н. МУРАВЬЕВЪ ВЪ СВОЕМЪ КАБИНЕТѢ ВЪ Г. ВИЛЬНѢ ВЪ 1863 ГОДѢ.

Съ фотографин, снятой съ натуры въ 1863 г.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СТОРЖКА.

КОВЕ. ЦЕНЗ. СЕР., 20 ДЕКАБРЯ 1886 Г.

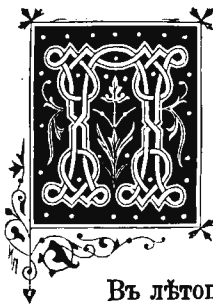

О. М. БОДЯНСКІЙ ВЪ ЕГО ДНЕВНИКѢ.

I.

РОШЛО УЖЕ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ скромномъ, но многимъ памятномъ флигелѣ, въ глубинѣ двора дома Мещериновой, у Никитскихъ воротъ, въ Москвѣ, смежилъ свои вѣщія очи первый учитель славяновѣдѣнія у насъ, маститый Осипъ Максимовичъ Бодянский, тогда лишь профессоръ *in partibus infidelium*, не у дѣль.

Это было 6 сентября 1877 года.

Въ лѣтописи Московскаго университета и русскаго славяновѣдѣнія имя покойнаго отмѣчено какъ искуснаго преподавателя и осторожнаго, внимательнаго руководителя въ исторіи развитія изученія русской жизни—какъ неутомимаго дѣятеля по обнаруженію всевозможныхъ памятниковъ отечественной старины. Кто вспомнить сто огромныхъ томовъ ничѣмъ пока не замѣнимыхъ для русскаго изслѣдователя, изданныхъ имъ, «Чтеній въ Московскомъ Обществѣ исторіи», тотъ не можетъ не преклониться предъ памятью высокаго подвижника—предъ обширностью его эрудиціи, предъ умѣньемъ найтись въ морѣ сырого матеріала—умѣньемъ выбора, предъ его трудолюбіемъ—трудолюбіемъ средневѣковаго бенедиктинца, не можетъ не умилиться предъ именемъ Бодянскаго.

Правда, незабвенный въ исторіи русской науки, Бодянский умеръ полузабвеннымъ тамъ, гдѣ протекла вся его трудовая жизнь, съ того момента, какъ онъ, семинаристъ, съ мѣднымъ грошемъ въ карманѣ, изъ далекаго Переяслава Полтавскаго прибрелъ въ Мо-

скву за тѣмъ, чтобы усѣться за словарные фоліанты, съ трудомъ добытые изъ лавки стараго Ферাপонтова, на Никольской (его собственныя воспоминанія, не разъ слышанныя нами), и поступить въ университетъ. Умеръ не на своей, созданной имъ, любимой кафедрѣ—славянской, отъ которой онъ былъ освобожденъ, яко удѣ непотребный, еще десять лѣтъ тому назадъ (1868 года), съ которой онъ сошелъ безъ злобы, съ однимъ сожалѣніемъ—въ нетрудномъ провидѣніи ближайшаго будущаго. Но печальная вѣсть о смерти всегда бодрата старика (родился 3 ноября 1808 года) возбудила общую неподдѣльную скорбь среди его разбросанныхъ учениковъ и читателей, и въ Россіи, и за рубежомъ ея—въ предѣлахъ Славянскаго міра: ¹⁾ Бодянский, первый по времени магистръ славянской филологіи, открылъ собою наши послѣдовательныя ученныя миссіи въ славянскія земли, открылъ славную фалангу знаменитыхъ четырехъ избранниковъ (Прейсъ, Срезневскій, Григоровичъ).

Своей невзрачной фигурой, чтобы не сказать болѣе, онъ запечатлѣвался въ памяти при первомъ же видѣ. Фигура эта дозволила одному товарищу-профессору, отличавшемуся колкостью рѣчи, посвятить Бодянскому недобрый экспромптъ:

«Возри на звѣря-бегемота,
На дальній типографскій дворъ:
Глаголица—его охота,
И подревлянски онъ остѣръ».

Надо имѣть въ виду, что университетская типографія, до переезда ея во владѣніе нынѣшнихъ «Московскихъ Вѣдомостей», находилась въ управленіи Бодянскаго, а въ «Русскомъ Вѣстникѣ» перваго года помѣщена была даже статья московскаго слависта о новѣйшихъ открытіяхъ въ области глагольскихъ памятниковъ. Рѣчь же свою онъ любилъ уснащать, и черезчуръ, поговорками на всяческихъ языкахъ міра.

Дѣйствительно, небольшого роста, сутоловатый, съ огромной головой на толстой и короткой шеѣ, съ испорченными болѣзнью, врозь глядящими, глазами, съ прямыми «гетьманскими» усами, и все это на короткихъ ногахъ безъ пальцевъ, Бодянский былъ не красивъ, а походкой своей, пожалуй, напоминалъ и помянутаго звѣря. Но эта некрасивая оболочка вмѣщала въ себѣ высокій духъ, который носителя своего возвышалъ надъ уровнемъ, не позволялъ

¹⁾ «Великую потерю понесла славянская наука въ смерти О. М. Бодянскаго. Не много людей славянской науки, имя которыхъ было бы такъ славно, извѣстно у насъ, какъ имя того ученаго, который 6 сентября 1877 года окончилъ свою многоплодную жизнь въ Москвѣ». Этими симпатичными строками начинается чешскій журналъ «Osvěta» (1878 г. № 2) свой скорбный листокъ о нашемъ старикѣ.—У насъ лучшая поминка о покойномъ принадлежитъ, какъ и естественно ожидать, извѣстному ученику и земляку его, также давно покойному, А. А. Котляревскому, въ «Кіевскомъ Славянскомъ Ежегодникѣ», 1878 года.

ему входить въ соглашеніе. Упрямо-точный до смѣшного (извѣстенъ разсказъ о Бодянскомъ, какъ онъ новаго арендатора университетской типографіи впустилъ не раньше въ помѣщеніе, какъ съ боемъ двѣнадцати часовъ 31 декабря—онъ всталъ тогда съ единаго оставленнаго имъ кресла и освободилъ—теперь навсегда—«типографскій дворъ»), твердый въ своихъ рѣшеніяхъ и въ то же время привѣтливый, съ отмінно добрымъ, мягкимъ сердцемъ, Осипъ Максимовичъ сторонился всего, что заключало въ себѣ хотя малѣйшій намекъ на низость, холопство, или грязный практицизмъ, и даже въ самыя трудныя, критическія минуты своей жизни былъ всегда однимъ, до самозабвенія.

Кому не извѣстно, по наслышкѣ, о грозной бурѣ, которая въ страшную годину 1848 года собралась было надъ головой Бодянскаго, какъ редактора такъ блестяще начатыхъ имъ «Чтеній въ Обществѣ исторіи», за помѣщеніе здѣсь русскаго перевода «Записокъ» Флетчера о Московіи XVI вѣка, и обрушилась со всею откровенностію той эпохи?.. Флетчеръ конфискованъ, «Чтенія» закрыты, а самъ редакторъ, для пользы службы, переведенъ въ Казань, при чемъ казанскій славистъ, покойный Григоровичъ, замѣстилъ его въ Москвѣ.

Только что предъ тѣмъ не безъ труда благополучно выплывшій изъ-подъ незаслуженнаго подозрѣнія со стороны III Отдѣленія, еще полный недавнихъ злоключеній, робкій Григоровичъ сейчасъ же посѣщилъ въ Москву, не смотря на тяжелый зимній путь, посѣщилъ и съ визитомъ къ Бодянскому,—но тотъ его не принялъ... Бодянский отказался отъ Казани, подалъ въ отставку и остался въ Москвѣ... Прошло съ небольшимъ полгода, Бодянский былъ возвращенъ своему Московскому университету, а его замѣститель своему—Казанскому.

Конечно, Бодянский рисковалъ многимъ. Но, убѣжденный въ своей невинности и въ личномъ увлеченіи страстнаго министра Уварова, онъ остался на мѣстѣ, чтобы потомъ снова войти въ родной университетъ. Онъ вѣрилъ въ торжество правды, въ высшую справедливость, твердо стоялъ на своемъ и—не ошибся.

Какимъ же образомъ, спросить читатель, могло имѣть такой благополучный финалъ дѣло, которое, по всякому человѣческому расчету, должно было имѣть конецъ совсѣмъ иного рода для дѣйствующаго лица,—на вопросъ этотъ обстоятельный отвѣтъ найдется ниже въ собственномъ разсказѣ временно-опальнаго: въ Петербургѣ мѣтили въ знаменитаго Строгонова, попечителя Московскаго университета, сердечно расположеннаго къ славному слависту, своему избраннику, а потому мѣтой для удара избрали Бодянскаго, секретаря Общества, председателемъ котораго былъ графъ. Здѣсь только предварительно отмѣтимъ, что если раньше московскій наперсникъ Уварова, Погодинъ, бывший нѣкоторое время даже профессоромъ

Бодянского (старше на 8 лѣтъ) и почему-то даже сегодня считающійся славистомъ, и предшественникомъ по секретарству въ Обществѣ (съ дѣятельностью скудною), былъ «любезнѣйшій и почтеннѣйшій Михайло Петровичъ въ Дѣвичьемъ дворцѣ», съ которымъ онъ любилъ сообщаться по-сердцу, дружески, и въ письмахъ изъ за границы (см. письма къ Погодину, изданіе Н. А. Попова): то теперь, послѣ флетчеровской интерлюдіи, Осипъ Максимовичъ пресѣкъ старое общеніе съ нимъ. Вѣрный себѣ, своему нраву, Бодянский почти четверть вѣка сохранялъ холодныя отношенія къ практическому избраннику графа Уварова и снова сошелся съ нимъ, когда оба были стариками, на порогѣ могилы, предъ юбилеемъ Погодина. Но добрый по природѣ, Бодянский не могъ допустить, чтобы чувство законнаго, на его взглядъ, нерасположенія къ Погодину перешло границы, обратилось въ слѣпую вражду, и чрезъ два-три года, говоря въ своемъ «Дневникѣ» о выгодной спекуляціи Погодина по продажѣ своего древлехранилища, въ которомъ, по словамъ Осипа Максимовича, «много древняго и важнаго, но не менѣе и дряннаго» — въ Петербургѣ, за очень высокую цѣну, ограничивается благодушнымъ замѣчаніемъ: «дай Богъ, чтобы отнынѣ Михайло Петровичъ пересталъ кулаковать, не имѣя, по его же словамъ, болѣе нужды биться объ ледъ, какъ та рыба» (см. ниже).

Ученая репутація Бодянского установилась прочно давно, какъ знатока Славянскаго міра, славянской этнографіи: нарѣчій, народной словесности. Не даромъ онъ сидѣлъ годы надъ лексиконами.

Первый оффиціальный трудъ, кандидатская диссертация, былъ написанъ подъ вліяніемъ лекцій Погодина (О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси, въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверномъ Архивѣ», т. 51): но свободные труды того же начальнаго періода говорили ясно, куда, въ какія области новаго, только что формировавшагося предмета будущій знаменитый московскій славистъ склоняется своими симпатіями. Мы разумѣемъ двѣ статьи по поводу «Народныхъ слѣванокъ словаковъ въ Венгріи», изданныхъ извѣстнымъ протестантскимъ пасторомъ въ Пештѣ и горячимъ панславомъ, Яномъ Колларомъ, гдѣ предложенъ обстоятельный историко-этнографическій очеркъ самихъ словаковъ, русскому читателю совершенно не вѣдомыхъ, и знаменитый разборъ, имѣвшій рѣшающее вліяніе на его послѣдующую ученую карьеру, «Россія въ историческомъ, статистическомъ и прочихъ отношеніяхъ» Булгарина Ѳадея — труда, выкраденнаго Булгаринимъ отъ дерптскаго профессора Иванова. Всѣ эти статьи были помѣщены въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1835, 1837 и 1838 годовъ. Наконецъ, тогда же, въ 1837 году, вначалѣ, вышло первое въ нашей литературѣ сравнительное обзорѣніе народныхъ пѣсенъ у славянъ, ихъ мотивовъ и характеристики, первое разсужденіе, представленное для полученія ученой степени магистра по новой университетской каеедрѣ, открытой Уставомъ

1835 года въ удовлетвореніе давно сознававшейся лучшими людьми русской науки и просвѣщенія потребности (мысль о кафедрѣ принадлежала графу Румянцеву и министру Шишкову)—«О народной поэзіи славянскихъ племенъ».

Правда, на страницахъ, доминировавшей въ то время въ русской журналистикѣ, «Библиотеки для Чтенія» Сенковскій, этотъ пращуръ скромныхъ благодетелей и радѣтелей русской науки изъ При-и-Подвислянскаго края, встрѣтилъ достойнымъ себя привѣтомъ: глупой морализаціей, передержкой и издѣвательствомъ, невѣжественной издѣвкой не только надъ первымъ у насъ, и по времени, и по существу, трезвымъ знатокомъ трудно доступной области народной поэзіи, но и надъ гениальными учителями славянской науки — Добровскимъ и Шафарикомъ, а по терминологіи Сенковскаго людьми болѣе чѣмъ сомнительной ученой репутаціи, даже хвастунишками. Но тутъ, въ изобличеніе своего невѣжества, Сенковскій пристегнулъ къ сворѣ ненавистныхъ ему именъ «энтузіастовъ», панславистовъ, какъ выразился бы нынче какой нибудь европейскій публицистъ, и знаменитаго Копитара, того Копитара, который, при безспорно высокомъ талантѣ, остроуміи, могъ быть заподозрѣнъ въ чемъ другомъ, но отнюдь не въ славянскомъ сентиментализмѣ, въ излишествѣ восторженнаго чувства къ славянству, его судьбамъ, его чаяніямъ¹⁾.

Не говоря уже о томъ, что хоть бы у своего земляка Мицкевича, изъ его роскошной лирической вставки въ Конрадѣ Валенродѣ, петербургскій хулитель нашего перваго слависта и его учителей (собственно одного Шафарика, въ молодости занимавшагося собираніемъ пѣсенъ), могъ бы научиться пониманію историческаго значенія народной пѣсни: легкомысленность обвиненія Сенковскаго относительно выбора темы и младенческаго-де отношенія къ ней автора иллюстрируется какъ нельзя лучше согласіемъ ученой дѣятельности Бодянскаго съ направленіемъ ученой пытливости въ

¹⁾ Привѣтъ Сенковскаго—въ «Библиотецѣ для Чтенія», т. 23, литературная лѣтопись, 15. Сенковскій повторялъ своего пріятеля и соплеменника Булгарина, но былъ съ образованіемъ и серьезнымъ знаніемъ. Въ своей хвастливой перепискѣ съ Лелевелемъ еще въ 20-хъ годахъ, онъ является уже готовымъ. Ср. изложеніе этихъ писемъ у проф. В. А. Яковлева и его газетѣ «Западная Почта» 1878 г. № 57—97. Какъ тяжело было въ то время заниматься славянствомъ, служить рассказъ Григоровича, слышанный отъ него нами. «Въ дерптской гимназіи учителемъ русскаго языка былъ П. Прейсъ. Я провѣдавъ однажды, что у него есть «Glagolita Cloz.» (недавно изд. Копитаромъ); но, не смотря на всѣ мои старанія, онъ былъ такъ ревнивъ къ своей книгѣ, что не далъ мнѣ. Все, что я могъ достать въ университетской библиотекѣ — это Шафарика «Gesch. d. slav. Literatur». Я ее изучилъ и почти всю списалъ. Когда въ 1838 г. проѣзжалъ чрезъ Дерптъ Уваровъ, проф. Росбергъ представилъ меня ему, какъ знатока славянскихъ нарѣчій, потому что еще дома я зналъ польскій языкъ да искалъ Glag. Cloz.»

Россіи, на Западѣ. Фалерслебенъ усиленно занимался дошедшими крохами нѣмецкой народной пѣсни. Жегота Паули издаетъ свой прекрасный сборникъ краковскихъ пѣсенъ; Несторъ галицко-русскихъ писателей, Я. Ѳ. Головацкій, только что окончилъ свое рискованное путешествіе среди русскихъ Венгріи за народною пѣсню (объ этихъ сластяхъ и страстяхъ уважаемый этнографъ подробно рассказываетъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ въ журналѣ «Литературный Сборникъ Галицко-русской Матицы», I, 1886 г., раньше отрывки въ журналѣ «Чешскаго Музея») и украдкой отъ когтей австрійской цензуры спасалъ въ Венгріи народный альманахъ «Русалку Днѣстровую»; чешскій священникъ Сушилъ собирался съ изданіемъ народныхъ пѣсенъ Моравіи, а извѣстный Вукъ Караджичъ подготавливалъ новое обширное изданіе знаменитыхъ историческихъ былинъ сербовъ.

Такимъ образомъ, выборъ темы Бодянскимъ, ея своевременность оправдывались общимъ живымъ научнымъ интересомъ, съ которымъ относились всюду къ вопросамъ этнографіи.

Всѣ указанные труды гарантировали ученое имя скромнаго учителя московской первой гимназіи, Іосифа непрекраснаго, какъ шутя иногда называлъ нашего магистра извѣстный археологъ Ундольскій. Но изъ всѣхъ ихъ особенно сильное впечатлѣніе произвелъ одинъ, это—уничтожающая критика булгариновской «Россіи» и особенно ея неслыханной притязательности, полная живого юмора (съ этой стороны нашъ авторъ былъ извѣстенъ и въ беллетристикѣ своими рассказами на малорус. яз. «Приказки»). Критика эта познакомила Бодянского съ гр. Строгоновымъ, и тотъ поспѣшилъ предложить молодого слависта къ заграничной командировкѣ для приготовленія къ занятію московской каѳедры славянской филологіи.

Такимъ образомъ, Бодянский былъ не только первымъ магистромъ славянской филологіи, но и первымъ официальнымъ избранникомъ для введенія новой каѳедры въ жизнь. Что выборъ былъ блестяще-удачный, показала его послѣдующая сорокалѣтняя неустанная дѣятельность на пользу русской науки, во славу себѣ.

Строгий къ себѣ, строгій исполнитель разъ принятыхъ обязанностей, тѣмъ болѣе въ сознаніи особенной серьезности обязанностей относительно предлежавшей каѳедры, Бодянский и свое заграничное время провелъ, насколько позволяло его хрупкое тѣло, въ прилежномъ, неустанномъ трудѣ и, что особенно замѣчательно, безъ непремѣнныхъ не только для того, но и много позднѣйшаго времени, славянскихъ сначала аханій, а потомъ оханій. «Бодянский, вспоминаетъ одинъ старый чешскій патріотъ о пребываніи его въ Прагѣ, былъ настоящій малорусскій, мягкій характеръ, занимался усердно, жилъ большею частью для себя, но былъ прямой и откровенный» (А. Малый, «Записки»).

Занятія Осипа Максимовича были многосторонняго характера. Въ его представленіи только что вызванная къ жизни каеэдра «Исторіи и литературы слав. нарѣчій» обнимала жизнь открываемаго для русской науки славянства со всѣхъ его сторонъ: языкъ въ его историческомъ развитіи и народныхъ говорахъ, литературу, исторію, археологію, даже право. «Я постановилъ себѣ обязанностію, пишетъ онъ въ первомъ отчетѣ, всѣ, какія только встрѣтятся мнѣ бібліотеки, осмотрѣть и узнать, не скрывается ли въ нихъ какихъ либо замѣчательныхъ памятниковъ, относящихся къ древне-славянской, русской и прочихъ славянскихъ племенъ исторіи, литературѣ и языкамъ»¹⁾.

Работа кипѣла и только останавливалась тогда, когда тяжкій недугъ, постигшій его на пути, въ Пештѣ, болѣзнь ногъ, заставлялъ его думать о себѣ—да придется ли ему жить?.. Бодянской остался живъ, но обезображенный навсегда, безъ ступней обѣихъ ногъ. Занося въ свой «Дневникъ» смерть А. В. Враскаго, 29-го мая 1852 г., Осипъ Максимовичъ вспоминаетъ: «Ровно за 12 лѣтъ онъ везъ меня, больного, безногаго, изъ Пешта, куда нарочно пріѣхалъ изъ Вѣны, узнавъ о моемъ положеніи, къ Присницю въ Грефенбергъ»...

Въ каждомъ положеніи, въ каждую минуту своего продолжительнаго (5 лѣтъ) пребыванія за границей, Осипъ Максимовичъ былъ человѣкомъ серьезной, анализирующей мысли, а не безвольной жертвой увлекающаго чувства.

Вотъ одновременно съ Бодянскимъ совершаетъ объѣздъ Славянскаго міра глубокомысленный Н. Надеждинъ, и старше нашего слависта лѣтами, и жизнью тогда болѣе умудренный (онъ былъ въ ссылке). Но міръ славянства, впервые ему открывшійся съ выѣздомъ изъ Бессарабіи, наводя наблюдательнаго путешественника на плодотворныя для науки мысли, нашептывалъ ему въ то же время фантастическія грезы, пробуждалъ въ немъ чувства, дѣйствительности не соответствующія. Надеждинъ пріѣзжаетъ къ славянамъ австрійской Краины и среди нихъ «можно позабыться, пишетъ онъ въ отчетѣ, и подумать, что находишься на нашей родной Руси: такъ поразительно свойство крайнской вѣтви великаго славянскаго семейства съ русской!» («Ж. Мин. Н. Пр.» 1842, іюнь). На самомъ же дѣлѣ близость языковъ обоехъ слав. народовъ такъ осязательна, что даже и упражненное ухо подготовленнаго русскаго путешественника едва различаетъ десятое слово.

Для Надеждина были одинаково «незабвенны» бесѣды въ Прагѣ и съ гениальнымъ Шафарикомъ, съ прекраснымъ по душѣ, но

¹⁾ Подробнѣе о славянскихъ занятіяхъ его, какъ и остальныхъ трехъ товарищей, см. въ моей «Запискѣ о путешествіи въ слав. земли», 16—23. Съ своимъ трудолюбіемъ Бодянской достигъ цѣли—изучилъ слав. языки, какъ никто. Онъ иногда говорилъ о себѣ: «среди какого бы слав. народа я ни находился, я говорю его языкомъ»,—только съ сильной малорусской окраской.

слабо вскормленнымъ отъ науки, Вячеславомъ Вячеславичемъ, по-просту Вацлавомъ Ганкой. Иного приема держался сосредоточенный въ наукѣ Бодянский. Онъ держался крѣпко Шафарика, безспорно, великаго ученика великаго Добровскаго, и подозрительно глядѣлъ на научную стоимость имѣвшаго вскорѣ препрославиться Ганки, Вячеслава Вячеславича, но въ столицѣ сѣверной и никогда въ Москвѣ. Сначала хододный, Бодянский въ дальнѣйшихъ письмахъ въ Москву обнаруживаетъ явное нерасположеніе къ «пресловутому» Вячеславу Вячеславичу. «Я—смѣется Бодянский—ученикъ Ганки! Каковъ соколъ наставникъ»!..

Съ твердымъ, упроченнымъ именованіемъ знатока славянства и славянской филологіи возвратился Бодянский въ Москву, послѣ 5 лѣтъ трудовъ и испытаній, и открылъ славянскую кафедру. Хотя и новое дѣло, но въ его рукахъ оно пошло бойко и успѣшно, и опытный славистъ уже въ первые годы преподавательской дѣятельности имѣлъ удовольствіе, перепедающее на долю немногихъ—видѣть около себя формирующуюся фалангу учениковъ. Назовемъ Клеванова, Новикова. Къ нимъ примыкаетъ вскорѣ Гильфердингъ. Но товарищи его по кафедрѣ въ это время сами только формировались. Ученики пособляютъ въ переводѣ трудовъ Шафарика, учителя и друга своего учителя: славянской этнографіи, славянскихъ древностей, которые тогда же и являются на русскомъ языкѣ, то отдѣльно, то въ «Чтеніяхъ» (о мелкихъ не говоримъ), и въ свою очередь сами направляются Осипомъ Максимовичемъ къ самостоятельнымъ работамъ, которыя, сосредоточиваясь въ области исторіи славянъ, группируются около всегда живыхъ и кардинальныхъ проблемъ: о православіи у западныхъ славянъ, о характерѣ реформаторской дѣятельности Гуса, о связи ея съ послѣдующими событіями въ средней Европѣ. Переводя труды Шафарика, дѣлясь отъ своего богатаго знанія съ учениками въ ихъ работахъ надъ указанными вопросами, Бодянский безспорно оказывалъ добрую службу на первомъ мѣстѣ московскимъ друзьямъ славянъ—славянофиламъ: большинство ихъ, при философскомъ образованіи, имѣли посредственное знаніе дѣйствительнаго славянства. вмѣстѣ съ тѣмъ, Бодянский сталъ добровольнымъ комиссіонеромъ славянскихъ книгъ въ Москвѣ. Напр., для В. Караджича онъ былъ истинно меценатомъ, подписываясь на 42 экз. его сербскихъ изданій, тогда какъ самъ князь сербскій подписывался только на 20. Но, врагъ метафизическаго тумана, Бодянский не принадлежалъ къ славянофиламъ: не причисляя себя ни къ правовѣрнымъ, ни къ дисидентамъ, онъ не чуждался ни тѣхъ, ни другихъ, но вездѣ блюлъ свободу своего мнѣнія, самостоятельность сужденія. Въ довольно близкомъ человѣкѣ, Шевыревѣ, онъ не любилъ искательнаго духа; Хомякова даже порицалъ за рѣзкость отношенія къ внутреннимъ недугамъ нашимъ, подобно разнымъ оффиціозамъ, но сторонясь послѣднихъ.

Въ изданіяхъ славянофиловъ онъ не участвовалъ. Его кругъ людей составляли земляки: Гоголь, Кулишъ, Шевченко и пр.

1848 годъ, исторія съ переводомъ Флетчера, тяжелая судьба трудовъ его учениковъ, едва не постигшій остракизмъ самой славянской каеедры, когда, по завѣренію покойнаго Григоровича, про-

Осипъ Максимовичъ Бодянскій.

тивупапская дѣятельность Гуса была предметомъ соблазна, все это по природѣ сосредоточеннаго Бодянскаго заставило еще болѣе углубиться въ себя, войти, запереться въ своей раковинѣ. Онъ замкнулся. Но замкнулся ли онъ отъ окружающаго его міра, сталъ ли глухъ къ нему, превратясь въ живого мертвеца, или онъ оставался

внутри себя, подъ личиною замкнутости, старымъ Бодянскимъ, съ живымъ, отзывчивымъ сердцемъ къ явленіямъ дорогой ему русской среды, съ нестѣснительнымъ, прямымъ сужденіемъ о нихъ—на вопросъ этотъ читатель найдетъ, между прочимъ, разъясненіе въ домашнихъ запискахъ Бодянского, веденныхъ время отъ времени, гдѣ сердце его на распашку, и куда онъ «во дни печали» ввѣрялъ свои думы.

Къ этому-то «ковчезцу» Бодянского мы и обратимся.

II.

Собственноручныя записки Бодянского, на небольшихъ листовыхъ тетрадахъ, нѣсколько разбитыя, съ недостающими листками или тетрадями въ серединѣ и безъ конца, начинаются 15 апрѣля 1852 г. и кончаются 1857 годомъ. Онѣ написаны весьма тщательно и начало ихъ, вѣроятно, утеряно. Въ нѣкоторомъ смыслѣ ихъ можно назвать дневникомъ, ибо запись приурочивается къ тому или другому дню мѣсяца, въ порядкѣ мѣсяцевъ, и какъ въ древней лѣтописи отмѣтка стоитъ подъ тѣми днями, въ которыхъ случилось или услышано было что либо интересное. Въ этомъ дневникѣ отмѣчалось не состояніе погоды или своего желудка (какъ въ дневникѣ, напр., цензора Красовскаго), а почти исключительно то, что имѣло или общественный интересъ, или, если и личный, то, въ виду социальнаго положенія автора, что не безъ общаго значенія—по университету, по историческому Обществу и пр. Къ специально личнымъ событіямъ Бодянской обращается рѣдко.

Зная испытанную правдивость автора, его строгое отношеніе къ перу: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ,—было любимой его поговоркой и правиломъ жизни, мы вполне можемъ довѣряться сообщеніямъ этой лѣтописи сердца старѣйшаго слависта—привирать не было въ его природѣ. А между тѣмъ эпоха, захватываемая записками, ея первые годы, въ высшей степени важна и поучительна—эпоха неточной оцѣнки себя, съ Севастопольскимъ погромомъ на концѣ. Горячій патриотъ, самъ авторъ не чуждъ грѣха своего времени, но и здѣсь сохраняетъ онъ свою середину. Политическіе вопросы, злоба дня, университетъ, наука, литературныя явленія—все это нашло мѣсто въ дневникѣ и все это изложено съ обстоятельностью, свойственною автору. Нигдѣ недомолвокъ, какъ будто отмѣтки приготовлены къ печати: только мѣстами «опасныя» собственныя имена скрыты или намѣренно переставлены. Естественно, съ особеннымъ вниманіемъ авторъ отнесся къ событіямъ завершительной войны, дѣлая копіи съ тайно полученныхъ писемъ, выписки изъ газетъ даже.

Однимъ словомъ, дневникъ Осипа Максимовича, въ простомъ и правдивомъ разказѣ своемъ, захватываетъ значительную часть интересовъ образованной части Москвы: суды и пересуды, и особенно Петербурга, толки, слухи, ходившіе въ обществѣ, чувства, его волновавшія, и отрывочные листки его тѣмъ дороже, что ихъ сообщенія, хотя и вполне отдѣланы въ своей литературной формѣ (читая дневникъ, удивляешься терпѣнію автора все предлагать въ точной, законченной формѣ), но не предназначенныя къ печати, они выливались свободно, и если не всегда подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ слышаннаго, видѣннаго или прочувствованнаго, по горячимъ слѣдамъ, а воспроизводились послѣ значительныхъ интерваловъ, то не иначе, какъ по черновымъ замѣткамъ.

Узкія рамки журнальной статьи вынуждаютъ насъ, къ сожалѣнію, ограничиться сообщеніемъ наиболѣе интересныхъ страницъ дневника, съ 1852 по 1854 годъ, но по возможности словами автора, при чемъ позволяемъ себѣ любимую орѳографію покойнаго (*еть* и пр.) измѣнить на общепринятую (*эти*), несомнѣнныя имена вывести изъ-подъ инициаловъ, но въ скобахъ. Впрочемъ, цѣликомъ дневникъ изданъ быть не можетъ.

Въ заключеніе прибавимъ, что настоящій дневникъ, вмѣстѣ съ черновыми разными замѣтками и другими неважными бумагами, былъ приобрѣтенъ отъ наслѣдниковъ Бодянскаго покойнымъ А. А. Котляревскимъ, а сыномъ послѣдняго, кандидатомъ Московскаго университета, Несторомъ, подаренъ мнѣ, послѣднему ученику Нестора русскихъ славистовъ.

III.

Первый отмѣченный день, 15 апрѣля 1852 года, о высочайшемъ повелѣніи, чтобы «отнынѣ въ университетахъ было наблюдаемо въ греческомъ языкѣ Рейхлиново произношеніе». Поводомъ-де было замѣчаніе ректора Аѳинскаго университета о студентахъ Педагогическаго Института, что греческій языкъ знаютъ—«только читаютъ понѣмецки, а не погречески»...

16 іюня пріѣхалъ въ Москву сербскій писатель изъ Дубровника (Ragusa), графъ Пучичъ, а 17-го онъ условился съ Бодянскимъ объ осмотрѣ Москвы. «Еще вчера Сушковъ (Н. В.) возилъ его къ Чадаеву, гдѣ познакомилъ съ Кирѣевскимъ (И. В.) и Свербеевымъ». Бодянской-чичероне показывалъ ему всю Москву, всходилъ даже съ нимъ на колокольню Ивана: «взобрались до самаго креста, откуда спускались около 12 минутъ»—для почти безногаго профессора истинно подвигъ. «Разставшись въ два, вечеромъ (21 іюня) узналъ о смерти М. Н. Загоскина, извѣстнаго нашего романописца, скончавшагося, какъ говорятъ, отъ воспаленія. Это

третья знаменитая жертва въ первое полугодіе этого года въ области нашей словесности: Гоголь, Жуковский и Загоскинъ. Вечеромъ съѣздили вдвоемъ къ И. В. Кирѣевскому. Онъ (т. е. Пучичъ) прожилъ около 2 недѣль въ Москвѣ и уѣхалъ изъ нея 1 іюля, во вторникъ, въ Петербургъ»... Авторъ снабдилъ его оттисками своихъ трудовъ изъ «Чтеній» для него и для передачи въ историческое Общество въ Загребѣ, «которое годъ тому назадъ прислало мнѣ дипломъ на почетнаго члена. Съ нимъ же послалъ письма къ Шафарику, Ганкѣ, Шопову».

«4 іюля. Разговаривая съ Стр(оевымъ) о мѣрахъ противъ Сборниковъ, только что предпринятыхъ, узналъ отъ него, что онъ лишъ потому оставилъ свое мѣсто, что, предупреждая министра на счетъ злоупотребленій журнальныхъ, не сошелся съ нимъ въ мѣрахъ противъ нихъ. «Это такое зло, говорилъ Уваровъ, противъ котораго нѣтъ лѣкарства. Опасность идетъ съ Запада, передъ которой остается только поникнуть головой».

Рѣчь идетъ о злополучныхъ альманахахъ славянофиловъ.

Подъ 16—26 іюля отмѣчены впечатлѣнія отъ поѣздки въ Петербургъ, гдѣ, за лѣтнимъ временемъ, изъ знакомыхъ видѣлъ лишь П. А. Кулиша, мелькомъ, и епископа Макарія: съ нимъ провелъ цѣлый вечеръ. «Это человѣкъ очень умный и ученый. Кончивъ свои богословскія работы по званію преподавателя въ Духовной Академіи, сказалъ онъ мнѣ, я теперь съ разрѣшенія Синода снова принимаюсь за исторію.—Когда я сказалъ ему о своихъ преднамѣреваемыхъ изданіяхъ старинныхъ памятниковъ славянской письменности, то онъ откровенно сознался, что, не смотря на свои историческія занятія, по сю пору не видалъ еще ни одной пергаменной рукописи». Въ Публичной библиотекѣ самъ М. А. Корфъ показывалъ рукописи. Авторъ замѣтилъ барону на неудачность выбора раскрытаго мѣста въ Остромировой рукописи—на лучшемъ изображеніи, но съ текстомъ лишь на одномъ столбцѣ, что не изображеніемъ «евангеліе Остромирово важно для посѣтителей, а своимъ текстомъ, котораго тутъ показывается такъ скупо; я думаю, лучше пусть изображеніе будетъ пониже, только бы тексту побольше». «Говорятъ, заключаетъ авторъ, что вскорѣ потомъ ошибка эта была исправлена».

За этимъ—1-го ноября: «Въ проѣздъ свой въ Петербургъ изъ Малороссіи П. А. К(улишъ) отдалъ мнѣ всѣ свои списки малороссійскихъ пѣсень на отдѣльныхъ листикахъ изъ печатныхъ сборниковъ. Тутъ же и всѣ тѣ, которыя находятся въ сборникѣ Хомаковскаго, принадлежащемъ М. А. Максимовичу, и которыя я самъ лѣтъ 20 назадъ сдѣлалъ для себя точно также и изъ одного съ нимъ источника»...

«6-го ноября. Въ бытность у А. П. Елагиной слышалъ я вмѣстѣ съ К(улишемъ), что Гоголь просилъ ее и еще кого-то при-

нять на себя трудъ тѣ деньги, которыя выручатся за послѣднее изданіе его сочиненій, роздать бѣднымъ. Вечеромъ читаль я съ П. А. К(улишемъ) статью Г. П. Данилевскаго въ 124 № «Моск. Вѣд.» «Хуторъ близъ Диканьки». Въ ней исправилъ я всѣ невѣрности и промахи ¹⁾, а также по поводу ея вошелъ въ нѣкоторыя подробности о послѣднемъ моемъ свиданіи съ Н. В. Гоголемъ, что все записано было К(улишемъ) со словъ моихъ для составленія особой статьи въ отвѣтъ Г. П. Данилевскому и В. П. Г(авес)скому на его «Замѣтки для біографіи Гоголя»...

Послѣдняя замѣтка 1852 года, 23 декабря, самая любопытная. Это—финаль исторіи съ переводомъ Флетчера, бесѣда императора Николая съ графомъ Строгоновымъ.

«Бывши у государя, говоритъ графъ Строгоновъ, послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ къ камину, гдѣ, закуривъ сигарки, онъ спросилъ меня:—Что тамъ ты печатаешь такое?—«Государь,—отвѣчалъ я,—я печаталъ такое, чтѣ всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Теодора; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ на нее непохожей. Уваровъ по личной ко мнѣ враждѣ рѣшился надѣлать изъ этого шума и представить В. В.—ву какъ нѣчто зловерное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго Общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ, имѣвшаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получить его 33, т. е. изъ всѣхъ, къ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только 2 не подписались». — «Но и архіереямъ не все можно позволять читать». — «Такъ, государь, но если ученымъ мы будемъ не позволять знать и худую сторону нашу, тогда и въ доброй свѣтъ усомнится». — «Хорошо, хорошо,—подхватилъ тогда государь,—мы все это уладимъ скоро и пострадавшій отъ Уварова возвратится непремѣнно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ, а это, говорю тебѣ, скоро наступить». И точно, ровно черезъ годъ (20 октября 1849 г.) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ.

«Разговаривая съ Строгоновымъ, я, продолжаетъ Бодяскій, спросилъ, каково кажется ему новое сочиненіе о войнѣ нашей 1799 г., написанное Михайловскимъ-Данилевскимъ и Милютинимъ? «Что написано первымъ, отвѣчалъ онъ, написано холопомъ съ цѣлію унижить Екатерину II; но что написано вторымъ, пока я прочелъ, все живо, увлекательно и благородно. Я не понимаю намѣренія чьего бы то ни было унижить государыню и Суворова. Князь Горчаковъ самъ

¹⁾ Эти поправки занесены въ новую статью Г. П. Данилевскаго о томъ же предметѣ «Знакомство съ Гоголемъ», напечатанную въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1886 г., кн. 12.

разсказывалъ мнѣ, что ему государь Павелъ I поручалъ склонить Суворова возвратиться въ Петербургъ; но тотъ отвѣчалъ, что онъ получилъ 7 параличей, 70 подагръ и 700 горячекъ съ тѣхъ поръ какъ въ деревнѣ». За симъ длинный разсказъ графа о прѣздѣ наконецъ Суворова въ столицу, но безъ результата».

«4-го января 1853 года. На вечерѣ у С. П. Ш(евыре)ва Нарышкинъ, между прочимъ, сказалъ, что въ Петербургѣ ходитъ теперь чья-то острота, приписываемая по обыкновенію князю Меншикову, по случаю новыхъ министровъ. «Что это нонѣ у насъ за министры? Одинъ долгорукій (военный), другой безрукій (Бибиковъ), третій на трехъ ногахъ да еще съ норовомъ (Ширинскій-Шихматовъ съ помощникомъ Норовымъ), четвертый близорукій (Панинъ), пятый имѣетъ скверную мину»...

«26-го января. Послѣ обѣда у Н. В. Сушкова, принимавшаго меня наканунѣ по случаю прѣзда брата ея жены, Ѳ. И. Тютчева, который однако же отозванъ былъ графомъ С. С. Уваровымъ и пришелъ уже вечеромъ часу въ 7-мъ, разговаривая о томъ и семъ, рѣчь зашла о покойномъ Гоголѣ. Тутъ онъ показалъ мнѣ письмо его къ Вигелю, писанное въ отвѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и письмо Вигеля. Оба взялъ я себѣ списать, какъ чрезвычайно замѣчательныя характеристики того и другого. Не помню, кто-то мнѣ сказалъ надняхъ, что Погодинъ, продавъ свое древлехранилище... въ Публичную Петербургскую библіотеку (по однимъ за 150 тысячъ, а по другимъ только за 125 т.), сказалъ: «Ну, теперь я богатъ слава Богу! Прежде бился я какъ рыба объ ледъ и хотѣлъ бы помочь друзьямъ да не могъ. Нынче добился своего и спѣшу сдержать слово, данное самому себѣ въ отношеніи лучшему моему другу: надняхъ посылаю ему вексель въ 3 т. с.». Это было П. Шафарыку въ Прагу. Что хорошо, то хорошо, великодушно и благородно. Дай Богъ, чтобы отнынѣ Михайло Петровичъ пересталъ кулаковать... Припоминаю, что это слышалъ я отъ В. А. Елагина, бывши у него вечеромъ въ четвергъ 5-го февраля».

«11-го марта. Вечеръ у С. П. Шипова съ Вигелемъ, который между разговоромъ сказалъ, что извѣстную остроту по поводу послѣдней войны и безпокойствъ за границей: — «Съ нами Богъ— «Богъ съ нами»,—сказанную имъ, приписываютъ Меншикову».

Далѣе длинный разсказъ о пожарѣ московскаго театра, съ массою мелочей, ходившихъ толковъ. 27-го марта авторъ возвращается къ пожару, что по словамъ А. А. Майкова, бывшаго предъ началомъ несчастія внутри театра вмѣстѣ съ присланнымъ изъ Петербурга ревизоромъ для провѣрки гардероба, огонь разомъ охватилъ внутренность зданія со всѣхъ почти сторонъ, что отсюда общій толкъ, что театръ былъ подожеженъ.

«22-го апрѣля. «Зачѣмъ вы выбираете все такія болячія стороны для своихъ повѣстей», — спросилъ графъ Строгоновъ Н. Ф. П(ав-

лова), когда тотъ жаловался нѣсколько разъ ему на цензуру и вслѣдствіе того послѣдній взялся самъ предварительно разсматривать все, что онъ ни напишетъ.—«Это ужъ такой у меня взглядъ и такое чутье: что болить, то на меня и глядитъ»,—отвѣчалъ П(авловъ).

«Вышелъ указъ о поступленіи въ военную службу сыновей личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ, которые, достигши 18 лѣтняго возраста, не поступили еще никуда на службу, или кончивъ ученіе не опредѣлились въ нее въ теченіе года. Мѣра эта, говорятъ, противурѣчитъ другой—накопленію служащихъ, для которыхъ нѣтъ уже достаточныхъ мѣстъ и потому многіе, даже кончившіе ученіе въ университетахъ, по 5 и 6 лѣтъ принуждены считаться на службѣ сверхъ счету. Теперь только и разговора, что объ этой мѣрѣ. Рассказываютъ, что одинъ членъ Государственнаго Совѣта проговорился, что имъ она была прислана уже готовой».

«13-го мая. Чадаевъ вечеромъ у С. П. Ш(евыре)ва увѣрялъ, что А. И. Тургеневъ, когда-то въ его присутствіи сказалъ напрямикъ московскому митрополиту Филарету: «Что же, высокопреосвященнѣйшій! Вѣдь всѣ мы безъ исключенія во время оно были протестантами». «Что вы, А. И., Богъ съ вами!» «Ну да, что правда, то правда; было время, еще разъ скажу, когда всѣ мы были протестантами». И точно, замѣтилъ къ этому рассказчикъ, катихизисъ I изд., составленный Филаретомъ, далеко не то, что теперешній. Въ 1-мъ всюду стоитъ только Учитель, между тѣмъ какъ во 2-мъ разнообразно: Господь, Христосъ, Спаситель и т. д. ¹⁾ Это обстоятельство припоминаетъ рассказъ гр. Строгонова о Филаретѣ, епископѣ харьковскомъ.

«Будучи въ Петербургѣ, я слышалъ отъ самого оберъ-прокурора Синода (гр. Протасова, родственника моего), говорилъ онъ мнѣ разъ вечеромъ у себя, что когда вышелъ періодъ синодальный его «Исторіи русской церкви», то онъ, Протасовъ, принужденъ былъ самъ войти съ представленіемъ къ государю объ этомъ сочиненіи, боясь чтобы кто другой не опередилъ его и тѣмъ не подвергъ большой отвѣтственности. На представленіи государь написалъ было отобрать всѣ экземпляры и сжечь, но онъ отговорилъ, представляя, что это не только не уменьшитъ опасности, но еще больше увеличить ее, обративши всеобщее вниманіе къ сочиненію, которое безъ того гораздо меньше можетъ вредить. Напротивъ нужно послѣпить вторымъ, передѣланнымъ изданіемъ, надъ чѣмъ уже и трудится сочинитель по высочайшему приказанію. Ему грозило лишеніе сана и заточеніе, тѣмъ болѣе, что этого періода (синод.) онъ никому не посылалъ изъ тѣхъ, кому первые отправлялъ, избѣгая какъ бы такимъ образомъ большой огласки преждевременно. И

¹⁾ Рассказъ сомнительный.

Прим. изд.

точно мнѣ самому, заключилъ оберъ-прокуроръ, періодъ этотъ попалъ въ руки спустя почти полгода.

«Тутъ же въ домѣ Ш(евырева) Ч(ада)евъ на мои слова, что министромъ, говорятъ, назначенъ Норовъ... сказалъ, что онъ слышалъ совсѣмъ иное, что министерство просвѣщенія поступитъ подъ завѣдываніе государя наследника, при коемъ образованъ будетъ второй штабъ, т. е. гражданскихъ учебныхъ заведеній подъ управленіемъ Норова».

«21-го мая. Въмѣсто обыкновеннаго своего дня, среды, былъ сегодня у С. П. Ш(евыре)ва... Будучи одни, рѣчь зашла по поводу новаго слуха о выѣздѣ кн. Меншикова изъ Царьграда и предстоящей вслѣдствіе того войнѣ съ Турціей»...

«27-го мая. Посольство кн. Меншикова въ Царьградъ представляетъ обильный предметъ заграничнымъ газетамъ для всякаго рода предположеній и соображеній. Не безъ того и у насъ. Вообще занятіе Царьграда нашими войсками встрѣтило бы во всѣхъ сословіяхъ самое живое сочувствіе. Ни одна война не шевелитъ такъ сильно насъ, какъ война съ невѣрными, особливо турками. И то сказать, вся исторія наша предрасположила насъ къ тому. На первыхъ страницахъ ея читаемъ уже о стремленіи русскихъ къ завоеванію Царьграда, который, однакожъ, всякій разъ ускользалъ отъ нашихъ рукъ. Казалось, что онъ составлялъ задачу нашего существованія, какъ народа, и что, взявъ его, мы исполнимъ ее и произведемъ тѣмъ всеобщій переворотъ. Нынѣшнему настроенію умовъ нашихъ и другихъ народовъ, особенно самихъ турковъ, много способствуетъ и предсказаніе, распространенное между всѣми въ Турціи о неизбѣжности паденія Порты при совершеніи 400-лѣтія послѣ взятія Царьграда (1453, 29 мая)... Подъ вліяніемъ этой неизбѣжности уже знатные турки, съ нѣкотораго времени, завѣщаютъ хоронить ихъ на азіатскомъ берегу, а не въ Стамбулѣ. Если объявленіе военныхъ дѣйствій неизбѣжно, то самое благоприятное къ тому время было бы именно 29-го мая этого года. Такое совпаденіе событій, произвело бы страшное впечатлѣніе на всѣхъ, даже самыхъ образованныхъ, самыхъ крайнихъ скептиковъ; движеніе въ нашу пользу было бы неизбѣжно повсюду въ Турціи, особливо между христіанами и соплеменниками нашими. Рассказываютъ, что Меншиковъ, не достигши цѣли своего посольства, оставилъ уже Царьградъ еще въ 1-й половинѣ сего мѣсяца и разговаривая съ кѣмъ-то и какъ-то, между прочимъ, замѣтилъ: — «Я вижу, что теперь всюду, въ обществѣ, на улицахъ, и въ газетахъ, только и рѣчи, что о движеніи столовъ, шляпъ, ключей и т. п. Все это совершенно и въ порядкѣ вещей; есть даже надежда, что вслѣдъ за столами, стульями, пойдетъ плясать и диванъ»¹⁾.

¹⁾ Запись Бодянского подъ 27-го мая 1853 года, его размышленія о ходѣ

Далѣ замѣтка о пребываніи нѣскольکو дней П. А. Кулиша съ семьей у автора, проѣздомъ въ Малороссію. Подъ 3-е іюня— о докторскомъ диспутѣ на латинскомъ языкѣ профессора О. И. Пѣховскаго, которому возражали трое: Леонтьевъ, Меньшиковъ и Клинь, о «прѣніи», какъ выражается авторъ. «Слушая ихъ довольно жаркія прѣнія, сидѣвшій подлѣ меня профессоръ В. Н. Лешковъ замѣтилъ мнѣ, что борьба идетъ одного Горація съ Куріаціями; и кажется, прибавилъ я, этотъ Горацій не *socles*, а *quadrocles*. Защищавшій былъ въ очахъ. Болтовня наша тотчасъ разнеслась тутъ же и дошла до декана, который, по окончаніи поздравивъ Горація, отпустилъ громогласно чужую остроту за свою»...

«10-го іюня. Послѣ обѣда у Сушкова, племянница его гр. Е. Ра-стопчина показала маленькій медальонъ, на которомъ съ одной стороны гербъ Ростовчиныхъ, а съ другой буква N подъ императорской короной, внутри же прямо волоса Наполеона... Вечеромъ, сидя у С. П. Шипова, слышалъ его разсказъ, со словъ генерала Е. А. Головина, какимъ образомъ очутился принцъ Виртембергскій въ Смоленскѣ въ 1812 году»...

«11-го іюня ... Вечеромъ Адр. Ф. Головачевъ, уѣзжавшій на Уралъ въ 1-хъ числахъ мая послѣшно и потому не могшій по обѣщанію побывать у меня еще разъ, прислалъ своего младшаго брата, которому и вручены были нѣкоторыя книги, назначенныя для подарка Ш. Г. Т.¹⁾ Это нѣскольکو отисковъ изъ «Чтеній», да сочиненія М. Н. (Маркевича?). Авось онъ проведетъ за ними пріятно время въ своемъ уединеніи и вспомнить старину, самъ старѣясь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе не столько отъ лѣтъ, сколько отъ обстановки своей.

«Ходятъ слухи, что приготовлены уже въ Государственномъ Совѣтѣ 2 весьма важные указа: о томъ, что и столбовыхъ дворянъ дѣти подводятся подъ одинъ уровень съ дѣтьми дворянъ личныхъ

исторической жизни русскаго народа отъ времени первыхъ князей и отмѣтка общераспространеннаго предсказанія межъ турокъ о наступающей гибели ихъ власти въ Европѣ, неволью напоминаетъ намъ два стихотворенія близкаго, какъ видно изъ настоящаго «Дневника», собесѣдника Бодянскаго—Ф. И. Тютчева:

«Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный... и
«Не гудъ молвы прошелъ въ народъ»...

обращеніе къ императору Николаю. Оба эти стихотворенія какъ бы поэтической перифразъ содержанія записи въ «Дневникѣ» подъ 27-мъ мая 1853 года, при чемъ первое стихотвореніе обнимаетъ первую часть этой записи, второе—вторую. Второе стихотвореніе послѣ 30-го іюля 1853 года. Отмѣтимъ, что оба, Бодянскій и Тютчевъ, сближались и своимъ отношеніемъ къ славянофильскому кружку; оба они держались сторонки, оба были, такъ сказать, славянофильствующими не-славянофилами. По выраженію Бодянскаго, славянофилы были «собой таниственны» (см. ниже). Можно бы указать цѣлый рядъ точекъ сближенія между мыслями въ музѣ Тютчева и «Дневникѣ» Бодянскаго.

¹⁾ Вѣроятно, Т. Г. Шевченко. Зачеркнуто: Ш. Т. Г.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1887 г., т. xxx.

и потомственныхъ гражданъ, если они не обучались, или обучившись проживаютъ безъ службы, и о томъ, что правительство скупаетъ крестьянъ у тѣхъ помѣщиковъ, которые имѣютъ не болѣе 100 дес. Обѣ мѣры эти, конечно, чрезвычайно благодѣтельныя вообще, въ частности многимъ непонутру и свидѣтельствуютъ объ осторожности, съ какой правительство старается въ такихъ важныхъ дѣлахъ поступать, т. е. соблюдая постепенность, съ низшаго до высшаго. Можетъ быть, говорятъ, скоро не одни дробные дворяне останутся безъ десятичныхъ чиселъ, но и самые столбы перейдутъ въ разрядъ бездушныхъ. Чтожъ, замѣчаютъ другіе, въ этомъ худого? Тогда наступитъ единодушіе. Конечно, отвѣчаютъ первые, это имѣетъ свою добрую сторону, не было бы только послѣ многодушія, двоедушія. Не можетъ быть, когда едина душа, вознаграждаютъ защитники; если только она будетъ одушевлена, прибавляютъ спорщики, и т. п. Вообще, надо замѣтить, что все тутъ вертится на игрѣ душой и душами и потому какъ предметъ душевѣдѣнія лучше всего извѣстно одному лишь тому, иже всяческая вѣсть».

Съ лѣтомъ начинается вакація и «Дневника»: лишь подъ 12 іюня отмѣчена замѣтка С. П. Шипова, бывшаго у автора, что правительственное сообщеніе объ отношеніяхъ къ Турціи отъ 1-го іюня «произвело самое глубокое впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ. Большинство чувствуетъ себя сильно обиженнымъ и готово принести все въ жертву... — Коли мало денегъ, говорятъ купцы, скажи только батюшка-государь, и всѣ мы капиталами нашими ударимъ его царской милости челомъ». За симъ, переходъ къ 25-му октября: «Наконецъ, говорить, объявленъ манифестъ о войнѣ съ Турціей... Еще въ концѣ сентября ректоръ университета поздравлялъ меня передъ лекціей съ этимъ манифестомъ, но оказалось, что немножко раненько, хотя, какъ говорится, съ пальца не высосуть. Рыльскіе монахи (изъ Болгаріи?) то-то будутъ рады, какъ узнаютъ объ этомъ, воротившись изъ поѣздки своей въ Нижній, Ярославль, и Ростовъ». 16-го Кулишъ возвратился: «Хвалился очень удачной поѣздкой, гдѣ собралъ довольно неизвѣстныхъ доселѣ «Думъ» у одного бандуриста-шута Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда, и подарилъ ихъ мнѣ вмѣстѣ съ подлинными большими 2 письмами Гоголя, изображеніями малороссійскихъ сценъ и рукописями, изъ коихъ замѣчательна въ особенности «Пчела», сборникъ въ 4, очень большой, писанный въ концѣ XVII вѣка, въ Крупичполѣ, той же губерніи, Виноградскимъ; въ немъ житіе св. Владиміра, сказаніе Храбра о письменехъ и нѣкоторыя о Малороссіи свѣдѣнія, единственные въ своемъ родѣ»...

«31-го октября. Было прѣвіе въ университетѣ на степень магистра славянской словесности А. Ф. Гильфердинга. Какъ общалъ, такъ и сдѣлалъ: пропустилъ его на испытаніи и состязаніи, хотя

и то и другое были очень слабы и только въ память прекрасныхъ студенческихъ занятій его сжалился надъ нимъ послѣ долгаго колебанія, давши, однако, слово никогда не дѣлать подобнаго послабленія никому. Конечно, черезъ годъ нельзя было ему приготовиться къ испытанію достойнымъ образомъ; но въ 'такомъ случаѣ кто же торопилъ его? Не пропустить, значило бы, статьса можетъ, навсегда убитъ въ немъ охоту къ занятіямъ славянщиной, къ которой такъ мало у насъ еще охотниковъ даже между учащимися. Впрочемъ, слабость его на испытаніи выставлена была ему на видъ послѣ окончанія, въ присутствіи декана и одного профессора (Буслаева), присутствовавшего на экзаменѣ, при чемъ сказалъ ему, почему рѣшалось его пропустить. Защищалъ же онъ изслѣдованіе свое «Объ отношеніи славянскаго языка къ родственнымъ» точно такъ, какъ я его научилъ за 2 дня передъ тѣмъ, сказавъ, чтобы онъ для избѣжанія посрамленія рубилъ бы направо и налево, и, такимъ образомъ, новостью и нечаянностью оборотовъ озадачилъ, не щадя въ случаѣ нужды и самого меня; одно лишь не забывать при томъ: не допускать до того, чтобы разгорячился я. Все это исполнено было имъ въ точности. Защищеніе было блестящее, такъ что многіе остались имъ и мною изъ профессоровъ недовольными; но за то дѣло выиграно и публика развѣхалась совершенно увѣренною въ превосходствѣ защищавшаго передъ всѣми его возражателями, чтѣ и составляло главную цѣль мою послѣ того, какъ я рѣшился уже его пропустить. Хуже было бы, еслибъ я его смялъ на диспутѣ, какъ того требовали мои недовольные товарищи. Тогда кто бы же могъ назвать меня благороднымъ? Пропустить до диссертациі и потомъ совсѣмъ уничтожить: развѣ можетъ быть сомнѣніе въ превосходствѣ учителя надъ только что вышедшимъ ученикомъ? Развѣ не могъ учитель достичь своего, не безчестя его предъ всѣми? Но, пропустивъ, обязанъ поддержать и повершить все».

Благородное чувство высокаго учителя не привело къ ошибкѣ: и именемъ Гильфердинга русская наука гордится.

Сообщеніемъ нецензурнаго анекдота объ Анненковѣ и родословія Н. Ф. Павлова, что «дѣдъ Майкова, управляя московскимъ театромъ, вывелъ отца, вольноотпущеннаго чьего-то, мать его, армянка, и теперь живая (худо говорить порусски и болтунья), вышедши за крѣпостного, сдѣлалась рабой и послѣ была отпущена; дѣтей ея, Николая Филипповича и сестру, красавицу, Майковъ держалъ на сценѣ; послѣдняя нашла себѣ скоро мужа, купца Четверикова» (подъ 14 декабря)—заканчивается 1853 годъ.

Въ концѣ января 1854 года пріѣхалъ изъ Петербурга Кулишъ и, конечно, остановился, по обычаю, у автора. Подъ 29 января Бодянский, между прочимъ, записалъ: «Разговорившись о послѣднемъ его сочиненіи о Гоголѣ, которое должно показаться въ февральской книжкѣ «Современника», я ему рассказалъ, что поводъ

къ сочиненію «Ревизора» было истинное происшествіе, случившееся, какъ было мною уже замѣчено (гдѣ?), въ Бессарабіи съ П. Свиньинимъ и рассказанное мнѣ его близкимъ родственникомъ, что онъ тутъ же и записалъ для памяти при дальнѣйшей оцѣнкѣ его».

«31-го января, П. А. Кулишъ, бывши у М. С. Щепкина съ письмомъ отъ молодого Маркевича, А. Н., сына историка Малороссіи, котораго Щепкинъ очень цѣнитъ, какъ отличнаго музыканта, между прочимъ, сказалъ, что М(ихайло) С(еменовичъ) на слова его: «Я пріѣхалъ просить у васъ позволенія прочесть нѣсколько отрывковъ изъ очерковъ біографіи Гоголя, память котораго для васъ, какъ короткаго его знакомаго и почитателя, должна быть, конечно, драгоценна, а мнѣ не хотѣлось бы сказать, что было бы не такъ, или непріятно вамъ», рассказаль тотчасъ слѣдующее: «когда покойный Гоголь напечаталъ свой «Римъ» въ «Москвитинѣ», то по условію выговорилъ себѣ 20 оттисковъ, но тотъ, по обыкновенію своему, ни одного не оставилъ, сваливая вину на типографію. Однако, Гоголь непремѣнно хотѣлъ имѣть ихъ, обѣщавъ напередъ знакомымъ по оттиску, и потому, настаивая на своемъ, сказалъ, разгорячаясь мало по малу: «А если вы договора не держите, такъ прикажите вырвать изъ своего журнала это число оттисковъ». — «Но какъ же, — замѣтилъ издатель, — вѣдь тогда я испорчу 20 экземпляровъ?» — «А мнѣ какое до того дѣло? Впрочемъ, хорошо, я согласенъ за нихъ заплатить, — прибавилъ Гоголь, подумавъ немного, — только, чтобъ непремѣнно было мнѣ 20 экземпляровъ моей статьи, слышите 20 экземпляровъ». Тутъ я увелъ его въ его комнату, на верхъ, гдѣ я сказалъ ему: — «Зачѣмъ вамъ бросать эти деньги на вѣтеръ, да за 20 цѣлковиковъ вамъ наберутъ вновь вашу статью». — «Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ онъ съ живостью. — Ахъ, вы не знаете, что значитъ имѣть дѣло къ кулакомъ». — «Такъ зачѣмъ же вы связываетесь съ нимъ, — подхватилъ я.» — «Зачѣмъ, что я задолжалъ ему 6,000 рублей ассигнаціями: вотъ онъ и жметъ меня. Терпѣть не могу печататься въ журналахъ; нѣтъ, вырвалъ-таки у меня эту статью и что же, какъ ее напечаталъ? Не даль даже выправить хоть въ корректурѣ. Почему ужъ это такъ, онъ одинъ знаетъ». Ну, подумалъ я, прибавилъ тутъ Щепкинъ, потому это такъ, что иначе онъ и не сдумѣеть: это его природа дѣлать все, какъ говорится, тяпъ да ляпъ.

«Бывши въ Петербургѣ, сказалъ Щепкинъ, прошлымъ годомъ, я не могъ отказать А. С. Норову въ желаніи его снять списокъ съ «Развязки Ревизора», а у него Г. П. Данилевскій, списавъ, пустиль по городу, такъ что рѣдко кто либо не имѣеть ее теперь. Это мнѣ не очень пріятно. — «Конечно, непріятно, — замѣтилъ Кулишъ, — однако, этой непріятности обязанъ и я своимъ спискомъ, съ котораго я тоже у него сдѣлалъ себѣ снимокъ»¹⁾.

¹⁾ «Развязка Ревизора» напечатана уже послѣ смерти Гоголя.

«1 февраля. Отправившись утромъ къ С. Т. Аксакову въ деревню Абрамцово... Ку(у)лишъ нашелъ тамъ совершенную готовность старика помогать ему въ доставленіи матеріаловъ для біографіи Гоголя. Онъ снова повторилъ ему свое намѣреніе сдѣлать выписки изъ переписки своей съ покойникомъ, равно какъ далъ письма къ М. С. Щепкину и А. П. Елагиной о томъ же. Первый тотчасъ же сообщилъ 10 писемъ къ нему Гоголя, начиная съ 26 апрѣля 1836 года «за мѣсяць съ небольшимъ до отъѣзда своего за границу, гдѣ намѣревалъ пробыть только годъ»... Письмо отъ 26 апрѣля въ изданіи Кулиша, V, 253, помѣчено 29 числомъ.

Подъ 4 февраля: «Читалъ остальные письма Гоголя, т. е. къ Щепкину». Здѣсь небольшая выписка изъ письма отъ начала декабря неизвѣстнаго года изъ Рима о подражаніи Рашели и большая изъ писемъ отъ 16 декабря 1847 года и напечатаннаго у Кулиша, VI, 327, безъ конца. Послѣднее письмо заключается: «начать въ ваши годы писать записки, это значитъ жить вновь. Вы непременно помолодѣете и силами, и духомъ, а чрезъ то приведете себя въ возможность прожить лишній десятокъ лѣтъ».

Выписки эти краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ отношеніи нашего слависта къ своему гениальному земляку.

«13 февраля, И. П. Сахаровъ съ Т. Ф. Большаковымъ (московскій антикварій) посѣтили меня утромъ, часовъ въ 10. Много разсказывалъ первый о своихъ дѣлахъ по Археологическому Обществу при покойномъ герцогѣ Лейхтенбергскомъ и нынѣшнемъ великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Изъ всего видно было, что онъ былъ главной причиной удаленія нѣмцевъ изъ этого Общества, переименованія его въ Археологическое изъ Нумизматическо-археологическаго, раздѣленія на 3 части... и т. п. Нѣмцы, а во главѣ ихъ вице-президентъ жидъ Рейхель, бывшій на монетномъ дворѣ въ Варшавѣ когда-то и бѣжавшій оттуда съ штемпелями въ Пруссію, настроили до того герцога, что тотъ подалъ въ 22 пунктахъ доставленное ему обвиненіе Сахарова, какъ секретаря русскаго отдѣла, въ III Отдѣленіе и долженъ былъ оправдываться передъ графомъ Орловымъ, который, убѣдившись въ его правотѣ, имѣлъ крупный разговоръ о томъ съ герцогомъ, послѣдствіемъ коего былъ сильный припадокъ его болѣзни, сведшей его въ гробъ... Узнавъ о причинѣ къ тому, велѣно было опечатать тѣ бумаги, которыми онъ въ недавнее время занимался, а въ томъ числѣ и обвинительные пункты; но они не оказались..... Въ этомъ обществѣ, не смотря на недавнее его существованіе, дѣла въ страшномъ хаосѣ: медали, пожертвованныя великою княгиней Маріей Николаевной, всѣ до одной чрезвычайно цѣнныя, подмѣнены... Главное подозрѣніе на Р. и К.: послѣдній тоже жидъ изъ Пруссіи, издавшій въ Берлинѣ въ родѣ журнала «Нумизматическія Извѣстія» и выписанный при ходатайствѣ нѣмцевъ и жидовъ въ Петербургъ, съ чиномъ VIII

класса и жалованьемъ 2,000 руб. сер. при Эрмитажѣ, куда первый хотѣлъ сбыть свой нумизматическій кабинетъ за 500,000 руб. сер., но государь воспротивился. Продѣлки К. открылись и великій князь собственноручно исключилъ его изъ списка членовъ Археологическаго Общества.

«Блудовъ было внесъ проектъ въ Государственный Совѣтъ, чтобы отнять крестьянъ у всѣхъ владѣльцевъ, имѣющихъ менѣе 100 десятинъ, а въ замѣнъ земель ихъ дать имъ такія же въ Тобольской губерніи, но наслѣдникъ осуетилъ это, вошедши особой запиской; иначе пущено бы было по міру 14,000 мелкихъ дворянъ.

«Нынѣшняя война съ Турціей, Франціей и Англіей, а можетъ быть Австріей и Пруссіей, могла бы быть предупреждена еще въ 12 году, да и этотъ едва ли бы состоялся, еслибы Чичаговъ исполнилъ повелѣніе покойнаго государя. В. А. Полѣновъ, бывъ правителемъ у Чичагова, говорилъ, что государь, проникая замыслы Наполеона, вдругъ отправилъ Чичагова поспѣшно на Дунай съ повелѣніемъ принять начальство надъ тамошней арміей и, распечатавъ потомъ пакетъ, поступить по приказанію, въ немъ заключенному. Но Чичаговъ, питая ненависть къ старинному врагу своему, Кутузову, цѣлыхъ 6 недѣль занимался повѣркой денегъ... и только тогда распечаталъ пакетъ, когда все покончилъ, нашедши чрезвычайныя злоупотребленія. Однако, вскрывъ пакетъ, нельзя было уже ничего по приказанію государя сдѣлать, такъ какъ время было упущено, т. е. нельзя было направиться со всѣми дунайскими войсками въ Австрію, поднять тамошнихъ славянъ и вмѣстѣ съ ними заставить уничтожить Австрію, чѣмъ разумѣется вниманіе Наполеона было бы отвлечено отъ насъ... Но пакетъ распечатанъ былъ, когда Наполеонъ перешелъ уже Нѣманъ. Кутузовъ, мстя своему врагу, отплатилъ ему тѣмъ, что мало по малу лишилъ его многихъ дивизій и оставилъ чрезвычайно мало войска, съ которымъ тотъ не могъ воспрепятствовать переправѣ французовъ черезъ Березину...

«Что же вы теперь подѣлываете? спросилъ я Сахарова. — Сижу и жду у моря погоды,—отвѣчалъ онъ мнѣ».

14 февраля посвящено визиту помощника кіевскаго попечителя, Юзефовича. Длинная запись этого дня занята заступничествомъ Бодянскаго предъ кіевскимъ начальствомъ за своего брата Феодора, смотрителя уѣзднаго училища въ Прилукахъ, тѣснимаго директоромъ полтавской гимназіи, Глушановскимъ. Заступничество было успѣшно: порѣшили смотрителя прохворостыть дай пустыть. «Такъ и быть, только по старинѣ быть, сказалъ я въ заключеніе разговора съ Юзефовичемъ. Пользуясь такимъ отношеніемъ своимъ ко мнѣ, онъ выманилъ у меня одинъ экземпляръ Флетчера, котораго до сихъ поръ никто еще не въ силахъ былъ выпросить. Уходя, онъ оставилъ мнѣ свое собраніе монетъ, найденныхъ недавно близъ Нѣжина»...

«24 февраля бывши у Юзефовича, утромъ въ 10, я уже засталъ у него И. В. Капниста, черезъ полчаса подошелъ и А. Раевскій, а тамъ и Грановскій. Рѣчь вскорѣ зашла о послѣднемъ № «*Indep. Belge*», въ коемъ помѣщена рѣчь Кларендона, что Англія и Франція принудили султана совершенно сравнять христіанъ съ мусульманами, что обѣ державы рѣшаются теперь приступить ужь окончательно къ рѣшенію Восточнаго вопроса. Такимъ образомъ совершенно оправдались слова... въ «*Times*», что требованія Россіи отъ Турціи законны, т. е. они идутъ всѣ къ освобожденію раи, что никто не возстаеъ противъ этого, но то горе, зачѣмъ это предлагаетъ русскій царь, а не онѣ? Тогда же говорили всюду, что если мы уступимъ въ своемъ требованіи, то Западъ непремѣнно возобновитъ его и тѣмъ отниметъ честь освобожденія соплеменниковъ и единовѣрцевъ, а съ ней вооружитъ ихъ противъ насъ, какъ немужьвшихъ понять своего положенія, тогда изъ естественныхъ благопріятелей они сдѣлаются нашими заклятыми врагами», и пр. и пр...

«3 марта. А. Н. Д(рашусо)въ на лекціи въ профессорской сказалъ, что онъ слышалъ вчера отъ княгини Щ(ербато)вой, только что получившей письмо изъ Петербурга отъ ближней ко двору особы (А—ой), въ которомъ стоитъ: «Сейчасъ изъ дворца отъ государыни, которая чрезвычайно встревожена и вся въ слезахъ встрѣтила—получено изъ Берлина извѣстіе объ объявленіи войны Пруссіей и Австріей намъ, и что король, не могши не допустить до того, отказывается отъ престола.

«Сегодня опять стихи принесены А. А. М(айко)вымъ на разрывъ нашъ съ Франціей и Англіей: «Итакъ не сказки», пис. 24-го февраля; вчера получилъ отъ него тотчасъ по написаніи посланные (1-го марта) стихи Евреинова: «Съ нами Богъ»..., а 24 февраля Сушковъ принесъ свое стихотвореніе «Великіе люди»... передъ тѣмъ за недѣлю съ небольшимъ А. А. Майковъ: «Что русскій царь сказалъ»...

«Сегодня на вечерѣ у С. Ш(ипо)ва слышалъ, что на вопросъ кого-то въ Петербургѣ племянницы или какой-то родственницы канцлера, зачѣмъ она все ѣздитъ къ англійскому посланнику въ домъ, когда всѣ мирныя сношенія наши съ Англіей прекращены, отвѣчала:—«Это единственный домъ, гдѣ насъ не бранятъ».

«6-го марта. Слухъ носится, будто государь кому-то изъ иностранныхъ пословъ сказалъ: «У меня теперь до 1^{1/2} мил. войска; прикажу—удвою, попрошу—утрою, а сяду на коня—безъ числа»...

«Кончилъ утромъ: «Политика Европы» и прочелъ первому И. М. (т. е. Свѣгиреву), которому чрезвычайно понравилось, хотя передъ тѣмъ прочелъ и «Великіе люди» С(ушко)ва, «Съ нами Богъ»...

«8-го марта. Написалъ «Опека», и первому прочелъ тому же, что и «Политику Европы», на другой день вечеромъ (9). Говорятъ, государь, узнавъ, что Австрія грозитъ двинуть свои войска нашимъ

въ тылъ на Дунаѣ, если мы перейдемъ послѣдній, сказалъ:—«Ну, слава Богу, что наконецъ я развязался съ этою сватьей!» Чтобы не допустить до того, стягиваются наши войска къ Галиціи, которую тотчасъ займутъ, какъ только Австрія зашевелится»...

Изъ словъ Бодянскаго можно съ достовѣрностью заключать, что и «Политика Европы», и «Опека» — плоды его минутной политической музы, стихотворенія, а не трактаты: онъ сравниваетъ ихъ именно съ свѣжими произведеніями стихотворныхъ патріотовъ, щедро полившимися тогда на ту же тему. Къ сожалѣнію, авторъ ограничился упоминаніемъ: вѣроятно, чрезмѣрно строгъ былъ къ своимъ стихотворнымъ дѣтищамъ. Надо полагать, что кромѣ Снѣгирева никто ихъ и не слыжалъ. Но въ разбитыхъ бумагахъ старика у насъ сохранились, карандашемъ, съ большими помарками, собственноручно писанныя, два стихотворенія, безъ заглавія и даты, по формѣ—сонеты: одно, довольно длинное, несомнѣнно есть искомая «Политика Европы»; а во второмъ, коротенькомъ, съ нѣкоторою вѣроятностью, можно видѣть «Опеку». Оба не лишены серьезной мысли, мѣткости въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; но—свидѣтельствуютъ, что, и обращаясь къ Музѣ минуты, разсудительный горячій патріотъ оставался на своей неизмѣнной позиціи—серединѣ. Да позволено намъ будетъ вскрыть затаенную Музу высокаго старика.

№ I. (Политика Европы).

Вы подымаетесь на насъ,
Какъ на гонителей свободы?
Пусть такъ, а все же, спросимъ васъ,
Кто спасъ еще въ недавни годы
И васъ, и Запада народы
Отъ самовластія проказъ?

Не нами ли палъ сынъ Судьбы,
Сулившій вамъ свои оковы,
Предъ кѣмъ, какъ подлые рабы,
Склонялись ницъ, на все готовы?
И бѣгали, какъ свѣта совы,
Вы съ нимъ рѣшительной борьбы?..

Не мы ли васъ и въ наши дни
Спасли въ конецъ отъ демагоговъ?
Все падало, а мы одни
Отнюдь не побоялись громовъ
Имъ дали нѣсколько уроковъ,
Скажите—гдѣ теперъ они?

Тогда и нынѣ у кого
Хоть пядь земли отмежевали?
И чьи средь мира корабли,

Какъ воры моря, похищали?
 Не мы за опій разоряли,
 И счеты за жиды вели.

Не мы, въ глубокой тишинѣ,
 Друзьями турокоъ величаюсь,
 Стояли за одно въ огнѣ
 Съ другими, гадою извиваясь;
 Разимъ врага, не издѣваясь
 Надъ дружбой явно и во снѣ.

Не говоримъ ужъ о другихъ,
 Ни объ испанцахъ, португальцахъ,
 Ни шведахъ и сосѣдяхъ ихъ,
 Ни о голандцахъ, азіатцахъ,
 Американцахъ, африканцахъ,
 Ни о своихъ, ни о чужихъ.

Кого Джонъ-Буль не обобралъ,
 Когда шло дѣло о карманѣ?
 И лапъ его кто миновалъ
 На сушѣ иль на океанѣ?
 И гдѣ, на островѣ Буянѣ,
 Его пріятели избѣжали?

Всегда и всюду цѣль одна—
 Барышъ и власть во чтобъ ни стало,
 И за страной пошла страна,
 А тамъ за царствомъ царство пало.
 Не полно ли Джонъ-Буль? Нѣтъ, мало,
 И чаша не совсѣмъ полна.

И есть ли гдѣ народъ какой
 Иль городъ торговый, военной,
 Чтобъ не стращаль его войной,
 Политикой хитросплетенной,
 Своею дружбой лицемѣрной,
 Когда хотѣлъ тотъ быть собой?

Однимъ—мечемъ своимъ грозить,
 Другимъ—броженіемъ умовъ,
 Тутъ всѣмъ о вольности трубить,
 А тамъ, не тратя много словъ,
 Дубьемъ народныхъ трибуновъ,
 Ирландцевъ голодомъ морить.

И безъ оглядки все впередъ,
 Все наступаетъ, покоряетъ,
 А поперечетъ кто—реветъ:
 «Злодѣй! свободу притѣсняетъ
 И равновѣсье нарушаетъ», —
 А самъ съ обновкой всякій годъ.

А ты, французъ, зачѣмъ кривишь?
 Зачѣмъ не хочешь вслухъ признаться?

Заѣмъ туда, сюда колишь?
 Не честно за другихъ скрываться.
 Тебѣ хотѣлось бы подраться?
 Чтожъ, дѣльно, братъ! Такъ выходижъ!

Ну да, ты малый не дуракъ,
 Не пятишься передъ грозою,
 И довокъ ты, и каждый шагъ
 Обдуманъ напередъ тобою,
 И, вѣря въ свой призывъ судьбою,
 Не думаешь попасть въ просакъ.

И дядя твой такъ рассуждалъ,
 Котораго ты корчишь въ мирѣ,
 Воссѣвъ на тронѣ и въ порфирѣ,
 Сойти съ него не полагалъ,
 А все же подъ конецъ пропалъ,
 Нежданно очутясь въ могилѣ.

Тебя такаяжъ участь ждетъ,
 Хоть ты началъ съ конца другого;
 Не вѣрь звѣздѣ: и твой полетъ
 Не скроется отъ рока злого;
 Кто разъ сошелъ съ пути прямого,—
 Увы! тотъ самъ себя убьетъ.

Напрасно благо мусульманъ,
 И благо государствъ Европы
 Мѣшашъ ты въ игру: Коранъ
 По старому исполненъ злобы,
 Безчестить нашихъ братьевъ гробы,
 Среди дня содомить англичанъ.

И по дѣломъ: огонь, вода,
 Скажи, когда же въ мирѣ были?
 А правовѣрные когда
 Собаками насъ не честили?

№ II. (Опека?)

Шумятъ на Западѣ народы,
 И въ ярости своей слѣпой,
 Какъ бурныя весенни воды,
 Грозятъ со всѣхъ сторонъ бѣдой.
 И наступилъ послѣдній бой,
 Послѣдніе настали годы,
 О Русь! Что́ станется съ тобой?
 Враги все заняли проходы.

Пришла минута разложенья,
 Пора считаться за грѣхи,
 И нѣтъ тебѣ ни въ чемъ спасенья,
 Все тринь-трава: зима, штыки...
 Какъ тринь-трава все, а стихи

Всѣхъ фабрикъ нашего издѣлья?
Тогда страшишь, злодѣй, бѣги
Россійскихъ стихоплетовъ мщеня!

А петербургскій-то дендизмъ,
Непостижимый, безпримѣрный:
За нимъ московскій славянизмъ,
Собой таинственный, безмѣрный!
А мало и того? Щитъ вѣрный —
Несокрушимъ антагонизмъ,
Слуга во всемъ нелицемѣрный —
Нѣмецкій вашъ патриотизмъ.

И такъ, Россійски стихоплеты,
Лихіе питерски денди,
Да наши нѣмцы-патріоты
Русь призваны судьбой спасти.

«12-го марта. Графъ С. Гр. Строгоновъ говоритъ, что стихи «Вотъ въ воинственномъ азартѣ» написаны Жемчужниковымъ, между тѣмъ какъ другіе утверждали, будто какимъ-то въ Москвѣ учителемъ чистописанія, Дьяковымъ... Сегодня графъ просилъ письмомъ снимковъ съ монетъ Владиміра, находящихся у Юзефовича... «Я хочу, прибавилъ онъ, сдѣлать съ нихъ себѣ копію и потомъ лучшія вылитогрфировать, къ коимъ присоединю письмо къ вамъ, какъ къ челобѣку, занимающемуся славянскою нумизматикой и съ большимъ успѣхомъ?» — «Тогда остается мнѣ въ отвѣтъ в. с—ву напечатать свое письмо объ этомъ же предметѣ, еще до находки нѣженскихъ экземпляровъ, лѣтъ 5 уже написанное къ вамъ», сказала я ему. — «И мило будетъ», — подхватилъ онъ.

«Получилъ изъ цензурнаго московскаго комитета билетъ на печатаніе сочиненія своего «О времени изобрѣтенія слав. письменъ», съ представленіемъ въ корректурныхъ листахъ на разсмотрѣніе цензору М. Н. Похвисневу».

«17-го марта. Говорятъ, что московскій митрополитъ представилъ государю отъ себя приношеніе въ 50,000 р. сер. и государь отвѣтилъ собственноручно на представленіи отъ Синода: «Благодарить, а пожертвованное употребить на возобновленіе храмовъ Божіихъ въ земляхъ нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, или же храма Софійскаго, когда дастъ Богъ возьмемъ Царьградъ»...

«24-го марта. «Какимъ образомъ случилось, что Пруссія такъ стала къ намъ расположенной?» спросилъ я сегодня графа С. Г. Строгонова. — «Очень просто, отвѣчалъ онъ: когда нашъ посланникъ сталъ говорить Мантейфелю, что странно-де Пруссія поступаетъ теперь, отдѣляясь отъ Россіи, которая столько всегда добра дѣлала ей и никогда не подала ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію объ искренности своего расположенія, — тогда прусскій министръ сказалъ: «Дѣло въ томъ, что теперь не король, а камеры все дѣ-

лаютъ. Король ничего не можетъ безъ нихъ». Будбергъ тотчасъ передалъ свой разговоръ королю, который чрезвычайно разсердился. «Ну, такъ я же покажу, что значитъ король въ Пруссiи и при камерахъ»...

Подъ 10-е апрѣля авторъ занесъ о неожиданной встрѣчѣ въ церкви съ М. А. Стаховичемъ, нѣкогда своимъ ученикомъ († 1858). «Весь обросъ бородою... сказалъ, что живетъ зиму и весну въ Москвѣ и занимается изданiемъ голосовъ великорусскихъ пѣсенъ... Пришедши сегодня ко мнѣ утромъ, между разговора, сообщилъ мнѣ, увидѣвъ на стѣнѣ портретъ Новикова, что дѣдъ его, Первовъ, былъ самый приближенный къ Новикову..., что у дѣдушки было много бумагъ масонскихъ, большею частiю переводныхъ... Въ числѣ послѣдователей Новикова были С. И. Гамалѣя, письма коего были изданы моими родителями (М. 1832, 2 кн. тотчасъ запрещены были), Дубовицкiй, Бѣликовъ, Невзоровъ, Лабзинъ и др. Замѣчательно, что общество это распалось подъ конецъ на общество московское и рижское: первое считалось высшею степенью, такъ что члены второго не всегда общались съ послѣдними»..... «.....Д-ръ И. М. Соколовъ сказалъ, что онъ сейчасъ отъ кого-то слышалъ, будто Паскевичъ, прощаясь... сказалъ государю: «Если дѣло дойдетъ до разрыва съ Австрiей и Пруссiей, то не безпокойтесь, государь, ни мало—съ однимъ корпусомъ гренадеровъ да въ помощь ему какой ни есть дивизiей, которыхъ попрошу отъ В. В—ва, я берусь искрестить вдоль и поперекъ западъ и югъ Европы, что за Карпатами и Вислой».

12-го апрѣля, Бодянский въ книжной лавкѣ Базунова прочелъ высочайшiй манифестъ о войнѣ съ Францiей и Англiей, который произвелъ на него самое глубокое впечатлѣнiе. Онъ останавливается на словахъ манифеста о затаенной цѣли враговъ—сократить и обезсилить Россiю и замѣчаетъ: «Все эта чистая истина.—Во Францiи издана карта, на которой означено, что кому изъ сосѣдей отведено уже впередъ изъ нашихъ владѣнiй». Но старому слависту особенно любо было, что мы объявили себя защитниками «единовѣрныхъ братiй, терзаемыхъ неистовыми врагами». «Стало быть, поясняетъ онъ, наконецъ мы торжественно объявляемъ войну не просто за православныхъ, кто бы они ни были, но за православную братiю, т. е. славянъ подъ игомъ турецкимъ: болгаръ и сербовъ, слава Богу! Лучше поздно, чѣмъ никогда. Вѣра и соплеменность—два самые сильные рычага на землѣ, взятыя каждое отдѣльно, а вмѣстѣ, должно думать, самыя побѣдоносныя орудiя, неодолимыя никѣмъ и никогда. Въ первый разъ они еще являются вмѣстѣ на полѣ бранномъ, и я увѣренъ вполнѣ, что успѣхъ нашъ несомнителенъ, что Турцiя падеть, а братiя единовѣрные и единоплеменные освободятся»...

«15-го апрѣля. Слышно, будто поляки предложили государю со-

ставить изъ себя и своихъ подланныхъ особый корпусъ; но государь, поблагодаривъ ихъ за то, отклонилъ, говоря, что онъ не премѣнно воспользуется ихъ вѣрноподданническимъ усердіемъ, когда нужно будетъ послать войско—въ Китай».

«21-го мая. Узнавъ о возвращеніи графа Строгонова изъ Петербурга, я навѣстилъ его и между разговора узналъ слѣдующее. Государь спросилъ его о мнѣніи Москвы и получивъ удовлетворительный отвѣтъ сказалъ: «Хорошо, что Москва постоянно разгорячается—у нея много для будущаго въ запасѣ; будетъ чѣмъ показать себя и постоять за свое. Я приказалъ генераль-губернатору не торопиться пожертвованіями; теперь пока и своими средствами я могу изворачиваться; но когда наступитъ пора послѣ 3—4 лѣтъ, тогда необходимы станутъ жертвы для каждаго истинно-русскаго, потому что я не спѣшу войной и думаю окончить ее не ранѣе 6 лѣтъ»... Графъ сообщилъ автору, Паскевичъ укрѣпляется у Хотина, чтобы при первой возможности, оставивъ на Дунаѣ Горчакова, двинуться черезъ Карпаты противъ Австріи; но если Австрія покойна, то онъ пока возьметъ дунайскія крѣпости, изъ которыхъ, по его словамъ, «и вся Европа не можетъ его выжить; черезъ годъ двинется на Балканы и далѣе, хоть бы стояли ему на пути цѣлыя арміи турковъ и всевозможныхъ союзниковъ ихъ».

2-го іюня, въ бесѣдѣ съ извѣстнымъ Тютчевымъ авторъ узналъ, что выжидаютъ дѣйствій нѣмцевъ и потому медлятъ на Дунаѣ, что Паскевичъ какъ-то выразился: «Дѣло статочное, что и нѣмцы пойдутъ на насъ; если на первый разъ они одержатъ значительный верхъ, войска ихъ, особливо австрійскія, станутъ продолжать войну, въ противномъ случаѣ большая часть ихъ передается намъ, а остальное разбѣжится, кто куда попалъ»...

«5 іюня. Гуляя съ Т(ютче)вымъ снова разговорились мы о событіяхъ военныхъ, о которыхъ трудно и не говорить... Года четыре назадъ государь въ первый разъ въ разговорѣ съ графомъ Орловымъ сказалъ, между прочимъ:—«Сколько я могу видѣть и судить о томъ, что теперь свершается въ мірѣ, кажется, что пришла уже пора намъ подумать и о Турціи: она ясно разлагается». Съ этого времени чаще и чаще сталъ онъ обращаться къ этой мысли въ своихъ сношеніяхъ съ окружающими. Видно было, что онъ составилъ уже себѣ объ этомъ довольно опредѣленное понятіе. Къ сожалѣнію, приближенные къ нему почти всѣ не понимаютъ или не въ состояніи понимать его въ семьъ случаѣ; многіе даже не хотятъ понимать, привыкли во всю свою жизнь совершенно къ противоположному образу мыслей и дѣйствій. Нессельродъ, Мейендорфъ, люди искренне преданные ему и Россіи, не разъ уже просились уволить ихъ; разумѣется, причина, почему они не отпускаются, заключается въ томъ, что нѣтъ другихъ, способныхъ замѣнить ихъ, т. е. которые бы съ такими же способностями соединяли и ясное пониманіе новой

точки зрѣнія, новой нашей политики въ отношеніи къ востоку, западу, сѣверу и югу. Въ вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ всѣ замѣчаютъ большія государственныя способности, даже много геніальнаго; много тоже общаетъ и самый младшій изъ сыновей государя. Наслѣдникъ — душа благородная, умъ благонамѣренный; желать нужно было бы побольше упругости въ волѣ; но онъ отъ души ненавидитъ австрійцевъ, а это уже много-премного для насъ и нашего народа».

На слѣдующій день авторъ снова гулялъ съ Тютчевымъ и отъ него услышалъ новый рядъ политическихъ новостей, между прочимъ, что Пруссія отстала отъ Австріи, и король поспѣшилъ обновить сношенія съ нами. «Императоръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «Жаль мнѣ Австріи; тѣ двѣ державы (Англія и Франція), можетъ быть, еще какъ нибудь и увернутся, но эта навѣрное не уйдетъ отъ своей судьбы». Подъ 14 іюня Бодянской передаетъ характерный разговоръ о министрѣ Уваровѣ:

«Катковъ привелъ г. Сухомлинова, адъюнкта по каедрѣ русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ. Онъ пріѣхалъ сюда на ваканціи поработать въ нашихъ духовныхъ книгохранилищахъ, равно какъ и у Троицы, имѣя съ собой письмо къ владыкѣ отъ харьковскаго владыки. Въ разговорѣ коснулись прежняго министерства нашего, и онъ сообщилъ, какъ слышалъ отъ старшихъ своихъ сотоварищей по университету, о первомъ, такъ сказать, выходѣ въ званіи министра Уварова. «Прошу быть, господа, покорными мнѣ: кто иначе станетъ думать, нежели я, того я безъ дальняго удалю. Не ссылайтесь мнѣ на законы. Я знаю лучше всякаго, какъ и для чего у насъ пишутся законы. Законы вамъ—воля министра и больше ничего. Надѣюсь, это немудреное и простое правило вы легко запомните и постарайтесь исполнять; тогда мы сдѣлаемся друзьями. Вы увидите во мнѣ не господина, не начальника, но вашего друга и благопріятеля».

Послѣдующая запись 19 іюня не менѣе любопытна: она посвящена злополучнымъ стихамъ Хомякова «Россіи», которые не одобрялъ авторъ, ихъ судьбѣ.

«Слышу, что Хомяковъ за свои стихи по случаю войны.. и обращенные къ Россіи, получилъ не только замѣчаніе отъ правительства черезъ генераль-губернатора, но даже взята, говорятъ, подписка или же просто честное слово ничего не распространять изъ своихъ стихотвореній, прежде нежели одобрить ихъ петербургская цензура, въ которую онъ долженъ ихъ представить. Стихи эти начинаются: «Тебя...» и пр. Правда, они чрезвычайно звучны, проникнуты неподдѣльнымъ жаромъ любви къ родному, но тѣмъ не менѣе большинству не могли прійтись по нутру, потому что заключаютъ въ себѣ упреки, хотя и справедливыя, но совершенно неумѣстныя, безвременныя, въ ту пору, когда всѣ и все устремились къ дѣлу

и дѣланію великому, можетъ быть, единственному въ лѣтописяхъ міра. Тутъ не до исчисленья гадостей, которыхъ и у насъ, какъ у всѣхъ смертныхъ, довольно и не до заботъ объ истребленіи ихъ. Если, не смотря на недостойнство свое, мы все-таки избраны..., если «насъ за братьевъ Богъ зоветъ», то, разумѣется, либо недостатки наши не такъ еще велики, какъ они кажутся обличителю, либо же, если и такъ, Богу угодно клинъ клиномъ выколотить. Противъ этого что сказать, что въ силахъ мы передѣлать? При томъ, и недостатки-то, вычитаемые имъ, однимъ ли намъ свойственны? Если ужъ на то пошло, почему пѣвецъ не упрекнулъ въ нихъ въ другое время, когда можно и должно было позаботиться намъ о самихъ себѣ, о своемъ исправленіи на досугѣ, а не въ часъ 11-й? Ясно, что ему хотѣлось чѣмъ нибудь въ такую высокую минуту отличиться отъ другихъ, что бы могло обратить на себя всеобщее вниманіе. Продѣлка не удалась: кромѣ весьма немногихъ, связанныхъ съ пѣвцомъ узами пріязни и родства, стихи его встрѣчены были всѣми въ обѣихъ столицахъ безъ малѣйшаго сочувствія, съ явнымъ и громкимъ неодобреніемъ, хотя и выхваляли отдѣлку и звучность стиха. Еще болѣе: не успѣли разойтись, какъ появились два отвѣта на нихъ и замѣчательно — оба со стороны женщинъ: гр. Ростопчиной—«Самъ Богъ сказалъ...» и Арсеньевой—«Стыдись, о сынъ неблагодарный...»

Авторъ доволенъ обоими и дѣлаетъ выписки. «Не приведи Господь,—продолжаетъ онъ,—никому подвергаться такому возмездію и отъ когожъ?... Да, правду сказать, чувство женщины всегда воспримчивѣе нашего... Напрасно, спохватившись въ промахѣ, написалъ онъ вскорѣ—«Покаявшейся Россіи»... Увертка не удалась: если бы самъ онъ не сознавалъ неловкости своей, конечно, не было бы второго стихотворенія... Одно изъ двухъ: либо первые, либо послѣдніе стихи не искренни, нѣмецкая штука. Замѣчательно, сколько первые пришлось по душѣ всѣмъ, такъ называемымъ московскимъ западникамъ, до небесъ превозносившимъ ихъ по содержанію и отдѣлкѣ, столько послѣдніе возбудили въ нихъ неудовольствіе и порицаніе даже за слабость стиха, между тѣмъ, какъ правду сказать, отдѣлка въ обоихъ одинакова, мастерская. Словомъ, пѣвецъ сплосхалъ: «Россія не Ниневія, а Хомяковъ не Еремія», какъ-то пришлось мнѣ выразиться въ одномъ домѣ на вечерѣ, когда зашла рѣчь объ этомъ,—«хоть и родился въ день Еремія»,—кто-то замѣтилъ мнѣ тутъ изъ слушающихъ... Какъ бы то ни было, только съ нимъ случилось на этотъ разъ по пословицѣ: «на вѣку не на боку, достанется и хомяку».

Послѣ перерыва отъ потери листковъ (судя по началу, въ нихъ, между прочимъ, опровергалось ученіе извѣстнаго Вигеля о превосходствѣ патріотизма Петербурга предъ московскимъ), послѣдніи двѣ записи 1854 года относятся къ 24 сент. и 21 (23) окт. Пер-

вая посвящена бесѣдѣ съ Строгоновымъ, о его взглядѣ на русскую науку. «Еслибы,—сказалъ графъ,—мнѣ когда пришлось быть министромъ просвѣщенія, первое, на что обратилъ бы я свое особенное вниманіе, была бы Академія Наукъ. Надобно, чтобы она была чисто русская, изъ однихъ русскихъ. Что до того, что мы, конечно, во многомъ не можемъ еще тягаться съ другими? Современемъ потягаемся и въ этомъ. А теперь главное, чтобы мы воздѣльвали свое сами, а не чужими руками. Только свой о своемъ можетъ радѣть какъ слѣдуетъ, а наемникъ—наемникъ». Вторая—помянкѣ автора о тогдашней Сербіи при встрѣчѣ съ бывшимъ нашимъ консуломъ въ Бѣлградѣ, Д. С. Левшинымъ, только что пріѣхавшимъ изъ Крыма.

«Разговорившись о Сербіи, въ которой-де меня всѣ очень помятъ и добромъ поминаютъ, узналъ я отъ него столько новаго, что голова ходынемъ пошла, когда сталъ послѣ наединѣ припомянуть. Вучичъ, говоритъ Левшинъ, совершенно преданъ намъ, и я его держалъ, какъ страшилище прочихъ. Ни одинъ человекъ не пользуется такой огромной извѣстностью и привязанностью народа не только въ Сербіи, но и нигдѣ... «Прикажите, ваше превосходительство, мнѣ уничтожить этихъ алтынниковъ (такъ величаетъ онъ своихъ враговъ), и ихъ не будетъ въ одинъ день». Князь баба, совершенно неспособный ни къ чему, кромѣ брать, какъ можно побольше жалованья, о которомъ онъ только и заботится. Очень вѣроятно, что онъ, рано-поздно, можетъ кончить Милошемъ, а сынъ Милоша опять занять свое мѣсто. Послѣдній обязанъ будетъ этимъ своему несчастію, онъ умѣлъ употребить его въ свою пользу, на образованіе себя. Отецъ его погубилъ себя тѣмъ, что вообразилъ себя въ Сербіи государемъ самобытнымъ, послушавъ внушеній англійскаго консула. Когда князь Долгорукій посланъ былъ къ нему для образованія и возвращался назадъ съ завѣреніемъ впередъ не дѣлать ничего подобнаго, то провожавшій его Стефанъ Тенка прямо сказалъ князю:—«Неужели вы думаете, что Милошъ перемѣнится? Вы не успѣете пріѣхать въ Вѣну, а онъ пойдетъ по старому». И точно, Милошъ по удаленіи Долгорукаго принялся попрежнему интриговать, пока не сломилъ себѣ шею»...

Извѣстно, что въ 1839 году палъ Милошъ, въ 1841 году его сынъ Михаилъ; но замѣнившій ихъ Александръ Кара-Георгіевичъ (отецъ зятя нынѣшняго князя Черногорскаго) былъ еще горше для насъ: когда Севастополь палъ, столица Сербіи иллюминировалась. Денегъ же собралъ онъ не мало.

«А каковъ вамъ показался банъ (т. е. хорватскій, извѣстный Елачичъ), спросилъ я его (т. е. Левшина),—продолжаетъ авторъ.— Вотъ каковъ. Бывши въ Срѣмѣ, банъ пригласилъ меня на обѣдъ. Свиданіе наше было какъ-то неловко, но скоро мы сошлись, и онъ, представляя мнѣ свой штабъ, когда дошелъ до генерала Филипо-

веча, сказалъ, приложивши руку къ устамъ, какъ бы тайкомъ, но очень внятно: «это изъ нашихъ». Дѣйствительно, отобѣдавъ, мы пошли въ его кабинетъ курить. Насъ было всего трое: онъ, я и Майергоферъ. Рѣчь зашла объ Австріи. Я горѣлъ нетерпѣніемъ знать его мнѣніе. «Австрія должна быть могущественной и славной. Но кто сказалъ, что она при этомъ должна быть и нѣмецкой? Южные славяне начали освобожденіе ея, сѣверные довершили». Надо было видѣть бѣднаго Майергофера при этихъ словахъ: какъ мокрая курица сидѣлъ онъ, не смѣя взглянуть на насъ»...

При воспоминаніи этой недавней старины изъ сферы такъ называемой славянской взаимности, русскій читатель имѣетъ не упустить изъ виду, что и сегодня жалкіе дѣти жалкихъ отцовъ, освѣщавшихъ Бѣлградъ при паденіи Севастополя, исполнены грязнаго чувства къ намъ, а потомки храбраго хорватскаго бана, хотя и католики, живутъ преданіемъ славныхъ дней, живою вѣрою въ насъ. «Въ тотъ моментъ, когда копыто перваго казацкаго коня ступитъ на нашу мостовую, ударитъ часъ спасенія австрійскихъ славянъ, и въ этотъ моментъ подъ руинами неестественнаго конгломерата воскреснетъ Хорвація»,—говорилъ одинъ изъ депутатовъ на сеймѣ въ Загребѣ... Но возвращаемся въ Бодянскому и къ его собесѣднику.

«Подъ конецъ разговоръ склонился на событія дня. «Я прямо изъ Крыма,—сказалъ Левшинъ, и говорилъ съ Меншиковымъ накануне Альмскаго побоища. Когда я спросилъ его:—Сколько у васъ войска? онъ отвѣчалъ:—«35 тысячъ».—А сколько въ запасѣ?—Ни солдата».—Скоро ли ждете?—«Дня черезъ три-четыре отъ Хомутова полка 2 съ нѣсколькими сотнями казаковъ».—И только?—«И только».—Что же вы думаете сдѣлать?—«Сдѣлать и тѣмъ показать непріятелю, что русскіе не такіе, какими онъ привыкъ себѣ представлять съ нѣкотораго времени. Я хорошо знаю, что мнѣ не устоять, но и онъ послѣ будетъ не то ужъ, что есть и былъ бы безъ того. Я продержусь здѣсь 5—6 часовъ, а потомъ отступлю церемониальнымъ маршемъ подъ Севастополь»...

Но съ Севастопольской увертюрой мы дошли въ «Дневникѣ» стараго слависта до пункта, гдѣ можемъ остановиться: отъ Альмскаго «побоища» открывается новая эра въ развитіи русской жизни—эра тяжелаго искупленія долговременной ошибки; въ словахъ же спокойнаго отчаянія Меншикова уже просвѣчивалась скорбная картина грядущаго...

Смѣемъ думать, что русскій читатель не посѣтуетъ на насъ, прочтя отрывочныя, но полныя интереса, жизни, пестрыя замѣтки глубоко честнаго русскаго человѣка недавняго проплаго: въ нихъ не безъ поученія и для нашего времени, и изъ нихъ

«...вѣдаютъ потомки православныхъ
Своей земли минувшую судьбу».

Ал. Кочубинскій.

ДОНСКІЕ ГИШПАНЦЫ ¹⁾.

(Историческая повѣсть).

ХІ.

В ПОЛУСУМРАКѢ разсвѣта, конный отрядъ, съ графомъ Антономъ во главѣ, пронесся рысью по деревнѣ и въѣхалъ въ большой дворъ усадебнаго дома.

Крестьяне села, разбуженные топотомъ лошадей, выглядывали въ окошки. Всѣ сразу догадались, что за конница скачетъ и какихъ коней вѣдутъ подручными наѣзники графа-братца.

Все другое, казалось бы, простили крестьяне своимъ господамъ. Всякое безобразіе объяснили бы они словами:—«Что же! На то и баре, чтобы прихотничать и баловаться!»

Единственное, что для крестьянъ испоконъ вѣка, изъ рода въ родъ, большущее злодѣяніе, чуть не равное смертоубійству, было именно то, чѣмъ теперь занимались ихъ господа-графы,—конокрадство!

Крестьяне, выглядывавшіе изъ своихъ избъ, хорошо поняли, что кони неосѣдланные, которые скачутъ взятыя подъ уздцы наѣзниками графа Антона Петровича, кони угнанные, сворованные.

Графъ Антонъ слѣзъ съ лошади у крыльца, приказалъ своимъ молодцамъ передать приведенныхъ коней съ рукъ на руки конюхамъ Придонскимъ, а самимъ отправляться и отдыхать.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXX, стр. 249.

— Часа черезъ два двинемся домой,—прибавилъ онъ.

Затѣмъ онъ прошелъ къ брату, который только-что всталъ съ постели.

Братъ, усмѣхаясь, поцѣловались.

— Ну что?—спросилъ Михаилъ Петровичъ.—Не обманулъ я тебя, стоило тревожиться иль нѣтъ?

— Вѣстимо, стоило,—весело отвѣчалъ Антонъ Петровичъ.—Увидишь. По полсотни рублей за штуку взять можно. Должно быть, столичнаго какого завода, въ нашихъ краяхъ такихъ нѣту. А вотъ здѣсь тоже кое-что есть.

Графъ снялъ сумку и бросилъ ее на столъ. Сумка грузно шлепнулась.

— Ого!—произнесъ Михаилъ Петровичъ.—Червонцы, что ли?

— Вѣстимо, не камни. Прежде всего, братецъ, распорядись конями.

— Да,—отозвался хозяинъ,—надо поглядѣть, да и вести.

— Нѣтъ, гдѣ ужъ глядѣть. Послѣ насмотришься. Ты прикажи скорѣе на мѣсто отвести.

— Ладно. Вишь какой сталъ опасливый!—разсмѣялся Михаилъ Девьеръ, и, позвавъ слугу, онъ приказалъ послать къ себѣ старшаго конюха Евграфа. Когда тотъ появился, онъ встрѣтилъ его двусмысленной улыбкой.

— Понялъ, зачѣмъ вызываю?—вымолвилъ онъ.

— Точно такъ-съ,—усмѣхнулся Евграфъ.

— Ну, вотъ и веди по одному коню на маленькій дворикъ къ оранжереѣ. Да чтобы всѣ кони съвозъ землю провалились... эдакъ, въ полчаса времени.

— Слушаю-съ,—отозвался конюхъ.

— Ну, ты какъ поживаешь?—обратился графъ Михаилъ къ брату.—Почитай съ недѣлю не видались.

— Все собирался къ тебѣ, да погода сыровата. А у меня кости начинаютъ болѣть. Ну вотъ прежде всего сумку очистимъ. Барышъ пополамъ.

— Зачѣмъ? Давай лучше иначе подѣлимъ. Кони мои, а сумка твоя пускай будетъ.

— Маху дашь, братецъ,—усмѣхнулся графъ Антонъ.—Коней по полста рублей вѣдь не продашь, выручишь рублей триста, неболѣ. А тутъ въ сумкѣ до пятисотъ наберется, а то и больше. Я ночью пересыпалъ горстами и серебро, и золото. Самъ не знаю, что тамъ. Не считаль.

— И пуцай, твое счастіе. Сколько есть, столько и твое. А мнѣ довольно коней.

Братъ замолчали на минуту.

— Ну, теперь вотъ что обсудимъ, братецъ,—заговорилъ снова графъ Антонъ.—Доподлинно онъ князь, проѣзжай-то?

— Такъ сказывали.

— Пойди, родни много въ Москвѣ и въ Питерѣ?

— Вѣстимо.

— Сойдетъ ли намъ это дѣло съ рукъ?

— Вотъ на!—воскликнулъ графъ Михайлъ. Это еще что за опросы? Почему не сойти?

— Да такъ, братецъ... Душа у меня не на мѣстѣ...

— Не впервѣй вѣдь. Что ты?!

— Такъ-то такъ. Да у меня на-сердцѣ что-то щемить. Вотъ какъ сказываютъ, предчувствіе, что приключится со мною ли однимъ, съ нами ли обоими, какое худое.

— Все вздоръ, братецъ, ничего не приключится, не впервѣй. А ты вотъ пошли сына въ Валуйки. Князь тамъ теперь, поди, застрялъ на долго безъ лошадей, да безъ денегъ. Пускай твой сынокъ поживетъ денька два, три, разнюхаеть, много ли господа дворяне тамъ шумятъ, и что этотъ князь затѣваетъ.

— Это хорошо,—отозвался Антонъ Петровичъ.—Пошлю безпремѣнно. Только вѣдь онъ у меня глуповать.

— Ничего. Дѣло немудренное. Авось не наглупить. А что глуповать онъ, самъ ты виноватъ, содержишь его, якобы красную дѣвицу. Женить бы, что ли. Развернется молодецъ, намъ въ помощь будетъ. Молодая жена всякаго парня растревожитъ живо. Не будетъ какъ сонный бродить.

— Да я, братецъ, и то собираюсь женить его, благо самъ просится.

— Ну, вотъ и хорошее дѣло, коли просится. А на комъ?

— На Херасковой дѣвицѣ. Она—его зазноба...

Графъ Михайлъ Петровичъ пристально посмотрѣлъ въ лицо брата и повторилъ страннымъ голосомъ:

— На Херасковой?

— На дочкѣ Петра Ивановича.

— Знаю, не мало онъ мнѣ надоѣдалъ своими посѣщеніями. Ужъ не знаю, братецъ, родниться ли намъ черезъ твоего Мишу опять съ ними, Херасковыми. Онъ человѣкъ вѣдь беспокойный, прилипчивый, артачиться любить. Ну, а впрочемъ какъ знаешь.

Графъ Михайло Петровичъ замолчалъ и задумался.

Братъ смотрѣлъ на него нѣсколько мгновеній и потомъ произнесъ:

— Ну, а какъ у тебя?

— Что?

— Ну, да энта?..

— Да кто энта?

— Ну, да самъ знаешь, про кого спрашиваю. Какъ ея здоровье?

— Марѳуши, чтоль?

— Нѣтъ Мареуша Савишна знаю, что въ своемъ здоровье. А та, другая, то-ись...

Наступило молчаніе.

Михайло Петровичъ дернулъ плечомъ, фыркнулъ и прибавилъ полунасмѣшливо:

— Вотъ что я тебѣ, братецъ, скажу. Стало не въ мѣру спокойно и мнѣ, и Мареушѣ. Есть вотъ такіе покойники на свѣтѣ, братъ Антонъ Петровичъ, отъ коихъ спокойствія трудно получить. Вотъ, сказываютъ, покойники ходятъ по ночамъ. Души вишь ихъ къ вамъ являюся, васъ пужать. Ну я бы, братецъ, сейчасъ же предпочелъ такую покойницу имѣть. Пушай бы ходила въ полночь, я бы ее крестомъ живо успокоилъ бы. А вотъ съ такой покойницей, какъ моя, не знаю, какъ и быть. Все меня смущеніе беретъ. Особливо же послѣднее время тревожусь.

— Что же такое?—съ удивленіемъ спросилъ графъ Антонъ.

— Да то, братецъ, что я примѣчаю и у себя, да и у тебя, нѣкое удивительное происхожденіе. И мои холопы меня, и твои холопы тебя,—ты что думаешь,—не жалуютъ. Вотъ что, братецъ. Волками да лисицами глядятъ и зубы скалятъ.

— Это вездѣ такъ. Какіе же рабы своихъ господъ любятъ?

— Нѣтъ, братецъ, не вездѣ такъ. Мои меня какъ разъ предадутъ. Да и твои тоже тебя за алтынъ сбыть рады.

Вошедшій лакей доложилъ господамъ, что кушать готово, и братья пошли въ столовую.

Черезъ часъ послѣ этого графъ Антонъ снова сѣлся на лошадь. Отрядъ его уже выступилъ шагомъ по дорогѣ домой.

Графъ Михайлъ провожалъ брата, и, когда тотъ уже былъ въ сѣдлѣ, крикнулъ ему:

— Не забудь Мишку послать въ городъ, а тамъ ко мнѣ его пришли съ докладомъ.

ХІІ.

Поздно вечеромъ подъѣхалъ молодой Девьеръ къ околицѣ сада. Изъ темноты близъ оранжереи выскочила фигура и замахала руками. Это былъ дядька барчука.

Миша сразу оробѣлъ и выскочилъ изъ телѣжки на ходу.

— Пріѣхалъ!! И ужъ спрашивалъ объ тебѣ!—выговорилъ Афанасій тревожно.

— Что ты, Афоня.

— Пріѣхалъ. Лѣшій его задави! Я ужъ тутъ часа съ два караюлю. И не знаю, что и будетъ теперь.

— Когда пріѣхалъ-то?

— Да ужъ давно, засвѣтло. Какъ пріѣхалъ, такъ тебя спросилъ. Сказали мы, на охоту, молъ, собрались. До потемокъ все

было хорошо. А теперь сейчасъ сказываетъ: «хороша, моль, охота въ темноту!» А потомъ говорилъ: человѣкъ шесть перепорю, съ ними и сыночка. А тебя, Афонька, ужъ не собрать ли въ дорогу Сибирную, чтобы не умничалъ и мальчишкѣ не потакалъ...

— Ну и мнѣ, стало быть, свое получать придется,—весело прибавилъ съ телѣжки конюхъ.

— Ну, что же, сударь, идите,—кончилъ Афанасій, разведя руками.

Молодой человѣкъ вошелъ въ калитку. Молча прошли они съ дядькой весь садъ, молча вступили въ домъ. Но здѣсь на крыльцѣ Афанасій вспомнилъ что-то, вернулъ барчука назадъ, полѣзъ въ кусты и сталъ шарить.

— Что ты?—спросилъ Миша.

— Что? Вѣстимо, что. Ужъ ты отъ страху и разумъ потерялъ. На-ко вотъ, нацѣпляй.

И среди темноты старикъ началъ надѣвать на молодого барина ружье, патронташъ, сумку и прибавилъ вовсе не шутивнымъ голосомъ:

— Тутъ всякаго добра много, и рябчики, и тетерева и кулики всякіе. Самые свѣжіе. Сегодня утромъ Василій настрѣлялъ. Шагай, да храбрѣе объясняйся.

Молодой Девьеръ, сразу преобразившійся въ охотника, вошелъ въ домъ и двинулся черезъ прихожую въ залу.

Графъ Антонъ Петровичъ сидѣлъ въ креслахъ и слушалъ докладъ управителя съ хутора. Молодой человѣкъ робко подошелъ къ отцу.

— А!—произнесъ графъ.—Съ поля? Похоже. Чтожъ? Очень похоже! Чортъ твою душу знаетъ, лицедействуешь ты, ломаешься или и впрямь лазалъ за дичью. Ей Богу! Дичь-то есть, вонъ она,—прибавилъ онъ, шаря въ ягдташъ,—только я полагаю, что и тутъ тоже дичь!—ткнулъ онъ пальцемъ въ лицо сына.—Вотъ тутъ на языкѣ тоже дичь будетъ. Гдѣ охотился, сказывай. Близъ его хутора вотъ, показалъ онъ на управителя.

— Да-съ,—едва слышно проговорилъ Миша.

— Въ болотѣ?

— Да-съ.

— Вотъ въ этихъ-то сапогахъ.

На молодомъ человѣкѣ были тѣ же легкіе сапоги, въ которыхъ онъ сидѣлъ въ гостяхъ у Хераскова, а затѣмъ, уѣзжая, не перемѣнилъ. Тутъ только онъ вспомнилъ о нихъ и понялъ свою ошибку.

— Я переобулся,—выговорилъ онъ.

— Гдѣ? Сейчасъ наверхъ къ себѣ лазилъ?

— Да-съ.

— А доспѣхи наверху не оставилъ, въ нихъ пришелъ показаться. Полно дичь пороть. Никакой у тебя охоты нѣтъ. Да и не

таковъ ты, чтобы настрѣлять столько птицы. Ты только въ сидячую корову попадешь, коли такая найдется на свѣтѣ. Ну, мы это дѣло послѣ обсудимъ, а теперъ раздѣвайся и приходи. Дѣло у меня есть до тебя.

Молодой человѣкъ сходилъ къ себѣ наверхъ, вернулся со страхомъ къ отцу и къ своему удивленію нашель графа въ совершенно иномъ настроеніи духа, болѣе веселомъ и добродушномъ.

— Слушай, Мишутка, обоими ухами. Завтра по утру дамъ я тебѣ порученіе, кое ты долженъ исполнить умнѣйше. А наглупишь, я и не знаю, что съ тобой сдѣлаю. Пора тебѣ мнѣ помогать. Что ты все дѣвченкой какой-то юлишь по сю пору. Только и умѣешь, какъ сказывается, голубей гонять. Пора за дѣло, братецъ ты мой. Ну вотъ, слушай.

И графъ объяснилъ сыну, что онъ на утро долженъ ѣхать въ городъ Валуйки, остановиться на постояломъ дворѣ и постараться повидать какъ можно больше жителей города. Ничего самому ему не слѣдъ болтать, а сказать, что пріѣхалъ онъ по своему дѣлу. И побольше разузнавать, что болтають въ городѣ.

— И коли стануть тебѣ обыватели Валуйскіе рассказывать про нѣкоторое приключеніе съ однимъ княземъ въ пути, продолжалъ Девьеръ, какъ того князя разбойники ограбили, то ты все это подробнѣйше выслушивай, на усъ мотай, все береги и все привези, ничего по дорогѣ не растеряй. Понялъ ты?

— Понялъ-съ.

— Чтобы мнѣ черезъ тебя знать всѣ толки и пересуды. Чтò кто болтаетъ! А главное знать, чтò тотъ князь ограбленный затѣваетъ. Хочетъ ли жаловаться или нѣтъ, выѣхалъ ли далѣе или сидитъ гдѣ въ Валуйкахъ. Понялъ ты все иль нѣтъ?

— Понялъ-съ. А коли отвѣтять, что его никто и не ограблялъ?

— Дуракъ ты. Вотъ и видно, что ты оголтѣлый дуракъ. Ну, а коли отвѣтять, что этотъ князь никогда и на свѣтъ не рождался, тогда что?

Молодой человѣкъ не понялъ.

— Эхъ, дурья голова. Не въ меня уродился, въ свою матушку пустоголовую. Совсѣмъ у тебя матушкина голова. А ея голова была вѣкъ пуста, какъ бутылъ какая, выпитая. Звонъ одинъ, да и тотъ стеклянный. Да, посуда, братецъ, у тебя на плечахъ, посудина, а не голова. Видно, придется мнѣ опять все повторять. Слушай.

И графъ Антонъ Петровичъ снова подробно, насколько могъ толково объяснилъ сыну даваемое ему порученіе.

На этотъ разъ Миша понялъ, что фактъ ограбленія князя Кейкуатова уже извѣстенъ и что ему остается только разузнать въ Валуйкахъ, какое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на весь уѣздъ.

— Коли справишь мнѣ это дѣло, какъ слѣдуетъ, сыночекъ, проси,

чего хочешь, ни въ чемъ не будетъ отказа. Вотъ какъ скажу. Захочешь ты, къ примѣру, жениться и въ томъ отказа не будетъ.

Молодой Девьеръ такъ вострепнулся, такъ зарумянилось его лицо и блеснули глаза, что графъ невольно всмотрѣлся пристальнѣе въ сына.

— Эге! вона какъ! Я мѣтко попалъ. Собираешься?

Миша пробормоталъ что-то въ отвѣтъ.

— Вижу, вижу. У тебя уже на примѣтѣ есть невѣста-то? Да ну, отвѣчай.

— Есть. Коли вы позволите, то я, конечно... Но безъ вашего согласія я не стану. Если ваша милость будетъ, — началъ путать молодой человѣкъ.

— Кто же такая?

Миша разинулъ ротъ, но запылся. Боязнь произнести фамилію охватила его всего.

— Да ну, не ямли. Весь въ покойницу. Начнетъ говорить, сначала ротъ разинетъ, затѣмъ черезъ часъ языкомъ шевельнетъ, потомъ еще черезъ часъ прощелкаетъ что-то птицей, а тамъ часовъ черезъ пять и слово выпалитъ. Ну, говори, какъ ее звать?

— Хераскова, — произнесъ едва слышно молодой человѣкъ.

— Хераскова? Такъ. Все та же? Ишь вѣдь застряла какъ. Это та, съ которой вы рядились на Святкахъ у Калитиной, она козой, а ты медвѣдемъ или нѣчто такое. То-то ты братъ и есть: «отъ козы барабанщикъ».

И графъ началъ громко хохотать. Приглядѣвшись еще разъ къ сыну, онъ еще болѣе расхохотался и выговорилъ:

— Ей-ей, вотъ такъ. Вѣрно сказалъ. Такъ я тебя и буду звать, ей-Богу. Какъ есть, братецъ, ты своимъ видомъ «отъ козы барабанщикъ».

Миша сидѣлъ ухмыляясь, краснѣя, но не отъ смущенья, а отъ тихой радости, такъ какъ имя Херасковой не произвело въ отцѣ того, чего онъ боялся.

— Пускай ломается и потѣшается надо мною, — смутно думалось молодому человѣку, — лишь бы отказа не было.

— Ну, что же, — заговорилъ Девьеръ, подумавъ. — Почему жъ не она. Они дворяне, онъ человѣкъ честный. И опять, не впервой Девьерамъ на Херасковой жениться. Твоя тетюшка покойная, если бы не дура была, такъ по сю пору жива бы была. Ее братецъ училъ, училъ, руки обколотилъ. Ну, можетъ, и тебѣ придется такъ-то съ твоей супруженкой. Ладно. А куда за дѣло. Завтра снаряжайся съ разсвѣтомъ въ Валуйки, сиди тамъ по малой мѣрѣ двое сутокъ, перевидай весь городъ, собери все, что будешь толковать, и все привози сюда. Ну, а теперь спать пора.

Графъ всталъ и, не простясь, не глядя на сына, зашагалъ усталыми шагами въ свою спальню.

Миша бодро, весело, чуть не въ припрыжку побѣжалъ къ себѣ наверхъ и чуть не сбиль съ ногъ стоявшаго и поджидавшаго его на порогѣ Афанасія.

— Что! — воскликнулъ дядька, едва успѣвъ отскочить отъ влетѣвшаго въ горницу барчука. — Что, что?

— Ничего, слава Богу, Афоня, слава Богу, ничего. Мало того. Лучше. Согласіе даль мнѣ на бракъ.

— Чей?

— Да мой, мой. Съ Херасковой, съ Соней.

— Что ты?

— Ей-Богу! Иди сюда, все расскажу. Завтра въ Валуйки ѣхать. Важнѣющее порученіе даль.

— И драть никого не будутъ?

— Никого. Зачѣмъ драть? Иди.

И молодой человѣкъ втащилъ за руку своего Афоню въ спальню, усадилъ на свою кровать, сѣлъ около него и началъ громко, часто, восторженно рассказывать дядькѣ, единственному человѣку, котораго онъ любилъ, помимо своей Сони, всѣ подробности за весь день.

Изрѣдка онъ прибавлялъ:

— Да ты пойми, Афоня, пойми ты! Ты не понимаешь. Ты пойми, почувствуй.

— Охъ, чувствую, чувствую! — восклицалъ Афанасій и крестился, повторяя какъ бы въ припѣвѣ рѣчамъ барчука. — Слава Создателю! О-ахъ, слава Тебѣ!

XIII.

Прошло два дня...

Въ Погромцѣ было особенно тихо, и въ барскомъ домѣ, и во всей усадьбѣ. Вся дворня и крестьяне на деревнѣ передавали другъ другу вѣсть, что баринъ, Антонъ Петровичъ, хвораетъ, лежитъ въ постели.

Въ дѣйствительности, Девьеръ не хворалъ и не лежалъ, а сидѣлъ безвыходно въ своей спальнѣ, угрюмый, сумрачный. Ему все мерещилось, что ограбленіе князя Кейкуатова не сойдетъ съ рукъ.

Онъ нетерпѣливо ждалъ сына съ вѣстями изъ города. На третій день онъ съ ранняго утра каждые полчаса подходилъ къ окнамъ, выходящимъ во дворъ и глядѣлъ вдаль на дорогу, не ѣдетъ ли сынъ.

Около полудня Девьеръ увидалъ экипажъ, обрадовался было на мгновеніе, но затѣмъ снова насупился. Ъхала карета четверней, а сынъ отправился на тройкѣ въ маленькомъ тарантасѣ.

— Кто бы это могъ быть? — досадливо произнесъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на дворъ въѣхала старая подержанная карета на крестьянскихъ лошадахъ съ упряжью кое-гдѣ подвязанною веревочками.

Изъ кареты вышелъ молоденькій офицеръ въ простомъ мундирѣ Напольнаго полка, а за нимъ, при его помощи и содѣйствіи двухъ лакеевъ, слѣзшихъ съ запятокъ, выползла маленькая, худенькая старушка.

О гостяхъ немедленно доложили графу.

— Приѣхала барыня, Лукерья Павловна Калитина, съ внукомъ, прапорщикомъ.

— Чортъ бы ее побралъ, старую вѣдму, — отозвался угрюмо графъ. — Проведи ихъ въ горницы гостинья. Подай кушать, коли хотятъ, а про меня скажи, что хвораю. Въ сумерки приму, если полегчаетъ.

Приѣзжая, получивъ этотъ отвѣтъ, отозвалась добродушно:

— Ну, что же, коли хвораетъ графъ, пуцай его, мы обождемъ.

Маленькая старушка, съ молодымъ офицеромъ, прошла въ противоположную половину дома и заняла три горницы—гостиную и двѣ спальни.

На предложеніе покушать, Калитина согласилась.

Когда люди графа вышли изъ горницы, она обратилась къ офицеру:

— Васенька, какъ ты полагаешь, хвораетъ онъ взаправду иль притворствуешь?

— Конечно, бабушка, притворствуешь, — отозвался тотъ.

— Такъ какъ же намъ быть?

— А вотъ, помѣстимся здѣсь обывателями, да и будемъ жить, покуда онъ не выздоровѣетъ.

— Какъ же такъ, Васенька?

— Да такъ, бабушка. Коли вы взяли меня въ помощь, то положитесь на меня. Проживемъ тутъ день, два, три, хоть недѣлю, хоть двѣ.

— Что ты, Васенька! Какъ же это такъ?

— Будемъ жить, покуда онъ не выздоровѣетъ.

— А выгнать, Васенька?

— А это мы посмотримъ, — разсмѣялся офицеръ. — Нѣтъ ужъ, бабушка, коли я взялся за это дѣло, такъ онъ отъ меня не отвертится. Я вамъ сказываю, вы глушь деревенская. Да вы не обижайтесь! Вы—деревня. Не вы, собственно, бабушка, а всѣ вы, помѣщички. Ну, а я московскій, мнѣ на Девьера наплевать. Я здѣсь такой содомъ подниму, что онъ тотчасъ всѣ деньги на столъ выложить. Вы ужъ, бабушка, только слушайте. Сказываю вамъ, коли онъ выздоровѣетъ и въ сумерки приметъ, — объяснимся и деньги получимъ. Будетъ болѣть, мы будемъ тутъ жить. Проболѣетъ онъ недѣлю, проживемъ недѣлю. Проболѣетъ мѣсяць, проживемъ мѣсяць.

— Да это же не можно.

— Не только не можно, а должно.

Вошедшій съ приборами лакей прекратилъ бесѣду пріѣзжихъ. Лукерья Павловна Калитина была та самая старушка, въ домѣ которой, болѣе полгода тому назадъ, молодой Девьеръ встрѣтился съ Херасковыми и влюбился въ Соню.

Калитина была очень любима и уважаема въ уѣздѣ. Это была чрезвычайно маленькая и худенькая старушка, съ лицомъ сморщеннымъ и желтоватымъ. Когда-то красивые глаза, большіе, черные, теперь какъ-то ввалились внутрь и стали неопредѣленнаго цвѣта. Отъ беззубаго рта тонкія губы тоже ввалились внутрь, и носъ вслѣдствіе этого какъ бы вытянулся впередъ какимъ-то птичьимъ клювомъ.

Лукерья Павловнѣ было, по ея счету, семьдесятъ лѣтъ. Но всѣ ея знакомые уже болѣе пятнадцати лѣтъ слышали, что ей «все семьдесятъ да семьдесятъ» и были убѣждены, что старухѣ около девяности лѣтъ.

Судя по ея воспоминаніямъ юности, оно такъ и выходило. Она хорошо помнила, что была больно наказана родителями за то, что стала разглашать въ городѣ, гдѣ она жила,—а въ какомъ городѣ, старушка не помнила,—что при бракосочетаніи царевича Алексѣя Петровича было императоромъ несправедно и незаконно поступлено. Надо было всѣхъ російскихъ дѣвицъ представить въ столицу, чтобы царевичъ выбиралъ себѣ жену самъ. Тогда бы онъ безпремѣнно выбралъ ее, Лукерью Павловну, за ея красоту, а не женился бы на нѣмкѣ.

Если старуха уже была дѣвушкой-невѣстой, когда вѣнчался царевичъ Алексѣй Петровичъ, стало быть, теперь ей было, конечно, около девяности лѣтъ.

Лукерья Павловна всячески потѣшала теперь своихъ пріятелей и знакомыхъ, которыхъ у нея было видимо-невидимо, тѣмъ, что какъ бы не сознавала сама, что стала дряхлой старухой. Шестидесяти лѣтъ отъ роду она еще ходила пѣшкомъ за пятнадцать и двадцать верстъ отъ дома. Она страстно любила бродить по лѣсу, собирать ягоды и грибы, при чемъ дѣлала тоже не менѣе сорока верстъ. А купаться она любила до тѣхъ поръ, пока льдомъ не покроется рѣчка. Теперь, вдругъ, удивительныя приключенія пошли съ ней!

— И что это такое приключилось? Должно, напылило въ глаза. Ничего я не вижу,—говорила она иногда.—Все какія-то мушки да таракашки черные въ глазахъ прыгаютъ.

— Годы ужъ ваши такіе, — отзывался кто нибудь.

Но при этомъ отзывался въ первый и въ послѣдній разъ, такъ какъ подобное замѣчаніе приводило добрую старушку въ неподдѣльную ярость.

— Какіе такіе мои годы? Что ты врешь? Тебѣ, молокососу, всякіе годы великими кажутъ! — объясняла она, хотя бы говорив-

шему было и пятьдесятъ лѣтъ.—Щенку козель—корова!—прибавляла она иногда себѣ подъ носъ, не рѣшаясь громко произнести дерзость.

Иногда случалось старухѣ, а теперь все чаще, жаловаться, что погода пошла на Руси совсѣмъ дрянная, сырая и холодная, отъ которой ломота въ костяхъ заводится или расслабленіе.

— Не могу я уразумѣть,—говорила она,—что это такое у меня съ ногами дѣется. Слабость какая-то, колѣнки трясутся. Постоишь или походишь самую малость и, смотришь, пристала. Надо бы начать натирать чѣмъ на ночь.

Если какой наивный человѣкъ замѣчалъ ей, что эти явленія зависятъ отъ преклонныхъ лѣтъ барыни, то Лукерья Павловна накидывалась на него точно также яростно.

— Преклонные годы! Какіе же такіе мои годы? Какойнибудь восьмой десятокъ. Важность какая! Вотъ въ прежнее время люди по двѣсти лѣтъ жили. У меня дѣдушка былъ, ста семидесяти лѣтъ померъ. А вотъ вы нарождаетесь сахарные, лыкомъ шитые, и на тесемочкѣ у васъ душа-то въ тѣлѣ держится. Вотъ вамъ мои года преклонными и сдаются.

Разумѣется, друзья Лукерьи Павловны знали слабую струну старушки и старались обходить вопросъ о годахъ. Иные, посмѣиваясь, совѣтовали старушкѣ «сухой водой» глаза протирать, а ноги мазать подсолнечнымъ масломъ съ примѣсью толченыхъ цѣлковыхъ.

Разъ старушка впрямь заставила свою ключницу толочь въ ступѣ три новенькихъ серебряныхъ рубля. Ключница выбилась изъ силъ и доложила барынѣ, что она, по своему глупству, никакъ барынина приказа исполнить не можетъ.

Старушка попробовала сама потолочь, но призадумалась и сообразила, что надъ нею подшутили.

Всѣ знакомые Лукерьи Павловны за исключеніемъ вопроса о годахъ не знали въ Калитиной ни единого недостатка, и во всемъ околоткѣ почти всѣ равно любили и уважали старушку.

По этому, за послѣднее время, въ приключившейся съ ней бѣдѣ, весь уѣздъ молчаливо принялъ ея сторону, а многіе предлагали ей свои услуги въ ея мудреномъ дѣлѣ.

XIV.

Тому назадъ мѣсяцевъ восемь, старушка, желая перебраться на жительство въ городъ Валуйки, стала продавать свое маленькое имѣнье.

Графъ Антонъ Девьеръ пріѣхалъ къ ней, объяснилъ, что слышалъ о продажѣ вотчины и въ качествѣ сосѣда не прочь купить.

Цѣна, которую желала получить Калитина, три тысячи рублей, была по словамъ Девьера пустымъ дѣломъ.

Графъ пригласилъ старушку къ себѣ въ Погромець. Она пріѣхала и нашла у него подъячихъ изъ города. Тотчасъ же была написана подходящая бумага и когда старушка подписала ее, то графъ Антонъ Петровичъ поцѣловалъ за это у ней ручку. Затѣмъ онъ объяснилъ барынѣ, чтобы она уже не возвращалась къ себѣ въ вотчину, такъ какъ съ минуты подписанья бумаги имѣнье принадлежитъ ему. Онъ предложилъ ей ѣхать прямо въ Валуйки и тамъ дожидаться полученія денегъ черезъ чиновника земскаго суда.

— У меня въ наличности здѣсь этихъ денегъ не обрѣтается, — сказалъ графъ. — Но о такой пустышной суммѣ не стоитъ и толковать. Черезъ три дня получите, сударыня, изъ Валуйскаго суда.

Калитина выѣхала отъ графа въ Валуйки, прожила тамъ мѣсяцъ, напрасно ожидая чиновника съ деньгами. Послала она навѣдаться въ судъ, кого слѣдовало. Посланецъ объяснилъ, что дѣйствительно все дѣло подъячими оборудовано, что вотчина по закону принадлежитъ уже графу Девьеру, и онъ уже введенъ во владѣніе.

Что же касается до денегъ, не полученныхъ барыней, то это до судейскихъ дьяковъ и подъячихъ не касалось.

Проживъ еще мѣсяцъ въ городѣ, Калитина раза три посылала гонцовъ въ Погромець, и каждый разъ гонецъ возвращался съ отвѣтомъ графа, что деньги въ скорости будутъ барынѣ переданы.

Когда прошло около трехъ мѣсяцевъ, старушка собралась въ Погромець. Графъ Антонъ Петровичъ любезно принялъ ее, цѣловалъ ручки и просилъ извиненія, что запоздалъ, ибо «совсѣмъ изъ ума вонъ!» Обѣщая тотчасъ же деньги прислать, графъ сбылъ старуху изъ своей усадьбы къ сосѣдямъ.

Прошло еще два мѣсяца, и старушка переѣзжала отъ сосѣда къ сосѣду. Живя въ гостяхъ у Хераскова, она, по его совѣту, написала графу письмо и дала знать о своемъ мѣстопробываніи, но денегъ все-таки никакихъ не пришло.

Петръ Ивановичъ Херасковъ предложилъ свои услуги Калитиной съѣздить за деньгами къ Девьеру, но она не захотѣла вмѣшиваться своего пріятели въ щекотливое дѣло.

— Обожду, отдасть, — сказала она. — Не обманщикъ же онъ. Дворянинъ и графъ.

Наконецъ, старушка снова поѣхала въ Погромець. Люди сказали ей, что баринъ уѣхалъ въ Воронежъ и вернется не ближе какъ черезъ мѣсяцъ. Калитина отправилась ждать въ Валуйки.

Прочелъ этотъ мѣсяцъ, старушка опять пріѣхала въ Погромець. Графъ Девьеръ точно также любезно принялъ ее, цѣловалъ ручки, разсыпался во всякихъ любезностяхъ, угощалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, даже на гитарѣ сыгралъ и спѣлъ что-то очень чувственно.

На вопросъ старушки о деньгахъ онъ отвѣчалъ:

— Безпремѣнно. Обожди, родная, только самую малость. Черезъ мѣсяцъ уплачу все до копѣчки и все новенькими крестовыми рублями самаго истиннаго чекана. Какъ золото горѣть будутъ.

Наконецъ, наступила осень, а Лукерья Павловна, живя въ городѣ, никакихъ денегъ, разумѣется, не получала, продолжая тщетно надѣяться.

На ея счастье въ городъ Валуйки вступилъ новый на смѣну прежняго Напольный полкъ, въ которомъ оказался молоденькій офицерикъ, по фамиліи Калитинъ.

Узнавъ, что есть въ городѣ старушка однофамилица, молодой человекъ тотчасъ къ ней явился. Стали они, юноша девятнадцати лѣтъ и старушка почти девяностолѣтняя, считаться родней. Вдругъ, къ немалому удовольствію обоихъ, оказалось, что дѣдушка офицера былъ Макарь Кондратьевичъ, воевода въ какомъ-то городѣ при Каспійскомъ морѣ.

Лукерья Павловна вскрикнула. Тамъ, гдѣ-то, далеко, въ ея головѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще чуть-чуть брезжилъ свѣтъ памяти, сказалося что-то и говорило: «двоюродный братецъ! Важный человекъ! Каспійскій воевода!»

— Да, да,—воскликнула Лукерья Павловна.—Помню я, соколикъ, хорошо помню. Была я молода, все у насъ въ семьѣ толковали, что есть у родителей моихъ такой племянникъ, что Каспійскій воевода. Такъ мы его и звали. И помню я, соколикъ, что онья слова «Каспійскій воевода», такъ меня напужали, что я нѣсколько ночей сподрядъ видѣла что-то такое сѣрое, шерстяное, что меня все изъ-подъ кровати моей за одѣяло дергало. И оно самое мнѣ мерещилось быть Каспійскимъ воеводой. Вѣрно помню. Стало быть, если ты внученокъ этого Каспійскаго воеводы, то мнѣ ты приходишься правнучкомъ. А коли ты мнѣ правнучекъ, то, стало, когда я помру, годковъ черезъ двадцать-тридцать, то все мое иждивеніе твоимъ будетъ.

Внучекъ обрадовался родству, но, не зная слабой струны старушки, невольно подивился, что она собирается еще столько лѣтъ прожить на свѣтѣ.

Разумѣется, черезъ нѣсколько дней послѣ первой встрѣчи бабушки и внука, внучекъ узналъ о томъ, какъ тянетъ уплату графъ Девьеръ и вызвался помочь бабушкѣ.

Молодой Калитинъ, не смотря на свою юность, былъ отъ природы очень смѣлъ, даже дерзокъ и былъ своей рѣшительностью въ дѣлахъ извѣстенъ въ полку.

— Мы, бабушка, этого Девьера такъ наладимъ, что онъ намъ въ два часа времени деньги отдастъ,—заявилъ молодой человекъ.

И вотъ послѣдствіемъ этого рѣшенія и былъ пріѣздъ въ Погромецъ дряхлой старухи и юнаго офицера.

Хозяинъ, узнавъ отъ людей, что съ старушкой Калитиной пріѣхалъ молодой офицеръ-внучекъ, усмѣхнулся насмѣшливо.

— Старая дура! Наняла и притащила какого-то щенка, хочеть имъ меня напугать. Я васъ такъ турну, что и отъ тебя, старой насѣдки, и отъ цыпленка твоего пухъ полетитъ.

Первый день Калитина со внучкомъ просидѣли, не выходя, въ своей гостиной. Хозяинъ не принялъ ихъ, сказываясь больнымъ. Прошелъ еще день, пріѣзжіе сидѣли точно также, только вышли и погуляли по саду послѣ обѣда.

Графъ Антонъ Петровичъ сидѣлъ безвыходно въ спальнѣ, но по разсѣянности на второй день ввечеру вышелъ въ залу. Пройдясь, онъ громко приказалъ что-то, затѣмъ вспомнилъ про гостей и плюнулъ сердито.

— Ахъ, чортъ ихъ возьми! Изъ ума вонъ. Ну, да наплевать.

И онъ вернулся къ себѣ въ спальню, громко бранясь.

Молодой человѣкъ слышалъ изъ горницы голосъ хозяина и хитро усмѣхнулся.

— Вѣдь это онъ притворствуеть, соколикъ мой. Вишь разгуливаетъ, а намъ сказывается хворающимъ,—замѣтила Калитина.

— Ничего, бабушка, пуцай сказывается. Вѣдь что же? Тутъ не холодно и опять-таки кушать намъ подають. Время теперь пасмурное, не до прогулокъ. А не все ли равно, гдѣ жить, что въ Валуйкахъ, что тутъ.

— Какъ же такъ, соколикъ?

— Да такъ, бабушка. Говорю вамъ, что мы будемъ тутъ жить, покуда онъ не выздоровѣетъ и не разсчитается.

— А прогнать онъ насъ.

На это молодой человѣкъ махнулъ только рукой, такъ какъ этотъ вопросъ старушка повторяла почти постоянно, по сту разъ на день.

XV.

На слѣдующее утро домъ въ Погромцѣ нѣсколько оживился. Пріѣхалъ изъ города молодой графъ.

При его появленіи на дворѣ, старушка, любившая «графчика Мишеньку», какъ она его называла, почти забыла, что она сама въ гостяхъ и выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Мишенька мой! Какъ я тебѣ рада! Милости прошу, — заговорила Лукерья Павловна.—Пожалуй, пожалуй!

— Что вы, бабушка,—шепнулъ сзади офицеръ.—Вы и забыли, что вы не у себя.

— Ахъ, и то правда. Прости, Мишенька.

Миша тоже обрадовался встрѣтить ту самую добрую старушку, благодаря которой онъ познакомился съ своей Соней. Онъ, конечно,

зналъ, какое дѣло у ней до отца, и что отецъ оттягиваетъ уплату уже скоро девять мѣсяцевъ.

— Долгъ отца вѣдь почти «ровесникъ» любви съ Соней,—думалось часто Мишѣ.

— Помоги, родной, у тебя душа чистая,—заговорила Лукерья Павловна. — Третій день сидимъ. Хвораешь якобы твой родитель. Скажи ты ему, мы все равно не уѣдемъ. Вотъ спроси у него.

— Да-съ, господинъ графъ,—вымолвилъ офицеръ,—доложите вашему родителю, что я пріѣхалъ съ бабушкой по сему дѣлу и что мы должны безпремѣнно получить деньги. А безъ нихъ мы отсюда не ѣдемъ.

— Хорошо, хорошо,—быстро заговорилъ Миша, и, снявъ верхнее платье, онъ поспѣшно двинулся къ отцу.

Графъ Антонъ Петровичъ нетерпѣливо ждалъ сына въ дверяхъ столовой. Лицо его было сердито.

— Чего съ ними разболтался. Осель! Я вторыя сутки отъ нетерпѣнья не ѣмъ и не сплю. Ну какія вѣсти? Иди что ли.

Миша прошелъ за отцомъ въ его кабинетъ и подробно, толково передалъ все, что узналъ важнаго въ городѣ.

А въ городѣ Валуйкахъ было дѣйствительно особенное волненіе.

Князь Кейкуатовъ съ нѣсколькими людьми дворовыхъ пріѣхалъ въ городъ на крестьянскихъ лошадяхъ, которыхъ досталъ гдѣ-то въ ближайшей къ Чортову Днищу деревушкѣ. Онъ былъ ограбленъ какими-то разбойниками до нитки, дочиста. Всѣ лошади были угнаны, а всѣ деньги и золотыя вещи, какія нашлись въ ящикахъ, все было взято. Остальное имущество зря разбросано въ оврагѣ.

— На кого же думаютъ?—спросилъ графъ.

Миша смутился и завертѣлъ языкомъ.

— Да ну, чего мычишь-то, — отвѣчай!..

— Да я ужъ и не знаю, батюшка. Ко мнѣ очень приставали всѣ господа дворяне, не знаю ли я. Вамъ же извѣстно, что я, якобы не знаю ничего. Ну, вотъ, когда я одного секундъ-майора Похвистнева... Знаете его...

— Ну?

— Когда я его спросилъ, почему ко мнѣ пристають, онъ мнѣ прямо такъ и бухнулъ.

— Да что?

— Да какъ есть все.

— Да что, дуракъ?! — закричалъ чуть не на весь домъ графъ Антонъ Петровичъ.

— На насъ, конечно, думаютъ.

— На тебя, что ли?—разсмѣялся графъ.

— Нѣтъ-съ, на васъ, да на дядюшку.

— Дурья головы.

— Вотъ и я, такъ-то отвѣчалъ, дурья головы. А секундъ-май-

оръ Похвистневъ ткнулъ меня пальцемъ въ голову, да сказываетъ: голова-то дурья, да только не у насъ, а вотъ эта. То исъ моя, стало быть. А главная причина, батюшка, что въ смятене всѣхъ привела, что князь этотъ привезъ съ собою изъ Чортова Днища раненаго молодца. А молодецъ этотъ, сказываютъ, нашъ Телятевъ.

— Врешь!—прокричалъ графъ Антонъ Петровичъ страшнымъ голосомъ и, вскочивъ съ мѣста, бросился къ сыну и схватилъ его за плечи. Врешь!—прооралъ онъ оглушительно на сына.

Миша оторопѣлъ, оглохъ на мгновенье и забормоталъ что-то.

— Говоришь, Телятевъ въ Валуйкахъ?

— Да-съ.

— Привезенъ этимъ княземъ?

— Да-съ.

— Живой? Живой?

— Раненый, батюшка.

— Живой? Чортъ ты эдакій. Говори. Вѣдь живой?

— Живой, батюшка.

— Ахъ, ты!

Графъ ударилъ себя кулакомъ въ лобъ, слегка пошатнулся и шлепнулся въ близъ стоящее кресло. Затѣмъ онъ поднялъ оба кулака и началъ стучать себя отчаянно въ голову, приговаривая:

— Ахъ, ты сатана! Именно сатана! Искуситель! Эдакое глупство! Вѣдь какъ нацѣлилъ, прямо въ ухо палилъ. Пуля-то башку наскрость должна бы пронизать. Что же это? Навожденіе дьявольское. Вогъ оно! Не даромъ сердце мое тосковало. Иди, бѣги, зови сюда Сеньку и Прошку. Скорѣй!—дико закричалъ графъ.

Молодой Девьеръ вскочилъ, рысью пробѣжалъ до прихожей и приказалъ позвать двухъ конюховъ. Но затѣмъ онъ отъ волненія не утерпѣлъ и самъ побѣжалъ на сосѣдній дворъ, гдѣ были конюшни.

Черезъ нѣсколько мгновеній явились за Мишей оба конюха, тѣ самые двое, которые остались послѣдними въ оврагѣ около барина и были свидѣтелями, какъ командиръ отряда покончилъ съ собой изъ пистолета.

Молодцы были перепуганы, блѣдны и взволнованы. Страшный видъ барина окончателно поразилъ ихъ. А въ чемъ было дѣло—имъ не сказалъ графчикъ, боясь отца.

— Вы! Какимъ мы Телятева оставили тамъ въ лѣсу, на дорогѣ,—крикнулъ Девьеръ.—Живымъ аль мертвымъ?

— Мертвымъ, ваше сіятельство, какъ есть, совсѣмъ мертвымъ,—отозвался одинъ дрожащимъ голосомъ.—Онъ себѣ въ ухо выпалилъ.

— Ну, а онъ живъ,—прокричалъ графъ.—Живъ!

Конюхи молчали.

— Онъ стало быть тебя надулъ. Холостымъ зарядомъ въ себя

палилъ. Ты всему и причина. И я тебя завтра разсужу по своему... Ну, убирайтесь вонъ. Мерзавцы! Предатели!..

Графъ махнулъ рукой, сѣлъ въ кресло и, понурившись, глубоко задумался.

Но чрезъ часъ графъ вдругъ успокоился, заходилъ изъ угла въ уголь по горницѣ и сталъ говорить вслухъ, на половину обращая рѣчь якобы къ стоявшему у дверей сыну, а на половину какъ бы обращаясь къ кому-то отсутствующему.

— Ну живъ? Ну что же? Ты скажешь, прикажу молъ попытать его! Подъ пыткой на Девьера укажетъ! Ну и укажетъ. Я не отвѣтчикъ, коли мои холопы на меня клеветаютъ на дыбѣ. Ты меня потянешь? Тяни. Не боюсь я твоего суда. Уликъ нѣтъ. Мои здѣшніе не посмѣютъ сказать, что я съ ними былъ. Ну вотъ! А что дворовые мои—разбойники и грабители. Вѣрно! Которые изъ нихъ, разузнавай самъ,—я не знаю. А былъ ли я съ ними въ ту пору ночью... Это, врешь, никто не покажетъ и никто не докажетъ. Я спалъ въ постели, а дворня грабительствовала.

И черезъ нѣсколько минутъ Антонъ Петровичъ, уже совершенно успокоившись, ласково обернулся къ сыну. Онъ былъ даже въ хорошемъ расположеніи духа.

— Ну, спасибо, Мишка, ты мнѣ все таково дѣловито и толково исполнялъ, что проси теперь чего хочешь. Да впрочемъ что же! Знаю, что тебѣ нужно. Вчера тутъ гонецъ былъ отъ Хераскова. Приѣзжаетъ онъ на сихъ дняхъ ко мнѣ въ гости. Понятное дѣло, зачѣмъ. Почитай, никогда не бывалъ, а теперь ѣдетъ. Да и въ письмѣ своемъ прямо сказываетъ, по дѣлу, касающемуся до тебя. Ну, стало, сватать. Ну что же, я не прочь... Женись себѣ! Да и дядюшка твой все пристааетъ, что пора тебя женить. Авось ты малость развернешься.

Затѣмъ графъ задумался и вдругъ воскликнулъ:

— Слушай. Не хочу я видѣть эту старую дуру съ какимъ-то щенкомъ. Сладъ ты мнѣ, голубчикъ, дѣло. Скажи, что я хвораю и поручилъ тебѣ объясниться съ ними. Спровадь ты старуху и ея найденыша-внучка. Скажи деньги пришлю завтра въ Валуйки. Не впервой ей «завтремъ» сыту быть!

Миша замаялся и проворчалъ:

— Слушаю-съ.

Но по лицу его видно было, что порученіе это онъ исполнить не сдумѣетъ.

XVI.

Отпущенный отцомъ, Миша тотчасъ побѣжалъ къ себѣ на верхъ, зная заранее, что его ждетъ дядька.

Разумѣется, старикъ уже давно съ нетерпѣніемъ хотѣлъ узнать отъ своего дорогого графчика, какія онъ привезъ вѣсти изъ города,

а главное, какъ самъ «выцарапался» изъ порученія, даннаго отцемъ, какъ дѣйствовалъ и заслужилъ ли одобреніе.

— Все слава Богу, Афоня!—объявилъ Миша дядькѣ. Но затѣмъ изъ его разказовъ оказалось, что все благополучно по отошенію лично къ нему, дѣла же отца были не совсѣмъ хороши.

Телятевъ,—живой и въ городѣ,—было извѣстіемъ тревожнымъ. Однако, и старикъ дядька отнесся къ этому факту также, какъ и графъ.

— Скажутъ: дворня графская балуетъ въ уѣздѣ. А онъ въ сторонѣ останется.

Побесѣдовавъ съ дядькой, Миша вспомнилъ о Калитиныхъ и отправился внизъ.

И молодой человекъ, разумѣется, не сумѣлъ исполнить порученіе своего отца. Явившись для переговоровъ о деньгахъ къ гостямъ, онъ только конфузился и мямлилъ, отчасти отъ непривычки вести дѣловые разговоры, отчасти потому, что самъ сознавалъ всю незаконность поступка отца. Къ тому же онъ самъ искренно, сердечно уважалъ и любилъ Лукерью Павловну.

Молодой Калитинъ сразу увидалъ и понялъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Отстранивъ бабушку, онъ вступилъ въ разсужденія съ Мишей и объяснилъ ему коротко и ясно:

— Скажите вашему родителю, что мы пріѣхали за полученіемъ слѣдующей бабушкѣ суммы и безъ этого изъ усадьбы вашей не уѣдемъ.

— Какъ это?—испугался Миша, зная, что чья либо угроза его отцу немислима и даромъ съ рукъ не сходила никому.—Батюшка разгнѣвается,—замѣтилъ онъ.

— И пускай гнѣвается на здоровье, — заявилъ молодой человекъ.—Мы сами тоже гнѣваемся.

— Да вѣдь вы не знаете,—началь было Миша и запнулся, не зная какъ объяснить офицеру, что противорѣчіе его отцу можетъ кончиться плохо.

— Ничего я не знаю, господинъ графъ Девьеръ, и знать не хочу, — отвѣчалъ Калитинъ уже рѣзко.—А лучше всего доложите вашему родителю, чтобы онъ меня принялъ и со мною лично переговорилъ.

Миша отправился къ отцу и передалъ ему свой разговоръ, стараясь какъ можно болѣе смягчить выраженія офицера.

Девьеръ только улыбался и, наконецъ, сказалъ сыну:

— Ну такъ поди, объясни имъ, чтобы они велѣли закладывать себѣ лошадей и уѣзжали по добру, по здорову.

— Онъ сказываетъ, что они не уѣдутъ, пока не получатъ своихъ денегъ.

Графъ вытаращилъ глаза на сына.

— Что ты врешь?—вымолвилъ онъ.

— Точно такъ-съ. Нѣсколько разъ господинъ Калитинъ повторялъ мнѣ это порученіе вамъ. Говорить, скажите, что проживемъ хоть недѣлю у васъ, хоть мѣсяць, а не уѣдемъ, не получивъ денегъ.

— Что-о!—протянулъ Антонъ Петровичъ.—Да я ихъ...

Измѣнившись въ лицѣ, онъ поднялся съ мѣста. Собираясь идти къ гостямъ, онъ уже сдѣлалъ два шага, но вдругъ остановился.

— Боюсь,—выговорилъ онъ и смолкъ.— Ей-ей, боюсь!..— снова повторилъ онъ послѣ паузы.

Миша съ удивленіемъ смотрѣлъ на отца.

— Нѣтъ, нельзя,—проговорилъ графъ и снова сѣлъ въ кресло.— Боюсь я мальчишки этого. Съ ней ничего съ одной, а съ нимъ боюсь.

Миша, понимая на свой ладъ слова отца, смотрѣлъ на него разиня ротъ отъ изумленія.

— Что же это такое, — развелъ руками Девьеръ.— Подъ судъ попадешь изъ-за эдакой дряни. Изъ-за старушенки, да изъ-за щенка подъ судъ угодить. Спасибо. Вотъ что, Миша, пойди ты опять. Скажи ты этому щенку, что я боюсь до смерти, коли я приду съ нимъ объясняться, то черезъ четверть часа времени у меня въ домѣ два покойника будутъ. Старуха отъ страху помретъ, а онъ отъ побой.

Миша пошелъ съ диковиннымъ порученіемъ отца и тяжело вздыхалъ по дорогѣ.

Девьеръ остался среди комнаты и потиралъ рукой лобъ, какъ бы придумывая исходъ изъ затруднительнаго обстоятельства.

Сынъ вернулся смущенный и объяснилъ:

— Сказалъ-съ.

— Ну?

— Онъ смѣется-съ. Я сказалъ: батюшка васъ убить можетъ. А онъ отвѣчаетъ: у меня шпага, да вотъ пара пистолей. Коли вашъ батюшка меня положить сразу, то живъ останется. Коли онъ только меня ранитъ, то я его положу мертвымъ.

— Да что же это такое? — какъ бы растерявшись, произнесъ Девьеръ.

И онъ вдругъ шагнулъ вонъ изъ комнаты, прошелъ быстро столовую, потомъ корридоръ и, отворивъ дверь въ горницу, гдѣ сидѣли гости, остановился на порогѣ.

Старушка поднялась, наивно и добродушно собираясь сказать какое-то привѣтствіе. Молодой офицеръ тоже собирался раскланяться и поздороваться, но, взглянувъ въ лицо графа, быстро отошелъ въ уголокъ комнаты. Онъ взялъ въ руки шпагу, вытащилъ ее изъ ноженъ и сталъ, какъ бы защищая то окно, гдѣ былъ раскрытый ящикъ съ двумя пистолетами.

— Это что?—закричалъ графъ.—Ко мнѣ въ домъ пріѣхалъ гостемъ, да угрожаешь разбоемъ.

— Никакого разбоя нѣтъ, а самозащита одна,—выговорилъ Калитинъ.

Лицо его совершенно измѣнилось. Изъ розовенькаго, добродушнаго и почти дѣвичьяго, оно сдѣлалось блѣдное, искаженное гнѣвомъ.

— Ишь остервенился,—неволью подумалъ про себя Девьеръ.

— Мы, графъ, приѣхали съ бабушкой получить слѣдующія ей съ васъ деньги за продажу вотчины и просимъ васъ немедленно эти деньги вынести и отдать. Въ противномъ случаѣ мы будемъ здѣсь ожидать ихъ и не уѣдемъ, пока не получимъ.

— Да я тебя, щенокъ, только трону пальцемъ, такъ мокренько останется!—крикнулъ Девьеръ.

— А я тебя, старый песь,—вскрикнулъ Калитинъ прерывающимся голосомъ,—такъ трону, что и мокроты не будетъ.

И съ этими словами Калитинъ взялъ въ лѣвую руку пистолетъ изъ ящика и взвелъ курокъ.

Антонъ Петровичъ стоялъ внѣ себя отъ ярости и тряся всѣмъ тѣломъ. Старушка вскрикнула, отскочила въ сторону и начала махать руками на своего внука.

— Стой, стой! Умру, уморите! Богъ съ нимъ, уѣдемъ скорѣе, Васенька, уѣдемъ. Христа ради, уѣдемъ.

— Вы уѣзжайте, а я не уѣду. Я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло. Застрѣлю я его тутъ, я правъ буду передъ цѣлымъ уѣздомъ. До него и такъ власти добираются за разные темныя дѣла!—прокричалъ Калитинъ.

Графъ Девьеръ при этихъ словахъ замѣтно поблѣднѣлъ...

Миша, стоявшій за отцомъ, не помнилъ себя отъ перепуга. Онъ безсознательно удѣвился вдругъ за рукавъ отца и потянулъ его.

— Батюшка, уходите, идите,—проговорилъ онъ, не зная самъ, что говорить.

— Вотъ только ради тебя! Что ты просишь!—вымолвилъ Антонъ Петровичъ.—Для тебя брошу щенка. Не то бы его въ прахъ обратилъ.

И Девьеръ быстрыми шагами вышелъ изъ горницы и пошелъ къ себѣ. Миша побѣжалъ за отцемъ.

Но не успѣли они достигнуть кабинета, какъ Миша дорогою опаматовался совсѣмъ и все сообразилъ. То, что онъ понялъ, его поразило. Отецъ, котораго боялся весь уѣздъ, теперь на его глазахъ просто струсилъ.

Графъ тотчасъ же сталъ искать въ ящикахъ большого стола ключи. Затѣмъ онъ отперъ шкафъ, въ которомъ помѣщались всякаго рода дорогіе для него предметы. Миша за всю свою жизнь только въ третій разъ видѣлъ этотъ шкафъ открытымъ.

— Ну, сынокъ, слушай. Часа черезъ полтора, два времени, когда они успокоятся, ты мнѣ старушенцію поведи гулять. Уведи куда ни на есть и займи разговоромъ, а меня оставь перетолковать съ этимъ щенкомъ.

Говоря это, Девьеръ вынулъ ящикъ, въ которомъ были точь въ

точь такіе же пистолеты, что привезъ съ собой Калитинъ. Графъ досталь другой ящикъ. Тамъ оказались порохъ и пули. Онъ началъ заряжать оба пистолета.

— Что вы, батюшка, Господь съ вами! Изъ-за такого пустяка! Идти на смертоубійство!—заговорилъ Миша, какъ потерянный,—онъ можетъ васъ и ранить, и убить. А вы его убьете, тоже бѣда. Онъ у васъ въ гостяхъ, офицеръ, дворянинъ. Плюньте, заплатите.

— Заплатите! Дуракъ! Да коли у меня нѣтъ этихъ денегъ? Что ты думаешь, у меня червонцевъ-то цѣлый амбаръ, что ли.

— Вещи какія отдайте,—выговорилъ Миша.

— Какія вещи?

— Наберется. У матушки покойницы, сказывали вы, камня самоцвѣтные были. Ну вотъ чайникъ стоитъ у васъ,—показаль Миша въ шкафъ.—Вѣдь это тоже серебро.

— Глупый, камни самоцвѣтные твоей покойницы давно въ трубу вылетѣли, а этому чайнику красная цѣна двадцать рублей. Дурья голова!

Но вдругъ Девьеръ бросилъ пистолеть, хлопнулъ себя по головѣ и воскликнулъ:

— Вотъ такъ блинъ! Ай да Миша! Ахъ, ты умница-разумница!

И графъ треснулъ здорово сына по плечу.

— Умница ты, а я, дуракъ! И не зналъ, что ты такая умница. Вотъ колѣно-то мы отмѣчимъ. Вся губернія хохотать будетъ.

XVII.

Графъ быстрыми шагами направился въ свою спальню, досталь изъ связки, которую захватилъ съ собой, большой ключъ и сталь отворять старинный дубовый шкафъ, стоявшій близъ кровати.

— Слыхаль ли ты, видалъ ли ты, что тутъ есть?—обернулся онъ къ сыну, собираясь отворить дверку.

— Никакъ нѣтъ, батюшка.

— Слыхаль ли ты, что великая императрица Екатерина Алексѣевна... да не эта, а Первая Екатерина... когда она произвела твоего прадѣда въ графское достоинство, подарила ему серебряный сервизъ, который у него потомъ отобраль Меншиковъ на себя. Когда сослали князя въ Березовъ, сервизъ отписали въ казну, а государь Петръ Ѳедоровичъ возвратилъ его обратно моему родителю. Слыхаль ли ты это?

— Слыхаль, батюшка.

— А видалъ ли сервизъ?

— Николи не видалъ.

— Знаю, и никто не видалъ его. Гляди вотъ.

Графъ отперъ дверь шкафа, и глазамъ удивленнаго Миши пред-

ставился цѣлый серебряный сервизъ большого размѣра, на большомъ серебряномъ подносѣ.

— Плохъ, что ли? выговорилъ графъ.

Миша пробормоталъ что-то.

— Ему, сынокъ, пять-шесть тысячъ цѣна самая маленькая. Ну ступай къ этой старой вѣдьмѣ, скажи ей и ценку этому, хотя бы ли они получить вмѣсто денегъ серебряный сервизъ, который вдвое дороже стоитъ. Ступай. Нѣтъ, постой. Захвати вотъ молочникъ, покажи. Коли онъ не дуракъ, пойметъ.

Миша побѣжалъ съ молочникомъ въ рукахъ, а графъ кликнулъ людей.

— Позвать ко мнѣ Кондратьева,—приказалъ онъ.—Живо!..

Оставшись одинъ, Девьеръ зашагалъ по комнатѣ, весело посвистывая.

— Вотъ такъ умница Миша. Да и я тоже не дуракъ. Вотъ колѣно-то будетъ удивительное. Это не то, что въ оврагѣ разбойничать. То дѣло простое, а это умнѣющій фокусъ.

Миша, а за нимъ дворовый, замѣнившій Телятева въ качествѣ командира конныхъ молодцевъ, одновременно вошли въ комнату.

— Ну?—обернулся графъ къ сыну.

— Они сказываютъ, — весело заговорилъ Миша, — что коли деньги нельзя получить, то они готовы удовольствоваться сервизомъ. Только просить его посмотрѣть.

— Вѣстимо. На вотъ, тащи весь подносъ.

Миша бросился къ шкафу съ особеннымъ рвеніемъ. Ему до смерти хотѣлось поскорѣе устроить затруднительное дѣло, которое свалилось совершенно неожиданно на его голову и которое могло помѣшать осуществленію его завѣтной мечты. Каждую минуту могъ подѣхать сватомъ Петръ Ивановичъ Херасковъ. А тутъ отецъ гнѣвный, разсерженный! Гость офицеръ, на видъ совсѣмъ мальчишка, оказался кремень-молодецъ. Онъ первый, съ тѣхъ поръ, что существуетъ эта усадьба, грозился въ ней самому хозяину.

Миша взялъ подносъ, потащилъ его къ себѣ, но съ изумленіемъ въ лицѣ обернулся къ отцу.

— Батюшка, его не сдвинешь. Онъ, должно прибить гвоздями.

Графъ расхохотался.

— Да, прибить гвоздями. Въ немъ, братъ, почитай до двухъ пудовъ вѣсу. Коли ты и вытащишь его съ полки, то все бухнешь на полъ. Позови людей.

Миша бросился за лакеями, а графъ обернулся къ конюху.

— Кондратьевъ, докажи мнѣ сегодня, что ты годенъ на должность Телятева. Чтобы къ вечеру десятокъ молодцевъ былъ готовъ выѣзжать. Могу ли я на тебя положиться?

— Будьте безъ сумлѣнія, постараюсь,—отозвался Кондратьевъ,

опуская глаза въ землю и слегка мѣняясь въ лицѣ. Въ голосѣ его было смущеніе и тревога.

Двое людей, приведенныхъ Мишей, взяли за подносъ и, при нѣкоторомъ усилии, сняли его съ полки. Дѣйствительно, сервизъ изъ массивнаго серебра на толстомъ подносѣ былъ очень тяжелъ.

— Несите это старой барынѣ въ горницу, — приказалъ графъ. — А тамъ скажите Афонькѣ, чтобы въ кладовой досталъ два большущихъ футляра отъ этого сервиза и тоже бы несъ къ барынѣ. Ну а ты, Миша, иди сюда.

Графъ сѣлъ за столъ, досталъ бумагу и съ нѣкоторымъ трудомъ началъ писать на ней.

Миша сталъ около стола, довольный, улыбающійся. Глаза его сіяли счастьемъ.

— Умница ты, Миша, рѣдкая умница. Не знаю, чѣмъ мнѣ тебя наградить. Опять забылъ! Вѣдь не нынче, завтра пріѣдетъ господинъ Херасковъ сватомъ.

— Точно такъ-съ. Онъ можетъ каждую минуту пожаловать.

— Ну вотъ, вотъ. Сейчасъ и за свадьбу. Дай дописать.

Графъ написалъ нѣсколько строкъ крупнымъ почеркомъ, довольно неровнымъ. Видно было, что онъ въ грамотѣ не силенъ.

— Ну вотъ, Миша, гляди. Ты читать умѣешь, такъ прочти самъ, что тутъ начертано.

Миша взялъ листъ и съ усиліемъ, съ запинкой прочелъ слѣдующее:

«Симъ удостовѣряю я, нижеподписавшаяся дворянка Лукерья, Павлова дочь, Калитина, что всѣ деньги, слѣдующія мнѣ за продажу графу Антону, Петрову сыну, Девьеру за имѣнье мое, находящееся въ воронежскомъ намѣстничествѣ Валуйскаго уѣзда, при урочищѣ Оскольники, а всего три тысячи рублей, сполна получила, въ чемъ и подписуюсь».

— Ну вотъ, снеси эту бумажку старой вѣдьмѣ и вели ей расписаться.

Миша взялъ листъ бумаги, прихватилъ чернильницу и перо и въ десятый разъ отправился бѣгомъ въ горницы гостей.

Онъ нашелъ Лукерью Повловну веселой и довольной. Она сидѣла и кончикомъ шерстянаго платка терла чайникъ, который лежалъ у ней на колѣняхъ. Молодой Калитинъ, напѣвая, весело разгуливалъ по комнатѣ.

Старушка и ввучекъ уже перетолковали, осмотрѣли подробно сервизъ, и офицеръ объяснилъ бабушкѣ, что такого поворота дѣла и ожидать было нельзя.

Графъ, по мнѣнью офицера, или съ перепугу или по инымъ какимъ причинамъ захотѣлъ такъ отплатить ей, Калитиной, чтобы она вѣкъ довольна была и его добромъ поминала. Этотъ сервизъ

чистаго серебра долженъ былъ стоять, по увѣренію Калитина, непремѣнно тысячь семь.

— Такъ что,—бабушка, прибавлялъ онъ, разводя руками,—и понять ничего нельзя. Чортъ его знаетъ, что такое. Должно быть, не нуженъ онъ ему ни на что. А продать такую посудину въ деревенской глуши некому и мудрено. Вотъ онъ и сбываетъ ее за вотчину. А я вамъ съѣзжу въ столицу, продамъ его за семь тысячь, а ужъ за шесть-то безпремѣнно.

— Тебѣ, голубчикъ, и пойдутъ. Женисься,—воскликнула Калитика.—Твои денежки! Безъ тебя я никогда бы ихъ не получила.

— Ну тамъ, бабушка, видно будетъ.

Разумѣется, когда Миша принесъ листъ и объяснилъ, въ чемъ дѣло, офицеръ прочелъ все написанное графомъ. Онъ прочелъ не такъ, какъ Миша, а быстро, твердо и ровно. Онъ остановился только два раза, чтобы прибавить отъ себя:

— Тутъ ошибка въ грамотѣ. Ну, что же, не далась грамота вашему родителю, вотъ и все. Бумага все-таки годится. Ну-ка, бабушка, вздохните, перекреститесь, да и садитесь трудиться. Пишите свое званіе, имя, отчество и фамилію.

— О-охъ!—вздохнула Лукерья Павловна.—Надо, Васенька, съ сердцемъ собраться.

— То-то и я говорю. Графчикъ обождетъ. Нутка, садьте.

Офицеръ усадилъ старушку на кресло, положилъ ея руку на столъ, всунулъ перо въ пальцы, подложилъ листъ и, оглядѣвъ съ обѣихъ сторонъ, спросилъ:

— Покойно ли? Можете ли чертить?

— Испробую. Я, Васенька, годовъ пятнадцать въ эдакой оказіи не бывала. Боюсь, литеры-то я не всѣ помню. Литеръ-то вѣдь много всѣхъ. Ихъ всѣ не упомнишь.

— Ну, я вамъ буду сказывать, а вы пишете. Ну-ка, съ Богомъ, начинайте.

И офицеръ началъ диктовать буквы по порядку, одну за другой, а старушка ставила ихъ отдѣльными крючками.

Такимъ образомъ, послѣ трехъ передышекъ, черезъ четверть часа времени появилось цѣлыхъ двѣ строчки крючковыхъ, изъ которыхъ сложилась подпись:

«Вдова секундъ-майора Гликерія, Павлова дочь, Калитика руку приложила».

Едва только старушка успѣла подписать и положила перо, какъ въ горницу внесли два большихъ ящика, обитыхъ сафьяномъ.

— Это что же?—удивился молодой человекъ.

— Это футляры,—отозвался Миша,—футляры отъ сервиза. Такъ всегда они и лежали въ прежнее время.

Офицеръ отворилъ одинъ изъ ящиковъ и ахнулъ.

— Ишь ты какая затѣя. Николи и не приходилось мнѣ ви-

дѣтъ. Каждому предмету свое мѣсто и каждый-то предметъ, какъ орѣхъ въ скорлупу войдетъ. Чудно. Да вѣдь за эти два футляра сто рублей отдать должно.

— И побольше, — замѣтилъ старикъ Афанасій, появившійся въ дверяхъ горницы.

Миша поднялъ глаза, услыхавъ голосъ любимаго дядьки, и увидалъ, что его старый Афоня дѣлаетъ ему какіе-то знаки.

Миша приблизился къ старику и вопросительно взглянулъ на него.

— Идите, что ль, — шепнулъ Афоня.

Онъ взялъ за руку барчука и выговорилъ:

— Бѣги къ себѣ, я сейчасъ приду. Дѣльце есть.

— Такъ пойдемъ.

— Нѣту, вмѣстѣ боюсь. Родитель тутъ въ прихожей. Завидитъ. А ты ступай одинъ. Какъ онъ въ кабинетъ — я къ тебѣ!..

XVIII.

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ поднялся въ горницу Миши, нетерпѣливо ожидавшаго дядьку, и, затворивъ за собой дверь, выговорилъ:

— Мишенька, сервизъ-то энтотъ стоитъ страшнѣющихъ денегъ. Сказывали мнѣ годовъ тому будетъ двадцать твои дѣдушка съ бабушкой, что ему цѣна тысячь десять. Ну-съ, а сколько по твоему долженъ родитель вамъ Калитиной?

— Всего три тысячи.

— За что же онъ двадцать отдаетъ? Серебро тѣ же рубли!

— Не знаю, Афоня.

— То-то, не знаешь. А я вотъ знаю! Кондратьева родитель вызывать, приказалъ молодецвъ къ вечеру готовить. Зачѣмъ же?

— Ну?

— Размысли.

— Не знаю, Афоня.

— То-то ты ничего не знаешь. Барыня съ внучкомъ отсюда поѣдетъ, а молодцы ее въ лѣсу у Акулькина брода выждутъ, обоихъ ухлопають, а сервизъ обратно привезутъ.

— Полно, Афоня, что ты!

— Что ты, что ты, — передразнилъ старикъ барчука. — Махонькій ты младенецъ, вотъ что.

— Такъ что же намъ дѣлать?

— Вотъ то-то я и говорю: что намъ дѣлать? Я такъ полагаю, что намъ нечего дѣлать. Коли убойными дѣлами будетъ родитель твой прохлаждаться, такъ попадется въ скорости. Увезутъ его отъ насъ куда подальше, а ты нашимъ бариномъ будешь. И хорошее дѣло! Только жаль мнѣ очень старушку. Ей и такъ помирать скоро. Въ

чемъ душа держится. Ужъ дать бы ей помереть своей смертью. А мальчуганъ-то, чортъ съ нимъ, мы его не знаемъ какой онъ таковой. Пушай отбодряется. А старушку ужъ больно жаль. Какъ бы намъ это дѣло сварганить?

— Какое дѣло?

— Да чтобы старушка жива осталась.

Миша развелъ руками.

— Вѣдь это ты, Афоня, все выдумалъ. Нѣшто это возможное дѣло?

— Ну, вижу я, ты мнѣ не въ помощь. Я самъ пойду, что надумаю. А ты молчокъ, вотъ что. Смотри.

Афанасій быстро вышелъ изъ горницы, а Миша еще за нѣсколько минутъ счастливый и довольный, снова сумрачный и встревоженный сѣлъ на подоконникъ и задумался.

— Неушто же и въ самомъ дѣлѣ?—прошепталъ онъ вслухъ.— Не можетъ сего быть. Афонѣ отъ старости невѣсть что въ голову лѣзеть. А Кейкуатовъ? Все то же!

Спустившись внизъ, Миша не мало удивился, увидя отца вмѣстѣ съ гостями уже въ столовой. Графъ весело болталъ, шутилъ, рассказывалъ офицеру, какія у него гончія и борзья, рассказывалъ про придворную охоту, на которой присутствовалъ пажемъ при государѣ Петрѣ Федоровичѣ.

Молодой Калитинъ тоже весело и любезно спорилъ о чемъ-то съ Девьеромъ и добивался, чтобы графъ непременно обѣщалъ прѣхать куда-то.

— Вы увидите, какое поле мы устроимъ, — прибавилъ Калитинъ.

Старушка сидѣла довольная, глядѣла на обоихъ собесѣдниковъ и радовалась. Оба бесѣдовали, какъ если бы тому назадъ часъ ничего не случилось въ домѣ.

Черезъ нѣсколько времени Лукерья Павловна приказала закладывать свою карету; но графъ возсталъ противъ этого.

— Нѣту, сударушка, на радости, что мы съ вами покончили, я васъ ранѣе вечера не отпущу. Вы у меня откушаете, потомъ я вашему внуку покажу мой конный дворъ. А тамъ мы поужинаемъ и наливочки выпьемъ, сына моего поздравимъ. Онъ у меня, почитай, нареченный женихъ. А тамъ ужъ ввечеру вы и поѣдете.

— Темно будетъ,—заявилъ Калитикъ.

— Наплевать, что темно. Я вамъ шесть человѣкъ провожатыхъ съ фонарями дамъ. По дорогѣ будетъ свѣтло какъ днемъ. Не первый разъ мнѣ гостей отпускать въ ночь. Я вамъ свой конвой дамъ въ десятокъ человѣкъ.

Послѣ нѣкотораго препирательства гости согласились и остались, рѣшивъ выѣхать въ сумерки.

Миша былъ очень доволенъ, что гости останутся цѣлый день.

Онъ предполагалъ успѣть рассказать своей добръющей Лукерьѣ Павловнѣ, что каждый мигъ ожидаетъ господина Хераскова и что недалѣе какъ черезъ сутки онъ будетъ уже объявленъ жинихомъ своей Сони.

Гости прошли въ кабинетъ графа. Миша посидѣлъ съ гостями, но, посланный отцомъ зачѣмъ-то въ столовую, онъ наткнулся на Афанасія.

Суровое и озабоченное лицо старика удивило его.

— Ты что, Афоня?

— Что? Глупая твоя голова! Да все тоже. Вишь теперь до ночи ихъ оставилъ. Аль ты совсѣмъ махонькій? Вѣдь онъ строить.

— Что строить?

— Что? Вѣстимо дѣло, что. Строить имъ прихлопку. А я по сю пору ничего надумать не могу. Опять тебѣ говорю, мальчуганъ чортъ съ нимъ, онъ намъ чужой человѣкъ. А старушку-то больно жаль.

— Что же тутъ дѣлать,—развелъ руками Миша.—Я полагаю, Афоня, тебѣ все грезится.

— Ахъ ты, бездонная твоя голова. Младенецъ неповинный. Говори ты мнѣ, хочешь ты добръющую старушку отъ смерти упasti.

— Вѣстимо, Афоня.

— Ну такъ ладно, помни это. Будь ввечеру готовъ тайкомъ отъ отца, верхомъ садиться и скакать, сломя голову.

Миша вернулся къ гостямъ нѣсколько смущенный и озадаченный. Предложеніе дядьки его тревожило, потому что уѣхать безъ позволенія отца, да еще вечеромъ, было опасно.

— А помилуй Богъ,—думалъ молодой малый,—разгнѣвается въ этихъ-то обстоятельствахъ, когда каждую минуту можетъ пріѣхать Петръ Ивановичъ. За что же я себя загублю. Разгнѣвается и откажетъ Хераскову.

Графъ горячо спорилъ о чемъ-то съ офицеромъ, поэтому Миша подсѣлъ къ Калитиной и сталъ, говоря съ ней, глядѣть на нее съ участіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе дядьки казалось ему совершенно безмысленнымъ.

— Неужели же вотъ эту самую добрую старушку да убьютъ сегодня вечеромъ по приказанію родителя, ради возврата отданнаго ей сервиза?!

И Миша отчаянно таращилъ глаза на Лукерью Павловну, ѣжился на стулѣ, отдувался и вздыхалъ ежеминутно, какъ еслибъ ему было душно въ горницѣ.

Калитина невольно замѣтила, что-то особенное въ своемъ лю-бимцѣ.

— Что съ тобой, соколикъ-графчикъ?—спросила она.

— Ничего-съ!..

— Застудился что ли въ Валуйкахъ. Испей липоваго цвѣту

на ночь, да оботрися маковымъ маслицемъ. Особливо поясницу... Тебѣ дядька это сдѣлать можетъ...

А Миша вздохнулъ снова и подумалъ:

— Маковое маслице! Какое тутъ маслице... Ахъ, бѣдная! Не ушто ее убьютъ сегодня на дорогѣ.

Миша сталъ представлять себѣ, какъ молодцы отца нападутъ среди тьмы ночи на Калитиныхъ и какъ кто нибудь изъ нихъ выстрѣлитъ или пырнетъ ножомъ въ старушку... А тамъ ее найдутъ въ лѣсу, мертвую, хоронить будутъ... А душа ея пожалуй здѣсь въ Погромцѣ бродить по полуночи начнетъ и къ нему въ мезонинъ придетъ...

— Охъ, Господи! Страсти какія!—воскликнулъ Миша въ полголоса и, испугавъ старуху своимъ восклицаньемъ, безъ всякаго объясненія выскочилъ изъ горницы.

— Чудной онъ у васъ,—замѣтила Калитина графу.—А славный парень. Люблю я его.

Въ корридорѣ Миша наскочилъ на Афанасія, и дядька, ухвативъ его за руки, зашепталъ ему на ухо быстро и радостно.

— Ничего не будетъ! Я, Мишенька, отъ Кондратьева. Уломалъ. Усовѣстилъ. Обѣщается грѣха на душу не брать. На образъ божился.

— Что же? Что?..

— Офицера ухлопаютъ; сервизъ сграбятъ, а Лукерью Павловну будто ненарокомъ въ живыхъ оставятъ. Кондратьевъ говорить: дамъ ей тукманку легонькую въ затылокъ, она старая опалѣетъ на часъ времени, а послѣ отдышется. А я, молъ, скажу, барину—убили обѣхъ. Вотъ!

— Ну, слава Богу!—перекрестился Миша.

XIX.

Около сумерокъ карета Калитиной была уже подана, а два огромныхъ футляра съ многоцѣннымъ сервизомъ были въ нее поставлены и старушка начала собираться. Гостепріимный хозяинъ, графъ Антонъ Петровичъ, всякими любезностями затянулъ однако отъѣздъ гостей до наступленія ночи.

Онъ самъ повелъ старушку къ каретѣ, расцѣловался три раза съ молодымъ офицеромъ и окруженный десяткомъ своихъ дворовыхъ стоялъ у дверцы, покуда Калитины усаживались. Старушка обкладывала себя подушками, а офицеръ долго возился, не зная куда дѣвать, изъ-за футляровъ, свои ноги.

Вокругъ кареты было четверо верховыхъ съ большими фонарями на шестахъ, которые они высоко держали надъ головами. За каретой графъ хотѣлъ по обѣщанію отправить полдюжины

конвойныхъ; но молодой Калитинъ объяснилъ графу, что его званію офицера оскорбительна такая предосторожность.

— У насъ шалятъ на дорогахъ, грабителей много,—заявилъ теперь графъ.—А вѣдь у васъ, что въ каретѣ-то? Цѣлое состояніе.

— За то, графъ, у меня шпага и пистолеты.

— И! полно, молодецъ, хвастать да похваляться! Бери конвой,—сказалъ Девьеръ съ какимъ-то страннымъ смѣхомъ. Онъ вспомнилъ, какъ этимъ оружіемъ пугнулъ его молодой человѣкъ нѣсколько часовъ тому назадъ, и злоба шевельнулась въ немъ.

— Я не похваляюсь... отозвался Калитинъ.

— Это хорошо, продолжалъ графъ, на одного или двухъ человѣкъ. А какъ нагрянетъ дюжина грабителей, головорѣзовъ, такъ что же вы подѣлаете съ вашими двумя пистолетами?

— Коли двухъ застрѣлю—остальные не полѣзутъ, а бросятся въ разсыпную!—заявилъ Калитинъ.

— Бери лучше конвой,—снова шутливо предлагалъ Девьеръ.—Какой ты воинъ. Вы изъ пелёнокъ недавно.

Разумѣется, эти послѣднія слова заставили Калитина наотрѣзъ отказаться отъ предложенія.

— Благодарю и не допущу, графъ,—сурово отвѣтилъ онъ.—Я за бабушку и за сервисъ отвѣчаю. Вотъ фонари—это другое дѣло, пускай ѣдутъ передъ нами. Поѣдемъ шибче при огнѣ.

— Фонари тутъ не при чемъ, сударь мой,—снова подсмѣиваясь, настаивалъ Девьеръ.—Случись какая бѣда, шаркни кто изъ лѣсу, хоть медвѣдь что ли, такъ мои фонарщики, говорю тебѣ впередъ, побросаютъ свои огни и первые ускачутъ отъ кареты.

— Ну, и чортъ съ ними тогда. Мои пистолы отъ меня не ускачутъ!—отвѣчалъ офицеръ.

— Ишь вѣдь какой,—усмѣхнулся графъ, пожимая плечомъ.

И при этомъ лицо его оживилось довольствомъ.

Экипажъ съ четырьмя передовыми молодцами, освѣщавшими дорогу, загромыхалъ и двинулся рысцей со двора усадьбы.

Часа черезъ два послѣ проводовъ, карета старушки-помѣщицы уже тихо подпрыгивала и постукивала, тащась шагомъ по грязной осенней дорогѣ, пролегавшей по глухому лѣсу.

За все время молодой человѣкъ и старушка почти не сказали между собою ни слова. Лукерья Павловна начинала было бесѣду, но офицеръ отвѣчалъ односложно или отмалчивался. Кончилось тѣмъ, что старушка обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Не прихворнулъ ли ты, Вася?

— Нѣту,—угрюмо отозвался офицеръ.

Причина, побуждавшая молодого человѣка угрюмо молчать, была простая.

Молодецъ, видно, заднимъ умомъ былъ крѣпокъ и только теперь, вступивъ среди тьмы ночной въ дремучій лѣсъ, сталъ смутно

предчувствовать или догадываться... Онъ разбиралъ все поведеніе графа Девьера по ниточкѣ, все, что тотъ за весь день говорилъ, все, что тотъ дѣлалъ. Вопросы одинъ другого удивительнѣе задавалъ теперь себѣ молодой человѣкъ.

— Какъ было отдать сервизъ тысячъ въ семь, восемь вмѣсто долга въ три тысячи?—спрашивалъ онъ себя мысленно.—Зачѣмъ было задерживать насъ въ усадьбѣ до ночи? Почему было сегодня вечеромъ, ужъ коли такъ хозяинъ любезенъ, не попросить насъ остаться ночевать до завтрашняго утра? Зачѣмъ было любезно предлагать конвой, а вмѣстѣ съ тѣмъ подшучивать надъ нимъ при всей дворнѣ? Наконецъ главное: разные темные слухи, которые ходятъ про обонихъ графовъ Девьеровъ, что они на всякое худое способны.

Чѣмъ больше углублялась карета въ глухой лѣсъ, чѣмъ тише ѣхала, покачиваясь въ колеѣ, изрѣзанной большущими корнями столѣтнихъ деревьевъ, не позволявшими ѣхать рысью, тѣмъ сильнѣе овладѣвали молодымъ Калитинымъ смущеніе и какой-то суетвѣрный страхъ. «Шпага и два пистолета, что же это противъ десятка молодцевъ, которые могутъ напасть среди этого лѣса»? думалось ему. «Неужели же здѣсь, теперь, неожиданно-негаданно придется умереть, быть убитымъ?»

Молодой человѣкъ не выдержалъ и вдругъ, обернувшись къ старушкѣ, взялъ ее за руки, потянулъ къ себѣ и сталъ цѣловать ее.

— Что ты, родимый?!—воскликнула Лукерья Павловна.

— Простите, бабушка, я васъ погубилъ. И себя и васъ погубилъ. Я столичный житель... Мнѣ просто не въ домѣкъ было. Теперь вижу какая глушь тутъ и какая дорога... Все понялъ...

— Что ты, Христось съ тобой.

— Сердце мое чуетъ, бабушка, что поступилъ я какъ малый, неразумный дѣтенышъ. Хуже того. Поступилъ глупѣе, чѣмъ какая курица поступила бы. А теперь дѣло конченное.

— Да чего ты?—переспрашивала старушка.

— Опасаюсь я, бабушка, что подстроилъ намъ западню этотъ изувѣръ. Въ этомъ самомъ лѣсу грянуть на насъ его молодцы, отнимутъ сервизъ, да и насъ не пощадятъ, убьютъ.

Лукерья Павловна не отозвалась ни единымъ словомъ на рѣчи внука. И только черезъ минуту она вздохнула и вымолвила:

— А Богъ-то на что, Вася?!..

— Ахъ да, Богъ. Вѣстимо. Только на Бога-то, бабушка, надѣйся, а самъ-то не глупи. Дураковъ-то и Господь Богъ не защищаетъ!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Калитинъ.

Старушка не отвѣчала ничего, но послѣ небольшой паузы перекрестилась три раза, потомъ въ темнотѣ кареты перекрестила своего внука и произнесла:

— Вотъ, Вася, какъ передъ Богомъ скажу тебѣ. Все то ты пустяки болтаешь. Ничего худого съ нами не будетъ. У меня сердце

вѣрный податчикъ. За всю жизнь мнѣ все хорошее и худое подавало. И вотъ теперь, соколикъ мой, ничего-то оно мнѣ такого погибельнаго не сказываетъ. Доѣдемъ стало быть мы благополучно до двора.

— Давай Богъ!—отозвался молодой человѣкъ.

Но едва только успѣлъ онъ произнести это слово, какъ кучеръ съ козель экипажа крикнулъ испуганнымъ голосомъ:

— Что такое? Кто вы? Чего вамъ?

Словъ этихъ Калитинъ почти не понялъ, настолько взволновали они его сразу. Но онъ понялъ оттѣнокъ голоса кучера. Въ этомъ голосѣ былъ такой перепугъ, что, послѣ его двухчасоваго думанья объ опасности, эти нѣсколько словъ, сразу заставили встрепенуться все его существо, а сердце будто стукнуло, будто крикнуло:

— «Вотъ! Вотъ оно!»

Въ нѣсколько мгновений произошло нѣчто, чего Калитинъ долго не могъ забыть.

Передъ каретой на дорогѣ съ двухъ сторонъ появилось нѣсколько человѣкъ пѣшихъ и верховыхъ. Всадники бросились къ лошадямъ и схватили ихъ подъ уздцы. Пѣшіе были у дверецъ кареты, тащила кучера съ козель, боролись сзади съ лакеями, таща съ запятокъ.

Фонарички, заголосивъ благимъ матомъ, какъ бы по командѣ, ускакали по дорогѣ. Освѣщенная дотолѣ хоть мало, мѣстность сразу исчезла изъ глазъ и все погрузилось во тьму. И среди этого непроницаемаго мрака ночи шла отчаянная свалка. Калитинъ слышалъ топотъ скачущихъ и удаляющихся коней, воли перепуганныхъ людей и ждалъ... Дверца кареты съ его стороны отворилась. Онъ увидѣлъ и различилъ смутно движущіяся фигуры. Ихъ было нѣсколько. Онъ напрягъ зрѣніе и сталъ различать все яснѣе.

— Вылѣзай, вы!—крикнулъ кто-то молодому человѣку и чья-то рука протянулась въ карету, схватила офицера за обшлагъ мундира и потащила на себя.

Пистолеты офицера уже были наготовѣ, но сжаты между коленами. Сберегая выстрѣлы, онъ наудачу изъ всей силы ткнулъ шпагой въ налѣзавшаго.

Фигура дико рывкнула, застонала и повалилась на землю. Но, вслѣдъ за упавшимъ, другой бросился въ карету, а со стороны Калитиной тоже растворилась дверка и тоже лѣзъ другой человѣкъ.

— Не тронь. Вишь топорь!—прооралъ голосъ кучера.

Калитину показалось, что топоръ простучалъ по кузову кареты, а мгновение спустя зазвенѣлъ на чемъ-то другомъ. Кучеръ рубиль... Снова пронесся стонъ и снова кто-то повалился на дорогу.

Офицеръ взялся за пистолеты и выпалилъ мимо старушки въ человѣка, влѣзавшаго съ ея стороны. Фигура безъ крика, безъ единого звука кубаремъ вывалилась на дорогу.

— Что же дѣлать?—быстро, какъ молнія, мелькнуло въ головѣ офицера: что же дѣлать? Остался одинъ выстрѣлъ!

Но въ тотъ же моментъ съ обѣихъ сторонъ кареты появилось еще больше народа. Крики, гвалтъ и сумятица усилились. Завязалась остервенѣлая схватка. Но въ карету не лѣзъ никто.

Молодой человѣкъ глядѣлъ во всѣ глаза и ничего не могъ понять. Наконецъ онъ услышалъ слова:

— Ахъ, вы злодѣи! Разбойники! Грабили вѣдь, грабили! Въ топоры ихъ! Валяй. Не жалѣй. До смерти. Въ топоры!

Не сразу понялъ молодой человѣкъ, что вокругъ ихъ экипажа происходитъ борьба изъ-за нихъ и что кто-то одолѣваетъ, кто-то кого-то валить, бьетъ и приказываетъ вязать. Но кто?!

Калитинъ держалъ въ рукахъ пистолетъ наготовѣ, чтобы стрѣлять въ первую фигуру, которая двинется ближе и снова полѣзетъ въ экипажъ.

И вотъ высокая фигура движется прямо къ каретѣ, подходит къ самой дверцѣ. Калитинъ хочетъ уже выпалить, но снова его удерживаетъ мысль:

— «Вѣдь послѣдній, послѣдній выстрѣлъ. Потомъ-то что же?»

— Убью, не подходи!—крикнулъ онъ во все горло.

— Небось. Я не изъ грабителей. Ихъ одолѣли. Кто вы такіе?—отзывается голосъ.—На васъ напали? Разбойники?

Молодой человѣкъ невольно опустилъ пистолетъ, но, еще ничего не понимая, не отвѣчалъ ни слова.

— Кто вы такіе? Куда ѣдете? Что тутъ было? Грабить вѣдь васъ собирались?

— Да, грабить. Кто вы?

— Я помѣщикъ здѣшній. Херасковъ. Вы кто такіе?

Этого слова было достаточно. Калитинъ бросилъ пистолетъ и выскочилъ вонъ изъ кареты.

XX.

Оказалось, что дворянинъ Петръ Ивановичъ Херасковъ, по пути въ село Погромецъ къ графу Девьеру, съ сумерекъ и до ночи застрѣлъ въ лѣсу. По дорогѣ экипажъ Хераскова сломался, и онъ просидѣлъ среди лѣса нѣсколько часовъ, пока люди не съѣздили въ сосѣднюю деревушку. Они вернулись съ мужиками и телѣгами, въ которыхъ Херасковъ переложилъ свое имущество и двинулся далѣе.

Но тутъ, едва только тронулся онъ съ мѣста, какъ услышалъ выстрѣлъ и крики и тотчасъ же бросился съ своими людьми и въ сопровожденіи десятка крестьянъ, которыхъ созвали, чтобы охранять до утра его покинутый экипажъ. И вся гурьба бросилась на помощь, вѣрно предполагивъ нападеніе на проѣзжихъ.

Узнавъ, что передъ нимъ стоитъ офицеръ Калитинъ, Херасковъ спросилъ, не родня ли онъ Лукерья Павловнѣ?

— Какже-съ. Да мы же это и есть. Бабушка вотъ въ каретѣ.

Тутъ только вспомнивъ о бабушкѣ, офицеръ бросился къ ней. Старушка лежала безъ движенія и безъ сознанія.

— Что такое? Помилуй Богъ, — закричалъ Калитинъ. — Ужъ не ранили ли, не убили ли?

По счастью скоро выяснилось, что со старушкою отъ испуга сдѣлался обморокъ. Не скоро пришла она въ себя и очнувшись глядѣла странными глазами...

Кто-то изъ народа, прибѣжавшаго съ Херасковымъ, разыскалъ брошенный на дорогѣ фонарь и его зажгли. Снова дорога, лѣсъ и экипажъ были освѣщены.

Тутъ только вполнѣ сознательно осмотрѣлся молодой человекъ и узналъ все происшедшее.

Оказалось, что шесть человекъ разбойниковъ, лошади которыхъ бродили вблизи дороги, были всѣ въ рукахъ у проезжихъ. Двое изъ нихъ лежало на землѣ, одинъ мертвый, другой тяжело раненый, а четверо легко пораненные топорами были связаны по рукамъ и по ногамъ. Остальные скрылись.

— Всѣхъ была куча! — заявилъ Херасковъ, — но многіе уползли шибко раненые.

Послѣ минутнаго совѣщанія, Херасковъ посовѣтывалъ, чтобы Калитины продолжали путешествіе, взявъ съ собою въ охрану крестьянъ, чтобы выбраться благополучно изъ лѣсу. Самъ же Херасковъ рѣшилъ, переложивъ всѣ свои вещи на одну телѣгу, въ другую положить захваченныхъ разбойниковъ и продолжать свой путь въ Погромецъ.

— А тамъ я, при помощи графа Девьера, отправлю ихъ въ городъ, — сказалъ онъ.

— Лучше и не надо! Лучше не выдумашь! — отозвался грубо одинъ изъ связанныхъ молодцевъ. И онъ злобно расхохотался.

Калитины, горячо отблагодаривъ своего спасителя, двинулись далѣе, окруженные гурьбой мужиковъ съ топорами и дубинами въ рукахъ. Люди Хераскова освободили немножко вторую телѣгу отъ вещей и положили въ нее кучей четырехъ связанныхъ молодцевъ.

— Эдакъ на базаръ телятъ да свиней возять! — подшутилъ лакей Хераскова.

Убитаго никто не тронулъ и даже не убралъ съ дороги. Раненаго оттащили въ сторону, и Херасковъ выговорилъ гнѣвно:

— Ну, околѣвай, пѣсъ. Вашему брату хоть тоже велить помогать Господь въ Писанія своемъ, да я, грѣшный человекъ, сердоболія на себя не возьму. Есть такіе грѣхи, которые на пользу добрымъ людямъ. Спасеть тебя кто, тѣмъ лучше. Подохнешь — туда тебѣ и дорога.

И черезъ нѣсколько времени двѣ телѣги, въ которыхъ ѣхалъ Херасковъ съ людьми и везли захваченныхъ грабителей, двинулись въ противоположную сторону.

На дворѣ было все еще темно и до разсвѣта далеко, когда дворянинъ Херасковъ вѣхалъ во дворъ усадьбы графа Девьера. Онъ приказалъ телѣгу съ разбойниками оставить въ деревнѣ на отвѣтственности бурмистра. Къ телѣгѣ онъ приставилъ карауломъ двухъ человекъ изъ своихъ дворовыхъ, а третій былъ верхомъ отправленъ въ Валуйки донести тотчасъ начальству и требовать солдатъ для полученія съ рукъ на руки злодѣевъ.

Затѣмъ Херасковъ уже самъ подѣхалъ къ крыльцу усадьбы графа. Онъ приказалъ не будить хозяина, такъ какъ и самъ, утомившись отъ пути и отъ всѣхъ приключеній, желалъ заснуть.

Дѣйствительно, едва только раздѣлся онъ и легъ въ постель той самой горницы, гдѣ наканунѣ жили Калитины, какъ заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Но не успѣлъ выспаться дворянинъ Херасковъ.

Чуть брезжилъ свѣтъ въ окнахъ, когда въ горницу явился самъ хозяинъ и сталъ будить его.

— Вставай, гость нежданнй, — говорилъ графъ Девьеръ, и голосъ его былъ не мягокъ, а показался проснувшемуся прѣзжему даже грубымъ.

Херасковъ приподнялся съ постели, протирая глаза.

— Прости, что разбудилъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Виновать не я. Наболванилъ ты, себя и вина.

— Что? — вымолвилъ, изумляясь и отчасти холодно, Херасковъ.

— Наболванилъ, говорю...

— Что ты, графъ. Иль ума рѣшился?

— Ну, одѣвайся и приходи ко мнѣ, Илья богатырь, лѣсной добродѣй. Перетолкуемъ и увидимъ, что намъ дѣлать.

И Девьеръ, повернувшись на каблукахъ, вышелъ вонъ изъ горницы, сильно хлопнувъ за собой дверью.

Херасковъ просидѣлъ нѣсколько мгновеній въ постели, недомѣвая. Затѣмъ будто какая-то догадка пришла ему въ голову. Но онъ выговорилъ вслухъ:

— Фу! вздоръ какой. Нѣшто это можетъ быть. Слухи есть, да неужели же такъ потрафилось? Да вѣдь сервизъ-то его, говорилъ офицеръ. Вѣдь офицеръ валилъ на него. Правда, обинякомъ, но я такъ понялъ. А теперъ этотъ злится и лѣзетъ на меня. Что за притча?!

Херасковъ быстро одѣлся и не прошло четверти часа, какъ онъ уже былъ въ кабинетѣ Девьера.

— Садись, будь все-таки гостемъ, милости просимъ, — рѣзко выговорилъ Девьеръ. — Я уже увѣдомленъ о твоёмъ приключеніи, какъ ты ночнымъ спасителемъ сдѣлался. Только не осуди за правдивое

слово. Не очень разумно, сударь ты мой, бухать въ колоколь, не глядя въ святцы, да въ будничнй день трезвонъ воскреснй разводитъ на всю деревню. Ты кого привезъ-то, кого захватилъ якобы разбойниковъ?

— Якобы, — произнесъ Херасковъ. — Хорошо, господинъ графъ, это слово «якобы». Вѣдь я подоспѣлъ, когда Калитинъ уже двухъ уложилъ.

— Чтожъ изъ этого? Нѣшто не могъ трусливый щенокъ зря палить по проѣзжимъ. Какъ онъ еще тебя не ухлопалъ, сдуру, да въ темнотѣ.

— Да ты дай разсказать, графъ.

— Разсказывай, послушаемъ, — разсмѣялся досадливо Девьеръ.

Херасковъ подробно разсказалъ все происшествіе, начавъ со случая съ его экипажемъ, у котораго разсыпалось колесо и окончивъ проводами Калитиныхъ, которымъ онъ далъ конвоемъ крестьянъ, пригнанныхъ изъ деревни.

— Что же, не разбойники, по твоему, — прибавилъ онъ.

— Вѣстимо, нѣтъ. Да что съ тобой толковать! — вдругъ воскликнулъ Девьеръ. — Знаешь ли ты, кто эти люди, что ты перевязалъ и сюда доставилъ? Это мои люди. За тѣхъ двухъ, что вы убили, вы отвѣтъ дадите. А этихъ четырехъ я уже указалъ освободить.

— Какъ освободить? Что ты?

— Да такъ. Нечего переспрашивать. Иль ты махонькій, иль ты русской рѣчи не разумѣешь. Моихъ освободили, а твоихъ стражниковъ перевязали, да на ихъ мѣсто положили. Я такъ этого дѣла не оставлю. Двухъ людей убили, четырехъ якобы разбойниковъ связали, всѣхъ коней распустили. Гдѣ я ихъ теперь отыщу? Ихъ безпремѣнно покрали, да угнали твои же мужики, Калитинскіе конвоиры. Нѣтъ, сударь мой, я этого дѣла безъ отместки пропустить не могу. Ты можешь сейчасъ же съѣзжать съ моего двора. А я твоихъ разбойниковъ холоповъ повезу въ Валуйки.

— Такъ люди, графъ, были твои? — протяжно, съ разстановкой выговорилъ Херасковъ.

— Мои, мои.

— И ты сего не таишь, прямо самъ сказываешь?

— А то не сказывать? Почему же не сказывать? Прямо сказываю. И ѣду, тебѣ говорятъ, прямо въ земскій судъ въ Валуйки. Я не позволю себя порочить зря... Моихъ людей дворовыхъ выдавать за грабителей! Что надумалъ!

Херасковъ всталъ съ мѣста, пріосанился и выговорилъ, сурово глядя на Девьера:

— Ладно. Такъ поѣдемъ. Вмѣстѣ поѣдемъ. Я такъ и быть уже въ телѣгѣ поѣду. Не вмѣстѣ же намъ ѣхать судиться. Это дѣло надо доподлинно разъяснить.

Херасковъ вышелъ изъ кабинета хозяина, зашелъ въ горницу,

одѣлся и, выйдя на дворъ усадьбы, приказалъ попавшемуся на встрѣчу человѣку закладывать свою телѣгу и выѣзжать за нимъ на деревню. Онъ не хотѣлъ ни минуты оставаться въ домѣ Девьера.

Еще телѣга не была готова и подана, когда мимо него въ каретѣ четверней великолѣпныхъ лошадей проѣхалъ графъ. За нимъ въ бричкѣ везли связанныхъ двухъ дворовыхъ человѣкъ Хераскова, которыхъ онъ поставилъ сторожами въ деревнѣ.

Графъ низко раскланялся съ дворяниномъ Херасковымъ изъ окна кареты и, насмѣшливо улыбаясь, проговорилъ:

— До свиданія, сударь мой. Нонѣ или завтра свидимся. Я тебя выучу разбойничать!—крикнулъ онъ, высунувшись изъ экипажа, когда карета уже проѣхала мимо.

Херасковъ не разсердился, улыбнулся и покачалъ головой.

— Что же это? И впрямь разбойникъ голый. Ну, братецъ мой, не сдобровать тебѣ. Мнѣ такъ сдается, пришелъ твой конецъ отъ важничать.

Но вдругъ дворянинъ остановился и ахнулъ.

— Ахъ ты, Господи! Главное-то и позабылъ. Что же теперь дѣлать? Ахъ, Соничка, Соничка! Вотъ приключеніе-то. Да.

Херасковъ остановился и стоялъ задумчиво, разводя руками.

— Да. Вотъ такъ посватался!—произнесъ онъ наконецъ.—Вотъ тебѣ и сватовство! Вотъ тебѣ и свадьба! Что же теперь дѣлать?

Въ это время подѣхала телѣжка. Херасковъ сѣлъ въ нее и крикнулъ:

— Въ Валуйки! Да погоняй!..

А черезъ нѣсколько мгновеній онъ снова выговорилъ вслухъ:

— Да, посватался. Ай да свать!

XXI.

Скверная дорога, тихая ѣзда и довольно далекое разстояніе до города дали возможность графу Девьеру достаточно пораздумать о своихъ дѣлахъ и обсудить свое новое положеніе.

До сихъ поръ въ продолженіе чуть ли не десяти лѣтъ многіе его и братнины шалости и проказы, какъ они называли свои поступки, все сходили съ рукъ. Но братья не замѣтили, что подъ вліяніемъ удачи они становились все смѣлѣе и дерзче въ своихъ дѣяніяхъ.

Тому назадь года два никогда бы не рѣшились они напасть и ограбить когонибудь изъ сановниковъ, ѣдущихъ въ вотчину изъ столицы. Только въ силу привычки, что все сходило съ рукъ кончили они такими смѣлыми выходками.

И вотъ теперь какъ-то почти неожиданно и негаданно у графа Антона Петровича Девьера было на рукахъ два крупныхъ дѣла:

ограбленіе столичнаго князя и нападеніе на всѣми уважаемую мѣстную дворянку.

Вдобавокъ на этотъ разъ у него явился обвинитель въ лицѣ упрямаго, умнаго и, на его несчастіе, всѣми уважаемаго, доблестнаго дворянина.

Чѣмъ ближе приближался графъ Девьеръ къ Валуйкамъ, тѣмъ болѣе смущался. Хорошо, если можно будетъ задобрить и подкупить мѣстное уѣздное начальство и мѣстнаго предводителя Шидловскаго.

А если Валуйскія власти побоятся и князя Кейкуатова и Хераскова? А главное—два дѣла. Заразъ два.

Глубоко задумавшись, Девьеръ не замѣтилъ, какъ приблизился къ городку. Онъ очнулся, когда направо и налево показались кузицы и избенки.

Карета поѣхала шагомъ, такъ какъ дорога стала еще хуже. Улицы маленькаго, грязнаго и сѣренькаго городишки были въ несравненно худшемъ положеніи, нежели глухіе проселки. Такъ было во всѣхъ городахъ и городишкахъ всей имперіи. Когда въ маѣ мѣсяцѣ во всѣхъ проселкахъ уже бывало сухо и проѣзды были легки, въ такихъ городишкахъ, какъ Валуйки, еще стояли непролазныя лужи и топи.

Повернувъ за уголъ на большую улицу, примыкавшую къ мѣстному собору, Девьеръ выглянулъ и ахнулъ.

— Это что такое?

Онъ посмотрѣлъ въ окно, потомъ въ другое и еще болѣе изумился. На всемъ протяженіи улицы, почти черезъ домъ или два, у каждаго воротъ стоялъ большой рыдванъ, или коляска, телѣжка, фургонъ...

Въ Валуйкахъ былъ очевидно съѣздъ дворянъ. Оживленіе было особенное. На улицѣ сновали дворовые проѣзжихъ, точь въ точь, какъ бывало, когда собиралось все уѣздное дворянство на выборы.

— Что за притча!—воскликнулъ Девьеръ вслухъ.—Иль въ имперіи приключилось что неожиданное? Не императрица ли померла? Иль война какая? Да мнѣ ничего не давали знать. Чудно!

Карета двигалась еле-еле, покачиваясь изъ стороны въ сторону, подпрыгивая на рытвинахъ, а графъ сидѣлъ и горѣлъ какъ на угольяхъ. Нетерпѣніе его достигло высшей степени. Еслибы не грязь по колѣно, онъ выскочилъ бы изъ экипажа и вбѣжалъ въ ближайшій домикъ спросить перваго попавшагося, что значитъ этотъ съѣздъ въ городѣ.

Но вотъ, на его счастье, изъ какого-то переулка выѣхала телѣжка, и въ ней сидитъ офицеръ. Онъ ѣдетъ на встрѣчу.

— Спрошу,—сказалъ Девьеръ.—Онъ долженъ знать.

Когда экипажи повстрѣчались, Девьеръ крикнулъ кучеру:

— Стой!

И, поклонившись молодому красивому офицеру въ гвардейской формѣ, онъ обратился съ вопросомъ:

— Позвольте, государь мой, спросить. Не терпится мнѣ узнать. Чтò за причина сего необычнаго людства въ городѣ?!

Офицеръ вѣжливо раскланялся и, улыбаясь, выговорилъ:

— Неожиданный съѣздъ. По приглашенію генераль-губернатора созваны сюда не только валуйскіе дворяне, а даже изъ другихъ уѣздовъ. Вотъ я всего двѣ недѣли какъ изъ столицы пріѣхалъ въ вотчину къ матушкѣ на побывку. А вмѣсто отдыха попалъ вотъ въ эту труппу и сижу здѣсь третій день,—разсмѣялся офицеръ.

— Да что же за причина?—спросилъ Девьеръ.

— Ахъ, вы, стало быть, проѣзжій, не здѣшній помѣщикъ, не знаете. Съѣздъ дворянскій, что бы обсудить важнѣющее дѣло. Одно изъ своихъ, такъ выразиться надо, братьевъ-дворянъ разсуживать будутъ за противныя дѣйствія.

— Кого же, позвольте узнать?..

— Здѣшняго помѣщика, графа Девьера.

— Чтò?—едва слышно, шопотомъ, какъ бы самъ себя, произнесъ Девьеръ.

Слово было сказано такъ тихо, что, сидѣвшій за сажень отъ него въ телѣжкѣ, офицеръ даже не могъ ничего разслышать. Онъ поклонился, считая бесѣду оконченной и велѣлъ кучеру ѣхать.

Графъ ни слова не сказалъ своимъ людямъ, и карета его стояла, не двигаясь, среди улицы. Антонъ Петровичъ сидѣлъ въ ней не только блѣдный, но съ зеленоватымъ лицомъ, распавшимся ртомъ, а глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

Онъ что-то шепталъ какъ полупомѣшанный, что-то спрашивалъ, самъ отвѣчалъ, путался въ словахъ. Онъ имѣлъ видъ не только потерявшагося человѣка, но помѣшаннаго.

Однако натура взяла свое. Прирожденная дерзость и самоувѣренность проснулись тотчасъ же. Онъ потеръ себѣ лобъ рукой, тряхнулъ головой и довольно спокойнымъ голосомъ крикнулъ кучеру:

— Пошелъ прямо къ дому предводителя!..

Черезъ нѣсколько минутъ карета Девьера остановилась около дома лучше другихъ на видъ, который принадлежалъ предводителю дворянства Шидловскому.

Поравнявшись съ воротами, Девьеръ увидалъ на дворѣ дома четыре красивыхъ экипажа. Онъ вошелъ, велѣлъ о себѣ доложить и ждалъ въ передней.

Когда онъ вошелъ, въ горницахъ дома слышался гулъ голосовъ, по крайней мѣрѣ, полдюжины гостей. Когда же лакей, отправившійся докладывать о немъ, достигъ этихъ горницъ, шумъ и гулъ сразу прекратились и наступила мертвая тишина.

Послѣ этой паузы послышался сдержанный смѣхъ, но веселый,

звонкій. Черезъ мгновеніе вышелъ въ прихожую предводитель, но какой-то смущенный, и съ растеряннымъ видомъ сталъ мѣшковато просить Девьера пожаловать.

Самъ того не зная и не желая, будто ведѣніемъ судьбы, графъ Девьеръ попалъ въ тотъ домъ, гдѣ остановились пріѣзжіе: губернаторскій товарищъ Солнцевъ, предсѣдатель уголовной палаты Карташевъ, а съ ними нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ второстепенныхъ властей.

Едва Девьеръ вошелъ въ гостиную, какъ «поручикъ правителя» Солнцевъ поднялся на встрѣчу гостю и не здороваясь, не подавая руки, произнесъ:

— По видимости, графъ, вы пріѣхали по собственнымъ причинамъ, такъ какъ я долженъ былъ послать за вами только сегодня вечеромъ. А если вы пріѣхали случайно, то, стало быть, не знаете, не вѣдаете ничего касательно своей особы.

— Да что же мнѣ вѣдать?—съ легкимъ волненіемъ, но дерзко отозвался Девьеръ, мѣряя глазами обступившую его кучку гостей.

Солнцевъ заговорилъ медленно и официально:

— Я вамъ поясню. По указу генераль-губернатора Василя Андреевича Черткова и по порученію правителя Воронежскаго намѣстничества Осипа Ивановича Хорвата, я, поручикъ правителя, командированъ сюда. Въ ордерѣ, данномъ мнѣ совместно съ г. предсѣдателемъ уголовной палаты, Карташевымъ, указано было пригласить на съѣздъ въ Валуйки предводителей Воронежскаго намѣстничества, господъ: Карабанова, Тевяшева, Станкевича, Цурикова, Веригина, Донецъ-Захаржевскаго и Веневитинова. вмѣстѣ съ ними указано мнѣ было прибыть на мѣсто для строжайшаго разслѣдованія дѣла, всѣмъ невѣроятнаго, всему дворянству поразительнаго! Князь Кейкуатовъ, находящійся теперь здѣсь, жаловался генераль-губернатору на ограбленіе его ночью на трактѣ изъ Острогжска въ Валуйки и обвиняетъ при семъ васъ, графъ.

— Что же? Онъ въ бѣлой горячкѣ, видно...—выговорилъ Девьеръ сдавленнымъ голосомъ.

— У него есть свидѣтель, очевидецъ. И этотъ-то очевидецъ и показываетъ противъ васъ. Вашъ же дворовый, Телятевъ именемъ. Онъ цѣловалъ въ церкви крестъ и евангеліе предъ показаніемъ всего до васъ относящагося.

Девьеръ поблѣднѣлъ какъ полотно и не отвѣчалъ ни слова. Его лицо и его фигура все сказали ясно и неопровержимо гурьбѣ обступившихъ его дворянъ.

Поручикъ правителя обернулся ко всѣмъ и произнесъ:

— Позвольте мнѣ узнать ваше мнѣніе. Я бы полагалъ просить графа Девьера расположиться во флигелѣ дома господина Шидловскаго, по близости къ намъ, впредь до разсмотрѣнія всего дѣла.

— Конечно.

— Разумѣтся.
 — Вѣстимое дѣло,—отозвалось нѣсколько человѣкъ.
 — У меня есть свой постоянный дворъ, гдѣ я всегда останавливаюсь,—вымолвилъ Девьеръ тѣмъ же сдавленнымъ глухимъ голосомъ, только глаза его страшно сверкали.
 — Здѣсь будетъ удобнѣе,—отозвался Солнцева.
 — Я не желаю. Я желаю остановиться тамъ, гдѣ всегда останавливаюсь,—произнесъ Девьеръ громче.
 — Въ такомъ случаѣ,—тоже громче заговорилъ Солнцева,—по власти мнѣ данной господиномъ генераль-губернаторомъ черезъ правителя Воронежскаго намѣстничества, я объявляю васъ арестованнымъ и указываю вамъ на жительство флигель господина предводителя.

Девьеръ сдѣлалъ движеніе, Солнцева продолжалъ спокойно и холодно.

— Полноте, графъ, не вздумайте сопротивляться. Это будетъ малодушнымъ поступкомъ. У насъ здѣсь есть команда. Да если бы ее и не было, то мы дворовыми людьми можемъ ваставить васъ исполнить приказаніе, идущее свыше. Я долженъ былъ нынче вечеромъ послать къ вамъ въ Погромецъ отдѣленіе изъ двухъ чиновниковъ, офицера и команды, чтобы привезти васъ сюда. Вы пожаловали сами, тѣмъ лучше. Менѣе зазорно, менѣе сраму. Теперь же покорнѣйше приглашаю васъ отправиться во флигель и расположиться тамъ. Съ завтрашняго утра мы начнемъ разслѣдованіе дѣла. Князь Кейкуатовъ живетъ напротивъ, а вашъ дворовый Телятевъ у него, уже двигается, хотя съ трудомъ. И все дѣло не замедлитъ разясниться.

Девьеръ стоялъ, какъ истуканъ, блѣдный, опустивъ голову, руки его дрожали. Онъ какъ бы начиналъ терять сознаніе того, что слышитъ и видитъ.

Онъ не помнилъ, какъ кто-то, а это былъ предводитель Шидловскій, взялъ его подъ руку, вывелъ изъ дома, проводилъ черезъ дворъ и ввелъ во флигель.

XXII.

Когда Девьеръ пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что стоитъ среди большой горницы, совершенно пустой, за исключеніемъ дюжины соломенныхъ стульевъ. Въ комнатѣ было очень свѣжо. Какой-то мужикъ растапливалъ печь. Дрова трещали, пламя гудѣло.

Девьеръ выглянулъ въ окно. У крыльца флигеля, гдѣ онъ очутился, стояли два солдата съ ружьями.

— Это что?—будто крикнулъ ему кто-то или какъ бы стукнуло, ударило его по сердцу. Кровь хлынула ему въ голову и загудѣло въ ушахъ.

— Что это такое тутъ?—воскликнулъ онъ, показывая въ окно.— Зачѣмъ это? Кто это?— обернулся онъ къ истопнику.

— Вамъ чего, баринъ?— глухо откликнулся тотъ.

— Кто это у крыльца? У дверей солдаты. Зачѣмъ?

— Не могу знать, баринъ. Сейчасъ поставили. Меня сначала тоже не хотѣли пропускать съ дровами, да указъ вышелъ отъ господъ губернскихъ меня одного пропустить, а болѣ никого. Если вамъ что понадобится, вы токмо кулачкомъ постучите вотъ въ стѣнку, я сейчасъ и прибѣгу...

— А мои люди?

— Не приказано пущать никого. Я вамъ все услужу, вы будьте спокойны. Только въ стѣнку вотъ... кулачкомъ...

— Господи!—простоналъ Девьеръ, потомъ шагнулъ, уцѣпился за попавшійся стулъ и упалъ на него въ изнеможеніи.

— Не боюсь! Не дамся! Врете! Телятевъ. Что мнѣ Телятевъ? Врете. Бараны! Ослы! Вамъ ли со мною справиться?—шепталъ онъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ силы все болѣе оставляли его, и онъ началъ какъ-то сипло дышать. Но вдругъ онъ снова вскочилъ со стула и бросился къ окну.

— И этоть... О, дьяволы!—проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

На дворъ предводителя въѣхалъ дворянинъ Херасковъ и, выйдя изъ телѣги, вошелъ въ домъ.

Разслѣдованіе дѣла о нападеніи графа Девьера на князя Кейкуатова началось въ тотъ же день. Но приѣхавшій дворянинъ Херасковъ заявилъ другое дѣло, тоже до властей касающееся.

Явились уже два дѣла, которыя приходилось одновременно разслѣдовать. Черезъ сутки появился еще новый обвинитель и очевидецъ, молодой офицеръ Калитинъ, вызванный Херасковымъ.

Такимъ образомъ были два свидѣтеля, очевидца: раненый, но выздоравливающій конюхъ Телятевъ и дворянинъ Херасковъ. Имъ въ помощь явились ограбленный князь Кейкуатовъ и, избѣгнувшій случайно ограбленія, а быть можетъ, и смертоубійства, офицеръ Калитинъ.

Каждый день засѣдала комиссія изъ предводителей дворянства и предсѣдателя уголовной палаты.

Графъ Девьеръ, изъ-подъ ареста, являлся на допросы всегда при двухъ солдатахъ, которые смѣнялись на часахъ у крыльца домика.

Всякій день разсылались гонцы въ разныя стороны и всякій день появлялись новыя причастныя къ дѣлу лица и свидѣтели. Вся конная команда графа Девьера была уже на лицо въ Валуйкахъ.

Вмѣстѣ съ ними явился изъ Погромца и Миша, испуганный, потерянный.

Ему позволили повидаться съ отцомъ въ присутствіи предводителя Шидловскаго, но затѣмъ просили поселиться въ другомъ домѣ.

Черезъ недѣлю все, что было въ Валуйкахъ дворянъ, сразу поднялось. Лошади были заложены, и цѣлая вереница экипажей въ пятнадцать шагомъ двинулась изъ Валукъ въ городъ Воронежъ.

Впереди ѣхалъ поручикъ правителя, Солнцевъ, за нимъ въ своей каретѣ, но съ двумя солдатами на запяткахъ и съ унтеръ-офицеромъ на козлахъ, графъ Девьеръ. За его каретой протянулся весь поѣздъ экипажей господъ предводителей Воронежскаго намѣстничества.

Черезъ сутки ѣзды по непроходимой топи и гряи всѣ въѣхали въ губерскій городъ. Графъ Девьеръ былъ поселенъ подъ стражей на постояломъ дворѣ, но ровно черезъ сутки былъ переведенъ въ мѣстный острогъ.

Со словъ правителя намѣстничества Хорвата, всѣ ужъ знали и говорили, что графъ Антонъ Петровичъ Девьеръ будетъ лишонъ правъ состоянія и наказанъ ссылкой въ Сибирь.

Поручикъ правителя доложилъ все дѣло намѣстнику, намѣстникъ послалъ съ бумагами верхового гонца къ генераль-губернатору. Черезъ двое сутокъ поручикъ правителя получилъ строжайшій выговоръ съ угрозой быть отставленнымъ отъ должности и службы. Онъ сдѣлалъ непростительный промахъ, не вызвавъ къ разслѣдованію дѣла брата подсудимаго, графа Михаила Петровича Девьера.

И теперь Солнцеву строжайше предписывалось единымъ духомъ и «по всей скорости, въ обстоятельствахъ возможной», взять отрядъ изъ Воронежскаго Напольнаго полка, посадить всѣхъ на обывательскихъ коней, самому принять команду надъ ними и скакать въ Придонскъ.

Правитель намѣстничества объяснилъ своему товарищу, что онъ долженъ дѣйствовать рѣшительно и круто, и исполнить два порученія. Одно легкое, другое мудреное.

Первымъ дѣломъ предписывалось ему арестовать графа Михаила Петровича Девьера и въ экипажѣ подъ конвоемъ вооруженныхъ солдатъ доставить въ Воронежъ.

Второе заключалось въ томъ, чтобы заняться обслѣдованіемъ всей мѣстности въ вотчинѣ и разузнать посредствомъ разспросовъ, и даже пристрастія и батовъ, точно ли существуетъ въ Придонскѣ большое подземелье.

Если таковое найдется, то освидѣтельствовать его подробно и донести, что окажется. Если будетъ сопротивленіе со стороны дворовыхъ или крестьянъ графа Михаила Девьера, то не затрудняться. Дѣйствовать угрозами и розгами, а если то не поможетъ, то дозволялось «почести все село за бунтовщицые» и поступать со всѣми яко съ бунторми, укромая огнестрѣльнымъ оружіемъ.

XXIII.

Многочисленная команда пѣшихъ солдатъ на коняхъ со всякими смѣшными и забавными приключеніями шумно, говорливо, даже какъ-то весело, поскакала изъ Воронежа въ Острогожскъ, а изъ городка, отдохнувъ ночь, прямо въ вотчину графа Михаила Девьера.

Когда порутчикъ правителя прямо прискакалъ на дворъ барской усадьбы, то его поразила чрезвычайная тишина и безлюдье какъ на деревнѣ, такъ въ особенности въ усадьбѣ. Не смотря на шумъ и гвалтъ, произведенные всей командой, никто не являлся къ нимъ на встрѣчу.

Солнцевъ вошелъ въ домъ. Домъ былъ пустъ. Онъ послалъ солдатъ въ флигель, вездѣ все было пусто.

— Что за диковина! — воскликнулъ онъ. — Точно вымерла вся усадьба.

Но тутъ Солнцевъ вспомнилъ вдругъ, что говорилъ ему при слѣдствіи раненый конюхъ.

«Баринъ графъ Михайло Петровичъ коли захочетъ», — говорилъ Телятевъ, — «то можетъ со всей своей дворней и со всѣми пожитками укрыться въ оное подземелье, такъ какъ оно, сказываютъ, большущее».

Солнцевъ тотчасъ же отрядилъ нѣсколько человѣкъ на село, дабы притащить кого либо изъ крестьянъ.

Когда солдаты привели сѣдого какъ лунь старика-крестьянина, Солнцевъ взялъ его въ домъ, обласкалъ и объяснилъ:

— Ничего, не пужайся, вамъ ничего не будетъ. У насъ дѣло до одного вашего помѣщика. Ему можетъ быть худо, а вамъ отъ того ничего не приключится.

Старикъ лѣтъ девяноста, но бодрый и умный, смѣло и твердо объяснилъ начальству, что онъ готовъ всячески служить.

— Есть у васъ, какъ болтаетъ народъ во всѣмъ уѣздѣ, подземелье?

— Есть, родной мой.

— Стало быть, графъ Михайло Петровичъ съ дворней скрылся тамъ?

— Нѣту, отецъ родной. Могъ бы укрыться, да не такъ приключилось. Вся дворня его отъ страху суда и начальства разбѣжалась, кто куда попало. Есть, которые въ лѣсу обрѣтаются. Можешь переловить.

— А самъ онъ гдѣ? Убѣжалъ? — воскликнулъ Солнцевъ, боясь сугубаго отвѣта передъ генераль-губернаторомъ за свою оплошность.

— Нѣту золотой мой, приказалъ долго жить.

— Померъ?

— Померъ, отецъ мой.

— Что ты врешь, старикъ?

— Такъ сказываютъ, отецъ родной, что померъ. А намъ оно, конечно, сумнительно. Да и батюшка его въ лицо не видалъ.

— Да гдѣ же онъ померъ-то?

— Здѣсь въ домѣ. Позвали батюшку, а гробъ ужъ и заколоченъ. Тому четвертый день похоронила его на кладбищѣ, его жѣнка Марeutка, а сама удрала на тройкѣ и съ поклажей. Ее не словить ужъ...

— Что ты, старый! — изумлялся Солнцева.—Быть не можетъ. Неужели померъ!?

— Ей-ей, золотой мой. Токмо я на себя брать оное не стану, по всей по правдѣ доложу. Померъ и похоронили, только ты, государь мой, въ обманъ не давайся и эту мсроку не допускай на себя. Мы тебѣ, все село, поможемъ. Намъ всѣмъ охота отъ нашего лиходѣя избавиться и во владѣніе молодого графчика выдти. Дѣйствуй, родной мой, дѣйствуй.

— Да что же мнѣ дѣлать! — отчаянно воскликнулъ Солнцева, какъ бы себѣ самому.

— А вотъ что, родной. Первымъ дѣломъ пойдемъ мы въ подземелье, что тамъ окажется. А тамъ чудеса въ рѣшетѣ будутъ, вѣрно тебѣ сказываю. А ужъ коней-то тамъ будетъ видимо невидимо. А то, гляди, и заключенные окажутся. А апосля того, родной мой, укажешь вырыть покойника-то обратно, и посмотришь, что въ гробу-то лежитъ. И грѣха меньше, да и мороку-то разрушимъ.

По указанію старика, Солнцева съ командой выломалъ огромную желѣзную дверь въ оранжереѣ и вступилъ въ темное подземелье. Но едва только прошли они темнымъ ходомъ шаговъ тридцать, какъ показался свѣтъ.

Кто-то съ двумя фонарями шелъ на встрѣчу и черезъ нѣсколько мгновений какіе-то люди, съ виду конюхи, бросились Солцеву въ ноги.

— Не губи, ваше вельможество, мы подневольные! — завопили голоса. Укажи миловать.—Мы тебѣ все покажемъ и отдадимъ.

Подземелье оказалось довольно просторнымъ и въ немъ около дюжины великолѣпныхъ лошадей, которыхъ тотчасъ вывели на воздухъ. Лошади были со словъ конюховъ изъ послѣдняго грабежа и принадлежали князю Кейкуатову.

— Много у насъ перебывало такихъ коней,—заявилъ одинъ изъ конюховъ,—а долго не держали. Ночью приводили, ночью и сбывали съ рукъ. А эти вотъ маленько застряли.

На допросъ Солнцева, есть ли что еще въ подземельѣ, трое конюховъ подземельныхъ примолкли, замаялись, но затѣмъ опять бросились въ ноги.

— Что такое?

— Не губи, родной!—опять завопили они. Мы не при чемъ.

— Да ну васъ къ чорту. Сказано разъ, что вамъ ничего не будетъ. Говори. Будете таять, хуже вамъ будетъ.

— Есть, государь мой, есть. Томится въ заключеніи, вотъ уже почитай который годъ, барыня наша.

— Какая барыня?—воскликнулъ Солнцевъ.

— Барыня, кѣю баринъ хоронилъ, а она жива. Хоронили-то чурку, а она тутъ.

Солнцевъ въ ужасѣ тотчасъ же бросился по указанію конюховъ и въ глубинѣ подземнаго корридора ему показали дверку, которую пришлось ломать, такъ какъ ключей не было.

Въ небольшой подземной горницѣ, со стѣнами обдѣланными тесомъ, при свѣтѣ фонаря, оказалась лежащая на постели женщина.

На вопросы Солнцева она отвѣчала едва слышно, слабымъ разбитымъ голосомъ, но отвѣчала толково. Она объяснила, что жена Михаила Петровича, графиня Девьеръ, рожденная Хераскова... Поили и кормили ее хорошо, случалось, по ночамъ и выпускали погулять на свѣтъ Божій. Однако сколько времени томилась она въ подземельѣ, графиня не могла сказать.

— Здѣсь всегда была ночь,—слабо произнесла она.—Богъ вѣдаетъ. Полагаю, что года цѣлые прошли.

При помощи людей, Солнцевъ вынесъ женщину на рукахъ и осторожно пронесъ подземельемъ. Затѣмъ въ усадьбѣ ее устроили въ одной изъ горницъ.

Она была страшно худа, желта лицомъ, но въ глазахъ было много жизни. Послѣ переноски она впала въ легкое безпамятство, но затѣмъ очнулась и еще болѣе толково и просто отвѣчала на вопросы пораженнаго всѣмъ случившимся Солнцева.

Она повторила, что не знаетъ, за что была заключена мужемъ въ подземную тюрьму. Сказывалъ ей однажды конюхъ, что графъ женился на другой. Позволеніе гулять ночью «по землѣ» и «подъ небомъ» давалось очень рѣдко и всегда приводило къ обмороку, однако несказанно облегчало ея участь.

— А то бы, вѣстимо, не прожила,—сказала она.

Разумѣется, Солнцевъ тотчасъ же послалъ гонца въ Валуйки, другого въ Воронежъ, прося указанія, какъ дѣйствовать.

Первый прибывшій былъ молодой графъ Девьеръ, но, черезъ два дня, около удивительно быстро оправлявшейся женщины, былъ уже ея двоюродный братъ и другъ, Петръ Ивановичъ Херасковъ, а равно и пріѣхавшая съ нимъ дочь.

XXIV.

Черезъ годъ, послѣ суда человѣческаго и Божьяго надъ двумя братьями графами Девьерами, въ Придонскѣ жилъ новый помѣщикъ, молодой графъ Михайль Антоновичъ, съ женой, графиней Софьей Петровной, и съ теткой, воскреснувшей почти изъ мертвыхъ.

Его тестъ Херасковъ часто гостилъ въ Придонскѣ, но проживалъ въ Погромцѣ, управляя и хозяйничая отъ имени своего зятя.

Графъ Антонъ Девьеръ былъ уже не графомъ, а ссыльнымъ поселенцемъ въ Камчаткѣ.

Судьба другого графа Девьера была и осталась загадкой. Слухъ въ Придонскѣ, что баринъ Михайль Петровичъ похоронилъ на кладбищѣ вмѣсто себя бревно, а самъ бѣжалъ, укрываясь отъ суда, долго упорно держался во всей окрестности.

Власти принуждены были вырыть гробъ. Но при этомъ присутствовали только два чиновника изъ Воронежа, а съ ними графъ Михайль Антоновичъ, дворянинъ Херасковъ и мѣстный священникъ. Крышку гроба вскрыли и нашли въ немъ мертвое тѣло; но одежда была не дворянская, а крестьянская. Лицо же было настолько уже изуродовано разложеніемъ, что ни молодой Миша, ни Херасковъ, ни священникъ, не могли положительно сказать, кому принадлежитъ тѣло.

Одежда смущала всѣхъ, но болѣе всего смущала Хераскова и Мишу голова мертвеца. Графъ Михайль Петровичъ волосы носилъ коротко остриженные и черные какъ вороново крыло. У мертвеца волосы были много длиннѣе и съ сильной просѣдью. Ростомъ, когда смѣрили мертвеца, онъ оказался на цѣлую четверть длиннѣе, или выше, нежели былъ графъ Михайль Петровичъ.

— Что же, предать тѣло землѣ, а дѣло волѣ Божьей!—сказалъ одинъ изъ чиновниковъ.—Коли не померъ, да сказывается мертвымъ, такъ и считать его мертвымъ. Вамъ, графъ, пользоваться наслѣдствомъ и управлять, да по дядюшкѣ панихиды справлять. Коли онъ и живъ, все лучше для спасенія души его.

И теперь, когда дворянинъ Херасковъ пріѣзжалъ повидаться съ дочерью, зятемъ и обожаемой имъ воскреснувшей двоюродной сестрой, то часто ввечеру полушутя, полусерьезно, онъ говорилъ зятю и дочери:

— А что, дорогіе мои. Вдругъ вотъ такъ-то будемъ мы сидѣть и внезапно явится къ намъ и раскланяется таково вѣжливо графъ Михайль Петровичъ, да и скажетъ: уходите-ка вы отсюда по добру, по здорову. Никогда я не помиралъ и хочу владѣть моей вотчиной.

— А мы ему скажемъ,—вступалась графиня Софья Девьеръ,—зачѣмъ вы тетюшку уморить хотѣли. Пожалуйте въ Сибирь.

— Да, это вѣрно. Изъ-за меня онъ и померъ или сказался умершимъ,—прибавляла старая графиня-тетка.—Побоялся отвѣта.

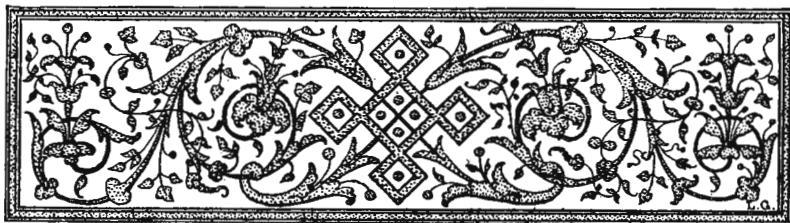
Молодой графъ Девьеръ при упоминаніи объ отцѣ или дядѣ всегда задумывался и ничего не говорилъ, даже не глядѣлъ въ лица говорившимъ, а опускалъ глаза или отворачивался.

— Чудно это!.. думалось Хераскову.—Примѣчательно есть что-то... таковое, что онъ таитъ отъ насъ...

Гр. Салиасъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И ІЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ.¹⁾

IV.

С с о р а.

ВНО ВРАЖДЕБНЫЙ Франція образъ дѣйствій Россіи во время переговоровъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ заключеніе лондонскихъ конвенцій, 1840—1841 годовъ, произвелъ тяжелое впечатлѣніе на короля Лудовика-Филиппа и его совѣтниковъ. Они были убѣждены, что цѣлью русскаго двора было низверженіе самой іюльской монархіи, а расторженіе англо-французскаго союза только средствомъ. Мнѣніе это высказалъ самъ король въ довѣрительной бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ. «Другой на моемъ мѣстѣ»,—говорилъ онъ графу Аппоньи,—«отплатилъ бы оскорбленіемъ за оскорбленіе, и вся Франція, повѣрьте мнѣ, рукоплескала бы ему! Я же выносливъ: ignogamus! Таково, вы знаете, правило мое относительно императора Николая»²⁾).

Образованное въ концѣ 1840 года министерство подъ номинальнымъ предсѣдательствомъ маршала Сульта, въ дѣйствительности же руководимое Гизо, возобновило въ политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней, консервативныя преданія Казимира Перье и графа Моленгскольцо поколебленныя во время кратковременнаго нахожденія

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXX, стр. 285.

²⁾ Графъ Аппоньи князю Меттерниху, 1 (13) мая, 1841.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1887 г., т. XXX.

у власти Тьера. Въ Турціи оно вступалось за христіанскихъ подданныхъ султана, пытаясь защитить ихъ отъ изувѣрства мусульманъ. Въ Греціи, вопреки извѣстнымъ стремленіямъ лондонскаго кабинета, оно самымъ положительнымъ образомъ высказалось противъ введенія конституціоннаго образа правленія. «Правительство короля»,—писалъ Гизо въ циркулярѣ къ представителямъ Франціи при дворахъ великихъ державъ, — «не только не убѣждено въ выгодахъ такого нововведенія, но оно не видитъ ни во внутренней организаціи Греціи, ни въ обычаяхъ и нравахъ разныхъ классовъ населенія, надлежащихъ условій для подготовленія его успѣха. По мнѣнію нашему, оно рискуетъ быть непонятымъ подданными короля Оттона и стать въ ихъ рукахъ лишь новымъ орудіемъ раздора и безначалія». Усиленіе королевской власти казалось французскому министру цѣлесообразнѣйшимъ средствомъ для улучшенія бѣдственнаго положенія, въ коемъ находилась Эллада¹⁾.

Такіе взгляды, не только гласно высказываемые, но и настойчиво проводимые въ политикѣ парижскаго двора, казалось, должны были бы содѣйствовать сближенію его съ нашимъ. А между тѣмъ, къ концу 1841 года, отношенія Россіи съ Франціею до того обострились, что едва не привели къ дипломатическому разрыву.

Ближайшимъ поводомъ къ ссорѣ послужило не какое либо разногласіе въ важномъ политическомъ вопросѣ, а простое недоразумѣніе по дѣлу чисто придворному,—лучшее доказательство того, что истинные интересы обоихъ государствъ были тутъ ни при чемъ и только страдали отъ страстнаго разлада между ихъ правителями.

По отозваніи графа Поццо-ди-Борго, въ 1834 году, преемникомъ ему въ званіи русскаго посла въ Парижѣ назначенъ былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ дипломатовъ того времени, графъ Ѡ. П. Паленъ, товарищъ Орлова по подписанію Адріанопольскаго мирнаго договора. Въ концѣ октября 1841 года, онъ получилъ приказаніе отправиться въ отпускъ въ Россію для личнаго представленія государю. Онъ объявилъ о томъ Гизо официальною нотою и откланялся королю. На прощальной аудіенціи Лудовикъ-Филиппъ сказалъ ему:—«Я всегда вижу съ удовольствіемъ графа Палена близъ себя, и всегда сожалѣю объ его удаленіи; больше я ничего не имѣю вамъ сказать».

Загадочныя слова эти обличали несвойственное характеру короля раздраженіе. Дѣйствительный смыслъ ихъ былъ тотъ, что въ Парижѣ вообразили, будто желаніе императора Николая видѣть Палена, только благовидный предлогъ, и что отѣздъ его вызванъ совершенно иною причиною. По заведенному при французскомъ дворѣ порядку, въ новый годъ дипломатическій корпусъ въ полномъ составѣ являлся въ Тюильрійскій дворецъ и старшій изъ

¹⁾ Циркуляръ Гизо, отъ 27 февраля (11 марта), 1841.

пословъ произносилъ отъ имени его поздравительное привѣтствіе. Обязанность эта, обыкновенно, выпадала на долю графа Аппоньи, но австрійскій посолъ былъ въ отпуску и при пріемѣ 1 января 1842 года замѣнить его приходилось Палену. Въ парижскихъ придворныхъ и дипломатическихъ кругахъ не сомнѣвались, что русскій императоръ передъ самымъ новымъ годомъ вызвалъ изъ Парижа своего представителя, единственно для того, чтобы тотъ не исполнилъ выпадавшей ему на долю церемоніальной обязанности.

Въ это время французскій посолъ, Барантъ, отсутствовалъ изъ Петербурга и посольствомъ завѣдывалъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, молодой Казиміръ Перье, сынъ умершаго министра. Извѣстивъ его о внезапномъ отъѣздѣ графа Палена и о вызванныхъ этимъ толкахъ, Гизо писалъ ему: «Какъ ни привыкли здѣсь къ страннымъ пріемамъ императора Николая, послѣдній возбудилъ нѣкоторое удивленіе. Въ средѣ дипломатическаго корпуса, еще болѣе чѣмъ въ публикѣ, удивляются такому ребяческому упорству выраженія тщетнаго неудовольствія, и если бы мы могли почувствовать себя оскорбленными, то произведенное имъ впечатлѣніе послужило бы намъ достаточнымъ удовлетвореніемъ. Намъ подобаетъ лишь одинъ отвѣтъ: въ день св. Николая, французское посольство не выйдетъ изъ своего дома. Вамъ не нужно приводить никакой серьезной причины въ объясненіе столь необычайной воздержанности. Вы ограничитесь тѣмъ, что отвѣчая на приглашеніе, которое, согласно обычаю, вѣроятно, получите отъ графа Нессельроде, сошлетесь на нездоровье». Въ особой припискѣ министръ предписывалъ не разглашать заранѣе полученнаго приказанія и тщательно избѣгать до дня тезоименитства государя малѣйшаго ухудшенія дѣловыхъ сношеній посольства съ императорскимъ кабинетомъ¹⁾. Недѣлю спустя, Гизо пригласилъ Перье, тотчасъ же отправить въ Парижъ курьера съ донесеніемъ о происшествіи, а въ русскій новый годъ, по обыкновенію явиться на пріемъ въ Зимнемъ дворцѣ²⁾.

Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ точности исполнилъ предписаніе своего начальника. Сказавшись больнымъ, онъ не присутствовалъ ни на выходѣ 6 (18) декабря, ни на придворномъ балу, данномъ 7 (19), и цѣлые двое сутокъ не выходилъ изъ дому.

Однако въ Петербургѣ прекрасно поняли настоящій смыслъ и значеніе демонстраціи французскаго посольства. Государь усмотрѣлъ въ ней проявленіе личнаго неуваженія къ своей особѣ. Мнѣніе это раздѣлялъ весь дворъ и все высшее петербургское общество. Говорили, что посольство наше будетъ отозвано изъ Парижа въ полномъ составѣ, что русскому повѣренному въ дѣлахъ Н. Д.

¹⁾ Гизо Казиміру Перье, 30 октября (11 ноября), 1841.

²⁾ Гизо Казиміру Перье, 6 (18) ноября, 1841.

Киселеву велѣно не являться въ день новаго года въ Тюильрійскій дворець. «Какъ бы то ни было»,—писаль Перье въ официальномъ своемъ донесеніи, — «я обязанъ не скрыть отъ вашего превосходительства всего значенія поступка, мнѣ предписаннаго, послѣдствія коего должны быть крайне важны въ странѣ, устроенной какъ здѣшняя, и при государѣ съ такимъ характеромъ, какимъ обладаетъ императоръ. Положеніе французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ становится труднымъ; оно можетъ стать неприятнымъ, быть можетъ, даже невыносимымъ. Я буду счастливъ, если получу инструкціи для руководства въ виду, на примѣръ, такого случая, что дипломатическій корпусъ былъ бы созванъ или приглашенъ безъ меня. До тѣхъ поръ, я буду стараться вносить въ мои дѣйствія мѣру и спокойствіе, совмѣстимыя съ сознаніемъ достоинства, отречься отъ котораго не дозволяютъ мнѣ какъ личное чувство, такъ и занимаемая мною должность»¹⁾).

Въ частномъ письмѣ къ Гизо, Перье изображалъ свое положеніе въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ: «Произведенное впечатлѣніе велико, глубоко возбужденіе, болѣе даже чѣмъ я ожидалъ». По увѣренію его, государь былъ страшно разгнѣванъ, находя, что никогда не должно терять изъ виду разницу между политическимъ возмездіемъ и такимъ, которое дерзко направлено противъ самого монарха. Перье тѣмъ болѣе скорбѣлъ объ этомъ, что личное положеніе его при дворѣ и въ обществѣ, до рокового дня, было самое пріятное. «Я болѣе тратилъ для свѣта»,—писаль онъ,—«чѣмъ тотъ въ правѣ былъ ожидать отъ простаго повѣреннаго въ дѣлахъ; домъ и столъ мой были открыты для дипломатическаго корпуса, какъ и для русскихъ. Я не могу нахвалиться моими отношеніями ко двору и къ обществу, императоръ всегда былъ благосклоненъ ко мнѣ, внимателенъ и любезенъ съ моею женою, и всякая перемѣна была для меня невыгодна. Я не желалъ ея. Но получивъ ваши приказанія, я долженъ былъ ихъ исполнить». Въ особенности смущалъ молодого и самолюбиваго дипломата дошедшій до него слухъ, что все высшее петербургское общество намѣрено сплотиться противъ французскаго посольства; что туда никто не будетъ ѣздить, и ни въ одной изъ русскихъ гостиныхъ не стануть принимать его членовъ. «Я рѣшился»,—продолжалъ онъ,—«быть крайне осторожнымъ въ первыхъ шагахъ моихъ, обнаруживать большую сдержанность и не подвергаться въ гостиныхъ, не имѣющихъ официального характера, бесполезнымъ неприятностямъ, противъ которыхъ я не могъ бы возражать. Важно щадить общество, среди коего возможна реакція, не возбуждать къ себѣ его вражды, создавая ему затрудненія, не ссориться съ нимъ, чтобы не сдѣлать всякое сближеніе невозможнымъ»²⁾).

¹⁾ Казиміръ Перье Гизо, 9 (21) декабря, 1841.

²⁾ Казиміръ Перье Гизо, 11 (23) декабря, 1841.

Но о сближеніи не могло быть и рѣчи. Надъ французскимъ посольствомъ произнесенъ былъ интердиктъ, само оно—исключено изъ петербургскаго общества. Предъ его членами закрылись двери всѣхъ русскихъ домовъ; ни одинъ русскій не появлялся въ стѣнахъ его. Вечера и обѣды, на которые были заранѣе приглашены господинъ и госпожа Перье, отлагались или отмѣнялись. Хозяева тѣхъ гостиныхъ, гдѣ происходили приемы въ извѣстные дни, просили французовъ чрезъ посредство иностранныхъ дипломатовъ, не ставить ихъ своимъ появленіемъ въ затруднительное положеніе. Перье рѣшительно растерялся. Онъ умолялъ Гизо наставить его какъ поступить, что дѣлать? «До какого предѣла»,—спрашивалъ онъ,—«слѣдуетъ мнѣ довести терпѣніе? Я испытываю живѣйшее желаніе получить по этому предмету инструкціи отъ вашего превосходительства. До тѣхъ поръ я буду стараться какъ можно лучше удерживаться на этой скользкой почвѣ, принявъ рѣшеніе ничего не компрометировать добровольно, и не подвергать отвѣтственности правительству короля, не будучи къ тому вынужденъ необходимостью. Я сознаю всѣ важныя послѣдствія разрыва; дабы избѣжать его сдѣлаю все, что дозволить мнѣ честь; никогда не отступлю предъ отвѣтственностью, налагаемою на меня долгомъ; но ваше превосходительство можете быть увѣрены, что я не навлеку ее на себя легкомысленно и что одинъ только вызовъ или оскорбленіе, прямое, положительное, оффиціальное, въ состояніи будутъ заставить меня покинуть занятое мною выжидательное положеніе»¹⁾.

Французскому повѣренному въ дѣлахъ было предписано ничего не измѣнять въ своихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ императорскимъ кабинетомъ. Въ свою очередь, графъ Нессельроде не перемѣнилъ своего прежняго, всегда вѣжливаго и предупредительнаго обращенія съ нимъ. Перье продолжалъ посѣщать вице-канцлера въ его обычные приемные дни и вести съ нимъ переговоры о текущихъ дѣлахъ. Сообщая объ этомъ Гизо, онъ прибавлялъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, самъ государь обнаруживалъ примирительное расположеніе. Французамъ, очевидно, растолковали, что отпоръ, данный имъ петербургскимъ обществомъ, не былъ внушенъ свыше, и что не отъ императора зависѣло воспрепятствовать тому, чтобы русскіе люди сочли неумѣстною ихъ выходку за оскорбленіе, нанесенное въ лицѣ монарха и всѣмъ его подданнымъ²⁾.

Между тѣмъ въ Парижѣ, въ новыи годъ по западному стилю, русскій повѣренный въ дѣлахъ, за нѣсколько часовъ до приѣма во дворцѣ, написалъ посольскому церемоніймейстеру, что нездоровье мѣшаетъ ему принять участіе въ праздникѣ. Ни Киселевъ, ни прочіе чиновники посольства не явились въ этотъ день въ Тюильри.

¹⁾ Казиміръ Перье Гизо, 12 (24) декабря, 1841.

²⁾ Казиміръ Перье Гизо, 16 (28) декабря, 1841.

При дворѣ сдѣлали видъ, что не замѣчаютъ ихъ отсутствія. «Намѣреніе наше»,—поспѣшилъ написать Гизо къ Перье,—«было засвидѣтельствовать, что мы близко принимаемъ къ сердцу достоинство нашего августѣйшаго государя, и что мы ни слѣпы, ни равнодушны относительно мало пристойнаго обращенія съ его особой. Мы исполнили этотъ долгъ. Теперь, что до насъ касается, то мы не видимъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы внимательныя и вѣжливыя отношенія, потекли снова обычнымъ порядкомъ». Министръ недоумѣвалъ какіе еще знаки неудовольствія могли представлять французскимъ дипломатамъ со стороны русскаго двора. «Пока неудовольствіе это»,—наставлялъ онъ Перье,—«не дойдетъ до отказа вамъ въ томъ, что вамъ подобааетъ въ качествѣ начальника французскаго посольства, дѣлайте видъ, что не замѣчаете его; если же стали бы съ аффектаціею нарушать права, присвоенныя вашему положенію и званію, то вы замкнетесь въ вашемъ домѣ, ограничитесь производствомъ текущихъ дѣлъ и будете ожидать отъ меня инструкцій»¹⁾).

Въ другомъ частномъ письмѣ, Гизо старался успокоить Перье, ободрить его увѣреніемъ, что дѣло не повлечетъ за собою новыхъ, непріятныхъ для него послѣдствій. Онъ признавался, что ему трудно преподать издалека точныя и подробныя наставленія; что правильно судить о предметѣ возможно только на мѣстѣ. Перье приглашался избѣгать излишней требовательности и щекотливости. «Желаемое нами впечатлѣніе произведено»,—разсуждалъ министръ. «Отнынѣ будутъ знать, что дурное обращеніе съ нами не проходитъ безслѣдно. Теперь, по нашему, мы квиты, и снова возвратимся къ своимъ привычкамъ вѣжливости». Гизо выражалъ надежду, что Перье получилъ обычное приглашеніе явиться ко двору въ православный новый годъ и послѣдовалъ ему. Въ случаѣ же неприглашенія онъ долженъ былъ тотчасъ довести объ этомъ до свѣдѣнія своего правительства. Впрочемъ, утѣпалъ его начальникъ, нѣтъ никакого основанія ожидать чего либо подобнаго. Барантъ — того же мнѣнія. Киселевъ ведетъ себя въ Парижѣ съ тактомъ и вполне прилично. Онъ выражаетъ явное намѣреніе не поднимать шума изъ-за происшедшаго и исполнять попрежнему всѣ обязанности своего положенія, предупредительно и любезно. Онъ будетъ приглашенъ на слѣдующій придворный балъ. Впрочемъ, дальнѣйшее обращеніе французскаго двора съ Киселевымъ будетъ соображено съ образомъ дѣйствій русскаго двора въ отношеніи къ Перье²⁾).

Не смотря на весь свой оптимизмъ, Гизо понялъ, однако, что дѣло далеко не такъ просто, какъ онъ выставлялъ его, что въ желаніи своемъ отомстить нашему двору за многочисленные

¹⁾ Гизо Перье, 23 декабря 1841 (4 января 1842).

²⁾ Гизо Перье, 24 декабря 1841 (5 января 1842).

и долготѣнне уклады самолюбія короля французовъ, онъ зашелъ слишкомъ далеко. Понятны, поэтому, старанія его извинить свой поступокъ предъ прочими европейскими дворами. Въ письмѣ къ французскому послу въ Вѣнѣ, Гизо по своему изложилъ ходъ происшествій. «Оффициально»—писалъ онъ—«графа Палена вызвали въ Петербургъ для бесѣды съ императоромъ, и Казиміръ Перье былъ боленъ 18 декабря, а Киселевъ 1 января. Въ дѣйствительности императоръ не пожелалъ, чтобы Паленъ привѣтствовалъ короля, а мы не хотѣли, чтобы этотъ враждебный поступокъ прошелъ незамѣченнымъ. Съ той и съ другой стороны все правильно и все понято. Внѣшнія приличія соблюдены и истинныя намѣренія почувствованы. Съ насъ этого довольно, мы въ расчетѣ». Слѣдовало нѣсколько оправдательныхъ доводовъ: «Нужно, чтобы въ этомъ убѣдились всюду. Чѣмъ болѣе политика наша консервативна и миролюбива, тѣмъ старательнѣе будемъ мы оберегать наше достоинство. Мы не станемъ отвѣчать на дурное обращеніе дурною политикою; но мы ощутимъ дѣйствіе дурного обращенія и покажемъ, что его ощутили. Впрочемъ, я считаю небольшое это дѣло поконченнымъ»¹⁾).

Печальное заблужденіе! Дѣло было еще далеко отъ конца и вполне окончилось лишь шесть лѣтъ спустя, вмѣстѣ съ июльскою монархіею.

Когда до Гизо дошли послѣдующія донесенія Перье изъ Петербурга, онъ не могъ скрыть своего тревожнаго удивленія. Едва ли онъ былъ искрененъ, увѣряя молодого дипломата, что большой бѣды еще нѣтъ, пока только русское общество, а не дворъ, выражаетъ ему холодность и враждебность. Парижское общество будетъ иначе обращаться съ Киселевымъ, согласно своимъ чувствамъ и нравамъ, но ничто-де не обязываетъ къ тому же общество петербургское. По этому поводу Гизо преподавалъ Перье цѣлый рядъ совѣтовъ: «Оставайтесь дома, милостивый государь, живите въ семейномъ кругу. Будьте холодны съ тѣми, кто обнаружитъ къ вамъ холодность, чуждайтесь тѣхъ, кто чуждается васъ. Вамъ, безъ сомнѣнія, не придется отражать ни одинаго такого поступка, стерпѣть который не можетъ благовоспитанный человѣкъ и которые не свойственны благовоспитанному обществу. Довольствуйтесь этимъ. Въ вашемъ домѣ, въ средѣ вашего посольства—вы во Франціи. Замкнитесь въ этой родинѣ, окружающей васъ, доколѣ русское общество того будетъ хотѣть само. Я знаю: вы молоды; г-жа Перье молода и любезна: свѣтъ нравится ей и она нравится свѣту. Я сожалѣю, что и она и вы лишены удовольствій свѣтской жизни. Но и вы и она отличаетесь слишкомъ здравымъ умомъ и возвышенною душою, чтобы не отречься безъ всякихъ усилій отъ этихъ удовольствій и

¹⁾ Гизо графу Флаго, 24 декабря 1841 (5 января 1841).

не сосредоточиться въ самихъ себѣ, коль скоро того требуютъ достоинство вашего отечества и ваше собственное достоинство»¹⁾).

Въ Петербургѣ, тяжелое положеніе, созданное членамъ французскаго посольства рѣшимостью русскаго общества прекратить всякія съ ними сношенія, не измѣнялось. Напрасно старался Перье выйти изъ него, то посѣщая гостиную жены вице-канцлера, то отправляясь на балъ дворянскаго собранія, въ силу совокупнаго приглашенія, обращеннаго ко всему дипломатическому корпусу. Графиня Нессельроде принимала его вѣжливо, но холодно. На балу въ собраніи бѣльшая часть старыхъ и добрыхъ знакомыхъ обнаруживала въ обращеніи съ нимъ непривычную застѣнчивость. При этихъ условіяхъ онъ не рѣшался вывезти жену свою въ свѣтъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія русскаго новаго года, въ надеждѣ, что на пріемѣ во дворцѣ государь обычною своею ласковою выведетъ его изъ затрудненія. Какъ на бѣду, придворный выходъ въ этотъ день былъ отмѣненъ, какъ полагали по причинѣ нездоровья императрицы. Лишь 7-го (19) января, французскій повѣренный въ дѣлахъ и г-жа Перье, наравнѣ съ прочими членами дипломатическаго корпуса, были приглашены на большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ. Оба, разумѣется, поспѣшили воспользоваться приглашеніемъ. На балѣ государь, проходя мимо Перье, съ улыбкою сказалъ ему: «Какъ поживаете вы съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались съ вами? — Лучше, неправда ли?» Императрица обратилась къ нему съ вопросомъ: когда намѣренъ вернуться посолъ Барантъ и не знаетъ ли онъ чего о времени его возвращенія? Перье отозвался полнымъ невѣдѣніемъ, и, донося объ этомъ Гизо, выражалъ недоумѣнье: означаетъ ли вопросъ государыни лишь расположеніе ея къ послу, оставившему въ Петербургѣ наилучшія воспоминанія, или заключаетъ въ себѣ иное намѣреніе, напимѣръ, нѣчто въ родѣ обѣщанія по возвращеніи Баранта отправить въ Парижъ Палена? «Между графомъ Нессельроде и мною», — такъ заканчивалъ Перье одно изъ своихъ донесеній, — «не было произнесено ни единого слова, которое относилось бы ко всему этому случаю или только намекало бы на него. Мнѣ казалось, что не мнѣ приличествовало взять инициативу. Я не хотѣлъ, какъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, казаться ни въ затрудненіи, ни озабоченнымъ, ни желающимъ поскорѣе выйти изъ положенія, которое общество заблаго-разсудило мнѣ создать, и въ которомъ ничто не препятствуетъ мнѣ, въ особенности нынѣ, оставаться съ честью. Въ открытомъ интересѣ примиренія, я бы не сталъ избѣгать довѣрительной бесѣды по этому предмету съ графомъ Нессельроде, если бы тотъ первый заговорилъ о немъ со мною. Мнѣ извѣстна его умѣренность. Я увѣренъ, что онъ сожалѣетъ о всемъ случившемся; но я не считалъ полезнымъ

¹⁾ Гизо Казиміру Перье, 25 декабря 1841 (6 января 1842).

идти на встрѣчу объясненіямъ, вызвать которыя было такъ легко вице-канцлеру при любезномъ оборотѣ нашихъ съ нимъ разговоровъ и при его высокомъ положеніи»¹⁾.

Извѣстія эти обрадовали Гизо. Ему показалось, что русскій дворъ и вправду желаетъ восстановленія правильныхъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею. Онъ уполномочилъ, поэтому, Перье всюду разглашать, что о возвращеніи Баранта вѣтъ и рѣчи, и что французскій посолъ пріѣдетъ въ Петербургъ не прежде, чѣмъ прібудетъ въ Парижъ графъ Паленъ, или его преемникъ по званію русскаго посла. Онъ одобрялъ поведеніе Перье и убѣждалъ его не падать духомъ и выдержать роль свою до конца²⁾.

Но у молодого французскаго дипломата не хватило силъ. Прошло цѣлые полгода, а ничего не измѣнилось въ отношеніяхъ русскаго общества къ нему и къ его товарищамъ по посольству. Онъ сталъ просить о своемъ отозваніи, ссылаясь на болѣзнь жены. Къ тому же, присовокупляя онъ, императоръ Николай уже высказалъ свое рѣшеніе: при настоящихъ условіяхъ Паленъ не вернется въ Парижъ. Перье находилъ, что и его присутствіе въ Петербургѣ бесполезно и не согласуется болѣе съ достоинствомъ королевскаго правительства³⁾.

Гизо обѣщалъ Перье не только просимый отпускъ, но въ награду за твердость и самоотверженіе, съ какими тотъ такъ долго выносилъ въ высшей степени непріятное и затруднительное положеніе, командорскій крестъ почетнаго легіона и первую вакансію посланника. Онъ просилъ его лишь остаться въ Петербургѣ до прибытія преемника. Такимъ преемникомъ, какъ мы узнаемъ изъ письма Гизо къ послу въ Вѣнѣ, графу Флаго, долженъ былъ быть баронъ д'Андре, второй секретарь петербургскаго посольства. Означенное письмо представляется новою попыткою французскаго министра оправдать свой образъ дѣйствій предъ иностранными дворами. «Не безъ зрѣлаго предварительнаго размышленія»,— читаемъ мы въ немъ,— «приняли мы прошлою осенью извѣстное рѣшеніе. Въ продолженіе десяти лѣтъ, по поводу каждой бутады, cadaго оскорбительнаго приема императора Николая, говорили, что это съ его стороны чисто личное движеніе, что оно не вліяетъ на политику его правительства, что отношенія обоихъ кабинетовъ продолжались и общія обѣимъ сторонамъ дѣла обсуждались, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Цѣлые десять лѣтъ мы выказали себя крайне терпѣливыми и покладистыми, но въ 1840 году страсти императора, очевидно, проникли и въ его политику. Горячность, съ которою

¹⁾ Казиміръ Перье Гизо, 25 и 30 декабря 1841 (6 и 11 января 1842) и 1 (13), 3 (15), 7 (19), 11 (23) и 12 (24) января 1842.

²⁾ Гизо Перье 6 и 12 (18 и 24) февраля 1842.

³⁾ Казиміръ Перье Гизо, 26 мая (8 іюня) 1842.

онъ старался разсорить Францію съ Англіею, отдѣлить ее отъ всей Европы, показало намъ его чувства и приемы въ болѣе серьезномъ освѣщеніи. Мы обязаны были принять это въ соображеніе. Не восчувствовать того, что могло имѣть подобныя послѣдствія, значило бы поступать безъ достоинства и поддаваться обману. Случай представился, я схватился за него. Мы поступили такъ не ради раздраженія, ни для того, чтобы начать обмѣнъ мелкихъ задирательствъ. Мы хотѣли занять положеніе, которое давно было бы естественнымъ, и которое, благодаря недавнимъ событіямъ, становилось вполне пристойнымъ. Что до меня касается, то я былъ очень радъ, что могъ поставить въ него моего государя и мое отечество. Мы спокойно сохранили его. Барантъ будетъ дожидаться въ Парижѣ, пока вернется Паленъ. Не намъ брать на себя починъ этого возвращенія. При настоящихъ обстоятельствахъ, вполне достаточно повѣренныхъ въ дѣлахъ для надобностей политики и для приличій придворныхъ сношеній, и въ тотъ день, когда въ Петербургѣ пожелають перемиръ, мы покинемъ это положеніе, испытывая столь же мало затрудненій, сколько мы испытываемъ ихъ нынѣ, оставаясь въ немъ»¹⁾.

Письмо это едва успѣло дойти до Вѣны, какъ страшный ударъ внезапно разразился надъ французскою королевскою семьей, 1 (13) іюля 1842 года. Наслѣдникъ престола, молодой и симпатичный герцогъ Орлеанскій, увлеченный бѣшенными лошадьми на дорогѣ изъ Парижа въ Нёльи, разбился до смерти при попыткѣ выскочить изъ экипажа. О тяжелой утратѣ, понесенной династіею, въ числѣ прочихъ дипломатическихъ представителей Франціи, былъ извѣщенъ и Казиміръ Перье съ приказаніемъ сообщить о томъ императорскому двору²⁾. По высочайшему повелѣнію вице-канцлеръ посѣтилъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ и выразилъ ему отъ имени государя и императрицы участіе ихъ величествъ къ горю, постигшему королевскую фамилію и всю Францію. Императоръ, заявивъ при этомъ случаѣ графъ Нессельроде, былъ крайне опечаленъ ужасною вѣстью. Онъ приказалъ тотчасъ наложить при дворѣ трауръ и отмѣнить балъ, имѣвшій состояться въ Петергофскомъ дворцѣ 11 (23) іюля, въ день именинъ великой княжны Ольги Николаевны³⁾.

Въ петербургскихъ дипломатическихъ кругахъ полагали, что трагическій этотъ случай послужитъ поводомъ къ примиренію между обоими дворами. Перье надѣялся, что императоръ Николай выскажетъ свои чувства въ собственноручномъ письмѣ, хотя до тѣхъ поръ онъ ни разу еще не удостоивалъ таковымъ Людовика-

¹⁾ Гизо графу Флаго, 22 іюня (4 іюля) 1842.

²⁾ Гизо Казиміру Перье, 2 (14) іюля 1842.

³⁾ Казиміръ Перье Гизо, 11 и 12 (23 и 24) іюля 1842.

Филиппа. По словамъ Перье, многіе члены императорской фамиліи, высшіе чины двора, министры, просили о томъ государя. «Но,— читаемъ мы въ донесеніи французскаго дипломата,— всѣ натолкнулись на желѣзную волю, на необычайныя упорство, самолюбіе и гордость. Императоръ отвергъ все, что ему предлагали, все, что въ глазахъ его имѣло значеніе перваго шага. Я не начну первый— таковы были единственныя слова, вырванныя у него. На просьбу объ обратномъ отправленіи въ Парижъ графа Палена, онъ отвѣчалъ:— «Пусть вернется Барантъ и мой посоль въѣдетъ отсюда»¹⁾).

Но, хотя государь и не писалъ самъ къ Лудовику-Филиппу, за то, по его повелѣнію, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ слѣдующую депешу вице-канцлера:

«Вчера, въ Петергофскомъ императорскомъ дворцѣ, гдѣ находился дворъ, я получилъ депешу, которою вы извѣстили насъ о несчастіи, столь же ужасномъ, сколько и неожиданнымъ, положившемъ конецъ жизни наслѣдника французскаго престола. Эта страшная катастрофа произвела на императора глубокое и болѣзненное впечатлѣніе. Вамъ извѣстно вліяніе на его величество семейныхъ чувствъ и привязанностей. Императоръ—отецъ, отецъ нѣжно преданный своимъ дѣтямъ, а потому вы поймете, насколько потеря, понесенная королею и королевою французовъ, прямо затронула въ его сердцѣ задушевнѣйшее чувство, какъ онъ былъ опечаленъ ихъ горемъ, и до какой степени онъ присоединяется изъ глубины души къ печали ихъ терзающей. По одному изъ тѣхъ роковыхъ совпаденій, которыя такъ часто сближаютъ въ жизни счастье однихъ контрастирующее съ горемъ другихъ, печальная вѣсть дошла до насъ въ тотъ самый день, когда дворъ готовился праздновать тезоименитство великой княжны Ольги. Въ виду столь великаго несчастія, всѣ выраженія радости должны были умолкнуть. Тотчасъ же былъ отмѣненъ балъ, назначенный на этотъ вечеръ, и весь дворъ получилъ приказаніе, начиная со слѣдующаго дня, надѣть трауръ по молодомъ принцѣ.

«Потрудитесь, милостивый государь, выразить французскому правительству участіе, принимаемое нашимъ августѣйшимъ повелителемъ въ событіи, которое, независимо отъ скорби, распространенной имъ на королевскую семью, его величество считаетъ бѣдствіемъ, постигшимъ всю Францію. Императоръ поручаетъ вамъ въ особенности, отъ имени его и императрицы, быть предъ королею и королевою выразителемъ этихъ чувствъ. Не имѣя возможности преподать имъ утѣшеній, которыя въ подобномъ случаѣ могутъ быть почерпнуты ими лишь въ религіозномъ подчиненіи ихъ волѣ Промысла, государь надѣется, что король найдетъ въ своей твер-

¹⁾ Казиміръ Перье Гизо, 23 іюля (4 августа) 1842.

дости, а королева въ благочестивомъ настроеніи, достаточно силь духа, дабы выдержать наиболѣе тягостную скорбь, какую только можно испытать.

«Вы выразите это пожеланіе французскому монарху, передавъ ему выраженіе соболѣзнованія нашего августѣйшаго повелителя. Вы будете говорить языкомъ нѣжной симпатіи, ибо нѣтъ чувства искреннѣе того, которое въ данномъ случаѣ одушевляетъ его величество»¹⁾.

Изъ отвѣтной депеши Гизо не видно, чтобы Киселевъ испросилъ аудіенцію у Лудовика-Филиппа. Министръ извѣщаль королевскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, что депеша русскаго вице-канцлера была доложена имъ королю; что король и королева были тронуты выраженіемъ чувствъ русскаго императора, въ особенности когда узнали объ отмѣнѣ бала и о немедленномъ наложеніи траура. Упомянувъ, что императоръ Николай достоинъ вкушать сладость семейныхъ радостей, потому что умѣетъ понимать и раздѣлять семейное горе, Гизо поручалъ Перье отправиться къ графу Нессельроде и просить его выразить императору и императрицѣ признательность короля и королевы за высказанное ихъ императорскими величествами сочувствіе ихъ горю²⁾.

Депеша эта уже не застала Перье въ Петербургѣ. Тотчасъ по прибытіи своего замѣстителя, барона д'Андре, онъ поспѣшилъ уѣхать вмѣстѣ съ женою. Д'Андре вступилъ въ завѣдываніе посольствомъ, въ качествѣ простого повѣреннаго въ дѣлахъ, и получилъ приказаніе тщательно придерживаться данныхъ его предмѣстнику инструкцій.

V.

Примирительныя попытки Франціи.

Прошло два года со дня непристойной выходки французскаго посольства въ Петербургѣ. Новый повѣренный въ дѣлахъ, баронъ д'Андре, и товарищи его мало по малу снова получили доступъ въ русскія гостиныя. При дворѣ не дѣлали не малѣйшаго различія между ними и прочими членами дипломатическаго корпуса. Но въ отношеніяхъ императорскаго кабинета къ парижскому не произошло существенной перемѣны. Они были попрежнему холодны, натянуты и ограничивались производствомъ текущихъ дѣлъ. Послы не возвращались къ своимъ мѣстамъ.

Такимъ положеніемъ крайне тяготились въ Парижѣ и съ нетерпѣніемъ выжидали подходящаго случая, чтобы сдѣлать первый

¹⁾ Графъ Нессельроде Киселеву, 14 (26) іюля 1842.

²⁾ Гизо Перье, 30 іюля (11 августа) 1842.

шагъ къ примиренію. Случай этотъ представился весною 1843 года, когда Киселевъ сообщилъ Гизо депешу графа Нессельроде, въ которой тотъ выражалъ свое удовольствіе по поводу побѣды, одержанной французскимъ министерствомъ въ палатѣ депутатовъ при обсужденіи вопроса о тайныхъ фондахъ. Въ ней вице-канцлеръ писалъ: «Мы съ интересомъ и любопытствомъ ожидали исхода дебатовъ, съ коимъ была связана участь настоящаго министерства, и съ удовольствіемъ убѣдились, что, согласно съ нашими предположеніями, результатъ этого испытанія разрѣшился въ пользу правительства. Я говорю, съ удовольствіемъ, потому что, хотя г. Гизо въ частности, быть можетъ, и не питаетъ къ Россіи слишкомъ благопріятнаго расположенія, но все же этотъ министръ представляетъ иностраннымъ державамъ наиболѣе ручательствъ своею мирною политикою и консервативными принципами. Въ послѣдней парламентской борьбѣ, онъ далъ новыя доказательства своего ораторскаго таланта и ничто не припятствуетъ вамъ, милостивый государь, передать ему по этому случаю поздравленіе императорскаго кабинета»¹⁾.

Гизо съ радостью схватился за представившійся случай вступить съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ подробныя объясненія по поводу взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи. Сообщаемъ дословно продолжительный и важный разговоръ его съ Н. Д. Киселевымъ по этому предмету.

Гизо. Благодарю васъ за сообщеніе. Я принимаю депешу графа Нессельроде за доказательство серьезнаго уваженія и крайне признателенъ за нее. Но позвольте васъ просить: что разумѣтъ графъ подъ моимъ неблагопріятнымъ расположеніемъ къ Россіи? Имѣетъ ли онъ въ виду мое чисто личное направленіе, мои вкусы, наклонности? Не думаю. Я не склоняюсь ни за ни противъ какой либо державы, не питаю ни къ одной благопріятнаго или неблагопріятнаго расположенія. На меня возложено завѣдываніе внѣшней политикою моего отечества. Я руководствуюсь единственно его политическими интересами, выражаемымъ ему расположеніемъ, такимъ, какое слѣдуетъ ему выразить. Къ этому я не примѣшиваю ничего личнаго.

Киселевъ. Не сомнѣваюсь, что и графъ Нессельроде разумѣетъ это такъ.

Гизо. Надѣюсь и не понялъ бы, чтобы это могло быть иначе. Но, въ такомъ случаѣ, я, по истинѣ, еще менѣе понимаю, что графъ Нессельроде приписываетъ мнѣ неблагопріятное расположеніе къ Россіи. Ничто въ естественной политикѣ моего отечества не наталкиваетъ меня на подобное расположеніе. Общественныя стремленія во Франціи, французскіе интересы въ Европѣ, не заключаютъ

¹⁾ Графъ Нессельроде Киселеву.

въ себѣ ничего противнаго Россіи. И если я не ошибаюсь, тоже можно сказать и о Россіи; ея національные инстинкты не враждебны намъ. Откуда же взялись бы намѣренія, которыя графъ Нессельроде предполагаетъ во мнѣ? Зачѣмъ бы я ихъ себѣ усвоилъ? У меня ихъ нѣтъ. Но разъ зашелъ вопросъ о нашемъ расположеніи, позвольте мнѣ высказать вамъ все: кто изъ насъ, мы или вы выказали неблагопріятное расположеніе? Развѣ императоръ не проводитъ различія между королемъ французовъ и императоромъ австрійскимъ? Развѣ у него по отношенію къ обоимъ государямъ одинаковое поведеніе, одни и тѣ же приемы?

Киселевъ. Извините меня, я не могу вступить въ обсужденіе подобнаго предмета.

Гизо. Знаю. Но я и не прошу васъ обсуждать его со мною или отвѣчать мнѣ. Я прошу васъ только выслушать меня и передать графу Нессельроде то, что я имѣю честь говорить вамъ. Я отвѣчу на выраженное имъ мнѣ серьезное уваженіе полною откровенностью. Когда касаешься сути вещей, такая рѣчь одна только пристойна и дѣйствительна. И такъ, говоря откровенно, развѣ проведеніе различія между королемъ ея и другими государями не означаетъ неблагопріятнаго расположенія къ Франціи? Можемъ ли мы, должны ли не обращать на это вниманія? Мы придаемъ этому большую важность. Означенный фактъ вліяетъ на наше расположеніе, на нашу политику. Если бы императоръ не призналъ того, что совершила Франція въ 1830 году или даже, если бы, не вступая съ нами въ открытую и положительную вражду, онъ остался бы чуждъ нашему правительству и не поддерживалъ бы съ нами правильныхъ и обычныхъ между государствами сношеній, мы могли бы находить, мы нашли бы, что онъ слѣдуетъ дурной политикѣ, но намъ нельзя было бы сказать ничего другого. Но императоръ призналъ то, что совершилось у насъ въ 1830 году. Скажу болѣе: я знаю, что онъ предсказалъ королю Карлу X послѣдствіе нарушенія имъ хартіи. Какъ согласовать политику, столь прозорливую и разумную, съ поведеніемъ, коего императоръ придерживается донынѣ относительно короля? Мнѣ извѣстна суть мыслей императора. Онъ полагаетъ, что въ 1830 году можно было сохранить королемъ герцога Бордосскаго, давъ ему герцога Орлеанскаго въ опекуны и въ регенты королевства. Онъ находитъ, что должно было поступить такъ и хотеть выразить порицаніе за то, что у насъ пошли дальше. Милостивый государь, я не стану избѣгать этого вопроса, болѣе чѣмъ всякаго другого. Я служилъ реставраціи. Я никогда не вступалъ въ заговоры противъ нея. Но въ 1830 году возможно было только то, что сдѣлано. Всякая иная попытка была бы тщетна, совершенно тщетна. Герцогъ Орлеанскій только погубилъ бы ея себя и погубилъ бы безуспѣшно. Онъ призванъ былъ на престолъ потому, что одинъ въ то время могъ занять его. Онъ принялъ

престоль потому, что не могъ отъ него отречься, не погубивъ и Франціи, и монархіи. Необходимость создала и выборъ націи и согласіе принца. И императоръ Николай самъ почувствовалъ это, тотчасъ же и безъ колебаній признавъ то, что совершилось во Франціи. Онъ тоже, какъ и мы, какъ и вся Европа, призналъ и допустилъ необходимость, единственное средство къ поддержанію порядка и европейскаго мира. И, конечно, мы въ правѣ сказать, что король и его правительство оказались вполнѣ на высотѣ своего призванія. Какой государь защищалъ съ большею настойчивостью, съ бѣльшимъ мужествомъ, дѣло благой политики, политики консервативной? Найдется ли другой, во всѣ времена, который больше бы сдѣлалъ, сдѣлалъ бы столько для безопасности всѣхъ престоловъ и для покоя всѣхъ народовъ?

Киселевъ. Никто не признаетъ это болѣе императора; никто не воздаетъ бѣльшей справедливости королю, его искусству, его мужеству; никто не говоритъ громче о всемъ, чѣмъ обязана ему Европа.

Гизо. Знаю. Но позвольте мнѣ сдѣлать еще одинъ шагъ на пути полной откровенности. Этотъ король, имѣющій такія заслуги предъ Европой,—развѣ русскіе, посѣщающіе Парижъ, воздаютъ ему должное? Свидѣтельствуютъ ли они ему свое почтеніе? Императоръ, такъ хорошо знакомый съ правами державнаго величества, неужели онъ думаетъ, что столь странное забвеніе служить на пользу монархическаго, его собственнаго дѣла? Думаетъ ли онъ, что поддерживаетъ достоинство и силу монархическихъ идей, допуская, чтобы его подданные не воздавали должнаго монарху, который защищаетъ эти идеи съ наибольшимъ мужествомъ и опасностью и на благо всѣмъ?

Киселевъ. У насъ своя щекотливость. Ваша печать, ваша трибуна, много другихъ манифестацій, неоднократно оскорбляли насъ. А у насъ нѣтъ печати, ни трибуны, чтобы отражать оскорбленія. Наше средство обнаруживать чувства наши заключается въ полномъ отождествленіи себя съ императоромъ... Мы чувствуемъ какъ и онъ самъ все, что относится къ нему, раздѣляемъ его впечатлѣнія, его намѣренія, близко приобщаемся къ нимъ. Таковъ инстинктъ, обычай, таковъ патріотизмъ нашего общества, нашего народа.

Гизо. И онъ приноситъ ему честь. Я знаю на какой случай вы намекаете. Я первый заявляю, что эта тѣсная связь народа со своимъ государемъ представляетъ нѣчто великое и прекрасное. Русское общество право, проявляя преданность къ императору, вступающа за него, гордясь имъ; но оно не должно удивляться, что и я тоже щекотливъ и гордъ за счетъ короля. Таковъ мой долгъ, и императоръ, я въ томъ увѣренъ, одобряетъ меня за это, и этому я, быть можетъ, обязанъ частью уваженія, коимъ онъ меня почтилъ. Что же касается до печати, вы хорошо знаете, что мы не отвѣчаемъ, не можемъ отвѣчать за нее.

Киселевъ. Знаю. Однако, когда видишь въ газетахъ наиболѣе преданныхъ правительству короля, наиболѣе вѣрныхъ его политикѣ, вещи оскорбительныя, враждебныя намъ, то нельзя, чтобы это не произвело впечатлѣнія и впечатлѣнія неприятнаго.

Гизо. Меня это не удивляетъ, и когда это случается, то я скорблю объ этомъ. Но нѣтъ средствъ всему помѣшать. Къ тому же, какъ вы хотите, чтобы извѣстное расположеніе императора, его поведеніе, приемы, оставались у насъ безъ послѣдствій? То, на что вы жалуетесь, прекратилось бы, намъ было бы, по крайней мѣрѣ, и пріятнѣе и легче подавлять, если бы вы находились съ нами въ отношеніяхъ вполне правильныхъ и пристойныхъ, пріятныхъ французской публикѣ. Въ нашихъ палатахъ я далъ не мало сраженій, а иногда и выигрывалъ ихъ; но за чѣмъ стану я компрометировать себя и напрягать свои силы для разъясненія, что параграфъ о Польшѣ неумѣстенъ въ адресахъ, и что надо изъять его оттуда? Часто говорятъ, я это знаю, будто оскорбляющіе насъ приемы императора—дѣло личное, что они не вліяютъ на политику его правительства, и что отношенія обоихъ государствъ не страдаютъ отъ нихъ. Если бы это была и правда, то мы не можемъ, не должны этимъ удовольствоваться. Развѣ независимо отъ дѣла, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, личное обращеніе, личныя сношенія государей, не представляютъ всегда великой важности? Развѣ приличествуетъ монархистамъ взирать на нихъ равнодушно? Если бы мы и были расположены къ тому, опытъ 1840 года обличилъ бы наше заблужденіе. Время это и дѣла его уже далеки отъ насъ; можно вполне свободно разсуждать о нихъ. Можемъ ли мы не признать, что вы много постарались тогда, чтобы разсорить насъ съ Англіей?

Киселевъ прервалъ Гизо, повторяя, что не можетъ ни допустить его словъ, ни оспаривать ихъ, и просилъ не считать его молчаніе за знакъ согласія.

Гизо. Будьте спокойны, мнѣ извѣстенъ вашъ превосходный образъ мыслей, и я не желалъ бы ни на минуту поставить васъ въ затруднительное положеніе; но, повторяю, разъ мы коснулись сути дѣла, мнѣ необходимо хорошенько разсмотрѣть все, что она заключаетъ. Простите же мнѣ мой монологъ. Говоря, что вы хотѣли разсорить насъ съ Англіей, я не правъ. Императоръ слишкомъ разсудителенъ, чтобы желать въ Европѣ настоящей ссоры, серьезныхъ смуть, быть можетъ войны: нѣтъ, вы хотѣли не разсорить насъ съ Англіей, а ухудшить, охладить наши отношенія, изолировать насъ, поставить внѣ Европы. Когда мы увидали это, когда извѣдали послѣдствія личныя чувствъ императора, могли ли мы повѣрить, что они нисколько не вліяютъ на политику его кабинета? Не должны ли мы были принять ихъ въ серьезное соображеніе? Такъ мы и поступили, такъ и будемъ поступать всегда. А между тѣмъ, мы остались вполне вѣрны нашей политикѣ, не

только мирной, но и клонящейся къ установленію добраго согласія въ Европѣ. У насъ не было недостатка въ случаяхъ, для подражанія вашему примѣру 1840 года. Намъ было бы легко, недавно еще, по поводу Сербіи, эксплуатировать, разжигать въ Константинополѣ ваше зарождавшееся несогласіе съ Портою, поддерживать противъ васъ подозрѣнія и сопротивленіе Европы; мы этого не сдѣлали, мы преподали Портѣ самые умѣренные совѣты, мы сказали ей, что добрыя отношенія съ вами составляютъ, какъ для Европы, такъ и для нея самой, высшій интересъ. Мы открыто провозгласили и примѣнили возвышенную политику и отложили въ сторону политику мелкую, годную лишь на то, чтобы сѣять затрудненія и раздраженія посреди мира, который всѣ поддерживаютъ и хотятъ поддержать.

Киселевъ. Нашъ кабинетъ отдаетъ полную справедливость поведенію и направленію барона Буркенэ¹⁾ въ Константинополѣ. Онъ вамъ признателенъ за это и мнѣ поручено прочесть вамъ депешу въ коей онъ выражаетъ полное свое удовольствіе.

Гизо. Очень буду радъ выслушать ее²⁾.

Французскій министръ тотчасъ же отправилъ полный отчетъ о своемъ разговорѣ съ нашимъ представителемъ своему повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ, для личнаго его свѣдѣнія. Онъ хорошо понималъ то, о чемъ какъ бы и не подозрѣвали въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а именно, что въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ въ Лондонѣ, вовсе не считаютъ желательнымъ сближеніе Франціи съ Россіей и всячески стануть противодѣйствовать ему, коль скоро зайдетъ о немъ рѣчь. Вотъ почему Гизо предписалъ сначала барону д'Андре хранить глубокое молчаніе о сообщенномъ ему объясненіи и только внимательно прислушиваться къ отголоскамъ его въ Петербургѣ³⁾. Но на другой же день онъ измѣнилъ рѣшеніе и нашелъ необходимымъ отвѣчать любезностью на недавнюю любезность графа Нессельроде. Съ этою цѣлью была написана къ д'Андре депеша, предназначенная для сообщенія нашему двору. Въ ней Гизо, поблагодаривъ вице-канцлера за высказанное въ депешѣ къ Киселеву лестное мнѣніе о немъ, возражалъ противъ приписаннаго ему недостатка дружественнаго расположенія къ Россіи. «Слова эти»,— оправдывался онъ,—«причинили мнѣ немалое удивленіе, и я не могу принять ихъ. Интересы и честь моего государя и отечества составляютъ для меня единственное мѣрило расположенія, вносимаго мною въ отношенія къ правительствамъ, съ коими я имѣю честь вести переговоры. Графъ Нессельроде, столь прекрасно придержи-

¹⁾ Французскій посланникъ при Портѣ Оттоманской.

²⁾ Отчетъ о разговорѣ Гизо съ Киселевымъ напечатанъ въ приложеніи къ «Запискамъ» перваго: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, VI, стр. 503—508.

³⁾ Гизо барону д'Андре, 1 (13) апрѣля 1843.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1887 г., т. XXX.

вавшийся этого правила въ теченіе своей долговременной и славной карьеры, не станетъ оспаривать его у другихъ, и чувства, только что выраженныя имъ намъ отъ имени императорскаго кабинета, облегчаютъ мнѣ нынѣ обязанность, которую я исполняю, отвергая высказанное имъ предположеніе»¹⁾. Д'Андре былъ уполномоченъ прочесть графу Нессельроде эту депешу, но, отправляясь къ нему, взять съ собою и отчетъ о бесѣдѣ Гизо съ Киселевымъ и при случаѣ ознакомить съ нимъ вице-канцлера²⁾.

Сообщеніе д'Андре вызвало въ Нессельроде нѣкоторое смущеніе. Выслушавъ оправданія Гизо, изложенныя въ оффиціальной депешѣ, онъ ограничился замѣчаніемъ, что Киселевъ не долженъ былъ сообщать его депешу, заключавшую фразу на которую возражалъ Гизо. Затѣмъ, онъ прочелъ вслухъ донесеніе Киселева о его разговорѣ съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и выслушалъ отчетъ о томъ же, прочитанный д'Андре. Онъ обѣщаль еще отвѣтить Гизо чрезъ Киселева, и сказалъ, отпуская своего посѣтителя:—«Когда объясненія происходятъ съ такою искренностью и откровенностью, они лучшее средство придти къ соглашенію».

Изъ словъ этихъ молодой и впечатлительный дипломатъ заключилъ, что все дѣло улажено, что несогласіямъ между Россією и Францією уже насталь конецъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, государь на выходѣ во дворцѣ спросилъ его, не имѣетъ ли онъ извѣстій отъ Баранта? Вскорѣ послѣ посѣщенія имъ вице-канцлера, на придворномъ приѣмѣ, состоявшемся въ день именинъ императрицы, его величество снова обратился къ нему съ вопросомъ: «Нѣтъ ли чего новаго изъ Парижа?»—«Ничего, государь, за исключеніемъ курьера, прибывшаго ко мнѣ на прошлой недѣли»,—отвѣчалъ д'Андре. «А когда увидимся мы съ г. де-Барантомъ?» Отвѣтомъ недоумѣвавшаго дипломата была его улыбка. Государь также улыбнулся и прошелъ далѣе, кивнувъ ему головою.

«Только большою перемѣною»,—доносилъ д'Андре въ Парижъ,—«можно объяснить себѣ, что его величество задалъ мнѣ подобный вопросъ во время приѣма. Съ его стороны, это—авансъ, и, конечно, самъ онъ такъ смотритъ на дѣло. Вѣроятно, вопрошая меня, императоръ полагаль, что мнѣ извѣстны разговоры его съ графомъ Нессельроде и депеши, посланныя въ Парижъ по его приказанію, тогда какъ графъ Нессельроде, которому я только что поклонился, ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ». Д'Андре былъ того мнѣнія, что государь считаль также дѣло оконченнымъ и ожидалъ лишь извѣстій изъ Парижа, чтобы направить туда графа Палена. Утверждало его въ этомъ предположеніи и то, что императрица также освѣдомилась у него о Барантѣ³⁾.

¹⁾ Гизо барону д'Андре, 2 (14) апрѣля 1843.

²⁾ Приписка отъ 2 (14) апрѣля къ депешѣ отъ 1 (13).

³⁾ Баронъ д'Андре Гизо, 25 апрѣля (3 мая) 1843.

Появленіе Киселева у Гизо съ отвѣтнымъ письмомъ Нессельроде разсѣяло заблужденія французской дипломатіи. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ началъ съ сообщенія двухъ официальныхъ депешъ по дѣламъ Сербіи и Греціи. Въ первой изъ нихъ вице-канцлеръ выражалъ французскому правительству благодарность за его сдержанное и безпристрастное поведеніе въ спорѣ, возникшемъ между нами и Портою по поводу незаконнаго избранія въ сербскіе князья Александра Карагеоргіевича, и доказывалъ, что въ дѣлѣ этомъ право на сторонѣ Россіи, замѣтивъ при томъ, что напрасно Гизо думаетъ, будто въ 1840 году мы старались разсорить Францію съ Англіею. Французскій министръ, принявъ благодарность графа Нессельроде, сталъ однако отстаивать свое мнѣніе.—«Позвольте»,—сказалъ онъ Киселеву,—«сохранить за собою преимущество нашего безпристрастія въ 1843 году. Я не могу сомнѣваться въ усиліяхъ вашего кабинета въ 1840 году, съ цѣлью вызвать или обострить наши несогласія съ Англіею. Императоръ громко высказалъ свое удовольствіе по поводу ихъ. Барантъ донесъ мнѣ о томъ въ свое время. Мы не захотѣли отплатить вамъ тѣмъ же, разжигая ссору вашу съ Портою. Мы не подражали вашему поведенію въ 1840 году, но и не могли позабыть его».

Вторая депеша касалась греческихъ дѣлъ. Вице-канцлеръ былъ очень доволенъ соглашеніемъ, состоявшимся между тремя державами-покровительницами, и сообщалъ инструкціи, данныя нашему посланнику въ Аѣинахъ, которому предписывалось дѣйствовать обща со своими товарищами великобританскимъ и французскимъ и подчиняться рѣшеніямъ лондонской конференціи. Гизо поблагодарилъ и за это и высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Элладѣ, настаивая на необходимости для представителей трехъ державъ не увлекаться страстями и ссорами мѣстныхъ политическихъ партій.

Наконецъ, Киселевъ сообщилъ министру длинное довѣрительное письмо графа Нессельроде, долженствовавшее служить отвѣтомъ на его недавнія заявленія. Вице-канцлеръ приглашалъ Гизо не возвращаться къ несогласіямъ, происходившимъ между обоими дворами, ранѣе образованія послѣдняго французскаго министерства, а заняться исключительно настоящимъ. По мнѣнію его, у Россіи были тогда важныя причины, побуждавшія ее не дѣлать парижскому двору частыхъ и довѣрительныхъ сообщеній по европейскимъ вопросамъ. Но нынѣ Франція поступаетъ благоразумно, не ища ссорить Россію съ прочими державами, потому что она не нашла бы болѣе въ Англіи прежней союзницы, усердной и преданной, каковою та была въ десятилѣтіе съ 1830 по 1840 годъ, когда виги были у власти, а Пальмерстонъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Гизо, внимательно выслушавъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, прямо заявилъ ему, что единственнымъ средствомъ положить конецъ не-

доразумѣніямъ прошлымъ и настоящимъ заключается въ одновременномъ возвращеніи обоихъ пословъ, Палена въ Парижъ и Баранта въ Петербургъ ¹⁾).

Предложеніе это не имѣло ожидаемаго и страстно желаемого въ Парижѣ успѣха. При встрѣчѣ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, графъ Нессельроде сказалъ ему:—«Между нами, я думаю, что правительство ваше слишкомъ поторопилось. Въ настоящую минуту нѣтъ надобности заниматься нѣкоторыми изъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ данныхъ мнѣ вамъ для прочтенія письмахъ. Императоръ нашелъ, что ему навязываютъ условія, и это испортило хорошее впечатлѣніе перваго отчета. Впрочемъ, хотя дѣло и испорчено, но далеко не навсегда и при первомъ случаѣ можно будетъ взяться за него снова» ²⁾).

Слѣдующая депеша Гизо къ барону д'Андре, служа отвѣтомъ на послѣднее объясненіе вице-канцлера, сообщенное Киселевымъ, заключила длинный рядъ изложенныхъ нами переговоровъ, оставшихся безплодными:

«...Графъ Нессельроде полагаетъ, повидимому, что я взялъ инициативу этихъ разговоровъ и объясненій, къ коимъ они повели, а именно по вопросу о возвращеніи пословъ въ Парижъ и въ С.-Петербургъ. Я остановился, прочитавъ это мѣсто его депеши и напомнилъ г. Киселеву, что началомъ нашимъ бесѣдамъ послужила фраза, которою, въ депешѣ своей отъ 21-го марта, графъ Нессельроде, поручивъ ему поздравить меня съ результатомъ обсужденія тайнаго фонда, заподозрилъ меня въ недостаточно благопріятномъ расположеніи къ Россіи. Я, очевидно, не могъ пройти молчаніемъ этого предположенія и не объясниться на счетъ моихъ намѣреній, дурно или вовсе не понятыхъ. Если бы графъ Нессельроде ограничился обращеніемъ ко мнѣ поздравленій, коимъ заключалась его депеша, мнѣ и на мысль бы не пришло что либо прибавить къ выраженію его благодарности. Но приписывая мнѣ неблагопріятное расположеніе относительно Россіи, онъ ставилъ меня въ безусловную необходимость отвергнуть это предположеніе и поставить мои чувства и ихъ побужденія внѣ всякаго сомнѣнія или ложной оцѣнки. Вотъ чѣмъ вызвана была первая моя бесѣда съ г. Киселевымъ и данныя мною ему объясненія.

«Что же касается до возвращенія пословъ, то императоръ, спросивъ васъ 3-го мая на приемѣ во дворцѣ: «когда увидимъ мы г. Баранта?» поставилъ меня въ тѣмъ ббльшую необходимость отвѣтить во второмъ моемъ разговорѣ на столь положительный вопросъ, и я не могъ дать отвѣта, не выразивъ съ полною откровенностью мнѣнія правительства короля по этому предмету и его мотивовъ.

¹⁾ Гизо барону д'Андре, 8 (20) мая 1843.

²⁾ Баронъ д'Андре Гизо, июнь 1843.

«Я напомнилъ г. Киселеву объ этихъ подробностяхъ и нынѣ возвращаюсь къ нимъ въ обращеніи къ вамъ лишь потому, что графъ Нессельроде говоритъ два или три раза въ своей депешѣ, что я принялъ инициативу объясненій, что далъ я ихъ по собственному побужденію. Я могъ бы дать ихъ по собственному побужденію, ибо они не имѣли иной цѣли какъ основаніе отношеній обоихъ дворовъ на почвѣ совершенной истины и взаимнаго достоинства; но не подлежитъ сомнѣнію, что я побужденъ былъ дать ихъ и любезнымъ упрекомъ, сдѣланнымъ мнѣ графомъ Нессельроде въ депешѣ отъ 21-го марта, и благосклоннымъ вопросомъ, поставленнымъ вамъ императоромъ 3-го мая. Я не могъ бы, не нарушивъ моего долга и приличій, пройти молчаніемъ подобныя слова.

«Графъ Нессельроде полагаетъ, что, вступивъ въ объясненія, о которыхъ я напомнилъ, мы слишкомъ поторопились достигнуть цѣли и были слишкомъ рѣшительны въ словахъ. Если бы послы возвратились къ своимъ постамъ, улучшение сношеній обоихъ дворовъ могло бы совершиться мало по малу и безъ шума. Мы захотѣли получить увѣренность, слишкомъ положительную и внезапную.

«Тутъ я снова прервалъ мое чтеніе. «Я не могу», — сказала я г. Киселеву, — «принять этотъ упрекъ; по мнѣнію моему, то, что я сдѣлалъ, должно было быть сдѣлано, то, что я сказалъ, должно было быть сказано двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ вопросахъ, гдѣ замѣшано достоинство, нельзя не объясниться вполне откровенно и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Объясненія эти не должны быть поставлены въ зависимость отъ неопредѣленныхъ случайностей, ни отъ чьего либо произвола. Безъ восстановленія добрыхъ и правильныхъ отношеній между двумя государями и двумя дворами, возвращеніе пословъ страдало бы недостаткомъ правды и приличія. Король предпочелъ остаться при повѣренныхъ въ дѣлахъ.

«Императоръ», — продолжаетъ графъ Нессельроде въ своей депешѣ, — «не можетъ принять столь рѣшительно указанныхъ условій. Коль скоро, въ настоящемъ положеніи обоюдныхъ сношеній, король предпочитаетъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, то императоръ полагается на него въ опредѣленіи того, что нужно въ данномъ случаѣ».

«Мы никогда и не помышляли», — сказала я, — «предписывать условія. Требуя то, что намъ долѣтъ, мы не условія предписываемъ, а отстаиваемъ свое право. Мы высказали просто, откровенно, въ духѣ искренности то, что считаемъ предписаннымъ не императору, а намъ самимъ, собственнымъ нашимъ достоинствомъ».

Депеша заканчивается заявленіемъ, что расположеніе с.-петербургскаго кабинета, относительно сношеній и дѣлъ обѣихъ странъ, останется попрежнему благосклоннымъ. «Я то же самое сказалъ г. Киселеву. Правительство короля уже доказало, что умѣетъ держать свою политику внѣ, я могъ бы сказать, — выше всякаго чисто личнаго впечатлѣнія. Оно будетъ продолжать дѣйствовать во всѣхъ

обстоятельствахъ съ тѣми же умѣренностью и безпристрастіемъ. Вообще, оно видитъ во взаимныхъ отношеніяхъ Франціи и Россіи лишь поводы къ доброму согласію обѣихъ странъ, и если въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, отношенія ихъ не всегда представляли этотъ характеръ, то потому что сношенія обоихъ государей и обоеихъ дворовъ не со всѣмъ гармонировали съ этимъ существеннымъ фактомъ. Правильность этихъ сношеній—и графъ Нессельроде можетъ припомнить, что мы часто предсказывали это,—сама по себѣ уже составляетъ важный вопросъ, отражающійся на политикѣ обоеихъ государствъ. Правительство короля воспользовалось представившимся ему случаемъ, дабы объясниться по этому вопросу съ серьезною откровенностью, и въ интересъ монархическаго порядка въ Европѣ, равно какъ и ради собственнаго достоинства, оно и останется при томъ, что почитаетъ своимъ правомъ и высшимъ приличіемъ престоловъ¹⁾.

VI.

Послѣдніе годы іюльской монархіи.

Примирительныя попытки Франціи, изложенныя въ предшедшей главѣ не только не улучшили, но можно даже сказать въ значительной степени ухудшили отношенія ея къ Россіи. Выяснилась истинная причина разлада, тѣмъ труднѣе устранимая, что заключалась она не въ недоразумѣніи относительно обоюдныхъ интересовъ, а въ личныхъ воззрѣніяхъ императора Николая на короля Лудовика-Филиппа и источникъ его власти. Нигдѣ и ни въ чемъ политика Франціи не перечила нашей, напротивъ, у обѣихъ странъ оказывались несомнѣнныя точки соприкосновенія, общность видовъ и выгодъ. И все это разбивалось о безгливость русскаго государя, ни за что не хотѣвшаго протянуть руку королю французовъ, какъ равноправному члену семьи европейскихъ монарховъ. Достоинство же парижскаго двора требовало признанія этой равноправности какъ *conditio sine qua non* нормальныхъ дружественныхъ сношеній.

Во время пребыванія своего въ Англіи, лѣтомъ 1844 года, императоръ Николай откровенно высказалъ британскимъ министрамъ взглядъ свой на положеніе дѣлъ во Франціи. Онъ признавалъ достоинства Лудовика-Филиппа какъ государя, заслуги его по поддержанію порядка во Франціи и мира въ Европѣ, выражалъ даже желаніе видѣть утвержденіе его династіи и спокойный переходъ французскаго престола его наслѣднику. «Но»,—заключилъ онъ,—

¹⁾ Гизо барону д'Андре, 26-го іюня (8 іюля) 1843.

«лично, я никогда не буду его другомъ»¹⁾). Гораздо далѣе шли предубѣжденія тогдашней русской дипломатіи. Она рѣшительно отказывалась вѣрить въ прочность порядка, созданнаго июльскою революціею и заподозривала короля и его совѣтниковъ всѣхъ партій во властолюбивыхъ и безпокойныхъ замыслахъ, направленныхъ къ низверженію установленнаго договорами территориальнаго устройства не только на Западѣ, но и на Востокѣ²⁾).

Мнѣнія эти были навѣяны нашимъ дипломатамъ ихъ Эгеріею, Меттернихомъ, въ промежутокъ времени между 1833 и 1840 годами полновластно господствовавшимъ надъ всѣмъ русскимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ. Политика австрійскаго канцлера, какъ мы уже неоднократно имѣли случай указывать, заключалась именно въ томъ, чтобы, сближаясь съ Франціею, насколько позволяли обстоятельства, всѣми силами стараться отдалить отъ нея Россію. Но послѣ событій начала сороковыхъ годовъ, обличившихъ неисправимость вѣнскаго двора въ двуличіи и лукавствѣ по отношенію къ намъ, вліяніе его сильно ослабѣло въ Петербургѣ. Къ несчастію, увлеченіе Австріею смѣнилось въ нашихъ дипломатахъ неудержимымъ стремленіемъ къ единенію съ Англіею, главнымъ сторонникомъ и проводникомъ котораго явился посланникъ въ Лондонѣ баронъ Брунновъ. Онъ ручался за успѣхъ своихъ усилій расположить въ нашу пользу торійскій кабинетъ и разорвать «сердечное соглашеніе», съ 1830 года болѣе или менѣе искренно существовавшее между Англіею и Франціею. Обстоятельство это, конечно, содѣйствовало неудачѣ предпринятыхъ Гизо попытокъ къ примиренію съ нами.

Сознательно или нѣтъ, но Брунновъ ошибался. Министры-торіи дѣйствительно желали жить въ мирѣ и дружбѣ съ Россіею, но и не помышляли о порваніи въ угоду намъ связей, соединявшихъ ихъ съ Франціею. Связи эти стали еще тѣснѣе и прочнѣе прежняго со времени вступленія на престолъ королевы Викторіи и брака ея съ принцемъ Альбертомъ Саксенъ-Кобургскимъ. Молодая чета состояла въ близкомъ родствѣ съ орлеанскою династіею и руководимая дядею своимъ, королемъ Леопольдомъ бельгійскимъ, очень скоро подружилась съ французскою королевскою семьею. Личныя сношенія обоихъ царственныхъ домовъ завязались посѣщеніемъ лондонскаго двора сыновьями Лудовика-Филиппа, а лѣтомъ 1843 года, англійская королева и принцъ-супругъ неожиданно навѣстили въ замкѣ Э, короля и королеву французовъ. Въ слѣдующемъ 1844 году, осенью, Лудовикъ-Филиппъ отдалъ имъ визитъ въ Виндзорѣ, а

¹⁾ См. мою статью: «Императоръ Николай въ Лондонѣ въ 1844 году», «Историческій Вѣстникъ», мартъ, 1886 года, стр. 616 и 617.

²⁾ Ср. отзывъ барона Бруннова, приведенный въ книгѣ моей: «Внѣшняя политика императора Николая», стр. 475—478.

годъ спустя они снова были его гостями въ томъ же замкѣ въ Нормандіи.

Такая предупредительность по отношенію къ королю французъ и семьѣ его рѣзко контрастовала съ непреклонностью императора Николая и не могла не отразиться и на политическихъ сношеніяхъ кабинетовъ обѣихъ морскихъ державъ. Внимательность королевы Викторіи къ тюильрійскому двору была такъ велика, что когда въ концѣ 1846 года стали неизбежны отставка торійскаго министерства и замѣна его вигами, въ кабинетѣ которыхъ портфель иностранныхъ дѣлъ предназначался лорду Пальмерстону, то королева потребовала, чтобы послѣдній, ранѣе своего назначенія, съѣздивъ въ Парижъ примириться съ Лудовикомъ-Филиппомъ и Гизо, все еще не прощавшими ему устраненія Франціи изъ турецко-египетской конвенціи 1840 года. Гордый и своенравный министръ подчинился требованію своей государыни и въ короткое пребываніе въ столицѣ Франціи успѣлъ до того обворожить французовъ, что, какъ повѣтствуетъ его біографъ, скоро изъ «наводящаго ужасъ» обратился въ «милаго лорда Пальмерстона». По возвращеніи въ Лондонъ состоялось назначеніе его министромъ иностранныхъ дѣлъ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе при Пальмерстонѣ, пресловутое «сердечное соглашеніе» Англіи съ Франціею не могло долго продолжаться. По справедливому замѣчанію короля Лудовика-Филиппа, министръ этотъ любилъ ссориться преимущественно съ друзьями. Впрочемъ, слѣдуетъ признать, что поводъ къ этой ссорѣ подалъ самъ парижскій дворъ поведеніемъ своимъ въ дѣлѣ, такъ называемыхъ, «испанскихъ браковъ».

Не вдаваясь въ подробности этого сложнаго дѣла, къ тому же вполне отошедшаго въ область исторіи, постараемся изложить его сущность въ короткихъ словахъ. Вопросъ о томъ, кто будетъ мужемъ молодой испанской королевы, Изабеллы II, давно озабочивалъ кабинеты лондонскій и парижскій. Первый, опасаясь утвержденія вліянія Франціи въ Испаніи, потребовалъ отъ Лудовика-Филиппа положительнаго обѣщанія не искать руки ея католическаго величества для одного изъ сыновей своихъ, и обѣщаніе это было дано лично королемъ французовъ королевѣ Викторіи при второмъ посѣщеніи ея въ Э, въ 1845 году. Но въ свою очередь, парижскій кабинетъ заявилъ лондонскому, что не допуститъ иныхъ соискателей, кромѣ бургонскихъ принцевъ испанскихъ или неаполитанскихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что у королевы Изабеллы была еще меньшая сестра, инфанта Луиза-Фернанда, на которой Лудовикъ-Филиппъ желалъ женить младшаго своего сына, герцога Монпансьерскаго, но и этому воспротивились въ Лондонѣ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не выйдетъ замужъ королева и не будетъ

¹⁾ Ashley the life of Viscount Palmerston, I p. 498.

имѣть дѣтей, условіе, на которое тюильрійскій дворъ также выразилъ согласіе. Между тѣмъ, лордъ Пальмерстонъ, только что вступивъ въ должность, въ инструкціи англійскому посланнику въ Мадритѣ, сообщенной и французскому правительству, поименовалъ во главѣ списка жениховъ принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, брата принца Альберта и, слѣдовательно, зятя королевы Викторіи. Кандидатура послѣдняго сочтена была Лудовикомъ-Филиппомъ и Гизо за нарушеніе ихъ уговора съ Англіею, а потому французскому представителю при испанскомъ дворѣ поручено было настоять на скорѣйшемъ заключеніи брака королевы съ ея двоюроднымъ братомъ, донъ-Францискомъ д'Ассизи, и одновременно просить руки инфанты для герцога Монпансьерскаго. Ловкій дипломатъ съ успѣхомъ исполнилъ оба порученія и въ концѣ августа (началѣ сентября) 1846 года возвѣщенъ былъ въ Мадритѣ предстоящій двойной бракъ—королевы съ инфантомъ и сестры ея съ сыномъ короля французовъ.

Тѣмъ тѣснѣе была привязанность и дружба, соединявшая обѣ королевскія семьи французскую и англійскую, тѣмъ рѣшительнѣе, ожесточеннѣе, непримиримѣе оказался послѣдовавшій между ними разрывъ. Король Лудовикъ-Филиппъ и королева Викторія въ довѣрительныхъ письмахъ къ дочери перваго, королевѣ бельгійской Луизѣ, упрекали другъ друга въ обманѣ, въ нарушеніи даннаго слова. Пальмерстонъ, давно и искренно ненавидѣвшій и презиравшій короля французовъ и его перваго министра, не стѣснялся въ своей перепискѣ официальной и частной, клеймя ихъ образъ дѣйствій и личный характеръ самыми оскорбительными выраженіями. «Сердечное соглашеніе» исчезло, какъ призракъ, не оставивъ по себѣ иного слѣда, кромѣ взаимной злобы и жажды мщенія. Такова неминуемая участь всѣхъ политическихъ сочетаній, построенныхъ на умозрительныхъ разсужденіяхъ объ общности политическихъ началъ, когда они идутъ въ разрѣзъ съ реальными интересами государствъ, съ непреложными законами ихъ развитія, истекающими изъ опыта исторіи. Единеніе Англіи съ Франціею было явленіемъ противуестественнымъ, насильственно осуществленнымъ во имя отвлеченной доктрины. Оно распалось въ прахъ при первомъ столкновеніи теоретическихъ мечтаній съ практическою дѣйствительностію.

Съ «испанскими браками» совпало новое проявленіе солидарности трехъ сѣверныхъ дворовъ, послѣднее передъ революціонною бурею 1848 года, поколебавшею основанія священнаго союза. По взаимному соглашенію Россіи, Австріи и Пруссіи, вольный городъ Краковъ покончилъ свое независимое существованіе и былъ присоединенъ къ австрійскимъ владѣніямъ. Англія и Франція хотя и протестовали противъ такого рѣшенія, но протестовали каждая отдѣльно, такъ какъ Пальмерстонъ и слышать не хотѣлъ о

совмѣстномъ дѣйствиі съ Гизо¹⁾). Содержаніе обоихъ протестовъ, по старой привычкѣ, все еще представляло большое сходство. Англійскій министръ заявлялъ, что по мнѣнію великобританскаго кабинета, уничтоженіе независимости Кракова не было вызвано необходимостью и составляло прямое нарушеніе заключительнаго акта вѣнскаго конгресса²⁾. То же утверждалъ въ своей депешѣ Гизо, и даже тономъ гораздо болѣе торжественнымъ. «Послѣ долгихъ и опасныхъ волненій», — писалъ онъ, — «которые такъ глубоко поколебали Европу, европейскій порядокъ былъ основанъ и поддерживается донынѣ лишь уваженіемъ договоровъ и всѣхъ установленныхъ ими правъ. Ни одна держава не можетъ освободиться отъ нихъ, не освободя въ то же время и всѣ прочія. Франція не забыла скорбныхъ жертвъ, наложенныхъ на нее трактатами 1815 года; она могла бы обрадоваться поступку, который дозволилъ бы ей, въ силу справедливой взаимности, руководствоваться впредь лишь предусмотрительнымъ расчетомъ своихъ интересовъ, а между тѣмъ она призываетъ къ вѣрному соблюденію этихъ самыхъ трактатовъ державы, извлекая изъ нихъ главныя выгоды! Она въ особенности озабочивается сохраненіемъ установленныхъ правъ и уваженія независимости государствъ»³⁾.

Протестъ по Краковскому дѣлу былъ, впрочемъ, послѣднимъ дѣйствиемъ Гизо, направленнымъ противъ охранительнаго союза трехъ державъ сѣвера. Онъ живо чувствовалъ потребность сближенія если не со всѣми, то хотя съ одною изъ нихъ. О Россіи нечего было и думать. Пруссія, съ воцаренія Фридриха-Вильгельма IV, обнаруживала сильное тяготѣніе къ Англии. Оставалась Австрія.

Весною, 1847 года, Гизо отправилъ въ Вѣну тайнаго агента, нѣкоего Клиндворта, австрійца, поселившагося въ Парижѣ и занимавшагося тамъ газетною политикою. Ему было поручено увидѣться съ канцлеромъ и переговорить съ нимъ о четырехъ вопросахъ стоявшихъ въ то время на очереди европейскихъ кабинетовъ: 1) о намѣреніи короля прусскаго созвать представительное собраніе; 2) о несогласіяхъ, возникшихъ между Греціею и Портою; 3) о либеральномъ движеніи въ Италіи; 4) объ испанскомъ наслѣдствѣ. Посланный Гизо былъ принятъ Меттернихомъ съ большою предупредительностью и легко сошелся съ нимъ по всѣмъ перечисленнымъ выше предметамъ⁴⁾. По возвращеніи его въ Парижъ, Гизо обратился уже непосредственно къ австрійскому канцлеру съ лестивымъ письмомъ, въ которомъ прямо предлагалъ установленіе тѣс-

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Норманби, 7 (19) ноября 1846.

²⁾ Лордъ Пальмерстонъ великобританскимъ представителямъ въ Петербургѣ Вѣнѣ и Берлинѣ, 11 (23) ноября 1846.

³⁾ Гизо французскимъ представителямъ въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, 21 ноября (3 декабря) 1846.

⁴⁾ Князь Меттернихъ графу Анповъ, 31 марта (12 апрѣля) 1847.

наго соглашенія между Австрією и Францією. Онъ выражалъ сожалѣніе, что лишень возможности свидѣться съ нимъ и бесѣдовать лично. «Чѣмъ болѣе я познаю издали вашъ умъ»,—восклицалъ министръ Лудовика-Филиппа,—«тѣмъ болѣе испытываю нужду и желаніе видѣть васъ всецѣло. А видѣть можно въ дѣйствительности только своими глазами. Понимаешь другъ друга, лишь когда говоришь одинъ съ другимъ. За неимѣніемъ и въ ожиданіи сего,—такъ какъ я въ этомъ не отчаиваюсь,—я буду счастливъ вамъ писать съ тѣмъ, чтобы и вы мнѣ писали, и чтобы наши сообщенія, хотя и оставаясь отдаленными, были по меньшей мѣрѣ личными и интимными. Это не будетъ достаточно, но все же лучше для дѣль. А для меня это составитъ великое удовольствіе, равно какъ и великое благо въ дѣлахъ. Я не знаю высшаго удовольствія, какъ близкое общеніе съ великимъ умомъ». За этимъ заискивающимъ вступленіемъ слѣдовало изложеніе взгляда Гизо на положеніе дѣль въ Европѣ. Надъ всѣми прочими вопросами господствуетъ—де вопросъ социальный. Современное общество не въ упадкѣ, но по странному совпаденію, безпримѣрному въ исторіи, оно въ одно и то же время находится въ состояніи и развитія и разложенія; съ одной стороны полно жизни, съ другой подвергается опасности, смерти, которою грозитъ ему безначаліе. «Съ различными исходными точками и средствами дѣйствія,—продолжалъ Гизо,—мы боремся, вы и я,—я горжусь этою мыслью,—боремся съ цѣлью предохранить общество или исцѣлить его отъ зла. Вотъ въ чемъ нашъ союзъ. Вотъ чѣмъ, безъ специальныхъ и явныхъ конвенцій, мы можемъ всюду и въ каждомъ важномъ случаѣ придти къ соглашенію и взаимно поддерживать другъ друга». Поручившись за искренность консервативнаго направленія французской политики, Гизо въ слѣдующихъ словахъ развивалъ свои предложенія: «На западѣ и въ центрѣ Европы, въ Испаніи, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Германіи, социальный вопросъ волнуется и господствуетъ. Въ этихъ странахъ есть революціи, которыя должно закончить или предупредить. На востокѣ Европы, вокругъ Чернаго моря и Архипелага, вопросъ представляется болѣе политическимъ, чѣмъ социальнымъ. Тамъ государства, которыя приходится поддержать или сдержать. Только съ помощью Франціи и консервативной французской политики можно съ успѣхомъ бороться противъ духа революціи и безначалія, въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ витаетъ, т. е. въ западной Европѣ. А въ Европѣ восточной, гдѣ могутъ народиться столько политическихъ усложненій, французскій интересъ, очевидно, согласуется съ интересомъ европейскимъ и въ особенности съ австрійскимъ интересомъ»¹⁾). Смыслъ этихъ словъ былъ ясенъ: Гизо предлагалъ Меттерниху тѣсный союзъ на Западѣ противъ всемірной революціи и противъ Россіи на Востокѣ.

¹⁾ Гизо князю Меттерниху, 6 (18) мая 1847.

Но въ расчеты австрійскаго канцлера не входило мѣнять испытанную и могучую поддержку Россіи, на шаткую опору уже поколебленной въ своихъ основаніяхъ монархіи Лудовика-Филиппа. Тѣмъ не менѣе онъ не отвергнулъ предложеній Гизо, а отвѣчалъ на нихъ въ общихъ выраженіяхъ. «Франція»,—писалъ онъ ему,—«двигаясь въ консервативномъ направленіи можетъ быть увѣрена, что встрѣтится съ Австріею и одна эта встрѣча уже служитъ залогомъ всеобщаго покоя»¹⁾. Но мѣрѣ того, какъ яснѣе и повсемѣстнѣе стали проявляться первые предвѣстники наступавшей революціонной грозы, какъ обнаруживалось сочувствіе имъ и помощь лорда Пальмерстона, Меттернихъ, увѣренный въ Россіи, все болѣе и болѣе сближался съ Франціей. Выдѣленіе нѣсколькихъ швейцарскихъ кантоновъ въ особый союзъ и возгорѣвшаяся между ними и федеральнымъ правительствомъ борьба, дали реальную почву для этого сближенія. Какъ Австрія, такъ и Франція, враждебно относились къ центральной власти въ Швейцаріи, находившейся въ рукахъ радикаловъ и благопріятствовали, такъ называемому, Зондербунду католическихъ кантоновъ. Онѣ обвиняли федеральное правительство въ стремленіи посягнуть на кантональную независимость и тѣмъ нарушить конституцію союза, гарантированную Европою на вѣнскомъ конгрессѣ. Между Вѣною, Парижемъ и Берлиномъ происходили дѣятельные переговоры объ оказаніи поддержки Зондербунду противъ берлинскихъ радикаловъ, когда же послѣдніе окончательно восторжествовали надъ первыми, то представители упомянутыхъ трехъ дворовъ собрались на совѣщаніе въ столицѣ Франціи. Англія не только отказалась принять въ немъ участіе, но и дѣйствовала въ Швейцаріи прямо наперекоръ видамъ державъ материка, поддерживая федеральное правительство. Но Меттернихъ ручался за приступленіе Россіи къ общему ихъ рѣшенію. Оно состояло въ томъ, чтобы объявить въ торжественной деклараціи, что великія державы считаютъ швейцарскій союзъ распавшимся и впредь до его возстановленія приостанавливаютъ дѣйствіе преимуществъ, признанныхъ за нимъ въ 1815 году, разумѣя подъ этимъ нейтралитетъ Швейцаріи. Дальнѣйшимъ шагомъ должно было быть вооруженное вмѣшательство Австріи, Франціи и Германскаго союза²⁾. Меттернихъ извѣщалъ австрійскаго посла въ Парижѣ, что онъ собственною властью пригласилъ русскаго посланника въ Швейцаріи присоединиться къ заявленію представителей Австріи, Франціи и Пруссіи. «Остается знать», присовокуплялъ онъ, «что г. Криднеръ сочтетъ себя вправѣ сдѣлать. На его мѣстѣ, я не колебался бы ни минуты. Въ чемъ я не сомнѣваюсь, такъ это въ полномъ одобреніи императоромъ Николаемъ содержанія деклараціи, въ томъ

¹⁾ Князь Меттернихъ Гизо, 3-го (15) іюня 1847.

²⁾ Князь Меттернихъ графу Колоредо, 3-го (15) декабря 1847.

видѣ, въ какомъ она окончательно установлена въ Парижѣ... Пусть же г. Гизо не сомнѣвается, что Россія будетъ дѣйствовать сообща съ нами, т. е. съ тремя державами материка. Если прежде чѣмъ принять рѣшеніе, г. Криднеръ станетъ ожидать приказанія изъ С.-Петербурга, то онъ получитъ это приказаніе, ибо декларация удовлетворитъ императора». Такъ говорилъ австрійскій канцлеръ, заранѣе предрѣшая сужденіе русскаго двора и событія оправдали его самоувѣренность. Россія дѣйствительно приступила къ принятому въ Парижѣ рѣшенію.

Такимъ образомъ, передъ самымъ концомъ июльской монархіи состоялся, съ одной стороны, явный и полный разрывъ ея съ Англіею, съ другою—соглашеніе ея съ тремя сѣверными дворами. Заслуживаетъ вниманія при этомъ, что то же самое, на что нашъ дворъ не соглашался во имя нашихъ собственныхъ нуждъ и пользы и вслѣдствіе прямого обращенія къ намъ Франціи, осуществилось при австрійскомъ посредничествѣ, во имя отвлеченныхъ началъ охранительной политики и общихъ интересовъ Европы.

Но новое политическое сочетаніе, сложившееся въ началѣ 1848 года, просуществовало недолго. Революціонная буря, пронесшаяся по западной Европѣ, однимъ ударомъ низвергнула престолъ Лудовика-Филиппа, другимъ снесла Меттерниха и всю его политическую систему. Вѣсть о быстромъ и плачевномъ концѣ июльской монархіи произвела потрясающее впечатлѣніе на императора Николая. Если вѣрить показанію современника и очевидца, то всеобщая война представилась государю, какъ неизбежное ея послѣдствіе. «Съѣдайте вашихъ коней, господа; во Франціи республика», — таковы были слова, съ которыми его величество обратился къ офицерамъ на праздникъ въ Зимнемъ дворцѣ, держа въ рукахъ депешу о парижскихъ событіяхъ. Младшимъ сыновьямъ своимъ, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, онъ замѣтилъ, что быть можетъ имъ придется будущимъ лѣтомъ продолжать свое образованіе на поляхъ сраженій¹⁾.

Войны пока вести не пришлось. Революція охватила весь Западъ Европы и преобразила его. Во Франціи, послѣ кратковременнаго существованія республики, возродилась вторая имперія, которая подобно июльской монархіи начала съ того, что предложила Россіи союзъ и дружбу. Тѣ же причины, какъ и за два десятилѣтія предъ тѣмъ, побудили императора Николая уклониться отъ сближенія съ третьимъ Бонапартомъ. Послѣдствіемъ была Крымская война, въ продолженіе которой Франція, въ ущербъ собственнымъ интересамъ и въ угоду лишь своей номинальной союзницѣ, а дѣйствительной соперницѣ Англіи, нанесла тяжкіе удары той изъ европейскихъ державъ, которая природою и исторіею пред-

¹⁾ A. Th. von Grimm: Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland, II p. 297.

назначена была быть ея единственнымъ искреннимъ другомъ. Крымская война породила, какъ извѣстно, франко-итальянскую, создавшую объединеніе Италіи, а это объединеніе естественно повлекло за собою и германское единство, осуществленное путемъ разгрома Франціи, соединенными силами нѣмецкихъ государствъ, съ дозволенія Россіи и не безъ ея поддержки.

Не пора ли обѣимъ странамъ перестать служить слѣпымъ орудіемъ общихъ своихъ враговъ и противниковъ и, научась опытомъ исторіи, соединить свои силы для совмѣстной защиты собственныхъ интересовъ, нигдѣ и не въ чемъ не сталкивающихся, для удержанія въ надлежащихъ предѣлахъ хищныхъ и безпокойныхъ сосѣдей и для утвержденія на незыблемомъ основаніи мира и равновѣсія Европы?

С. Татищевъ.

ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢВИЧА ПОЛЕВАГО ¹⁾.

IX.

Драма «Ломоносовъ». — Поѣздка въ Москву, въ маѣ 1843 года. — Чѣмъ и какъ занимался Николай Алексѣвичъ въ 1843 году. — Убійственная механическая литературная работа. — Онъ готовитъ VII томъ «Исторіи русскаго народа». — Оскорбленія и униженія, до которыхъ денежное стѣсненіе и нужда доводятъ Николая Алексѣвича. — Онъ проситъ Ксенофонта Алексѣвича добиться у московскихъ кредиторовъ отсрочки платежа. — Ксенофонтъ Алексѣвичъ достигаетъ этого. — Тяжкая болѣзнь окончательно разстраиваетъ силы Николая Алексѣвича. — Онъ проситъ брата пріѣхать въ Петербургъ повидаться и переговорить съ нимъ. — Последнее, предсмертное письмо его.

С.-Петербургъ. 19-го февраля, 1843 года.

ОСЛѢ письма моего съ Ратьковымъ, я не писалъ къ тебѣ, мой добрый, мой единственный братъ и другъ. Прошли цѣлые мѣсяца. Нѣсколько писемъ твоихъ получилъ я, и не отвѣчалъ. Что ты обо мнѣ думаешь? Что я живъ, это тебѣ неизвѣстно быть не можетъ — что же кромѣ того? Знаю и вѣрю, что въ сердцѣ моемъ ты не сомнѣвался, сузу по себѣ, ибо я скорѣе усомнюсь въ бытіи Бога, нежели въ вѣрѣ моей въ тебя. Но воображаю, что ты долженъ былъ думать о состояніи моемъ и какъ терзала тебя неизвѣстность обо мнѣ? Ты и не ошибался — не знаю, какъ пережилъ я послѣдніе мѣсяца прошлаго года и начало нынѣшняго! Оскорбленій, потерь,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXX, стр. 323.

разочарованій, крайности, до которой я былъ доведенъ, когда между тѣмъ видѣлъ все разрушеннымъ, все погибшимъ впереди, вмѣстѣ съ моимъ здоровьемъ. Наконецъ, я самъ не знаю, какъ все сдѣлалось—я какъ будто ожилъ, поздоровѣлъ—по крайней мѣрѣ, не умираю голодною смертью, могу думать, могу располагать, мыслить, и первое, что дѣлаю, пишу къ тебѣ! О, мой братъ и другъ! И первую вѣстью, что напишу къ тебѣ—отрадная мысль, что мы скоро увидимся. Да, мой другъ — Святую недѣлю, если только судьба опять не начнетъ гибельнаго кризиса, надѣюсь я провести съ тобою въ Москвѣ, а до тѣхъ поръ весь великій постъ, не знаю, какъ успѣю я переработать все, что переработать предполагаю... Но Богъ дастъ мнѣ силы, а мысль свиданія съ тобою увѣряетъ меня, что нынѣшній годъ будетъ послѣднимъ годомъ страданій нашихъ: либо умру подъ тяжестью труда, либо начну эпоху общаго нашего спасенія. Какъ о насмѣшкѣ судьбы я долженъ извѣстить тебя объ успѣхѣ новой драмы моей—«Ломоносовъ». Ты вѣрно читалъ ее въ «Библиотекѣ для Чтенія». Она была написана въ недѣлю, поставлена въ двѣ недѣли. Судить объ ея достоинствахъ не могу, но успѣхъ ея былъ какой-то нелѣпый. Въ первое представленіе меня вызывали три раза, во второе—четыре. Потомъ я ужъ не былъ, но вызовы продолжались еще, три или четыре спектакля, и въ 15-е представленіе не доставало билетовъ. Люди всѣхъ званій бывали по два, по три раза, и увѣряли, что ничего лучше не видывали. Если въ этомъ странномъ успѣхѣ принадлежитъ что нибудь мнѣ, то столько же принадлежитъ и тебѣ — я переложилъ въ разговоры «твоего Ломоносова», и въ этомъ воровствѣ каюсь передъ тобою!— Но скажи мнѣ, ради Бога, мой другъ и братъ, что же это: въ самомъ дѣлѣ хорошо, или, что же это такое значить? Отдавая «Ломоносова» на сцену, я просто ждалъ паденія, ибо писалъ окончаніе его, посылая начало въ типографію. Такъ чего же надобно? Неужели должно съ ума сойти, чтобы угодить людямъ? Въ третьемъ дѣйствіи плачутъ, когда у Ломоносова нѣтъ гроша на обѣдъ, и Фрицъ приноситъ ему талеръ—а не знаютъ, что это за нѣсколько дней съ самимъ мною было, и что сцена не выдумана...

Вольдемаръ и Никтопольонъ вышли изъ Петровской школы, съ превосходными аттестатами, и теперь приготовляются къ университету. Въ іюлѣ должны они держать экзаменъ для вступленія въ университетъ. Сергѣй поступилъ въ Peters-Schule на мѣсто ихъ—ростетъ новое поколѣніе! Будетъ ли оно умнѣе и счастливѣе насъ!— Мое благословеніе твоимъ ребятишкамъ. Лиллѣ цѣлую орлиную ручку и, прижимая тебя къ сердцу моему, есмь и буду твой братъ и другъ.

Николай.

С.-Петербургъ. 24-го мая, 1848 года.

Немедленно по приѣздѣ писалъ я къ тебѣ, мой единственный другъ и братъ, а вчера получилъ и отъ тебя письмо. Надобно ли говорить? Нѣтъ! въ письмѣ моемъ сказалъ я тебѣ все, и теперь повторяю только одно: *Ora et labora*, и *fiat voluntas tua*, да будутъ нашимъ девизомъ. Я хочу заказать себѣ печать съ этими словами. Упованіе не обманетъ, а оно внѣдрилось въ душу мою твердо и неизгладимо послѣ свиданія съ тобою, укрѣпясь крѣпкою думою въ дорогѣ и по возвращеніи. Я далъ себѣ клятву — или пасть въ бою, или побѣдить вѣрою и трудомъ! Тогда и люди придутъ на помощь. До тѣхъ поръ много еще надобно будетъ намъ страдать — много переносить, и въ этомъ обманывать себя не должно... Я успѣлъ лично познакомиться съ княземъ Алекс. Ѳед. Голицынымъ, нашель въ немъ любезнаго, просвѣщеннаго человѣка, европейца по идеямъ, вельможу по чувствамъ. Часа два просидѣлъ я у князя А. Ѳ., и переговорилъ съ нимъ о многомъ. Онъ внукъ Шувалова. Отецъ его былъ другъ Вольтера, Бюффона, Галиани. Князь А. Ѳ. превосходно знаетъ англійскую и нѣмецкую литературу... Все о чемъ ты упоминаешь въ письмѣ: реэстръ къ Голикову, политикажи къ «Живописному Обозрѣнію», «Дюмонъ-Дюрвиль» и «Бранденбургъ», все у меня въ памяти, и исполнить я всячески постараюсь, не забывая и объ «Апасѣ» и даже о статьѣ для «Гражданина» — я буду вамъ сказать. Правда, голова у меня вертится особливо, когда самъ можешь вообразить при томъ мои заботы по части хлѣба насущнаго; но милостивъ Богъ! — Погода здѣсь наступила прелестная. Въ четвергъ проводили мы Греча, а въ понедѣльникъ былъ ему данъ прощальный пикникъ. Увидимся ли? Онъ боленъ и дряхль. Обстоятельства его печальныя, и, прощаясь со мною, онъ горько плакалъ, но себѣ и обо мнѣ. Съ Булгаринымъ надняхъ случилась самая несчастная исторія. Песоцкій, встрѣтясь съ нимъ, началъ его ругать, и они подрались больно, но главное — срамъ и мерзость, ибо драка была при людяхъ и враги Булгарина торжествуютъ! Булгаринъ боленъ и отъ побоевъ, и отъ горя, а Песоцкій гордится побѣдою. Другое грустное событіе случилось съ профессоромъ Соловьевымъ, издателемъ книги Кошихина: онъ помѣшался и посаженъ въ домъ сумасшедшихъ. Причина неизвѣстна. Говорятъ будто усиленная работа и неблагодарность Уварова. — Кстати, ты помнишь, кажется, князя П. В. Долгорукова, издателя «Родословника» Долгорукихъ? Онъ привезенъ сюда изъ Берлина и сидитъ въ крѣпости. Говорятъ, будто онъ издалъ какой-то пасквиль на Россію. Если это правда, то, вѣроятно, и онъ, какъ Соловьевъ, сошелъ съ ума. Мнѣ весьма жаль его, ибо онъ былъ умный, любезный молодой человѣкъ, и поступокъ его для меня непостижимъ. Да кто исчислить глупости и нелѣпости

людскія? Надняхъ всѣхъ занимала бѣдственная исторія дочери богатаго погребщика Шитта, у котораго и ты покупаешь вино въ Москвѣ. Она увлечена была въ гибель какимъ-то прикащикомъ отца, и родила. Старикъ взбѣсился, не хотѣлъ простить. Несчастливая помѣшалась и бросила дитя свое въ каналъ! — Спасибо, люди скоро позабываютъ о подобныхъ бѣдствіяхъ собратій. Теперь все здѣсь спѣшить отсюда за границу, на дачи. Театръ, когда поетъ Рубини, полонъ, и вчера въ циркѣ Сулье были десятки тысячъ народу. Невольно скажешь: Азъ-Арапъ! Маманъ и Лиллѣ мои поклонны. Увѣдомляй меня о здоровьѣ Лиллы. Передай ей всѣ наши дрянныя надеждишки въ будущемъ, и скажи, что если прежде я любилъ ее, то послѣ послѣдняго свиданія благоговѣю передъ ней! О, вѣрю, что мы доживемъ еще до счастья.

Твой Николай.

Поздравляю тебя съ сосѣдомъ¹⁾, и радуюсь, что ты часто можешь наслаждаться его диссертациями о табакеркахъ, съ прибавкою—знаете, то есть, знаете. Нѣтъ ли чего новаго о Солнцѣ, Оранскомъ, Крочемковѣ и другихъ людяхъ великихъ?

Посылаю обратно бумажку. Помнишь, у насъ ходила изъ Курска въ Москву бумажка и выходила нѣсколько лѣтъ счастливой жизни. Можетъ быть, и это талисманъ—въ 1813 и 1819 годахъ было намъ худо, но были же послѣ того годы съ блестками радостей для тебя и для меня. Spera et Vale!

С.-Петербургъ. 3-го іюня, 1843 года.

Я урываю часы на работу, работаю, дорожа каждою минутою, и надѣюсь надняхъ прислать тебѣ рукопись «Дюмонъ-Дюрвиля» и роспись къ Голикову. Между тѣмъ и главное писанье мое не забывается; я рѣшилъ назвать такъ: «Исторія Россіи» со времени Петра Великаго до царствованія императора Павла I-го соч. N. N.²⁾), служащее продолженіемъ изданной тѣмъ же авторомъ «Исторіи Петра Великаго». Успѣхъ «Исторіи Петра Великаго» здѣсь рѣшительный, ее переводятъ уже на нѣмецкій языкъ, это обнадеживаетъ, что трудъ слѣдующій дастъ намъ средство вздохнуть — болѣе ничего не требую! надѣюсь скоро выслать тебѣ десять полиптижей изъ «Исторіи Суворова», по выбору лучшихъ; и я думаю не написать ли мнѣ самому къ нимъ статьи? Это облегчить

¹⁾ Фабрикантъ табакерокъ Лукутинъ, поселившійся въ одномъ домѣ съ отцомъ моимъ. Н. К. Полевой.

²⁾ Николай Алексѣевичъ лишенъ былъ министромъ Уваровымъ права подписывать имя свое подъ своими сочиненіями; поэтому онъ выставилъ тутъ буквы N. N. Ник. Ксен. Полевой.

тебя. Надняхъ въ первый разъ въ жизни былъ я зрителемъ магнитизированія и сонambuлизма высокой степени. Чтò сказать? Изумленію моему не было границъ, и чтò это такое, я совершенно не постигаю. Это какой-то дивный, поэтический, духовный міръ! четыре часа пролетѣли для меня въ отрадѣ и упоеніи — я жилъ умомъ и духомъ, забывая тѣло и землю!—Кстати о землѣ: грустно было мнѣ слышать о бѣдственной смерти героя Красовскаго, съ которымъ полгода назадъ дружески бесѣдовали мы по цѣлымъ вечерамъ. Грустно было и извѣстіе о смерти Витгенштейна. И онъ туда! Какъ мало остается людей великой эпохи, великаго вѣка! Еще десять лѣтъ и только могилы, да пыльные листочки лѣтописей будутъ слѣдами того, что мы сами видѣли, чѣмъ мы жили! Сюда приѣхалъ Розбергъ и былъ у меня, но я едва могу скрывать мое къ нему отвращеніе. Къ досадѣ моей и на сей разъ Цынскій былъ мнѣ неуловимъ. Онъ самъ заѣзжалъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома. Булгаринъ уѣхалъ въ Дерить, разставшись со мною дружески. Романъ нашъ двигается быстро.—Апасъ я уже не засталъ здѣсь. Онъ теперь въ Москвѣ, и я думаю, Евсей ¹⁾ теперь постарается съ нимъ видѣться и кончить дѣло. На всякій случай ты увѣдомь его однакожъ, что Апасъ въ Москвѣ. Вѣдь онъ и Гусаръ умѣютъ только охать и заставлять другихъ дѣйствовать, сами не двигаясь съ мѣста. Вотъ у меня теперь живетъ имъ подъ пару Александръ Акимычъ ²⁾ — чудакъ, съ которымъ не знаю чтò дѣлать, но котораго бросить запрещаетъ чувство человѣчества. Уморительное дѣло съ сестрой ³⁾: негодяй Бурнашевъ и подлець Поляковъ, издавая вновь свою «Энциклопедію хозяйки», перепечатали половину сестриной книженки, и какъ—слово въ слово! Такую наглость рѣшилъ я преслѣдовать и подалъ отъ имени сестры просьбу въ цензурный комитетъ. Объ этомъ были толки безконечные, и до того смѣшныя, что вообрази я хохоталъ до упада. Всего забавнѣе было смѣшеніе въ сестрѣ досады съ удовлетвореннымъ авторскимъ самолюбіемъ.—Жену и дѣтей отправилъ я въ колонію Ораніенбаумскую, а самъ живу теперь одинъ, съ Вольдемаромъ и Никтополеономъ, да Александръ Акимовичемъ. Не знаю удастся ли мнѣ самому дохнѣть за городомъ? Работы безъ конца; заботъ столько же. *Cette belle nature où je ne possède rien, me sourit et m'enivre aussi bien que si j'étais un des princes. Je n'envie pas la gloire d'étendre et de marquer mes domaines sur sa face mutilée, mais si je me contente d'une tranquille contemplation, si je demande seulement à repaire mes sens des parfums et des harmonies qui émanent d'elle, cela même ne m'est permis. Travailleur infatigable,*

¹⁾ Братъ Н. А.—Евсей Алексѣевичъ.

²⁾ Алекс. Аким. Титовъ.

³⁾ Екатерина Алексѣевна Авдѣева.

il faut que, de l'aube a la nuit, j'arrose de mes sueures un sol qui verdira et fleurira pour d'autres yeux que les miens. Si je perds une heure par jour à sentir vivre mon coeur et ma pensée, le pain manquera à ma vieillesse, et le souci de l'avenir m'interdit la jouissance du présent. Si je m'arrête un instant de plus sous l'ombrage, je compromets mon honneur lié par un marché à la dépense incessante de mes forces, à l'entier sacrifice de ma vie intellectuelle. Allons, il faut partir; ces réflexions mêmes sont déjà des hontes! Это какъ будто съ насъ списано!—Поклонъ Лиллѣ и маман. Переносусь мыслью къ нимъ на Сѣтунью.

Твой Николай.

С.-Петербургъ. 19-го іюня, 1843 года.

.....
 Получилъ отъ тебя письмо, пущенное отъ 8-го іюня. Слава Богу, ты живъ и здоровъ — покажѣсть хорошо и это, а остальное Богу и времени! Самъ удивляюсь, какъ Провидѣніе хранить насъ! Мнѣ теперь иногда по 14-ти часовъ въ сутки приходится сидѣть—точно пишущая машина, и если что не нелѣпое выходитъ, то я самъ дивлюсь. Это просто какой-то механизмъ. Усиліемъ свободнаго генія нельзя назвать такую работу, ибо прочитавши самъ, вижу какъ должно бы, да когда о томъ думать? Теперь пишу я вдругъ твою «Исторію» (такъ называю продолженіе «Петра Великаго»), романъ Булгарина, Оперу, статьи для «Пчелы», и перевожу Тимона, читая еще корректуры Суворова и «Русскаго Вѣстника»; о мимоходной дряни не упоминаю. Дней черезъ десять надѣюсь послать къ тебѣ нѣсколько политипажей изъ Суворова. На первый случай выбралъ пять, и они отливаются у Ревильона... Теперь моя къ тебѣ покорная и усердная просьба: ты писалъ мнѣ о метрическомъ свидѣтельствѣ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ, и какъ будто угадалъ, что мнѣ крайняя въ немъ надобность оказывается для Вольдемара и Никтопольона. Прошу тебя, мой другъ, приложи трудъ достать мнѣ имъ раздѣльныя свидѣтельства. Если все равно, то не худо бы взять свидѣтельство и Сергѣю, а не то хоть Вольдемару и Никтопольону уже непременно. Мнѣ совѣстно обременять тебя, ибо кромѣ хлопотъ, это будетъ стоить и издержекъ; но мнѣ не къ кому, кромѣ тебя, прибѣгнуть. — Прошу и прошу!— Пришло мнѣ въ голову: выдалъ ли тебѣ Семѣнъ векселя, вмѣсто взятыхъ у мосея Протопопъ? Увѣдомь.—Вчера Р. сказывалъ мнѣ, что А. здѣсь, но, кажется, я не увижу ее, ибо братъ ея немедленно увезъ ее къ себѣ, куда-то на дачу близъ Павловска, и пріѣдетъ съ нею сюда только посадить ее въ дилижансъ и отправить въ Москву ¹⁾.

¹⁾ Разумѣется, мнѣ легче было бы идти въ пещеру льва, если бы левъ утащилъ А., нежели ѣхать къ брату ея.

И такъ—одно изъ мечтаній на отрадную минуту исчезло. Грустно, но такъ и быть. По крайней мѣрѣ, меня порадовали слова Р., что она весела и здорова, а я привыкъ къ лишеніямъ радостей, такъ, что радость, кажется мнѣ, или показалась бы мнѣ, ошибкой судьбы. Надняхъ помирились мы съ Розбергомъ. Онъ пришелъ ко мнѣ, просидѣлъ вечеръ, остался ночевать, и мы какъ-то сошлись, вспомнили старое, перебрали все, и я увидѣлъ, что онъ не извергъ. Гдѣ взять ангеловъ? А при томъ онъ очень уменъ. Мое семейство въ колоніи за Ораніенбаумомъ, завтра въ первый разъ думаю поѣхать къ нимъ дня на два, немножко отдохнуть, хоть и беру съ собою работу. Везу туда Сергѣя, который сегодня въ восторгѣ. У нихъ въ Peters Schule начались сегодня вакаціи, и его перевели въ Gross-терцію, при сегодняшнемъ Versezung. Онъ работалъ полгода удивительно и заслужилъ общую похвалу директора и учителей. Надняхъ встрѣтилъ я Іоакима, и едва узналъ; онъ совершенно боленъ, и едва ли переживетъ нынѣшнее лѣто. А «Витхенштейнъ-то, братецъ, Витхенштейнъ-то?» И нигдѣ ни слова, и никто и не думаетъ! Такая безчувственность убиваетъ меня! Отъ чего же я плакалъ объ Витхенштейнѣ, какъ о родномъ? Мнѣ такъ грустно было; я пролетѣлъ мыслью за тридцать лѣтъ, въ великій 1812 годъ—какой годъ, какіе люди! Теперь только Бернадотъ остается—гдѣ другіе? Ты спрашиваешь, почему назвалъ я смерть Красовскаго бѣдственною? Но, мой другъ, развѣ ты не слышалъ подробностей его кончины? Онъ былъ совершенно здоровъ, пріѣхалъ къ кому-то въ гости, взошелъ во второй этажъ, и шедши съ лѣстницы назадъ, поскользнулся, хотѣлъ удержаться за перилы; они изломались, и бѣдный старичекъ упалъ и ушибся такъ, что страдалъ нѣсколько дней и скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Непостижимо! Человѣкъ былъ въ сотняхъ битвъ, начиная съ занятія Неаполя съ Ружеро до взятія Варшавы! Теперь я читаю разныя записки о 1812 годѣ, которыя далъ мнѣ Данилевскій. Какъ любопытно и сколь многое еще неизвѣстно! Другой предметъ, занимающій меня—магнетизмъ, бываю на сеансахъ Пашкова, и каждый разъ ухожу съ новымъ удивленіемъ, теряясь въ догадкахъ и благоговѣя къ тайнамъ Божіимъ. Я напишу тебѣ объ этомъ подробно, ибо тутъ услажденіе душъ и укрѣпленіе сердца въ вѣрѣ. Сколько еще можетъ быть работы уму, если бы мелкая мерзость не терзала бытія! Сколько можно бы еще высказывать истинъ великихъ и спасительныхъ! Неужели порывъ долженъ погибнуть безъ плода! Мы еще оживемъ: и ты и я! Цѣлую ручки Лиллѣ и благословляю дѣтей.

Твой Николай.

С.-Петербургъ. 4-го іюля, 1843 года.

Время послѣ послѣдняго письма моего къ тебѣ, любезный другъ и братъ, провлеклось для меня, какъ всегда, въ непрерывной и самой разнообразной работѣ и совершенномъ однообразіи внѣшнемъ; проходятъ иногда дни, что я не выхожу изъ своего кабинета и не встаю по четырнадцати часовъ съ мѣста. Держу слово — или къ осени что нибудь сдѣлать, или умереть отъ полного сознанія въ безсилія души и тѣла,—ну, тогда уже не наша вина, и будь чему быть. Изумляюсь, что работа не убиваетъ моего здоровья, когда разнообразіе ея спасаетъ меня отъ утомленія душевнаго. Разумѣется, не то и не такъ бы сдѣлалъ; но я воображаю себя на Березинѣ, и тутъ уже не о побѣдахъ, а только о томъ, какъ бы добраться до Сморгони и ускакать въ Парижъ. О Боже мой! еще достанетъ послѣ того силъ нашихъ дать съ конскриптами Люценскую битву, и послѣ двухъ лѣтъ борьбы разбить Блюхера какого нибудь даже подъ стѣнами Парижа. Все къ лучшему! Усилія труда сдѣлали то, что механизмъ работы для меня не существуетъ... вся бѣда, что руки только двѣ, и необходимо человѣку по нѣскольку часовъ спать и все-таки отдыхъ необходимъ, и тѣлесный, и душевный. Послѣдній составляетъ у меня чтеніе—я читаю теперь бездну стараго и новаго и болѣе стараго, приготовляя такъ, чтобы тотчасъ по окончаніи прежней работы приняться за VII томъ «Исторіи русскаго народа», отдѣлать его и VIII томъ, и печатать ихъ. Мнѣ надо много припомнить стараго и перечитать новаго. Послѣ изданія VI тома прошло — десять лѣтъ, и какихъ! Боже Всемогущій! Волосы дыбомъ на головѣ, когда подумаю! Десять лѣтъ! Да, 22-го іюня мнѣ стукнуло ровно сорокъ семь. Этотъ день провелъ я въ семействѣ, за городомъ—мѣстечко прелестное, пять верстъ за Ораніенбаумомъ, въ колоніи нѣмцевъ, какихъ-то патріархальныхъ швабовъ. Они засѣяли хлѣбомъ и засадили картофелемъ благодарную землю, а скать съ горы къ морю закрыли садами. Видъ на море чудесный — Кронштадтъ, Петергофъ, финляндскій берегъ, вдали Петербургъ, флотъ на рейдѣ, корабли, и между тѣмъ уединеніе глубокое: что называется, муха не прилетитъ. Счастіе могло бы найтись еще для насъ при тихихъ семейныхъ радостяхъ. Только одного нѣтъ — спокойствія вещественнаго. Такъ купимъ же его, мой братъ и другъ, трудомъ, тяжкимъ трудомъ! А другимъ развѣ жизнь дешево достается? Здѣсь въ Петербургѣ жить надобно, чтобы понимать всю бѣдность богатства и истину пословицы: черезъ золото слезы текутъ! Можешь вообразить: вспоминалъ ли я о тебѣ 22-го іюня! Мысль о тебѣ сливается у меня теперь безпрестанно съ работой. «Это хоть немного успокоитъ брата—здѣсь онъ увидитъ, здѣсь угадаетъ меня, что-то братъ скажетъ», — такъ безпрестанно думаю, работаю и—молюсь. *Ogo et laboro!* Обращаюсь къ другому.

О Ратьковѣ — Диллино слово, что онъ Мехмедъ-Али, прелестно, (сколько умнаго сказала она до сихъ поръ—какая голова!). Но вѣдь надобно же съ нимъ рѣшить: бомбардировать ли у него Байрутъ? Только я уже не знаю и не постигаю какъ? ¹⁾ Надѣюсь къ осени еще доставить тебѣ случай пособить финансами: Лукьяновичъ надняхъ ждетъ рѣшенія судьбы своей книги: «Исторія войны 1828 года». Я берусь исправить и напечатать ее, съ тѣмъ, что она поступитъ въ продажу къ тебѣ — тутъ можно будетъ заработать, ибо книга, вѣроятно, хорошо пойдетъ. Если Семѣнъ сладилъ свои дѣлишки, слѣдовательно, есть надежда, что наши деньжонки не пропадутъ за нимъ. Если можно что извлечь, мой любезнѣйшій, извлеки. L'Univers перешли ко мнѣ. Какая дрянь — чтѣ ты! Это прелюбопытная и пренужная книга! Кстати, скажи Гларнеру, чтобы онъ прислалъ къ тебѣ для мена 54-й томъ «Biographie Universelle» и перешли его ко мнѣ, ибо этого тома у меня не достаетъ. Я радъ, если резстръ къ Голикову годится, хоть чувствую всѣ его недостатки, и при семъ прилагаю дополненія къ нему, которое, думаю, еще не опоздаетъ. Я имѣлъ случай осмотрѣть библиотечку военнаго штаба, собранную Вихманомъ, и оттуда извлечь это дополненіе. Меня бѣситъ медленность работы у Ревильона, отчего не могу я послать тебѣ картинокъ и статей для «Живописнаго Обзорѣнія». Обѣщаетъ надняхъ. Кстати, забывалъ я все о Всеволожскомъ: старикъ, когда я былъ въ Москвѣ, заѣзжалъ ко мнѣ и оставилъ у меня какую-то рукопись, которой я еще и не прочиталъ. Мнѣ совѣстно передъ нимъ. При встрѣчѣ извини меня, а я постараюсь исправиться — рукопись прочту, а потомъ и напишу къ нему. Ей Богу, мой любезнѣйшій, ни рукъ, ни времени не достаетъ! — Я теперь въ большой дружбѣ съ Шильдеромъ; чудо-старикъ, прожекторъ въ родѣ нашего старичка, и дитя, которое думаетъ, что онъ великій хитрецъ и плутъ. Храбрость его вошла въ пословицу, а разговоръ его — очарованіе. Недавно получилъ я письмо отъ Гусара. Пишетъ чтобы я постарался черезъ Зедделера достать ему мѣсто. Чудаки! Думаютъ, что если съ кѣмъ нибудь знакомъ, то уже можешь располагать имъ, какъ угодно, какъ будто не знаютъ, что Петербургъ городъ расчета и эгоизма, а при томъ и Зедделеръ — оживленный эгоизмъ. Право, не знаю, что мнѣ и отвѣчать! — Поступки Ротчева со мной и съ тобой мнѣ непонятны. Онъ видѣлся здѣсь со мною по прїѣздѣ изъ Америки одинъ разъ, и казался прежнимъ прїателемъ; но послѣ того я не видалъ уже его, и онъ уѣхалъ не простясь. Богъ съ нимъ! Если это вѣтренность — жаль; если мерзость —

¹⁾ Петръ Ал. Ратьковъ, видя разстройство дѣлъ отца моего, дѣлалъ попытки отдѣлаться отъ него, и захватить себѣ петербургскій книжный магазинъ отца моего. За это мать моя и назвала Ратькова Мехмедомъ-Али, намекая на попытки того отдѣлаться отъ Турціи.

Н. К. П.

еще жалче! Такъ я не понимаю поступковъ со мною Боткина. Вообще, мой любезнѣйшій, съ нѣкотораго времени меня преслѣдуютъ, ругаютъ, и вредятъ мнѣ всячески, съ какой-то особенною злостью. Что это такое? Посмотри, какія клеветы, мерзости! Статьи Недоумки и Каченовскаго—это аркадскія идилліи противъ статей «Отечественныхъ Записокъ» и «Москвитянина». Что это? Сочувствіе ли, что я еще оживу, что я всѣхъ другихъ страшнѣй для нихъ? Впрочемъ, что за время, что за люди, что за дѣятели науки и образованности! Невольно скажешь съ Эздрою: «Вѣкъ погуби юность свою, и времена приближаются старѣться!»—Надняхъ простился я съ Розбергомъ, и право радъ, что мы сошлись опять. У него голова въ сердцѣ, а сердце въ головѣ, но онъ уменъ, какъ бѣсъ и право не золь какъ бѣсъ. Былъ еще у меня Максъ ¹⁾—онъ бѣдняжка въ большомъ затрудненіи отъ своихъ отношеній къ глупому министру юстиціи, который смѣсь Строгонова, Дюпена, и Мейендорфа, съ прибавкой ³/₁₀ либерализма, ²/₁₀ европеизма и ⁵/₁₀ аристократизма. Кстати о знакомыхъ—Демонъ просидѣлъ у меня цѣлый вечеръ, и заставилъ хохотать рассказами.—Тимонъ Шекспира у меня почти конченъ, и къ осени неперемѣнно явится. Надобно бы рассказать тебѣ еще о разныхъ литературныхъ сплетняхъ, предпріятіяхъ, глупостяхъ; но ужъ некогда. Спѣшу кончить—уже 12 часовъ, а завтра надобно на работу. На праздникъ петергофскомъ я не былъ, хотя въ Петровъ день ѣздилъ на нѣсколько часовъ къ моему имениннику, и съ нимъ ходилъ по Петергофу. Время было прелестное. Теперь опять пошли дожди.—Цѣлую ручки умной Лиллѣ и благословляю дѣтей твоихъ.

Твой Николай.

С.-Петербургъ. 18-го января, 1844 года.

Мнѣ мечталось, мой добрый, незабвенный братъ и другъ Ксенофонъ, что хоть въ новомъ году начну я къ тебѣ письмо, послѣ четырехмѣсячнаго молчанія, какъ начиналось какое-то знаменитое письмо, помнится, изъ Тобольска: «Наконецъ, по многотрудномъ и многоболѣзненномъ пути, добрались мы»... Не сбылось! Новый годъ насталь, а многотрудный и многоболѣзненный путь продолжается... Надобно писать—и дѣла того требуютъ; но еще болѣе требуетъ сердечное чувство: оставаться въ такомъ безмолвномъ положеніи, какъ мы съ тобою теперь—я не могу. Я ничего не знаю объ тебѣ, не слышу, а ты обо мнѣ также, и четыре мѣсяца! Я знаю, почему ты молчишь. По своему обыкновенію, ты подумалъ, и думаешь, что я вѣтренно забылъ обо всемъ, легкомысленно бросаюсь за настоящимъ, забывъ будущее, не помня прошедшаго, не

¹⁾ Максимъ Карловичъ Цеймернъ.

думаю о тебѣ—можетъ быть, чего добраго, подозрѣваешь меня въ эгоизмѣ, не сердца, а обстоятельствъ... или ты не думаешь такъ? Почему жъ молчишь, написавши мнѣ только нѣсколько упрековъ въ началѣ октября, а потомъ даже не упоминаешь ни разу обо мнѣ въ письмѣ. Для оправданія моего необходимо сказать, что ты не совсѣмъ правъ передо мною, усомнившись еще разъ во мнѣ, подумавши, что молчанію моему не было какой нибудь важной причины, что я могъ забыть тебя. Нѣсколько твоихъ сердечныхъ словъ были бы цѣлебнымъ бальзамомъ и усладили горестное существованіе, какое влачили я съ самой разлуки съ тобою—прости слова моя, прости ради Бога—страданія и скорби ожесточаютъ человѣка, лишаютъ довѣренности ко всему—находишь даже какое-то злобное утѣшеніе въ мысли: «меня всѣ оставили и забыли»! Приступаю теперь къ моему оправданію. Оно заключается въ томъ, что я даже не понимаю, какъ я жилъ, и какъ я прожилъ эти ужасные четыре мѣсяца! Странно, что приготовляя меня къ горю, судьба всегда чѣмъ нибудь потѣшитъ. Это замѣчалъ я много разъ въ жизни. Твой неожиданный пріѣздъ въ Петербургъ былъ утѣшеніемъ моимъ; такимъ утѣшеніемъ, что простившись съ тобою, я со страхомъ подумалъ о будущемъ. Предчувствіе не обмануло, и тотчасъ начался рядъ терзаній, обмановъ надежды, оскорбленій, униженій. Исчислю немногія, оставляя тебѣ самому дополнить подробности. Началось тѣмъ, что извергъ Сафонова подала на меня просьбу по духовной покойной старухи, и внесла ко взысканію черезъ полицію вексель. Въ то же время другой мерзавецъ подалъ ко взысканію другой вексель, старый Смирдинскій. И въ тѣ же дни поданъ былъ вексель Кутулы, который переслалъ онъ сюда къ одному чудовищу. Между тѣмъ постепенно разрушалось все, чѣмъ могъ бы я защищаться. Лукьяновичъ обманулъ меня самымъ безстыднымъ образомъ. Уже ничто не могло спасти меня отъ тюрьмы, а между тѣмъ нужды жизни, требованія существовать съ семействомъ, необходимость работать, какъ на каторгѣ, изъ куска хлѣба, тѣмъ другихъ огорченій, которыя всѣ сошлись толпою—наконецъ, я и работать не могъ. Съ половины октября начала меня терзать болѣзнь, а въ ноябрѣ я слегъ въ постель. Впрочемъ, это спасло меня отъ послѣдняго безславія: по докторскому освидѣтельствованію оказалось, что нельзя меня тащить въ Управу Благочинія, гдѣ должно было задержать меня, пока приступятъ къ описи имѣнія. Между тѣмъ, все кое-какъ уладилось, и я ожилъ. Теперь открываются новые виды, что въ наступившемъ году я не умру съ голода, и даже буду имѣть средства уплатить часть долговъ. Разумѣется, все это должно купить тяжкимъ трудомъ; но чтѣ трудъ? Мое настоящее положеніе похоже на положеніе утопавшаго, котораго выкинуло на берегъ. Онъ не считаетъ потерь и страданій, но благодаритъ Бога за спасеніе, и не думаетъ о бѣдствіяхъ, грозящихъ ему впереди. Знаю, что впереди еще ихъ

изрядный запасъ, но уже ощущаю святую, невидимую десницу Провидѣнія, которая на покидаетъ до конца уповающихъ на него... Я тебѣ сказалъ оглавною,—а мелочи? Надобно было Милкѣ въ то же время передать свою росписку какому-то мерзавцу, и я едва могъ уговорить его подождать. Другой мерзавецъ, Бѣгичевъ, нагло потребовалъ остальныхъ. Недостатокъ средствъ обмундироваться, за чтѣ исключаютъ изъ университета, чуть было не испортилъ будущности моего Вольдемара. Тоже чуть не случилось съ бѣднякомъ Сергѣемъ—его хотѣли исключить изъ училища за неплатежъ такъ, какъ меня выгнать за то же изъ квартиры. Но довольно—не исчисляю всѣхъ иголокъ, которыя вонзались въ это время въ меня — вездѣ неудача, болѣзнь, бѣдность, и тюрьма впереди... Я не писалъ къ тебѣ, и могъ ли писать? И что написалъ бы я? Усилить твои горести извѣстиемъ о моихъ бѣдствіяхъ, когда ты пособить имъ не можешь? Но пусть хоть малымъ доказательствомъ, что мысль не только о тебѣ, но даже и о томъ, чтобы сдѣлать для тебя что могу, никогда не оставляла меня, послужить то, что никакія терзанія не заставили меня продать другимъ твоей «Исторіи». Я не могъ кончить ее, какъ предполагалъ, но каждый часъ, когда могъ работать, удѣлялъ ей, и она была моимъ утѣшеніемъ,—занимаясь ею, я мыслить о тебѣ, и слабою рукою чертилъ строки и оживалъ духомъ.

Довольно. Начнемъ о другомъ. Надобно поговорить о настоящемъ и будущемъ — о дѣлахъ... Да, неужели не найдется и нѣсколькихъ искръ въ грудѣ пепла, наваленнаго на наше бытіе судьбою, такихъ искръ, которыя вспыхнутъ огонькомъ радости?

Прежде всего объ «Исторіи», которую привыкъ я называть твоею. Она въ слѣдующемъ положеніи: первая и вторая части, одна совсѣмъ процenzурована, другая въ цензурѣ; третья кончена и переписывается; четвертая пишется. Я говорилъ Ратькову, чтобы онъ начиналъ печатать, но онъ убѣдилъ меня, что не должно начинать, пока я не кончу четвертой части, ибо и нѣсколько страницъ недописанныхъ остановятъ книгу, когда на нее затратится значительная сумма денегъ. Правда! Не смотря на стѣсненія души и тѣла, кажется, что вчернѣ всю работу я кончу къ февралю, если Господь поможетъ. Ратьковъ полагаетъ послѣ сего пустить ее въ двухъ, даже въ трехъ типографіяхъ, и кончить печатанье въ одинъ мѣсяць. Какъ сказано, она поступитъ въ твое полное распоряженіе, и усладитъ меня мыслью, что хоть немного уплачу я тѣмъ тебѣ священный для меня долгъ.—Романъ Булгаринскій остановился. Вина не моя. Я кончилъ все, что слѣдовало написать мнѣ, а онъ напротивъ почти ничего не написалъ. Я уговариваю его даже дать мнѣ дописать остальное, но онъ не соглашается, ибо разсчитываетъ на него большія выгоды. Кромѣ полученной мною отъ Булгарина части денегъ въ счетъ его, все осталь-

ное я также обращаю къ тебѣ. По всему можно заключить, что Булгаринъ займется романомъ не прежде лѣта, и онъ можетъ выйти не прежде будущей осени. Тогда я намѣренъ приняться за послѣдніе четыре тома «Исторіи» (отъ кончины Екатерины до нашего времени), которые также должны поступить къ тебѣ, и я ихъ и не считаю своими. Остальное время зимы, весну и лѣто, посвящу я работамъ для себя. Если Богъ поможетъ мнѣ всѣ ихъ кончить, я, при помощи журнальныхъ работъ, буду въ состояніи прожить годъ, и отдѣлать на уплату долговъ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ рублей, чѣмъ отчасти покрою все, что терзаетъ меня теперь, и терзало въ концѣ прошлаго года. Работы, о которыхъ говорю, все вѣрныя и положительныя — только достало бы силъ, въ чемъ надѣюсь я на милосердіе Божіе, ибо какая же цѣль моя, если не спасти себя и семейство честнымъ трудомъ? Слава и всѣ другія мечты давно мною забыты. Въ числѣ работъ о которыхъ говорю, находится мое участіе въ «Сѣверной Пчелѣ», и, кромѣ того, взялъ я опять участіе въ «Библіотекѣ для Чтенія». Какимъ образомъ сошлись мы опять съ Сенковскимъ, опишу я тебѣ отдѣльно. Онъ теперь далеко не прежній. Семь лѣтъ опыта прибавилось ему. Кромѣ того, взялся я написать Ольхину одно историческое сочиненіе; но обо всемъ этомъ послѣ. Кажется, силъ моихъ на все достаточно, когда духъ будетъ ободренъ надеждою, хоть мало.

Теперь мой любезнѣйшій, обращаюсь къ тебѣ съ моими просьбами, и прошу тебя, какъ ни совѣстно мнѣ, потому что я знаю всю тягость заботъ по твоимъ собственнымъ дѣламъ, ради Бога посоветуй мнѣ въ слѣдующемъ:

1-е. Не понимаю отчего Соповъ поступилъ со мною безсовѣстно и безчеловѣчно. Не увѣдомивши меня, онъ прислалъ мой вексель прямо въ здѣшнюю Управу Благочинія, или велѣлъ его здѣсь кому нибудь представить, но только я никакого увѣдомленія не имѣлъ, и съ меня началось строгое взысканіе. Нѣсколько дней могу я протянуть это дѣло, но долѣе ничего сдѣлать нельзя — платить, или приступать къ описи имѣнія. Признаюсь, отъ Сопова я этого не ожидалъ, и что ему 2,000 рублей! Я прилагаю при семъ письмо къ нему, и прошу тебя передать его лично, и присовокупить твою просьбу.

2-е. Меня мучить и страшаетъ также взысканіемъ Андрей Глазуновъ, по извѣстному тебѣ векселю въ 3,000 рублей. Я упробилъ его теперь получить 1,500 рублей, и подождать остальныхъ. Онъ согласился, и я уже приготовилъ было деньги къ отсылкѣ, когда пришло неожиданно взысканіе Сопова. Теперь деньги Глазунову я послать не смѣю, ибо если Соповъ не согласится подождать, то надобно будетъ внести ихъ въ Управу. Между тѣмъ я боюсь, что Андрей Глазуновъ подумаетъ, что я провожу и обманываю его. Сдѣлай милость поговори Глазунову, и увѣрь его, что только труд-

ность достать деньги наличныя удерживаетъ меня, и что я ихъ не замедлю. Далѣе . . . грустно продолжать, но—продолжимъ исчисленіе всѣхъ болячекъ:

3-е. 11-го минулъ срокъ моему векселю у Протопопова. Такъ какъ я принялъ на себя весь долгъ ему Семёна, то по январскому векселю Семёна (суммы не припомню) должно отдать Протопопову, а въ остальныхъ взять терпѣніе попросить его. Боюсь, чтобы Протопоповъ не сталъ душить меня!

4-е. А вотъ ужъ и грозятъ душить, хотя я даже не понимаю, какой это долгъ—именно, Рыбниковой. Никогда она ничего не говорила, и ничего не писала, и вдругъ пишетъ Самохотову, что я долженъ ей 4,000 рублей, что она теряетъ терпѣніе ждать, и если я не удовлетворю ее, то она пришлетъ вексель ко взысканію—это ужасное слово непрерывно гремитъ въ ухахъ моихъ, и приводитъ меня въ отчаяніе! Развѣ не всѣ ей были заплачены по послѣднимъ векселямъ въ 7,500 рублей? Но, помнится, ты говорилъ, что съ ней все кончено. Если же нѣтъ, то буду просить терпѣнія...

Голова моя закружилась, и я долженъ былъ отдохнуть... Я оправляюсь отъ болѣзни моей, которая была страшный припадокъ гемороя. Мой докторъ сомнительно качалъ головою. Я былъ готовъ, и встрѣчалъ то, что называютъ многіе бѣдствіемъ, съ смиреніемъ христіанина, предавая себя и дѣтей волѣ Божіей.—Я порадовался позволенію преобразовать «Живописное Обзорніе», и съ удовольствіемъ прочиталъ два или три первые листа его. Благородно и умно! Статеекъ написать, или лучше сказать, дописать, я не могъ, но придумываю средства и съ моей стороны быть участникомъ твоего журнала. Напишу подробнѣе мысли мои послѣ, а теперь одно скажу,—если доставлять тебѣ всякой мѣсяцъ статью: «Письма изъ Петербурга», гдѣ описывать всю жизнь здѣшнюю, вѣдь это будетъ любопытно, и оживитъ обзорніе животрепещущею новостью?

Ты, вѣрно, уже знаешь изъ газетныхъ извѣстій о новой, небольшой пьескѣ моей: «Русскій морякъ». Успѣхъ его былъ необыкновенный, и теперь даютъ его почти ежедневно. Въ день перваго представленія его получена мною повѣстка—явиться въ Управу для платежа по векселю Сопова... злая насмѣшка судьбы! Государь приказалъ отыскать всѣ свѣдѣнія о Сакенѣ, и хотеть, если найдутся потомки Сакена, наградить ихъ, а память геройскаго подвига его ознаменовать какимъ нибудь памятникомъ. Мнѣ, кромѣ досады прежде представленія и хлопанья при представленіи, ничего болѣе не досталось. Но если я возобновилъ въ потомствѣ забытаго героя, какой еще награды болѣе? Говорю отъ души.

Твой братъ и другъ Николай.

С.-Петербургъ. 14-го февраля, 1844.

Первымъ словомъ моимъ, да будетъ благодарность, мой любезнѣйшій братъ и другъ, за твое дружеское стараніе переговорить съ Соповымъ; бумага отъ него получена и Управа выпустила меня изъ когтей. Страпаша, чтобы опять она не вонзила ихъ въ меня, пишу на сей почтѣ къ Рыбниковой, и при семъ прилагаю письма къ Семѣну и къ Протопопову; одного прошу произвести уплату, другого принять ее черезъ тебя въ счетъ долга. Пожалуйста, отдай письма обоимъ самъ, и увѣдомъ меня о послѣдствіяхъ. Во всякомъ случаѣ, думаю, что Протопоповъ не станетъ рѣзать меня, но если Семѣнъ денегъ не заплатитъ, то не знаю, что мнѣ дѣлать! Послѣдніе дни усиленная работа произвела у меня глазную болѣзнь, — глаза мои какъ-то ослабѣли, и я почти не могъ писать, къ чему прибавилась еще ужасная стужа въ квартирѣ, при сильныхъ морозахъ, которые съ 1-го февраля, и даже прежде, меньше не были 20°, а доходили до 25°. Грустное положеніе мое умножается мыслію о тебѣ и твоихъ страданіяхъ. — Вчера умеръ Мятлевъ, болѣзнь у него была моя — жестокое кровотеченіе. Масляницу онъ дурачился день и ночь, и при припадкѣ жестокомъ такъ ослабѣлъ, что уже никакія средства не спасли его. Странно какъ-то видѣть мертвымъ человѣка, котораго за три дня видѣлъ здоровымъ по виду, веселымъ, роскошнымъ: — «гдѣ столъ былъ яствъ — тамъ гробъ стоитъ!» Странно и то, что я скриплю, а кругомъ меня валяются. На что я могу еще годиться? Развѣ для того, чтобы мосѣй Протопоповъ не сказалъ: «Умеръ не заплативши», да подписчики неконченныхъ книгъ не прибавили: «умеръ, не выдавши книгъ!» Заплатить, дописать — и кончить. Что пишу теперь, годится для настоящаго времени, но потомъ изъ всего этого создадутъ только надгробный памятникъ, и предадутъ его забвенію. Нынѣшнимъ лѣтомъ хочу написать мою послѣднюю повѣсть, и послѣднюю драму. Въ концѣ ея будетъ эпилогъ, гдѣ я распрошусь съ публикой. Замолчать во время — дѣло великое. Мнѣ надлежало замолчать въ 1834 году. вмѣсто писанья для насущнаго хлѣба и платежа долговъ, лучше тогда заняться бы чѣмънибудь, хоть торговать въ малочной лавочкѣ. Но кто борець съ своею судьбою похвалится, что не всѣ выигранныя имъ битвы были болѣе подарки случая, а не расчета; а проигранныя принадлежать ему лично?

Мнѣ надобно бы опять написать тебѣ тетрадь, а не письмо, но боюсь, что за сборами пройдетъ время, а то опять писемъ не вызовешь безъ писанья!

Твой Николай.

С.-Петербургъ. 26-го іюня, 1844 года.

Все это послѣднее время, мой добрый другъ и братъ, старался я выгодать время и средства съѣздить въ Москву, но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Цѣль поѣздки [моей] была бы удостовѣриться въ томъ тяжкомъ положеніи дѣлъ, какое понимаю изъ твоихъ писемъ, изъ твоего молчанія, и разговоровъ съ Ратьковымъ. Если уже судьбѣ угодно поразить насъ послѣднимъ тяжкимъ ударомъ, да будетъ воля его святая! Я придумалъ наконецъ такое предпріятіе, которое должно освободить насъ отъ бремени долговъ, и вотъ оно: съ будущаго года я рѣшился начать «Энциклопедическій лексиконъ», не продолженіе Плюшара, но совершенно по новому плану. Работа выходитъ удобная для исполненія, расчетъ вѣрный и если бы все исполнилось такъ, какъ я предполагаю, не только скоро могли бы мы расплатиться со всѣми долгами, но и остаться съ обеспеченнымъ состояніемъ. Не считай это мечтательностію и химерой. Ольхинъ ѣдетъ сегодня въ Москву, съ разными предложеніями тебѣ. Теперь умоляю тебя только объ одномъ: не допускай до гибельной развязки; то будетъ послѣднимъ несчастіемъ, послѣ котораго уже ничего не остается на землѣ и въ жизни! Впрочемъ, да удалитъ отъ насъ Господь испытаніе столь страшное! Любимая мечта моя, что ты бросишь Москву, переселишься сюда, и здѣсь, оживши духомъ, живучи вмѣстѣ, мы будемъ спокойны. Я теперь совершенно здоровъ; но адски заваленъ работою, особливо рѣшаясь все окончить къ новому году, чтобы съ января приняться уже за главное предпріятіе, о которомъ я уже говорилъ тебѣ выше. Подкрѣпи силы, и благослови Боже! ибо истинно только къ охраненію честнаго имени, спокойствію и добру стремятся всѣ мысли мои. Сержъ Полторацкій прожилъ здѣсь нѣсколько времени, промоталъ нѣсколько денегъ, ничего не сдѣлалъ, заѣзжалъ ко мнѣ нѣсколько разъ—онъ неисправимъ.

С.-Петербургъ. 11-го августа, 1845 года.

Опять впалъ я въ несдержаніе слова своего, любезный другъ и братъ; опять молчалъ мѣсяца три. Но прощеніе мое готово у тебя, и ты самъ догадываешься, что вина моя была невольная. Да, истинно невольная—скопленіе разныхъ нравственныхъ и физическихъ золь, что они доводятъ меня до какого-то уничтоженія: остается одно—механическая, бессмысленная способность труда, и чувство скорби какой-то, которая отчуждаетъ отъ всего, дичитъ, и переходитъ въ какую-то апатію, при которой считаешь дни, не живешь и гонишь отъ себя всякую мысль, и самымъ страданіямъ радуешься, какъ будто вызывая ихъ. Знаю, что такое состояніе не достойно ни существа разумнаго, ни христіанина. Я ничѣмъ дру-

гимъ не почитаю его, какъ припадкомъ болѣзненнымъ, ипохондрией, сплиномъ, не знаю какъ назвать, но при нервическомъ раздраженіи тѣла, оно мнѣ кажется, легко довело бы до самоубійства, если бы не молитва, не вѣра, не чувство къ дѣтямъ, сохранялись еще въ душѣ человѣка. Я прибавлю болѣе: подобнаго чувства не произведетъ громовое бѣдствіе, оглушающій ударъ. Оно есть выводъ изъ продолжительныхъ, медленныхъ страданій—и пора! Десять тяжкихъ лѣтъ послѣднихъ успѣли унижить меня и болѣзненное расположеніе является, если рядъ скорбей начнетъ терзать, и терзать нѣсколько времени. Теперь, напримѣръ, чувствую себя здоровымъ, могу опять разсуждать о себѣ, какъ объ анатомическомъ и психическомъ предметѣ, но не ручаюсь, что опять не впаду въ прежній недугъ. Надобно тебѣ сказать, мой любезнѣйшій, что съ самой Пасхи, то есть половины апрѣля, на меня словно напущенное—право не знаю въ какое мѣсто не уколола меня судьба! Исчислю тебѣ кратко эту цѣпь огорченій и страданій. Началось съ того, что меня обокрали. Деньги, припасенныя мною для платежа мосьё Протопопъ и извергу Сафоновой были украдены, и до сихъ поръ не нашли слѣдовъ ихъ. Разумѣется, я поставленъ былъ этимъ въ непріятное положеніе. Извергъ Сафонова подала ко взысканію, и полиція начала терзать меня. Тутъ заболѣлъ я, и опять въ сильнѣйшей степени возобновился мой несчастный припадокъ—боль правой руки, такъ что недѣли двѣ вовсе не могъ я писать, и потомъ уже въ іюлѣ получилъ свободное движеніе, послѣ купанія. Жесточайшія средства не помогали, и я опять думалъ—не начало ли это паралича? Это принудило меня отказаться отъ работъ, доставлявшихъ мнѣ насущный хлѣбъ, «Библіотеки», «Пчелы», «Биографій Военной Галлерей». Друзья, вмѣсто того чтобы пожалѣть и помочь, разумѣется, во всемъ мнѣ отказали. Тутъ съ мѣсяць, если не болѣе, была жестоко больна Маша, переболѣли дѣти, особливо Вольдемаръ. Были огорченія, о которыхъ я не говорю, ибо надобно говорить подробнѣе. Къ числу такихъ принадлежитъ гнусный эгоизмъ, который показали въ дѣлахъ твоихъ Ратьковъ и Ольхинъ. И все надобно было терпѣть, прикрывать горькою улыбкою. Наконецъ совершилось несчастіе, коего я вовсе не ожидалъ¹⁾....

Довольно. Но все проходитъ, и горе, и радость. Мнѣ кажется, что я теперь опять оживаю—пусть кажется; и вотъ первое чувство, какое родилось во мнѣ—мнѣ необходимо видѣться и говорить съ тобою. Испытавши много разъ, я не сомнѣваюсь, что твое присутствіе, твоя бесѣда, твое участіе, возвратятъ мнѣ вполне чув-

¹⁾ Здѣсь Н. А. упоминаетъ о страшномъ несчастіи семейномъ, которое окончательно подорвало его и безъ того уже истощившіяся силы. Опускаемъ это мѣсто письма, какъ имѣющее исключительно семейный интересъ.

ство человѣческое. Знаю, что и на тебя производит такое же ощущение мое присутствіе. Перезывать тебя въ Петербургъ нельзя, ибо это невозможно по дѣламъ твоимъ, и, можетъ быть, по другимъ отношеніямъ; но я прошу тебя пріѣхать сюда, погостить у меня мѣсяцъ, если нельзя болѣе, и увѣренъ, что это будетъ важнымъ облегченіемъ, даже по твоимъ и по моимъ дѣламъ. Самъ я пріѣхать теперь не могу. Если бы ты могъ совсѣмъ сюда перебраться, мы ожили бы, но—будемъ говорить о настоящемъ...

Во-первыхъ, ты найдешь себѣ здѣсь много работы. Сенковскій согласенъ отдать тебѣ участіе въ «Библіотекѣ», и даже если бы тебѣ было можно, то передать тебѣ все, что дѣлалъ у него Очкинъ. Данилевскій съ радостью готовъ отдать тебѣ біографіи свои. Много найдется и другой работы. Рѣшительно можно сказать, что живучи здѣсь, ты легко получишь бы до 15,000 рублей въ годъ. Если переселеніе невозможно, все-таки не худо пріѣхать посмотрѣть, поговорить, сообразить и воспользоваться, чѣмъ можно. Проѣздъ твой станетъ бездѣлицу, а жить мы станемъ вмѣстѣ, ибо неужели мнѣ отпустить тебя отъ себя, когда ты здѣсь будешь? Кромѣ того, мнѣ нужны твой совѣтъ и твоя помощь при моемъ новомъ предпріятіи, которое можетъ быть тебя увидитъ: я сошелся съ Краевскимъ, и такъ хорошо, что взялъ у него на три года «Литературную Газету». Мнѣ кажется, что дѣло можетъ быть выгоднымъ, при плацѣ, при средствахъ, какіе къ тому являются. Можно принести много добра и обезпечить себя сколько нибудь. Мечты мои простираются уже такъ далеко, что я мечтаю будто и твои дѣла могутъ быть этимъ окончены! Обо всѣмъ этомъ писать невозможно, а надобно лично «толковаться», и потомъ «хлопотать». Молитва и трудъ! вотъ все наше спасеніе. Отъ людей ждать нечего. Остается дѣйствовать на нихъ ихъ собственнымъ своекорыстіемъ, а тогда и они изъ демоновъ превращаются въ ангеловъ.

Словомъ, вотъ все, что я могу теперь сказать тебѣ: ради Бога пріѣзжай сюда, и проживи хоть мѣсяцъ, для твоей собственной, моей пользы; и, можетъ быть, намъ удастся рѣшительно учредить и устроить свою будущность, устроить судьбу дѣтей, какихъ Господь Богъ оставитъ намъ. Вѣдь это святая обязанность наша. Для насъ съ тобой, разумѣется, въ мірѣ остается немного но—надобно же дожить?

Ратьковъ теперь въ Москвѣ. Гнусное ли онъ чудовище или сумасшедшій, право я не умѣю рѣшить. Не понимаю того, за что онъ ненавидитъ—не скажу насъ—но меня—это явно! Такъ поступать, какъ онъ поступаетъ со мною, нельзя. Поѣхавши въ Москву, онъ не видался и не простился со мною. Надъ Ольхинымъ власть его неограниченная. «Я ѣду въ Москву»,—сказалъ онъ мнѣ, встрѣтивши меня случайно, — «вѣдь вамъ нечего заказывать туда?»—«Нечего! отвѣчалъ я, или много».—Онъ засмѣялся адски,

махнулъ рукою, и я засмѣялся также. Послѣ каждаго свиданія, успѣваетъ онъ втерѣть мнѣ въ сердце занову, и я лишаюсь сна и пици на сутки, повывавшись съ нимъ. Какое чувство ко мнѣ и къ тебѣ питаетъ онъ,—не постигаю!

Истинно не знаю, что мнѣ дѣлать съ мосье Протопопъ! Я не обманывалъ его, обѣщая платить, но, во-первыхъ, у меня оставалось еще отъ пенсіи, была «Библіотека», надѣялся я кончить въ іюнѣ «Наполеона» и писалъ еще одну книгу. Послѣ покражи денегъ, притѣсеній изверга Сафоновой, болѣзни руки, лишившей меня возможности писать, я едва могъ достать въ это время насущный хлѣбъ, и платить мосье Протопопъ не имѣлъ никакой возможности. Мнѣ остается теперь одно: предложить ему въ уплату мою бѣдную пенсію, а между тѣмъ, съ января «Литературная Газета», надѣюсь, при помощи Божьей дастъ мнѣ средства, по крайней мѣрѣ, на переворотъ. Нельзя ли тебѣ лично вручить мосье Протопопъ прилагаемое письмо и росписку? Если онъ не согласится—пусть дѣлаетъ, что хочетъ—да будетъ воля Божія.

Я остался на прежней квартирѣ, ибо и средствъ переимѣнить ее не имѣлъ. Къ счастью, хозяинъ мой, добрый нѣмецъ, оказалъ мнѣ всякое снисхожденіе. Семейство мое въ нѣмецкой колоніи и, слава Богу, ожило на воздухѣ и въ лѣсу. Я успѣлъ во все лѣто сѣздить раза два къ нимъ. Остальное время посвящено тяжелой работѣ. Сажусь за нее въ пять часовъ, сижу до трехъ, и работаю еще вечеромъ; но даже и это угодно было судьбѣ у меня отнимать... Горькіе были эти часы... Зачтутся ли они когда нибудь?

Заключаю однимъ: ради Бога пріѣзжай сюда, на сколько тебѣ возможно времени—это необходимо для тебя и для меня, для дѣлъ, для будущности дѣтей нашихъ! Мой другъ! Кто знаетъ, не сочтены ли уже наши съ тобою дни! Тѣмъ лучше для насъ, но... но, дѣти!

Розбергъ пріѣзжалъ сюда, былъ осыпанъ наградами, получилъ Станислава на шею, весель, съ брюшкою! Извергъ Сафонова потеряла младшую дочь свою. Не безпокойся! Она тотчасъ подала просьбу, что ей, несчастной вдовѣ, нечѣмъ похоронить, и выхлопотала себѣ сотни двѣ рублей отъ государя! Все это въ порядкѣ вещей¹⁾.

Твой Николай.

(Безъ обозначенія числа).

Рукою Ксенофонта Алексѣевича на письмѣ сдѣлана помѣтка: получено 29 января 1846 года.

Я начинаю думать, мой любезнѣйшій братъ и другъ, что судьба хотѣла подарить меня послѣднимъ (подчеркнуто въ подлинникѣ)

¹⁾ Вслѣдствіе этого письма, отецъ мой, осенью 1845 г., ѣздилъ въ Петербургъ, и прожилъ тамъ довольно долго. Въ началѣ 1846 года онъ воротился въ Москву.

Н. К. Полевой.

утѣшеніемъ въ жизни, доставя свиданіе съ тобою, когда, самъ не знаю какъ, меня польстили даже какія-то надежды, и, забывшись, мы истинно провели нѣсколько пріятныхъ минутъ. За то, только что ты уѣхалъ, все разрушилось такъ, что я едва не погибъ въ нѣсколько дней! Началось тѣмъ, что у меня опять отнялась правая рука. Пока ее терли льдомъ, бодягою, и терзали всячески, открылись слѣдствія моего предпріятія, на которомъ держались всѣ мои, послѣднія надежды. Никакъ и не думалъ я о барышахъ, но только хотѣлъ перевернуться. Ты знаешь, что мнѣ надобно послать въ Москву тысячь пять, и здѣсь заплатить тысячь пять. Полагая, что подписчиковъ будетъ сотъ семь, восемь, и я могу располагать суммою тысячь въ 20, со страхомъ увидѣлъ я 400 подписчиковъ! И тутъ—Ольхинъ велѣлъ зачесть мой долгъ ему; Ивановъ, захвативъ болѣе ста подписчиковъ, и, явно идя къ банкротству, удержалъ себѣ деньги, а Краевскій удержалъ, въ обезпеченіе, подписку въ почтамтѣ, и вотъ, я, безрукій, не имѣя возможности ни продолжать газеты, не имѣя гроша дома, когда изъ Москвы извергъ Бѣгичевъ уже прислалъ угрозы, отъ Квасниковой я уже имѣю два письма, и того и жду писемъ Сопова и Протопопова, а здѣсь уже подали на меня ко взысканію... Среди такихъ событій ручьемъ полилась изъ меня кровь, и въ три дня ноги и лицо у меня опухли, и я слегъ въ постелю, особливо простудившись, ибо принужденъ былъ выѣхать; а ты знаешь, что шубы у меня нѣтъ. Мнѣ оставалось готовиться къ тюрьмѣ, если останусь живъ, и къ смерти, если такъ угодно Богу! Вотъ причины, по которымъ я не писалъ къ тебѣ. О чемъ, и за чѣмъ было писать? Среди такихъ бѣдствій оживило меня опять то, что добрый Франкъ ¹⁾ успѣлъ кое-какъ остановить кровь, и немного облегчить руку, такъ что я могу, хоть съ трудомъ, писать; и въ то же время мелькнуло предпріятіе, которое если бы удалось, могло бы спасти насъ, ибо мнѣ прискорбно, что отъ меня будетъ и на тебѣ отражаться. Монтолонъ, сидя въ своей Гамской тюрьмѣ, вздумалъ печатать въ «La Presse» исторію плѣна Наполеонова на Еленѣ. Мнѣ пришло въ голову, что если переводить эту исторію выпусками, помѣстить часть въ «Газетѣ», она можетъ дать нѣчто, чѣмъ можно будетъ передохнуть. Начало ты увидишь въ «Газетѣ», но я поднялся съ одра смерти, а теперь съ Вольдемаромъ ²⁾ сидѣли день и ночь—будь что будетъ! Я скрываю свое опасное положеніе отъ семейства, но, кажется, что мой расчетъ съ жизнью поконченъ. Умру въ бою, и дѣлай люди, что имъ угодно; а дѣтей поручу Богу! Въ такомъ расположеніи ты, и твое здѣсь присутствіе, мой любезнѣйшій, были бы для меня бла-

¹⁾ Докторъ, дѣчившій А. Н. Полеваго и все его семейство.

²⁾ Такъ звалъ Н. А. своего старшаго сына, Владиміра, въ то время студента Спб. университета.

годѣяніемъ, ибо, безъ твоей помощи, я и матеріально ни въ чемъ успѣть не могу. Можешь ли ты сюда пріѣхать? Если нѣтъ, то да будетъ воля Божія! Если же возможно, то, прошу тебя не медлить. Что теперь говоритъ Протопопову, Сопову, Квасниковой, Ябедѣ, Бѣгичеву, и прочимъ—не знаю! Пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Кровью моею заплатить я готовъ, но вѣдь они за нее гроша не дадутъ. Если они подадутъ всѣ ко взысканію, то я объявлю себя банкротомъ—мнѣ ничего болѣе не осталось. Пусть посадятъ покаместъ въ тюрьму, которая не безсловитъ, если не преступленіе завело въ нее; а совѣсть наша чиста.

Я просилъ бы тебя не показывать моего письма ни кому. Оно можетъ разстроить бѣдную Лиллу, ибо я знаю, что она любитъ меня. Для того велѣлъ я отвѣчать тебѣ отдѣльно Вольдемару, который не знаетъ всей гибели моего состоянія, и при томъ смотритъ на все, какъ юноша. Иногда подкрѣпивши его надеждами, я ухожу въ другую комнату скрыть невольныя слезы, и опять показаться въ семьѣ своей веселымъ. Я прошу тебя написать Вольдемару, и поблагодарить за все, что онъ для меня дѣлаетъ—да благословитъ его Богъ! Петя и Катя долгомъ почитаютъ сами писать къ тебѣ. Петя прочиталъ мнѣ за тайну свое письмо, и запечаталъ. Въ жизни могли бы быть радости, и я еще могъ бы на что нибудь годиться, но—видно не угодно Богу. Да будетъ воля Его! Всѣ мои здоровы. Къ моимъ печалямъ прибавлялось долгое неполученіе отъ тебя писемъ послѣ твоего отъѣзда—я трепеталъ за тебя! Слава Богу, что бѣдствіе не совершится.

Твой братъ и другъ Николай.

Примѣчаніе. Это письмо доставлено мнѣ братомъ моимъ П. Н. Полевымъ. Оно одно, изъ всей серіи дядиныхъ писемъ, оказалось въ его собраніи писемъ Н. А.—ча. Н. К. П.

С.-Петербургъ. 8-го февраля, 1846 года.

Послѣ моего послѣдняго письма, мой любезный другъ и братъ, дѣла мои вообще не могли измѣниться, но лично мои дѣла сдѣлались страшно хуже. Съ 3-го февраля я упалъ, какъ будто пораженный какимъ-то громовымъ ударомъ, на диванъ; лишился сна, нищи, и впалъ въ какое-то небытіе нравственное и тѣлесное. Жизнь моя, можно сказать, сдѣлалась чѣмъ-то между жизнью и смертью. Всего болѣе съ трехдневной бессонницей я боялся сойдти съ ума. Заниматься я не только не могу, но не могу даже читать, и у меня голову обноситъ, когда я только о чемъ нибудь подумаю. Долго ли это продолжится, не знаю; лѣчусь, и предаю себя волѣ Божіей во всемъ. Одно только сохраняется въ моей головѣ, что если бы ты только могъ пріѣхать сюда на мѣсяцъ, на три недѣли, мнѣ кажется, я и дѣла мои—были бы спасены. Ни о чемъ больше разсуждать не могу и не умѣю. Посылаю тебѣ нѣсколько отрывковъ изъ Монтолона. Ради Бога, постарайся ихъ перевести поскорѣе и пе-

рслать сюда, въ видѣ посылки на мое имя, у Аларчина моста, а не къ Ольхину.

Благословляю твоихъ, мой поклонъ Лиллѣ и брату Евсѣю.

Твой братъ и другъ Николай ¹⁾).

«Записки» отца моего заканчиваются въ рукописи слѣдующею выпискою изъ «Библиотеки для Чтенія», которую онъ готовился, вѣроятно, помѣстить въ «Запискахъ» своихъ. Найдя ее въ бумагахъ, собранныхъ имъ для составленія этихъ «Записокъ», я считаю приличнымъ помѣстить этотъ отзывъ въ концѣ «Записокъ». Никитенко былъ сотрудникомъ Николая Алексѣевича по «Русскому Вѣстнику», часто ссорился съ нимъ, какъ то видно изъ писемъ, помѣщенныхъ выше, и, конечно, хорошо зналъ Николая Алексѣевича, именно въ послѣдніе годы жизни его. Слово такого человѣка, подъ первымъ впечатлѣніемъ смерти Николая Алексѣевича, имѣетъ несомнѣнно большое значеніе.

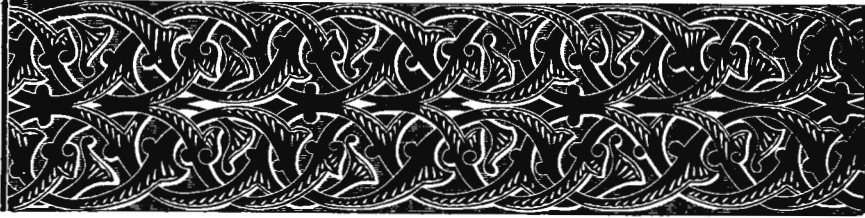
«Библиотека для чтенія», 1846 годъ. (Критика. Статья А. Никитенко, на стр. 1—28). I, на стр. 22-й.

«...Нѣтъ! несправедливо судили о немъ враги его, говоря, что онъ, какъ человѣкъ смѣтливый и изворотливый, дѣлаетъ изъ литературныхъ предпріятій спекуляцію, а изъ искусства ремесло, что онъ охотно и весело поддается искушенію дѣлать все, чтобы получить за то много. Нѣтъ, онъ глубоко чувствовалъ ложность и тяготу своего положенія. Мы лично и близко его знали, и можемъ торжественно засвидѣтельствовать предъ будущимъ его біографомъ, что въ этомъ изможденномъ тѣлѣ, въ этой сдавленной груди, которой теперь, безъ сомнѣнія, легче подъ могильною насыпью, чѣмъ было ей подъ гнетомъ жизненныхъ заботъ, что въ нихъ до послѣдняго вздоха билось сердце, полное благородныхъ стремленій и сочувствія ко всѣмъ великимъ, нравственнымъ и умственнымъ интересамъ людей. Но его свѣтлый день уже проходилъ, приближался закатъ, одѣтый въ туманъ, потрясаемый бурями; что было посѣяно, то уже сняли. Сѣять вновь можно было только для хлѣба насущнаго, и для жатвы за гробомъ... Нѣтъ, еще повторяемъ, это было существо, сложенное изъ стихій свѣта и огня, а не грязи. Но всему ли, что есть въ насъ прекраснаго, суждено расцвѣсти и дать плодъ свой? И неужели должно бросить на насъ камень за то, что мы не все могли сдѣлать, что было понято и рѣшено нами въ глубинѣ нашего сердца?».

Н. К. Полевой.

¹⁾ Письмо это писано подъ диктовку Н. А.—ча старшимъ сыномъ его, Владиміромъ, и только подписано самимъ Н. А.—чемъ. Получивъ это письмо, отецъ мой спѣшилъ опять отправиться въ Петербургъ, къ умирающему брату и другу, когда пришло извѣстіе, что Николай Алексѣевичъ скончался. Впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на моего отца было необыкновенно тяжко. Онъ цѣлые годы не могъ забыть этой потери.

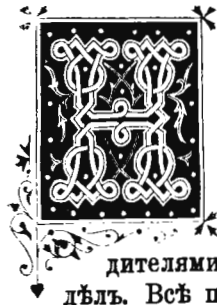
Н. К. П.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ ¹⁾.

(Воспоминанія степного помѣщика).

V.

АЗНАЧЕНО было уѣздное собраніе, на которомъ, кромѣ другихъ дѣлъ, предстояло опредѣлить число мировыхъ участковъ и раздѣлить уѣздъ на участки. Послѣ этого распредѣленія должны были быть назначены мировые посредники. Назначеніе ихъ Положеніемъ 19-го февраля предоставлено губернаторамъ по соглашенію съ предводителями, а утверждались они министромъ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ понимали хорошо, что новый губернаторъ, недавно только назначенный, не могъ взять на себя выборъ посредниковъ и долженъ положиться на указанія предводителей, а потому выборъ на эти должности лежалъ исключительно на предводителяхъ. Новая эта должность представляла очень много заманчиваго и потому желающихъ оказалась масса. Съ одной стороны большое жалованье, назначенное посредникамъ, 1,500 руб. было очень привлекательно и вызывало множество охотниковъ до большихъ окладовъ. Въ то время уѣздный судья, одинъ на цѣлый уѣздъ, получалъ только 600 рублей. Съ другой стороны всѣ понимали, что отъ дѣятельности и направленія посредника зависѣлъ будущій ходъ дѣла, а потому не сочувствующіе эмансипаціи, очень желали, чтобы въ посредники попали ихъ сторонники, и, наконецъ, высоко-патріотиче-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXX, стр. 364.

ское настроеніе всего общества того времени, вызывало благородные порывы служить общему дѣлу и у такихъ лицъ, которыя при иныхъ условіяхъ никогда не выступили бы на общественную дѣятельность.

Это было славное время благороднаго самоотверженія для осуществленія великихъ благъ великой реформы. Поэтому недостатка въ желающихъ не было, напротивъ *embarras des richesses*, громадное предложеніе затрудняло выборъ. Претендентами пущены были въ ходъ всевозможныя пружины и подходы, вызывавшіе столкновения самолюбій; каждый, считая своего протезе найдостойнѣйшимъ, старался умалить достоинства предполагаемаго соперника; но мѣсть было только шесть, а желающихъ масса и потому оставшіеся, такъ сказать, за флагомъ и имъ сочувствовавшіе, остались очень недовольны неуспѣхомъ и это неудовольствіе обрушилось, разумѣется, на посредника, не соображая того, что не могъ же я представлять въ посредники всѣхъ желающихъ, и кто бы ни былъ назначенъ, всегда оставались не попавшіе; тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось испытать на себѣ эту невыгодную сторону всякаго общественнаго дѣятеля.

Кто были назначены посредниками и чѣмъ я руководствовался, представляя ихъ, я скажу ниже, а теперь перейду къ описанію въ какомъ положеніи находился уѣздъ послѣ объявленія манифеста.

Первое время, какъ я уже сказалъ, уѣздъ былъ совершенно покоенъ. Небольшія недоразумѣнія, столкновения интересовъ помѣщиковъ съ крестьянами, улаживались, такъ сказать, домашними средствами. Вся фактическая власть въ уѣздѣ ограничивалась исправникомъ и двумя становыми, изъ коихъ одинъ былъ очень лѣнивъ и со всѣмъ нерастороненъ, а другой былъ человѣкъ большой, страдалъ по временамъ запоємъ. Оставался одинъ только исправникъ, о которомъ я хочу сказать нѣсколько благодарныхъ словъ. Весьма можетъ быть, что почти совершенное отсутствіе полиціи, если не считать исправника, и было причиной того относительнаго спокойствія, въ которомъ находился нашъ уѣздъ. Аполлонъ Александровичъ Солнцевъ, коренной дворянинъ и помѣщикъ нашего уѣзда, пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его; въ то время исправники были по выборамъ дворянства, и онъ нѣсколько разъ единодушно былъ избираемъ въ исправники, а что дѣятельность его не была одностороннею, сословною, доказывается тѣмъ, что когда избраніе исправниковъ по выборамъ было отменено, и они стали назначаться правительствомъ, то тотъ же выборный Солнцевъ, назначенъ былъ къ намъ исправникомъ, какъ человѣкъ, заявившій свою образцовую исправность по должности. Впослѣдствіи онъ много лѣтъ кряду занималъ должность участковаго мирового судьи и непремѣннаго члена сѣзда мировыхъ судей, а въ настоящее время доживаетъ свой вѣкъ въ деревнѣ, любимый и уважаемый всѣми сосѣдями. Я чрезвычайно много обязанъ Аполлону Александровичу за его содѣйствіе во все время моей

службы. Онъ былъ единственнымъ моимъ помощникомъ, совѣтами его я очень дорожилъ; это былъ человекъ съ большимъ здравымъ смысломъ, очень опытный, и главная черта его характера — это ни чѣмъ невозмутимое спокойствіе. Въ самыя критическія минуты онъ не терялъ самообладанія и всегда хладнокровно обсуждалъ всякое дѣло. Это неопѣненное свойство въ исправникѣ того времени, спасло уѣздъ отъ многихъ случайностей, которыя могли имѣть печальныя послѣдствія, еслибы исправникъ погорячился хотя не много. Достаточно было одного неосторожнаго слова, чтобы возбужденная толпа превратилась въ разъяренную, освирѣпѣвшую массу, укротить которую пришлось бы только съ помощью военной силы; но, благодаря Бога, въ нашемъ уѣздѣ войска на помощь не призывались и въ этомъ уѣздѣ обязанъ разумнымъ и спокойнымъ дѣйствіямъ исправника, которому не разъ приходилось выстоять съ утра до вечера передъ раздраженной толпой, невозмутимо спокойно увѣщевая, толкуя и вразумляя, и мало по малу страсти улегались, и толпа успокоенная расходилась по домамъ.

Я сказалъ уже, что у насъ въ уѣздѣ войска ни разу не призывались на помощь, хотя въ моемъ распоряженіи находился Рижскій драгунскій полкъ, расположенный на постоянныхъ квартирахъ въ нашемъ уѣздѣ. Вскорѣ по обнародованіи манифеста, послѣдовало распоряженіе, чтобы всѣ части войскъ, расквартированные въ извѣстномъ районѣ, находились въ постоянномъ движеніи, переходя изъ одной деревни въ другую. Эти маневры назначены были съ тою цѣлью, чтобы войска, переходя изъ деревни въ деревню, показывались повсемѣстно, и чтобы крестьяне знали и видѣли, что войска вездѣ есть и всегда готовы, если бы указала надобность. Вслѣдствіе этого распоряженія по войскамъ, предписано было полковымъ командирамъ и другимъ начальникамъ частей, имѣть свои части въ постоянномъ движеніи по указанію мѣстнаго предводителя. Соотвѣтственно этому распоряженію и я получилъ отъ губернатора предложеніе распоряжаться полкомъ, направляя части его въ ту или другую сторону, по мѣрѣ надобности и по моему усмотрѣнію.

Въ уѣздѣ вездѣ было покойно, а потому и драгуны спокойно оставались на мѣстахъ. Нѣсколько разъ полковой командиръ, полковникъ Моллеръ, съ которымъ мы жили очень дружно, спрашивалъ меня, когда же я назначу ему маршрутъ для маневрированія, но всякій разъ получалъ отвѣтъ, что я не нахожу надобности посылать его и прошу оставаться на мѣстѣ. Наконецъ, приходитъ онъ ко мнѣ озабоченный и настоятельно проситъ дать ему предложеніе о немедленномъ выступленіи, такъ какъ онъ получилъ строжайшее замѣчаніе отъ своего начальства за неисполненіе вышеупомянутаго предписанія о постоянномъ передвиженіи частей полка, и что онъ обязанъ теперь ежедневно рапортовать, что дѣлаетъ и гдѣ двигается его полкъ. Я опять сказалъ, что для меня никакихъ передвиженій не нужно.

— Да не могу же я оставаться на мѣстѣ, когда мнѣ приказано двигаться,—сказаль онъ.

— Ну и двигайтесь, если хотите,—отвѣчалъ я.

— Такъ дайте мнѣ предложеніе и укажите куда и по какимъ направленіямъ мнѣ идти.

— Ну, такого предложенія вы отъ меня не получите. Я уже нѣсколько разъ высказывалъ вамъ мой взглядъ на это дѣло: я нахожу не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ подобныя маневры; крестьяне очень скоро приглядятся къ солдатамъ, привыкнутъ и даже сблизятся на столько, что въ случаѣ дѣйствительной надобности, появленіе ихъ не произведетъ желаннаго дѣйствія, да къ тому же крестьяне легко поймутъ, что это ничто иное какъ запугиваніе и что ихъ боятся; разъ они прійдутъ къ такому пониманію, тогда непременно у нихъ явится увѣренность въ своей силѣ, и что если начальство боится возстаній, то значить возстанія возможны, и достаточно пустой причины, чтобы простое недоразумѣніе перешло въ открытый бунтъ. Напротивъ, я стараюсь держать ихъ въ томъ убѣжденіи, что никакое возстаніе, никакое противодѣйствіе немыслимы; если же, не дай Богъ, случится несчастіе и встрѣтится надобность въ войскахъ, тогда милости просимъ, пожалуйте, и я увѣренъ, что внезапное появленіе солдатъ въ такую минуту будетъ полезно и произведетъ ожидаемое дѣйствіе. Безъ крайней нужды я васъ трогать не стану, а вамъ совѣтую писать вашему начальству, что вы остаетесь въ бездѣйствіи, не получая никакого распоряженія отъ предводителя; жалуйтесь безъ церемоній на меня, этимъ все-таки мы выиграемъ время, а въ первый разъ какъ я буду въ Харьковѣ, можетъ успѣю убѣдить губернатора и склонить къ моему взгляду.

На томъ и порѣшили. Прошло нѣкоторое время. Прибѣгаетъ Моллеръ и показываетъ строжайшее замѣчаніе начальника дивизіи по поводу неисполненія такого-то предписанія, съ прибавленіемъ что корпусный командиръ вмѣстѣ съ симъ отнесся къ губернатору о побужденіи предводителя къ исполненію и проч. Мнѣ было очень жаль бѣднаго Моллера; я самъ, какъ бывший военный, понималъ отвѣтственность полкового командира за неисполненіе приказаній начальства, но у него было до нѣкоторой степени оправданіе: въ предписаніи сказано: «по усмотрѣнію предводителя», а что же ему дѣлать, когда предводитель усматриваетъ нужнымъ, чтобы оставаться на мѣстѣ, и я твердо стоялъ на своемъ, предпочитая эти непріятности, могущей случиться большой бѣдѣ. Вскорѣ послѣ этого, я получилъ отъ губернатора эстафету. Онъ выражалъ свое удивленіе, что я не привожу въ исполненіе извѣстное распоряженіе, что онъ получилъ отъ корпуснаго командира настоятельную объ этомъ просьбу, и что онъ не понимаетъ, какъ я не пользуюсь предоставленнымъ мнѣ правомъ для успокоенія уѣзда. Бумага заканчива-

лась настоятельнымъ предложеніемъ немедленно же привести въ исполненіе предписаніе военнаго министра по войскамъ, объясненное мнѣ въ предложеніи губернатора за такимъ-то N. Я написалъ отвѣтъ губернатору также по эстафетѣ, изложивъ подробно и откровенно мой взглядъ на этотъ вопросъ, добавивъ, что пользоваться войсками для успокоенія уѣзда, мнѣ благодаря Бога не нужно, такъ какъ уѣздъ мой покоенъ, и закончилъ просьбой дать мнѣ, въ случаѣ онъ найдетъ мой взглядъ ошибочнымъ, категорическое предложеніе двигать войска, до полученія же отъ него такого предложенія, войска будутъ оставаться на мѣстахъ.

Дня черезъ два получилъ я отвѣтъ отъ Ахматова, въ которомъ онъ пишетъ, что совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе, признаетъ его полезнымъ, но что онъ не считаетъ себя вправѣ отмѣнить распоряженіе военнаго министра и предоставляетъ мнѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнію, подъ моею личною отвѣтственностью. На томъ дѣло и кончилось, но, къ сожалѣнію, не надолго.

Пронесся слухъ, что въ сосѣднемъ съ нашимъ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, началось настоящее возстаніе и вслѣдъ затѣмъ я получилъ по эстафетѣ отъ бахмутскаго предводителя дворянства И. А. Шахова, бывшаго и у насъ предводителемъ, моего большого пріятеля, письмо въ которомъ онъ описываетъ, что организовалось настоящее возстаніе, что со всѣхъ концовъ собираются толпы народа въ одну банду, числомъ уже болѣе 10 тысячъ, и двигаются по направленію къ Изюмскому уѣзду, подъ предводительствомъ какого-то Харько. Предупреждая меня какъ сосѣда объ этомъ возстаніи, которое легко можетъ перейти и въ нашъ уѣздъ, въ то же время онъ умолялъ меня прислать ему на помощь драгунъ, такъ какъ у него нѣтъ никакого войска.

Я тотчасъ пригласилъ Моллера.

— Желаніе ваше исполнилось, къ сожалѣнію; не угодно ли вамъ немедленно отправить дивизионъ драгунъ въ Бахмутскій уѣздъ, — сказалъ я ему, подавая письмо Шахова. Прочитавъ письмо, Моллеръ сказалъ, что сдѣлать этого онъ не можетъ; ему предписано дѣйствовать въ предѣлахъ Изюмскаго уѣзда, а не въ чужой губерніи, находящейся при томъ въ чужомъ, одесскомъ, военномъ округѣ. Все это я понималъ очень хорошо, но тѣмъ не менѣе не могъ же я оставаться равнодушнымъ и не дать помощи сосѣду. Опасность представлялась слишкомъ серьезно, такъ какъ бунтующаяся толпа находилась почти на границѣ уѣзда, перейдя которую значительно увеличилась бы присоединеніемъ нашихъ, и когда банда усилится, а дурной примѣръ очень заразителенъ, тогда не только дивизиона, но и нѣсколькихъ полковъ будетъ недостаточно. Не смотря на всю нерѣшительность Моллера, я далъ ему формальное предложеніе, и онъ, волей-неволей, долженъ былъ рѣшиться. Часа черезъ два тронулся въ походъ на рысяхъ дивизионъ драгунъ въ полномъ со-

ставъ офицеровъ, и самъ полковой командиръ отправился при дивизионѣ.

Понятно безпокойство наше по случаю этой экспедиціи; особенно была встревожена жена полкового командира. Это была прехорошенькая молоденькая дама, моя еще петербургская знакомая; съ женою моею она была очень дружна и потому цѣлые дни проводила у насъ, надѣясь услышать что нибудь о мужѣ скорѣе отъ меня, какъ центра всѣхъ свѣдѣній. Первые извѣстія были нѣсколько тревожнаго свойства, но на третій день я получилъ подробныя извѣстія о ходѣ дѣла и вскорѣ затѣмъ о благополучномъ его окончаніи.

Въ запискѣ, изготовленной мною для посылки губернатору, я сдѣлалъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ Моллера къ его женѣ, которая была настолько любезна, что дала въ мое распоряженіе эти письма; изъ нихъ же я позволяю себѣ сдѣлать и теперь нѣсколько выписокъ, для иллюстраціи такъ называемаго дружковскаго дѣла. Харько, во главѣ всѣхъ бунтовщиковъ, дошелъ безпрепятственно до деревни Дружковка, почти на границѣ нашего уѣзда, гдѣ и остановился на дневку, увѣренный въ безнаказанности, такъ какъ хорошо зналъ, что въ Бахмутскомъ уѣздѣ войскъ нѣтъ, а пока еще выпишутъ изъ Екатеринослава, онъ успѣетъ сформировать и увеличить свое войско. Но не долго, однако же, пришлось воеводствовать самозванному воеводѣ: хата, гдѣ расположился Харько съ своими главными сподвижниками, была окружена на разсвѣтѣ взводомъ драгунъ, подъ командою поручика Васькова, и находившіеся тамъ были взяты въ плѣнъ и отвезены на рысяхъ въ безопасное мѣсто. Но этимъ дѣло не кончилось и главнымъ нашимъ силамъ, подъ личною командою самаго Моллера, приходилось нѣсколько разъ ходить въ атаку, встрѣчая постоянно твердый отпоръ; тогда онъ спѣшилъ своихъ драгунъ и съ помощью карабиновъ и обнаженныхъ шашекъ, хотя не безъ потерь, успѣлъ разогнать бунтовщиковъ и водворить нѣкоторый порядокъ.

Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ прискакали екатеринославскій губернаторъ, графъ А. К. Сиверсъ, и командированный въ Екатеринославскую губернію флигель-адъютантъ капитанъ Рейтернъ, а чрезъ нѣкоторое время должна была прибыть на подводахъ пѣхота. Началось слѣдствіе и мои драгуны могли тогда возвратиться на свои стоянки. Такимъ образомъ окончилась экспедиція нашихъ драгунъ. Не ожидая, однако же, возвращенія ихъ, я поѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ Ахматовъ ожидалъ меня съ понятнымъ нетерпѣніемъ¹⁾.

¹⁾ Изъ письма полковника Моллера къ его женѣ, отъ 17-го апрѣля 1861 года:

... une heure après mon arrivée à Taranowka, j'ai fait enlever un des grands mèneurs, artilleur en congé illimite Sozoula, et je lui ai fait mettre des fers. La nuit de 15 au 16, nous avons fait une marche forcée au trot

Кромѣ того, наше уѣздное собраніе окончилось, и мнѣ необходимо было не медля переговорить съ губернаторомъ о скорѣйшемъ назначеніи посредниковъ.

Услышавъ сообщеніе мое, что драгуны пошли въ чужую губернію, Ахматовъ вначалѣ перепугался, но когда я рассказалъ всѣ подробности дѣла, объяснилъ, что еслибы не дать помощи, то дѣло изъ Бахмутскаго уѣзда перешло бы легко въ нашу губернію и тогда потребовалось бы много жертвъ для прекращенія его, что, наконецъ, Екатеринославская губернія такая же часть государства, какъ и Харьковская и т. п. доводы, Ахматовъ успокоился и призналъ, что я дѣйствовалъ правильно, съ чѣмъ совершенно согласился и бывший при этомъ графъ Шуваловъ.

par une pluie battante et on a prit encore un prédicateur, soldat en retraite. Une heure avant l'aube du jour, nous sommes arrivés avec l'Ispravnik en équipage près d'une forêt où le maréchal du district, Schakoff, nous attendait avec une escorte de deux cents paysans à cheval, tirés des domaines de la couronne. Ici il s'agissait de porter un grand coup, c'est d'enlever l'âme de la révolte dans ces deux districts, le Pougatscheff moderne, le paysan-écrivain Charkowsky. En attendant, la division nous avait rejoint. J'ai détaché Vasskoff avec un peloton et 50 paysans à cheval, guidés par un espion. Ils sont partis au grand trot pour un village, situé à 10 verstes de la forêt; la maison de ce misérable fut cernée, il fut garrotté et l'expédition vint me rejoindre à Drouchkovka, trainant Charko à sa suite et ici un autre drame se déroula. Après la messe l'Ispravnik fit rassembler le peuple pour lire Manifeste Imperial. Schakoff et l'Ispravnik leur parlerent vainement, ils persistèrent dans leur opinion que la corvée est abolie et que Charkowsky l'avait dit; on leur dit de s'en aller, ils se mirent à crier et redemandaient leur idôle, menaçant de l'enlever de force; alors j'essayais de les chasser à coups de poing, dont se chargea un peloton de dragons, mais l'opération ne réussit pas; il se jetèrent sur mes sentinelles et faillirent les massacrer; alors je fis donner un peloton à pied armés de sabres et il en fit un épouvantable carnage. Je fis enlever les blessés et leurs donner des secours. En attendant que le toisin sonna, le peuple vint en foule des villages environnants au secours de l'apôtre. La division avait fait en deux jours 120 verstes, pendant 12 heures, les cheveaux n'avaient pas été débridés, dans deux heures nous étions cernés par une foule de 5.000 à 6.000 hommes fanatisés. La position devenait critique; je tins conseil avec le marechal et l'Ispravnik et je leur dit qu'il fallait d'abord mettre en sureté les prisonniers, donner du repos aux gens et aux cheveaux et avant tout il me fallait voir l'aide-de-camp de Sa Majesté, le capitaine Reitern, que l'on attendait d'une minute à l'autre. Nous partîmes et en route je vis Reitern, qui approuva en tout mes actions et qui m'ôta toute crainte de la responsabilité d'avoir fait sabrer . . . . .

Изъ письма отъ 19 февраля.

. . . . . Nos affaires prennent une meilleure tournure; chaque jour arrivent des députations de paysans avec promesse de soumission et d'obéissance. Ce qui me rejouit infiniment c'est la guérison des blessés; trois sont encore en danger de mort. La panique se propage partout dans le district, et dans les contes du peuple le nombre des tués se porte à quelques centaines. L'aide-de-camp de l'Empereur le baron Reitern fait son rapport à Sa Majesté que sans mon arrivé à marches forcés la révolte se propageait dans tous le gouvernement d'Ekaterinoslaw et que cela aurait fini probablement par un massacre des propriétaires. Nous sommes salués ici comme des libérateurs et des bienfeteurs et recevons les expressions de la reconnaissance . . . . .

Затѣмъ мы приступили къ назначенію посредниковъ. Ахматовъ просилъ меня назвать ему имена предполагаемыхъ мною въ посредники, съ краткой аттестаціей cadaго.

Въ 1-й участокъ я предложилъ Ф. М. Ковалевскаго, какъ человѣка безспорно умнаго, съ чрезвычайными всесторонними способностями, и хотя далеко не идеальнаго, но его неусыпная дѣятельность, глубокое знаніе народной жизни и необыкновенное умѣніе говорить понятно и внушать къ своимъ словамъ довѣріе простаго народа, представляло его самымъ подходящимъ къ должности посредника, что онъ и доказалъ, оставаясь безсмѣнно посредникомъ во все время до окончательнаго упраздненія этой должности.

Во 2-й участокъ я предложилъ барона Розена и прибавилъ «не знаю только согласитесь ли вы его назначить, онъ не имѣетъ никакого чина».

— Значить онъ слишкомъ молодой человѣкъ, нигдѣ не служилъ

— О нѣтъ, онъ человѣкъ пожилой, въ молодости служилъ въ гвардіи, но потомъ былъ разжалованъ.

— Дуэль, значить?

— Нѣтъ, скажу вамъ коротко—онъ декабристъ и былъ 14 лѣтъ въ каторжной работѣ.

— Помилуйте, да какъ же возможно его назначить?!—вскричалъ Ахматовъ, вскочивъ со стула.

— Припомните, сказалъ я, у декабристовъ любимой мечтой было освобожденіе крестьянъ. Они дорого заплатили за увлеченіе молодости, и неужели вы откажете старику въ утѣшеніи поработать на пользу излюбленной идеѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ они прощены и ему возвращено его баронское званіе. Подумавъ не много, Ахматовъ нашелъ возможнымъ назначить его; согласное съ этимъ мнѣніе высказалъ и бывший при этомъ графъ Шуваловъ.

Въ 3-й участокъ предложилъ я Н. А. Языкова, человѣка съ большимъ образованіемъ, преданнаго дѣлу освобожденія и съ готовностью принявшаго на себя эту высокую обязанность. Въ 4-й участокъ—Н. М. Станковича, бывшаго исправникомъ по выборамъ, человѣка опытнаго, знакомаго съ народнымъ бытомъ, хорошаго помѣщика и любимаго въ сосѣдствѣ. Въ 5-й участокъ—А. С. Левшина, немолодого уже человѣка, съ большимъ авторитетомъ и охотно вызвавшагося посвятить себя дѣлу, и наконецъ въ 6-й участокъ—В. Н. Науменко, въ то время еще молодого человѣка, недавно вышедшаго изъ гвардіи, сына всѣми уважаемыхъ родителей и представлявшаго много хорошихъ задатковъ по своей энергіи и настойчивости для успѣшнаго исполненія возложеннаго на него дѣла. Надо при этомъ сказать, что указывая на лицъ, могущихъ быть посредниками, необходимо было сообразоваться съ мѣстомъ жительства, чтобы каждый приходился по возможности въ центрѣ своего участка.

Я нѣсколько подробно остановился на указаніи, на чемъ я основывался при назначеніи посредниковъ, потому что выборъ этихъ, а не другихъ, лицъ вызвалъ большой ропотъ въ средѣ тѣхъ, которые не попали въ число избранныхъ; но думаю, что кто бы ни былъ назначенъ, неудовольствіе всегда было бы, такъ какъ желавшихъ было слишкомъ много. Изъ числа назначенныхъ кандидатовъ въ посредники, упомяну только объ одномъ, тоже вызвавшемъ нареканіе въ пристрастіи. Это былъ кандидатъ къ мировому посреднику 3-го участка И. А. Антоновъ. Еслибъ онъ не былъ родной мой братъ, я бы представилъ его прямо въ посредники, и Ахматовъ хотѣлъ назначить его, но я просилъ не дѣлать этого, во избѣжаніе нареканій. По увольненіи Языкова отъ должности въ декабрѣ мѣсяцѣ 1861 года, братъ вступилъ въ отправленіе должности, оставался посредникомъ до выбора его въ предводители и исполнѣ оправдалъ мое о немъ мнѣніе; впоследствии онъ былъ непремѣннымъ членомъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и почетнымъ мировымъ судьей, а въ настоящее время состоитъ уже второе трехлѣтіе предсѣдателемъ уѣздной управы. Такимъ образомъ двадцати пяти лѣтнее непрерывное служеніе его уѣзду ясно говоритъ само за себя. Хотя и молодой еще тогда человѣкъ, недавно вышедшій въ отставку изъ военной службы, онъ беззавѣтно былъ преданъ дѣлу освобожденія, и не смотря на то, что постоянно ограждалъ интересы крестьянъ, вслѣдствіе чего его многіе и недолго любили; но прямота и правда взяли верхъ, такъ что тѣ же недовольные выбрали его въ предводители.

Такимъ образомъ наши посредники были назначены, и по возвращеніи въ уѣздъ занятія мои значительно облегчились.* До сихъ поръ только два лица въ уѣздѣ несли на себѣ всѣ заботы, предводитель и исправникъ, теперь явилось шесть посредниковъ, за тѣмъ стали учреждаться общества, волости, избраны были волостные старшины, сельскіе старосты и дальнѣйшій ходъ дѣла долженъ былъ пойти замѣтно быстрѣе.

Приступили къ составленію уставныхъ грамотъ и выкупныхъ договоровъ. Дѣло это пошло очень успѣшно. Въ одномъ только участкѣ дѣла нѣсколько замялись, благодаря упорству Розена. Онъ съ энергіею принялся за дѣло, не смотря на свои почти 70 лѣтъ, неутомимо разъѣзжая по своему участку; всѣ дѣла у него шли очень успѣшно, много уже было составлено и утверждено уставныхъ грамотъ, но въ дѣйствіе онъ ихъ не приводилъ, не смотря на указаніе въ Манифестѣ 19-го фавраля приводить въ дѣйствіе уставныя грамоты по мѣрѣ ихъ составленія и утвержденія, чтобы чрезъ два года барщинная работа была прекращена повсемѣстно.

На всѣ настоянія онъ твердилъ одно: когда 19-го февраля 1863 года солнце взойдетъ и освѣтитъ свободную Россію, тогда и приведется въ исполненіе.

Много разъ я пробовалъ убѣдить Розена приводить въ исполненіе уставныя грамоты по мѣрѣ ихъ составленія, доказывая, что всякое новое дѣло, при его примѣненіи, вызываетъ недоразумѣнія, а потому гораздо лучше исправлять ихъ постепенно; введеніе же новыхъ порядковъ одновременно и повсемѣстно, можетъ вызвать и повсемѣстные безпорядки. Но Розенъ повторялъ все свое. Нѣкоторые помѣщики, желавшіе поскорѣе окончить обязательныя отношенія къ крестьянамъ, обращались ко мнѣ съ жалобами на Розена и я рѣшился обратиться къ нему на первомъ предстоящемъ сѣздѣ мировыхъ посредниковъ и при содѣйствіи всѣхъ посредниковъ попробовать убѣдить его.

Нужно сказать, что у Розена была привычка повторять въ разговорѣ одно и то же слово нѣсколько разъ, и вотъ когда былъ предложенъ вопросъ о приведеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, всѣ стали спрашивать, почему онъ не хочетъ этого дѣлать, а равно и не утверждаетъ выкупныхъ договоровъ, онъ своимъ гробовымъ голосомъ отвѣчалъ: «Не могу, не могу, не могу». Наконецъ, я сталъ ему давать категорическіе вопросы.

— Признаете ли вы, что всѣ мы здѣсь находящіеся знаемъ хорошо Положеніе 19-го февраля и обязаны въ точности его выполнять?

— Признаю, признаю, и мы всѣ обязаны выполнять его въ точности.

— Согласны ли вы съ тѣмъ, что въ манифестѣ ясно сказано, чтобы приводить въ исполненіе уставныя грамоты по мѣрѣ ихъ составленія и утвержденія и что двухлѣтній срокъ назначенъ какъ окончательный для постепеннаго введенія новаго порядка.

— Согласенъ, согласенъ, вполне согласенъ.

— Значить, вы обязаны составлять и приводить въ дѣйствіе уставныя грамоты.

— Обязанъ, обязанъ.

— И будете приводить ихъ въ дѣйствіе?

— Не буду, не буду, не буду.

Ну, что тутъ было съ нимъ дѣлать? Ничего другого мы отъ него не добились во все время засѣданія и сѣздъ сдѣлалъ постановленіе подтвердить всѣмъ посредникамъ о непремѣнномъ приведеніи въ исполненіе уставныхъ грамотъ, по мѣрѣ ихъ утвержденія, и Розенъ хотя неохотно, но долженъ былъ подчиниться.

Подобное упорство очень напоминало сцены, часто повторявшіяся у всѣхъ посредниковъ. Приступая къ составленію уставныхъ грамотъ, посредникъ изъ всѣхъ силъ старается объяснять крестьянамъ разныя статьи положенія, слышатся возгласы: «та воно такъ, отъ се дило», посредникъ уже предвкушаетъ успѣхъ и, закончивъ всѣ разъясненія, спрашиваетъ: и такъ вы согласны?

— Ни, не согласны.

— Какъ такъ? — спрашиваетъ озадаченный посредникъ, — на что же вы несогласны?

— Согласны на царске положеніе.

— Да вѣдь это царское положеніе.

— Не согласны, нехай усе остается якъ было до случнаго часу.

И бѣдный посредникъ начинаетъ опять съ конца сказку про бѣлаго бычка; но у крестьянъ это упорство было понятно: они боялись промахнуться, подписавъ какой бы ни было договоръ, у нихъ была затаенная мысль, что можетъ послѣдуетъ какая нибудь перемѣна, но у Розена это было непонятно. Я спрашивалъ у него, что, можетъ быть, его останавливаетъ та мысль, что одна сторона еще не вполнѣ свободна, и онъ опасается ошибки со стороны крестьянъ; но нѣтъ, онъ возражалъ на это, что ошибокъ онъ не боится, такъ какъ у крестьянъ есть мировой, который не допуститъ до ошибокъ. Еще у него постоянно встрѣчалось необъяснимое противорѣчіе: по видимому, онъ являлся защитникомъ крестьянъ, а въ то же время въ богатыхъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльцы готовы были дѣлать разныя уступки, онъ не соблюдалъ выгодъ крестьянъ, на примѣръ, въ большихъ имѣніяхъ Донецъ-Захаржевскаго, Лужина и др.

Когда вслѣдъ за назначеніемъ посредниковъ устроены были волости, то мы тотчасъ приступили къ облегченіямъ, указаннымъ въ положеніи. Строго подтверждено было по всѣмъ экономіямъ, чтобы болѣе трехъ дней въ недѣлю не брать крестьянъ на работы ни подъ какимъ предлогомъ. (Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ брали четвертый день за уплату помѣщикомъ подушнаго). Запрещено было брать на работу женщинъ въ извѣстномъ положеніи. Одинъ посредникъ въ своемъ участкѣ совсѣмъ было отмѣнилъ женскія работы осенью и въ продолженіе всей зимы. Но это распоряженіе, какъ незаконное, отмѣнено было съѣздомъ. Мнѣ невольно припоминается отвѣтъ одного старшины. Когда посредникъ затѣялъ совсѣмъ отмѣнить женскую барщину, то объясняя одному изъ старшинъ свою мысль, для лучшаго вразумленія, сказалъ:

— Да онѣ и одѣваются такъ, что имъ зимой выходить на работу нельзя; вѣдь, онѣ панталонъ не носятъ.

— Хиба воны туркени, шобъ у штанахъ ходить, — былъ отвѣтъ старшины.

Много припоминается разныхъ трагикомическихъ анекдотовъ того времени, много было и отрадныхъ явленій, но все это было и давно прошло.

Страсти улеглись, неудовольствія забылись, и жизнь вошла въ свою обычную колею. Трудное было время, хлопотливое, особенно при той нравственной отвѣтственности за каждый шагъ, которая лежала на каждомъ предводителѣ, мало-малыски неравнодушномъ къ благу ввѣреннаго ему уѣзда. Мѣсяцъ такой службы я считалъ за годъ, подобно службѣ севастопольцевъ; но какъ ни было тяжело

въ то время, я все же считаю это время за самое отрадное въ моей жизни, и потому съ удовольствіемъ взялся за перо, чтобы на старости лѣтъ возобновить въ памяти всѣ пережитыя событія.

Я не могу не вспомнить съ благодарностью о постоянномъ моемъ сотрудникѣ, дѣятельномъ и честномъ труженикѣ, всегда стоявшемъ на стражѣ предводительскихъ интересовъ: почтенный А. Р. Грабовскій завѣдывалъ предводительской канцеляріею и какъ добросовѣстный, образцовый чиновникъ состоитъ и по настоящее время на этой должности.

«Еще одно послѣднее сказанье и лѣтопись окончена моя».

VI.

Мнѣ остается только рассказать о послѣднемъ посѣщеніи нашего города и уѣзда государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ и императрицею Маріею Александровною.

Лѣтомъ узнали мы, что въ началѣ августа назначенъ въ Чугуевѣ высочайшій смотръ войскамъ и что въ то же время императрица желаетъ посѣтить монастырь Святыя Горы, живописная мѣстность котораго можетъ поспорить съ лучшими по красотѣ мѣстами Европы. По маршруту, полученному мною, проѣздъ черезъ Изюмъ назначенъ былъ на 9-е августа. На нѣсколько часовъ императрица предполагала остановиться въ городѣ, имѣть обѣденный столъ и къ вечеру быть въ Святыхъ Горахъ, откуда чрезъ сутки возвратиться въ Харьковъ, по дорогѣ обѣдать на почтовой станціи Теплянка, тоже нашего уѣзда, а потому на мнѣ лежала лестная обязанность приѣма императрицы въ двухъ мѣстахъ.

Благодаря любезности Ахматова, я получилъ отъ него подробныя указанія, что и какъ приготовить для доставленія полного удобства и спокойствія ея величеству при проѣздѣ. Начну съ матеріальныхъ заботъ. По тогдашнему обычаю собрана была масса рабочихъ для исправленія и приведенія въ лучшій видъ почтовой дороги. Верстовые столбы обновлены, выкрашены, мосты исправлены, рытвины сглажены и 6-го дорога была совершенно гтова. Мнѣ было извѣстно, что ѣдетъ 14-ть экипажей, но числа всѣхъ лицъ, составлявшихъ свиту императрицы я не зналъ, а потому мнѣ предстояло озаботиться насчетъ провизіи для двухъ, предстоящихъ обѣдовъ. Помню, что наканунѣ приѣзда мнѣ привезли 16-ть отличныхъ, живыхъ стерлядей, изъ Щуровой, имѣнія Набельскаго и 4-е огромныхъ дрохвы, заказанныхъ мною охотнику. Эта забота всецѣло лежала на женѣ моей, которая по врожденному хлѣбосольству, съ восторгомъ приготовилась принять свою царицу. На это время мы переселились въ другой домъ, а нашъ маленькой дворянскій домъ принялъ такой прелестный, праздничный видъ, что

чудо. Масса растений и цвѣтовъ изъ ближайшихъ оранжерей, ковры, роскошная мебель, сдѣлали нашъ простенькій домъ рѣшительно неузнаваемымъ. Домъ былъ приготовленъ исключительно для императрицы; а для всѣхъ лицъ свиты—квартиры въ ближайшихъ домахъ.

Пріѣздъ назначенъ былъ въ 3 часа, но съ самаго утра, вокругъ дома, стоящаго на площади, уже собралась масса народа. Насъ изумляла необыкновенная небрежность дворцовой прислуги. Метр-д'отель прежде всего просилъ показать ему наше столовое серебро, бѣлье, посуду, хрусталь и проч. и объявилъ, что все прекрасно, и онъ можетъ не вынимать своего; затѣмъ, обращаясь къ нашей горничной, сказалъ: — «Прикажите комунибудь сварить кофе», — на что горничная возразила:—какъ же можно комунибудь, если позволите, я сама съ удовольствіемъ сварю; «для чего вамъ беспокоиться», — сказалъ онъ; но наша Фея считала себя счастливой, что приготовить для государыни кофе. Метр-д'отель почти при каждомъ своемъ дѣйствіи прибавлялъ: «это можно какънибудь, лишь бы поскорѣе»; за то и досталось ему, когда, около часу дня, пріѣхала фрейлина государыни княжна Долгорукая, которая ѣхала постоянно часа за два впередъ для осмотра, все ли въ порядкѣ и все ли въ томъ видѣ, чтобы ни чѣмъ не обезпечить императрицу.

И какъ съѣжился бѣдный метр-д'отель, когда княжна Долгорукая прикрикнула на него за то, что онъ не подумалъ о постномъ кушаньи для Т. Б. Потемкиной. Разумѣется, все мгновенно было приготовлено. Въ ожиданіи пріѣзда императрицы, мы съ женою провели чрезвычайно пріятно время въ обществѣ княжны Долгорукой, которая очень обязательно, между прочимъ, передала намъ къ свѣдѣнію все необходимое при пріемѣ императрицы.

Ровно въ три часа показался царскій поѣздъ, и я съ женою сошли съ лѣстницы для привѣтствованія государыни.

Прежде чѣмъ продолжать, я долженъ рассказать о встрѣчѣ императрицы на границѣ нашего уѣзда.

Собравшійся народъ, съ старшиной впереди и выборными, ожидалъ съ хлѣбомъ-солью пріѣзда государыни на границѣ уѣзда. Во главѣ всѣхъ стоялъ мировой посредникъ баронъ Розень. Когда подъѣхалъ экипажъ, Розень, снявъ шляпу, проговорилъ привѣтствіе императрицѣ, которая, принявъ хлѣбъ-соль, обратилась къ посреднику съ милостивыми словами. Розень былъ человѣкъ очень высокаго роста, съ длинными бѣлыми волосами, зачесанными назадъ, и опирался на ручную костыль, такъ какъ у него сломана нога, еще въ бытность въ Сибири, и онъ слегка похрамывалъ. Такая особенная наружность обратила на себя вниманіе императрицы, и она выразила удивленіе, что онъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ не оставляетъ службу. Тогда Розень, не желая быть понятымъ окру-

жавшимъ народомъ, сказалъ императрицѣ по-французски: «je serais pour mes cent-vingt camarades d'infortune».

Фраза эта удивила государыню, и Розень объяснилъ, что онъ декабристъ и считаетъ себя счастливымъ, что можетъ за себя и своихъ товарищей по несчастію, служить и работать въ столь радостномъ для нихъ дѣлѣ. Въ заключеніе добавилъ все же на французскомъ языкѣ: «осмѣливаюсь просить ваше величество поцѣловать то доброе сердце, которое тотчасъ по вступленіи на престолъ вспомнило о несчастныхъ, простило ихъ и забыло увлеченія ихъ молодости».

Разговоръ этотъ растрогалъ императрицу, она поблагодарила Розена и уѣхала. Впослѣдствіи Ахматовъ передавалъ мнѣ, что когда государь пріѣхалъ въ Святыя Горы, то императрица передала государю встрѣчу, сдѣланную ей Розеномъ, и при этомъ заплакала.

Когда императрица, подѣхавъ къ дворянскому дому, изволила выйти изъ кареты, я съ женой привѣтствовали ея величество, а городской голова съ другими представителями поднесъ хлѣбъ-соль. Я имѣлъ счастье провести императрицу по лѣстницѣ и затѣмъ до самой залы, послѣ чего мы вышли изъ дому, но не прошло и двухъ минутъ, какъ Ахматовъ вышелъ и передалъ мнѣ, что императрица приглашаетъ меня и жену мою къ обѣденному столу. Мы вошли въ залу, были представлены Ахматовымъ государынѣ и оставались тамъ до самаго отѣзда. Императрица очень милостиво разговаривала съ нами, очень интересовалась ходомъ эмансипаціи, положеніемъ края и его производительностью, спросила растетъ ли у насъ виноградъ и не потому ли нашъ городъ называется Изюмъ. Я сказалъ, что виноградъ у насъ дозрѣваетъ, но относительно происхожденія названія ничего опредѣленнаго неизвѣстно; очень возможно, что и отъ винограда происходитъ это названіе, но что болѣе достоверно слѣдующее толкованіе. Во времена татаръ эта мѣстность была крайнимъ предѣломъ русскихъ владѣній и въ этомъ мѣстѣ черезъ рѣку Донецъ былъ перевозъ, а перевозъ потатарски—ужумъ, можетъ быть, это слово и видоизмѣнилось въ Изюмъ. Во все время и со всѣми императрица вела разговоръ порусски, за исключеніемъ доктора, къ которому обращалась понѣмецки. Въ залѣ былъ накрытъ столъ на девять приборовъ.

Незадолго передъ обѣдомъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ и губернаторъ Ахматовъ испросили разрѣшеніе государыни отобѣдать въ особой комнатѣ нѣсколько ранѣе, въ виду необходимости прибыть ранѣе императрицы къ переправѣ на паромѣ, и какъ только императрица сѣла за обѣдъ, оба они раскланялись и уѣхали.

За обѣдомъ по лѣвую сторону императрицы, занимавшей мѣсто по серединѣ стола, сидѣли августѣйшіе дѣти ея величества, великая княжна Марія Александровна и великій князь Сергій Александровичъ, тогда еще совершенно маленькіе, съ фрейлиной Тютчевой

между ними. По другую сторону Т. Б. Потемкина, подлѣ нея моя жена, напротивъ сидѣлъ я, правѣ лейбъ-медикъ, а лѣвѣе княжна Долгорукая.

За обѣдомъ я замѣтилъ опять небрежность прислуги. Какъ я сказалъ, графъ Шуваловъ и Ахматовъ обѣдали наскоро въ особой комнатѣ, о чемъ метр-д'отель зналъ еще заблаговременно до обѣда; не смотря на это нѣсколько блюдъ къ намъ за столъ поданы были начатыми, слегка заровненными.

Послѣ второго блюда, княжна Долгорукая напомнила Т. Б. Потемкиной, что время ѣхать, и съ разрѣшенія императрицы обѣ встали изъ-за стола и уѣхали, такъ какъ Потемкиной, какъ хозяйкѣ, слѣдовало раньше быть на мѣстѣ, а княжна Долгорукая всегда ѣздила впереди.

Мнѣ понравилось, что когда подавали стерлядей, и великій князь Сергій Александровичъ положилъ себѣ на тарелку довольно порядочную порцію, то метр-д'отель преспокойно взялъ ложку и отобралъ съ тарелки обратно на блюдо, сказавъ: «вашему высочеству вредно много, это жирная рыба». Послѣ обѣда тотчасъ уѣхалъ и докторъ, и въ залѣ остались только одна императрица съ своими дѣтьми и фрейлина Тютчева.

Еще съ полчаса пробыла императрица въ залѣ, милостиво обращаясь къ намъ съ разговоромъ, нѣсколько разъ подходила къ окнамъ и кланялась народу, громкими криками оглашавшему всю площадь при каждомъ ея появленіи у окна.

Когда все было готово къ отѣзду, государыня милостиво простилась съ нами, спросила жену мою будетъ ли она въ Святыхъ Горахъ, я же сказалъ, что буду имѣть счастье сопровождать ея величество. У самаго подѣзда выстроены были дѣвочки—воспитанницы недавно созданнаго женскаго училища, имени великой княжны Маріи Александровны. Это было еще первое женское училище въ Изюмѣ, устроенное заботами жены моей, которая и была попечительницею этого заведенія; впоследствии оно переименовано въ прогимназію. Дѣти одѣты были въ форменныя платья и сѣмбли очень хорошо отвѣчать на нѣсколько обращенныхъ къ нимъ императрицею вопросовъ.

Въ первую карету сѣла императрица съ великой княжной, во вторую карету сѣлъ великій князь Сергій Александровичъ и съ нимъ фрейлина Тютчева, затѣмъ былъ мой экипажъ и губернскаго почтмейстера фонъ-Мензенкампфа и больше никого; всѣ остальные экипажи свиты давно уже ускакали, почти вслѣдъ за графомъ Шуваловымъ, такъ что сопровождали императрицу только я и фонъ Мензенкампфъ.

Полковникъ графъ Протасовъ-Бахметевъ, командиръ Новгородскаго драгунскаго полка, квартировавшаго въ Изюмѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемаго представлялся однажды импе-

ратрицѣ, которая узнавъ, что полкъ стоитъ въ Изюмѣ, изволила выразить, что съ удовольствіемъ помнить о своемъ пребываніи въ Изюмѣ и что городъ ей понравился. По возвращеніи, графъ Протасовъ заказалъ картину, изображающую площадь въ Изюмѣ, соборъ и дворянскій домъ, гдѣ пребывала императрица, а потомъ въ слѣдующую поѣздку въ Петербургъ имѣлъ счастье поднести ея величеству эту картину, которая и понынѣ находится въ одной изъ комнатъ на половинѣ ея величества.

На седьмой верстѣ отъ города предстояло спускаться съ большой горы, почему экипажи остановлены были, чтобы затормозить колеса; я подошелъ къ каретѣ и все время спуска съ горы шелъ подлѣ дверецъ кареты, успокоивъ императрицу, что гора неопасная и вставать изъ экипажа не было надобности. Съ этой горы открывался очень живописный видъ: рѣка Донецъ, красивыми извилинами, пробѣгала, окруженная съ обѣихъ сторонъ лѣсами, а въ самомъ низу раскинулось большое село Каменка, съ его бѣлыми хатами, тонувшими въ садахъ. Въ концѣ села на возвышеніи видѣлась большая церковь и нѣсколько построекъ, все обнесенное высокой мѣловой стѣной и имѣвшее издали видъ монастыря. Императрица спросила меня, что это за монастырь и я объяснилъ, что это село принадлежитъ здѣшнему старожилу—помѣщику Малиновскому, при чемъ въ нѣсколькихъ словахъ обрисовалъ эту личность.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановились экипажи, чтобы вынуть тормазы, стояла уже громадная толпа народа, все село было собрано для встрѣчи государыни и во главѣ всѣхъ нашъ почтенный Иванъ Васильевичъ съ своимъ семействомъ. Малиновскій привѣтствовалъ императрицу самыми восторженными словами, жена его и дочери поднесли букеты прекрасныхъ цвѣтовъ, волостной старшина съ выборными поднесли хлѣбъ-соль и, только что экипажи собирались тронуться, раздалось очень стройное хоровое пѣніе почти двухъ тысячъ голосовъ, что возможно было исполнить только въ этой деревнѣ, гдѣ, какъ я сказалъ выше, почти всѣ жители мужскаго и женскаго пола перебывали въ пѣвчихъ. вмѣсто обычнаго ура, раздалось торжественное пѣніе: «Спаси Господи люди твоя», и такая неожиданная встрѣча вызвала слезы умиленія въ глазахъ ея величества.

Едва ли я ошибусь, сказавъ, что это была единственная и небывалая встрѣча, и о ней императрица съ большимъ удовольствіемъ передавала государю въ Святыхъ Горахъ. Поѣздъ тронулся по окончаніи гимна «Боже Царя Храни», исполненнаго тѣмъ же импровизованнымъ хоромъ.

Солнце уже сѣло, когда мы подѣхали къ переправѣ черезъ Донецъ въ селѣ Богородичномъ, одномъ изъ многихъ селъ, принадлежащихъ Потемкину. Весь берегъ рѣки и прилежащая гора покрыты были сплошною массою народа. Впереди всѣхъ стоялъ ми-

ровой посредникъ Ковалевскій, за нимъ волостной старшина и выборные съ хлѣбомъ-солью, а съ боку Потемкина, княжна Долгорукая, оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ, губернаторъ Ахматовъ и всѣ лица свиты государыни. Императрица вышла изъ кареты и, принявъ привѣтствіе и поздравленіе съ благополучнымъ пріѣздомъ, осчастливившимъ весь край, направилась къ берегу.

Въ этомъ мѣстѣ была постоянная переправа на паромѣ, на которомъ всѣ экипажи должны были переправляться; но какъ на это требовалось очень много времени, такъ какъ въ одинъ разъ болѣе одного большого экипажа въ восемь лошадей нельзя поставить на паромъ, то была приготовлена огромная лодка, въ родѣ барки, разукрашенная флагами, вся покрытая краснымъ сукномъ и устланная коврами. Императрица вошла въ лодку, а за нею Потемкина, княжна Долгорукая, графъ Шуваловъ, Ахматовъ и докторъ; я остановился на берегу и по милостивому приглашенію императрицы рукою, тоже взшелъ въ лодку. Пока мы переѣзжали рѣку, сумерки совсѣмъ спустились, а мѣсяцъ едва началъ всходить. Лодка причалила къ противоположному берегу, тоже покрытому массою народа и едва оставалось небольшое открытое пространство для легкихъ экипажей, приготовленныхъ на той сторонѣ. Я имѣлъ счастье подать руку императрицѣ при выходѣ ея изъ лодки, проводить ее и посадить въ коляску. Съ нею сѣли великая княжна и Потемкина, во вторую коляску великій князь съ Тютчевой, далѣе въ другіе экипажи остальные, бывшіе въ лодкѣ.

Надо сказать, что какъ это и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, народъ, стоявшій почтительно до того, какъ только экипажъ императрицы тронулся, бросился съ криками ура вслѣдъ за экипажемъ, такъ что въ слѣдующій экипажъ я могъ усадить великаго князя уже съ нѣкоторыми усиліями, очищая дорогу. Затѣмъ я поспѣшилъ къ ожидавшему меня экипажу, уже просто разстаккивая толпящихся. Вдругъ слышу женскій голосъ: «de grâces aidez-moi, помогите!» Всмотриваюсь и вижу даму очень большого роста, всю въ черномъ, энергично пробирающуюся чрезъ бѣгущую толпу. Оказалось, что это княжна Долгорукая. Вниманіе всѣхъ было обращено на императрицу и ея августѣйшихъ дѣтей, пока они поѣхали, и затѣмъ всѣ бросились къ экипажамъ, а княжна Долгорукая почему-то замѣшкалась на берегу, и я былъ очень радъ, что могъ оказать ей дѣйствительную, въ этомъ случаѣ, помощь. Оставался только одинъ, назначенный для меня, фэзтонъ, въ который я и посадилъ княжну и поѣхалъ съ ней. Благодаря этому эпизоду, мы остались далеко назадъ отъ всего поѣзда и пришлось шибко погнать лошадей, чтобы наверстать потерянное время. Проскакавъ немного, мы увидѣли одинъ остановившійся экипажъ. Ъхать нужно было лѣсомъ, и хотя дорога была хорошо расчищена, но луна, только что показавшаяся изъ-за горъ, еще недостаточно освѣщала,

и переднія лошади чего-то испугавшись, бросились въ сторону; фореиторъ не справился, лошади запутались въ постромкахъ и къ счастью остановились. Это была коляска, въ которой сидѣлъ великій князь. Мы подбѣжали къ коляскѣ, княжна Долгорукая начала успокоивать великаго князя, который однако же нисколько не испугался. Вскорѣ мы тронулись дальше и нагнали весь поѣздъ только подлѣ моста, ведущаго прямо въ монастырь.

Какая поразительная, величественная картина представилась нашимъ глазамъ: всѣ церкви и постройки монастыря, густо стоящія на противоположномъ берегу, были залиты огнями, освѣщая красноватымъ отблескомъ огней гребень горъ, покрытыхъ вѣковымъ лѣсомъ, а сзади горъ почти полная луна серебрила лѣса, и это двойное освѣщеніе, искусственное и природное, придадо всему видимому волшебный, чарующій видъ. Почти отвѣсная мѣловая скала, бѣлая какъ снѣгъ съ ея пятью конусообразными шпицами на самой вершинѣ, выдвигается изъ темной зелени лѣса; на ней стоитъ бѣлая церковь съ золотыми куполами, а съ боку, между тою же зеленью, тянется извилистая крытая лѣстница, съ галереями, внизъ до монастыря, который съ своими бѣлыми зданіями и зелеными крышами раскинутъ на берегу рѣки, у подошвы бѣлой скалы. Черезъ мостъ поѣздъ слѣдовалъ шагомъ, и это дало мнѣ возможность подбѣжать къ экипажу императрицы съ извѣстіемъ о великомъ князѣ. Какъ только императрица увидѣла меня, взглянула такимъ встревоженнымъ взглядомъ, что я, не ожидая вопроса, быстро успокоилъ ея величество и объяснилъ причину остановки. Поспѣшность моя была награждена радостною улыбкою государыни и милостивыми словами — «Очень вамъ благодарна». Перебравъ мостъ, нужно поворотить направо по набережной; все пространство между строеніями и стѣнкою набережной буквально было залито народомъ; тутъ можно было понять выраженіе: яблоку упасть некуда; только по срединѣ была очищена узенькая дорожка въ ширину для одного экипажа. Громадное стеченіе народа объяснялось, кромѣ естественнаго желанія и рѣдкаго случая видѣть царственную семью, еще и предстоявшимъ 15-го августа храмовымъ праздникомъ монастыря. Здѣсь повторилось то же, что было на берегу Донца. Только проѣхали первые экипажи, толпа двинулась и оставленное пространство для проѣзда экипажей исчезло. Нашъ экипажъ былъ послѣднимъ и не смотря на то, что я былъ въ мундирѣ, и стоя въ фаетонѣ, кричалъ, прося разступиться и дать проѣхать, мы едва подвигались и уже нескоро подѣхали къ воротамъ монастыря, внутрь котораго пропускали весьма немногихъ, иначе никому не было бы мѣста. Къ счастью становой приставъ увидѣлъ меня и далъ возможность намъ пройти до воротъ. Я велъ подъ руку княжну Долгорукую, и она шла очень поспѣшно. Подходя уже къ церкви, насъ встрѣтилъ Ахматовъ, почти бѣжавшій

къ намъ на встрѣчу. Онъ сказалъ, что когда вошли въ церковь, императрица замѣтила отсутствіе княжны Долгорукой и спросила о ней у Ахматова, почему тотъ и выбѣжалъ отыскивать ее. На испуганные вопросы Ахматова, княжна очень весело и шутя отвѣтила ему: «Voilà mon sauveur»!

По окончаніи службы, императрица изволила отбыть въ домъ, приготовленный для ея пребыванія. Этотъ домъ, называемый дворцомъ, стоитъ на очень высокой горѣ, по которой проведена извилистая, поспированная дорога. Видъ съ террасы великолѣпный.

Мѣстность, на которой расположенъ монастырь Святыя Горы, кромѣ поразительной красоты и оригинальности, замѣчательна еще въ историческомъ отношеніи.

Желающіе подробно ознакомиться съ исторіей этого края, могутъ обратиться къ прекрасному описанію, составленному Григоріемъ Кулжинскимъ, подъ заглавіемъ: «Святогорская успенская общезительная пустырь въ харьковской епархіи 1884 года». Я же въ своемъ разсказѣ сдѣлаю самыя краткія извлеченія изъ этой брошюры, для ознакомленія читателя съ этой замѣчательною мѣстностью.

Страна эта, орошаемая сѣвернымъ Дономъ, озарилась свѣтомъ христіанства еще въ IX вѣкѣ, что подтверждаетъ повѣствованіе Нестора, ибо, по его сказанію, Константинъ въ IX вѣкѣ обратилъ хозаръ въ христіанство, что подтверждается и въ житіи святыхъ, ибо тамъ сказано, что Кирилль (Константинъ) и Меодій распространили христіанское ученіе въ странѣ хозарской. Хозарскіе города находились главнымъ образомъ по берегамъ Днѣпра, Дона и Донца, какъ открытыхъ и прямыхъ путей въ Царьградъ.

Очень возможно, что иноческая, небезопасная отъ хищныхъ набѣговъ, жизнь началась въ донецкихъ горахъ вмѣстѣ съ христіанствомъ въ той мѣстности. Архіепископъ Филаретъ такъ отзывался по этому предмету. «Инокамъ естественно было еще въ глубокой древности полюбить и избрать мѣстомъ созерцаній своихъ Донецкую скалу, столько живописную по себѣ и по красотѣ ея обстановки. Ни дикій половець, ни такой же татаринъ не дозволили бы жить покойно при подошвѣ этихъ горъ. Какъ же пріютиться здѣсь иноку, у котораго одно оружіе—молитва... Инокъ, знакомый съ пещерами кievскими, съ восторгомъ готовъ подражать трудамъ пещерскихъ подвижниковъ, столько ископавшихъ себѣ пещеръ. И вотъ въ скалѣ Донецкой, по длинѣ болѣе 200 сажень, идетъ подземный ходъ все выше и выше; въ верхнихъ его частяхъ уклоняется онъ то налѣво, то направо и по сторонамъ его темныя келіи, точно какъ птичьи гнѣзда. Не легкій ходъ выводитъ, наконецъ, на тѣсную площадку, украшенную пятью мѣловыми конусами. Здѣсь подвижники устроили себѣ храмъ. Алтарь его высѣченъ въ скалѣ, въ другихъ конусахъ и подъ церковью устроены келіи. Если здѣсь

не умѣтъ, то гдѣ же молиться? Здѣсь такъ близко къ небу, такъ далеко отъ земли?»

Преданіе говоритъ, что первые насельники святыхъ горъ были выходцы изъ Кіева, послѣ татарскаго погрома въ 1240 году. Полчища Батыя разорили лавру, храмъ былъ разрушенъ на половину, прочія зданія истреблены, сокровища расхищены, монашествующіе избиты, спасшіеся же отъ меча татарскаго, удалились по окрестнымъ лѣсамъ и дебрямъ¹⁾.

Есть и другое преданіе, что первыми поселенцами Святыхъ Горъ были выходцы съ Аэона. Предпослѣдній греческій императоръ Михаилъ Палеологъ, въ угоду папѣ Евгенію IV, сталъ обращаться въ унию аеонскихъ иноковъ. Нѣкоторые изъ братіи удалились съ Аэона въ сѣверныя страны, дошли до устья Дона, перешли въ рѣку Донецъ и, доплывъ къ донецкимъ скаламъ, плѣнились красотою природы, сошли на берегъ и поселились здѣсь, укрываясь въ мѣловыхъ скалахъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ и половцевъ.

Таково было, согласно преданіямъ, начало основанія святой обители въ XIII столѣтіи. Но не одни иноки и подвижники населяли это мѣсто. Для огражденія нашей окраины отъ нападенія татаръ и защиты слободъ, лежащихъ на западѣ отъ рѣки Донца, устроенъ былъ окопъ и при укрѣпленіи сторожъ (сторожевые пункты). Въ росписаніи донецкихъ сторожъ кн. Тюфякина въ 1571 году Святогорская сторожа названа пятою. «5-я сторожа... стояти сторожамъ на Святогорской сторожѣ на сей (лѣвой) сторонѣ противъ Святыхъ Горъ... Стояти имъ, укрываясь въ лукѣ противъ Святыхъ Горъ и по инымъ мѣстамъ». Въ 1688 году былъ укрѣпленъ Изюмъ и Святогорская сторожа. «Святое мѣсто» въ Святогорской пустынѣ, закрытое съ трехъ сторонъ отвѣсными непрерывными горами и покрытое густымъ лѣсомъ, было крѣпостью, тамъ видны и теперь еще слѣды батарей. По описи 1758 года, въ монастырѣ было три мѣдныхъ и одна чугунная пушка; послѣдняя и теперь еще цѣла. Много довелось этой обители выстрадать отъ хищническихъ набѣговъ и то въ же время сослужить великую службу, созидавшемуся русскому государству, составляя твердый оплотъ отъ нападенія враговъ.

Святогорская обитель перестояла всѣ ужасы временъ Батыя и Тамерлана. Сюда стекался весь Югъ Россіи славить Бога и просить Его милости и во дни счастья и въ злую годину; сюда на молитву и за благословеніемъ приходили русскіе князья; здѣсь находили покой плѣнные наши предки, коимъ удавалось уйти изъ становищъ татарскихъ, здѣсь въ пещерахъ подвизались подвигомъ

¹⁾ «Свѣдѣнія о сущест. въ Россіи лаврахъ и монастыряхъ», Москва, 1850 года, т. IV, Кіево-Печер. лавры.

добрымъ молитвенники за благоденствіе Россіи, и многіе изъ нихъ скончались въ плѣну даже мученическою смертію.

Вслѣдствіе высочайшего повелѣнія императрицы Екатерины II объ упраздненіи нѣкоторыхъ монастырей, участь эта постигла и Святогорскую обитель, и 29-го августа 1787 года «монастырь былъ упраздненъ, а принадлежавшія оному деревни, земли и всякія угодья, съ укрѣпленіями на оныя и прочими документами, къ сему монастырю относящимися, забраты и иноки изъ монастыря высланы, въ 1787 году, прибывшимъ изъ Екатеринослава, директоромъ экономіи Ѳеодоромъ Корбе, а посему и проч...»¹⁾

Есть преданіе, что свѣтлѣйшій князь Потемкинъ Таврической проѣзжалъ въ Крымъ мимо Святыхъ Горъ, плѣнился ихъ красотою и пожелалъ получить ихъ въ собственность и воздвигнуть тамъ дворецъ, и что съ этою цѣлью онъ испросилъ себѣ у императрицы Екатерины эту «рощицу», какъ онъ назвалъ это мѣсто. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, князь Потемкинъ называлъ выпрошенную дачу «раемъ земнымъ». Хотя мы не имѣемъ подъ рукою того письма, но содержаніе его явствуетъ изъ отвѣтнаго на оное письмаца Екатерины II къ князю Потемкину отъ 1-го октября 1790 года. Вотъ оно: «Другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ! Давъ тебѣ рай земный сегодня, какъ ты называешь ту дачу, которую ты у меня просилъ, прошу тебя, если вздумаешь оную паки продать, предпочтительно мнѣ оную продать. Прощай, Богъ съ тобою, я ужасно какъ слаба»²⁾.

Выше реченная «дача» «съ рощицею» заключала въ себѣ до 2-хъ тысячъ душъ крестьянъ и земли съ лѣсомъ до 27 тысячъ десятинъ.

По смерти свѣтлѣйшаго князя Потемкина, святогорское достояніе перешло по наслѣдству племяннику его генералу Энгельгардту, и по смерти его—сестрѣ его кн. Софіи Юсуповой, бывшей въ первомъ замужествѣ за Потемкинымъ, однофамильцемъ съ княземъ Потемкинымъ. Она и была матерью Александра Михайловича Потемкина, который вмѣстѣ съ супругою своею Татьяною Борисовною, рожденною княжною Голицыною, были главными пособниками возстановленія Святогорской обители.

По соглашенію съ харьковскимъ епископомъ Иннокентіемъ, А. М. Потемкинъ подалъ въ 1842 году въ св. Синодъ прошеніе о возстановленіи Святогорской обители, предлагая для нея отъ себя 70 десятинъ земли, прилегающей къ монастырю и проценты съ капитала въ 10 тысячъ рублей серебромъ, пожертвованнаго имъ этой обители.

¹⁾ Дѣло Харьковской духовной консисторіи по общей описи за 1843—1847 года, № 250.

²⁾ «Русская Старина», за 1876 годъ, декабрь, стр. 638.

15-го января 1844 года, государь императоръ Николай Павловичъ повелѣтъ соизволилъ возстановить Святогорскую успенскую пустынь на началахъ общежитія и принять за основаніе внутреннему благосостоянію онаго уставъ Глинской пустыни, Курской губерніи. Первымъ настоятелемъ возобновленной Святогорской обители, назначенъ былъ іеромонахъ, впоследствии архимандритъ Арсеній. Его неусыпной дѣятельности и обязана пустынь своимъ процвѣтаніемъ. Лучшій отзывъ о его дѣятельности высказалъ московскій митрополитъ Филаретъ, въ письмѣ отъ 16-го іюня 1858 года къ А. Н. Муравьеву: «Хвалимъ да будетъ о. Арсеній, что монастырь благоустрояетъ...» Достойнымъ преемникомъ, по смерти архимандрита Арсенія, 1859 года, назначенъ былъ о. Германъ, возведенный въ санъ архимандрита въ 1861 году и по настоящее время состоящій настоятелемъ монастыря. Благодаря его неутомимымъ и просвѣщеннымъ заботамъ, монастырь Святыя Горы въ настоящее время достигъ высшей степени благоустройства и процвѣтанія.

Этимъ я оканчиваю краткій историческій очеркъ Святыхъ Горъ и возвращаюсь къ прерванному описанію моему пребыванія императрицы въ Святыхъ Горахъ.

Въ виду предстоявшаго 11-го числа отъѣзда императрицы изъ Святыхъ Горъ, весь день 10-го числа былъ посвященъ осмотру примѣчательныхъ мѣстъ монастыря. Послѣ обѣдни, императрица съ августѣйшими дѣтьми и сопровождавшей свитой изволила направиться въ экипажахъ къ горѣ называемой «Аворъ», гдѣ въ то время строилась церковь Преображенія Господня. По осмотрѣ начатой постройки, государыня подъѣхала къ церкви св. Николая на скалѣ. Войдя въ часовню, вырубленную въ мѣловой скалѣ, императрица любовалась великолѣпнымъ видомъ, открывшимся съ балкончика часовни, висящаго надъ отвѣсною скалою, у подножія которой монастырь со всеми церквами и постройками, извилистый Донецъ и за нимъ, на противоположномъ берегу, безконечный дубовый лѣсъ, съ широкими зелеными полянами, покрытыми шатрами для предстоящей ярмарки и -необозримыми толпами народа, все это представляло поразительную картину. Изъ церкви св. Николая, императрица, предшествуемая игуменомъ и нѣсколькими монахами съ зажженными свѣчами въ рукахъ, прошла въ пещеры, которыя тянутся на 239 сажень и какъ бы раздѣляются на двѣ части, одна—верхнія пещеры, съ церковью во имя Іоанна Предтечи и другая—нижнія пещеры, съ церковью во имя Алексія челоуѣка Божія, на томъ мѣстѣ въ скалѣ, гдѣ покоится тѣло архимандрита Арсенія. Возлѣ Предтечинской церкви вырублена въ скалѣ маленькая келія. Въ ней прожилъ 17 лѣтъ, скончавшійся въ 1867 году, іеросхимонахъ и затворникъ Іоаннъ. Въ эту келію дневной свѣтъ не проникаетъ, она освѣщается лампадами, въ стѣнѣ

прорублено маленькое въ сосѣдную церковь окошко, чрезъ которое затворникъ невидимо слушалъ церковное служеніе. Все убранство келіи состояло въ простомъ гробѣ, служившемъ ложемъ для затворника.

Осмотрѣвъ пещеры, императрица изволила спуститься со скалы къ монастырю по наружной лѣстницѣ, длиною въ 511 ступенекъ; затѣмъ, послѣ кратковременнаго отдыха въ келіи игумена Германа, изволила отправиться на лодкѣ въ скитъ.

Верстахъ въ двухъ отъ монастыря есть, такъ называемое, «святое мѣсто», гдѣ устроенъ скитъ. Площадь, длиною болѣе версты и четверть версты ширины, окружена съ трехъ сторонъ скалистыми, покрытыми густымъ лѣсомъ, горами, доступъ чрезъ которыя чрезвычайно затруднителенъ и только четвертая сторона, образуемая берегомъ Донца, совершенно доступна. Здѣсь уже въ древности были церковь и келіи, слѣды коихъ можно видѣть и въ настоящее время. Тутъ же видны слѣды и бывшей нѣкогда батареи.

Осмотрѣвъ это замѣчательное уединенное мѣсто и все устройство скита, императрица возвратилась къ монастырю внизъ по рѣкѣ на лодкѣ, сопровождаемая по берегамъ рѣки несмѣтною массою народа, толпившагося даже и въ водѣ, чтобы ближе насмотрѣться на свою царицу.

Послѣ обѣда, императрица съ августѣйшими дѣтьми и свитою въ экипажахъ отправилась на такъ называемую Бухту, самое возвышенное мѣсто, поражающее разнообразными великолѣпными видами. Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, осматривая «рай земной», подаренный ему императрицею Екатериною II, пришелъ въ восторгъ отъ красоты, открывающихся съ этого мѣста, живописныхъ видовъ и рѣшилъ построить здѣсь дворецъ, но желаніе его не осуществилось, и въ настоящее время здѣсь стоитъ не большою швейцарскій домикъ, отъ котораго внизъ до самаго Донца разведенъ прекрасный садъ. Въ этомъ домикѣ государыня изволила пить чай, послѣ чего въ экипажахъ съѣхали съ горы къ селу Богородичному, на берегу Донца, въ 6 верстахъ отъ монастыря. Здѣсь были приготовлены лодки, на которыхъ августѣйшіе посѣтители и направились къ монастырю, при звукахъ стройнаго пѣнія хора пѣвчихъ г. Потемкина, плывшихъ на лодкахъ позади царскаго катера. Тихая звѣздная ночь незамѣтно наступила, полная луна освѣщала блестящую рѣку и прилегающіе живописные берега, и высокіе путники могли вполнѣ насладиться поэтической прелестью нашихъ украинскихъ ночей. При приближеніи нашемъ къ монастырю, тихая, располагающая къ мечтанію, картина измѣнилась: мѣловая скала и всѣ зданія монастыря были залиты огнями, а внизу непроходимая масса народа восторженными криками встрѣтила возвращающуюся царицу. Этимъ закончился день 10 числа, а 11 числа утромъ предстоялъ отъѣздъ императрицы по направленію къ Чугуеву, гдѣ ожидалъ ея возвра-

шенія государь, производившій смотръ войскамъ, собраннымъ въ Чугуевъ. Но предположенный маршрутъ измѣнился. Отъ усиленнаго, непомѣрнаго движенія наканунѣ, императрица до того изнемогла, что не въ состоянii была продолжать путешествiя. Осмотръ всѣхъ мѣстъ требовалъ большого физическаго напряженiя; продолжительное стоянiе въ церкви, прохожденiе пещеръ, сходженiе съ горы по лѣстницѣ въ 511 ступенекъ и для привычнаго здороваго человѣка было не легко; вообще всѣ посѣщающiе Святыя Горы распредѣляютъ осмотръ на нѣсколько дней, императрицѣ же предстояло выѣзжать въ обратный путь на другой день, а потому она, удовлетворяя и религiозному чувству, и собственному любознанiю, цѣлый день почти безъ остановки была въ постоянномъ движенiи и къ концу дня устала до невозможности. Это изнеможенiе императрицы послужило однако же причиною новой радости для всего населенiя.

Государь, получивъ извѣстiе о нездоровьи императрицы, прибылъ 12-го числа въ Святыя Горы; въ церкви Успенiя Пресвятой Богородицы превозглашена была ектенiя за здоровье ихъ величествъ и всего августѣйшаго дома; затѣмъ, государь съ великой княжной Марiею Александровною поѣхалъ въ домъ Потемкина, гдѣ ожидала его императрица. Послѣ обѣда ихъ величества совершили въ экипажахъ прогулку къ Бухтѣ. По дорогѣ остановились у скалы, гдѣ императрица оставалась въ экипажѣ, а государь, въ сопровожденiи настоятеля Германа, прошелъ въ Николаевскую церковь и потомъ по всѣмъ пещерамъ. Когда государь взошелъ на балкончикъ, выходящiй изъ часовни и висящiй надъ бездной, и взглянулъ на открывшуюся поразительную картину природы, то сказалъ: «Есть ли что подобное за границею, куда ѣздить любоваться, когда у насъ такая прелестная мѣстность».

Въ Бухтѣ пили чай и потомъ отъ села Богородичнаго на лодкахъ отправились обратно къ монастырю въ томъ же порядкѣ, какъ описана выше прогулка императрицы. На другой день, 13 августа, послѣ обѣдни, отслуженной въ домовой церкви Потемкина игуменомъ Германомъ, государь подошелъ къ игумену и вручилъ ему брилiантовый съ изумрудами крестъ, сказавъ: «Въ память пребыванiя нашего въ Святыхъ Горахъ». Во время завтрака государь поздравилъ игумена Германа архимандритомъ.

Въ 11 часовъ 13 числа, августѣйшiе путешественники тронулись въ обратный путь, сопровождаемые чистосердечными, радостными восторгami и молитвами осчастливленнаго народа.

Еще за нѣсколько времени до приѣзда государя, всѣ мы, предводители, собрались въ Харьковѣ для совѣщанiя относительно приѣма высочайшихъ особъ. Однажды было засѣданiе предводителей у Ахматова, который по окончанiи засѣданiя просилъ всѣхъ насъ отобѣдать у него. Домъ, занимаемый губернаторомъ, былъ приготовленъ

для пребыванія государя, а самъ Ахматовъ перешелъ на квартиру по близости. Помѣщеніе было очень небольшое и послѣ обѣда онъ просилъ всѣхъ на балконъ, куда вынесены были стулья. Мы размѣстились и какъ на балконѣ стояло всего одно мягкое кресло, то Ахматовъ, какъ любезный хозяинъ, обращаясь къ Бахметеву, просилъ занять это кресло, прибавивъ: «Вамъ будетъ спокойнѣй на мягкомъ». — «Благодарю васъ, Алексѣй Петровичъ, вы всегда очень любезны, но то, что вы предлагаете, слишкомъ мягко». Ахматовъ повидимому не обратилъ вниманія на возраженіе, и бесѣда наша продолжалась очень оживленно и весело, и, распростившись дружественно съ радушнымъ хозяиномъ, мы разошлись. На улицѣ я и еще нѣсколько предводителей, бывшихъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Бахметевымъ, остановили его. «Къ чему это вы, Александръ Николаевичъ, постоянно задѣваете когонибудь. Тѣмъ болѣе жаль, что отношенія Ахматова ко всему дворянству вообще самыя искреннія и лучшаго ничего желать нельзя». — «Это ничего, — отвѣчалъ Бахметевъ смѣясь, — пусть будетъ всегда насторожѣ и помнить, что если онъ мягко стелеть, то чтобы не было жестко спать». — «Напрасно, Ахматовъ въ полномъ смыслѣ джентельменъ и нѣтъ никакого повода раздражать его». На томъ пока дѣло и кончилось.

На другой день послѣ возвращенія въ Харьковъ государя и императрицы изъ Святыхъ Горъ, назначено было общее представленіе. Ахматовъ сообщилъ намъ радостную вѣсть, что наканунѣ вечеромъ онъ получилъ увѣдомленіе, что нахожденіе подъ судомъ по продовольственной ссудѣ нѣкоторыхъ дворянъ нашей губерніи прекращено по высочайшему повелѣнію и такъ какъ въ этомъ разумѣется обязаны ходатайству Ахматова, то мы его сердечно благодарили. Когда представленіе началось, то Бахметевъ отъ лица дворянъ всей губерніи въ восторженныхъ выраженіяхъ высказалъ государю императору вѣрноподданическую благодарность за новую милость, оказанную дворянству губерніи. Государю угодно было обратиться къ дворянству съ милостивыми словами: — «Распрашивая генерала Ахматова о положеніи края, я съ удовольствіемъ услышалъ отъ него, что все, что онъ успѣлъ сдѣлать за короткое пребываніе въ губерніи, во всемъ онъ обязанъ ближайшимъ своимъ помощникамъ, предводителямъ дворянства и вообще содѣйствію всѣхъ дворянъ Харьковской губерніи. Благодарю васъ, господа». Понятенъ былъ нашъ восторгъ при столь милостивыхъ словахъ государя и какая громадная разница съ предшествовавшимъ посѣщеніемъ государя при губернаторѣ Лужинѣ.

По окончаніи пріема, государь удалился, а мы, предводители, были приглашены въ другую залу для представленія императрицѣ.

Когда мы размѣстились по старшинству уѣздовъ, то впереди пришлось стоять тѣмъ же лицамъ, о которыхъ я упоминалъ въ

описаніи перваго посѣщенія государя; только вмѣсто харьковскаго уѣзднаго предводителя Римскаго-Корсакова былъ замѣнившій его В. А. Квитка, бывшій нѣкогда гвардейскимъ офицеромъ Московскаго полка; какъ очень талантливый скрипачъ, онъ участвовалъ иногда въ придворныхъ концертахъ, слѣдовательно, лично былъ извѣстенъ государю и былъ имъ узнанъ во время представленія еще въ общей залѣ.

Государь вошелъ въ скюртукѣ подъ руку съ императрицею, и подойдя къ намъ, обращаясь къ императрицѣ, сказалъ: «позволь представить мѣстныхъ предводителей дворянства». Потомъ прибавилъ, указывая на близъ стоящихъ: «Nous sommes en pays de connaissance, это все мои старые сослуживцы». Квитку императрица тоже узнала, и сказала, что помнить его прекрасную игру на скрипкѣ, сказала нѣсколько милостивыхъ словъ слѣдующимъ, и когда государь назвалъ мою фамилію, то императрица изволила сказать: «мы уже знакомы, еще разъ благодарю васъ за ваши заботы во время моего проѣзда въ Святые Горы. А что супруга ваша здѣсь? Отдохнула ли она послѣ поѣздки въ Святые Горы»? Такое вниманіе и ласковыя слова тронули меня до глубины души и остались памятными навсегда. Обойдя всѣхъ, государь и императрица возвратились во внутренніе покои, а мы спустились внизъ ожидать отъѣзда, такъ какъ экипажи были уже поданы.

Когда высочайшія особы уѣхали, мы всѣ сейчасъ же обратились къ Ахматову, искренно благодаря его какъ за успѣшное его ходатайство за находившихся подъ судомъ дворянъ, такъ и за лестный отзывъ о дворянахъ губерніи, вслѣдствіе чего мы удостоились высочайшей благодарности. Ахматовъ видимо былъ тронутъ и сказалъ: «такъ вы довольны мною, господа»? Бахметевъ разсыпался въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ а Ахматовъ, выслушавъ Бахметева, сказалъ: «такъ и вы, Александръ Николаевичъ, довольны мною? Значитъ вы можете сказать мнѣ теперь: жестко ли спать». Этимъ онъ окончилъ фразу начатую Бахметевымъ недѣлю назадъ. Замѣчательная выдержка была у Ахматова. Услышавъ начало фразы Бахметева, онъ и виду не подалъ, что слышалъ, былъ какъ всегда веселъ, любезенъ со всѣми нами и только черезъ недѣлю отвѣтилъ на вызовъ. Не смотря на свою находчивость и страсть острить, Бахметевъ до того сконфузился, что не могъ ничего сказать, но природная его доброта взяла верхъ, и онъ протянулъ обѣ руки Ахматову. Они дружески обнялись и расцѣловались.

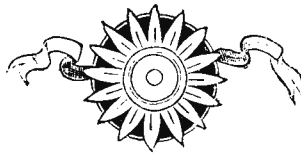
Черезъ мѣсяцъ по отъѣздѣ государя, у насъ были губернскіе дворянскіе выборы и я былъ совершенно вознагражденъ за всѣ мои служебныя тревоженія, единодушнымъ и добрымъ отношеніемъ ко мнѣ дворянъ уѣзда во время выборовъ. Мнѣ были поднесены адресъ отъ уѣзда, баллотированный по губерніи, адресъ мировыхъ

посредниковъ, съ которыми мнѣ пришлось поработать въ самое трудное время. Я знаю, что много было недовольныхъ мною вначалѣ, но увѣренъ, что число ихъ значительно сократилось къ концу моей службы. Теперь же, когда все это прошло давно, я прошу тѣхъ, которые паче чаянія можетъ еще сохранили ко мнѣ неудовольствіе, не поминать меня лихомъ. Я шелъ неуклонно по пути, указанному закономъ, всегда старался безпристрастно ограждать интересы всѣхъ и cadaго, предпочитая временное неудовольствіе печальнымъ послѣдствіямъ, которыя возникли бы непременно при малѣйшей слабости съ моей стороны. Переживъ это трехлѣтіе, я былъ до того утомленъ и нравственно и физически, что не смотря на усиленное настояніе дворянъ и на искреннее, я увѣренъ, желаніе, чтобы я продолжалъ службу, подтверждавшееся открытымъ поднесеніемъ мнѣ на блюдѣ всѣхъ шаровъ, что хотя и незаконно, но наглядно доказывало желаніе, чтобы я служилъ, я съ сожалѣніемъ долженъ былъ отказаться.

По закону я долженъ былъ еще оставаться на должности до новаго года и за эти два мѣсяца ничего особенно замѣчательнаго не случилось.

1-го января 1862 года я навсегда оставилъ общественную службу и удалился въ деревню.

А. Антоновъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОДНОЙ КНИГИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

НАКОМЫЙ мой, довольно извѣстный въ свое время писатель, Иванъ Григорьевичъ Кулжинскій, проживавшій въ 1847-мъ г. въ Нѣжинѣ, просилъ меня письмомъ, чтобы я взялъ на себя трудъ собрать всѣ его статьи, разновременныя напечатанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и отпечатать ихъ въ Петербургѣ, гдѣ я тогда служилъ, отдѣльнымъ томомъ, подъ заглавіемъ «Сочиненія Кулживскаго».

Я согласился.

Чтобы избавиться отъ труда и излишняго расхода на переписываніе его произведеній въ особую тетрадь для цензуры, и, въ облегченіе послѣдней, я, собравъ всѣ напечатанныя статьи, представилъ ихъ въ этомъ видѣ, при прошеніи, въ цензурный комитетъ, прося разрѣшенія на перепечатаніе, во всемъ согласно оригиналу. Дня черезъ два послѣ подачи прошенія, я зашелъ въ канцелярію комитета узнать о результатѣ моей просьбы, и засталъ тамъ секретаря, разговаривавшаго съ незнакомымъ мнѣ господиномъ, въ рукахъ котораго я замѣтилъ сочиненія Кулжинскаго. Секретарь не замедлил отрекомендовать насъ другъ другу; оказалось, что этотъ господинъ былъ цензоръ, коему было поручено разсмотрѣть представленную мною книгу,—Александръ Васильевичъ Никитенко.

— Такъ какъ всѣ статьи въ этой книгѣ,—сказалъ мнѣ Никитенко,—были уже разновременно пропущены цензурой, то я могъ бы безбоязненно сейчасъ же утвердить къ печати; но, извините,

просмотрѣвъ до вашего прихода листки первой статьи: «О значеніи Россіи въ семействѣ европейскихъ государствъ», я такъ заинтересовался ею, что прошу позволенія задержать оригиналь денъка на три.

Дѣйствительно, аккуратно чрезъ три дня я получилъ отъ Никитенки всѣ статьи Кулжинскаго, безъ малѣйшихъ поправокъ или исключеній, утвержденными его подписью, только съ помѣтками на поляхъ краснымъ карандашемъ тѣхъ мѣстъ, которыя подлежали разсмотрѣнію духовной цензуры.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ свѣтская цензура была строга, но духовная еще болѣе и отличалась особенной придирчивостью. Она безапелляціонно захеривала цѣлыя страницы, вымарывала десятками строки, оставляя безъ всякой связи предыдущее съ послѣдующимъ, и даже переставляла въ періодахъ слова, если ей не нравились обороты авторской рѣчи. Несчастливымъ авторамъ оставалось или печатать свои статьи исковерканными, или вовсе ихъ бросить. Впрочемъ, бывали и такіе случаи, что одобренное духовною цензурою, запрещалось свѣтскою. Такъ журналъ «Маякъ» прекратилъ свое существованіе по невозможности принаровиться къ обоимъ цензурамъ. Декабрская книжка «Маяка», одобренная духовною цензурою къ выпуску въ свѣтъ, была приостановлена свѣтскою за сочиненіе—«Критическій обзоръ, очная ставка и обличеніе религіозныхъ заблужденій Римскаго Запада», принадлежавшее перу самого издателя-редактора журнала, Ст. Он. Бурачка.

Замѣчательно, что первыя двѣ статьи этого обзора, въ книжкахъ за октябрь и ноябрь, прошли обѣ цензуры, а третью, написанную въ томъ же направленіи, запретили. Духовнымъ цензоромъ «Маяка» былъ архимандритъ Аввакумъ (оріенталистъ-синологъ), свѣтскими же, въ одно и то же время, Очкинъ и Куторга, т. е. три цензора для одного журнала. Понятно, что бороться съ обѣими цензурами было трудно—и, «Маякъ» покончилъ свою дѣятельность. Былъ другой, мнѣ извѣстный, подобный же случай, но чтобы не отвлекаться отъ цѣли настоящей статьи, рассказъ о немъ отлагаю до другого времени... За судьбу своего изданія я успокоился лишь тогда, когда отъ духовнаго цензора, протоіерея о. Тимофея Никольскаго, получилъ листки обратно, безъ всякихъ помарокъ, пропущенными.

За тѣмъ, когда книга была уже окончательно отпечатана и послѣ того, какъ всѣ статьи, повторяю, еще раньше печатанныя въ разныхъ изданіяхъ,—разумѣется съ одобренія цензуры, въ данномъ случаѣ снова были пропущены обѣими цензурами,—я никоимъ образомъ не ожидалъ встрѣтить какія либо загвоздки въ полученіи выпускнаго билета изъ цензурнаго комитета. Но, какъ сейчасъ читатель увидитъ, случилось нѣчто странное.

Книга печаталась въ «Морской типографіи». Завѣдывающій ею колл. сов. Поповъ былъ такъ любезенъ, что взялъ на себя трудъ лично получить отъ А. В. Никитенки билетъ на выпускъ «Сочиненій Кулжинскаго» изъ типографіи.

Никитенко встрѣтилъ Попова словами:—«Опоздали, такъ какъ я теперь не цензоръ; обратитесь прямо въ цензурный комитетъ». Когда же Поповъ сталъ откланиваться, А. В. прибавилъ:—«Передайте Василию Александровичу Васильеву, чтобы онъ умненько и осторожнѣе повелъ дѣло, а то чего добраго при теперешнихъ цензурныхъ порядкахъ и эту книгу зацензируютъ. Я и вышелъ изъ цензоровъ именно потому, что не могу раздѣлять жандармскаго взгляда нашего предсѣдателя на цензуру».

Получивъ такое любезное предостереженіе, я, сознаюсь, усомнился въ искренности словъ Никитенки. Мнѣ думалось, что онъ просто не сошелся лично съ Мусинымъ-Пушкинымъ, и я не могъ допустить, чтобы на его уходъ могли повліять какіе нибудь своеобразные взгляды одного лица, когда въ комитетѣ засѣдалъ цѣлый ареопагъ ученыхъ мужей, большинство которыхъ всегда имѣло возможность противопоставить этому лицу разумный отпоръ. Такъ это было, или не такъ, могъ ли одинъ Мусинъ-Пушкинъ помѣшать выпуску въ свѣтъ сочиненій Кулжинскаго, я не зналъ, но развѣ книга уже отпечатана, то и надо было до конца продлить хожденія и хлопоты о ея выпускѣ.

Чтобы дать читателю хотя наглядное понятіе о книгѣ, о которой идетъ рѣчь, выписываю ея содержаніе: 1) О значеніи Россіи въ семействѣ европейскихъ государствъ; 2) Уѣздный судья нашего уѣзда; 3) Юродивый (драма); 4) Могила Грибоѣдова; 5) Поѣздка изъ Малороссіи въ Грузію; 6) Современные вопросы; 7) Утреннія молитвы; 8) Опытъ о современной образованности; 9) Вечерня; 10) Сочельникъ и утрения Рождества Христова; 11) Молебствіе объ изгнаніи галловъ; 12) Утрения Свѣтлаго Воскресенія; 13) Проводы; 14) Отставной профессоръ; 15) Задача человѣческой жизни; 16) Выдержки изъ записной книжки; 17 и 18) Два стихотворенія: В. А. В—у и Обращеніе къ св. Митрофану.

Въ силу узаконенія, что «печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ», я представилъ шесть экземпляровъ въ комитетъ и просилъ выдать разрѣшительный билетъ на выпускъ книги.

На всякій случай, если бъ пророчество Никитенки сбылось, я прихватилъ изъ типографіи еще полтора десятка экземпляровъ для себя и для автора на память.

Спустя приблизительно недѣли двѣ, навѣдываюсь въ комитетъ за полученіемъ билета. И что же?

— Книга ваша,—объясняетъ секретарь,—передана къ новому разсмотрѣнiю цензору Измаилу Ивановичу Срезневскому.

— Это почему?

— Очень просто. Выпускной билетъ долженъ подписать тотъ самый цензоръ, который пропускалъ книгу къ печати; а такъ какъ Александръ Васильевичъ Никитенко въ отставку, то мы и поручили подписать Измаилу Ивановичу. Онъ же хочетъ знать, можно ли ему выпустить эту книгу.—Гдѣ рука—тамъ и голова.

— И резонно и вразумительно.

Выждавъ недѣли три, т. е. срокъ слишкомъ достаточный на прочтенiе книги легкаго чтенiя въ 28 листовъ, я отправился къ Срезневскому. Жилъ онъ тогда въ Вознесенскомъ переулкѣ, что противъ церкви Вознесенiя.

Звоню.—Отпираетъ дверь горничная.

— Дома?

— Дома.

— Доложите, что такой-то.

— Пожалуйста! — и горничная указала дверь кабинета, входъ въ который былъ прямо изъ прихожей.

Срезневскiй сидѣлъ за письменнымъ столомъ, заложенымъ бумагами и книгами. Не вставая съ кресла, онъ указалъ мнѣ на рядомъ съ нимъ стоящiй стулъ, и спросилъ:

— Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ.

— У васъ находится книга «Сочиненiя Кулжинскаго»; она ждетъ разрѣшенiя вашего выйти изъ типографiи.

— Да.—Но я долженъ вамъ сказать, что въ ней многое нельзя одобрить къ печати.

— Измаиль Ивановичъ, помилуйте: да эта книга, какъ вы сами знаете, прошла столько цензуръ, что въ ней и комаръ носа не подточитъ. Вѣдь если бы въ ней было что нибудь вредное, противуправительственное, то и Александръ Васильевичъ Никитенко не пожалѣлъ бы красныхъ чернилъ.

— У всякаго свой взглядъ на вещи.

— Совершенно правда; но что же васъ въ ней смущаетъ?

— Я ее только еще началъ читать. Но если вы такъ торопитесь съ книгой, то я посоветовалъ бы вамъ просить цензурный комитетъ передать ее другому цензору.

— Я не имѣю повода и мнѣ откажутъ.

— Признайте во мнѣ родственника и выразите опасенiе, что родственникъ, вслѣдствiе семейныхъ недоразумѣнiй, можетъ повредить вашему изданiю.

— Измаиль Ивановичъ, согласитесь, что это неловкiй приѣмъ.

— Когда такъ, то я самъ устрою, что комитетъ передастъ книгу другому. Скажите, кому бы вы желали?

— Я никого не имѣю въ виду.

— Ее передадутъ Ивановскому, Игнатію Акинфіевичу; онъ не задержитъ ее.

Съ этими словами онъ всталъ.—Я понялъ намекъ и поспѣшилъ распрощаться.

По новой справкѣ въ комитетѣ, узнаю, что книга дѣйствительно передана И. А. Ивановскому. Онъ квартировалъ въ зданіи Пажескаго корпуса.

Снова пропустивъ недѣли три, отправляюсь по адресу, съ увѣренностію, что это будетъ финалъ моимъ мытарствамъ.

Звоню.—Отпираетъ человекъ, похожій на денщика.

— Дома?

— Дома, они завтракаютъ.

— Доложи.

Денщикъ провелъ меня въ зало и, не прошло минуты времени, выходитъ Ивановскій.

— Что прикажете?

— Пришелъ просить васъ пропустить книгу «Сочиненія Кулжинскаго».

— Мнѣ говорилъ о васъ Измаиль Ивановичъ.—Я бѣгло просмотрѣлъ мѣста имъ отмѣченныя и не могу не согласиться, что они дѣйствительно неудобны къ печати. Впрочемъ, въ утѣшеніе ваше скажу, что я собственно никакихъ, рѣшительно никакихъ, новыхъ помѣтокъ не сдѣлалъ, а возвратилъ книгу въ комитетъ для передачи кому нибудь другому. Теперь она находится у Шидловскаго.

— А я такъ на васъ надѣялся.

— Ей-ей, не имѣю времени. И вамъ было бы долго и непріятно ждать очереди. Посмотрите, вотъ лежатъ болѣе дюжины книгъ, еженедѣльная газета, и въ то же время я долженъ составлять лекціи для классовъ.

— Помилуйте, вѣдь книга прошла черезъ руки нѣсколькихъ цензоровъ, всѣ статьи были напечатаны, что же особенное можетъ въ ней быть: рѣшительно недоумѣваю.

— Entre nous. Разъ Измаиль Ивановичъ наложилъ на нее руку, онъ будетъ отстаивать въ цензурномъ комитетѣ свои воззрѣнія.

Мнѣ оставалось только извиниться въ безпокойствѣ, которое причинилъ моимъ визитомъ.

— Меня извините, что не могъ угодить вамъ,—проводилъ меня Ивановскій.

Шидловскій жилъ на Лиговкѣ, противъ Свѣчнаго переулка,—я въ Коломнѣ, у Литовскаго рынка. Нечего сказать, разстояніе близкое для частыхъ свиданій съ новымъ цензоромъ. Пропустивъ еще недѣли двѣ, ѣду на Лиговку. Когда я добрался до указаннаго мнѣ дома, былъ уже 12-й часъ. У дверей квартиры Шидловскаго вижу лакея, чистившаго платье на выносной вѣшалкѣ.

- Здѣсь живетъ г. Шидловскій?—спрашиваю у него.
- Здѣсь.
- Можно видѣть?
- Они изволятъ почивать; пріѣхали поздно.
- А скоро встанетъ.
- Не могу сказать; будить не приказали.
- Передай ему, пожалуйста, мою визитную карточку и скажи, что я заѣду въ воскресенье, до обѣдни.

Дождаться я не могъ, ибо неизвѣстно было, когда цензоръ изволить проснуться, а мнѣ надо было быть на службѣ.

Боясь не застать Шидловскаго дома, я въ воскресенье явился къ нему ровнехонько къ 10-ти часамъ утра.

Тотъ же лакей отворяетъ мнѣ дверь, и говоритъ:

- Барина нѣтъ дома, они выѣхали въ 9 часовъ.
- Не знаешь, скоро онъ возвратится?..
- Ничего не сказали.
- Когда же я могу его застать?
- Только по утру.
- Да я, братецъ, вотъ уже два раза пріѣзжаю по утру, а все-таки не могу свидѣться.
- Пожалуйста въ четвергъ; въ этотъ день они по утрамъ ни куда не выѣзжаютъ.

— Ну, пусть будетъ по твоему. Попробую. Мнѣ сюда ѣздить не близкій путь отъ Большого театра,—пояснилъ я, рассчитывая, что онъ передастъ мои слова своему барину.

Четвергъ, дѣйствительно, оказался болѣе счастливымъ, однако же, на половину. Я свидѣлся съ г. Шидловскимъ, который встрѣтилъ меня весьма привѣтливо и любезно.

— Вы, навѣрно, о Кулжинскомъ.—Присядемъ же.

— Много мнѣ не было бы предлога васъ беспокоить.

— Видите въ чемъ дѣло. У Кулжинскаго взглядъ на современное состояніе общества слишкомъ узокъ, ретрограденъ. Что можно было проповѣдывать Іоанну Златоусту, то при Петрѣ I потребовало смягченій,—а отъ Петра прошло еще полтора столѣтія; согласитесь, что взгляды, обычаи, нравы, все это по времени измѣняется; скажу болѣе: измѣняется даже взглядъ на историческій ходъ вещей. Нельзя отнять того, что у Кулжинскаго много правды, но навязывать свои идеи, когда онѣ отжили свое время и идти въ разрѣзъ современнымъ возрѣніямъ, не значить ли плыть противъ теченія.—Да и приемы выраженій у него немного неловкіе,—напр., коронованную особу называетъ просто Николай I.

— Ловлю васъ на словѣ. Не сейчасъ ли вы сами извоили императора назвать Петромъ I.

— Я говорю вѣдь заглазно, а въ печати это будетъ уже гласно.

— Для меня, собственно, г. цензоръ, безразлично, какъ мыс-

литъ, какъ выражаетъ свои мысли Кулжинскій—это дѣло критики, а мое дѣло, мой интересъ, скорѣе высвободить книгу изъ типографіи. Толкаюсь я между вами, безпокою васъ вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, но все-таки не могу добиться конца.

— На это вамъ могу сказать, что книгу не задержу. Не позже будущей недѣли возвращу ее въ комитетъ. Но для успѣха дѣла совѣтую вамъ перепечатать всѣ тѣ листы, на которыхъ есть зачеркнутое Измаиломъ Ивановичемъ и мною.

— Неужели и вы также нашли что нибудь не подходящее подъ вашъ взглядъ.

— Я вамъ скажу болѣе. Я читалъ Кулжинскаго на ночь, ложась спать. У него есть мѣста, невольно вызывающія слезы; и я не стыжусь сказать, что плакалъ; но безусловно пропустить все имъ написанное не возьметъ на себя ни одинъ изъ цензоровъ.

— А вотъ же А. В. Никитенко все пропустилъ.

— Онъ либераль, и либерализмъ его нанесъ вамъ не мало хлопотъ.

— Да у Кулжинскаго нѣтъ ничего либеральнаго; вы сами сказали, что его идеи слишкомъ...

Должно быть, замѣтивъ, что я начинаю волноваться, Шидловскій перебилъ меня.

— Послушайте, если вы считаете Кулжинскаго непогрѣшимымъ, то отъ васъ никто не отнимаетъ права явиться въ засѣданіе цензурнаго комитета, когда я буду докладывать о результатѣ просмотра книги—и защищать ее противъ нашихъ замѣтокъ.

Я согласился, и распрощался.

Черезъ нѣсколько дней получаю приглашеніе прибыть такого-то числа въ цензурный комитетъ къ 12-ти часамъ утра.

Пріѣзжаю и спрашиваю у сторожа:

— Началось засѣданіе?

— Нѣтъ еще, но предсѣдатель здѣсь.

Прохожу въ канцелярію. Никого нѣтъ; заглянуть же въ сосѣдную, т. е. присутственную комнату, дверь которой была немного приоткрыта, я остерегся, чтобы, увидавъ меня, не подумали, что я навострилъ уши и подслушиваю. Я сталъ дожидаться выхода оттуда секретаря.

Спустя минуты двѣ, быстро проходитъ черезъ секретарскую только что пріѣхавшій въ засѣданіе Срезневскій. Вѣроятно, въ поспѣхахъ онъ меня не замѣтилъ, такъ что на мой поклонъ не отвѣтилъ даже взглядомъ,—а я стоялъ у самыхъ дверей, въ которыя онъ и вошелъ.

Такую разсѣянность съ его стороны я приписалъ безпокойству, которое обыкновенно чувствуютъ чиновники, опоздавшіе на службу и опасующіеся за это нахлобучки.

Вслѣдъ за нимъ, еще скорѣе, чуть не бѣгомъ, проскочилъ Шидловскій: онъ только мигнулъ мнѣ, но какъ-то іезуитски.

Наконецъ, входитъ и плавно шествуетъ Ивановскій. — Увидя меня, онъ поздоровался, подавъ руку и спросилъ, какъ идутъ мои дѣла.

— Плохо,—отвѣтилъ я.

— Я буду молчать; вѣрьте, что цензора не такъ виноваты въ подобныхъ случаяхъ, какъ думаютъ объ нихъ авторы и журналисты.

Онъ еще разъ пожалъ мнѣ руку и скрылся въ присутствіе.

Онъ будетъ молчать; но развѣ это не то же, что относиться совершенно индифферентно къ дѣлу, быть согласнымъ и на «да» и на «нѣтъ», то есть съ мнѣніемъ большинства.—Но будь, что будетъ.

Думы мои прервалъ секретарь, высунувшійся изъ дверей присутствія и объявившій мнѣ:—«Васъ просятъ»!..

Вхожу. За длиннымъ столомъ, какіе обыкновенно устанавливаются во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, возсѣдаютъ шесть цензоровъ по трое на каждой сторонѣ. Предсѣдатель же стоитъ у своего кресла. Я тоже сталъ у стола противъ предсѣдателя. Войдя, я всѣмъ поклонился, но мнѣ никто не отвѣтилъ, ибо глаза всѣхъ были устремлены на лежащія передъ каждымъ какія-то бумаги и книги.

Секундъ десять продолжалось общее молчаніе. Значить, подумалось мнѣ, за тишью будетъ гроза. И я не ошибся.

— Какая это вами издана книга?—сурово спросилъ меня предсѣдатель Мусивъ-Пушкинъ.

— Сочиненія Кулжинскаго, ваше пр—ство.

— Не о томъ спрашиваю. Вами издана книга вредная, такихъ книгъ цензура не одобряетъ.

— Позвольте, ваше пр—ство...

— Нечего позволять... Развѣ можно допустить, чтобы кто либо изъ подданныхъ смѣлъ коронованную особу называть однимъ именемъ. Это такое неуваженіе, за которое слѣдовало бы подъ судъ отдавать.

Меня забрало заживое.

— Ваше превосходительство,—возразилъ я и, не давая ему времени ни продолжать свою реплику, ни остановить меня, продекларировалъ съ паеосомъ:

· Да гордая своимъ царемъ,
· И добродѣтелью блистая,
· Русь будетъ счастья образцомъ,
· Подъ мудрымъ скиптромъ Николая!

— Ужели,—продолжалъ я,—здѣсь есть что нибудь дерзостное, неприличное при произношеніи имени императора.

Когда я читалъ приведенное четверостишіе, то взоры всѣхъ обратились на меня, но лишь только я кончилъ — головы присутствовавшихъ приняли первоначальное положеніе.

— Объясненіе ваше, го-спо-динъ о-фи-церъ,—съ удареніемъ произнесъ Мусинъ-Пушкинъ,—доказываетъ только, что вы не знакомы съ дисциплиной.

— Ваше пр—ство. Въ красносельскомъ и петергофскомъ лагерьхъ солдатъ поютъ въ услышаніе всего высшаго начальства до ихъ превосходительствъ включительно—

«Николай нашъ Первый,
«Царь нашъ любезный,
«Заботится объ насъ
«Какъ о родныхъ своихъ дѣтяхъ»,—

и никто ихъ не останавливаетъ.

— Пѣть, пускай поютъ, это не наше дѣло,—а печатать этого нельзя, говорю вамъ какъ начальникъ печати. Что тамъ еще есть?— обратился онъ къ Шидловскому.

— О театрѣ,—чуть слышно произнесъ послѣдній.

Грѣшный человѣкъ, я улыбнулся; мнѣ представилось, что онъ плачетъ, или произноситъ слова съ просонья.

— Да! — воскликнулъ предсѣдатель. — Какъ смѣете печатать противъ театровъ, когда они учрежденія правительственныя и именуется императорскими. Вы это слышите?

— Слышу, ваше превосходительство. Но позвольте на это возразить, что сочинитель, если и вооружается противъ соблазняющихъ сценъ на театрахъ, то онъ опирается на авторитетъ Іоанна Златоустаго. Эпитеты: правительственный и императорскій не имѣютъ...

Вѣроятно у Мусина-Пушкина не имѣлось болѣе логическихъ и сильныхъ аргументовъ къ подтвержденію высказанныхъ имъ мнѣній и въ опроверженіе моихъ возраженій, и онъ перебилъ меня, закричавъ:

— Вы, капитанъ, забываетесь, позволяете себѣ неприличіе, этого я, какъ предсѣдатель, допустить не могу: извольте оставить присутствіе.

Я опѣшилъ. — Ничего неприличнаго я не сказалъ, возражать, правда, хотѣлъ, да и то не успѣвалъ, потому что онъ самъ меня на каждомъ словѣ обрывалъ. Но дѣлать нечего; убѣдившись, что дѣла мнѣ не поправить и что дальнѣйшими репликами можно лишь не въ мѣру разгнѣвать его превосходительство, я поклонился и вышелъ. Удаляясь, я слышалъ, какъ вслѣдъ мнѣ Мусинъ-Пушкинъ сказалъ: «надо написать его начальству».

Чась отъ часу не легче. Невольно упрекнулъ я себя за то, что пренебрегъ предостереженіемъ А. В. Никитенко вести дѣло осторожно, и вмѣсто этого пустился въ пререканія съ лицомъ, отъ котораго одного зависѣла участь книги. Ужъ если всѣ засѣдающіе только сидѣли и молчали, опустивъ глаза, то и мнѣ слѣдовало только стоять, замкнувъ, подобно имъ, уста свои.

А все-таки Мусинъ-Пушкинъ задалъ мнѣ задачу. Какому именно начальству моему онъ будетъ жаловаться на меня? Начальниками моими были князь А. С. Меншиковъ, какъ лицо стоявшее во главѣ морского вѣдомства, и графъ Логинъ Логиновичъ Гейденъ, какъ директоръ инспекторскаго департамента морского министерства, гдѣ я служилъ столоначальникомъ. Если Мусинъ-Пушкинъ напишетъ, — какъ и что, это все равно, — самому князю Меншикову, — то мнѣ не миновать сильной нахлобучки, потому что князь очень не любилъ, чтобы чины морского вѣдомства занимались чѣмъ нибудь постороннимъ, кромѣ службы, хотя бы даже пѣніемъ или музыкой. Если же напишетъ графу Гейдену, то бояться было нечего, потому что графъ былъ человѣкъ мягкій, справедливый, доступный для каждаго, и смотрѣлъ на инныя вещи совсѣмъ другими глазами чѣмъ нашъ владыко. Я счелъ благоразумнымъ немедленно предупредить графа Гейдена о случившемся со мной, чтобы онъ не былъ поставленъ въ недоумѣніе, если бы князь Меншиковъ узналъ обо всемъ ранѣе его.

Явившись прямо изъ цензурнаго комитета въ департаментъ, я прошелъ въ присутствіе, гдѣ засталъ Никанора Михайловича Невельскаго, правителя канцеляріи департамента, читавшаго какой-то докладъ, вице-директора Феопемта Степановича Лутковскаго и самого графа Гейдена. Считаю не лишнимъ оговориться, что свои чиновники входили въ присутствіе, когда тамъ находился графъ, всегда безъ доклада.

Увидавъ меня, графъ обратился ко мнѣ съ обычной фразой:

— Что скажете, Васильевъ?

— Я обожду, ваше сіятельство, когда докладъ кончится.

Полагая, что я вошелъ съ какимъ нибудь служебнымъ вопросомъ, онъ сказалъ:

— А почему докладу не обождать, пока вы кончите?..

— Я не по службѣ.

— Все равно, докладъ уже прерванъ. Что вамъ угодно?

Я рассказалъ подробно все, что уже извѣстно читателямъ. Когда я кончилъ, графъ спросилъ:

— А стихи только и состоятъ изъ 4-хъ строкъ.

— Нѣтъ, гораздо болѣе.

— Вы знаете ихъ наизусть?

— Знаю.

— Пожалуйста, прочтите.

Вѣроятно, графъ заподозрилъ, что, быть можетъ, между другими строфами есть что нибудь нецензурное.

Я смѣло прочелъ:

«Царей и царствъ земныхъ краса,
 «Да здравствуетъ монархъ Россіи!
 «И да ниспошлютъ небеса
 «Ему и царству дни златыя!»

«Да здравствуетъ святая Русь!
 «Да процвѣтутъ въ ней добры нравы!
 «И да ни гладъ, ни моръ, ни трусь
 Не тронуть славной сей державы!
 «Да гордая своимъ царемъ,
 «И, добродѣтелью блистая,
 «Русь будетъ счастья образцемъ,
 «Подъ мудрымъ скиптромъ Николая!»

— Bravo,—прошепталъ Невельскій.

— Очень хорошо; да такія стихи пригодны для любой христоматии,—похвалилъ Теопомтъ Степановичъ Лутковскій.

— Какъ все это ни хорошо,—проговорилъ графъ,—но если только я получу какую нибудь бумагу отъ Мусина-Пушкина, то въ наказаніе вамъ, чтобъ впредь не связывались съ цензурой,—поручу вамъ написать отвѣтную ему бумагу.

Но мнѣ не пришлось писать отвѣта. Не больше какъ чрезъ недѣлю, забѣгаетъ ко мнѣ изъ типографіи Поповъ и, чтобы кто нибудь изъ моихъ департаментскихъ сослуживцевъ не услыхалъ, шепчетъ на ухо:

— Пришли два чиновника министерства народнаго просвѣщенія съ квартальнымъ надзирателемъ и предъявили бумагу объ отобраніи всѣхъ напечатанныхъ листовъ сочиненій Кулжинскаго.— Какъ полагаете, отдать или нѣтъ?

— Конечно, надо отдать.

— А вы не будете протестовать.

— Безполезно. Отдайте и развяжемся съ ними.

Такимъ образомъ, книга, счастливо прошедшая до владычества Мусина-Пушкина, нѣсколько цензоровъ, при немъ была присуждена къ уничтоженію. Она и до настоящаго времени не появилась въ свѣтъ. Впослѣдствіи, Ив. Гр. Кулжинскій напечаталъ «Исторію Польши» и «Курсъ всеобщей исторіи для средняго возраста учащихся въ 3-хъ частяхъ, 1859 года», беллетрическія же его статьи и стихотворенія, вновь написанныя и найденныя послѣ его смерти († 1865), печатаются въ газетѣ «Благовѣсть», издаваемой въ Харьковѣ, сыномъ его Григоріемъ Ивановичемъ Кулжинскимъ. Но, книга, о которой я столько хлопоталъ, такъ и осталась неизданной.

Прошло съ полгода послѣ описаннаго событія, и я уже начиналъ забывать о неудачѣ постигшую книгу почтеннаго Ив. Гр. Кулжинскаго, какъ вдругъ встрѣчаю однажды на Адмиралтейскомъ бульварѣ однокашника моего по училищу, Романовскаго. Со времени выхода нашего изъ училища, болѣе десяти лѣтъ, мы ни разу не встрѣчались, а потому очень обрадовались другъ другу. Мы пошли по Невскому проспекту. Въ разговорахъ о прошедшемъ, о товарищахъ, о будущихъ надеждахъ по службѣ, мы не замѣтили, какъ добрались до Аничкина моста.

— Да ты куда идешь?—спросилъ онъ меня.

— Никуда; просто тебя провожаю.
 — Мнѣ нужно повернуть къ Чернышеву мосту.
 — Ну и я съ тобою; все равно могу и тамъ пройти домой.
 Онъ взглянулъ на часы: было уже три.
 — Успѣю завернуть въ канцелярію,—прибавилъ онъ,—и занести бумаги.

— Да ты гдѣ служишь?

— Въ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія.

Мнѣ вспомнился Кулжинскій.

Пока мы шли отъ Аничкина моста до министерскаго дома, я успѣлъ вкратцѣ пересказать Романовскому всю исторію съ книгой.

— И ты не жаловался?—изумился онъ.

— Нѣтъ. Да что пользы.—Книга сожжена и ее не воротишь.

— Возвратишь, по крайней мѣрѣ, издержки. Жалуйся министру.

— Не напрасно ли?

— Толцые и отверзется.

Значить, мнѣ нужно было еще потолкаться. Я послушался совѣта.

Подавъ прошеніе лично князю Ширинскому-Шихматову, и объяснивъ ему въ чемъ дѣло, я просилъ его обратить вниманіе на несправедливое отношеніе ко мнѣ предсѣдателя комитета.

Князь обѣщалъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ.

Само собою разумѣется, что къ прошенію я приложилъ счета типографіи, бумажной лавки, переплетчика и даже корректора, дабы чиновничья канцелярія не имѣла никакого повода сомнѣваться, что цифра 600 р., во что обошлось изданіе, не преувеличена. Очень скоро, послѣ подачи прошенія, я получаю официальное приглашеніе явиться въ канцелярію министра по извѣстному мнѣ дѣлу. Настроенный, что дѣло мое принимаетъ благопріятный оборотъ, я не замедлилъ отправиться въ канцелярію,—но увы! горько разочаровался. Мнѣ объявили, что министръ нашель, что мнѣ съ моей претензіей слѣдуетъ обратиться къ Никитенкѣ, а не въ министерство. Чиновникъ, сообщившій мнѣ такую резолюцію, любезно прибавилъ:—«Я болѣе ничего не имѣю сказать»,—раскланялся и поспѣшно скрылся за дверью, на которой красовалась надпись: «Входъ постороннимъ воспрещается».

Я попросилъ вызвать ко мнѣ Романовскаго, но его въ департаментѣ не оказалось.

Повѣся носъ, спускаюсь съ лѣстницы и вдругъ сталкиваюсь съ Романовскимъ.

— А, здравствуй!

— Здравствуй!

— Ну что, какъ твои дѣлишки?

— Какія дѣлишки? Одно дѣло, и то плохо.—Министръ предложилъ обратиться съ моей претензіей къ Никитенкѣ.

— Ну и обратись.

— Прежде ты мнѣ не это совѣтываль.

— Вѣдь нельзя впередъ знать, куда вѣтеръ подуетъ.

— Ничего не понимаю.

— Что же тутъ не понимать.—Никитенко, чтобы не тягаться, можетъ помириться съ тобой на чемъ нибудь, а нѣтъ, такъ выскажетъ свое оправданіе, которое дастъ тебѣ поводъ снова обратиться къ министру.

— Спасибо, голубчикъ, за совѣтъ: самый прагматическій чиновничій.

Мы распрощались.

Къ Никитенкѣ я разумѣется не пошелъ, и иска противъ него не началъ, — а снова подаль, только не формальное прошеніе, а частную докладную записку министру, прося его обратить вниманіе на то, что я, представляя сочиненія Кулжинскаго въ цензурный комитетъ, не просилъ оный передать книгу для просмотра г. Никитенкѣ, — въ каковомъ случаѣ только, хотя и косвенно, могли падать на меня послѣдствія ошибокъ или недосмотра Никитенки. Но такъ какъ въ назначеніи Никитенки никакого моего участія не было, то я смѣю надѣяться, что его высокопревосходительство самъ усмотритъ, что мнѣ нѣтъ никакихъ юридическихъ основаній обращаться съ искомъ къ цензору, какъ къ лицу, неимѣвшему ко мнѣ никакого отношенія.

Спустя недѣли три, получаю отъ Романовскаго записку: «Толкущему—отворилось; приди и увидь».

За свою страсть уснащать рѣчь церковными изреченіями Романовскій носилъ въ училищѣ кличку—«попикъ», да и по происхожденію онъ былъ сынъ священника.

Бду въ канцелярію, вызываю Романовскаго, и когда онъ явился спрашиваю:

— Ну что, попикъ, хорошаго?

— Распишись въ сей библіи, что получилъ папскую индульгенцію; возьми ее, тебѣ прощаются грѣхи; это пропускъ тебѣ ко вмѣстилищу злата.

Я получилъ открытое отношеніе въ департаментъ государственнаго казначейства, удостовѣряющее, что я именно то лицо, коему на основаніи ходатайства г. министра народнаго просвѣщенія, высочайше повѣлено выдать 600 р. изъ остатковъ суммъ министерства за 1850 годъ.

— Какъ это случилось, что такой оборотъ вышелъ?

— Очень просто,—отвѣчалъ мой попикъ,—сперва написали Никитинкѣ запросъ: чѣмъ онъ руководствовался, разрѣшая книгу къ печати, которую затѣмъ цензурный комитетъ призналъ невозможнымъ выпустить въ свѣтъ. Онъ отвѣчалъ, что книга на столько нравственна, что если бы ему и послѣ распоряженія съ нею коми-

тета дали къ просмотру, то онъ, не обинуясь, разрѣшилъ бы ее къ выпуску въ свѣтъ. За тѣмъ просьба твоя, съ отзывомъ Никитенки и съ вытребованною изъ цензурнаго комитета книгою, была передана на заключеніе Главнаго Управленія училищъ, которое и нашло просьбу твою заслуживающею удовлетворенія.

Обрадованный такимъ исходомъ дѣла, спѣшу въ департаментъ государственнаго казначейства. Дежурный чиновникъ подвелъ меня къ конторкѣ, у которой сидѣло лицо, долженствовавшее сдѣлать на бумагѣ отмѣтку для казначея о безпрепятственной выдачѣ мнѣ денегъ.

— Въ чемъ дѣло?—опрашиваетъ это лицо.

— У васъ есть бумага изъ министерства народнаго просвѣщенія о выдачѣ мнѣ 600 руб.?

— Есть; но, къ глубокому сожалѣнію, я вамъ долженъ сказать, что этихъ денегъ вамъ выдать нельзя.

— Какъ нельзя?!.. На эту выдачу послѣдовало высочайшее разрѣшеніе.

— Совершенно вѣрно. Но это повелѣніе неправильно испрошено.

Меня какъ кипяткомъ обдало. Имѣть въ карманѣ высочайшее повелѣніе о своемъ правѣ, и не имѣть права воспользоваться имъ, я считалъ святотатствомъ со стороны того лица, которое мнѣ осмѣлилось это сказать.

— Милостивый государь, подумали ли вы, что вы говорите?!..— Кто можетъ отмѣнить высочайшее повелѣніе, кромѣ самаго императора.

— Послушайте, г. капитанъ, вы слишкомъ волнуетесь и позволяете себѣ говорить такимъ тономъ, который, извините, не много оскорбителенъ для того, къ кому онъ относится. Я себѣ не позволилъ сказать ни одного слова обиднаго для васъ; а что сообщилъ непріятную вещь, то, если вамъ угодно спокойно выслушать причины, почему не я, — онъ сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ, — а министерство финансовъ не можетъ исполнить высочайшаго повелѣнія, — то я къ вашимъ услугамъ; въ противномъ случаѣ я провожу васъ въ присутствіе, гдѣ вы услышите то же самое.

Сознавая себя виноватымъ въ неумѣстной горячности, я поспѣшилъ извиниться и обѣщаль слушать съ полнымъ спокойствіемъ.

— Высочайшимъ повелѣніемъ разрѣшается вамъ сумма условно: изъ остатковъ министерства за 1850 годъ. Нынче апрѣль мѣсяць 1851 года на исходѣ. Министерство финансовъ, не имѣя въ виду надобностей по министерству народнаго просвѣщенія въ его остаткѣ до столь поздняго времени, и дало ему другое назначеніе, такъ что въ данный моментъ по министерству народнаго просвѣщенія не числится за 1850 годъ никакой суммы, которою оно могло бы располагать. Наше министерство тутъ не при чемъ, оно только точ-

ный исполнитель высочайшаго повелѣнія, которое, повторяю, неправильно испрошено. Если бы министерство народнаго просвѣщенія, предворительно составленія доклада, снеслось съ нами, то этой катастрофы и не случилось бы.

— Поэтому я долженъ ожидать наступленія будущаго года, чтобы получить деньги?

— Да, если будетъ испрошено новое повелѣніе.

— А какъ же съ состоявшимся уже повелѣніемъ?

— Это касается 1850 года, а нужно будетъ высочайшее повелѣніе, которое относилось бы до остатковъ за 1851 годъ. Тогда вы получите.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Передайте въ канцелярію министерства народнаго просвѣщенія все, что я вамъ говорилъ, а мы, съ своей стороны, туда напишемъ.

Поблагодаривъ за объясненіе и извинившись еще разъ въ своей горячности, я, разумѣется, тотчасъ же направился обратно въ канцелярію министерства народнаго просвѣщенія.

На этотъ разъ директоръ канцеляріи Сербиновичъ, узнавъ въ чемъ дѣло, самъ вышелъ ко мнѣ въ приемную.

Пожавъ мнѣ руку, онъ мягко заговорилъ:

— Скажите какой казусъ! Но вы, конечно, не подумаете, что мы желаемъ сдѣлать вамъ непріятное?..

— Помилуйте, ваше превосходительство, — заговорилъ я, — я вовсе...

Но онъ не далъ мнѣ продолжать, быстро перебивъ:

— Знаете, грѣхъ да бѣда на комъ не лежитъ, ошибка всегда возможна. Я сейчасъ докладывалъ объ этомъ министру и его высокопревосходительство поручилъ мнѣ передать его личную къ вамъ просьбу повременить съ новымъ ходатайствомъ о вознагражденіи. Вамъ, конечно, какъ служащему, понятно, что весьма неудобно беспокоить императора сегодня о томъ же, что вчера имъ утверждено. Министръ обѣщаетъ вамъ своимъ словомъ, что мѣсяца черезъ три вы будете удовлетворены. Онъ проситъ васъ взять на себя маленькое терпѣніе. Могу я ему доложить, что вы обѣщаете?

— Я такъ благодаренъ его высокопревосходительству за вниманіе къ моей просьбѣ, что, съ своей стороны, счелъ бы величайшею неделикатностію, если бы только подумалъ возразить вамъ.

— Я въ точности передамъ ему ваши слова.

Черезъ три мѣсяца я получилъ деньги, но только не изъ остатковъ, а изъ какихъ-то другихъ источниковъ по министерству.

Получивъ деньги, мнѣ интересно было повидаться съ Романовскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось поблагодарить его за участіе въ моихъ хлопотахъ. Я пригласилъ его отобѣдать у «Стараго Палкина».

За обѣдомъ рѣчь, конечно, зашла о высочайшемъ повелѣннн, разрѣшившемъ мнѣ выдачу.

— Какъ же, спрашиваю, поступили у васъ съ первымъ повелѣннемъ?

— Подшили къ дѣлу.

— Да вѣдь оно не исполнено.

— Потому что, самъ знаешь, нельзя было исполнить.

— Доложено было о томъ государю?

— Въ три мѣсяца оно забыто. Ты хочешь сказать, что мы согрѣшихомъ, беззаконовахомъ и неправдовахомъ предъ государемъ.

— Я думаю, что такъ. Вѣдь вашему мннстру стыдно дѣлать такого рода передержки.

— А какъ же иначе надо было сдѣлать?

— Сознаться въ ошибку, что болѣе давало бы вѣсу мннстру въ глазахъ государя, чѣмъ еслибъ его величество самъ узналъ о такой продѣлкѣ.

— По твоему, значитъ, напрашиваться на взысканн?

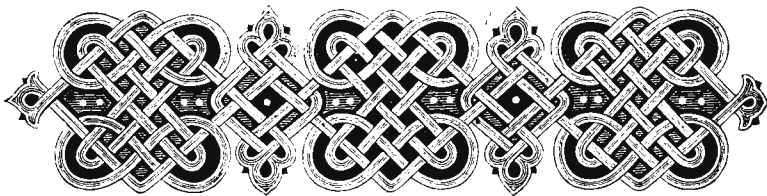
— Честнѣе, чѣмъ обманывать.

— Пожалуй,—согласился онъ.

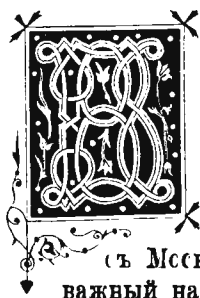
Мы кончили обѣдать и распрощались. Съ тѣхъ поръ я болѣе не видѣлся съ Романовскимъ. Гдѣ онъ, не знаю, а я доживаю свой вѣкъ.

В. А. Васильевъ.

БРАКЪ ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА III СЪ СОФІЕЙ ПАЛЕОЛОГЪ.

В ТОЛЬКО что вышедшей книжкѣ журнала «Revue des questions historiques» (1-er octobre 1887) появилось весьма интересное изслѣдованіе П. Пирлинга, посвященное браку царя Ивана III съ Софіей Палеологъ: «Le mariage d'un tsar au Vatican. Ivan III et Soé Paléologue». Авторъ давно уже усердно и съ успѣхомъ занимается исторіей сношеній Рима съ Москвою и составилъ нѣсколько монографій, имѣющихъ важный научный интерес. Главное достоинство его трудовъ заключается въ новыхъ матеріалахъ, розыскиваемыхъ имъ въ западно-европейскихъ архивахъ и библіотекахъ. Находки о Пирлинга часто освѣщаютъ совершенно темные и полузабытые уголки въ русской исторіи и оживляютъ интересъ къ вопросамъ, которые считались не заслуживающими вниманія. Извѣстно, какъ скудны наши свѣдѣнія о брачномъ союзѣ московскаго царя съ наслѣдницею константинопольскаго престола. Лѣтописныя сообщенія слишкомъ кратки и за отсутствіемъ другихъ матеріаловъ не позволяютъ дать болѣе или менѣе удовлетворительнаго представленія ни о ходѣ переговоровъ, ни о другихъ подробностяхъ событія, которое однако не могло не интересоватъ современниковъ, оцѣнившихъ политическое его значеніе. И вотъ въ этотъ-то вопросъ пытается пролить свѣтъ своимъ изслѣдованіемъ о. Пирлингъ.

Не могу не упомянуть прежде всего о горькомъ урокѣ, который русскій ученый найдетъ въ началѣ изслѣдованія. Это урокъ горькій, потому что его нужно принять безъ возраженій, какъ вполне справедливый. «Бракъ Софіи Палеологъ», — говоритъ авторъ, — «по преимуществу занималъ, какъ оно и справедливо, русскихъ. Нѣтъ

русской исторіи, даже сокращенной, въ которой бы объ немъ не упоминалось. Ученыя сочиненія трактуютъ объ немъ пространно. А между тѣмъ—кто бы повѣрилъ этому—хотя одинъ и тотъ же вопросъ такъ часто является подъ перомъ многихъ писателей, не было даже попытки приложить къ нему историческую критику. Въ началѣ нынѣшняго вѣка Карамзинъ воспроизвелъ текстъ русскихъ лѣтописей, присоединивъ къ нимъ изуродованные отрывки Волатеррана по цитатамъ Рейнальди: въ самыхъ новыхъ изслѣдованіяхъ появляются тѣ же самыя ошибки. Можно подумать, что позднѣйшіе сочинители, не давъ себѣ труда посмотрѣть въ «Annales Ecclesiastici» и въ изданіе Муратори, съ спокойной совѣстію довольствовались цитатой знаменитаго русскаго историографа». Дѣйствительно, нужно согласиться, что въ русской исторической литературѣ послѣ Карамзина весьма мало подвинулась впередъ разработка занимающаго насъ эпизода.

Семья царскаго дома Палеологовъ, послѣ паденія Константинополя, состояла изъ двухъ братьевъ, Дмитрія и Ѳомы, которые владѣли удѣлами въ Пелопоннесѣ. Въ 1460 году Дмитрій Палеологъ отведенъ былъ въ Константинополь, гдѣ ему назначили пенсію, а дочь его взяли въ гаремъ. Ѳома же Палеологъ бѣжалъ подъ защиту венеціанской республики на островъ Корфу, а оттуда направился въ Италію 16 ноября 1460 года. Въ Римѣ ожидалъ его радушный пріемъ, приготовленный друзьями его и соотечественниками, кардиналами Виссаріономъ и Исидоромъ. Первый произнесъ по этому случаю горячее воззваніе о крестовомъ походѣ. Ѳомѣ предоставлено было помѣщеніе въ Santo Spirito in Sassia, гдѣ и до сихъ поръ, какъ увидимъ ниже, хранится память о семьѣ Палеологовъ. Папа назначилъ Ѳомѣ ежегодный пенсіонъ въ 3,600 дукатовъ, коллегія кардиналовъ съ своей стороны 2,400, и Венеція 500. Кромѣ того, со стороны римской церкви оказана была Ѳомѣ особенная честь: ему поднесена была въ тотъ годъ золотая роза. Проживъ въ Римѣ около четырехъ лѣтъ, Ѳома умеръ 12 августа 1465 года. Его семейство, къ которому теперь перешли притязанія Палеологовъ, состояло изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Старшая дочь Елена умерла въ 1474 году, вторая же вмѣстѣ съ братьями Андреемъ и Мануиломъ воспитывалась въ Римѣ на счетъ папы, по плану, составленному кардиналомъ Виссаріономъ.

Новыя данныя, сообщаемыя въ изслѣдованіи о Пирлинга, касаются главнымъ образомъ лицъ и отношеній, стоящихъ въ связи съ бракомъ Софіи Палеологъ. Прежде всего, въ венеціанскомъ архивѣ (Pregadi, Secreti XXIII, f. 18) находятся слѣды переговоровъ о бракѣ между кипрскимъ королемъ Іаковомъ II и Софіей—въ 1466 году; у лѣтописца Франци (Migne, Patrologia t. 156, p. 998), свидѣтеля весьма авторитетнаго по вопросамъ, касающимся семьи Палеологовъ, ибо онъ состоялъ въ штатѣ царевны Софіи, есть весьма

опредѣленное извѣстіе объ обрученіи ея съ княземъ Карачіоло или Парачіоло итальянскаго происхожденія (въ 1467 г.). Затѣмъ, въ 1471 году архіепископъ Никосіи, Людовикъ Фабрицій, отъ имени короля кипрскаго Іакова II, снова домогался «руки дочери Морейскаго деспота, которая жила въ Римѣ подъ опекой никейскаго кардина» (т. е. Виссаріона), (*Mélanges Historiques*, V. p. 432). Но, какъ извѣстно, съ 1469 года начались сношенія между Москвою и Римомъ потому же вопросу, при чемъ между прочимъ выяснилось, что Софія отказала королю французскому и герцогу миланскому, просившимъ ея руки. Пока не отыщутся новые матеріалы, всякія соображенія по поводу свидѣтельства Франци объ обрученіи Софіи, или ея замужествѣ, до брака съ Иваномъ III, будутъ лишены твердыхъ основаній.

Въ русскихъ лѣтописяхъ (П. С. Р. Л. т. VIII, 154; Никоновская лѣтопись, VI, 7—8) отмѣченъ исходный пунктъ переговоровъ: «Зимой 1469 года (11 февраля) пришелъ изъ Рима отъ кардинала Виссаріона грекъ по имени Юрій и принесъ къ великому князю письмо» и проч. До сихъ поръ только предполагалось, что Виссаріонъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ устройствѣ брака, ибо, кромѣ означеннаго извѣстія русской лѣтописи, ничѣмъ это не подтверждалось; въ изданныхъ сочиненіяхъ Виссаріона нѣтъ даже намекъ на бракъ Софіи съ Иваномъ III. Отцу Пирлингу удалось розыскать письмо Виссаріона къ пріорамъ и коммунѣ города Сіенны, отъ 10 мая 1472 года, въ которомъ онъ говоритъ: «Въ Болоньѣ я встрѣтился съ посломъ государя великой Россіи, который направляется въ Римъ, чтобы заключить бракъ между племянницей греческаго царя и государемъ своимъ. Это предметъ моихъ заботъ и попеченій (*res est nostrae curae et sollicitudinis*), ибо я всегда питалъ благорасположеніе и состраданіе къ царевичамъ, пережившимъ страшную катастрофу и считалъ своимъ долгомъ помогать имъ ради того, что насъ соединяютъ одинаковыя узы съ нашимъ отечествомъ и народомъ. Итакъ, если невѣста будетъ проходить черезъ Сіенну, прошу васъ оказать ей блестящій приѣмъ, дабы ея спутники могли засвидѣтельствовать о любви къ ней итальянцевъ. Это послужитъ ей въ честь въ глазахъ ея супруга». Приведеннымъ письмомъ подтверждается, такимъ образомъ, справедливость сообщенія русской лѣтописи, что переговоры о бракѣ начаты были по почину Виссаріона.

Главнымъ довѣреннымъ лицомъ со стороны царя Ивана Васильевича въ сношеніяхъ съ Римомъ былъ Иванъ Фрязинъ, о которомъ лѣтопись не сообщаетъ почти никакихъ данныхъ, за исключеніемъ того, что онъ былъ московскій денежникъ и иностранецъ, принявшій православіе. Изслѣдованіе о Пирлинга даетъ объ этомъ лицѣ совершенно новыя и интересныя свѣдѣнія, заимствованныя частію изъ венеціанскаго, частію изъ другихъ архивовъ.

Его полное имя Жанъ Баттиста делла Волпе; происходилъ онъ изъ Виченцы и принадлежалъ къ благородной и состоятельной фамилии. Это былъ весьма предприимчивый, ловкій человекъ, умъ котораго постоянно былъ занятъ смѣлыми проектами. Въ 1455 году Волпе предпринялъ путешествіе на востокъ, къ татарамъ и русскимъ; въ 1469 году русская лѣтопись упоминаетъ объ немъ какъ о лицѣ, достигшемъ расположенія царя и занимающемъ мѣсто денежника. Такова была его официальная роль, но за ней скрывалась другая, характеризующая Волпе какъ политическаго дѣятеля, игравшаго нѣкоторую роль въ Восточномъ вопросѣ. Въ русской лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ, гдѣ сказано о прибытіи въ Москву грека Юрія съ письмомъ отъ кардинала Виссаріона къ Ивану III, отмѣчено также появленіе родственниковъ Ивана Фрязина, Карла и Антона. Послѣдній, приходившійся племянникомъ нашему Ивану Фрязину, дѣлаетъ важныя сообщенія венеціанскому правительству въ то самое время, какъ дядя его, весной 1470 года, отправляется въ Римъ въ качествѣ посла по дѣлу о бракѣ.

Въ венеціанскомъ архивѣ (Senato, Secreti t. XXV, p. 8) сохранились весьма любопытныя слѣды переговоровъ, веденныхъ отъ имени Жанъ Баттиста делла Волпе. Антонъ Джисларди сообщаетъ, что дядя его, проведеншій 16 лѣтъ между татарами и москвитами, находитъ возможнымъ поднять на турокъ хана Золотой орды, который можетъ выставить до 250 тысячъ войска. Въ Венеціи придали весьма серьезное значеніе этому сообщенію и снарядили секретаря сената, Жана Тревизана, въ Золотую орду, поручивъ ему сначала побывать въ Москвѣ и лично переговорить съ делла Волпе. Джисларди долженъ былъ сопутствовать Тревизану. Оба эти агента жили въ Москвѣ во время, пока самъ делла Волпе занятъ былъ устройствомъ брака. Потому ли, что венеціанская республика не предоставила въ распоряженіе Тревизана крупныхъ суммъ, или потому, что проектъ делла Волпе былъ просто произведеніемъ его фантазіи, вопросъ о поднятїи татаръ на турокъ оставался безъ движенія. Тревизанъ жаловался своему правительству, что онъ не знаетъ какъ поступать, ибо делла Волпе не оказываетъ ему никакой поддержки.

Между тѣмъ, делла Волпе, Иванъ Фрязинъ тожь, получивъ важную миссію отъ Ивана III, самъ два раза путешествовалъ въ Римъ, при чемъ имѣлъ полную возможность дать подробныя объясненія о своемъ политическомъ проектѣ. Но онъ намѣренно избѣгалъ Венеціи, имѣя теперь въ виду извлечь болѣе выгодъ, сообщивъ свой планъ римской курїи. Дѣйствительно, въ іюнѣ 1472 года, устроивъ брачное дѣло, по которому и прибылъ въ Римъ, Волпе затронулъ также вопросъ о татарахъ. По его словамъ, ханъ готовъ выставить противъ турокъ страшное войско, если ему обѣщана будетъ ежемѣсячная субсидія въ 10 тысячъ дукатовъ. Но требовалось пред-

варительно снарядить въ орду посольство съ подарками для хана и его приближенныхъ на сумму въ 6 тысячъ дукатовъ. Сопоставляя это съ предложеніями, сдѣланными Волпе венеціанской синьоріи, черезъ Джисларди въ 1470 году, мы не можемъ не вывести заключенія, что весь проектъ Волпе былъ ни что иное, какъ ловкая денежная операція, сулившая ему обогащеніе. Въ Римѣ отнеслись недовѣрчиво къ проекту; въ Венеціи также поняли, что посылка Тревизана была напрасна и распорядились отозвать его изъ Москвы. Само собой разумѣется, Волпе поплатился бы за свои проекты еще въ Италіи, если бы его не оберегалъ титулъ довѣреннаго лица московскаго царя. Но когда Иванъ III узналъ о политическихъ переговорахъ Волпе и о сношеніяхъ его съ Тревизаномъ, то не на шутку рассердился на своего свата и подвергъ его заключенію. Вотъ объясненіе немилостей къ Волпе и Тревизану, послѣдовавшихъ тотчасъ же послѣ вѣнчанія Ивана III съ Софіей Палеологъ, и о которыхъ довольно глухо говоритъ русская лѣтопись.

Итакъ, характеръ Ивана Фрязина выясняется, благодаря изслѣдованію о Пирлинга. Не можемъ пропустить и нѣкоторыхъ новыхъ и важныхъ чертъ, стоящихъ въ связи съ церемоніей вѣнчанія Софіи въ Римѣ и снаряженія ея въ Москву. Здѣсь именно мы должны принять безъ возраженій упрекъ, обращенный къ русской исторической наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, «*Diarium Romanum*» Жака Волатеррана, изданный у Muratori въ «*Scriptores rerum italicarum*» сообщаетъ весьма любопытныя подробности, которыя не были отдѣнены и критически разобраны.

«*Script. rer. italic. XXIII. an. 1472, col. 88.* Сегодня собраны на совѣтъ кардиналы. Предметомъ обсужденія было посольство Іоанна, князя Бѣлой Россіи. Послы пришли во-первыхъ съ тѣмъ, чтобы бить челомъ папѣ, а потомъ, чтобы помолвить дочь (*inde despondent filiam*) бывшаго деспота Пелопоннеса, которая воспитывалась вмѣстѣ съ двумя своими братьями, бѣжавшими изъ отечества, въ Римѣ по милости апостольскаго престола. Посламъ указано жить во дворцѣ Монте Маріо, откуда открывается видъ на весь городъ, пока будутъ приняты рѣшенія относительно брака и церемоніи приѣма посольства, ибо явились нѣкоторыя сомнѣнія относительно разностей обряда и недостаточными оказались свѣдѣнія о вѣрѣ русской. Поданы были мнѣнія: бракъ одобренъ, разрѣшено также чтобы церемонія обрученія совершена была торжественно въ базиликѣ апостоловъ Петра и Павла, въ присутствіи прелатовъ. Постановлено, чтобы на встрѣчу посламъ вышли фамиліи папы и кардиналовъ. Эти постановленія обусловлены были слѣдующими мотивами: русскіе приняли акты флорентійскаго собора и имѣли архіепископа латинскаго, назначеннаго отъ римскаго престола, между тѣмъ, какъ греки получаютъ своихъ епископовъ отъ константинопольскаго патріарха. Русскіе просятъ назначить къ нимъ посла,

который бы, освѣдомившись объ ихъ вѣрѣ и изучивъ положеніе дѣлъ, исправилъ что окажется ошибочнымъ. Они заявляютъ послушаніе римской церкви. Наконецъ, если бы даже русскіе были еретиками, брачныя союзы съ ними допускаемы по каноническому римскому праву (*non tamen ex jure pontificio virita cum iis conjugia habentur*), тѣмъ болѣе, что заблудшіяся чада должны быть привлекаемы почестями и благосклонностію въ лоно матери церкви.

«Мая 25-го, послы упомянутого князя приглашены были въ секретную консисторію, они поднесли пергаменную грамоту съ золотой всячей печатью. Въ грамотѣ содержалось слѣдующее на русскомъ языкѣ: Великому Сиксту, папѣ римскому, Иванъ князь Бѣлой Россіи челомъ бьетъ и проситъ дать вѣру его посламъ. Эти послѣдніе привѣтствовали папу, поздравили его съ восшествіемъ на престолъ, повергли къ ногамъ апостольскимъ отъ имени своего князя почтеніе и предложили подарки: шубу и 70 соболей. Папа похвалилъ князя за его приверженность къ христіанству, за принятіе постановленій флорентійскаго собора, за недопущеніе подчиненія по дѣламъ вѣры константинопольскому патріарху, назначаемому султаномъ, за предложеніе сочетаться бракомъ съ христіанкой, воспитанной при апостольскомъ престолѣ; наконецъ, выразилъ удовольствіе по поводу изъясненія почтенія римскому первосвященнику, что у русскихъ равняется признанію полного послушанія. За подарки высказана благодарность. При этомъ присутствовали послы: короля неаполитанскаго, венеціанскій, миланскій, флорентійскій и герцога феррарскаго».

Этотъ любопытный документъ, имѣющій характеръ протокола, доказываетъ свое оффиціальное значеніе еще и тѣмъ, что дѣйствительно въ то время былъ въ Римѣ миланскій посолъ, епископъ Новары, Джіованни Арчимбальди, извѣщавшій свое правительству о приѣмѣ папой русскихъ пословъ. По поводу сомнѣній, которыя высказываетъ о Пирлингъ на счетъ явной подтасовки фактовъ, мы отвѣтимъ ссылкой на цѣлый рядъ дипломатическихъ актовъ XVI вѣка, хорошо извѣстныхъ благодаря его же изслѣдованіямъ. Развѣ не тѣмъ же духомъ отличается, напримѣръ, письмо папы Льва X къ великому князю Василью отъ 1519 года, въ которомъ говорится: «Мы получили достовѣрныя свѣдѣнія, что ты по божественному попущенію воспріялъ мысль возвратиться къ единенію и послушанію святой римской церкви, и проч.». Развѣ не всегда въ Римѣ вычитывали больше изъ писемъ великихъ князей, чѣмъ сколько въ нихъ заключалось? Коллегіи кардиналовъ нужно было въ такомъ именно смыслѣ понять письмо Ивана III, и она, дѣйствительно, толкуетъ очень произвольно выраженія, напримѣръ, въ слѣдующемъ случаѣ: высказывать почтеніе — у русскихъ одно и то же, что заявить о своемъ полномъ подчиненіи римскому престолу. Весьма вѣроятно, что Волпе обѣщавъ больше, чѣмъ имѣлъ право.

Но признаемъ, мы думаемъ, что римская курія очень хорошо понимала, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Когда Волпе, послѣ обрученія Софіи, предложилъ папѣ блестящій планъ двинуть хана Золотой орды противъ турокъ и объявилъ, что для этого нужно только нѣсколько десятковъ тысячъ дукатовъ, римская курія въ этомъ случаѣ не вдалась въ обманъ и, нисколько не стѣсняясь, отвѣтила ему рѣшительнымъ отказомъ.

Торжество обрученія назначено было на 1-е іюня 1472 г. Оно происходило въ базиликѣ Петра, т. е. въ знаменитомъ храмѣ св. Петра въ Ватиканѣ. Нѣсколько драгоцѣнныхъ подробностей сохранилъ объ этомъ торжествѣ Volaterranus (Muratori XXIII col. 90). Невѣсту сопровождали при церемоніи знаменитѣйшія дамы: королева боснійская Екатерина, Клариса Орсини, мать Лаврентія Медичи, знатныя римлянки, флорентинки и сѣннки, равно представительницы кардинальскихъ родовъ. Обрядъ совершалъ епископъ, имя котораго осталось неизвѣстно. При совершеніи обряда обрученія произошло довольно важное недоразумѣніе, которое, очевидно, многихъ обезпокоило. Когда потребовались кольца, русскій посольствъ отвѣчалъ, что онъ не принесъ колецъ, такъ какъ у русскихъ нѣтъ этого обычая. Церемонія была доведена до конца, но на слѣдующій день въ сенатѣ папа высказывалъ сожалѣніе, что обрядъ совершенъ былъ не совсѣмъ законно, ибо не доставало формальнаго на этотъ счетъ распоряженія великаго князя и что этотъ недосмотръ замѣченъ былъ слишкомъ поздно (*questus est postridie in senatu Pontifex sine mandato ducis sponsam illamesse; ne prius animadversum id vitium, quam in dando annulo*)...

Совершенно новыя и весьма интересныя данныя открыты о Пирлингомъ о проходахъ Софіи изъ Рима и объ ея путешествіи. Особенно же цѣнны сдѣланныя имъ розысканія касательно приданнаго Софіи Палеологъ и предоставленныхъ въ ея распоряженіе суммъ на путешествіе. 27-го іюня 1472 года ей уплачено было изъ кассы папы 5,400 дукатовъ; въ свиту ея назначенъ епископъ Антоній Бонумбре, (кардиналъ Антоній русскихъ лѣтописей), которому дана на путешествіе сумма въ 600 дукатовъ. Расположеніе папы къ будущей великой княгинѣ московской усматривается въ особенности изъ теплыхъ писемъ, которыми онъ рекомендуетъ ее государямъ, черезъ земли которыхъ лежалъ ей путь.

Въ одной изъ римскихъ церквей, обращенныхъ въ настоящее время въ больницу (*Santo Spirito in Sassia*), есть фресковая живопись, представляющая Сикста IV, окруженнаго государями, лишенными своихъ царствъ. Между представленными адѣсь фигурами должна находиться и Софія Палеологъ, какъ можно заключать изъ надписи: «*Andream Paleologum Peloponnesi et Leonardum Jocosum Epiri Dynastas a Turcarum tyranno exutos regio sumpta aluit. Sophiam Thomae Paleologi filiam Ruthenorum duci nuptam cum*

aliis numeribus tum sex mille aureorum dote auxit». Первое упоминаніе объ этой надписи находится у Forcella, Inscrisioni delle Chiese, t. VI. p., 438. Отцу Пирлингу нужно отдать честь, что онъ обратилъ вниманіе на эту надпись и объяснилъ ее такимъ комментариемъ, который выше всякихъ сомнѣній: счетными книгами римскаго двора. Но остается вопросъ о фрескѣ, которая никѣмъ не была изучена. Если это живопись современная событіямъ, то она должна представлять портреты Андрея и Софіи Палеологъ и, конечно, заслуживала бы изданія. Предполагая сдѣлать отчетъ объ изслѣдованіи о. Пирлинга, мы наводили справки въ Римѣ относительно этой фрески и, благодаря любезному содѣйствію настоятеля русской церкви въ Римѣ, отца архимандрита Пимена, узнали слѣдующее. Въ одной изъ палатъ больницы (Santo Spirito in Sassia) между двухъ оконъ, на высотѣ 9 или 10 метровъ, занимающая насъ фреска представляетъ папу Сикста IV сидящимъ на тронѣ. Передъ нимъ три колѣнопреклонныя фигуры съ вѣнцами на головахъ; эти фигуры должны изображать или Ѳому Палеолога съ его двумя сыновьями, или его сыновей и деспота эпирскаго Леоарда Токка. На второмъ планѣ картины, позади упомянутыхъ фигуръ, находятся еще мужскія и женскія изображенія; между послѣдними должны быть боснійская королева и Софія Палеологъ. Но оказалось, что весьма трудно приспособить фотографическій аппаратъ съ надеждой получить удовлетворительную фотографію; копировать же фреску неудобно по той причинѣ, что палата занята больными. Кроме того, нѣкоторыя данныя (напримѣръ, костюмы) заставляютъ предполагать, что фреска сдѣлана не въ XV столѣтіи а гораздо позже и, слѣдовательно, едва ли можно смотрѣть на изображенія Палеологовъ какъ на портреты.

Напутствованная рекомендательными письмами папы и своего ближайшаго покровителя, кардинала Вассаріона, Софія отправилась изъ Рима 24-го іюня. Отецъ Пирлингъ тщательно собиралъ свѣдѣнія въ архивахъ разныхъ итальянскихъ городовъ и нашелъ любопытныя извѣстія о торжественномъ приѣмѣ, сдѣланномъ Софіи въ Сиеннѣ, Болоньѣ и Виченцѣ. Особенно интересныя данныя находятся въ болонскихъ лѣтописяхъ. Софія была невысокаго роста и имѣла около 24 лѣтъ, глаза ея блистали какъ искры, бѣлизна ея кожи свидѣтельствовала о знатномъ происхожденіи. Она показывалась въ публикѣ, одѣтая въ пурпуровое платье и въ парчевой мантии, подбитой горностаемъ. На головѣ ея была повязка, блистающая золотомъ и жемчугомъ. Взоры всѣхъ привлекалъ одинъ драгоценный камень въ видѣ застѣжки на лѣвомъ плечѣ. Самые знатные молодые люди составляли ея свиту, спорили за честь держать узду ея лошади. Въ Виченцѣ, отечественномъ городѣ ея спутника, Волпе, который выдавалъ себя теперь за казначея и секретаря русскаго царя, ожидали Софію новыя торжества.

Тревизано Волпе, двоюродный братъ нашего Ивана Фрязина, принимавшій Софію въ собственной виллѣ, получилъ право присоединить къ своему гербу изображеніе византійскаго орла съ короной. Въ Виченцѣ провела Софія три дня среди торжественныхъ приемовъ и пиршествъ, при чемъ 60 кавалеровъ составляли ея свиту.

Безъ сомнѣнія, должны существовать слѣды и дальнѣйшаго путешествія Софіи Палеологъ черезъ Германію, но они ждутъ такихъ же тщательныхъ розысканій въ архивахъ нѣмецкихъ городовъ, какія сдѣланы о Пирлингомъ въ итальянскихъ. 1-го сентября мы находимъ Софію въ Любекѣ, 21-го въ Ревелѣ, 11-го октября принимали ее псковитяне. Дальнѣйшіе факты, касающіеся Софіи Палеологъ, исключительно черпаются пока изъ русской лѣтописи (П. С. Р. Л. IV. 244—246; VI. 196—197; VIII. 154, 169, 173, 175—177; Никоновская лѣтопись, ч. VI. 49, 56 и сл.), и потому мы не находимъ нужнымъ передавать ихъ. Замѣтимъ лишь, что латинскіе памятники не знаютъ имени Софіи, а говорятъ о Зоѣ; въ одномъ мѣстѣ русская лѣтопись (П. С. Р. Л. VI. 196) говоритъ о дочери морейскаго деспота, называя ее Зинаидой. Такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ, когда и по какому случаю будущая русская царица перемѣнила свое имя.

Въ изслѣдованіи о Пирлинга находимъ далѣе много новыхъ подробностей къ объясненію извѣстій русской лѣтописи о немилости, постигшей Волпе, вскорѣ послѣ брака Ивана III и Софіи. Извѣстно, что въ Москвѣ находился въ то время Тревизанъ, посолъ венеціанской республики, ожидавшій разъясненій Волпе по поводу движенія хана Золотой орды на турокъ. Великій князь ничего не зналъ о цѣли пребыванія Тревизана въ Москвѣ; для него это разъяснилось только тогда, когда прибыла въ Москву Софія и когда люди ея свиты стали гласно говорить о политическомъ характерѣ миссіи Тревизана. Великій князь произвелъ дознаніе, слѣдствіемъ чего и было изгнаніе Волпе изъ Москвы и заключеніе его въ Коломнѣ. Тревизану угрожала смертная казнь и только заступничество сопровождавшаго Софію епископа Антонія Бонумбре спасло ему жизнь.

Чтобы разъяснить это дѣло, царь Иванъ III отправилъ въ Венецію письмо, содержаніе котораго можно возстановить по документамъ государственнаго архива Венеціи (Senato, Secreti t. XXVI. 1473—1474 р. 48, 50). Для насъ весьма любопытенъ отвѣтъ на это письмо отъ 4-го декабря 1473 года,—первый по времени оффиціальныи актъ, говорящій о правахъ русскаго царя на константинопольское наслѣдство. Поблагодаривъ царя за то, что онъ сохранилъ жизнь Тревизану, хотя его миссія возбуждала страшное подозрѣніе, синьорія продолжаетъ: «Мы отправили нашего секретаря (т. е. Тревизана) не съ тѣмъ, чтобы онъ переговорами съ ханомъ Золотой орды причинилъ вашему государству какой либо

ущербъ или опасность; напротивъ, вызванное письмомъ хана, наше посольство имѣло цѣлью по возможности отвлечь и удалить его отъ вашего государства и освободить васъ отъ этого тягостнаго и опаснаго сосѣда, направивъ его силы къ областямъ Чернаго моря и на берегъ Дуная на борьбу съ общимъ всего христіанскаго міра врагомъ, властителемъ оттоманскихъ турокъ, захватившимъ восточную имперію, которая, за прекращеніемъ императорскаго рода въ мужскомъ колѣнѣ, должна принадлежать вашему высочеству въ силу вашего благополучнѣйшаго брака».

Царь Иванъ остался доволенъ объясненіями, возвратилъ свободу Тревизану и даже позволилъ ему отправиться къ хану Золотой орды, приставивъ однако къ нему дьяка Дмитрія Лазарева. Въ то же время было снаряжено московское посольство въ Венецію съ Симеономъ Толбузинымъ во главѣ.

Тревизанъ побывалъ въ ордѣ, привелъ оттуда двухъ татарскихъ пословъ, на подарки которымъ Венеція израсходовала 2,000 дукатовъ. Но пока велись переговоры, польскій король Казиміръ успѣлъ склонить татаръ на войну съ Москвой,—ту именно войну, слѣдствіемъ которой было освобожденіе Россіи отъ монгольскаго ига.

Въ заключеніе авторъ говоритъ о важныхъ и безчисленныхъ послѣдствіяхъ брака Ивана III съ наслѣдницей Палеологовъ и заканчиваетъ такъ: «Въ глазахъ современниковъ московская царица, единственная оставшаяся въ живыхъ наслѣдница Палеологовъ, должна была считаться законной наслѣдницей восточной имперіи. Отзвукъ этого мнѣнія находимъ въ рѣчахъ папскихъ пословъ, когда они приглашали царей идти на Константинополь, для завоеванія древняго наслѣдства. Эти намеки нѣкоторымъ историкамъ показались такъ значительными, что они высказали предположеніе о существованіи въ архивахъ Ватикана юридическаго акта, который служилъ основаніемъ для этихъ призывовъ къ реваншу. Ничего подобнаго не нашлось до сихъ поръ въ Римѣ, ни въ Москвѣ. Но высокая важность вопроса и скажу даже его современное значеніе оправдывали бы и новыя попытки къ поискамъ. Привлечь вниманіе ученыхъ къ этому вопросу составляло главную цѣль моей работы».

И такъ, и по содержанію и по цѣли, изслѣдованіе о Пирлинга заслуживаетъ полнаго вниманія въ особенности въ Россіи. Нужно надѣяться, что значительный успѣхъ, которымъ сопровождалось его розысканіе въ итальянскихъ архивахъ и библіотекахъ, послужитъ для него поощреніемъ и заставитъ продолжать разработку такой счастливой темы. Но ясно, что не всѣ подробности эпизода могутъ быть разъяснены на основаніи западныхъ источниковъ, половина дѣла остается за нашими изслѣдователями. Новое освѣщеніе лицъ и отношеній, даваемое о Пирлингомъ, счастливое объясненіе и пополненіе темныхъ мѣстъ русской лѣтописи, богатый ука-

затель литературы, которою у насъ еще не пользовались для изученія этого вопроса, все это внушаетъ намъ смѣлость думать, что было бы благовременно теперь вновь пересмотрѣть русскіе матеріалы, относящіеся до брака Ивана III съ Софіей Палеологъ и предпринять тщательные поиски въ древнихъ книгохранилищахъ. Отнюдь не должно думать, что предметъ исчерпанъ и что трудно напасть на нетронутые матеріалы. Достаточно указать на то, какъ пользовались до сихъ поръ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ Волатеррана. Въ самой работѣ о Пирлинга не всѣ затронутые вопросы вполне освѣщены и нуждаются въ дальнѣйшемъ развитіи: о легатѣ, сопровождавшемъ Софію, о Тревизанѣ и проч. Онъ впрочемъ и не выдаетъ ее за окончательную¹⁾.

Но относительно брака Ивана III съ Софіей Палеологъ существуютъ нѣкоторыя задачи и вопросы, которыхъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду авторъ занимающаго насъ изслѣдованія и которые, между тѣмъ, имѣютъ важное знаніе для русской исторіи. Разумѣю общій характеръ господствующихъ у насъ возрѣній на Софію, кардиналовъ Виссаріона и Исидора.

Греческая царица Софія Ѳоминачна не пользовалась особенно любовью въ своемъ новомъ отечествѣ, а потому у московскихъ лѣтописцевъ мало записано свѣдѣній какъ объ ней самой, такъ и объ ея родныхъ и близкихъ. О судьбѣ ея до пріѣзда въ Москву нѣтъ почти никакихъ извѣстій въ русской лѣтописи. Между тѣмъ, политическое значеніе брачнаго союза московскаго царя съ наследницей константинопольскаго престола, хорошо понятое и оцѣненное современниками, а равно и разнообразныя вліянія на внутреннюю и внѣшнюю политику Москвы, которыя ей приписываются, не могутъ не вызывать въ историкѣ желанія объяснить характеръ Софіи.

Строгій блюститель старины митрополитъ Филиппъ пережилъ много минутъ томительнаго безпокойства, когда узналъ, что сопровождавшій греческую царицу легатъ папы намѣренъ вступить въ Москву съ преднесеніемъ латинскаго креста. Бояре и ближніе слуги царя не любили гречанку за то, что она завела новые при дворѣ обычаи, которыми оскорблено было ихъ самолюбіе; царь сталъ обсуждать важныя дѣла не въ думѣ, а у себя въ спальнѣ. Въ Москву чаще стали наѣзжать иностранцы, начались новыя и большія постройки, москвичи недоувѣрчиво смотрѣли на новшества и вину ихъ приписывали царицѣ.

Въ нашихъ глазахъ Софія Палеологъ уже потому должна стоять выше всякихъ нареканій, что она дѣйствительно оказалась въ

¹⁾ P. 354—355. C'est donc un travail préliminaire qui je livre à la publicité, dans le but surtout d'activer les recherches qui se font avec une admirable persévérance, mais dont le succès n'est pas encore complet.

Москвѣ носительницей обновляющихъ началъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что по смерти отца своего въ 1465 году, она воспитывалась въ римскомъ обрядѣ. По свидѣтельству кардинала Виссаріона, деспотъ Ѳома на смертномъ одрѣ изъявилъ на этотъ предметъ свою волю. Сохранившійся планъ воспитанія и обученіе дѣтей Ѳомы Палеолога, жившихъ при томъ на средства римскаго двора, ясно показываетъ, что Софія Палеологъ должна была держаться римско-католическаго исповѣданія передъ вступленіемъ въ бракъ съ Иваномъ III. Несомнѣнно также, что передъ отправленіемъ въ Москву она должна была получить опредѣленные наставленія относительно вѣры. Но она разрѣшила трудную задачу совсѣмъ не такъ, какъ отъ нея ожидалось. Съ перваго же шага на московской землѣ она отрѣшилась отъ всѣхъ внушеній и совѣтовъ, изумивъ сопровождавшаго ее епископа Антонія, когда въ Псковѣ стала принимать благословеніе у русскаго духовенства, посѣщать церкви и прикладываться къ иконамъ. И ни одного намека не находимъ мы въ лѣтописи, вообще не очень благорасположенной къ «гордой», гречанкѣ, который бы давалъ поводъ къ сомнѣніямъ въ искренности и твердости ея религіозныхъ воззрѣній. Въ московскомъ царствѣ Софія дѣйствительно была православной христіанкой, за каковую и выдавали ее въ Римѣ. Объ ея тактѣ говорятъ также и то обстоятельство, что она не пыталась возобновлять сношеній съ Римомъ и не настаивала на приглашеніи въ Москву своего брата Андрея Палеолога, который жилъ на пенсіи у папы и пользовался подачками отъ разныхъ западныхъ государей.

Не можетъ быть сомнѣнія, что мысль о брачномъ союзѣ Софіи съ московскимъ царемъ первоначально зародилась у просвѣщеннѣйшаго грека того времени, извѣстнаго никейскаго митрополита, а потомъ кардинала римской церкви, Виссаріона. Онъ принималъ самое живое участіе въ семействѣ деспота Ѳомы Палеолога, заботился о воспитаніи и обученіи Софіи и ея двухъ братьевъ, его перу принадлежитъ любопытный планъ воспитанія и поведенія, приличнаго дѣтямъ княжескаго происхожденія. Виссаріонъ пользовался въ Римѣ громаднымъ значеніемъ, по смерти Николая V былъ самымъ виднымъ кандидатомъ на папскій тронъ; никто не могъ похвалиться въ Римѣ такой громадной и отборной библіотекой, какая была у Виссаріона; около него сгруппировались лучшіе гуманисты того времени. Но Виссаріонъ не забывалъ о своемъ поработченномъ турками отечествѣ и до послѣдней минуты жизни преслѣдовалъ планы освобожденія его.

Довольно странно то обстоятельство, что въ письмахъ Виссаріона не находимъ ни одного, которое бы касалось брака Софіи Палеологъ. Правда, далеко не вся его переписка издана, въ заграничныхъ библіотекахъ находится еще не мало рукописнаго матеріала, относящагося къ біографіи Виссаріона, но едва ли можно объяснить

случайностью то обстоятельство, что Виссаріонъ умалчиваетъ о политической роли Россіи въ Восточномъ вопросѣ даже тамъ, гдѣ онъ прямо высказываетъ свои планы и мечты объ освобожденіи грековъ. Если у Виссаріона родилась мысль выдать Софію за московскаго царя, а въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія — то и политическая роль Москвы въ Восточномъ вопросѣ не чужда была его сознанию. Въ Римѣ былъ сановникъ, соотечественникъ Виссаріона и также кардиналъ римской церкви, который могъ сообщить ему обстоятельныя свѣдѣнія о Московіи и ея обычаяхъ,—это бывший митрополитъ московскій Исидоръ. Какъ извѣстно, онъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, гдѣ его осудили какъ измѣнника за подписаніе актовъ флорентійскаго собора. Примѣръ былъ очень внушительный. Не долженъ ли былъ Виссаріонъ, снаряжая Софію въ Москву, дать ей секретныя наставленія о вѣрѣ, или не былъ ли планъ воспитанія, о которомъ говорено выше, фиктивнымъ?

Виссаріонъ и Исидоръ назначены были кардиналами въ одинъ и тотъ же день, 18 декабря 1439 года. Римская церковь выразила этимъ свою признательность обоимъ названнымъ лицамъ за ихъ горячее участіе къ дѣлу соединенія церквей. Отъ нихъ ожидалось еще многого и впереди: одному предстояло привести грековъ къ принятію актовъ флорентійскаго собора, другому дѣйствовать въ томъ же направленіи среди русскихъ и поляковъ. Извѣстно, что тотъ и другой ошиблись въ своихъ расчетахъ и ожиданіяхъ.

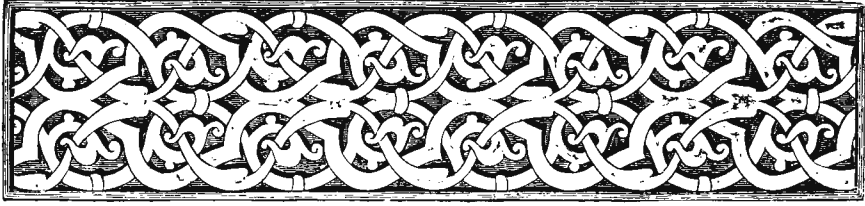
Почти совсѣмъ не выяснены ближайшія побужденія, руководившія дѣятельностью Виссаріона и Исидора. Ясно, что имъ могли быть хорошо извѣстны непреодолимые препятствія, сильное противодѣйствіе и ожесточенная борьба противъ уніи въ Византіи и Россіи. Однимъ тщеславіемъ, конечно, нельзя объяснить служеніе ихъ интересамъ католической церкви. Нужно допустить, что они пришли къ мысли объ уніи не по легкомыслію, но были убѣжденными поборниками идеи соединенія церквей. Разъ соединившись съ Римомъ, Виссаріонъ и Исидоръ словомъ и дѣломъ неуклонно служили интересамъ Рима и католической церкви, соединяя однако съ этимъ и горячую любовь къ отечеству и надежду на политическое возрожденіе Византіи.

Нравственное направленіе и политическая дѣятельность Виссаріона и Исидора до нѣкоторой степени получаютъ себѣ объясненіе въ общемъ направленіи той эпохи. Мы уже говорили, что Виссаріонъ составлялъ въ Римѣ центръ кружка гуманистовъ. Весьма любопытно, что и Исидоръ еще до назначенія своего на московскую кафедру велъ переписку съ гуманистами. Къ сожалѣнію, мы весьма мало знаемъ объ образѣ мыслей и образованности Исидора, такъ какъ и то немногое, что осталось изъ его произведеній, разбросано по разнымъ рукописямъ. Изданное въ Патрологіи Миня (т. 159), донесеніе его о взятіи Константинополя турками даетъ

весьма недостаточное понятіе о дѣйствительномъ содержаніи документа, который находится въ національной библіотекѣ въ Парижѣ (Cod. Lat. 3127). Виссаріонъ и Исидоръ являются въ Византіи представителями новаго политическаго и религіознаго направленія, которое раздѣляли и Палеологи. Всего легче поймемъ мы смыслъ этого направленія, если сравнимъ его съ нашимъ западническимъ. Что и Исидоръ, подобно Виссаріону, былъ далеко не зауряднымъ человекомъ, видно уже изъ того, что самая живая струя извѣстій о взятіи Константинополя турками, именно официальная часть ихъ, вошедшая въ записки и сборники позднѣйшаго происхожденія, заимствуется изъ донесеній его къ папѣ, изъ писемъ къ Виссаріону и другимъ кардиналамъ и изъ посланій къ разнымъ коронованнымъ особамъ.

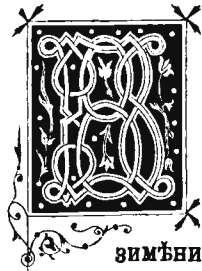
Федоръ Успенскій.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ КАШГАРЪ ВЪ 1875 ГОДУ.

(Разсказъ очевидца).

О ВРЕМЯ несогласій, возникшихъ въ 1860 году, между Коканомъ и Китаемъ, коканскій ханъ Худояръ послалъ для охраны своихъ границъ войско подъ начальствомъ Якуба-бека, человѣка крайне честолюбиваго и энергическаго. Якубъ-бекъ дѣйствовалъ весьма успѣшно, овладѣлъ обширною провинціей и городомъ Кашгаромъ и, вслѣдъ за тѣмъ, зимѣнивъ своему повелителю, объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ. Успѣхъ и безнаказанность породили въ Якубъ-бекѣ такую самонадѣянность, что онъ даже въ дипломатической перепискѣ съ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ К. П. Кауфманомъ осмѣливался употреблять крайне дерзкія выраженія.

Особенно ненавидѣлъ Якубъ-бекъ своего бывшего повелителя Худояра-хана и не могъ допустить мысли, чтобы русское правительство сносилось съ Кашгаромъ черезъ Коканскія владѣнія. «Если вы», — писалъ онъ Кауфману, — «хотите имѣть со мною дѣло, то приходите черезъ мою дверь, а не черезъ чужую».

Находя окружный путь на Токмакъ и Нарынъ въ Семирѣченской области неудобнымъ для торговыхъ сношеній съ Кашгаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая сбить нѣсколько кичливость съ Якуба-бека, К. П. Кауфманъ рѣшилъ, въ 1875 году, послать къ нему посольство, съ настойчивымъ требованіемъ установить прямое сношеніе съ Кашгаромъ по Коканскимъ владѣніямъ.

Удачное исполненіе такого опаснаго порученія всецѣло зависѣло отъ личности посла и выборъ Кауфмана остановился на полков-

никъ М. Д. Скобелевъ, уже пользовавшемся тогда репутаціей храбраго, смѣлаго и ловкаго офицера.

Кромѣ Скобелева, посольство состояло изъ переводчика Чанышева, топографа Руднева и конвоя изъ 12 казаковъ и нѣсколькихъ джигитовъ.

Посольство не достигло своей цѣли по обстоятельствамъ, которыя будутъ изложены ниже; оно едва не погибло и спаслось единственно благодаря необычайной находчивости и храбрости Скобелева. Недавно я познакомился съ однимъ изъ участниковъ этого посольства, Х. А. Чанышевымъ, который въ простомъ, безыскусственномъ разсказѣ сообщилъ мнѣ всѣ подробности событія, котораго онъ былъ ближайшимъ свидѣтелемъ. Разсказъ его настолько интересенъ, что я тогда же записалъ его и теперь съ согласія г. Чанышева рѣшаюсь напечатать въ томъ видѣ, какъ записывалъ со словъ разсказчика.

В. Кулешовъ.

Получивъ отъ генераль-губернатора соотвѣтствующія наставленія и наскоро устроивъ все, что было необходимо для посольства, М. Д. Скобелевъ немедленно выѣхалъ изъ Ташкента. На пути онъ остановился на короткое время въ Ходжентѣ, чтобы выполнить возложенное на него порученіе—выбрать удобное мѣсто для постройки лагеря и занести его на планъ.

Не успѣлъ еще Скобелевъ выѣхать изъ Ходжента, какъ туда прибыло отправившееся изъ Ташкента, 11 іюля, другое посольство, направлявшееся въ Кокань¹⁾ и состоявшее изъ коллежскаго совѣтника Вейнберга, коканскаго посланца при Туркестанскомъ генераль-губернаторѣ Мирзы-Хакима Умидова и нѣсколькихъ казаковъ и джигитовъ.

Проведя здѣсь два дня, оба посольства дальнѣйшій путь къ Кокану продолжали вмѣстѣ. Дорога пролегла по культурной мѣстности; по обѣимъ сторонамъ тянулись сады, прерываемые полями; за кишлакомъ Испарою ландшафтъ измѣнился: началась песчаная степь. Всѣ ѣхали верхами, а позади слѣдовало нѣсколько арбъ съ пожитками и подарками для Худояръ-хана и Якубъ-бека: халатами, европейскими матеріями, часами и другими цѣнными вещами. Къ вечеру того же дня мы прибыли въ пограничную коканскую крѣпость Махрамъ, у воротъ которой насъ встрѣтилъ съ низкими поклонами крѣпостной бекъ²⁾ и самыми изящными выраженіями восточнаго этикета пригласилъ войти въ приготовленное помѣщеніе, гдѣ былъ предложенъ гостямъ чай и дастарханъ³⁾,

¹⁾ Для дипломатическихъ переговоровъ съ ханскимъ правительствомъ.

²⁾ Комендантъ.

³⁾ Туземныя лакомства.

а затѣмъ, не желая насъ стѣснять своимъ присутствіемъ, бежъ удался въ свои покои.

Усталость сказывалась во всѣхъ нашихъ членахъ: проѣхать верхомъ 44 версты подъ палящимъ солнцемъ даже и для привычнаго человѣка дѣло не легкое, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали ужина, который приготовлялъ русскій поваръ, вывезенный Умидовымъ изъ Ташкента.

Запивъ сытный ужинъ европейскими винами, мы легли и уснули крѣпкимъ сномъ.

На слѣдующій день, посольства продолжали далѣе путь. У кишлака Бишъ-арыка начались опять сады и поля, которые не оставляли насъ вплоть до самаго Кокана.

Къ вечеру пріѣхали въ кишлакъ Шахай, гдѣ и ночевали. Топографъ Рудневъ во время пути занимался съемкою проходимой мѣстности.

На третій день, 13-го іюля, мы должны были прибыть въ Коканъ. Въ 6-ти верстахъ отъ столицы, насъ встрѣтили 10 знатнѣйшихъ сановниковъ ханства, верхами, въ черныхъ барашковыхъ высокихъ шапкахъ, кверху суживающихся, съ красными верхушками, въ темно-синихъ кафтанахъ, украшенныхъ серебрянными и золотыми пуговицами, и туземными плечными знаками въ родѣ русскихъ эполетъ.

Одинъ изъ сановниковъ приблизился къ намъ и передалъ Вейнбергу въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, что его высокостепенство Худояръ-ханъ, сердечно радуясь пріѣзду въ столицу дорогихъ гостей (михманъ), послалъ ихъ встрѣтить и привѣтствовать отъ своего имени съ благополучнымъ прибытіемъ. Вейнбергъ съ своей стороны просилъ передать хану отъ всѣхъ членовъ посольства глубокую благодарность за такую любезную и внимательную встрѣчу.

Въ сопровожденіи этихъ сановниковъ мы поѣхали далѣе.

Дорога была выровнена; по обѣимъ ея сторонамъ красовались разсаженные въ симметрическомъ порядкѣ тополя, между которыми пробѣгали быстрые арыки¹⁾; наконецъ, въѣхали въ городскія ворота; на широкихъ улицахъ (чѣмъ Коканъ отличается отъ другихъ азіатскихъ городовъ) встрѣчалось много народу; проѣхавъ нѣсколько улицъ, мы добрались до дома Мирзы-Хакима, гдѣ было приготовлено для насъ помѣщеніе; здѣсь сановники ханскіе распрощались съ нами, и Вейнбергъ еще разъ просилъ передать хану благодарность за встрѣчу. Въѣхавъ въ ворота, мы остановились подъ навѣсомъ, сошли съ лошадей и передали ихъ казакамъ.

Мирза-Хакимъ любезно пригласилъ войти въ домъ, гдѣ для насъ было приготовлено нѣсколько комнатъ съ европейскою мебели-

¹⁾ Оросительныя каналы.

ровкою и со всѣми удобствами; особенно роскошна была азіатская гостиная, обстановка которой могла бы удовлетворить самому требовательному вкусу европейца: стѣны и потолокъ разрисованы и украшены разными лѣпными изображеніями въ восточномъ вкусѣ; зеркала, кресла, диваны и ковры дополняли ея убранство. Къ дому примыкала большая, крытая, устланная коврами терраса, на которой мы обѣдали и пили чай.

Предупредительность, любезность и широкое гостепріимство Мирзы-Хакима оживляли удобства отведенной намъ квартиры.

На второй день по пріѣздѣ, Мирза-Хакимъ представлялся хану и, возвратившись, передалъ Вейнбергу, что его высокостепенство выразилъ желаніе немедленно принять посольство.

Облачившись въ мундиры, что по жаркому времени года было не совсѣмъ пріятно, мы поѣхали во дворецъ; пришлось проѣхать почти половину города и нѣсколько небольшихъ базаровъ; населеніе, видимо, интересовалось нами, но особеннаго расположенія не выказывало.

Подѣхавъ къ дворцу, мы сошли съ лошадей и, вступивъ въ ворота, прошли по двумъ внутреннимъ дворамъ, а затѣмъ, поднявшись по высокой лѣстницѣ, вошли въ переднюю, откуда, по приглашенію перваго министра Атабека, вступили въ длинную большую комнату, устланную дорогими коврами; мебели въ ней не было; къ потолку среди комнаты была прикрѣплена громадная люстра, покрытая бѣлымъ чехломъ; люстры и канделябры виднѣлись и въ другихъ сосѣднихъ комнатахъ.

Ханъ сидѣлъ противъ входа, у лѣвой стѣны, на посланной на полу тигровой шкурѣ; у правой руки его лежала маленькая круглая подушка, на которую онъ могъ облакачиваться.

Поздоровавшись рукопожатіемъ, мы, по приглашенію хана, сѣли по лѣвую его руку: рядомъ съ ханомъ Вейнбергъ, потомъ Скобелевъ, я и Рудневъ; Атабекъ присѣлъ вдали отъ насъ въ лѣвомъ углу; Мирза же Хакимъ остался въ передней и только по знаку хана присоединился къ намъ, но сѣлъ не рядомъ, а напротивъ своего повелителя.

Вейнбергъ, по обычаю, передалъ хану привѣтствіе отъ генералъ-губернатора и просьбу разрѣшить Скобелеву безпрепятственный проѣздъ черезъ ханскія владѣнія въ Кашгаръ. Худояръ изъяснилъ свое согласіе и посоветовалъ отдохнуть послѣ утомительной поѣздки и собраться со свѣжими силами. Вейнбергъ благодарилъ хана за любезность и просилъ отъ имени Скобелева дозволенія осмотрѣть его столицу; и на это ханъ далъ охотно свое согласіе. Послѣ обмѣна взаимныхъ любезностей, мы встали и, распрощавшись, вышли; аудіенція продолжалась не болѣе получаса.

Получивъ дозволеніе, Скобелевъ и Рудневъ занялись осмотромъ города, его стѣнъ и укрѣпленій, а мнѣ было поручено приготовить

все къ отъѣзду и распросить у бывалыхъ людей о дорогѣ на Кашгаръ; я старательно упаковалъ всѣ вещи въ тюки, а подарки Якубъ-беку въ яхшаны¹⁾; отъ туземцевъ я узналъ что за городомъ Узгентомъ начинаются Алайскія горы, гдѣ арбной²⁾ дороги не существуетъ, а потому я озаботился придать упакованнымъ вещамъ форму тюковъ, удобныхъ для перевозки верхомъ; для доставленія же тюковъ въ Узгентъ нанялъ 4 арбы.

Когда все было приготовлено къ отъѣзду, Скобелевъ просилъ у хана черезъ Вейнберга прощальной аудіенціи, которая и была разрѣшена. Ханъ пожелалъ ему счастливаго пути и успѣшнаго выполненія порученій, и какъ бы мелькомъ замѣтилъ, что на окраинахъ ханства, вдали отъ городовъ, посольство рискуетъ встрѣтиться съ дикими, варварскими его поддаными, которые по своей грубости могутъ даже ненамѣренно причинить русскимъ непріятности, а потому онъ предложилъ Скобелеву для большей торжественности, а также и безопасности, взять съ собою 100³⁾ ханскихъ джигитовъ⁴⁾. Скобелевъ благодарилъ хана за вниманіе и заботы о посольствѣ, а также и за радушное гостепрѣимство. Затѣмъ, мы попрощались и вышли. Не успѣли еще мы подойти къ дворцовымъ воротамъ, какъ позади насъ раздался окрикъ: «тюря, тюря, толмачъ — тюря»⁵⁾! Я обернулся и увидалъ бѣгущаго и путающагося въ полахъ халата, старика Атабека, который, приблизившись ко мнѣ, крайне взволнованнымъ голосомъ учащенно проговорилъ: «остановите, остановите полковника⁶⁾, желаю съ нимъ говорить». Остановились; Атабекъ подошелъ и просилъ зайти въ его квартиру, которая находилась тутъ же, во дворцѣ, направо отъ главныхъ воротъ.

Мы вошли въ большую комнату, почти во всю длину которой стоялъ столъ, уставленный разными азіатскими лакомствами; Атабекъ засуетился, предложилъ чаю и, подсѣвъ къ Скобелеву, завелъ съ нимъ разговоръ и, между прочимъ, сказалъ: «Хотя ханъ

¹⁾ Дорожные кожаные чемоданы, очень удобные для навьючиванія на лошадей.

²⁾ Колесной.

³⁾ По официальнымъ свѣдѣніямъ, ханъ предложилъ только 20 джигитовъ.
В. К.

⁴⁾ Можно предполагать, что Вейнбергъ зналъ истинный смыслъ этого ханскаго замѣчанія, потому что писалъ въ своемъ донесеніи: «ханъ предупредилъ, что мѣстность за Ушемъ не безопасна вслѣдствіе волненія кочеваго населенія, вызваннаго появленіемъ на Каратегинской границѣ племянника хана Назаръ-бека, бѣжавшаго изъ Бухары и прошлагодняго претендента на Чашканъ Сеидъ-Фудатъ-хана, въ окрестностяхъ Узгента. Противъ этихъ шаекъ были высланы три отряда подъ начальствомъ Исса-Ауліе, Абдурахманъ-автобачи и Сарымсака-ишикъ-агаси, всего до 4 тысячъ человекъ».
В. К.

⁵⁾ Тюря — господинъ, толмачъ — переводчикъ.

⁶⁾ Скобелева.

разрѣшилъ вамъ ѣхать въ Кашгаръ и взять съ собою джигитовъ, но я совѣтовалъ бы отстрочить вашъ выѣздъ на нѣсколько дней, такъ какъ у насъ въ настоящее время на границѣ не совсѣмъ спокойно, появилось нѣсколько каравановъ¹⁾, которые занимаются грабежами; я, конечно, не сомнѣваюсь, что вы благополучно проѣдете, но все-таки, желалъ бы, чтобы вы обождали». Скобелевъ съ горячностью возразилъ: — «Это дѣло пустое; я уже собрался и готовъ къ выѣзду, а потому не желаю медлить; спѣшу скорѣе выполнить возложенныя на меня начальствомъ порученія».

Атабекъ проводилъ насъ до воротъ, и мы возвратились къ Мирзѣ-Хакиму, гдѣ намъ были вручены подарки отъ хана: Скобелеву — нѣсколько халатовъ, 2 осѣдланыхъ лошади и мулъ²⁾, мнѣ и Рудневу — халаты, конвойные же казаки, кромѣ халатовъ, одарены были деньгами. Мы тотчасъ же начали окончательно укладываться и на другой день собирались выѣхать.

Быль у насъ при пособствѣ туземный писецъ, Мирза-Махтумъ, взятый изъ Ташкента; онъ имѣлъ въ Коканѣ много родныхъ и знакомыхъ; желая всѣхъ ихъ навѣстить и повидать, Мирза-Махтумъ по вечерамъ обыкновенно отпрашивался и не ночевалъ въ пособствѣ; возвращаясь изъ своихъ ночныхъ экскурсій, онъ приносилъ въ пособство разные городскіе, базарные толки и слухи, впрочемъ, довольно смутные; по городу носился слухъ, что гдѣ-то въ ханствѣ происходятъ безпорядки, что куда-то ханъ ежедневно отправляетъ батальоны сарбазовъ³⁾ и пушки, но куда именно, неизвѣстно.

Утромъ въ назначенный день нашего отъѣзда, 18 іюля, Мирза-Махтумъ приходитъ и говоритъ мнѣ, что ѣхать намъ нельзя, потому что вся восточная сторона ханства объята востаніемъ; безпорядки начались въ Учъ-Курганѣ, куда былъ посланъ для усмиренія бунтовщиковъ автобачи⁴⁾ съ отрядомъ, но онъ измѣнилъ хану и, требуя одно за другимъ подкрѣпленія, мало по малу перетасилъ къ себѣ всѣ войска, съ которыми находится теперь въ Маргеланѣ и скоро собирается идти на Коканъ; у хана же войска почти не осталось и столицы защитить онъ не можетъ.

Свѣдѣнія, сообщенныя Мирза-Махтумомъ, были весьма важны. Было еще рано; Скобелевъ и Вейнбергъ спали; когда они проснулись, я, въ присутствіи Вейнберга, доложилъ Скобелеву рассказъ Махтума, но онъ отнесся къ этому слегка и сказалъ: — «Это ничего, все-таки пойдемъ». Можно предполагать, что Скобелеву отъ Вейнберга, который ежедневно бывалъ во дворцѣ, было извѣстно то, что Махтумъ общался по смутнымъ базарнымъ слухамъ⁵⁾.

¹⁾ Воръ, вообще безпокойный человекъ.

²⁾ Весьма полезное животное при горныхъ переѣздахъ.

³⁾ Пѣхоту.

⁴⁾ Абдурахманъ - автобачи — знаменитый коканскій полководецъ.

⁵⁾ Это подтверждаетъ самъ Вейнбергъ въ своемъ донесеніи.

Выслушавъ мой рассказъ, Вейнбергъ началъ убѣждать меня отказать отъ поѣздки со Скобелевымъ, говоря, что предпріятіе это очень опасное и врядъ ли намъ удастся сохранить свои головы; что Скобелевъ человекъ одинокій и любитъ опасности, а у меня въ Ташкентѣ остались жена и дѣти; кто же о нихъ позаботится, если я найду себѣ на пути безвременную могилу.

На эту рѣчь я взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ Вейнбергу: «Честь и долгъ службы не позволяютъ мнѣ оставить полковника; генераль-губернаторъ оказалъ мнѣ высокое довѣріе и я долженъ его оправдать, хотя бы трижды пришлось сложить голову; погибну я, Богъ не оставитъ моихъ сиротъ»¹⁾.

Но все-таки выѣздъ былъ отложенъ. Въ городѣ носились разные противорѣчивые слухи; одни говорили, что автобачи приближается къ Кокану, и ханъ не знаетъ, что дѣлать и собирается выѣзжать изъ столицы; другіе, что Скобелевъ уговариваетъ его остаться, предлагая свои услуги руководить защитою города, но ханъ будто бы не соглашается, зная истинное состояніе государства и считая свои силы не достаточными.

Все рассказывалось смутно и не ясно, а дѣйствительности никто не зналъ.

Было не сомнѣнно только то, что въ городѣ готовится нѣчто необыкновенное; жители имѣли видъ озабоченный и встревоженный; базары затворились, товары перевозились въ болѣе отдаленныя отъ центра города мѣста; на всѣхъ перекресткахъ видны были дервиши, вдохновенно и горячо проповѣдовавшіе народу, жадно вслушивавшемуся въ ихъ рѣчи.

21 іюля, вечеромъ, намъ оффиціально было сообщено, что ханъ на слѣдующій день выѣзжаетъ изъ столицы и ему желательно, чтобы мы присутствовали при этомъ выѣздѣ.

Вейнбергъ немедленно сообщилъ русскимъ торговцамъ и купцамъ, чтобы они присоединились къ посольству и выѣхали вмѣстѣ изъ города, такъ какъ имъ можетъ угрожать опасность.

Въ ночь съ 21 на 22 іюля, отъ насъ убѣжали два арбакеша,²⁾ похитивъ часть нашихъ вещей; остались только тѣ арбакеши, которые были лично извѣстны Мирзѣ-Хакиму. Всю ночь гулъ стоялъ надъ городомъ; слышались звуки барабановъ и звонкіе сигнальные рожки.

22 іюня, часовъ въ 9 утра, мы поѣхали ко дворцу. Не доѣзжая еще дворцовой площади, встрѣтили разставленныхъ шпалерами сарбазовъ; пришлось ѣхать среди войскъ; народъ сопровождалъ насъ проклятіями и угрозами; одинъ сарбазъ ударилъ кон-

¹⁾ Очень вѣроятно, что Вейнбергъ этимъ разговоромъ хотѣлъ выпытать настроеніе Чанышева, хотя и русскаго чиновника, но природнаго татарина.

В. К.

²⁾ Возчики.

войнаго казака, который схватился за пашку съ намѣреніемъ разсѣчь голову обидчику, но подоспѣлъ Скобелевъ и предотвратилъ схватку, могшую имѣть для насъ роковой исходъ. На площади между войсками стоялъ цѣлый рядъ арбъ, нагруженныхъ ханскимъ добромъ; народъ кишѣлъ вокругъ, какъ муравьи въ муравейникѣ.

Не имѣя возможности по тѣснотѣ продолжать путь, мы свернули вправо, оставивъ войска налѣво, и подѣхали ко дворцу.

Въ этотъ моментъ ханъ выходилъ изъ дворцовыхъ воротъ; Атабекъ, Мирза-Хакимъ, Молла-Мааруфа и другіе государственные сановники окружали своего повелителя; владѣтель Кокана, оставившій свой родовой дворецъ, былъ, повидимому, спокоенъ; съ четверть часа простоялъ онъ подъ сводами главныхъ воротъ, отдавая послѣднія приказанія; не зналъ онъ, что роковою силою историческихъ событій не суждено ему уже возвратиться въ свой любимый дворецъ, гдѣ каждый уголокъ возбуждалъ въ его душѣ столько отрадныхъ воспоминаній, сладостныхъ тревогъ и волненій; не вѣдалъ онъ, что покидаетъ свою столицу, свой очаровательный Коканъ, навсегда, навѣки.

Столица не знала, куда ѣдетъ ея повелитель; полагали, что онъ отправляется съ войскомъ на встрѣчу автобачи, для того, чтобы побѣдить его или пасть на полѣ битвы. Ханъ вышелъ изъ дворцовыхъ воротъ, медленно приблизился къ небольшой, желтой, сверху обитой бѣлою матеріею, въ китайскомъ вкусѣ, арбѣ, запряженной цугомъ; свита подняла государя подъ руки и посадила въ арбу.

Въ это самое время мы приблизились къ хану. Онъ попрощался и приказалъ Мирзѣ-Хакиму провести насъ къ мѣсту лагерной стоянки войскъ. Мирза-Хакимъ окольными улицами провелъ насъ къ Мугомобаракскимъ воротамъ, гдѣ мы опять повстрѣчались съ войсками, идущими на позицію.

Дорога шла садами, за которыми начиналась степь; здѣсь-то, у опушки садовъ, и была назначена 3-хъ часовая стоянка войскъ.

На мѣстѣ, указанномъ Умидовымъ, мы разбили палатки; недалеко отъ насъ была поставлена ханская палатка, очень большая, покрытая русскою бѣлою матеріею съ синими полосками.

Войска все прибывали и устанавливались, и наши палатки вскорѣ очутились въ срединѣ лагеря, состоявшаго изъ 4 тысячъ пѣхоты при 68 орудіяхъ и 2 тысячъ кавалеріи. Движеніе, суетня, шумъ и крикъ наполняли лагерь; появились маркитанты и устроились маленькіе базарчики; лепешки, чай и «наша» ¹⁾ приманивали сарбазовъ. Вдругъ раздался крикъ: «Ханъ кельды! ханъ кельды!» ²⁾ и все смолкло; среди войска водворились чинность и спокойствіе.

¹⁾ Вещество, приготовляемое изъ сока конопли; его курятъ въ кальянахъ, какъ опиумъ.

²⁾ Ханъ ѣдетъ! ханъ ѣдетъ!

Вдали показалась ханская арба въ сопровожденіи 1000 махраповъ ¹⁾ въ черныхъ барашковыхъ съ металлическими бляхами шапкахъ и бѣлыхъ кафтанахъ.

Ханъ вошелъ въ палатку; въ лагерѣ все было тихо и спокойно.

Скобелевъ и Вейнбергъ вышли погулять по лагерю и направились вдоль артиллерійской позиціи; вдругъ на встрѣчу имъ вынесся одинъ артиллерійскій офицеръ на большомъ бѣломъ аргамакѣ; онъ скакалъ прямо на нихъ и намѣренно направилъ лошадь такъ, чтобы сбить ихъ съ ногъ; когда же они посторонились, то были встрѣчены дружнымъ смѣхомъ сопровождавшихъ его товарищей.

Возмущенный такою грубостью, Вейнбергъ позвалъ знакомъ меня и приказалъ сообщить объ этомъ случаѣ Атабеку, начальнику артиллеріи и потребовать, чтобы онъ не дозволялъ сарбазамъ относиться столь дерзко и неуважительно къ посламъ русскаго государя.

Атабекъ сильно взволновался и въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ извинялся передъ русскими гостями, обѣщаясь отыскать виновнаго и достойно его наказать. Онъ тотчасъ приказалъ адъютанту позвать кого-то, но въ эту минуту явился посланный отъ хана; Атабекъ засуетился и поспѣшилъ на ханскій зовъ.

Ханъ, крайне взволнованный, ходилъ по своей палаткѣ; халатъ его распахнулся, чалма покосилась на бокъ. Влѣдныи, съ красными глазами, изъ которыхъ падали крупныя слезы страха, а можетъ быть сильной душевной борьбы, повелитель правовѣрныхъ мусульманъ ожидалъ въ страшной тревогѣ своего перваго министра, чтобы объявить ему роковое рѣшеніе; и вотъ вошелъ въ палатку этотъ дряхлый старикъ, «ханское око и ухо», какъ величаютъ его въ одной сартовской пѣснѣ; вошелъ и сталъ въ почтительной позѣ, сложивши руки на груди, чтобы выслушать послѣднее приказаніе своего государя. Ханъ приказалъ ему созвать всѣхъ начальниковъ частей, и объявилъ имъ, что не имѣя возможности собственными силами наказать бунтовщика-автобачи, онъ рѣшился ѣхать въ Ташкентъ просить помощи у генераль-губернатора и надѣется возвратиться оттуда съ русскими войсками; если они желаютъ, то могутъ его сопровождать. Эти слова хана, какъ громомъ, поразили его генераловъ. Какъ! государь правовѣрный, наперстникъ Магомета, повелитель богатаго, славнаго ханства, простиравшагося нѣкогда отъ горныхъ хребтовъ и до самаго моря, наводившаго страхъ и трепетъ на сосѣднія земли, столь позорно покидаетъ свой тронъ и бѣжитъ униженно за помощью къ гяурамъ, злѣйшимъ, вѣковѣчнымъ врагамъ мусульманъ, съ которыми у правовѣрнаго не можетъ быть дружбы, а только хазавать ²⁾, вѣчный хазавать!..

¹⁾ Ханская гвардія тѣлохранителей.

²⁾ Хазавать—священная война.

Не говоря ни слова, они послѣшно вышли изъ палатки и возвратились къ своимъ частямъ. Въ это время я стоялъ возлѣ своей палатки и безцѣльно смотрѣлъ по сторонамъ; въ лагерѣ суета и движеніе: одни ѣдятъ, другіе пьютъ чай, третьи курятъ «наша», нѣкоторые уже накурились до опьяненія и безчинствуютъ. Палатка хана была такъ загромождена со всѣхъ сторонъ арбами, что видѣлась только ея верхушка.

Вдругъ ко мнѣ подбѣгаетъ сарбазъ и скороговоркою, дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ, отчетливо порусски спрашиваетъ:— «Гдѣ палатка Вейнберга?» повторяя этотъ вопросъ нѣсколько разъ. Крайне изумленный русскою рѣчью сарбаза, я отвѣтилъ вопросомъ: «Кто ты? Затѣмъ тебѣ нужно видѣть Вейнберга?» — «Я бывшій русскій солдатъ и служу теперь въ арміи хана; войско возмутилось и васъ всѣхъ здѣсь перерѣжутъ, какъ барановъ; ханъ только что объявилъ генераламъ, что уѣзжаетъ въ Ташкентъ и кажется уже уѣхалъ, а они пошли по лагерю и возмутили противъ васъ войско; я хочу сказать все это Вейнбергу».

Скобелевъ и Вейнбергъ, выслушавъ сообщеніе Евграфа (такъ звали сарбаза), приказали казакамъ тотчасъ же сѣсть на лошадей и приготовиться къ бою, а джигитамъ поскорѣе уложить всѣ вещи въ арбы.

Въ то время, какъ мы этимъ занимались, до насъ донесся пронзительный крикъ, какъ будто рѣжутъ человѣка.

При Скобелевѣ находился джигитъ, юркій, сметливый киргизенокъ Нурлы-бай; онъ его очень любилъ и постоянно бралъ съ собою въ походы ¹⁾. На Нурлы-бая было возложено попеченіе о мулѣ, подаренномъ Скобелеву ханомъ. Этотъ мулъ отвязался, отошелъ отъ нашихъ палатокъ и приблизился къ толпѣ сарбазовъ; Нурлы-бай побѣждалъ слѣдомъ и поймалъ его уже за поводъ, но въ этотъ моментъ подскочили два сарбаза и начали отнимать мула; завязалась неравная борьба; мула отняли и увели въ лагерь. Нурлы-бай поднялъ крикъ и разогорченный, съ заплаканными глазами, долженъ былъ возвратиться къ намъ; онъ не могъ успокоиться и избѣгалъ взгляда Скобелева.

Когда все было уложено, Скобелевъ приказалъ тронуться съ мѣста. Въ лагерѣ замѣтно было необычайное оживленіе и суета; кто запрягалъ лошадей, кто убиралъ палатки; за крикомъ и шумомъ ничего нельзя было разобрать; представлялся какой-то хаосъ. Вдругъ раздалась команда «впередъ» и всѣ сарбазы, кавалерія и артиллерія, съ гикомъ и крикомъ: «уръ, уръ, автобачи» ²⁾ побѣжали въ противоположную отъ насъ сторону; пыль поднялась густымъ облакомъ; невозможно было разглядѣть, что дѣлается.

¹⁾ Потомъ онъ ввязъ его съ собою въ Петербургъ, и въ турецкую кампанію, гдѣ онъ и былъ убитъ.

²⁾ Вей, бей, автобачи.

Не успѣли еще мы тронуться, какъ раздалась другая команда «назадъ» и отбѣжавшія войска повернули и двинулись въ нашу сторону.

Мы поѣхали по ташкентской дорогѣ; впереди двигались двѣ арбы съ вещами, за арбами джигиты, а потомъ Рудневъ и я; Скобелевъ же и Вейнбергъ съ казаками ѣхали въ арьергардѣ. Коканцы открыли огонь, на который мы не отвѣчали. Черезъ полверсты дорогу пересѣкалъ широкій, глубокій, съ крутыми берегами арыкъ; за отсутствіемъ моста, пришлось переѣзжать его въ бродъ; такъ какъ въ двухъ арбахъ мы сложили всѣ тюки, которые предполагалось везти въ четырехъ, то лошадямъ было тяжело и онѣ стали посреди арыка; не смотря на всѣ усилія, мы не могли сдвинуть арбъ; подѣзжаетъ Скобелевъ; я докладываю ему, что арбы завязли и вытащить ихъ нѣтъ никакой возможности. Скобелевъ рѣзко приказываетъ:—«Бросать, теперь не до нихъ».

Арбакеши поспѣшно выпрягли лошадей; успѣли захватить только маленькій чемоданъ Скобелева съ 1,000 рублями, размѣненными въ Коканѣ на тенги (20 к.) для путевыхъ расходовъ на поѣздку въ Кашгаръ и небольшой ящикъ съ пулями.

Отъ арыка дорога шла какъ волокъ.

Жалко было бросать вещи, и, отѣхавъ немного, мы обернулись и взглянули на нихъ въ послѣдній разъ; сарбазы набросились, какъ вороны на падаль, на наши арбы и мигомъ все расхитили. Думая, что мы испугались и спѣшимъ отступить, они открыли сильный огонь и начали настойчиво насъ преслѣдовать; мѣстность имъ благопріятствовала: по обѣимъ сторонамъ дороги тянулись поля джугары¹⁾; пользуясь ея прикрытіемъ, коканцы обступили насъ съ боковъ и сзади; пришлось идти подъ перекрестнымъ огнемъ; пули съ визгомъ пролетали со всѣхъ сторонъ.

Скобелевъ началъ доказывать Вейнбергу, что необходимо защищаться и отстрѣливаться; а онъ ему возражаетъ, что по закону, намъ, какъ людямъ прибывшимъ въ страну съ мирными цѣлями, открывать огня не дозволяется.

Путь нашъ все болѣе и болѣе затруднялся, а ружейные выстрѣлы учащались.

Скобелевъ не вытерпѣлъ, раздѣлил казаковъ на два отряда, по 12 человѣкъ въ каждомъ, и командовалъ стрѣлять.

Выпустили два залпа и, отстрѣливаясь, отступали. Непріятель преслѣдовалъ насъ въ числѣ 6 тысячъ человѣкъ, а потому выстрѣлы нашихъ 22 казаковъ не могли удержать его натиска, и онъ напиралъ на насъ все настойчивѣе, осыпая цѣлымъ градомъ пуль; непонятно, какъ эти пули не причиняли намъ никакого вреда; можетъ быть потому, что сарбазы, по обычаю, накурились «наша»

¹⁾ Высокорослое растеніе въ родѣ кукурузы.

и не могли вѣрно дѣлать. Такъ мы шли версты четыре подъ огнемъ, то садами, то полями джугары. На пути повстрѣчался небольшой кишлакъ, гдѣ дорога сѣуживалась и шла между двумя дуванами; на улицѣ не видно было ни одной живой души; всѣ жители разбѣжались. При выѣздѣ изъ кишлака передъ нами вдругъ, какъ изъ земли, выросли два всадника на вороныхъ аргамакахъ, совершенно похожіе одинъ на другого, какъ два брата ¹⁾. Стальные, блестящіе на солнцѣ, щиты и латы защищали ихъ могучія груди и руки, державшія длинныя пики съ кистями изъ конскихъ волосъ; на нихъ были бобровыя шапки съ золотою вышивкою и черныя кафтаны съ бѣлыми пуговицами, перехваченные металлическими поясами, у которыхъ висѣли европейскіе револьверы. Рослые, красивые, бравые, своимъ воинственнымъ видомъ они напоминали средневѣковыхъ рыцарей.

Молодцовато подскакали они къ намъ и объявили, что посланы ханомъ освѣдомиться, благополучно ли ѣдутъ его гости, и что ханъ ждетъ насъ на дорогѣ.

Вейнбергъ поблагодарилъ хана за память о посольствѣ, и гонцы, сопровождаемые джигитами изъ ханской гвардіи, ускакали къ своему отряду.

Между тѣмъ, непріятель неутомимо насъ преслѣдовалъ.

Тогда Вейнбергъ, вопреки желанію Скобелева, предложилъ свернуть съ дороги налѣво, въ степь, въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, коканцы преслѣдуютъ не насъ, а хана.

Лишь только мы вышли на открытое мѣсто, какъ насъ замѣтила непріятельская артиллерія и направила пушки. Ядра пролетали сверху и по бокамъ и недалеко разрывались; осколками были убиты приказчикъ купцовъ Каменскихъ и одинъ джигитъ. Миновавъ ружейный огонь, мы сдѣлались мишенью артиллеристовъ; было ясно, что непріятель преслѣдуетъ не только хана, но и насъ; поспѣшно свернувъ направо, мы выѣхали на прежнюю дорогу.

Проѣхавъ версты полторы, мы увидели на барханѣ ²⁾ хана подъ большимъ краснымъ знаменемъ; онъ уставлялъ своихъ махратовъ въ боевой порядокъ и самъ командовалъ: «ұрынғ кұрнамак лярни» ³⁾; когда по ханской командѣ послѣдовалъ залпъ, непріятель нѣсколько смѣшался и скрылся за ближайшей дуванъ.

Ханъ выглядѣлъ храбро и держалъ себя съ достоинствомъ; взглянувъ въ нашу сторону, онъ улыбнулся, неизвѣстно почему.

По соединеніи съ ханомъ, Вейнбергъ отправилъ джигита Мирза-Хакима съ письмомъ къ Ходжентскому уѣздному начальнику и просилъ выслать отрядъ на помощь.

¹⁾ Кажется, они и были братья.

²⁾ Небольшой песчаный холмъ.

³⁾ Бейте незаслуживающихъ моего хлѣба и соли.

За тѣмъ, мы продолжали дальнѣйшій путь вмѣстѣ съ ханскимъ отрядомъ; впереди слѣдовалъ ханскій обозъ изъ 60 арбъ, за нимъ самъ ханъ съ махратами и свитою, къ которой присоединились Скобелевъ и Вейнбергъ; я же и Рудневъ съ казаками, слѣдовали въ арьергардѣ. Преслѣдованіе не прекращалось; дерзость непріятеля особенно была велика тамъ, гдѣ онъ могъ укрыться отъ нашихъ выстрѣловъ за дуваны; казаки храбро отстрѣливались.

День былъ очень жаркій и насъ мучила жажда.

И вотъ мы видимъ, что придворный служитель подаетъ хану чай въ китайской фарфоровой чашкѣ; отвѣдавъ, онъ, по обычаю, кивнулъ головою, и тогда предложили чай Скобелеву, Вейнбергу и другимъ по очереди; всѣ пили чай, не останавливаясь въ движеніи. Оказалось, что въ ханскомъ обозѣ находилась цѣлая подвижная кухня; чай приготовлялся во время движенія, и для удобства приготовленіе его было возложено на нѣсколькихъ служителей: одинъ долженъ былъ держать въ исправности самоваръ, другой—воду въ турсукахъ, третій—уголья, четвертый—чашки и т. д.

Такой вкусный чай при столь своеобразной обстановкѣ врядъ ли кому изъ европейцевъ приходилось пить. Еще засвѣтло добрались мы до большого и богатаго кишлака Канибадамъ ¹⁾. Унылые, растерянные, недоумѣвающіе жители стояли на улицѣ и съ любопытствомъ смотрѣли на проѣзжающихъ, привѣтствуя хана обычнымъ «асселамъ алейкумъ». Начинало уже смеркаться, но мы продолжали путь къ кишлаку Бишь-арыку.

Когда стемнѣло, ко мнѣ незамѣтно приблизился одинъ туземецъ и шопотомъ, таинственно поздоровался: «здравствуй, тюря!» Въ темнотѣ я не могъ разсмотрѣть лица незнакомца, и съ удивленіемъ спросилъ:

— Кто ты?

— Я Мухаммедъ Керимъ-бекъ.

— А, ну какъ ты поживаешь?

— Какъ видишь, живъ и здоровъ; ханъ захватилъ меня изъ Кокана и везетъ съ собою; если бы пришлось еще денекъ побыть въ Коканѣ, то меня избрали бы ханомъ: многіе этого желали; и тогда вамъ пришлось бы имѣть дѣло со мною.

— Брось эти пустяки, — отвѣчала я, — и благодари Бога, что тебѣ не отрѣзали головы.

Махаммедъ Керимъ-бекъ былъ близкій родственникъ Худояр-хана; раньше онъ проживалъ со своею старушкою матерью въ Ходжентѣ подъ покровительствомъ и на пенсіи русскаго правительства. До Худояр-хана дошли слухи, что въ столицѣ есть сторонники этого ханенка, стремящіеся возвести его на престолъ; Худояръ послалъ въ Ходжентъ довѣренныхъ людей съ цѣлю вы-

¹⁾ Кан—рудныя залежи-изобиліе,—бадам—миндаль.

красть Керимъ-бека; когда же эта попытка не удалась, онъ просилъ генераль-губернатора для спокойствія ханства выдать этого кандидата на престолъ и, по распоряженію Кауфмана, Керимъ-бекъ былъ доставленъ въ Коканъ сотникомъ Суровымъ; при этомъ ханъ далъ торжественно обѣщаніе, что не причинитъ ничего худого Керимъ-беку.

Когда его привезли въ Коканъ, Худояръ надѣлъ на него почетный халатъ и отдалъ подъ наблюденіе Атабека. Керембекъ былъ еще мальчикъ, очень симпатичный и съ большими задатками; дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Между тѣмъ мы продолжали путь; непріятель не переставалъ насъ преслѣдовать.

Ханскій обозъ былъ навьюченъ преимущественно яхтанами съ серебрянными деньгами; арбныя лошади сильно устали, и одна изъ нихъ, которая везла три яхтана съ тенгами, выбилась изъ силъ и остановилась; понуканія и кнутъ не могли заставить ее двинуться съ мѣста.

Ханъ приказалъ джигитамъ захватить эту арбу; они свернули ее съ дорога, подвязали къ осямъ веревки и начали тащить, но, выбившись изъ силъ, ничего не могли подѣлать; въ это время къ нимъ приблизился аріергардъ нашего отряда. По приказанію Скобелева арбу бросили, чтобы не приостанавливать движенія, такъ какъ непріятель преслѣдовалъ насъ по пятамъ.

Лишь только мы отѣхали немного отъ мѣста происшествія, какъ до насъ донесся смѣхъ, крики восторга и ликованія, наткнувшася на арбу непріятели, который тѣшилс я брошеннымъ нами подаркомъ.

Затѣмъ по необходимости пришлось бросить еще нѣсколько арбъ; это обстоятельство придавало преслѣдователямъ большую энергію и дерзость.

Въ Бишъ-ярыкъ мы пріѣхали уже очень поздно, въ глухую полночь, но жители еще не спали: лавочки и чай-хане были освѣщены огнями; народъ стоялъ на улицѣ со свѣчами въ рукахъ и привѣтствовалъ хана; здѣсь мы сдѣлали остановку, впрочемъ, на самое короткое время; изъ разспросовъ ханъ узналъ, что недавно, не болѣе четверти часа назадъ, черезъ этотъ кишлакъ проѣхалъ на рысяхъ въ Коканъ возмущившійся махрамскій бекъ съ крѣпостнымъ гарнизономъ.

Это случилось къ нашему счастью, иначе мы были бы окружены со всѣхъ сторонъ непріателемъ. Освѣжившись водою, мы двинулись далѣе.

Ночь была безлунная, темная; кругомъ ничего нельзя было разсмотрѣть и только непрекращавшіеся выстрѣлы показывали, что непріятель продолжаетъ насъ преслѣдовать.

Когда стало разсвѣтать, мы оглянулись назадъ и по пыли увидѣли, что непріятель идетъ вслѣдъ за нами.

Но вотъ пыль стала увеличиваться все болѣе и болѣе и быстро приближаться къ намъ. Желая разсмотрѣть, что это такое, мы взобрались на ближайшіе песчаные холмы, и увидали, что не вдали отъ насъ движется очень быстро непріятель какъ бы съ намѣреніемъ сдѣлать нападеніе.

Тогда Скобелевъ скомандовалъ казакамъ стать въ боевой порядокъ; ханъ тоже разставилъ своихъ махратовъ; а обозъ, не оставливаясь, продолжалъ путь далѣе.

Когда непріятель замѣтилъ, что мы его поджидаемъ, то умѣрилъ нѣсколько свой пылъ и остановился, а мы, постоявъ не много, двинулись дальше. Это случилось верстахъ въ 10-ти отъ Махрама.

Наконецъ мы пріѣхали въ Махрамъ, обойдя крѣпость справа; крѣпостныя ворота оказались отвореными; войска не было; стояло только у стѣнъ нѣсколько жалкихъ сарбазовъ. За Махрамомъ находится тѣнистый садъ, гдѣ мы сдѣлали небольшой привалъ, чтобы дать утомленнымъ людямъ и лошадямъ отдыхъ.

Всѣ чувствовали страшную истому; почти 36 часовъ пробыли мы въ сѣдлѣ безъ пищи, отступая подъ непрерывнымъ огнемъ; но такъ какъ на мѣстѣ стоянки не было ни пищи, ни корму для лошадей, то мы, освѣжившись водою, принуждены были ѣхать дальше, хотя день становился все жарче и жарче.

Преслѣдованіе прекратилось и мы двигались, еле передвигая ноги.

Вдругъ впереди со стороны Ходжента показалось густое облако пыли. Это спѣшила къ намъ на помощь сотня солдатъ, посланныхъ Ходжентскимъ уѣзднымъ начальникомъ по нашей просьбѣ, переданной ему джигитомъ Мирзы-Хакима. Помощь запоздала потому, что у барона Нольде не оказалось въ наличности необходимаго числа лошадей, и онъ принужденъ былъ брать ихъ у туземцевъ силою.

Соединившись съ стрѣлками, которыми командовалъ графъ Девьеръ, мы прибыли еще засвѣтло въ кишлакъ Иснесару, гдѣ насъ уже ожидалъ полковникъ Савримовичъ съ 7-мъ линейнымъ баталіономъ и артиллерійскимъ дивизиономъ.

Здѣсь ханъ съ обозомъ остался ночевать, а мы поѣхали въ Ходжентъ, куда прибыли въ сумерки.

На другой день, 24 іюля, послѣ полудня, ханъ со свитою выѣхалъ въ Ходжентъ и былъ встрѣченъ въ домѣ уѣзднаго начальника почетнымъ карауломъ съ музыкою.

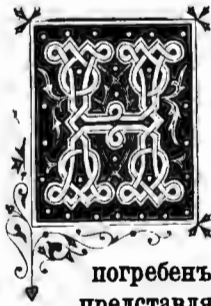
Скобелевъ и Рудневъ отправились въ Ташкентъ верхами, а я на почтовыхъ; Вейнбергъ же остался въ Ходжентѣ.

Таковъ былъ эпилогъ нашего посольства въ Кашгаръ.

Горсточка русскихъ людей выказала небывалую храбрость и самоотверженіе и подвигомъ своимъ прославила русское имя; столь велика была уже и тогда сила обаянія Михаила Дмитріевича Скобелева, умѣвшаго вселить къ себѣ довѣріе и поддерживать въ своихъ подчиненныхъ бодрый духъ и мужество.

МОГИЛА ГЕНЕРАЛА ПАНИНА БЛИЗЪ КРАКОВА.

А «АРІАНСКОЙ ПЛОЩАДИ», въ Краковѣ, превращенной изъ древняго кладбища въ веселое загородное гулянье, стоитъ небольшой, полуразвалившійся и заглохшій среди зелени памятникъ... Едва ли кто изъ русскихъ, посѣщавшихъ эти мѣста, зналъ, что съ этимъ памятникомъ соединяются для русскихъ дорогія воспоминанія: здѣсь погребень, павшій въ бою, генералъ Панинъ. Памятникъ представляется въ видѣ полуобломаннаго каменнаго креста, безъ всякаго слѣда какихъ либо надписей; кѣмъ и когда онъ былъ поставленъ, намъ, не смотря на всѣ поиски въ рукописяхъ, путеводителяхъ и матеріалахъ, гдѣ упоминается имя генерала Панина (напримѣръ: «Матеріалы для исторіи Барской конфедераціи»), не удалось узнать. Мы должны привести здѣсь слова одного изъ краковскихъ профессоровъ, доктора археологіи Ленковскаго. Разбирая на лекціи археологическіе памятники города Кракова и его окрестностей, профессоръ остановился на гробницѣ генерала Панина: «Для нашихъ сосѣдей, говорилъ профессоръ, небезынтересно было бы узнать объ одномъ памятникѣ, который поставленъ надъ могилой русскаго генерала Панина, погибшаго въ бою въ 1768 году... Стоило бы увѣдомить сосѣдей нашихъ, что долгіе годы положили на памятникъ неизгладимые слѣды разрушенія, и слѣдовало бы замѣнить этотъ археологическій останокъ новымъ, болѣе достойнымъ

Памятникъ надъ могилой генерала Панина близъ Кракова.

памяти героя, павшаго на полѣ битвы, монументомъ». Неужели это желаніе поляка не найдетъ себѣ живого сочувствія въ русскомъ обществѣ?!

И..въ — Н..скій.

НОВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

ОТЪ уже съ четверть вѣка, какъ историческая наука приняла почти исключительно фактическое направление въ узкомъ смыслѣ этого слова. Она не только съ презрѣніемъ предоставила обобщенія новой отрасли знанія,—соціологіи, но пренебрегла и художественною формой въ группировкѣ матеріала, именно теперь принявшаго необозримые размѣры. Самый этотъ сырой матеріалъ она нагромождаетъ въ одномъ направленіи, наиболѣе доступномъ мелочамъ: едва затронутая культура, съ ея широкими задачами, снова ступевалась передъ грудами фактовъ изъ области политики, и именно дипломатіи. Въ наше время историкъ сливается съ дипломатомъ и архиваріусомъ, нѣсколько напоминая глухую пору бытописанія временъ господства абсолютизма на Западѣ. Историческія Общества обращаются въ собранья отставныхъ или будущихъ дипломатовъ. Даже старыя историческіе журналы, не говоря уже про новыя, становятся сборниками архивныхъ документовъ. Отъ нихъ ничѣмъ не отличается дипломатическій журналъ новаго Общества, о которомъ рѣчь впереди.

Явленіе глубокаго смысла: исторія, какъ наука общественная, тѣснѣе всѣхъ другихъ наукъ связана съ текущею жизнью; причины переворотовъ въ ея судьбѣ столь же сложны, какъ въ судьбѣ народовъ. Указанное направленіе въ ней прежде всего совпадаетъ со всеобщимъ охлажденіемъ къ тѣмъ новымъ взглядамъ и обобщеніямъ, которые составляли душу 50-хъ и 60-хъ годовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Затѣмъ оно объясняется характеромъ, принятымъ политическою жизнью съ половины нашего вѣка: иначе было бы не-

понятно, почему архивскій путь, указанный Ранке лѣтъ 60 тому назадъ, долго оставался свободнымъ. Маститый нѣмецкій историкъ двигался на этомъ пути наиболѣе въ узкой сферѣ начала новой исторіи. Тогда ближайшія къ намъ эпохи хранились въ архивахъ подъ семью печатями: дипломатія все еще принадлежала по преимуществу къ «государственнымъ тайнамъ» (*arsana imperii*), ключъ къ которымъ долго хранился въ церкви, пока не перешелъ къ свѣтской власти, вмѣстѣ съ ея побѣдой надъ папствомъ.

Наше время характеризуется демократизаціей власти и сопутствующимъ ей развитіемъ гласности. Новая великая держава—общественное мнѣніе, съ его органомъ—печатью—побѣдила привычки всѣхъ остальныхъ. Какія могутъ быть «*arsana imperii*», когда нетерпѣливые народы дѣлаютъ дипломатамъ публичные запросы въ парламентахъ объ ихъ вчерашнемъ шагѣ? Гдѣ найти имъ надежную сѣнь, когда даже поступки, а иногда и намѣренія, абсолютныхъ державъ тотчасъ выносятся на судъ мірового рынка путемъ жадной до новостей журналистики? Во избѣжаніе превратныхъ толковъ, правительства сами стали издавать Синія, Желтыя, Зеленыя книги, раскрывая послѣднія страницы исторіи. Да имъ и нечего было смущаться нескромностями правды о предкахъ: перевороты, которыми наполнена новѣйшая исторія, разрушили вѣковыя, семейно-благочестивыя узы, связывавшія настоящее съ близкимъ прошлымъ.

Тѣмъ естественнѣе было снять печати съ архивовъ ради науки,—и историки бросились въ распахнувшіяся двери, хотя послѣднія раскрывались не вездѣ и не всегда одинаково. Долго считалось крупною побѣдой науки доступъ къ дѣламъ до конца прошлаго столѣтія. Въ послѣднее время тронулся и XIX-й вѣкъ, при чемъ должно отдать справедливость нѣмцамъ: самый просвѣщенный взглядъ на дѣло прежде всего оказался въ Берлинѣ и Вѣнѣ, гдѣ взоры ученаго проникаютъ уже, на извѣстныхъ условіяхъ, почти до половины столѣтія. За Берлиномъ и Вѣной двинулись Лондонъ и Петербургъ. Консервативнѣе держала себя французская республика. Пишущій эти строки натолкнулся въ Парижѣ, въ 1880 г., на «*réglement*», раскрывающій архивъ иностранныхъ дѣлъ для науки лишь «до смерти Людовика XV». Ему и вступившимся за него историкамъ стоило не мало хлопотъ подвинуть дѣло почти на полстолѣтіе. Къ счастью, министръ Фрейсинаэ составилъ архивскую комиссію не изъ однихъ дипломатовъ—и историки выхлопотали русскому профессору разрѣшеніе изучать бумаги эпохи Наполеона I. Вслѣдъ затѣмъ ему было дано такое же разрѣшеніе въ нашемъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Надняхъ итальянское правительство сдѣлало такой же шагъ, исполняя завѣтъ Кавура. Очередь остается только за Испаніей и Турціей.

Архивы дали не только массу новаго матеріала, но и совсѣмъ

передѣляли многіе взгляды на событія уже извѣстныя. Они-то и заполонили силы историковъ. Чѣмъ болѣе развивалась истинная архивоманія, тѣмъ сильнѣе ощущалась потребность въ соединеніи силъ для борьбы съ необозримымъ матеріаломъ. Отсюда обширныя, небывалыя собранія дипломатическихъ памятниковъ, издаваемыхъ историческими Обществами и правительствами, среди которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ «Сборникъ Русскаго историческаго Общества»: тутъ не отстаетъ и Испанія; даже князь Монако собирается издавать свои документы.

Къ ряду такихъ издательскихъ обществъ присоединилось, съ прошлаго года, Историко-дипломатическое общество въ Парижѣ (*Société d'histoire diplomatique*). Оно состоитъ подъ предѣтельствомъ члена французской академіи, герцога Бролья (*Broglié*), печатающаго теперь статьи о Фридрихѣ II въ «*Revue des deux Mondes*». Вице-президенты—предѣдатель академіи нравственныхъ наукъ и директоръ французской школы въ Римѣ, Жеффрау, который извѣстенъ изданіями писемъ принцессы Орсини, Маріи-Антуанетты и г-жи Ментенонъ, маркизъ Бюкуръ (редакторъ *Revue des questions historiques*), получившій главную академическую премию за своего «Карла VII», и Вогюзъ, членъ академіи надписей и бывший посланникъ въ Вѣнѣ и Константинополь. Остальные члены правленія принадлежатъ также къ научной, дипломатической и отчасти родовой знати. Въ значительной степени таковъ же составъ членовъ Общества. Тутъ встрѣчаемъ принцевъ крови и императора бразильскаго, дѣйствительныхъ и отставныхъ дипломатовъ (Талейранъ, бывший посланникъ въ Петербургѣ; баронъ д'Аврилъ, графъ д'Аркуръ и др.), архивистовъ, историковъ, адвокатовъ, учениковъ изъ *Ecole des chartes*, членовъ разныхъ академій, профессоровъ въ *Collège de France*, *Ecole des sciences politiques*, *Ecole des langues orientales*. Въ теченіе года, Общество, открытое пятью лицами, приобрѣло болѣе 450 членовъ, при чемъ, любопытно, больше всего набралось ихъ въ Греціи, гдѣ вообще явственно возрастаютъ французскія симпатіи. Оно успѣло также найти постоянныхъ корреспондентовъ повсюду, кромѣ Сербіи, Болгаріи, С. Марино и Андорры: настаивая на своемъ «международномъ» значеніи, оно особенно дорожитъ этою стороною своей дѣятельности. Въ корреспонденты также избираются или извѣстные ученые и профессора, или лица родовитыя и высокопоставленныя; для Россіи, какъ слышно, сначала предназначалась одна дама высшаго круга, а теперь — «*M. Jean de Chroustchoff*». Судя по полученному нами пригласительному письму секретаря Общества, Мольда, въ числѣ русскихъ членовъ состоятъ гг. Мартенсъ, Понцовъ, Штендтманъ, Бильбасовъ, Чихачевъ и др.

Цѣль общества — объединять работы ученыхъ и дипломатовъ, «которые почти не знаютъ другъ друга», а всего болѣе нуждаются

во взаимныхъ услугахъ. Важнѣе всего путь, избранный основателями для достиженія этой цѣли, который, намъ кажется, наиболѣе содѣйствовалъ ихъ успѣху. Это—сознательное устраненіе всякой, убивающей дѣло, односторонности—будетъ ли то національная или идейная исключительность. Общество особенно гордится своимъ «международнымъ» характеромъ. Ожидая исторической истины лишь отъ соединенія работъ всѣхъ націй, оно старается установить «личныя и тѣсныя сношенія» между лицами, работающими по разнымъ архивамъ, служа имъ посредникомъ. Оно объявляетъ во главѣ своего журнала: «одни авторы отвѣтственны за мнѣнія, высказанныя въ ихъ статьяхъ», и открываетъ его страницы для критики его собственныхъ произведеній во имя «высшаго безпристрастія». Устраняясь отъ «распръ современной политики», оно надѣется, однако, съ помощью этой «широты взгляда» и этого «отсутствія предубѣжденій», облегчать задачу нынѣшней дипломатіи—«примирять народы, которымъ угрожаетъ утрата благодѣяній мира». Нельзя не присоединиться къ этому благородному стремленію съ тѣмъ большею отрадой, что мы замѣтили эту миротворную струю въ журналѣ Общества точно также, какъ вообще въ литературѣ международного права, недаромъ принявшей теперь небывалые размѣры.

Упомянутый журналъ Общества, «Историко-дипломатическое обозрѣніе» (*Revue d'histoire diplomatique*), издается, съ января, четырьмя выпусками въ годъ, составляющими большой томъ. Его ведетъ воспитанникъ *Ecole des chartes*, изслѣдователь среднихъ вѣковъ, Мольдъ, съ помощью Жеффрау, Шеффера (директора Школы восточныхъ языковъ), Функъ-Брентано (профессора въ *Ecole des sciences politiques*) и др. Цѣль журнала—изслѣдовать международные вопросы, указывать новые источники для нихъ, издавать документы, не входящіе въ нынѣшнія большія собранія, и даже содѣйствовать изданію отдѣльных трудовъ своихъ членовъ. Послѣднему стремленію уже положено начало изданіемъ весьма интересной работы бывшаго дипломата, д'Авриля, о берлинскомъ трактатѣ: она переводится на русскій языкъ, если вѣрить «Обозрѣнію». Какъ во всѣхъ историческихъ журналахъ, въ дипломатическомъ «Обозрѣніи», кромѣ статей, иногда не имѣющихъ даже ничего общаго съ дипломатіей, даются отзывы о новыхъ книгахъ, библіографія со включеніемъ журналовъ и хроника. Послѣдняя будетъ полна: редакция проситъ своихъ членовъ сообщать ей о своихъ работахъ и предпріятіяхъ и извѣщать даже объ измѣненіяхъ на ихъ служебномъ поприщѣ. Мы встрѣтили извѣстія о трудахъ русскихъ ученыхъ, изданныхъ или приготовляемыхъ къ печати, а также слѣдующій любопытный слухъ, который оставляемъ на отвѣтственности редакціи: «въ Парижѣ вскорѣ будетъ основанъ *Institut russe* для ознакомленія Франціи съ Россіей, подъ покровительствомъ его императорскаго высочества, великаго князя Владиміра».

Передъ нами всѣ четыре выпуска «Обозрѣнія» за первый, 1887 годъ. Странно сказать, но дипломатическій органъ обѣщаетъ быть болѣе интереснымъ и историческимъ, чѣмъ нѣкоторые историческіе журналы на Западѣ, стремящіеся стать сухимъ собраніемъ сырого матеріала. Покуда въ немъ мало документовъ¹⁾: больше все статьи историческаго и публицистическаго характера. Есть даже лекціи профессоровъ, и такія художественныя, живо и тепло написанныя, психологическія обработки, какъ «Филиппъ III и герцогъ Лерма» Ротта. Разнообразіе не только темъ, но и взглядовъ и приѣмовъ авторовъ придаетъ особую живость изданію.

Въ настоящее время на Западѣ нельзя ступить, чтобы не натолкнуться на Россію. Это тѣмъ болѣе неизбежно въ дипломатической исторіи, особенно съ Екатерины II, какъ мы доказывали, года три тому назадъ, по собственному архивскому опыту, въ лекціи на собраніяхъ, устроенныхъ покойнымъ Калачовымъ въ Археологическомъ институтѣ. Новый журналъ даетъ много интереснаго для внѣшней исторіи нашего отечества. Уже теперь онъ не разъ коснулся ея. О Россіи говорится и въ дѣлѣ Струензе по новымъ документамъ (№ 1), и въ перепискѣ короля вюртембергскаго съ Наполеономъ I въ 1814 г. (№ 2), и въ новыхъ данныхъ объ образованіи греческаго королевства. Мало новаго представляетъ для насъ неприглядная картина нравовъ, въ видѣ депеши французскаго посланника, подъ названіемъ «Ужинъ у царя Петра III». Но зато полны живого, еще не остывшаго, интереса и даже государственной поучительности прекрасно написанныя статьи дипломатовъ, д'Авриля и Ротана, гдѣ выясняется роль Россіи въ исторіи Германіи съ 1850 года. Онѣ называются: «Австрія въ Нѣмецкомъ Союзѣ (1850—1851)», «Германія на другой день послѣ войны 1866», «Союзъ Германіи съ Австріей въ 1879».

А. Трачевскій.

¹⁾ Ничтожныя выдержки изъ переписки Талефрана за 1814 г. обманываютъ надежды читателя. Это тѣмъ прискорбнѣе, что свѣдущій въ дѣлахъ такого рода бельгійскій архивистъ, Кервинъ де-Леттенговъ, сомнѣвается въ возможности нашему поколѣнію узпаты записки Талефрана, хотя давно истекъ срокъ, не дозволявшій ихъ издавія.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОГУЛКА ПО ТЕМЗѢ.

ЕЛѢЗНЫЯ дороги убили поѣздки по рѣкамъ. Быстрота сообщенія по рельсовому пути заставляетъ предпочитать его плаванью по самымъ живописнымъ рѣкамъ Европы, съ увеселительною цѣлью и со всевозможнымъ современнымъ комфортомъ. Великолѣпіе картинныхъ рѣчныхъ пейзажей замѣняется удобствомъ спальныхъ вагоновъ. Парь убилъ поэзію и даже рейнскіе пароходы, которыхъ когда-то не доставало для массы туристовъ, эксплуатировавшихъ всѣ извилины исторической рѣки, не возять теперь, хотя бы отъ Майнца до Кобленца, апатичныхъ сыновъ Альбіона, предпочитающихъ совершать этотъ путь вдоль береговъ Рейна—по стальнымъ рельсамъ, и смотрѣть на утесъ Лорелей изъ окна салоннаго купе. Если въ Россіи ѣздить еще по Волгѣ, не смотря на ея перекаты, по Двѣпру — не смотря на его пороги, по Дону, не смотря на его мели, то потому, что спекуляція, въ соединеніи съ правительственной гарантіей, не успѣла еще тамъ соединить всѣхъ торговыхъ, промышленныхъ и административныхъ пунктовъ желѣзною нитью. Но въ Европѣ рѣчныя путешествія давно уже отошли въ область прошлаго, и чистокровный англичанинъ скорѣе отправится кататься по Миссисипи или Амазонкѣ, чѣмъ по Темзѣ, которую онъ знаетъ также плохо, какъ истый петербуржець—Неву. А между тѣмъ берега Темзы до ея устья и вверхъ отъ Лондона мѣстами живописны не меньше рейнскихъ береговъ и полны не только историческими, но и литературными воспоминаніями. Если мы возьмемъ только вторую половину прошлаго столѣтія, то найдемъ, что почти всѣ лучшіе англій-

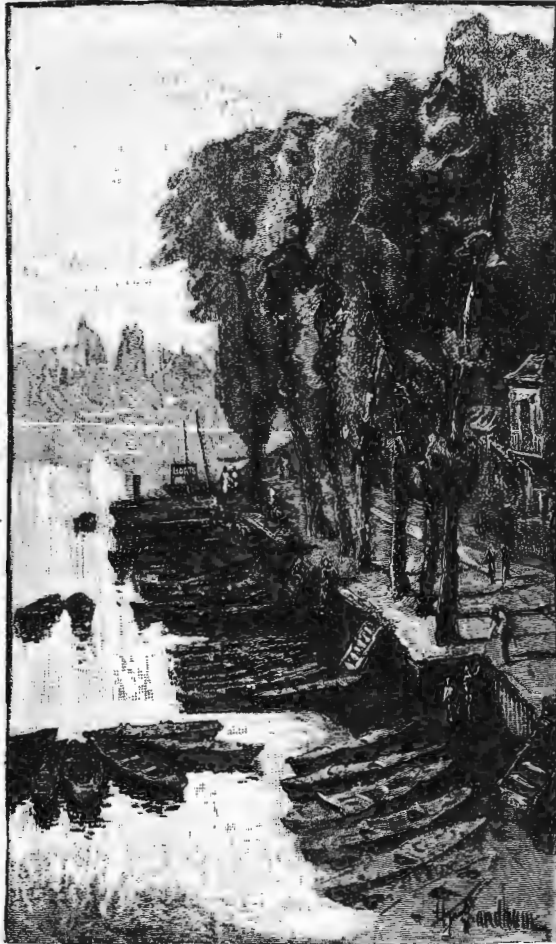
скіе писатели, печатавшіе въ Лондонѣ свои произведенія, жили не въ этой столицѣ, пропитанной угольнымъ дымомъ и закутанной въ туманы, а въ мѣстечкахъ и городкахъ по Темзѣ. На весьма не большомъ разстояніи, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ отъ Фольгама до Чизвика, гдѣ Темза описываетъ большую дугу и течетъ сначала къ сѣверу, потомъ къ югу, мы почти на каждомъ шагѣ встрѣчаемся

Церковь въ Фольгамѣ.

съ воспоминаніями о Попе, Аддисонѣ, Вальполѣ, Гогартѣ, Гукѣ, жившихъ въ этихъ мѣстахъ, и описывавшихъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Поэтому поѣздка по этимъ мѣстностямъ интересна не только для англичанина, но и для всякаго любителя литературы, знакомаго съ этими именами, громкими въ исторіи всемірной словесности.

Въ Фольгамѣ мало остатковъ старины: объ ней напоминаетъ только деревянный мостъ черезъ рѣку. Его не было еще въ то время, когда сэръ Робертъ Вальполь, спасаясь изъ Гамптонъ-Корта отъ гнѣва короля и прискакавъ въ Потней, не могъ перебраться черезъ Темзу, потому что паромъ былъ на той сторонѣ рѣки, а пе-

Гаммерсмитъ.

ревозчикъ бражничалъ въ тавернѣ. Построенный вскорѣ послѣ этого случая, этотъ старѣйшій мостъ въ окрестностяхъ Лондона доживаетъ теперь свои послѣдніе дни и его готовятся замѣнить желѣзною аркою новѣйшей конструкціи. Близъ него, въ небольшомъ домикѣ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ жилъ А. И. Герценъ, работавшій въ тихомъ Потней и не часто пріѣзжавшій въ Лондонъ.

Здѣсь навѣщали его друзья со всѣхъ концовъ Европы и сходились бывые дѣятели всѣхъ націй, какъ Мадзини, Кошутъ, Луи-Бланъ. Лонгфеллоу, прїѣзжая въ Лондонъ, также жилъ въ Потнеѣ и, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, говоритъ о живописныхъ домахъ мѣстечка, крытыхъ толемъ и смотрящихся въ Темзу. Въ Фольгамѣ существуетъ еще «Золотой левъ», старинная таверна, съ огромнымъ каминомъ XII вѣка, передъ которымъ, по преданію, за кружкою эля, сидѣлъ и Вильямъ Шекспиръ. По крайней мѣрѣ товарищи его, Джонъ Флоріо и Джорджъ Даніель, были несомнѣнно постоянными посѣтителями «Золотого льва».

Железнодорожный мостъ въ Барнесѣ.

Одно изъ самыхъ старыхъ зданій въ Фольгамѣ — его церковь. На кладбищѣ ея погребены девять епископовъ и нѣсколько замѣчательныхъ лицъ. Надъ могилами ихъ воздвигнуты гробницы съ ихъ статуями. Аддисонъ такъ описываетъ въ своемъ журналѣ «Spectator» гробницу графа Петербороу: Храбрый, грубый адмиралъ изображенъ красавцемъ, лежащимъ въ огромномъ парикѣ, на бархатной подушкѣ, подъ балдахиномъ съ государственнымъ гербомъ. Лордъ Мордаунтъ, виндзорскій констебль, изображенъ въ римскомъ костюмѣ со своимъ жезломъ. Онъ лежитъ на лѣвомъ боку, но правая сторона его вывернута, такъ что видна икра. Леди Маргарета Легъ изображена въ парадномъ придворномъ костюмѣ съ брызжами,

въ покрывалѣ; у ея груди—маленькая, спеленатая фигурка, другая такая же лежитъ въ ногахъ. Далѣе по рѣкѣ, близъ водопровода, невзрачный домъ, гдѣ Теодоръ Гукъ провелъ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни, то работая съ лихорадочной поспѣшностью, чтобы освободиться отъ обременявшихъ его долговъ—слѣдствія безпорядочной

Чизвикскія ворота.

жизни, — то проводя время въ безсознательномъ состояніи, вслѣдствіе неумѣренной страсти къ водкѣ. И здѣсь же «Теодоръ Гукъ своими разсказами и дѣлами наполнялъ хорошенькія книжки» (There's Theodore Hook's, whose sayings and doings made such pretty books), какъ говорить въ посланіи къ нему поэтъ Локеръ. Нѣсколько далѣе, въ маленькомъ готическомъ коттеджѣ, выстроенномъ

маркграфинею Аншпахскою, написалъ нѣсколько своихъ повѣстей Бульверъ, жившій здѣсь, впрочемъ, очень недолго.

Гаммерсмитъ не сохранилъ почти никакихъ слѣдовъ старины. Въмѣсто древней башни его церкви поднимается современная постройка съ тоненькими столбиками изъ бельгійскаго мрамора. Въ

Домъ Гогарта.

ней высится памятникъ роялиста сэра Николая Криспа съ бронзовымъ бюстомъ наверху, но не покойника, а короля Карла I. Подъ бюстомъ въ урнѣ хранится сердце преданнаго королевскаго слуги, которое долгое время, въ силу какого-то страннаго обычая «освѣжали» однажды въ годъ виномъ, вливаемымъ въ урну. Здѣсь же

похороненъ лучший біографъ Филдингга — Артуръ Морфи. У Гаммерсмита же—стоянки небольшихъ лодокъ для прогулокъ по рѣкѣ. Аллея вязовъ по набережной помнитъ короля Вильяма. Одинъ изъ коттеджей Гаммерсмита носитъ названіе «Времена года», потому что въ немъ Томсонъ написалъ часть своей поэмы, подъ тѣмъ же названіемъ. Въ этомъ же мѣстечкѣ жили: Екатерина Браганцская, жена Карла II, покинутая своимъ мужемъ, докторъ королевы Анны Ратклифъ, капитанъ Маріетъ, написавшій здѣсь нѣсколько романовъ, и живописецъ-маринистъ Филиппъ Лоутербургъ, занимавшійся, кромѣ писанія картинъ, лѣченіемъ окрестныхъ жителей, которые, однако, скоро выльчили его отъ этой маніи, перебивъ однажды камнями всѣ стекла въ его домѣ, послѣ одного неудачнаго рецепта, прописаннаго докторомъ-самозванцемъ. Здѣсь же живетъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ критиковъ Англии, Стефенсъ, помѣщающій свои рецензіи въ «Атенеумъ». Особенно живописна Темза въ Барнесѣ у желѣзно-дорожнаго моста, перекинутаго черезъ рѣку.

Чизвикъ, въ послѣднее время, прославилъ Теккерей, помѣстивъ въ немъ «академію для молодыхъ леди», и въ которой героиня его романа «Ярмарка тщеславія», миссъ Ребека Шарпъ, разъясняетъ добродушной Джемимъ Пинкертонъ прелести англійскаго словаря Джонсона. Но еще прежде здѣсь провелъ свои молодые годы писатель, котораго до сихъ поръ помнитъ это красивое мѣстечко. Недалеко отъ чизвикскихъ воротъ, гдѣ чаще всего собираются и особенно любятъ играть дѣти мѣстныхъ жителей, въ маленькомъ старинномъ домикѣ жилъ Александръ Попе, со своимъ отцомъ и матерью, послѣ выѣзда ихъ изъ Бинфильда и до окончательнаго переселенія въ Твикенгамъ. Здѣсь онъ переводилъ Гомера и писалъ платоническія посланія голубоокой Мартѣ Блунтъ. Попе почему-то не любилъ вспоминать о своей жизни въ Чизвикѣ и рѣдко говорилъ объ немъ въ своихъ письмахъ. Причиною этому могли быть упомянутыя безплодныя посланія. Вѣдь и поприще литератора онъ избралъ потому, что въ дѣтствѣ былъ слабымъ и болѣзненнымъ мальчикомъ и находилъ удовольствіе только въ чтеніи книгъ, потому что сверстники не принимали его въ свои игры. А въ дни юности невзрачная, малорослая и сутуловатая фигура его приносила много скорби его безграничному самолюбію и заставила его отказаться отъ свѣтской жизни, отъ административныхъ должностей, отъ военнаго поприща, даже отъ духовнаго званія, хотя одно время онъ какъ католикъ хотѣлъ сдѣлаться священникомъ. Этому помѣшалъ и личный характеръ Попе—завистливый, насмѣшливый, раздражительный, до безумія самолюбивый. Болѣзненность не мѣшала ему быть только страшнымъ прожорой. Зато поэтомъ онъ былъ уже двѣнадцати лѣтъ хотя, конечно, рабскимъ подражателемъ Спенсеру и Драйдену, что очень замѣтно въ его первой одѣ «Къ уединенію». Ода «Къ молчанію»

и пасторали, написанныя 16-ти лѣтъ, были уже значительно выше, и съ этихъ поръ онъ въ особенности занялся переводами, изучалъ греческихъ, латинскихъ, французскихъ и итальянскихъ поэтовъ. Прежде Иліады и Одисея, онъ перевелъ отрывки Стація, Овидія, письма Элоизы къ Абеляру. Но славу ему составили его ориги-

Гробница Гогарта.

нальныя произведенія: опытъ о критикѣ, ода къ Мессіи, письмо о вкусѣ, поэмы «Похищеніе локона», «Храмъ славы», «Виндзорскій лѣсъ», «Донсиада», наконецъ, знаменитый «Опытъ о человѣкѣ». Попе знала вся Европа, его переводили на всѣ языки. На русскомъ языкѣ его «Опытъ о человѣкѣ» явился въ Москвѣ въ переводѣ

Николая Поповскаго еще въ 1757 году (третье изданіе напечатано въ Яссахъ въ 1791 году), былъ и другой московскій переводъ 1801 года, повторявшійся потомъ нѣсколько разъ. «Похищенный локонъ», въ пяти томахъ, переведенъ въ 1761 году; «Опытъ о критикѣ», въ трехъ томахъ—княземъ Сергѣемъ Шахматовымъ въ 1806 году. Англичане называютъ Попе «княземъ рѣимы и великимъ разсудочнымъ поэтомъ» (the prince of rhyme and the great poet of reason). Версификація его дѣйствительно превосходитъ драйденовскую; рѣима его весьма благозвучна. Вольтеръ, отзывавшійся съ омерзѣніемъ объ англійскомъ языкѣ, сравнивалъ стихи Попе съ звуками флейты. Но это былъ все-таки талантъ внѣшній; новаго пути въ литературѣ онъ не проложилъ, а только украсилъ и выровнялъ путь, протоптанный писателями его эпохи. Въ высшемъ англійскомъ обществѣ, которому Попе такъ старался понравиться, особенный успѣхъ имѣла поэма «Потерянный локонъ». Но что это за пустое содержаніе для поэмы, хотя бы и «комико-героической!» Лордъ Питръ, увлеченный любовью и джиномъ, отрѣзываетъ локонъ у красавицы Арабеллы Ферморъ и изъ-за этого возгарается страшная война, въ которой, вмѣстѣ съ денди, кокетками и субретками тогдашняго общества, принимаютъ участіе добрые и злые духи, нимфы и гномы. Развязка поэмы въ томъ, что отрѣзанный локонъ взятъ на небо и дѣлается тамъ созвѣздіемъ, чѣмъ утѣшилась гордая и оскорбленная красавица. Тутъ нѣтъ ни сатиры, ни нѣжности, ни комизма, какъ увѣряютъ курсы литературы, а подражаніе возвышеннымъ мѣстамъ Гомера, Виргилія, Мильтона, при описаніи вседневныхъ прозаическихъ случаевъ, доказываетъ только отсутствіе серьезнаго эстетическаго чувства. Въ его «Опытѣ о человѣкѣ»,—по словамъ Шлосера—тотъ же принципъ, что у Гольбаха и Гельвеція, только выраженный не рѣзко и прекрасными стихами: «не Богъ и не человѣчество, не государство и не слава въ потомствѣ должны быть цѣлью человѣческой жизни,—а все, что относится къ нашей личности, къ нашему удобству.» Шлоссеръ же совершенно вѣрно замѣтилъ, что въ знаменитомъ переводѣ Попе—Иліады и Одиссеи, поэтъ смѣлъ колоритъ древности, уничтожилъ природу и красоту греческаго духа а Греческій герой является у Попе отчасти знатнымъ англичаниномъ, наряженнымъ по послѣдней парижской модѣ. Но почему же Попе такъ нравился не только своимъ современникамъ, но и потомкамъ несравненно болѣе его замѣчательнымъ? Въ 1821 году Байронъ писалъ Муру: «Попе былъ для меня всегда величайшимъ именованіемъ нашей поэтической литературы. Онъ—греческій храмъ, съ готическимъ соборомъ по одну сторону, съ турецкой мечетью и всевозможными фантастическими пагодами и капеллами по другую. Вы можете, если вамъ угодно, называть Шекспира и Мильтона пирамидами, но я предпочитаю Паренонъ и храмъ Тезея горѣ обожженнаго кирпича.»

Наконецъ въ Чизвикѣ находится гробница величайшаго изъ англійскихъ художниковъ Вильяма Гогарта и домъ, гдѣ онъ жилъ. Сынъ типографскаго наборщика, молодой Гогартъ началъ свое художническое поприще гравированіемъ вывѣсокъ, гербовъ, ярлыковъ. Талантъ карикатуриста обнаружился въ немъ, когда ему было уже 28 лѣтъ, и онъ составилъ серію иллюстрацій къ поэмѣ Бутлера «Гудибрасъ». Но его искусство схватывать комико-трагическія

Ночная поѣздка по Темзѣ.

сцены и моменты жизни явилось въ полномъ блескѣ при составленіи шести рисунковъ «Жизнь куртизанки». Это не только карикатура, но и моральная драма. «Модный бракъ», «Невзгоды супружеской жизни», поставили его еще выше, какъ юмориста въ живописи. Народныя сцены «Выборы» и «Четыре части дня» доказали, какъ глубоко изучилъ онъ нравы и смѣшныя стороны англійскаго простонародья, всѣ эксцентричности социальной и политической жизни Англии. «Странствующие комедіанты», «Жизнь гу-

ляки», «Трудъ и лѣнь», «Свѣтскія бесѣды» еще болѣе увеличили его славу. Въ защиту животныхъ онъ составилъ серію «сценъ жестокости». Они до того понравились народу, что при каждомъ лишнемъ ударѣ по лошади, кучеру кричали: «а не хочешь попасть въ карикатуру Гогарта?» Но высшій кругъ и печать отзывались недоброжелательно о художникѣ и, признавая въ немъ талантъ, осуждали его за то, что онъ изображаетъ только грязныя сцены и уродливыя фигуры. Чтобы опровергнуть эти обвиненія, Гогартъ написалъ книгу «Анализъ красоты», въ которой явился такимъ же замѣчательнымъ писателемъ и эстетическимъ критикомъ, какъ и художникомъ. Вальполь высоко цѣнилъ этотъ трактатъ, изъ котораго Дидро приводилъ обширныя цитаты. Работы Гогарта высоко цѣнятся въ Англіи. Онъ самъ выгравировалъ почти всѣ 260 досокъ оставшихся послѣ него карикатуръ. За гравировкой послѣдней «Время, лежащее на развалинахъ» художника застала смерть. Не смотря на реализмъ его рисунковъ, въ каждомъ изъ нихъ видна моральная мысль, хотя нѣтъ ни правильности, ни отдѣлки, ни живописныхъ сторонъ. Но Гогартъ остается создателемъ и лучшимъ представителемъ англійской карикатуры.

Изъ Чизвика приходится возвращаться въ Лондонъ ночью, и картина береговъ Темзы, освѣщаемыхъ слабымъ свѣтомъ фонарей на носу барокъ, бороздящихъ тихія воды спокойной рѣки, оставляетъ сильное впечатлѣніе.

В. З.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія російской академіи, М. И. Сухомлиновъ. Выпускъ восьмой и послѣдній. Спб. 1887.

АКАДЕМИКЪ Сухомлиновъ, издавая выиѣ въ свѣтъ послѣдній выпускъ «Исторіи російской академіи», заключилъ этимъ выпускомъ многолѣтвій и почтенный трудъ свой, заслуживающій болѣе подробнаго и болѣе внимательнаго отчета, который мы и думаемъ дать о немъ въ послѣдствіи; въ настоящей же нашей замѣткѣ мы только вкратцѣ ознакомимъ читателей съ тѣми любопытными историческими данными, какія заключаетъ въ себѣ послѣдній выпускъ «Исторіи російской академіи».

Въ самомъ началѣ книги, М. И. Сухомлиновъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «историческое значеніе учено-литературнаго общества опредѣляется его дѣятельностью, свойствами и достоинствомъ его трудовъ, вносящихъ болѣе или менѣе важныя данныя въ литературную науку. Счастливыя выборъ задачъ и умѣлое ихъ исполненіе служатъ доказательствомъ, что общество существовало не даромъ, что имъ внесенъ цѣнный вкладъ въ умственную жизнь своего времени». И вѣдѣ за этимъ опредѣленіемъ авторъ приступаетъ къ толковому, обстоятельному разбору трудовъ російской академіи, безъ котораго, конечно, не возможенъ былъ бы и выводъ о значеніи того учрежденія, котораго исторію написалъ М. И. Сухомлиновъ. Большая часть книги, на этомъ основаніи, посвящена разбору достоинствъ и недостатковъ главнаго труда російской академіи—ея «Словаря». При этомъ разборъ авторъ указываетъ на источники словаря, печатные и рукописные, своеземные и иноземные, знакомитъ насъ, въ частности, съ личными трудами каждого изъ отдѣльных членовъ академіи, привагшаго на себя разработку отдѣльныхъ

частей словаря, и съ общей, коллективной работой всѣхъ членовъ подъ разумнымъ и неутомимымъ руководствомъ президента академіи, Е. Р. Дашковой. При этомъ, въ весьма полной и живой картинѣ намъ выясняется кругъ понятій того ученаго сословія, которое такъ безкорыстно и такъ рьяно трудилось на пользу отечественнаго языка и литературы; выясняется этимологическія понятія этихъ ученыхъ труженниковъ, ихъ представленія о языкѣ «простонародномъ», научномъ и техническомъ, ихъ усиленныя старанія дать возможно полныя истолкованія «неудобопонятымъ реченіямъ» и т. д.

Оцѣнивъ совершенно вѣрно достоинство и значеніе такихъ трудовъ, какъ «Словарь академіи российской», М. И. Сухомлиновъ, въ заключеніе своего подробнаго разбора приводитъ отзывы о словарѣ, высказанные Шлецеромъ, Добровскимъ, Карамзинымъ, Гречемъ и И. И. Срезневскимъ. Последнему авторъ «Исторіи российской академіи» придаетъ особенное значеніе, какъ отзыву одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей славянской филологіи, и намъ кажется, что въ этомъ отношеніи М. И. Сухомлиновъ нѣсколько противорѣчитъ самому себѣ и своимъ отзывамъ о «Словарѣ российской академіи». Въ отзывѣ И. И. Срезневскаго объ этомъ трудѣ намъ кажется невольнѣ справедливымъ то, что онъ считаетъ «Словарь рос. академіи» въ настоящее время уже не нужнымъ¹⁾; а между тѣмъ «Словарь российской академіи», на нашъ взглядъ, служитъ такимъ полнымъ выраженіемъ эпохи и такимъ полнымъ кодексомъ нашего литературнаго языка прошлаго вѣка, что безъ него многое въ нашихъ писателяхъ прошлаго вѣка было бы намъ не исполнѣ попятно, и даже языкъ Крылова былъ бы не совсѣмъ ясенъ въ многихъ своихъ составныхъ элементахъ.

Вслѣдъ за обзоромъ трудовъ академіи российской по составленію Словопроизводнаго и азбучнаго словаря, авторъ переходитъ къ другимъ ученымъ предпріятіямъ академіи—къ грамматикѣ и къ попыткамъ создать піитику и риторіку. По поводу академической грамматики нельзя не отмѣтить слѣдующій выводъ, весьма любопытный въ многихъ отношеніяхъ. Третье изданіе грамматики, 1819 г., вызвало въ «С. Отечества», обширную полемическую статью, основательно и довольно сурово осуждавшую въ некоторые существенные недостатки академическаго изданія.

«Критика «С. Отечества» раздражила членовъ российской академіи... Въ порывѣ негодованія они стали утверждать, что поступокъ журналиста (т. е. критика на академическую грамматику) подлежитъ, какъ своего рода преступленіе, суду правительства. Вслѣдствіе этого, президентъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ выяснилъ, что «если и впредь журналисты, и всякій, кто захочетъ, будутъ въ правѣ о издаваемыхъ академіею книгахъ возвѣщать публикѣ съ своими, ни разсудкомъ, ни пристойностью, необузданными толками, то ей не остается ничего другого, какъ или таковыя происшествія съ нею для свѣдѣнія публики записывать и помѣщать въ своихъ изданіяхъ, или не издавать ничего, дабы не подвергаться стыду, быть передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ всякаго, кто захочетъ, браненой, и молчать».

Главное правленіе училищъ, разсмотря просьбу российской академіи нашло, что никому нельзя запретить писать критику, особенно на грамма-

¹⁾ «Теперь, когда уже нѣтъ надобности пользоваться этимъ словаремъ, можно только съ благодарностью вспоминать о благородной рѣшимости членовъ академіи и т. д. (См. стр. 178 въ книгѣ г. Сухомлинова).

тику; но такъ какъ правленіе училищъ также признало отзывъ «С. Отечества» рѣзкимъ и оскорбительнымъ, то цензору, пропустившему его; приказано было сдѣлать выговоръ, а редакціи журнала—сообщать, что за повторительное помѣщеніе подобныхъ отзывовъ въ журналѣ его могутъ подвергнутъ запрещенію.

Очень курьезны были и попытки составить такія руководства къ риторикѣ и пѣтикѣ, въ которыхъ бы «академія избрала настоящую стезю и не слѣдовала школьнымъ забобонамъ». Одинъ изъ академиковъ совѣтовалъ при этомъ риторикѣ «обработать не во образѣ дѣтскаго къ краснорѣчію руководства, но въ качествѣ мужественнаго къ оному наставленія».

Но задача казалась членамъ академіи настолько трудною, что никто не рѣшился за нее взяться:—архіепископъ Павелъ (Пономаревъ) ссылался на Озерецковскаго, волагая надежду на его «знанія, искусства и даръ словами». Озерецковскій отказывался, «не надѣясь превзойти Ломоносова». П. И. Соколовъ представлялъ даже планъ риторики, удостоенный одобренія академіи; но и не думалъ приступать къ его выполненію. То же было и съ пѣтикой. Предложили составленіе ея сначала Хераскову «яко мужу своими стихотвореніями знаменитому». Херасковъ отказался по старости. Обратились къ Богдановичу. Тотъ изъявилъ согласіе и ничего не сдѣлалъ. Знаменитый въ своемъ родѣ графъ Хвостовъ самъ выврался «сочинить правила російскаго стихотворства», но вскорѣ увидѣлъ, что эта задача ему не по силамъ.

Печальною страницей въ лѣтописяхъ академіи является та постепенно овладѣвавшая ея членами лѣнь и апатія, которая послѣ окончанія ими перваго труда постепенно подчиняла ихъ волѣ одного лица, болѣе другихъ дѣятельнаго и энергическаго, нерѣдко направлявшаго усилія членовъ академіи въ сторону такихъ специальныхъ вопросовъ, которые вовсе не могли интересовать публику. Само собою разумѣется, что слѣдствіемъ этого направленія былъ наступившій очень скоро періодъ полнѣйшаго охлажденія общества къ дѣятельности російской академіи—періодъ, закончившійся, наконецъ, закрытіемъ академіи, по проекту Уварова, и замѣною ея другимъ учрежденіемъ—Вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ, болѣе известнымъ подъ названіемъ «Отдѣленія Русскаго языка и Словесности». Къ сожалѣнію (какъ это у насъ обыкновенно водится), при этой замѣнѣ одного, стараго учрежденія—другимъ новымъ, не были пощажены ни преданія, ни обычаи отжившаго учрежденія, ни даже его капиталы. Дѣло въ томъ, что «Академія Россійская» принадлежала къ числу наиболее богатыхъ нашихъ ученыхъ учреждений и въ 1836 году капиталы ея, находившіеся въ Заемномъ Банкѣ и въ Сохранной кассѣ Воспитательнаго дома, простирались до полу-милліона рублей. «Уже при назначеніи крупной денежной выдачи П. И. Соколову»—говоритъ академикъ Сухомлиновъ—«императоръ Николай Павловичъ замѣтилъ, что російская академія очень богата. Рассматривая же смѣту расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія на 1837 г., государь приказалъ: изъ принадлежащей російской академіи экономической суммы—обратить 400,000 на постройку обсерваторіи на Пулковой горѣ».

Въ ХХХVIII главѣ своей книги, говоря о значеніи російской академіи, М. И. Сухомлиновъ приходитъ къ слѣдующему выводу:

«Болѣе нежели полувѣковое существованіе російской академіи не прошло совершенно безслѣдно для русской литературы и науки»... (Стр. 365). Этотъ выводъ, кажется, намъ уже черезчуръ скромнымъ, и ему въ

«истор. вѣстн.», декабрь, 1887 г., т. ххх.

значительной степени противорѣчатъ послѣдующія страницы той же главы, въ которыхъ почтенный академикъ вполне обстоятельно выясняетъ намъ весьма положительныя заслуги академіи россійской. Особенно важно было въ дѣятельности этого почтеннаго учрежденія то, что оно «сплотило русскихъ ученыхъ въ одно цѣлое и открыло передъ ними обширное поле для трудовъ въ пользу Россіи, и для распространенія знаній въ русскомъ народѣ». При томъ члены россійской академіи, «будучи членами Академіи Наукъ, постоянно являлись горячими защитниками русскихъ дарованій и отстаивали права русскихъ ученыхъ на избраніе въ академики». Чего же больше? Намъ сдается, что эти заслуги очень важны, и что нынѣшнимъ русскимъ членамъ нашей полунѣмецкой академіи можно только пожелать того, чтобы они не отстали отъ своихъ собратьевъ, вступавшихъ въ академію россійскую. Прибавимъ къ этому, что россійской академіи, «принадлежитъ починъ въ литературномъ сближеніи съ славянскимъ міромъ», что она, кромѣ своихъ трудовъ и повременныхъ ученыхъ изданій, «издала на свои средства нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русской литературы и науки; составляла и издавала учебныя книги; оказывала поддержку нуждающимся писателямъ, выдавая имъ значительныя денежныя суммы, подписываясь на нѣсколько сотъ экземпляровъ издаваемыхъ ими сочиненій, или печатая на свой счетъ и предоставляя все изданіе въ пользу автора» (стр. 368 — 369).

Принимая все это въ соображеніе, мы кажется не ошибемся, сказавъ, что академія россійская не только «не прошла незамѣтною тѣнью по отечеству», но, не смотря на всѣ превратности своей судьбы, могла бы существовать и приносить пользу и послѣ 1836 года. Мало того: могла бы быть полезна въ настоящее время даже болѣе, нежели въ началѣ нынѣшняго столѣтія... Стоило только немного приложить къ ней руку, немного видоизмѣнить ея уставъ и не мѣшать ей дальнѣйшему существованію и развитію. Въ этомъ именно смыслѣ, тонкій и осторожный князь Вяземскій и замѣтилъ въ своемъ некрологѣ почившей россійской академіи, что «лучше было бы ее не трогать»... Но въ томъ-то и дѣло, что академія россійская была бѣльмою на глазу у Академіи Наукъ; нѣмцы-академики не могли успокоиться тѣмъ, что россійская академія пребываетъ въ временной апатіи и занимается сухими, специальными и никому не нужными изслѣдованіями... Это учрежденіе, богатое матеріальными средствами, по своему уставу, могло со временемъ очнуться отъ долгаго сна, могло получить дѣльнаго, энергическаго руководителя, могло войти въ тѣснѣйшую связь съ литературой и обществомъ—и тогда нѣмецкой Академіи, можетъ быть, не нашлось бы и мѣста въ Россіи? Вотъ, кажется, гдѣ нужно искать ключа къ объясненію Уваровскаго проекта и той легкости, съ которою онъ былъ принятъ и приведенъ въ исполненіе:—почва къ нему была, очевидно, приготовлена въ высшихъ сферахъ иными, не русскими вліяніями.

П. П.

Архивъ князя Воронцова. Книга 33-я. Бумаги государственнаго канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова (1744—1758). Москва. 1887.

Значительная часть документовъ, напечатанныхъ въ настоящей книгѣ «Архива» князя Воронцова, служитъ какъ бы дополненіемъ къ третьей его книгѣ: именно письма вице-канцлера гр. М. И. Воронцова въ Парижъ къ

нашему уполномоченному, *О. Д. Бехтёву*. Письма *Бехтёва* напечатаны въ третьей книгѣ. Первое письмо *гр. Воронцова* помѣчено 9-го мая 1756 года, послѣднее 6-го февраля 1758 года. Въ періодъ времени, къ которому относятся эта переписка, возстановлялись наши сношенія съ Франціей въ виду «доброжелательныхъ сентиментовъ», выраженныхъ французскимъ дворомъ, и формировалась коалиція протавъ *Фридриха Великаго*, дѣйствовавшая въ Семилѣтнюю войну. Поэтому главный интересъ переписки сосредоточивается на вопросахъ о назначеніи пословъ съ той и другой стороны, о полномочіяхъ этихъ пословъ, о приемѣ, о союзномъ договорѣ. Вовбужденная [противъ *Фридриха II* его интригами противъ нея, императрица *Елисавета* безъ особыхъ затрудненій согласилась на возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ французскимъ дворомъ. При посредствѣ Австріи дѣло было улажено, въ Петербургъ былъ назначенъ въ качествѣ *chargé d'affaires* шевалье *Дугласъ*, а въ Парижъ—надворный совѣтникъ *О. Д. Бехтёвъ*. Эти два лица и вели главнымъ образомъ переговоры о назначеніи пословъ (*маркиза Лопитала* и *графа М. П. Вестужева-Рюмина*) и о присоединеніи Россіи къ Версальскому договору между Франціей и Австріей. Въ своихъ письмахъ къ *Бехтёву* графъ *Воронцовъ* постоянно требуетъ отъ него свѣдѣній о положеніи французскаго министерства, финансовъ Франціи, о парламентскихъ дѣлахъ, совѣтуетъ ему «искусно навѣдаться по канцелярскимъ служителямъ, сколько при каждомъ департаментѣ людей опредѣлено, какихъ они чиновъ и по скольку они жалованья получаютъ». Особенно слѣдуетъ слѣдить за настроеніемъ общества, не пропускать никакихъ мелочей; *Бехтёву* ставится на видъ, что онъ ничего не писалъ на примѣръ о такихъ стихахъ:

L'orage gronde, on se ligue, et bon cri
A réuni les Aigles et les Lys.
Que devins-tu, si la vengeance anime
Elisabeth, et Thérèse, et Louis?

Дипломатическіе вопросы въ этомъ дѣлѣ особой трудности собой не представляли, нѣкоторое время не могли сговориться объ отношеніяхъ къ Турціи, Франція не хотѣла включать въ договоръ никакихъ статей, которыя говорили бы противъ Порты, это не нравилось нашему правительству, и *Воронцовъ* пишетъ *Бехтёву*: «Я не понимаю сію деликатность французскаго двора, что они столь много менажмента къ Портѣ не кстати имѣютъ, а на противъ того такъ мало снисхожденія къ намъ оказываютъ: ибо простое наше приступленіе къ Версальскому трактату безъ взаимныхъ на обѣ стороны авантажей былобъ только простая бумага, и ни которой бы сторонѣ пользы не было. Я надѣюсь, что вы не оставили, когда вамъ господинъ *Рулье* подобныя отзывы чинилъ, надлежація представленія и толкованія учинить». Но и это недоразумѣніе очень легко было улажено.

Кромѣ своего политическаго значенія, письма графа *Воронцова* къ *Бехтёву* представляютъ значительный интересъ частный. Въ нихъ хорошо представляются личныя отношенія *Воронцова* къ *Бехтёву*, отношенія были очень благосклонныя; *Воронцовъ* постоянно интересуется матеріальнымъ положеніемъ *Бехтёва*, старается его улучшить, сообщаетъ ему разныя петербургскія придворныя новости, обращается къ нему съ просьбами о разныхъ личныхъ услугахъ, отысканіи доктора, покупкѣ кареты, разныхъ вещей, наймѣ метръ-д'отеля и т. п. Между прочимъ, онъ сообщаетъ, что хочетъ взять подрядъ на отпускъ за границу 300,000 четвертей хлѣба, и проситъ *Бехтёва* узнать о цѣнѣ хлѣба во Франціи; онъ считаетъ нужнымъ объяснить, по-

чему берется за такое дѣло: «Вы, зная мой нравъ, пишеть онъ, сами признаете, что ежелибъ не великій долгъ меня къ тому принудилъ, я отнюдь бы въ такое хлопотливое и многого шума дѣлающее дѣло не вступилъ. Имѣю нѣкоторую надежду чрезъ сію важную негоцію получить нарочитой прибытокъ, что однако же время покажетъ». Графу Воронцову нуженъ былъ прибытокъ, его средства были крайне ограничены, что можно видѣть изъ напечатанныхъ въ этой же книгѣ «Архива» приходо-расходныхъ книжекъ его 1753 и 1754 годовъ: въ статьѣ прихода очень часто встрѣчаются отмѣтки: «занято», «взято взаймы».

Кромѣ переписки съ Бехтѣвымъ, обращаютъ на себя вниманіе въ настоящемъ томѣ бумаги, касающіяся замысловъ Фридриха II произвести въ Петербургѣ придворную революцію, свергнуть Елизавету Петровну, и дѣло о генералѣ Люберасѣ, бывшемъ посланникѣ въ Швецію, обвинявшемся въ верадѣніи по вопросу о разграниченіи русскихъ и шведскихъ владѣній. Въ концѣ тома помѣщены «Замѣтки о портретахъ русскихъ дѣятелей XVIII вѣка», писанныя фельдмаршаломъ княземъ М. С. Воронцовымъ. По словамъ высокопреосвященнаго митрополита Исидора, князь Воронцовъ сообщалъ ихъ ему для прочтенія, прибавляя, что записалъ ихъ по памяти изъ слышаннаго нѣкогда отъ отца своего графа Семена Романовича. Особой важности эти замѣтки не имѣютъ, онѣ слишкомъ коротки, общаго характера и нѣсколько анекдотичны, интересны только по личности ихъ автора.

В.

Двадцатипятилѣтній юбилей учено-литературной и художественной дѣятельности Ивана Александровича Голышева. Владиміръ. 1887 года. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. Составилъ И. Голышевъ. Владиміръ. 1887.

«Историческому Вѣстнику» не разъ приходилось говорить о трудахъ и изданіяхъ г. Голышева. Въ майской книжкѣ прошедшаго года, въ статьѣ «Крестьянинъ-археологъ» была рассказана тяжелая жизнь этого крестьянина-самоучки, бывшаго крѣпостного, и сдѣланъ очеркъ его ученыхъ литературныхъ и художественныхъ заслугъ. Въ іюлѣ того же года праздновался и четвертьвѣковой юбилей его полезной дѣятельности. Г. Стромиловъ составилъ описаніе этого праздника. Брошюра въ 80 страницъ въ четвертую долю, напечатана изъясно въ типографіи владимірскаго губернскаго правленія, съ приложеніемъ прекрасной фотогравюры юбиляра и статьи «Историческаго Вѣстника». Описаніе составлено подробно и обстоятельно: перечислены полученные награды, приведены рескрипты царской фамиліи, избраніе въ члены разныхъ Обществъ,—числомъ 12, какъ видно изъ перечня ихъ въ заголовкѣ брошюры. Затѣмъ помѣщены привѣтствія и выраженія сочувствій разныхъ лицъ, Обществъ, учреждений и журналовъ, перечень авторовъ, писавшихъ о юбилярѣ, и изданій, гдѣ печатались отзывы о его трудахъ. Юбилей справился въ усадьбѣ Голышевъ, близъ слободы Мстеры, гдѣ были выставлены всѣ подарки августѣйшихъ лицъ, полученные нашимъ ученымъ въ теченіе его дѣятельной жизни, семь альбомовъ археологическихъ рисунковъ, изданныхъ имъ на свои средства, 18 написанныхъ имъ книгъ и брошюръ, отзывы объ немъ нѣкоторыхъ журналовъ. Какъ водится, говорились рѣчи, читались адреса, стихи одной учительницы. Юбиларъ отвѣчалъ благодарственной рѣчью. Праздникъ окончился обѣдомъ также, конечно, съ застольными рѣчами. Къ этому дню

вышелъ также послѣдній трудъ юбиляра, отдѣльнымъ оттискомъ изъ «Чте- ній въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». Это — біографія такого же труженика на поприщѣ науки и просвѣщенія, какъ и самъ г. Голышевъ, редактора «Владимірскихъ Вѣдомостей» К. Н. Тихонравова, умершаго въ 1879 году. Жизнь такихъ людей поучительна всегда борьбою съ тѣми пре- пятствіями, которыя мѣшаютъ имъ выдвинуться впередъ даже въ тѣсномъ кругу ихъ скромнаго муравейника. Для Тихонравова жизнь эта сложилась еще нѣсколько лучше. Сынъ мелкаго уѣднаго чиновника города Коврова, ребенкомъ потерявшій отца, онъ 22-хъ лѣтъ служилъ уже при владимір- скомъ статистическомъ комитетѣ, составлялъ всякія таблицы и тогда же на- чалъ писать статьи въ неофициальной части губернскихъ вѣдомостей. Че- резъ десять лѣтъ усердной службы и усидчивой работы, онъ былъ уже ре- дакторомъ вѣдомостей, еще черезъ 8—секретаремъ комитета. До 1870 года онъ помѣстилъ въ губернской газетѣ 420 статей и 115 старинныхъ актовъ, кромѣ 28-ми статей въ десяти выпускахъ «Трудовъ статистическаго комитета», вы- ходившихъ подъ его редакціей. Сверхъ того, онъ составилъ отдѣльно «Спи- сокъ населенныхъ мѣстностей Владимірской губерніи», два тома «Владимір- скаго сборника», разные «Ежегодники», «Памятныя книжки» и т. п.; былъ избранъ членомъ петербургскаго и московскаго Археологическаго Общества, раскапывалъ курганы по губерніи, получалъ за свои труды ордена отъ пра- вительства и медали ученыхъ Обществъ, описалъ и изслѣдовалъ свою род- ную губернію во всѣхъ научныхъ отношеніяхъ. Если бы такіе неутомимые работники были и въ другихъ краяхъ нашего обширнаго отечества, мы бы, конечно, знали его лучше, чѣмъ знаемъ теперь. Замѣчательна любовь Тихо- правова къ своему родному углу. Въ 34 года его службы край пережѣнилъ девять губернаторовъ и многіе изъ нихъ, перекочевывая въ другія губерніи, звали его съ собою. Онъ упорно отказывался, говоря: «гдѣ родился, тутъ и пригодился». Жилъ онъ, конечно, очень скромно, на жалованье, не превы- шавшее тысячи рублей и содержалъ семью изъ четырехъ членовъ. Умеръ 57-ти лѣтъ съ перомъ въ рукахъ, читая корректуру губернскихъ вѣдомостей. Г. Голышевъ былъ лично очень близокъ съ Тихонравовымъ и много раз- сказываетъ о его частной жизни, приводя много отрывковъ изъ его писемъ, полныхъ добродушія, но незамѣчательныхъ въ научномъ отношеніи и напол- ненныхъ излишними подробностями о семейныхъ и личныхъ дѣлахъ. Анекдо- тическая часть въ нихъ небогата. Приведемъ одинъ случай: «Въ 1861 году, сопровождая покойнаго цесаревича Николая Александровича при обзорѣніи владимірскихъ древностей въ Успенскомъ соборѣ, Тихонравовъ обратилъ вни- маніе наслѣдника на древній шлемъ XII вѣка при гробѣ князя Иваслава Андреевича и объяснилъ, что нѣкоторые богомольцы надѣваютъ этотъ шлемъ и стоятъ въ немъ за обѣдней для облегченія головныхъ болей. — И получаютъ изцѣленія? спросилъ цесаревичъ. — Да, должно быть: потому что поставлена кружка, — отвѣчалъ Тихонравовъ. Наслѣдникъ улыбнулся и по- шель далѣе». По смерти Тихонравова, преемникъ его Артлебенъ составилъ подписку на памятникъ покойному, но самъ умеръ черезъ три года и под- писной листъ куда-то исчезъ. Тихонравовъ, въ заключеніи написанной имъ біографіи своего предшественника по редакторству вѣдомостей, В. И. Добро- хотова, похороненнаго на владимірскомъ кладбищѣ, сожалѣетъ, что надъ безвѣстной могилой человѣка, много потрудившагося для сохраненія памят- никовъ родной страны, нѣтъ даже простого, деревяннаго креста. Такая же участь постигла и могилу Тихонравова.

В—ъ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ седьмой. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1887.

Седьмой томъ Вебера—одинъ изъ интереснѣйшихъ и богатѣйшихъ по содержанию, хотя объимаетъ меньшее количество лѣтъ, нежели какой другой изъ предыдущихъ, а именно онъ излагаетъ событія отъ смерти Генриха VI, Гогенштауфена (1198 г.) до смерти Людвига Баварскаго (1347 г.), слѣдовательно на пространствѣ всего полутораго вѣка. Но двѣ трети этого времени—тринадцатый вѣкъ—представляютъ именно полный разсвѣтъ средне-вѣковой жизни и исторіи, подготовленный всѣми предшествующими столѣтіями и особенно послѣднимъ изъ нихъ, когда во всѣхъ странахъ Западной Европы и во всѣхъ областяхъ ея жизни замѣтно ощущалось крайнее возбужденіе энергіи и плодотворная сила напоминающая картину деревенской природы послѣ долгой весенней непогоды и перваго теплаго дождя. Послѣдніе же пятьдесятъ—шестьдесятъ лѣтъ, исторію которыхъ пересказываетъ этотъ томъ Вебера, представляютъ интересъ совершенно особый, но нисколько не меньшій: это «начало конца», разложеніе формъ и низложеніе идеаловъ среднихъ вѣковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перерожденіе тѣхъ и другихъ въ томъ направленіи, которое потомъ приводитъ къ новому міру. Въ продолженіе этихъ 150 лѣтъ сколько событий и лицъ, которыя даже 14-лѣтнему гимназисту въ его краткомъ курсѣ средне-вѣковой исторіи, при скольконибудь сносно преподаваніи, представляются поразительно яркими, сразу и на всегда вѣывающимися въ память, умъ и фантазію! Здѣсь борьба Оттона и Филиппа за императорскій престолъ, борьба воспитаннаго даровитѣйшимъ изъ вѣмецкихъ лариковъ, Вальтеромъ Фогельвейде: здѣсь чудотворно быстрое возникновеніе 2-хъ могучихъ орденовъ, францисканцевъ и доминиканцевъ; здѣсь первое паденіе Константинополя и разцвѣтъ и отцвѣтъ страннаго созданія рукъ человѣческихъ, извѣстнаго подъ именемъ Латинской имперіи; здѣсь жизнь и дѣятельность самаго даровитаго и самаго несчастнаго изъ средне-вѣковыхъ монарховъ—императора Фридриха II; здѣсь междуцарствіе и начало и развитіе Ганзы; здѣсь исторія борьбы и побѣды вѣмецкаго ордена на берегахъ Балтійскаго моря; здѣсь трагедія Манфреда и Конрадина; здѣсь сицилійскія вечера, здѣсь Людовикъ IX Святой, носитель средне-вѣковыхъ идеаловъ, и здѣсь же, вполне естественно, Веберъ говоритъ о средне-вѣковой поэзіи и искусствѣ, въ которыхъ эти идеалы слагались и выражались въ безпримѣсной чистотѣ. А въ послѣдней трети этого періода выступаютъ на мировую сцену новые люди съ новыми взглядами, отлично умѣвшіе обдѣлывать свои дѣла, именно, благодаря тому, что не чувствовали себя связанными нравственными принципами и задачами предшествующаго вѣка: Филиппъ IV Красивый, нашедшій возможность разрѣшить вѣковой споръ между духовной и свѣтской властью съ помощью наемныхъ кулаковъ, наслѣдники расчетливаго Рудольфа Габсбургскаго и т. п. Но какъ бы въ утѣшеніе историку, которому непріятно заниматься этими мѣщанами мысли послѣ трагическихъ героевъ предшествующаго вѣка, ему здѣсь же придется говорить о возникновеніи новыхъ, еще болѣе плодотворныхъ идей, о людяхъ ранняго итальянскаго возрожденія, о Дантѣ, Петраркѣ, Бокаччіо. Если мы напомнимъ читателямъ, что по плану Вебера, который подобно большинству вѣмецкихъ педагоговъ—ученыхъ во всеобщей исторіи центромъ всего дѣлаетъ Германію,

ему тутъ же приходится говорить о предшествующей исторіи Англіи и, напр., пересказывать борьбу Генриха II съ Томомъ Бекетомъ, царствованіе Ричарда Львиное Сердце и возникновеніе англійской свободы при Іоаннѣ Безземельномъ, всякому станетъ понятно, почему мы назвали этотъ томъ интереснѣйшимъ. Веберъ здѣсь, какъ и въ предыдущихъ частяхъ, великій мастеръ излагать сжато и ясно драматическую сторону исторіи, политическія событія, обусловленные дѣятельностью выдающихся людей, и отнюдь не мастеръ уяснить движенія и жизнь народовъ; а въ этомъ томѣ изображенъ такой періодъ, когда эта драматическая сторона была развита всего сильнѣй. За то маститый авторъ именно здѣсь-то поразительно небреженъ и слабъ, когда ему приходится заняться народами: движенію монголовъ посвящено всего 12 мало содержательныхъ страницъ (300—313)! Точно историкъ сердится, что ему приходится изъ-за этихъ невѣждъ прерывать стройный ходъ своей величественной эпопеи.

Обзоръ духовной жизни западныхъ племенъ, разумѣется, гораздо содержательнѣе, но сравнительно съ политической исторіей и онъ очень слабъ. Здѣсь яснѣй, нежели въ главной части труда Вебера, видно какъ трудно гнаться за быстро-убѣгающей впередъ наукой даже при нѣмецкомъ трудолюбіи и усидчивости. Отдѣлъ о національной повѣи среднихъ вѣковъ (отъ 357—420 стр.) поразитъ (особенно тамъ, гдѣ авторъ говоритъ не о Германіи) своею отсталостью всякаго, кто имѣетъ понятіе объ этомъ предметѣ; а между тѣмъ Веберъ (стр. 335) цитируетъ нѣкоторыя изъ новѣйшихъ изслѣдованій. Въ чѣмъ же дѣло? А въ томъ, что авторъ взятое изъ новыхъ книгъ приспосабливаетъ къ тому, что было имъ сказано 25 лѣтъ назадъ, и, кромѣ того, между новыми книгами онъ часто не въ состояніи отличить пшеницы отъ плевелъ. Исключеніе составляетъ отдѣлъ объ исторіи средневѣковой музыки, написанный однимъ изъ лучшихъ знатоковъ этого дѣла Кривандеромъ.

Лежащій передъ нами седьмой томъ Вебера въ русскомъ переводѣ имѣетъ для читателя еще особый интересъ, въ которомъ авторъ его не виновать, что называется, ни душой, ни тѣломъ. Въмѣсто «предисловія къ русскому переводу» при немъ помѣщена замѣчательно умная и прекрасно-изложенная статья «о расахъ». Нельзя, конечно, принять всякое изъ частныхъ положеній автора, который на 33-хъ страницахъ рѣшаетъ такой важный и кардинальный вопросъ всѣхъ социальныхъ наукъ, но нельзя, думаемъ мы, не признать безусловной справедливости его основнаго тезиса—о единствѣ человѣческаго рода и о способности всѣхъ расъ человѣческихъ къ развитію. Авторъ связываетъ серьезную постановку этого вопроса съ борьбою за рабство негровъ въ Америкѣ и излагаетъ старую ученую распрю о гебридахъ и метисахъ. Чрезвычайно ясно и убѣдительно доказываетъ онъ, что защитники прирожденнаго права бѣлой расы на власть основывались на невѣрныхъ наблюденіяхъ и подтасованныхъ фактахъ, и потомъ (съ XXI стр.) переходитъ къ попыткамъ классифицировать человѣчество по разнымъ внѣшнимъ признакамъ. Не долго останавливаясь на этомъ, онъ принимаетъ 3 основныя расы и, справедливо признавъ вопросъ о черныхъ благопріятно-поконченнымъ, обращается къ желтому вопросу, т. е. къ разсужденіямъ тѣхъ антропологовъ-публицистовъ, которые доказываютъ, что китайцы, гроящіе массу своей заполонять Америку, неспособны къ правильному развитію. Блистательно опровергнувъ тѣхъ слишкомъ пугливыхъ людей, которые полагаютъ, что если китайцы усвоятъ нашу цивилизацію, ихъ 15—20 милліонная армія уничтожитъ одну за другой всѣ европейскія, и поко-

рять насъ (если китайцы разовьются до степени европейцевъ, рассуждаетъ авторъ, они не будутъ уже въ состояннн выставить такой арміи, такъ какъ раньше этого ихъ имперія распалется на нѣсколько государствъ), авторъ доказываетъ, что всѣ прирожденныя и неистребимыя, какъ инны думаютъ, свойства китайской расы суть только слѣдствія условій, въ которыхъ жили китайцы въ послѣднее тысячелѣтіе и что всякая другая раса на той же ступени развитія и при тѣхъ же условіяхъ имѣла бы тѣ же особыя свойства. «Мнимая неподвижность быта и понятій китайцевъ была бы безъ всякаго труда понята нами въ истинномъ ея видѣ, какъ рядъ паденій цивилизаціи подъ гнетомъ варваровъ, еслибы наше вниманіе не было отвлечено отъ этихъ бѣдствій произвольной фразой о неспособности желтой расы подняться выше извѣстнаго уровня цивилизаціи».

Сама собою напрашивается параллель, вполне подтверждающая мысль автора: тысячелѣтняя исторія Византіи есть тоже «рядъ паденій цивилизаціи подъ гнетомъ варваровъ» и всѣ существенныя признаки, составляющіе понятіе византійщина, совершенно совпадаютъ съ особенными свойствами китайцевъ: та же «неподвижность быта и понятій», тотъ же формализмъ и тысячи церемоній (см. знаменитую книгу *De serimoniis Aulae Byzantinae*, приписываемую Константину Порфирородному), та же мелочность и отсутствіе творчества и фантазіи (по крайней мѣрѣ, такъ думали до послѣднихъ важныхъ открытій въ области византійскаго эпоса и романа) даже до такихъ мелочей, какъ отсутствіе перспективы и мертвенная условность въ живописи; а между тѣмъ всѣ эти черты явились у расы самой «благородной» и безъ всякой примѣси желтаго элемента, явились при однихъ условіяхъ и пропали при другихъ, или пропадаютъ на нашихъ глазахъ.

Разрушеніе старой жи и суевѣрія также важно (если не важнѣе еще) для прогресса человѣческой мысли, какъ и открытіе новой истины. Мы—народъ юный и свѣжій, намъ удобнѣе нежели кому нибудь, поднимать невѣрно рѣшенные вопросы; въ данномъ же случаѣ у насъ есть и особый интересъ: развѣ трудно доказать цитатами изъ «иностранныхъ путешественниковъ», что въ XVI и XVII вѣкахъ и насъ считали застывшими и неспособными къ цивилизаціи?

Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать такихъ же «предисловій» при слѣдующихъ томахъ Вебера.

А. К.

Историческій очеркъ Инженернаго Управленія въ Россіи. Часть II. Съ тремя портретами и картами. Составилъ генераль-лейтенантъ А. И. Савельевъ. Спб. 1887.

Авторъ этого почтеннаго труда, археологъ, и эта излюбленная спеціальность весьма существенно отразилась на составленномъ имъ историческомъ очеркѣ Инженернаго управленія въ Россіи. Археологи большіе любители сохранять памятники исторической старины въ ихъ, такъ сказать, безусловной неприкосновенности. Въ этомъ даже и состоитъ главная заслуга археологн. Но, къ несчастію, задачи исторіи нѣсколько иные. Археологія сохраняетъ, исторія же комментируетъ и оживляетъ сохраненное отъ истребленія временемъ и вноситъ живую душу и живой голосъ туда, гдѣ по внѣшности все мертво и все безгласно.

Генераль А. И. Савельевъ, внесъ въ свою исторію чисто консервативную логику археолога, и находя любопытныя бумаги въ открытыхъ ему

архивахъ, тщательно и аккуратно, съ самыми скупыми сокращеніями вносили ихъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, въ свой трудъ, помѣчая каждый любопытный документъ особымъ параграфомъ. Можетъ быть для даннаго историческаго случая, такъ и слѣдовало сдѣлать, потому что самостоятельная и критическая исторія одного изъ департаментовъ военнаго министерства, какимъ является Инженерное Управленіе въ общей связи нашихъ правительственныхныхъ учреждений, едва ли возможна на практикѣ. Этому управленію всегда что либо предписывали сверху и ему приходилось гораздо болѣе исполнять, нежели проявлять живой, творческой инициативы, достойной вниманія историка.

Какъ бы то не было, но въ книгѣ г. Савельева, захватывающей періодъ времени отъ начала вѣка до 1811 года включительно, попадаетъ много любопытнаго. Такъ напримѣръ, весьма забавно просмотрѣть «регістръ книгъ», приобретенныхъ въ инженерную экспедицію въ 1801 году, во главѣ которыхъ стоятъ: «Авлагелія афинскихъ ночей», «Библіотека забавнаго и естественнаго волшебства», «Гигіена или предохранительная конская (!) мѣдицина», Фенелоново, «Позорище (т. е. взглядъ) природы произведенное изъ сущности Божіей» и нѣтъ, строго говоря, ни одной инженерной книги. Интересно также, что съ самыхъ первыхъ шаговъ возникновенія военно-инженернаго института, родились и приреканія съ войсками и комендантами крѣпостей, о «цивильныхъ» зданіяхъ, при чемъ то инженеры получали выговоры, то коменданты—напоминанія о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Любопытно это особенно потому, что и до сихъ поръ вопросъ о казармахъ и госпиталяхъ войскъ, служитъ камнемъ раздора между инженерами, строящими эти казармы и войсками въ нихъ живущими. Прочтя книгу генерала Савельева, гдѣ авторъ многократно возвращается къ такому вопросу, можно подумать, что это вообще вопросъ исторически-неразрѣшимый. Другой причиной ссоръ инженеровъ съ сосѣдними вѣдомствами въ крѣпостяхъ, служатъ покосы на валахъ и гласисахъ крѣпостей. Поэтому поводу въ § 158, авторъ знакомитъ насъ съ однимъ любопытнымъ приказомъ графа Аракчеева, который пишетъ: «при осмотрѣ финляндскихъ городовъ и крѣпостей, я нашелъ, что порученная починка каменныхъ строеній въ Ловизѣ капитану Бурцеву, идетъ весьма медленно, да и самъ г. Бурцевъ болѣе занимается разговорами, нежели своимъ дѣломъ, а въ крѣпости Шварцгольмѣ исправленіе крыши на донжонѣ еще не начато, да и онъ, Бурцевъ, понятія не имѣетъ о таковой работѣ. Поставляя это на видъ Инженерной экспедиціи, не могу не удивиться, что ея департаментные генералы не имѣютъ смотрѣнія надъ своими чинами; сверхъ того, магистратъ города Ловизы принесъ мнѣ жалобу на капитана Бурцева, что онъ выкосилъ луга, принадлежащіе владѣнію одного отставнаго офицера, а самъ самымъ доказывається, что инженерные офицеры занимаются сѣнокосами, департаментные начальники расчетами денежными, а сама экспедиція обрядомъ письменнаго производства, оставляя все протчее произвольному теченью времени».

Неправда ли любопытный документъ, и хотя ему можно справить восьмидесятилѣтній юбилей, но онъ и до сихъ поръ не совсѣмъ утратилъ своей соли, такъ какъ и до сихъ поръ многіе экспедиціи, перемѣнившія только имя, продолжаютъ заниматься «обрядомъ письменнаго производства», забавляя департаментныхъ генераловъ «денежными расчетами», а все прочее предоставляя «произвольному теченью времени». Да времена бѣгутъ, а люди совершенствуются весьма туго!

Цитируя эти примѣры изъ книги генерала Савельева, мы желали дать понятие объ ея характерѣ и объ ея интересѣ. Въ общемъ этотъ почтенный болѣе архелогическій, нежели историческій трудъ, весьма много облегчитъ работу будущаго историка нашихъ военныхъ учреждений, такъ какъ вся трудная и копотливая работа подбора фактовъ сдѣлана уже для Инженернаго управленія авторомъ разбираемаго очерка. При книгѣ приложены: три фототипы: перваго военнаго министра Вязмитинова, Управляющаго инженернымъ департаментомъ Оппермана и Шефа перваго пионернаго полка Христіана Шванебаха. Кромѣ портретовъ, приложено еще нѣсколько картъ съ обозначеніемъ всѣхъ укрѣпленныхъ линій по нашей восточной границѣ, извѣстныхъ подъ названіями: оренбургской, ново-сибирской, киргизской, ыргызской и кузнецовской. Эти послѣднія приложенія весьма цѣнны для многихъ историческихъ справокъ, такъ какъ теперь всѣхъ этихъ линій съ ихъ укрѣпленіями и редутами не существуетъ болѣе.

В. П.

Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. Составилъ метрикантъ С. Л. Пташицкій. Спб. 1887.

При Сенатѣ состоитъ особое учрежденіе, называемое «Литовская Метрика». Давно уже ожидалось появленія въ свѣтъ реестра книгъ и актовъ, находящихся въ этомъ хранилищѣ. Сначала составленіе и изданіе поактной описи принялъ на себя покойный метрикантъ Л. М. Зельверовичъ, но онъ успѣлъ издать только первый выпускъ своего труда («Литовская Метрика при Правительствующемъ Сенатѣ», Спб., 1883 г.), остальной же матеріалъ, собранный съ большою кропотливостью, сгорѣлъ въ квартирѣ вдовы покойнаго. Болѣе законченною описью Метрики представляется трудъ С. Л. Пташицкаго, который раздѣляется на два отдѣла: I. «Общая свѣдѣнія о Литовской Метрицѣ» и II. «Инвентарь книгъ и актовъ Литовской Метрики». Воспользуемся первымъ изъ этихъ отдѣловъ, чтобы познакомиться съ интересной исторіей указаннаго хранилища.

Въ Литовскомъ княжествѣ выдача государственныхъ актовъ была возложена на особую канцелярію подъ названіемъ Метрики, которою завѣдывали канцлеръ и вице-канцлеръ. При канцеляріи находились присяжные дьяки, обязанность которыхъ состояла въ переписываніи грамотъ, и писаря, скрѣплявшіе акты. Послѣ люблинской уніи 1569 года часть дѣлъ русскихъ воеводствъ вошла въ составъ польской канцеляріи государственныхъ актовъ, гдѣ былъ устроенъ особый отдѣлъ подъ управленіемъ канцлера съ отдѣльнымъ русскимъ писаремъ. Въ царствованіе Яна-Казимира, Литовская Метрика подвергалась различнымъ превратностямъ. Сначала ее разграбили татары послѣ Зборовской битвы, захвативъ часть государственныхъ дѣлъ и книгъ, а потомъ шведы присвоили себѣ дѣла Метрики; часть этихъ дѣлъ была ими возвращена послѣ заключенія мирнаго договора, но много актовъ, при перевозкѣ, затонуло въ Балтійскомъ морѣ. Не мало пропало книгъ и актовъ при взятіи русскими войсками Вильны въ 1655 году. Впослѣдствіи, какъ полагаютъ, около 1765 года, Литовская Метрика была переведена въ Варшаву. Полякамъ не понравился русскій языкъ литовскихъ актовъ, и вотъ въ 1777 году, переводчикъ Косаковскій переписываетъ ихъ латинскими буквами. Эти дубликаты хранятся понынѣ въ Варшавѣ.

Акты Литовской Метрики были первоначально описаны послѣ 1570 года неизвѣстнымъ лицомъ. Въ 1594 году канцлеръ Левъ Сапѣга приказалъ пе-

реписать всѣ книги Метрики; впоследствии, именно въ 1607 году, новыя книги были провѣрены по подлинникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ особой комиссіи, была произведена ревизія актовъ, повторившаяся въ 1641 году. Польскій историкъ Нарушевичъ, съ разрѣшенія короля, въ 1786 году, привелъ метрику въ порядокъ, переплелъ всѣ книги, составилъ новыя 'экземпляры описей латинскими буквами и помѣстилъ ихъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ. Послѣ вятія, 29 октября 1794 г., Суворовымъ Варшавы, князь Н. В. Рѣпинъ сдѣлалъ распоряженіе о перенесеніи Литовской Метрики изъ Варшавы въ Гродно. Пока исполнялось это распоряженіе, послѣдовалъ, 21 ноября 1794 г., высочайшій рескриптъ на имя Суворова, повелѣвающей: оба архива, коронный и литовскій, именуемые Метриками, перенести въ Петербургъ. Распоряженіе это исполнено короннымъ метрикантомъ Совинскимъ, который сдалъ метрику кол. сов. Кириллу Юзефовичу. Такимъ образомъ, черезъ 7 лѣтъ Литовская Метрика можетъ праздновать вѣковой юбилей своего пребыванія въ русской столицѣ.

Послѣ разбора Метрики д. т. с. В. С. Поповымъ вмѣстѣ съ чиновниками Сената и иностранной коллегіи, послѣдовало 1 мая 1798 г. высочайшее повелѣніе о передачѣ изъ нея 'дѣлъ по сношеніямъ Польши съ иностранными дворами въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а дѣлъ по внутреннему управленію—въ сенатъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году отдано распоряженіе о передачѣ прусскому правительству тѣхъ дѣлъ Метрики, которыя касаются частей Польши, отошедшихъ къ Пруссіи; книги эти, послѣ Тильзитскаго мира (1807 г.) были переданы прусскимъ правительствомъ Варшавскому герцогству и, доставленные въ Варшаву, хранятся тамъ донинѣ въ главномъ архивѣ. Съ образованіемъ при Императорской Публичной библиотекѣ Дѣло Манускриптовъ, изъ Литовской Метрики были переданы въ библиотечку, 13 іюля 1809 г., всѣ папскія буллы, многіе изъ актовъ ливонскихъ и литовскихъ, всѣ казацкія дѣла и часть польскихъ. Оставшіеся въ Метрицкѣ дѣла и акты были приведены въ порядокъ и регламентированы, а затѣмъ, на основаніи высочайшаго указа 27 августа 1805 г., при 3-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената образована особая экспедиція подъ названіемъ «Метрика присоединенныхъ провинцій», состоящая, подъ высшимъ наблюденіемъ оберъ-прокурора, въ вѣдѣніи метриканта. Вѣроятно надзоръ за Метрикой былъ вначалѣ не особенно бдительный, такъ какъ въ документахъ ея, доказывающихъ дворянское происхожденіе, были замѣчены поддѣлки, открытіе которыхъ вызвало назначеніе особой комиссіи для скрѣпы книгъ, перечеркиванія чистыхъ въ нихъ листовъ, прошнуровки и т. п. Комиссія окончила свои дѣйствія вначалѣ 1837 года, составивъ при этомъ инвентарь и распредѣливъ дѣла на слѣдующія двѣнадцать отдѣловъ: 1) книги записей, 2) судныя дѣла, 3) дѣла публичныя, 4) переписи, 5) выписи, 6) дѣла за печатью, 7) книги непрременнаго совѣта, 8) регистры, 9) книги новыя, 10) древніе акты, 11) родословныя и 12) карты и планы. Этотъ раздѣлъ сохранился до настоящаго времени, пополнившись новыми книгами, составленными послѣ учрежденія Метрики при Сенатѣ.

Занятія Литовской Метрики въ настоящее время состоятъ въ содержаніи въ должномъ порядкѣ хранящихся въ ней актовъ, въ выдачѣ, по просьбамъ частныхъ лицъ, выписей изъ метрическихъ книгъ и копій съ гербовъ и родословныхъ, въ засвидѣтельствованіи представляемыхъ въ Метрику для явки документовъ и взисканіи за это установленныхъ пошлинъ. Всѣ эти практическія занятія съ каждымъ годомъ уменьшаются и Метрика все болѣе и

болѣе приобрѣтаетъ значеніе историческаго архива, значеніе уже достаточно опредѣлившееся вслѣдствіе произведенныхъ въ метрическихъ актахъ научныхъ изысканій. Многоцѣльными актами Литовской Метрики пользовались въ числѣ другихъ, главный редакторъ и членъ Археографической комиссіи, протоіерей Іоаннъ Григоровичъ, впервые регламентировавшій способъ пользованія Метрикой и извлекшій изъ нея богатые матеріалы для I тома Актовъ Западной Россіи; профессора Селинъ, Березинъ, Мухлинскій, Костомаровъ и, наконецъ Бершадскій, пользовавшійся актами для своей исторіи евреевъ и продолжающій занятія въ Метрицѣ и нынѣ съ цѣлью подготовки матеріаловъ для исторіи государственнаго устройства и управленія Литовскаго княжества до перваго статута. Къ числу текущихъ занятій по дѣламъ Метрики слѣдуетъ также отнести и производимыя нынѣ гр. К. Ф. Ожаровскимъ ученныя изысканія для исторіи старинныхъ княжескихъ родовъ. Интересовались Литовской Метрикой и иностранные ученые, какъ напр. профессоръ Яковъ Каро, извлекавшій научныя данныя для своей исторіи Польши, на яѣмецкомъ языкѣ, докторъ Френкель, вице-директоръ галиційскаго архива Антонъ Прохаска и другіе. Но всѣ эти научныя изысканія, можно сказать, только начатки. Хранящіяся въ Литовской Метрицѣ дѣла представляютъ собою богатый матеріалъ для изученія историческихъ судебъ Западной Руси и, въ частности, для опредѣленія еще не вполне выясненныхъ юридическихъ отношеній, какъ-то чиншевыхъ, фундушевыхъ, для изученія вопроса о правахъ и привилегіяхъ городовъ и мѣстечекъ, о цехахъ и т. п. Разработка всѣхъ этихъ матеріаловъ внесетъ обильные вклады наукѣ разъясненіемъ многообразныхъ отношеній русско-литовской государственной и соціальной жизни; но для этого,—какъ замѣчаетъ и авторъ разсматриваемаго «Описанія»,—необходимо облегчить ученнымъ доступъ въ Метрику, хотя бы на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ постороннія лица получаютъ разрѣшеніе на занятія рукописями въ Императорской Публичной библиотекѣ, а также составить и обнародовать подробную опись Метрики, которая могла бы служить какъ для изслѣдованія вопросовъ государственнаго значенія, такъ и въ видѣ пособія къ изученію исторіи Западной Россіи. Еще проще было бы, по нашему мнѣнію, прямо передать всю Метрику въ наше научное хранилище—Публичную библиотеку; пользованіе при этомъ условія актами Метрики со стороны правительственныхъ учрежденій не встрѣтило бы никакихъ затрудненій; что касается извлеченій изъ актовъ, производимыхъ по требованію частныхъ лицъ, то эти требованія не на столько многочисленны, что бы могли помѣшать устройству историческаго архива тамъ, гдѣ ему подобаетъ быть. Такимъ переселеніемъ Литовской Метрики завершилось бы окончательное устройство историческаго хранилища въ первое столѣтіе его пребыванія въ Россіи.

М. Г—вій.

Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Изслѣдованіе Константина Лодыженскаго. Спб. 1887.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшаго министра финансовъ Н. Х. Бунге о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1887 годъ выражено было мнѣніе, что общій пересмотръ таможеннаго тарифа необходимъ не по соображеніямъ торговой политики, а для согласованія отдѣльныхъ его статей и болѣе правильной ихъ классификаціи, въ видахъ устраненія жалобъ привозителей на неопредѣленность пошливъ, затрудняющихъ торговлю. Эта

работа, по словамъ доклада, находится въ связи съ предположеніями министерства финансовъ относительно преобразованія учреждений, служащихъ представителями интересовъ промышленности и торговли и безъ участія которыхъ подобное дѣло немислимо. Сомнѣвшій Н. Х. Бунге на посту министра финансовъ, И. А. Вышнеградскій, еще не имѣлъ случая гласно заявить о своихъ предположеніяхъ относительно тарифа, хотя, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ таможенномъ вѣдомствѣ и приступлено уже къ предварительнымъ работамъ къ его пересмотру. Слѣдовательно, будетъ ли этотъ пересмотръ осуществленъ новымъ министромъ по соображеніямъ торговой политики, чего не допускалъ его предшественникъ, или только для приведенія таможенного тарифа въ лучшую систему,—трудъ г. Лодыженскаго, во всякомъ случаѣ, появился на свѣтъ кстати.

«Исторія русскаго таможенного тарифа» заключаетъ въ себѣ одиннадцать главъ. Въ первой главѣ авторъ излагаетъ торговые и таможенные сборы на Руси до XVII столѣтія; во второй—таможенное дѣло въ царствованіе Михаила Федоровича; въ третьей—таможенную часть въ царствованіе Алексѣя Михайловича; въ четвертой—таможенную систему Петра Великаго; въ пятой—таможенную систему при преемникахъ Петра Великаго до Елисаветы Петровны; въ шестой—таможенную систему въ царствованіе императрицы Елисаветы; въ седьмой—таможенную политику при императрицѣ Екатеринѣ II до 1793 года; въ восьмой—таможенные тарифы и узаконенія 1793—1822 годовъ; въ девятой—таможенную систему 1822—1842 годовъ, въ періодъ примѣненія строго-охранительной политики; въ десятой—таможенные тарифы 1844—1868 годовъ, въ періодъ перехода отъ строго-охранительной таможенной политики къ умѣренно-покровительственной; наконецъ, въ послѣдней, одиннадцатой—обозрѣніе измѣненія пошлинъ по главнѣйшимъ статьямъ ввоза и таблицы привоза и внутренняго производства товаровъ съ 1824 по 1874 годъ. Въ приложеніяхъ къ книгѣ г. Лодыженскаго помѣщены: протоколъ соединеннаго присутствія коммерцъ-коллегіи и мануфактуръ-коллегіи, 11-го ноября 1723 года, по обсужденію вопроса о назначеніи таможенныхъ пошлинъ на привозимые и отпускаемые товары; письмо придворнаго банкира барона Фридерика о затрудненіяхъ при переводѣ денегъ за границу; мнѣніе генераль-прокурора князя Вяземскаго по этому письму, а также замѣчанія графа Миниха и князя Щербатова по тому же предмету; записка министра внутреннихъ дѣлъ, Козодавлева, по вопросу объ изданіи новаго тарифа (изъ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ императора Александра Павловича); замѣчанія генераль-адъютанта графа Бенningсена о злоупотребленіяхъ въ таможенныхъ; конвенціонный тарифъ по взаимной торговлѣ Пруссіи и Россіи; записка тайнаго совѣтника Новосильцова относительно конвенціоннаго тарифа; письмо министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, по вопросу о нѣкоторыхъ неясностяхъ, допущенныхъ въ конвенціи съ Пруссіею 1819 года и выписка изъ прибавленій къ журналу «Le Conservateur Impartial», который издавался въ Петербургѣ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отъ 28-го августа 1821 года, съ объясненіями причинъ, почему русское правительство рѣшилось измѣнить таможенную политику, принятую имъ было въ 1819 и 1820 годахъ.

Г. Лодыженскій въ своемъ трудѣ не ограничился изученіемъ сочиненій, являвшихся въ нашей экономической, финансовой и коммерческой литературѣ, но для ознакомленія съ мотивами, вызывавшими изданіе таможенныхъ тарифовъ, обращался къ подлиннымъ дѣламъ, хранящимся въ архивахъ бы-

вшеі коммерцъ-коллегіи, комисси о коммерціи, департамента вѣдшей торговли и департамента торговли и мануфактуръ. Авторъ достигъ предположенной имъ цѣли, именно представить историческій очеркъ возникновенія въ Россіи таможенной системы и тѣхъ измѣненій, которымъ она подвергалась до изданія тарифа 1868 года, нынѣ дѣйствующаго, хотя и значительно уже измѣненнаго. Изъ книги г. Лодыженскаго видно, что съ 1724 года произведено было 15 полныхъ пересмотровъ общаго тарифа, по одной европейской торговлѣ, частичныхъ же измѣненій было болѣе сорока шести, сверхъ измѣненій по отдѣльнымъ статьямъ привоза и отпуска. Особенно интересною эпохою въ нашей экономической политикѣ является рядъ чрезвычайно осмысленныхъ таможенныхъ тарифовъ, изданныхъ при императрицѣ Екатерицѣ II, тѣмъ болѣе, что эта эпоха имѣетъ отчасти нѣкоторое сходство со временемъ, переживаемымъ Россіею съ 1857 года.

П. У.

Старый Петербургъ. М. И. Пыляева. Съ 100 гравюрами. Спб. 1887.

Въ началѣ этой роскошно изданной книги нѣтъ, къ сожалѣнію, руководящаго и, по нашему мнѣнію, необходимаго предисловія, которое бы наглядно знакомило читателя съ содержаніемъ сочиненія г. Пыляева и опредѣляло отношеніе его къ другимъ предшествовавшимъ описаніямъ Петербурга. Въ нѣсколькихъ строкахъ «отъ автора», замѣняющихъ предисловіе, сказано только весьма глухо, что «въ настоящей книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій». А между тѣмъ это совершенно неопредѣленное указаніе далеко не исчерпываетъ того, что даетъ читателю книга г. Пыляева, значительно отличающаяся отъ всѣхъ остальныхъ, болшею частью, весьма сухихъ и скучныхъ, описаній Петербурга. Всѣ эти описанія были написаны съ цѣлью или—дать полное, связанное изложеніе фактовъ, касающихся исторіи Петербурга, отъ самаго его основанія до извѣстной эпохи; или—дать описаніе Петербурга въ извѣстную, опредѣленную эпоху, почти не касаясь или только вкось касаясь его прошлаго. Г. Пыляевъ избираетъ иной путь:—описывая Петербургъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, онъ дѣлаетъ это описаніе только основною темою для весьма живыхъ и занимательныхъ разсказовъ о «Петербургской старинѣ» вообще, слегка касаясь и быта, и общественной жизни города, и горожанъ, и даже домашней, частой жизни наиболѣе извѣстныхъ петербуржцевъ, начиная отъ царствующихъ особъ до вельможъ и знаменитостей всякаго рода. При такомъ равнообразномъ содержаніи, книга, конечно, не можетъ замѣнить собою прежнія описанія Петербурга (сдѣлавшіяся большою библиографическою рѣдкостью), но за то читается легко и пріятно, и безъ всякихъ притязаній на слишкомъ большую ученость или серьезность, доставляетъ читателю много историческихъ свѣдѣній и возбуждаетъ его любознательность по отношенію къ нашей «Сѣверной Пальмирѣ», которую всѣ мы такъ плохо знаемъ. Единственный упрекъ, который мы можемъ сдѣлать г. Пыляеву, заключается въ томъ, что онъ мало разборчивъ въ выборѣ источниковъ, не всегда послѣдователенъ въ своемъ изложеніи фактовъ, и, при громадномъ обиліи находящагося у него подъ руками матеріала, слишкомъ часто переходитъ въ своемъ разсказѣ отъ описанія одного предмета къ другому, ничѣмъ не облегчая вотъ переходъ читателю. Книга г. Пыляева служить

вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасной выставкой богатой и разнообразной коллекціи старинныхъ гравюръ, принадлежащихъ П. Я. Дашкову, который такъ обаятельно дѣлится съ публикой своими сокровищами.

П. Л. В.

Первое столѣтіе г. Екатеринослава. 1787—9 мая—1887 г. Докладъ Екатеринославской Городской Управы къ торжественному засѣданію Думы 9 мая 1887 г. Составилъ М. М. Владиміровъ, городской секретарь. (Матерьялы для историческаго очерка). Екатеринославъ. 1887.

Это длиннѣйшее заглавіе, отчасти, даетъ намъ понятіе о томъ провинціальномъ изданіи, которымъ ознаменованъ былъ столѣтній юбилей города Екатеринослава. Насколько многословно и безсвязно заглавіе, настолько же многословна и безсвязна, по составу своему, вся книга г. Владимірова, въ которой любопытнѣйшіе историческіе матерьялы перемѣшаны съ скучнѣйшими реляціями о разныхъ городскихъ торжествахъ и съ длиннѣйшими выписками изъ общеизвѣстныхъ печатныхъ сочиненій. Десятки страницъ, заняты никому ненужными мелочами и списками справочныхъ цѣвъ на продукты, а вся многовѣковая исторія мѣстности, занимаемой нынѣшнею Екатеринославскою губерніею, отъ временъ доисторическихъ до половины XVIII вѣка, изложена на одной страничкѣ! И какъ изложена! Приведена выписка въ 16 строкъ изъ Геродота (описаніе Борисеена), затѣмъ сказано, что послѣ Сяеовъ въ Придѣйровѣ жили Печенѣги, Хозары и Половцы и что «памятникомъ пребыванія одного изъ этихъ народовъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (?) сохранились каменные бабы». Затѣмъ говорится, что «по мнѣнію Бруна въ нынѣшнемъ Екатеринославскомъ уѣздѣ обитали Меланхлены, желавшіе остаться нейтральными въ войнѣ между скиеами и персами, какъ упоминаетъ о томъ Геродотъ. Около 400 лѣтъ русскіе князья вели почти непрерывныя войны съ упомянутыми кочевниками (это съ Меланхленами-то!), а потомъ Батый нагрязнулъ на Русь», и т. д. А для того, чтобы ознакомить читателя съ топографіей Новороссіи, авторъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ привести слѣдующія мѣста изъ сочиненій Гавріила, архіеп. Тверскаго и Кашинскаго, который такъ описываетъ новороссійскія степи:

«Вдали отъ жилищъ человѣческихъ, взоръ, не встрѣчая предмета, могущаго остановить его, плаваетъ въ безконечности. Душа, ничѣмъ не стѣсняемая, не получая ни малѣйшаго впечатлѣнія, чувствуетъ особенную свободу, невѣдомую жителямъ лѣсовъ, наслаждается какимъ-то сладостнымъ бездѣйствіемъ, и, вслѣдъ за зрѣніемъ, на крыльяхъ фантазіи, несется въ область безпредѣльнаго».

А вотъ и еще любопытный образецъ того способа изложенія, который допускается г. Владиміровымъ въ официальный «докладъ Управы къ торжественному засѣданію Думы». Излагая исторію учебныхъ заведеній г. Екатеринослава онъ говоритъ, между прочимъ, на стр. 191:

«Изъ смерти рождается жизнь (?). Разложившійся трупъ удобряетъ почву для новыхъ болѣе роскошныхъ всходовъ. Эти мысли (!) неволью придутъ въ голову каждому, кто ознакомится съ исторіей возникновенія бесплатной женской школы» и т. д.

Жаль, что Екатеринославская Управа не нашла возможности выдать что нибудь болѣе толковое и дѣльное къ столѣтнему юбилею родного города!

П. П.

**Историческій очеркъ Сибири. Т. III. Періодъ отъ 1742—1762 г.
Составилъ В. К. Андріевичъ. Томскъ. 1887.**

Мы не знакомы съ первыми двумя томами сочиненія г. Андріевича; но тотъ томъ, который лежитъ передъ нами, представляетъ собою добросовѣстную обработку историческаго матерьяла, касающагося Сибири, и, главнымъ образомъ, извлеченнаго изъ Полнаго Собранія законовъ, сенатскаго архива и различныхъ печатныхъ сочиненій о Сибири. Хотя, конечно, матерьялъ, бывшій въ рукахъ у автора, далеко не исчерпываетъ того громаднаго круга матерьяловъ для сибирской исторіи, которые хранятся въ нашихъ архивахъ (особенно московскихъ): но, тѣмъ не менѣе, книга г. Андріевича имѣетъ смыслъ и значеніе, какъ первый опытъ общедоступнаго изложенія сибирской исторіи, небезполезный при скудости и крайней ограниченности свѣдѣній о Сибири, обращающихся въ нашемъ обществѣ.

Нѣсколько наивными кажутся намъ только разсужденія автора о той пользѣ, которую можно ожидать отъ изданія въ свѣтъ обстоятельной исторіи Сибири. «Неимѣніе исторіи этой далекой окраины»,—говоритъ г. Андріевичъ,—«не даетъ возможности администраторамъ, назначаемымъ въ Сибирь, а также той арміи чиновниковъ, которую всѣ они привозятъ съ собою на смѣну прежде бывшихъ, ознакомиться съ тѣмъ, что было сдѣлано до нихъ, и что предпринималось, но не удалось. Вслѣдствіе изложеннаго каждая серія администраторовъ творить Сизифову работу»... «Немногія тысячи рублей (истраченныя) на изданіе исторіи Сибири окупятся сотнями тысячъ рублей сокращенія въ расходахъ, просто только въ силу того, что административныя мѣры будутъ приводить въ исполненіе систематично, а не ошупью и не на показъ, какъ это дѣлается теперь часто». Невѣрность подобнаго разсужденія настолько очевидна, что даже не требуетъ опроверженія.

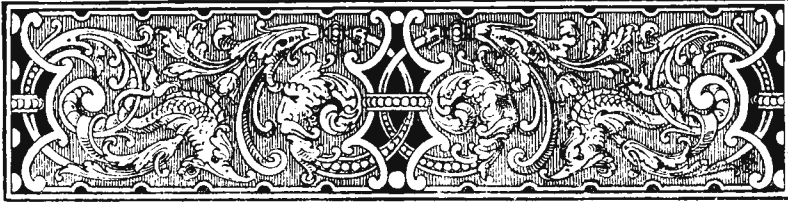
П. Л. В.

**Одиннадцать гравюръ И. А. Берсенева, съ замѣткою о его жизни
Издавъ Д. А. Ровинскій. Спб. 1887.**

Д. А. Ровинскій продолжаетъ неумоимо обогащать русское художество своими превосходными изданіями. Въ числѣ немногочисленныхъ русскихъ гравюровъ конца прошлаго столѣтія, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ талантливому Берсеневу, умершему всего двадцати-семи лѣтъ отъ роду (род. въ 1762 году † въ 1789 году), но успѣвшему оставить послѣ себя нѣсколько произведеній, отличающихся прекраснымъ рисункомъ и необыкновенной чистотой и блескомъ рѣзца. Гравюры Берсенева составляли большую рѣдкость, но теперь, благодаря г. Ровинскому, онѣ дѣлаются общимъ достояніемъ. Въ изданномъ атласѣ воспроизведены частью съ подлинныхъ досокъ, частью посредствомъ гелиографюры, по способу г. Скамони, одиннадцать гравюръ Берсенева, изъ которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе портретъ графини Орловой, рожденной Зиновьевой, и гравюры: «Дьяволъ искушаетъ Спасителя», «Св. Іоаннъ Евангелистъ» и «Марія Магдалина».

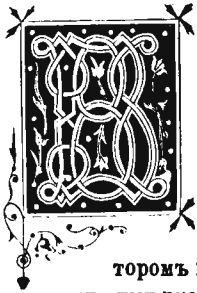
Н. Н.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русскіе лирики въ англійскихъ стихахъ. — Англійскій переводъ французской книги о русскихъ писателяхъ. — Русскія тюрьмы въ запискахъ Достоевскаго и въ сочиненіи Крапоткина. — «Идіотъ» въ англійской оцѣнкѣ. — Греко-славянская литература въ средніе вѣка и ея отношеніе къ народнымъ легендамъ Европы. — Вамбери, восторгающійся успѣхами Россіи въ Средней Азіи. — Предки наши аріи — чухны или индійцы? — Двѣ біографіи Льва XIII. — Книга о Венгріи. — Открытіе Америки исландцами. — Исторія Исландіи. — Прусскія покушенія на французскую территорію въ началѣ XVII вѣка. — Политическая исторія Франціи. — Гвіана и Амазонія. — Корреспонденція Луизы Колинъи.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда во Франціи русская литература для многихъ, не болѣе, какъ модное увлеченіе, въ Англійи занимаются ею серьезно, изучаютъ ее основательно, хотя и дѣлаютъ объ ней сдержанные отзывы. Недавно англійскій священникъ, Вильсонъ, издалъ томъ «Русскихъ лириковъ въ англійскихъ стихахъ» (Russian lyrics in english verse, by the rev. C. T. Wilson). «Athenaeum» далъ объ этой книгѣ отчетъ въ двадцати строкахъ, въ которомъ хвалитъ цѣль книги: познакомить англійскихъ читателей съ лучшими русскими поэтами, и говоритъ, что къ переводу 28-ми образцовыхъ произведеній приложены краткія біографіи ихъ авторовъ, взятая изъ «прекрасной антологіи Гербеля», но находитъ, что вообще переводы недостаточно поэтичны и музыкальны. Вильсонъ только вѣрнѣе оригиналу, но читатели «врядъ ли составятъ благоприятное понятіе о достоинствѣ русскихъ стиховъ». Обстоятельный отзывъ о книгѣ далъ въ журналѣ «Academy» извѣстный знатокъ русской литературы В. Р. Морфилъ. Онъ напоминаетъ, что русскихъ поэтовъ переводилъ еще Джонъ Боурингъ въ 1822 году, а въ послѣднее время Гартъ-Дэвисъ, но оба очень неудачно. Немногимъ лучше и переводы Вильсона даже по отношенію къ вѣрности стиха, не говоря уже

«ИСТОР. ВѢСТН.», ДЕКАБРЬ, 1887 г., т. xxx. 16

о его звучности. Такъ, вовсе исключивъ изъ числа поэтовъ Державина, англичанинъ переводитъ Крылова чрезвычайно плоскими стихами. Напр., стихъ басни «Вельможа», сдѣлавшійся пословицею: «ужь такъ и кажется, что быть ему въ раю», Вильсонъ передаетъ: «прямоу переходу его на небо никто не будетъ завидовать». (to whom the passage straight in heaven none would grudge). Изъ «Свѣтланы» Жуковского, въ которой измѣненъ размѣръ, вышла какая-то юмористическая поэма. Ее перевелъ лучше даже Боурингъ. Тоже можно сказать о «Невѣстѣ» Пушкина, переданной также совершенно другимъ метромъ. Описаніе полтавской битвы сдѣлано бѣлыми стихами. Пушкинскихъ «Бѣсовъ» совсѣмъ не узнать въ неуклюжей переделкѣ. Напрасно совѣтуетъ критикъ выбросить пьесы Баратынскаго и Языкова, потому что ихъ будто бы мало читаютъ въ Россіи: въ исторіи литературы ихъ никогда не забудутъ любители истинной поэзіи. Переводы изъ Кольцова вышли еще неудачнѣе, такъ какъ русскій народный размѣръ невозможно передать англійскимъ стихомъ, и «Пѣсня Пахаря» въ восьмисложныхъ стихахъ просто неузнаваема. Лермонтовскій «Споръ» просто изуродованъ, «Казачья колыбельная пѣсня» передана нѣсколько лучше. Каждые два стиха Некрасовской «Несжатой полосы» передаются шестью англійскими стихами, оттого весь складъ пьесы совершенно измѣняется. «Въ больницѣ» переведено бѣлыми стихами. Въ то же время весьма хорошій переводъ поэмы «Морозъ красный носъ» вышелъ въ Бостонѣ, въ Сѣверной Америкѣ (Red-nosed Frost). Вильсонъ переводилъ и Никитина, но очень далеко отъ его водвортовской простоты. Переводчикъ, очевидно, знаетъ хорошо русскій языкъ и сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы передалъ русскихъ поэтовъ въ англійской прозѣ. Вѣдь передалъ же Ральстонъ басни Крылова въ прекрасномъ прозаическомъ переводѣ. Даже лучший переводъ Одиссеи Бутчера и Ливча въ прозѣ.

— Отвѣчая требованіямъ знакомства съ русскою литературою, англичане переводятъ и французскія книги о нашихъ писателяхъ. Такъ, явилось сочиненіе Эрнеста Дююи «Великіе дѣятели русской литературы XIX столѣтія». (The great masters of russian litterature in the nineteenth century). Англійская критика приписываетъ, однако, своему народу открытіе «этой новой золотой жилы, этой странной, волшебнo-образной (fairy-like) вещи, называемой русскою литературою, руда которой такъ усердно разрабатывается». Дююи не проникнулъ, впрочемъ, въ глубину этой руды, а ислѣдуетъ ее только на поверхности, возбуждая любопытство читателя, но не вполне удовлетворяя его. Болѣе всего онъ говоритъ о Гоголѣ, признавая въ немъ перваго истинно-національнаго русскаго генія въ литературѣ, хотя Крыловъ имѣетъ болѣе правъ на это званіе. Гоголь, во всякомъ случаѣ, писатель совершенно оригинальный. У него нѣтъ ни одной строки вульгарной, принадлежащей къ общимъ мѣстамъ. Саркастическій и безпощадный, какъ Текерей, въ описаніи жизненной лжи, Гоголь, по отзыву англійской критики, выше Текерея веселостью, легкостью стиля. Критикъ Атенеума, называя Гоголя изумительнымъ создателемъ типовъ, котораго будутъ читать, пока будутъ существовать русскіе, удивляется, почему Дююи обратилъ мало вниманія на повѣсть «Шинель» (The overcoat), сатира которой выше Щедринской, а по тонкости чувства и пафосу ставитъ писателя на ряду съ Дикенсомъ. «Мертвыя души» и «Ревизоръ» также высоко цѣнятся англійскимъ критикомъ, какъ и французскимъ писателемъ. Отзывъ о Тургеневѣ также полонъ симпатіи. Это лучший портретистъ русскихъ женщинъ, «ве-

личія ихъ характера и мистической атмосферы, окружающей ихъ». Критикъ не согласенъ съ названіемъ западника, придаваемымъ Эрнестомъ Дюкою Тургеневу и называетъ его русскимъ *par excellence*, глубоко проникавшимъ въ сущность вещей, чтобы симпатизировать фантазіямъ панславизма. Онъ видитъ ясно ошибки и недостатки своихъ соотечественниковъ, и она за это не любили его, какъ не любятъ нѣмцы Гейне. Лучшимъ произведеніемъ Л. Н. Толстого, котораго переводчикъ называетъ *Lyof Tolstoi*, Дюкою считаетъ повѣсть «Казачи», а англійскій критикъ «Анну Каренину». Толстымъ и французы и англичане, восхищаются больше какъ романистомъ, нежели какъ проповѣдникомъ и моралистомъ.

— Четвертый крупный русскій романистъ явился на англійскомъ языкѣ въ двухъ своихъ произведеніяхъ—лучшемъ и слабѣйшемъ. Сотерландъ Максвелъ издалъ единственный и разрѣшенный (къмъ?) переводъ «Записокъ изъ Мертваго дома» подъ названіемъ: «Тюремная жизнь въ Сибири» (*Prison life in Siberia, by Fedor Dostoieffsky. Sole and authorised translation by H. Suhterland Edwards*). Вишау перевелъ «Идиота» (*The Idiot, by Fedor Dostoieffsky, translated from the russian by F. Wishaw*). «Мертвый домъ» англійская критика сопоставляетъ съ книгою Крпоткина «Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ» (*In russian and french prisons by prince Krapotkine*), написанной въ опроверженіе книги члена лондонскаго библейскаго общества Лансделя, которому официально показывали русскія тюрьмы. Хотя критикъ «Academy» Брайлей Годжетъ и приводитъ извѣстную истину, что «тюремные описатели проходятъ, а тюремные сторожа остаются», но говоритъ прямо, что Крпоткинъ преувеличилъ описаніе темныхъ сторонъ русской тюремной жизни, а при описаніи французскихъ тюремъ далъ еще больше простора своему овлбленію, воставая противъ возмутительнаго, будто бы, обращенія съ нимъ въ республиканской Франціи, гдѣ мелкое тюремное начальство, гораздо болѣе развитое чѣмъ русскіе тюремщики, набираемые изъ низшихъ, малообразованныхъ сословій, обходится съ заключенными грубѣе и деспотически. Впрочемъ, этотъ постоянный жилецъ всѣхъ европейскихъ тюремъ, и объ англійскихъ тюрьмахъ отзывается не лучше, чѣмъ о французскихъ, находя, что тюрьмы должны быть госпиталями для нравственнаго лѣченія, а не портить еще болѣе характеръ заключенныхъ, овлабляя ихъ произволомъ и насиліемъ и дѣлая невозможнымъ ихъ исправленіе и возвращеніе въ общество. Годжетъ восторгается сдержаннымъ спокойнымъ изображеніемъ сибирской каторги въ книгѣ Достоевскаго, удивляется простому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могучему (*powerfull*) слогу русскаго писателя и хвалитъ его переводчика за вѣрную и блестящую передачу красоты подлинника.

Что касается «Идиота», критика находятъ, что романъ этотъ скученъ для обыкновенныхъ читателей, но почитатели таланта Достоевскаго прочтутъ его съ особеннымъ интересомъ, хотя онъ ниже «Преступленія и Наказанія» и «Униженныхъ и оскорбленныхъ» (*Injury and insult*). Исслѣдованіе социальныхъ вопросовъ было доступно Достоевскому только въ формѣ вымысловъ романа, но почему романъ имѣлъ успѣхъ во Франціи и даже въ Англии — критика этого не разрѣшаетъ. Герой романа, этотъ, бѣдный князь, страдающій припадками падучей болѣзни и начинающимся размягченіемъ мозга, нисколько не привлекателенъ, хотя авторъ надѣлилъ его возвышенными, благородными стремленіями и самъ относится къ нему съ особенной симпатіей. Его

нравственныя страданія заставляютъ забывать его физическое убожество и романъ производятъ впечатлѣніе, не смотря на всё его недостатки.

— Англичане занимаются не только современною русскою литературою, но и древне-славянскою. Докторъ филологіи Гастеръ издалъ «Ильчестерскія лекціи о грекославянской литературѣ и ея отношеніи къ народнымъ преданіямъ въ Европѣ въ средніе вѣка» (Ilchester lectures on greeco-slavonic literature and its relation to the folk lore of Europe during the middle ages). Исторія литературы мало обращала вниманія на огромный цѣль чисто народныхъ легендъ, появившихся въ теченіе среднихъ вѣковъ, въ переводахъ на славянскій языкъ съ греческаго. Гастеръ доказываетъ, что эти легенды во всей Европѣ—сравнительно позднѣйшаго происхожденія, хотя несомнѣнно заимствованы съ Востока. Въ преданіяхъ павликіанъ и богумиловъ, особенно имѣвшихъ вліяніе на развитіе Болгаріи, встрѣчаются талмудическія легенды, въ житіяхъ святыхъ сказки индійскаго происхожденія. Павликіане и манихеяне перешли изъ Малой Азіи во Фракію еще въ VIII вѣкѣ. Новую форму манихейству придалъ Константинъ Самосатскій, и одинъ изъ приверженцевъ этого ученія, священникъ Іеремія, принявъ имя Богомила, соотвѣтствующее латинской формѣ Теофила, ввелъ свое ученіе преимущественно въ Болгаріи. Богомилы, распространившіеся по всему Балканскому полуострову, называли себя истинными христіанами. Секта эта, отвергавшая символъ христіанства—крестъ, оставила глубокіе слѣды въ средневѣковыхъ легендахъ. Она славилась знаніемъ священнаго писанія, но вносила въ него множество апокрифическихъ сказаній, даже изъ еврейскихъ источниковъ, въ особенности изъ «Сеферъ-Гайашара», искаженія библии, въ которой книги «Бытія» и «Исхода» наполнены множествомъ странныхъ легендъ. Онѣ перешли отчасти и въ славянскій переводъ библии, сдѣланный богомилами. Всѣ апокрифическія житія Алексѣя, Божья челоуѣка, св. Евстафія и Иосафата, имѣютъ не славянское, а обще-арійское происхожденіе. Критикъ Атенума доказываетъ это сочиненіями Буслаева, «Каликами переходими» Безсонова, изслѣдованіями Стасова и Пыпина. Гастеръ говоритъ и о глаголической азбукѣ и признаетъ, что она древнѣе кириллицы. Это подтверждали еще Миклошичъ и Копитаръ. Напомнивъ, что слѣды болгарско-славянскихъ поселеній остались и въ южной Италіи, что доказываютъ названія многихъ мѣстностей, какъ Аспарухъ, Кубратъ, и др., Гастеръ обѣщаетъ въ скоромъ времени издать англійскій переводъ славянскихъ «отреченныхъ книгъ».

— Можно ли было ожидать, что руссофобъ Вамбери напишетъ статью, въ которой будутъ заключаться только одні похвалы Россіи? А между тѣмъ это случилось въ «Вестермановскомъ ежемѣсячникѣ» (Westermann's illustrierte Monatsheft). Въ послѣдней книжкѣ этого журнала венгерскій публицистъ помѣстилъ статью «Желѣзная дорога на песчаномъ морѣ» (Eine Eisenbahn auf dem Sandmeere), проникнутую удивленіемъ къ русской постройкѣ въ гирканскихъ степяхъ, по которымъ четверть вѣка тому назадъ Вамбери, какъ онъ самъ описываетъ, пробирался съ опасностью жизни, въ костюмѣ дервиша. Онъ говоритъ, что даже туркмены поражены «этой дьявольской работой ненавистныхъ имъ москвитовъ». Замѣна верблюда паровозомъ кажется имъ чѣмъ-то сказочнымъ. Дорога въ 1335 верстъ отъ Каспія до Самарканды дѣйствительно замѣчательнѣйшая постройка нашего времени. На ней вѣтъ ни тоннелей, ни крутыхъ подъемовъ, ни огромныхъ мостовъ и насыпей, но тѣмъ не менѣе продолженіе ея по песчанымъ степямъ представляло громадныя затрудненія. Весь матеріалъ для ея постройки, для жизни

рабочихъ, надо было привозить издалека. Вамбери удивляется выносливости и стойкости рабочихъ. Тамъ, гдѣ сыпучій песокъ въ какойнибудь часть совершенно покрываетъ павшаго верблюда, надо было разрывать этотъ песокъ на глубину 150—200 футовъ, чтобы смочить нижніе слои водою, привезенною изъ далекаго моря, укрѣпить глиною основаніе, на которомъ можно было бы вывести шпалы. Русскіе работники не могли долго переносить трудовой жизни въ этомъ климатѣ и ихъ надо было замѣнять мѣстными уроженцами, туркменами и персіанами. Четыре года прошли въ изслѣдованіи и укрѣпленіи мѣстности вдоль пролагаемой дороги, въ отысканіи горючаго матеріала для топки паровозовъ, такъ какъ доставка каменнаго угля была соединена съ огромными затрудненіями. Матеріалъ нашли въ обильныхъ источникахъ нефти. Тамъ гдѣ 25 лѣтъ назадъ Вамбери чуть не завязъ со всѣмъ караваномъ въ вонючемъ болотѣ—теперь огромная цистерна, изъ которой ежедневно добывается 82,000 киллограмовъ нефти для движенія, освѣщенія отопленія желѣзной дороги. Нефть служитъ даже матеріаломъ для варки пищи. Мервъ, по словамъ Вамбери, можетъ сдѣлаться культурнымъ центромъ Средней Азіи, какимъ былъ при Сассанидахъ и первыхъ калифахъ. Въ Чарджуѣ, гдѣ еще недавно былъ невольничій рынокъ, на которомъ дешево продавались персіане, теперь русскіе офицеры даютъ балы, приводящіе въ изумленіе бухарцовъ, таджиковъ, сартовъ, туркменъ и разноплеменныхъ азіатовъ. Изъ этого города два парохода ходятъ по Аму-Дарьѣ. Отъ Узунъ-Ада на Каспій до Самарканда поѣзды ходятъ въ 36 часовъ. Изъ Тифлиса въ древнюю столицу Тимура можно прибыть на четвертый день, считая въ этомъ числѣ перевѣздъ прямо отъ Баку, стало быть изъ Парижа, Лондона, Берлина можно пріѣхать въ 7—8 дней. Вамбери увѣренъ, что разбойничье племя туркменъ исчезнетъ въ наплывѣ болѣе развитой культуры. Онъ, конечно, желалъ бы, чтобы эта культура была не русская, но сознается, что она выше азіатской и мусульманской. Еще бы! если восточная пословица говорить: «Поспѣшность—дѣло дьявола, а медленность угодна Богу».

— Принятая наукою теорія заселенія Европы племенемъ аріевъ, пришедшихъ изъ Средней Азіи, въ послѣднее время сильно потрясена новѣйшими изысканіями. Когда такіе ученые, какъ Максъ Мюллеръ, Поттъ и Лассенъ, признали своими предками индоевропейское племя, явившееся съ подошвы Гималаевъ, только Латамъ утверждалъ, что теорія эта основана на однихъ предположеніяхъ. Теперь, другіе ученые, какъ Шрадеръ, Пенка, Гейгеръ, Фикъ, Куно, доказываютъ что арійское племя жило не въ Азіи, а въ Сѣверной Европѣ. Въ засѣданіи Британскаго общества, каноникъ Исаакъ Тайлоръ читалъ свои изслѣдованія «о первоначальномъ мѣстопробываніи аріевъ» (*The primitive seat of the Aryans*), вышедшія теперь отдѣльною брошюрою. Авторъ повторяетъ доводы названныхъ выше противниковъ индоевропейской теоріи и доказываетъ, на основаніи лингвистическихъ изысканій, что первобытные аріи жили въ холодной, лѣсной странѣ, по сосѣдству съ моремъ, покрытой снѣгомъ въ долгую зиму, поросшей елью, березой, дубомъ, букомъ, ивой и орѣшиной. Фауна ея состояла изъ бобровъ, волковъ, лисицъ, лосей, зайцевъ, оленей, угрей, омаровъ, тюленей, лососей. Типъ этихъ длинноголовыхъ аріевъ, чисто скандинавскій, великорослый, длинноволосый, голубоглазый, бѣлой кожи. Первобытные жители южной и западной Европы, покоренные аріями и принявшіе ихъ языкъ, всѣ туранскаго типа. Въ центральной Азіи мы не находимъ слѣдовъ арійскаго типа и всѣ переселенія племенныхъ массъ совершаются обыкновенно съ сѣвера на югъ, а не на обо-

ротъ. Цвѣтъ кожи южныхъ племенъ дѣлается темнѣе въ теченіе вѣковъ, тогда какъ эскимосовъ и самоѣдовъ не измѣняется въ тысячелѣтія. Тайлоръ находитъ, что къ типу аріевъ подходятъ ближе всего финны и ихъ предки— Чудь. На Балтійскомъ поморьѣ типъ этотъ сохранился еще въ большей чистотѣ. Единственнымъ аргументомъ, въ пользу происхожденія аріевъ изъ Индіи—сходство ихъ языка съ санскритскимъ. Но языкъ литовскій сохранилъ болѣе чистые слѣды языка аріевъ. Въ финскомъ языкѣ всѣ слова, относящіеся къ первобытнымъ условіямъ жизни, какъ мать, отецъ, сынъ, дочь, братъ и пр. также мѣстоименія, числа, названія общеупотребительныхъ предметовъ—арійскаго происхожденія, также какъ падежи, начальныя формы и корни. Сѣверные аріи или финны занимали въ доисторическія времена Среднюю Европу до Рейна и Вислы и могли скорѣе рассылать вѣтви своего племени по всѣмъ направленіямъ. Эти переселенія естественнѣе, чѣмъ съ Гималая на сѣверъ. Аріи покорили на востокъ славянскія и угрскія племена, на югъ иберійскія и передали имъ свой языкъ. Отдѣленіе аріевъ отъ ихъ финскаго корня произошло лѣтъ тысячъ за пять до нашей эры и они находились тогда на низшей степени культуры; ввали мѣдъ, но орудія ихъ были каменныя или изъ кости; жили они семьями въ хижинахъ изъ древесныхъ вѣтвей, умѣли добывать огонь, считали до десяти, употребляли соль, ловили рыбу, но сомнительно, чтобы пахали землю; у нихъ были стада быковъ, оленей и свиней, но овецъ и собакъ они не знали. Не въ пользу теоріи Тайлора говоритъ однако одинъ вѣскій фактъ: если аріи финскаго, то есть скандинавскаго происхожденія, то отчего въ финскомъ языкѣ гораздо меньше сходства съ арійскимъ, чѣмъ въ языкахъ готскомъ и древнегерманскомъ, несомнѣнно происходящихъ отъ скандинавскаго корня? Археологическія изысканія доказали также, что древности каменнаго вѣка, находимыя въ Финляндіи, совершенно другого типа, чѣмъ въ Швеціи и Давіи. Это объясняютъ впрочемъ тѣмъ, что Финляндія была первоначально населена лапландцами, низшею расою, которой финны дали свой языкъ, покоривъ ее. Весь этотъ вопросъ еще очень теменъ и требуетъ болѣе тщательныхъ и основательныхъ изысканій.

— Нынѣшній папа гораздо болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ интересуется англичанъ. По этому неудивительно одновременное появленіе двухъ англійскихъ сочиненій подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ: «Жизнь Льва XIII» (Life of Leo XIII). Обѣ книги вышли къ пятидесятилѣтнему юбилею папы, 5 ноября; одна принадлежитъ католику, другая относится къ папѣ спокойно, безъ предвзятой антипатіи и предубѣжденія. Въ Англии никого уже не тревожатъ политическое могущество папы, такъ какъ онъ лишился всѣхъ своихъ владѣній, а духовная власть его, опасная для всякой свободы, не простирается на острова, гдѣ давно уже сдѣлался истинною историческій девизъ по рорегу. Когда былъ провозглашенъ догматъ папской непогрѣшимости, даже католическія державы поняли, какое страшное орудіе дастъ онъ въ руки фанатика. Поэтому избраніе преемника Пія IX возбудило опасеніе въ Европѣ, вѣрившей, что порядокъ и свобода—понятія вполне совместимыя, а не враждебныя одно другому, какъ утверждало папство. Но Левъ XIII оказался несравненно мягче и миролюбивѣе своего предшественника и если не отказывается отъ притязаній, не совместныхъ съ духомъ нашего времени, то старается провести ихъ въ жизнь съ помощью восстановленнаго имъ ордена иезуитовъ и не мечетъ громами и анаемами въ непризнающихъ его непогрѣшимость. Составитель одной изъ книгъ о жизни

Льва XIII, Бернардъ О'Рельи, говорятъ, что папа, формируя учрежденія своей церкви, не желаетъ вла ни одному протестанту. Какъ ревностный католикъ авторъ называетъ папство божественнымъ учрежденіемъ и потому враждебно относится къ итальянскому королевству. Авторъ рассказываетъ подробно исторію Льва XIII до вступленія на папскій престолъ, его посольство въ Бельгію къ Леопольду I, путешествіе въ Англію, епископство въ Перуджіи. Принимая тіару, кардиналъ Печчи встрѣтилъ недоброжелательство Італіи, вражду Германіи и французской демократіи. Но онъ успѣлъ устроить *modus vivendi* Ватикана съ Квириналомъ, примириться съ французской республикой, сдѣлать себѣ друга изъ германскаго канцлера и все это безъ уступокъ со стороны папства. Эта сторона его политики особенно отгѣнена во второй біографіи, написанной Джономъ Ольдкетлемъ. Въ книгѣ его нѣсколько главъ, написанныхъ вестминстерскимъ архіепископомъ, и это придаетъ ей оффиціальнѣйшій отгѣнокъ, дѣлая ее выразителемъ мнѣнія англиканской государственной церкви.

— Для серіи, носящей названіе «Исторія націй», Вамбери написалъ «Венгрія» (*The story of the nations. Hungary*). Онъ самъ говоритъ, въ предисловіи, что въ книгѣ его нѣтъ новыхъ фактовъ, а излагается только то, что долженъ знать образованный читатель. Исторія доведена до введенія въ странѣ австро-венгерской конституціи 1868 года. О ея значеніи авторъ высказывается довольно безпристрастно, но относится къ венгерцамъ съ особымъ энтузіазмомъ, что конечно дѣлаетъ его книгу болѣе цѣнной для англичанъ, хотя его соотечественники не могутъ быть ею довольны. Написана она хотя и не блестящимъ, но яснымъ литературнымъ языкомъ, безъ преувеличеній публициста и патріота.

— Какая-то Марія Браунъ подняла старый вопросъ объ «исландскомъ открытіи Америки» (*The Icelandic discoveries of America*) или «честь тому, кому эта честь принадлежитъ» (*of honour to whom honour is due*). Главная мысль книги та, что Колумбъ укралъ свои свѣдѣнія о новомъ свѣтѣ изъ Ісландіи, хотя Римъ также имѣлъ эти свѣдѣнія, но держалъ ихъ въ тайнѣ; что Колумба хотѣли сдѣлать святымъ, а онъ былъ лжець, торговецъ невольниками и воръ; что вообще югъ, привыкшій ко лжи, напрасно пренебрегаетъ изученіемъ исторіи сѣвера. Исторія давно знаетъ, что исландцы еще въ концѣ X вѣка открыли Гренландію. Адамъ Бременскій описываетъ ясно открытіе норманномъ Гарольдомъ рыжимъ Виннеланда на континентѣ Сѣверной Америки. Преданіе объ этихъ открытіяхъ черезъ пять вѣковъ сдѣлалось однако очень смутно и Колумбъ не могъ имѣть объ нихъ никакихъ письменныхъ документовъ, а сага Эрика вовсе не была извѣстна въ Европѣ, въ XV вѣкѣ. Какая необходимость унижать Колумба, чтобы прославить Лейфа Эриксона? Слѣды открытій генуэзца произвели переворотъ въ цѣломъ мірѣ, тогда какъ открытіе исландцевъ не оставило слѣдовъ въ исторіи.

— Другая писательница Летиція Макколь составила хорошую «Исторію Ісландіи» (*The Story of Iceland*). Факты взяты изъ исландскихъ сагъ въ переводахъ Магнусона и Дазента и изъ поэтическихъ произведеній, переданныхъ въ прозѣ. Языкъ книги отличается простотою, мѣстами даже слишкомъ дѣтски наивною. Но картина жизни исландцевъ, какъ въ древнія такъ и въ нынѣшнія времена, весьма интересна и патріархальные нравы ихъ, такъ же какъ многія стороны быта, далеко непохожіе на наши обычаи, изображены вѣрно и поэтично.

— Любопытна книга Эмиля Буржуа «Невшатель и прусская политика

въ Франш-Конте» (*Neufchatel et la politique prussienne en Franche-Compté, 1702—1713*). Въ 1703 году первый прусскій король Фридрихъ получилъ по судебному рѣшенію, какъ наслѣдство герцогини Немурской, графство Невшатель и Валанженъ, находящееся въ Швейцаріи, въ 400 миляхъ отъ Берлина. Этотъ небольшой кантонъ продолжалъ въ то же время считаться швейцарскимъ, пользовался безусловнымъ нейтралитетомъ и состоялъ подъ управленіемъ швейцарской конфедераціи и Пруссіи на правахъ общаго владѣнія (*ius condominiumi*). Для чего нужна была Пруссіи эта незначительная территория, жители которой, проникнутые чисто республиканскимъ духомъ, приносили только много хлопотъ монархіи Гогенцоллерновъ? Вопросъ этотъ изслѣдовалъ Буржуа по французскимъ, прусскимъ и швейцарскимъ архивамъ и нашелъ, что скупой Фридрихъ I не щадилъ денегъ, чтобы невшательскій судъ исключилъ французскихъ претендентовъ на это княжество и призналъ права на него прусской династіи. А Невшатель былъ ключомъ Юры и Франш-Конте, на которое Гогенцоллерны также заявляли притязаніе. Все, чего могъ добиться Людовикъ XIV въ 1708 году отъ совѣта республики, это—полнаго нейтралитета княжества подъ гарантіей гельветическаго союза. Невшатель предъявилъ также права на владѣніе частью Франш-Конте, права конечно весьма сомнительныя и спорныя, но не болѣе спорныя, чѣмъ права Фридриха II на Силезію, Пруссіи на Шлезвигъ и Голстинію. И однако и Силезія, и Шлезвигъ, и Голстинія принадлежатъ Пруссіи. Потерявъ возможность вторгнуться черезъ Невшатель въ Франш-Конте, только-что присоединенный къ Франціи, и недовольный этимъ, хотя и не желавшій принадлежать иѣмцамъ, Фридрихъ I въ союзѣ съ Австріей попытался проникнуть въ Франш-Конте черезъ Бельфоръ, но герцогъ д'Артуа разбилъ австрійскій корпусъ на Рейнѣ въ августѣ 1709 года—и вторженіе не удалось. До самой смерти Фридрихъ I пытался однако нѣсколько разъ убѣдить священную римскую имперію, что Германія принадлежала обѣмъ Бургоніи, Альзасъ, Франш-Конте, Безансонъ. Наслѣдникамъ перваго прусскаго короля было много дѣла и безъ Невшателя и одинъ изъ нихъ даже совершенно отказался въ 1756 г. отъ всякихъ правъ на швейцарскій кантонъ. Но кто знаетъ, не раскаявается ли въ этомъ теперешняя Пруссія и не ждетъ ли только удобнаго случая, чтобы возобновить свои притязанія и на другія части Франціи, кромѣ уже захваченныхъ ею?

— Бывшій губернаторъ Мартиники, Луанъ, написалъ «политическую исторію Франціи» (*Histoire politique de la France par C. de Loisne*). Это краткая, но довольно вѣрная картина французской политики, начиная отъ завоеванія Галліи Хлодвигомъ до 1789 года. Но если можно еще выбросить изъ исторіи Франціи весь періодъ галло-римскаго владычества, имѣвшій такое огромное вліяніе на монархическія учрежденія страны, то уже совершенно нелогично оканчивать исторію переворотомъ, съ котораго началось преобразование Франціи. Книга раздѣляется на пять главъ: меровинги и карловинги, капетинги, Валуа, Анжуйскій домъ и Бурбоны. Видно, что авторъ мало знакомъ съ трудами по исторіи среднихъ вѣковъ и недостаточно разработалъ нѣкоторые періоды, какъ напр., время св. Людовика, но въ цѣломъ, трудъ автора заслуживаетъ вниманіе.

— Два тома Генриха Кудро знакомятъ насъ съ Гвианою и Амазоніей (*Etudes et voyages en Guyane et en Amazonie*). Книга получила разныя официальныя награды и премія ученыхъ обществъ. Авторъ 21-го года отправился въ страну, населенную полудиками индійцами и провелъ между

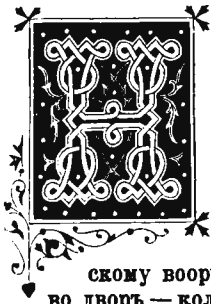
ними пять лѣтъ, собирая всевозможныя свѣдѣнія объ ихъ странѣ, составляя карты, изслѣдуя притоки Амазонской рѣки Рио-Негро, Рио-Бранко, Уаунесъ и др., изучая нарѣчія дикарей. Авторъ полонъ иллюзіей относительно возможности колонизированія этой страны, и если въ теченіе трехсотъ лѣтъ всѣ попытки Франціи положить прочныя основанія колоній въ Гвіанѣ остались безплодны—виною этому ошибочныя дѣйствія правительства. Безъ принудительнаго труда невозможно разработка этихъ дѣйственныхъ территорій, а съ уничтоженіемъ невольничества, негры и индійцы не хотятъ работать ни за какое вознагражденіе. Авторъ рассказываетъ исторію семи попытокъ завести колонію въ Гвіанѣ. Что погубило при этомъ народу — впрочемъ большею частью авантюристовъ и негодяевъ — отъ климата и разгульной жизни, сколько потрачено даромъ милліоновъ на разныя учрежденія и работы—Кудро отказывается сосчитать даже приблизительно. И теперь французская Гвіана самая жалкая изъ всѣхъ колоній. Поселенія на Амазонской рѣкѣ ожидаютъ лучшая будущность. Однихъ рабочихъ, занимающихся добываніемъ каучука тамъ теперь 80,000. По Мараньону ходятъ 52 парохода. Въ Амазонской провинціи французская колонія процвѣтаетъ; ея торговля въ 1885 году простиралась до 50 милліоновъ франковъ. Въ Манаосѣ читаютъ Ренана, Огюста Конта и Золя. Бассейнъ Амазонки здоровѣе чѣмъ въ Гвіанѣ.

— Дочь знаменитаго адмирала Колиньи, зарѣзаннаго въ Варооломеевскую ночь, по приказанію Карла IX, была выдающеюся женщиною своего времени. Жена Вильгельма Оранскаго, она была другомъ Генриха IV, Барневельта, и вела дѣятельную корреспонденцію съ замѣчательными личностями конца XVI вѣка. Письма ея, большею частью неизвѣстныя, изданы теперь въ Парижѣ подъ названіемъ: *Correspondance de Louise de Coligny, princesse d'Orange* (1555—1620). Собралъ ихъ Поль Марше, но умеръ, не окончивъ своего труда. Окончательно классифировалъ письма Леонъ Марле, написавшій хорошую біографію принцессы и составившій историческія приложенія къ письмамъ, которыя напечаталъ современнымъ правописаніемъ, что можетъ не нравиться любителямъ точности историческихъ документовъ, но дѣлаетъ доступнымъ для всѣхъ чтеніе писемъ женщины, столько страдавшей за свое отечество и свою семью. Корреспонденція бросаетъ свѣтъ и на нѣкоторыя событія политическія и общественныя конца XVI и начала XVII вѣка.

С М Ъ С Ь.

СОВЫЙ ОТДѢЛЪ въ Петербургскомъ Эрмитажѣ. Вновь открытый отдѣлъ въ Эрмитажѣ состоитъ изъ коллекцій: Царскосельскаго арсенала и коллекцій, приобретённыхъ отъ частныхъ лицъ: князя С. М. Голицына (Голицынскій музей въ Москвѣ) и г. Базилевскаго. Коллекціи эти размѣщены въ комнатахъ нижняго этажа эрмитажнаго дома, выходящаго окнами частью во дворъ, частью на набережную рѣки Невы. Коллекціи въ настоящее время, за исключеніемъ относящихся къ древне-русскому и польскому вооруженію, размѣщены: въ комнатахъ, выходящихъ окнами во дворъ — коллекціи огнестрѣльнаго оружія и предметовъ, добытыхъ изъ римскихъ катакомбъ, и въ комнатахъ, выходящихъ окнами на набережную — холоднаго оружія и вообще всего рыцарскаго вооруженія. При входѣ, изъ зала керченскихъ древностей, въ музей, обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько группъ въ натуральную величину, изображающихъ сцены изъ рыцарской жизни, какъ посвященіе въ званіе рыцаря, отправленіе въ походъ и проч. Рядомъ со входомъ помѣщены два шкафа съ сѣдлами всѣхъ эпохъ. Изъ нихъ выдѣляются: сѣдла Фридриха великаго, польскаго короля Сигизмунда III и графа Орлова, также цѣнное сѣдло, вывезенное Штакельбергомъ изъ Японіи. Далѣе въ цѣломъ рядѣ комнатъ, размѣщены огнестрѣльные оружія изъ Индіи, Египта, Албаніи, Турціи и западныхъ странъ, относящіяся къ настоящему времени. Рядомъ съ этой коллекціей оружія помѣщены кремневые ружья всѣхъ національностей. Въ этой коллекціи выдѣляется полное вооруженіе XVI столѣтія самой изящной работы извѣстнаго оружейнаго мастера Лацаріно Коминацо изъ Бергамо. Въ комнатѣ, гдѣ помѣщены колесныя огнестрѣльные орудія, замѣчательной работы венеціанская пушка XVI столѣтія, Франциска де-Мацаролисъ. Слѣдующія за этой комнатой заняты древне-русскимъ и польскимъ вооруженіемъ и послѣдняя — вещами, добытыми въ римскихъ катакомбахъ, относящимися къ первымъ вѣкамъ. Въ русскомъ отдѣлѣ историческая коллекція палокъ, принадлежав-

шихъ какъ высочайшимъ особамъ, такъ и знаменитымъ дѣятелямъ. Въ зданіи, выходящемъ окнами на набережную, находятся восемь слѣдующихъ залъ: восточная, итальянская, испанская, германская (самострѣлы), французская, швейцарская и залы: маіолики, финифти и лиможскихъ эмалей. Въ восточной залѣ помѣщено полное вооруженіе индійскаго вождя Типо-саиба, сражавшагося съ англійскими войсками за независимость Индіи, турецкое знамя и щиты, отнятыя отъ турецкаго полководца Кара-Мустафы Яномъ Собѣскимъ въ сраженіи при Вьнѣ. Кромѣ этого, здѣсь же помѣщены всѣ подносимыя средне-азіатскими властелинами російскимъ императорамъ дары, заключающіеся въ оружіи, сѣдлахъ и чепракахъ, унизанныхъ брилліантами и всевозможными драгоцѣнными камнями. Изъ нихъ выдѣляются: дары турецкаго султана, поднесенные по случаю заключенія адрианопольскаго мира въ 1829 году. Въ особенности блещетъ роскошью и брилліантами изящно вышитый золотомъ голубой чепракъ, исполненный по заказу турецкаго правительства въ Парижѣ. Чепракъ и вообще всѣ дары султана цѣнятся болѣе 200,000 рублей. Очень богаты и прекрасной восточной работы дары коканскаго хана, поднесенные государю въ 1868 г., и послѣдняго бывшаго въ Петербургѣ бухарскаго посольства. Изъ этихъ даровъ замѣчательны: коканское сѣдло изъ кованаго золота и нѣсколько бухарскихъ шапекъ, украшенныхъ почти сплошь бирюзою, такъ что можно ее принять за эмаль. Въ небольшой витринѣ у окна помѣщено шитое жемчугомъ татарское одѣяніе, поднесенное цесаревичу послѣднимъ крымскимъ ханомъ. Въ числѣ весьма рѣдкихъ вещей въ этой залѣ помѣщены три древне-арабскія, украшенныя финифтью лампы для мечетей, XVI столѣтія, и полная коллекція женскихъ и для лошадей украшеній, вывезенныхъ Кауфманомъ изъ Хивы. Въ итальянской и испанской залахъ находятся: замѣчательный щитъ Козьмы-Медичи, щитъ и шлемъ Карла V, стремяна Генриха II, щитъ Сфорца Палавичини, щитъ генуэзскаго адмирала Дорія, отнятый венеціанскими войсками въ битвѣ при Кіотже, княжаль работы Бенвенуто Челлини, вывезенный изъ Рима Петромъ великимъ. На рукояти помѣщенъ барельефъ, изображающій «Судъ Париса», и на ножнахъ: «Похищеніе прекрасной Елены». Кромѣ этихъ вещей: ножъ Цезаря Борджія и венеціанская булава, принадлежавшая одному изъ дождей. При входѣ, въ залѣ самострѣловъ помѣщено бургундское рыцарское вооруженіе Карла Смѣлаго въ дѣтскомъ возрастѣ и самострѣлъ 1533 года, съ инкрустаціей изъ слоновой кости. Въ небольшихъ витринахъ находятся изящной работы замки и ключи XV-го столѣтія, нѣмецкой работы, также шпоры полководца Тилли и кубокъ слоновой кости, принадлежавшій германскому императору Оттону III. Въ залахъ маіолики помѣщенъ небольшой шкафъ съ весьма рѣдкими издѣліями изъ слоновой кости, относящимися: римскія диптихи — къ III и V столѣтію, византійскія — къ IX до XI столѣтію и французскія — XIV и XV столѣтіямъ. Въ числѣ вещей изъ маіолики замѣчательна маіоликовая ваза Фортуні, древне-персидская ваза и коллекція маіоликовыхъ вещей работы Бернара Палисси, Сгубіо изъ Кафаджоло. Въ числѣ лиможскихъ эмалей обращаетъ вниманіе образъ Вознесенія, работы Жана Пенико II и пять предметовъ, украшенныхъ лиможской эмалью работы Нардонъ Пенико. Въ этомъ залѣ помѣщены также очень рѣдкая мощехранильница св. Елисаветы, вывезенная изъ Марбурга, мощехранильница романскаго стиля и барельефный образъ изъ терракоты, работы Андреа де-ла-Робія, и прекрасно сохранившіеся ораціи XV столѣтія, заключающія изображенія изъ библейской исторіи. Кромѣ того, въ этомъ залѣ помѣщено довольно много вещей съ лиможской эмалью XII и XIII столѣтій. Въ общемъ, въ этомъ новомъ отдѣлѣ Эрмитажа, чрезвычайно много интереснаго и достойнаго вниманія. Коллекціи сгруппированы съ большимъ вкусомъ и вполне живописно.

Девятисотлѣтіе крещенія Руси. Въ Киевѣ идутъ весьма дѣятельныя приготовленія къ 900-лѣтнему чествованію воспоминанія крещенія Руси. Къ этому

времени кievская духовная академія намѣрена издать сборникъ памятниковъ православной древности; приводятся также въ благолѣпный видъ всѣ памятники древности, напоминающіе о славномъ событіи. Къ числу такихъ памятниковъ бесспорно принадлежитъ и первый великокняжескій соборъ, нынѣ приходская Десятинная церковь, въ которомъ погребены великій князь Владиміръ и гдѣ, подъ спудомъ въ гробницѣ, покоятся останки просвѣтителя Руси. Этотъ памятникъ въ настоящее время пришелъ въ сильное обветшаніе, доходящее до того, что даже образа, писанные на штукатуркѣ, осыпались. Средства церкви также находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Капиталь ея равняется 100 руб. въ билетѣ и 40 р. наличными деньгами. Нельзя не удивляться, что въ наши дни остается въ полномъ пренебреженіи такая замѣчательная святыня, какъ Десятинная церковь, и это въ такое время, когда въ нашемъ обществѣ пробуждается большой интересъ къ памятникамъ родной старины.

Башня Ярослава. Московскія газеты обращаютъ вниманіе на печальное положеніе знаменитаго историческаго памятника XII вѣка въ Новгородѣ—башня Ярослава и справедливо жалуются на равнодушіе нашихъ археологовъ къ этому памятнику, такъ же, какъ и на варварство горожанъ, оставившихъ его на полное разрушеніе. Въ настоящее время башня Ярослава представляетъ руину, на которой растутъ березы и гдѣ прохожій народъ, безучастный къ роднымъ памятникамъ древности, оставляетъ свои отбросы... Отъ этого порядка вещей, конечно, заѣзжому путнику, интересующемуся новгородскою стариной, не всегда удобно бываетъ приступить къ осмотру башни, вслѣдствіе необыкновеннаго зловонія въ ней. Этого мало, однако. Теперь еще проложена около башни городская водосточная труба, которая, въ близкомъ будущемъ, въ концѣ уничтожитъ великій памятникъ древняго Новгорода вопреки и на зло «дѣятельности» русской археологіи, не оставивъ потомъ въ русскомъ потомствѣ никакого признака объ этой достославной старинѣ нашей. Сама башня, которая на Руси найдетъ не много равныхъ себѣ по древности, сооружена изъ кирпича въ пять сажень высотой, въ одну толщину (стѣна) и въ пять сажень діаметра. Башня имѣетъ круглую форму, ровную снизу и доверху, а въ верхней ея части находятся ниши, устроенныя подъ самымъ сводомъ башни. Самый же сводъ башни уже давно рухнулъ на землю (отъ ветхости) и смѣшался съ мусоромъ, вслѣдствіе чего внутренняя ея часть открыта для дождя, свѣга и разрушительнаго дѣйствія стихій.

Вейсенштейнскій памятникъ. Вице-адмиралъ баронъ Штакельбергъ, согласно данному имъ обѣщанію во время пребыванія въ прошедшемъ году въ городѣ Вейсенштейнѣ, Эстляндской губерніи, великаго князя Владиміра Александровича, соорудилъ въ своемъ имѣніи Мексгофъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Вейсенштейна, памятникъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, были погребены русскіе ратники, съ честью павшіе здѣсь во время осады этого города Иваномъ Грознымъ въ 1573 году. Какъ извѣстно, осенью 1572 года царь Иванъ Васильевичъ, въ главѣ многочисленнаго войска, вторгся въ предѣлы Эстляндскаго герцогства и появился 27-го декабря, совершенно неожиданно, подъ стѣнами крѣпкаго Вейсенштейнскаго замка. Послѣ четырехдневнаго обстрѣливанія, 1-го января, въ 2 часа пополудни, замокъ былъ взятъ приступомъ, при чемъ царь посадилъ въ немъ своего воеводу, который и правилъ окружающею мѣстностью именемъ русскаго царя, въ теченіе девяти лѣтъ. Памятникъ, имѣетъ видъ четырехгранной пирамиды, поставленной на четырехгранномъ же пьедесталѣ, составленномъ изъ гранитныхъ глыбъ, на которыхъ вырѣзаны съ одной стороны «1573», а съ другой—«1886». Вышина памятника 4 аршина, ширина у основанія около 1 сажени.

Памятники Судковскому и Самарину. Въ Очаковѣ поставленъ памятникъ на могилѣ извѣстнаго моряка Судковскаго. Памятникъ представляетъ четыре-

угольный обелискъ изъ чернаго гранита, съ металлическимъ бюстомъ покойнаго на вершинѣ. На одной изъ сторонъ памятника вырѣзаны десять стиховъ:

«Близъ могилы твоей съ шумомъ въ брызги волна
 «О холодный песокъ разбивается.
 «Брызги—слезы ея: это плачетъ она,
 «О тебѣ, дорогомъ, сокрушается.
 «Ты такъ море любилъ, ты его прославлялъ
 «Своимъ гениемъ, кистью могучею.
 «Вѣчно будетъ катить море валъ свой на брегъ,
 «Поминать тебя шумной тривою:
 «Такъ и ты, дорогой, будешь памятенъ вѣкъ,
 «Прославляемъ твоею отчиною».

Десятаго октября на Ваганьковскомъ кладбищѣ открытъ памятникъ покойному артисту И. В. Самарину. Это — сѣрая гранитная глыба неправильной формы, обтесанная лишь кое-гдѣ; кругомъ густо насажена вѣчная зелень—ельника и пихты. Надпись на памятникѣ въ высшей степени лаконична: «Иванъ Васильевичъ Самаринъ. Скончался 13-го августа 1885 года»,— и больше ничего. Памятникъ задуманъ довольно оригинально, если сравнить его, съ находящимися на томъ же Ваганьковскомъ кладбищѣ банальными саркофагами и колоннами, на которыхъ не рѣдкость встрѣтить изображенія умершихъ въ присвоенныхъ имъ при жизни мундирахъ и суетное упоминаніе въ подробныхъ надписяхъ о всѣхъ чинахъ и орденахъ, когда-то украшавшихъ покойниковъ.

Манарьевскій архивъ. Въ архивѣ Макаріево-Унженскаго монастыря Костромской губерніи хранятся не мало старинныхъ рукописей. Онѣ относятся большею частію къ XVII и XVIII вѣкамъ и очень немногія къ XVI вѣку. Изъ нихъ болѣе интересны царскія грамоты и старинные снимки съ нихъ царей—Василія Ивановича, Михаила Федоровича и отца его, патриарха Филарета Никитича, царя Алексѣя Михайловича, царей Ивана и Петра Алексѣевичей и царицы Софіи, также патриаршія грамоты Ионы митрополита сарскаго и подонскаго, патриарховъ Филарета, Іоакима, Іосафа и Адриана; любопытны и представляютъ не малый интересъ и старинныя того времени приходорасходныя казначейскія книги, описи монастырскаго имущества, передаточныя казначейскія записи, купчія, росписки, кабалныя, челобитныя, памяти, поручныя записи, доѣзды, розыски и пр. Въ настоящее время членъ костромской ученой архивной комиссіи, И. К. Херсонскій, составилъ подробное описаніе этихъ рукописей, которое издается въ Костромѣ на средства костромской губернской архивной комиссіи.

Туркестанскія раскопки. Въ Туркестанѣ въ настоящее время раскапывается огромное древнее кладбище, настоящій «городъ жертвъ», раскинувшійся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Въ самое послѣднее время здѣсь разрыто 9 могилъ, всѣ крайне оригинальной формы. Кромѣ скелетовъ, при одномъ прикосновеніи разсыпавшихся въ порошокъ, въ этихъ могилахъ найдена различная домашняя утварь изъ обожженной глины: кувшины равной формы, чаши на подобіе блюде и чашки въ родѣ чайныхъ,—вся утварь очень оригинальнаго вида. Изъ металлическихъ предметовъ въ могилахъ найдены: мѣдное доннышко отъ подсвѣчника, кусочки желѣзныхъ скобокъ и обломки желѣзнаго ножа. Найдены также ножъ изъ кремня. Раскопки дѣятельно продолжаются.

Походная икона князя Пожарскаго. Нѣкоторыми изъ владимірскихъ археологовъ обращено вниманіе на древній образъ Николая Чудотворца, находящійся въ церкви села Нивольскаго (Жовровскаго уѣзда, Владимірской губерніи). Мѣстное преданіе изстари считаетъ этотъ образъ походною иконою освободителя Москвы отъ поляковъ, князя Дмитрія Михайловича Пожар-

скаго. Древняя живопись иконы (XVI в.) и форма ея вполне подтверждают такое мнѣніе; икона эта — складень, каковая форма и понынѣ удержана для походныхъ образовъ въ нашей арміи. Еще болѣе подтверждается это мнѣніе исторіею села Никольскаго, которое было вотчиною князей Пожарскихъ и до сей поры слыветъ въ народѣ подъ именемъ «князей стороны».

Человѣческія расы и ихъ значеніе въ исторіи. Въ началѣ настоящаго семестра, въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета, профессоръ Петри читалъ, въ присутствіи попечителя, ректора, почти всѣхъ профессоровъ и массы студентовъ, вступительную лекцію «о челоѣческихъ расахъ и ихъ значеніи въ исторіи и жизни». Сначала имъ были приведены мнѣнія антропологовъ о числѣ расъ, которыхъ нѣкоторые ученые насчитываютъ отъ одной до ста пятидесяти. Въ учебникахъ нашихъ принято мнѣніе Блюменбаха, раздѣляющаго людей на пять расъ по цвѣту кожи: желтокожихъ монголовъ, коричневыхъ малайцевъ, черныхъ эфіоповъ, мѣдно-красныхъ американцевъ и бѣлыхъ кавказцевъ. Но дѣленія этой группы ученыхъ несостоятельны уже по одному тому, что такой признакъ, какъ цвѣтъ кожи, не постоянный; бѣлое лицо европейца смуглѣетъ подъ тропиками, а въ Висбаденѣ былъ случай, что негръ выцвѣлъ въ два года. Нѣкоторые ученые классифицировали людей по культурному развитію, напр., Бюфонъ; другіе — по размѣру черепа, вѣсу мозга, по скелету, внѣшнимъ мышечнымъ покровамъ, запаху кожи, темпераменту и т. д. Но точныхъ размѣреній до сихъ поръ нѣтъ. У нѣмцевъ, напр., размѣреній черепа 32, у французовъ — 24, у англичанъ — 11. Емкость мозга тоже не даетъ точныхъ указаній ни на раздѣленіе расъ, ни на культуру народа: одни (мюнхенскій профессоръ Башовъ) находятъ очень большое различіе между мозгомъ мужчины и женщины, другіе приходятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Многіе (Геккель, Гексли) волоса принимаютъ за расовое отличіе, также запахъ кожи. Есть еще психическіе признаки: — такъ, напр., языкъ имѣетъ громадное значеніе для антрополога, какъ факторъ народной жизни; Линней первый положилъ начало дѣленію людей на расы по психическимъ признакамъ. Комбинируя тѣлесные и психическіе признаки, профессоръ Петри приходитъ къ дѣленію 1,438 миллионнаго населенія земного шара на 3 типа: 1) негры и периферическія группы: австралийцы, папуасы и др.; 2) монголы и периферическіе имъ индійцы, малайцы и др., и 3) европейцы съ индусами, иранцами. Задача антропологии состоитъ въ томъ, чтобы разработать эти типы, рассмотреть ихъ физическія, психическія, физиологическія и социальныя особенности.

† 3-го сентября директоръ московской 5-й гимназіи, Василій Петровичъ Басовъ. Онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета въ 1863 г., затѣмъ послѣдовательно преподавалъ латинскій языкъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, пока не получилъ мѣста директора въ смоленской и, наконецъ, въ пятой московской гимназіи (1876—1887); вмѣстѣ съ преподавательскою дѣятельностію онъ отмѣтилъ свое имя и печатными трудами. Такъ, имъ переведены: извѣстная «Латинская грамматика Мадвига» (М., четыре изданія: 1866—1874), «Упражненія въ синтаксисѣ простаго предложенія» Тишера (три изданія) и «Латинская хрестоматія» Якобса (М., два изданія 1868 и 1870 гг.), имъ также составлены: «Начальныя основанія греческой этимологіи» (1867) и «Таблицы правильныхъ греческихъ спряженій», наконецъ, помѣщена въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» большая статья подъ заглавіемъ: «Преподаваніе отечественнаго языка и классическихъ языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ» (1870 г., кн. 7 и 8).

† На 77-мъ году горный инженеръ, Яковъ Мононовичъ Нестеровскій. Покойный воспитывался въ горномъ корпусѣ. При выпускѣ въ 1831 г. награжденъ малой золотой медалью и опредѣленъ при Златоустовскомъ заводѣ. Въ

1836 г. былъ помощникомъ управителя Златоустовскихъ заводовъ и ему поручено завѣдываніе тамошней метеорологической обсерваторіею; въ 1847 г. его опредѣлили на Златоустовскіе заводы въ качествѣ управителя оружейной фабрики. Въ свободное отъ службы время, покойный предавался своимъ любимымъ занятіямъ—собиранію и изученію златоустовской флоры. Плодомъ этихъ занятій было нѣсколько составленныхъ имъ и тщательно классифицированныхъ гербаріевъ, изъ коихъ одинъ отправленъ въ петербургскую Академію Наукъ, а другой — въ московское Общество испытателей природы. Въ 1854 г. Нестеровскій опредѣленъ горнымъ начальникомъ пермскихъ мѣдно-плавильныхъ заводовъ; въ 1866 г. вышелъ въ отставку. Во время своего управленія пермскими заводами Якову Кононовичу удалось ввести усовершенствованія въ горномъ дѣлѣ, касавшіяся освѣженія воздуха въ рудникахъ Пермскаго округа, послѣдствіемъ чего было сбереженіе здоровья многихъ рабочихъ, которые ранѣе того страдали удушьемъ отъ испорченнаго рудничнаго воздуха.

† Членъ московскаго военно-окружнаго суда, генералъ-майоръ Николай Александровичъ Максимовъ. Окончивъ первымъ ученикомъ второй кадетскій корпусъ, Н. А. поступилъ въ Финляндскій полкъ, въ рядахъ котораго былъ въ Венгріи, въ 1849 году. Службу въ гвардіи продолжалъ до 1864 г., когда перешелъ въ армейскую пѣхоту и былъ причисленъ къ петербургскому ординарцъ-гаузу. Въ слѣдующемъ году назначенъ завѣдующимъ судебною частью въ мѣстныхъ войскахъ петербургскаго военнаго округа. Въ 1866 г. полковникъ Максимовъ былъ исправляющимъ должность презуса въ судной комисіи при петербургскомъ комендантскомъ управленіи. Съ введеніемъ военно-судебной реформы назначенъ помощникомъ военнаго прокурора столичнаго военно-окружнаго суда, а затѣмъ военнымъ судьей. Во время послѣдней войны въ чинѣ генералъ-майора назначенъ членомъ кассационнаго присутствія дѣйствующей за Дунаемъ арміи, а затѣмъ оккупационнаго корпуса. По возвращеніи изъ Болгаріи написалъ «Статистическій очеркъ военно-судной части во время войны 1877—78 годовъ на Балканскомъ полуостровѣ». Покойный и ранѣе былъ извѣстенъ въ военно-юридической литературѣ, какъ авторъ многихъ, преимущественно статистическихъ работъ.

† Въ Петербургѣ, скоропостижно, 13 октября, редакторъ «Современныхъ Извѣстій», Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ. Онъ родился въ 1826 году. По окончаніи образованія въ московской духовной семинаріи, Н. П. поступилъ въ 1844 году въ московскую духовную академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1848 году со степенью магистра и въ этомъ же году былъ опредѣленъ бакалавромъ (доцентомъ) по классу библейской герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ; въ 1854 году ему поручено было преподаваніе въ миссіонерскомъ отдѣленіи академіи русской церковной археологии и исторіи раскола въ Россіи; въ 1855 году онъ по прошенію былъ уволенъ отъ духовно-учебной службы и опредѣленъ цензоромъ московскаго цензурнаго комитета; въ 1857 году ему разрѣшено было ѣхать за границу, при чемъ министръ народнаго просвѣщенія поручилъ ему собрать точныя свѣдѣнія объ устройствѣ заграничныхъ училищъ еврейскихъ и особенно раввинскихъ, а также о литературной дѣятельности евреевъ. Въ 1862 г. Гиляровъ-Платоновъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ просвѣщенія и на него возложено составленіе исторіи министерства народнаго просвѣщенія, въ видѣ статей для журнала министерства; въ 1863 г. онъ былъ членомъ комиссіи, учрежденной въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для пересмотра проекта о книгопечатаніи; въ томъ же году опредѣленъ на должность управляющаго московскою синодальною типографіей. По представленію оберъ-прокурора Синода объ отличной службѣ Н. П., ему пожалована въ 1865 г. аренда по чину статскаго совѣтника, вмѣсто которой, по распоряже-

нію министерства государственныхъ имуществъ, начато производство изъ государственнаго казначейства по восьмисотъ рублей въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Въ 1867 г. Гилярову-Платонову разрѣшено издавать въ Москвѣ безъ цензуры ежедневную газету, подъ названіемъ «Современныя Извѣстія». Никита Петровичъ въ духовной академіи былъ стипендіатомъ покойнаго митрополита московскаго Платона; въ силу правилъ объ этой стипендіи ему присоединено было къ фамиліи Гилярова: Платоновъ. Это былъ чрезвычайно даровитый человекъ, бойкій и опытный журналистъ, хотя не безъ семинарской закваски. Онъ писалъ много и въ «Руси» Аксакова и недавно издалъ любопытныя воспоминанія о своей жизни, подъ названіемъ «Изъ пережитого».

жить только новымъ доказательствомъ его неизмѣнной преданности своему королю, какія бы ни были изъ этого послѣдствія...

Смѣлый отвѣтъ фрѣйлейнъ Штейнъ смутилъ короля; онъ молча кивнулъ ей головой и, взявъ шляпу и хлысть, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Лина проводила его до крыльца и, вернувшись назадъ, застала настоятельницу въ полномъ отчаяніи.

— Я не узнаю моего осторожнаго брата! — воскликнула она. — Можно ли было ожидать, что подобное письмо попадетъ въ руки французовъ! Одному Богу извѣстно, нѣтъ ли тутъ подлога или измѣны со стороны посланнаго...

Лина выразила сожалѣніе, что своимъ приглашеніемъ навлекла такую непріятность на фрѣйлейнъ Штейнъ.

— Не обвиняйте себя въ этомъ, дитя мое, отвѣтила настоятельница. Я собиралась идти къ вамъ, когда явился вашъ посланный съ запиской. Повѣрьте, что французы употребятъ всѣ усилія, чтобы раздуть эту исторію, такъ что я отчасти рада, что узнала заблаговременно, что письмо брата напечатано въ «Moniteur'ѣ». Сейчас отправлюсь въ городъ, чтобы посоветоваться съ друзьями. Пойдемте, вы проводите меня немного...

Лина довела настоятельницу до городскихъ воротъ. Наступали сумерки.

ХІІ.

Р а з л у к а .

Въ это время Луиза Рейхардтъ вернулась въ Кассель, чтобы все устроить для своего окончательнаго переѣзда въ Галле. Германъ часто бывалъ у ней и помогалъ ей въ хлопотахъ, насколько позволяли его занятія въ министерствѣ. При этихъ, почти ежедневныхъ свиданіяхъ, имъ приходилось часто бесѣдовать между собою; и разговоръ ихъ неизмѣнно сводился на политику. Луиза была посвящена своимъ зятемъ Стефенсомъ и его единомышленниками въ планъ общаго возстанія въ сѣверной Германіи. Теперь она находила полное сочувствіе со стороны Германа. Рѣчи Фихте, которыми онъ всегда восхищался, собственный опытъ и приключеніе съ Линой заставили его окончательно примкнуть къ Гесенскому союзу, который все болѣе и болѣе принималъ характеръ заговора.

— Я и прежде отговаривала васъ не вступать въ этотъ союзъ, — сказала она, — и опять повторяю, что вы напрасно хлопочете о возстановленіи власти курфюрста! Неужели все это предпріятіе не приведетъ насъ до чего нибудь лучшаго, какъ бывшее положеніе Германіи, и мы не создадимъ себѣ болѣе блестящую будущность?.. Я слышала, что вы вступили въ сношенія съ прусскимъ Тугендбундомъ, но, разумѣется, если нельзя иначе поднять гессенцевъ, какъ

именемъ ихъ курфюрста, то и придерживайтесь этого знамени, чтобы увеличить силу возстанія, которое неизбѣжно поглотить отдѣльные интересы. Во всякомъ случаѣ, вы должны идти рука объ руку съ Пруссіей, если хотите достигнуть какихъ либо результатовъ, а также слѣдите за тѣмъ, чтобы не испортить дѣла излишней поспѣшностью. Легкомысліе двора Иеронима, повидимому, заражаетъ даже предпріятія направленные противъ него, и поэтому побѣда можетъ остаться на сторонѣ того же короля. Жаль, что служба настолько поглощаетъ васъ, Германъ, что вы не можете имѣть личныхъ сношеній съ прусскими единомышленниками. Въ настоящее время Галле и Магдебургъ представляютъ собой центры прусско-гессенскаго движенія. Пруссаки особенно рассчитываютъ на Магдебургъ...

Луиза еще долго говорила на эту тему; и они рѣшили вести между собой постоянную переписку черезъ тайныхъ агентовъ Тугендбунда.

Наконецъ, всѣ вещи были уложены и отправлены, и Луиза, уступая настойчивому приглашенію барона Рейнгарда и его жены переѣхала къ нимъ вмѣстѣ съ мачихой, чтобы провести у нихъ послѣдніе дни. Здѣсь принимали они своихъ близкихъ знакомыхъ.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, г-жа Рейнхардтъ ушла спать ранѣе обыкновеннаго, такъ что, когда пріѣхали Бюловы Луизѣ пришлось извиниться передъ ними.

— Мать изнемогла не столько отъ усталости, какъ отъ огорченія,—сказала она.—Всю жизнь ее оберегали отъ всего непріятнаго; а въ послѣднее время она испытала много горя и даже теперь мнѣ не удалось исполнить ея желанія! Она хотѣла поселиться на нашей дачѣ въ Гибихштейнѣ; и я надѣялась, что мнѣ удастся поправить домъ и сдѣлать его обитаемымъ; но онъ доведенъ до такого разоренія, что пришлось отказаться отъ этой мысли, тѣмъ болѣе, что опустошенный садъ и вся мѣстность производятъ слишкомъ грустное впечатлѣніе. Мы устроимся на время у моего зятя Стефенса въ Галле, хотя этотъ городъ также въ самомъ плачевномъ состояніи. Сопrotивленіе жителей противъ французовъ не прошло безслѣдно; бѣдность все увеличивается, благодаря непосильнымъ налогамъ и постоянному передвиженію войскъ. Силы населенія истощены; одни съ тупымъ равнодушіемъ относятся къ будущему; другіе втайнѣ ненавидятъ Наполеона и проклинаютъ иноземное иго.

— Это общее явленіе!—замѣтилъ баронъ Рейнгардъ.—Несчастный народъ потерялъ вѣру въ своихъ прежнихъ властелиновъ и видитъ, что они бессильны, унижены и проникнуты эгоистическими стремленіями. Явилась потребность дѣйствовать общими силами; проснулось національное чувство. По крайней мѣрѣ, оно замѣтно усиливается среди интеллигентнаго класса и, мало по малу, проникнетъ въ народъ...

Вошелъ Миллеръ. Французскій посланникъ поспѣшно всталъ, чтобы встрѣтить его.

— Здѣсь Луиза Рейхардтъ!—сказалъ онъ вполголоса, пожимая руку своему гостю.—Не упоминайте при ней о злополучномъ письмѣ Штейна, чтобы не разстроить ее, тѣмъ болѣе, что она проводитъ послѣдній вечеръ въ Касселѣ!.. Не знаете ли вы чего либо новаго о предстоящей конвенціи въ Эрфуртѣ? — добавилъ онъ вслухъ, когда Миллеръ, поздоровавшись со всѣми, занялъ мѣсто около хозяйки дома.

— Къ сожалѣнію, я ничего не могу сообщить вамъ,—возразилъ Миллеръ,—потому что въ послѣдніе дни безвыходно сидѣлъ дома.

— Нашъ король также готовится къ поѣздкѣ въ Эрфуртъ,—сказалъ Бюловъ,—ожидаютъ блистательнаго собранія. Но, если окажется слишкомъ много владѣтельныхъ особъ, то пожалуй, цѣна имъ понизится вслѣдствіе конкуренціи.

— Вотъ выраженіе достойное министра финансовъ!—воскликнулъ со смѣхомъ баронъ Рейнгардъ.—Вы смотрите даже на королеванныхъ особъ съ своей точки зрѣнія и оцѣниваете ихъ, какъ товаръ на рынкѣ.

— Вѣроятно, Наполеонъ въ настоящемъ случаѣ руководится высшими соображеніями,—замѣтилъ Миллеръ.—Чѣмъ больше соберется на этотъ сѣздъ королей, герцоговъ, графовъ, бароновъ и знатныхъ сановниковъ, тѣмъ рельефнѣе выступаютъ въ глазахъ народовъ величественныя фигуры двухъ императоровъ: Наполеона и Александра.

— Прекрасно,—сказалъ Бюловъ,—но я желалъ бы знать въ чемъ будетъ заключаться эта конвенція? Коснется ли она одной Пруссіи или всей Германіи?

— Мнѣ кажется, что дѣло ясно,—возразилъ съ усмѣшкой французскій посланникъ.—Наполеонъ рѣшилъ подавить народное возстаніе въ Испаніи и утвердить тамъ на престолѣ своего брата. Естественно, что онъ желаетъ обезпечить себя мирными сношеніями на сѣверо-востокѣ и заручиться дружбой русскаго императора.

— Разумѣется, но весь вопросъ въ томъ, какими залогоми дружбы они пожелаютъ обмѣняться между собою?—сказалъ Бюловъ.—Германія служитъ мѣстомъ ихъ rendez-vous, не пришлось бы ей поплатиться за такую честь!

Французскій посланникъ молча пожалъ плечами.

— На это я могу отвѣтить словами моего друга, Генца,—сказалъ Миллеръ,—вотъ, что онъ пишетъ мнѣ: «Послѣ холода, смерти и французовъ, я всего больше ненавижу русскихъ. Австрійцы возбуждаютъ мое негодованіе, но когда я вижу, что сѣверные варвары попираютъ ихъ ногами, то моя нѣмецкая душа глубоко возмущается этимъ, и я чувствую, что австрійцы мои братья...»

— Если вы хотите сказать, что положеніе Германіи не завидное между этими двумя государствами, — возразилъ Бюловъ, — то, разумѣется, вы правы. Ей грозитъ не меньшая опасность со стороны русскихъ...

Бюловъ не успѣлъ досказать своей мысли, потому что въ эту минуту вошелъ Германъ съ такимъ блѣднымъ и взволнованнымъ лицомъ, что Луиза съ испугомъ спросила: что съ нимъ?

Онъ не отвѣтилъ на ея вопросъ и, торопливо поздоровавшись съ дамами, обратился къ Бюлову:

— Незвѣстно ли вашему превосходительству, чѣе это распоряженіе? Начальникъ отдѣленія, Гейстеръ, выключенъ изъ министерства и назначенъ мировымъ судьей въ Гомбергъ!..

Бюловъ былъ настолько пораженъ этой неожиданной новостью, что ничего не отвѣтилъ, и Германъ продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Я слышалъ это отъ самого Гейстера. Сегодня утромъ онъ пошелъ къ Симсону просить объ отпускѣ, который былъ давно обѣщанъ ему, и, взаменъ этого, получилъ приказъ о назначеніи его въ Гомбергъ. Куда переведутъ прежняго мирового судью, Мартина, неизвѣстно. Повидимому, Симсонъ старался смягчить немилость короля и обнадежить Гейстера; но, что король разгнѣвался на него, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Гейстеръ отправился домой, чтобы обдумать, подъ какимъ предлогомъ отказаться отъ своего назначенія, но прежде, нежели онъ рѣшился на что либо, изъ Гомберга пріѣхала неожиданно его жена, и ему пришлось измѣнить свое намѣреніе. Она рассказала ему, что король удостоилъ ее визитомъ и объявилъ ей, что хочетъ сдѣлать Гейстера дворцовымъ префектомъ въ Вабернѣ. Молодая женщина наотрѣзъ отказалась отъ этой чести и избавила себя отъ непрошенныхъ любезностей короля, заявивъ, что не хочетъ вступать въ состязаніе съ знатными дамами, которыя добиваются этого мѣста для мужей своихъ дочерей. Она добавила къ этому, что больше всего желаетъ для своего мужа спокойной должности вдали отъ двора, гдѣ бы онъ могъ приносить пользу своему отечеству. На это король съ неудовольствіемъ отвѣтилъ, что ея скромное желаніе будетъ исполнено. Разумѣется, Гейстеръ, выслушавъ рассказъ жены, рѣшилъ принять мѣсто мирового судьи въ Гомбергъ.

Хотя Германъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, но всѣ чувствовали, что онъ многого не договариваетъ. Тѣмъ не менѣе, никто не рѣшался высказать свои мысли, такъ что хозяйка дома, чтобы прекратить наступившее молчаніе, подняла вопросъ объ обязанностяхъ, налагаемыхъ должностію мирового судьи, говоря, что Гейстеръ, вѣроятно, будетъ тяготиться ими.

— Едва ли, — возразилъ Германъ, — если должность мирового судьи далеко не соотвѣтствуетъ широкому образованію и знаніямъ

Гейстера, то, съ другой стороны, она можетъ удовлетворить его патріотическое чувство. Онъ будетъ имѣть непосредственныя сношенія съ народомъ, рѣшать спорныя дѣла относительно поземельной собственности, опеки и проч., участвовать въ семейныхъ совѣщаніяхъ; отъ него будетъ зависѣть и земская полиція. Такая почетная дѣятельность съ избыткомъ вознаградитъ Гейстера за королевскую немилость...

Германъ говорилъ съ такимъ раздраженіемъ, что можно было ожидать отъ него какой нибудь рѣзкой выходки противъ короля. Поэтому, французскій посланникъ, по своей обычной осторожности, поспѣшилъ увести Миллера въ кабинетъ. Бюловы воспользовались этимъ моментомъ, чтобы проститься съ хозяевами дома, такъ какъ въ этотъ вечеръ ожидали къ себѣ гостей.

Луиза осталась наединѣ съ Германомъ, который сидѣлъ молча, печально опустивъ голову. Предстоящее прощаніе съ Луизой напомнило ему другую, еще болѣе тяжелую разлуку.

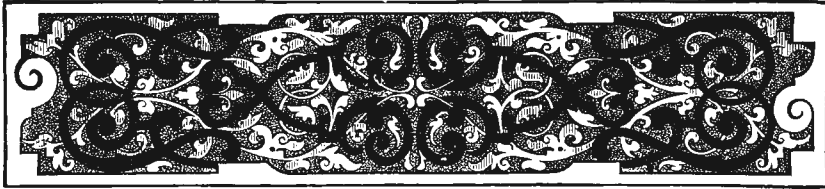
— Что съ вами, другъ мой?—спросила она съ участіемъ, протягивая ему руку.

— Я думалъ въ эту минуту о разлукѣ съ вами и съ Гейстерами,—отвѣтилъ онъ.—Боже мой! до чего я буду чувствовать себя одинокимъ и покинутымъ послѣ отъѣзда самыхъ близкихъ мнѣ людей. Жизнь потеряетъ для меня всякій интересъ!

— Этого не должно быть, Германъ! Въ настоящее время никто изъ насъ не имѣетъ права ограничиваться узкой сферой личныхъ привязанностей. Я увѣрена, что разлука съ нами не будетъ особенно тяжела для васъ, если вы рѣшите посвятить себя общественному дѣлу. Быть можетъ, въ Эрфуртѣ готовится гибель Германіи; старайтесь имѣть вліяніе на народъ и возбудить въ немъ стремленіе возстать для спасенія родины. Разлука не нарушитъ нашей дружбы; будемъ надѣяться, что наступитъ лучшее время и мы увидимся...

Германъ поцѣловалъ ея руку и съ тоскою въ сердцѣ отправился домой.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

Тайная почта.

ЕЙСТЕРЪ, оскорбленный незаслуженной отставкой отъ должности, ускорилъ по возможности свой отъѣздъ въ Гомбергъ; Лина, съ своей стороны, чтобы не огорчать его, старалась скрыть печальное настроеніе духа, овладѣвшее ею при разлукѣ съ матерью и городомъ, гдѣ протекли лучшіе годы ея жизни. По пріѣздѣ, они поселились на своей дачѣ и рѣшили остаться въ ней до окончательнаго устройства ихъ городской квартиры.

Германъ проводилъ ихъ до Гомберга и пробылъ съ ними нѣсколько дней. Ему отвели ту самую комнату, въ которой онъ жилъ весной; но какъ измѣнилось все съ тѣхъ поръ, начиная съ его собственнаго положенія, такъ и друзей. Онъ еще ближе сошелся съ ними и тѣмъ грустнѣе было ему уѣзжать одному въ Кассель. Они рѣшили вести между собою дѣятельную переписку и пересылать ее съ тайной почтой, которая была недавно учреждена жожаками Гессенскаго союза. Торговля съѣстными припасами служила прикрытіемъ для этой опасной почты, по которой нерѣдко посылались извѣстія о непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ. Письма и бумаги, скрытыя въ лоткахъ и потаенныхъ ящикахъ тачекъ, безнаказанно передавались по назначенію разнощиками, исполнявшими роль гонцовъ. Они странствовали изъ города въ го-

родъ, заходили въ дома, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія со стороны жандармовъ и полицейскихъ шпионовъ.

Когда Германъ въ первый разъ послѣ разлуки собрался написать Линѣ, она такъ живо представилась его воображенію, что ему казалось, что онъ видитъ ее передъ собой. Онъ вспомнилъ до малѣйшихъ подробностей послѣднее утро, проведенное у нихъ на дачѣ, и почувствовалъ, какъ усиленно забилося его сердце. Онъ невольно задумался надъ своими отношеніями къ молодой женщинѣ и долженъ былъ впервые сознаться передъ собой, что любитъ ее.

Пораженный этимъ неожиданнымъ открытіемъ, онъ вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ къ окну. Торжественная тишина ясной лунной ночи, плохо гармонировала съ его душевнымъ состояніемъ, онъ началъ ходить по комнатѣ. Одна мысль смѣняла другую; онъ чувствовалъ себя, то безконечно счастливымъ, то опять тоска овладѣвала имъ. Одно было ясно для него, что онъ долженъ скрывать свою любовь, чтобы не нарушить душевнаго блаженства, которое могло продолжаться только до тѣхъ поръ, пока его чувство будетъ тайной для всѣхъ. Лина, считая его своимъ братомъ, такъ просто и довѣрчиво обращалась съ нимъ, что онъ не хотѣлъ портить этихъ отношеній. Счастье, думалъ онъ, невысказанно для него, если бы даже она раздѣляла его чувство. Признаніе можетъ только обратить его любовь въ страсть, нарушить спокойствіе Лины и сдѣлать его самого недостойнымъ дружбы ея мужа...

Подъ вліяніемъ этихъ размышленій, онъ сѣлъ къ столу и написалъ слѣдующее письмо:

«Не знаю какому божеству молиться, по поводу начала нашей корреспонденціи, моя дорогая Лина. Мнѣ грустно думать, что прошли тѣ счастливые дни, когда я пользовался вашимъ обществомъ; осталась только слабая надежда, что они опять вернутся. Досадно, что я лишень возможности бесѣдовать съ тобой и долженъ письменно обращаться къ тебѣ... Но оставимъ въ сторонѣ всякія жалобы; они ни къ чему не ведутъ; не стану также распространяться о моихъ чувствахъ; вы оба вѣрите въ мою дружбу, дорогая сестра Лина; поэтому перехожу къ дѣламъ:

«Завтра нашъ король уѣзжаетъ въ Эрфуртъ; это побудило его роздать рядъ милостей, между прочимъ, онъ произвелъ Бюлова въ потомственные графы и сегодня я поздравилъ его съ этой честью! Вѣроятно, Геронимъ въ виду своей дорого стоящей поѣздки понималъ, какъ онъ долженъ цѣнить человѣка, который послѣ отказа въ Голландіи, рѣшился сдѣлать внутренній заемъ. Послѣдній состоится и въ самомъ непродолжительномъ времени. Вообще, проектъ Бюлова встрѣтилъ общее сочувствіе и можно ожидать самыхъ блестящихъ результатовъ.

«Но, такъ какъ милость, оказанная Бюлову, могла возбудить неудовольствіе французской партіи, то капитанъ Мейроннэ произ-

веденъ въ оберъ-гофмаршалы и ему пожалованъ титулъ графа Веллинрода. Графъ Бухъ назначенъ оберъ-церемоніймейстеромъ; поговариваютъ, что Иеронимъ удостоилъ обратить свое милостивое вниманіе на графиню.

«Даже со мной едва не произошла благопріятная перемѣна судьбы. Министръ предложилъ назначить меня «inspecteur des économats». Неправда ли какое громкое названіе? Но въ сущности подъ словомъ «экономатъ» нужно понимать управленіе имѣніями и доходами епископствъ, аббатствъ, пріоратовъ и бенефицій въ католическихъ земляхъ, принадлежащихъ Вестфалии. Изъ этихъ доходовъ въ теченіе десяти лѣтъ должно быть отчислено до 500,000 франковъ въ кассу погашенія государственныхъ долговъ; и поэтому Бюловъ, какъ министръ финансовъ, заинтересованъ въ томъ, чтобы на вышеупомянутую должность, былъ назначенъ человѣкъ, пользующійся его довѣріемъ.

«Но, къ несчастію, въ дѣло вмѣшался Берканьи. Мнѣ говорили незадолго передъ этимъ, что онъ не думаетъ гнѣваться на меня; и, быть можетъ, въ настоящемъ случаѣ имъ руководили только интересы французской партіи, а не личная неприязнь ко мнѣ. Онъ участвовалъ въ томъ засѣданіи, на которомъ министръ Бюловъ предложилъ назначить меня «inspecteur des économats» и тутъ же представилъ своего кандидата француза, говоря, что эту должность слѣдуетъ предоставить католику. Бюловъ, который принялъ за правило не назначать французовъ въ свое министерство, сумѣлъ отклонить предложеніе генераль-директора полиціи, но въ то же время не рѣшился отстаивать и своего кандидата.

«Когда онъ увидѣлъ, что я не особенно огорченъ постигшей меня неудачей, то сообщилъ мнѣ причину своей недавней ссоры съ Берканьи и другими представителями французской партіи, которые стали еще враждебнѣе относиться къ нему послѣ полученія имъ графскаго титула. Въ послѣднемъ засѣданіи государственнаго совѣта поднять былъ вопросъ объ увеличеніи почтовыхъ доходовъ. Бюловъ возсталъ противъ повышенія платы за письма, вслѣдствіе чего начался оживленный споръ; всѣхъ больше горячился главный почтъ-директоръ Потау. Это человѣкъ ограниченный, неспособный къ дѣлу; но онъ зять Ле-Камю, графа Фюрстенштейна, и ловкій интриганъ. Бюловъ упорно защищалъ свое мнѣніе, такъ что, наконецъ, Иеронимъ, быть можетъ, заранѣе подготовленный французской партіей, съ раздраженіемъ замѣтилъ:

— Говорите яснѣе, г. министръ,—возстаете ли вы противъ обшей администраціи почты или главнаго директора?

— Противъ того и другого, ваше величество!—возразилъ Бюловъ, не стѣсняясь присутствіемъ Потау...

«Вотъ изъ-за этой ссоры мнѣ и пришлось пострадать, моя дорогая Лина! Если подобныя дѣла не занимаютъ тебя, то прочитай

мое письмо Людвигу, онъ интересуется ими. Кромѣ того, передай ему, что я не могу сообщить никакихъ дальнѣйшихъ подробностей относительно письма Штейна, потому что мы не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ Берлина.

«Твой Германъ.»

На слѣдующее утро, Герману сообщили въ министерствѣ, что вестфальскій король отправился на нѣсколько дней въ Вахъ, чтобы повидаться съ своимъ братомъ, при проѣздѣ его въ Эрфуртъ. Наполеонъ остановился во дворцѣ принца Гессенъ-Филиппсталя и, отобѣдавъ вмѣстѣ съ нимъ и Геронимомъ, продолжалъ свой путь.

3 октября вестфальскій король и королева отправились въ Эрфуртъ въ сопровожденіи блестящей свиты.

II.

Загадочная личность.

Всѣ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ событій въ Эрфуртѣ. Дѣлались разныя предположенія, но никто изъ разсудительныхъ людей, привязанныхъ къ своему отечеству, не могъ ожидать, чего либо хорошаго для угнетенной Германіи отъ свиданія Наполеона съ русскимъ императоромъ. Между тѣмъ, какъ въ высшихъ, такъ и низшихъ слояхъ общества было не мало лицъ, которые исключительно интересовались великолѣпіемъ празднествъ, неизбежныхъ при стеченіи такого множества владѣтельныхъ особъ, генералитета и высшихъ государственныхъ сановниковъ. Самъ Наполеонъ поставилъ себѣ задачей окружить особеннымъ блескомъ темное зерно эрфуртской государственной тайны и представить собою центръ среди властелиновъ Европы.

Естественно, что событія, занимавшія всѣ умы, не могли остаться безъ вліянія на разсѣянныхъ по Гессену членовъ Тугендбунда, которые дѣятельнѣе, нежели когда либо, поддерживали между собою личныя и письменныя сношенія. Они спокойно относились къ опасности, передъ которой трепетали ихъ соотечественники и видѣли въ ней ту пользу, что она благопріятствовала ихъ тайному предпріятію. При этомъ, пользуясь тѣмъ, что общее вниманіе было обращено на Эрфуртъ, они перестали соблюдать прежнюю осторожность.

Германъ сильно скучалъ послѣ отъѣзда Луизы и Гейстеровъ, особенно по вечерамъ, которые привыкъ проводить въ ихъ обществѣ; и поэтому въ видѣ развлеченія сталъ усердно посѣщать собранія Гессенскаго союза, хотя они далеко не удовлетворяли его. Предпріятіе, которое представлялось ему такимъ грандіознымъ въ рѣчахъ Фихте, приняло въ его глазахъ совсѣмъ иную окраску,

когда онъ ближе познакомился съ планами членовъ союза. Народное возстаніе несомнѣнно увлекло бы его за собой, но многое казалось ему пошлымъ и возмутительнымъ въ томъ способѣ, какимъ оно подготовлялось. Имѣя въ виду конечную цѣль, онъ не признавалъ, что его пугаетъ практическое осуществленіе такого смѣлаго предпріятія и, что оно совершенно чуждо его личному характеру.

Въ гостинницѣ Лондонъ уже не разъ бывали тайныя собранія, на которыхъ присутствовали члены союза, пріѣхавшіе съ этою цѣлью въ Кассель. Въ одинъ дождливый вечеръ, когда Германъ явился къ назначенному времени, хозяинъ гостинницы, Керштингъ встрѣтилъ его въ сѣняхъ и повелъ въ ту самую комнату, въ которой онъ останавливался по пріѣздѣ въ Кассель. Здѣсь онъ засталъ за бутылкой вина Шмерфельда и одного пруссака, по фамиліи Шепелеръ.

— Сегодня не будетъ собранія!—заявилъ Шмерфельдъ вполголоса.—Мы возбудили противъ себя подозрѣніе, и полиція хотѣла накрыть насъ. Мы сидимъ тутъ, чтобы предупредить объ этомъ приходящихъ, а затѣмъ и сами отправимся домой.

Германъ хотѣлъ уйти, но Шмерфельдъ остановилъ его вопросомъ:

— Кстати, вы, кажется, знакомы съ молодымъ чиновникомъ, который служитъ у Бонгара?

— Если вы говорите о Вильке, то я дѣйствительно знаю его по наружности, потому что мнѣ случалось встрѣчаться съ нимъ.

— Ну такъ слушайте. Передъ приходомъ сюда, ко мнѣ на домъ явился человѣкъ въ плащѣ и шляпѣ надвинутой на лицо. У меня въ это время были гости полковникъ Лангенштурцъ и г-нъ фонъ Яговъ...

— Камергеръ Яговъ?—спросилъ Германъ.

— Нѣтъ, его племянникъ лейтенантъ,—отвѣтилъ Шмерфельдъ.— Но не въ этомъ дѣло! Въ присутствіи этихъ господъ тайственный незнакомецъ отвелъ меня въ сторону и шепнулъ на ухо: «Ваши собранія обратили на себя вниманіе полиціи; сегодня вечеромъ она явится къ вамъ съ жандармами». Послѣ этихъ словъ онъ торопливо удалился. Полковникъ Лангенштурцъ увѣряетъ, что это былъ Вильке, писмоводитель Бонгара.

— Странно!—замѣтилъ Германъ.—Я помню, что этотъ самый Вильке предостерегъ въ театрѣ барона Рефельда, когда онъ имѣлъ столкновение съ полиціей.

— Трудно предположить въ этомъ какую либо хитрость или ловушку!—продолжалъ Шмерфельдъ.— Тѣмъ не менѣе, по всѣмъ отзывамъ, упомянутый молодой человѣкъ извѣстенъ, какъ ревностный приверженецъ французовъ. Онъ неизбѣжно участвуетъ во всѣхъ оваціяхъ въ честь иноземнаго ига и первый кричитъ «Vive le roi!» когда Геронимъ является официально въ публикѣ. Между тѣмъ, вотъ уже второй случай, что онъ предостерегаетъ добрыхъ людей

отъ распоряженій шефа-жандармовъ, которыя проходятъ черезъ его руки!...

Германъ, уходя, обѣщаль собрать подробныя свѣдѣнія о молодомъ человѣкѣ, который при первой встрѣчѣ въ Шомбургскомъ саду произвелъ на него довольно непріятное впечатлѣніе своей навязчивостью и сочувствіемъ французской націи. Онъ вспомнилъ по этому поводу, что Бюловъ ожидалъ къ себѣ завтра утромъ Бонгара по какому-то дѣлу и рѣшилъ спросить мнѣніе шефа-жандармовъ о Вильке.

На слѣдующій день Бонгаръ пріѣхаль къ Бюлову, чтобы переговорить съ нимъ объ инструкціи жандармамъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность помогать сборщикамъ податей при отправленіи ихъ службы. Наконецъ, бесѣда была окончена; и Германъ, услыхаль изъ сосѣдней комнаты, что Бонгаръ собирается уходить, вошелъ въ кабинетъ какъ бы съ тою цѣлью, чтобы взять со стола оставленныя бумаги. Бюловъ, по своему обыкновенію, поспѣшилъ представить его шефу-жандармовъ, который привѣтливо поздоровался съ нимъ, говоря, что «знакомъ съ господиномъ докторомъ по отзывамъ моего любимца Вильке».

— Этотъ молодой человѣкъ заинтересоваль меня съ перваго знакомства,—возразилъ Германъ.—Онъ вѣроятно имѣеть несомнѣныя достоинства, если заслужилъ такое расположеніе вашего превосходительства.

— Я смотрю на него, какъ на родного сына, и онъ вполне заслуживаетъ этого!—отвѣтилъ Бонгаръ.—Прошлой весной онъ явился ко мнѣ съ просьбой дать ему какое нибудь мѣсто при жандармскомъ управленіи. Я охотно принялъ его на службу, потому что, помимо надежной рекомендаціи, онъ сразу понравился мнѣ. Это впечатлѣніе оказалось вѣрнымъ, потому что въ самомъ непродолжительномъ времени, онъ приобрѣлъ мое полное довѣріе своимъ усердіемъ, трудолюбіемъ и безусловной преданностью интересамъ короля. Къ тому же я долженъ замѣтить, что Вильке сынъ бѣдныхъ, но почтенныхъ родителей. Онъ часто бываетъ у насъ въ домѣ, и я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что это прекрасный человѣкъ и всею душею преданный намъ.

Старикъ Бонгаръ съ такимъ умиленіемъ говорилъ о молодомъ Вильке, что слезы навернулись на его глазахъ, затѣмъ онъ сразу перемѣнилъ разговоръ и сталъ прощаться.

Бюловъ, проводивъ его до дверей, сказалъ Герману:

— Какая почтенная личность этотъ Бонгаръ! Онъ настолько же хорошій семьянинъ, какъ и вѣрный слуга короля; и хотя при исполненіи своихъ обязанностей бываетъ подчасъ рѣзокъ и грубъ, но вообще крайне честный и добродушный человѣкъ.

Германъ былъ настолько пораженъ противорѣчіемъ между поведеніемъ Вильке и похвалами его начальника, что, забывая вся-

кую осторожность, рассказал Бюлову все, что слышалъ наканунѣ отъ Шмерфельда.

Лицо Бюлова приняло серьезное выраженіе. Нѣкоторое время онъ ходилъ молча по комнатѣ, затѣмъ позвонилъ и, отдавъ приказаніе слугѣ, чтобы онъ никого не принималъ, обратился къ Герману:

— Вы только что упомянули о собраніяхъ, въ которыхъ вы принимаете участіе,— сказалъ онъ,— я давно слышалъ о нихъ и могъ игнорировать, но теперь это невозможно и мнѣ необходимо переговорить съ вами. Разумѣется, вы никому не передадите моихъ словъ!

Германъ невольно покраснѣлъ при этомъ предостереженіи, въ которомъ заключался косвенный намекъ на его нескромность.

Бюловъ продолжалъ:

— Освобожденіе Германіи такое великое святое дѣло, что, разумѣется, въ сравненіи съ нимъ почетная занимаемая мною должность министра не имѣетъ для меня значенія; но я связанъ присягой и долженъ соблюдать вѣрность королю, котораго признала вся Европа. Въ противномъ случаѣ, мнѣ ничего не остается, какъ отказаться отъ должности. Но пока я не имѣю никакой основательной причины сдѣлать это, потому что исполняя свою обязанность, иду къ той же цѣли, забочусь о благосостояніи народа, поддержкѣ нашихъ старыхъ обычаевъ и языка. Этимъ путемъ каждый изъ насъ могъ бы принести больше пользы, нежели какими бы то ни было тайными совѣщаніями. Поэтому беру съ васъ слово соблюдать осторожность и не портить себѣ будущности...

Въ голосѣ Бюлова было столько сердечнаго участія, что Германъ, глубоко тронутый, съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— А теперь,—добавилъ Бюловъ,—скажите мнѣ: могутъ ли поступать въ вашъ союзъ такіе члены, которые, не принимая участія въ его дѣятельности, посвящены во всѣ тайны его?

— Да, ваше превосходительство, я самъ принять въ члены на этихъ условіяхъ.

— Еще попрошу васъ отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ: считаете ли вы меня за человѣка заслуживающаго довѣрія?

— Развѣ можетъ быть въ этомъ хотя бы малѣйшее сомнѣніе!—воскликнулъ Германъ.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ познакомьте меня въ общихъ чертахъ съ характеромъ вашего предпріятія. Какое отношеніе имѣетъ Гессенскій союзъ къ курфирсту, и Тугендбунду? Къ чему вы стремитесь?

— Что касается конечной цѣли союза, то нѣтъ еще ничего опредѣленнаго,—возразилъ Германъ.—Пока хотять только вернуть курфирста и возстановить прежній порядокъ, хотя въ этомъ, конечно, не малую роль играетъ ненависть къ королю и его приближеннымъ. Весьма немногіе понимаютъ значеніе Тугендбунда, который, на ряду

съ возстановленіемъ Пруссіи, поставилъ себѣ задачей коренное преобразование всего общественнаго строя Германіи. Наиболѣе разумные члены союза пришли къ соглашенію относительно необходимости возстанія и изгнанія французовъ. При этомъ они сознаютъ, что возстаніе должно быть общее, иначе Наполеону будетъ слишкомъ легко справиться съ Германіей..

По словамъ Германа, руководителями Гессенскаго союза были нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ два бывшихъ министра курфирста и нѣкоторые изъ членовъ военнаго совѣта. Переписка съ курфирстомъ шла черезъ Готу при посредствѣ кассельскаго банкира, Бюдинга. Что касается дѣятельности Тугендбунда, то Герману было только извѣстно, что Шарнгорстъ и Гнейзенау принимали въ немъ тайное участіе и, что переговоры съ Гессеномъ велись черезъ капитана фонъ-Люцовъ. Кромѣ того, съ этой цѣлью пріѣхалъ надняхъ майоръ Шепелеръ и будетъ жить въ Касселѣ, а барону Рефельду придется болѣе прежняго переѣзжать съ мѣста на мѣсто для исполненія разныхъ порученій. Въ гонцахъ и тайныхъ агентахъ не было недостатка, и за ними особенно наблюдала полиція. Недавно она выслѣдила одного изъ нихъ, по имени Фѣэрштейна, на котораго ей указала берлинская полиція, но этотъ успѣлъ во время переодѣтья, сбрить бороду и ускользнуть изъ ея рукъ.

Моментъ возстанія зависѣлъ отъ обстоятельствъ. Извѣстно было, что Наполеонъ собирался послать свои лучшія силы въ Испанію; еслибъ Австрія воспользовалась этимъ, чтобы напасть на французовъ, то это послужило бы сигналомъ къ возстанію, которое началось бы въ сѣверной Германіи и сразу охватило бы всю страну.

— Чтобы обезпечить успѣхъ,—продолжалъ Германъ,—необходимо заранѣе все приготовить и распредѣлить силы, хотя, разумѣется, теоретическія соображенія не всегда оказываются вѣрными въ подобныхъ дѣлахъ. Весьма возможно, что возстаніе вспыхнетъ раньше, нежели мы предполагаемъ, или заговоръ будетъ открытъ вслѣдствіе какой нибудь случайности...

Бюловъ внимательно выслушалъ своего молодого соотечественника и, послѣ минутнаго раздумья, сказалъ:

— Разумѣется, въ подобныхъ предпріятіяхъ нужно всегда принимать въ расчетъ непредвидѣнное. При этомъ каждый долженъ строго слѣдить за собой, потому что любовь къ родинѣ, прежде всего, требуетъ осмотрительности. Судьба народа не въ нашихъ рукахъ, и никто не можетъ предугадать будущаго. Дипломаты являются подчасъ наихудшими совѣтниками, потому что они, подобно всѣмъ людямъ, облеченнымъ властью, склонны вѣрить, что отъ нихъ зависитъ ходъ историческихъ событій и считаютъ себя «faiseurs» того, что происходитъ при ихъ участіи. Между тѣмъ, сознание, что есть высшая, вѣчная власть надъ нами, даетъ мужество въ борьбѣ и смиреніе въ побѣдѣ..

Бюловъ замолчалъ и занялся бумагами, лежавшими на его столѣ. Германъ, считая разговоръ оконченнымъ, удалился въ свою комнату.

III.

Фаншонъ.

Эрфуртскія событія продолжали занимать кассельское общество; поэтому литературный «Casino» въ Königstrasse болѣе, чѣмъ когда либо былъ переполненъ посѣтителями. Всякій, кто имѣлъ какое нибудь извѣстіе изъ Эрфурта, слѣшилъ туда, въ надеждѣ произвести эффектъ и найти внимательныхъ слушателей.

Самыя новыя и вѣрныя извѣстія сообщалъ секретарь французскаго посольства, который получалъ ихъ отъ барона Рейнгарда, бывшаго очевидцемъ торжественной встрѣчи, устроенной Наполеону, при вѣздѣ въ Эрфуртъ, 27-го сентября.

Дня черезъ два послѣ этого событія, Германъ зашелъ въ «Casino», при которомъ была читальная зала, и, взявъ со стола «Journal de l'Empire», погрузился въ чтеніе статьи, гдѣ авторъ иронически относился къ воинственнымъ приготовлениямъ Австріи и, въ числѣ другихъ извѣстій, сообщалъ, что въ различныхъ нѣмецкихъ провинціяхъ собираются школьники, составляютъ полки, производятъ маневры и проч. Тонъ статьи былъ самый оскорбительный, и глубоко возмутилъ Германа.

Въ это время къ нему подошелъ баронъ Рефельдъ, также прочелъ статью и сказалъ съ усмѣшкой:

— Вы напрасно огорчаетесь, другъ мой! Когда остроуміе измѣняетъ французу, и онъ начинаетъ говорить пошлости, то это вѣрный признакъ, что онъ старается скрыть свою досаду... А вотъ и мосе Лёфевръ!..

Секретарь французскаго посольства вошелъ съ письмомъ въ рукѣ и тотчасъ же всѣ бывшіе въ залѣ столпились около него. Въ письмѣ было описано первое свиданіе двухъ императоровъ. Наполеонъ выѣхалъ на встрѣчу за милю отъ города и сошелъ съ лошади; Александръ I вышелъ изъ экипажа и они заключили другъ друга въ объятія. Послѣ того, оба императора сѣли на лошадей и совершился ихъ торжественный вѣздъ въ городъ, среди грохота пушекъ, звона колоколовъ и восторженныхъ криковъ жителей. На Александрѣ I былъ орденъ почетнаго легіона, на французскомъ императорѣ орденъ Александра Невскаго.

На слѣдующій день, Наполеонъ принималъ у себя разныхъ владѣтельныхъ особъ, которыя явились къ нему цѣлой толпой.

На французскомъ театрѣ даны были классическія пьесы: «Андромаха» и «Заира», съ участіемъ Тальмы и Лафона, а также извѣстныхъ актрисъ: Дюшенуа и Бургуанъ. Въ числѣ знаменитостей,

прибывшихъ въ Эрфуртъ, названъ былъ скрипачъ Роде изъ Петербурга. Затѣмъ, баронъ Рейнгардъ сообщалъ въ своемъ письмѣ, что австрійскій посланникъ, графъ С. Винцентъ, имѣлъ продолжительную аудіенцію у Наполеона...

Эта новость всего болѣе заинтересовала присутствующихъ и послужила поводомъ для оживленныхъ толковъ; одни видѣли въ этомъ признакъ миролюбиваго настроенія Наполеона, другіе наоборотъ.

Нѣсколько дней спустя, въ пасмурный октябрьскій вечеръ, Германъ, вмѣстѣ съ барономъ Рефельдомъ, вышелъ довольно поздно изъ «Casino». Въ передней какой-то господинъ остановилъ Рефельда, говоря, что долженъ сказать ему наединѣ нѣсколько словъ. Германъ сталъ спускаться одинъ по освѣщенной лѣстницѣ и замѣтилъ женскую фигуру, которая на минуту выглянула изъ выходной двери и опять скрылась за нею. Когда онъ вышелъ на улицу, то увидѣлъ ту же фигуру, стоящую передъ крыльцомъ. Это была молодая горничная, съ пикантной, оживленной фізіономіей, волосы ея были слегка прикрыты маленькимъ чепчикомъ; красивыя ножки кокетливо выглядывали изъ-подъ чернаго шелковаго салопя.

— Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, укажите мнѣ, куда идти,—сказала она Герману пофранцузски.—Я недавно пріѣхала изъ Парижа и сбилась съ дороги.

— Куда вы хотите идти, мадемуазель, или, лучше сказать, гдѣ вы живете?—спросилъ Германъ.

— Я нахожусь въ услуженіи у генеральши Кудрѣ; мы живемъ противъ королевскаго замка.

— А я живу по сосѣдству съ вами, мадемуазель, и доведу васъ до дому.

При этихъ словахъ, она быстро схватила его подъ руку и хотѣла идти, но Германъ остановилъ ее.

— Одну минуту!—сказалъ онъ.—Мнѣ нужно подождать пріятеля.

— Я слѣшу домой, пойдемте!—шепнула она.

— Вотъ и онъ!—сказалъ Германъ.—Посмотрите, баронъ, какую я поймалъ восхитительную парижанку!..

— Ah! j'y retiens part! У насъ съ пріятеlemъ все пополамъ!—воскликнулъ Рефельдъ, схватывая правую руку красавицы, которая съ досадой отдернула ее.

Дождь началъ накрашивать. Чтобы сократить дорогу, они перешли площадь и свернули въ узкую «Jacobigasse».

— Это ночная птица!—сказалъ Рефельдъ, понѣмецки, обращаясь къ Герману.—Любопытно было бы знать, куда хочетъ она заманить насъ? Разумѣется, вдвоемъ можно отважиться на какое угодно приключеніе...

Въ эту минуту французенка остановилась у большого дома и вынула ключъ изъ кармана, чтобы отворить дверь.

— Вы живете здѣсь? — продолжалъ баронъ. — Дѣйствительно, это квартира генерала Кудра... Жаль, что намъ приходится пожелать вамъ доброй ночи! Мы охотно проводили бы васъ куда угодно. Однако, какъ зовутъ васъ, мое прекрасное дитя?

— Меня? Меня зовутъ мадемуазель... Какое вамъ дѣло до моего имени?

— Мадемуазелями называютъ дѣвицъ, которыя ночью прогуливаются по улицамъ. Но вы, конечно, имѣете собственное имя.

— Меня зовутъ Фаншонъ, если васъ такъ интересуетъ это!

— Прелестное имя, Фаншонъ! Я долженъ сказать вамъ, мадемуазель Фаншонъ, что, хотя вы служите у мадамъ Кудра, но изъ васъ обѣихъ всякій отдастъ бы вамъ предпочтеніе!

— Что можете найти вы дурного въ генеральшѣ? — спросила она.

— Вы видите, баронъ, дождь усиливается, — замѣтилъ Германъ. — Пойдемте скорѣе домой.

— Зайдите ко мнѣ и переждите, пока пройдетъ дождь, — сказала Фаншонъ, обращаясь къ Герману. — Никого нѣтъ дома, кромѣ меня, такъ что вамъ стѣсняться нечего! Генеральша на вечерѣ и вернется не скоро, а генераль уѣхалъ изъ Касселя вмѣстѣ съ королемъ...

Германъ отказывался, но баронъ Рефельдъ сказалъ ему понѣмечки:

— Идите, не упускайте такого прекраснаго случая; къ счастью, меня не приглашаютъ; и поэтому я уступаю вамъ поле битвы!

Съ этими словами онъ втолкнулъ въ дверь Германа, который со смѣхомъ потащилъ его за собой. Они поднялись по лѣстницѣ вслѣдъ за Фаншонъ, которая быстрыми шагами шла передъ ними. Она отворила дверь въ переднюю, изъ которой упалъ свѣтъ на лѣстницу.

Когда они сняли промокшее платье, Фаншонъ ввела ихъ въ красиво-убранную комнату, на подобіе будуара, которая освѣщалась матовой лампой и была пропитана духами. Между большимъ зеркаломъ и шелковыми ширмами стояла кушетка, къ которой былъ придвинутъ столъ съ десертомъ и виномъ, какъ бы въ ожиданіи гостей.

Фаншонъ была необыкновенно мила въ свѣтломъ, короткомъ платьѣ и шелковомъ передникѣ. Она небрежно бросилась на кушетку и пригласила гостей занять мѣста; вся ея любезность была обращена на Германа, тогда какъ баронъ Рефельдъ не могъ ничего добиться отъ нея, кромѣ короткихъ и отрывочныхъ отвѣтовъ. Этимъ она давала ему чувствовать, что считаетъ его присутствіе лишнимъ. Но баронъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, принималъ дѣятельное участіе въ разговорѣ и съ такимъ серьезнымъ ви-

домъ говорилъ глупости, что Германъ съ трудомъ удерживался отъ смѣха.

Когда разговоръ на минуту прекратился, Германъ, увидя письмо, лежавшее на столѣ, спросилъ:

— Не можете ли вы, мадемуазель Фаншонъ, сообщить намъ, какія вѣсти получены отъ генерала?

— Мы получили это письмо сегодня утромъ, впрочемъ, нѣтъ, получила его, конечно, мадамъ Кудрѣ... Если васъ интересуетъ, г. баронъ, какъ сидятъ короли въ театрѣ, то прочитайте сами.

Съ этими словами она подала письмо Рефельду съ очевиднымъ намѣреніемъ занять его и добавила торопливо:

— Представьте себѣ, въ Эрфуртѣ находятся теперь сорокъ два коронованныхъ лица, помимо четырехъ королевъ, двухъ великихъ герцоговъ, пятидесяти генераловъ и пр. Начинайте отсюда!

Баронъ Рефельдъ посмотрѣлъ на нее съ лукавой улыбкой, покачалъ головой и прочелъ вслухъ указанное ему мѣсто письма:

...«За музыкантами, въ первомъ партерѣ, посреди театра сидятъ обыкновенно два императора,—Александръ по правую руку, около него баварскій король, затѣмъ саксонскій и владѣтельный архіепископъ. Налѣво, около Наполеона сидятъ: король виртембергскій, великій князь Константинъ Павловичъ и принцъ Вильгельмъ прусскій. Средняя ложа, обитая алымъ бархатомъ, предоставлена ихъ величествамъ, королю и королевѣ вестфальскимъ и ихъ свитѣ, въ которой нахожусь и я. Остальныя владѣтельныя особы, князья, принцы, генералы и пр. занимаютъ мѣста въ амфитеатрѣ между партеромъ и первымъ ярусомъ ложъ»...

Рефельдъ, возвращая письмо Фаншонъ, замѣтилъ съ усмѣшкой:

— Вы находитесь, повидимому, въ крайне пріятельскихъ отношеніяхъ съ генераломъ, мадемуазель Фаншонъ. Онъ пишетъ вамъ самое любезное письмо!

— Мнѣ! Вы слишкомъ дерзки, г. баронъ. Посмотрите, письмо адресовано генеральшѣ!

— Ахъ, простите, очаровательная Фаншонъ! Я не зналъ, что вы въ такой дружбѣ съ вашей госпожей, хотя могъ догадаться, потому что вы такъ граціозно лежите на кушеткѣ, какъ настоящая генеральша. Собственно говоря, мадамъ Кудрѣ слѣдовало бы ѣхать за королемъ въ Эрфуртъ, а генералу остаться съ Фаншонъ.

— Я не хочу говорить съ такимъ чудовищемъ! Убирайтесь отсюда! — сказала она съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Вы разсердились на меня, Фаншонъ, и гоните отсюда. Ну, нечего дѣлать! — сказалъ баронъ Рефельдъ, поднимаясь съ мѣста. — Извольте, я уйду! Пусть мой пріятель останется съ вами и выпроситъ мнѣ прощеніе!

Фаншонъ была видимо довольна догадливостью барона. Она за-

смѣялась и, закрывъ ротъ носовымъ платкомъ, бросила нѣжный взглядъ на Германа.

Но ея ожиданія оказались напрасными. Германъ въ первую минуту смутился, а затѣмъ всталъ съ мѣста.

— Шутки въ сторону, — сказалъ онъ. — Намъ пора домой, баронъ! Мы не можемъ долѣе пользоваться гостепріимствомъ мадемуазель Фаншонъ. Дождь не скоро прекратится; вы слышите, льетъ, какъ изъ ведра.

— Вы можете взять мой дождевой зонтикъ, — сказала Фаншонъ, обращаясь къ Герману, — а барона пусть промочить дождь, онъ заслужилъ это.

Германъ сталъ отказываться, говоря, что онъ живетъ по сосѣдству и, что зонтикъ гораздо нужнѣе барону, которому предстоитъ длинный путь.

Наконецъ, Рефельдъ вмѣшался въ разговоръ и замѣтилъ со смѣхомъ:

— Неужели вы не понимаете, что дѣло не въ зонтикѣ, а въ томъ, чтобы вы, г. докторъ, возвратили его мадемуазель Фаншонъ.

Между тѣмъ Фаншонъ достала зонтикъ изъ шкафа и Рефельдъ тотчасъ же завладѣлъ имъ.

— Позвольте васъ спросить, мадемуазель, — сказалъ онъ, — можетъ ли мой пріятель занести вамъ зонтикъ завтра въ восемь часовъ?

— Завтра, въ восемь часовъ вечера, я выйду на крыльцо и получу зонтикъ обратно, — отвѣтила Фаншонъ и позвонила въ колокольчикъ. Вышла горничная со свѣчей, чтобы проводить господъ, а Фаншонъ, кивнувъ имъ головой въ знакъ прощанья, скрылась за дверью.

Когда они вышли на улицу, Рефельдъ разразился громкимъ смѣхомъ:

— Ну, г. докторъ, какъ вамъ нравится это приключеніе? — воскликнулъ онъ. — А теперь намъ остается только распредѣлить роли. Вы не даромъ получили этотъ зонтикъ; Фаншонъ довольно ясно выказывала свои чувства...

— Предоставляю ее вамъ, баронъ, въ полное распоряженіе! — возразилъ Германъ.

— Безконечно благодаренъ, мой другъ! — сказалъ Рефельдъ. — Надѣюсь, вы поняли въ чемъ дѣло. Я давно искалъ случая завести такое знакомство, которое дало бы мнѣ возможность узнать вблизи интимную жизнь Иеронима. Теперь я нашелъ то, что мнѣ нужно: мадамъ Кудра въ данный моментъ пользуется особенной милостью короля, а Фаншонъ ложится на кушетки, читаетъ получаемыя письма, распоряжается зонтикомъ генеральши, какъ своей собственностью и, вѣроятно, посвящена во всѣ ея тайны. Не трудно догадаться, что такая женщина, какъ мадамъ Кудра, должна имѣть

довѣренное лицо при своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ королемъ за спиной мужа. Если мнѣ удастся заслужить благоволеніе Фаншонъ, то цѣль моя будетъ достигнута...

Въ эту минуту они подошли къ дому, гдѣ жилъ Германъ.

— А пока до свиданія! — продолжалъ баронъ Рефельдъ. — Я возьму зонтикъ и возвращу его въ назначенное время. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ! Ожидаютъ васъ, и поэтому мое появленіе будетъ еще неприятнѣе.. Она и сегодня была недовольна моимъ присутствіемъ. Жаль, что вы не годитесь для этого дѣла, а то вамъ было бы удобнѣе выполнить его, нежели мнѣ. Я долженъ тратить деньги, а отъ васъ только требуется сердце.

— Берегитесь, чтобы оно не заговорило у васъ, баронъ! Мадемуазель Фаншонъ настолько соблазнительна, что вы можете увлечься ею.. Однако, намъ пора разстаться, — покойной ночи!..

— Прощайте, философъ! — отвѣтилъ баронъ Рефельдъ и отправился домой подъ проливнымъ дождемъ.

IV.

Возвращеніе короля изъ Эрфурта.

Жажда новостей, привлекавшая многочисленную публику въ литературный «Casino», отразилась и на jours fixes графа Бюлова, которые усерднѣе посѣщались нежели когда либо. Теперь всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія о времени возвращенія Геронима въ Кассель и рассчитывали, что министръ финансовъ при своихъ дружескихъ отношеніяхъ съ французскимъ посланникомъ, узнаетъ объ этомъ раньше другихъ.

Приемныя комнаты Бюловыхъ уже были переполнены гостями, когда явился генераль Сала съ супругой и г-жа Симсонъ съ дочерью. Хотя Германъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, при встрѣчѣ съ г-жей Симсонъ, выразилъ сожалѣніе, по поводу внезапнаго отъѣзда ея племянницы; но тонъ его голоса и манера держать себя окончательно убѣдили ее, что письмо Маренвилля къ Сесили похищено имъ, и она рѣшилась отомстить ему. Лёбренъ также пересталъ бывать у нихъ въ домѣ послѣ того, какъ она подняла на смѣхъ его переговоры съ Германомъ и объявила, что молодой нѣмецъ не только понялъ, но и одурачилъ автора de «L'Enfant du Carnaval». Ссора съ Лёбреномъ еще болѣе усилила ея злобу; и она употребила всѣ усилія, чтобы возстановить Маренвилля противъ Германа. Но это не удалось ей; королевскій секретарь не менѣе самого Геронима былъ доволенъ удаленіемъ Сесили и на всѣ жалобы г-жи Симсонъ отвѣчалъ въ шутовскомъ тонѣ.

Поэтому, когда Германъ поздоровался съ г-жей Симсонъ на вечерѣ у Бюлова, то она не особенно ласково встрѣтила его. Но те-

перъ Германъ не легко приходилъ въ смущеніе и, сказавъ нѣсколько вѣжливыхъ фразъ, незамѣтно удалился.

Между тѣмъ, къ г-жѣ Симсонъ подошла генеральша Салà, которая также была не въ особенно хорошемъ настроеніи духа; и обѣ дамы обмѣнялись разными колкостями, хотя подъ прикрытіемъ улыбокъ и ласковыхъ эпитетовъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій генеральша сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Eh bien! говорятъ, Моріо возвращается надняхъ въ Кассель!

— Очень рада за васъ, моя дорогая. Теперь я понимаю, почему вы такъ любезно поздоровались сегодня съ молодымъ докторомъ. Вы, конечно, удѣлите ему частичку мести, которую вы готовите Моріо, тѣмъ болѣе, что онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ приключеніи съ Аделью.

— Вы ошибаетесь, мой другъ, то, что вы называете громкимъ именемъ мести, относится исключительно къ графу Фюрстенштейну, брату Адели. Я душевно жалѣю, что въ настоящемъ случаѣ должна огорчить Моріо! Разумѣется, онъ освирѣпѣетъ и ярость этого грубаго человѣка можетъ обрушиться на молодого доктора. Я вполне понимаю, что вамъ это неприятно, моя милая мадамъ Симсонъ, потому что вы хотѣли женить его на вашей очаровательной племянницѣ. А гротос! имѣете ли вы какія нибудь извѣстія отъ мадемуазель Сесили?

Г-жа Симсонъ старалась скрыть свое неудовольствіе, но въ тонѣ ея голоса слышалось раздраженіе:

— Мы получили отъ Сесили короткое письмо изъ Меца, гдѣ ее встрѣтила мать. Вѣроятно, вы желаете, моя милая мадамъ Салà, предупредить молодого учителя, чтобы онъ остерегался генерала. Теперь ваша Мелани свободна и могла бы брать уроки нѣмецкаго языка; этотъ вѣжливый докторъ имѣетъ прекрасную методу при обученіи молодыхъ дамъ...

Генеральша при этихъ словахъ торопливо поднялась съ кресла и, бросивъ ядовитый взглядъ на свою пріятельницу, сказала:

— Никому я не сообщала своихъ тайнъ, кромѣ васъ, мадамъ Симсонъ! Если что нибудь будетъ извѣстно въ обществѣ, то этимъ я буду обязана вамъ и найду, чѣмъ отблагодарить за такую услугу...

Въ эту минуту въ залу вошелъ французскій посланникъ, пріѣхавшій нѣсколько часовъ тому назадъ изъ Эрфурта. Онъ привезъ извѣстіе, что ихъ величества вернутся въ Кассель на слѣдующій день вечеромъ.

Хотя крайняя осторожность барона Рейнгарда была извѣстна всѣмъ, но къ нему приступили съ разными вопросами. Онъ отвѣчалъ общими фразами.

— Судя по дружескимъ отношеніямъ обоихъ императоровъ и ихъ министровъ,—сказалъ онъ,—можно заключить, что между ними

водворилось полнѣйшее согласіе: Александръ I ежедневно обѣдалъ у Наполеона. Затѣмъ они вмѣстѣ отправлялись въ театръ, а, по окончаніи представленія, Наполеонъ проводилъ остатокъ вечера у русскаго императора. Такимъ образомъ, они ежедневно угощались французскимъ обѣдомъ и русскимъ чаемъ.

— Не извѣстно ли что либо вашему превосходительству о раздѣлѣ государствъ?—спросилъ полковникъ Гаммерштейнъ съ многозначительной улыбкой.

— Нѣтъ, я ничего не слыхалъ объ этомъ,—возразилъ посланникъ,—но поговаривали въ частныхъ кружкахъ, что будетъ новый король...

Эти слова возбудили общее любопытство, хотя никто не рѣшался высказать своихъ догадокъ.

— Къ сожалѣнію, это пока величайшая тайна и я не могу разглашать ее,—продолжалъ посланникъ.—Но расскажу вамъ случай, бывший при мнѣ въ Эрфуртѣ: одинъ изъ многихъ германскихъ государей возвращался домой послѣ приѣма у Наполеона. Наружность его была настолько величественная, что, караульный на гауптвахтѣ, увидя его издалека, хотѣлъ созвать солдатъ, чтобы отдать ему честь, но офицеръ остановилъ его, говоря: *Laissez donc! Ce n'est qu'un Roi!*

Всѣ улыбнулись, хотя ожидали болѣе интереснаго разсказа отъ французскаго посланника. Но онъ всталъ съ мѣста и, взявъ подъ руку хозяина дома, перешелъ съ нимъ въ сосѣднюю комнату, въ которой въ эту минуту не было никого изъ гостей:

— Вы сказали, баронъ, что король будетъ въ Касселѣ завтра вечеромъ?—спросилъ Бюловъ.

— Да, онъ самъ объявилъ мнѣ объ этомъ, хотя я засталъ его въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

— Это почему?

— Право не знаю. Говорятъ, онъ недоволенъ тѣмъ, что Наполеонъ пожаловалъ табакерки разнымъ придворнымъ и ничего не далъ графу Фюрстенштейну и генералу Кудра, которые пользуются его особеннымъ расположеніемъ. Кромѣ того, Герониму пришлось выслушать упреки отъ брата за легкомысленный образъ жизни, что также не могло порадовать его!..

На слѣдующій день, въ 10 часовъ вечера, Геронимъ прибылъ въ Кассель съ своей супругой. Не смотря на проливной дождь, улицы, по которымъ должны были ѣхать ихъ величества, были иллюминированы и въ собравшейся толпѣ слышались крики: вивать!

Королевскій экипажъ остановился передъ городскимъ дворцомъ, который служилъ зимней резиденціей ихъ величества. Здѣсь они были встрѣчены цѣлой толпой придворныхъ и высшими сановниками. Геронимъ отвѣтилъ общимъ поклономъ на ихъ привѣтствія,

и, жалуюсь на усталость отъ дурной дороги, ушелъ въ свой кабинетъ.

На слѣдующее утро, Берканьи явился первый на аудіенцію. Геронимъ принялъ его лежа на кушеткѣ и, выслушавъ составленный имъ докладъ, спросилъ равнодушнымъ тономъ: открытъ ли шпионъ, который извѣщаетъ императора о событіяхъ въ Кассель?

— До сихъ поръ полиція не могла напасть на его слѣдъ, ваше величество!—отвѣтилъ Берканьи, встревоженный холоднымъ приѣмомъ короля, и чтобы смягчить его гнѣвъ, добавилъ торопливо:— Но мнѣ удалось сдѣлать одно открытіе, о которомъ считаю долгомъ донести вашему величеству. Мадамъ Кудра опять вернулась къ своимъ старымъ привычкамъ и по вечерамъ прогуливается по улицамъ, переодѣтая. Прикажете ли мнѣ слѣдить за нею или нѣтъ?

— Да, слѣдите за нею, но дѣлайте это, какъ можно осторожнѣе, изъ уваженія къ ея почтенному супругу... А теперь пошлите ко мнѣ Бонгара!

Берканьи удалился съ почтительнымъ поклономъ; немного погодя, вошелъ шефъ-жандармовъ.

— Выслушайте меня внимательно Бонгаръ,—сказалъ король приподнимаясь съ кушетки.—Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ кто-то доноситъ императору о всѣхъ происшествіяхъ при моемъ дворѣ; ему извѣстенъ каждый мой шагъ, чуть ли не всякое сказанное слово! Берканьи до сихъ поръ не могъ ничего узнать. Не придумаете ли вы какойнибудь способъ, чтобы выслѣдить этого негодяя и захватить его въ наши руки?

Шефъ-жандармовъ, послѣ минутнаго молчанія, отвѣтилъ:

— Устроить это не трудно, если только, вашему величеству угодно будетъ дать свое согласіе. Я пошлю въ Парижъ ловкаго человѣка съ уполномочіемъ вскрывать всѣ письма, получаемыя изъ Вестфалии, потому что едва ли этотъ господинъ посылаетъ ихъ прямо изъ Касселя.

— Bravo, Бонгаръ!—воскликнулъ король.—Пріятно имѣть дѣло съ умнымъ и дѣловымъ человѣкомъ! Даю вамъ *carte blanche* распоряжаться, какъ вы найдете нужнымъ. Только переговорите съ Маренвиллемъ... А вотъ и онъ самъ!

Вошелъ Маренвилль; король передалъ ему предложеніе шефа-жандармовъ; и они начали совѣщаться о томъ, какъ все устроить и какое жалованье назначить тайному агенту, который будетъ посланъ въ Парижъ.

Но тутъ королю доложили о прибытіи генерала Салà, и Бонгаръ поспѣшилъ удалиться.

Геронимъ принялъ генерала Салà съ видимымъ смущеніемъ, такъ какъ хотѣлъ переговорить съ нимъ по поводу возлагаемаго на него порученія и не зналъ, какъ онъ отнесется къ нему.

— Я просилъ васъ къ себѣ, генераль,—началъ онъ,—чтобы со-

общить вамъ, что я хочу довѣрить вамъ одно дѣло, какъ старому испытанному другу. Дѣло заключается въ томъ, что вы должны ѣхать съ порученіемъ въ Испанію къ моему брату Іосифу. Вы получите всѣ необходимыя объясненія отъ Ле-Камю и Маренвилля, а я приготовлю для васъ особыя инструкціи. Вамъ будетъ любопытно взглянуть на Мадридъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ...

Геронимъ остановился, ожидая какихъ либо возраженій, но генераль молчалъ и добродушно улыбался, видимо, польщенный оказаннымъ ему довѣріемъ.

— Кромѣ того, я совѣтую вамъ взять съ собой ваше семейство, по крайней мѣрѣ, до Парижа,—добавилъ король.

Лицо генерала Салà приняло при этихъ словахъ мрачное выраженіе; онъ отвѣтилъ, что неудобно въ такое безпокойное время пускаться съ дамами въ дальнюю дорогу.

— Мой милый Салà, я имѣю особенную причину настаивать на этомъ,—возразилъ король,—вамъ извѣстно, что между вашей женой и Ле-Камю, выпли недоразумѣнія. Они могутъ возобновиться, потому что съ возвращеніемъ Моріо изъ Неаполя, состоится свадьба Ле-Камю съ графиней Гарденбергъ. Ваша жена и дочь будутъ рады удалиться изъ Касселя во время этой свадьбы и связанныхъ съ нею празднествъ. Онѣ не захотятъ участвовать въ нихъ; и это будетъ принято, какъ доказательство ихъ неудовольствія. Между тѣмъ, путешествіе въ Парижъ развлечетъ вашихъ дамъ и возвратитъ имъ хорошее настроеніе духа. Надѣюсь генераль, что вы поймете мои добрыя намѣренія и поступите такъ, какъ я вамъ говорю...

Послѣ долгихъ убѣжденій, генераль Салà мало по малу успокоился и отправился извѣстить свою супругу о предстоящемъ путешествіи.

Геронимъ, оставшись наединѣ съ секретаремъ, выразилъ ему свое удовольствіе по поводу благополучно оконченнаго дѣла.

— А rgoros!—продолжалъ онъ,—мнѣ необходимо видѣть сегодня моего добраго Кудра, но я такъ усталъ отъ всѣхъ этихъ переговоровъ, что не въ состояніи принять его. Онъ, вѣроятно, здѣсь, выйдите къ нему, Маренвилль, и передайте отъ моего имени, что завтра же, я произведу его въ генераль-лейтенанты. Это будетъ пріятнѣе табакерки, которую онъ могъ получить въ Эрфуртѣ! А затѣмъ пойдите къ его женѣ и скажите, чтобы она остерегалась полицейскихъ шпионовъ, когда будетъ совершать свои вечернія прогулки. Если у ней выйдутъ непріятности съ полиціей, то мнѣ придется удалить ее отъ двора.

V.

День рожденія Иеронима.

Съ возвращеніемъ ихъ величествъ изъ путешествія, начался зимній сезонъ въ Касселѣ. Вниманіе горожанъ, поглощенное въ продолженіе двухъ недѣль событіями въ Эрфуртѣ, обратилось на ближайшіе и менѣе сложные интересы.

Разговоры объ Эрфуртѣ мало по малу прекратились въ высшемъ обществѣ. Послѣ цѣлаго ряда празднествъ, нѣмецкіе князья должны были принять участіе въ торжествѣ 14-го октября, устроенномъ въ годовщину побѣды Наполеона надъ пруссаками при Ауэрштедтѣ, послѣ чего они вернулись въ свои резиденціи. Въ Касселѣ рассчитывали, что знаменитые французскіе актеры, бывшіе въ Эрфуртѣ, проѣздомъ въ Парижъ, дадутъ нѣсколько представлений въ столицѣ вестфальскаго короля; но эта надежда не осуществилась. Между тѣмъ, нѣкоторые результаты эрфуртскихъ переговоровъ, были втайнѣ сообщены членамъ прусско-гессенскаго союза.

Германъ нашелъ нужнымъ извѣстить объ этомъ своихъ друзей въ Гомбергѣ. Зная, насколько они интересуются всѣмъ, что касалось прусскаго министра Штейна, онъ подробно сообщилъ Линѣ, какимъ образомъ письмо министра, надѣлавшее столько шума попало въ руки французовъ.

«...По всѣмъ вѣроятіямъ, писалъ онъ, послѣ этого скандала Штейнъ долженъ будетъ выйти въ отставку и несчастный прусскій король лишится своей главной поддержки. Кромѣ того, моя дорогая Лина, мы узнали въ общихъ чертахъ, чѣмъ кончились совѣщанія въ Эрфуртѣ. Опасенія нѣмецкихъ патріотовъ оказались не напрасными: говорятъ рѣшено уничтожить Германію, преобразовать Европу и произвести новый раздѣлъ государствъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія сообщить вамъ полковникъ Дёрнбергъ, который хочетъ взять отпускъ на двѣ недѣли подъ предлогомъ охоты и явится къ вамъ въ будущій понедѣльникъ.

«Что касается придворныхъ новостей, то могу сообщить, что Моріо вернулся изъ Неаполя и привезъ съ собою орденъ Обѣихъ Сицилій; кромѣ того, императоръ передъ отъѣздомъ изъ Эрфурта, прислалъ Иерониму два ордена Почетнаго Легіона: одинъ изъ нихъ пожалованъ Бюлову, другой графу Буху. Затѣмъ всѣхъ занимаетъ поспѣшный отъѣздъ генерала Салà, который отправился съ тайнымъ порученіемъ въ Испанію. Рассказываютъ, что по этому поводу произошла бурная сцена между генераломъ и его супругой, которая неохотно послѣдовала за нимъ.

«О себѣ могу только сказать, моя дорогая Лина, что Бюловъ опять намѣревается хлопотать объ опредѣленіи меня на штатное мѣсто. Тутъ вопросъ не въ жалованьи, а въ извѣстномъ общественномъ положеніи, которое мнѣ необходимо приобрести. Я считалъ бы себя безконечно счастливымъ, если бы мнѣ удалось пріѣхать къ вамъ съ полковникомъ Дёрнбергомъ, хотя бы на нѣсколько часовъ, но это едва ли будетъ возможно. Твоя мать, Лина, и я надѣмся, что вы сами пріѣдете въ Кассель по случаю празднествъ, которыя готовятся здѣсь къ дню рожденія короля. Она уже приготовила вамъ комнату, а я хочу бросить политику, службу и забыть, что существуютъ какія бы то ни было дѣловыя бумаги, на все время, пока буду съ вами, мои дорогіе друзья, Лина и Людвигъ. По слухамъ, празднества будутъ отличаться необыкновенною пышностью, а календарь предсказываетъ сухую, ясную погоду. Ожидаемъ васъ съ нетерпѣніемъ.

«Твой Германъ».

Предсказаніе календаря относительно хорошей погоды оправдались вполнѣ, но, противъ, всякаго ожиданія, Гейстеръ остался въ Гомбергѣ, и Лина пріѣхала одна къ матери, 14-го ноября, передъ обѣдомъ.

Послѣ радостной встрѣчи, она передала Герману извиненіе Людвига. Онъ ссылался на дѣла, но изъ ея словъ оказалось, что не эта причина удержала его отъ поѣздки въ Кассель. Министръ Симсонъ предложилъ своему бывшему подчиненному подать прошеніе его величеству и обѣщаль дать ему другое мѣсто, добавивъ, что король жалѣеть о своемъ опрометчивомъ поступкѣ и можно надѣяться, что все уладится къ лучшему. Послѣ этого письма, Гейстеръ по пріѣздѣ въ Кассель долженъ былъ сдѣлать визитъ министру и поблагодарить его за участіе, но онъ считалъ это неудобнымъ для себя, потому что въ виду оказанной ему обиды не хотѣлъ идти ни на какія уступки. Къ тому же со времени переѣзда въ Гомбергъ, онъ окончательно погрузился въ дѣла Гессенскаго союза и не хотѣлъ выѣхать изъ мѣстности, гдѣ готовилось возстаніе. Въ случаѣ успѣха, онъ рассчитывалъ вернуться въ Кассель одновременно съ курфирстомъ и занять тамъ мѣсто, соотвѣтствующее его способностямъ.

— Мнѣ кажется, — продолжала Лина, — что неудовлетворенное честолюбіе всего болѣе привело Людвига къ этому рѣшенію; хотя и прежде онъ принималъ участіе въ Гессенскомъ союзѣ, но не отдавался ему всею душою, какъ теперь. Онъ считаетъ себя оскорбленнымъ и не желаетъ принять предложеніе министра, чтобы не быть ничѣмъ обязаннымъ нынѣшнему правительству, а также изъ боязни возбудить къ себѣ недовѣріе своихъ сообщниковъ...

Германъ слушалъ молча и съ такимъ разсѣяннымъ видомъ, что Лина перемѣнила тему разговора.

Теперь она опять была въ домѣ матери, гдѣ все напоминало ей первые дни ея знакомства съ Германомъ. Разлука еще болѣе усилила ихъ взаимную привязанность, но оба были настолько поглощены радостью свиданія, что не замѣчали этого. Лина не испытывала болѣе прежнихъ терзаній съ тѣхъ поръ, какъ создалась мужу въ своей любви къ Герману, и онъ спокойно выслушалъ ее, не выказавъ ни малѣйшаго недоверія или ревности. Это служило какъ бы оправданіемъ ея чувства, и она еще болѣе поддалась ему. Въ рѣдкія минуты, когда у ней являлась смутная боязнь, что любовь можетъ довести ее до паденія, она давала себѣ слово слѣдить за собой и быть сдержанной съ Германомъ; но при этомъ, обыкновенно, успокаивала себя тѣмъ доводомъ, что Германъ смотритъ на нее, какъ на сестру и ничего не чувствуетъ къ ней, кромѣ дружбы.

Но въ этомъ она ошиблась. Германъ понялъ, что любить ее не братской любовью еще тогда, когда писалъ ей первое письмо въ Гомбергъ, ясно сознавалъ это и теперь; и, слушая ее, думалъ о томъ, что только въ ея присутствіи онъ можетъ быть счастливъ. Ему невольно припомнился дуэтъ Гайдена, который онъ въ послѣдній разъ пѣлъ съ нею:

«Съ тобою жизнь для меня блаженство»...

Когда г-жа Виттихъ вышла изъ комнаты, чтобы распорядиться по хозяйству и оставила, ихъ наединѣ, онъ почувствовалъ такой приливъ нѣжности къ Линѣ, что долженъ былъ собрать всю силу воли, чтобы не заключить ее въ свои объятія. Но эта минута томительной борьбы между сознаніемъ долга и порывомъ страсти такъ болѣзненно отозвалась въ его сердцѣ, что ему стоило большого труда удержаться отъ слезъ. Онъ поспѣшно вскочилъ съ своего мѣста и почти выбѣжалъ изъ комнаты.

Лина видѣла, что онъ взволнованъ, и не могла понять, что съ нимъ, хотя его волненіе сообщилось ей, и она чувствовала какое-то неопредѣленное беспокойство. Но Германъ за обѣдомъ былъ веселѣе и разговорчивѣе обыкновеннаго. Лина рассказала ему, какъ они устроились въ Гомбергъ и съ кѣмъ познакомились; и особенно хвалила вдову одного офицера, по фамиліи Стѣлтингъ и ея дочь.

Съ наступленіемъ сумерокъ раздался двадцать одинъ пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій о наступленіи кануна королевскаго праздника.

— Не желаешь ли отправиться въ театръ, Лина?—спросилъ Германъ.—Я досталъ два мѣста въ партерѣ для тебя и Людвига изъ 1200 даровыхъ билетовъ, которые розданы были придворными чинами. Ты должна видѣть все относящееся къ празднеству.

— Разумѣется,—отвѣтила она,—но я пойду въ театръ въ томъ случаѣ, если ты воспользуешься другимъ билетомъ, потому что Людвигъ выразилъ желаніе, чтобы ты всюду сопровождалъ меня и

былъ моимъ кавалеромъ. Подожди немного, я сейчасъ займусь тудалетомъ, потому что всѣ будутъ сегодня въ полномъ парадѣ.

— Только одѣвайся скорѣе, Лина. Тебѣ нечего хлопотать о тудалетѣ; ты украсишь собою всякій нарядъ!...

Театральная площадь была переполнена праздною толпой, которая за неимѣніемъ билетовъ для входа съ любопытствомъ слѣдила за экипажами, подѣзжавшими къ театру, при мерцающемъ свѣтѣ горящихъ плашекъ. Германъ съ Линой пробрались съ трудомъ до своихъ мѣстъ въ партерѣ. Театръ представлялъ великолѣпное зрѣлище. Пышныя гирлянды цвѣтовъ, украшавшія стѣны, рельефно выступали при яркомъ освѣщеніи безчисленнаго множества восковыхъ свѣчей. Партеръ и ложи были переполнены нарядными дамами, придворными въ ихъ богатыхъ костюмахъ и военными въ блестящихъ мундирахъ. При появленіи ихъ величествъ въ средней ложѣ, началась увертюра. По окончаніи ея подняли занавѣсъ.

Давали въ первый разъ драму, написанную стихами ко дню рожденія Геронима, молодымъ французомъ Брюгье, который за два года передъ тѣмъ получилъ академическую премію за свои стихотворенія. Сюжетъ пьесы былъ самый лестный для короля и представлялъ эпизодъ изъ его жизни, а именно его походъ въ Алжиръ, куда онъ отправился изъ Генуи по приказанію Наполеона для освобожденія плѣнныхъ. Въ первомъ актѣ сцена изображала берегъ Генуи, на которомъ толпился народъ, напуганный извѣстіемъ о приближеніи англійскаго флота; но къ общей радости это оказывается французская эскадра. Затѣмъ начиналась, драма съ неизмѣнной любовной завязкой.

Г-жа Флорвилль восемнадцать лѣтъ живетъ въ разлукѣ съ своимъ мужемъ, который отправился на Востокъ и пропалъ безъ вѣсти. Французская революція принудила ее оставить родину и переехать въ Геную съ единственной дочерью Лаурой, и слугою Робертомъ, у котораго подъ суровой наружностью скрывается благородное сердце и безграничная преданность къ своимъ господамъ.

Въ Генуѣ, нѣкто Лео, сынъ богатаго купца, ведущаго морскую торговлю, случайно знакомится съ Лаурой и влюбляется въ нее. Однако, не смотря на его хорошія качества и взаимную любовь молодыхъ людей, г-жа Флорвилль противится ихъ браку, вслѣдствіе неравенства состояній и рѣшается уѣхать изъ Генуи. Приходитъ Лео и сообщаетъ, что отецъ его, бывшій въ плѣну въ Алжирѣ, возвращается на родину. Лео послалъ деньги, чтобы выкупить отца, но получилъ извѣстіе, что какой-то молодой герой освободилъ его въ числѣ другихъ плѣнныхъ безъ выкупа; и, что теперь они плывутъ на корабль, который видѣнъ вдали. Г-жа Флорвилль выражаетъ сочувствіе его радости, но при этомъ объявляетъ ему о своемъ намѣреніи уѣхать изъ Генуи. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе въ любви и сцена отчаянія влюбленныхъ, потому что мать не

соглашается измѣнить своего рѣшенія. Появляется слуга Робертъ и сообщаетъ о прибытіи кораблей изъ Алжира. Раздаются пушечные выстрѣлы и Лео спѣшитъ навстрѣчу отцу.

Мѣняются декораціи. Народъ на берегу окружаетъ морского офицера, который въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ для присутствующаго короля рассказываетъ объ его экспедиціи и освобожденіи плѣнныхъ. Султанъ потребовалъ выкупа, но Иеронимъ велѣлъ направить пушки на стѣны города, говоря, что заплатитъ огнемъ и кровью, если не послѣдуетъ немедленное освобожденіе всѣхъ плѣнныхъ:

Il a dit: et son ton, sa noble contenance
Le feu de l'heroïsme éclatant dans ses yeux
Ont glacé de terreur ces monstres furieux
Et leur saisissement se peint par leur silence...

Естественно, что подобныя мѣста пьесы были встрѣчены громкими рукоплесканіями зрителей. Германъ замѣтилъ въ партерѣ молодого Вильке, который видимо старался выказать свое усердіе, суетился и шумѣлъ больше всѣхъ.

Второй актъ начинался выходомъ на берегъ плѣнныхъ, которые отправляются въ церковь, чтобы принести благодарственную молитву за свое освобожденіе. На берегу остается старикъ; онъ съ грустью вспоминаетъ о томъ, какъ послѣ кораблекрушенія былъ взятъ въ плѣнъ и, въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ своей жены. Вѣроятно, смерть похитила ее равно и ребенка, который долженъ былъ родиться послѣ его отъѣзда, и онъ не можетъ радоваться, какъ другіе, освобожденію изъ плѣна. Онъ хочетъ идти въ церковь за товарищами, но изнемогая отъ горя и волненія падаетъ въ обморокъ на площади у фонтана. Проходитъ Лаура: видитъ старика, наклоняется къ нему и приводитъ въ чувство; необъяснимая симпатія влечетъ ихъ другъ къ другу. Затѣмъ, является Лео съ отцомъ, которому старикъ спасъ жизнь во время плѣна. Отецъ Лео уводитъ старика къ себѣ въ домъ.

Въ третьемъ и послѣднемъ актѣ, старикъ приходитъ къ Лаурѣ, чтобы поблагодарить ее за участіе. Онъ видитъ г-жу Флорвилль и не узнаетъ своей жены послѣ долгой разлуки; она также равнодушно встрѣчаетъ его. Одинъ Робертъ узнаетъ по голосу своего бывшаго господина. Происходитъ трогательная сцена, которая производитъ сильное впечатлѣніе на зрителей. Въ театрѣ наступаетъ мертвая тишина. Но тутъ старикъ вырывается изъ объятій жены и дочери и, обращаясь къ королю, выражаетъ желаніе, чтобы Господь вознаградилъ его за совершенный имъ подвигъ:

Tranche, Grand Dieu, mes destinées
Pour ajouter à ses années:
Daigne chercher toi-même un prix à ses bienfaits;

Et l'entourant de grandeur et de gloire,
Laisse toujours présent à sa memoire
Le touchant souvenir des heureux qu'il a faits!

Занавѣсъ опустилась среди оглушительныхъ рукоплексаній и криковъ: Bravo! Vive le Roi!

По окончаніи спектакля была иллюминація, а при дворѣ раутъ. Слѣдующій день начался залпомъ изъ пушекъ.

При дворѣ былъ большой lever; представлялись статскіе и военные сановники, придворныя дамы, различныя корпораціи, муниципалитетъ, а послѣ обѣдни во дворцѣ король принималъ всѣхъ офицеровъ арміи.

Въ полдень, среди пушечныхъ выстрѣловъ, отслуженъ былъ молебенъ въ католической церкви, въ присутствіи двора и высшихъ сановниковъ; въ два часа происходилъ смотръ войскамъ, а въ шесть былъ парадный королевскій обѣдъ.

Вечеръ кончился пышнымъ празднествомъ у графа Фюрстенштейна, которое было удостоено присутствіемъ ихъ величествъ.

Лица, не принадлежавшія къ высшему обществу, и въ томъ числѣ Германъ и Лина представляли собой праздныхъ зрителей, и, пользуясь хорошей погодой, цѣлый день провели на улицѣ, чтобы видѣть народный праздникъ. Во всѣхъ церквахъ было торжественное богослуженіе; нѣкоторыя проповѣди носили льстивый характеръ, въ другихъ проглядывала скрытая досада и недовольство настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Въ Касселѣ и во всѣхъ главныхъ городахъ департаментовъ, вѣнчали въ этотъ день по двѣ пары невѣстъ, изъ которыхъ каждая получила въ приданое сто талеровъ изъ общественнаго фонда. Народъ толпился въ церкви, чтобы видѣть это рѣдкое зрѣлище; одни съ умиленіемъ смотрѣли на счастливыхъ невѣстъ, другіе подсмѣивались надъ ними, говоря, что онѣ, вѣроятно, обязаны своимъ благополучіемъ королю, который поручился за ихъ благонравіе.

Среди народныхъ увеселеній видное мѣсто занимала бесплатная лоттерея; всѣмъ горожанамъ еще наканунѣ были розданы билеты; и сегодня въ 11 часовъ утра происходилъ розыгрышъ различныхъ съѣдобныхъ вещей, разставленныхъ на площади, подъ навѣсами, которые были красиво убраны елками. Главный выигрышъ состоялъ изъ кабаньей головы и двухъ бутылокъ шампанскаго; при каждомъ кускѣ жаренаго мяса, домашней птицѣ или дичи выдавалась бутылка французскаго, или нѣмецкаго вина; и даже тѣ, которые ничего не выиграли, получили по куску колбасы съ хлѣбомъ.

Отсюда молодежь устремилась къ шестамъ для лазанья (mats de cosagne) съ развѣшанными на нихъ призами. Два оркестра странствующихъ музыкантовъ играли по обѣимъ концамъ площади, представлявшей любопытное и разнообразное зрелище для много-

численной публики, которой были переполнены всѣ окна сосѣднихъ домовъ.

Съ наступленіемъ ночи площадь освѣтилась разноцвѣтными фонарями; одновременно съ этимъ началась иллюминація по всему городу. Часть публики двинулась къ театру, чтобы воспользоваться даровымъ представленіемъ «Волшебной флейты»; другіе спѣшили къ дворцу, передъ которымъ былъ устроенъ павильонъ изъ сосновыхъ вѣтвей въ видѣ волшебнаго храма, убранный гирляндами плошекъ; вѣтеръ раздувалъ желтоватое пламя, придавая ему фантастическія очертанія. Не менѣе оживлены были и остальные улицы; во многихъ мѣстахъ были устроены транспаранты съ затѣйливыми надписями; изъ открытыхъ оконъ пивныхъ и ресторановъ слышался смѣшанный говоръ и смѣхъ.

На поворотѣ одной улицы Германъ и Лина встрѣтили Натузюса, который шелъ подъ руку съ невѣстой. Онъ только что пріѣхалъ изъ Магдебурга и на самое короткое время; поэтому свадьба была назначена на слѣдующій день.

Натузюсъ съ первыхъ же словъ началъ упрашивать Лину, чтобы она осталась лишній день въ Касселѣ ради ихъ свадьбы. Но такъ какъ въ виду сновашей взадъ и впередъ толпы неудобно было останавливаться на улицѣ, то онъ поспѣшилъ предложить руку Линѣ и пошелъ съ ней.

— А вы поневолѣ должны быть моимъ кавалеромъ! — сказала Тереза, взявъ подъ руку Германа. — Разумѣется, прежде всего беру съ васъ слово, что вы будете на моей свадьбѣ, — а затѣмъ добавила она, понизивъ голосъ, — вы расскажете мнѣ, какъ жилось Линѣ это время? Вѣроятно, ей не легко было разстаться съ Касселемъ?..

Германъ не обратилъ вниманія на тонъ съ какимъ сдѣланъ былъ послѣдній вопросъ, потому что въ эту минуту былъ занятъ проходившей мимо парой. Онъ тотчасъ узналъ Рефельда, не смотря на длинный плащъ и низко надвинутую шляпу; дама по фигурѣ и походкѣ живо напомнила ему Фаншонъ, горничную генеральши Кудрѣ.

Въ послѣднее время Германъ встрѣчалъ барона Рефельда только на тайныхъ собраніяхъ прусско-гессенскаго союза и однажды спросилъ его: чѣмъ кончилось приключеніе съ дождевымъ зонтикомъ? Баронъ замѣтно смутился и отвѣтилъ уклончиво: — «Все обошлось гораздо благополучнѣе, нежели можно было ожидать!» Изъ этихъ словъ Германъ заключилъ, что его пріятель потерпѣлъ неудачу, но теперь это предположеніе оказалось ошибочнымъ; онъ терялся въ догадкахъ и разсѣянно слушалъ Терезу.

VI.

Неожиданный подарокъ.

На слѣдующее утро Германъ явился на службу позже обыкновеннаго и засталъ въ кабинетѣ г-жу Бюлову, которая съ улыбкой встрѣтила его.

— Мужъ мой уѣхалъ сегодня во дворецъ по какому-то дѣлу!— сказала она.—Я вызвалась замѣнить его; поэтому садитесь, г. докторъ, и начинайте свой докладъ; прежде всего я желала бы знать: какъ вы провели вчерашній день и поправились ли вамъ иллюминація?

Германъ отвѣтилъ, что наканунѣ провелъ цѣлый день на улицѣ среди толпы и, что, благодаря хорошей погодѣ, наслаждался вполнѣ королевскимъ праздникомъ, равно и иллюминаціей. Затѣмъ онъ сообщилъ о встрѣчѣ съ Натузіусомъ и его скорой свадьбѣ.

Графиня Бюловъ была въ веселомъ расположеніи духа; и въ этомъ случаѣ любила поддразнивать своихъ друзей, особенно Германа, съ которымъ не считала нужнымъ стѣсняться, тѣмъ болѣе, что была увѣрена въ его расположеніи. Германъ не подозрѣвалъ, что она знаетъ его исторію съ Аделью и это придавало особенную пикантность ея шутливымъ намекамъ. Затѣмъ она спросила о Линѣ; и по тону его голоса и выраженію лица угадала женскимъ инстинктомъ тайну его новаго романа.

Она подошла къ роялю и пропѣла ему на мелодію минуэта любовные стихи, обращенные къ какой-то Линѣ.

Германъ вскочилъ съ мѣста и, чтобы скрыть свое смущеніе, отвѣтилъ съ принужденнымъ смѣхомъ:

— Къ несчастію, графиня, вы такъ высоко поставлены, что я лишенъ возможности отомстить вамъ; но это доставило бы мнѣ большое удовольствіе. Не знаю только какой родъ мести я придумалъ бы для васъ...

Въ это время послышался стукъ подъѣхавшаго экипажа.

— Я рѣшительно не понимаю, чѣмъ вы недовольны, г. докторъ!—возразила графиня.—Дамы слишкомъ избаловали васъ... Но вотъ мужъ мой, я слышу его шаги!

Бюловъ, войдя въ кабинетъ, торопливо поздоровался съ женой и, обращаясь къ Герману, сказалъ:

— Вы пришли кстати, г. докторъ! Я могу сообщить вамъ пріятную новость: король только что назначилъ васъ «Inspecteur des éconômats».

— Ваше превосходительство!..—проговорилъ Германъ взволнованнымъ голосомъ, не находя словъ, чтобы выразить свою радость.

— Значитъ, г. докторъ не будетъ больше служить подъ твоимъ начальствомъ, и мы должны проститься съ нимъ!—воскликнула графиня.

— Напротивъ,—возразилъ Бюловъ.—Я увѣренъ, что г. докторъ будетъ навѣщать насъ чаще прежняго, въ качествѣ нашего друга. А теперь сядемте, я сообщу вамъ много интереснаго... Когда я пріѣхалъ во дворецъ, меня провели въ пріемную и объявили, что Иеронимъ беретъ ванну. Вслѣдъ за мной явился Бонгаръ и сталъ настойчиво требовать, чтобы скорѣе доложили о немъ королю. Когда мы остались наединѣ съ шефомъ-жандармовъ, онъ сказалъ мнѣ шопотомъ:—Я сообщу королю очень пріятное извѣстіе; поэтому если у васъ есть какое нибудь дѣло, которое вы желаете провести, то воспользуйтесь удобной минутой. Тутъ Бонгара позвали къ королю и ихъ совѣщаніе продолжалось довольно долго. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца и даже испытывалъ нѣкоторый страхъ при мысли, что не получены ли какія нибудь вѣсти изъ Пруссіи, въ родѣ злополучнаго письма Штейна. Наконецъ, вошелъ Бонгаръ; онъ улыбался, но въ то же время можно было видѣть по выраженію его лица, что онъ чѣмъ-то недоволенъ.—«Идите, васъ ждутъ, графъ Бюловъ!» сказалъ онъ мнѣ. Пожалуйста, окажите мнѣ услугу, отговорите короля отъ его намѣренія. Онъ хочетъ, въ видѣ награды, навязать мнѣ ненавистную для меня должность генераль-директора полиціи и, вѣроятно, спроситъ вашего совѣта!»—«Вы говорите это серьезно или ради приличія?» спросилъ я.—«Нѣтъ, я серьезно прошу васъ объ этомъ, сказалъ онъ, потому что не желаю быть преемникомъ Берканьи!»

Бюловъ замолчалъ и задумался.

— Ну что было дальше? Говори скорѣе, Гансъ!—сказала съ нетерпѣніемъ графиня.

— Когда я вошелъ въ кабинетъ,—продолжалъ Бюловъ,—король встрѣтилъ меня очень дружелюбно, но онъ былъ настолько взволнованъ, что не зналъ съ чего начать разговоръ, кусалъ ногти и расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло. Оказывается, что Бонгаръ открылъ тайнаго шпіона, который писалъ доносы императору, благодаря тому, что отправилъ въ Парижъ ловкаго агента съ порученіемъ вскрывать всѣ письма, получаемыя изъ Вестфаліи. Шпіономъ оказался никто иной, какъ Саванье, главный секретарь Берканьи. Письма свои онъ отправлялъ не изъ Касселя, а черезъ провинціальную почту, на имя какого-то частнаго лица, которое передавало ихъ императору. Одно изъ такихъ писемъ, съ подробнымъ описаніемъ послѣднихъ придворныхъ событій въ Касселѣ, попало въ руки посланнаго агента, который успѣшилъ извѣстить объ этомъ шефа-жандармовъ. Иеронимъ очень доволенъ сдѣланнымъ открытіемъ и рѣшилъ выпроводить Саванье изъ Касселя, если почему либо не удастся повѣсить его. Но онъ настолько же золъ на Берканьи, который позволилъ себя одурачить своему секретарю и, повидимому, сообщалъ ему разныя тайны, которыя онъ могъ слышать только отъ короля или Маренвилля...

— Но чѣмъ объяснить такую болтливость со стороны начальника тайной полиціи?—спросилъ Германъ.

— Я приписываю это тому обстоятельству,—возразилъ Бюловъ,—что, Берканья всегда кичился довѣріемъ короля и подчасъ бывалъ слишкомъ откровененъ со своими подчиненными, которые не могутъ чувствовать къ нему особенной привязанности при его вспыльчивости и крутомъ нравѣ. Но во всякомъ случаѣ ему нечего ждать пощады отъ Геронима, который рѣшилъ соединить въ лицѣ Бонгара двѣ должности: шефа-жандармовъ и генераль-директора полиціи. Когда король спросилъ по этому поводу мое мнѣніе, то я предложилъ ему уничтожить самостоятельное существованіе полиціи и подчинить ее министерству юстиціи, замѣтивъ, что это избавило бы дворъ отъ шпіонства и возбудило бы общую радость въ странѣ, потому что все населеніе относится крайне враждебно къ тайной полиціи. Король задумался и, немного погодя, отвѣтилъ, что дѣло это слишкомъ серьезное, чтобы сразу рѣшить его...

— Разумѣется, послѣ этого,—продолжалъ Бюловъ,—мнѣ ничего не оставалось, какъ заговорить о текущихъ дѣлахъ, и я воспользовался этимъ, чтобы возобновить мой докладъ о назначеніи г. доктора на должность инспектора. Король тотчасъ же вспомнилъ, что Берканья возсталъ противъ предложеннаго мною кандидата и это ускорило дѣло. — «Я увѣренъ, сказалъ онъ, что вы, графъ, лучше понимаете людей, чѣмъ Берканья: онъ хотѣлъ обратить этого молодого человѣка въ литературнаго шпіона, а вы сдѣлаете изъ него полезнаго *inspecteur des économats*. Маренвилль хвалитъ его!» Послѣ этихъ словъ, король подписалъ поданную мною бумагу, такъ что нужно исполнить еще нѣкоторыя формальности, и вы можете вступить въ свою новую должность, г. докторъ...

Германъ сердечно поблагодарилъ Бюлова за неизмѣнную заботливость объ его судьбѣ.

— Въ данномъ случаѣ вы должны благодарить короля,—замѣтилъ Бюловъ.—У него безусловно доброе сердце; но онъ обладаетъ также всѣми слабостями добрыхъ людей. Когда на него находятъ порывъ великодушія, то онъ не можетъ ограничиться однимъ какимъ либо дѣломъ и его тогда легко эксплуатировать. Я уже собирался уходить, какъ онъ остановилъ меня вопросомъ: «видѣлъ ли я двухъ коней, подаренныхъ ему императоромъ»? Я отвѣтилъ отрицательно, и онъ сказалъ:—«Это дивныя лошади, одна изъ нихъ неаполитанская, другая чистокровная арабская; но такъ какъ у меня слишкомъ много верховыхъ лошадей, то я подарилъ вчера моего вороного полковнику Дёрнбергу. Онъ отличный наѣздникъ и вообще славный малый, преданный мнѣ, а вамъ графъ презентую моего сѣраго коня въ яблокахъ изъ Варварійскихъ владѣній; вы недавно любовались имъ»!.. Мнѣ ничего не оставалось, какъ только поблагодарить его. Знаете ли, что я придумалъ,—сказалъ при этомъ

король, — надняхъ прїѣдетъ въ Кассель владѣтельный епископъ Корвей; какъ вамъ извѣстно, онъ не изъ числа апостоловъ, готовыхъ проповѣдывать евангеліе среди дикарей, но за то не пропуститъ ни одного лѣса, чтобы не поохотиться за оленями и кабанамъ. Въ первый разъ, какъ мы отправимся съ нимъ на охоту, я предложу ему сѣсть на мою новую неаполитанскую лошадь, присланную императоромъ. Онъ крѣпко сидитъ на сѣдлѣ и, подконецъ, справится съ нею, но потѣшно будетъ видѣть, какъ съ его головы слетитъ треуголка, которую онъ всегда носитъ на охотѣ»...

Бюловъ улынулся при мысли, что вестфальскаго короля можетъ забавлять подобное школьничество.

— Значитъ, тебя можно поздравить съ пріобрѣтеніемъ лошади! — сказала графиня.

— Разумѣется, если императоръ подарилъ лошадь королю, то его министръ можетъ также принять отъ него подарокъ.

— Въ такомъ случаѣ, — возразила она «Inspecteur des économes» долженъ послѣдовать твоему примѣру, Гансъ, если ты рѣшишься подарить ему твою мекленбургскую верховую лошадь. Ему пора завести свое хозяйство; если Лина не можетъ выйти за него замужъ, то онъ найдетъ себѣ другую Лину — или Иду.

Германъ покраснѣлъ при этихъ словахъ; Бюловъ также чувствовалъ себя неловко, такъ какъ ему было тяжело разстаться со своей любимой лошадию, но онъ овладѣлъ собой и отвѣтилъ съ любезной улыбкой:

— Я ничего не имѣю противъ этого! — если новый инспекторъ будетъ разъѣзжать на своей новой лошади по дѣламъ службы, то все пойдетъ прекрасно, но если онъ возьметъ на себя роль одного изъ предводителей возстанія, то скажутъ, что министръ раздѣляетъ его образъ мыслей и даже подарилъ ему лошадь для бѣдшаго удобства.

— Ничего подобнаго не случится, — возразила графиня Бюловъ, потому что мы возьмемъ съ него торжественное обѣщаніе, что онъ женится, а тогда ему и въ голову не придетъ участвовать въ возстаніи. Что вы скажете на это, г. докторъ?

— Не знаю, что отвѣтить вамъ, графиня! До сихъ поръ вопросъ остается для меня неразрѣшимымъ: долженъ ли я совершить рядъ подвиговъ, прежде чѣмъ заслужить руку Дульциней или слѣдуетъ мнѣ сперва завести домашній очагъ, чтобы было изъ-за чего бороться съ вѣтряными мельницами и великанами? Собственно говоря, я не думалъ еще о женитьбѣ; но завтра свадьба Натузюса; быть можетъ, у меня явится желаніе послѣдовать его примѣру.

Въ эту минуту появился слуга съ докладомъ, что прїѣхалъ Натузюсъ съ невѣстой?

— Приси, очень радъ, — сказалъ Бюловъ.

VII.

С в а д ъ б а.

На слѣдующій день, Бюловъ, заранѣе предложившій себя въ свидѣтели на свадьбѣ своего давнишняго пріятеля, Натузіуса, заѣхалъ въ своей парадной каретѣ за женихомъ, невѣстой и ея свидѣтелемъ, чтобы отвести ихъ въ церковь. Послѣ вѣнчанія всѣ собрались у Энгельгардтовъ, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, послѣ котораго Натузіусъ долженъ былъ отправиться въ путь съ молодой женой и ея двумя сестрами.

Общество было самое интимное и только присутствіе министра и его жены заставляло г-жу Энгельгардтъ и ея дочерей удерживаться отъ слезъ, при мысли о предстоящей разлукѣ. Ихъ грустное настроеніе сообщилось гостямъ; разговоръ постоянно прерывался, въ особенности послѣ завтрака, когда Тереза вышла изъ комнаты и вскорѣ вернулась въ дорожномъ платьѣ. Приближался отъѣздъ молодыхъ, и всѣ видимо пріуныли. Тереза, чтобы развлечь мать и занять гостей стала просить Германа и Лину пропѣть ей на прощанье дуэтъ Гайдена.

Лина сѣла за фортепіано, Германъ всталъ за ея стуломъ. Они начали пѣть, сначала какъ бы нехотя, но мало по малу, увлекаемые звуками знакомой мелодіи, всецѣло отдались своему чувству, что придавало особенную выразительность ихъ пѣнію. Если бы присутствующее общество внимательнѣе наблюдало за ними, то могло бы легко замѣтить ихъ взаимную любовь. Одна Тереза поняла, что происходитъ въ ихъ душѣ и, подойдя къ нимъ, сказала вполголоса:—Можно пожелать вамъ обоимъ, чтобы вы пережили то, что выражено въ пропѣтомъ вами дуэтѣ, и могли бы сказать другъ другу:

«Съ тобою жизнь для меня блаженство»!..

Тереза остановилась, потому что въ эту минуту раздался рожокъ почтальона, и къ дому подъѣхалъ дорожній экипажъ, запряженный тройкой лошадей. Началось прощанье; гости наперерывъ высказывали различныя пожеланія молодымъ, мать и сестры плакали; самъ Энгельгардтъ, блѣдный и взволнованный, печально простился съ зятемъ и дочерьми. Наконецъ, путешественники заняли свои мѣста, опять затрубилъ рожокъ почтальона, лошади двинулись, и—экипажъ скрылся изъ виду.

— Пора и намъ домой!—сказалъ Бюловъ женѣ.—Гости въ такія минуты стѣсняють хозяевъ своимъ присутствіемъ. Уйдемъ скорѣе, прощайся нечего!

Примѣру Бюловыхъ послѣдовали многіе изъ гостей и въ томъ числѣ Лина и Германъ. Оба были смущены словами Терезы, въ

которыхъ заключался явный намекъ на то, что они такъ тщательно скрывали не только отъ постороннихъ, но и другъ отъ друга. Они шли молча всю дорогу, и только, войдя въ домъ, Германъ рѣшился заговорить съ своей названной сестрой.

— Ты скоро уѣдешь, Лина,—сказалъ онъ,—разскажи мнѣ, въ чемъ состояли послѣднія совѣщанія прусско-гессенскаго союза? Тебѣ, вѣроятно, приходилось слышать о нихъ.

— Сдѣлай одолженіе, Германъ, не напоминай мнѣ объ этихъ собраніяхъ. Я поневолѣ должна была принимать въ нихъ участіе, потому что они не разъ происходили на нашей дачѣ. Пришлось для этого приготовить залу нижняго этажа и самой заботиться объ угощеніи, чтобы не вошелъ ктонибудь изъ прислуги. Недавно, въ этой самой залѣ, сидѣлъ у меня король, а тутъ я видѣла его враговъ, которые готовили ему гибель. Воспоминаніе объ Иеронимѣ могло бы, повидимому, расположить меня въ ихъ пользу, но, къ сожалѣнію, я не могу сочувствовать тѣмъ средствамъ, какими они хотятъ достигнуть цѣли, и о которыхъ говорятъ, не стѣсняясь, подъ вліяніемъ страсти. Хуже всѣхъ лейтенантъ Эммерихъ! У меня сердце замираетъ отъ страха, когда я слушаю его дерзкія рѣчи; я увѣрена, что онъ погубитъ дѣло своей наглостью! Одна мысль, что ты или Людвигъ можете поплатиться жизнью за него, приводитъ меня въ ужасъ...

При этихъ словахъ молодая женщина замѣтно поблѣднѣла.

— Что съ тобой, Лина? Можно ли такъ поддаваться игрѣ фантазіи!—сказалъ Германъ, взявъ ея похолодѣвшую руку.

Она съ улыбкой взглянула на него, затѣмъ печально опустила голову. Въ глубинѣ ея души было ясное сознаніе, что это не игра фантазіи, а съ нею случилось то, что бываетъ съ самыми благородными людьми, подъ вліяніемъ страсти. Она мысленно задала себѣ вопросъ: кого изъ двухъ—Германа или Людвигъ, она согласилась бы потерять, если бы ей предоставленъ былъ выборъ?

— Оставимъ этотъ разговоръ, Германъ!—сказала она, вставая съ мѣста.—Онъ слишкомъ тяжелъ для меня: благодаря этому безумному предпріятію мнѣ придется испытать еще не мало огорченій и горькихъ минутъ...

Она открыла дверь въ кухню и спросила:

— Не знаешь, мама, пріѣхалъ экипажъ или нѣтъ?

— Только что пріѣхалъ!—отвѣтила мать, которая была занята приготовленіемъ обѣда.

— Неужели, Лина, ты уѣдешь сегодня въ Гомбергъ?—спросилъ Германъ.

— Да, это необходимо! Я и безъ того осталась долѣе, нежели предполагала. Завтра Людвигъ выѣдетъ ко мнѣ на встрѣчу.

— Подожди немного, я приготовилъ тебѣ подарокъ!

Онъ пошелъ въ свою комнату и принесъ красиво написанную тетрадь.

— Это пиръ Платона, переведенный мною,—сказаль онъ.

Лина была тронута его вниманіемъ:

— Какой ты милый, Германъ, нельзя было придумать лучшаго подарка! Тебѣ, вѣроятно, пришлось долго сидѣть за этимъ. Не правда ли?

Она протянула ему руку въ знакъ благодарности.

— Это было для меня хорошее время, Лина! Мнѣ все казалось, что ты сидишь передо мною, и я могъ повторять слова дуэта: «Съ тобою жизнь для меня блаженство!..»

— Зачѣмъ ты говоришь это, Германъ?!—прервала она въ смущеніи, и, чтобы онъ не видѣлъ выраженія ея лица, прижалась къ его плечу.

Германъ не могъ долѣе владѣть собою, и въ безумномъ порывѣ страсти охватилъ ее обѣими руками, покрывая поцѣлуями ея лицо и шею. Наконецъ, она вырвалась изъ его объятій и сказала раздраженнымъ голосомъ:

— Я никогда не подамъ тебѣ больше руки, Германъ... Ты отравилъ лучшую минуту моей жизни.

— Ты права, Лина,—отвѣтилъ онъ печально.— Это случилось помимо моей воли и противъ моихъ убѣжденій! Прости меня, не подавай мнѣ больше руки, только теперь въ знакъ прощенія, позволь пожать ее въ послѣдній разъ.

— Хорошо,—сказала она, протягивая ему руку.— Но дай мнѣ слово, что ничего подобнаго не случится впередъ! Быть можетъ, мы имѣемъ право любить другъ друга, потому что это не въ нашей власти, но я никогда не буду принадлежать тебѣ, и наша любовь должна остаться идеальной... Заверни свою рукопись, я пойду къ матери.

Германъ началъ машинально заворачивать свою тетрадь въ бумагу. Вошла Лина съ матерью и простилась съ нимъ. Онъ проводилъ ее до экипажа и поспѣшно ушелъ въ свою комнату, чтобы избѣжать бесѣды съ словоохотливой хозяйкой. Онъ чувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ Людвигомъ; и никогда еще разлука съ Линою не была такъ тяжела для него, какъ теперь; ея слова, что «она никогда не будетъ принадлежать ему» болѣзненно отзывались въ его сердцѣ.

VIII.

Вступленіе въ новую должность.

Германъ не могъ долго предаваться грустнымъ размышленіямъ, потому что для него началась новая дѣятельность, и ему пришлось вступить въ сношенія съ незнакомыми людьми.

Онъ долженъ былъ явиться къ своему новому начальнику, барону Конинксу. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, привлекательной наружности, прекрасно образованный, но преданный удовольствіямъ и считавшій наслажденіе первой задачей своей жизни. Узнавъ о назначеніи новаго инспектора, который долженъ былъ также исполнять должность секретаря при его особѣ, онъ тотчасъ же навелъ о немъ подробныя справки у Бюлова, такъ какъ прежде всего хотѣлъ приобрести усерднаго и неутомимаго работника. Это было для него тѣмъ необходимѣе, что, при своемъ разсѣянномъ образѣ жизни, онъ не могъ посвящать много времени дѣламъ. Онъ любилъ прогуливаться по улицамъ безъ опредѣленной цѣли, болтать съ дамами и ухаживать за ними. Вечеромъ его можно было всегда встрѣтить въ обществѣ и, если онъ не получалъ особыхъ приглашеній, то отправлялся въ какой нибудь ресторанъ или въ «Café au laid», гдѣ обыкновенно собиралась холостая компанія.

Благопріятный отзывъ Бюлова былъ важенъ для Германа въ томъ отношеніи, что баронъ Конинксъ сразу увѣровалъ въ хорошія способности и трудолюбіе новаго инспектора и встрѣтилъ его самымъ дружелюбнымъ образомъ. Къ тому же личность Германа произвела на него такое пріятное впечатлѣніе, что при слѣдующемъ свиданіи онъ обошелся съ нимъ, какъ съ товарищемъ и подѣ разными предлогами сдалъ ему на руки дѣльный ворохъ дѣлъ. Германъ усердно принялся за исполненіе своихъ обязанностей, но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, къ своему немалому огорченію, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ его служба будетъ исключительно состоять изъ канцелярскихъ занятій и, что ему придется отложить до весны какія бы то ни было поѣздки по должности.

По совѣту своего новаго начальника, онъ сдѣлалъ визитъ министрамъ и директорамъ различныхъ отраслей администраціи и, между прочимъ, рѣшилъ посѣтить бывшаго военнаго министра, Моріо. Онъ не засталъ его дома и встрѣтилъ на лѣстницѣ Адель, которая также собиралась куда-то ѣхать. Она поздоровалась съ нимъ съ непринужденной любезностью свѣтской дамы, выразила сожалѣніе, что мужа нѣтъ дома и, послѣ минутнаго колебанія, пригласила его войти. Германъ объяснилъ ей причину своего визита; она поздравила его съ полученіемъ новой должности и держала себя такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанно, что ему не вѣрилось, что передъ нимъ прежняя Адель ле-Камю, и онъ невольно волновался въ ея присутствіи.

Но, вернувшись домой, онъ мало по малу успокоилъ себя выводомъ, что все кончилось наилучшимъ образомъ: Адель, повидимому, была довольна своей судьбой; Моріо говорилъ всѣмъ, что онъ вполне счастливъ. Къ тому же, разсуждалъ про себя Германъ, красивая креолка, вслѣдствіе сознанія своей ошибки, много выиграла и въ нравственномъ отношеніи; у ней явился болѣе серьезный взглядъ

на жизнь, самообладаніе и добросовѣстное отношеніе къ своимъ семейнымъ обязанностямъ...

Между тѣмъ, открытіе, сдѣланное Бонгаромъ, повело къ разнымъ перемѣнамъ въ администраціи. Саванье за свои тайные доносы былъ уволенъ отъ должности и высланъ изъ Вестфалии. Бернани, хотя и не былъ причастенъ къ дѣлу, но своей неосмотрительностью и неумѣніемъ выбирать людей, навлекъ на себя гнѣвъ короля, который въ теченіе нѣсколькихъ дней оставилъ его въ полной неизвѣстности, относительно ожидавшей его участи. Въ высшемъ обществѣ составилось убѣжденіе, что онъ въ немилости у короля, такъ что, когда онъ явился на придворный вечеръ съ женой, то всѣ стали сторониться отъ нихъ. Наконецъ, вошелъ король и, противъ общаго ожиданія, проходя мимо генераль-директора полиціи, ласково сказалъ ему: «Bonsoir, Bergagnu!» и тогда придворные опять заговорили съ нимъ и сдѣлались привѣтливыми. Но король былъ въ хорошемъ расположеніи духа, вслѣдствіе того, что послѣ долгаго колебанія рѣшилъ сдѣлать слѣдующее: высшая полиція присоединялась къ министерству юстиціи, въ видѣ особаго отдѣленія и начальникомъ ея былъ назначенъ нѣкто Вариньи, который пользовался репутаціей гуманнаго и свѣдущаго человѣка. Одновременно съ этимъ, чтобы облегчить Симсона, завѣдывавшаго двумя министерствами, назначенъ былъ исправляющимъ должность министра внутреннихъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта, Вольфрадтъ.

Герману предстояло имѣть съ нимъ сношенія по дѣламъ службы, и поэтому онъ рѣшился сдѣлать ему визитъ.

Слуга, спросивъ его фамилію, сказалъ:

— Не знаю, приметъ ли васъ сегодня г. Вольфрадтъ, потому что онъ долженъ ѣхать во дворецъ на засѣданіе.

Тѣмъ не менѣе, Германъ былъ принятъ. Слуга провелъ его въ комнату хозяина, переполненную табачнымъ дымомъ; здѣсь онъ засталъ Миллера, который привѣтливо встрѣтилъ его и представилъ хозяину дома:

— Вотъ мой юный другъ, Германъ Тейтлебенъ! Рекомендую его вамъ и прошу не оставить своимъ расположеніемъ, хотя онъ измѣнилъ мнѣ или, вѣрнѣе сказать, наукѣ.

Вольфрадтъ привсталъ съ кресла, чтобы поздороваться съ посетителемъ; въ рукахъ у него была трубка съ длиннымъ чубукомъ. Это былъ пожилой человѣкъ, довольно полный и съ нѣсколько важной осанкой. Во время разговора, онъ поставилъ свою трубку у стѣны, гдѣ была цѣлая коллекція всякихъ чубуковъ. Вообще, обстановка комнаты была самая незатѣйливая; ея главнымъ украшеніемъ служилъ большой портретъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, висѣвшій надъ письменнымъ столомъ.

Германъ, не желая стѣснять хозяина, старался, по возможно-

сти, сократить свой визитъ и черезъ нѣсколько минутъ всталъ, чтобы проститься съ нимъ. Миллеръ послѣдовалъ его примѣру.

Когда они вышли на улицу, Миллеръ началъ расхваливать своего давнишняго пріятеля, Вольфрадта, котораго онъ глубоко уважалъ, не смотря на его странности.

— Это прекраснѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, — сказалъ онъ, — но страсть къ куренію окончательно овладѣла имъ. Когда онъ ѣдетъ во дворецъ, ему приходится мѣнять платье, потому что, не смотря на одеколонъ, которымъ онъ обливаетъ себя въ этихъ случаяхъ, король, все-таки, слышитъ запахъ табаку, который также ненавистенъ ему, какъ усы у статскихъ чиновниковъ. Разумѣется, Иеронимъ слишкомъ добродушенъ, чтобы считать это порокомъ въ такомъ почтенномъ человѣкѣ, хотя, при случаѣ, подсмѣивается надъ его постояннымъ куреніемъ. Вообще, Вольфрадтъ не только умный человѣкъ, но и самого честнаго направленія. Вамъ извѣстно, что онъ былъ министромъ герцога Брауншвейгскаго и пользовался его полнымъ довѣріемъ. Когда этотъ замѣчательный государь и полководецъ былъ смертельно раненъ при Іенѣ-Ауерштедтѣ, и во время бѣгства нашель убѣжище въ Оттенсенѣ, Вольфрадтъ послѣдовалъ за нимъ и присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ. Умирающій герцогъ связалъ своего бывшего министра обѣщаніемъ заботиться объ отнятыхъ у него Брауншвейгскихъ владѣніяхъ, вошедшихъ теперь въ составъ Вестфальскаго королевства, и Вольфрадтъ поселился въ Касселѣ, чтобы исполнить данный ему завѣтъ...

Миллеръ остановился, видимо взволнованный, затѣмъ, какъ бы отвѣчая на собственные мысли, продолжалъ:

— У Вольфрадта на первомъ планѣ интересы Брауншвейга. Бюловъ всю душою преданъ Пруссіи, хотя можно поручиться, что ни тотъ, ни другой не нарушатъ данной присяги и будутъ честно исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Они трудятся съ вѣрой въ будущее и въ ожиданіи того времени, когда Вестфальское королевство, составленное изъ разрозненныхъ кусковъ, снова упадетъ на нихъ. Въ противоположномъ лагерѣ мы видимъ Моріо и Ле-Камю, которые стоятъ во главѣ французской партіи, но оба зависятъ отъ императора и руководятся его указаніями. Что касается честнаго Симсона, то онъ не принадлежитъ ни къ той, ни къ другой партіи и едва ли не болѣе всѣхъ преданъ Иерониму, охотно скрываетъ его слабости и старается доставить ему случаи блеснуть великодушіемъ. Объ его государственной дѣятельности я могу только сказать, что онъ, какъ мнѣ кажется, *trou indolent et même un peu trop souple...* Все это я говорю вамъ, молодой человѣкъ, потому что вы, наравнѣ съ другими, увлекаетесь патриотическими стремленіями. Но все придетъ въ свое время! Будьте осторожны!.. не упускайте изъ виду, что это революціонное движеніе,

что всего болѣе пугаетъ меня и не даетъ покоя. Я не питаю никакихъ надеждъ и поэтому дошелъ до полного отчаянія!

— Мнѣ кажется,—возразилъ Германъ,—что вы лично, какъ представитель науки, находитесь въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ кто либо. Король также, какъ и вы, желаетъ просвѣщенія страны, и и вамъ, вѣроятно, удастся отстоять университеты. Вы могли бы быть самымъ счастливымъ изъ нашихъ сановниковъ, потому что ваша дѣятельность не противорѣчитъ вашимъ убѣжденіямъ...

— Не это одно терзаетъ меня,—возразилъ Миллеръ.— Помимо патриотическихъ стремленій и науки есть цѣлый міръ. Что предстоитъ ему? Я внимательно слѣдилъ за ходомъ совѣщаній въ Эрфуртѣ. Самое имя Наполеона приводитъ меня въ смущеніе; вамъ извѣстно, какъ я высоко цѣнилъ его. Но теперь мое довѣріе къ нему окончательно подорвано и, если Геронимъ закроетъ университеты, то жизнь потеряетъ для меня всякій интересъ. Конечно, мнѣ, какъ историку, слѣдовало предвидѣть, что если человѣкъ въ 29 лѣтъ успѣетъ пресытиться славой, то отъ него нечего ждать добра! Міръ во власти этого демона, но кто поручится, что люди, переживъ эти страшныя времена, не вернуться къ своимъ прежнимъ, отжившимъ формамъ... Однако, до свиданія! Въ этомъ домѣ живетъ профессоръ Эйхгорнъ, я обѣщаль зайти къ нему. Желаю вамъ всякаго благополучія! А прогос! придерживаетесь ли вы совѣта, который я далъ вамъ при нашемъ послѣднемъ свиданіи?

— Да, по возможности!.. — отвѣтилъ уклончиво Германъ, невольно краснѣя при мысли, что далеко не всегда соблюдалъ мудрый совѣтъ Миллера: «не говорить лишняго, въ особенности при постороннихъ людяхъ».

IX.

Зимнія удовольствія.

Разговоръ съ Миллеромъ оставилъ въ Германѣ тяжелое впечатлѣніе. Почтенный историкъ, передъ умомъ котораго онъ преклонялся, съ недовѣріемъ относился къ прусско-гессенскому движенію и не ожидалъ отъ него никакихъ результатовъ. Выраженный имъ страхъ за будущее невольно сообщился Герману, который по своему характеру былъ склоненъ къ созерцательной жизни и не могъ сочувствовать разрушительной дѣятельности.—Быть можетъ,—разсуждалъ онъ про себя,—слова Миллера оправдаются и люди, послѣ ниспосланныхъ на нихъ бѣдъ, опять вернуться къ прежнимъ отжившимъ формамъ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ стремиться къ насильственнымъ переменамъ? не лучше ли предоставить Вестфалію ея неизбѣжной судьбѣ: при первомъ, болѣе или менѣе сильномъ толчкѣ, она распадется на свои составныя части...

Размышленія Германа были прерваны приближеніемъ королевскаго охотничьяго поѣзда. Иеронимъ ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи блестящей свиты; изъ его спутниковъ особенно выдавался красивый, высокій господинъ съ типичной фізіономіей католическаго прелата и *bon vivant*'а. Это былъ Фердинандъ фонъ-Люнингъ Оствигъ, владѣтельный епископъ Корвей; онъ былъ въ полномъ охотничьемъ нарядѣ, въ высокихъ сапогахъ со шпорами, и только своеобразная трехъ-угольная шапочка отличала его отъ остальныхъ придворныхъ. Епископъ принадлежалъ къ числу вѣрныхъ приверженцевъ короля и часто являлся при веселомъ вестфальскомъ дворѣ, который вполне соотвѣтствовалъ его вкусамъ.

Блестящая кавалькада быстро промелькнула мимо и повернула на дорогу, ведущую въ Гомбергъ, изъ чего Германъ заключилъ, что король ѣдетъ въ свой любимый Вабернскій замокъ.

Эта случайная встрѣча напомнила Герману о Гомбергѣ и объ отсутствующихъ друзьяхъ. У него явилось непреодолимое желаніе отправиться къ нимъ, увидѣть Лину и насладиться ея присутствіемъ, хотя бы цѣною новыхъ страданій и еще болѣе тяжелой душевной борьбы.

Наступила поздняя осень. Стояли сумрачные дни съ нависшими снѣговыми тучами, которые дѣйствовали удручающимъ образомъ на Германа при его одиночествѣ. Занятія его были несложныя; у него оставалось много времени на чтеніе и научную работу. Единственнымъ его развлеченіемъ были вечера, проводимые у графини Бюловой.

Время отъ времени, онъ получалъ черезъ тайную почту письма отъ Луизы Рейхардтъ изъ Галле, а также отъ своего отца, но извѣстія, сообщаемыя ими о Пруссіи, не были особенно утѣшительны. Король долженъ былъ отставить Штейна отъ должности; въ тотъ самый день, когда Наполеонъ совершилъ свой торжественный вѣздъ въ Мадридъ, Штейнъ выѣхалъ изъ Кёнигсберга. Въ Берлинѣ ожидали возвращенія короля, такъ какъ французы очистили городъ; народное возстаніе въ Пруссіи, готовилось еще въ далекомъ будущемъ.

Театръ въ Касселѣ былъ переполненъ зрителями. Нѣкоторые балеты, какъ, напримѣръ, *Le déserteur*, *La fille mal gardée* и *Le songe d'Ossian* приводили въ восторгъ публику изяществомъ и пышностью постановки. Но Германъ не любилъ балета и рѣдко бывалъ въ театрѣ.

Высшее общество и дворъ всего усерднѣе посѣщали Зекендорфа, который заѣхалъ въ Кассель, во время своего артистическаго путешествія. Онъ давалъ представленія декламаци и мимики, совместно съ знаменитой г-жей Гендель. На ряду съ этимъ, во дворцѣ и въ интимныхъ придворныхъ кружкахъ, бывали *parties fines* и оргіи, которыя служили темой для пикантныхъ разсказовъ и анекдотовъ, ходившихъ по городу.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали времени карнавала и связанныхъ съ нимъ увеселеній. Король выразилъ желаніе, чтобы каждый министръ устроилъ у себя маскарадный балъ съ угощеніемъ на счетъ двора, и обѣщалъ быть на всѣхъ этихъ балахъ, вмѣстѣ съ королевой.

Бюловъ былъ озабоченъ не менѣе другихъ этой новой затѣей Геронима и хотѣлъ устроить нѣчто особенное. Онъ не разъ совѣтовался съ женой по этому поводу; и, наконецъ, рѣшилъ пригласить на совѣщаніе Германа и Провансала, чтобы услышать ихъ мнѣніе.

Среди этихъ и другихъ болѣе серьезныхъ дѣлъ и интересовъ незамѣтно подошло Рождество. Выпалъ снѣгъ и наступили сильные холода. Германъ взялъ десятидневный отпускъ и, 24-го декабря, отправился съ разсвѣтомъ въ Гомбергъ.

Х.

Праздникъ въ Гомбергѣ.

Германъ, въѣзжая въ Гомбергъ, замѣтилъ необычайное оживленіе на улицахъ. Гарнизонъ былъ въ полномъ сборѣ; во многихъ семействахъ были гости, пріѣхавшіе, подобно ему, съ единственною цѣлью провести праздники съ друзьями. Лина встрѣтила Германа радостнымъ восклицаніемъ, Гейстеръ торопливо вышелъ изъ своего кабинета и заключилъ его въ свои объятія; лучшая комната въ домѣ была заранѣе вытоплена и приготовлена къ его пріѣзду.

Но Германъ опоздалъ къ обѣду, такъ какъ холодъ не разъ заставлялъ его сворачивать съ дороги и заходить въ гостинницы и постоялые дворы, чтобы немного обогрѣться.

— Ты видишь, — сказала Гейстеръ, — мы живемъ по старо-гесенскимъ обычаямъ и не придерживаемся дурной привычки французовъ, садиться за столъ не ранѣе пяти часовъ. Впрочемъ, это не должно смущать тебя: пойдѣмъ въ столовую, Лина накормитъ тебя.

Но едва успѣлъ онъ приняться за ѣду, какъ служанка доложила о прибытіи поручика Вольфа изъ Гуденсберга. Вошелъ стройный офицеръ, въ мундирѣ кирассирскаго полка и съ приличными манерами. Онъ любезно поздоровался съ Германомъ и, услыжавъ его фамилію, сказалъ, что знакомъ съ нимъ заочно, по отзывамъ ихъ общихъ друзей.

— Нашъ полковникъ опять отправился въ Мельзунгенъ! — добавилъ онъ со смѣхомъ, обращаясь къ Гейстерамъ. — Въ моментъ отъѣзда, онъ отдалъ намъ строжайшій приказъ, не отлучаться отъ своихъ постовъ и, по своему обыкновенію, отпустилъ при этомъ

цѣлый залпъ всякихъ проклятій и бранныхъ словъ. Разумѣется, въ его присутствіи, мы не могли бы двинуться съ мѣста, а теперь ничто не помѣшаетъ намъ сегодня вечеромъ быть у Дарфлера и свидѣться съ прибывшими друзьями. Майоръ Вюртенъ, оба брата Краммоны и Погвицъ также явятся туда къ назначенному часу... Надѣюсь, что вы, многоуважаемый *juge de paix* не пропустите такого важнаго соображенія и приведете съ собой вашего гостя.

— Къ сожалѣнію, г. Тейтлебенъ не можетъ присутствовать сегодня на вашихъ совѣщаніяхъ, — сказала Лина. — Я общала г-жѣ Стѣлтингъ прійти съ нимъ на ёлку, и она будетъ ожидать насъ.

— Признаю власть женщины и покоряюсь ей! — отвѣтилъ поручикъ съ почтительнымъ поклономъ. — Наша ёлка немного запоздала и развѣ будетъ готова къ Пасхѣ... А *propos!* мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ, многоуважаемый мировой судья!

Гейстеръ всталъ; и оба удалились въ кабинетъ.

Лина сѣла ближе къ Герману, налила ему стаканъ вина и сказала вполголоса:

— Не сердись на меня, что я помѣшала тебѣ идти сегодня на это соображеніе! Но, по моему мнѣнію, ты долженъ сперва познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что предпріятіе въ пользу курфирста принимаетъ серьёзный оборотъ. Ты, какъ будто, нарочно явился въ день сходки единомышленниковъ; я не рѣшаюсь называть ихъ заговорщиками, такъ какъ ты и Людвигъ въ числѣ ихъ!

— Дѣло не въ словахъ, Лина! — замѣтилъ онъ съ улыбкой, — какъ ни называй ихъ — смыслъ остается тотъ же.

— Не совѣмъ: единомышленниками называютъ людей одинаковыхъ убѣжденій, а заговорщики — это люди готовые приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ съ оружіемъ въ рукахъ. У меня сердце замираетъ отъ страха, когда я думаю объ этомъ...

При этихъ словахъ она безсознательно положила свою руку на плечо Германа; онъ прикоснулся къ ней губами.

— Ты говоришь, Лина, что дѣло принимаетъ серьёзный оборотъ? — спросилъ онъ.

— Да, къ несчастію! — Во главѣ предпріятія стоятъ вліятельные дворяне, не только здѣшняго, но и сосѣднихъ округовъ; навербованы люди изъ разныхъ сословій; нѣтъ недостатка въ тайныхъ складахъ оружія. Старые солдаты курфирста, наскучивъ долгимъ бездѣйствіемъ, съ радостью примкнутъ къ возстанію; и что, особенно важно, кирассирскіе полки, расположенные здѣсь и въ Мельзунгенѣ, участвуютъ въ дѣлѣ. Кромѣ того, полковникъ Дёрнбергъ, одинъ изъ главныхъ руководителей движенія, рассчитываетъ на карабины своихъ егерей.

— Значитъ офицеры здѣшнихъ полковъ, — спросилъ Германъ, — также принадлежатъ къ числу заговорщиковъ?

— Да, большинство ихъ сочувствуетъ предпріятію, хотя нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ надежны, но рассчитываютъ, что въ моментъ возстанія они увлекутся примѣромъ товарищей и не захотятъ отстать отъ нихъ.

— Но можетъ случиться противное,—замѣтилъ Германъ,—и они перейдутъ на сторону нашихъ враговъ!..

— Во всякомъ случаѣ,—продолжала Лина,—на праздникахъ должны быть рѣшены главные вопросы, такъ какъ теперь имъ удобнѣе собираться, нежели въ обыкновенное время. Сходки назначаются въ разныхъ мѣстахъ, но всего чаще у хозяина гостиницы Дарфлера. Мнѣ, кажется, что ты, Германъ, долженъ сперва обдумать, какъ поставить себя относительно этихъ фанатиковъ.—Если ты не послѣдуешь слѣпо за ними и выразишь малѣйшее колебаніе, то этого достаточно, чтобы возбудить ихъ подозрѣніе. Лучше всего поговори съ Людвигомъ и спроси его совѣта, а сегодня вечеромъ, если ты ничего не имѣешь противъ этого, мы отправимся на ёлку къ г-жѣ Стѣлтингъ.

— Если не ошибаюсь,—сказала Германъ,—ты упоминала ея фамилію въ первый день твоего пріѣзда въ Кассель, когда рассказывала мнѣ о твоихъ новыхъ знакомыхъ.

— Да, это вдова одного офицера, очень образованная женщина, изъ старинной дворянской семьи, и при этомъ вполне обеспеченная. Сынъ ея служитъ въ кирассирскомъ полку, который стоитъ въ Мельзунгенѣ; кромѣ того, у ней есть дочь Кордула, замѣчательно милое и доброе существо, но, къ несчастью, съ органическимъ порокомъ сердца; бываютъ дни, когда она такъ дурно себя чувствуетъ что мать ежеминутно опасается за ея жизнь...

Г-жа Стѣлтингъ, высокая, стройная женщина съ сдержанными манерами, привѣтливо встрѣтила Германа и Лину; дочь ея встала съ кресла, чтобы поздороваться съ гостями, и опять опустилась въ него съ видимымъ усиліемъ. Она походила на мать, но черты лица были болѣе правильныя и казались еще изящнѣе, благодаря прозрачной бѣлизнѣ кожи. Худощавая фигура и кроткое выраженіе миловиднаго лица придавали ей нѣчто дѣтское и безпомощное, что заставляло окружающихъ оказывать ей особенное вниманіе. На Германа она произвела такое пріятное впечатлѣніе, что онъ сѣлъ рядомъ съ нею и, съ первыхъ же словъ, выразилъ столько сердечнаго участія къ ея положенію, что молодая дѣвушка почувствовала себя съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ.

— Я давно слышала о васъ,—сказала она тихимъ, прерывающимся голосомъ.—Но въ послѣднее время всѣ стали величать васъ г. инспекторомъ!

— Предупреждаю васъ, что моя дочь ненавидитъ какіе бы то ни было титулы,—замѣтила съ улыбкой г-жа Стѣлтингъ, обращаясь къ Герману.

— Да, сознаюсь въ этомъ!—сказала Кордула.—Человѣка безъ того не легко узнать, а тутъ еще онъ является передъ вами съ ключкой, которая не имѣетъ ничего общаго съ его личностью. Развѣ не достаточно его имени? Какая надобность объявлять всѣмъ о родѣ его занятій или службы, или же, кто были его предки?

— Быть можетъ, это дѣлается изъ скромности,—замѣтила Лина,—потому что многіе должны сознавать, что ихъ личность сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія, но они все-таки въ состояніи заниматься тѣмъ или другимъ дѣломъ.

— Мнѣ кажется, что имъ слѣдовало бы радоваться, когда ихъ называютъ по имени и не игнорируютъ ихъ личности.

— Въ такомъ случаѣ, я буду просить васъ фрѣйлейнъ Кордула называть меня по имени,—сказалъ Германъ,—надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ!

Молодая дѣвушка кивнула головой въ знакъ согласія.

— Вы должны, какъ можно чаще, бывать у насъ,—продолжала она.—Еслибы вы знали, какъ я люблю общество, но, къ несчастію, доктора запрещаютъ мнѣ всякое движеніе, и люди сами должны являться ко мнѣ. Только книги и газеты, до извѣстной степени, замѣняютъ мнѣ ихъ, такъ какъ сообщаютъ мнѣ о томъ, что дѣлается въ мірѣ. Надѣюсь, что и вы, г. Германъ, расскажете мнѣ сегодня что нибудь интересное.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Германъ.—Вы, вѣроятно любите музыку, я могу передать вамъ послѣднія новости о Бетховенѣ и другихъ знаменитыхъ артистахъ изъ Вѣны. Луиза Рейхардтъ сообщила мнѣ нѣсколько писемъ, полученныхъ ею отъ отца; если хотите, я прочту вамъ когда нибудь наиболѣе интересные изъ нихъ.

— Какой вы милый! Прочитайте мнѣ прежде всего о Бетховенѣ!—воскликнула больная.—При этомъ на щекахъ ея выступилъ яркій румянецъ, такъ что мать все время слѣдившая за нею, видимо, встревожилась.

Въ эту минуту раздался звонокъ и г-жа Стѣлтингъ поспѣшила на встрѣчу гостямъ.

Пріѣхала Маріанна фонъ Штейнъ.

— Я немного опоздала—сказала она, входя въ гостинную.—У насъ также была ёлка: начальница не хотѣла отступать отъ стараго обычая; и по этому случаю сдѣлала подарки всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, живущимъ у насъ. Какъ вы себя чувствуете моя дорогая?—добавила она, садясь возлѣ Кордулы.—Г. докторъ прекрасный рассказчикъ; я съ удовольствіемъ послушаю его.

Г-жа Стѣлтингъ вышла вмѣстѣ съ Линой зажигать ёлку, приготовленную въ сосѣдней комнатѣ. Нѣсколько минутъ спустя двери открылись настежь; и разукрашенная ёлка предстала въ яркомъ освѣщеніи зажженныхъ свѣчей. Лицо больной дѣвушки пріясло

отъ радости. Фрѣйлейнъ Штейнъ осторожно взяла ее подъ руку и подвела къ ёлкѣ, сдѣлавъ знакъ Герману, чтобы онъ придвинулъ кресло.

На столѣ были расположены подарки: Германъ получилъ отъ Лины красивый портфель; мать подарила Кордулѣ вновь вышедшую книгу «Путешествіе вокругъ свѣта» съ картами и гравюрами, которая доставила ей видимое удовольствіе.

— Давно ли вы пріѣхали въ Гомбергъ, г. докторъ?—спросила фрѣйлейнъ Штейнъ, обращаясь къ Герману.—Сообщите мнѣ, что вы слышали въ Касселѣ о моемъ братѣ, бывшемъ прусскимъ министръ.

— Я слышалъ только, что онъ выѣхалъ изъ Кёнигсберга.

— А я получила сегодня письмо отъ брата и могу передать вамъ самыя послѣднія извѣстія. Оказывается, что Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ помѣстья du «nommé Stein», какъ сказано въ актѣ, находящіяся во владѣніяхъ Рейнскаго Союза, были конфискованы. Но, вѣроятно, этимъ дѣломъ не ограничилось бы, поэтому братъ мой скрылся заблаговременно и теперь находится въ Прагѣ...

Фрѣйлейнъ Штейнъ печально улыбнулась при послѣднихъ словахъ и выразила надежду на лучшія времена; хозяйка дома не раздѣляла этой надежды; и хотя у всѣхъ было на умѣ предстоящее возстаніе, но никто не рѣшился заговорить о немъ.

Остальной вечеръ прошелъ въ дружеской бесѣдѣ и пѣніи. При прощаньи Кордула взяла съ Германа обѣщаніе, что онъ вскорѣ навѣститъ ихъ.

Когда Лина съ Германомъ шли домой мимо гостинницы Дарфлера, окна верхняго этажа были ярко освѣщены.

XI.

Заговоръ.

Рождественскіе праздники проходили незамѣтно для Германа. Тайныя собранія заговорщиковъ смѣнялись парадными обѣдами, охотой въ окрестныхъ лѣсахъ и другими развлечениями. Но Германъ придумывалъ разные предлоги, чтобы остаться наединѣ съ Линою, такъ какъ это доставляло ему особенное наслажденіе, хотя оба избѣгали всякаго намека на то, что занимало ихъ всего болѣе, и въ ихъ отношеніяхъ явилась нѣкоторая принужденность. Изъ общихъ знакомыхъ, они всего чаще бывали у г-жи Стѣлтингъ, гдѣ проводили вечера въ чтеніи, дружескихъ разговорахъ и пѣніи.

Полный контрастъ съ этими интимными вечерами представляли обѣды въ Валленштейнскомъ монастырѣ, на которыхъ соби-

ралось разнообразное и, болѣе или менѣе, многочисленное общество. Но такъ какъ, помимо членовъ прусско-гессенскаго союза, бывали и постороннія лица, то ничего прямо не говорилось, а приверженцы курфирста рассказывали разные случаи изъ его жизни, восхваляя его справедливость и рѣдкую заботливость о благосостояніи страны. Все это дѣлали они съ цѣлью возбудить невольное сравненіе между прежними и существующими порядками и при всякомъ удобномъ случаѣ распространялись о томъ, насколько было бы желательно, чтобы дворянство могло спокойно пользоваться своимъ имуществомъ, а торговля и промышленность были бы поставлены въ болѣе нормальныя условія. — «Да,—добавлялъ кто нибудь изъ присутствующихъ,—нельзя не желать этого! Среднее сословіе настолько сроднилось съ прежнимъ государственнымъ строемъ, что его благосостояніе тѣсно связано съ нимъ и едва ли можно искоренить привязанность къ бывшему владѣтельному дому, господство котораго продолжалось нѣсколько столѣтій»...

Если разговоръ продолжался слишкомъ долго на эту тему, или возникалъ споръ, то фрѣйлейнъ Штейнъ старалась отвлечь вниманіе гостей какимъ нибудь рассказомъ или сообщала интересную новость, вычитанную изъ газетъ.

Германъ познакомился на этихъ обѣдахъ со многими новыми членами прусско-гессенскаго союза и рѣшилъ отправиться на одно изъ собраний, назначенныхъ въ гостиницѣ Дарфлера.

Когда всѣ заняли свои мѣста, пасторъ Мартинъ обратился съ рѣчью къ присутствующимъ, начавъ ее латинскимъ изрѣченіемъ Сенеки:

— «Ubi non adest pudor, nec pietas fidesque, haud stabile regnum est! Истина эта,—продолжалъ онъ,—подтверждаемая непреложными законами всемірной исторіи, можетъ служить лозунгомъ нашего предпріятія и гарантировать успѣхъ. Я изложилъ письменно главные результаты нашихъ совѣщаній, которые мы можемъ считать оконченными, потому что многіе изъ нашихъ друзей уѣзжаютъ сегодня вечеромъ. Необходимо сообщить принятыя нами рѣшенія отсутствующимъ членамъ союза и войти съ ними въ соглашеніе. Я записалъ на отдѣльномъ листкѣ все то, что должно быть выполнено съ особенной осмотрительностью. Г. Дёрнбергъ, котораго мы признаемъ главой нашего предпріятія, наиболѣе подходящій человѣкъ, чтобы провести его съ успѣхомъ, и располагаетъ необходимыми для этого средствами. Что касается добродушнаго молодого короля, который самъ едва сознаетъ, зачѣмъ онъ попалъ на нѣмецкій престолъ, то мы хотимъ оградить его отъ всякаго насилія, поэтому рѣшили за день до возстанія арестовать его ночью и запереть въ крѣпости. Но для этого необходимо заручиться комендантомъ и кѣмъ нибудь изъ офицеровъ гвардіи, который возьметъ на себя въ эту ночь дежурство во дворцѣ. Вооруженное возста-

ніе въ здѣшномъ округѣ обезпечено, такъ какъ лучшіе офицеры кирасирскихъ полковъ примкнули къ нашему союзу. Дёрнбергъ долженъ заручиться содѣйствіемъ своего егерскаго полка, чтобы онъ немедленно перешелъ на нашу сторону, когда мы явимся въ Кассель, а тогда остальные полки, которые могли бы стоять за короля, присоединятся къ намъ или принуждены будутъ положить оружіе. Дёрнбергъ займетъ войсками столицу, а Шмерфельдъ и Вицлебенъ составятъ временное правительство до прибытія курфирста.

«Таковъ въ общихъ чертахъ планъ нашихъ дѣйствій внутри государства. Но моментъ выполненія зависитъ отъ воли Провидѣнія и положенія дѣлъ въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ, необходимо подождать весны. Можно разсчитывать, что до этого Австрія пойдетъ противъ Наполеона, а Пруссія рѣшится, наконецъ, присоединиться къ ней: тогда, по примѣру мужественнаго Гессена, возстанетъ весь угнетенный народъ и подавитъ тѣхъ, которые окажутъ ему сопротивленіе. Германія освободится отъ чужеземнаго ига и съ новымъ государственнымъ строемъ выступитъ на путь величія и славы»...

Рѣчь почтеннаго пастора произвела глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ не столько по содержанію, но по искреннему и убѣжденному тону, съ какимъ она была сказана. Всѣ въ эту минуту готовы были вѣрить въ успѣхъ предпріятія и въ возможность соблюденія тайны; при этомъ поднятъ былъ вопросъ: какимъ образомъ сообщить Дёрнбергу и другимъ о результатахъ совѣщаній? Нѣкоторые стояли за письменную передачу, въ виду большей точности, но большинство рѣшило, что необходимо сдѣлать это словесно, если окажется возможнымъ.

Германъ предложилъ свои услуги, говоря, что завтра ѣдетъ въ Кассель и тѣмъ легче можетъ выполнить порученіе собранія.

Предложеніе это было единогласно принято, потому что дружба Германа съ Гейстеромъ была для всѣхъ достаточнымъ ручательствомъ его честности.

Рѣшено было, что онъ зайдетъ на слѣдующее утро къ пастору Мартину и получить отъ него подробную инструкцію, относительно тѣхъ свѣдѣній, какія должны быть сообщены черезъ него Дёрнбергу и другимъ заговорщикамъ въ Кассель.

Германъ пріѣхалъ въ Кассель 2-го января и узналъ, что въ его короткое отсутствіе успѣли произойти нѣкоторыя событія. Волфрадтъ, только что назначенный исправляющимъ должность министра внутреннихъ дѣлъ, былъ утвержденъ министромъ. Затѣмъ, ему сообщили непріятную для него новость, которая могла отразиться на общемъ ходѣ дѣлъ прусско-гессенскаго союза: во время передвиженія войскъ оказано вооруженное сопротивленіе и

виновныхъ велѣно было отправить въ Падерборнъ. Въ театрѣ также произошли безпорядки, и сторонники Берканьи не замедлили приписать это отмѣнѣ тайной полиціи.

XII.

Маскарадъ у Бюлова.

Предстоящій маскарадъ у министра финансовъ служилъ предметомъ оживленныхъ толковъ среди высшаго кассельскаго общества. Всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго отъ праздника, устроеннаго такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ Бюловъ, и старались выбрать себѣ осмысленные костюмы, чтобы блеснуть передъ нимъ и не отстать отъ другихъ. Поэтому, маскарадъ обѣщалъ быть особенно блистательнымъ и многочисленнымъ, самъ Иеронимъ настолько интересовался имъ, что явился въ числѣ первыхъ гостей.

Среди отдѣльныхъ масокъ разнообразныхъ группъ и процессій, по вѣрности и изяществу костюмовъ, выдавались четыре нюрнбергскія крестьянки. Въ числѣ ихъ была графиня Бюловъ, но ее тотчасъ же узнали, потому что она оказывала слишкомъ много вниманія входившимъ маскама и отдавала распоряженія прислугѣ, какъ хозяйка дома.

Нѣкоторые костюмы произвели эффектъ по своей фантастичности. Явилась географія, покрытая нашитыми и наклеенными ландкартами всевозможныхъ размѣровъ.

Астрономія торжественно выступала среди пестрой толпы костюмированныхъ; на лбу у ней была комета съ длиннымъ хвостомъ, а подъ рукой огромный глобусъ.

Генеалогія была украшена съ головы до ногъ крупными и мелкими гербами на бѣломъ фонѣ платья и держала въ рукахъ ёлку, также увѣшанную гербами, которая изображала родословное древо.

Любитель цвѣтовъ выглядывалъ изъ цвѣточной клумбы, которую тащилъ на себѣ.

Карточный игрокъ явился въ костюмѣ изъ картъ и въ четырехъугольной шапочкѣ, изображавшей четыре масти.

Но всего больше привлекалъ на себя вниманіе аптекаръ съ ступкой на головѣ, вмѣсто шапки, и пестикомъ, привязаннымъ къ затылку, въ видѣ косички. Грудь его была увѣшана рецептами; въ лѣвой рукѣ его былъ аршинный преись-курантъ разныхъ медикаментовъ; по правую руку его шель провизоръ, нагруженный, какъ разнощикъ, банками, стеклянками, коробками, пакетами съ надписями, и проч. Тѣмъ, которые толпились около него, и обращались съ вопросами, онъ раздавалъ медикаменты или рецепты, въ которыхъ были не только совѣты противъ болѣзни, но и пред-

писанія относительно образа жизни вообще, написанные въ прои-
ческомъ тонѣ. Такимъ образомъ, запасъ лѣкарствъ и рецептовъ
скоро истощился и аптекарь, доставивъ пріятное развлеченіе осталь-
нымъ маскарь, расхаживалъ между ними, въ качествѣ посторон-
няго зрителя.

Король, по своему обыкновенію, постоянно мѣнялъ костюмы, но
его не трудно было отличить отъ другихъ, какъ по фигурѣ и ма-
нерѣ держать себя, такъ и по смѣлому обращенію съ дамами.
Тѣмъ не менѣе всѣ дѣлали видъ, что не узнаютъ его и безцере-
монно обращались съ нимъ, что особенно нравилось ему.

Подконецъ переодѣванье и ухаживаніе за дамами настолько
утомили короля, что онъ рѣшилъ остаться въ костюмѣ крестonosца
и вмѣстѣ съ маской, одѣтой монахомъ, прошелъ въ кабинетъ Бю-
лова, драпированный въ видѣ палатки и освѣщенный сверху ма-
товой лампой.

Оба сѣли на диванъ, стоявшій въ нишѣ и сняли маски.

— Ну что, Берканьи? Отыскали ли вы между масками гене-
ральшу Кудра?—спросилъ съ живостью Геронимъ.

— Если не ошибаюсь, ваше величество, то она сегодня въ ко-
стюмѣ цвѣточницы. Этотъ легкомысленный нарядъ вполне подхо-
дитъ къ ея нравамъ. Когда я попросилъ ее дать мнѣ цвѣтокъ, ко-
торый бы служилъ символомъ любви, мнѣ показалось, что это ея
голосъ, какъ ни старалась она его измѣнить.

— Странно! Она почему-то ни разу не попалась мнѣ на глаза,
а я тотчасъ бы узналъ ее по роскошнымъ формамъ и страст-
нымъ тѣлодвиженіямъ. Не извѣстно ли вамъ, здѣсь ли ея таин-
ственный другъ, съ которымъ она видится по вечерамъ? Неужели
вы до сихъ поръ ни узнали, кто онъ! Вамъ положительно не ве-
зеть Берканьи, относительно тайныхъ корреспондентовъ и тайныхъ
любowników.

— Прошу извиненія, ваше величество, вы сами стѣснили меня
своимъ приказомъ падить его. Если бы можно было арестовать
его, то не трудно было бы обнаружить эту тайну, хотя онъ мѣ-
няетъ часы своихъ посѣщеній, является въ разной одеждѣ и всегда
хорошо вооруженъ, такъ что мои агенты не рѣшаются подойти къ
нему. Если они начинаютъ слѣдить за нимъ, чтобы узнать, гдѣ
его квартира, то онъ тотчасъ же исчезаетъ куда-то.

— Вы должны приискать молодого и болѣе ловкаго агента или
увеличить число вашихъ шпионовъ. Мнѣ не хотѣлось бы прибѣгать
къ насилію, во избѣжаніе огласки, потому что неизвѣстно въ ка-
комъ положеніи дѣла смѣлаго рыцаря. Не забывайте, что ваши
агенты не числятся больше на государственной службѣ и подле-
жатъ строгой отвѣтственности за всякое насиліе!

— Раза два, во время, давки при театральномъ разѣздѣ,—за-
мѣтилъ Берканьи,—онъ сѣлъ въ карету генеральши и уѣхалъ съ нею.

— Не можетъ ли Вюрцъ провѣдать что либо черезъ горничную генеральши?

— Нѣтъ, потому что она окончательно подкуплена и выдаетъ моего агента, такъ что всякій разъ, послѣ его распросовъ тайный посѣтитель становится еще осторожнѣе и пускается на новыя уловки...

— Тише! Сюда идетъ шутовской аптекаръ!—шепнулъ Иеронимъ.—Неизвѣстно ли кто это?

— Говорять, что это графъ Липпе.

— Ну, едва ли!

— Во всякомъ случаѣ, такой костюмъ можетъ придумать только нѣмецъ.

Оба надѣли маски и вышли изъ комнаты въ тотъ моментъ, когда оркестръ заигралъ кадрили.

Однимъ только приближеннымъ короля было извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находился къ нему отставленный генераль-директоръ полиціи. Иеронимъ былъ вполне доволенъ, что новая полиція перешла въ руки Вариньи и шпионы уничтожены, но самъ не могъ обходиться безъ тайной полиціи, къ которой приучилъ его Берканьи. Поэтому бывший генераль-директоръ сдѣлался его довѣреннымъ лицомъ и на вербовалъ нѣсколько человѣкъ, которые занимались шпионствомъ для личныхъ цѣлей короля. Главнымъ агентомъ былъ Вюрцъ, который не понравился новому начальству и былъ уволенъ отъ должности, вслѣдствіе чего обратился къ своему старому начальнику, который опять принялъ его къ себѣ. Вюрцъ, поступивъ на частную службу, усердствовалъ болѣе, чѣмъ, когда либо, но такъ какъ не могъ открыть тайнаго посѣтителя генеральши Кудра, то старался прислужиться другими способами. Онъ же сообщилъ Берканьи приключеніе съ Аделью въ будуарѣ оберъ-гофмейстерины.

Королю было крайне неприятно, что тайна будуара, которая могла глубоко огорчить его любимца Моріо извѣстна такимъ людямъ, какъ Берканьи и его агентъ, и такой своенравной женщиной, какъ мадамъ Сала. Онъ отдалъ приказъ Берканьи объявить Вюрцу и Анжеликѣ, что при малѣйшей нескромности съ ихъ стороны, они будутъ немедленно высланы изъ Касселя; и самъ за придворнымъ обѣдомъ намекнулъ генеральшѣ Сала, что она должна хранить втайнѣ извѣстное ей приключеніе.

Между тѣмъ, аптекаръ, пользуясь удаленіемъ крестonosца и монаха, сѣлъ въ самый темный уголокъ комнаты въ надеждѣ, что до конца кадрили никто не потревожитъ его и ему удастся отдохнуть на свободѣ. Но это ожиданіе оказалось напраснымъ, потому что тотчасъ же вошли двѣ женскія фигуры: цвѣточница и пилигримка, которыя съ видимымъ раздраженіемъ разговаривали другъ съ другомъ.

— Наконецъ-то мы однѣ!—сказала цвѣточница пофранцузски.

— Кто вы такая? и что вамъ угодно сообщить мнѣ?—возразила пилигримка.

— Я хочу васъ спросить: какъ вамъ могло прійти въ голову кокетничать съ королемъ? Зачѣмъ вы навязываетесь ему, жалкая тварь! Вы напрасно воображаете, что крестоносецъ сжалятся надъ вами? Чѣмъ вы можете прельстить короля? Кто бы вы ни были... видите, вотъ, для чего, я привела васъ сюда!

Съ этими словами разгоряченная маска ударила по головѣ пилигримку съ такой силой, что ея шляпа слетѣла на полъ.

Пилигримка въ свою очередь схватила цвѣточницу за руку и, снявъ съ своего лица маску, стала звать на помощь.

Аптекарь подбѣжалъ къ нимъ и удержалъ цвѣточницу, которая хотѣла обратиться въ бѣгство. Оскорбленная пилигримка была Люси Делагэ, падчерица Симсона.

— Остановись, маска!—воскликнулъ онъ.—Мадемуазель Делагэ желаетъ знать: кто осмѣлился оскорбить ее такимъ недостойнымъ образомъ!

Люси, успокоенная появленіемъ неожиданнаго защитника, сама сорвала маску съ лица цвѣточницы. Аптекарь снялъ свою маску. Это былъ Германъ; взглянувъ на цвѣточницу, онъ едва не вскрикнулъ отъ удивленія.

— Фаншонъ! Вы ли это?—спросилъ онъ.

— Ахъ, г. докторъ? Вы не повѣрите, какъ я вамъ благодарна, сказала Люси. Все это случилось такъ неожиданно!

— Но, кто могъ думать! Горничная! Какъ смѣли вы явиться сюда, мадемуазель, и, вдобавокъ, вести себя такимъ образомъ?!—воскликнулъ Германъ.

Онъ взялъ за руку растерявшуюся цвѣточницу, вывелъ изъ дверей и указывая на выходъ, сказалъ ей вполголоса:

— Уходите скорѣе, иначе вамъ будетъ плохо: вотъ вамъ моя благодарность за дождевой зонтикъ!

Не смотря на звуки музыки, шумъ смѣшанныхъ голосовъ былъ слышенъ въ сосѣдней комнатѣ и привлекъ нѣсколькихъ лицъ. Въ числѣ ихъ была графиня Бюловъ.

— Что случилось?—спросила она съ недоумѣніемъ.

— Графиня,—сказалъ Германъ,—я былъ свидѣтелемъ оскорбленія, нанесеннаго мадемуазель Делагэ горничной генеральши Кудрѣ и выпроводилъ ее отсюда.

— Горничная! въ нашемъ обществѣ подъ маской!—воскликнула съ негодованіемъ графиня Бюловъ.—Этого еще не доставало! Мы не посылали приглашеній прислугѣ!..

— Вы ошибаетесь графиня, это была не горничная, а сама генеральша Кудрѣ,—сказала мадемуазель Делагэ.

Но прежде, чѣмъ дѣло разъяснилось, слухъ, что въ обществѣ очутилась горничная, разнесся по залѣ. Многіе поспѣшили въ кабинетъ; Иеронимъ также пришелъ въ сопровожденіи Берканьи и спросилъ о случившемся.

— Мнѣ только, что сообщили, что генеральша Кудра нанесла оскорбленіе мадемуазель Делагэ,—сказала графиня Бюловъ.

— Она ударила меня по головѣ, ваше величество,—добавила пилигримка,

— Гдѣ же генеральша Кудра?—спросилъ Иеронимъ.

— Г. Тейтлебенъ принялъ ее за горничную и вывелъ отсюда,—отвѣтила графиня Бюловъ.

— За горничную? Какъ могло это случиться? — спросилъ король съ недоумѣніемъ.

Германъ былъ озадаченъ въ первую минуту, но припоминая свое приключеніе съ Рефельдомъ сообразилъ, что мнимая Фаншонъ была сама генеральша Кудра. Но, такъ какъ ему было неудобно рассказывать объ этомъ, то онъ рѣшился молчать.

Король, не дождавшись отвѣта на свой вопросъ, вернулся въ залу съ Берканьи.

— Вотъ, ваше величество, мы и накрыли ночнаго посѣтителя!—сказалъ бывший генераль-директоръ полиціи.—Вы сами видѣли, какъ аптекаръ вошелъ въ кабинетъ... Вѣроятно у него былъ назначенъ rendez-vous съ цвѣточницей, а Делагэ, которая сегодня пристаеетъ ко всѣмъ мужчинамъ, не исключая вашего величества, должно быть помѣшала влюбленнымъ; и вспыльчивая генеральша угостила ее пощечиной. Voilà ce que c'est! Послѣ этого вѣжли-вому рыцарю ничего не оставалось, какъ выпроводить ее отсюда... Какое счастье для генерала Кудра, что онъ не пріѣхалъ сегодня на балъ!

Между тѣмъ г-жа Симсонъ, не помня себя отъ гнѣва, отыскала мужа и настойчиво потребовала отъ него, чтобы онъ немедленно просилъ у короля удовлетворенія въ обидѣ, нанесенной ея дочери. Добродушный Симсонъ, имѣя въ виду только неприличный поступокъ генеральши Кудра, не сообразилъ, что ему слѣдовало бы выбрать болѣе удобное время и мѣсто для подобнаго объясненія. Онъ торжественно подошелъ къ королю и въ тяжеловатыхъ выраженіяхъ, переполненныхъ юридическими терминами, просилъ его величество объ изслѣдованіи дѣла и законномъ удовлетвореніи мадемуазель Делагэ, дочери его жены.

— Хорошо! все будетъ сдѣлано по вашему желанію, мой дорогой Симсонъ! — возразилъ съ нетерпѣніемъ Иеронимъ.—Но теперь прошу васъ успокоиться и не нарушать общаго веселья, изъ уваженія къ почтенному хозяину дома и вашему товарищу, Бюлову. Мадемуазель Делагэ, позвольте пригласить васъ на туръ вальса!

— Ваше величество, вы безконечно осчастливили меня!—воскликнула пидигримка съ почтительнымъ реверансомъ.

— Берканьи, прикажите оркестру играть вальсъ!

Въ то время, какъ маски двинулись толпой изъ другихъ комнатъ въ танцевальную залу, графиня Бюловъ подозвала Германа и спросила его: какимъ образомъ онъ могъ смѣшать генеральшу Кудра съ ея горничной.

Строгій тонъ, какимъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ понудилъ Германа разсказать графинѣ въ общихъ чертахъ исторію его случайнаго знакомства съ мнимой горничной.

— Когда Люси Делалэ сорвала маску съ цвѣточницы,—продолжалъ Германъ,—и я увидѣлъ ея лицо, то пришелъ въ ужасъ при мысли, что горничная ворвалась въ ваше общество и поспѣшилъ выпроводить ее. Простите мою невольную вину, но я самъ былъ введенъ въ обманъ.

Графиня Бюловъ задумалась. Романическія приключенія г-жи Кудра были ей достаточно извѣстны, равно и наивная довѣрчивость Германа, поэтому ей и въ голову не пришло усумниться въ его искренности. Она ласково протянула ему руку и, какъ бы въ отвѣтъ на собственныя мысли, сказала:

— Теперь все понятно, я могу объяснить королю въ чемъ дѣло.

Съ этими словами она встала и пошла въ танцевальную залу, гдѣ все еще продолжался вальсъ. Германъ остался одинъ; онъ былъ въ мрачномъ настроеніи духа и рѣшилъ отправиться домой, не дожидаясь окончанія бала.

Наступали послѣдніе дни карнавала. На ряду съ костюмированными балами, parties fines при дворѣ и другими увеселеніями, устраивались общедопуступные маскарады въ театрѣ. Геронимъ также бывалъ на нихъ въ домино и безъ маски; но онъ ни кого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ и веселая маскарадная публика всегда встрѣчала его появленіе съ видимымъ удовольствіемъ.

Въ понедѣльникъ, въ видѣ отдыха, устроена была «partie de plaisir» въ Шёнфельдѣ, на которую приглашено было избранное общество. При этомъ Геронимъ потребовалъ, чтобы дамы и кавалеры были въ костюмахъ.

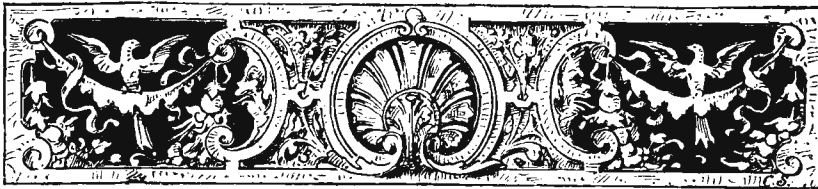
Во вторникъ, наканунѣ «mercredi des cendres», была теплая погода, поэтому маски переполняли улицы, разбѣжались въ одиночку и цѣлыми группами. Около полудня, изъ театра двинулся поѣздъ разряженныхъ масокъ, среди большого стеченія народа. Актеры ѣхали въ театральныхъ экипажахъ, въ самыхъ пестрыхъ и причудливыхъ костюмахъ; ихъ сопровождало шествіе пастушекъ въ высокихъ сапогахъ и солдатъ въ женскихъ юбкахъ. За ними мясники вели разукрашеннаго быка. Затѣмъ слѣдовали носилки съ тѣломъ умершаго синьора карнавала въ халатѣ, окруженный тол-

пой замаскированныхъ, которые громко оплакивали его и своими воплями и причитаніями возбуждали общій хохоть зрителей.

Поѣздъ остановился передъ королевскимъ дворцомъ, затѣмъ передъ министерствами и направился къ такъ называемымъ Голландскимъ воротамъ, гдѣ для участвующихъ въ поѣздѣ было приготовлено угощеніе на счетъ короля. Кромѣ того, имъ было роздано до сорока луидоровъ.

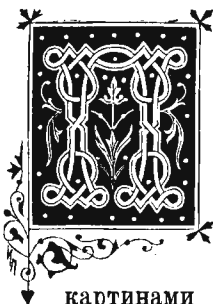

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Неопредѣленные ожиданія.

РОШЛИ холодные зимніе дни. Наступила оттепель; западный вѣтеръ и проливные дожди уничтожили послѣдніе остатки снѣга; мартовское солнце пригрѣло зеленѣющую озимь, ожили пустынные поля и сады. Вездѣ шла дѣятельная работа, повѣяло весной.

Но въ это время въ Германіи весьма немногіе были способны наслаждаться идиллическими картинами весенней природы; всѣ чувствовали какое-то неопредѣленное безпокойство въ ожиданіи предстоящихъ событій, хотя весьма немногіе имѣли ясное представленіе о томъ, какого рода могутъ быть эти событія. Ходили самые странные слухи и, чѣмъ они были невозможнѣе, тѣмъ болѣе вѣрили имъ. Только лица, довольные существующимъ порядкомъ вещей и не желавшіе никакихъ перемѣнъ, успокаивали себя относительно этой «*gêne sourde*», какъ они выражались и приписывали ее дѣйствию тайныхъ Обществъ, которыя, по ихъ словамъ, стремились возбудить недовольство, чтобы расположить общественное мнѣніе въ пользу возстанія.

Съ наступленіемъ весны, Германъ началъ свои поѣздки по дѣламъ службы въ сосѣдніе округа; это дало ему возможность не

только познакомиться съ экономическими условіями посѣщаемыхъ мѣстностей, но и съ настроеніемъ жителей. Чиновники, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, составляли два противоположныхъ лагеря. Тѣ изъ нихъ, которые достигли чиновъ и виднаго положенія въ свѣтѣ, благодаря новому правительству, являлись горячими сторонниками Иеронима и враждебно относились къ патріотическому движенію Германіи. Они зорко слѣдили за старыми чиновниками, занимавшими значительныя должности при курфюрстѣ и подозрѣвали ихъ въ сношеніяхъ съ нимъ. Подтвержденіемъ этого служили упорные слухи, ходившіе въ народѣ, о скоромъ возвращеніи курфюрста.

Священники католическихъ приходоѡ, въ большинствѣ случаевъ, безразлично относились къ политикѣ и легче остального общества переживали тяжелыя времена, между тѣмъ, какъ пасторы, не смотря на осторожность, соблюдаемую ими относительно незнакомаго молодого человекѣ, едва скрывали свою преданность бывшему курфюрсту. Простой народъ также стоялъ на сторонѣ прежняго правительства и высказывалъ это еще опредѣленнѣе даже въ публичныхъ мѣстахъ, не смотря на преслѣдованія полиціи. Изъ этого Германъ вывелъ заключеніе, что если будетъ сдѣланъ призывъ къ возстанію, во имя курфюрста, то можно рассчитывать на полное сочувствіе со стороны низшихъ классовъ городского и сельскаго населенія. Въ это время онъ получилъ слѣдующія извѣстія о дальнѣйшемъ ходѣ предпріятія:

Комендантъ Кассельской крѣпости согласился принять подѣ свою охрану короля и его генераловъ, въ случаѣ ихъ ареста, а капитанъ фонъ-Боркъ предложилъ взять на себя караулъ въ роковую ночь. Это было тѣмъ удобнѣе для него, что вновь назначенный командиръ гренадерскаго полка фонъ-Лангенштурцъ, его непосредственный начальникъ, принималъ участіе въ предпріятіи Дёрнберга. Графъ фонъ-Грѣбенъ, служившій въ карабинерскомъ полку, ручался за него въ случаѣ возстанія. Многіе офицеры примкнули къ прусско-гессенскому союзу.

Европейскія событія также благопріятствовали предпріятію. Газеты ежедневно сообщали извѣстія о возрастающемъ патріотическомъ движеніи въ Австріи и усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ. Вскорѣ стало извѣстно, что образуются три корпуса: однимъ изъ нихъ будетъ командовать австрійскій императоръ, другимъ — эрцгерцогъ Карлъ, третьимъ — эрцгерцогъ Иоганъ. Австрія, по слухамъ, намѣревалась двинуть свои войска черезъ Саксонію для соединенія съ союзниками; въ то же время пруссаки должны были овладѣть Магдебургомъ, который могъ служить центромъ для всего сѣверо-германскаго возстанія.

II.

А р е с т ь.

Теплые весенніе дни благодѣтельно подѣйствовали на здоровье короля; онъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа и болѣе, чѣмъ когда либо, расположенъ оказывать милости своимъ приближеннымъ.

Въ это время въ казну поступили два богатыхъ помѣстья: Бернтероде и Кёйделштейнъ. Первое изъ нихъ король пожаловалъ своему любимцу Кудрѣ вмѣстѣ съ званіемъ графа Бернтероде. Онъ зналъ, что генераль огорченъ легкомысленнымъ поведеніемъ своей жены, которая продолжала прежній образъ жизни, не смотря на то, что ей былъ запрещенъ въѣздъ ко двору послѣ скандальнаго приключенія съ мадемуазель Делагэ. Геронимъ, помимо желанія сдѣлать что нибудь пріятное генералу Кудрѣ, имѣлъ въ виду и его жену, которая не переставала пользоваться его расположеніемъ. Онъ надѣялся, что титулъ графини заставитъ ее образумиться и послалъ къ ней Маренвилля, чтобы онъ уговорилъ ее вести себя приличнѣе, сообразно новому званію ея мужа.

Тайна ея ночныхъ свиданій съ неизвѣстнымъ посѣтителемъ оставалась не открытою, но Берканьи продолжалъ увѣрять короля, что молодой *inspecteur des économats* и есть избранникъ сердца генеральши Кудрѣ. При этомъ бывшій генераль-директоръ полиціи хотѣлъ воспользоваться неприязнью короля къ мнимому сопернику, чтобы отстранить Германа и доставить его мѣсто своему бывшему кандидату Берольту. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы захватить молодого человѣка по выходѣ изъ театра, въ тотъ моментъ, когда онъ сядетъ въ карету генеральши, а затѣмъ отправить его къ отцу, въ сопровожденіи жандармовъ. Король тѣмъ охотнѣе изъявилъ свое согласіе, что, по словамъ Берканьи, этимъ способомъ можно было избѣгнуть вторженія полиціи въ домъ генерала Кудрѣ.

Другое помѣстье, Кёйдельштейнъ, совмѣстно съ баронскимъ титуломъ, было пожаловано главному интенданту Леффлешу, мужу прекрасной Біанки, который, даже по отзывамъ его соотечественниковъ, былъ человѣкъ ничтожный и мало способный. Но король постоянно выказывалъ ему особенное расположеніе и, не смотря на значительный недочетъ въ кассѣ интендантства, обнаруженный незадолго передъ тѣмъ, нашелъ нужнымъ удостоить его новой милостью.

Хорошее расположеніе духа короля отразилось на его приближенныхъ и въ другомъ отношеніи. Онъ постоянно придумывалъ новыя увеселенія: охоты, вечера, загородныя прогулки и проч., не обращая ни малѣйшаго вниманія на ходъ европейскихъ событій и на то, что дѣлалось внутри его государства. Движеніе въ Австріи

предвѣщало близость войны. Извѣстія, о которыхъ умалчивали газеты, сообщались въ частныхъ письмахъ.

Германъ писалъ своимъ друзьямъ въ Кассель отъ 9 апрѣля: «Австрійцы переправились черезъ Иннъ. Все ожило. Ландверъ приходитъ въ движеніе. Князья, графы, богатые землевладѣльцы взяли за оружіе; многіе изъ нихъ поступили въ отряды, гдѣ начальниками простые бюргеры. Торговые дома остаются безъ служащихъ; сформированы цѣлые баталіоны изъ учащейся молодежи; театры опустѣли, лучшіе актеры записываются въ полки. Тѣ, которые почему либо не могутъ поступить въ военную службу, дѣлаютъ разныя пожертвованія въ пользу войскъ ландвера и осиротѣвшихъ семействъ»... Рейхардтъ сообщалъ, съ своей стороны, что бывшій курфирсть пріѣхалъ въ Прагу, гдѣ принятъ съ почетомъ. Графъ Валлисъ явился къ нему во главѣ депутаціи и передалъ ему рескриптъ, въ которомъ австрійскій императоръ давалъ торжественно обѣщаніе водворить его въ прежнихъ гессенскихъ владѣніяхъ. Вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе, что курфирсть, тронутый преданностью своихъ бывшихъ подданныхъ жертвуетъ, въ случаѣ успѣха предпріятія, 30,000 талеровъ для покрытія расходовъ, связанныхъ съ его возвращеніемъ въ Кассель.

Между тѣмъ, заранѣе были распредѣлены роли главныхъ руководителей возстанія, которое могло вспыхнуть раньше назначеннаго времени, хотя вообще рѣшено было ждать помощи отъ Пруссіи, обѣщанной черезъ майора Шиле. Германъ не получилъ никакого самостоятельнаго назначенія и долженъ былъ состоять при полковникѣ Дёрнбергѣ, какъ человекъ надежный для исполненія различныхъ порученій. Хотя подобная должность была далеко не безопасная, въ случаѣ столкновенія съ войсками, но Германъ былъ настолько польщенъ оказаннымъ ему довѣріемъ, что съ радостью согласился принять ее на себя. Между тѣмъ, баронъ Рефельдъ, который до этого добивался чести арестовать короля, теперь настойчиво требовалъ, чтобы ему поручили засадить въ крѣпость генерала Кудрѣ.

Со времени ихъ вечерняго визита къ Фаншонъ, баронъ Рефельдъ видимо избѣгалъ Германа изъ боязни какихъ либо объясненій относительно отдачи дождевого зонтика. Послѣдствіемъ этого могли быть близкія отношенія барона къ мнимой горничной или же его спровадили такимъ безцеремоннымъ способомъ, что ему неловко было рассказывать о своей неудачѣ. Не менѣе загадочнымъ казалось Герману его желаніе арестовать генерала Кудрѣ; онъ не могъ рѣшить: собирался ли баронъ отомстить своему сопернику за неуспѣшное ухаживанье или спасти человека, отданнаго въ его распоряженіе.

Прошли первые дни апрѣля. Заговорщики ожидали возвращенія короля изъ небольшого путешествія, предпринятаго имъ по Вестфаліи, чтобы подать сигналъ къ возстанію.

Германъ былъ доволенъ, что въ это время дѣла службы заставили его вернуться въ Кассель, потому что со дня на день ждалъ извѣстій изъ Пруссiи, которыя долженъ былъ получить черезъ тайную почту. Онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что собственно побудило его принять участіе въ прусско-гессенскомъ союзѣ. Хотя нравственная распущенность, господствовавшая въ Касселѣ, глубоко возмущала его, но это не мѣшало ему видѣть свѣтлыя стороны либеральнаго правленія Геронима; и онъ вообще не имѣлъ никакой личной неприязни къ легкомысленному королю. Если онъ чувствовалъ ненависть, то противъ Наполеона и вынесъ ее изъ своего пребыванія въ университетѣ; на ряду съ этимъ, сношенія съ выдающимися людьми уяснили ему печальное и унижительное положеніе Германіи. Съ другой стороны таинственность, связанная съ заговоромъ, и нарушеніе порядка обыденной жизни представляли особенную прелесть для молодого человѣка, тѣмъ болѣе, что самые близкіе друзья его принимали участіе въ предпріятіи. Все это настолько привлекало его, что онъ очутился въ числѣ членовъ прусско-гессенскаго союза и готовъ былъ всѣмъ жертвовать для него, даже жизнью.

Въ эти дни тревожнаго ожиданія, Германъ получилъ приглашеніе отъ Бюлова явиться къ нему по важному дѣлу.

Германъ пришелъ въ назначенный часъ; и, хотя Бюловъ встрѣтилъ его также привѣтливо, какъ всегда, но былъ, видимо, чѣмъ то озабоченъ.

— Не далѣе какъ вчера, — сказалъ онъ, — былъ у меня Берканъ и сообщилъ мнѣ, что королю присланъ доносъ изъ Брауншвейга на сборщиковъ податей въ Верраскомъ департаментѣ, которые позволили себѣ въ публичномъ мѣстѣ заявлять свою преданность прусскому королю. Можно поздравить ихъ, что эти заявленія не относились къ курфирсту, потому что тогда дѣло ихъ приняло бы еще худшій оборотъ, Берканъ передалъ мнѣ приказъ короля, чтобы я подробно изслѣдовалъ дѣло и непременно черезъ васъ...

Германъ былъ настолько озадаченъ, что не находилъ словъ для отвѣта.

— Вы, конечно, удивлены не менѣе меня такимъ неожиданнымъ порученіемъ, — продолжалъ Бюловъ. — Не подлежитъ сомнѣнію, что тутъ кроется какая нибудь интрига, направленная противъ васъ; поэтому вы должны быть насторожѣ, и вести дѣло, какъ можно осмотрительнѣе. Мое недовѣріе, главнымъ образомъ, возбуждено тѣмъ, что Берканъ передалъ мнѣ этотъ приказъ. Вѣроятно, король велѣлъ только сдѣлать дознаніе, а Берканъ подалъ ему мысль возложить на васъ щекотливое порученіе... Но это безразлично, приказъ короля долженъ быть исполненъ безъ всякихъ возраженій. Собирайтесь въ дорогу, завтра утромъ вы получите отъ меня нужныя бумаги.

Германъ не раздѣлялъ подозрѣній Бюлова; и, хотя возложенное на него порученіе было неприятно ему во многихъ отношеніяхъ; но онъ утѣшалъ себя мыслью, что по пути заѣдетъ въ Гомбергъ, и увидитъ Лину.

Вернувшись домой, онъ нашелъ на своемъ письменномъ столѣ письмо, принесенное въ его отсутствіе какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ.

Письмо состояло изъ нѣсколькихъ словъ: «Предостерегаютъ г. Тейтлебена, чтобы сегодня по выходѣ изъ театра, онъ не подходилъ къ экипажу графини Кудра».

— Сегодня!—проговорилъ съ удивленіемъ Германъ.—Развѣ я подходилъ когда нибудь къ ея каретѣ!.. Письмо дѣйствительно адресовано на мое имя: если это не какое нибудь недоразумѣніе, то, нечего сказать, хорошей репутаціей пользуюсь я въ Касселѣ!

Послѣ минутнаго колебанія, Германъ все-таки рѣшилъ отправиться въ театръ, гдѣ въ первый разъ давали новую оперу Мегула «Юсифъ». Всѣ билеты были заранѣе разобраны, и онъ съ трудомъ досталъ себѣ мѣсто въ послѣднихъ рядахъ.

Опера сошла блистательно. Германъ вышелъ до окончанія представленія, чтобы наблюдать за развѣздомъ. Сходя съ крыльца, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ графиней Кудра, но она не замѣтила его и, быстро проскользнувъ между колесами поданныхъ экипажей, остановилась передъ каретой, стоявшей въ отдаленіи, гдѣ ее ожидалъ мужчина въ плащѣ. Онъ подаль ей руку и посадилъ ее, но въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ сѣсть съ нею въ экипажъ, его схватили два вооруженныхъ жандарма и, укутавъ въ его собственный плащъ, посадили съ собой въ коляску, которая быстро покатила по улицѣ. За ними слѣдовалъ третій жандармъ верхомъ.

Германъ невольно улыбнулся:—«Теперь моя репутація спасена!»—подумалъ онъ.—«Мой неизвѣстный доброжелатель убѣдится, что я не имѣю ничего общаго съ этимъ господиномъ»...

III.

Н а б а т ь.

На слѣдующій день, Германъ, получивъ бумаги отъ Бюлова, отправился въ путь и, согласно своему намѣренію, рѣшилъ сначала заѣхать въ Гомбергъ. Стояла теплая погода; фруктовыя деревья были въ полномъ цвѣтѣ и наполняли воздухъ своимъ тонкимъ ароматомъ; солнце ярко освѣщало весенній ландшафтъ. Германъ былъ въ самомъ радостномъ настроеніи духа; зная хорошо мѣстность, онъ свернулъ съ большой дороги и пробирался верхомъ

по тропинкамъ, проложеннымъ пѣшеходами. Не доѣзжая Гомберга, онъ услышалъ бой часовъ на городской башнѣ, возвѣщавшій время обѣда, а вслѣдъ затѣмъ раздался набатъ, смѣшанный съ боемъ барабановъ и звуками военной музыки. Въ первую минуту онъ подумалъ, что это, вѣроятно, вестфальскія войска, которыя, по слухамъ, должны были выступить противъ Австрiи; но набатъ приво- дилъ его въ полное недоумѣнiе.

Онъ пришпорилъ лошадь и, къ удивленiю своему, увидѣлъ ки- расировъ, ѣхавшихъ въ разныхъ направленiяхъ и вооруженныхъ крестьянъ, слѣдившихъ толпами въ городъ. Вслѣдъ затѣмъ по- слышался набатъ въ окрестныхъ мѣстечкахъ и деревняхъ, какъ бы въ отвѣтъ на сигналъ, данный въ Гомбергѣ.

У Германа замерло сердце. Въѣхавъ въ городъ, онъ долженъ былъ сойти съ лошади, такъ какъ всѣ улицы были переполнены народомъ, который стремился на площадь, гдѣ издали развѣвались старо-гессенскія знамена, и время отъ времени раздавались крики: «Да здравствуетъ курфирстъ! Вивать! Долой французовъ!»..

Германъ съ трудомъ добрался до квартиры Гейстеровъ. Онъ былъ внѣ себя отъ безпокойства. Народное возстанiе вспыхнуло раньше назначеннаго времени и застало его врасплохъ. Онъ дол- женъ былъ находиться въ Касселѣ и ждать распоряженiй Дёрн- берга, но по странному стеченiю обстоятельствъ очутился въ Гом- бергѣ и не зналъ, что ему дѣлать.

Одна Лина услышала его шаги и вышла къ нему на встрѣчу блѣдная и разстроенная. Она молча подала ему руку и поспѣшно провела его мимо кабинета Людвигъ, гдѣ былъ слышанъ споръ мужскихъ голосовъ. Войдя въ свою комнату, она съ рыданiемъ бросилась на шею Германа:

— Что привело тебя сюда! — воскликнула она. — Ты будешь также участвовать въ этомъ ужасномъ дѣлѣ? О Боже! всѣ вы погибнете! Могла ли я ожидать этого!..

Германъ старался успокоить ее и рассказалъ, какъ онъ попалъ въ Гомбергъ и насколько его удивило неожиданное смятенiе въ городѣ:

— Объясни мнѣ Лина,—спросилъ онъ,—почему все это случи- лось такъ внезапно? Что намѣрены они предпринять?

— Въ этомъ нужно видѣть такое же злополучное сфѣвленiе об- стоятельствъ, какъ и то, которое привело тебя сюда. Никогда не желала я такъ, чтобы ты не прiѣзжалъ, какъ теперь, потому что еще сегодня утромъ Мартинъ объявилъ намъ, что вспыхнетъ воз- станiе. Дѣло ведется слишкомъ опрометчиво и успѣха быть не мо- жетъ, я потеряю мужа и тебя Германъ!..

Въ комнату вошелъ Гейстеръ съ ружьемъ, видимо взволнован- ный; рука его была перевязана красной лентой.

Лина со слезами бросилась къ нему; онъ нетерпѣливо отстра- нилъ ее; и, увидя Германа, протянулъ ему руку.

— Очень радъ видѣть тебя,—сказалъ онъ.—Пойдемъ съ нами, я былъ увѣренъ, что ты пріѣдешь!

— Нѣтъ, Людвигъ, я попалъ сюда случайно и не ожидалъ, что такъ скоро начнется возстаніе!

— Такова воля Провидѣнія!—возразилъ Гейстеръ.—Отечество призываетъ насъ... Медлить нечего! Слѣдуй за мной, ты можешь взять ружье въ моемъ кабинетѣ!..

— Но я долженъ быть при Дёрнбергѣ и немедленно поѣду въ Кассель,—сказалъ Германъ.—Объясни въ какомъ положеніи дѣло, и когда вы двинитесь изъ Гомберга?

— Въ эту же ночь. Мы ждемъ только приказа отъ Дёрнберга, останься здѣсь и, когда окажется нужнымъ, ты поѣдешь впередъ, чтобы доложить ему о томъ, что дѣлается у насъ... А ты, Лина, перестань беспокоиться! Повѣрь, что дѣло не дойдетъ до стычки, потому что прежде, чѣмъ мы прибудемъ въ Кассель, король будетъ арестованъ со своими приближенными; войска присоединятся къ намъ и мы войдемъ побѣдителями въ столицу Вестфалии.

Гейстеръ говорилъ это не для утѣшенія Лины; онъ былъ также убѣжденъ, какъ и остальные руководители возстанія, что дѣло приметъ этотъ оборотъ, но, какъ нервный человѣкъ, находился въ крайне возбужденномъ состояніи. Онъ разсказалъ Герману, что самъ король ускорилъ возстаніе, отдавъ приказъ войскамъ выступить противъ Австріи, такъ какъ это лишало заговорщиковъ помощи двухъ полковъ: кирасирскаго и егерскаго, на которыхъ они всего болѣе рассчитывали. Наканунѣ было послѣднее засѣданіе членовъ прусско-гессенскаго союза въ Касселѣ; и Дёрнбергъ прислалъ гонца въ Гомбергъ, съ приказомъ подать сигналъ къ возстанію, которое замѣтно усилилось послѣ полудня. Три эскадрона кирасировъ явились на площадь; большинство офицеровъ было на лицо, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, которые отказались прійти подъ предлогомъ нездоровья. Въ солдатахъ, по словамъ Гейстера, не было замѣтно особеннаго воодушевленія; многіе были довольны своей настоящей службой, и не желали возвращенія къ старымъ порядкамъ; но рѣшились принять участіе въ дѣлѣ, чтобы не отстать отъ товарищей. Въ мѣстномъ населеніи, наоборотъ, замѣтна была полная готовность участвовать въ дѣлѣ; отставные солдаты, лѣсная стража, чиновники, учителя, пасторы, трактирщики, даже евреи и женщины, старались наперерывъ выказать свое усердіе. Они сносили на площадь приготовленное оружіе, боевые и съѣстные запасы и угощали солдатъ, выразившихъ готовность стоять за народное дѣло.

Гейстеръ говорилъ торопливо и, едва окончивъ свой разсказъ ушелъ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя распоряженія и разставить караулы по городу.

Между тѣмъ, Лина получила записку отъ г-жи Стѣлтингъ, ко-

торая умоляла ее прійти и успокоить Кордулу, которая была напугана городскимъ шумомъ. Лина упрашивала Германа идти съ ней, но онъ отказался и отправился на городскую площадь.

IV.

Тревожная ночь.

Германъ, подходя къ площади, былъ пораженъ царившей тамъ тишиной; но вскорѣ онъ услышалъ мужской голосъ, говорившій рѣчь. Это былъ полковникъ Дёрнбергъ: онъ убѣждалъ собравшуюся толпу придерживаться строгаго порядка и тишины. Громкій крикъ «вивать!» былъ отвѣтомъ на его рѣчь. Германъ хотѣлъ пробраться впередъ, но это не удалось ему; въ это время Дёрнбергъ направился къ монастырю, въ сопровожденіи Гейстера и другихъ предводителей. Германъ остался на площади въ ожиданіи его возвращенія; теперь онъ не сомнѣвался, что ему придется принять непосредственное участіе въ возстаніи.

По данному сигналу кирасиры опять выстроились на площади, но число ихъ замѣтно уменьшилось съ наступленіемъ ночи; офицеры молча прохаживались передъ фронтомъ.

Совсѣмъ иной видъ представляли волонтеры, къ которымъ присоединилось нѣсколько человекъ карабинеровъ, и большинство солдатъ, служившихъ при бывшемъ курфирстѣ; они съ нетерпѣніемъ ожидали начала военныхъ дѣйствій. Тутъ былъ и довольно сильный отрядъ изъ того стрѣлковаго батальона, который послѣ бѣгства курфирста долженъ былъ положить оружіе и теперь единодушно примкнулъ къ возстанію. Кругомъ стояла вооруженная народная толпа настолько многочисленная, что она заняла собою значительную часть площади и сосѣднія улицы. На лицахъ видна была неизмѣнная рѣшимость, вмѣстѣ съ надеждой на успѣхъ. Германъ невольно поддался общему настроенію и не чувствовалъ прежнихъ опасеній за благополучный исходъ предпріятія.

Вскорѣ раздался барабанъ и изъ сосѣдней улицы выступило шествіе. Впереди шелъ пасторъ; за нимъ несли вышитое знамя, за которымъ слѣдовалъ Дёрнбергъ верхомъ, въ сопровожденіи предводителей возстанія и вооруженной толпы крестьянъ. Пасторъ всталъ на приготовленное возвышеніе и началъ говорить рѣчь, призывая Бога на помощь великому предпріятію, затѣмъ благословилъ знамя и передалъ знаменосцу со словами: «Побѣда или смерть за отечество!» Растроганная толпа трижды повторила этотъ возгласъ. Когда все затихло, женщины и дѣти протѣснились впередъ, чтобы проститься со своими; слышались рыданія; иные громко молились.

Въ это время Дёрнбергъ увидѣлъ въ толпѣ Германа и подозвалъ его.

— Я не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь!—сказаль онъ.—Намѣрены ли вы принять участіе въ предстоящемъ дѣлѣ?

— Я ожидаю вашихъ приказаній, полковникъ!

— Хорошо! Будьте наготовѣ, я сейчасъ вернусь... Господа офицеры!—добавиль онъ,—прошу вывести войска въ боевомъ порядкѣ на большую дорогу. Ночь скоро наступить, мы должны двинуться въ путь.

Дёрнбергъ отправился къ г-жѣ Стёлтингъ. Она сама отворила ему дверь.

— Это вы, полковникъ! — воскликнула она съ удивленіемъ.— Очень рада видѣть васъ; по крайней мѣрѣ, вы водворите порядокъ; сегодня съ ранняго утра такой шумъ въ городѣ!

— Завтра у васъ будетъ мертвая тишина,—возразиль онъ, цѣлуя ея руку.— Не говорите Кордулѣ, что вы видѣли меня, это взволнуетъ ее. Я зашелъ на минуту, чтобы проститься съ вами...

— Надѣетесь ли вы на успѣхъ, полковникъ? — спросила она, понизивъ голосъ.

Дёрнбергъ оглянулся.

— Мы одни,—сказаль онъ; и я вамъ объясню въ какомъ положеніи дѣло. Никто не знаетъ этого, кромѣ меня! Вышло какое-то недоразумѣніе, потому что вѣсть о возстаніи уже распространилась въ Кассель и дошла до свѣдѣнія короля. Къ счастью я узналъ во время, что отданъ приказъ о моемъ немедленномъ арестѣ, тотчасъ же сѣлъ на лошадь и поскакалъ во весь опоръ въ Гомбергъ...

Голосъ Дёрнберга задрожаль при послѣднихъ словахъ, но онъ овладѣлъ собою и, пожавъ руку г-жѣ Стёлтингъ, вышелъ на улицу.

Площадь начала пустѣть, когда появился Дёрнбергъ; Германъ ожидалъ его.

— Господинъ Тейтлебенъ,—сказаль онъ,—поѣзжайте ближайшей дорогой въ Кассель и сообщите нашимъ друзьямъ, что завтра, передъ разсвѣтомъ, 8000 человѣкъ будутъ подъ стѣнами города. Дальнѣйшее вамъ все извѣстно, но будьте осторожны и не попадитесь... разумѣется, вы должны быть безъ оружія. До свиданія!

Германъ хотѣлъ идти, но Дёрнбергъ остановиль его.

— А вамъ извѣстенъ нашъ лозунгъ?—спросиль онъ.

— Нѣтъ, господинъ полковникъ.

— Я не ожидалъ отъ васъ подобной опрометчивости. Лозунгъ нашъ: Гессенъ! Вѣдь наши аванпосты не пропустили бы васъ въ городъ... Не теряйте времени, вы должны опередить насъ на нѣсколько часовъ...

V.

Въ Касселѣ.

Германъ поспѣшилъ къ Гейстерамъ, чтобы проститься съ ними. Лина въ первую минуту обрадовалась ему, но узнавъ объ его неожиданномъ отъѣздѣ, упала духомъ. Страхъ за Людвига болѣе прежняго овладѣлъ ею; она рассчитывала, что они будутъ вмѣстѣ и, быть можетъ, въ случаѣ опасности, окажутъ другъ другу помощь, но теперь эта надежда оставила ее. Германъ не могъ ничего сказать ей въ утѣшеніе, и, торопливо простившись съ нею, уѣхалъ.

Недалеко отъ Касселя, онъ былъ остановленъ аванъ-постомъ, поставленнымъ на большой дорогѣ; но офицеръ оказался знакомымъ и велѣлъ тотчасъ же пропустить его.

При въѣздѣ въ городъ, Германа прежде всего поразили объявленія, прибитыя на углахъ улицъ, въ которыхъ перечислялись имена многихъ участниковъ возстанія. Они были названы бунтовщиками и раздѣлены на три разряда; первые подлежали смертной казни, вторые подвергались наказанію какъ дезертиры; третьи должны были судиться обыкновеннымъ судомъ, за участіе въ возстаніи. У Германа замерло сердце отъ этихъ угрозъ, какъ бы заранѣе предвѣщавшихъ неудачный исходъ возстанія. Но такъ какъ имена нѣкоторыхъ главныхъ участниковъ не были упомянуты, то можно было думать, что правительство не имѣетъ подробныхъ свѣдѣній о членахъ прусско-гессенскаго союза.

Не смотря на ранній часъ утра, Германъ отправился къ Бюлову, чтобы посоветоваться съ нимъ и узнать о положеніи дѣлъ, но засталъ его выходящимъ изъ дому. Карета уже была подана, такъ какъ Бюловъ спѣшилъ во дворецъ, чтобы быть при королѣ, который собралъ около себя значительную часть войска. Онъ внимательно выслушалъ разсказъ Германа и сказалъ:

— Къ счастью, тайна союза обнаружена только отчасти, и если не будетъ измѣны, то многіе уцѣлѣютъ; попались только самые неосторожные... А вы тотчасъ приготовьте рапортъ, что вслѣдствіе возстанія не могли окончить дѣла и принуждены были вернуться ночью въ Кассель. Однако, до свиданія! Мнѣ пора ѣхать.

Германъ, вернувшись домой, засталъ на своемъ столѣ письмо барона Рефельда:

«Вышло забавное недоразумѣніе,—писалъ онъ,—меня привезли въ Галле, вмѣсто васъ. Еще дорогой, среди жандармовъ, ко мнѣ вернулось мое душевное равновѣсіе, а затѣмъ я воспользовался необычайнымъ случаемъ, который привелъ меня въ домъ вашего отца, чтобы сообщить ему самыя свѣжія свѣдѣнія о васъ. Ваши родители, равно и Луиза Рейхартдъ посылаютъ вамъ усердный поклонъ, а я съ своей стороны обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей

просьбой: вѣроятно, мнѣ не скоро удастся вернуться въ Кассель; велите уложить мои вещи и пошлите ихъ по прилагаемому адресу. Въ бюро лежатъ деньги: расплатитесь съ прислугой. На всякій случай прилагаю полную довѣренность...»

Германъ читалъ разсѣянно, но тутъ раздался глухой выстрѣлъ изъ пушки, и заставилъ его вздрогнуть. Онъ бросилъ письмо на столъ, не дочитавъ его: беззаботный тонъ барона Рефельда представлялъ непріятный контрастъ съ пушечной пальбой, которая все усиливалась. Германъ не могъ долѣе оставаться дома и выбѣжалъ на улицу, гдѣ все было въ движеніи: съ разныхъ сторонъ выступали войска; жители бѣжали, не зная куда, подъ вліяніемъ страха. Наконецъ, на поворотѣ улицы, Германъ встрѣтилъ доктора Гарниша, который подробно разсказалъ ему о томъ, что произошло въ Касселѣ во время его непродолжительнаго отсутствія.

Кто собственно открылъ заговоръ было неизвѣстно; носился слухъ, что одинъ изъ членовъ прусско-гессенскаго союза навелъ на слѣдъ своей опрометчивостью; другіе утверждали, что камергеръ фонъ Яговъ первый предупредилъ короля о предстоящемъ возмущеніи. Иеронимъ не допускалъ возможности измѣны со стороны Дёрнберга, пока его внезапное бѣгство и начавшееся народное возстаніе не разсѣяли его сомнѣній.

— Насколько я могъ видѣть и слышать отъ другихъ,—продолжалъ Гарнишъ,—король ведетъ себя съ примѣрнымъ великодушіемъ и тактомъ. Онъ объѣхалъ ряды войскъ въ сопровожденіи Бюлова и барона Рейнгарда и, напомнивъ солдатамъ объ ихъ присягѣ, предоставилъ желающимъ сложить оружіе и присоединиться къ народному возстанію; затѣмъ онъ обратился къ офицерамъ и предложилъ отправиться въ Англію и Америку тѣмъ изъ нихъ, которые нерасположены сражаться за него... Никто не двинулся съ мѣста и раздался единодушный крикъ: «Vive le roi!» Иеронимъ снялъ шляпу и сказалъ, что «принимаетъ эти слова за новую присягу!»—Я знаю солдатъ,—добавилъ король, обращаясь къ Бюлову,—такъ какъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ лагерѣ, но въ первый разъ встрѣчаю между ними человѣка, который воспользовался моимъ расположеніемъ и милостями, чтобы предать меня съ такимъ коварствомъ...

Германъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, но Гарнишъ неожиданно остановился и воскликнулъ раздраженнымъ голосомъ:

— А знаете ли вы, кто командуетъ бригадой, которая въ этотъ моментъ угощаетъ картечью несчастный народъ, возставшій за свои права? Догадаться мудрено, и поэтому я назову его... Это одинъ изъ предводителей возстанія, полковникъ Л..., онъ присутствовалъ на послѣднемъ засѣданіи у Дёрнберга, за ночь успѣлъ одуматься, а сегодня утромъ, предложилъ свои услуги королю и произведенъ въ бригадные генералы!..

Германъ измѣнился въ лицѣ. Новость была настолько неожиданная, что онъ не могъ ничего сообразить въ первую минуту.

— А теперь, — продолжалъ Гарнишъ, — совѣтую вамъ успокоиться! Не хотите ли зайти ко мнѣ? вы увидите баронессу Рейнгардъ... Когда вспыхнуло возстаніе, посланникъ привезъ ко мнѣ свою жену и дѣтей и отдалъ ихъ на мое попеченіе, говоря, что я, вѣроятно, принадлежу къ числу заговорщиковъ. Самъ онъ рѣшилъ сопровождать Геронима въ томъ случаѣ, если его величеству придется искать спасенія въ бѣгствѣ.

Германъ чувствовалъ себя настолько растроенымъ, что отказался отъ приглашенія и отправился домой. Проходя мимо открытых оконъ одной гостинницы, онъ слышалъ, какъ хозяинъ успокаивалъ свою жену:—*Chère Catherine! Bonnes nouvelles! Король въ городѣ, мы побѣдили!*..

VI.

П р о сь б а.

Народное ополченіе съ разсвѣтомъ достигло вершины горы, съ которой открывался видъ на Кассель и окрестности; и здѣсь глазамъ его представилось неожиданное зрѣлище. Передъ нимъ на незначительномъ разстояніи находились королевскія войска, расположенныя въ боевомъ порядкѣ, такъ что вмѣсто ожидаемаго приступа предстояла битва въ открытомъ полѣ. Тѣмъ не менѣе мужество не покинуло ихъ. Они двинулись впередъ, не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ; но картечные залпы быстро опустошили ихъ ряды. Дёрнбергъ оказывалъ чудеса храбрости и присутствія духа, такъ какъ рѣшился побѣдить или обречь себя смерти; и она постигла бы его, если бы ополченіе, состоящее преимущественно изъ крестьянъ не обратилось въ бѣгство и не увлекло за собой храбраго предводителя. Солдаты кирасирскаго и другихъ полковъ, принявшіе участіе въ возстаніи, послѣдовали ихъ примѣру и разсѣялись въ разныя стороны. Только незначительная часть ихъ осталась на полѣ битвы и отступила по командѣ офицеровъ, преслѣдуемая непріятельскими выстрѣлами; къ нимъ присоединились остальные предводители возстанія, дворяне, чиновники и другіе члены прусско-гессенскаго союза. Весьма немногіе добрались до ближайшей границы, гдѣ все было приготовлено для ихъ бѣгства: одни были убиты, другіе взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ Дёрнбергъ и Гейстеръ, которые были захвачены по дорогѣ въ Гомбергъ.

Между тѣмъ, роковая тишина, наступившая по окончаніи битвы, и неизвѣстность были настолько мучительны для Германа, что онъ велѣлъ осѣдлатъ лошадь и выѣхать за городъ. Здѣсь увидѣлъ онъ

печальное зрѣлище: обширная равнина была усѣяна мертвыми и ранеными; вооруженные отряды вели партіи плѣнныхъ. Германъ сошелъ съ лошади; сердце его усиленно билось; исходъ битвы былъ очевиденъ, но отъ кого узнать объ участи, Гейстера, Дѣрнберга и другихъ?

Ему недолго пришлось ждать: мимо него провели новую партію плѣнныхъ—между ними онъ увидѣлъ Гейстера, который, по-видимому, изнемогалъ отъ усталости, но лицо его оживилось, когда Германъ, не помня себя отъ горя, бросился къ нему на шею. Слезы навернулись на глазахъ Гейстера.

— Бѣдная Лина!—проговорилъ онъ съ усиліемъ.

Германъ пошелъ рядомъ съ нимъ.

— Тебя нужно спасти, Людвигъ!—шепнулъ онъ.

— Это невозможно!—возразилъ Гейстеръ.—Моя участь рѣшена...

— Не падай духомъ, Людвигъ! Остается одно средство просить короля о помилованіи. Не можешь ли ты назвать когонибудь, кто имѣетъ на него вліяніе? я совсѣмъ потерялъ голову...

— Нѣтъ, это былъ бы напрасный трудъ! ни одинъ мужчина не рѣшится въ подобномъ случаѣ просить за государственнаго преступника. Къ Герониму самый вѣрный доступъ черезъ какуюнибудь легкомысленную даму, а ты знаешь, я не знакомъ съ ними...

— Прекрасная мысль!—воскликнулъ Германъ.—Я знаю женщину, которая имѣетъ вліяніе на короля, хотя ее ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать легкомысленной. Это прекрасная и высоко-нравственная личность. Она спасетъ тебя...

Германъ замолчалъ, потому что въ эту минуту они подошли къ крѣпости, и онъ едва успѣлъ наскоро проститься съ своимъ другомъ. Плѣнныхъ ввели въ желѣзные ворота, которыя тотчасъ же закрылись за ними, въ виду собравшейся толпы.

Германъ отправился въ старый замокъ, служившій зимней резиденціей короля и велѣлъ провести себя въ комнаты оберъ-гофмейстерины. Въ замкѣ была неурядица, вслѣдствіе поспѣшныхъ сборовъ къ отъѣзду королевы. При первомъ извѣстіи о народномъ возстаніи рѣшено было, что ея величество отправится въ Страсбургъ; и, хотя побѣда осталась за королевскими войсками, но отъѣздъ королевы не былъ отмѣненъ, тѣмъ болѣе, что она получила лестное приглашеніе отъ французской императрицы пріѣхать въ Парижъ.

Графиня Антонія была крайне удивлена визитомъ Германа и велѣла просить его въ свой кабинетъ. При видѣ его разстроеннаго лица, она съ безпокойствомъ спросила:

— Что съ вами, г. докторъ? Вѣроятно случилось какое-нибудь несчастіе и вы пришли сообщить мнѣ о немъ...

— Да, графиня! и трудно представить себѣ большаго несчастія: другъ мой Людвигъ Гейстеръ, занимавшій въ послѣднее время

должность мирового судьи въ Гомбергѣ, захваченъ съ оружіемъ въ рукахъ и отведенъ въ крѣпость. Онъ принималъ участіе въ возстаніи, и ему, какъ государственному преступнику, предстоитъ смертная казнь... Вы сказали мнѣ однажды, что я могу обратиться къ вашей помощи въ случаѣ нужды, и поэтому, теперь, умоляю васъ, спасите Гейстера!

Съ этими словами Германъ бросился на колѣни передъ изумленной оберъ-гофмейстериной.

— Встаньте, ради Бога, и успокойтесь! — сказала она. — Объясните въ чемъ дѣло, какую помощь могу я оказать вамъ?..

— Вы, однѣ, графиня, можете спасти его... Просите короля о помилованіи Гейстера!..

Графиня Антонія поблѣднѣла и съ испугомъ взглянула на Германа.

— Вы требуете невозможнаго! — воскликнула она. — Сегодня никто не рѣшится беспокоить короля подобной просьбой..

— Быть можетъ, завтра будетъ слишкомъ поздно; и не далѣе, какъ сегодня нужно сдѣлать попытку спасти Гейстера. Сжальтесь надъ нимъ, графиня!

— Не забывайте, господинъ докторъ, что вы компрометируете себя, заявляя о своей дружбѣ съ бунтовщикомъ.

— Вотъ и вы, графиня, называете бунтомъ народное возстаніе! Разумѣется, король раздѣляетъ этотъ взглядъ, но мнѣ, кажется, что можно было бы представить его величеству, въ числѣ другихъ доводовъ, что онъ самъ своимъ поступкомъ съ госпожей Гейстеръ вынудилъ ея мужа принять участіе въ возстаніи... Казнь Гейстера будетъ вопіющей несправедливостью со стороны короля!

Оберъ-гофмейстерина была взволнована и отвѣтила нерѣшительно:

— Едва ли власть короля въ этихъ случаяхъ выше закона, но, если вообще онъ можетъ даровать жизнь государственнымъ преступникамъ помимо суда, то конечно, будетъ много такихъ просьбъ, какъ ваша. Я, лично, отказываюсь отъ всякаго вмѣшательства въ подобномъ дѣлѣ...

— Но только вы, графиня, при вашемъ общественномъ положеніи и вліяніи на короля, можете обратиться къ нему съ подобной просьбой и она будетъ исполнена!

— Вы, конечно, не знаете моихъ отношеній къ королю! — возразила оберъ-гофмейстерина раздраженнымъ голосомъ. — Считаете ли вы умѣстнымъ, чтобы г-жа Гейстеръ, послѣ ея исторіи съ Геронимомъ обратилась бы къ нему съ какой либо просьбой?..

Германъ былъ настолько пораженъ такимъ неожиданнымъ признаніемъ, что не сразу нашелся, что отвѣтить:

— Если я понялъ васъ графиня, то васъ останавливаетъ боязнь, что король за исполненіе вашей просьбы потребуетъ слишкомъ

большой награды!.. Неужели изъ-за этого вы дадите погибнуть человеку?.. Вы были откровенны со мной, позвольте и мнѣ отвѣтить вамъ тѣмъ же: главнымъ поводомъ моей просьбы къ вамъ не одна дружба къ Гейстеру,—я люблю его жену... Многимъ извѣстно, что я бывалъ въ вашемъ домѣ и, слѣдовательно, могу просить васъ, ходатайствовать передъ королемъ за Гейстера, если завтра онъ пойдетъ на казнь, то всякій въ правѣ заподозрить меня, что я не захотѣлъ спасти его, такъ какъ съ его смертью связано мое благополучіе... Графиня, спасите не одного Гейстера, но и мою честь!

Онъ опять всталъ на колѣни передъ нею, чѣмъ окончательно смутилъ ее.

— Встаньте, прошу васъ,—проговорила она съ усиленіемъ.—Помните, что вы въ королевскомъ дворцѣ и сюда можете войти.

— Простите, графиня,—возразилъ Германъ,—но вы сами видите, что я въ безвыходномъ положеніи... Неужели при дворѣ не найдется ни одной женщины, которая рѣшилась бы обратиться къ великодушію короля...

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ слышались голоса. Оберъ-гофмейстерина торопливо встала съ своего мѣста и, обращаясь къ Герману, сказала взволнованнымъ голосомъ: — Оставайтесь здѣсь и ждите моего возвращенія!

Съ этими словами она вышла изъ комнаты. Прошло болѣе получаса; время казалось безконечнымъ Герману, то у него являлась надежда на успѣхъ, то онъ приходилъ въ отчаяніе и старался успокоить себя мыслью, что онъ сдѣлалъ все, что могъ для спасенія Гейстера.

Наконецъ, графиня Антонія вернулась. Пажъ несъ за нею большой запечатанный пакетъ на серебрянномъ подносѣ. Германъ въ первую минуту едва не вскрикнулъ отъ радости, но у него замерло сердце, когда онъ увидѣлъ строгое и печальное лицо графини.

— Идите!—сказала она.—Баронъ фонъ Лестенъ проведетъ васъ къ коменданту крѣпости! Тамъ вы узнаете, на какихъ условіяхъ отпущенъ Гейстеръ... Позаботьтесь, чтобы другъ вашъ уѣхалъ, какъ можно дальше отъ Касселя, и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Прощайте, мы никогда не увидимся съ вами!..

Прежде, нежели Германъ успѣлъ выразить ей свою благодарность, она исчезла изъ комнаты. Германъ въ сопровожденіи пажы отправился въ крѣпость.

VII.

Вѣгство.

Не смотря на успѣшный исходъ дѣла, Германъ чувствовалъ невольное смущеніе, вспоминая печальное лицо графини Антоніи: онъ спасъ друга, но, видимо, доставилъ тяжелую минуту велико-

душной женщиной, которая рѣшилась просить за него короля. Но ему некогда было ни задумываться надъ этимъ вопросомъ, ни отдать себѣ яснаго отчета, почему онъ не чувствуетъ особенной радости при мысли, что Людвигъ спасенъ отъ смертной казни.

Новый комендантъ крѣпости былъ тотъ самый полковникъ, участвовавшій въ заговорѣ, который предалъ Дёрнберга въ моментъ возстанія и за свою измѣну въ то же утро былъ произведенъ въ бригадные генералы. Но онъ не принадлежалъ къ числу людей, которые изъ желанія отличиться передъ правительствомъ выказываютъ особенную ненависть или усердіе въ преслѣдованіи своихъ бывшихъ товарищей. Хотя нѣсколько часовъ тому назадъ, онъ далъ письменное удостовѣреніе въ своей неизмѣнной преданности королю, но, вступивъ въ должность коменданта, дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы облегчить участь узниковъ.

Прочитавъ бумагу, присланную королемъ, онъ сказалъ: — Я готовъ исполнить приказъ его величества, но онъ такъ странно формулированъ, что нужно спѣшить съ выполненіемъ. Гейстеръ долженъ бѣжать сегодня ночью... болѣе этого я ничего не могу сообщить вамъ. Приготовьте все что нужно, онъ выйдетъ изъ воротъ съ наступленіемъ сумерокъ... Подпись короля ничѣмъ не скрѣплена, но она достаточна для моего оправданія; вѣроятно, приказъ написанъ подъ влияніемъ женщины и можетъ быть отмѣненъ... поэтому не теряйте времени...

Германъ спѣшно вышелъ изъ крѣпости и, занявъ деньги у банкира Якобсона, послалъ гонца къ Линѣ съ письмомъ, въ которомъ сообщалъ о скоромъ прибытіи Людвигъ и просилъ немедленно заняться приготовленіями для его дальнѣйшаго бѣгства. Съ наступленіемъ сумерокъ, онъ велѣлъ своему слугѣ осѣдлать верховую лошадь, а самъ направился къ крѣпости, гдѣ вскорѣ увидѣлъ передѣтаго Гейстера, выходившаго изъ воротъ. Они сошлись на мосту. Германъ молча проводилъ его до своего дома и, только, войдя во дворъ, рѣшился заговорить съ нимъ. Здѣсь онъ вручилъ ему деньги, занятые у Якобсона и, сообщивъ о сдѣланныхъ приготовленіяхъ для его бѣгства, совѣтовалъ ѣхать ближайшей дорогой въ Гомбергъ, а затѣмъ, не теряя ни минуты времени, продолжать путь, во избѣжаніе погони. Друзья обнялись въ послѣдній разъ. Гейстеръ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, не заходя въ домъ, чтобы не потревожить г-жу Виттихъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ.

Наступили тяжелые дни. Кираспры, принимавшіе участіе въ возстаніи и захваченные въ плѣнъ послѣ битвы, были разстрѣляны, какъ государственные преступники. Той же участи подверглись офицеры и солдаты другихъ полковъ, а равно и крестьяне, взятые съ оружіемъ въ рукахъ. Казни совершались въ сосѣднемъ лѣсу, и роковые выстрѣлы, долетая до слуха кассельскихъ жителей, наполняли ужасомъ ихъ сердца. Къ этому присоединились печаль-

ныя извѣстія о пораженіяхъ, которымъ подверглась австрійская армія. Вестфальскій «Moniteur» ежедневно наполнялся поздравительными адресами Иерониму, по поводу неудавшагося возстанія и изъявленіями вѣрноподданическихъ чувствъ.

Королева уѣхала изъ Касселя. Просьбы о вспомоствованіи нѣмецкимъ семействамъ, обѣднѣвшимъ послѣ возстанія, не дошли до ея величества. Оберъ-гофмейстерина отказалась ѣхать въ Парижъ, подъ предлогомъ нездоровья, хотя причина была другая. Она откровенно рассказала мужу объ отношеніяхъ короля къ ней и, послѣ продолжительнаго совѣщанія они остановились на рѣшеніи уѣхать навсегда изъ Касселя, хотя это было одинаково тяжело для обоихъ. Мечты честолюбивой женщины о вліяніи на короля для блага соотечественниковъ были окончательно разрушены; тяжелое сознаніе своего полного безсилія подавляло ее. Будущность представлялась ей въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, а съ другой стороны предстоящее объясненіе съ королемъ усиливало ея дурное расположеніе духа, которое мало гармонировало съ окружающей обстановкой. Изящная гостиная имѣла праздничный видъ: на этажеркахъ и въ вазахъ вездѣ были поставлены цвѣты; графиня Антонія была въ дорогомъ платьѣ, спитомъ по послѣдней модѣ, — она отдала приказъ не принимать другихъ гостей, кромѣ короля. Вскорѣ слуга въ ливреѣ отворилъ настежъ дверь и доложилъ о прибытіи его величества.

Иеронимъ улыбаясь поздоровался съ оберъ-гофмейстериной; при этомъ на лицѣ его выразилось удивленіе.

— Что это значитъ, — спросилъ онъ, окинувъ взглядомъ гостиную. — Слуга въ парадной ливреѣ, вездѣ разставлены букеты цвѣтовъ, хозяйка дома въ нарядномъ платьѣ. Я надѣялся, что меня встрѣтятъ запросто; и мнѣ удастся провести нѣсколько счастливейшихъ минутъ съ моей милой графиней Антоніей... но вмѣсто этого мнѣ приготовили торжественный пріемъ. Быть можетъ, это не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, и я напрасно мучу себя разными предположеніями... Не такъ ли, моя дорогая Антонія?

Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы обнять ее, но она отстранила его рукой:

— Мнѣ кажется, ваше величество, что я не подала вамъ повода къ такому фамиллярному обращенію. Прошу терпѣливо выслушать меня. Я пришла тогда просить васъ о помилованіи несчастнаго челоуѣка, по настоянію его друга, д-ра Тейтлебена, который обратился къ моей помощи, такъ какъ никто изъ придворныхъ не рѣшился бы говорить о подобномъ дѣлѣ съ разгнѣваннымъ королемъ. Теперь я сознаю, что и мнѣ не слѣдовало дѣлать этого! Я рѣшилась прибѣгнуть къ вашему великодушію, потому что въ этомъ случаѣ законная кара, который долженъ былъ подвергнуться преступникъ, имѣла видъ личной мести со стороны вашего вели-

чества... Всѣмъ извѣстно въ Касселѣ, что г-жа Геѣстеръ отвергла вашу любовь, и казнь ея мужа послужила бы поводомъ для новыхъ нареканій. Я осмѣлилась предостеречь короля, но мнѣ, конечно, не могло прійти въ голову, что у него можетъ явиться прежняя и, какъ мнѣ казалось, давно забытая фантазія. Съ другой стороны великодушная готовность вашего величества помиловать важнаго государственнаго преступника и въ такое время, настолько тронула меня, что я молча выслушала предложенныя вами условія и этимъ какъ бы выразила свое согласіе. Я утѣшала себя мыслью, что вы одумаетесь, но теперь вижу, что эта надежда оказывается напрасною и мнѣ остается только жалѣть о моей опрометчивости...

Геронимъ нетерпѣливо выслушалъ объясненіе графини Антоніи, повидимому, заранѣе придуманное ею, и рѣзко прервалъ ее:

— Надѣюсь, графиня, вы не посмѣете дурачить меня? Я могу напомнить вамъ съ кѣмъ вы имѣете дѣло!

— Это будетъ напрасный трудъ, ваше величество!—возразила она съ надменной улыбкой.—Вы достаточно пользуетесь преимуществами своего положенія, такъ что едва ли можно забыть объ этомъ.

Наступила минута молчанія.

Графиня Антонія овладѣла собой и продолжала болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Прошу извиненія у вашего величества. Я надѣялась, разстаться съ вами въ болѣе дружелюбныхъ отношеніяхъ. Мы съ мужемъ рѣшили уѣхать изъ Касселя и, какъ можно дальше, чтобы ничто не напоминало о немъ. Здѣсь многое волнуетъ и огорчаетъ меня до глубины души; всѣ классы общества одинаково тяготятся ненормальными политическими условіями и вопіющими злоупотребленіями въ различныхъ отрасляхъ управленія. Трудно предвидѣть, чѣмъ кончится все это!..

— Я теряюсь въ догадкахъ, что собственно такъ печалитъ васъ,—возразилъ король раздраженнымъ голосомъ.—Женщинамъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ политическія дѣла—это не ихъ сфера!.. Къ сожалѣнію, я попалъ къ вамъ не во-время, хотя имѣлъ право рассчитывать, что вы не забыли на какихъ условіяхъ я согласился тогда исполнить ваше желаніе! Теперь все ясно для меня... Я давно не видалъ васъ въ такомъ изящномъ нарядѣ, вы даже какъ будто помолодѣли!

— Я не понимаю, что вы хотите сказать этимъ, ваше величество?—возразила графиня Антонія.

Геронимъ разразился злобнымъ смѣхомъ.

— Если не ошибаюсь,—сказалъ онъ,—рядомъ съ этой комнатою тотъ самый будуаръ, въ который вы нѣкогда спрятали Адель Де-Камю съ молодымъ учителемъ во время моего визита. Теперь

обстоятельства нѣсколько измѣнились; онъ вѣроятно сидитъ тамъ одинъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вашего появленія, чтобы выразить вамъ свою благодарность. Я ухожу, чтобы не задерживать васъ...

Онъ взялъ шляпу и торопливо поднялся съ своего мѣста.

Графиня Антонія поблѣднѣла отъ гнѣва, и, бросивъ презрительный взглядъ на короля, открыла настежь дверь будуара.

— Вы видите, ваше величество,—сказала она взволнованнымъ голосомъ,—никто изъ прислуги не могъ подслушать нашего разговора. Что касается подозрѣнія, высказаннаго вами, то я считаю лишнимъ возражать на него, потому что вы сами не вѣрите этому... Мы расстаемся навсегда, я считала себя виноватой передъ вами, но теперь вы разсѣяли всѣ мои сомнѣнія. Король Иеронимъ не даромъ жилъ въ Балтиморѣ; онъ даже въ любви видитъ торговую сдѣлку и, слѣдовательно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо нравственныхъ страданіяхъ. Прощайте...

Она слегка поклонилась ему съ величественнымъ видомъ королевы, которая желаетъ прекратить аудіенцію, и пошла въ свой будуаръ.

Иеронимъ былъ взѣ себя отъ ярости, но ему ничего не оставалось, какъ послѣдовать примѣру хозяйки дома и немедленно удалиться, чтобы выйдти изъ неловкаго положенія, въ которомъ онъ очутился такъ неожиданно.

На слѣдующій день въ вестфальскомъ «Moniteur'ѣ» было напечатано извѣстіе объ отъѣздѣ оберъ-гефмейстерины и ея супруга изъ Касселя.

VIII.

Послѣ возстанія.

Неожиданное бѣгство Гейстера удивило всѣхъ и послужило поводомъ для всевозможныхъ предположеній и слуховъ, тѣмъ болѣе что по городу вслѣдъ затѣмъ разнеслась вѣсть, что Дёрнбергу также удалось бѣжать изъ крѣпости и, что онъ находится внѣ опасности. Въ Касселѣ наступило нѣсколько дней затишья; смертныя казни прекратились; начался судъ надъ остальными участниками возстанія, сидѣвшими въ крѣпости; но было извѣстно заранее, что значительная часть ихъ будетъ помилована и, что весьма немногіе подвергнутся ссылкѣ и конфискаціи имущества. Но общая радость, возбужденная этими извѣстіями, оказалась преждевременной; пронесся слухъ, что начались аресты въ Гомбергѣ и, что въ Валленштейнскомъ монастырѣ былъ сдѣланъ строжайшій обыскъ. Обитательницы его обвинялись въ томъ, что вышивали знамя для бунтовщиковъ и пожертвовали на возстаніе три тысячи дукатовъ.

Настоятельница монастыря Маріанна фонъ Штейнъ и ея помощница были отправлены въ Майнцъ, подъ конвоемъ жандармовъ. Хотя въ захваченныхъ бумагахъ не было ничего предосудительнаго и вообще не найдено никакихъ явныхъ уликъ; но тѣмъ не менѣе монастырь былъ закрытъ и все громадное, принадлежавшее ему имущество, конфисковано въ пользу казны.

Составъ полиціи былъ снова увеличенъ. Геронимъ вернулся къ своему первоначальному плану и рѣшилъ соединить въ лицѣ Бонгара двѣ должности: начальника полиціи и шефа-жандармовъ. Въ помощники ему былъ назначенъ швейцарецъ Шальхъ, который методически записалъ въ свою книгу имена всѣхъ жителей Касселя, раздѣливъ ихъ на три разряда: французскихъ, старонѣмецкихъ и сомнительныхъ патриотовъ.

Геронимъ вернулся къ прежнему образу жизни; онъ съ увлеченіемъ предавался всевозможнымъ увеселеніямъ и празднествамъ, устроеннымъ по поводу свадьбы его любимца, графа Фюрстенштейна съ графиней Гарденбергъ. Тѣмъ не менѣе послѣднія событія произвели на него нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ сдѣлался серьезнѣе, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и хотя продолжалъ относиться враждебно къ нѣмецкой партіи, но сталъ обращать вниманіе на политическое движеніе Германіи и не выказывалъ къ нему прежняго легкомысленнаго пренебреженія.

Германъ рѣшился, наконецъ, сообщить своей хозяйкѣ объ опасности, которой подвергался ея зять, и его бѣгствѣ, но г-жа Виттихъ, какъ это часто бываетъ съ старыми людьми, равнодушно выслушала его и принялась рассказывать ему о какой-то городской новости, занимавшей ее въ эту минуту. Лина рѣдко писала матери и Герману; она съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій отъ Людвига, но когда получила отъ него письмо, то сильно встревожилась, увидавъ почеркъ. Буквы были выведены слабой дрожащей рукой, строчки набѣгали одна на другую:

«Надняхъ я пріѣхалъ въ Прагу,—писалъ Гейстеръ,—но мнѣ пришлось преодолѣть не мало всякихъ затрудненій и опасностей, которыя окончательно измучили меня. Дорогой, я встрѣтилъ Дёрнберга; мы ѣхали, то вмѣстѣ, то врозь, смотря по обстоятельствамъ; а въ Прагѣ остановились въ одной гостинницѣ «Ротенгаузъ», куда и адресуй твои письма. Къ счастью, капельмейстеръ Рейхардтъ еще здѣсь; онъ собирался въ Галле, но остался лишнихъ два дня, чтобы пробыть со мной. Я и Дёрнбергъ, отдохнувъ немного съ дороги, отправились къ курфирсту; онъ принялъ насъ чрезвычайно милостиво, заставилъ подробно рассказать ему о послѣднихъ кассельскихъ событіяхъ, и во время разговора спросилъ: «не знакомы ли мы съ молодымъ человѣкомъ, по имени Вильке?» Я отвѣтилъ, что не разъ встрѣчалъ его въ обществѣ, но, что онъ показался мнѣ довольно загадочною личностью. Курфирстъ многозначительно взгля-

нулъ на меня и похвалилъ Вильке въ такихъ выраженіяхъ, что я сразу догадался въ чемъ дѣло. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ молодой человѣкъ служитъ курфирсту въ качествѣ агента и въ то же время сумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе своего начальника Бонгара, такъ что можно удивляться его дипломатическимъ способностямъ. Я обратился было къ курфирсту съ просьбой оказать денежную помощь семьямъ казенныхъ участниковъ возстанія, въ виду конфискаціи ихъ имущества. Онъ задумался на минуту, а затѣмъ таинственно шепнулъ мнѣ: «Развѣ вы не понимаете, Гейстеръ, что мнѣ нужно избѣгать всякаго повода къ подозрѣнію, что я принималъ какое либо участіе въ вестфальскомъ возстаніи!..»

«Нечего объяснять тебѣ, Лина, насколько поразилъ меня отвѣтъ курфирста. Для такого человѣка мы жертвовали жизнью столькихъ людей!.. Я не помню, какъ я дошелъ до гостинницы... Вотъ уже второй день у меня лихорадка и сильнѣйшая головная боль,—хочу лечь въ постель. Думалъ еще написать тебѣ, но не могу, и потому посылаю письмо, чтобы ты не тревожилась. Тяжело быть изгнанникомъ и жить на чужой сторонѣ! но скоро прійдетъ Рейхардтъ и развеселитъ меня...»

«Людвигъ.»

Лина, прочитавъ письмо мужа, рѣшила немедленно ѣхать къ нему въ Прагу и только на нѣсколько минутъ зашла къ г-жѣ Стѣлтингъ, чтобы попросить ее написать Герману объ ея отъѣздѣ. Между тѣмъ, Германъ уже получилъ письмо отъ Рейхардта съ извѣстіемъ объ опасной болѣзни Гейстера и уговорилъ г-жу Виттихъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Гомбергъ, чтобы лично сообщить объ этомъ Линѣ.

Но они не застали ее на дачѣ, и рѣшили вернуться въ Кассель въ ожиданія новыхъ извѣстій изъ Праги. Наконецъ, пришло письмо съ черной печатью. Писала Луиза Рейхардтъ, которая, узнавъ отъ отца о болѣзни Гейстера, поспѣшила къ нему и вмѣстѣ съ Линою находилась при немъ неотлучно: «Не безпокойтесь о Линѣ,—добавляла она въ своемъ письмѣ.—Какъ только Лина немного оправится послѣ постигшаго ее горя, я намѣрена увезти ее къ намъ въ Галле: это новое мѣсто для нея и ничто не будетъ вызывать въ ней тяжелыхъ воспоминаній».

Письмо выпало изъ рукъ Германа. Безсознательное чувство радости охватило его душу. Мысль, что Лина можетъ быть его женой явилась непрощенной гостьей; и онъ почувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ умершимъ другомъ, вспомнивъ, что его могила послужитъ основой ихъ будущаго счастья. Но всѣ его усилія не думать о томъ, что всего больше занимало его, были напрасны; чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и томительнѣе становилось

его желаніе увидѣть Лину. Только чувство приличія и отчасти боязнь упрековъ со стороны Луизы Рейхардтъ удерживали его въ Касселѣ; но онъ утѣшалъ себя мыслью, что пока ничто не можетъ помѣшать ему переписываться съ Линой и выражать въ письмахъ все то, что онъ хотѣлъ бы сказать ей на словахъ...

Въ Касселѣ все шло по старому. Но едва кончился судъ надъ участниками возстанія, какъ начались студенческіе беспорядки въ Галле и Марбургѣ. Разгнѣванный король призвалъ къ себѣ министра просвѣщенія Миллера и, осыпая его упреками, за упорную защиту университетовъ, рѣзко сказалъ ему: «*Toutes vos universités ne valent rien, je les brulerai toutes!*»

Миллеръ молча выслушалъ выговоръ короля и удалился съ почтительнымъ поклономъ; но сцена эта настолько потрясла его, что онъ слегъ въ постель. Французскій посланникъ поспѣшилъ къ Герониму, чтобы сообщить ему объ этомъ и напомнить, что онъ можетъ навлечь на себя гнѣвъ Наполеона, въ случаѣ смерти знаменитаго историка, который пользовался особеннымъ уваженіемъ императора. Но въ это время французскія войска были разбиты при Аспернѣ, и Наполеонъ былъ настолько занятъ этимъ событіемъ, что кончина Миллера прошла для него незамѣтно.

Въ Марбургъ и Галле были посланы войска для прекращенія беспорядковъ. Главные зачинщики были захвачены, и въ томъ числѣ лейтенантъ Эммерихъ: онъ былъ приговоренъ и разстрѣлянъ на мѣстѣ.

Вскорѣ затѣмъ умеръ отъ насильственной смерти бывшій военный министръ Моріо, занимавшій въ это время должность оберъ-шталмейстера при вестфальскомъ дворѣ. Онъ такъ грубо обращался съ подчиненными и такъ щедро награждалъ ихъ побоями и ударами хлыста, что одинъ изъ нихъ рѣшился отомстить ему и, выждавъ удобный моментъ, убилъ его наповаль выстрѣломъ изъ ружья. Король почтилъ великолѣпными похоронами своего любимца; Блангини сочинилъ для этого торжественнаго случая новый погребальный маршъ; министръ Симсонъ говорилъ надгробную рѣчь, въ которой перечислилъ рѣдкія достоинства умершаго.

Противникамъ Бюлова удалось, наконецъ, оклеветать его передъ Геронимомъ, который послалъ ему черезъ Бонгара приказъ немедленно оставить Кассель и отправиться въ свое брауншвейгское помѣстье Эшенроде. Бюловъ выѣхалъ изъ вестфальской столицы подъ охраной жандармовъ. Толпа горожанъ проводила его до городскихъ воротъ; всѣ старанія полиціи разогнать ее оказались напрасными; многіе громко выражали свои сожалѣнія объ отставкѣ

почтеннаго министра финансовъ. Германъ, не задумываясь, отказался отъ занимаемой имъ должности «inspecteur des éconômats» и послѣдовалъ за своими друзьями въ Эшенроде. Графъ Бюловъ хлопоталъ для него профессорскую каѳедру въ Берлинскомъ университетѣ.

УКАЗАТЕЛЬ¹⁾

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ „ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1887 г.

А.

Абаза, В. А. *Его статья: „Посольство въ Швецію въ 1873 г.“*, т. XXVIII, стр. 316—333.

Абамелень, кн., генераль, т. XXVIII, стр. 454—455.

Аббасъ-Мирза, персидскій принцъ, т. XXX, стр. 437—439.

Абердинъ, англійскій министръ, т. XXVII, стр. 426—433, 438; XXVIII, стр. 457, 459.

Авдѣева, Е. А., рожд. Полева, т. XXVII, стр. 41.

Аверниевъ, Д. В., писатель, т. XXVIII, стр. 399.

Авраамій, старецъ Макарьевского монастыря, т. XXVIII, стр. 618.

Аврамовъ, Мих. Петр., директоръ петербургской типографіи, т. XXVIII, стр. 269, 271, 275, 276.

Адашевъ, Алексѣй, окольникій, т. XXX, нояб. прил. стр. 17, 18.

Адлербергъ, гр. А. В., генераль-адъютантъ, министръ императорскаго двора, т. XXX, стр. 379, 381.

Адоуровъ, В. Евд., академикъ, т. XXIX, стр. 558—559.

Айвазовскій, Из. Конст., художникъ. Его *эбелей*, т. XXX, стр. 493.

Анатовъ, А. Ѳ., препода. рус. языка, т. XXX, стр. 397.

Аксановы:
— И. С., публицистъ, т. XXVIII, стр. 654—655.

— С. Т., писатель, т. XXVIII, стр. 34, 181, 190, 307, 314—315.

Аксеновъ, бѣлевскій маркитантъ, т. XXIX, стр. 378.

Алабинъ, П. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Трехвѣковая годовщина города Самары (1586—1886)“*, т. XXVIII, стр. 699—700.

Александровъ, Д. С., братъ А. П. Бородина, т. XXVIII, стр. 138—146, 154.

Александръ I Павловичъ, императоръ всероссійскій, т. XXVII, стр. 72—73, 80, 83—85, 87, 89, 92—93, 267; т. XXVIII, стр. 62, 541, 544; т. XXIX, стр. 181—184, 351, 354—356, 362—364, 366, 608, 631; т. XXX, 87, 97, 99, 102, 109, 211—212, 417—418, 441, ноябрь, прил. стр. 42,—стр. 287—291.

— II Николаевичъ, императоръ всероссійскій, т. XXVII, стр. 64, 124—125, 379—380, 390, 392, 421, 442—443; т. XXVIII, стр. 79, 84, 231, 317, 318, 331—

¹⁾ Въ настоящій „Указатель“ не включены фамиліи писателей, упоминаемыхъ въ четвертомъ выпускѣ „Обзора жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, приложенномъ къ декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, на томъ основаніи, что всѣ эти фамиліи расположены въ „Обзорѣ“ въ алфавитномъ порядкѣ.

- 333, 348, 678 — 679; т. XXIX, стр. 10, 11, 171, 182, 572 — 573, 578; т. XXX, стр. 371, 377—383, 452, 534, 648—662; нояб. прил. стр. 53—56.
- III Александровичъ, императоръ всероссійскій, т. XXVII, стр. 604.
- Александръ Баттенбергъ, бывший князь болгарскій, т. XXVII, стр. 418—424.
- Александръ Ярославичъ Невскій, св., в. кн., т. XXVII, стр. 590.
- Александра Павловна, великая княжна, т. XXX, стр. 95—106.
- Феодорова, русская императрица, т. XXVII, стр. 85, 368, 370, 383; т. XXVIII, стр. 452, 453; т. XXIX, стр. 9; т. XXX, стр. 49, 453, 592.
- Аленскій Михайловичъ, царь всероссійскій, т. XXVIII, стр. 260, 263, 281; т. XXX, ноябрь, прил. стр. 12, 15, 16, 20.
- Петровичъ, царевичъ, т. XXVIII, стр. 268, 280, 282.
- Алимпій, архимандритъ Солотчинскаго мон., т. XXVII, стр. 251.
- Али-Шахъ-Мирза, сынъ персидскаго шаха Фетхъ-Али, т. XXX, стр. 431—432.
- Альбертъ, принцъ Саксенъ-Кобургскій, супругъ королевы Викторіи, т. XXIX, стр. 190, 192; т. XXX, стр. 607—609.
- принцъ саксонскій, т. XXVIII, стр. 450, 451—453.
- Альбрехтъ, Е. *Библиографическая записка о его брошюрѣ: „Прошлое и настоящее оркестра“. Очеркъ соціальнаго положенія музыкантовъ*, т. XXVII, стр. 698—699.
- Альмедингенъ, Е. Н., писательница. *Ея некрологъ*, т. XXVII, стр. 722.
- Альфонсъ XII, король испанскій, т. XXIX, стр. 341—342.
- Амвросій, архіеп. екатеринославскій, херсонскій и тавричскій, т. XXVIII, стр. 635.
- Зергисъ-Каменскій, еп. переяславскій, архіеп. московскій, т. XXVII, стр. 130—136.
- Анастасевичъ, В. Гр., пензоръ, библіографъ, т. XXVIII, стр. 308—311, 313.
- Андрашъ, гр., австрійскій министръ, т. XXVIII, стр. 668.
- Андре-де, баронъ, управл. дѣл. с.-петерб. франц. мисси, т. XXX, стр. 593, 596, 602, 604.
- Андреевскій, А. А. *Библиографическая записка о его книгѣ: „Матеріалы для истории Южно-Русскаго края въ XVIII стол. (1715—1774), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кievскаго архива*, т. XXVII, стр. 216—217.
- Андреевъ, В. А., издатель „Московскаго Наблюдателя“, т. XXIX, стр. 509.
- П. *Библиографическія замѣтки о его переводѣ „Всеобщей исторіи“ Георга Вебера. О томъ четвертомъ т. XXVII, стр. 458—459. О томъ пятомъ, т. XXVIII, стр. 471—472. О томъ шестомъ, т. XXIX, стр. 660—662. О томъ седьмомъ, т. XXX, стр. 734—736.*
- Андрей Александровичъ, кн. городецкій, в. князь, т. XXVII, стр. 590.
- Андріевичъ, В. К. *Библиографическая записка о его книгѣ: „Историческій очеркъ Сибири, т. III. Періодъ отъ 1742—1762 г.“*, т. XXX, стр. 744.
- Андронинъ, архимандритъ Солотчинскаго мон., т. XXVII, стр. 244—245.
- Андросовъ, Вас. Анд., т. XXVII, стр. 296, 298.
- Аниерстремъ, убіица швед. короля Густава III, т. XXVIII, стр. 328.
- Аничковъ, Александръ, уфимскій воевода, т. XXIX, стр. 240, 242.
- Анна Іоанновна, императрица всероссійская, т. XXVIII, стр. 282, 284; т. XXIX, стр. 551.
- Анненковы:
- И. В., ген.-адъютантъ. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 470—471.
- Петръ Авр., курскій помѣщикъ, т. XXVII, стр. 269—271.
- Пав. Вас., писатель, т. XXVII, стр. 407—411, 678—679; т. XXVIII, стр. 240, 297, 300, 656—659; т. XXIX, стр. 48—49. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 237—238.
- Антоній, дьяконъ Вязем. Предтечева мон., т. XXIX, стр. 92, 95, 99, 103—105, 118.
- Антоновичъ, В. Б., профессоръ Киевскаго унив. о его археологическихъ занятіяхъ, т. XXIX, стр. 689, 691.
- Антоновъ, А. А. *Его статья: „Четверть вѣка назадъ“*, т. XXX, стр. 364—393, 637—663.
- И. А., мировой посредникъ Харьковской губ., т. XXX, стр. 645.
- Апрансинъ, П. Мат., околицкій, казанскій губернаторъ, т. XXIX, стр. 243, 245—247, 251.
- гр., О. Мат., генераль-адмираль, т. XXIX, стр. 245, 248.
- Аранчевъ, гр., А. А., генераль-артилеріи, военный министръ, т. XXIX, стр. 615—616, 618, 619, 640—649; т. XXX, стр. 416—417.
- Араповъ, П. Н., писатель драматическій, т. XXVIII, стр. 33.
- Аргайль, герцогъ. *Библиографическая записка о его книгѣ: Scotland as it was and as it is*, т. XXVIII, стр. 488—489.
- Аристовъ, Левъ, уфимскій воевода, т. XXIX, стр. 240, 242.

- Ариадій:**
 — пономарь, Вазем. Предтечева мон., т. XXIX, стр. 92, 99, 103—105, 118.
 — архимандритъ Солотчинскаго мон., т. XXVII, стр. 249—250.
Ариольдовъ, Ив. Ив., священникъ села Каймарь, т. XXIX, стр. 235.
Арсеній, архим. Святогорской Успенской пустыни, т. XXX, стр. 658.
 — Мацѣвичъ, митр. ростовскій, т. XXVII, стр. 136—143, т. XXV, стр. 247—248.
- Арсеньевы:**
 — А. А. сенаторъ, т. XXVII, стр. 69—72, 74, 349, 357—363, 555.
 — Е. А. бабушка Лермонтова, т. XXVII, стр. 353.
 — П. А. *Его „Воспоминанія“* т. XXVII, стр. 69—81, 344—363, 555—570, т. XXVIII, стр. 68—89. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 237; *уп.* т. XXVIII, стр. 502—504.
Архаровъ, Н. П., петербургскій генералъ-губернаторъ, т. XXX, стр. 412.
Асеннова, драматическая актриса, т. XXIX, стр. 509, 510.
Атанауовичъ, австрійскій ген. консулъ въ Сараевъ, т. XXVIII, стр. 423, 425—426.
Афанасьевъ, Г. Е. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Судьбы Ирландіи*, т. XXX, стр. 475—476.
Афремовъ, И. Ф. Его описаніе кончины имп. Елисаветы Алексѣевны, т. XXX, стр. 442—444.
Ахматовъ, А. П., свиты Е. В. генералъ-майоръ, харьковскій губернаторъ, т. XXX, стр. 383—387, 642—645, 648, 650, 651, 653, 655, 661, 662.
Аванасій, Волховской, архиеп. тверской, т. XXVII, стр. 142.
- В.**
- Базень.** *Библиографическая замѣтка о его диссертацияхъ: „О Ликургѣ“ и La république des Lacedémoniens de Xénophon*, т. XXVII, стр. 706—707.
Баилановъ, Як. П. ген.-лейтенантъ, т. XXVIII, стр. 85.
Балъ-Полева, М. П., см. Нарышкина.
Багратионъ, кн., рожд. Голикова, т. XXVII, стр. 47.
Балаиричевъ, Милій Алексѣевичъ, композиторъ, директоръ придворной пѣвческой капеллы, т. XXVII, стр. 602, 604, 610, 611—622, т. XXVIII, стр. 151—156, 164; апрѣль, прил. ст. 5, 6, 9, 12, 32—33.
- Бальфуръ, Генрихъ.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Leaves from my chinese scarpbook*, т. XXIX, стр. 687.
Банинъ, А. Н., фабрикантъ ножницъ въ Павловъ, т. XXX, стр. 193.
Бантышъ, А. Ф., харьковскій помѣщикъ, т. XXX, стр. 373.
Бантышъ-Наменскій, Д. Н., тобольскій губернаторъ, писатель, т. XXIX, стр. 549, 553.
Барантъ, французскій посолъ въ Петербургѣ, т. XXX, стр. 587, 592, 593—595, 602—603.
Баранцовъ, гр. А. А., ген.-адъютантъ, товарищъ ген.-фельдцейхмейстера, т. XXVIII, стр. 316—317, 332—333.
Баратаевы:
 — кн., казанск. губернаторъ, т. XXVIII, стр. 101.
 — кн. Анна Ал., рожд. Родионова, т. XXVIII, стр. 101, 120, т. XXIX, стр. 229—230.
Баратынскіе:
 — А. А. рожд. Энгельгардтъ, т. XXIX, стр. 563.
 — Евг. Абр., поэтъ т. XXVIII, стр. 56—58, 299, 301.
 — Зин. Евг., см. Геркенъ.
 — Н. Евг., казанскій землевладѣлецъ, т. XXIX, стр. 235.
Барилай-де-Толли, кн. М. Богд., ген.-фельдмаршалъ, т. XXX, стр. 413—415.
Барсумовы:
 — Ал-дръ Платоновичъ, членъ археографической комиссіи. *Замѣтка о его книгѣ: Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія*, т. XXVII, стр. 452—453.
 — Ив. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Творенія Иннокентія, митрополита Московскаго*, т. XXVIII, стр. 212—214.
Бартевевъ, П. И., издатель „Русскаго Архива“, т. XXVII, стр. 409.
Басовъ, В. П., директоръ 5-й моск. гимназій. *Его некрологъ*, т. XXX, стр. 758.
Батне, Теодоръ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Kulturbilder aus Alt-England*, т. XXIX, стр. 463.
Батушкины:
 — К. Н., поэтъ, т. XXVIII, стр. 640—655.
 — Помпей Н., членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ, т. XXVIII, стр. 640. *Библиографическая замѣтка о его изданіи: Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья*, т. XXVIII, стр. 208—211.

- Баушевъ, А. П., курскій купецъ, т. XXVII, стр. 56—57, 266, 274.
- Бахметевъ, А. Н., харьковскій губ. предводитель дворянства, т. XXX, стр. 376—382, 385, 387, 661—662.
- Бахъ, баронъ, австрійскій министр, т. XXVII, стр. 393.
- Баширицева, Марія. *Библиографическая замѣтка о ея: „Дневникъ“* т. XXIX, стр. 459—460.
- Бгарде-Делабей, авторъ сочиненія „О поземельной собственности крестьянъ“, т. XXIX, стр. 306, 308.
- Безбородио, гр., впол. князь, А. А., дѣйств. тайн. сов. госуд. канцлеръ, т. XXX, стр. 84, 87, 95, 106, 416.
- Безобразовъ, А. М. тамбовскій губернаторъ, т. XXIX, стр. 162—168.
- Безсомынина, Е. А. рожд. Полевая, т. XXIX, стр. 541, 542.
- Безсоновъ, П. А., проф. харьковского университета, т. XXVIII, стр. 512—513.
- Бельяръ, французскій генераль, дипломатъ, т. XXX, стр. 300.
- Бемъ, Е. М., художница, т. XXVIII, стр. 390.
- Бенедетти, французскій посолъ въ Берлинъ, т. XXVIII, стр. 681.
- Беннендорфъ, гр., А. Христофор, ген.-адъютантъ, шефъ-жандармовъ, т. XXIX, стр. 266—269, 273, 280—282, 505, 508, 511—512, 515, т. XXX, стр. 50, 54, 77, 165—172, 335, 336, 339—340.
- Бенуа, Шарль. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „О политикѣ Карла V“*, (La politique de Charles V), т. XXVII, стр. 708.
- Бергъ:**
— Н. В., писатель, т. XXVIII, стр. 654.
— гр. О. О., генераль-фельдмаршалъ, наместникъ царства Польскаго, т. XXVII, стр. 387, т. XXVIII, стр. 334—341.
- Березины:**
— Е. В. капитанъ 1-го ранга, писатель. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 238.
— Ил. Н., проф. С.-Петербургскаго унив. *Его юбилей*, т. XXIX, стр. 224—225.
- Берманъ, Максъ. *Библиографическая замѣтка о его статьѣ: D. I. von Wisin. Eine litterarisch-historische Skizze*, т. XXVIII, стр. 485—486.
- Бергардъ, Р. Б., архитекторъ. *Его некрологъ*, т. XXX, стр. 245—246.
- Берхъ, В. Н. писатель, т. XXIX, 475, 479, 481.
- Бестумевъ, А. А. писатель (Марлянкскій), т. XXVIII, стр. 30, т. XXIX, стр. 45.
- Бестумевъ-Рюминъ, гр. А. П. канцлеръ, т. XXIX, стр. 383, 391, 558.
- Бейстъ, канцлеръ Австрійской имперіи, т. XXVIII, стр. 665—665.
- Бибиковъ, А. Ильичъ, генераль-аншефъ, маршалъ законодательной комиссіи, т. XXVIII, стр. 589, т. XXIX, стр. 305.
- Бильбасовъ, В. А. *Его статья: Наканунѣ Крымской войны. (Изъ „Записокъ“ гр. Фицтулла фонъ-Эзшетда)*, т. XXVIII, стр. 442—466. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Первая политическія письма Екатерины II*, т. XXX, стр. 222—223.
- Бисмаркъ-Шенгаузенъ, князь, германскій госуд. канцлеръ, т. XXVIII, стр. 448—449, 668, 669, 671—674, 678—684.
- Бланвудъ, англійскій докторъ, авторъ книги: A story of Active Service in Foreign Lands. Extracts from letters sent home from the Crimea 1854—1856. *Изъ леченіе изъ нея:* т. XXIX, стр. 427—446.
- Бланнингаель, Е. И. сахарозаводчикъ, т. XXVII, стр. 54.
- Блудова, гр. Ант. Дм. фрейлина имп. Маріи Александровны, т. XXVII, стр. 652.
- Блумфельдъ, лордъ, извлеченіе изъ его „Мемуаровъ“, т. XXIX, стр. 180—187.
- Блюментростъ, Лаврентій, лейбъ-медикъ, т. XXVIII, стр. 712—714.
- Бобринскій гр. А. А. Его сообщ. въ Археолог. Общ., т. XXVIII, стр. 717. Сообщ. въ филолог. общ., т. XXIX, стр. 690—691.
- Бодэ, баронъ, гофмаршалъ, т. XXVIII, стр. 454—455.
- Бодянский, О. М. профессоръ московскаго унив. *Его „Дневникъ“*, т. XXX, стр. 505—537.
- Болтинъ, Ив. Никитичъ, писатель, т. XXIX, стр. 309—310, 312.
- Большановъ, Т. Ф. антикварій, т. XXX, стр. 525.
- Бонмеръ, Евгений. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Histoire des ruzsans*, т. XXIX, стр. 685—686.
- Бородины:**
— А. Порф. профессоръ химіи, композиторъ, т. XXVIII, стр. 137—168, и въ приложеніи къ т. XXVIII, апрѣль. *Его письма*, стр. 1—35.
— Евд. Сер. рожд. Протопопова, т. XXVIII, стр. 149, апр. прил., стр. 10—28.
- Бороздинъ, А. К. *Его статья: Русскій дипломатъ стараго времени*, т. XXX, стр. 205—213. *Библиографическія замѣтки его: Сравнительное языковѣдніе и первобытная исторія.—Лингвистическо-историческія матеріалы для изслѣдованія индогерманской древности.* Д-ра О. Шра-

- дѣра. Перев. съ нѣмецкаго, т. XXVII, стр. 703—704.—Историческое извѣстiе о Верхне-Курморской станціи 1818 года. Евлампія Котельникова, т. XXVIII, стр. 476—477.—Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II, графа Д. А. Толстого, т. XXVIII, стр. 689—691.—Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, издаваемыя братствомъ св. Петра митрополита, подъ редакціей Н. Субботина, т. XXVIII, стр. 698—699.—Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I. Préface de M. Ch. de Mazade, de l'Académie française, т. XXX, стр. 470—475. М. Веневитиновъ. Изъ Воронежской старины, т. XXX, стр. 469—470.—Архивъ князя Воронцова. Книга 33-я. Бумаги государственнаго канцлера Михаила Илларионовича Воронцова (1744—1758), т. XXX, стр. 730—732.
- Борщовъ, С. М.** *Его статья: „Самоубійство генерала Гершгенцвейга“*, т. XXVII, стр. 61—68.
- Ботининъ, С. П.** лейбъ-медикъ, проф. воен.-медич. академіи, т. XXVIII, стр. 151, 152, 399.
- Бравура:**
— Антонъ, итальянецъ, учитель пѣнія, т. XXVII, стр. 345—346.
— Жеромъ, итальянецъ, учитель пѣнія, т. XXVII, стр. 345—346.
- Брадде**, тайн. сов., дир. деп. сельск. хозяйства, т. XXVIII, стр. 195.
- Бранденбургъ, Н. Е.** О его сообщеніи въ Археолог. Обществѣ, т. XXVII, стр. 474.
- Брауны:**
— Джорджъ, англійскій генералъ подъ Севастополемъ, т. XXIX, стр. 435, 437—438, 440.
— Марія. *Библиографическая замѣтка о ея книгѣ: The Icelandic discoveries of America*, т. XXX, стр. 751.
- Брайтъ, Джонъ**, англійскій политическій дѣятель, т. XXIX, стр. 189.
- Бредаль, П. П.** оберъ-гофмейстеръ и министръ Петра III, какъ голштинскаго герцога, т. XXIX, стр. 402.
- Бретейль**, французскій посланникъ въ Петербургъ, т. XXIX, стр. 384—385.
- Брондорфъ**, голштинскій генералъ-аншефъ, т. XXIX, стр. 402.
- Брольмъ**, герцогъ, французскій министръ (Люх. Фил.), т. XXX, стр. 316—319.
- Брунновъ, баронъ** (графъ) Эрнстъ-Филиппъ Ивановичъ, русскій посолъ при великобританскомъ дворѣ, т. XXVII, стр. 105, 109, 438, 442, т. XXVIII, стр. 667, 668, т. XXIX, стр. 189, 191, 193, т. XXX, стр. 308, 607.
- Брюловъ, К. П.** живописецъ, т. XXVII, стр. 355—356.
- Брюсы:**
— Московскій главнокомандующій, т. XXVIII, стр. 585.
— Яковъ Вилимовичъ, президентъ бергъ и мануфактуръ-коллегии, т. XXVIII, стр. 271, т. XXX, ноябрь, приложение, стр. 28, 33.
- Бужинскій, Гаврилъ**, архимандритъ, т. XXVIII, стр. 271, 276.
- Булгановъ, А. Я.** сенаторъ, московскій почт. директоръ, т. XXVII, стр. 363, 569.
- Булдановъ, Мих. Мат.**, глав. директоръ рос.-амер. компаніи, т. XXVII, стр. 58.
- Булгаринъ, Ф. В.** писатель, т. XXVII, стр. 291—292, 295, 529—530, 537, 540, 543—545, т. XXVIII, стр. 64, 65, 66, 560—566, т. XXIX, стр. 50, 56, 58, 288—289, т. XXX, стр. 50, 56, 58, 77, 78, 167—168, 328, 348, 355, 515, 516, 535, 617, 627.
- Буличъ, Н.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разказы по архивнымъ документамъ. Часть первая*, т. XXIX, стр. 668—669.
- Бунны:**
— Ао. Ив. бѣлевскій уѣздн. предв. дворянства, т. XXVII, стр. 114, 116, 117.
— Мих. Анд. дворянинъ, т. XXX, ноябрь, прилож., стр. 19.
- Буоль, гр.**, австрійскій министръ иностр. дѣлъ, т. XXVII, стр. 393, 393, 398, т. XXVIII, стр. 449.
- Бурдинъ, Ф. А.** аргистъ импер. театровъ. *Его некрологъ*: т. XXVIII, стр. 236, *упом.*, т. XXX, стр. 178—179.
- Буржуа, Эмиль.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Neufchatel et la politique prussienne en Franche-Compté, 1702—1718*, т. XXX, стр. 751—752.
- Бурсъе.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Les mœurs polis et la littérature de cour sous Henri II“*, т. XXVII, стр. 708.
- Буславъ, Ф. П.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Народная поэзія. Историческіе очерки*, т. XXVIII, стр. 694.
- Бутеневъ, А.**, завѣдующій русскою миссіей въ Константинополѣ, т. XXVII, стр. 657—658, т. XXVIII, стр. 437.
- Бутми.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Le développement de la constitution et de la société politique en Angleterre*, т. XXIX, стр. 462.
- Бутурлинъ, Ив. Ив.**, стольникъ, одинъ

изъ первыхъ гвардейскихъ офицеровъ, т. XXVIII, стр. 241—242.

Бухвостовъ, С. Л., первый русскій солдатъ, т. XXVIII, стр. 241.

Бынова, Ел. В., рожд. Гоголь, т. XXVII, стр. 307.

Бычковы:

— **Ив. Аѳ.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Бумаги В. А. Жуковского, поступившія въ Императорскую Публичную бібліотеку въ 1884 году, т. XXIX, стр. 447—448, *упом.*, т. XXX, стр. 500.

— **Фед. Аѳ.** *Его статья*: Вякторъ Григорьевичъ Теляковъ, т. XXIX, стр. 5—23. *Его предисловіе и примѣчанія къ „Запискамъ“ Фавье*, т. XXIX, стр. 384—405.

Бѣгичевъ, Д. Н., писатель, воронежскій губернаторъ, т. XXIX, стр. 37—42, 46, т. XXX, стр. 326—327, 626.

Бѣмецій, тверской семинаристъ, т. XXX, стр. 198—204.

Бѣлинскіе:

— **В. Г.**, критикъ, т. XXVII, стр. 403, т. XXVIII, стр. 654, т. XXIX, стр. 35, 62, 287—288, 292—293, 295—297; т. XXX, стр. 58—60.

— **Францискъ**, польскій шляхтичъ, т. XXVII, стр. 470—471.

Бѣлявскій, Ѳ. П., знакомый А. Е. Полеваго, т. XXVII, стр. 47—49, 59.

Бердъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: The Huguenots and Henry of Navarre, т. XXVIII, стр. 227.

Беръ, Поль, французскій министръ, *Замѣтка о его книгѣ*: „Lettres de Kabylie; la politique algérienne“, т. XXVII, стр. 466.

В.

Валуевъ, гр. П. А., министръ внутр. дѣлъ, членъ госуд. совѣта, дѣйств. тайн. совѣтникъ, т. XXVIII, стр. 331.

Вальбергъ, Ив. Ив., ген.-майоръ. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 697.

Вальполь, Робертъ, англ. полит. дѣятель, т. XXX, стр. 718.

Вамбери. *Библиографическія замѣтки о его книгѣ*: Eine Eisenbahn auf dem Sandmeere, т. XXX, стр. 748—749. The story of the nations. Hungary, т. XXX, стр. 751.

Вандаль, Альбертъ, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Une ambassade française en Orient sous Louis XV; la mission du marquis de Velleneuve, т. XXIX, стр. 680—681.

Ванька Каинъ, извѣстный разбойникъ, т. XXIX, стр. 552.

Варансинъ, Ст., помощникъ К. А. Кудрявцева, по управленію Казанью, т. XXIX, стр. 246.

Варгинъ, В. В., поставщикъ комиссаріатскихъ вещей, т. XXX, стр. 71.

Вардъ, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „The reign of Queen Victoria“, т. XXIX, стр. 460—461.

Варлаамъ, Лещевскій, архим. Донскаго монастыря, т. XXVII, стр. 134.

Варсонофій, митр. Сарскій и Подонскій, т. XXIX, стр. 93, 102, 109, 113.

Варыпаевъ, Ѳ. М., фабрикантъ ножей въ Павловѣ, т. XXX, стр. 133—134.

Василій II Темный, великій князь московскій, т. XXVIII, стр. 612.

Василій, игуменъ, основатель Соловьевскаго монастыря, т. XXVII, стр. 241—242.

Васильевы:

— **В. А.** *Его статья*: „Приключенія одной книги“, т. XXX, стр. 664—679.

— **В. П.**, профессоръ С.-Петербургскаго университета. *Его юбилей*, т. XXX, стр. 223—224.

Васильчиковы:

— **А. А.** *Извлеченіе изъ его книгъ*: „Семейство Разумовскихъ“, т. III и IV, т. XXX, стр. 205—213.

— **кн. Т. В.**, см. кн. Голицына.

Васифъ-паша, гердеговинскій губернаторъ, т. XXVII, стр. 646, 648—650.

Веберъ, Георгъ. *Биографическая замѣтка о переводѣ его книгъ*: „Всеобщая исторія“, томъ четвертый, т. XXVII, стр. 458—459. О томъ пятомъ, т. XXVIII, стр. 471—472. О томъ шестомъ, т. XXIX, стр. 660—662. О томъ седьмомъ, т. XXX, стр. 734—736.

Венгеровъ, С. А. *Библиографическая замѣтка о его изданіи*: Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней), т. XXVII, стр. 203—206.

Веллингтонъ, герцогъ Артуръ Воллестлей, кн. ватерлооскій, англійскій министръ, т. XXVII, стр. 91; т. XXIX, стр. 188, 411, 412, 413.

Венеитиновы:

— **Д. В.**, поэтъ, т. XXVIII, стр. 28, 39.

М. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Изъ Воронежской старины, т. XXX, стр. 469—470.

Веніаминъ, митр. казанскій, т. XXVIII, стр. 96—97.

Веселаго, Ѳ. Ѳ., контръ-адмиралъ, т. XXIX, стр. 475, 482, 484.

- Вердеревскіе:**
— В. Евгр., писатель, т. XXVII, стр. 528.
— М. В., см. Шиловская.
- Веренинъ, писатель драматическій, т. XXVIII, стр. 514—517.**
- Верещагинъ, В. Ф., библиотечаръ тверской духовной семинаріи, т. XXX, стр. 201—204.**
- Верне, Горась, живописецъ, т. XXIX, стр. 424—425.**
- Верстовскій, А. Н., композиторъ, т. XXVIII, стр. 33, т. XXIX, стр. 284, 291—292, 510, 518, 521.**
- Вестманъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, т. XXVII, стр. 442**
- Вейнбергъ, колл. совѣтникъ, дипломат. чинов. въ Туркестанѣ, т. XXX, стр. 695—708.**
- Вигель, Ф. Ф., директ. департ. иностр. исповѣданій т. XXX, стр. 518.**
- Винторія, королева англійск., т. XXVIII, стр. 672, т. XXIX, стр. 189—194, т. XXX, стр. 607—609.**
- Виландъ, Евгения. Библиографическая замѣтка о ея переводахъ, сочиненій Л. Н. Толстого, т. XXIX, стр. 684.**
- Вилонъ, англ. повѣренный въ дѣлахъ въ Тегеранѣ, т. XXX, стр. 430—431.**
- Вильманъ, Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Восточные народы и греки. Историческіе разсказы по Геродоту. Переводъ съ нѣмецкаго Ив. Виноградова, т. XXX, стр. 231—232.**
- Вильгельмъ I:**
— Императоръ германскій, т. XXVIII, стр. 671, 679, 681, 684.
— IX, ландграфъ гессенскій, т. XXIX, стр. 408—409.
- Вильсоны:**
— Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Russian lyrics in english verse, т. XXX, стр. 745—746.
— генералъ, начальникъ Александровской мануфактуры, т. XXVIII, стр. 562—563.
- Вимпфенъ. Библиографическая замѣтка о его статьѣ: Devant Sebastopol, т. XXVIII, стр. 485—487.**
- Виноградовъ, В. И., учитель въ селѣ Дуденовѣ, т. XXX, стр. 116.**
- Висноватовъ, составитель „Хроники російской арміи“, т. XXX, стр. 157—158.**
- Виссаріонъ, Никейскій, кардиналъ, т. XXX, стр. 682—693.**
- Виттъ-де, Пьеръ. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: L'invasion prussienne en Hollande en 1787, т. XXVII, стр. 328.**
- Вишневскій, преподаватель Кременецкаго лицея, т. XXIX, стр. 604.**
- Владиміровъ, М. М. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Первое столѣтіе г. Екатеринослава, т. XXX, стр. 743.**
- Владимірскаго-Будановъ, М. Ф. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Обзоръ исторіи русскаго права“. Вып. I-й. Исторія русскаго государственнаго права, т. XXVII, стр. 690—695.**
- Владиславлевъ, издатель „Утренней Зари“, т. XXX, стр. 77.**
- Владынинъ, М. Н., драматическій писатель. Его некрологъ: т. XXVIII, стр. 237.**
- Власовъ, Мих. Ем., астраханскій купецъ, т. XXX, стр. 116.**
- Вогюэ. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Souvenirs et visions, т. XXIX, стр. 216.**
- Воейковъ, А. Ф., писатель, т. XXVII, стр. 531—532, 538, 546, 549; т. XXVIII, стр. 45, 66, 543—544.**
- Волиновъ, Дм. Вас., тайный секретарь Петра III, вполн. сенаторъ, т. XXIX, стр. 396, 398.**
- Волюнскій, кн. Д. М. ген.-лейтенантъ, т. XXVII, стр. 79.**
— Кн. П. М. ген.-фельдмаршалъ, министр императорскаго двора, т. XXVIII, стр. 453—454; т. XXX, стр. 68, 441—442, 445, 446.
- Волченецкая, рожд. Левицкая-Бунина, т. XXVII, стр. 112, 114.**
- Волыинскій, Артемій Петр., казанскій губернаторъ, вполн. кабинетъ-министръ, т. XXIX, стр. 247, 252—253.**
- Вольскій, К. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: La Russie juive, т. XXIX, стр. 213—214.**
- Вольтеръ, Франсуа, Аруз, философъ, писатель, т. XXIX, стр. 306, 307—308, 392.**
- Вольфъ, З., авторъ книги: „Sir Moses Montefiore“. Извлеченіе изъ нея: т. XXVII, стр. 435—443.**
- Вольховская, М. В., рожд. Малиновская, т. XXX, стр. 374.**
- Воронцовы, графы:**
— Анна Карловна, рожд. Скворонская, XXIX, стр. 399.
— Ал. Романовичъ, госуд. канцлеръ, XXIX, стр. 384, 385, 386, 400.
— Ел. Ром., см. Полянская, т. XXIX, стр. 399.
— Мих. Илар., государт. канцлеръ, т. XXIX, стр. 389—392, 398—399, 464. Библиографическая замѣтка о его бумагахъ, изданныхъ въ 33-й книгѣ „Архива кн. Воронцова“, т. XXX, стр. 730—732.

- Впосл. кн. М. С., генер.-фельдмаршалъ, наместникъ Кавказскій, новороссійскій, — ген.-губернаторъ, т. XXVIII, стр. 195, т. XXIX, стр. 9.
- Р. Илар., сенаторъ, генералъ-аншефъ, т. XXVIII, стр. 395, 399, 572, 573.
- Воскресенскій, А. Ил., священникъ, т. XXVII, стр. 351—352.
- Е. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Полтава“*, А. С. Пушкина. Опытъ разбора поэмы, т. XXIX, стр. 673—674.
- Востоковъ, А. А. *Его статья: Литературная дѣятельность Н. В. Калачова*, т. XXVIII, стр. 401—414. *Волшебный камень*, т. XXIX, стр. 379—383.
- Вронченко, М. П., писатель, т. XXX, стр. 56, 401, 402.
- Вяземскій, князь, П. А., писатель, т. XXVII, стр. 293, 531, 535—538, 543—545, 549, 551, 558; т. XXVIII, стр. 49, 296, 301, 561, 648, 650; т. XXIX, стр. 33, 34, 62; т. XXX, стр. 356.
- Г.**
- Гаазъ, Ф. П., московскій докторъ-фиантропъ, т. XXVII, стр. 350, 567—569; т. XXVIII, стр. 70—71.
- Гавриилъ, митр., С.-Петербургскій, т. XXVII, стр. 36, 142.
- Гаврушиновичъ, И. И., чиновникъ II отд. Канц. Е. И. В., любитель музыки, т. XXVIII, стр. 143—144, 165; стр. 33—34 (апрѣль, особ. пагинаціи).
- Гаджи-Магомедъ-ханъ, начальникъ шахской артиллеріи, т. XXX, стр. 426, 428—429.
- Галаховъ, А. Д., академикъ, т. XXIX, стр. 530.
- Гальперинъ-Наминскій. *Библиографическая замѣтка о его переводѣ: „La mort“* гр. Л. Н. Толстого, т. XXVII, стр. 227; *о переводѣ „Обыкновенной Исторіи“* Гончарова, т. XXIX, стр. 459 *о его книгѣ: Le mouvement littéraire en Russie. A. S. Pouchkine et sa correspondance*, т. XXIX, стр. 211—212.
- Гамильтонъ Сеймуръ, англійскій посланникъ въ Петербургъ, т. XXVII, стр. 393, 426; т. XXVIII, стр. 446—447, 458—459, 461—462. т. XXIX, стр. 189, 193.
- Ганзеръ, Ап. Ал., штабсъ-капитанъ, начальникъ ивандовъ въ Евпаторіи, т. XXIX, стр. 472.
- Ганиа, Вацлавъ, чешскій ученый, т. XXX, стр. 512.
- Ганото. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Etudes historiques sur le XVII et le XVIII siècle en France“*, т. XXVII, стр. 708—709.
- Ганри, Шарль. *Библиографическія замѣтки о его книгѣ: Lettres inédites de mademoiselle de Lespinasse“*, т. XXVII, стр. 464—465. — *Voltaire et le cardinal Quirini. Introduction à la chimie. La vie d'Antoine Watteau. La vérité sur le marquis de Sade*, т. XXIX, стр. 216—218.
- Гарденбергъ, прусскій канцлеръ, т. XXX, стр. 289.
- Гаршинъ, Е. М. *Его статья: „Мартинистъ и филантропъ прошлаго вѣка“*, т. XXIX, стр. 629—639. *Библиографическія замѣтки его: „Записки Отдѣленія русской и славянскій археологій императорскаго русскаго археологическаго Общества“*, т. XXIX, стр. 207—208. „Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества“. „Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона за 1725 г. напечат. подъ наблюд. Т. Ф. Штандмана, т. XXIX, стр. 210. „Седмицы польскаго мятежа 1861—1864 г. историческая монографія въ двухъ частяхъ“ Н. И. Павлицева, т. XXIX, стр. 455. „Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества“, т. 57. „Политическая переписка императрицы Екатерины II, часть III. (Изд. подъ набл. бар. Ф. А. Бюлера при участіи В. А. Уляницкаго), т. XXIX, стр. 674—675. „Восточные народы и греки. Историческіе рассказы по Геродоту“, Ив. Виноградова, т. XXX, стр. 231—232. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Отчеты о засѣданіяхъ императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1885—1886 г.“*, т. XXIX, стр. 208—209. *Замѣтка о его рефератѣ въ Филолог. Общ.*, т. XXVII, стр. 718.
- Гассенсгамъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Geschichte Irlands von der Reformation bis zu seiner Union mit England*, т. XXVII, стр. 230.
- Гастеръ, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Ilchester lectures on greco-slavonic literature and its relation to the folk lore of Europe during the middle age“*, т. XXX, стр. 748.
- Гауке, гр. Юсифъ, генеральный квартирмейстеръ царства Польскаго, т. XXVII, стр. 420.
- Гр. Людвигъ, статсъ-референдарій царства Польскаго, т. XXVII, стр. 420.
- Гр. Маврикій, военный министръ царства Польскаго, т. XXVII, стр. 419—422.
- Графиня, фрейлина импер. Александры Феодоровны, впосл. гр. Баттенбергъ, т. XXVII, стр. 421, 422.
- Ганото. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Etudes historiques sur le*

- Гауцъ, венгерскій цыганъ, брадобрѣй, предокъ Баттенберга, т. XXVII, стр. 419.
- *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Die Bischofswahlen unter der Meowingern*, т. XXVIII, стр. 225.
- Гацисскій, А. С. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Нижегородскій летописецъ“*, т. XXVIII, стр. 691—692.
- Геделингъ, гр. Роксана Скарлатовна, рожд. Стурдза, т. XXIX, стр. 17, 20.
- Гедеоновъ, С. А., директоръ театровъ, XXVIII, стр. 158—160.
- Генигъ, Фрицъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Oliver Cromwell“*, т. XXVIII, стр. 706—707.
- Георгій Дашковъ, архіеп. ростовскій, т. XXIX, стр. 252, 254—255.
- Георгъ, принцъ голштинскій, дядя Петра III, т. XXIX стр. 403.
- Гербель, Н. В., писатель, т. XXVII, стр. 678—681; т. XXVIII, стр. 239—240.
- Герберштейнъ, баронъ Сигизмундъ, царскій посолъ въ Россіи, т. XXX, нояб. прил., стр. 17.
- Гердъ, И. *Его статья: Первая въ Россіи ланкаотерская школа*, т. XXIX, стр. 650—656.
- Гердъ, Я. И., педагогъ, т. XXIX, стр. 650—656.
- Гернень, Зин. Евг., рожд. Баратынская, т. XXIX, стр. 235.
- Германъ, архим. Святогорскаго Успенскаго монастыря, т. XXX, стр. 375, 658, 659, 660.
- Герценъ, А. И., писатель, т. XXX, стр. 173, 718—719.
- Герштенцвейгъ, А. Д., ген.-адъютантъ, варшавскій ген.-губернаторъ, т. XXVII, стр. 61—68.
- Гёте, Вольфгангъ, поэтъ, т. XXIX, стр. 407.
- Гейденъ, гр. Лог. Лог., директоръ инспект. деп. Морскаго министерства, т. XXX, стр. 673.
- Гейнцманъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: The Bankruptcy of India* by Н. Hundman, т. XXVII, стр. 713.
- Гейфельдеръ. *Библиографическая замѣтка о его статьяхъ: Litteraturbericht aus Russland*, т. XXVIII, стр. 486—487; т. XXIX, стр. 457—459.
- Гибнеръ, Яганъ, авторъ „Земноводнаго круга“, т. XXX, стр. 454—464.
- Гизо, Франсуа, французскій министръ, историкъ, т. XXX, стр. 321, 585—612.
- Гильфердингъ, А. Ф., извѣстный славасть, т. XXVII, стр. 643, 647—660, т. XXVIII, стр. 415—441, т. XXX, стр. 522—523.
- Гилровъ-Платоновъ, Н. П. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Изъ пе-*
- режитаго. Автобиографическія воспоминанія*, т. XXIX, стр. 452—454. *Его некрологъ*, т. XXX, стр. 759—760.
- Гирдъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: The russian church and russian dissent*, т. XXVIII, стр. 703.
- Гирсъ, Д. К., писатель. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 237.
- Гладной, Никита, стрѣлецкій пятидесятникъ, т. XXX, стр. 147.
- Гладстонъ, англ. полит. дѣятель. *Библиографическая замѣтка о его изданіи: The history of 1852—1860 and Grewilles latest journals*, т. XXVIII, стр. 707—708.
- Глазуновъ, И. П., купецъ, книгопродавецъ, т. XXIX, стр. 480.
- Глинна:
- Е. И. рождени. Панова, т. XXVII, стр. 354.
- Л. И. См. Шестакова.
- М. И., композиторъ. *Библиографическая замѣтка о его: Запискахъ и перепискѣ съ родными*, т. XXVII, стр. 453—456. Упом. т. XXVII, стр. 354—357, 607, 608.
- С. Н., писатель, цензоръ, т. XXVII, стр. 267, 291, 293, 541, т. XXVIII, стр. 638—554, т. XXIX, стр. 19, 277—278, 549, т. XXX, стр. 328, 355, 356.
- Ф. Н., поэтъ, т. XXVIII, стр. 541.
- Глинскіе:
- Б. Б. *Библиографическія замѣтки его: „Обзоръ исторія русскаго права“*, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, т. XXVII, стр. 690—695. Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи сравнительно съ государственными правомъ Западной Европы, ч. I. Основныя государственныя законы. А. В. Романовича-Славатинскаго, т. XXVIII, стр. 216—217.
- Кн. М. В., конюшій, т. XXX, нояб. прил., стр. 7.
- Гловацкій, Степанъ, учитель казанской духовной семинаріи, т. XXIX, стр. 256—257.
- Глѣбовы:
- А. И., генераль-прокуроръ, генераль-крюгъ-коммиссаръ, т. XXIX, стр. 401.
- М. С., рожд. гр. Гендрикова, т. XXIX, стр. 401.
- Гитдичъ, Н. И., писатель, т. XXVIII, стр. 646, 651, 652.
- Гобаръ-паша, главнѣйшій командиръ турецкаго флота, т. XXVII, стр. 188—202.
- Говоровъ, А. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ*, т. XXVIII, стр. 692—694.

- Гогартъ, Вильямъ, англ. художникъ, т. XXX, стр. 725—726.**
- Гоголь:**
- А. В., т. XXVII, стр. 302, 304.
  - Ел. Вас., см. Быкова.
  - Н. В., писатель, т. XXVII, стр. 302—307, 570, т. XXVIII, стр. 169—186, 187—191, 646—647; т. XXIX, стр. 158—161; т. XXX, стр. 77, 516—517, 524—525.
- Годметъ, Брайлей. О его критикѣ произведеній Достоевскаго, т. XXX, стр. 747—748.**
- Голенищевы-Кутузовы:**
- Ив. Лог., вице-адмиралъ, начальникъ Морского корпуса, т. XXIX, стр. 478, 480, 483.
  - Кн. Смоленскій, Мих. Илларионовичъ, ген.-фельдмаршалъ, т. XXIX, стр. 467—468.
- Голиновъ, И. Илларионовичъ, Иркутскій богачъ т. XXVII, стр. 36.**
- Ив. Никит., т. XXVIII, стр. 53.
- Голицыны, князья:**
- Александра Бор., см. кн. Мещерская.
  - Александра П. рожд. Протасова, т. XXX, стр. 92.
  - Александръ Бор., т. XXX, стр. 83.
  - Александръ Мих., вице-канцлеръ, оберъ-камергеръ, т. XXIX, стр. 398—399, т. XXX, стр. 82—109.
  - Александръ Мих., сынъ Мих. Мих. т. XXX, стр. 96.
  - Александръ Никол., министръ [народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, т. XXIX, стр. 604—605, 608, т. XXX, стр. 339—340, 344.
  - Алексѣй Андр., шталмейстеръ тайн. совѣтника, дѣйств. камергеръ, т. XXX, стр. 83, 90, 92, 94, 95, 108.
  - Алексѣй Вас., бояринъ, т. XXX, стр. 150.
  - Алексѣй Фед., т. XXX, стр. 617.
  - Андрей Бор., т. XXX, стр. 83.
  - Андрей Мих., т. XXX, стр. 82.
  - Анна Александровна, рожд. кн. Грузинская. Ея „Письма“ т. XXX, стр. 82—109.
  - Анна В., рожд. Ланская, т. XXX, стр. 83.
  - Бор. Александр., ген.-лейтенантъ, т. XXX, стр. 83—109.
  - Бор. Алексѣевичъ, кравчій, бояринъ, т. XXVIII, стр. 242, XXIX стр. 237, т. XXX, стр. 149, 150, 162.
  - В. В., бояринъ, т. XXX, стр. 149, 150, 156—157, 164, нояб. прил. стр. 15, 25.
  - Вас. Мих., капитанъ поручикъ, т. XXIX, стр. 560.
  - Вар. С., рожд. Шереметева, т. XXX, стр. 83.
  - Вар. Ф., рожд. Пешманъ, т. XXX, стр. 83.
  - Дм. Вл., Московскій генералъ-губернаторъ, т. XXVII, стр. 349—350, 360—363, 557—558, т. XXVIII, стр. 37, 65—66, 79—82, 304—305, т. XXIX, стр. 46—47, 264.
  - Дм. Мих., ген.-фельдмаршалъ, сенаторъ. дѣйств. тайн. сов. т. XXVIII, стр. 282.
  - Е. А., рожд. Салтыкова, т. XXX, стр. 83.
  - Е. Б., см. кн. Куракина.
  - Мар. Алексѣевна, рожд. Татищева. т. XXIX, стр. 560.
  - Мих. Андр., камергеръ, тайн. сов. т. XXX, стр. 83, 84, 92, 94, 106.
  - Мих. Мих., гофмейстеръ в. к. Елены Павловны, т. XXX, стр. 96.
  - Н. Б., т. XXX, стр. 83.
  - Н. Ф., рожд. Ахвердова, т. XXX, стр. 83.
  - Н. Ф., рожд. кн. Шаховская, т. XXX, стр. 96.
  - Ник. Ник. *Библиографическая Замѣтка о его книгѣ: Lettre au „Figaro“ en réponse à un article, ayant titre théorique de Katkoff, т. XXX, стр. 236—238.*
  - Прасковья Андреевна, рожд. гр. Шувалова, т. XXX, стр. 84, 90, 92, 94—95, 99.
  - Соф. Бор., см. Полторацкая.
  - Сер. Мих. дѣйств. тайн. сов., т. XXVIII, стр. 82—84, 455—456, 544—545.
  - Тат. Бор., см. Потемкина.
  - Тат. Вас., рожд. кн. Васильчикова. т. XXVIII, стр. 81.
- Головины:**
- Автономъ Мих., генералъ, т. XXX, стр. 154.
  - гр. Николай, масовъ, т. XXVIII, стр. 572.
  - гр. Ф. А., адмиралъ, т. XXIX стр. 241.
- Головинны:**
- Гр. Ю. А. оберъ-камергеръ, посолъ въ Китаѣ, т. XXVII, стр. 37.
  - Гавр. Ив., сенаторъ, т. XXX, ноябрь. прилож. стр. 28.
- Головино, Конст. Горл., запорожскій кошевой атаманъ, т. XXIX, стр. 126—129.**
- Головницковъ, К. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища (1803—1886), т. XXVIII, стр. 467—471.**

- Голохвастовъ, П. Д.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго*, т. XXVII, стр. 213—215.
- Голуховскій, Юсифъ Ив.**, профессоръ Виленскаго университета, т. XXIХ. стр. 603—619.
- Голышевъ, И. А.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Константинъ Никитичъ Тихонравовъ*, т. XXX, 732—733.—Тамъ же, *замѣтка о юбилей его*.
- Гольдштейнъ, Эд. Юл.** *пѣвчество, его некрологъ*, т. XXIХ. стр. 696.
- Гольмъ, Адольфъ.** *Замѣтка о его книгѣ: „Griechische Deschichte“* т. XXVII, стр. 467.
- Гонимъ, маркизъ.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Travels, sport and politeness in East of Europe*, т. XXVIII, стр. 487.
- Гордонъ, Патрикъ, генералъ** т. XXX, стр. 150, 151, 154, 155.
- Горнштейнъ.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: La crémation devant l'histoire, la science et le christianisme*, т. XXVII стр. 228.
- Городецкий, Митр. Ив.** *Его статья: Памятники древняго православія въ Мазовецкомъ уѣздѣ*, т. XXVII, стр. 130—141. *Библиографическія замѣтки его: Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый комиссіей, для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кievскомъ, подольскомъ и волыньскомъ генераль-губернаторѣ*. Ч. VII. т. I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи, т. XXX, стр. 226—229. О началѣ христіанства въ Польшѣ, изданіе Кіевской археологической комиссіи, т. XXX, стр. 477—478. Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. Составилъ метрикантъ С. Л. Пташицкій, т. XXX, стр. 738—740.
- Гороховскій, Маркъ Ив.**, кол. сов., совѣтникъ Тамбовской-казенной палаты, поджигатель. т. XXVI, стр. 162—168.
- Горскій, ссыльный полякъ, учитель Н. А. Полеваго**, т. XXVI, стр. 60.
- Горчаковы:**
— кн. А. М., государственный канцлеръ, т. XXVII, стр. 372, 378, 398—400, 654. т. XXVIII, стр. 338, 669, 671, 674, 675, 679, 681, 682.
— кн. В. Н., ссыльный, учившій Н. А. Полеваго, т. XXVII, стр. 46.
— кн. М. Д., ген.-адъютантъ, ген.-отъинфантеріи, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, т. XXVII, стр. 397, 400, 401.
- Готовцевы:**
— М. И., тетка Ю. В. Жадовской, т. XXX, стр. 395, 396, 402.
— Юс. П., т. XXX, стр. 402—403.
- Наст. П. бабка Ю. В. Жадовской, т. XXX, стр. 395, 396.
- Грабовскій, гр. мин. духов. дѣлъ и проsvщенія царства Польскаго**, т. XXIХ, стр. 604.
- Грантъ, през. Сѣв.-ам. шт.** *Библиографическая замѣтка о его: „Межуарахъ“* т. XXVII, стр. 228—229.
- Гранъ-Нартере.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: La France jugée par l'Allemagne* т. XXVII, стр. 709—710.
- Гревиль, Карлъ.** *Извлеченіе изъ его межуаровъ*, т. XXIХ. стр. 187—195.
- Гревиль, Генрихъ.** *Библиографическая замѣтка о его романъ: Nicanor*, т. XXX, стр. 482—483.
- Гречъ, Н. И.** писатель, т. XXVII, стр. 291—292, 529—531, 538, 540, 544—545; т. XXVIII, стр. 60, 64—66, 295, 544, 560—566; т. XXIХ. стр. 179, 425, 515, 517, 519, 535; т. XXX, 56. 63, 167—168, 337, 343—344, 349. 617.
- Грибоѣдовы:**
— А. С. писатель, т. XXVIII, стр. 564, 566, 567.
— И. А. столыникъ, т. XXIХ, стр. 114.
- Григорій XVI, папа**, т. XXIХ, стр. 15.
- Григоровичъ, В. И.**, профессоръ-славистъ, т. XXX, стр. 507, 513.
- Д. В., писатель, т. XXVIII, стр. 89.
- І. С. казанскій дворянинъ, т. XXVIII, стр. 124, 133.
- Григорьевы:**
— Апол. А., критикъ литературный, т. XXIХ, стр. 157.
— П. И., актеръ-писатель, т. XXX, стр. 174—175.
— Я. И., учитель, писатель. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 499.
- Грове, англичанинъ, альпинистъ, авторъ книгъ: „Холодный Кавказъ“**, т. XXVIII, стр. 344—345.
- Громанъ, Жоржъ.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: La mission de Sémonville à Constantinople, 1792—1793*, т. XXIХ, стр. 682—683.
- Гроссъ, Андр. Леонт.**, посолъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Варшавѣ, Лондонѣ, т. XXIХ, стр. 397—398, 403—404.
- Гротъ, К. Я.**, *Библиографическая замѣтка о его брошюрѣ: Лондонскія замѣтки. Славянскія рукописи Британскаго музея. Славистика въ Англіи*, т. XXVIII, стр. 482.
- Губеръ, Эд. Ив.**, писатель, т. XXIХ, стр. 521, т. XXX, стр. 401.
- Гуль, Теодоръ, англ. писатель**, т. XXX, стр. 720.
- Гунне, О. К.** преподаватель музыкальной теоріи, т. XXVIII, стр. 144.
- Гурьевъ, гр., Дмитр. Александр., дѣйст.**

тайн. сов., министр финансов, членъ госуд. совѣта, т. XXIX, стр. 172—173, 364—365.

Густавы: I, Ваза, шведскій король, т. XXX, стр. 137—140.

— IV, шведскій король, т. XXX, стр. 94—107.

Гутмонсталь-Бенвенути, Людвигъ, австрійскій подданный, владѣлецъ села Мишенскаго, т. XXVII, стр. 120—121.

— М. Е., рожд. Зонтагъ, т. XXVII, стр. 116, 120—121.

Гучновъ, Ефимъ, московскій фабрикантъ, городской голова, т. XXVIII, стр. 77.

Д.

Давидъ, архимандритъ Сологичнскаго мон., т. XXVII, стр. 251.

Давыдовичъ, С. Ф. *Его статья*: „Восхождение на Эльбурусъ“, т. XXVIII, стр. 342—379.

Давыдовы:

— Ден. Вас. партизанъ-поэтъ, т. XXIX, стр. 54, 562.

— Ив. Ив., профессоръ московскаго унив., т. XXVIII, стр. 551.

— С. Н., рожд. Чиркова, т. XXIX, стр. 562.

Дандональдъ, лордъ, адмиралъ, т. XXIX, стр. 193.

- Данилевскій, Г. П. *Его статья*: Усадьба Н. В. Гоголя, т. XXVII, стр. 302—307, *упом.*, т. XXX, стр. 517.

Дантесъ-Генквернъ, убійца Пушкина, т. XXIX, стр. 21.

Даргомыжскій, С. А., композиторъ, т. XXVII, стр. 601, 606, 607, т. XXVIII, стр. 156—157.

Дармуа. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: La comedie politique, souvenirs d'un comparse, т. XXVII, стр. 709.

Дашневичъ, ученикъ Лелевеля, т. XXVIII, стр. 303, 305.

Дашнова, Е. Р., статсъ-дама ³Екатерины II, т. XXVIII, стр. 578.

Дебидуръ. *Замѣтка о его книгѣ*: „Etudes critiques sur la révolution, l'empire et la période contemporaine“, т. XXVII, стр. 465.

Девей. *Библиографическая замѣтка о ея книгѣ*: „The life of Rosina, lady Lytton“, т. XXIX, стр. 218—219.

Девисъ, Гартъ. *Библиографическая замѣтка о его переводѣ*: „Стихотвореній Рыльева“, т. XXVIII, стр. 223.

Дейтъ, Бельфордъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „In the name of the Tsar“, т. XXVIII, стр. 483.

Делмъ, Мишель. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „La France jugée par la Russie“, т. XXX, стр. 238.

Дельвигъ, баронъ, А. И., поэтъ, т. XXVIII, стр. 298, 299, т. XXIX, стр. 47, 51, 53—56.

Демидовъ, Н. П., дѣйст. ст. сов., писатель, т. XXVIII, стр. 35—38.

Денисовъ, А. И. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Генералъ-адъютантъ, адмиралъ Николай Андреевичъ Аркасъ, т. XXVIII, стр. 697—698.

Дервишь-паша, командовавшій въ Батумѣ въ 1877 г., т. XXVII, стр. 196, 200.

Державинъ, Гавр. Ром., т. XXVIII, стр. 586.

Дерябинъ, А. Ф., ген.-лейтенантъ, т. XXIX, стр. 652—653.

Джонсъ, англійскій дипломатическій агентъ, т. XXVII, стр. 645—650, т. XXVIII, стр. 422.

Джурновичъ, драгоманъ англ. конс. въ Мостарѣ, т. XXVII, стр. 647—649.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив. ген.-фельдмаршалъ, т. XXX, стр. 300, 301.

Дигби. *Замѣтка о его книгѣ*: „India for the Indians and for England“, т. XXVII, стр. 468—469.

Динъ де-Лоне. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Français et allemands Histoire anecdotique de la guerre de 1870—1871, т. XXVIII, стр. 229—230.

Дилькъ, Чарльсъ. *Библиографическая замѣтка о его статьѣ*: The present position of european politics or Europe in 1887, т. XXX, стр. 483—484.

Диринъ, авторъ „Исторіи Семеновскаго полка“, т. XXX, стр. 155, 159—161, 163.

Дитрихсъ, К. Е., батарейный командиръ артиллер. училища, т. XXIX, стр. 578—581.

Діаннинъ, А. П., адъютантъ-профессоръ воен.-мед. академіи, т. XXVIII, стр. 150—151.

Діонисій:

— сараевскій митрополитъ, т. XXVII, стр. 659—660, т. XXVIII, стр. 422—423.

— тронскій архимандритъ, т. XXVIII, стр. 255.

Димитрій Іоанновичъ, Донскою, в. к. московскій, т. XXVII, стр. 123, 241—243.

Димитрій:

— Св. митр. Ростовскій. *О его „Келейномъ Лѣтоисчислѣ“*, т. XXX, стр. 275.

— Сѣменовъ, ростовскій архіепископъ, т. XXVII, стр. 138.

Димитріевы:

— А. М., сотрудникъ многихъ газетъ и журналовъ. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 721.

- Ив. Ив., писатель, министр юстиціи, т. XXVII, стр. 74—75, 293, 541, 548, т. XXIX, стр. 10, 16.
- М. А., писатель, т. XXVII, стр. 537, 538.
- П. Н., богатъ, т. XXX, стр. 423.
- Дмитріевы-Мамоновы:**
- гр. А. М. генералъ-адъютантъ, фаворитъ Екатерины II, т. XXVII, стр. 357.
- гр. В. А. ген.-майоръ, т. XXVII, стр. 357—363.
- гр. М. А., фрейлина имп. Елисаветы Алексѣевны, т. XXVII, стр. 358—363.
- генералъ-майоръ, т. XXX, ноябрь, прилож. стр. 28.
- Доббергъ, лейбъ-медикъ, т. XXX, стр. 441—445.**
- Добролюбовъ, Н. А., критикъ литературный, т. XXVI, стр. 144—153.**
- Доброславинъ, А. П., профессоръ воен.-мед. академіи, т. XXVIII, стр. 149—150.**
- Добротворскій, Н. А., Ею замѣтка: „Мѣсто погребенія Никиты Пустосвята“, т. XXVII, стр. 233.**
- Доде, Эрнестъ. Библиографическія замѣтки о его книгѣ: Les émigrés et la seconde coalition, т. XXVII, стр. 709, т. XXIX, стр. 684—685.**
- Донучаевъ, В. В. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегород. губ. Естественно-историч. часть. Отчетъ нижегородск. губернскаго земству, т. XXX, стр. 229—230.**
- Долгоруки, князя:**
- Фрейлина императрицы Маріи Александровны, т. XXX, стр. 649, 651, 653—655.
- А. П. рожд. Татищева, т. XXIX, стр. 562.
- Мих. Влад., т. XXIX, стр. 253.
- П. М., майоръ, т. XXIX, стр. 562, т. XXX, стр. 423.
- Князь П. В., писатель, эмигрантъ, т. XXX, стр. 617.
- Домонировъ, отставной гусаръ, т. XXVII, стр. 347—348.**
- Доминія, игуменья, Вязем. Ильинскаго мон., т. XXIX, стр. 97.**
- Достоевскіе:**
- А. Г. рожд. Снитникова, т. XXVII, стр. 571, 574.
- Фед. Мих., писатель, т. XXVII, стр. 571—576, т. XXVIII, стр. 512, т. XXIX, стр. 62, т. XXX, стр. 404. О переводахъ его романовъ на англійскій языкъ, т. XXX, стр. 747—748.
- Дороховъ, Ив. Сем., генералъ-лейтенантъ, т. XXX, стр. 413.**
- Дороновы:**
- Шт.-кап., т. XXVIII, стр. 100.
- Т. И., рожд. Родионова, т. XXVIII, стр. 95, 98, 100, 113, 116—119.
- Дорошевы:**
- Г. П. владѣлецъ дома Бѣлевской богадѣльни, т. XXX, стр. 442, 448.
- Н. И., братъ его, т. XXX, стр. 442, 448.
- Дрошертъ, Ив. Ив. врачъ; его жена „первая женщина врачъ“, т. XXVIII, стр. 710—714.**
- Дубасовъ, И. И. Ею статьи: Тамбовскій Катилина, т. XXVIII, стр. 162—168. Тамбовская холерная смута въ 1830—31 годахъ, т. XXIX, стр. 620—628. О его рефератахъ въ Тамбовской ученой архивной комиссіи, т. XXVII, стр. 475—476.**
- Дубельтъ, Л. В., ген.-лейтенантъ, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, т. XXVIII, стр. 73, т. XXIX, стр. 266, 270—271, 508, т. XXX, стр. 50, 165—179, 335, 337, 340.**
- Дубровинъ, Н. Ф. объ изданныхъ подъ его редакціей „Протоколахъ верховнаго тайнаго совѣта“, т. XXVIII, стр. 199—207.**
- Дюпон, Эрнестъ. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: The great masters of russian literature in the nineteenth century, т. XXX, стр. 745—747.**
- Дьелафуа, Библиографическая замѣтка о ея книгѣ: La Perse, la Chaldée et la Susiane, т. XXVIII, стр. 229.**
- Дьячновъ, А. Н., московскій купецъ, т. XXVIII, стр. 617, 618.**

Е.

- Евгеніи:**
- Епископъ курскій и бѣлгородскій, т. XXVII, стр. 269—270, 273.
- Епископъ тамбовскій, т. XXIX, стр. 622, 627.
- Евдоніи:**
- В. кн. жена Дмитрія Донскаго, т. XXVII, стр. 128.
- Феодоровна, царица, т. XXX, стр. 150, 152.
- Евдонсія, настоятельница раскольничьяго скита, т. XXVII, стр. 308—316.**
- Евреиновъ, В. А. Статья его; „Гражданское винопроизводство въ Россіи“, т. XXX, ноябрь, приложенье, 87 стр.**
- Европеусъ, Ив. Исак., старшій докторъ Новогор. воен. госп. его „Разказы объ Аракчеевѣ“, т. XXIX, стр. 640—649.**
- Евфимій, митр. сарскій и подоискій, т. XXIX, стр. 113, 114, 119, 121.**
- Евфросинія, княгиня рязанская, жена князя Олега, т. XXVII, стр. 242—243.**
- Евфросимъ, архим. Вязем. Предтечева мон., т. XXIX, стр. 121.**

Евсими́й, игуменъ, основатель Сологичинскаго монастыря, т. XXVII, стр. 241—242.

Екатерина Алексѣевна:

— Царевна, сестра Петра I, т. XXIX, стр. 379.

— I, Алексѣевна, императрица, т. XXVIII, стр. 276, 279, 283—284.

— II, Алексѣевна, императрица, т. XXVII, стр. 138, 590—591, 594, т. XXVIII, стр. 95, 96, 537, 578—580, 586, 587, 591—592, 593—595, 599, 633—637, т. XXIX, стр. 80, 337, 354, 547—548, 558, 589, 591, т. XXX, стр. 82, 109, 411—412, 657, 659; ноябрь, прилож., стр. 40, 41, 42, 46.

Елагины:

— А. А., т. XXVIII, стр. 39.

— А. П., т. XXVII, стр. 122, т. XXX, стр. 525.

— Е. И., т. XXVII, стр. 120.

— Ив. Церф., писатель, т. XXVIII, стр. 574—576.

Елена Павловна, великая княгиня, т. XXVIII, стр. 456, т. XXIX, стр. 185.

Елисавета Алексѣевна:

— Императрица, т. XXX, стр. 374, 441—448, 452.

— Петровна, т. XXVIII, стр. 282, 285—286, 574, т. XXIX, стр. 395—397, 551—554, 558, т. XXX, ноябрь, прилож., стр. 37.

Емельяновъ, протоколистъ бѣлевской опеки, владѣлецъ дома Жуковскаго, т. XXVII, стр. 125—126.

Есиповъ, Г. В. *Его статья:* Приворотный корешокъ, т. XXVIII, стр. 660—664. *Его переводъ писемъ кн. А. А. Голицыной*, т. XXX, стр. 82—109. *Его замѣтка:* Подарокъ императора Николая Пушкину, т. XXVII, стр. 470.

Ефремовъ, П. А. библиографъ, писатель, т. XXVII, 409—412.

Ж.

Жадовская, Ю. В., писательница, т. XXX, стр. 394—407.

Жеромъ-Наполеонъ, принцъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* *Napoléon et ses detracteurs*, т. XXX, стр. 486.

Жобаръ, Альфонсъ, французъ-учитель, т. XXVII, стр. 348—349.

Жуновичъ, Пл. *Его статья:* „Сенаторъ Новосильцевъ и профессоръ Голуховскій“, т. XXIX, стр. 603—619.

Жуновскій, В. А. поэтъ, воспитатель наследника цесаревича Александра Николаевича, т. XXVII, стр. 110—126, 531, 535, 541; т. XXVIII, стр. 54, 66, 180,

189, 569, 643, 644, 648, 652; т. XXIX, стр. 9—11, 21, 22, 34, 446—467 (*Открытие памятника ему*); т. XXX, стр. 77, 346, 500—501.

Жюрень де-ла-Гравьеръ, *Замѣтка о его книгѣ:* „*Doria et Barberousse*“, т. XXVII, стр. 465.

З.

Заблюцкій-Десятовскій, А. П., членъ госуд. совѣт., писатель, т. XXVIII, стр. 192—196.

Завадовскій, гр., П. В., д. т. с., мин. нар. проsv. и президентъ деп. законовъ, т. XXX, стр. 84.

Завьяловъ, И. Гавр., фабрикантъ ножей, т. XXX стр. 126.

Загосининъ, М. Н., директоръ московскаго театра, писатель, т. XXVIII, стр. 34, 556. т. XXIX, стр. 284, 521, т. XXX, стр. 515.

Заманскіе:

— В. И., казанскій крестьянинъ, т. XXIX, стр. 235, 256.

— Сер. Ст., казанскій крестьянинъ, т. XXIX, стр. 235, 251, 256, 548—549.

Занревскій, гр., Арс. Анд., московскій ген.-губернаторъ, т. XXVIII, стр. 83, т. XXIX, стр. 37.

Зальца, графъ, оберъ-церемоніймейстеръ шведскаго короля, т. XXVIII, стр. 320—321, 330.

Захаровъ, Иванъ, начальникъ выборнаго солдатскаго полка, т. XXX, стр. 150, 151, 154.

Затрѣвъ, М. И., дядька В. А. Жуковскаго, т. XXVII, стр. 126.

Зеленскій, В. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Русская критическая литература о произведенияхъ А. С. Пушкина. — Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть 2-я, т. XXIX, стр. 675—676.

Зембахъ, баронъ, саксонецъ, зять Несельроде, т. XXVIII, стр. 668—669.

Земмигъ, Германъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* *Die Jungfrau von Orleans und ihre Zeitgenossen*, т. XXVIII, стр. 490—491.

Земцевъ, А. дьякъ, т. XXIX, стр. 93, 102.

Зининъ, Н. Н., академикъ, т. XXVIII, стр. 148, 149, 154.

Зичи, графъ, знатный австріецъ, т. XXVIII, стр. 460—461.

Зитѣвъ, Л. *Его замѣтка:* Первая въ Россіи женщина-врачъ, т. XXVIII, стр. 710—714.

- Золотницкий, Н. И.**, этнографъ, т. XXIX, стр. 258.
- Зонтагъ:**
— А. П., писательница, т. XXVII, стр. 117—118, 121.
— М. Е., см. Гутмонсталь-Бенвенути.
- Зорабъ**, англ. дипломатич. агентъ, т. XXVII, стр. 647.
- Зотовы:**
— В. Р. *Его статьи*: Очеркъ исторіи англійскихъ иллюстрацій, т. XXVII, стр. 159—187. — Литературная прогулка по Темзѣ; т. XXX, стр. 716—726. *Библиографическія замѣтки его*: Двѣ біографіи: Жоржъ Зандъ и Генрихъ Гейне. Публичныя лекціи, читанныя въ Новороссійскомъ университетѣ профессоромъ А. Киричниковымъ, т. XXVII, стр. 451—452. — Прошлое и настоящее оркестра, очеркъ социальнаго положенія музыкантовъ. Е. Альбрехта; т. XXVII, стр. 698—699. — Полное собраніе сочиненій Л. А. Мея; т. XXIX, стр. 198—199. — Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ. Историческій очеркъ Ѳ. Лашкова; т. XXIX, стр. 202—203. — Отчеты о засѣданіяхъ императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1885—1886 году, издавныя Е. М. Гаршинымъ; т. XXIX, стр. 208—209. — Русскіе писатели послѣ Гоголя. — Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Изданіе третье, измѣненное и дополненное, часть II, П. А. Гончаровъ, А. Ѳ. Писемскій, М. Е. Салтыковъ, Л. Н. Толстой; т. XXIX, стр. 449—450. — Всеобщая исторія литературы подъ редакціей профессора А. Киричникова. Тома: XIX XX; т. XXIX, стр. 451—452. — Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Біографическія свѣдѣнія, т. XXIX, стр. 669—670. „Полтава“, А. С. Пушкина. — Опытъ разбора поэмы, составилъ Е. Воскресенскій, т. XXIX, стр. 673—674. — Первые политическія письма Екатерины II, В. А. Бильбасова, т. XXX, стр. 222—223. — Холеный годъ 1830—1831. Историческая монографія, составленная по печатнымъ матеріаламъ и устнымъ разсказамъ современниковъ П. Каратыгинымъ; т. XXX, стр. 232—233. — Судьбы Ирландіи, Г. Е. Афанасьева, т. XXX, стр. 475—476. — Двадцатипятилѣтній юбилей учено-литературной и художественной дѣятельности Ивана Александровича Голышева. — Константинъ Никитичъ Тихомировъ. Составилъ И. Голышевъ, т. XXX, стр. 732—733. *Заграничныя историческія новости*: т. XXVII, стр. 224—232, 460—469, 705—714; т. XXVIII, стр. 222—230, 483—491, 701—709; т. XXIX, стр. 210—219, 456—464, 680—687; т. XXX, стр. 234—241, 480—487, 745—753.
— Гр. Н. И., сенаторъ, т. XXVII, стр. 352, 569.
- Зубовы:**
— Гр. Нат. Ал. рожд. гр. Суворова-Рымникская, княжна Италійская, т. XXX, стр. 89, 92—93, 99.
— Гр. Николай Ал., оберъ-штальмейстеръ, т. XXX, стр. 410.
— Кн. Платонъ Ал., ген.-адъютантъ, генераль-фельдцейхмейстеръ, членъ государственнаго совѣта, т. XXX, стр. 84, 91, 95, 106.

И.

- Ивановскій**, Иги. Акинф., профессоръ, цензоръ, т. XXX, стр. 668, 671.
- Ивановы:**
— А. А., художникъ, т. XXVIII, стр. 385—387.
— Алексѣй, штатный смотритель лапшевскаго уѣзднаго училища, т. XXVIII, стр. 93, 97, 100, 103, 107, 120, 129—130.
Игельстромъ, баронъ, генераль, командовавшій войсками въ Польшѣ, т. XXX, стр. 410, 413.
Игнатій, архимандритъ Солотчинскаго монастыря, т. XXVII, стр. 245—247, 260.
Изабелла II, королева испанская, т. XXX, стр. 608—603.
- Измайловы:**
— А. Е., издатель журнала „Благонамѣренный“, т. XXVII, стр. 549—550.
— Вл. Вас., писатель, цензоръ, т. XXVIII, стр. 538—539.
Иларіонъ, Роголевскій, казанскій архіепископъ, т. XXIX, стр. 254.
Инграмъ, издатель журнала: „Illustrated London News“, т. XXVII, стр. 161, 184.
Ириартъ, Шарль. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Воспоминаніе о соборѣ (Autour d'un concile), созванномъ Піемъ IX въ 1869—1870 году, т. XXVII, стр. 707.
Исаіиій, архимандритъ Солотчинскаго монастыря, т. XXVII, стр. 247—248, 257.
Исаевичъ, П. *Его замѣтка*: „Храмъ въ память бомбардира Никитина“, т. XXVIII, стр. 501—502.
Исановъ, книгопродавецъ, т. XXVIII, стр. 239—240.
Исидоръ, митрополитъ московскій, кардиналъ, т. XXX, стр. 691—693.
И—въ Н. смій. *Его замѣтка*: Могила генерала Панина близъ Кракова, т. XXX, стр. 709—710.

И.

Иоанникий (Утинъ), архимандритъ Солотчинскаго монастыря, т. XXVII, стр. 251—252.

Иоаннъ Алексѣевичъ, царь московскій, т. XXX, стр. 143, 144, 149; ноябрь, приложеніе, стр. 10, 22.

Иоаннъ III, Васильевичъ, великій князь московскій, т. XXX, стр. 680—693; ноябрь, прилож., стр. 17.

Иоаннъ IV, Васильевичъ, Грозный, царь московскій, т. XXVII, стр. 128; т. XXVIII, стр. 251—253; т. XXX, стр. 135—136; ноябрь, прилож., стр. 17, 18.

Иосафъ, архимандритъ Солотчинскаго монастыря, т. XXVII, стр. 250.

Иоганъ Эдзардъ, гр. Острфрисландіи, т. XXX, стр. 137—141.

Ионгъ (Ив. Іевлевъ Молодой) типографчикъ, т. XXVIII, стр. 265.

Ионинъ, секретарь ген. консул. въ Сараявъ, нинѣшній посланникъ въ Бразилію, т. XXVII, стр. 647, 649, 650, 660; т. XXVIII, стр. 431—432.

Иосифъ, Лютгой, уставщикъ Вяземскаго Предтечева мона., т. XXIX, стр. 92, 96, 99, 103—105, 112, 118.

Иосифъ II, императоръ германскій, т. XXVIII, стр. 634, 636.

Иосса, Н. А., горный инженеръ. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 225.

К.

Кавуръ, итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. XXIX, стр. 194—195.

Калачовъ, Н. В., сенаторъ, директоръ, Арх. Мин. юстиціи, писатель, т. XXVIII, стр. 401—414; т. XXX, стр. 163.

Калайдовичъ, К. Ф., писатель, археологъ, т. XXIX, стр. 25.

Калинина, Валерианъ, польскій историкъ. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 479.

Каланины:

— Артемій Ив., фабрикантъ стальныхъ издѣлій въ Павловѣ, т. XXX, стр. 133.

— Ив. Игн., т. XXX, стр. 133.

Каменскій, гр. Н. М., ген.-отъ-кавалеріи, т. XXX, стр. 413.

Каневскій, Я. *Его статья*: Эпизодъ изъ бунта военныхъ поселеній въ 1831 году, т. XXVII, стр. 682—689.

Канкринъ, гр. Егоръ Францовичъ, министръ финансовъ, т. XXVIII, стр. 193, 195, 196; т. XXX, стр. 346.

Канроберъ, французскій генералъ подъ Севастополемъ, т. XXIX, стр. 432, 434, 437.

Каннистъ, И. В., писатель, московскій

губернаторъ, т. XXVII, стр. 569—570; т. XXVIII, стр. 534—537.

Каподистрия, гр. Ив. Ант. министръ иностранныхъ дѣлъ, т. XXX, стр. 289—291.

Карамзинъ, Н. М., историографъ, т. XXVII, стр. 43, 293, 297—298, 541; т. XXVIII, стр. 25, 67, 541—542, 570, 585, 596, 601, 605—606, 611, 643, 648; т. XXIX, стр. 26, 27, 31—34, 51; т. XXX, ноябрь, прилож., стр. 13, 44.

Каратыгины:

— В. А., актеръ, трагическій, т. XXIX, стр. 285, 509, 518, 523, 531—532; т. XXX, стр. 50, 54, 77.

— П. А., актеръ, писатель, т. XXX, стр. 164—165, 174.

— П. П. *Его статья*: Бенкендорфъ и Дубельтъ, т. XXX, соч. 165—179. *Библиографическая заметка о его книгѣ*: Холерный годъ. 1830—1831. Историческая монографія, т. XXX, стр. 232—233.

Карлгофъ, Вильгельмъ Ив., писатель, попечитель Одесскаго учебнаго округа, т. XXIX, стр. 525—526.

Карль:

— X, король французскій, т. XXX, стр. 285, 286, 291, 293, 297, 298.

— XIV, король шведскій, маршалъ Бернадоттъ, т. XXVIII, стр. 326.

— XV, король шведскій, т. XXVIII, стр. 327—328.

Кармалина, Л. И., т. XXVII, стр. 601—607; т. XXVIII, стр. 161, стр. 3—10, (особой пагинаціи, въ апрѣлѣ).

Кармалинъ, Н. Н., генераль-отъ-кавалеріи, членъ военнаго совѣта, т. XXVIII, апрѣль, стр. 3—10 (особ. пагин.).

Карпентье, кассиръ Ротшильда, т. XXIX, стр. 423—424.

Карпинскій, А. Л., проф. инст. сельск. хоз. въ новой Александріи. *Его некрологъ*; т. XXIX, стр. 696.

Карповъ, Н. А., профессоръ С.-Петербургскаго унив. *Библиографическія заметки о его книгахъ*: Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ, т. XXIX, стр. 200—202. Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока, т. XXX, стр. 465—467. *Кастельбамакъ*, генералъ, французскій посланникъ въ Петербургъ, т. XXVIII, стр. 447; т. XXIX, стр. 191.

Катковъ, М. Н., публицистъ. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 1—4 (августъ) особой пагинаціи. *Уломиш*, т. XXX, стр. 534.

Кауфманъ-фонъ, К. П., ген.-адъютантъ, инженеръ-генералъ, турецкаго ген.-губернаторъ, т. XXX, 694.

- Начановскій, Владиміръ. *Библиографическая записка о его книгѣ*: Объ историческомъ значеніи русскаго языка, т. XXVIII, стр. 696—697.
- Начановскій, Мих. Троф., профессоръ Московскаго университета, писатель, т. XXVII, стр. 277—281, 291, 293, 534, 536, 540, 544, 546; т. XXVIII, стр. 55, 67, 550—551, 554—556; т. XXIX, стр. 25.
- Нашинцева, Н. А., знакомый Н. А. Полеваго, т. XXX, стр. 50, 340, 341.
- Нвита, В. А. харьковскій гузди. предводитель дворянства, т. XXX, стр. 662.
- Нель, Эдуардъ, издатель журнала: „Gentleman's Magazine“, т. XXVII, стр. 174.
- Нейтъ, Фр. *Библиографическая записка о его биографіи* Телли, т. XXVIII, стр. 225.
- Нейтъ, Яковъ, масонъ, т. XXVIII, стр. 571—572.
- Нейтъ, англійскій посолъ въ Петербургъ, т. XXIX, стр. 405.
- Нибальчикъ, Т. В. Его сообщ. въ Археолог. Общ., т. XXVIII, стр. 717.
- Ниркоръ, Адамъ Карловичъ, писатель и ученый. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 478—479.
- Нирпичниковъ, А. И. профессоръ Новороссійскаго унив. *Его статья*: „Былыя знаменитости русской литературы“, т. XXIX, стр. 473—503. *Библиографическія записки его*: „Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Томъ четвертый; перевелъ Андреевъ“, т. XXVII, стр. 458—459. „Тикноръ. Исторія испанской литературы. Переводъ съ 4-го англійскаго изданія подъ редакціи Н. И. Стороженка. Томъ II. Изд. К. Т. Солдатенкова“, т. XXVII, стр. 695—697. „Фердинандъ Гергоровіусъ. Исторія Рима въ средніе вѣка. Съ пятого вѣка до шестнадцатаго. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Савина“, т. XXVII, стр. 700—702. „Георгъ Веберъ, Всеобщая исторія, т. 5-й, перев. Андреева“, т. XXVIII, стр. 471—472. То же, томъ шестой, т. XXIX, стр. 660—662. „Теорія поэзіи въ историч. развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Исторія поэзіи. С. Шеврева“, т. XXX, стр. 467—469. „Всеобщая исторія. Георга Вебера. Томъ 7-й, пер. Андреева“, т. XXX, стр. 734—736. *Библиографическія записки о его книгѣ*: Двѣ биографіи: „Жоржъ Зандъ и Генрихъ Гейне“, т. XXVII, стр. 451—452. „Всеобщая исторія литературы. Вып. XIX и XX-й“, т. XXIX, стр. 451—452.
- Нирѣвскіе: И. В., писатель-славянофилъ, т. XXVII, стр. 112; т. XXVIII, стр. 39, 41; т. XXIX, стр. 53—55, 273; т. XXX, стр. 515, 516.
- П. В. славянофилъ, собиратель народныхъ пѣсень, т. XXVIII, стр. 39.
- Ниселевъ, гр. П. Д., посолъ въ Парижѣ, генераль-адъютантъ, министръ государственныхъ имуществъ, т. XXVIII, стр. 192, 196; т. XXX, стр. 588—591, 596—606.
- Илапротъ, Генрихъ-Юлій, ориенталистъ, академикъ, т. XXVII, стр. 37.
- Иларендонъ, лордъ, англійскій министръ, т. XXIX, стр. 189, 193, 194.
- Илеменць, Д. *Библиографическая записка о его книгѣ*: Минусинскій мѣстный публичный музей. Древности Минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ (съ атласомъ), т. XXVIII, стр. 472—474.
- Илейникель, гр. П. А., генераль-адъютантъ, главноуправляющій путей сообщенія, т. XXIX, стр. 645.
- Илодтъ, баронъ М. П., художникъ, т. XXVIII, стр. 248.
- Илоначевъ, Никандръ Николаевичъ, контръ-адмиралъ. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 470.
- Иняжиниъ, Я. Б., драматическій писатель, т. XXVIII, стр. 532.
- Иобоко, Д. Ф. *Библиографическая записка о его брошюрѣ*: „О разработкѣ генеологическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской археологіи“, т. XXVIII, стр. 214—215.
- Новалевскій, Е. П., директоръ азиатскаго департ., т. XXVII, стр. 651, 653, 654; т. XXVIII, стр. 424; т. XXX, стр. 501.
- П. И., проф. Харьковскаго унив. *Библиографическая записка о редактированномъ имъ переводѣ книги*: „Ireland. Психозы въ исторіи“, т. XXIX, стр. 676—678.
- Ф. М., харьковскій мировой посредникъ, т. XXX, стр. 644.
- Новаленскій, Илья Мих., т. XXVII, стр. 350—351.
- Мих. Ив., кураторъ Московскаго университета, т. XXVII, стр. 350—351.
- ал, см. Арсеньева.
- Ногутъ, А. *Библиографическая записка о его книгѣ*: Tragische Primadonnen-Ehen, т. XXX, стр. 487.
- Номуховъ, Алексій Степановичъ, курскій губернаторъ, т. XXVII, стр. 268, 269, 270, 273.
- Нозицій, Г. В., статсъ-секретарь, писатель, т. XXVIII, стр. 597, 598; т. XXIX, стр. 590—601.
- Ноношнинъ, О. О., директоръ московскихъ театровъ, т. XXVII, стр. 556—557; т. XXVIII, стр. 34, 556—558.
- Кокшаровъ, П. И., академикъ. *О его*

- юбилей*, т. XXIX, стр. 469; т. XXX, стр. 329, 343.
- Колбасинъ**, Е. Н. писатель, т. XXIX, стр. 475, 481, 482—484.
- Колениусъ**, бѣлевскій городничій, вполсгачинскій комендантъ, ген.-майоръ, т. XXX, стр. 442, 445, 452.
- Колыны**, Луиза. *Библиографическая записка о ея книжѣ*: Correspondance, т. XXX, стр. 753.
- Колынонь**, французскій желѣзнодорожникъ, т. XXIX, стр. 171.
- Кольриджъ**, Стефанъ. *Библиографическая записка о его романѣ*: Demetrius, т. XXIX, стр. 683.
- Кольцовъ**, А. В. поэтъ, т. XXIX, стр. 531.
- Кольчугинъ**, С. Н. книгопродавецъ, т. XXVIII, стр. 604.
- Константиновъ**, проф. Новороссійскаго университета. *Записка о переводѣ его*—Исторія византийскаго искусства, т. XXVII, стр. 463. Его сообщеніе въ Археологич. Обществѣ, т. XXVIII, стр. 716—717.
- Кони**, А. Ф. *Его статья*: „Космографія Петровскихъ временъ“, т. XXX, стр. 454—464.
- Коновъ**, Баракъ, городъ кавказскій, т. XXVIII, стр. 347—351.
- Магометъ, урядникъ, проводникъ на Эльбурусъ, т. XXVIII, стр. 345—354, 364, 379.
- Константинь Николаевичъ**, великій князь, т. XXVII, стр. 392; т. XXX, стр. 49, 55, 525—526, 534.
- Константинь Павловичъ**, великій князь, цесаревичъ, т. XXVII, стр. 84—87, 419—421; т. XXVIII, стр. 196, 197, т. XXIX, стр. 608; XXX, стр. 84, 86, 88, 96.
- Копіевскій**, Ил. Ф. типографщикъ, т. XXVIII, стр. 264—265.
- Корниловъ**, Ив. П., тайн. сов., членъ совѣта министерства народ. просвѣщенія, т. XXX, стр. 402.
- Корсановъ**, Д. А. профессоръ Казанскаго университета. *Его статья*: Н. А. Кудрявцевъ и его потомство, т. XXIX, стр. 233—260, 547—564. *Записка Поливанова по поводу этой статьи*, т. XXX, стр. 495—498. *Упомин.*, т. XXVIII, стр. 192—194.
- Корфъ**, гр. М. А., директоръ Императорской Публичной Библиотеки, статсъ-секретарь, писатель, т. XXX, стр. 516; ноябрь, прилож. стр. 54—56.
- Бар. Н. Андр., генераль-аншефъ, сенаторъ, генераль-полицеймейстеръ, т. XXIX, стр. 402.
- Косно**, Э. *Библиографическая записка о его книжѣ*: Le complot de Richemont, т. XXVII, стр. 707.
- Костюковъ**, Ф. Н. евапорійскій городничій, т. XXIX, стр. 472.
- Котельниковъ**, Евлампій. *Библиографическая записка о его книжѣ*: „Историческое извѣстіе о Верхне-Курморской станицѣ, 1818 года“, т. XXVII, стр. 476—477.
- Котошихинъ**, Григорій, подъячій по-солскаго приказа, т. XXVII, стр. 256, 257, 260.
- Кочубинскій**, А. А. проф. Новор. ун. *Его статья*: „О. М. Бодянский въ его дневникѣ“, т. XXX, стр. 505—537.
- Кошелевъ**, А. И., писатель-славянофиль, т. XXVIII, стр. 192, 194, 196.
- Нояловичъ**, М. О., профессоръ сиб. духов. академіи. Его рѣчь въ Славянскомъ Общ. т. XXVIII, стр. 715—716.
- Кравченко**, П. П., ген.-лейтенантъ, т. XXVII, стр. 201.
- Краевскій**, А. А. О пятидесятилѣтіи его литературной дѣятельности, т. XXVIII, стр. 719. *Упомин.* т. XXX, стр. 77, 78, 634.
- Крамской**, Ив. Никол., художникъ. *Его біографія*, т. XXVIII, стр. 380—400.
- Соф. Ив., художница, т. XXVIII, стр. 400.
- Крапотинъ**, кн., русскій анархистъ. *Библиографическая записка о его книжѣ*: „In russian and french prisons“, т. XXIX, стр. 462.
- Красильниковъ**, академикъ, т. XXIX, стр. 477.
- Красносѣловъ**, бѣлевскій маркитантъ, т. XXIX, стр. 378.
- Красовскій**, Аверинъ Ив., сотрудникъ „Московскаго Телеграфа“. т. XXVII, стр. 552—553.
- Крашевскій**, Іосифъ-Игнатій, польскій романистъ. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 501.
- Крестовскій**, Вс. Вл. *Записка о его книжѣ*: „Въ гостяхъ у эмира бухарскаго“, т. XXVII, стр. 448—451.
- Крейтонъ**, Мандель. *Библиографическая записка о его книжѣ*: „History of the расу during the reformation“, т. XXIX, стр. 686.
- Кронъ**, А. И., пивоваренный заводчикъ, т. XXIX, стр. 179.
- Крузенштернъ**, адмиралъ, т. XXX, стр. 54—55.
- Крумбахеръ**. *Библиографическая записка о его книжѣ*: „Griechische Reise“, т. XXVIII, стр. 491.
- Крыловъ**, Викт. А., драматургъ. Его юбилей, т. XXX, стр. 494.
- Ив. Андр., баснописецъ, т. XXVIII, стр. 54, 537.

- Исенія Борисовна**, царевна (Годунова), т. XXVII, стр. 590.
- Кудро**, Генрихъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Etudes et voyages en Guyane et Amazonie“, т. XXX, стр. 752—755.
- Кудрявцовы**:
— Александра Неф., схимница, т. XXIX, стр. 551.
— Александръ Никитичъ, т. XXIX, стр. 251.
— Анастасія (Марія) Неф., см. Тащичева.
— Нефедъ Никитичъ, казанскій вице-губернаторъ, т. XXIX, стр. 233, 547—550; т. XXX, стр. 495—497.
— Никита Алферовичъ, казанскій вице-губернаторъ, т. XXIX, стр. 233—250.
— Никита Никитичъ, въ монашествѣ Кирилль, т. XXIX, стр. 251.
- Кузнецовъ**, Е. А., золотопромышленникъ, т. XXVII, стр. 58—59, 60.
- Кузьминъ**, стрѣлецъ Сухарева полка, т. XXX, стр. 147—148.
- Кукольникъ**, Несторъ Вас., писатель, т. XXVII, стр. 355—356; т. XXIX, стр. 262; т. XXX, стр. 50, 56, 57, 337.
- Куликовскій**, Г. И. Его этнографич. экспедиція въ Олоонецкую губ., т. XXVIII, стр. 718.
- Кулминскій**, Гр. Ив., издатель „Благовѣста“, т. XXX, стр. 674.
- Ив. Гр., писатель, т. XXX, стр. 644—679.
- Кулишъ**, Паят. А., т. XXX, стр. 516, 517, 521, 523, 524.
- Куперъ-Им**, англійскій писатель, т. XXVII, стр. 193.
- Купферъ**, академикъ, т. XXVII, стр. 344.
- Куранины**, князья:
— Акс. Фед., рожд. Лопухина, т. XXIX, стр. 557.
— Ал-дръ Б., оберъ-штабмейстеръ, т. XXIX, стр. 557.
— Борись Александровичъ, т. XXIX, стр. 560. А. И., рожд. гр. Панина, т. XXIX, стр. 557.
— Борись Алексѣевичъ, сенаторъ, т. XXX, стр. 83.
— Екат. Бор., рожд. кн. Голицына, т. XXX, стр. 83.
- Курбскій**, кн., Андрей, бояринъ, т. XXVIII, стр. 250.
- Кургановъ**, Н. Г., авторъ „Письмовника“, т. XXIX, стр. 473—503.
- Курочинъ**, Акс. Никит., крѣпостной А. Н. Родионовой, т. XXVIII, стр. 104—106.
- Кутайсовъ**, гр. нижегородскій губернат., т. XXVII, стр. 597.
- Кутейниковъ**, Н. С. *Библиографическія замѣтки его*: „Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забутья“. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2-мя хромолитографіями, 45 гравюрами и картой, т. XXVIII, стр. 208—211. Kwartalnik historyczny. Organ Towarzystwa historycznego pod redakcją Ksawerego Liskego, т. XXVIII, стр. 478—482.
- Кюбенъ**, баронъ, австрійскій министръ финансовъ, т. XXVII, стр. 393.
- Кюм**, П. А., проф. акад. генеральнаго штаба, композиторъ, т. XXVII, стр. 152—153, 155, 159, 164, стр. 5, 7, 9, 12 (апрѣль, особой пагинаціи).
- Кюхельбекеръ**, В. К., писатель, т. XXVII, стр. 301; т. XXIX, стр. 474—475.

Л.

- Лабенскій**, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, т. XXVIII, стр. 445.
- Ладогинъ**, Як., стрѣлецъ, т. XXX, стр. 146—147, 149.
- Лазаревскій**, Ив. Мат., одинъ изъ дѣлателей крестьянской реформы. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 226.
- Лазаревъ**, Иванъ Лазаревичъ, придворный банкиръ Екатерины II, т. XXIX, стр. 336—337.
- Ламанскій**, В. И., профессоръ С.-Петербургскаго унив., т. XXIX, стр. 690.
- Ламбергъ**, гр., І. К., генераль-адъютантъ, т. XXVII, стр. 62, 68, т. XXVIII, стр. 87—89.
- гр., К. К., генераль-адъютантъ, нажѣстникъ царства Польскаго, т. XXVII, стр. 61—68; т. XXVIII, стр. 87—89.
- Ланжеронъ**, гр., А., новороссійскій генераль-губернаторъ, членъ государств. совѣта, т. XXIX, стр. 354, 355.
- Ланской**, гр., А. Д., ген.-поручикъ, ген.-адъютантъ, т. XXVII, стр. 239—240.
- гр., С. С., министръ внутреннихъ дѣлъ, т. XXX, стр. 379.
- Лаппо-Данилевскій**, А. *Библиографическая замѣтка его*: „Скѣнскія древности“ (отд. оттискъ изъ IV т. „Записокъ“ отд. русск. и слав. археологій импер. русск. Археолог. Общ.), т. XXIX, стр. 209—210.
- Ларинъ**, П. Д., московскій купецъ, любитель просвѣщенія, т. XXVII, стр. 472—473.
- Лафермиеръ**, секретарь вел. кн. Павла Петровича, т. XXIX, стр. 386.
- Лафитъ**, французскій министръ, т. XXX, стр. 302—303, 310—311.

- Лашковъ, Ѳ.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ, историческій очеркъ, т. XXIX, стр. 202—203.
- Лебедевъ, А. И.**, писатель. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 471.
- Лебединцевъ, Ѳ. Г.** *Библиографическая замѣтка*. обь изд. и редак. имъ „Киевской Старины“ Ежемѣсячный историческій журналъ, т. XXVII, стр. 211—213.
- Левшинъ, А. С.** миров. посредникъ Харьковской губ., т. XXX, стр. 644.
- Д. С., русскій консулъ въ Бѣлградѣ, т. XXX, стр. 536—537.
- Варшавскій оберъ-полицеймейстеръ, т. XXVII, стр. 64.
- Ленки.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: A history of England in the eighteenth century, т. XXX, стр. 240.
- Леманъ, Максъ.** *Библиографическая замѣтка о его „биографіи Шарингорста“*, т. XXVII, стр. 230.
- Ленцъ, академикъ**, т. XXVIII, стр. 344.
- Лермонтовъ, М. Ю.**, т. XXVII, стр. 353—354. т. XXX, стр. 328, 347.
- Лециано, Б. Б.** сибирскій ген.-губернаторъ, т. XXVII, стр. 37, 53, 54.
- Лещева, Ел. Осипов.** см. Евдокія.
- Лейнингенъ, гр. австрійскій посолъ въ Константинополь**, т. XXVIII, стр. 459.
- Лейхтенбергскій, герцогъ Максимилианъ**, т. XXVIII, стр. 452.
- Ливень, бар. Вильг. Карл.** ген.-адъютантъ, чрезвычайн. посолъ въ Швецію въ 1873 г. XXVIII, стр. 317, 318, 320—324. 326—331.
- кн. Карлъ Андр., министръ народнаго просвѣщенія, т. XXVIII, стр. 313, 314, 551, 553.
- Линь-де, князь Шарль**, т. XXIX, стр. 354.
- Липранди, И. П.**, генераль-майоръ, т. XXVIII, стр. 71—73.
- Пав. П., ген.-лейтенантъ, т. XXVIII, стр. 71.
- Листъ, Францъ**, т. XXVIII, стр. 163—165. стр. 10—23. (апрѣль, особой пагинаціи).
- Лихачевъ, Н. П.** магистрантъ казанскаго универ. Его сообщеніе въ Общ. Любителей Древн. Письменности, т. XXVII, стр. 235—236; *упом.* т. XXIX, стр. 235.
- Лихошерстовъ, Д. С.**, евангелистскій обыватель, взятый въ плѣнъ французами, т. XXIX, стр. 472.
- Лихудъ, Софроній**, ученый грекъ, архимандритъ Солотчинскаго мон., т. XXVII, стр. 248—249.
- Лицынъ-Де, А. А.**, кавалеръ, т. XXX, стр. 82.
- Ек. А. т. XXX, стр. 84, 107.
- Лобановъ-Ростовскій, кн. Д. И.**, министръ юстиціи, т. XXVIII, стр. 113, 120.
- Лобновская, С. М.**, писательница. *Ея некрологъ*, т. XXVIII, стр. 499.
- Лобода, Ст. Мат.**, дѣтская писательница. *Ея некрологъ*, т. XXVII, стр. 722.
- Логинъ, инокъ Троицко-Сергіевской лавры**, XXVIII, стр. 255.
- Лодыженскій, Коист.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Исторія русскаго таможеннаго тарифа, т. XXX, стр. 740—742.
- Ломанинъ, Г. Я.** композиторъ, т. XXVII, стр. 602—606, 609—610, 612.
- Ломоносовъ, М. В.**, писатель, ученый, т. XXX, нояб. прил. стр. 43.
- Лоначевскій, А. И.**, *Его статья*: „Представленіе украинцевъ о царѣ“, т. XXVII, стр. 661—677.
- Лонгиновъ, М. Н.**, предс. главнаго управленія по дѣламъ печати, тайн. совѣтникъ, писатель т. XXIX, стр. 555.
- Лопухинъ, Ив. Вл.**, сенаторъ, масовъ, т. XXVIII, стр. 584, 585, 586, 809, т. XXIX, стр. 306.
- Лорисъ-Меликовъ, гр. Мих. Тариеловичъ**, начальникъ Герской обл., вносил. предсѣд. верх. распорядительной комиссіи, мин. внутр. дѣлъ, т. XXVIII, стр. 355—356.
- Луанъ.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Histoire politique de la France, т. XXX, стр. 752.
- Лукинъ, Ив. Ив.**, Харьковскій губернаторъ, генераль-лейтенантъ, т. XXX, стр. 375, 379—381, 383.
- Лукинъ, драматическій писатель**, т. XXVIII, стр. 517—520.
- Лунины:**
— А. М., сенаторъ, т. XXX, стр. 412.
— Д. М., Полоцкій губернаторъ, т. XXX, стр. 410—411.
- Лутновскій, Ѳ. Ст.**, вице-дир. деп. морск. мин. т. XXX, стр. 673—674.
- Львовы, А. Л.**, сенаторъ, т. XXIX, стр. 165.
- Кн. А. М. бояринъ дворецкій, т. XXX, ноябрь, прилож. стр. 7.
- кн. П. Лук., окольничій, т. XXIX, стр. 236.
- Львова-Синицкая, Московская актриса**, т. XXVIII, стр. 34.
- Лѣсковъ, Н. С.**, *Его статья*: „Скоморохъ Памфалонъ“, т. XXVII, стр. 481—526.
- Людвинъ XVIII**, король французскій, т. XXX, стр. 288, 289—291.
- Филиппъ, король французскій, т. XXVII, стр. 99, 107—108, т. XXVIII, стр. 448, т. XXX, стр. 285—286, 297—322, 585—586, 595, 596, 606—609, 613.

М.

- Мага-де-Лаллатьеръ, А. П.**, содержит. жен. пансіона, въ Москвѣ. *Ея некрологъ*, т. XXIX, стр. 225—226.
- Магницкій, Л. В.**, попечитель Казанскаго учебнаго округа, т. XXVIII, стр. 114.
- Магнусъ, принцъ шведскій**, т. XXX, стр. 137—138, 139.
- М. А. Д. Ею замѣтка:** Манифестъ польскаго шляхтича, т. XXVII, стр. 470—471.
- Мазарини, С. А.**, о его раскопкахъ, т. XXIX, стр. 689.
- Мазела, И. Ст.**, гетманъ малороссій. т. XXIX, стр. 127.
- Макаріи, преп.** Основатель Желтоводскаго мон., т. XXVIII, стр. 612—613.
- Булгаковъ; митр. Московскій, т. XXX, стр. 379.
- Макаровъ, А.**, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Русскій таможенный тарифъ и его недостатки по отношенію къ различнымъ хлопчатобумажнымъ товарамъ, т. XXVIII, стр. 220—221.
- А. В., кабинетъ-секретарь, т. XXVIII, стр. 201, 266, 269, т. XXIX, стр. 249.
- С. М., дѣтская писательница. *Ея некрологъ*, т. XXX, стр. 246.
- С. Осип. *Замѣтка о присужденіи ему преміи* митр. Макарія, т. XXX, стр. 489.
- Мандональдъ-Кинейеръ**, англ. посл. въ Персію, т. XXX, стр. 432, 483—434, 436, 437, 438.
- Македоній, архимандритъ**, составитель архимандричьей описи Солотчинскаго монастыря, т. XXVII, стр. 241—259.
- Манимонъ, Джемсъ.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* South african traits, т. XXX, стр. 485—486.
- Манколь, Летница.** *Библиографическая замѣтка о ея книгѣ:* The story of Iceland, т. XXX, стр. 751.
- Манделанъ, Джонъ Фергюсонъ.** *Замѣтка о его книгѣ:* „Studies in Ancient History. Primitive Marriage“, т. XXVII, стр. 467—468.
- Максимовичъ, Мих. Ал.**, писатель, профессоръ кievскаго университета, т. XXVII, стр. 286, 553—554, т. XXIX, стр. 53—58, т. XXX, стр. 516—517.
- Максимовъ, Н. А.**, ген.-майоръ. *Ею некрологъ*, т. XXX, стр. 759.
- Максимъ Грень**, извѣстный древнерусскій ученый, т. XXVIII, стр. 250, 251, 259.
- Малевскій, Ф. М.** другъ Милкевича, т. XXVIII, стр. 303, 305, т. XXIX, стр. 27.
- Малиновскіе:**
- А. Ѳ., начальникъ московскаго архива мн. ин. дѣлъ, сенаторъ, т. XXVII, стр. 347.
- В. Ѳ. директоръ Александровскаго лицея, т. XXX, стр. 367.
- И. В., гвардіи полковникъ, изюмскій помѣщикъ, т. XXX, стр. 367—369, 373, 374, 652.
- М. В., см. Вольховская.
- Мальшевскій.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Святыя Кирилль и Меодій, первоучители славянскіе, т. XXVII, стр. 703.
- Мальшинскій, А. П.** *Ею статья:* „Наша печать въ ея историко-экономическомъ развитіи“, т. XXVIII, стр. 249—288, 571—611. *Замѣтка* А. Ѳ. Кони по поводу его статьи, т. XXX, стр. 454—464.
- Мантегацца, Вико.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Due mesi in Bologna, т. XXVIII, стр. 703—704.
- Мантейфель, прусскій фельдмаршалъ**, т. XXVIII, стр. 672.
- Манучаръ-Ханъ**, начальникъ шахскаго гарема, т. XXX, стр. 433.
- Марія Александровна**, императрица всероссійская, т. XXX, стр. 648—662.
- Марія-Анна**, императрица австрійская, т. XXVII, стр. 367, 369, 371.
- Марія Николаевна**, великая княгиня, т. XXVIII, стр. 452, т. XXX, стр. 49, 54, 86, 453, 525.
- Марія Феодоровна**, императрица, т. XXVIII, стр. 111—113, 123—124, 133—134, т. XXIX, стр. 182—185, т. XXX, стр. 103.
- Марновы:**
- гр. Аркадіи Ія., посоль въ Парижѣ, дѣйств. тайн. совѣтникъ, т. XXX, стр. 84, 104—105, 106.
- Евг. Льв. *Ею статья:* Деревенскій колдунъ, т. XXVIII, стр. 5—24.
- Марнусъ**, проф. Московскаго университета, т. XXVII, стр. 350, 363.
- Марлиттъ, Евгения**, писательница. *Ея некрологъ*, т. XXX, стр. 246.
- Мартыновъ, П. М.** *Ею статьи:* Село Мишенское, родина В. А. Жуковскаго, т. XXVII, стр. 110—126. Бывшее маркизанство города Бѣлева, т. XXIX, стр. 367—378. Бѣлевскій вдовій дождь, т. XXX, стр. 441—453.
- Матвѣевы:**
- гр. Анд. Арг., дѣйств. тайн. сов. сенаторъ, т. XXVIII, стр. 204, т. XXX, ноябрь, прилож. стр. 25.
- Арг. Серг., бояринъ, т. XXX, ноябрь, прилож. стр. 15—16.

- Н. С., художникъ, т. XXVIII, стр. 247—248.
- Матте**, Пьеръ, издатель журнала „Джентльменъ“, т. XXVII, стр. 174.
- Матушевичъ**, графъ русскій дипломатъ, т. XXX, стр. 296.
- Матюшина**, гр. Анна Алексѣевна, рожд. кн. Гагарина, т. XXX, стр. 84, 85.
- Майновъ**, Л. Н., помощникъ директора Импер. Публичной библиотeki. *Библиографическая замѣтка объ изданномъ имъ: „Дневникъ П. И. Челищева“*, т. XXVII, стр. 444—448. *Упомин.*, т. XXVIII, стр. 640, 654—655.
- Майновъ**, В. Н., этнографъ, т. XXVIII, стр. 157.
- Мегметъ-Али-паша**, т. XXX, стр. 309, 315—316, 321.
- Мезонъ**, маршалъ, фр. посоль въ Петербургъ, т. XXX, стр. 316—317, 320.
- Мезонъ Джансонъ**, *извлеченіе изъ его книги: „The pictorial press, its origin and progress“*, т. XXVII, стр. 159—187.
- Мелиссино**, Ив. Ив., кураторъ Московскаго унив., т. XXVIII, стр. 600.
- Мельновъ**, Дм., стрѣлцкій пятидесятникъ, т. XXX, стр. 146—147, 149.
- Мельниковы**:
— Андр. Пав., художникъ, т. XXX, стр. 122.
— Ив. Ал., пѣвецъ. *Замѣтка о его юбилей*, т. XXX, стр. 492—493.
— Пав. Ив., писатель, т. XXVII, стр. 313—317, 320, 328—329, 577, 582—584, 594—596.
- Менаръ**, Луи, *Замѣтка о его книгѣ: „Histoire des Grecs“*, т. XXVII, стр. 463—464.
- Менделѣвъ**, Д. И., проф. С.-Петербургскаго унив., т. XXVIII, стр. 147—148, 151.
- Менсдорфъ-Пульи**, гр., фельдмаршалъ, австрійскій посланникъ въ Петербургъ, т. XXVIII, стр. 446, 449, 454, 456, 671.
- Меншиковы**:
— кн. А. Д., генералиссимусъ, т. XXIX, стр. 241—242, 246.
— кн. Е. Н., рожд. Голицына, т. XXX, стр. 84, 85.
— кн. А. С., генераль-адъютантъ, морской министр, чрезвычайный посоль въ Константинополь, т. XXVII, стр. 394, 427, 432; т. XXVIII, стр. 444, 463, 466; т. XXX, стр. 188; т. XXX, стр. 425—427, 431, 438, 518, 520, 537, 673.
- Мергасовъ**, полковникъ, т. XXVIII, стр. 113, 116—119.
- Мерзляковъ**, Алексѣй Фед., профессоръ Московскаго университета, писатель, т. XXVII, стр. 291, 293, т. XXVIII, стр. 44.
- Мерси - Арманто**, гр. почтительница Листа и новой русской музыки, т. XXVIII, стр. 164, 166.
- Меттернихи**:
— Кн. Клеменсъ - Венцель-Непомукъ, герцогъ Портелла, австрійскій государственный канцлеръ, т. XXVII, стр. 83—109, 364—388, 393; т. XXVIII, стр. 425, 444, 415, 458; т. XXX, стр. 298—301, 303, 321, 610—612.
— княгиня, рожд. гр. Звичи-Феррарисъ, т. XXVII, стр. 366—368, 372—373 376—380, 382—385, 393.
- Мехметъ-Решидъ-паша**, сараевскій генераль-губернаторъ, т. XXVIII, стр. 421—422.
- Мецы**:
— Амалия Фед., т. XXX, стр. 342.
— Е. Н., теща К. А. Полеваго, т. XXX, стр. 50.
— Ел. Фед., см. Полевая.
— Фед. Фед., инспекторъ классовъ Александровскаго кадетскаго корпуса, т. XXX, стр. 342.
- Мещерскіе**:
— Кн. А. Б., рожд. кн. Голицына, т. XXX, стр. 83.
— Кн. Вас. Прокоп., т. XXVII, стр. 270—271.
— Кн. Пл. Ст., казанскій военный губернаторъ, XXVIII, стр. 95.
- Меводій**, архіеп. тверской, т. XXX, стр. 198—204.
- Мей**, Л. А., поэтъ. *Библиографическая замѣтка о „Полномъ собраніи его сочиненій“*. Изд. Мартынова, т. XXIX, стр. 198—199. Годовщина его смерти, т. XXIX, стр. 225.
- Мейеръ**, академикъ, т. XXVIII, стр. 344.
- Минитинъ**, бомбардиръ. *О памятникѣ ему*, т. XXVIII, стр. 234. *Упом.*, т. XXVIII, стр. 501—502.
- Миллеры**:
— Герардъ-Фридрихъ, академикъ, историкъ, т. XXX, нояб., прил., стр. 16.
— К. В., книгопродавецъ, т. XXVIII, стр. 596, 598—599.
— Карл. Ив., побочный сынъ Волинскаго, т. XXVII, стр. 347.
— Орестъ Фед., профессоръ С.-Петербургскаго унив. *Его статья: Домъ и кабинетъ Ф. М. Достоевскаго*, т. XXVIII, стр. 571—576. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Русскіе писатели послѣ Гоголя. Часть II, И. А. Гончаровъ, А. Ф. Писемскій, М. Е. Салтыковъ, Л. Н. Толстой*, т. XXIX, стр. 449—450.
- Миллюновъ**, А. П. *Библиографическая замѣтка его: Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ судебныхъ до на-стоющаго времени*, т. XXIX, стр. 196—198.

- Милютинъ:**
— Гр. Д. А. ген.-адъютантъ, военный министр, членъ госуд. совѣта, т. XXVIII, стр. 331—332.
— Н. А., статсъ-секретарь по дѣламъ царства Польскаго, т. XXVIII, стр. 335, 337.
- Мингетти, Марко,** итальянскій министр и писатель. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 479—480.
- Миноевъ,** подпоручикъ, перешедшій къ Пугачеву, т. XXVIII, стр. 94.
- Мининъ-Сухоруковъ,** Коз. Зах., думный дворянинъ, т. XXX, ноябрь, прил., стр. 8, 19.
- Мирза-Абдуль-Гассанъ-Ханъ,** перс. министр. дѣлъ, т. XXX, стр. 433, 435—436.
- Мирза-Магметъ-Али-Хайъ,** городской vizиръ Тегерана, т. XXX, стр. 432.
- Мирза-Туганъ-Барановскій,** В. А., писатель. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 720.
- Мироновъ, И. С.,** тамбовскій губернаторъ, т. XXIX, стр. 626—627.
- Михальцова, Е. П.,** художница, т. XXVIII, стр. 389.
- Михайловскій-Дамлевскій, А. И.,** ген.-лейтенантъ, военный историкъ, т. XXX, стр. 55, 57—58.
- Михаилъ Николаевичъ,** великій князь, т. XXVII, стр. 392.
- Михаилъ Павловичъ,** великій князь, т. XXIX, стр. 181, 186—187.
- Михаилъ Феодоровичъ,** царь московскій, т. XXVIII, стр. 252, 256, 259, 614; т. XXX, ноябрь, прилож., стр. 7, 12, 15.
- Мицкевичъ, Адамъ,** польскій поэтъ, т. XXVIII, стр. 50—56, 300—301, 303, 305, 564.
- Мойеръ, М. А.,** рожд. Протасова, т. XXVII, стр. 111, 121.
- Момайскій, И. П.** *Его статья:* „Разказы доктора Европеуса о графѣ Аракчеевѣ“, т. XXIX, стр. 640—649.
- Моласъ, А. Н.,** рожд. Пургольдъ, т. XXVIII, стр. 155.
- Моле, гр.,** французскій министр, т. XXX, стр. 320, 585.
- Моллеръ,** командиръ Рижскаго драгунскаго полка, т. XXX, стр. 639—642.
- Молоствовы:**
— Ал. Т., т. XXIX, стр. 230.
— Нат. Иванов., рожд. Родіонова, т. XXVIII, стр. 95, 98, 100.
— Пор. Д., казанскій губернский предводитель дворянства, т. XXVIII, стр. 100.
- Молчановъ, А. Н.** *Его статьи:* „Записки Гобара-паши“, т. XXVII, стр. 188—202. Изъ англійской исторической литературы о Россіи, т. XXVIII, стр. 425—443; т. XXIX, стр. 180—195, 427—446.—Мемуары Вейста, т. XXVIII, стр. 665—685. *Библиографическая замѣтка его:* „Въ гостяхъ у эмира бухарскаго“. В. В. Крестовскаго, т. XXVII, стр. 448—451.
- Монтефиоре, Моисей,** англійскій политическій дѣятель, еврей-филантропъ, т. XXVII, стр. 435—443.
- Мордвиновы:**
— А. Н., правитель канцеляріи, гр. А. Х. Бенкендорфа, т. XXIX, стр. 508, 511—512.
— Н. С., адмиралъ, членъ гос. совѣта, т. XXVIII, стр. 193, 196.
- Мордовской, П. А.** *Его замѣтка:* По поводу статьи г. Путилова: „Могила иеромонаха Арсенія“, т. XXX, стр. 247—248.
- Мордовцевъ, Д. Л.** *Его статья:* „Кумъ Иванъ“, т. XXVII, стр. 1—31. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Ванька Кавъ. Историческій очеркъ, т. XXIX, стр. 676.
- Мослей, Генрихъ.** *Библиографическая замѣтка* о его изданіяхъ историческихъ источниковъ, т. XXVII, стр. 231.
- Мортемаръ,** герцогъ, французскій посолъ въ Петербургъ, т. XXX, стр. 302, 311.
- Москотильниковъ, Савва Анд.,** казанскій масонъ и филантропъ, т. XXVIII, стр. 124.
- Мохнецій,** тверской семинаристъ, т. XXX, стр. 199—204.
- Мочаловъ, Пав. Ст.,** трагическій актеръ, т. XXVIII, стр. 34, 35, 81; т. XXIX, стр. 283—285, 294—295, 509, 518, 520.
- Музурусъ-паша,** турец. посолъ въ Лондонъ, т. XXIX, стр. 195.
- Муравьевы:**
— А. Н., писатель, т. XXVII, стр. 533.
— Е. Ѳ., т. XXVIII, стр. 649.
— М. Никитичъ, товарищъ министра нар. просвѣщенія, т. XXVIII, стр. 641—642.
— Гр. М. Никол., виленскій генералъ-губернаторъ, генер.-отъ-инфантерій, т. XXVII, стр. 570.
— Н. А., сенаторъ, т. XXX, стр. 412.
- Мурье.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Vatum et le bassin de Tschorok, т. XXX, стр. 482.
- Мусинъ-Пушкины:**
— Предсѣд. цензурнаго комитета, т. XXX, стр. 666, 671—673.
— М. Н., попечитель Казанскаго университета, т. XXVIII, стр. 122, 133.
— Гр., Пл. Ив., казанскій губернаторъ.
- Мусоргскій, Мод. П.,** композиторъ, т. XXVIII, стр. 145—147, 152—155, 157,

159, стр. 5, 7, 9 (апрѣль, особой пагинаціи).

Мухановъ, А. М., оберъ-камергеръ, т. XXVIII, стр. 300.

Мушкетовъ, И. В., проф. геологій. О назначеніи ему преміи митр. Макарія, т. XXX, стр. 488.

Мясоедовъ, художникъ, т. XXVIII, стр. 393.

Мятлевъ, И. П., писатель, т. XXX, стр. 629.

Н.

Надеждинъ, Н. И., писатель, т. XXVII, стр. 80, 555—556; т. XXVIII, стр. 551, 554—556; т. XXIX, стр. 57, 58; т. XXX, стр. 511—512.

Надлеръ, В. К. *Библиографическая заметка о его книгѣ: Императоръ Александръ I и идея священнаго союза*, т. XXVIII, стр. 687—689.

Надсонъ, С. Я., поэтъ. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 720—721.

Наибъ-Мирза-Мусса, правитель Гялянско-й провинціи, т. XXX, стр. 426.

Наполеонъ I:

— Французскій императоръ, т. XXIX, стр. 411, 413, 414, 421; XXX, стр. 287, 313—314.

— III, французскій императоръ, т. XXVII, стр. 426—433; т. XXVIII, стр. 448, 449, 459, 665, 668, 670, 674, 678, 680; т. XXIX, стр. 190—193; т. XXX, стр. 285, 613.

Нарбековъ, Вас. Сав., окольникій, т. XXX, стр. 144—146.

Нарышнины:

— Ал. Ал. гофмаршалъ, т. XXIX, стр. 401.

— А. Н., рожд. Румянцева, XXIX, стр. 401.

— Кир. Полузковичъ, бояринъ, т. XXX, стр. 149.

— Левъ Александровичъ, оберъ-штальмейстеръ, т. XXIX, стр. 401—402, т. XXX, стр. 87, 95, 97, 99.

— М. П., рожд. Балкъ-Полева, т. XXIX, стр. 401.

— Сем. Кирил., оберъ-егермейстеръ, т. XXIX, стр. 401.

Наталья Алексѣевна, вел. кн., суп. в. к. Павла Петровича, т. XXX, стр. 209.

Наталья Алексѣевна, царица, т. XXX, стр. 150, 152.

Наталья Кирилловна, царица, т. XXX, стр. 150, 152.

Науменко, В. Н., мировой посредникъ Харьковскій губ., т. XXX, стр. 644.

Насть, Чарльсъ, издатель журнала „Penny Magazine“, т. XXVII, стр. 181.

Невревъ, П. В., художникъ, т. XXVII, стр. 243—244, 246—247.

Незеленовъ, А. И. *Его статья: Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху*, т. XXVIII, стр. 505—537, т. XXIX, стр. 61—90, 298—313. *Библиографическая заметка о его рѣчи о Пушкинѣ, произнесенной въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, 29 января 1887 года*, т. XXVII, стр. 699—700.

Некрасовъ, Н. А. поэтъ, т. XXVII, стр. 144—159.

Непиръ, англійскій адмиралъ, т. XXVII, стр. 192; т. XXIX, стр. 193.

Неплюевъ, Ив. Ив. Оренбургскій губернаторъ, сенаторъ и конференцъ-министръ, т. XXIX, стр. 395, 396.

Нессельроде, гр. Карл. Вас. государственный канцлеръ, т. XXVII, стр. 87, 89, 92—94, 95, 100, 103—107, 376, 378—379, 381, 383, 392, 429; т. XXVII, стр. 443—445, 447, 457, 460, 461, 464, 466, 668—670; т. XXIX, стр. 181, 183; т. XXX, стр. 296, 299, 300, 592, 596, 597, 601—606.

Нестерова, А. Н., см. Родіонова.

Нестеровскій, Як. Колоновичъ, горный инженеръ. *Его некрологъ*, т. XXX, стр. 758—759.

Никандръ, архимандритъ Солотчинскаго мон., т. XXVII, стр. 252.

Нинита Пустосвятъ, расколоучитель, т. XXVII, стр. 233.

Никитенко, А. В. профессоръ С.-Петербургскаго унив., цензоръ, т. XXVIII, стр. 179—180, 194; т. XXX, стр. 75, 326, 366, 664—666, 675—676.

Никитскій, А. И., проф. Варшавскаго унив. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 237—238.

Николай Александровичъ, цесаревичъ, т. XXVII, стр. 604.

Николай Николаевичъ, в. князь, ген.-фельдмаршалъ, т. XXVII, стр. 392.

Николай I Павловичъ, императоръ всероссійскій, т. XXVII, стр. 82—109, 360—331, 364—401, 420—421, 426—433, 437—441, 470, 567—568; т. XXVIII, стр. 79, 115, 123, 196—198, 293—294, 300, 348, 444—466, 667, 669, 670, 675; т. XXIX, стр. 6—9, 181, 184, 186, 188—193, 280—281, 128, 432, 434, 565—581; т. XXX, стр. 49—50, 54, 55, 80, 163—166, 173, 177, 178, 285—322, 335, 425, 440, 517, 585—614, 658; ноябрь, прилож. стр. 49—51.

Николаевъ, писатель XVIII вѣка, т. XXVIII, стр. 520—523.

Никольскій, тверской семинаристъ, т. XXX, стр. 199—204.

Новиковы, И. *Библиографическая заметка о его книге: La politique internationale*, т. XXVII, стр. 226.

— Н. И. писатель, масонъ, т. XXVIII, стр. 579, 584, 585, 593—598, 600—611; т. XXIX, стр. 299, 301—302, 556, 589, 591, 593—601, 630—639.

Новосильцевъ, Н. Н. сенаторъ, т. XXIX, стр. 603—519.

Норгетъ, Катъ. *Библиографическая заметка о ея книгѣ: England under the Angevine kings.*, т. XXIX, стр. 686—687.

Нордау, Максъ. *Библиографическая заметка о его книгѣ: Ausgewählte Pariser-Briefe. Culturbilder*, т. XXX, стр. 486—487.

Норманъ, К. *Библиографическая заметка о его книгѣ: Colonial France by C. Norman*, т. XXVII, стр. 712.

Носковъ, поруч. ген. штаба. *О его подсолствѣ въ Персію съ хрустальной кроватью*, т. XXX, стр. 425—440.

Носовъ. *Библиографическая заметка о его переводѣ „Помпадуровъ“ Щедрина*, т. XXIX, стр. 215.

О.

Ободовскій, писатель, т. XXX, стр. 328.

Оболенскій, кн. М. А., директоръ Моск. арх. мнн. иностр. дѣлъ, т. XXVIII, стр. 37—38.

Оглоблинъ, Н. Н. *Его статья: Вяземскій архимандритъ Феодосій*, т. XXIX, стр. 91—121.

Одоевскіе:

— Кн. А. И., см. гр. Шувалова.

— Кн. Вл. Фед. сенаторъ, писатель, т. XXVII, стр. 300—301, 532—533, 554. т. XXVIII, стр. 33, 49; т. XXX, стр. 328, 501—502.

— Никита Ив., т. XXVIII, стр. 714.

Озеренскій, бѣлевскій маркизъ, т. XXIX, стр. 375—376.

Озеровъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополь, т. XXVIII, стр. 459—460.

Ознобишинъ, Д. П., писатель, т. XXVII, стр. 533.

Оксеновъ, А. В. *Библиографическая заметка его: Историческое обозрѣніе Сибири*, П. Словова. Изд. 2-е, т. XXVII, стр. 208—211.

Олеъ Ивановичъ, князь Рязанскій. т. XXVII, стр. 241—243.

Оленинъ, А. Н. директоръ Импер. Публичной библиотеки. т. XXVIII, стр. 649.

Олимпъ, Вал. Н. писатель, т. XXVIII, стр. 65—66.

Олсуфьевъ, Адамъ Вас., статсъ-секретарь, т. XXIX, стр. 396—398, 403.

— Мих., т. XXVIII, стр. 572—574.

Олферьевъ, Ром. Вас., думный дворянинъ, т. XXX, нояб. прилож., стр. 19.

Ольга Николаевна, вел. княгиня, королева Виртембергская, т. XXVII, стр. 369, 385.

Ольдиестль, Джонъ. *Библиографическая заметка о его книгѣ: Life of Leo*, XIII, т. XXX, стр. 750—751.

Ольденкопъ, Евстафій Ив., переводчикъ русскихъ книгъ на нѣмецкій языкъ, т. XXIX, стр. 518, 521.

Омеръ-паша, турецкій генералиссимусъ, т. XXIX, стр. 437, 440.

Омичковъ, И. М. постельничій, т. XXX, нояб. прилож., стр. 7.

Л'Опиталь, маркизъ французскій посланникъ въ Россію, т. XXIX, стр. 391.

Опочининъ, Е. Н. Имъ сообщенъ „Дневникъ Протасьева“, т. XXX, стр. 408—424.

Оппенгеймъ, ганноверскій банкиръ, т. XXIX, стр. 408—409.

Ордынъ-Нащонинъ, Аѳ. Лавр., бояринъ, т. XXX, ноябр. прил. стр. 15.

— Богд. Ив., т. XXX, нояб. прил. стр. 19.

О'Рельи, Бернардъ. *Библиографическая заметка о его книгѣ: Life of Leo*, XIII, т. XXX, стр. 750—751.

Орловы:

— Домашній докторъ гр. Аракчеева, т. XXIX, стр. 644—647.

— Александръ Авѣимовичъ, посредственный писатель, т. XXIX, стр. 50.

— Гр., вполс. кн., Алексій Федоровичъ, генераль-адъютантъ, председатель государственнаго совѣта, т. XXVII, стр. 96, 100, 103—105, 107, 396, т. XXVIII, стр. 79; т. XXIX, стр. 649, ст. XXX, ст. 55, 300, 301, 525.

— Кн. Гр., Гр., ген.-адъютантъ, ген.-фельдцейхмстеръ, т. XXIX, стр. 336—367.

— Мих. Фед., писатель, т. XXIX, стр. 45.

Осининъ, И. Тер., почетный опекунъ, попечитель женскихъ гимназій въ Петербургѣ. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 236.

Оснарь II, король шведскій, т. XXVIII, стр. 317, 320, 322—330.

Осокинъ, Н. А. *Библиографическая заметка о его книгѣ: Новая исторія (вторая полов. XVIII и начало XIX в.)*, т. XXIX, стр. 665—668.

Осташевскій, Каз. Ив., майоръ польской службы, т. XXVII, стр. 562—564.

Остерманы:

— Гр. Ан. Ив. дѣйств. тайн. сов., кабинетъ-министръ, т. XXX, нояб., прил., стр. 28.

- Гр. О. А., вице-канцлеръ, т. XXX, стр. 84.
 Островскій, А. Н., драматургъ. *Статья о немъ*, т. XXVII, стр. 142—157.

II.

Павелъ I Петровичъ, императоръ все-россійскій, т. XXIX, стр. 354, 560, 563, 637, т. XXX, стр. 84, 86, 88, 97—106, 208—211, 412—413; ноябрь, прилож., стр. 40—42, 46.

Павловы:

— Александра, раскольница, т. XXVII, стр. 318—320.

— Кар. Карл., рожд. Янишъ, писательница, т. XXVII, стр. 561, 564—565.

— Мих. Григ., профессоръ Московскаго унив., т. XXVII, стр. 296.

— Николай Филипповичъ, писатель, т. XXVIII, стр. 81, 556—561, 564—565; т. XXIX, стр. 81, 503—504, т. XXX, стр. 518—519, 523.

Павленковъ, Л. Н. *Его замѣтка:* Матеріалы для исторіи журналистики, т. XXVII, стр. 723—728.

Павловичъ, Михаилъ, хорватскій писатель, *его некрологъ*, т. XXIX, стр. 226.

Павлицевъ, Н. И. *Его статья:* Къ характеристикѣ графа Берга, т. XXVIII, стр. 334—341. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Седмичи польскаго мятежа 1861—1864 гг., т. XXIX, стр. 455.

Пажъ, франц. актриса Михайловскаго театра, т. XXX, стр. 175—177.

Палень, гр. О. П., рус. посолъ въ Парижѣ, т. XXX, стр. 556—587, 591, 592.

Палеологи:

— Андрей, т. XXX, стр. 681, 687.

— Димитрій, т. XXX, стр. 681.

— Елена, т. XXX, стр. 681.

— Мануилъ, т. XXX, стр. 681.

— Софья, т. XXX, стр. 680—693.

— Оома, т. XXX, стр. 681, 687, 691.

Пальмерстонъ, лордъ, англійскій министръ, т. XXVII, стр. 101—102, 365, 386, т. XXVIII, стр. 672, т. XXIX, стр. 188, 194, т. XXX, стр. 305—308, 311, 315, 320—322, 603, 609.

Панины:

— Генераль. *Замѣтка о его могилѣ* близъ Кракова, т. XXX, стр. 709—710.

— Гр. Ал. Ив., см. кн. Куракина.

— Гр. Анна Алексѣевна, рожд. Та-тищева, т. XXIX, стр. 233, 547, 554, 557—560.

— Гр. Никита Ив., оберъ-гофмейстеръ, дѣйст. тайн. сов., наставникъ в. к. Павла Петровича, госуд. канцлеръ, т. XXVIII, стр. 591, т. XXIX, стр. 548, 557—558.

— Гр. Петръ Ив., генераль-аншефъ, т. XXVIII, стр. 591, т. XXIX, стр. 233, 305, 557—560, 562.

Паскевичъ, И. Фед., кн. Варшавскій, гр. зриванскій, генераль-фельдмаршалъ, на-мѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, т. XXVII, стр. 390, 397, 400, 441; т. XXIX, стр. 378, т. XXX, стр. 532.

Паткуль, А. В., генераль-адъютантъ, т. XXVIII, стр. 340.

Пенарскій, П. П., академикъ, т. XXVIII, стр. 264.

Пелиссонъ, Морисъ. *Замѣтка о его книгѣ:* „Rome sous Trajan“, т. XXVII, стр. 465.

Перфильевы:

— А. С., вдова ген. отъ кавалеріи, т. XXX, стр. 501.

— Ст. В., ген.-лейтенантъ, попечи-тель старообрядческаго Преображенскаго кладбища, т. XXVIII, стр. 76, 77.

Перевальскій, П. Мвр., учитель рус. языка, т. XXX, стр. 397, 399—400.

Перепелицынъ, П. Д., писатель. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 471.

Перовскій, Л. А., министръ внутр. дѣлъ, т. XXVIII, стр. 72—73, 76.

Перье, Казимиръ, французскій министръ, т. XXX, стр. 303, 306, 307, 311, 585, 587, 593, 596.

Песочнй, издатель „Репертуара“, т. XXX, стр. 77, 328, 330, 349, 617.

Петерсены:

— *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Aus Frankreich. Bilder und Skizzen, т. XXX, стр. 487.

— В. К. *Библиографическія замѣтки* его: Генераль-адъютантъ, адмиралъ Николай Андреевичъ Аркасъ, т. XXVIII, стр. 697—698. Историческій очеркъ инженернаго управленія въ Россіи. Часть II, съ тремя портретами и картами. Составилъ генераль-лейтенантъ А. И. Савельевъ, т. XXX, стр. 736—738.

Петри, профессоръ С.-Петербургскаго унив. О его вступительной лекціи, т. XXX, стр. 758.

Петръ I Алексѣевичъ, Великій, импе-раторъ всероссійскій, т. XXVII, стр. 245—249, т. XXVIII, стр. 240—242, 262—267, 271, 273, 283—284, 614, т. XXIX, стр. 127, 234, 236, 367, 379—383, 475—476, 500, т. XXX, стр. 143—164, но-ябрь, прилож., стр. 10, 15, 18, 22, 25, 28—40, 56, 57.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ все-россійскій, т. XXVIII, стр. 283.

Петръ III Эвродоровичъ, императоръ все-россійскій, т. XXVII, стр. 136, т. XXIX, стр. 387, 395, 398, 402, 403—405, 558

- Петровы:**
 — А. Н., ген.-майоръ. О назначеніи ему преміи митр. Макарія, т. XXX, стр. 488.
 — Мих. Наз., профессоръ харьковскаго унив. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 721.
 — Н. И. *Библиографическая замѣтка его*: Святые Кириллъ и Меодій, первоучители славянскіе. Малышевскаго, т. XXVII, стр. 703.
 — Обросимъ, стрѣлецкій приставъ, т. XXX, стр. 144—145.
 — Петръ Никол. *Его замѣтка*: Двухсотлѣтіе сформированія гвардейскихъ полковъ, т. XXVIII, стр. 240—242.
 Пинардъ, Петръ, граверъ, т. XXVIII, стр. 266, 273, 278, 283.
 Пильсютскій, камеръ-юнкеръ, т. XXIX, стр. 270.
 Пимень, игуменъ Солотчинскаго монастыря, т. XXVII, стр. 244.
 Пирлингъ, іезуитъ. *Извлеченіе изъ его изслѣдованія*: Le mariage d'un tsar au Vatican. Ivan III et Soë Paléologue, т. XXX, стр. 680—693. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Bathory et Passavino. Documents inédits sur les rapports de Saint Sièges avec les Slaves, т. XXIX, стр. 214—215.
Писаревы:
 — А. А., попечитель московскаго университета, т. XXVII, стр. 299—300.
 — А. А., писатель, т. XXVII, стр. 534, 535, т. XXVIII, стр. 31—35, 503—504, 556, т. XXIX, стр. 282.
 Писаревъ, Ив. Ив., директоръ царскосельской гимназіи. *Его некрологъ*, т. XXX, стр. 494.
 Платонъ, митр. московскій, т. XXVIII, стр. 603, 610.
 Плетневъ, П. А., академикъ, ректоръ С.-Петербургскаго унив., т. XXVIII, стр. 160, 181, 199, т. XXIX, стр. 21—22, 49.
Плещевы:
 — А. П., см. Татищева.
 — И. П., харьковскій помѣщикъ.
 Плюшаръ, издатель книгъ, т. XXIX, стр. 279—280, т. XXX, стр. 63.
 Питиримъ, архим., Влазем. Предтечева мон., т. XXX, стр. 100.
 Побѣдоносцевъ, К. П., оберъ-прокуроръ св. Синода, т. XXVIII, стр. 617—618.
 Погодинъ, М. П., академикъ, профессоръ Московскаго университета, т. XXVII, стр. 565—566, т. XXVIII, стр. 47, 240—242, 293, 297—299, 306, 311—312, 314, т. XXIX, стр. 256, т. XXX, стр. 159, 507—508, 518.
 Пожарскій, кн. Д. М., бояринъ, т. XXX, нояб., прил., стр. 24—25.
 Познанскій, Ю. И., т. XXVIII, стр. 51.
 Покровскій, Н. В., профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, о его сообщеніи въ Археологическомъ Обществѣ, т. XXVII, стр. 473—474.
Полевые:
 — Алексій Евсеевичъ, иркутскій купецъ, т. XXVII, стр. 35—60, 266—268, 276, 283, 290.
 — Алексій Никол. т. XXX, стр. 66.
 — Евс. Ал. т. XXVII, стр. 283; т. XXX стр. 619.
 — Ек. Ал. см. Авдѣева.
 — Ек. Никол., т. XXX, стр. 64, 65.
 — Ел. Ал., см. Безсомынина.
 — Ел. Фед., рожд. фонъ-Мець, т. XXX, стр. 342.
 — Ксенофонтъ Алексѣевичъ. *Его „Воспоминанія“*, т. XXVII, стр. 32—60, 266—301, 527—554; т. XXVIII, стр. 25—67, 239—315, 538—570; т. XXIX, стр. 24—60, 261—297, 504—546; т. XXX, стр. 48—81, 323—363, 615—636. *Упом.* т. XXVIII, стр. 503—504.
 — Николай Алексѣевичъ. *О немъ*: Записки Ксенофонта Алексѣевича; *упомян.* т. XXIX, стр. 19.
 — Н. И. рожд. Верховцева, т. XXVII, стр. 43.
 — Н. Ф., рожд. Терьербергъ, т. XXVII, стр. 292.
 — Н. Н., т. XXX, стр. 64, 65.
 — Н. Ксен., издатель „Записокъ“ Ксен. Ал.
 — Петръ Алексѣевичъ, т. XXVII, стр. 283; т. XXX, стр. 356, 619, 623.
 — Петръ Николаевичъ. *Его статьи*: Муза мести и печали, т. XXVII, стр. 144—158. Пушкинъ въ потомствѣ, т. XXVII, стр. 402—417. Какъ были проданы сочиненія Пушкина Исакову, т. XXVII, стр. 678—681. Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, т. XXVIII, стр. 169—186. Гоголь о Пушкинѣ, т. XXVIII, стр. 187—191. Страницка изъ исторіи русскаго канцеляризма, т. XXVIII, стр. 199—207. Историческій жанръ на XV выставкѣ „Товарищества передвижныхъ выставокъ“, т. XXVIII, стр. 243—248. Близжайшій предшественникъ Пушкина, т. XXVIII, стр. 639—655. Изъ области сказаній о темномъ царствѣ, т. XXIX, стр. 142—157. Герцогъ Э. О. Римелье, т. XXIX, стр. 350—366. Археологическій съездъ въ Ярославлѣ, т. XXX, стр. 214—221.
Библиографическія замѣтки его: Критико-біографическій словарь русскіихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней), С. А. Венгерова, т. XXVII, стр. 203—206. Киевская Старина, ежемѣсячный

- исторический журнал издаваемый Г. Ө. Лебедичевым, т. XXVII, стр. 211—213. Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его съ друзьями, т. XXVII, стр. 453—456. Рѣчь о Пушкинѣ, произнесенная въ императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, 29 января 1887 года, А. И. Незеленовымъ, т. XXVII, стр. 669—700. Отзыви О Пушкинѣ съ Юга Россіи. Въ воспоминаніе пятидесятилѣтія со дня смерти поэта. В. А. Яковлева, т. XXVIII, стр. 211—212. „Донъ“, ежемѣсячный историко-литературный иллюстрированный журнал изд. и ред. Поповымъ, т. XXVIII, стр. 221. Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославѣ училища (1803—1886). К. Головицкова, т. XXVIII, стр. 467—471. Минусинскій мѣстный публичный музей. Древности минусинскаго музея. Памятники металлургическихъ эпохъ (съ атласомъ). Д. Клеменца, т. XXVIII, стр. 472—474. Саратовская ученая архивная коммисія. Собраніе членовъ коммисіи 12 декабря 1886 года. Тамбовская губернская архивная коммисія. Журналъ общаго собранія членовъ тамбовской губернской ученой архивной коммисіи 2 октября 1886 года, т. XXVIII, стр. 475. Память 29 января 1837 года. Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. П. Устиновича, т. XXVIII, стр. 476. А. С. Пушкинъ въ его изреченіяхъ и характеристикахъ (въ память пятидесятилѣтія). А. Н. Сальниковъ, т. XXVIII, стр. 477. Народная поэзія. Историческіе очерки Ө. И. Буслаева, т. XXVIII, стр. 694. Ученые и литературные труды В. Н. Татищева (1686—1750). Рѣчь произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 19 апрѣля 1886 года, членомъ корреспондентомъ Н. И. Поповымъ, т. XXVIII, стр. 695. Объ историческомъ изученіи русскаго языка. Влад. Качановскаго, т. XXVIII, стр. 696—697. В. Н. Татищева. Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Съ предисловіемъ и указателями Нила Попова, т. XXIX, стр. 206—207. Снисскія древности. Исслѣдованіе А. Лапко-Данилевскаго, т. XXIX, стр. 209—210. Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны Ивановъ Бычковымъ, т. XXIX, стр. 447—448. Вліяніе Шекспира на русскую драму. Историко-критическій взглядъ Сергѣя Тимоеева, т. XXIX, стр. 450—451. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, (1805—1819). Разказы по архивнымъ документамъ, Н. Булича. Часть первая, т. XXIX, стр. 668—669.—29 января 1887 года. Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. Изд. Императорскаго Александровскаго лицея. Съ портретомъ и автографами, т. XXIX, стр. 675. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть II-я. В. Зелинскій, т. XXIX, стр. 675—676. Ванька Каинъ. Историческій очеркъ Д. Л. Мордовцева, т. XXIX, стр. 676. Исторія русской академіи М. И. Сухомянова. Выпускъ восьмой и послѣдній, т. XXX, стр. 727—730. Старый Петербургъ. М. И. Пылева. Со 100 гравюрами, т. XXX, стр. 742—743. Первое столѣтіе г. Екатеринослава. 1787—9 мая—1887 г. Докладъ Екатеринославской городской управы къ торжественному засяданію думы 9 мая 1887 года. Составилъ М. М. Владиміровъ, т. XXX, стр. 743. Историческій очеркъ Сибіри. Т. III. Періодъ отъ 1742—1762 г. Составилъ В. К. Андріевичъ; т. XXX, стр. 744. *Его замѣтка*: Приобрѣтенія Императорской Публичной библіотеки, т. XXX, стр. 499—504. Упомят. т. XXVIII, стр. 239—240, т. XXIX, стр. 234.
- Сер. Никол., т. XXX, стр. 64, 65.
- Полемаевъ, Д. М. комерціи совѣтникъ, т. XXIX, стр. 175.
- Полетина, Вас. Ап. горный инженеръ, писатель, т. XXIX, стр. 173.
- Поливановъ, В. Н. *Его замѣтка*: Къ статьѣ „Кудрявцевъ и его потомство“, т. XXX, стр. 495—498.
- Ек. Ник. рожд. Чиркова, т. XXX стр. 498.
- И. П. сенаторъ, т. XXX, стр. 495.
- Н. Ив., товарищъ Лермонтова, т. XXX, стр. 498.
- Поликарповъ, Өед., директоръ московской типографіи. Составитель слав.-гр.-лат. словаря, т. XXVIII, стр. 274, 275, 279.
- Полминыиъ, князь, французскій министръ, т. XXX, стр. 291, 293—297.
- Поліевитовъ, Н. А. *Библіографическая замѣтка* о „Вологодскомъ Сборникѣ“, издав. подъ еію редакціей при вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, т. XXIX, стр. 204—206.
- Полонскій, Я. П. поэтъ. Отчетъ о его юбилеѣ, т. XXVIII, стр. 492—494.
- Полторацкій, С. Д. библіографъ, т. XXVII, стр. 529; т. XXVIII, стр. 59—61; т. XXX, стр. 70, 73, 825.
- ая, С. Б. рожд. кн. Голицына, т. XXX, стр. 83.

- Полъновъ, В. Д. художникъ, т. XXVIII, стр. 244—245.
- Мат. Вас., сенаторъ, писатель, т. XXIX, стр. 306, 308—309.
- Поляновъ, И. С. хранитель зоолог. музея Акад. Наукъ. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 719.
- Пономаревы:**
- А. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни въ ихъ церковномъ и историко-литературномъ значеніи*, т. XXVII, стр. 215—216.
- П. А. *Его статья: Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ*, т. XXVIII, стр. 90—136. *Замѣтка по поводу этой статьи*, т. XXIX, стр. 226—232.
- Попе, Александръ, англ. писатель, т. XXX, стр. 722—724.
- Поповскій, профессоръ Московскаго университета, т. XXIX, стр. 498—499.
- Поповы:**
- *Библиографическая замѣтка объ издаваемомъ имъ журналѣ историко-литературномъ „Донъ“*, т. XXVIII, стр. 221.
- В. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Симеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ*, т. XXVIII, стр. 219—220.
- Ив. Вас., содержатель университетской типографіи въ Москвѣ, т. XXVII, стр. 296—298.
- Мих. Вас., учитель навигаціонной школы, т. XXIX, стр. 476, 481.
- Нилъ Александровичъ, проф. Московскаго унив. *Библиографическія замѣтки о его книгахъ: Ученые и литературные труды В. Н. Татищева (1686—1750). Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 19 апрѣля 1886 года*, т. XXVIII, стр. 695. *Разговоръ В. Н. Татищева о пользѣ наукъ и училищъ, съ предисловіемъ и указателями*, т. XXIX, стр. 206—207.
- Пормамъ, учитель музыки, т. XXVIII, стр. 138, 139.
- Порошинъ, С. А. наставникъ, вел. кн. Павла Петровича. т. XXIX, стр. 560.
- Потемнины:**
- А. М., т. XXX, стр. 657, 659.
- Т. В. рожд. кн. Голицына, т. XXX, стр. 375, 377, 649, 651, 653, 657.
- Потемнинъ-Таврическій**, кн. Г. А. фельд-маршалъ, Новоросс. ген.-губернаторъ, т. XXVII, стр. 71; т. XXVIII, стр. 631—638; т. XXX, стр. 410—411, 657, 659.
- Пото**, содержательница пансіона въ Казани, т. XXVIII, стр. 111.
- Походящими:**
- Вас. Макс., т. XXIX, стр. 632.
- Гр. Макс., т. XXVIII, стр. 288, 584; т. XXIX, стр. 629—639.
- Макс. Мих., т. XXIX, стр. 631—633.
- Ник. Макс., т. XXIX, стр. 633.
- Поццо-ди-Борго**, гр. Карль Андр., русскій посолъ въ Парижѣ, т. XXVII, стр. 88, 90, 108; т. XXX, стр. 291, 296, 302, 586.
- Преве-де-Люмьенъ**, содержательница пансіона въ Костромѣ, т. XXX, стр. 397.
- Пронешъ-Остенъ**, австрійскій дипломатъ, т. XXVII, стр. 105.
- Пронловичъ-Антонскій**, Ант. Ант., ректоръ Московскаго університ., т. XXVII, стр. 294, 299—300, 584.
- Прончищевъ**, П. И., думный дворянинъ, т. XXX, нояб. прил., стр. 19.
- Протасовы**, гр. А. П. см. кн. Голицына.
- Гр. А. П. оберъ-прокуроръ св. Синода.
- В. А., см. Юшкова.
- Е. А., т. XXVIII, стр. 126.
- М. А., см. Мойеръ.
- Протасьевъ**, тамбовскій помѣщикъ. *Его „Дневникъ“*, т. XXX, стр. 408—424.
- Протопоповъ**, кредиторъ Полеваго, т. XXX, стр. 628, 629, 631, 633, 634.
- Прянишниковъ**, Гр. Мат. городецкій купецъ, т. XXVII, стр. 594.
- Никифоръ, городецкій купецъ, т. XXVIII, стр. 594.
- П. С. Его замѣтка: Холера въ Москвѣ въ 1831 году, т. XXVIII, стр. 502—503.**
- Пташицкій**, С. Л. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Описаніе книгъ и актовъ Лытовской Метрики*, т. XXX, стр. 738—740.
- Пугачевъ**, Емельянъ, бунтовщикъ, Лже-Петръ III, т. XXVIII, стр. 94—96; т. XXIX, стр. 548—550.
- Пурлевскій**, В. М., ст. сов., знакомый Полевыхъ, т. XXVII, стр. 60.
- Путята**, Н. В., предсѣд. моск. общ. любит. росс. слов., т. XXIX, стр. 563—564.
- С. Л. рожд. Энгельгардтъ, т. XXIX, стр. 563.
- Пушины**, А. А., ген.-майоръ свиты Е. И. В. *Его замѣтка: — По поводу статьи: „Какъ были проданы сочиненія Пушкина Исакову“*, т. XXVIII, стр. 239—240. *Упомин.*, т. XXVII, стр. 678—680.
- А. А., см. Солнцева.
- А. С. поэтъ, т. XXVII, стр. 78, 79, 187—191, 402—417, 470, 531, 535, 537, 540, 548—551, 678—681, 715—716; т. XXVIII, стр. 52—55, 57, 58, 289—301, 542, 563—570, 641, 643, 665; т. XXIX, стр. 17—22, 34, 47—53, 56—57, 59, 88, 158—161, 278, 473—474; т. XXX, стр. 367, 374, 502—504.

- В. Л. писатель, т. XXVII, стр. 534—535.
- Гаур, Гр., думный дворянинъ, т. XXX, ноябрь, прилож., стр. 19.
- Е. Г., знакомая К. Н. Батюшкова, т. XXVIII, стр. 653—654.
- Нат. Никол. рожд. Гончарова, т. XXIX, стр. 19, 21.
- Серг. Льв., т. XXVIII, стр. 78.
- Пущинъ, морякъ, герой войны 1877—1878 гг., т. XXVII, стр. 199—200.
- Пфеллеръ, московскій врачъ, т. XXVII, стр. 350—351.
- Пыляевъ, М. И. *Его статья*: Очеркъ исторіи алмазовъ, т. XXIX, стр. 314—349. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Старый Петербургъ, т. XXX, стр. 742—743.
- Пыпинъ, А. Н. Его рефератъ въ Филологическомъ Обществѣ, т. XXVII, стр. 717.
- Пѣтуховы, Гр. П. старожилъ-крестьянинъ села Маслова Казанской губ., т. XXVIII, стр. 94, 104—110.
- Евг. Вяч. *Его статья*: Пушкинъ о Гоголѣ, т. XXIX, стр. 158—161. *Библиографическія замѣтки его*: В. Шенрокъ. Ученическіе годы Гоголя. Биографическія замѣтки, т. XXVII, стр. 456—458. Какъ возникъ и развивался Восточный вопросъ. Ф. Успенскаго, т. XXVIII, стр. 217—219. Лондонскія замѣтки. Славянскія рукописи Британскаго музея. Славистика въ Англии. К. Я. Грота, т. XXVIII, стр. 482. Московскій Сборникъ, издаваемый подъ ред. Сергѣя Шаралова, т. XXIX, стр. 662—664.
- Евф. Фод., т. XXVIII, стр. 107—110.
- Пэнго, Леонсъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Choiseul Gouffier. La France en Orient sous Louis XVI, т. XXIX, стр. 681—682. *Упомин.*, т. XXIX, стр. 351.
- Р.**
- Рабусъ, Карлъ Ивановичъ, живописецъ, т. XXIX, стр. 291.
- Рагланъ, лордъ, англійскій главнокомандующій въ Крыму, т. XXIX, стр. 194, 428, 430—431, 432, 437, 440.
- Радищевъ, А. Н. писатель, т. XXIX, стр. 309, 312.
- Раевскій, Н. Н. ген.-отъ-инфантерія, т. XXIX, стр. 278.
- Разумовскій, гр. вполн. князь Андр. Кир., дѣйств. тайн. совѣтникъ, посолъ въ Вѣнѣ, т. XXX, стр. 208—213.
- Гр. Ел. Ос., рожд. гр. Тунъ, т. XXX, стр. 209, 211.
- Гр. Кир. Гр., президентъ Академіи Наукъ, послѣдній гетманъ Малороссіи, т. XXX, стр. 208.
- Рачиъ, Семень Евгр., писатель, т. XXVII, стр. 532—534.
- Рамазановъ, скульпторъ, т. XXVII, стр. 356.
- Ранке, Леопольдъ, историкъ, т. XXVIII, стр. 684.
- Раухфусъ, докторъ медицины, т. XXVIII, стр. 400.
- Ратынскій, Н. Ант., членъ сов. гл. упр. по дѣламъ печати. *Его некрологъ*, т. XXX, стр. 494.
- Ратьновъ, П. А. управляющій конторой „Московского Телеграфа“, книгопродавецъ, т. XXIX, стр. 274, 506, 510, 544, 546; т. XXX, стр. 324, 327, 345, 349, 351, 355, 358—359, 363, 615, 623, 630, 632.
- Карол. Карл., т. XXX, стр. 324.
- Резановъ, Семень, полковникъ потѣсныхъ, т. XXX, стр. 144, 145.
- Ремо, Феликсъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „L'égalité des sexes en Angleterre“, т. XXIX, стр. 461.
- Ресслеръ-фонъ, австрійскій генер. консулъ въ Сараевѣ, т. XXVIII, стр. 422—424, 428.
- Рейнгольдъ, лейбъ-медикъ, 441—442.
- Рехневскій, Юл. С., педагогъ, литераторъ. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 719—720.
- Ржевскій, А. Андр., масонъ, т. XXVIII, стр. 609.
- Рилей, Ателъстанъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Athos or the mountain of the monks.“, т. XXIX, стр. 686.
- Римскій-Норсаковъ, В. В., харьковскій уѣздный предвод. дворянства, т. XXX, стр. 377, 382, 662.
- Н. А., композиторъ, т. XXVII, стр. 618—621; т. XXVIII, стр. 152—155, 159, 165, 167; апрѣль, прилож. стр. 5, 7, 9, 12.
- Ришелье, герцогъ, Эммануэль Осиповичъ, одесскій градоначальникъ, херсонскій военный губернаторъ, т. XXIX, стр. 350—366; т. XXX, стр. 290—291.
- герцогиня Розалія Сабина, рожд. де-Рошешуаръ, т. XXIX, стр. 353.
- Ровинскій, Д. А. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Одиннадцать гравюръ П. А. Берсенева съ замѣткою о его жизни“, т. XXX, стр. 744. *Упомин.* т. XXVII, стр. 413.
- Родионовы:
- Алдръ Ив., т. XXVIII, стр. 95, 101.

- Ал-дръ Петр., т. XXIX, стр. 227.
 — Анна Николаевна, основательница казанскаго женскаго института. *Ея биографія*, т. XXVII, стр. 90—136. *Упомин.* т. XXIX, стр. 226—232.
 — Варв. Ив., т. XXIX, стр. 227.
 — Вл. П., т. XXIX, стр. 227.
 — Дм. Иван., т. XXIX, стр. 229; т. XXVIII, стр. 95, 98.
 — Дм. П., т. XXVIII, стр. 93, 129, 132. *Его замѣтка* по поводу статьи: „Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ“, т. XXIX, стр. 226—232.
 — Ив. Ал-дровичъ, полковникъ, т. XXVIII, стр. 93—95; т. XXIX, стр. 228, 229.
 — Лука Пав., т. XXVIII, стр. 93, 119, 122—132; т. XXIX, стр. 231.
 — Нат. Ив., см. Молодцова.
 — Никол. Лук., т. XXVIII, стр. 99, 122, 130—132.
 — Пав. Ив., т. XXVIII, стр. 93, 95, 107.
 — Тат. Ив., см. Доронова.
 Розановъ, Н. П. *Его статья*: „Покушеніе на жизнь тверскаго архіепископа Меводія“, т. XXX, стр. 198—204.
 Розенгеймъ, М. П., генераль-майоръ, поэтъ. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 238—239.
 Розеншампфъ, бар., писатель, т. XXVIII, стр. 310—311.
 Розень, баронъ, ген.-лейтенантъ, начальникъ артиллер. училища, т. XXIX, стр. 566—567.
 — декабристъ, мировой посредникъ въ Харьковской губ., т. XXX, стр. 644—647, 649—650.
 — казанскій губернаторъ, т. XXVIII, стр. 121, 123.
 Розбергъ, М. П., профессоръ Дерптскаго унив., академикъ, т. XXVIII, стр. 40; т. XXIX, стр. 19; т. XXX, стр. 356, 619, 621, 624, 633.
 Романовичъ-Славянскій, А. В. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи сравнительно съ государственнымъ правомъ Западной Европы. Ч. I. Основные государственные законы“, т. XXVIII, стр. 216—217.
 Романовскій, чиновникъ мин. нар. прощѣненія, т. XXX, стр. 674—679.
 Романовы:
 — Ив. Никит., бояринъ, т. XXX, нояб. прил. стр. 9.
 — Никита Юр., дворецкій, т. XXX, нояб. прил. стр. 7.
 Ромбальди, Жакъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „La Corse française au XVI siècle“, т. XXX, стр. 240.
 Ромодановскій, кн., Ив. Фед., ближній стольникъ, т. XXIX, стр. 381—382.
 Ролеттъ, И. П., архитекторъ, т. XXVIII, стр. 400.
 Ропсъ, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „The first Napoleon“, т. XXVIII, стр. 226—227.
 Ростовцевъ, Я. И., генераль-адъютантъ, ген. отъ инфантерій, членъ гос. совѣта, т. XXIX, стр. 172, 566, 575—578.
 Ростопчины:
 — гр. Е. Ф., писательница, т. XXX, стр. 521, 535.
 — Ф. В., московскій военный генераль-губернаторъ, т. XXVIII, стр. 559, т. XXX, стр. 413.
 Ротчевъ, А. Г., писатель, т. XXVII, стр. 565—566; т. XXX, стр. 623.
 Ротшильды:
 — Альфонсъ, парижскій, т. XXIX, стр. 426.
 — Ансельмъ, т. XXIX, стр. 409.
 — Гудула, жена Майеръ-Амшеля, т. XXIX, стр. 415.
 — Джемсъ, т. XXIX, стр. 409—410, 420, 421—426.
 — Карлъ, т. XXIX, стр. 409—410, 420.
 — Лионель, лондонскій, т. XXIX, стр. 426.
 — Майеръ-Амшель, основатель фирмы, т. XXIX, стр. 406—409, 414—415.
 — Натаниель, лордъ, т. XXIX, стр. 426.
 — Натанъ, т. XXIX, стр. 409—419.
 — Соломонъ, т. XXIX, стр. 409—410, 420.
 Роутоуъ, англійскій консулъ въ Петербургѣ, т. XXIX, стр. 401, 405.
 Роховъ-фонъ, ген.-лейтенантъ, прусскій посланникъ въ Петербургѣ, т. XXVIII, стр. 444, 446, 447, 449—450.
 Руа, Шарль. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Souvenirs politiques et militaires de Bulgarie“, т. XXIX, стр. 216.
 Рубанъ, В. Г., издатель журнала „И то и сѣо“, т. XXIX, стр. 591.
 Руге. *Библиографическая замѣтка о его переводѣ*: „Briefe von I. S. Turgeniew“, т. XXVIII, стр. 702.
 Рудинъ, Д. Д. *Его статья*: „Эпизоды изъ политической жизни Боснии и Герцеговины въ послѣднія тридцать лѣтъ“, т. XXVII, стр. 643—660; т. XXVIII, стр. 415—441.
 Рудневъ, М. М., профессоръ медико-хирургической академіи, т. XXVIII, стр. 151.
 — топографъ, т. XXX, стр. 695—697, 706, 708.

Руисель, Альбертъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Хроника выборов во французскую академію“* (Chronique des elections à l'Academie française), т. XXVII, стр. 707—708.

Румянцова, гр., А. Н., см. Нарышкина.
— Н. П., государственный канцлеръ, т. XXVII, стр. 88; т. XXIX, стр. 650, 652—656.

Руссо, Жанъ-Жакъ, философъ, т. XXIX, стр. 308.

Рыбниковъ, купецъ, кредиторъ Н. А. Полеваго, т. XXIX, стр. 529; т. XXX, стр. 628, 629.

Ръзановъ, камергеръ, т. XXVII, стр. 37.

Рѣзвый, Ор. Пав., генер.-майоръ, начальникъ артил. училища, т. XXIX, стр. 566—567, 571, 573, 577, 579.

Рѣпинъ, И. Е., художникъ, т. XXVIII, стр. 388, 391, 393, 394, 395.

— актриса московскаго театра, т. XXVIII, стр. 32—33.

Рюль, Ив. Ѡ., лейбъ-медикъ, т. XXX, стр. 444—445.

Рюминъ, Г. В., откупщикъ, т. XXX, стр. 423.

Р—чь. *Его статья: Къ характеристикѣ, принца Баттенберга,* т. XXVII, стр. 418—424.

С.

Саблеръ, Б. К., директоръ канцеляріи св. Синода, т. XXVIII, стр. 617, 618.

Сабуровъ, Я. И., знакомый Н. А. Полеваго, т. XXVII, стр. 527—528.

— актеръ московск. театра, т. XXVIII, стр. 81—83.

Саввантовъ, П. И., археологъ, проф. Спб. дух. академіи. *Его юбилей,* т. XXX, стр. 492.

Савельевъ, А. И., ген.-лейтенантъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Историческ. очеркъ инженернаго управленія въ Россіи. Часть II. Съ тремя портретами и картами“,* т. XXX, стр. 736—738.

Савинъ, В. И. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія Рима въ средніе вѣка. Съ пятаго вѣка до шестнадцатаго (sic). Переводъ съ нѣмецкаго. Пятый томъ“,* т. XXVII, стр. 700—702.

Савичъ, В. А., сумскій уѣздный предвод. дворянства, т. XXX, стр. 377, 382.

Садиковъ, тверской семинаристъ, т. XXX, стр. 199, 201.

Самаринъ, И. В., артистъ. О памятникѣ ему, т. XXX, стр. 757.

Самборскій, А. А., протоіерей, законоучитель, Александра I., т. XXX, стр. 368.

Самонасовъ, Д. А., проф., Варшавскаго унив. О его раскопкахъ, т. XXIX, стр. 689.

Самойловичъ, гетманъ, т. XXIX, стр. 123.

Самойловъ, В. В., актеръ. *Его некрологъ,* т. XXVIII, стр. 499—501.

Самойловъ, гр. А. Н., генераль-прокуроръ, т. XXX, стр. 98, 100.

Самсоновъ, тамбовскій помѣщикъ, т. XXX, стр. 418—419.

Салисъ, гр. Е. А. *Его повѣсть: Донскіе гишпанцы,* т. XXX, стр. 249—284, 538—584.

Салоха, (Елизавета Дементьевна), мать В. А. Жуковскаго, т. XXVII, стр. 116, 117, 118—120.

Салтыковы, Алѣй Петр., казанскій губернаторъ, т. XXIX, стр. 247.

— **Л. Тавр., оруженничій,** т. XXX, ноябр. прил., стр. 7.

— **Гр., влоск. князь, Н. И., воспитатель Александра I, ген.-фельдмаршалъ, предсѣдатель государств. совѣта.**

— **Петр. Самойл., казанскій губернаторъ,** т. XXIX, стр. 247.

— **Гр. Семенъ Андреевичъ, московскій генераль-губернаторъ,** т. XXVIII, стр. 265.

Сальниковъ, А. Н. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: А. С. Пушкинъ въ его изреченіяхъ и характеристикахъ (въ память пятидесятилѣтія),* т. XXVIII, стр. 477.

Саундерсъ, Лойдъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Celebrities of the Century.* т. XXVIII, стр. 489.

Сафонова, кредиторша Полеваго, т. XXX, стр. 625, 631, 633.

Сахаровъ, Н. П., археологъ, писатель, т. XXX, стр. 525.

Свининъ, Пав. Петр., писатель, т. XXVII, стр. 283—284, т. XXVIII, стр. 539, 561, 569—570, т. XXX, стр. 64.

Свѣчины:

— **Пр. Аг., см. Теплякова.**

— **С. П., рожд. Соймонова,** т. XXIX, стр. 15.

Семенъ Кузмичъ, казначей Преображенскаго кладбища, г. XXVIII, стр. 74, 76.

Семѣнъ, книгопродавецъ и типографъ, т. XXIX, стр. 275—276, 290, т. XXX, стр. 333—334, 338, 355, 363, 628, 629.

Сениовскій, О. И., писатель, профессор.-ориенталистъ, т. XXVIII, стр. 25—26, т. XXIX, стр. 510, 535, т. XXX, стр. 63, 326, 384—335, 345, 347, 509, 627, 632.

- Сентъ-Илеръ**, Бартелеми. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: L'Inde anglaise, son état actuel, son avenir, précédée d'une introduction sur l'Angleterre et la Russie*, т. XXIX, стр. 461—462, т. XXX, стр. 238—239.
- Сентъ-Змуръ**, виконтъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Intérêts français dans le Soudan éthiopien*, т. XXX, стр. 239—240.
- Сень-При**, биографъ герцога Ришелье. т. XXIX, стр. 352—353.
- Сеньобо**. *Замѣтка о его книгѣ: Histoire de la civilisation*, т. XXVII, стр. 465—466.
- Сергій**, архимандритъ Солотчинскаго мон., т. XXVII, стр. 247.
- Сергѣевскій**, Н. А. проф. С.-Петербургскаго унив. Его сообщеніе въ юридическомъ Общ., т. XXVIII, стр. 494—495.
- Сергѣевъ**, Уфимскій воевода, т. XXIX, стр. 239—240.
- Сиверсы**:
— гр. А. К., екатеринославскій губернаторъ, т. XXX, стр. 642.
— гр. Я. Еф., посоль въ Польшѣ, новгородскій и псковскій намѣстникъ, т. XXX, стр. 410, 413, 415.
- Сигизмундъ II**, Августъ, король польскій, т. XXX, стр. 135.
- Сидней**, Филиппъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: English men of letters*, т. XXVIII, стр. 488.
- Сидоровъ**, М. К., писатель и обществ. дѣятель. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 694—695.
- Синарь**, одесскій житель, написавшій воспоминанія о герцогѣ Ришелье, т. XXIX, стр. 352, 357.
- Синьтъ**, IV, папа, т. XXX, стр. 685, 687.
- Силой**. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: A short history of Napoleon the first*, т. XXVIII, стр. 226.
- Сильвестры**:
— архимандритъ Солотчинскаго мон., т. XXVII, стр. 248.
— митр. казанскій, т. XXIX, стр. 252.
- Симеонъ Іоанновичъ**, Гордый, великій князь московскій, т. XXX, нояб. прил. стр. 17.
- Симпсонъ**, англійскій генералъ, командовавшій полкъ Севастополю, т. XXIX, стр. 431, 440, 444.
- Симсонъ**, Альфредъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Travels in the wilds of Ecuador*, т. XXVIII, стр. 490.
- Синельниковы**:
— Вас. Ив., т. XXVIII, стр. 630, 638.
— Евд. Вас., рожд. Страхова, т. XXVIII, стр. 631.
- Ив. Макс. ген.-майоръ, екатеринославскій губернаторъ, т. XXVIII, 630—638.
- Синявичъ**, Яковъ, переводчикъ, первый русскій репортеръ, т. XXVIII, стр. 269, 270.
- Сирно**, Иванъ Дж., запорожскій кошевой атаманъ, т. XXIX, стр. 122—126.
- Ситниковъ**, Вас., бѣлевскій маркизъ, т. XXIX, стр. 376—378.
- Снабичевскій**, А. М., писатель, т. XXVIII, стр. 503—504.
- Снаворскіе**:
— гр. А. К., см. Воронцова.
— гр. Марг. Карл., оберъ-гофмейстеръ, т. XXIX, стр. 402.
- Снобеловы**:
— И. Н., генералъ отъ-инфантеріи, комендантъ Петропавловской крѣпости, писатель, т. XXX, стр. 69, 77.
— М. Д., ген.-адъютантъ, ген.-отъ-кавалеріи, т. XXX, стр. 695—708.
- Сноринна**, Францискъ, содержатель типографіи, т. XXVIII, стр. 249.
- Сноуттоу**. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: A sharp history of parliament*, т. XXVII, стр. 229—230.
- Словцовъ**, П. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Историческое обозрѣніе Сибири“*. Изданіе 2-е, т. XXVII, стр. 208—211.
- Смирдинъ**, А. Ф., книгопродавецъ-издатель, т. XXIX, стр. 288—289, 515, 529, 535, 536, т. XXX, стр. 56, 68, 70, 73, 326, 331, 338, 343—349, 363.
- Снегиревъ**, Ив. Мих., проф. Московскаго унив. т. XXVII, стр. 134, т. XXVIII, стр. 299, 604.
- Снядецкий**, Янъ, профессоръ Виленскаго унив., т. XXIX, стр. 604.
- Собинины**:
— бѣлевскіе купцы, т. XXIX, стр. 367—368.
— Стефанъ Стеф., бѣлевскій посадскій человекъ, т. XXIX, стр. 367—368.
— Ник. Вас., титулярный и коммерціи совѣтникъ, XXIX, стр. 368.
- Соболевскій**, С. А., т. XXVII, стр. 533, 561—562, 564—566; т. XXVIII, стр. 291, 299, 562, т. XXIX, стр. 539, 546.
- Сокальскій**, П. П., журналистъ и композиторъ. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 498—499.
- Солнцевы**:
— Апол. А., изюмскій исправникъ, т. XXX, стр. 638—639.
— А. Л., рожд. Пушкина. т. XXVII, стр. 79.
— Гавр. Ильичъ, профессоръ и ректоръ Казанскаго университета, казанскій губернский прокуроръ, т. XXVIII,

- стр. 91—92, 94, 97 102, 108, 114—130, 134—136.
— Матв. Мих., камергеръ, т. XXVII, стр. 79—80, 561.
- Соловьевы:**
— С. М., историкъ, профессоръ Московскаго университета, т. XXX, нояб. прил. стр. 18, 20, 28, 33.
— Тим. Климов., бѣлевскій маркизъ, т. XXIX, стр. 370—371, 375.
— музыкальный критикъ, т. XXVIII, стр. 162, 163, 165.
— профессоръ Гельсингфорскаго университета, а. XXX, стр. 617.
- Сомовъ, Ор. Мих.,** писатель, редакторъ „Литературной Газеты“, т. XXIX, стр. 50, 51.
- Соповъ,** кредиторъ Н. А. Полеваго, т. XXX, стр. 627, 629, 634—635.
- Сорокинъ, Н. В. Статья его:** Природа и человѣкъ въ Средней Азии, т. XXX, стр. 1—47.
- Сосницкій, Ив. Ив.,** актеръ, т. XXX, стр. 49—50, 76.
- Софья Аленѣевна,** паревна, т. XXVII, стр. 246—247, т. XXVIII, стр. 241, 267, т. XXX, стр. 143—146, 148—149, 151, ноябрь, прилож. стр. 22.
- Софія,** королева шведская, т. XXVIII, стр. 322, 329—330.
- Сперанскій, гр., М. М.,** государственныи секретарь, т. XXX, нояб. прил. стр. 42—44.
- Спиро,** московскій докторъ, лѣчившій воздухомъ, т. XXVII, стр. 561—562.
- Срезневскій, Изм. Ив.,** профессоръ С.-Петербургскаго унив., слаviste, т. XXVIII, стр. 194, т. XXX, стр. 667, 670, ноябрь, прилож. стр. 13.
- Станельбергъ,** гр. русский военный агентъ въ Вѣнѣ, т. XXVII, стр. 398.
- Станновичъ, Н. М.,** мировой посредникъ Харьковской губ., т. XXX, стр. 644.
- Стасовъ, В. В. Его статья:** „Двадцатипятилѣтіе бесплатной музыкальной школы“, т. XXVII, стр. 598—642. Александръ Порфирьевичъ Бородинъ, т. XXVIII, стр. 137—168. (Съ приложеніемъ писемъ Бородина, апрѣль, особ. помянаціи, стр. 1—35). Иванъ Николаевичъ Крамской, т. XXVIII, стр. 380—400.
- Стенголь,** леди, отличавшаяся эксцентричностью, т. XXIX, стр. 13.
- Степановъ, Вас.,** дѣйстви. ст. сов. секретарь верх. тайнаго совѣта, т. XXVIII, стр. 200—201.
- Стѣпнякъ, Сергѣй. Библиографическая замѣтка о его книгѣ:** Le Tsarisme et la revolution, т. XXVII, стр. 226.
- Стефани,** Руд. Эд. академикъ. *Его некрологъ:* т. XXIX, стр. 695.
- Стороженко, Николай Ив. Замѣтка о его—**Обозрѣніи русской литературы, за 1886 г. въ журналѣ „Athenaeum“, т. XXVII, стр. 460—462. *Библиографическія замѣтки о его книгахъ:* Тиквортъ. Исторія испанской литературы. Перев. съ 4-го англійскаго изданія. Томъ II-ой, т. XXVII, стр. 695—697. Викторъ-Гуго и его время, по его запискамъ, воспоминаніямъ и рассказамъ близкихъ свидѣтелей его жизни. Переводъ съ французскаго. т. XXIX стр. 657—659.
- Стредфордъ-де-Редилфъ,** англійск. посолъ въ Константинополь, т. XXVII, стр. 427—430; т. XXIX, стр. 188, 189, 436, 442.
- Стремоуховъ, П. Н.,** ген. консулъ въ Рагузѣ, вносилъ директоръ азіатскаго деп., т. XXVII, стр. 654, 655—657.
- Строгоновы, графы:**
— Ал. Гр., членъ госуд. совѣта, т. XXVIII, стр. 464.
— Гр. Ал., оберъ-камергеръ, членъ государств. совѣта. т. XXVIII, стр. 464.
— Сергѣй Григорьевичъ, почетитель Московскаго университета, т. XXVIII, стр. 76, 77, 83, т. XXIX, стр. 287, 509, т. XXX, стр. 98, 100—101, 507, 517, 531, 533, 536.
— Юлія, рожд. граф. Оингаузенъ: т. XXVIII, стр. 464.
- Строевъ, Пав. Мих.** писатель, т. XXVII, стр. 286, т. XXIX, стр. 25. т. XXX, стр. 516.
- Струве, О. В.,** директоръ Пулковской обсерваторіи. *Его юбилей;* т. XXVIII, стр. 232—233.
- Стрѣшневъ, С. Лук.,** кравчій, окольнічій, т. XXX, нояб. прилож. стр. 7.
— Тих. Никитичъ, бояринъ, т. XXIX, стр. 243, т. XXX, стр. 149.
- Ступинъ, М. Библиографическая замѣтка о его книгѣ:** Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, отъ судебниковъ до настоящаго времени, т. XXIX, стр. 196—198.
- Стурдза, Ал.-дръ Скарлатовичъ,** писатель, т. XXIX, стр. 17.
— Ал.-дра (Роксана) Скарлатовна, см. гр. Геделингъ.
- Суворовы-Рыминскіе, графы:**
— Александръ Васильевичъ, князь Италійскій, генералиссимусъ, т. XXVIII, стр. 631; т. XXX, стр. 210—211, 410, 500.
— Аркадій Александровичъ, кн. Италійскій ген.-майоръ, т. XXX, стр. 85, 89, 92—93.
— Аркадій Александровичъ, кн. Италійскій, полковникъ, т. XXX, стр. 500.

— Нат. Александровна, см. гр. Зубова.

Судиновскій, художникъ. О памятникѣ ему; т. XXX, стр. 756—757.

Султъ, маршалъ, французскій министръ, т. XXX, стр. 585.

Сумароновъ, А. П., писатель, т. XXIX, стр. 591.

Суриновъ, художникъ, т. XXVIII, стр. 245—246.

Сухомяиновъ, М. И., академикъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Исторія российской академіи. Выпускъ восьмой и послѣдній*, т. XXX, стр. 727—730. Упом. т. XXX, стр. 534.

Сухоревъ, Лаврентій, стрѣлецкій полковникъ, т. XXX, стр. 146—148, 150, 153, 161—163.

Сухоруновъ, И. А. казанскій купецъ, т. XXVIII, стр. 94, 96.

— Мих., т. XXVIII, стр. 94.

Сушиновъ. Н. В., писатель, т. XXX стр. 515, 518, 527.

Стровъ, А. Н., композиторъ и музыкальный критикъ, т. XXVII, стр. 602, 608, 609, 615, 616, т. XXVIII, стр. 143—144, 162.

Т.

Талейранъ, французскій министръ, т. XXX, стр. 288, 290, 304, 305, 307.

Талиций, Григорій, раскольникъ петровскихъ временъ, т. XXVIII, стр. 261—262.

Танковъ, А. А. *Его статья: Психопатка*, т. XXX, стр. 180—197.

Тарасій, игум. Благовѣщенскаго единоувѣрскаго монастыря, т. XXVII, стр. 328—330.

Тарновская, П. Н., жена профессора, т. XXVIII, стр. 151.

Татищевы:

— Алексій Даниловичъ, генералъ-полицеймейстеръ, т. XXIX, стр. 234, 547, 551—554.

— Анаст. Неф. рожд. Кудрявцева, т. XXIX, стр. 233, 255, 551.

— Анаст. Парам. рожд. Плещеева, т. XXIX, стр. 555.

— Анаст. Петр., см. кн. Долгорукая.

— Вас. Никит. историкъ т. XXX, ноябрь, прилож. стр. 13, 16.

— Ек. П., см. Энгельгардтъ.

— Ел. П., см. Чиркова.

— М. А., см. кн. Голицына.

— П. А., масонъ, т. XXIX, стр. 548, 550, 554—557, 562, XXX, стр. 497—498.

— П. П., т. XXIX, стр. 548, 561—562.

— русский посолъ въ Вѣнѣ, т. XXVII, стр. 90, 100—101, 103, 105, 376, 378—380, 382.

— С. С., *Его статьи: Императоръ Николай I и австрійскій дворъ*, т. XXVII, стр. 82—109, 364—401. Императоръ Николай I и июльскія монархія во Франціи, т. XXX, стр. 285—322, 585—614.

Тайлоръ, Исаакъ. *Библиографическая замѣтка о его изслѣдованіи: The primitive seat of the Aryans*, т. XXX, стр. 749—750.

Твардовскій, ректоръ Виленскаго унив., т. XXIX, стр. 607, 609, 612.

Тепляковы, — Ал. Гр. т. XXIX, стр. 5, 9, 12, 14, 16.

— Викторъ Григ., поэтъ, т. XXIX, стр. 5—23.

— Гр. Алексѣевичъ, ст. сов. т. XXIX, стр. 5.

— П. А., т. XXIX, стр. 5.

— Пр. Аггеевна, т. XXIX, стр. 5.

— Аг. Гр. т. XXIX, стр. 5.

— Соф. А. т. XXIX, стр. 5.

— Юл. А., т. XXIX, 5.

Тернбергъ, Н. Ф., см. Полевая.

Терпигоревъ, С. Н. (Атава). *Его статья: Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные*, т. XXVII, стр. 241—265.

Тессингъ, Янъ, содержатель русской типографіи въ Амстердамѣ, т. XXVIII, стр. 262—265.

Тиль. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: History of the Boers in South Africa*, т. XXX, стр. 485.

Тиманова, Вѣра, піанистка, т. XXVIII, стр. 12—13, 15—20, 23, 26 (апрѣль, особой пагинаціи).

Тимашевъ, А. Е., ген.-майоръ, впол. ген.-адъютантъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. XXIX, стр. 175, 179.

Тимковскіе:

— Вас. Ѳед., т. XXVII, стр. 281—282, 285, 553.

— Ег. Ѳедоров., путешественникъ, т. XXVII, стр. 281.

— Романъ Ѳед., професс. Московскаго унив., т. XXVII, стр., 281, 285.

Тимошеевъ, С. П. *Его статьи: Образцы журнальной полемики прошлаго вѣка*, т. XXIX, стр. 589—602. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Вліяніе Шекспира на русскую драму“*, т. XXIX, стр. 450—451.

Титовы:

— А. А. *Его статьи: Горницкій монастырь и два іерарха русской церкви XVIII столѣтія*, т. XXVII, стр. 127—143. *„Троицкій Макарьевскій Желтоводскій монастырь“*; т. XXVIII, стр. 612—619.—Церкви упраздненнаго Воскресен-

- скаго монастыря въ городѣ Угличѣ; т. XXIX, стр. 582—588. *Библиографическія замѣтки о его книгахъ*: Ростовское городское училище въ первые годы своего существованія (1786—1803); т. XXVII, стр. 459. — Описание рукописей Ростовскаго музея церковныхъ древностей; т. XXVIII, стр. 474—475. — Переписныя книги Ростова Великаго второй половины XXVII вѣка; т. XXIX, стр. 672—673. — Патриаршее село Святотавль и упраздненный, Карашскій монастырь въ Ростовскомъ уѣздѣ. Историческій очеркъ, т. XXIX, стр. 679.
- Акимъ Алексѣевичъ, письмоводитель А. Е. Полеваго, т. XXVII, стр. 42, 48; т. XXIX, стр. 36.
- Ал. Аким., т. XXX, стр. 619.
- Вл. П., т. XXVII, стр. 533.
- Тихонравовъ, Конст. Никит. *Библиографическая замѣтка* о его биографіи, написанной И. А. Голицынымъ, т. XXX, стр. 732—733.
- Толстые:**
- Гр. Д. А. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Городскія училища при Екатеринѣ II, т. XXVIII, стр. 689—691. *Упомин.*, т. XXVII, стр. 312.
- И. А., главный начальникъ Азова, т. XXIX, стр. 288.
- Траверсе-де, маркизъ, адмиралъ, т. XXIX, стр. 362.
- Трачевскій, А. С. *Его статья*: Новое историческое Общество, т. XXX, стр. 711—715.
- Троттеръ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: India under Victoria, т. XXVIII, стр. 227—228.
- Трубачевъ, С. С. *Библиографическія замѣтки его*: Законы стиха рускаго народнаго и нашего литературнаго. — Опытъ изученія П. Д. Голохвастова, т. XXVII, стр. 213—215. — Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни въ ихъ церковномъ и историко-литературномъ значеніи. А. Пономарева; т. XXVII, стр. 215—216. — Матеріалы для исторіи Южно-Русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ Кіевскаго губернскаго архива. А. А. Андреевскаго, т. XXVII, стр. 216—217. Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. — Дневникъ П. И. Челищева. Изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова, т. XXVII, стр. 444—448. — Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, проф. В. К. Надлера; т. XXVIII, стр. 687—689. — Св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ, А. Говорова, т. XXVIII, стр. 692—694. — Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. — II. Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Н. Карѣва, т. XXIX, стр. 200—202. — Изъ пережитаго. Автобіографическія воспоминанія Н. Гилярова-Платонова. Въ двухъ частяхъ, т. XXIX, стр. 452—454. — Викторъ Гюго и его время, по его запискамъ, воспоминаніямъ и разсказамъ близкихъ свидѣтелей его жизни. Переводъ съ французскаго Ю. В. Дюпелъмайера. Съ предисловіемъ проф. Стороженька. Съ портретомъ Виктора Гюго; т. XXIX, стр. 657—659. — Новая исторія (вторая половина XVIII и начала XIX вѣка). — Чтенія ординарнаго проф. Казанскаго университета Н. А. Осожина, т. XXIX, стр. 665—668. — Дневникъ генеральнаго хорунжаго Николая Ханенка. Изданіе редакціи „Кіевской Старини“, т. XXIX, стр. 671—672. Dr. Ireland. — Психозы въ исторіи. Перев. М. С. Буба. Подъ редакціей проф. П. И. Ковалевскаго, т. XXIV, стр. 676—678. — Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ, т. I, ч. 1; т. XXX, стр. 223—226. Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока. Карѣва; т. XXX, стр. 465—467. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изданіе воронежскаго губернскаго статистическаго комитета, т. XXX, стр. 478—479.
- Трубецкіе, вн.**
- Ел. Эсп., рожд. кн. Бѣлосельская-Бѣлозерская, т. XXVIII, стр. 465.
- Ив. Юр., бояринъ, т. XXX, ноябрь, прилож., стр. 26.
- Николай Никитичъ, масовъ, т. XXVIII, стр. 584, 609.
- Н. Ю., генералъ-прокуроръ, генфельдмаршалъ, т. XXIX, стр. 400.
- Труворовъ, Асколонъ Николаевичъ, членъ археографической комиссіи. *Его статья*: О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, т. XXX, стр. 142—164.
- Тсанни, Элеонора. *Библиографическая замѣтка* о ея переводѣ романа Григоровича „Столичные родственники“, т. XXX, стр. 483.
- Тугутъ, баронъ Францъ-Марія, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. XXX, стр. 210—211.
- Тузовъ, оберъ-офицеръ, издатель журнала „Поденщина“, т. XXIX, стр. 591.
- Тургеневъ, А. И., дѣйств. статскій совѣтникъ, писатель, т. XXVII, стр. 557.
- Турдановскій, Семенъ, семинаристъ, поджигатель, т. XXIX, стр. 166, 168.

Тьерь, Людовикъ-Адольфъ, французскій министр, внос. президентъ французской республики, писатель, т. XXVIII, стр. 682—683; т. XXIX, стр. 422; т. XXX, стр. 312—315, 320.

Тэнь. *Библиографическая замѣтка о его статьѣ*: Napoleon Vaparatge, т. XXVIII, стр. 230.

Тютчевъ, Ф. И., писатель, т. XXX, стр. 521, 533.

Тяжеловъ, тверской семинаристъ, т. XXX, стр. 199, 201.

У.

Уальполь, Спенсеръ, авторъ книги: „A history of England from 1815“. *Извлеченіе изъ нея*, т. XXVII, стр. 425—435.

Уваровъ, гр., С. С., министр народнаго просвѣщенія, т. XXVII, стр. 348, 437, 438; т. XXVIII, стр. 312; т. XXIX, стр. 52, 266—269, 273, 276, 508, 509, 512, 516; т. XXX, стр. 53, 346, 356, 507—505, 516—518, 534. 617, 618; ноябрь, прилож., стр. 51—52, 82—85.

Уваръ, парижскій банкиръ, т. XXIX, стр. 422.

Уейръ, Арчибалдъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Historical Baais of Modern Europe т. XXVII, стр. 710—711.

Уильсъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Persia as it is, т. XXVII, стр. 713—714.

Улитинъ, московскій книгопродавецъ, т. XXIX, стр. 280, 533, 536.

Улу-Махметъ, ханъ казанскій т. XXVIII, стр. 613.

Урусьевы, кн.

— **Бесланъ Магометовичъ**, восходившій на Эльбрусь, т. XXVIII, стр. 354, 362, 364—365, 371.

— **Измаилъ**, т. XXVIII, стр. 344, 355—356, 360, 362, 373—374.

— **Магометъ**, т. XXVIII, стр. 357—358.

— **Сафаръ Изм.**, конч. курсъ Петроп.-ской академіи, т. XXVIII, стр. 373.

Усовы:

— **Павель Степановичъ**, писатель. *Его статьи*: Среди скитницъ, т. XXVII, стр. 308—342, 577—598. Каждому свое, т. XXVIII, стр. 492—498. Тридцатилѣтіе первой желѣзно-дорожной гарантіи, т. XXIX, стр. 169—179. Властелины капиталовъ, т. XXIX, стр. 406—426. Три центра кустарей, т. XXX, стр. 110—134. *Библиографическая замѣтка о немъ*: Творенія Пинногенія, митрополита московска-

го. Ив. Барсукова, т. XXVIII, стр. 212—214. Русскій таможенный тарифъ и его недостатки по отношенію къ различнымъ хлопчатобумажнымъ товарамъ. А. Макарова, т. XXVIII, стр. 220—221. Ростовское городское училище въ первые годы своего существованія (1786—1803). Историческій очеркъ А. А. Титова, т. XXVII, стр. 459. Описаніе рукописей ростовскаго музея церковныхъ древностей. А. А. Титова, т. XXVIII, стр. 474—476. Нижегородскій летописецъ А. С. Гацянскаго, т. XXVIII, стр. 691—692. Трехлѣтняя годовщина города Самары (1580—1886) П. Алабина, т. XXVIII, стр. 699—700. „Вологодскій Сборникъ“, издаваемый при вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ подъ редакціей секретаря комитета Н. А. Полиевктова, т. XXIX, стр. 204—206. Переписанія книги Ростова Великаго второй половиною XVII вѣка, изданіе А. А. Титова, т. XXIX, стр. 672—673. Патриаршее село Свято-славль и упраздненный Воскресенскій, Карашскій монастырь въ Ростовскомъ уѣздѣ. Историческій очеркъ А. А. Титова, т. XXIX, стр. 679. Материалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Естественно-историческая часть. Отчетъ нижегородскому губернскому земству проф. В. В. Докучаева, т. XXX, стр. 229—230. Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Изслѣдованіе Константина Ладженскаго, т. XXX, стр. 740—742.

— С. М., редакторъ „Земледѣльческой Газеты“, профессоръ С.-Петербургскаго университета, т. XXVIII, стр. 193—198.

Успенскій, Ф. Ив. *Его статья*: Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ, т. XXX, стр. 590—693. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Какъ возникъ и развивался въ Россіи Восточный вопросъ? Изд. С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества, т. XXVIII, стр. 217—319.

Устиновичъ, Петръ, *Библиографическая замѣтка о его брошюрѣ*: Память 29 января 1837 года. Кончина Александра Сергѣевича Пушкина, т. XXVIII, стр. 476.

Устряловъ, Н. Гер., академикъ, т. XXX, стр. 142, 152, 155.

Ухтомскій, кн. Л. А., казанскій землевладелецъ, т. XXIX, стр. 235.

Ушановъ, Вас. Апол., писатель, т. XXVII, стр. 28—30, т. XXVIII, стр. 563—565.

Фавье, секретарь французскаго посольства въ Петербургѣ при Петрѣ III. *Его*: Записки, т. XXIX стр. 384—405.

Файеръ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Исторія современной Европы“, т. XXVII, стр. 711—712.

Фарварсонъ, англичанинъ, учитель навигаціонной школы, т. XXIX, стр. 476.

Фариновъ, книгопродавецъ, т. XXX, стр. 52, 77.

Фелинскій, каноникъ, т. XXVIII, стр. 138, 140, 141.

Фердинандъ I, императоръ австрійскій, т. XXVII, стр. 82, 365—366, 369—371, 379, 389.

Фердинандъ Эсте, эрцгерцогъ австрійскій, т. XXVII, стр. 87.

Ферроне, гр., франц. посоль въ Петербургѣ, т. XXIX, стр. 180—181.

Фесшотъ, губернёръ Арсеневыхъ, т. XXVII, стр. 350—351.

Фетхъ-Али-Шахъ, шахъ персидскій, т. XXX, стр. 425, 433—435.

Фикельмонъ, гр. австрійскій, посоль въ Петербургѣ, т. XXVII, стр. 90—91, 99—100, 103, 105, 107, 377, 383.

Филареты:

— Дроздовъ, митр. московскій, т. XXVIII, стр. 68—71, т. XXX, стр. 519.
— патриархъ московскій, т. XXVIII, стр. 253, 255, 259.

Филимоновъ, В. С., писатель, т. XXVII, стр. 281—284, 299, 528, т. XXVIII, стр. 30.

Филиповъ, М. А., писатель, *Его* *некрологъ*, т. XXVII, стр. 238.

Фильденъ, Элиза, *Библиографическая замѣтка о ея книгѣ*: „Му african home or bush life in Natal“, т. XXX, стр. 585.

Фирсовъ, Н. Н. *Его* *статья*: „Воспоминаніе объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ“, т. XXX стр. 565—581.

Фицтумъ фонъ-Энштедтъ, гр., саксонскій дипломатъ, т. XXVIII, стр. 442—466.

Фонъ-Визинъ, Д. И., писатель, т. XXIX, стр. 61—90, 298—299, 305, 312.

— С. Пав., московскій губернаторъ, т. XXVII, стр. 357—363.

Франклинъ, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „The great battles of 1870 and blockade of Metz“, т. XXX, стр. 484—485.

Францъ I, императоръ австрійскій, т. XXVII, стр. 82, 88, 89—91, 94, 96, 102—104, 365, т. XXX, стр. 300.

Францъ-Иосифъ, австрійскій императоръ, т. XXVII, стр. 82, 389—401, т. XXVIII, стр. 665, 669, 675, 676, 678, 679, 683.

Фресль, Иоганъ, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Die Scythen-Saken die Urväter der Germaner“, т. XXX стр. 241.

Фрейндъ, Леонгардъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Die Frauen im Spiegel der französischen, italienischen und russischen Spruchweisheit“, т. XXIX, стр. 464.

Фридбергъ, П. И., пензоръ. *Его* *некрологъ*, т. XXIX, стр. 225.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, прусскій король, т. XXVII, стр. 102, 107, 367, 369—370, 378; XXX, стр. 295, 320.

— IV, король прусскій, т. XXVII, стр. 83, 386, 387, 391.

— Принцъ прусскій, вносл. наслѣднй принцъ Германскій т. XXVIII, стр. 450.

Фрязинъ, Иванъ (дела Водне), посоль Іоанна III въ Италию, т. XXX, стр. 682—684, 688.

Фуадъ-Эффенди, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. XXVII, стр. 193, 427

Хабаровъ, Ив. Ив., дворецкій, т. XXX, ноябр. прил. стр. 7.

— Лука, вапрахъ Преображенскаго полка, т. XXX, стр. 152, 156—157.

Харитонъ, архимандритъ Солотчинскаго мон., т. XXVII: стр. 247.

Хворостининъ, кн. Иванъ, московскій вольнодумецъ, т. XXVIII, стр. 259.

Хвостовъ, писатель XVIII вѣка, т. XXVIII, стр. 523—528.

Хмларъ, кабардинецъ, взшедшій на вершину Эльбуруса, т. XXVIII, стр. 344.

Хлѣбниковы:

— К. Т., директоръ российско-американской компаніи, т. XXVII, стр. 37; т. XXIX, стр. 510, 539.

— П. В., ростовскій сторожилъ, т. XXIX, стр. 139.

— П. К., генераль-аудиторъ-лейтенантъ, библюфилъ, т. XXVIII, стр. 603.

Хованскій, кн. П. И., бояринъ, т. XXIX, стр. 244.

Ходановскій, Зоріанъ Яковлевичъ, археологъ, т. XXVII, стр. 286—290; т. XXVIII, стр. 302—306.

— ая, вдова его, т. XXVIII, стр. 302—306.

Хомяновъ, А. Ст., писатель, славянофилъ, т. XXX, стр. 534, 535.

Хрулевъ, Ст. А., ген.-лейт., т. XXVII, стр. 65—66; т. XXVIII, стр. 85—87.

Худояръ, кокаскій ханъ, т. XXX, стр. 694, 695, 696—699, 704.

Хуршидъ-паша, боснійскій генераль-губернаторъ, т. XXVIII, стр. 426.

Ц.

Цабель, Евгений. *Библиографическая записка о его книж:* Graf L. N. Tolstoi, т. XXVIII, стр. 701—702.

Цаттаевъ, проф. Москов. унив. О назначеніи ему преміи митр. Макарія, т. XXX, стр. 489.

Цятковъ, Конст. Евгр., священникъ села Дуденева, т. XXX, стр. 116.

Ценновскій, Левъ Сем., проф. Харьковскаго унив. *Его некрологъ*, т. XXX, стр. 494—495.

Цецалия, шведская принцесса, т. XXX, стр. 137—141.

Цейдлеръ, Э. I. Его рефератъ въ Филолог. общ., т. XXVII, стр. 718.

Цициановъ, кн. Ш. Д., полковникъ, т. XXX, стр. 410, 418—415.

Цынлеръ, Иванъ, стрѣлцкій полковникъ, т. XXX, стр. 146, 153.

Цынскій, Левъ Михайловичъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ, т. XXIX, стр. 280—281, 505, т. XXX, стр. 50, 337, 619.

Ч.

Чаадаевъ, П. Я., писатель, т. XXVII, стр. 79—80, 555, 556; т. XXX, стр. 515, 519, 520.

Чамберленъ, Галль. *Библиографическая записка о его книж:* Imperial university of Japan, т. XXX, стр. 240—241.

Чанышевъ, Х. А. *Его статья:* „Русское посольство въ Кашгаръ въ 1875 г., т. XXX, стр. 694—708.

Чарторыйскій, князь Адамъ, министр иностранных дѣлъ, попечитель Виленскаго учебнаго округа. *Библиографическая записка о его Мемуарахъ и перепискѣ съ императоромъ Александромъ I,* т. XXIX, стр. 213; т. XXX, стр. 470—475. *Упомин.*, т. XXIX, стр. 604, 608.

Чайновскій, П. И., композиторъ, директоръ Московской консерваторіи, т. XXVII, стр. 614.

Чевинъ, К. В., ген.-адъютантъ, главноуправляющій путями сообщения, т. XXIX, стр. 170—177.

Челищевъ, П. И., секундъ-майоръ, *записка о его „Дневникѣ“*, т. XXVII, стр. 444—448.

Черепановъ, Н. Е., профессоръ Московскаго унив., т. XXX, стр. 79—80.

Черкасскіе:

— кн. Александръ, т. XXIX, стр. 380.

— кн. Ив. Бор., т. XXX, стр. 128.

— кн. Мих. Бор., т. XXX, стр. 128.

— кн. Мих. Як., т. XXX, стр. 125.

— кн. Як. Куденовичъ, бояринъ, т. XXX, стр. 125.

Чернышевъ, гр. Ив. Гр., посолъ въ Лондонъ, т. XXIX, стр. 401.

Черчилль, лордъ Рандольфъ, англійскій министръ, т. XXVII, стр. 645—649, т. XXVIII, стр. 422, 423.

Чирковы:

— Ек. Никол., см. Поливанова.

— Ел. П., рожд. Татищева, т. XXIX, стр. 562, т. XXX, стр. 497—498.

— Н. А., ген.-майоръ, т. XXX, стр. 562, т. XXX, стр. 497—498.

— С. Н., см. Давыдова.

Чичеринъ, авторъ Исторіи Преображ. полка, т. XXX, стр. 152, 162.

— Денисъ Ив., Сибирскій генералъ-губернаторъ, т. XXIX, стр. 632.

Чичеровъ, сотенный Сухарева полка, т. XXX, стр. 147—148.

Чулковъ, Мих. Дм., редакторъ журнала: „И то и сѣо“, т. XXIX, стр. 299—301, 591, 600—601.

Чулошниковъ, Нифонтъ, стрѣлцкій лятисотенный, т. XXX, стр. 144.

Ш.

Шанловитый, Федоръ Леонтьевичъ, окольничій, начальникъ стрѣлцкаго прика, т. XXVIII, стр. 241, 242, т. XXX, стр. 142—150, 161, 163—164; ноябрь, прилож., стр. 10.

Шалиновъ, кн. П. И., писатель, издатель „Дамскаго Журнала“, т. XXVII, стр. 293, 347, т. XXVIII, стр. 558—560.

Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, т. XXX, стр. 378—379.

Шараповы, Сергій. *Библиографическая записка объ изд. и редак. имъ „Московскомъ Сборникѣ“*, т. XXIX, стр. 662—664.

— Ф. боярскій сынъ.

Шаховской, кн., ген.-прокуроръ, т. XXVIII, стр. 286.

Шаховъ, Н. А. бахмутскій предводитель дворянства, т. XXX, стр. 372, 641.

Шварценбергъ, кн. Феликсъ, австрійскій государственный дѣятель, т. XXVII, стр. 389, 391, 393, т. XXVIII, стр. 447—449.

Шварцъ, Ив. Ег., масонъ, профессоръ Московскаго университета, т. XXVIII, стр. 585, 587, т. XXIX, стр. 556—557, 562.

Швайпольтъ Фоль, типографъ краковскій, т. XXVIII, стр. 249.

Швейгеръ-Лерхенфельдъ. *Библиографическая записка о его книж:* Zwischen Donau und Kaukasus, Land und Seefahrten im Bereiche des Schwarzen Meeres, т. XXVIII, стр. 224.

- Шевыревъ**, Ст. Петр., профессоръ Московскаго университета. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Исторія поэзіи. Томъ 1-й содер. въ себѣ истор. поэзіи индійцевъ и евреевъ, т. XXX, стр. 467—469. *Упомян.* т. XXVII, стр. 533, т. XXVIII, стр. 181, 293, 297, 299; т. XXX, стр. 518, 519, 520.
- Шениъ**, П. В. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Зап. края, т. I. ч. I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ, т. XXX, стр. 223—226.
- Шелейховскій**, Вл. К., *Его некрологъ*: т. XXIX, стр. 470.
- Шеллеръ**, А. К., редакторъ „Живописнаго Обзорнія“, т. XXVIII, стр. 382.
- Шелиховы**: Г. П., завоеватель Русской Америки, т. XXVII, стр. 36, 37.
— Дм. Потаповичъ, писатель, т. XXVIII, стр. 41—43.
- Шенроуъ**, В. *Замѣтка о его книгѣ*: Ученическіе годы Гоголя, т. XXVII, стр. 456—458.
- Шепелевы**: А. А., генераль, окольныйчій, т. XXX, ноябр. прил., стр. 19.
— Мавра Ел., см. Шувалова.
- Шепсъ**, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: *Triscillian, ein neuaufgefundener lateinischer Schriftsteller des IV Jahrhunderts*, т. XXVIII, стр. 491.
- Шереметевы**: гр., В. П., фельдмаршалъ, т. XXIX, стр. 239—243, 251.
— Гр. П. Бор., оберъ-камергеръ, т. XXIX, стр. 402. т. XXX, стр. 128.
- Шереръ**, Эрмондъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Біографія Мельхиора Гримма, т. XXVIII, стр. 228. *L'alarme de 1875. Etude historique*, т. XXX, стр. 234, 236.
- Шеръ**, Іоганъ, нѣмецкій историкъ литературы. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 238—139.
- Шестакова**, Л. И. рожд. Глинка, т. XXVIII, стр. 155, 157, 161; апрѣль, прилож. 5, 6—8, 34—35.
- Шейхль**, Францъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: *Der Aufstand der protestantischen Salzarbeiter und Bauer im 1601 und 1602*, т. XXVIII, стр. 224—225.
- Шидловскій**, цензоръ, т. XXX, стр. 668—672.
- Шилова**, М. В., рожд. Вердеревская, т. XXVII, стр. 355—356.
- Шильдеръ**, Карлъ Андреевичъ, генераль-адъютантъ, начальникъ инженерновъ гвардейскаго корпуса, т. XXX, стр. 623.
- Шимановскій**, Вацлавъ, редакторъ „Варшавскаго Курьера“. *Его некрологъ*, т. XXVII, стр. 479.
- Шиповъ**, С. П., т. XXX, стр. 518, 521, 522, 527.
- Ширяевъ**, московскій книгопродавецъ, т. XXVIII, стр. 543, 557, 560.
- Шифнорнъ**, Фердинандъ, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: *Kulturbilder aus dem*,—Osten, т. XXVIII, стр. 224.
- Шишновы**,—А. С. адмираль, министръ народнаго просвѣщенія, президентъ Академіи Наукъ, т. XXVII, стр. 528; т. XXVIII, стр. 308—310, 313, 314; т. XXIX, стр. 481, 615, 619.
— Тамбовскій губернаторъ, т. XXIX, стр. 164.
- Шлагинтейтъ**, путешественникъ. *О памятникѣ ему*, т. XXVIII, стр. 235—236.
- Шлецеръ**, Августъ-Людвигъ, академикъ, историкъ, т. XXX, стр. 208.
- Шлякинъ**, И. А. *Библиографическая замѣтка его*: Симеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ, В. Попова, т. XXVIII, стр. 219—220. *Замѣтка о его сообщении въ Обществѣ любителей древ. письменности*, т. XXVII, стр. 236.
- Шоноровъ**, В. А., докторъ медицины, т. XXVIII, стр. 160. стр. 8 (апрѣль, особ. пагина.).
- Шрадеръ**, О. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Лингвистическо-историческіе матеріалы для изслѣдованія индогерманской древности Перев. съ нѣмецкаго, т. XXVII, стр. 703—704.
- Шрейдеръ**, генераль, ахтырскій уѣздный предвод. дворянства, т. XXX, стр. 377, 381, 382.
- Штѣберъ**, Августъ, *Замѣтка о его книгѣ*: *Neue Alsatia, Beiträge zur Landeskunde, Geschichte, Sitten und Rechtskunde des Elsasses*, т. XXVII, стр. 467.
- Штанельбергъ**, баронъ. вице-адмираль, т. XXX, стр. 756.
- Штелинъ**, академикъ, т. XXIX, стр. 237—238.
- Штернъ**, Альфредъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: *Abhandlungen und Actenstücke zur Geschichte preussischen Reformzeit*, т. XXVIII, стр. 225—226.
- Штейнъ**, графъ Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ, прусскій министръ, т. XXX, стр. 289.
- Штиглицъ**, баронъ, А. Л. банкиръ, дѣйст. ст. сов., т. XXIX, стр. 171—175.
- Шторкъ**, экономистъ-писатель, т. XXVIII, стр. 46—47.
- Штофрегенъ**, лейбъ-медикъ, т. XXX, стр. 441—445.

Штрандманъ, баронъ, секр. рус. пос. въ Лондонѣ, т. XXIX, стр. 651, 652.

Штуненбергъ, Андрей Ив., инженеръ. *Его некрологъ*, т. XXVIII, стр. 499.

Шубинскій, С. Н. *Библиографическія замѣтки его*: Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія (по поводу книги П. Н. Петрова: „Исторія родовъ русскаго дворянства“), Александра Барсукова, Сиб., 1886 г., т. XXVII, стр. 452—453. О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособия для русской археологіи, Дмитрія Кобеко, т. XXVIII, стр. 214—215. Одиннадцать гравюръ И. А. Берсенева, съ замѣткою о его жизни. Издалъ Д. А. Ровинскій, т. XXX, стр. 744. *Его замѣтка*: Примѣчаніе для А. М. Скабичевскаго, т. XXVII, стр. 503—504.

Шуваловы:

— Гр., А., флигель-адъютантъ, полковникъ, т. XXX, стр. 387, 643, 644.

— Гр., Александръ Ив., начальникъ тайной канцеляріи, вполн. ген.-фельдмаршалъ, т. XXVIII, стр. 572, 591; т. XXIX, стр. 393, 395, 400.

— Гр., Андрей Петр., дѣйств. тайн. сов., дѣйств. камергеръ, т. XXIX, стр. 400, оберъ-гофмаршалъ, т. XXX, стр. 650.

— Гр., Анна Ив., рожд. кн. Одоевская, т. XXIX, стр. 394.

— Ив. Ив., дѣйств. тайн. сов., оберъ-камергеръ, кураторъ Московскаго университета, т. XXIX, стр. 392—393, 400, 401.

— Гр., Мавра Егор., рожд. Шепелева, т. XXIX, стр. 394, 558.

— Гр., Петръ Андр., генераль-адъютантъ, шефъ-жандармовъ, посоль въ Лондонѣ, т. XXVIII, стр. 667.

— Гр. Петръ Ив., ген.-фельдмаршалъ, т. XXIX, стр. 393—395, 400.

— Гр. Прасковья Анд., см. кн. Голицына.

Шутовъ, Андрей Лар., раскольничій архіерей Антоній, т. XXVIII, стр. 75.

Щ.

Щадринъ, Емельянъ, донской казакъ, искавшій волшебный камень, т. XXIX, стр. 379—383.

Щепинъ, М. С., артистъ, т. XXX, стр. 524, 525.

Щепотьевъ, сержантъ Петра Великаго, т. XXIX, стр. 243.

Щербань, Н. *Его замѣтка*: „Историческая справка“, т. XXIX, стр. 471—472.

Щербатовы, князья:

— А. Г., московскій ген.-губернаторъ, т. XXVII, стр. 568.

— М. М., историкъ, т. XXVIII, стр. 591; т. XXIX, стр. 310—411.

— А. О., т. XXVIII, стр. 265.

Щиглевъ, М. Р., преподаватель музыки, т. XXVIII, стр. 138—146, 149.

Щуровскій, Г. Г., писатель. *Его некрологъ*, т. XXIX, стр. 696.

Э.

Эварницкій, Д. И. *Его статьи*: „Первый екатеринславскій губернаторъ, т. XXVIII, стр. 631. Могилы двухъ кошевыхъ атамановъ, т. XXIX, стр. 122—129. *Замѣтка о его сообщеніи въ Археологическомъ обществѣ*, т. XXVII, стр. 474.

Эвениусъ, проф. Московскаго университета, т. XXVII, стр. 350, 363.

Эдигей, мурза, т. XXVII, стр. 590—591.

Эллиотъ, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: „Our arctic province“, т. XXVIII, стр. 487—488.

Эминъ, Э. А., писатель, т. XXIX, стр. 592, 598—600.

Энгельгардтъ, Е. П., рожд. Татищева. А. Л. см. Баратынская, т. XXIX, стр. 562—563.

— Л. Н., ген.-майоръ, т. XXIX, стр. 562—563, С. Л. см. Пугача.

Эрихъ XIV, король шведскій, т. XXX, стр. 135, 138—140.

Эристовъ, кн. Ег. Евс., ген.-майоръ, восходившій на Эльборусъ, т. XXVIII, стр. 344.

Эстергази, гр. австрійскій посоль въ Петербургѣ, т. XXVII, стр. 396—397.

Ю.

Юнгвальдъ, содержательница пансіона въ Казани, т. XXVIII, стр. 111.

Юрій Владиміровичъ Долгорукій, в. к. кіевскій, т. XXVII, стр. 128.

Юрій II Всеволодовичъ, в. к. владимірскій, т. XXVII, стр. 590.

Юрковъ, С. Э., павлоградскій помѣщикъ, т. XXX, стр. 365.

Юрьевъ, А. В., московскій богачъ, т. XXX, стр. 423.

Юсуповъ, кн. Б. Н., сенаторъ т. XXVII, стр. 77.

— кн. Н. Б., дѣйств. тайн. совѣтникъ I класса, т. XXVII, стр. 75—77.

Юшновъ, А. А. окольничій, т. XXX, нояб. прил. стр. 26.

— В. А. рожд. Протасова, т. XXVII, стр. 111, 121.

Я.

Ядринцевъ, Н. М., Его сообщеніе въ археолог. инстит., т. XXVII, стр. 497—498.

Языковы:

— Д. Д. *Его статья*: Литературные труды П. В. Анненкова, т. XXVIII, стр. 656—659.

— Н. А., мировой посредникъ, въ Харьковской губерніи, т. XXX, стр. 644, 645.

— Н. М., поэтъ, т. XXVIII, стр. 296, 297.

Яновлевъ, В. А., профессоръ Новороссійскаго университета. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи. Въ воспоминаніе пятидесятилѣтія со дня смерти поэта, т. XXVIII, стр. 211—212.

Янубовъ, К. *Его статья*: „Дочь Густава I. т. XXX, стр. 135—141.

Янубъ-бенъ, ханъ Кашгарскій, т. XXX, стр. 694, 695.

Янушкинъ, В. Е., писатель, т. XXVII 409.

Янишъ, Кар. Кар., см. Павлова.

Яновъ, П. Н., бѣлевскій уѣздн. предводитель дворянства, т. XXVII, стр. 114.

Ярошенко, П. А., художникъ, т. XXVIII, стр. 391.

Ө.**Өеодоровы:**

— Иванъ, первопечатникъ, т. XXVIII, стр. 253.

— Н. П. *Ея статья*: Воспоминаніе объ Ю. В. Жадовской, т. XXX, стр. 394—407.

— Ө. А., знакомый Бородинныхъ, т. XXVIII, стр. 138, 140.

Өеодоръ Аленъевичъ, царь Московскій, т. XXX, нояб. прил. стр. 18, 19, 22, 23.

Өеодосій, архимандритъ Солотчинскаго мон., т. XXVII, стр. 251.

— Вяземскій архимандритъ, т. XXIX, стр. 91—121.

Өеонтистъ, архіепископъ Курскій, т. XXVII, стр. 269.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1887 г.

Портреты.

- Амвросій**, Зертисъ-Каменскій, архіепископъ; съ портрета, писаннаго масляными красками въ концѣ XVIII столѣтія и находящагося въ Москвѣ, въ Даниловскомъ монастырѣ, т. XXVII, стр. 137.
- Арсеній** Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій; съ портрета прошлаго вѣка, находящагося въ Бѣлой Палатѣ, въ Ростовѣ, т. XXVII, стр. 141.
- Балакиревъ**, М. А., композиторъ, т. XXVII, стр. 613.
- Батюшновъ**, Константинъ Николаевичъ; съ портрета, рисованнаго имъ самимъ для Е. Г. Пушкиной и приложеннаго къ 2-му тому его сочиненій, изд. 1887 г., т. XXVIII (на отдѣльномъ листѣ).
- Бодянский**, Осипъ Максимовичъ, т. XXX, стр. 513.
- Болтинъ**, Иванъ Никитичъ; съ гравированнаго портрета Розанова, т. XXIX, стр. 307.
- Бородинъ**, А. П., т. XXVIII (на отдѣльномъ листѣ).
- Бородинъ**, Александръ Порфирьевичъ, въ 14-ти-лѣтнемъ возрастѣ; съ портрета масляными красками, писаннаго Денъеромъ въ 1848 году, т. XXVIII, стр. 141.
- Екатерина II**, императрица, въ 1794 году; съ портрета того времени, сдѣланнаго съ натуры карандашемъ Шубиннымъ (подлинникъ въ Эрмитажѣ), т. XXX (на отдѣльномъ листѣ).
- Жадовская**, Юлія Валеріановна, т. XXX (на отдѣльномъ листѣ).
- Налачовъ**, Н. В., т. XXVIII, стр. 405.
- Напнистъ**, Василій Васильевичъ, т. XXVIII, стр. 529.
- Нрашской**, И. Н., съ портрета, написаннаго въ февралѣ 1887 г. дочерью его, Софьей Ивановной Крамской, т. XXVIII (на отдѣльномъ листѣ).
- Нудрявцевъ**, Нефедъ Никитичъ, съ фамильнаго портрета, писаннаго въ XVIII столѣтіи, т. XXIX (на отдѣльномъ листѣ).
- Нургановъ**, Николай Гавриловичъ, съ портрета, приложеннаго къ „Исторіи морского кадетскаго корпуса“, т. XXIX, стр. 485.
- Ланской**, Александръ Дмитріевичъ, съ миниатюры на фарфорѣ, рисованной съ натуры де-Мейсомъ (собственность Н. П. Шалѣева), гравюра Паннемакера въ Парижѣ, т. XXVII (на отдѣльномъ листѣ).
- Ломанинъ**, Г., т. XXVII, стр. 603.
- Муравьевъ**, Михаилъ Николаевичъ, графъ, т. XXX (на отдѣльномъ листѣ).

- Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, съ акварельнаго портрета, рисованнаго въ 1833 году, въ Москвѣ, Людвигомъ, гравюра Паннемакера въ Парижѣ, т. XXVII (на отдѣльномъ листѣ).
- Полевой, Николай Алексѣевичъ, съ акварельнаго портрета, рисованнаго въ 1833 году, въ Москвѣ, Людвигомъ, гравюра Паннемакера въ Парижѣ, т. XXVII (на отдѣльномъ листѣ).
- Пушминъ, Александръ Сергѣевичъ, 12—14 лѣтъ; съ портрета, приложеннаго къ „Кавказскому альбуму“ 1882 г., т. XXVII, стр. 407.
- Пушминъ, Александръ Сергѣевичъ, съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кипренскимъ, т. XXVII, стр. 411.
- Пушмина портретъ, рисованный Элеонорою Жуковской съ маски, снятой съ него послѣ кончины, т. XXVII, стр. 415.
- Римскій-Норсановъ, Н. А., т. XXVII, стр. 619.
- Ришелье, герцогъ, съ гравированнаго портрета Мансфельда, т. XXIX, стр. 353.
- Родионова, Анна Николаевна, т. XXVIII, стр. 99.
- Синельниковъ, Иванъ Максимовичъ, съ фамильнаго портрета, писаннаго масляными красками, т. XXVIII, стр. 633.
- Тарасій, единовѣрческій архимандритъ, съ фотографіи, т. XXVII, стр. 531.
- Татищевъ, Александръ Даниловичъ, съ фамильнаго портрета, т. XXIX (на отдѣльномъ листѣ).
- Тепляновъ, Викторъ Григорьевичъ, т. XXIX (на отдѣльномъ листѣ).
- Фонизинъ, Д. И., съ гравированнаго портрета Скотникова, т. XXIX, стр. 73.
- Щербатовъ, князь, М. М., съ неизданнаго гравированнаго портрета изъ собранія Бекетова, т. XXIX, стр. 311.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

Бѣлевъ и село Мишенское:

- Церковь въ селѣ Мишенскомъ съ господскою усадьбой и школой, т. XXVII, стр. 112.
- Господскія постройки въ селѣ Мишенскомъ, т. XXVII, стр. 114.
- Часовня надъ прахомъ Буниныхъ на Мишенскомъ кладбищѣ, т. XXVII, стр. 118.
- Бывшій домъ Жуковского въ Бѣлевѣ, перестроенный въ 1872 году по старому плану для школы, т. XXVII, стр. 122.
- Бѣлевскій вдовой домъ, т. XXX, стр. 443.

Село Васильевна:

- Новый деревенскій домъ въ селѣ Васильевкѣ, Полтавской губ., въ которомъ Н. В. Гоголь бывалъ у своей матери, въ послѣдніе годы своей жизни, т. XXVII, стр. 304.
- Старый деревенскій домъ, въ селѣ Васильевкѣ, Полтавской губ., впоследствии сломанный, въ которомъ Н. В. Гоголь провелъ дѣтскіе годы, т. XXVII, стр. 303.

Горицкій монастырь:

- Горицкій монастырь до его возобновленія (рисунокъ 1870 года), т. XXVII, стр. 129.
- Никольская церковь бывшаго Горицкаго монастыря, т. XXVII, стр. 133.
- Св. ворота въ бывшемъ Горицкомъ монастырѣ, т. XXVII, стр. 131.
- Угловая юго-западная башня Горицкаго монастыря. Остатки каменныхъ колоннъ бывшей Геосиманіи въ Горицкомъ монастырѣ, т. XXVII, стр. 135.

Казань:

- Воскресная церковь въ Казани надъ могилой А. Н. Родионовой, т. XXVIII, стр. 125.
- Родионовскій женскій институтъ въ Казани, т. XXVIII, стр. 109.

Мазовецъ, бывшая уніатская, нынѣ православная церковь въ посадѣ Мазовецкѣ, Ломжинской губерніи, т. XXIX, стр. 135.

Нижегородскіе и костромскіе виды (къ статьямъ П. С. Усова):

- Бывшій видъ Городецкой часовни; съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ, т. XXVII, стр. 583.

- Внутренний вид Городецкой часовни; съ рисунка, сдѣланнаго А. П. Мельниковымъ, т. XXVII, стр. 589.
  - Древняя церковь въ селѣ Неклюдовѣ; съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ, т. XXVII, стр. 595.
  - Скитъ въ деревнѣ Чернухинѣ; съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ, т. XXVII, стр. 310.
  - Внутренний видъ скитской моленной въ Оленевѣ; съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ, т. XXVII, стр. 319.
  - Видъ Керженскаго единовѣрческаго монастыря; съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ, т. XXVII, стр. 327.
  - Макарьевскій монастырь въ Нижегородской губерніи, т. XXVIII, стр. 615.
  - Успенскій и Троицкій соборы въ Макарьевскомъ монастырѣ, т. XXVIII, стр. 619.
  - Внутренность Троицкаго собора съ сѣверной стороны, т. XXVIII, стр. 621.
  - Видъ церкви Михаила Архангела съ сѣверной стороны, въ настоящее время, послѣ передѣлки, т. XXVIII, стр. 623.
  - Видъ церкви Михаила Архангела съ сѣверной стороны, въ XVII столѣтіи, до передѣлки, т. XXVIII, стр. 625.
  - Мѣсто бывшей Макарьевской ярмарки, т. XXVIII, стр. 627.
  - Улица въ селѣ Богородскомъ, Нижегородской губ., Горбатовскаго уѣзда; съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ, т. XXX, стр. 113.
  - Ворсма, т. XXX, стр. 123.
  - Фабрика Завьяловыхъ въ Ворсми, т. XXX, стр. 127.
  - Видъ села Павлова, т. XXX, стр. 131.
- Памятники:**
- Намогильный памятникъ кошевого атамана Сирка, т. XXIX, стр. 125.
  - Намогильный крестъ кошевого атамана Гордиенка, т. XXIX, стр. 128.
  - Памятникъ императрицы Елисаветы Алексѣевны въ саду вдовьяго дома въ Бѣлевѣ, т. XXX, стр. 447.
  - Памятникъ надъ могилой генерала Панина близъ Кракова, т. XXX, стр. 710.
- Старая Русса.** Домъ Ѳ. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ, т. XXVII, стр. 573.
- Виды по Темзѣ:**
- Гаммерсмитъ, т. XXX, стр. 718.
  - Гробница Гогарта, т. XXX, стр. 723.
  - Домъ Гогарта, т. XXX, стр. 721.
  - Железнодорожный мостъ въ Барнесѣ, т. XXX, стр. 719.
  - Церковь въ Фольгамѣ, т. XXX, стр. 717.
  - Чизвикскія ворота, т. XXX, стр. 720.
- Угличь:**
- Храмъ Воскресенія Господня въ г. Угличѣ, т. XXIX, стр. 583.
  - Видъ Пятницкой и Воскресенской церквей съ восточной стороны, т. XXIX, стр. 587.
- Эльборусь:**
- Водопадъ Сылтырынъ, близъ аула Баксана; съ фотографіи Ермакова въ Тифлисѣ, т. XXVIII, стр. 349.
  - Эльборусь и ледникъ Терсъ-Коль; съ фотографіи Ермакова въ Тифлисѣ, т. XXVIII, стр. 359.
  - Ущелье рѣки Керткъ, близъ аула Баксана; съ фотографіи Ермакова въ Тифлисѣ, т. XXVIII, стр. 368.

Бытовые и другіе рисунки.

- Иконы въ Керженскомъ лѣсу; съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Мельниковымъ, т. XXVII, стр. 324.
- Кабинетъ Ѳ. М. Достоевскаго въ его петербургской квартирѣ, въ которой онъ скончался, т. XXVII, стр. 375.
- Керженскіе типы:**
  - Раскольничья уставщица; съ рисунка съ натуры А. П. Мельникова, т. XXVII, стр. 315.

- Керженскій монахъ; съ рисунка съ натуры А. П. Мельникова, т. XXVII, стр. 335.
- Типы старовѣрокъ, т. XXVII, стр. 579.
- Ночная потѣдна по Темзѣ, т. XXX, стр. 725.**
- Планы:**
  - Керженскаго монастыря: 1) Главная церковь; 2) Могила основателя, о. Тарасія; 3) Келья настоятеля; 4) Деревянная церковь, выстроенная о. Тарасіемъ; 5) Небольшая каменная церковь; 6) Келья монаховъ; 7) Помѣщеніе церковнаго причта; 8) Службы; 9) Сарай; 10) Ягодный и фруктовый сады; 11) Огородъ и пашня; 12) Кирпичный сарай; 13) Керженскій лѣсъ, т. XXVII, стр. 339.
  - Поваго деревенскаго дома матери Н. В. Гоголя, въ Васильевкѣ, Полтавской губ., т. XXVII, стр. 306.
  - Старога флигеля въ селѣ Васильевкѣ, въ которомъ Н. В. Гоголь, въ послѣдніе годы своей жизни, гостилъ и работалъ, т. XXVII, стр. 307.
- Рисунки алмазовъ (въ статьѣ М. И. Пылева)—24 рисунка, т. XXIX, стр. 317, 319, 332, 334, 335, 338, 342, 344, 347, 348, 349.**
- Рисунки къ статьѣ В. Р. Зотова: „Очеркъ исторіи англійскихъ иллюстрацій“:**
  - Корабль Френсиса Дрека; рисунокъ 1587 года, т. XXVII, стр. 161.
  - Чудесныя извѣстія изъ Мюнстера въ Германіи: сраженіе при Кильрушѣ 1642 года, т. XXVII, стр. 163.
  - Женскій парламентъ въ 1644 году, т. XXVII, стр. 163.
  - Похороны королевы Маріи, т. XXVII, стр. 164.
  - Чудесный звѣрь, появившійся во Франціи въ 1765 году, т. XXVII, стр. 165.
  - Герцогъ Йоркскій въ 1827 году, т. XXVII, стр. 167.
  - Паровая карета Гурнея въ Реджентскомъ паркѣ въ 1827 году, т. XXVII, стр. 169.
  - Георгъ IV въ Виндзорскомъ паркѣ, т. XXVII, стр. 171.
  - Коронація королевы Викторіи, т. XXVII, стр. 173.
  - Королева Викторія въ костюмѣ Филиппы въ 1842 году, т. XXVII, стр. 175.
  - Моды 1842 года, т. XXVII, стр. 176.
  - Донисъ Слимъ въ 1842 году, т., XXVII, стр. 177.
  - Кобденъ въ 1842 году, т. XXVII, стр. 178.
  - Дизраели въ 1844 году, т. XXVII, стр. 179.
  - Сдача Седана; гравюра 1870 года, т. XXVII, стр. 181.
  - Систово въ 1877 году, т. XXVII, стр. 183.
  - Палатка корреспондентовъ газеты „Times“ и „Лондонской Иллюстраціи“, атакованныхъ волками въ 1877 году, въ Болгаріи, т. XXVII, стр. 185.
- Хрустальная ивоватъ, подаренная шаху персидскому императоромъ Николаемъ I, т. XXX, стр. 429.**

КАТАЛОГЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- Адольфъ, А.** Сатиры Д. Ювля Ювена-ла. М. Ц. 8 р.
- Андрей, Э. А.** Занкание и его лечение. Практическое руководство. Спб. 1887. Ц. 1 р.
- Валл, В. Prof.** Эротическое умопомѣшательство. Харьковъ. 1887. Ц. 30 к.
- Барсовъ, Е. В.** Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ кievской дружиной Руси. Изслѣдование. 2 т. М. 1887 г. Ц. за 2 т. 7 р.
- Баталинъ, Н. Н.** Настольная справочная книжка по орфографіи. М. Ц. 35 к.
- Баранцовичъ, Н.** Раба. Романъ въ 2 ч. Спб. Ц. 1 р.
- Баратынскій, Н. Е.** Изъ губерніи. Спб. 1887 г. Ц. 75 к.
- * **Боровиковскій, А.** Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ гражд. кас. департамента Правительствующаго Сената. (Дополненія). Спб. 1887. Ц. 1 р.
- Братъ и сестра.** Повѣсть для юношества. Съ англійскаго. Москва. 1887 г. Ц. 60 к.
- Бросьте курить!** О вредѣ куренія табаку для здоровья. Одесса. 1887 г. Ц. 20 к.
- Веселовскій, Н. Вас. Вас.** Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. 1816—1881. Съ прил. портрета и факсимиле. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.
- Гаршинъ, Е.** Общественное и воспитательное значеніе археологіи. Спб. 1887. Ц. 15 к.
- Герценштейнъ, В. О.** Предохраненіе дерева, а особенно шпаль, отъ гніенія и порчи насѣкомыми. Спб. 1887. Ц. 3 р.
- Горинновъ, С. М.** Уставы о воинской повинности, дополненные всѣми позднѣйшими узаконеніями по 15-е октября 1887 г. Изд. 4-е. Спб. Ц. 5 р.
- Григорьевъ, Д. П.** Христіанскіе вопросы жизни. По поводу сочиненія Л. Толстого „Въ чемъ моя вѣра“. Спб. 1887 г. Ц. 60 к.
- Гротъ, Я.** Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
- **Г. Вл.** Дворянское землевладѣніе въ связи съ мѣстной реформой. Варшава, 1887 г. Ц. 60 к.
- Гюго-Викторъ.** Избранныя стихотворенія. Спб. 1887 г. Ц. 25 к.
- Даниловъ, И.** Положенія о сельскомъ состояніи, дополненныя всѣми позднѣйшими узаконеніями по 1-е января 1887 г. Ч. II. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Дювернуа, А.** Словарь болгарскаго языка по памяткамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати. Вып. III. М. 1887 г. Ц. 2 р.
- Егоровъ, Н.** Основы медицинскаго физики. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.
- Езерскій, Ф. В.** Сравненіе системъ стеноводства. Спб. Ц. 50 к.
- Жирухинъ, И. В.** Механическіе снаряды, служащіе для производства выемки грунта и послѣдующей его транспортировки. Съ атласомъ (спб. института инж. пут. сообщ. в. XII). Спб. 1887 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
- Захеръ-Мазохъ.** Душегубка. Романъ. Спб. 1887 г. Ц. 70 к.
- Заводская книга русскихъ рысаковъ.** Т. I. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

- Згурский, Н. В.** Элементарныя понятія о физической и психической жизни человека, въ связи съ учениемъ о воспитаніи. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- Звѣрманскій, П. Ф.** Женитьба Дѣбири-на. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 30 к.
- Ивановскій, А.** Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая. Т. I. Ч. 1-я и 2-я. Спб. 1887 г. Ц. за 2 ч. 2 руб.
- И. З.** Конспектическое обозрѣніе римскихъ древностей. Справочная книга для изучающихъ латинскій языкъ и литературу. Изд. 2-е. Кіевъ. 1887 г. Ц. 50 к.
- Кавказъ.** Справочная книга, составленная старожиломъ. Вып. III. Тифлисъ. Ц. 20 к.
- Калануцкій, Н. В.** Изслѣдованіе внутреннихъ напряженій въ чугуны и стали. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- Нашмаровъ, И.** Дворянское дѣло. Спб. 1888 г. Ц. 1 р.
- Кавелина, Е. П. И. С.** Тургеневъ въ одѣжѣ своихъ ближайшихъ современниковъ. Спб. 1887 г. Ц. 40 к.
- Кавелинъ, Н. Д.** Задачи этики. Ученіе о нравственности при современныхъ условіяхъ знанія. Изд. 2-е. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.
- Ключъ къ русскимъ упражненіямъ 1-й и 2-й части (9-го изданія) концентрическаго учебника французскаго языка В. С. Игнатовича.** Харьковъ. Ц. 40 к.
- Коновровъ, В. А.** Экономическія провалы. По воспоминаніямъ съ 1837 года. Спб. 1887 г. Ц. 5 р.
- Крашевскій, І.** Гявъ Божій. Историческій романъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.
- Курсъ кройки и примѣрки и шитья дѣтскихъ нарядовъ.** Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- Костомаровъ, Н.** Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, изданіе 3-е и Старинные земскіе соборы. Спб. 1887. Ц. 2 р. 50 к.
- Лазаръ, П.** Земледѣльческія машины и орудія для обработки почвы и воздѣлыванія растений. Съ 2 атласами. М. 1887 г. Ц. съ атласами 3 р. 50 к.
- Львовъ, И. М.** Душевные волненія какъ причины болѣзней и какъ терапевтическое средство. Казань. 1887 г. Ц. 40 к.
- Лесгафтъ, П.** Отношеніе анатоміи къ физическому воспитанію и главныя задачи физическаго образованія въ школахъ. Изд. 2-е,—испр. и доп. Москва. 1888. Ц. 1 р.
- * **Лѣсковъ, Н. С.** Повѣсти и рассказы. Кн. II. Очарованный странникъ („Дешевая Библіотека“). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
- Лѣсковъ Н. С.** Сказаніе о Федорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ. М. 1887 г. Ц. 1 р.
- Любавинъ, Н. Н.** О природннхъ соединеніяхъ. М. 1887 г. Ц. 1 р.
- Львовъ, Дм.** Курсъ финансоваго права. Казань. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Маринскій, А. (А. А. Бестужевъ).** Фрегатъ „Надежда“. Издан. 2-е. („Дешевая Библіотека“). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 38 к., въ перепл. 45 к.
- * **Масловъ, А. Н.** Завоеваніе Ахаль-Теке. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами и факсимиле, съ приложеніемъ матеріаловъ для біографіи М. Д. Скобелева. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ, т. IV.** Спб. 1887 г. Ц. 3 р.
- Мальцевъ, А.** Основанія педагогики. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1887 г. Ц. 75 к.
- Мельгуновъ, П.** Первые уроки исторіи. (Изъ бесѣды съ учениками). Древній Востокъ. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправл. М. Ц. 1 р. 50 к.
- Минскій, Н. М.** Стихотворенія. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мольеръ, Тартюфъ.** Комедія. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачова. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.
- Монтвидъ-Клеменовъ, Д.** По волнамъ. Разказы и сценки. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Memoires de la comtesse Edling (née Stourdza).** Moscou. Prix 3 r.
- Модестовъ, В. И.** Сочиненія Корнелія Тацита. Русскій переводъ, съ примѣчаніями. Т. II. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Муравинъ, Дм.** Деньги. Разказъ. Спб. 1887 г. Ц. 20 к.
- Никитинъ, В. Н.** Еврей-земледѣльцы. 1807—1887 г. Спб. 1887 г. Ц. 4 р.
- Надсонъ, С. Я.** Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изд. 7-е. Спб. 1888 г. Ц. 2 р.
- Оболенскій, Л. Е.** Последнія поэмы. (Не вошедшія въ 1-й томъ). Спб. Ц. 1 р.
- Ординъ, А.** Конституція Финляндіи. Перев. и дополн. съ примѣчаніями по русскимъ документамъ. Спб. Ц. 1 р.
- Острогорскій, М.** Юридическій календарь на 1888 г. Спб. Ц. 1 р.
- Педагогическія письма.** Изъ писемъ къ 15-ти-лѣтнему юношѣ. Кіевъ. 1887 г. Ц. 1 руб.
- Полный карманный путеводитель по Россіи.** Съ ноябра по май 1888 г. Ц. 50 к.
- Прокофьевъ, А. В.** Коммерческая ариѳметика и торговля операція. Изд. 3-е, исправл. и дополн. М. 1887 года. Цѣна 1 р. 50 к.

Пушминъ, А. С. Сочиненія, съ объясненіемъ ихъ къ сведомъ отзывовъ критики. Изд. Л. Поливанова для семьи и школы. Т. III и IV. М. 1887 г. Ц. т. III—80 к., т. IV—4 р. 75 к.

Разсказы кстаги. М. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.
Розенбахъ, П. Я. Основы діагностики нервныхъ болѣзней. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.

* Русская портретная галлерей. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XVII. Спб. Ц. вып. 2 р.

Сабо, Н. Н. Справочная книга для отбывающихъ воинскую повинность. Харьковъ, 1887 г. Ц. 50 к.

Салиасъ, Е. А., графъ. Камеръ-юнгфера. Повѣсть. М. Ц. 1 р.

Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи. № 1. Спб. 1887 г. Ц. 60 к.

* Смайльсъ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Изд. 3-е, исправл., съ рисунками, картою и приложеніемъ статьи изъ путешествія Вовуара: „Общество и природа въ Австраліи“. Спб. Ц. 1 р. 75 коп.

Соколовъ, А. А. Бородино. Историческій романъ, съ портретами дѣятелей 1812 г. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Спутникъ по Сибири. Иркутскъ. 1887 г. Ц. 50 к.

Сухотинъ, Н. Н. Рѣйды набѣги, наѣзды, поиски конницы въ американской войнѣ 1861—1865 гг. Изд. 2-е. Спб. 1887 г. Ц. 4 р.

Старчевскій, А. В. Наши сосѣди. Справочная книжка. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Тимощенковъ, М. Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. Съ предисловіемъ А. М. Скабичевского. Спб. 1888 г. Ц. 1 р.

Толпыгинъ, М. А. Ежегодникъ по сахарной промышленности Россійской имперіи за 1885—86 гг. Кіевъ. 1887 г. Ц. 3 руб.

Туссънъ и Лангеншейдтъ. Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ. Курсъ 1-й. Спб. 1887 г. Ц. 7 р.

Фомовъ, Н. Къ синтаксису греческаго новозавѣтнаго языка и византійскаго. М. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Цераснй, В. И. Астрономическій фото-метръ и его приложенія. М. 1887 г. Ц. 1 руб.

Czekala, S. Die Helden Homers nebst kürzer Darstellung anderer Sagen des Altertums. Классическое пособіе. М. Ц. 80 коп.

Чернышевъ, Ф. Фауна средняго и верхняго девона западнаго склона Урала (Труды геолог. комитета. Т. III. № 3). Спб. 1887 г. Ц. 6 р.

Чехонте, А. (А. П. Чеховъ). Невняныя рѣчи. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Т. I. Изд. 2-е исправл. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.

Шмальгаузенъ, М. Описаніе остатковъ растеній артинскихъ и пермскихъ отложеній (съ 7-ю таблицами). Спб. 1887 г. Ц. 1 руб.

Шумигорскій, Е. С. Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица-публицистъ. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.

Щеголовъ, Иа. Первое сраженіе. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ярмонинъ, В. Новая система денежнаго обрщенія. Спб. 1887 г. Ц. 20 к.

Ярошъ, Н., проф. Вопросы современной морали. Харьковъ. Ц. 2 р.

*) Изданіи А. С. Суворина.

Магазинъ покорѣйше проситъ предлагать на пересылку выписываемыхъ книгъ приблизительно по вѣсу и разстоянію, при высылкѣ книгъ точный счетъ прилагается магазинномъ.

Магазинъ принимаетъ подписку на журналы и газеты 1888 г. по дѣнамъ редакцій, но только за наличныя деньги.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

„РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ“ НА 1888 Г.

А. С. СУВОРИНА.

(17-й годъ изданія).

Кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній, какъ-то: святцевъ православн., армяно-грегоріанск., римско-католическ., лютеранск., магометанск. и проч., а также астрономическихъ, метеорологическихъ и другихъ свѣдѣній, въ отдѣлѣ «Статистическаго Ежегодника» «Русскаго Календаря» помѣщены повзбѣйшія статистическія данныя: о населеніи—Россіи, земного шара, отд. частей свѣта, городовъ Россіи и Финляндіи; церкни—церковные расходы, распредѣленіе церквей и духовенства по епархіямъ; народномъ здравіи—рождаемость и смертность, заболѣваемость и врачебная помощь; народномъ образованіи—расходы, университеты, учебн. завед. минист. Нар. Пр., средства содержанія учебн. завед., низшія учебныя заведенія, духовно-учебныя заведенія, военно-учебныя заведенія, образованіе въ казачьихъ войскахъ; народной нравственности—судимость по уголовнымъ преступленіямъ, мѣста заключенія; финансахъ—госуд. роспись, поступленіе доходовъ и госуд. расходы, госуд. долгъ, выкупная операція, желѣзнодорожный долгъ; внѣшней торговлѣ—внѣшняя торговля въ 1885 г., таможенный сборъ, внутренняя торговля; о желѣзныхъ дорогахъ, судоходствѣ, судостроеніи, операціи волжнаго пароходства, акціонерныя предпріятія морского пароходства, почта и телеграфъ, о сельскомъ хозяйствѣ и промышленности—повемельная собственность въ царствѣ Польскомъ, лѣсное хозяйство, табаководство, свеклосахарная промышленность, винокуреніе, фабрики, заводы и проч.; о кредитѣ и акціонерномъ дѣлѣ—операціи Государственнаго, Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ, выпускъ цѣнныхъ бумагъ на всемірномъ рынкѣ, операціи страховыхъ обществъ, частныхъ жел. дорогъ (съ таблицей, заслуживающей вниманія денежныхъ людей) и проч. Въ этой же части находятся свѣдѣнія объ иностранныхъ государствахъ, русская лѣтопись и неврологъ.

Второй отдѣлъ календаря „Справочная книжка“, раздѣленный на отдѣлы, соотвѣтствующіе по отдѣламъ наименованіямъ «Статистическаго Ежегодника» календаря, вновь пересмотрѣнъ и дополненъ многими новыми полезными справочными свѣдѣніями.

Цѣна въ бумажной оберткѣ—1 р. 30 к., въ папкѣ—1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к. и въ вязаномъ переплетѣ—1 р. 60 к., съ пересылкой—2 р.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

М. И. ПЫЛЯЕВА.

Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для настоящаго труда служили не одни только русскія и иностранныя сочиненія, но и изустныя разсказы петербургскихъ старожитовъ.

Въ книгѣ 86 рисунковъ въ текстѣ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, изображающихъ петербургскія мѣстности, зданія и типы въ разныя эпохи, а также портреты историческихъ лицъ и бытовыя сцены.

Большая часть рисунковъ, приложенныхъ къ книгѣ и помѣщенныхъ въ текстѣ ея, воспроизведены съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова.

Большой томъ 471 стр. Съ приложеніемъ указателя личныхъ именъ и мѣстностей, зданій и пр. Ц. 8 р., съ перес. 9 р., въ вязаномъ коленкор. тисненомъ золотомъ переп. 9 р. 20 к. съ пересылкой 10 р. 20 к.

Роскошные веленевые экзепляры по 12 р., въ шагреневомъ золотообрѣзномъ переплетѣ 18 р., съ пересылкой 20 р.

1888-й г.

„НУВЕЛЛИСТЪ“

49-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

и

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“.

Съ 1-го Января 1888 года „Нувеллистъ“ вступаетъ въ 49-й годъ своего существованія.

Въ 1888 году «Нувеллистъ» будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадами отъ 30 до 35 страницъ музыки большаго нотнаго формата, что составитъ въ годъ болѣе 400 страницъ избранной музыки.

КАЖДАЯ ТЕТРАДЬ БУДЕТЪ СОДЕРЖАТЬ ВЪ СЕБѢ:

- 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ.
- 2) Одинъ или два танца.
- 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ теченіе года въ «Нувеллистѣ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

- 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи такъ и за границей.
- 2) Музыкально-театральная хроника: отчеты о новыхъ операхъ, концертахъ, театральныхъ пьесахъ и т. д.
- 3) Возможно полный сводъ новостей, касающихся музыки и сценическаго искусства.

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона — въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и «Музыкально-Театральной Газеты», подписчики получаютъ въ декабрѣ мѣсяцѣ:

ПРЕМІЮ

ПОЛНУЮ ОПЕРУ для фортепіано въ 2 руки или другія музыкальныя сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ, и ДВА превосходно исполненныхъ ПОРТРЕТА знаменитыхъ музыкальныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію „НУВЕЛЛИСТЪ“:

съ «Музыкально-Театральною Газетою» и премією 5 руб.
съ доставкою и пересылкою . . . . . 6 руб.

Подписка прикидается:

Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «Нувеллиста» при музыкальной торговлѣ М. БЕРНАРДА, Невскій просп., № 64. Въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ П. Юргенсона, Неглинный провѣздъ, № 10.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

